Карцев Н.
ДК
80
К-22
Общий курс истории XIX в.
Спб., 1910.

S 76/226
82/VW

ВК 80
К 22

Н. КАРѢЕВЪ.

ОБЩІЙ КУРСЪ ИСТОРІИ XIX ВѢКА.

Политическія, соціальныя и національныя движенія.— Экономическое развитіе и смѣны умственныхъ теченій.—Международныя отношенія.

Цѣна 2 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28
1910

ранцузском республики 20го Ноября 1792

О. З.
~~6920~~

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
4048

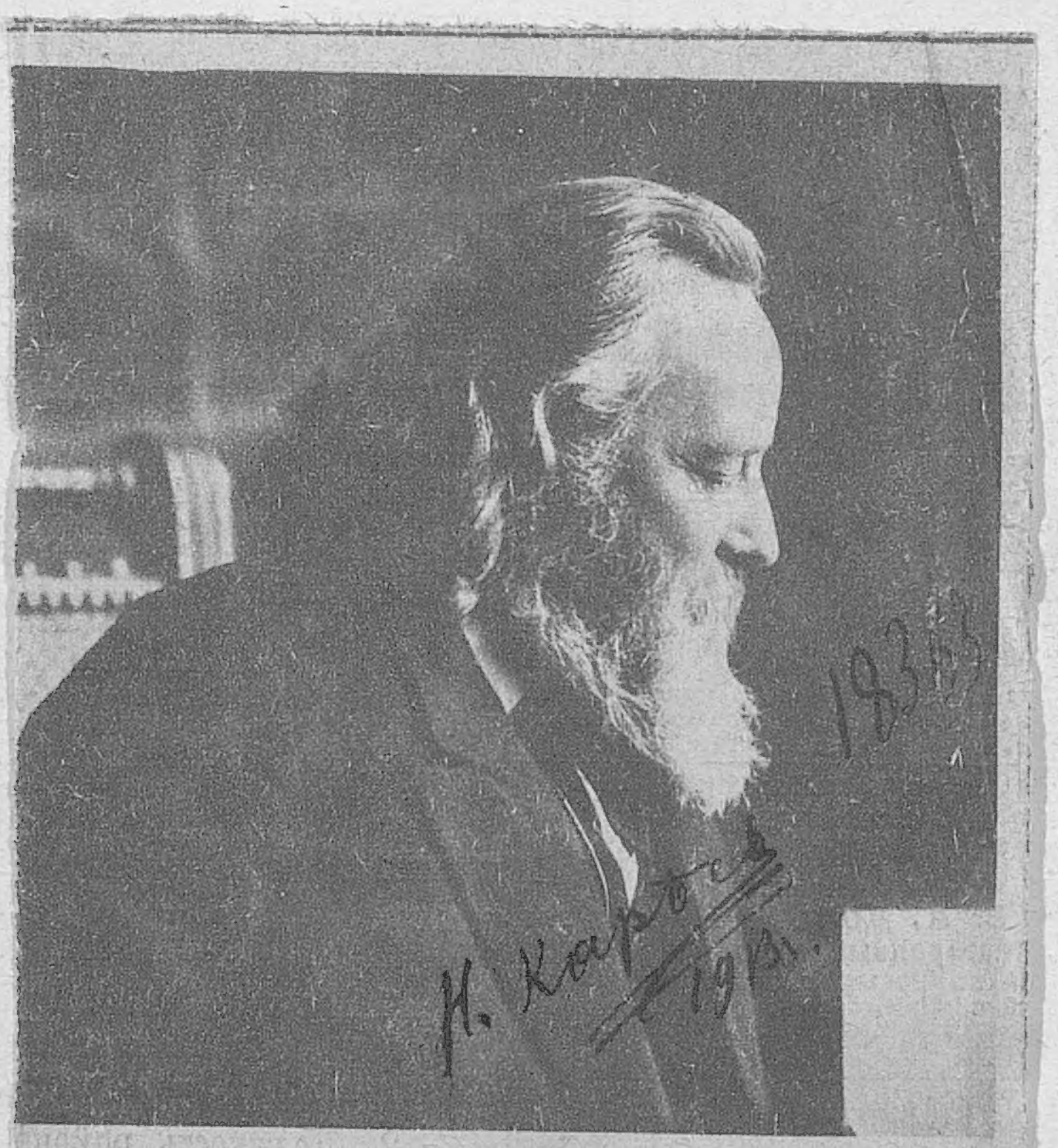
482938

Служащихъ Средне-Азіатской ж. д. Печать библіотеки при управленіи дороги.
18363

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Предисловіе		
I.	Изученіе европейской исторіи XIX в.	1
II.	Вліяніе французской революціи на новѣйшую исторію	19
III.	Войны французской революціи и первой имперіи	31
IV.	Внутреннія измѣненія въ разныхъ странахъ въ наполеоновскую эпоху	51
V.	Общеевропейская реакція	70
VI.	Либеральныя движенія въ эпоху реставраціи	88
VII.	Политика Священнаго союза	111
VIII.	Восточный вопросъ въ первой трети XIX в.	123
IX.	Революціи 1830 г.	134
X.	Экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX в.	155
XI.	Эпоха торжества буржуазіи	177
XII.	Демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ	193
XIII.	Возникновеніе соціализма	210
XIV.	Философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ	230
XV.	Эпоха объединенія политическихъ и соціальныхъ стремленій демократіи	241
XVI.	Національныя движенія первой половины XIX в.	258
XVII.	Реакціонная политика между іюльскою и февральскою революціями и 1848 годъ	278
XVIII.	Февральская революція и вторая республика во Франціи	289
XIX.	Мартовскія революціи въ Германіи и ихъ исходъ	303
XX.	Національныя революціи въ монархіи Габсбурговъ	321
XXI.	Революція 1848—1849 г. въ Италіи	333
XXII.	Побѣда реакціи надъ революціей 1848 г.	341
XXIII.	Научно-философское движеніе середины XIX в.	359
XXIV.	Международная политика временъ второй имперіи	376
XXV.	Національныя войны 1859—1871 гг.	386

	стр.
XXVI. Конституціонныя измѣненія шестидесятыхъ годовъ	402
XXVII. Экономическое развитіе съ середины XIX в.	420
XXVIII. Возрожденіе соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ	436
XXIX. Кризисъ 1870—1871 гг.	452
XXX. Эпоха усиленія милитаризма.	475
XXXI. Международная политика послѣдней трети XIX в.	485
XXXII. Колоніальныя предпріятія европейскихъ державъ и міровая политика	506
XXXIII. Національные вопросы и націонализмъ послѣдней трети XIX вѣка	524
XXXIV. Католицизмъ и борьба съ нимъ свѣтскаго духа въ послѣдней трети XIX в.	539
XXXV. Судьбы демократическихъ стремленій въ послѣдней трети XIX вѣка	558
XXXVI. Рабочее движеніе и соціальная политика послѣднихъ десятилѣтій XIX в.	571
XXXVII. Соціализмъ въ концѣ XIX в.	593
XXXVIII. Главныя умственныя теченія конца XIX в.	608
XXXIX. Главнѣйшія проявленія исторической жизни внѣ Стараго Свѣта въ XIX в.	629
XL. Европеизація болѣе отсталыхъ странъ Стараго Свѣта въ XIX в.	643
ПРИЛОЖЕНІЕ	661



1363

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основу этого „Общаго курса исторіи XIX вѣка“ легли IV, V и обѣ части VI тома моей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, т.-е. четыре отдѣльныхъ книги, изъ которыхъ только одна меньше настоящаго „Общаго курса“ [1]).

Оканчивая работу надъ VI томомъ „Исторіи Западной Европы“, содержащей въ себѣ изложеніе событій послѣдней трети XIX в., я сначала намѣревался написать небольшую книжку, которая по отношенію къ VI т. была бы тѣмъ же, что представляютъ собою „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в.“ для IV и V томовъ и „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“ для первыхъ трехъ томовъ,—двѣ тоже небольшія книжки самаго общаго, резюмирующаго характера. Это намѣреніе я, однако, оставилъ, какъ только опредѣлилось, что въ 1909—1910 академическомъ году мнѣ придется читать и въ Университетѣ, и въ Политехническомъ Институтѣ общій курсъ исторіи XIX в. Составляя программу этого курса,—невполнѣ, впрочемъ, тожественную для обоихъ учебныхъ заведеній,—я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ написать приблизительно по той же программѣ выпускаемую теперь книгу, которая, не будучи точнымъ воспроизведеніемъ моихъ лекцій, могла бы, однако, служить той же, что и онѣ, цѣли.

---

[1]) Въ четырехъ книгахъ «Исторіи Западной Европы» болѣе двухъ съ половиною тысячъ страницъ, т.-е. около 160 печатныхъ листовъ, притомъ нѣсколько бо̀льшаго размѣра и съ больши́мъ количествомъ мелкаго шрифта, такъ что «Общій курсъ» можно считать короче «Исторіи» болѣе, нежели въ четыре раза, особенно если исключить двѣ послѣднія главы «Курса», которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ главъ въ «Исторіи».

Цѣль эта—дать общее и по возможности болѣе широкое представленіе о ходѣ событій и развитіи общественной жизни въ XIX в. и притомъ не въ одной только Западной Европѣ, которой посвящена большая „Исторія“ и которая была также предметомъ самаго курса лекцій. Въ первой же главѣ настоящей книги объяснено, въ чемъ заключается содержаніе курса и на какихъ началахъ основано его построеніе. Въ существующихъ книгахъ подобнаго рода, какъ подробныхъ, такъ и болѣе краткихъ, мы неизмѣнно имѣемъ дѣло почти исключительно съ одною политическою исторіей (внѣшней и внутренней) при полномъ, въ большинствѣ случаевъ, устраненіи исторіи экономической и умственной, а также почти исключительно съ одними конкретными фактами безъ болѣе или менѣе широкихъ обобщеній: въ мой планъ и входило восполнить существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ. Съ другой стороны, всѣ исторіи XIX в. строятся обыкновенно въ видѣ такъ или иначе комбинированныхъ исторій отдѣльныхъ странъ, тогда какъ въ мой планъ входило слѣдить не столько за исторіями отдѣльныхъ странъ, сколько за общимъ ходомъ исторіи въ ея отдѣльныхъ эпохахъ и за развитіемъ однородныхъ событій, движеній и перемѣнъ въ разныхъ странахъ. Подробно это объяснено въ первой главѣ текста книги, и здѣсь остается только прибавить, что для того, кто хотѣлъ бы болѣе систематически прослѣдить исторію той или другой отдѣльной страны въ XIX в., долженъ былъ бы обратиться къ какой-либо иной книгѣ [1]), по которой за то нельзя было бы, наприм., прослѣдить, въ общихъ очеркахъ, экономическую эволюцію XIX в., успѣхи демократіи, развитіе соціализма или смѣны умственныхъ теченій.

Предопредѣляя, чѣмъ должны быть какъ содержаніе, такъ и построеніе курса, я вмѣстѣ съ тѣмъ, когда приступалъ къ работѣ надъ его составленіемъ, отнюдь не имѣлъ въ виду сдѣлать изъ него что-либо въ родѣ распространеннаго учебника, который могъ бы служить и справочнымъ пособіемъ. Какъ въ слушателяхъ моихъ лекцій, такъ и въ чи-

---

[1]) Въ приложеніи къ тексту настоящей книги даются указанія на §§ моей «Учебной книги новой исторіи», по которымъ можно вкратцѣ прослѣдить исторію отдѣльныхъ странъ, и на главы «Исторіи Западной Европы въ новое время», посвященныя болѣе подробному изложенію тѣхъ же частныхъ исторій.

тателяхъ этой книги много все-таки предполагалось и предполагается, хотя бы, такое знакомство съ главнѣйшими фактами исторіи XIX в., какое можно почерпнуть изъ учебника исторіи для средней школы въ размѣрѣ, наприм., моей „Учебной книги новой исторіи“ [1]), излагающей весь XIX вѣкъ въ Западной Европѣ менѣе, нежели на ста страницахъ (стр. 216 — 302). Конечно, мнѣ нельзя было избѣжать повторенія многаго изъ того, что обыкновенно помѣщается и въ учебникахъ, но наиболѣе извѣстное (или предполагаемое таковымъ) я опускалъ либо только вскользь касался такихъ вещей. Моимъ очень твердымъ намѣреніемъ даже прямо было не загромождать изложенія второстепенными подробностями фактовъ, въ особенности же собственными именами лицъ, мѣстностей и т. п., и съ такой точки зрѣнія, быть можетъ, я все-таки далъ ихъ больше, чѣмъ было строго необходимо. Повторяю, „Общій курсъ исторіи XIX вѣка“ не учебникъ и не справочная книга: онъ можетъ служить только дополненіемъ къ учебнику,—болѣе ли элементарному, или болѣе подробному,— ни въ коемъ случаѣ не замѣною учебника, а справочную его сторону я замѣнилъ тѣми указаніями на „Исторію Западной Европы“ и другія мои книги, какія рядомъ со ссылками на учебникъ дѣлаются въ каждой главѣ.

Кого не удовлетворитъ краткость изложенія мною какого-либо вопроса, тотъ въ ссылкахъ на „Исторію Западной Европы“ найдетъ болѣе или менѣе точныя отмѣтки, гдѣ въ ней о чемъ подробнѣе говорится, разъ въ основу самого „Общаго Курса“ положены IV—VI томы „Исторіи“ и разъ мѣстами даже изложеніе въ „Общемъ курсѣ“ представляетъ собою простое сокращеніе изложенія въ „Исторіи“ безъ серьезныхъ передѣлокъ, какимъ, впрочемъ, подверглась бо́льшая часть матеріала, даннаго въ болѣе подробномъ изложеніи: въ смыслѣ полноты „Общій курсъ“ вообще занимаетъ среднее мѣсто между „Учебной книгой“ и „Исторіей Западной Европы“. Кромѣ того, въ ссылкахъ, о которыхъ я говорю, дѣлаются указанія на отдѣльныя главы моей книги „Происхожденіе современнаго народно-правового государ-

[1]) Я нашелъ нужнымъ въ каждой почти главѣ настоящей книги сдѣлать ссылки на соотвѣтствующіе §§ «Учебной книги» для тѣхъ читателей которые, только-что приступая къ изученію исторіи XIX в., быть можетъ, еще недостаточно къ этому подготовлены.

ства“, которыя иногда тоже клались мною въ основу изложенія кое-какихъ мѣстъ въ „Общемъ курсѣ“, но въ которыхъ читатель всегда найдетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о разныхъ политическихъ ученіяхъ, въ особенности же объ отдѣльныхъ конституціяхъ, лишь кратко вообще отмѣчаемыхъ въ „Общемъ курсѣ“ [1]).

Библіографическихъ указаній на историческую литературу о XIX в. я въ этой книгѣ не дѣлаю: она слишкомъ обширна, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто только заглянетъ въ IV—VI томы „Исторіи Западной Европы“ или въ труды Сеньобоса, Лависса-Рамбо и др. Указанія на общія труды по исторіи XIX в. читатель, впрочемъ, найдетъ на стр. 13—16 текста [2]).

Въ заключеніе укажу на то, что одно изъ моихъ намѣреній, касавшихся „Общаго курса исторіи XIX в.“, осталось невыполненнымъ. Именно, я предполагалъ,—но мнѣ не удалось пока это осуществить,—въ видѣ приложенія къ тексту книги прибавить нѣсколько историческихъ картъ по главнѣйшимъ фактамъ XIX в., какіе доступны для картографической иллюстраціи, и алфавитный указатель, какъ именной, такъ и предметный, который облегчалъ бы справки въ IV—VI томахъ „Исторіи Западной Европы“. Это—дѣло будущаго, а здѣсь я только укажу, гдѣ читатель можетъ найти необходимыя для исторіи XIX в. карты. Самыя элементарныя схематическія карты имѣются въ приложеніи къ моей „Учебной книгѣ новой исторіи“, но за болѣе подробными справками нужно обращаться либо къ школьнымъ атласамъ, въ родѣ русскаго, составленнаго бар. Торнау, или нѣмецкаго—Putzger'a, либо, конечно, къ такимъ большимъ атласамъ, каковы Droysen'a, Schrader'a и др. Главный недостатокъ всѣхъ историческихъ атласовъ—тотъ, что въ нихъ почти

---

[1]) Ссылки на «Общій взглядъ» имѣютъ значеніе лишь отмѣтокъ параллельныхъ мѣстъ.

[2]) Къ нимъ можно прибавить помѣченную 1910 г. книгу *проф. Ардашева* «Исторія Западной Европы въ новѣйшее время», изданную въ видѣ дополненія къ «Лекціямъ по всемірной исторіи проф. М. Н. Петрова» съ характеромъ подробнаго и чисто фактическаго учебника, дающаго, кромѣ того, многочисленныя библіографическія указанія. Книгѣ не достаетъ, однако, исторической объективности.

исключительно изображаются территоріальныя измѣненія и нѣтъ, наприм., картъ политическихъ выборовъ, рисующихъ соотношенія партій въ той или другой странѣ въ ту или другую эпоху. Настоящаго историческаго атласа для XIX в., какой я считалъ бы вполнѣ удовлетворительнымъ, пока еще вообще, къ сожалѣнію, не существуетъ.

Н. Карѣевъ.

1 марта 1910 г.

1836 г.

I. Изученіе европейской исторіи XIX в. [1]).

Задача настоящаго курса.—Основныя явленія исторіи XIX в.—Взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ жизни въ этой исторіи. — Историческіе факты мѣстнаго и обще-европейскаго значенія.—Общій взглядъ на единство западно-европейской исторіи. — Дѣленіе исторіи XIX в. на періоды и общій планъ курса. — Общія обработки исторіи XIX в., исторіи отдѣльныхъ странъ или сторонъ жизни и единичныхъ явленій.—Біографическая литература.—Общій взглядъ на непосредственный историческій матеріалъ для изученія XIX в.—Развитіе въ XIX в. научно-историческаго пониманія.

Своею задачею въ этомъ «курсѣ» я ставлю дать краткое и сжатое, но достаточно полное и по возможности всестороннее историческое изображеніе XIX вѣка, называть который прошлымъ вѣкомъ, еще такъ недавно намъ казалось какъ-то страннымъ. Теперь этотъ прошлый вѣкъ у насъ передъ глазами весь, на всемъ своемъ протяженіи, и моимъ намѣреніемъ является дать общій обзоръ его исторіи до самаго его конца, т.-е. почти до самыхъ нашихъ дней и притомъ такой обзоръ, который могъ бы претендовать на полноту, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ главнымъ явленіемъ жизни, характеризующимъ XIX вѣкъ.

Конечно, главнымъ предметомъ этого «курса» будетъ такъ называемая внутренняя исторія, но намъ нельзя будетъ обойтись и безъ исторіи внѣшней, безъ исторіи международныхъ отношеній, безъ войнъ и мирныхъ договоровъ, безъ коалицій и союзовъ, безъ передѣлокъ политической карты, такъ какъ все это—также одна изъ важныхъ сторонъ исторической жизни, имѣю-

---

[1]) Объ изученіи исторіи XIX в. см. главы I, IV и XII четвертаго «Исторіи Западной Европы въ XIX в.», далеко, впрочемъ, не исчерпывающія предмета.

щая значеніе и сама по себѣ, и по своему вліянію на то, что̀ мы называемъ внутренней исторіей.

Далѣе, въ этой внутренней исторіи намъ придется имѣть дѣло съ общественными движеніями разныхъ категорій. Во-первыхъ, насъ должны занимать политическія движенія, совершавшіяся въ XIX столѣтіи. Въ прошломъ вѣкѣ произошелъ цѣлый рядъ революцій въ одномъ общемъ направленіи, данномъ политической жизни французскимъ переворотомъ конца XVIII в. Эти революціи ставили своею цѣлью измѣнить въ духѣ новыхъ идей исторически сложившееся государственное устройство, замѣнить абсолютизмъ народнымъ представительствомъ, сословное общество безсословнымъ гражданствомъ и безправіе отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй индивидуальною и гражданскою свободою. Борьба за блага свободы и равноправія противъ всего, что ихъ отрицало, составляетъ существенное содержаніе политическихъ движеній XIX в., принимали ли они характеръ насильственныхъ переворотовъ, революцій, или совершались въ рамкахъ борьбы легальной, конституціонной, какъ это наблюдается, напр., преимущественно въ исторіи политическихъ реформъ въ Англіи или Швейцаріи.

Рядомъ съ движеніями политическими, беря послѣдній терминъ въ указанномъ болѣе узкомъ смыслѣ, совершались въ XIX в. еще движенія національныя, имѣвшія задачи, отличныя отъ задачъ движеній политическихъ. Здѣсь дѣло шло не о переустройствѣ государства и его отношеній къ гражданамъ, а объ условіяхъ существованія тѣхъ коллективныхъ единицъ, тѣхъ культурныхъ совокупностей, которыя мы называемъ національностями. Цѣлые народы вступили въ XIX вѣкъ политически раздробленными или порабощенными, и это заставляло ихъ стремиться къ государственному объединенію или къ сверженію чужеземной власти. Къ той же самой категоріи явленій относятся и всѣ случаи борьбы національностей въ предѣлахъ одного и того же государства, когда не было и не могло быть мѣста для сліянія въ одно цѣлое разрозненныхъ частей одной и той же націи, либо для борьбы ради достиженія государственной независимости. Наконецъ, цѣлыя народности, бывшія какъ бы умершими духовно, въ томъ же XIX в. возродились для культурной жизни и одна за другою стали пріобщаться къ общему движенію цивилизаціи.

Отъ этихъ двухъ категорій движеній политическихъ и національныхъ нужно отличать третью категорію—движенііі соціальныхъ, получившихъ особую важность съ середины XIX в. Общая

ихъ цѣль — переустройство самого общества въ его классовомъ составѣ, не одного только государства съ его организаціей публичной власти и его отношеніями къ обществу, къ населенію, къ народу. Однимъ изъ историческихъ явленій, особенно характеризующихъ XIX вѣкъ, даже явленіемъ, которому именно XIX вѣкъ и далъ жизнь, мы должны признать соціализмъ: это—такое же порожденіе XIX столѣтія, какимъ былъ гуманизмъ для XIV—XV вв., реформація — для XVI, раціоналистическое «просвѣщеніе» — для XVIII.

Итакъ, среди общественныхъ движеній XIX в. мы должны различать движенія трехъ категорій, и каждая изъ этихъ категорій должна найти свое мѣсто въ нашемъ историческомъ обзорѣ вѣка. Когда, однако, мы говоримъ объ этихъ движеніяхъ—политическихъ, національныхъ и соціальныхъ, мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ отдѣльными рядами историческихъ событій, въ послѣднемъ анализѣ, представляющихъ собою не что иное, какъ совокупности отдѣльныхъ дѣйствій отдѣльныхъ личностей. Всѣ факты исторіи, одинаково и внѣшней, и внутренней,—все, что только мы имѣемъ право называть событіями, какъ, напр., войны и замиренія, революціи и государственные перевороты, преобразованія, и отдѣльные этапы конституціонной борьбы, или народныя возстанія и пр. и пр., — всѣ эти чисто-прагматическіе, какъ ихъ можно называть, факты составляютъ только одну сторону историческаго процесса, какъ такового. У исторіи есть еще другая сторона, именно сторона культурная, въ широкомъ смыслѣ слова, исторія бытовая, т.-е. исторія именно быта, а не событій, исторія формъ жизни, а не человѣческихъ дѣйствій, складывающихся въ событія. И эта сторона историческаго процесса — культурная — должна, конечно, тоже найти мѣсто въ нашемъ изображеніи XIX в.

Выше было отмѣчено, какое важное мѣсто въ прагматической исторіи XIX в. принадлежитъ соціальнымъ движеніямъ, объединившимся подъ знаменемъ соціализма. Вся эта сторона исторіи прошлаго столѣтія осталась бы для насъ совершенно непонятною, если бы мы оторвали ее отъ исторіи тѣхъ измѣненій, какія совершились въ формахъ экономическаго быта. Въ XIX в. произошелъ въ этомъ быту цѣлый рядъ весьма важныхъ перемѣнъ, позволяющій намъ характеризовать его, какъ «индустріальную революцію». Сущность этого промышленнаго переворота состояла въ возникновеніи того, что называется теперь капитализмомъ,

главными же процессами, изъ которыхъ складывается процессъ капиталистическаго развитія, являются ростъ рабочаго пролетаріата на основѣ обезземеленія сельскаго населенія, вытѣсненіе мелкаго производства производствомъ крупнымъ, и замѣна ручного труда машиннымъ. Въ исторіи XIX в. этимъ процессамъ со всѣми ихъ экономическими и соціальными послѣдствіями принадлежитъ чрезвычайно важное мѣсто, что заставляетъ отнестись къ нимъ особенно внимательно.

Измѣнялась въ XIX в. и духовная культура. Конечно, общая исторія не можетъ слѣдить въ отдѣльности за перемѣнами, происходившими въ областяхъ религіи, философіи, науки, литературы, искусства и т. п., но она вмѣстѣ съ тѣмъ и не имѣетъ права обходить молчаніемъ тѣхъ явленій въ умственной исторіи, которыя характеризуютъ цѣлые періоды, какъ господствующія въ нихъ теченія, либо оказываютъ извѣстное вліяніе на другія стороны жизни. Было время, когда именно въ этой сферѣ, въ идеяхъ нашего ума, видѣли если не единственный, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшій, а часто даже и единственный источникъ всѣхъ важныхъ историческихъ перемѣнъ. Нѣмецкій философъ Гегель, бывшій своего рода властителемъ думъ второй четверти XIX в., въ своей «Философіи исторіи» представилъ самую исторію всего человѣчества, какъ процессъ саморазвитія «мірового духа», постепенно приходящаго къ истинному пониманію своей сущности. Гегель былъ типичнѣйшимъ «метафизикомъ», но, съ другой стороны такое же интеллектуалистическое пониманіе исторіи мы находимъ и у врага всякой «метафизики», у основателя позитивной философіи, Конта, учившаго, что каждый общественный строй покоится на мнѣніяхъ и что основнымъ закономъ историческаго процесса является законъ развитія нашего ума. Только въ серединѣ XIX в. была высказана Марксомъ мысль о томъ, что объясненія для каждой эпохи нужно искать не въ ея философіи, а въ ея экономикѣ, не въ головахъ людей, а въ ихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, и что истиннымъ базисомъ общества является экономика, все же остальное въ обществѣ—со всею его «идеологіей»—представляетъ собою не что иное, какъ надстройку. Извѣстно, какою популярностью стала пользоваться къ концу XIX в. эта теорія «экономическаго матеріализма», съ точки зрѣнія котораго источникъ историческихъ перемѣнъ полагается исключительно въ экономической жизни общества.

Такъ какъ въ общемъ курсѣ изъ всѣхъ культурныхъ пере-

мѣнъ представляется возможность и, пожалуй, только и существуетъ надобность — говорить лишь о перемѣнахъ экономическихъ, съ одной стороны, и идейныхъ, съ другой, то я и позволилъ себѣ сейчасъ коснуться этихъ двухъ разныхъ пониманій исторіи: интеллектуалистическаго, или идеологическаго и экономическаго, или матеріалистическаго. Давать имъ здѣсь оцѣнку не входитъ въ мои планы: кого интересуетъ моя точка зрѣнія, можетъ обратиться къ тому, что объ этомъ мною было писано [1]). Я только скажу, что оба указанные взгляда одинаково, съ моей точки зрѣнія, страдаютъ односторонностью, т.-е. что въ каждомъ изъ нихъ есть доля истины, но не вся истина, и что каждый, объясняя хорошо одни факты, оказывается неспособнымъ безъ натяжекъ объяснить другіе. Во всякомъ случаѣ, излагая экономическія и идеологическія перемѣны, совершавшіяся въ XIX в., я не буду считать ни процессъ экономическихъ измѣненій, ни процессъ измѣненій идеологическихъ за основной, изъ котораго можно цѣликомъ вывести все остальное. Исторія не математика. Если эта наука исходитъ изъ нѣсколькихъ самоочевидныхъ истинъ и путемъ простыхъ разсужденій выводитъ изъ нихъ новыя и новыя истины, построяя цѣлый міръ умственныхъ абстракцій, то исторія идетъ уже инымъ путемъ, исходя изъ наблюденій надъ реальными фактами и переходя не отъ болѣе общаго къ болѣе частному, а, наоборотъ, отъ единичныхъ фактовъ къ общимъ заключеніямъ.

Тѣмъ не менѣе, намъ нужно теперь же опредѣлить, въ какія же отношенія слѣдуетъ поставить однѣ къ другимъ тѣ стороны исторіи, которыя мы различили выше, т.-е. 1) международныя отношенія, 2) движенія политическія, 3) національныя, 4) соціальныя и перемѣны какъ 5) въ экономикѣ, такъ и 6) въ идеологіи. Конечно, въ живой ткани исторіи, въ которой все одно съ другимъ переплетается, одно отъ другого зависитъ, одно на другое вліяетъ, можно обособить только умственно, а не реально одну отъ другой эти, такъ сказать, шесть разныхъ ея полосъ. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти категоріи фактовъ прагматическихъ и культурныхъ, или движеній политическихъ, національныхъ и соціальныхъ и т. д. въ этомъ родѣ суть не что иное, какъ созданія нашего ума, облегчающія намъ разбираться съ слиш-

---

[1]) Книга «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ» (1896) и гл. въ книгѣ «Введеніе въ изученіе соціологіи» (2 изд. 1907 г.).

комъ сложной ткани переплетающихся нитей реальной жизни,— такія же фикціи, какъ круги, мысленно проводимые географами на земномъ шарѣ, т.-е. и этотъ экваторъ, и эти тропики или полярные круги, и эта эклиптика, и эти меридіаны. Нѣтъ въ дѣйствительности такихъ особыхъ сущностей или вещей, какъ политика или культура, какъ экономика или идеологія и т. п., но всѣ эти понятія намъ нужны, какъ нужны географу экваторъ или тропики.

Въ дѣйствительной исторической жизни все слито, все смѣшано, переплетено, спутано, все находится во взаимодѣйствіи, какъ въ организмѣ, хотя мы и въ немъ различаемъ особыя «системы» костяка, мышцъ, кровеносныхъ сосудовъ, нервовъ. Въ исторіи прагматическіе факты, т.-е. событія, порождая другія такія же событія, вмѣстѣ съ тѣмъ влекутъ за собою и разныя культурныя слѣдствія, т.-е. производятъ бытовыя измѣненія, да и сами испытывая на себѣ вліяніе со стороны культурныхъ формъ. Вмѣстѣ съ этимъ культурныя измѣненія обусловливаютъ и ходъ событій. Здѣсь мы постоянно наблюдаемъ то, что называется взаимодѣйствіемъ: въ исторіи нѣтъ двухъ параллельныхъ процессовъ — прагматическаго и культурнаго, а есть одинъ культурно-прагматическій процессъ. Такое же взаимодѣйствіе наблюдается и между внѣшней и внутренней исторіей, или также между стремленіями и интересами политическаго, національнаго и соціальнаго содержанія т. д. Вотъ это-то взаимодѣйствіе политики, экономики, идеологіи и пр. и пр. въ исторической жизни XIX в. мнѣ и хотѣлось бы изобразить въ своемъ «курсѣ», насколько, разумѣется, это возможно сдѣлать въ самомъ краткомъ построеніи. Во всякомъ случаѣ, общее представленіе о такомъ взаимодѣйствіи должно явиться въ результатѣ отъ всего этого построенія, которое, повторяю еще разъ, должно быть только рядомъ выводовъ изъ обобщенныхъ фактовъ, отнюдь не заполненіемъ апріорной схемы подходящимъ къ ней содержаніемъ.

Остановлюсь еще на другой сторонѣ дѣла. Историческій міръ состоитъ изъ нѣсколькихъ націй, или государствъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою исторію, отличную отъ другихъ исторій, какъ каждый человѣкъ имѣетъ свою біографію. Всемірная исторія есть, на первый взглядъ, только простая сумма такихъ частныхъ, или національныхъ исторій, на самомъ же дѣлѣ она есть, однако, нѣчто большее. Во-первыхъ, между отдѣльными націями, или государствами происходятъ сношенія и

возникаютъ разныя отношенія, позволяющія говорить о взаимодѣйствіяхъ отдѣльныхъ странъ, а во-вторыхъ,—и это я особенно подчеркиваю,—на почвѣ и этого взаимодѣйствія, и болѣе близкаго сосѣдства, одинаковости или сходства внѣшнихъ условій, однихъ и тѣхъ же историческихъ вліяній, въ жизни нѣсколькихъ странъ наблюдаются нѣкоторыя общія явленія, которыя именно, какъ таковыя, и могутъ сдѣлаться главнымъ предметомъ изученія.

Весьма естественно, что въ исторіи XIX в. почти весь ея интересъ сосредоточивается на Европѣ, какъ на части свѣта, въ которой совершалось наиболѣе богатое фактами, наиболѣе быстрое и плодотворное историческое развитіе. Но сама Европа есть не что иное, какъ Англія + Франція + Германія + Швейцарія + Италія и другія страны, большая часть которыхъ (именно весь Западъ) уже давно живетъ общею историческою жизнью. Эту исторію Западной Европы въ XIX в. мы можемъ построить двоякимъ образомъ, т.-е. или какъ исторіи Англіи *плюсъ* Франціи *плюсъ* Германіи и т. п. съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на все то, что составляетъ индивидуальныя особенности въ прошломъ каждой страны, или же исторію тѣхъ явленій, которыя болѣе или менѣе общи всѣмъ этимъ странамъ, причемъ все особенное, все характеризующее историческую физіономію отдѣльныхъ странъ, само собою должно отходитъ на задній планъ.

Мое намѣреніе въ настоящемъ «курсѣ» — идти вторымъ путемъ, и на это мнѣ дается право тѣмъ обстоятельствомъ, что главнѣйшія, наиболѣе характерныя для XIX в. событія и движенія выходятъ изъ рамокъ частныхъ исторій, получая, такимъ образомъ, значеніе универсальное. Да и самый объемъ, въ которомъ задуманъ и только можетъ быть выполненъ этотъ «курсъ», допускаетъ лишь подобное построеніе. Для того, чтобы познакомить ребенка съ китомъ, слономъ, львомъ, лошадью, собакой, кошкой и т. п., нужно детально описать каждое изъ этихъ млекопитающихъ, для чего, конечно, нужно больше времени, нежели чтобы дать ему общее понятіе о строеніи млекопитающихъ вообще. Такъ вотъ и здѣсь, т.-е. въ нашемъ случаѣ: если бы я задумалъ написать общую исторію, какъ сумму частныхъ, мнѣ нужно было бы на каждой частной исторіи остановиться гораздо подробнѣе, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать, ограничивъ себя извѣстными рамками, общая же исторія въ смыслѣ разсматриванія только явленій, общихъ многимъ странамъ, позволяетъ оставить внѣ поля зрѣнія массу фактовъ, которые, имѣя, быть можетъ,

очень большое значеніе для данной національности, не играютъ большой роли въ томъ, что называется общимъ ходомъ исторіи.

А онъ, этотъ общій ходъ исторіи, какъ-никакъ, для европейскаго Запада, существуетъ, и его изученіе можетъ быть предметомъ особаго научнаго заданія.

Съ самаго начала исторіи западно-европейскихъ націй въ основѣ ихъ развитія лежали общность и единство, проходящія потомъ красною нитью и черезъ всѣ послѣдующія времена. Начало исторіи указанныхъ народовъ слѣдуетъ искать въ Западной Римской имперіи, въ провинціяхъ которой полторы тысячи лѣтъ тому назадъ разными германскими племенами былъ основанъ рядъ такъ наываемыхъ варварскихъ государствъ. Во всѣхъ этихъ государствахъ одновременно совершался одинъ и тотъ же процессъ—взаимнаго проникновенія и взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ началъ быта, а временное соединеніе большей части этихъ странъ въ огромную монархію Карла Великаго, въ свою очередь, наложило на нихъ нѣкоторую общую печать. Тотъ же результатъ имѣло и религіозное объединеніе западно-европейскихъ націй подъ главенствомъ римскаго первосвященника. По мѣрѣ того, какъ историческая жизнь возникала въ другихъ странахъ Запада, и онѣ также постепенно одна за другою примыкали къ этому историческому міру, выросшему на развалинахъ Римской имперіи и объединенному католическою церковью. Послѣ распаденія имперіи Карла Великаго вездѣ мало-по-малу установилось своеобразное государственное и общественное устройство, извѣстное подъ названіемъ феодализма. Есть, конечно, феодализмъ и феодализмъ: англійскій феодализмъ не похожъ на французскій, французскій многими чертами отличается отъ германскаго, у этого есть свои особенности сравнительно съ итальянскимъ, но вездѣ это все-таки феодализмъ, представляющій въ своей основѣ одну и ту же историческую основу. Вездѣ, равнымъ образомъ, на почвѣ феодальнаго быта въ эпоху возрожденія городового быта, бывшаго долго въ упадкѣ послѣ разрушенія Римской имперіи, возникли послѣ крестовыхъ походовъ,—въ которыхъ тоже выразилось единство Запада,—разныя сословно-представительныя учрежденія, каковыми были кортесы въ королевствахъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, парламентъ въ Англіи, генеральные штаты во Франціи, ландтаги въ отдѣльныхъ княжествахъ Германіи и пр. и пр. Ихъ, эти учрежденія, тоже можно сравнивать между собою и при всѣхъ различіяхъ, какія обнару-

живаются при такомъ сравненіи, можно говорить тѣмъ не менѣе о повсемѣстномъ существованіи на Западѣ такъ называемой сословной монархіи, какъ тоже особой, своеобразной политической формы, общей въ извѣстную эпоху всѣмъ западно-европейскимъ націямъ. Извѣстно далѣе, что эти націи имѣли единую духовную культуру въ видѣ средневѣкового католицизма, бывшаго не только вѣроисповѣдною формою, но и цѣлымъ міросозерцаніемъ, объединявшимъ всѣ высшія проявленія духовной жизни и умственнаго творчества — и философію, и моральныя или политическія идеи, и науку, и искусство западно-европейскихъ народовъ. По мѣрѣ культурнаго роста этихъ націй онѣ все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени черпали изъ общаго источника своей цивилизаціи, т.-е. изъ античности, были ли это такъ называемая рецепція римскаго права или такъ называемое возрожденіе наукъ и искусствъ. Классическій ренессансъ, которымъ мы привыкли отдѣлять новое время отъ среднихъ вѣковъ, былъ тоже явленіемъ общимъ для всей Западной Европы, въ основѣ коего лежали неудовлетворенность средневѣковымъ католицизмомъ, исканіе новаго міросозерцанія. Какія черты различія мы ни обнаруживали бы между гуманизмомъ въ Италіи, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, вездѣ это былъ гуманизмъ, заключавшій въ себѣ секуляризацію мысли и жизни, стремленіе къ ихъ освобожденію отъ теократическаго ига и идеаловъ аскетизма.

Переходя къ болѣе близкимъ вѣкамъ, мы наблюдаемъ то же самое. Религіозная реформація XVI в., подготовленная еще движеніями въ церковной жизни двухъ предшествовавшихъ столѣтій, охватила собою весь европейскій Западъ, и такимъ же общимъ явленіемъ была потомъ реакція католицизма. Равнымъ образомъ, повсемѣстно въ эту же эпоху религіозныхъ междуусобій и войнъ, въ сферѣ политическихъ отношеній мы замѣчаемъ почти одновременно вымираніе сословно-представительныхъ учрежденій и развитіе королевскаго абсолютизма, достигающаго своей кульминаціонной точки особенно въ XVII вѣкѣ. Общими же явленіями и въ слѣдующемъ столѣтія были, съ одной стороны, новая секуляризація мысли, нашедшая свое выраженіе въ раціоналистическомъ «просвѣщеніи» вѣка, даже получившаго названіе «философскаго», съ другой, выступленіе самого абсолютизма на путь прогрессивныхъ реформъ, позволяющее намъ говорить объ особой эпохѣ «просвѣщеннаго абсолютизма». Я могъ бы продолжить этотъ бѣглый обзоръ главныхъ моментовъ общаго хода западно-европейской исторіи,—самъ

по себѣ далеко еще неполный,—но считаю и сказаннаго совершенно достаточнымъ для того, чтобы доказать право говорить о такомъ общемъ ходѣ и кстати показать при этомъ, что общность и единство въ исторіи XIX в. на Западѣ, подлежащія нашему изученію, имѣютъ очень старое происхожденіе, коренясь своими основами въ весьма далекомъ историческомъ прошломъ. Подобно тому, какъ для всего предыдущаго времени въ историческомъ развитіи Запада мы можемъ оперировать надъ общими явленіями, каковы феодолизмъ, католицизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ, абсолютизмъ, «просвѣщеніе» (въ спеціальномъ значеніи слова) и т. д., совершенно такимъ же образомъ въ исторіи XIX в. мы можемъ изучать его обще-европейскія явленія въ родѣ конституціонализма, либерализма, радикализма, капитализма, социализма, націонализма, романтизма, позитивизма и пр. и пр. Конечно, и здѣсь нѣчто общее многимъ странамъ всегда видоизмѣнялось въ зависимости отъ условій мѣста, и напр., въ соціализмѣ существуютъ такія же національныя различія, какія въ старыя времена наблюдаются, напр., въ феодализмѣ или въ гуманизмѣ, но это не мѣшаетъ намъ, конечно, находить въ каждомъ данномъ явленіи извѣстныя общія черты, вмѣстѣ съ тѣмъ составляющія и его основные признаки. Понятно, съ другой стороны, что та страна, гдѣ эти основные признаки общаго явленія выражены были особенно выпукло или которая въ исторіи даннаго явленія играла первенствующую роль, заслуживаетъ и съ общей точки зрѣнія бо́льшаго вниманія, и это, между прочимъ, можетъ прямо насъ заставлять для большей конкретности общихъ характеристикъ иллюстрировать тѣ или другія отвлеченныя положенія примѣрами, взятыми изъ исторіи именно такой страны, гдѣ изучаемое явленіе нашло наиболѣе полное или рѣзкое выраженіе. Какъ при общей характеристикѣ феодализма можно имѣть въ виду, напр., преимущественно французскую его разновидность или при изученіи сущности гуманизма основываться главнымъ образомъ на гуманизмѣ итальянскомъ, такъ и въ исторіи XIX в. общія положенія о возникновеніи и развитіи, напр., капитализма позволительно иллюстрировать фактами, взятыми изъ экономической исторіи одной Англіи, или говоря о либерализмѣ вообще, основываться больше всего на данныхъ изъ исторіи Франціи. Замѣчу вообще, что изъ фактическаго матеріала я и буду въ своемъ изложеніи останавливаться именно на такихъ типическихъ явленіяхъ, какъ на конкретныхъ примѣрахъ, могущихъ дать общее

представленіе и обо всѣхъ другихъ однородныхъ частныхъ случаяхъ.

Разсматривая исторію Европы въ XIX в., какъ одно цѣлое, мы можемъ, далѣе расчленить это цѣлое на отдѣльные періоды, отграниченные одни отъ другихъ особенно важными событіями, оказавшими особенно сильное вліяніе на слѣдовавшія за ними эпохи. Первымъ такимъ событіемъ слѣдуетъ признать крушеніе, въ 1814—1815 гг., имперіи Наполеона I, за которымъ послѣдовала такъ называемая эпоха реставраціи. Вмѣстѣ оба періода составляютъ первую треть XIX в., каждый занимая по полтора десятка лѣтъ. Въ 1830 г. въ Парижѣ произошла революція, извѣстная подъ именемъ іюльской, революція, оказавшая вліяніе и на другія страны, равно какъ и на международную политику. Наступившую за этимъ переворотомъ эпоху принято называть временами іюльской монархіи, охватывающими восемнадцать лѣтъ—до 1848 г., когда почти вся Западная Европа пережила очень бурную революцію, подобной которой ни до этого, ни послѣ этого до нашихъ дней еще не было на столь обширномъ пространствѣ, въ такомъ большомъ количествѣ странъ. Съ этимъ грандіознымъ и сложнымъ движеніемъ, бывшимъ одновременно и политическимъ, и соціальнымъ, весьма скоро и притомъ повсемѣстно справилась реакція, нашедшая свое воплощеніе, между прочимъ, во второй имперіи во Франціи. Если выдѣлить въ особый періодъ два послѣднихъ года изъ сороковыхъ и три первыхъ изъ пятидесятыхъ, т.-е. отъ февральской революціи 1848 г. до возстановленія имперіи во Франціи въ 1852 г., то на эпоху послѣдней приходится восемнадцать лѣтъ между 1852 и 1870 гг. Наконецъ, франко-германская война 1870—71 г. была послѣднимъ въ XIX в. крупнымъ событіемъ, съ котораго начался новый историческій періодъ. Такимъ образомъ, мы можемъ расчленить наше изложеніе хронологически на слѣдующіе періоды: наполеоновскую эпоху до 1815 г., реставрацію до 1830 г., іюльскую монархію до 1848 г., 1848 г. и годы начала реакціи до 1852 г., вторую имперію до 1870 г. и, наконецъ, послѣднюю треть вѣка, за которою еще не утвердилось никакого общепризнаннаго названія. Нужно, однако, прибавить, что въ интересахъ экономіи мѣста въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ придется разсматривать совмѣстно разные факты однѣхъ и тѣхъ же категорій, соединяя воедино разныя эпохи, и даже иногда возвращаться назадъ, когда будетъ надобность въ такихъ фактахъ, которые въ своемъ мѣстѣ умышленно были обойдены.

Напр., имѣя въ виду, что соціальное движеніе въ народныхъ массахъ началось лишь послѣ 1830 г., когда впервые въ XIX в. пролетаріатъ сталъ себя обособлять отъ буржуазіи, я нашелъ нужнымъ не говорить въ изложеніи исторіи первой трети XIX в. не только о родоначальникахъ соціализма, но даже и объ индустріальной революціи, отложивъ разсмотрѣніе обѣихъ этихъ темъ уже до третьяго періода XIX в., въ которомъ соціализмъ сталъ распространяться въ массахъ. Равнымъ образомъ, я призналъ болѣе удобнымъ дать мѣсто разсмотрѣнію національныхъ движеній первой половины XIX в. вообще непосредственно почти передъ отдѣломъ, посвященнымъ революціи 1848 г.

Въ этомъ «курсѣ» мнѣ приходится не въ первый разъ печатно излагать исторію XIX в. Въ самую основу настоящей книги положенъ довольно обширный историческій матеріалъ, собранный мною въ четырехъ большихъ книгахъ, составляющихъ IV, V и двѣ части VI томовъ моей «Исторіи Западной Европы въ новое время», къ которымъ я и позволяю себя отсылать читателя за болѣе подробнымъ изложеніемъ отдѣльныхъ событій, движеній, явленій и вопросовъ. Въ этихъ же томахъ читатель найдетъ также подробныя указанія на литературу, а въ иныхъ случаяхъ и историіографическіе очерки. Когда мною написаны были IV и V томы названнаго труда, я попробовалъ ихъ резюмировать въ небольшой книжкѣ «Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка», имѣя въ виду не столько самые факты, сколько общіе выводы, характеризующіе какъ общій ходъ исторической эволюціи XIX в., такъ и отдѣльные его моменты. Наконецъ, третье изложеніе исторіи первыхъ двухъ третей XIX в., но болѣе фактичное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обширное, нежели въ «Общемъ взглядѣ», представляетъ собою вторая половина книги «Происхожденіе современнаго народноправового государства», останавливающейся, однако, почти исключительно на политическихъ учрежденіяхъ и идеяхъ, въ частности на содержаніи отдѣльныхъ конституцій и притомъ съ такою иногда степенью подробности, какой не можетъ быть въ настоящемъ «курсѣ» [1]).

[1]) На параллельныя мѣста какъ «Общаго взгляда»,—до извѣстной степени, впрочемъ, поглощаемаго настоящимъ курсомъ,—такъ и «Народноправового государства», во многихъ отношеніяхъ могущаго его дополнять, дѣлаются такія же указанія, какъ и на главы «Исторіи Западной Европы». Говоря въ текстѣ о трехъ своихъ изложеніяхъ исторіи XIX в., я не упо-

Скажу теперь коротко объ исторической литературѣ, посвященной XIX вѣку, подробныя указанія на которую, кромѣ IV—VI томовъ моей «Исторіи Западной Европы», можно найти еще у *Лависса и Рамбо* или у *Сеньобоса* [1]).

Первымъ большимъ трудомъ (въ 8 томахъ) по общей исторіи XIX в. была извѣстная «Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts» Гервинуса, выходившая въ свѣтъ въ 1856—1866 г., но доведенная только до 1830 г. Послѣ Гервинуса никто не предпринималъ столь обширнаго труда по исторіи прошлаго столѣтія, если не считать цюрихскаго профессора, Альфреда Штерна, который въ 1894 г. выпустилъ въ свѣтъ первый томъ расчитанной на десять томовъ, но далеко еще не доведенной до конца «Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871». Общихъ исторій XIX в. меньшаго объема теперь довольно много на разныхъ языкахъ (между прочимъ, значительная ихъ часть переведена и по-русски), такъ что желающему познакомиться съ исторіей прошлаго столѣтія остается только выбирать то или другое изъ цѣлаго ряда книгъ [2]), но еще не такъ сравнительно

мянулъ о четвертомъ, самомъ короткомъ и элементарномъ—въ «Учебной книгѣ новой исторіи», къ отдѣльнымъ §§ которой тоже позволяю себя отсылать читателей, впервые знакомящихся съ предметомъ.

[1]) *Lavisse et Rambaud.* Histoire générale du IV siècle à nos jours. Посвященные исторіи XIX в. томы (8—12) этого труда, составленнаго многими авторами, существуютъ въ русскомъ переводѣ, равно какъ есть, даже въ нѣсколькихъ переводахъ, книга *Seignobos'a* «Histoire politique de l'Europe contemporaine».

[2]) Въ русскихъ переводахъ имѣются многія общія исторіи XIX в. Названный въ текстѣ трудъ *Гервинуса*, теперь, конечно, устарѣлый, непосредственно примыкаетъ къ устарѣлой также «Исторіи XVIII столѣтія и XIX до паденія Французской имперіи» *Шлоссера,* ученикомъ котораго былъ Гервинусъ. Кромѣ того, имѣются переводы съ разныхъ языковъ слѣдующихъ книгъ, называемыхъ въ алфавитномъ порядкѣ: *Г. Веберъ.* Всеобщая исторія, томы 14 и 15.—*Гельмольтъ.* Исторія человѣчества.—*Гонешеръ.* Исторія культуры XIX в.—*Лависсъ и Рамбо.* Исторія XIX в. (послѣдніе томы «Histoire générale»). — *А. Дебидуръ* Политическая XIX в. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1878 г. (вышелъ I томъ). — *Отто Лейкснеръ.* Нашъ вѣкъ. — *Э. Марешаль.* Исторія девятнадцатаго вѣка, 1799—1899. — *Ш. Сеньобосъ* Политическая исторія современной Европы (нѣсколько переводовъ и не въ одномъ изданіи; лучшій подъ ред. *В. А. Поссе.*) — *Ш. Сеньобосъ и А. Метенъ.* Новѣйшая исторія съ 1815 г. — *А. Торсое.* Исторія нашего столѣтія, 1815—1899. — *Файфъ.* Исторія Европы вв XIX вѣкѣ (три тома). — *М. Эндрьюсъ.* Историческое развитіе современной Европы съ вѣнскаго кон-

давно литература по исторіи XIX в. была крайне бѣдна. Въ мои студенческіе годы на русскомъ языкѣ имѣлась одна только книга Лоренца, крайне, въ общемъ, недостаточная и притомъ доведенная лишь до 1856 г., такъ что о послѣдующемъ времени большинству читателей и не откуда было что-либо узнать. И въ западныхъ литературахъ дѣло было не лучше. Когда я готовился къ своему первому университетскому курсу, предметомъ котораго была какъ разъ исторія XIX в.,—это было въ 1879 г.,—чуть не единственнымъ серьезнымъ компендіемъ по исторіи XIX в. была «Geschichte der neuesten Zeit» Булле. Въ послѣднія десятилѣтія XIX в. одна за другою стали появляться на разныхъ языкахъ новыя и новыя обработки исторіи прошлаго столѣтія и какъ самостоятельныя сочиненія, и какъ отдѣльныя части болѣе крупныхъ изданій. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., книга Сеньобоса, разсматривающая, впрочемъ, лишь политическія партіи и учрежденія, или коллективная «Histoire générale» Лависса и Рамбо, излагающая и исторію внѣевропейскихъ странъ, пріобрѣли заслуженную извѣстность. Къ сожалѣнію, во многихъ трудахъ по XIX в. царитъ шаблонъ, иногда даже съ преобладаніемъ внѣшней исторіи надъ внутренней. Между прочимъ, въ большей части этихъ исторій или вполнѣ отсутствуетъ или очень плохо разработана экономическая и соціальная исторія, по которой между тѣмъ существуетъ большая литература.

Кромѣ работъ по общей исторіи XIX в., имѣется еще весьма обширная литература по исторіи отдѣльныхъ странъ или на всемъ протяженіи столѣтія, или, какъ это чаще бываетъ, въ тѣ или другіе

гресса до нашего времени.—Въ нѣмецкой исторической литературѣ можно назвать еще нѣсколько трудовъ, каковы, кромѣ нѣкоторыхъ (послѣднихъ) томовъ коллекціи *Oncken'a* и названныхъ въ текстѣ трудовъ *Bulle* и *A. Stern'a*, главнымъ образомъ: *G. Egelhaaf.* Geschichte der neuesten Zeit vom Frankfurter Frieden bis zur Gegewart.—*Flathe.* Geschichte der neuesten Zeit.—*O. Jäger.* Versuch einer Darstellung neuester Geschichte. — *Otto Kaemmel.* Illustrierte Geschichte der neuesten Zeit. — *L. Stacke.* Neueste Geschichte, 1815 — 1900.—Въ «*Ulsteins* Weltgeschichte, herausgegeben von *Pflugk—Hartung*» томъ подъ заглавіемъ «Geschichte der Neuzeit: das nationale und soziale Zeitalter seit 1815» (разныхъ авторовъ съ богатыми иллюстраціями).—The Cambridge modern history (съ 8 тома). На русскомъ языкѣ можно еще указать лишь «Очерки новѣйшей исторіи» *И. Григоровича,* образовавшіеся изъ лекцій въ Военной академіи генеральнаго штаба съ содержаніемъ исключительно политическимъ, и элементарный «Учебникъ новѣйшей исторіи для школы и самообразованія» *К. А. Иванова.*

періоды. Въ этой сильно разросшейся за послѣднее время литературѣ, въ которой можно отмѣтить и цѣлыя коллекціи отдѣльныхъ странъ [1]), есть и небольшія популярныя книжки, и объемистые, иногда многотомные труды, компиляціи и самостоятельныя изслѣдованія, нерѣдко написанныя недюжинными историками. Главнымъ недостаткомъ исторій отдѣльныхъ странъ въ XIX в., а нерѣдко и общихъ обзоровъ, являются національныя пристрастія, принимающія нерѣдко въ такихъ случаяхъ характеръ настоящаго шовинизма или чуть не оффиціальнаго панегиризма. Политическія злобы дня, національныя антипатіи, партійныя разногласія и т. п. кладутъ свою ненаучную печать и на подборъ фактовъ, и на ихъ освѣщеніе.

Историческая литература, относящаяся къ XIX в., заключаетъ въ себѣ и массу трудовъ по отдѣльнымъ сторонамъ жизни, какъ напр., по государственному устройству европейскихъ странъ, по ихъ экономическому развитію, по исторіи религіи и церкви, по исторіи философіи, наукъ, литературы, по исторіи политическихъ, моральныхъ и экономическихъ ученій, по крестьянскому и рабочему вопросамъ, по соціализму, по успѣхамъ техники, по международному праву, по колоніальнымъ предпріятіямъ и пр. и пр. Кромѣ общихъ курсовъ, компендіевъ и т. п., въ этой неизмѣримо громадной литературѣ существуетъ также великое множество работъ монографическаго характера объ отдѣльныхъ событіяхъ; даже объ отдѣльныхъ эпизодахъ, тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, реформахъ, законахъ, о разныхъ крупныхъ и мелкихъ вопросахъ политики и культуры.

Громадные размѣры приняла и біографическая литература о

---

[1]) См., напр., большую коллекцію *Бидермана* и *Гирцеля* «Staatengeschichte der neuesten Zeit», въ которой исторія Австріи написана *Шпрингеромъ*, Англіи — *Паули*, Италіи — *Рейхлиномъ*, Франціи — *Рохау* (послѣдняя, доводящая читателя лишь до 1852 г. переведена по-русски). Во французской Bibliothèque contemporaine въ небольшихъ, но компактныхъ томикахъ исторіи Англіи и Испаніи обработаны *Рейнальдомъ*, Австріи—*Асселиномъ*, Венгріи *Сайу*, Италіи — *Сореномъ* (есть въ русскомъ переводѣ), Пруссіи—*Вероном*ъ и т. д. Въ русской коллекціи подъ общимъ заглавіемъ «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ» (изд. Брокгауза-Ефрона) спеціально исторіи XIX в. посвящены книжки объ Англіи *П. Г. Мижуева*, о Германіи *А. К. Дживелегова*, Франціи моя и готовятся къ печати другія. Въ этой коллекціи есть также исторіи отдѣльныхъ странъ и на всемъ ихъ протяженіи, въ которыхъ XIX вѣку, конечно, отводится лишь очень немного мѣста.

наиболѣе вліятельныхъ и о менѣе важныхъ дѣятеляхъ XIX вѣка на разныхъ поприщахъ жизни, причемъ нерѣдко біографія сливается съ исторіей эпохи, когда рѣчь идетъ, напр., о такихъ лицахъ, какъ Наполеонъ, баронъ Штейнъ, Меттернихъ, Гизо, Бисмаркъ, Биконсфильдъ, Гладстонъ и т. п., если только ограничиваться государственными людьми. Иногда такія біографіи входятъ въ составъ цѣлыхъ коллекцій въ родѣ нашей Павленковской, нѣкоторыя книжки которой могутъ служить недурнымъ источникомъ историческихъ знаній для начинающихъ ближе знакомиться съ исторіей XIX в.

Что касается до непосредственнаго историческаго матеріала для XIX в., то онъ колоссаленъ. Развитіе въ этомъ столѣтіи періодической прессы дѣлаетъ изъ газетъ и журналовъ неизсякаемый источникъ всевозможныхъ фактовъ. Недавно одинъ нѣмецкій ученый, Эгельгаафъ, даже издалъ цѣлую исторію послѣдней трети XIX в., написанную почти исключительно на основаніи систематически имъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собиравшихся газетныхъ извѣстій. Кромѣ газетъ и журналовъ, изо дня въ день или изъ мѣсяца въ мѣсяцъ слѣдящихъ за движеніемъ жизни, имѣются разные ежегодники, представляющіе собою собранія непосредственнаго историческаго матеріала [1]). Развитіе въ XIX в. гласности не даетъ залеживаться въ архивахъ даже дипломатическимъ документамъ, собранія которыхъ публикуются въ книгахъ, обозначаемыхъ по обычаю чуть ли не всѣми цвѣтами радуги, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оглашаются разные оффиціальные документы, касающіеся таже и внутреннихъ отношеній. Пренія въ представительныхъ собраніяхъ стенографируются и печатаются, равно какъ и отчеты разныхъ коммиссій, всевозможныя анкеты и т. п. Непосредственнымъ же историческимъ матеріаломъ наполнены еще разныя статистическія изданія, описанія всякихъ явленій текущей современности, отчеты многочисленныхъ акціонерныхъ обществъ, партійныя программы, пренія и резолюціи партійныхъ съѣздовъ, переписки, мемуары, разоблаченія,—всего не перечтешь, равно какъ вся литература художественная, публицистическая, научная, и философская. Конечно, многое и притомъ весьма

---

[1]) Ежегодниками, въ которыхъ излагаются политическія событія, являются англійскій «Annual Register», французскіе «Annuaire universel historique» (до 1861 г.), «Annuaire des Deux Mondes» (до 1870) и «L'année politique» (съ 1874 г.) и нѣмецкій «Europaeischer Geschichtskalender» (съ 1860 г.) и т. п.

важное составляетъ до поры, до времени тайну, въ которую посвящены лишь избранные, и объ этомъ многомъ важномъ современники ничего не знаютъ, но то, что можно знать, регистрируется и публикуется, такъ что на недостатокъ сырого матеріала исторіи, на неизвѣстность, гдѣ его искать, на его недоступность будущіе историки уже не будутъ имѣть права жаловаться, какъ нерѣдко теперь жалуемся мы, когда хотимъ знать о болѣе отдаленныхъ временахъ.

На разработкѣ исторіи XIX в. отразился и весь прогрессъ самой исторической науки въ этомъ вѣкѣ. Въ началѣ его еще говорили объ «историческомъ искусствѣ», т.-е. объ исторіи, какъ искусствѣ, причемъ придумывали тѣ или другія разграничительныя черты между исторіей и другимъ наиболѣе ей родственнымъ искусствомъ—поэзіей. Для конца XIX в. такой взглядъ былъ уже давно пережитой точкой зрѣнія: исторія не искусство, а наука, и разграничительную черту приходится проводить не между исторіей и поэзіей, а между исторіей и другими науками. Если XVIII столѣтіе принято называть «философскимъ вѣкомъ», то XIX столѣтіе имѣетъ неоспоримое право называться вѣкомъ «историзма». Никогда раньше не было добыто такого количества историческаго матеріала, относящагося къ вѣкамъ прошлымъ, какъ въ XIX столѣтіи, что указываетъ на сильное развитіе историческаго интереса у людей, жившихъ въ этомъ вѣкѣ. Особенно нужно подчеркнуть, что только XIX вѣкъ научился относиться съ историческимъ интересомъ и къ современности, создавая, накопляя, регистрируя, классифицируя и подвергая обработкѣ историческій о ней матеріалъ, такъ что каждый крупный фактъ сталъ немедленно дѣлаться достояніемъ исторической литературы, въ качествѣ предмета описанія и изслѣдованія. Вмѣстѣ съ этимъ, въ сознаніе историковъ современности все болѣе и болѣе входитъ та мысль, что работа надъ историческими темами, хотя бы и взятыми изъ текущаго момента, должна совершаться въ соотвѣтствіи съ требованіями научности. Реалистическій объективизмъ—долгъ всякаго настоящаго историка, если онъ хочетъ написать научный трудъ, а не памфлетъ. То, что можно называть историзмомъ XIX в. въ отличіе отъ раціонализма XVIII столѣтія, нашло свое выраженіе и въ характеризующемъ XIX вѣкѣ проникновеніи историческаго матеріала, исторической точки зрѣнія и историческаго метода въ наукѣ, разрабатывавшіяся прежде лишь умозрительно, въ созданіи имъ историческаго направленія и въ

БИБЛИОТЕКА
482938
Историческая

юриспруденціи, и въ политической экономіи. Сама исторія, превратившаяся изъ историческаго искусства въ историческую науку, вслѣдствіе этого шире и глубже стала понимать жизнь, которую изображаетъ и изслѣдуетъ. Въ началѣ вѣка это была исторія, главнымъ образомъ, однихъ событій, исторія прагматическая въ принятомъ нами смыслѣ слова: исторія культурная есть уже созданіе XIX в., т.-е. исторія быта, исторія формъ жизни и ихъ измѣненій. И интересно прослѣдить, какъ все шире захватываетъ историческая наука поле жизни, включая въ сферу своей компетенціи все больше и больше сферъ жизни. Въ началѣ XIX в. и даже до середины прошлаго столѣтія между исторіей и политической экономіей не было никакихъ точекъ соприкосновенія: первая игнорировала хозяйственную жизнь, экономической же наукѣ были чужды и историческій матеріалъ, и историческая точка зрѣнія, и историческій методъ. Во второй половинѣ XIX в., когда историзмъ утвердился въ политической экономіи, экономизмъ, въ свою очередь, сталъ играть очень видную роль въ исторической наукѣ. Современная мысль разностороннѣе и болѣе основательно понимаетъ общественное бытіе, изучаемое исторической наукой. Однимъ изъ созданій XIX в. въ сферѣ человѣческаго ума является соціологія, общая теорія общества, изслѣдующая законы взаимодѣйствія и причинно-эволюціонной послѣдовательности общественныхъ явленій. Отдѣльный историкъ, жившій въ началѣ XIX в., могъ быть болѣе умнымъ, болѣе знающимъ, болѣе талантливымъ средняго современнаго намъ историка, но у него не было того, чѣмъ обязанъ обладать каждый нынѣшній историкъ, не было того, что можно разсматривать, лишь какъ результатъ всей работы, какую совершила въ XIX в. научная мысль въ исторіографіи, какъ не было и того богатаго историческаго опыта, какимъ люди конца XIX и начала XX в. обязаны столь сложному и многостороннему историческому процессу XIX столѣтія. Изучая и стараясь понять современность, нельзя уже въ наше время не подходить къ ней съ тѣми запросами ума и пріемами мышленія, съ какими современные историки привыкли допрашивать болѣе отдаленное прошлое, и прежде никогда, быть можетъ, при попыткахъ понять современность такъ сознательно не ставился вопросъ, въ существѣ своемъ историческій вопросъ о томъ, какъ произошла эта современность. Самосознаніе XVIII в. было раціоналистическимъ самосознаніемъ, самосознаніе XIX в. сдѣлалось самосознаніемъ историческимъ, и этотъ историзмъ

новѣйшаго времени выросъ непосредственно на почвѣ самой исторической жизни, ибо не только развитіе научной мысли и успѣхи научной техники создали современное историческое пониманіе, но создали его равнымъ образомъ и уроки жизни, историческій опытъ. Нужно ожидать, что въ XX в. и сама историческая наука будетъ давать уроки жизни, и люди станутъ больше искать въ этой наукѣ указаній, которыми можно было бы руководиться въ самомъ созиданіи историческаго процесса.

II. Вліяніе французской революціи на новѣйшую исторію [1]).

Французская революція, какъ исходный пунктъ историческаго движенія въ XIX в.—Мѣстное и универсальное значеніе французской революціи. — Старый порядокъ и «Декларація правъ». — Начало рецепціи народнаго представительства на материкѣ. — Установленіе безсословнаго гражданства.—Паденіе соціальнаго феодализма и крѣпостничества.—Современныя французской революціи проявленія сочувствія къ ней въ другихъ странахъ.—Судьба революціоннаго движенія въ самой Франціи.

Большинство авторовъ общихъ исторій XIX в. за исходный пунктъ своего изложенія принимаемъ 1815 годъ, когда вѣнскій конгрессъ установилъ новый международный строй Европы послѣ бурной эпохи безпрерывныхъ войнъ конца XVIII и начала XIX в. Можно сказать, что начинать исторію XIX в. съ 1815 г. сдѣлалось своего рода традиціей новѣйшей исторіографіи. Для этого, конечно, были свои основанія, о которыхъ распространяться здѣсь не стоитъ, но, съ другой стороны, чѣмъ дальше мы отходимъ отъ указанной даты, тѣмъ болѣе она для насъ теряетъ то значеніе, какое могла имѣть прежде. Кто путешествовалъ въ горахъ, тому очень часто приходилось наблюдать, какъ по мѣрѣ удаленія отъ какой-либо горы, приковывавшей къ себѣ его взоры, не только,—что вполнѣ понятно,—все болѣе и болѣе скрадываются ея размѣры, но вдобавокъ еще изъ-за нея начи-

[1]) И. З. Е., т. IV, гл. II и III. — Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX в., гл. I. — Происхожденіе современнаго народно-правового государства, гл. VIII.

наютъ выступать гораздо болѣе грандіозныя громады, заслонявшіяся прежде много меньшею ихъ горою. Еще для людей середины XIX в. вѣнскій конгрессъ 1815 г. могъ, пожалуй, заслонять собою французскую революцію 1789 г., значеніе которой теперь, болѣе, чѣмъ на вѣковомъ разстояніи отъ нея, нисколько не уменьшилось, тогда какъ вѣнскій конгрессъ уже не кажется событіемъ такой рѣшающей важности, какую могъ имѣть въ глазахъ болѣе раннихъ поколѣній XIX в. Притомъ, начиная исторію этого столѣтія съ 1815 г., выключаютъ изъ него цѣлые полтора десятка лѣтъ, хронологически принадлежащіе къ этому самому XIX в. Пора уже перестать не относить наполеоновскую эпоху къ прошлому столѣтію, хотя бы начало ея, т.-е. 18-ое брюмера и числилось еще въ концѣ XVIII столѣтія, въ 1799 г. Но я пошелъ бы еще и дальше: если только вообще нужно указать на настоящій исходный пунктъ всего историческаго движенія XIX в., всей новѣйшей исторіи вмѣстѣ съ началомъ нашего XX столѣтія, или событіе, наложившее свою печать на все послѣдующее время,—а безъ такого «termini a quo» обойтись нельзя,—то этимъ исходнымъ пунктомъ, такимъ поворотнымъ событіемъ новѣйшей исторіи слѣдуетъ, конечно, признать французскую революцію 1789 г.

Въ этомъ грандіозномъ событіи необходимо различать двѣ стороны, ибо она имѣетъ два значенія: мѣстное, національно-французское и универсальное, обще-европейское, міровое. Революція оказала опредѣляющее вліяніе не только на самоё Францію, какъ бы разрѣзавъ ея исторію на двѣ части и положивъ начало новой формѣ ея историческаго бытія, но оказала громадное вліяніе и на исторію другихъ странъ, всей Европы, всего дальнѣйшаго движенія исторіи. Въ жизни народовъ происходятъ перемѣны и случаются перевороты, дѣйствіе которыхъ иногда выходитъ далеко за предѣлы страны, гдѣ совершилась та или другая перемѣна, имѣлъ мѣсто тотъ или другой переворотъ. Прежде всего,—хотя это не есть самое главное, — революція была исходнымъ пунктомъ войнъ, которыя, начавшись въ 1792 г., окончились только въ 1815 г., занявъ въ общей сложности почти цѣлую четверть вѣка. Самое же важное, это—то, что уже тогда, когда едва лишь намѣтился характеръ революціи, многіе тотчасъ же прозрѣли ея универсальное значеніе, одни,—со страхомъ за старый порядокъ, коему она объявила войну, другіе—съ надеждою на то, что она — начало лучшихъ временъ для всего человѣчества. Исторія подтвердила, что и у этихъ опасеній, и у этихъ

упованій были основанія, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что борьба со старымъ и стремленіе къ созданію новыхъ формъ жизни не ограничились одною Франціей, а получили распространеніе и внѣ ея предѣловъ, сдѣлавшись самою характерною особенностью всей послѣдующей исторіи повсемѣстно. На самомъ дѣлѣ, революція лишь раньше началась во Франціи, но сама была обще-европейскою, какъ и религіозная реформація XVI в. только раньше началась въ Германіи, бывши тоже событіемъ не исключительно нѣмецкимъ, а общимъ всему католическому міру. Это и понятно, ибо во всѣхъ другихъ странахъ существовали тѣ же порядки, что̀ и во Франціи, и рано или поздно для этихъ порядковъ и въ другихъ странахъ долженъ былъ наступить чередъ крушенія, какъ это произошло во Франціи въ 1789 г.

Когда во Франціи стали устанавливаться новыя формы государственной и общественной жизни, все, что существовало раньше и считалось навѣки погибшимъ, стало обозначаться, какъ «l'ancien régime», т.-е. какъ «старый порядокъ». Этотъ терминъ упрочился въ исторической литературѣ, причемъ его распространили на все, что и въ другихъ странахъ было аналогично французскому «ancien régime». Въ сущности, подъ даннымъ обозначеніемъ разумѣютъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальнымъ строемъ, основаннымъ на сословныхъ привилегіяхъ. Историческому праву абсолютной монархіи и привилегированныхъ сословій просвѣтительная философія XVIII в. противопоставила идею естественнаго права, получившаго въ эпоху революціи наиболѣе ясную формулировку въ знаменитой «Декларацiи правъ человѣка и гражданина». «Старый порядокъ» былъ отрицаніемъ свободы и равноправія, «Декларація» какъ-разъ выдвигала на первый планъ принципы свободы и равноправія, «незнаніе, забвеніе или презрѣніе» которыхъ провозгласила «единственными причинами общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ», назвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ эти «права человѣка» «естественными, неотчуждаемыми и священными».—«Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ», — таковъ первый же параграфъ «Декларацiи». Все остальное въ ней—лишь выводы изъ этого положенія, не исключая и параграфовъ о народномъ верховенствѣ, изъ котораго выводилось право гражданъ на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. «Старому порядку» съ его отрицаніемъ свободы и равноправія философія XVIII в. и революція 1789 г. противопоставили новое право, для осуществленія кото-

раго въ исторіи XIX в. также совершались всѣ эти революціи 1820, 1830, 1848 гг. и т. п. Въ сколькихъ конституціяхъ XIX в. есть особые отдѣлы объ основныхъ правахъ гражданъ, лишь другими словами передающіе то, что было сказано въ «Декларації».

Только-что употребленный терминъ «конституція» лишь со времени французской революціи получилъ значеніе не государственнаго устройства вообще, а лишь такого устройства, въ которомъ «установлены способы обезпеченія правъ», какъ сказано въ одномъ изъ параграфовъ «Декларації». Мы противополагаемъ теперь конституціонный строй абсолютизму. Въ XVIII в. почти исключительною формою правленія была абсолютная монархія. Изъ большихъ государствъ конституціонною свободою пользовалась одна Англія, устройство которой было, такъ сказать, рекомендовано континенту Монтескьё въ знаменитой главѣ «Духа законовъ» объ англійской конституціи. Французская революція была началомъ рецепціи англійскихъ политическихъ порядковъ на материкѣ, рецепціи представительнаго строя, признаннаго нынѣ же во всей Европѣ. Абсолютизмъ вездѣ пережилъ самого себя, и раньше всего это произошло во Франціи, гдѣ уже среди знаменитыхъ наказовъ 1789 г. мы не находимъ ни одного, въ которомъ говорилось бы о желательности сохраненія неограниченной власти короля. Всѣ европейскія конституціи XIX и XX вв. имѣютъ свою родоначальницу въ первой писанной конституціи въ Европѣ, каковую мы имѣемъ во французской конституціи 1791 г. Сама она была недолговѣчна, но зато не только въ самой Франціи слѣдовалъ за нею рядъ новыхъ и новыхъ конституцій, но и въ другихъ государствахъ создавались конституціи по ея образу и подобію, не во всемъ съ нею и между собою сходныя, но сохранявшія и сохраняющія нѣкоторыя общія черты. Такими чертами являются именно народное представительство, участіе его въ законодательствѣ, вотированіи налоговъ и контролѣ надъ дѣйствіями администраціи, соотвѣтственное съ этимъ ограниченіе традиціонной королевской власти (въ монархіяхъ), отвѣтственность органовъ власти исполнительной, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и гарантіи индивидуальной и общественной свободы. Эти черты, именно, и полагаютъ грань между абсолютизмомъ и конституціоннымъ строемъ, хотя, съ другой стороны, и представительство бываетъ «народнымъ» далеко не въ одинаковыхъ степеняхъ, и далеко въ неодинаковой мѣрѣ пользуются

представительныя палаты своими правами законодательными, бюджетными и контрольными, равно какъ и ограниченія традиціонной власти бываютъ и бо́льшими и меньшими одновременно и съ равноправіемъ, и съ фактическимъ осуществленіемъ свободы. Иными словами, многія конституціи все еще сохраняютъ большее или меньшее количество остатковъ «стараго порядка». Съ другой стороны, уже въ XIX в. стали зарождаться учрежденія, переростающія представительную форму, о чемъ уже, однако, въ XVIII в. мечтали Руссо, жирондисты и якобинцы [1]).

«Старый порядокъ», сказано было выше, характеризуется сословнымъ строемъ общества, существованіемъ привилегій, неравенствомъ передъ закономъ. «Декларація правъ» и конституція 1791 г. исходили изъ идеи равноправія. «Люди рождаются и остаются... равными въ правахъ... Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ... Налоги должны быть распредѣлены равномѣрно между гражданами сообразно съ ихъ средствами». Такъ говорится въ «Декларацiи», а конституція 1791 г. съ первыхъ же строкъ своихъ объявляла «безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ»: «нѣтъ больше, сказано было въ ней, ни дворянства, ни пэрства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія, ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для которыхъ требовались бы доказательства дворянства, или которые предполагали бы неравенство рожденія, нижѐ какихъ бы то ни было другихъ случаевъ превосходства, кромѣ того, которое принадлежитъ представителямъ общественной власти при исполненіи ими своихъ обязанностей». Содержаніе декретовъ 4 августа 1789 г., объявившихъ отмѣну соціальнаго феодализма, тоже было резюмировано въ самой конституціи, «гарантировавшей въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ: 1) что всѣ граждане могутъ быть

[1]) Народная иниціатива и референдумъ въ Швейцаріи; о чемъ см. ниже въ главѣ XXVI.

допускаемы ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ безъ какихъ бы то ни было другихъ отличій, кромѣ добродѣтели и таланта; 2) что всѣ налоги будутъ распредѣляться между всѣми гражданами равномѣрно, въ соотвѣтствіи съ ихъ средствами; 3) что одни и тѣ же преступленія будутъ наказываться одинаковымъ образомъ безъ всякаго различія лицъ». Наконецъ, конституція прямо признавала только одно «состояніе гражданъ» (état des citoyens), при чемъ для всѣхъ безъ различія жителей устанавливался одинъ и тотъ же способъ удостовѣренія своей личности.

Такимъ образомъ, революція 1789 г. замѣняла во Франціи старый сословный строй безсословнымъ гражданствомъ. Рядомъ съ участіемъ во власти и съ равноправіемъ и даже впереди ихъ «Декларація» въ цѣломъ рядѣ параграфовъ ставила принципъ индивидуальной свободы. «Цѣль всякаго политическаго союза, читаемъ мы въ ней, есть охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію... Пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Законъ можетъ запрещать лишь дѣйствія, вредныя для общества. Все, что не воспрещено закономъ, не можетъ быть возбранено, и никто не можетъ быть принужденъ къ тому, чего законъ не предписываетъ... Никто не можетъ быть привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и по предписаннымъ имъ формамъ... Никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго раньше преступленія и законно примѣненнаго. Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается невиновнымъ, пока судъ не признаетъ его виновнымъ, то въ случаѣ необходимости его ареста всякая мѣра, которая не нужна для пресѣченія возможности уклоненія отъ суда, должна быть строго возбраняема закономъ. Никто не долженъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ. Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка: каждый гражданинъ можетъ, слѣдовательно, свободно говорить, писать, печатать, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ».

Понятно, что, провозглашеніе личной свободы и гражданскаго равенства влекло за собою отмѣну всѣхъ старыхъ формъ неволи въ смыслѣ безправія личности или ея подчиненности тѣмъ, которые когда-то были владыками неблагороднаго населенія страны. Правда, революція не отмѣнила рабства въ колоніяхъ,—оно было уничтожено лишь въ 1848 г.,—но зато въ исторіи отмѣны въ самой Франціи и въ остальной Европѣ крѣпостного состоянія крестьянства французская революція съиграла въ высшей степени важную роль, положивъ начало болѣе быстрому и радикальному рѣшенію вопроса о дарованіи сельскому населенію правъ свободныхъ гражданъ. При «старомъ порядкѣ» даже въ тѣхъ случаяхъ, когда личность крестьянина была уже свободною, крестьянская земля находилась въ зависимости отъ сеньёровъ, въ пользу которыхъ была обременена разными платежами и повинностями. Въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 августа 1789 г. было провозглашено паденіе этого соціальнаго феодализма, а конвентскій декретъ 17 іюля 1793 г. и на дѣлѣ осуществилъ полное освобожденіе крестьянской земли отъ сеньёрьяльныхъ правъ. Соціальный феодализмъ и крѣпостничество существовали не въ одной Франціи; въ другихъ мѣстахъ въ этомъ отношеніи порядки были еще тяжелѣе французскихъ, но именно французская революція послужила могучимъ толчкомъ къ тому, чтобы въ концѣ концовъ изъ европейскихъ общественныхъ отношеній исчезло крѣпостничество. Постепенное введеніе въ отдѣльныхъ государствахъ Европы конституціоннаго строя и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости являются двумя параллельными процессами внутренней исторіи Европы въ XIX в., и оба эти процесса одинаково коренятся во французской революціи, бывшей исходнымъ пунктомъ обоихъ этихъ процессовъ. Ни въ чемъ сословный принципъ «стараго порядка» не получалъ такого рѣзкаго проявленія привилегированности однихъ и безправія другихъ, какъ въ существованіи господъ-дворянъ и крѣпостныхъ крестьянъ.

Не желая забѣгать впередъ, мы не останавливаемся здѣсь еще на томъ, что французская же революція является исходнымъ пунктомъ и для національныхъ, и для соціальныхъ стремленій XIX в. Замѣтимъ только, что современная идея націи, какъ коллективной личности, тоже долженствующей пользоваться свободою и равноправіемъ, является простымъ выводомъ изъ ученія о правахъ человѣка и гражданина, и что, съ другой стороны, въ наиболѣе демократическихъ теченіяхъ революціонной эпохи

уже были поставлены ребромъ и самые коренные вопросы объ экономическомъ строѣ общества и о матеріальныхъ нуждахъ народа.

Съ самаго же своего начала французская революція не могла не встрѣтить сочувствія къ себѣ въ образованномъ обществѣ другихъ странъ. На ея знамени красовались популярные лозунги свободы и равенства, къ которымъ умы были пріучены французскою же просвѣтительною литературою XVIII в., имѣвшею широкое распространеніе въ другихъ странахъ. Другіе народы терпѣли отъ тѣхъ же самыхъ золъ, что̀ и французы, и примѣръ націи, пробудившейся отъ сна, сбросившей съ себя оковы суевѣрій и тиранніи, провозгласившей новое право и начавшей полную перестройку своего гражданскаго быта, не могъ не возбуждать аналогичныхъ желаній. Въ самой Франціи постепенно крѣпла и еще болѣе находила сторонниковъ мысль о превращеніи французской революціи въ революцію всесвѣтную, мысль, окрылявшая надежды наиболѣе пламенныхъ поклонниковъ революціи въ другихъ странахъ. Конечно, такое настроеніе было лишь въ отдѣльныхъ лицахъ, самое большее въ отдѣльныхъ кружкахъ, но въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ надежды на совершавшуюся во Франціи революцію принимали массовой характеръ, напр., въ населеніи пограничныхъ съ Франціей странъ, въ которыя въ качествѣ освободителей отъ деспотизма и феодализма приходили побѣдоносные полки республики. За немногими исключеніями вездѣ были общественные элементы, проникавшіеся сочувственнымъ отношеніемъ къ французской революціи, что не могло въ той или другой мѣрѣ не оказывать вліянія на оживленіе общественныхъ стремленіе въ отдѣльныхъ странахъ. Первыя, сколько-нибудь замѣтныя сѣмена освободительныхъ движеній, совершавшихся въ XIX в. въ разныхъ углахъ Европы, были посѣяны еще во время самой революціи. Правда, впослѣдствіи и притомъ сравнительно скоро въ этомъ отношеніи наступила реакція, но и она не была достаточно сильна для того, чтобы совершенно стереть слѣды того вліянія, какое 1789 годъ произвелъ на передовые умы того времени за границами революціонной Франціи. Все это такія вещи, на которыхъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько детальнѣе.

Уже взятіе Бастиліи 14 іюля 1789 г., какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты и показанія самихъ современниковъ, произвело громадное впечатлѣніе на общественное

мнѣніе въ разныхъ странахъ. Названная государственная тюрьма была какъ бы символомъ ненавистнаго деспотизма, и ея разрушеніе сдѣлалось съ этой точки зрѣнія тоже своего рода знаменіемъ—наступленія царства свободы, свѣта и справедливости. Такъ именно и было понято значеніе героическаго парижскаго дня 14 іюля не одними французами. За границами Франціи люди разныхъ національностей радовались съ французами, прославляли борцовъ за свободу, пророчили о началѣ новыхъ, прекрасныхъ дней. Въ Англіи устраивались общественныя празднованія этого событія, а въ Кэмбриджскомъ университетѣ оно послужило конкурсною темою для студенческихъ сочиненій. Въ Италіи Альфіери, въ Германіи Эбелингъ писали оды на взятіе Бастиліи. Въ Петербургѣ, какъ доносилъ французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II, извѣстіе о взятіи Бастиліи было встрѣчено обществомъ очень радостно. Далѣе, извѣстно, что въ числѣ лицъ, привѣтствовавшихъ въ этотъ моментъ—и позднѣе—новую Францію, были многія историческія знаменитости, и для одной Германіи особенно можно назвать великаго философа Канта, великаго же поэта Шиллера, извѣстнаго писателя-гуманиста Гердера, крупнаго впослѣдствіи политическаго дѣятеля и мыслителя Вильгельма фонъ-Гумбольдта и т. п. Нѣкоторые видные люди изъ сосѣднихъ странъ стали даже, въ первое время революціи, ѣздить въ Парижъ, чтобы «подышать воздухомъ свободы». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ увлеченіе идеями французской революціи стало выражаться еще болѣе рельефными фактами. Событія 1789 г. нашли массу сочувственныхъ откликовъ въ наиболѣе прогрессивныхъ кругахъ англійскаго общества, въ которомъ не задолго передъ тѣмъ, подъ вліяніемъ американской революціи, рядомъ со старыми партіями торіевъ и виговъ возникло новое, демократическое теченіе. Уже въ 1789 г. въ Англіи было основано «Общество революціи», которое на первыхъ же порахъ своего существованія вотировало привѣтственный адресъ французскому національному собранію. Нѣсколько позднѣе въ Англіи образовались республиканскіе кружки, вступившіе въ сношенія съ конвентомъ. Даже крайности революціи не отшатнули отъ защиты народныхъ правъ и проведенія либеральныхъ реформъ нѣкоторую часть виговъ въ то самое время, какъ другая, бо́льшая часть, ударилась въ реакцію. У демократическаго движенія нашлись въ Англіи и защитники въ литературѣ, каковыми были Томасъ Пэнъ, авторъ трактата о правахъ человѣка, и Макинтошъ, написавшій книгу

(Vindiciae Galliae) въ защиту французской революціи, оба, главнымъ образомъ, возражавшіе на нападки знаменитаго Бёрка, автора враждебной всему движенію книги о французской революціи. Кромѣ нихъ, апологетами этой революціи выступили въ англійской литературѣ Пристлей и Прайсъ. Или, наприм., въ Пруссіи, гдѣ не было и не могло быть такихъ проявленій независимаго общественнаго духа, какъ въ Англіи, тѣмъ не менѣе была кучка людей, видѣвшихъ необходимость крупныхъ внутреннихъ преобразованій и думавшихъ, что указаній на общій ихъ характеръ нужно искать въ идеяхъ и учрежденіяхъ французской революціи. Изъ среды такихъ людей и вышелъ министръ-реформаторъ начала XIX в., Гарденбергъ (тогда какъ другой министръ реформаторъ, баронъ Штейнъ, по отношенію къ идеямъ и учрежденіямъ революціи занималъ совсѣмъ другую позицію).

Были даже цѣлыя національности, въ которыхъ французская революція возбуждала особыя надежды. На годы ея разгара приходится и паденіе Польши, старой союзницы Франціи, оба послѣдніе ея раздѣлы, прекратившіе ея существованіе. Въ томъ же 1791 г., когда во Франціи создана была первая конституція, новую конституцію далъ и Рѣчи Посполитой ея предпослѣдній, такъ называемый четырехлѣтній сеймъ. Эта польская конституція 3 мая была, какъ извѣстно, поводомъ для иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши, приведшаго ее къ двумъ войнамъ съ Россіей, въ 1792 и 1794 гг., и къ раздѣламъ между тремя сосѣдними державами въ 1793 и 1795 гг. Это было какъ-разъ время войны революціонной Франціи съ коалиціей европейскихъ монархій: враги Польши были и врагами Франціи; взоры Варшавы были обращены на Парижъ; когда участь Варшавы была рѣшена, на службу Франціи, въ ея арміи, «сражавшіяся за свободу народовъ», массами устремились побѣжденные поляки, надѣясь чрезъ это добиться возстановленія своего отечества. Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ и въ Ирландіи конца XVIII в., гдѣ еще раньше существовавшее патріотическое общество «Соединенныхъ ирландцевъ», стремившееся къ улучшенію положенія своей родины, послѣ 1789 г., подъ вліяніемъ французской революціи, поставило своею задачею образованіе изъ Ирландіи самостоятельной республики, которая заключила бы, конечно, тѣсный союзъ съ Франціей. Въ 1794—1795 гг. на островѣ на народные мятежи, жестоко подавлявшіеся англичанами, въ 1798 г. въ надеждѣ на французскую помощь въ Ирландіи произошло

общее возстаніе, окончившееся, впрочемъ, неудачею, несмотря на помощь, оказанную ему французами.

Очень много общественныхъ элементовъ, сочувствовавшихъ французской революціи, оказалось и въ ближайшихъ къ Франціи областяхъ, чѣмъ объясняется та легкость. съ какою французскія войска осенью и зимою 1792 г. овладѣвали этими областями. Рѣчь, именно, идетъ о Бельгіи, о лѣвомъ берегѣ Рейна и о Савойѣ. Когда вспыхнула французская революція, Бельгія, входившая тогда въ составъ монархіи Габсбурговъ, находилась въ возстаніи противъ своего государя, императора Іосифа II, нарушившаго старинныя вольности этой провинціи и, кромѣ того, своими радикальными преобразованіями задѣвшаго интересы консервативныхъ классовъ общества, въ особенности духовенства. Но въ Бельгіи, кромѣ консервативной оппозиціи австрійскому правительству, существовала и прогрессивная, демократическая, родственная по своему духу, по своимъ идеямъ, по своимъ стремленіямъ тому движенію, которое началось во Франціи. Французская и бельгійская революціи очень скоро слились воедино подъ знаменемъ однихъ и тѣхъ же лозунговъ, т.-е. «принциповъ 1789 г.», и Бельгія вслѣдъ за этимъ вошла въ составъ Французской республики, хотя послѣдней и пришлось изъ-за этой страны выдержать тяжелую борьбу.

Очень легко на первыхъ порахъ французы овладѣли и лѣвымъ берегомъ Рейна. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить поэтическаго, но въ то же время и вѣрнаго исторической истинѣ свидѣтельства Гёте, въ его «Германѣ и Доротеѣ», гдѣ изображается первое появленіе французовъ въ прирейнской Германіи. «Кто, говоритъ поэтъ, —

Кто не сознáется, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣе,
Въ ту миниту, когда засвѣтилось новое солнце,
Какъ услыхали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ и о равенствѣ также похвальномъ!»

«Всякій въ то время, продолжаетъ поэтъ, —

надѣялся жить для себя, и казалось,
Всѣ оковы въ рукахъ эгоизма и лѣни, такъ долго
Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались».

Въ прирейнской Германіи друзья свободы пѣли марсельезу и оду Шиллера къ свободѣ, соединялись въ патріотическія обще-

ства, думали объ образованіи самостоятельной республики и въ концѣ концовъ рѣшили присоединиться къ Франціи. «Города, писалъ одинъ современный дипломатъ, сдаются безъ сопротивленія, и декларація правъ производитъ дѣйствіе, подобное дѣйсвію трубы Іисуса Навина».

То же самое было и въ Савойѣ. «Шествіе моей арміи, доносилъ французскому военному министру генералъ Монтескью,— рядъ тріумфовъ. Сельское и городское населеніе бѣжитъ къ намъ на встрѣчу. Мнѣ кажется, что умы расположены здѣсь къ революціи, подобной нашей». Коммиссары конвента тоже писали въ Парижъ, что, «перешедши границу, они и не замѣтили, что вступили въ чужой край». И въ Савойѣ послѣ попытки образованія самостоятельной республики рѣшено было присоединиться къ Франціи.

Въ дальнѣйшемъ мы остановимся еще на успѣхахъ французской революціонной пропаганды въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Ломбардіи, въ Генуэзской и Венеціанской республикахъ, въ Папской области, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ параллельно съ военными дѣйствіями Франціи велась и болѣе или менѣе энергичная агитація мѣстныхъ сторонниковъ революціи. Безъ сочувствія, какое французы встрѣчали въ населеніи этихъ странъ, были бы немыслимы ни успѣхи вооруженныхъ силъ Франціи, ни превращеніе всѣхъ названныхъ странъ, — кромѣ Венеціи, — въ «республики—дочери» по образу и подобію «республики — матери», Франціи.

Въ то время, какъ революція дѣлала эти успѣхи внѣ самой Франціи, внутри страны революція, наоборотъ, уже шла на убыль—какъ-разъ въ эти самые годы основанія республикъ-дочерей. Съ 1789 г. до середины 1794 г., какъ извѣстно, совершался подъемъ революціонной волны, потомъ въ серединѣ 1794 г. началось ея паденіе, пока республика не сдѣлалась добычею счастливаго полководца, снова подчинившаго Францію личному режиму. Здѣсь не мѣсто разсматривать, хотя бы даже вкратцѣ, ходъ событій, совершавшихся во Франціи въ знаменательное десятилѣтіе 1789 — 1799 гг. Достаточно сослаться только на главнѣйшія явленія этой исторіи. Конституціонная монархія, которую думали основать французы въ началѣ революціи, не удалась. Въ 1792 г. ее смѣнила республика, три года обходившаяся безъ какой бы то ни было конституціи, именно диктаторски управлявшаяся своимъ революціоннымъ правительствомъ,—правитель-

ствомъ террора. Когда только въ 1795 г. во Франціи стала дѣйствовать республиканская конституція III года, внутри страны уже все было обезсилено, реакція поднимала голову, и республиканская партія удерживала за собою власть лишь при помощи государственныхъ переворотовъ. Послѣдніе могли совершаться только при поддержкѣ со стороны военной силы: армію стали вмѣшивать въ политику. Дѣло кончилось диктатурой честолюбиваго полководца, которая была подготовлена диктатурой революціоннаго правительства. Въ 1799 г. военная Франція, такъ сказать, покорила Францію гражданскую, и наступили новыя времена какъ для самой Франціи, такъ и для всей Европы. Французская республика скоро уступила мѣсто Французской имперіи, революціонныя войны перешли въ войны наполеоновскія.

III. Войны французской революціи и первой имперіи [1]).

Общій взглядъ Сореля на эпоху войнъ революціи и имперіи. — Происхожденіе революціонныхъ войнъ и причины успѣховъ Франціи.—Расширеніе предѣловъ Франціи и основаніе республикъ-дочерей въ концѣ XVIII в.— Переходъ революціонныхъ войнъ въ наполеоновскія.—Войны консульства и имперіи и передѣлки политической карты Европы.—Французская имперія на верху могущества.— Порабощеніе Европы Наполеономъ и національныя движенія противъ французскаго владычества. — Паденіе имперіи и передѣлка карты Европы на вѣнскомъ конгрессѣ.

«Война между Европой и французской революціей длилась около четверти столѣтія. Она началась при Вальми и закончилась только при Ватерлоо». Такъ начинаетъ французскій историкъ Альбертъ Сорель свой замѣчательный трудъ «Европа и французская революція», лучшее, что только можно указать въ современной литературѣ по исторіи взаимныхъ отношеній между французскою революціей и Европою и международной политики отъ начала революціи до паденія имперіи Наполеона I [2]). «Все

[1]) Учебная книга новой исторіи, §§ 247—249, 256—261, 264—267 и 269.—И. З. Е., т. IV, гл. II, VIII, XI и XII.

[2]) Въ восьми томахъ, существующихъ и въ русскомъ переводѣ, изъ которыхъ первый томъ посвященъ эпохѣ стараго порядка. По томамъ II—VIII составлена небольшая книга *Т. А. Богдановичъ* подъ заглавіемъ «Франція и Европа на грани XIX вѣка».

ниспровергнуто во Франціи, говоритъ этотъ историкъ, все уцѣлѣло въ Европѣ. У Франціи нѣтъ ни правительства, ни казны, едва сохранились у нея кадры арміи. Старыя монархіи располагаютъ всѣми рессурсами сильныхъ правительствъ: арміи поставлены на военную ногу; генералы, изучавшіе войну въ теоріи и на практикѣ, командуютъ опытными и послушными солдатами. На ихъ сторонѣ умѣніе, дисциплина, численность, оружіе, боевые запасы. Казалось бы, что Франція должна была пасть. Но противъ ожиданія анархія организуется, а организованная сила разлагается. Франція побѣждаетъ коалицію, она дѣлаетъ нѣчто еще болѣе удивительное: она ее разъединяетъ. Кромѣ Англіи,... почти всѣ союзныя державы по очереди идутъ на мировую сдѣлку и становятся соучастниками побѣдителей, чтобы подѣлить съ ними наслѣдство, оставленное жертвами. Крестовый походъ противъ революціи, предпринятый королями для защиты установленнаго права, приводитъ къ раздѣлу континента между защитниками монархическаго права и тѣми, кто получилъ свою власть отъ революціи. Старая Европа, прибавляетъ Сорель, кончаетъ полнымъ цинизма банкротствомъ.—Чтобы вступить въ соглашеніе съ революціей, продолжаетъ онъ, Европа отрекается отъ своего принципа; чтобы поладить со старой Европой, французская революція извращаетъ свой собственный принципъ. Франція торжественно отказывалась отъ завоеваній,... но побѣда внушила революціи воинственныя стремленія. Война, начатая во имя защиты французской территоріи, завершилась вторженіемъ въ чужіе предѣлы; предпринявъ завоеванія съ освободительными цѣлями, Франція приняла участіе въ раздѣлахъ, чтобы ихъ сохранить. Но получая выгоды отъ войны, она подчинялась и общему закону войны. Французы вселили въ армію духъ революціи, онъ остался въ ней. Воскресшій Римъ далъ жизнь Цезарю. Бонапартъ предсталъ передъ Франціей и Европой, какъ орудіе революціи. Европа пыталась сопротивляться ему; онъ ее укротилъ не одною силою оружія, но и политикой. Геній сдѣлалъ его мастеромъ войны, алчность его противниковъ отдала миръ въ его распоряженіе, который въ его рукахъ сдѣлался опаснѣе войны. Тогда и Франція, и Европа представляли одно и то же зрѣлище. И люди, создавшіе революцію, и люди, боровшіеся противъ нея, очутились въ одинаковомъ рабствѣ... Въ 1808 г. революція имѣла на континентѣ только союзниковъ или побѣжденныхъ... Для Франціи, читаемъ мы дальше, результаты этихъ событій были еще болѣе

достойны удивленія. Въ 1792 г. она возвѣстила войну королямъ и миръ народамъ. Она восторжествовала надъ королями, но пала подъ напоромъ народовъ... Короли Европы, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ и своимъ рутиннымъ средствамъ управленія, были побѣждены націей, которая сражалась съ энтузіазмомъ, сначала ради своей независимости, а затѣмъ ради славы. Когда европейскія націи начали войну [1]), роли перемѣнились; теперь уже Франція была предоставлена исключительно рессурсамъ своего государства, Европа обратила противъ нея ея собственное оружіе».

Я позволилъ себѣ привести эту выдержку изъ труда, написаннаго знатокомъ эпохи, потому что лучше нельзя было бы, по моему мнѣнію, въ немногихъ словахъ выразить общій смыслъ войнъ революціи и Наполеона, бывшаго въ данномъ отношеніи прямымъ наслѣдникомъ революціи. Сначала Франція побѣждала Европу, потомъ Европа побѣдила Францію, но въ эту четверть вѣка произошелъ цѣлый рядъ территоріальныхъ перемѣнъ, вслѣдствіе которыхъ Европа 1815 года была уже совсѣмъ не та, какою мы ее видимъ еще въ 1789 г. Въ XVIII столѣтіи европейскія правительства охотно поддерживали и даже возбуждали внутреннія смуты у сосѣдей (вспомнимъ Польшу), когда это было выгодно имъ самимъ, и съ этой же точки зрѣнія взглянули они на событія, совершавшіяся во Франціи, пока не поняли, что эти событія являются угрозою для всѣхъ монархическихъ правительствъ и вообще для существовавшихъ въ то время порядковъ. Въ самомъ же началѣ революціи изъ Франціи началась эмиграція принцевъ крови, высшей аристократіи, и рядового дворянства, и братья Людовика XVI, графъ Прованскій и графъ д'Артуа, стали хлопотать у иностранныхъ дворовъ о посылкѣ во Францію армій для подавленія революціи и возстановленія старины. Самъ Людовикъ XVI надѣялся тоже на европейское вмѣшательство. Одновременно между Франціей и Священной Римской имперіей германской націи начались дипломатическія тренія изъ-за уничтоженія феодальныхъ правъ въ имѣніяхъ имперскихъ князей въ Эльзасѣ. Лѣтомъ 1791 г. государи Австріи и Пруссіи издали знаменитый пильницкій манифестъ, направленный противъ революціи и страшно оскорбившій французовъ. Въ самой Франціи росло воинственное настроеніе: въ ней все болѣе и болѣе распро-

[1]) Здѣсь Сорель разумѣетъ войну для освобожденія Европы отъ владычества Наполеона.

странялась мысль о войнѣ и притомъ не только о войнѣ оборонительной, но и о наступательной войнѣ—не для завоеваній, а для освобожденія народовъ отъ тиранніи, для превращенія французской революціи въ революцію всесвѣтную. Французы не ошибались, расчитывая, что у нихъ найдутся союзники среди порабощенныхъ населеній сосѣднихъ странъ, и въ этомъ заключалась одна изъ причинъ ихъ поразительныхъ успѣховъ, какъ мы уже видѣли, и въ Бельгіи, и на Рейнѣ, и въ Савойѣ. Съ другой стороны, причина успѣховъ Франціи, кромѣ энтузіазма ея армій, заключалась въ томъ, что державы, начавшія крестовый походъ для защиты монархическаго принципа, дѣйствовали несолидарно и готовы были измѣнять общему дѣлу, когда находили для себя въ этомъ выгоду. Монархи прямо шли на сдѣлки съ революціонной Франціей, какъ шли потомъ на сдѣлки съ «узурпаторомъ» Наполеономъ, нерѣдко даже только ради простыхъ обѣщаній выгодъ. Наконецъ, въ неудачахъ союзниковъ въ ихъ борьбѣ съ революціей немалую роль играли и всѣ, такъ сказать, внутренніе непорядки «стараго порядка»: плохіе финансы, дурное снабженіе войскъ военными припасами и провіантомъ, бюрократическая рутина въ управленіи, подавленіе общественнаго духа въ подданныхъ и пр. и пр.

Въ 1792 г. французы сами объявили войну старой Европѣ въ лицѣ Австріи, а потомъ конвентъ торжественно провозгласилъ, что республика ведетъ войну за освобожденіе всѣхъ народовъ. Мы уже видѣли, что населеніе сосѣднихъ съ Франціей областей привѣтствовало вступленіе въ нихъ войскъ республики, какъ избавителей отъ абсолютизма и феодализма. Весьма естественно, что противъ Франціи ополчилась тогда почти вся Европа. Однако, у союзниковъ при этомъ не оказалось достаточнаго единодушія, такъ какъ каждый стремился, главнымъ образомъ, осуществить свои собственные планы. Между прочимъ, Австрію и Пруссію, которыя однѣ первоначально вели войну съ Франціей, отвлекали событія въ Польшѣ, какъ-разъ въ эти годы подвергшейся второму и третьему раздѣламъ. Вслѣдствіе революціоннаго пыла самихъ французовъ, сочувствія къ нимъ въ населеніяхъ сосѣднихъ странъ, а также взаимнаго недовѣрія союзниковъ и отвлеченія ихъ силъ другими событіями, въ родѣ польскаго вопроса, французская республика не только отразила иноземное нашествіе, но и совершила рядъ блистательныхъ завоеваній.

Въ самомъ началѣ республики французы отбили пруссаковъ

при Вальми и нанесли пораженіе австрійцамъ при Жемаппѣ, послѣ чего быстро была завоевана Бельгія, гдѣ тогда, какъ уже было упомянуто, происходила своя собственная революція, вызванная политикой Іосифа II. Было также уже сказано, что тогда же французы овладѣли лѣвымъ берегомъ Рейна и присоединили къ своей территоріи Савойю (съ Ниццею). Послѣ казни Людовика XVI, кромѣ Австріи и Пруссіи, противъ Франціи ополчились еще Англія, Голландія, Испанія, Сардинія, итальянскіе государи и германскіе князья, т.-е. вся Священная Римская имперія. Франціи опять грозило нашествіе иностранныхъ войскъ, но послѣ нѣсколькихъ неудачъ республиканскія арміи отразили союзниковъ, выдвинувъ въ это время нѣсколько замѣчательныхъ полководцевъ. Одинъ изъ нихъ завоевалъ Голландію, и послѣдняя изъ республики федеративной и аристократической была превращена въ «единую и нераздѣльную» демократическую Батавскую республику, которая вступила съ Франціей въ тѣсный союзъ. Этотъ военный успѣхъ въ томъ же году (1795) сопровождался и дипломалической побѣдою. Пруссія вышла изъ коалиціи и заключила съ Франціей въ Базелѣ миръ подъ условіемъ вознагражденія за свои зарейнскія земли въ томъ случаѣ, если имперія согласится уступить республикѣ лѣвый берегъ Рейна. За Пруссіей отстали отъ коалиціи Тоскана и Испанія, а въ слѣдующіе два года французы одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ Австріей и остававшимися ей еще вѣрными союзниками. Французскія войска перешли черезъ Рейнъ въ Германію и черезъ Альпы въ Италію. Молодой генералъ Наполеонъ Бонапартъ, поставленный во главѣ арміи, которую послали въ Италію, тогда впервые во всемъ блескѣ проявилъ свои геніальныя способности полководца. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ принудилъ Сардинію отказаться отъ Савойи, занялъ Ломбардію, взялъ съ Пармы, Модены, Папской области, Венеціи и Генуи контрибуціи и присоединилъ часть папскихъ владѣній къ Ломбардіи, превращенной французами въ республику Цизальпинскую. Австрія запросила мира, который и былъ заключенъ въ Кампо-Форміо (1797). Австрія отказалась отъ Бельгіи, отъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна и отъ Ломбардіи, получивъ за это часть владѣній Венеціи, гдѣ между тѣмъ произошла демократическая революція; другая часть Венеціанской области была присоединена въ Цизальпинской республикѣ [1]), Іоническіе же острова, при-

[1]) Венеція на короткое время тоже превращалась вслѣдствіе внутренняго переворота въ демократическую республику.

надлежавшія Венеціи, Франція удержала за собою. Демократическая революція произошла и въ аристократической Генуѣ, превратившейся теперь въ республику Лигурійскую. Покончивъ съ Австріей, Бонапартъ далъ директоріи совѣтъ нанести ударъ англичанамъ въ Египтѣ, куда и была, какъ извѣстно, отправлена подъ его начальствомъ военная экспедиція. Пока этотъ планъ приводился въ исполненіе, Франція превратила Папскую область, Швейцарію и Неаполитанское королевство въ демократическія республики Римскую, Гельветическую (также изъ федеративной съ аристократическимъ устройствомъ въ унитарную и демократическую) и Партенопейскую, а Пьемонтъ и Тоскана были захвачены французами, послѣ чего сардинскій король даже формально отказался отъ Пьемонта въ пользу Франціи. Такимъ образомъ, къ концу революціонныхъ войнъ сама Франція владѣла непосредственно Бельгіей, лѣвымъ берегомъ Рейна, Савойей и нѣкоторою частью Италіи и была въ союзѣ съ цѣлымъ рядомъ «республикъ-дочерей». Но тогда же противъ Франціи составилась новая коалиція изъ Австріи, Россіи, Сардиніи и Турціи. Къ этому времени, какъ извѣстно, относятся знаменитые Суворовскіе походы, въ 1799 г. очистившіе отъ французовъ всю Италію, откуда побѣдители двинулись черезъ С.-Готтардъ въ Швейцарію. Вскорѣ, впрочемъ, русское войско оставило эту страну, такъ какъ императоръ Павелъ I, недовольный дѣйствіями австрійскаго правительства, покинулъ коалицію, — новый фактъ, свидѣтельствующій о недостаткѣ солидарности среди союзниковъ.

Въ это-то самое время во Франціи и произошелъ государственный переворотъ, отдавшій власть въ руки генерала Бонапарта, сначала перваго консула, потомъ императора французовъ Наполеона I. Во время суворовскихъ побѣдъ въ Италіи, гдѣ русскія войска раздѣлали то, что было сдѣлано французами и, между прочимъ, самимъ Бонапартомъ, послѣдній во главѣ небольшой, но отличной арміи завоевывалъ Египетъ съ цѣлью нанесенія ущерба интересамъ Англіи на Средиземномъ морѣ и на пути въ Индію. Извѣстія о томъ, что дѣлалось во Франціи, гдѣ царило общее недовольство, и въ Европѣ, гдѣ положеніе Франціи сильно пошатнулось, заставили Бонапарта бросить свою армію въ Египтѣ на произволъ судьбы и неожиданно явиться во Франціи, встрѣтившей его, какъ спасителя въ трудную минуту. Наполеонъ былъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ во всей исторіи, равными которому считаютъ въ древности лишь Александра Македонскаго,

Аннибала, Юлія Цезаря. Война была его настоящая стихія, и самъ онъ былъ кумиромъ своей арміи, кумиромъ націи, которую онъ покрылъ славою побѣдъ и завоеваній. Переходъ власти къ геніальному завоевателю придалъ дальнѣйшимъ войнамъ Франціи съ Европой уже иной характеръ: по мановенію вождя солдаты шли теперь сражаться не за свободу чужихъ націй, а за славу—свою и своей родины, своего государя. Когда Наполеонъ возвратился изъ Египта, Франція все еще находилась въ войнѣ съ Англіей, Австріей и второстепенными германскими государями. Англія такъ до самаго конца и продолжала свою борьбу съ Франціей (кромѣ маленькаго перерыва въ 1803 г.), устраивая противъ нея новыя коалиціи и поддерживая своихъ союзниковъ денежными субсидіями. Но и эти коалиціи постигала долгое время судьба прежнихъ: союзы распадались, и вчерашніе враги Франціи назавтра дѣлались ея сторонниками, стараясь извлекать изъ сближенія съ нею тѣ или иныя выгоды. Равнымъ образомъ, и Франція продолжала расширять свои предѣлы насчетъ сосѣдней и создавать новыя государства (или преобразовывать старыя), но въ полной отъ себя зависимости. Все различіе съ прежнимъ было въ томъ, что теперь на первомъ планѣ стояло не освобожденіе народовъ, а всемірное господство, и что французское государство окружало себя не республиками-дочерьми, а королевствами, отдававшимися братьямъ и другимъ родственникамъ новаго его владыки. Едва Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ, какъ отправился снова въ Италію и, побѣдивъ австрійцевъ при Маренго, отвоевалъ у нихъ Ломбардію (1800) въ то время, какъ другая французская армія вторглась въ Германію и проложила себѣ путь въ самую Австрію. Императоръ Францъ II вынужденъ былъ просить мира и снова согласился (въ Люневилѣ въ 1801 г.) на уступку Франціи лѣваго берега Рейна и на образованіе изъ Ломбардіи Италійской республики, президентомъ которой сдѣлался самъ первый консулъ. Въ Италіи и въ Германіи Наполеонъ произвелъ тогда рядъ важныхъ перемѣнъ, положивъ этимъ начало какъ своему господству въ обѣихъ этихъ странахъ, такъ и разрушенію средневѣковой Священной Римской имперіи. Вскорѣ былъ заключенъ миръ и съ Англіей (въ Амьенѣ), но онъ былъ очень непродолжителенъ. Послѣ того Наполеонъ сдѣлался императоромъ (1804), а вслѣдъ за тѣмъ превратилъ и Италійскую республику въ королевство Италійское, между Англіей и Франціей снова произошла война, не прекращавшаяся до самаго паденія

имперіи. Наполеонъ сталъ даже готовиться къ высадкѣ въ Англіи, для чего подготовлялъ въ Булони войско и снарядилъ большой флотъ, но Англія образовала противъ него новую коалицію—изъ Австріи, Россіи, Швеціи и Неаполя, и въ началѣ этой новой борьбы (1805) англійскій адмиралъ Нельсонъ уничтожилъ при Трафальгарѣ французскій флотъ. Высадка въ Англію сдѣлалась послѣ этого невозможною, и на моряхъ у Англіи уже не было болѣе соперниковъ. За то сухопутныя войны первыхъ пяти лѣтъ наполеоновской имперіи были весьма успѣшны для Франціи и сопровождались почти безпрерывными территоріальными измѣненіями (главнымъ образомъ въ Италіи и въ Германіи). Въ 1805 г. Наполеонъ при поддержкѣ южно-германскихъ государей побѣдилъ Австрію, заставивъ при Ульмѣ капитулировать одну изъ ея армій, занявъ Вѣну и разгромивъ при Аустерлицѣ въ «битвѣ трехъ императоровъ» австрорусскую армію, въ которой находились сами Францъ II и Александръ I. Австрія вынуждена была снова заключить съ Наполеономъ миръ въ Пресбургѣ, потерявъ при этомъ часть своихъ владѣній и давъ согласіе на новыя перемѣны въ Италіи и въ Германіи. Еще болѣе печальная судьба постигла въ слѣдующемъ году Пруссію.

Съ базельскаго мира Пруссія не участвовала въ войнѣ противъ Франціи, за что̀ французы не забывали ее при дѣлежѣ территорій и дѣлали ей новыя обѣщанія. Особенно хотѣлось прусскому королю Фридриху Вильгельму III овладѣть въ Германіи Ганноверскимъ курфюршествомъ, принадлежавшимъ англійскому королю; на этотъ счетъ между Наполеономъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III было даже особое соглашеніе. Обѣ стороны, однако, имѣли разныя основанія быть недовольными другъ другомъ, и въ 1806 г. Пруссія присоединилась къ врагамъ Франціи. Прежде чѣмъ, однако, она успѣла получить помощь отъ Россіи, Наполеонъ нанесъ ей пораженіе при Іенѣ (1806), занялъ вскорѣ затѣмъ Берлинъ и, побѣдивъ князей сѣверной Германіи, стоявшихъ на сторонѣ Пруссіи, вступилъ въ принадлежавшую ей съ Варшавою часть Польши (1807). Помощь, поданная прусскому королю Россіей на нижней Вислѣ, оказалась запоздалою и не могла помѣшать французамъ послѣ побѣды надъ русскими при Фридландѣ занять Кёнигсбергъ. Александръ I счелъ тогда за лучшее прекратить борьбу и заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807). Оба императора здѣсь сошлись на томъ, что будутъ помогать другъ другу, подѣливъ между собою западъ и востокъ

Европы. Наполеонъ еще разъ съумѣлъ превратить врага въ союзника. Извѣстно, что лишь заступничество Александра I спасло тогда Пруссію отъ исчезновенія съ политической карты Европы, но Пруссія всетаки лишилась половины своихъ владѣній (къ западу отъ Эльбы), обязалась выплатить громадную контрибуцію и должна была принять французскіе гарнизоны. Изъ польскихъ земель, доставшихся Пруссіи по второму и третьему раздѣламъ, было образовано Наполеономъ великое герцогство Варшавское, а изъ областей между Эльбою и Рейномъ съ сосѣдними частями Ганновера и другихъ княжествъ, отнятыхъ у союзниковъ Пруссіи, королевство Вестфальское, гдѣ воцарился братъ Наполеона Іероним.

Пораженіе Австріи и Пруссіи и союзъ съ Россіей доставили Наполеону небывалое могущество. Отнятую у Австріи Венецію онъ присоединилъ къ своему Италійскому королевству, намѣстникомъ въ которомъ былъ его пасынокъ Евгеній Богарнэ, а Тоскана была присоединена непосредственно къ Франціи. Кромѣ того, на другой же день послѣ пресбургскаго мира, Наполеонъ объявилъ, что «династія Бурбоновъ перестала царствовать въ Неаполѣ», и отдалъ Неаполитанское королевство старшему своему брату Іосифу. Въ одно время съ Іосифомъ получилъ корону и еще одинъ братъ Наполеона, Людовикъ, которому досталась Батавская республика, превращенная теперь въ Голландское королевство.

Болѣе всего перемѣнъ послѣ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ въ Люневилѣ, Пресбургѣ и Тильзитѣ, произошло въ Германіи. Уже уступка Франціи лѣваго берега Рейна ставила вопросъ о вознагражденіи германскихъ государей за утраченныя ими земли, а такъ какъ въ войнахъ съ Австріей и Пруссіей участвовали и многіе изъ этихъ государей (южные на сторонѣ Наполеона противъ Австріи, сѣверные за Пруссію противъ Наполеона), то и это влекло за собою территоріальныя измѣненія. Наполеонъ вообще старался привязывать къ себѣ нужныхъ ему союзниковъ территоріальными уступками. Изъ войны, окончившейся тильзитскимъ миромъ, побѣжденная Россія вышла, напр., не съ пустыми руками, а получила небольшой Бѣлостокскій округъ, отторгнутый отъ тогдашней прусской Польши при образованіи герцогства Варшавскаго, какъ послѣ побѣды Наполеона надъ Австріей въ 1809 г. пріобрѣла тоже небольшой Тарнопольскій округъ, отрѣзанный отъ Галиціи. Что касается спеціально воз-

награжденія князей Священной Римской имперіи, помогавшихъ Наполеону или просто бывшихъ ему угодными, то оно сопровождалось крушеніемъ ея стараго, чисто средневѣкового строя съ такимъ же количествомъ въ ней всякихъ князей свѣтскихъ и духовныхъ и вольныхъ городовъ, т.-е. маленькихъ республикъ, сколько дней въ году. Вознагражденія для германскихъ государей брались изъ мелкихъ владѣній, которыя присоединялись къ крупнымъ, вслѣдствіе чего число нѣмецкихъ княжествъ сильно сокращалось съ каждою новою передѣлкою политической карты Германіи. Во-первыхъ, исчезли духовныя княжества, этотъ остатокъ средневѣковой старины, при чемъ секуляризованныя земли духовныхъ князей были присоединяемы къ владѣніямъ свѣтскихъ государей. Во-вторыхъ, масса мелкихъ княжествъ и почти всѣ имперскіе города (45 изъ 51) были медіатизированы, т.-е. изъ непосредственныхъ (immediati) чиновъ имперіи превращены въ посредственные, тоже, значитъ, были распредѣлены между болѣе крупными князьями. Чтобы уцѣлѣть или чтобы побольше получить, нѣмецкіе государи всячески унижались передъ Наполеономъ и готовы были предавать ему другъ друга. Императоръ весьма искусно пользовался ихъ соперничествомъ, щедро награждая наиболѣе вѣрныхъ или наиболѣе нужныхъ. Особенною его благосклонностью пользовались Баварія и Вюртембергъ, возведенные на степень королевствъ послѣ разгрома Австріи, и Саксонія, получившая королевскій титулъ послѣ разгрома Пруссіи. Саксонскому же королю Наполеонъ отдалъ и великое герцогство Варшавское. Потеря Германіей лѣваго берега Рейна, сокращеніе прежняго числа отдѣльныхъ государствъ, на которыя она раздѣлялась, исчезновеніе духовныхъ княжествъ, уничтоженіе почти всѣхъ вольныхъ городовъ и униженіе Австріи, стоявшей во главѣ Германіи, положили конецъ средневѣковой Священной Римской имперіи германской націи. Императоръ Францъ II, еще въ 1804 г. объявившій императорскую корону наслѣдственною собственностью династіи Габсбурговъ, изъялъ въ 1806 г. свою монархію изъ состава Германіи и сталъ называться Францемъ I, императоромъ австрійскимъ. Это было отвѣтомъ Австріи на образованіе Наполеономъ подъ своимъ протекторатомъ изъ юго-западныхъ и прирейнскихъ нѣмецкихъ князей Рейнскаго союза, къ которому послѣ разгрома Пруссіи присоединились и остальныя уцѣлѣвшія княжества, и оба новыя королевства—Саксонія и Вестфалія.

Тильзитскій миръ предоставлялъ Россіи расправиться съ Шве-

ціей и Турціей. Вскорѣ у первой Россія отняла Финляндію (1809), у второй — Бессарабію (1812). Въ западной половинѣ Европы должна была безраздѣльно господствовать Франція. Обѣ державы, подѣлившія между собою материкъ Европы и скрѣпившія свой союзъ новымъ свиданіемъ императоровъ въ Эрфуртѣ, взаимно обязались нанести ударъ Англіи въ ея торговлѣ посредствомъ такъ называемой континентальной блокады: всѣ порты европейскаго континента запирались для англійскихъ товаровъ, и кораблямъ континентальныхъ государствъ запрещалось заходить въ порты самой Англіи. Наполеонъ былъ, однако, не въ состояніи осуществить во всей строгости континентальную систему, какъ ее у насъ, называли. Англія, господствуя на моряхъ, дѣлала въ это время новыя и новыя пріобрѣтенія въ колоніяхъ и совершенно убила прежнюю заморскую торговлю Франціи и Голландіи. Кромѣ того, континентальная блокада, наносившая большой вредъ самимъ союзникамъ Франціи и потому плохо ими соблюдавшаяся, служила источникомъ новыхъ международныхъ осложненій и вызывала Наполеона на новыя произвольныя дѣйствія на материкѣ. На сторонѣ Англіи послѣ тильзитскаго мира была Швеція, Данія и Португалія, и Наполеонъ въ союзѣ съ Александромъ I долженъ былъ принудить эти государства къ принятію «системы». Россія начала съ Швеціей войну, во время которой тамъ произошелъ переворотъ: государственный сеймъ замѣнилъ Густава IV его дядей Карломъ XIII, избравъ при этомъ въ преемники ему французскаго маршала Бернадота; послѣ этого и Швеція примкнула къ союзу съ Франціей. Данія, вздумавшая остаться нейтральною, подверглась нападенію со стороны Англіи и перешла тоже въ ряды ея враговъ. Въ 1807 г., заключивъ тайный союзъ съ Испаніей, Наполеонъ объявилъ, что «Браганцскій домъ пересталъ царствовать» въ Португаліи, и опять причиною этого было нежеланіе португальскаго короля принять континентальную блокаду. Началось завоеваніе и этого государства, въ самомъ же началѣ покинутаго своимъ королемъ, удалившимся въ Бразилію. Затѣмъ наступила очередь самой Испаніи. Она уже болѣе десяти лѣтъ находилась тогда въ полномъ подчиненіи у французской политики, платя своей союзницѣ большія субсидіи и теряя въ ея войнахъ свои корабли и колоніи. Наполеонъ пообѣщалъ испанскому правительству раздѣлъ португальскихъ владѣній и колоній и получилъ ея содѣйствіе при завоеваніи Португаліи. Затѣмъ онъ искусно воспользовался распрями въ королевской

семьѣ, чтобы въ роли посредника, въ концѣ концовъ, заставить испанскаго короля Карла IV отказаться отъ престола въ пользу его самого, «какъ единственнаго государя, способнаго упорядочить внутреннія дѣла страны». Это новое пріобрѣтеніе Наполеонъ отдалъ своему брату, царствовавшему тогда въ Неаполѣ, а въ послѣдній назначилъ королемъ мужа одной изъ своихъ сестеръ, Іоахима Мюрата (1808). Въ томъ же году французскія войска заняли Римъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ 1809 г., Австрія еще разъ начала войну съ Франціей, Она сразу двинула свои войска на Баварію, на Италію и на герцогство Варшавское, но снова испытала рядъ неудачъ. Наполеонъ вторично занялъ Вѣну, и австрійцы потерпѣли еще непоправимое пораженіе при Ваграмѣ. По шёнбрунскому миру Австрія потеряла нѣсколько значительныхъ территорій, подѣленныхъ между Баваріей, королевствомъ Италійскимъ, великимъ герцогствомъ Варшавскимъ (часть бывшихъ польскихъ земель съ Краковомъ) и самимъ Наполеономъ. Франція на сей разъ получила побережье Адріатическаго моря подъ названіемъ Иллиріи. Тогда же Наполеонъ простымъ декретомъ отмѣнилъ свѣтскую власть папы, присоединивъ Церковную область къ своей имперіи и объявивъ при этомъ Римъ второй ея столицей. Эта побѣда надъ Австріей была завершена тѣмъ, что императоръ Францъ долженъ былъ выдать за Наполеона свою дочь Марію-Луизу (1810). Когда отъ этого брака родился сынъ, то онъ получилъ титулъ «римскаго короля».

Послѣ 1809 г. французская имперія находилась на высшей степени своего могущества. Ея границы получили новое расширеніе, когда къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ революціи и самого Наполеона (Бельгія, лѣвый берегъ Рейна, нѣкоторыя части Швейцаріи, Савойя, Пьемонтъ съ Генуей, Тоскана и Папская область) прибавилась еще Голландія и полоса сѣверной Германіи съ устьями всѣхъ рѣкъ отъ Рейна до Эльбы. Голландію Наполеонъ отнялъ (1810) у своего брата Людовика за то, что тотъ плохо соблюдалъ континентальную блокаду. Эта же самая причина заставила Наполеона отнять у законныхъ владѣльцевъ (между прочимъ, у герцога Ольденбургскаго) сѣверное побережье Германіи вдоль Нѣмецкаго моря. Такимъ образомъ, въ 1810 г. Франція далеко выходила изъ своихъ такъ называемыхъ «естественныхъ границъ», овладѣвъ, кромѣ Савойи и всѣхъ Нидерландовъ, сѣверо-западомъ и серединою Италіи и сѣверо-западомъ Германіи. Ко-

ролевство Италійское, составлявшее другую (сѣверо-восточную) треть Италіи, была, въ сущности, лишь замаскированною провинціей самой Франціи. Понятно, что и королевства братьевъ Наполеона (Іеронима въ Вестфаліи, Мюрата въ Италіи, Іосифа въ Испаніи) тоже составляли только замаскированныя провинціи его имперіи. Швейцарія и Рейнскій союзъ, признававшіе императора французовъ своимъ протекторомъ, съ трехъ сторонъ были, такимъ образомъ, охвачены французскими владѣніями, а на востокѣ отъ Рейнскаго союза лежали страшно урѣзанныя и вполнѣ обезсиленныя Австрія и Пруссія [1]), вдобавокъ имѣвшія позади себя великое герцогство Варшавское, наполеоновскій аванпостъ, выдвинутый и противъ Россіи.

Въ эту эпоху Европа находилась подъ настоящимъ французскимъ игомъ. Наполеонъ распоряжался въ порабощенныхъ странахъ, какъ у себя дома, а дома, какъ извѣстно, онъ ничѣмъ не сдерживалъ свой деспотизмъ. Народы страдали подъ этимъ игомъ, и государи ихъ, остававшіеся несмѣщенными со своихъ престоловъ, подвергались всякимъ униженіямъ. Послѣднимъ оплотомъ, за которымъ «хоронились, по выраженію Сореля, порабощенные или подкупленные корсли», была чистота ихъ царственной крови, составлявшая ихъ гордость и дѣлавшая изъ нихъ какъ бы особую расу среди народовъ Европы. Выходъ замужъ дочери австрійскаго императора за «выскочку» Наполеона, въ жилахъ котораго текла плебейская кровь, былъ для представителей стараго порядка послѣднимъ и самымъ худшимъ униженіемъ. Короли, однако, это терпѣли, и на эрфуртскомъ свиданіи государи Рейнскаго союза разыгрывали роль простыхъ царедворцевъ. Менѣе способными переносить чужеземное иго оказывались народы, среди которыхъ начинало дѣйствовать чувство, уже испытанное въ свое время самими французами, когда ихъ независимости и достоинству грозила коалиція королей.

Первый примѣръ народнаго возстанія противъ французскаго владычества подали испанцы и португальцы, съ самаго начала (1808) враждебно встрѣтившіе французовъ, организовавшіе противъ нихъ маленькія войны, «гверильи», и получившіе военную помощь отъ Англіи, главнаго врага Наполеона. За испанцами и

---

[1]) При Наполеонѣ, Германія слѣдовательно, распалась на четыре части: 1) лѣвый берегъ Рейна и побережье Нѣмецкаго моря входили въ составъ Франціи; 2) среднюю часть Германіи составляли государства Рейнскаго союза числомъ 22; на востокѣ были 3) Австрія и 4) Пруссія.

португальцами послѣдовали нѣмцы, начавшіе подниматься въ разныхъ мѣстахъ (особенно въ Тиролѣ) еще во время войны 1809 г. Во время своего похода въ Россію въ 1812 г. Наполеонъ встрѣтился уже съ настоящею народною войною; недаромъ у насъ эта война получила названіе «отечественной». Несчастный для французовъ исходъ вторженія въ Россію былъ, какъ извѣстно, сигналомъ для общаго возстанія Германіи для освобожденія отъ наполеонова владычества. Національныя стремленія пробудились и у итальянцевъ: среди образованныхъ классовъ Апеннинскаго полуострова родилась мысль объ объединеніи всей Италіи въ одно національное государство. Изъ всѣхъ народовъ Европы только одни поляки были на сторонѣ Наполеона. Послѣ паденія своего отечества, уповая на помощь Франціи, они массами устремлялись въ ея арміи и сражались за нее во всѣхъ концахъ Европы: основаніе великаго герцогства Варшавскаго изъ части прусскаго «захвата», приращеніе его территоріи частью «захвата» австрійскаго и объявленіе Наполеономъ въ 1812 г. войны противъ Россіи приняты были поляками за начало возстановленія прежняго ихъ государства. Почти всеобщая ненависть къ французамъ была результатомъ матеріальнаго истощенія и нравственнаго угнетенія, въ какомъ находились народы Европы. Усиленіе налоговъ, вызванное постоянными войнами, уплата громадныхъ денежныхъ субсидій или контрибуцій, налагавшихся Наполеономъ какъ на союзниковъ, такъ и на побѣжденныхъ, неудобства и прямо вредныя слѣдствія континентальной блокады, рекрутскіе наборы, униженія и оскорбленія, какимъ высокомѣріе побѣдителей подвергало покоренныя націи,—все это, вмѣстѣ взятое, и создало ту силу, которая въ концѣ концовъ одержала верхъ въ борьбѣ. Къ тому же еще измѣнилась и политика самихъ правительствъ и одновременно въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, европейскіе монархи перестали съ опасеніемъ относиться къ народнымъ движеніямъ, раньше принимавшимъ всегда болѣе или менѣе революціонный характеръ. Во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ государи полагались исключительно на свои арміи, но разъ войско было разбито, имъ приходилось смиряться передъ побѣдителемъ. Наоборотъ, въ послѣдней борьбѣ съ Наполеономъ правительства дѣйствовали въ союзѣ со своими народами. Съ другой стороны, вся французская политика временъ республики и имперіи заключалась въ томъ, чтобы разъединять интересы иностранныхъ государей, если же

государи заключали союзъ, то предупреждать соединеніе ихъ армій и разбивать по-одиночкѣ. И въ этомъ отношеніи произошла перемѣна, такъ какъ правительства поняли, что лишь въ тѣсномъ единеніи между собою они будутъ въ состояніи дать отпоръ поработителю Европы, владычество котораго грозило новыми и новыми войнами.

«Началомъ конца» имперіи Наполеона было его столкновеніе съ Россіей. Тильзитскіе союзники рано или поздно не могли не придти въ конфликтъ между собою. Континентальная блокада наносила вредъ русскимъ торговымъ интересамъ, и Наполеонъ находилъ, что русскій императоръ плохо соблюдалъ эту систему. Съ своей стороны, Александръ I былъ недоволенъ тѣмъ, что его союзникъ отнялъ владѣнія у герцога Ольденбургскаго, близкаго родственника русскаго императорскаго дома, и съ опасеніемъ смотрѣлъ на разростаніе великаго герцогства Варшавскаго, самое существованіе котораго казалось ему угрозою по адресу Россіи. Начиная въ 1812 г. войну съ Россіей, Наполеонъ расчитывалъ на подкрѣпленіе своей «великой арміи» изъ «двадесяти языковъ» прусскимъ и австрійскимъ корпусами. Послѣ сраженія при Бородинѣ, самой кровопролитной изъ всѣхъ наполеоновскихъ битвъ, великая армія заняла Москву, гдѣ побѣдитель думалъ продиктовать условія мира, но результатъ былъ совсѣмъ иной. Не дождавшись просьбы о мирѣ и желая перейти въ неразоренныя еще южныя губерніи, Наполеонъ двинулся изъ Москвы на югъ, но былъ отраженъ и вынужденъ начать отступленіе по прежней, уже ранѣе опустошенной дорогѣ, преслѣдуемый русскими войсками, партизанскими отрядами, мѣстнымъ населеніемъ и великой стужей.

За неудачею французскаго нашествія на Россію и въ Германіи вспыхнула война за освобожденіе. Александръ I рѣшилъ перенести борьбу съ Наполеономъ за предѣлы Россіи, и появленіе въ Германіи русскихъ отрядовъ привѣтствовалось нѣмцами, какъ пришествіе избавителей. Зато нѣмецкіе правители не сразу примкнули къ союзу, заключенному (въ Калишѣ) между Россіею и Пруссіей; нѣкоторые изъ нихъ даже прямо поддерживали Наполеона, въ которомъ видѣли опору собственной власти. Патріотическому воодушевленію нѣмцевъ сильно содѣйствовали прокламаціи прусскаго короля, говорившія о правѣ народовъ на свободное распоряженіе своими судьбами. Осенью 1813 г. послѣ трехдневной битвы подъ Лейпцигомъ, въ которой саксонскія войска покинули французовъ, Наполеонъ долженъ былъ начать отступ-

леніе, и тогда государи Рейнскаго союза одинъ за другимъ стали переходить на сторону Россіи и Пруссіи и съ незадолго передъ этимъ присоединившейся къ нимъ Австріей. При этомъ, однако, они выговаривали сохраненіе за собою своихъ территорій и верховныхъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ нѣмецкіе государи, которые были лишены своихъ владѣній Наполеономъ, стали возвращаться домой. Въ ночь на 1 января 1814 г. часть прусской арміи переправилась черезъ Рейнъ, и театромъ войны сдѣлалась сама Франція. Наполеонъ еще нѣсколько разъ проявилъ свое военное искусство, пока одно пораженіе (при Арсисъ-сюръ-Объ) не открыло передъ союзниками дороги на Парижъ. Они очень скоро овладѣли господствующими надъ французскою столицей высотами и вступили затѣмъ въ самый городъ. Французскіе генералы, бывшіе особенно близкими къ императору, перешли тогда на сторону его противниковъ. Наполеону оставалось только отречься отъ престола и уѣхать на итальянскій островъ Эльбу, отданный въ его владѣніе. Во Францію вернулись Бурбоны въ лицѣ графа Прованскаго, теперь Людовика XVIII, причемъ сама Франція по парижскому миру (первому) была лишена всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ послѣ 1792 г. Въ изгнаніи Бурбоны и вернувшіеся съ ними эмигранты «ничего не позабыли и ничему не научились». Ихъ намѣреніемъ было возстановить старый порядокъ, что только раздражало народъ. Наполеонъ узналъ объ этомъ, явился во Францію (весною 1815 г.) и былъ встрѣченъ населеніемъ, какъ спаситель пріобрѣтеній революціи. Высланное противъ него войско не замедлило перейти на сторону прежняго своего государя, и возвратившійся императоръ вступилъ въ Парижъ при восторженныхъ кликахъ народа. Надававъ французамъ либеральныхъ обѣщаній и даже согласившись на новую конституцію,онъ поспѣшилъ предупредить союзниковъ, объявившихъ противъ него войну, и двинулся въ Бельгію. Сюда уже стягивались англійскія и прусскія войска. Наполеонъ нанесъ сначала пораженіе пруссакамъ, а потомъ напалъ при Ватерлоо на англичанъ, но къ англійскому полководцу Веллингтону подоспѣлъ на помощь прусскій генералъ Блюхеръ, и битва кончилась полнымъ пораженіемъ французской арміи. Вскорѣ затѣмъ союзныя войска вторично появились подъ стѣнами Парижа. Второе, продолжавшееся лишь «сто дней», царствованіе Наполеона завершило собою первый періодъ исторіи XIX в., названный по имени его наполеоновскимъ. Союзники опять возстановили во Франціи Бур-

боновъ и заключили съ Людовикомъ XVIII новый (второй парижскій) миръ, по которому Франція ограничивалась уже предѣлами 1790 г., обязывалась выплатить громадную контрибуцію и вынуждена была въ теченіе пяти лѣтъ содержать у себя полтораста тысячъ союзнаго войска.

Европейская коалиція, образовавшаяся противъ Франціи въ 1813 г., не распалась, какъ это случалось съ прежними коаліціями, и довела свою задачу до конца, разрушивъ завоевательную имперію Наполеона I и освободивъ отъ нея Европу. 1 ноября 1814 г. въ Вѣнѣ открылся конгрессъ монарховъ и министровъ, которому предстояло установить въ Европѣ новый порядокъ вещей на развалинахъ наполеоновскаго владычества. Возвращеніе Наполеона во Францію не только не остановило работъ конгресса, но даже заставило покончить начинавшійся среди его союзниковъ разладъ, и 9 іюня 1815 г. въ своемъ «заключительномъ актѣ» (acte final) конгрессъ могъ подвести общіе итоги подъ своими постановленіями. Руководящими принципами вѣнскаго конгресса были возвращеніе законныхъ династій на отнятые у нихъ престолы (принципъ легитимизма); устраненіе по возможности старыхъ республикъ (каковы были Венеція, Генуя, Голландія и имперскіе города въ Германіи); вознагражденіе государствъ, наиболѣе способствовавшихъ низверженію Наполеона и наказаніе, наоборотъ, тѣхъ, которыя до конца остались въ союзѣ съ Наполеономъ; созданіе на границахъ Франціи ряда болѣе сильныхъ второстепенныхъ государствъ, которыя могли бы составить противъ нея своего рода оплотъ; совершенное отрицаніе національныхъ и другихъ культурныхъ особенностей тѣхъ странъ, дѣлежомъ которыхъ занялись дипломаты. Изъ-за желанія Александра I получить все великое герцогство Варшавское, занятое русскими войсками въ 1813 г., и изъ-за желанія Пруссіи пріобрѣсти всю Саксонію, король которой былъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ союзниковъ Наполеона, чуть-было не возникла война, такъ какъ Австрія, Франція и Англія воспротивились и тому, и другому; въ концѣ концовъ Александръ I долженъ былъ удовольствоваться лишь большею частью великаго герцогства (безъ Познани), а Фридрихъ-Вильгельмъ III—только половиною Саксоніи. Изъ бывшей прусской Польши Александръ I образовалъ особое Царство Польское [1]). Кромѣ этого, территоріальныя измѣненія, произведенныя

[1]) Были также утверждены присоединенія къ Россіи Финляндіи (1809) и Бессарабіи (1812).

вѣнскимъ конгрессомъ, были еще слѣдующія. Къ Австріи были присоединены часть Галиціи, отнятая у нея въ 1809 г. въ пользу Россіи [1]), Тироль, Зальцбургъ, Ломбардія и старая территорія Венеціи («Ломбардо-Венеціанское королевство»), а также и вся Далмація («Королевство Иллирія»). Пруссія сверхъ уже упомянутой части Саксоніи получила обратно нѣмецкія области, утраченныя по тильзитскому миру, а также пріобрѣла нѣкоторую часть великаго герцогства Варшавскаго, именно Познань и большую область на Рейнѣ, на границѣ съ Франціей, гдѣ прежде были владѣнія духовныхъ курфюрстовъ. Голландія, бывшая до революціи республикой, и Бельгія, составлявшая въ XVIII в. австрійское владѣніе, были соединены, въ видѣ оплота противъ Франціи на сѣверозападѣ, въ одно Нидерландское королевство, государю котораго, Вильгельму Оранскому, было предоставлено еще германское герцогство Люксембургъ. Къ этимъ владѣніямъ примыкала прирейнская Пруссія, а позади ея возведенный въ королевство и расширенный Ганноверъ, возвратившійся подъ власть англійскаго короля. Баварія тоже была усилена присоединеніемъ къ ней Пфальца, а къ Швейцаріи были присоединены кантоны Валлисъ, Женева и Невшатель (послѣдній подъ верховной властью прусскаго короля), причемъ территорія федераціи была объявлена на вѣчныя времена нейтральною. На югъ отъ нея возстановлено было королевство Сардинское, возвращенное своему законному королю и расширенное возвращеніемъ ему Савойи съ придачею территоріи прежней республики Генуэзской. Это государство замыкало кордонъ противъ Франціи, на противоположномъ концѣ котораго было Нидерландское королевство. Въ числѣ наказанныхъ государствъ была Данія, потерявшая Норвегію, которою былъ, наоборотъ, награжденъ король Швеціи. Въ Италіи была произведена реставрація старыхъ династій. Въ сѣверной ея части, кромѣ королевствъ Сардинскаго и Ломбардо-Венеціанскаго, присоединеннаго къ Австріи, были созданы небольшія герцогства (Модена, Лукка, Парма) для членовъ австрійскаго и бурбоно-испанскаго домовъ [2]). Въ средней Италіи возстановлено было великое герцогство Тосканское, доставшееся брату австрійскаго императора — Фердинанду, а папѣ возвращены всѣ

---

[1]) Краковъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ подъ протекторатомъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Въ 1846 г. эта маленькая республика была присоединена къ Австріи.

[2]) Парма была отдана женѣ Наполеона, Маріи-Луизѣ.

прежнія части Церковной области. Мюратъ, цѣною измѣны Наполеону удержавшійся въ 1814 г. на неаполитанскомъ престолѣ, въ эпоху «ста дней» вздумалъ-было начать войну съ Австріей съ цѣлью объединенія Италіи, но былъ побѣжденъ (и впослѣдствіи разстрѣлянъ за новую попытку возстанія), Неаполь же, соединенный съ Сициліей въ одно королевство Обѣихъ Сицилій, былъ возвращенъ королю Фердинанду. Были, равнымъ образомъ, въ эту эпоху возстановлены на своихъ престолахъ и государи обоихъ королевствъ Пиренейскаго полуострова.

Особенно много хлопотъ доставило вѣнскому конгрессу устройство Германіи. Вернуться къ старому феодальному строю и средневѣковой имперіи было немыслимо, но и стремленіе передовыхъ людей эпохи къ политическому объединенію также не могло осуществиться, потому что идея національнаго единства еще не успѣла глубоко проникнуть въ народное сознаніе, а государи бывшаго Рейнскаго союза не хотѣли лишиться своей власти. Выбранъ былъ средній путь. Вмѣсто прежнихъ трехъ съ половиною сотенъ княжествъ и республикъ, въ Германіи признано было теперь тридцать восемь государствъ: одна имперія (Австрія), пять королевствъ (Пруссія, Саксонія, Ганноверъ, Баварія и Вюртембергъ), 28 княжествъ съ разными титулами (между ними Люксембургъ и Гольштейнъ, бывшія подъ властью у королей нидерландскаго и датскаго) и четыре вольныхъ города (Гамбургъ, Любекъ, Бременъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ). Всѣ эти государства образовали изъ себя Германскій союзъ съ особымъ союзнымъ сеймомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ подъ предсѣдательствомъ Австріи [1]). Это послѣднее государство заняло вообще первенствующее положеніе въ Средней Европѣ, господствуя одновременно надъ раздробленными Германіей и Италіей. Второю политическою силою въ Германіи была Пруссія, состоявшая изъ двухъ главныхъ частей на востокѣ (старыя земли) и западѣ (Прирейнская Пруссія), между которыми лежала вся остальная Сѣверная Германія. Такое географическое положеніе создавало для Пруссіи господствующее положеніе въ этой части Германскаго союза [2])

---

[1]) Австрія и Пруссія входили въ составъ Германскаго союза лишь западными своими частями, которыя и раньше принадлежали Священной Римской имперіи.

[2]) Кромѣ названныхъ въ текстѣ имперій, королевствъ и вольныхъ городовъ, въ составъ Германскаго союза входили: одно курфюршество:— Гессенъ-Кассельское (Кургессенъ); семь великихъ герцогствъ: Баденъ,

Постановленія вѣнскаго конгресса были дѣломъ дипломатовъ, опиравшихся на право сильнаго, думавшихъ только о количествахъ душъ или квадратныхъ миль и не обращавшихъ вниманія ни на культурныя условія соединяемыхъ и разъединяемыхъ территорій, лишь бы въ каждомъ данномъ случаѣ было надлежащее «вознагражденіе», состоящее изъ извѣстной территоріи съ извѣстнымъ населеніемъ. Руководясь принципомъ легитимизма въ отношеніи къ старымъ династіямъ, конгрессъ совершенно игнорировалъ національныя стремленія. Германія еще кое-какъ была «устроена», но Италія не только была оставлена при прежнемъ раздробленіи и представляла собою лишь «географическое понятіе», но отдана, вдобавокъ, частью подъ непосредственное владычество Австріи, частью подъ ея опеку. Образованіе изъ Голландіи и Бельгіи Нидерландскаго королевства было, въ сущности, установленіемъ господства голландцевъ надъ бельгійцами. Александръ I мечталъ о возстановленіи подъ своею властью польской національности, но и поляки остались раздѣленными между Австріей, Пруссіей, Россіей и вольнымъ городомъ Краковомъ, причемъ часть Галиціи, населенная малороссами (русинами), уже входившая въ составъ Россійской имперіи, возвращена была снова подъ власть Австріи. Греческіе патріоты вздумали-было обратиться къ конгрессу съ просьбою о возрожденіи ихъ національности, но дипломаты настояли на томъ, чтобы греческій вопросъ совсѣмъ и не поднимался на конгрессѣ. Только Іоническіе острова, принадлежавшіе раньше Венеціанской республикѣ и удержанные при ея дѣлежѣ Франціей за собою, были превращены въ республику, отданную подъ протекторатъ Англіи, что впрочемъ, только усиливало послѣднюю на Средиземномъ морѣ [1]). Обращаясь такимъ образомъ съ національностями, вѣнскій конгрессъ шелъ, въ сущности, по

Гессенъ-Дармштадтъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Саксенъ-Веймаръ, Люксембургъ и Ольденбургъ; десять герцогствъ: Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Кобургъ, Саксенъ-Гота, Саксенъ-Гильбурггаузенъ, Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кетенъ и Ангальтъ-Бернбургъ, Нассау, Брауншвейгъ, Гольштейнъ; десять княжествъ: Гогенцоллернъ-Гехингенъ, Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, Швацбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, Рейсъ старшей и Рейсъ младшей линіи, Липпе-Детмольдъ, Липпе-Шаумбургъ, Бюксбургъ, Вальдекъ, Лихтенштейнъ. Въ 1817 г. къ союзу примкнуло еще ландграфство Гессенъ-Гомбургъ. Прибавимъ, что Германія была союзомъ государствъ (Staatenbund), а не союзнымъ государствомъ (Bundesstaat), какъ теперь.

[1]) Англія оставила здѣсь подъ своимъ владычествомъ Мальту.

стопамъ Наполеона, который, въ свою очередь, лишь примѣнялъ къ международнымъ отношеніямъ принципы, бывшіе въ ходу при старомъ порядкѣ. Новое устройство, которое получила Европа въ 1815 г., должно было, по мысли главныхъ правительствъ, сдѣлаться залогомъ мира и равновѣсія между державами, и хотя уже черезъ 15 лѣтъ послѣ подписанія заключительнаго акта дѣло вѣнскаго конгресса стало разрушаться, тѣмъ не менѣе на долгое время международный миръ въ Европѣ былъ обезпеченъ, пока уже во второй половинѣ XIX в. объединеніе Италіи и Германіи не нанесло окончательнаго удара главнымъ созданіямъ вѣнскаго конгресса.

IV. Внутреннія измѣненія въ разныхъ странахъ въ наполеоновскую эпоху.

Двойственное значеніе наполеоновской эпохи во внутренней исторіи Франціи и другихъ странъ. — Возстановленіе абсолютизма во Франціи въ новой формѣ и торжество административной централизаціи.—Возстановленіе католицизма и конкордатъ. — Консолидація соціальныхъ пріобрѣтеній революціи и Наполеоновъ кодексъ. Внутреннія перемѣны внѣ Франціи.— Ударъ, нанесенный наполеоновскимъ владычествомъ феодализму и крѣпостничеству. — Административныя реформы. — Возобновленіе конституціонныхъ стремленій въ концѣ имперіи.

Первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ при разсмотрѣніи наполеоновской эпохи въ общей исторіи XIX вѣка, заключается въ опредѣленіи того отношенія, въ какомъ эта эпоха находится къ французской революціи, на которую мы условились смотрѣть какъ на исходный пунктъ исторіи XIX в. И у современниковъ, и въ ближайшемъ потомствѣ это отношеніе понималось различнымъ образомъ, и о центральной личности этой эпохи, Наполеонѣ, высказывались діаметрально противоположныя сужденія — то какъ о человѣкѣ, обуздавшемъ революцію, то, наоборотъ, какъ о человѣкѣ, который содѣйствовалъ ея торжеству. Любопытно, что какъ на ту, такъ и на другую точку зрѣнія стано-

---

[1]) Уч. кн., §§ 251—255 и 263—264.—И. З. Е., т. IV, гл. VI, VII, IX и X. — Общій взглядъ, гл. III.

вились люди противоположныхъ лагерей. Особенно интересно именно, что на Наполеона, какъ на продолжателя революціи, смотрѣли и представители стараго порядка, для которыхъ онъ былъ «исчадіемъ революціи», и либералы, видѣвшіе въ немъ спасителя принциповъ 1789 года. Съ другой стороны, для многихъ защитниковъ этихъ самыхъ принциповъ онъ являлся «первымъ изъ контръ-революціонеровъ», какъ выразилась о немъ г-жа Сталь вскорѣ послѣ того, какъ онъ сошелъ съ исторической сцены. Если бы мы для рѣшенія вопроса, каково же было истинное отношеніе Наполеона къ революціи, обратились къ его собственнымъ заявленіямъ, то и въ нихъ нашли бы матеріалъ для отвѣта въ двоякомъ смыслѣ. Положимъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ заявленіями человѣка, не отличавшагося правдивостью и высказывавшагося такъ или иначе, смотря по тому, что было выгоднѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но и тутъ приходится принимать въ расчетъ, что самая возможность противоположныхъ заявленій указываетъ на допущеніе вопросомъ не совсѣмъ простого рѣшенія. Прибавимъ, наконецъ, что и у историковъ наполеоновской эпохи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же противорѣчіемъ, и если, напримѣръ, для историка консульства и имперіи, Тьера, Наполеонъ былъ продолжателемъ революціи, то для другого историка эпохи, Ланфре, онъ являлся, наоборотъ, контръ-революціонеромъ.

Только-что отмѣченная двойственность взглядовъ на одну и ту же историческую личность объясняется въ общемъ и двойственнымъ характеромъ эпохи консульства и имперіи, во-первыхъ, въ ея разныхъ отношеніяхъ къ политической и соціальной сторонамъ революціи, и несходствомъ ея значенія для самой Франціи и для остальной Европы, во-вторыхъ. Мы уже говорили, что все значеніе революціи для самой Франціи сводится къ установленію свободнаго государства и безсословнаго гражданства, и что въ этомъ заключаются политическая и соціальная стороны революціи. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы Наполеонъ I былъ продолжателемъ революціи въ ея стремленіи къ политической свободѣ: дѣйствительность слишкомъ рѣзко и очевидно противорѣчила бы такому взгляду. Наоборотъ, владычество Наполеона само было подготовлено тою реакціей противъ политической свободы, которая возникла въ среднихъ классахъ французскаго общества, напуганныхъ демократическимъ движеніемъ временъ республики. Эти общественные классы готовы были посту-

питься политическою свободою, лишь бы обезопасить себя отъ новой революціи, такъ какъ, въ концѣ концовъ, она направилась бы противъ нихъ. Но тѣ же самые общественные классы, конечно, не желали и возвращенія стараго порядка и стремились всячески обезпечить за собою пріобрѣтенія уже совершившейся революціи и укрѣпить введеное ею гражданское равенство. Наполеонъ былъ для французской буржуазіи одинаково и гарантіей противъ повторенія якобинской диктатуры, опиравшейся на революціонную демократію, и противъ возвращенія стараго соціальнаго строя съ его аристократическими привилегіями и приниженнымъ положеніемъ самой буржуазіи. Такимъ образомъ, эпоха консульства и имперіи уничтожала во Франціи плоды революціи 1789 года, разсматриваемой съ политической точки зрѣнія и, наоборотъ, закрѣпляла соціальныя пріобрѣтенія этой революціи. Вспомнимъ, что вторичное господство Наполеона въ 1815 г. (такъ называемые «Сто дней») сдѣлалось возможнымъ лишь вслѣдствіе того, что возвратившіеся въ 1814 г. Бурбоны и эмигранты, «ничего не позабывшіе и ничему не научившіеся», слишкомъ очевидно стремились къ возстановленію до-революціонныхъ порядковъ: Наполеонъ и явился съ острова Эльбы во Францію, въ роли какъ бы защитника правъ французскаго народа противъ представителей стараго порядка. На этой-то только почвѣ и могла возникнуть идеализація Наполеона, какъ «человѣка революціи». Его двойственная роль по отношенію къ революціи въ самой Франціи сдѣлается еще болѣе намъ понятною, если мы подведемъ консульство и имперію подъ одну общую историческую категорію. Французской революціи предшествовала на западѣ Европы эпоха «просвѣщеннаго абсолютизма», когда неограниченные монархи или ихъ министры совершали разнаго рода реформы въ духѣ идей философскаго просвѣщенія вѣка, наносившія ударъ средневѣковому католико-феодальному строю общества. Стòитъ только отвлечься отъ политическаго различія, существующаго между просвѣщеннымъ абсолютизмомъ и революціей, и мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ и просвѣщенные деспоты, и дѣятели революціи совершали общее дѣло, разрушая формы стараго католико-феодальнаго общества. Въ сущности, наполеоновская система была своеобразнымъ повтореніемъ этого просвѣщеннаго абсолютизма, а поскольку между этимъ послѣднимъ и французской революціей существовало внутреннее родство, и наполеоновскій режимъ не былъ совершенно чуждъ стремленіямъ революціи. Не-

даромъ, когда послѣ паденія владычества Наполеона наступила въ Европѣ реакція, въ которой преобладали клерикальныя и аристократическія тенденціи, то наиболѣе вѣрные выразители общаго духа этой реакціи не дѣлали большого различія между Наполеономъ, французской революціей и просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Наконецъ, съ точки зрѣнія защитниковъ законныхъ династій Наполеонъ былъ прежде всего революціоннымъ узурпаторомъ, похитителемъ власти, которая ему не принадлежала. Такимъ-то вотъ образомъ и создалось представленіе о Наполеонѣ, какъ о продолжателѣ революціи, и притомъ съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, которыя, однако, обѣ имѣли въ виду одну сторону дѣла и потому не могли дать полнаго выраженія исторической истины.

Еще болѣе бросается въ глаза революціонная роль Наполеона при разсмотрѣніи общеевропейскаго значенія эпохи консульства и имперіи. Забудемъ на время личную роль Наполеона въ разсмотрѣнныхъ нами войнахъ конца XVIII и начала XIX вв.; забудемъ также и то, что въ первую половину этого періода Франція была республикой, во вторую—монархіей: остановимся лишь на чертахъ, сближающихъ между собою въ отношеніяхъ Франціи къ другимъ государствамъ революціонныя и наполеоновскія войны. Прежде всего, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ этого періода Франція путемъ завоеваній расширяла свои предѣлы, присоединяя къ своей государственной территоріи цѣлыя обширныя страны. Во всѣхъ вновь присоединяемыхъ областяхъ французы и при республикѣ, и при Наполеонѣ вводили новые порядки, созданные революціей 1789 года, и въ этомъ отношеніи не было разницы между концомъ XVIII и началомъ XIX в. Одновременно съ расширеніемъ собственной территоріи въ этомъ періодѣ французы, какъ мы знаемъ, создавали еще новыя государства, которыя должны были находиться подъ протекторатомъ Франціи. Это образованіе новыхъ государствъ, начатое республикой, продолжалось — только въ монархической формѣ—и при Наполеонѣ. Новые внутренніе порядки французскаго происхожденія вводились за рѣдкими исключеніями и во всѣхъ государствахъ братьевъ и подручниковъ императора французовъ. Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ введены были конституціи, бывшія сколкомъ съ тогдашней конституціи французской, а она, по крайней мѣрѣ, въ теоріи основывалась на идеяхъ народовластія и представительства. Такимъ образомъ, по отношенію къ остальной Европѣ за-

воевательная политика Франціи въ началѣ XIX в. имѣла значеніе распространенія идей и учрежденій революціи, т.-е. въ данномъ случаѣ Наполеонъ такъ же революціонировалъ Европу, какъ и та республика, которой онъ нанесъ ударъ своимъ брюмерскимъ coup d'état. Владычество Наполеона и еще съ одной стороны способствовало реформированію Европы. Мы уже останавливались на національной оппозиціи противъ французскаго ига въ наполеоновскую эпоху. Любопытно, что, ведя борьбу съ французами или только готовясь къ борьбѣ съ ними, главные представители этой національной оппозиціи сами считали нужнымъ совершать внутреннія преобразованія, которыя, въ сущности, такъ или иначе отражали на себѣ духъ все той же французской революціи. Другими словами, реформы въ новомъ направленіи въ нѣкоторыхъ странахъ, происходили не только по требованію и подъ прямымъ вліяніемъ Наполеона, но и съ цѣлью борьбы противъ него, какъ поработителя народа, хотя, въ концѣ концовъ, идейная сторона въ случаяхъ обоего рода была одна и та же. Таковы именно были прусскія реформы 1807—1814 годовъ, такова была и знаменитая испанская конституція 1812 г. Вообще война за освобожденіе отъ наполеоновскаго деспотизма вызывала въ народахъ самыя свѣтлыя надежды относительно преобразованій въ либеральномъ духѣ, такъ что и съ этой стороны владычество Наполеона, равнымъ образомъ, содѣйствовало распространенію новыхъ политическихъ и общественныхъ принциповъ.

Послѣ паденія первой имперіи во Франціи произошла реставрація, и вообще во всей Европѣ началась самая рѣшительная реакція, но этой реакціи, какъ-никакъ, не удалось возстановить старыя отношенія во всей ихъ неприкосновенности. Эпоха консульства и имперіи консолидировала во Франціи новый общественный строй, т.-е. безсословное гражданство, созданное революціей, и въ 1814 г. думать о возвращеніи сословности было уже слишкомъ поздно. Въ исторіи политической свободы наполеоновскій режимъ былъ, конечно, временемъ задержки, и нѣкоторыя чисто-наполеоновскія учрежденія, созданныя въ духѣ отрицанія свободы, оказались необыкновенно прочными. Передъ 18 брюмера французская нація жила среди полной дезорганизаціи. Наполеонъ вывелъ ее изъ этого печальнаго положенія, хотя основанный имъ порядокъ скорѣе соотвѣтствовалъ стремленіямъ просвѣщеннаго абсолютизма, чѣмъ освободительнымъ принципамъ революціи. Его административная централизація и его конкордатъ, превращавшій

церковь въ орудіе власти, о которыхъ рѣчь еще будетъ дальше, пережили эпоху консульства и имперіи и удерживались потомъ очень долго, несмотря на всѣ перемѣны, которыя совершались въ государственномъ устройствѣ Франціи.

Въ самой Франціи почва, на которой Наполеону приходилось строить, была уже для него подготовлена разрушительной работой революціи. Въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи ему суждено было совершать и чисто разрушительную работу, которая была какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ революціи. Многое изъ того, что въ этихъ странахъ было разрушено въ наполеоновскую эпоху, потомъ и не могло уже быть возстановлено. Особенно большое количество остатковъ средневѣковой старины сохранялось въ Священной Римской имперіи германской націи. Нигдѣ уже въ Европѣ къ началу XIX в. не существовало ни духовныхъ княжествъ, ни мелкихъ феодальныхъ графствъ и сеньёрій, какія еще десятками, даже сотнями насчитывались въ Германіи. Наполеонъ совершенно измѣнилъ политическій строй нѣмецкой націи, и когда въ 1815 г. стали разрушать результаты его работы, то уже никто серьезно не думалъ возстановлять духовныя княжества и то сословіе мелкихъ феодаловъ, которое носило названіе имперскаго рыцарства. Правда, теперь были возвращены прежнія владѣнія нѣкоторымъ нѣмецкимъ государямъ, бывшимъ лишенными власти Наполеономъ, но и это не измѣняетъ существа дѣла. Достаточно вспомнить, что на рубежѣ XVIII и XIX вв. въ Германіи существовало отдѣльныхъ владѣній три съ половиной сотни, не считая 1.500 имперскихъ рыцарей, а послѣ 1815 г. всѣхъ нѣмецкихъ государствъ было лишь три дюжины, т.-е. уже въ десять разъ меньше. Вообще вездѣ, гдѣ происходило разрушеніе старины,— въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ — при установленіи новыхъ порядковъ образцомъ служила наполеоновская Франція. Въ сущности, и внѣ Франціи это было возобновленіемъ просвѣщеннаго абсолютизма. Главнѣйшія мѣры новаго законодательства были направлены противъ старыхъ правъ духовенства и дворянства, причемъ правительства опирались преимущественно на централизацію и бюрократію. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи въ эту эпоху еще живы были собранія земскихъ чиновъ, но это сословное представительство было настроено консервативно и партикуляристически въ то самое время, какъ новыя отношенія жизни требовали внутреннихъ реформъ, и изъ прежнихъ очень мелкихъ княжествъ складывались болѣе

крупные политическіе организмы. Номинально правители государствъ, преобразованныхъ Наполеономъ, основывали свою власть на конституціяхъ новаго образца, и это содѣйствовало распространенію конституціонныхъ воззрѣній въ тогдашней Европѣ, хотя, конечно, конституціи, составленныя по тогдашнему французскому образцу, не могли гарантировать политической свободы. Притомъ онѣ въ наполеоновскія времена не были результатомъ какого-либо общественнаго движенія, потому что всецѣло зависѣли отъ доброй воли побѣдоноснаго вождя, смотрѣвшаго на всѣ эти конституціи, какъ на политическія декораціи.

Наполеоновская эпоха была, далѣе, временемъ уничтоженія въ нѣкоторыхъ странахъ стараго феодальнаго строя съ сословными привилегіями личнаго или имущественнаго характера. Великимъ орудіемъ, закрѣпившимъ въ самой Франціи новыя общественныя отношенія, былъ Наполеоновъ кодексъ, содержащій въ себѣ новые гражданскіе законы. Мы еще сдѣлаемъ общую его характеристику и укажемъ на то, гдѣ онъ былъ принятъ внѣ Франціи. Конечно, вмѣстѣ съ феодальными привилегіями должно было рухнуть и крѣпостничество. Въ сѣверо-западныхъ частяхъ Германіи, присоединенныхъ къ Франціи при республикѣ или при Наполеонѣ, крѣпостное состояніе крестьянъ уничтожилось уже въ силу этого самаго присоединенія, но мы увидимъ, что отмѣна подневольнаго состоянія среди населенія деревень совершалась и въ другихъ частяхъ Германіи, равно какъ и внѣ ея.

Нѣкоторыя изъ только-что изложенныхъ соображеній нуждаются, конечно, въ болѣе фактическихъ иллюстраціяхъ, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Во Франціи въ эпоху консульства и имперіи существовала конституція, такъ называемая конституція VIII года, создавшая цѣлый рядъ законодательныхъ учрежденій: государственный совѣтъ для проектированія законовъ, трибунатъ для критики законопроектовъ, законодательный корпусъ для ихъ принятія или отверженія и сенатъ для охраны конституціи и для высшаго толкованія законовъ, но всѣ эти учрежденія были облечены лишь призрачною властью, такъ какъ члены ихъ были назначаемы правительствомъ, а законодательная иниціатива и право обнародованія законовъ принадлежали исключительно главѣ государства, который, сверхъ того, былъ облеченъ всею полнотою власти исполнительной въ качествѣ избранника націи. Въ 1807 г. единственное учрежденіе, которое могло еще проявлять нѣкоторую оппо-

зицію, трибунатъ, было уничтожено, а въ 1809 г. законодательный корпусъ и совѣтъ не былъ собранъ, что же касается до сената, то онъ пользовался своимъ правомъ издавать «сенатусъ-консульты», главнымъ образомъ, лишь для увеличенія власти главы государства. Если о первой французской конституціи 1791 г. можно сказать, что въ ней съ монархическою формою соединялось республиканское содержаніе, то конституція VIII г., наоборотъ, была лишь по формѣ республиканскою, по существу же монархическою. Первый консулъ, обязанный своею властью всенародному голосованію, былъ по объему своихъ правъ настоящимъ государемъ, сначала на десять лѣтъ, потомъ по сенатусъ-консульту X (1802 г.), принятому народомъ, на всю жизнь, пока въ 1804 г. новый сенатусъ-консультъ XII года, тоже отдававшійся на народное голосованіе, не сдѣлалъ перваго консула императоромъ французовъ съ наслѣдственнымъ переходомъ императорской короны въ его потомство. Въ 1804 г., такимъ образомъ, монархія была возстановлена во Франціи, хотя послѣдняя и продолжала еще нѣкоторое время именоваться Французскою республикою. Власть новаго монарха была, въ существѣ дѣла, неограниченной, да и деспотическій нравъ Наполеона не вынесъ бы никакихъ стѣсненій. Правда, у императора французовъ не было королевскихъ предковъ, и власть его покоилась не на историческомъ правѣ династіи, а на трижды совершавшемся избраніи его народомъ—въ званія сперва перваго консула на десять лѣтъ, потомъ на всю жизнь, наконецъ наслѣдственнаго императора [1]), но это не помѣшало ему воспользоваться какъ-разъ принципомъ народнаго верховенства, чтобы на немъ обосновать неограниченность своей власти, какъ единаго истиннаго «представителя» всей націи. Въ имперіи Наполеона повторилось то, что наблюдается въ исторіи древнегреческихъ тираній, въ установленіи императорской власти въ Римѣ, въ итальянскомъ принципатѣ конца средневѣковья: это была диктатура во имя или отъ имени народа, то, чему мы даемъ теперь названіе цезаризма. На такомъ же принципѣ передачи самимъ народомъ верховной власти государю обосновывали абсолютизмъ такіе его теоретики, какъ Гоббсъ въ XVII столѣтіи или прусскій король Фридрихъ II

[1]) За конституцію VIII г. было подано болѣе трехъ милліоновъ голосовъ противъ съ небольшимъ полуторы тысячи, а превращеніе Франціи въ монархію было одобрено 3.521.675 голосами изъ 3.524.254 общаго числа поданныхъ голосовъ.

въ XVIII, отрицавшіе теологическое ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти, но Наполеонъ хотѣлъ дать своей имперіи еще и религіозное освященіе, возобновивъ въ свою пользу вѣнчаніе на царство прежнихъ королей «милостію Божіею». Самъ папа Пій VII пріѣзжалъ для этой церемоніи въ Парижъ, и она была въ слѣдующемъ году повторена въ столицѣ Италійскаго королевства, Миланѣ, гдѣ Наполеонъ возложилъ на свою голову историческую «желѣзную корону» временъ лангобардскихъ королей. Вообще Наполеонъ стремился войти, какъ равный, въ семью европейскихъ монарховъ и искалъ вступленія черезъ членовъ своей фамиліи въ родство со старыми династіями. Уже упомянуто было выше, что онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью императора Австріи, и что сынъ его, родившійся отъ этого брака, получилъ титулъ «римскаго короля», какъ при жизни императоровъ старой Священной Римской имперіи назывались предъизбранные ихъ преемники.

Подобно своимъ предшественникамъ, французскимъ королямъ, равно какъ другимъ абсолютнымъ монархамъ предыдущей эпохи и, между прочимъ, «просвѣщеннымъ деспотамъ» второй половины XVIII в., Наполеонъ хотѣлъ управлять всѣмъ изъ центра при помощи одной бюрократіи въ интересахъ строгаго порядка и дисциплины военнаго характера. Административная система Наполеона была построена на принципѣ, діаметрально противоположномъ тому, на которомъ во Франціи пытались обосновать управленіе страною въ эпоху революціи. Въ 1789—1791 гг., собственно говоря, Франція была превращена въ совокупность вполнѣ самоуправляющихся департаментовъ и муниципалитетовъ съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства со стороны центральной власти, такъ что даже дѣла общегосударственнаго значенія были всецѣло предоставлены вѣдѣнію органовъ мѣстнаго самоуправленія. Эту крайнюю децентрализацію,—на практикѣ только содѣйствовавшую общей дезорганизаціи, въ какой Наполеонъ засталъ Францію,—новый режимъ замѣнилъ, наоборотъ, крайнею централизаціей, съ совершеннымъ устраненіемъ принципа самоуправленія. Во главѣ каждаго департамента былъ поставленъ префектъ, назначаемый и смѣняемый правительствомъ, облеченный исполнительною властью, главенствовавшій надъ всѣми мѣстными властями: въ наполеоновскомъ префектѣ, можно сказать, воскресалъ интендантъ стараго порядка. При префектѣ существовалъ особый административный совѣтъ съ судебными правами, что̀ было тоже возвращеніемъ къ

старому принципу административной юстиціи, и рядомъ съ префектомъ установленъ былъ въ каждомъ департаментѣ генеральный совѣтъ, члены котораго назначались правительствомъ. Въ каждомъ округѣ былъ поставленъ подпрефектъ и учрежденъ окружной совѣтъ, въ каждой общинѣ—мэръ съ однимъ или нѣсколькими адъюнктами и совѣтъ муниципальный; подпрефекты и мэры, равно какъ члены окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, тоже назначались правительствомъ, которое, сверхъ того, поставило общины въ извѣстныхъ дѣлахъ подъ опеку префектовъ. Наконецъ, во всякомъ селеніи, гдѣ было болѣе пяти тысячъ душъ, существовалъ особый полицейскій коммиссаръ, зависѣвшій непосредственно отъ министра полиціи. Эта административная организація была дополнена судебною. Выборные судьи революціи были замѣнены также назначавшимися правительственною властью. Законъ 1800 г. сразу уничтожалъ всѣ суды, существовавшіе въ странѣ, и замѣнялъ ихъ новыми, что̀ дозволило Наполеону по своему усмотрѣнію обновить весь судебный персоналъ, а одинъ сенатусъ-консультъ объявилъ, что правомъ несмѣняемости будутъ пользоваться впредь лишь судьи, пробывшіе въ должности пять лѣтъ, и что до окончательнаго установленія того, кому будетъ дано это право, необходимо произвести предварительную очистку судебнаго персонала. На тѣхъ же принципахъ Наполеонъ построилъ и все управленіе учебнымъ вѣдомствомъ. Во главѣ императорскаго «университета», какъ съ 1806 г. стала называться вся учащая корпорація, т.-е. во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній имперіи былъ поставленъ «великій магистръ» (grand maître), около котораго существовалъ особый совѣтъ университета, раздѣлявшагося, въ свою очередь, на академіи (округа̀) съ ректорами во главѣ, со своими инспекторами и совѣтами, причемъ весь этотъ административный персоналъ назначался великимъ магистромъ. Въ составъ университета вошли факультеты, лицеи и коллегіи, пансіоны и «маленькія школы», т.-е. народныя училища, а преподавательскій персоналъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній получилъ наименованіе членовъ университета (хотя, собственно говоря, народные учителя были поставлены подъ начальство мэровъ, подпрефектовъ и префектовъ, а не учебной администраціи). Эта новая система административной централизаціи отличалась простотой и стройностью, быстротою дѣйствія и силою, но, конечно, ею не допускалось ни малѣйшей свободы ни для независимой общественной дѣятельности, ни для независимаго общественнаго

мнѣнія. Все было подчинено административному усмотрѣнію, полицейскому надзору, — какъ явному, такъ въ особенности тайному,—строгостямъ цензуры по отношенію къ періодической прессѣ, къ театру, къ книгамъ, къ ученымъ учрежденіямъ и т. п.

Въ первые же годы консульства Наполеонъ устроилъ и церковныя дѣла Франціи. Такъ называемое гражданское устройство духовенства, посредствомъ котораго революція хотѣла создать во Франціи новую демократическо-національную церковь съ выборнымъ клиромъ, и преслѣдованіе католицизма якобинцами, вызванное нежеланіемъ духовенства подчиниться этому новому церковному строю, совсѣмъ разстроили церковную жизнь Франціи и породили между французами религіозный расколъ и смуту. Директорія прекратила религіозныя гоненія и возвратила католическому богослуженію отобранные въ предыдущій періодъ храмы, но изъ-за обладанія послѣдними поднялись раздоры между присяжнымъ и неприсяжнымъ духовенствомъ, причемъ бо́льшую силу обнаруживали неприсяжные священники, бывшіе въ союзѣ съ Римомъ. Наполеонъ прекратилъ эту борьбу, заключивъ въ 1801 г. конкордатъ съ папою Піемъ VII. Католицизмъ былъ признанъ религіей лишь большинства французскихъ гражданъ (а не господствующей церковью, какъ прежде), и отправленіе общественнаго богослуженія ставилось для поддержанія порядка подъ контроль полиціи. Епископы стали назначаться главою государства и потомъ уже получать каноническое посвященіе; священниковъ стали назначать епископы, но опять-таки съ согласія правительства. Духовенству опредѣлено было жалованье, но бывшія церковныя земли были объявлены безповоротно принадлежащими новымъ ихъ владѣльцамъ. Конкордатъ подчинилъ духовенство свѣтской власти, и въ благодарность за возстановленіе религіи духовенство ревностно поддерживало Наполеона всѣмъ своимъ вліяніемъ на народъ. Возстановленная католическая церковь во Франціи во многихъ отношеніяхъ возвращалась къ тому положенію, въ какомъ она была до реформъ учредительнаго собранія, хотя въ иныхъ отношеніяхъ и должна была примириться съ тѣмъ, что́ сдѣлано было въ эпоху революціи: католицизмъ пересталъ быть государственной религіей; клиръ утратилъ значеніе перваго сословія въ государствѣ; церковное землевладѣніе и десятина исчезли; монашество не было возстановлено и т. д. Конкордатъ, заключенный Наполеономъ, напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами тѣ стремленія, какія обна-

руживались въ церковномъ законодательствѣ католическихъ правительствъ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Поэтому послѣ 1801 г. духовенство во Франціи было поставлено въ такую зависимость отъ свѣтской власти, какой никогда раньше не существовало: въ каждомъ отдѣльномъ діэцезѣ епископъ сдѣлался своего рода духовнымъ префектомъ рядомъ съ свѣтскимъ префектомъ, которому была ввѣрена вся департаментская администрація, что̀ оправдывало на дѣлѣ выраженіе одного изъ защитниковъ конкордата въ трибунатѣ, назвавшаго духовенство «священной жандармеріей». Въ эпоху имперіи, по приказанію Наполеона, былъ составленъ для школъ новый катехизисъ, въ которомъ власть Наполеона возводилась чуть не на степень религіознаго догмата. Заключеніе конкордата и пріѣздъ папы въ Парижъ на коронацію новаго монарха не спасли, однако, папства отъ потери свѣтской власти надъ Церковной областью. Пій VII хотѣлъ вести себя въ своемъ владѣніи, какъ независимый государь, совсѣмъ не считаясь иногда съ политическими интересами Франціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ февралѣ 1808 г. французскіе солдаты заняли Папскую область, а въ маѣ слѣдующаго, 1809 года Наполеонъ объявилъ прекращеніе свѣтской власти папы въ Церковной области, которая и вошла тогда въ составъ Французской имперіи, на что папа отвѣтилъ отлученіемъ императора отъ церкви. Самъ папа былъ увезенъ изъ Рима и содержался плѣнникомъ въ Савонѣ, откуда въ 1813 г. былъ переведенъ въ Фонтенебло.

И послѣ переворота 18 брюмера, и принимая императорскій титулъ, Наполеонъ заявлялъ, что все, имъ дѣлаемое, имѣетъ цѣлью закрѣпить за французской націей новыя права, пріобрѣтенныя во время революціи. Конечно, по отношенію къ политической сторонѣ революціи это было неправдой, но соціальныя ея пріобрѣтенія, дѣйствительно, закрѣплялись новою властью. И конституція VIII г., и конкордатъ обезпечивали за новыми владѣльцами спокойное обладаніе купленными ими имѣніями (такъ называемыми національными), которыя раньше принадлежали духовенству и дворянамъ-эмигрантамъ. Несмотря на возстановленіе аристократическихъ титуловъ, новая наполеоновская знать не пользовалась никакими сословными привилегіями. Равенство всѣхъ передъ закономъ, отмѣна изъятій изъ обязанности платить налоги, уничтоженіе сеньёрьяльныхъ правъ,—все это было удержано наполеоновскимъ правленіемъ, въ которомъ большинство націи

по этому и видѣло гарантію, что въ страну не вернутся болѣе ни аристократическія привилегіи, ни феодализмъ.

Главнымъ памятникомъ закрѣпленія за французской націей соціальныхъ пріобрѣтеній революціи былъ новый кодексъ гражданскихъ законовъ. Гражданское равноправіе и государственное единство требовали во Франціи замѣны сотенъ мѣстныхъ правъ, унаслѣдованныхъ изъ временъ феодальнаго раздробленія, однимъ общимъ правомъ для всѣхъ французовъ и для всѣхъ областей Франціи. До революціи въ странѣ царствовала страшная юридическая пестрота, и созданіе общаго гражданскаго кодекса, который замѣнилъ бы всю эту массу мѣстныхъ кутюмъ, было однимъ изъ очередныхъ дѣлъ революціи. Ей, однако, не было суждено исполнить эту задачу, хотя и удалось подготовить очень много для будущаго ея осуществленія. Наполеонъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, назначилъ особую коммиссію, которой было имъ поручено составить гражданскій кодексъ, примѣнивъ къ новому общественному быту отдѣльныя положенія стараго права и новые законы, созданные революціей. Вскорѣ проектъ былъ готовъ, прошелъ всѣ законодательныя инстанціи и въ 1804 г. былъ принятъ законодательнымъ корпусомъ подъ названіемъ «Code civil», замѣненнымъ въ 1807 г. названіемъ «Наполеонова кодекса», которымъ и до сихъ поръ нерѣдко пользуются историки для его обозначенія. Этотъ важный законодательный памятникъ вполнѣ отразилъ на себѣ какъ «классическій духъ» XVIII в., отличаясь по формѣ простотою, ясностью и законченностью, такъ и принципы французской революціи, поскольку въ основу содержанія кодекса были положены равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и уваженіе къ волѣ отдѣльныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ частнаго характера, особенно въ дѣлахъ имущественныхъ. Гражданскій кодексъ, другими словами, былъ приспособленъ къ отношеніямъ и потребностямъ такого общественнаго строя, въ которомъ уже не было никакихъ сословныхъ перегородокъ, и отдѣльные члены общества въ своей частной дѣятельности являются совершенно свободными отъ какихъ-либо стѣсненій феодальнаго и даже болѣе ранняго, патріархальнаго происхожденія. Примѣненіе кодекса на практикѣ внесло глубокій переворотъ въ частныя отношенія гражданской жизни, хотя, конечно, не одно введеніе новыхъ гражданскихъ законовъ способствовало упроченію во Франціи безсословнаго гражданства. Можно даже сказать, что и возникновеніе новаго гражданскаго кодекса,

и его успѣхъ въ жизни были результатами глубокаго измѣненія, совершившагося въ общественныхъ отношеніяхъ страны. Еще абсолютная монархія своею нивеллирующею дѣятельностью въ отношеніяхъ власти къ населенію немало содѣйствовала усвоенію націей начала равенства; то, что подготовлялось издавна и исподволь, все глубже внѣдряясь въ жизнь и все шире захватывая ея отдѣльныя сферы, конечно, и крѣпче, и прочнѣе всего утверждалось въ жизни. Наполеоновское владычество еще болѣе дало возможность новому строю укрѣпиться и упрочиться, что и гарантировало странѣ въ данномъ отношеніи побѣду новыхъ отношеній, даже послѣ того, какъ съ паденіемъ имперіи наступили, повидимому, благопріятныя времена для реакціи въ духѣ соціальнаго феодализма.

Внѣ Франціи при Наполеонѣ произведено было немало преобразованій въ духѣ французской революціи. Уничтоженіе Наполеономъ вѣковой свѣтской власти папы было только повтореніемъ того, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уже было совершено революціей, когда Франція учредила Римскую республику. Средневѣковое зданіе Священной Римской имперіи было тоже разрушено, и мѣсто трехсотъ имперскихъ князей заняло при Наполеонѣ около двухъ десятковъ государей Рейнскаго союза, которые въ своихъ владѣніяхъ почти всѣ заводили порядки, аналогичные французскимъ. Новымъ нѣмецкимъ государствамъ пришлось прежде всего начать сплоченіе своихъ территорій, составившихся изъ мелкихъ медіатизированныхъ владѣній имперскихъ князей, имперскихъ рыцарей, и имперскихъ городовъ съ ихъ феодально- или муниципально-сепаратистическими стремленіями, а это требовало цѣлаго ряда административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ преобразованій. Тамъ, гдѣ не было подобнаго германскому политическаго феодализма, французское владычество наносило ударъ привилегіямъ духовенства и дворянства, отмѣняло и крестьянскую несвободу. Весьма важное значеніе въ дѣлѣ уничтоженія стараго соціальнаго строя съ его сословными привилегіями имѣло распространеніе внѣ Франціи кодекса Наполеона, чему онъ самъ придавалъ очень большое значеніе. Понятное дѣло, что кодексъ дѣйствовалъ на всемъ протяженіи обширной имперіи до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ (въ родѣ Иллиріи), но, кромѣ того, онъ былъ принятъ въ итальянскихъ владѣніяхъ самого Наполеона и его родни, въ нѣкоторыхъ государствахъ Рейнскаго союза, каковы Баденъ, Вестфалія, а также

въ герцогствѣ Варшавскомъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи этотъ кодексъ продолжалъ дѣйствовать до конца XIX в., когда нѣмцы впервые получили общее гражданское право, а въ русской Польшѣ онъ дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Крѣпостное состояніе, въ каковомъ находилась во многихъ государствахъ масса сельскаго населенія, была несовмѣстима съ новымъ общественнымъ строемъ и его выраженіемъ—гражданскимъ кодексомъ, и французское владычество вездѣ влекло за собою освобожденіе личности крестьянина отъ рабской зависимости. Въ XVIII в. для сельскаго населенія Германіи сдѣлано было слишкомъ мало законодательствомъ отдѣльныхъ государей, чтобы можно было говорить о какихъ-либо серьезныхъ перемѣнахъ или улучшеніяхъ въ крестьянскомъ быту передъ тѣмъ политическимъ переворотомъ, который состоялъ въ окончательномъ распаденіи Священной Римской имперіи. Настоящимъ образомъ уничтоженіе крѣпостничества началось въ Германіи только въ эпоху французскаго господства. Послѣ того, какъ его отмѣна произошла въ тѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, которыя входили въ составъ Французской имперіи, было бы въ высшей степени трудно поддерживать крѣпостничество въ сосѣднихъ государствахъ Рейнскаго союза, тѣмъ болѣе, что союзнымъ актомъ 1806 г. объявлялись уничтоженными всѣ нѣмецкіе имперскіе законы, касавшіеся союзниковъ и ихъ подданныхъ, и что въ новыхъ королевствахъ, великихъ герцогствахъ и т. п. стали вводиться французскіе порядки и, между прочимъ, мѣстами былъ принятъ наполеоновъ кодексъ. Далѣе, отъ членовъ Рейнскаго союза французскій протекторатъ требовалъ величайшаго напряженія экономическихъ силъ, и между самими правителями всѣхъ этихъ королевствъ и княжествъ утвердился взглядъ, по которому поднять матеріальную производительность населенія могло лишь освобожденіе личности крестьянина, его труда и его земли. Интересно, однако, что тѣ члены Рейнскаго союза, по отношенію къ которымъ Наполеонъ былъ не такъ требователенъ, какъ къ другимъ, не дѣлали ничего существеннаго для улучшенія быта крестьянъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ такомъ положеніи находились, наприм., Вюртембергъ, гдѣ начало крестьянской реформы относится только къ слѣдующему періоду (1817), или Саксонія, въ которой реформа произошла и того еще позднѣе (1832). Когда Наполеонъ создалъ для своего брата Іеронима Вестфальское королевство, то въ конституцію послѣдняго включилъ статью, без-

возмездно уничтожавшую въ новомъ королевствѣ крѣпостное состояніе. Въ началѣ слѣдующаго года Іеронимъ издалъ декретъ, которымъ безвозмездная отмѣна распространялась лишь на рабскую зависимость личности съ произвольными барщинами и оброками, но повинности, имѣвшія значеніе платы за уступленные крестьянамъ участки земли, должны были подлежать выкупу. Когда Вестфальское королевство пало, въ немъ, впрочемъ, фактически продолжали еще существовать прежнія отношенія, благодаря несогласованности между собою отдѣльныхъ частей реформы и вслѣдствіе того, что крестьяне не хотѣли выкупать своихъ земель, стремясь всѣ свои повинности включить въ категорію отмѣненныхъ безвозмездно, что породило множество судебныхъ процессовъ. Тѣ же явленія, прибавимъ, наблюдаются и въ другихъ государствахъ Рейнскаго союза, гдѣ — на тѣхъ же притомъ принципахъ, какъ и въ Вестфаліи, — были изданы законы, отмѣнявшіе крѣпостную зависимость крестьянъ. Наконецъ, по отношенію къ нѣкоторымъ территоріямъ иниціатива такой отмѣны принадлежала непосредственно самому Наполеону. Именно, въ 1808 г. онъ подписалъ въ Мадридѣ декретъ, уничтожавшій крѣпостное состояніе въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ землицахъ, каковы Эрфуртъ, Байрейтъ и др. Точно такъ же самимъ Наполеономъ отмѣнено было крѣпостное состояніе и въ герцогствѣ Варшавскомъ, когда оно получало свое внутреннее устройство въ 1807 г.—Съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ разгрома, въ 1806 г., Пруссіи, указавшаго на непригодность старыхъ порядковъ, какіе господствовали въ гогенцоллернской монархіи, не подвинулось бы и дѣло крестьянской реформы въ тѣхъ частяхъ этого государства, которыя сохранились подъ властью Фридриха-Вильгельма III. Прежде всего освобожденіе было совершено въ Силезіи, потому что относительно нея у правительства было серьезное опасеніе, какъ бы крестьянскую свободу не поспѣшили провозгласить французы, чтобы привлечь сельское населеніе на свою сторону; но послѣ такого шага прусскому правительству было уже прямо невозможно не распространить ту же мѣру и на другія провинціи. Дѣйствительно, эдиктомъ 9 ноября 1807 г. Фридрихъ-Вильгельмъ III положилъ начало ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній во всемъ своемъ государствѣ, и это произошло даже раньше, чѣмъ во многихъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ, напр., въ Баваріи и въ Нассау (1808), въ Вестфаліи (1808

и 1809), въ Липпе-Детмольдѣ (1809), въ Шауенбургъ-Липпе, въ шведской Помераніи (1810) и т. п.

Какъ это всегда бываетъ, внутренніе порядки государства, доказавшаго въ войнахъ свою мощь, дѣлаются предметомъ для подражанія въ другихъ странахъ. Уже было упомянуто, что государи Рейнскаго союза въ вопросахъ внутренняго управленія шли по пути, указанному наполеоновской Франціей въ административномъ, финансовомъ, военномъ, судебномъ и др. отношеніяхъ. Французская система административной централизаціи находила многочисленныхъ поклонниковъ въ разныхъ странахъ Европы. Потребность въ реформахъ различныхъ сторонъ управленія чувствовалась повсемѣстно, ибо пораженія въ войнахъ съ революціей и съ Наполеономъ доказывали полную негодность прежнихъ формъ управленія государствомъ. Особенно интересны преобразованія, совершенныя въ Пруссіи въ 1807—1814 гг. Еще въ 1786 г. будущій трибунъ французской революціи, Мирабо, говорилъ, что въ государствѣ Фридриха Великаго все держится лишь замѣчательною личностью этого короля, и предсказывалъ, что Пруссія, вслѣдствіе отсталости своихъ внутреннихъ порядковъ, не выдержитъ перваго серьезнаго испытанія. Пророчество Мирабо испонилось при Іенѣ въ 1806 г. Въ Пруссіи, лишившейся тогда половины своей территоріи, поняли наконецъ, что все спасеніе государства было во внутреннихъ реформахъ, которыя и были начаты въ 1807 г. Призванный на постъ министра-руководителя замѣчательный государственный человѣкъ, баронъ Штейнъ, первымъ дѣломъ освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и предпринялъ другія реформы, которыхъ, однако, не могъ окончить, такъ какъ Наполеонъ потребовалъ его удаленія за враждебное отношеніе его къ Франціи. Штейнъ стоялъ за введеніе мѣстнаго самоуправленія, преемникъ же его, Гарденбергъ, тоже поставившій себѣ цѣлью реформировать Пруссію, былъ поклонникомъ французской системы, административной централизаціи, и въ этомъ отношеніи его реформа была передѣлкой начатаго Штейномъ. Зато, съ другой стороны, Гарденбергъ являлся ревностнымъ сторонникомъ народнаго представительства. Хотя послѣднее и не было тогда введено въ Пруссіи и хотя другія реформы не были доведены до конца, однако, эта эпоха и для монархіи Гогенцоллерновъ была началомъ паденія въ ней стараго порядка. Наконецъ, Пруссія укрѣпила себя военною реформою, главнымъ дѣятелемъ которой былъ Шарнгорстъ: ея

основами были всеобщая воинская повинность и короткіе сроки службы въ войскахъ, что позволило Пруссіи въ необходимую минуту выставить такую армію, какой она по условіямъ мира съ Наполеономъ содержать не имѣла права. Вообще, лишь очень немногія государства Германіи (между ними Австрія и Саксонія) не производили въ эту эпоху никакихъ реформъ.

Не въ одной Пруссіи реформы были предприняты въ видахъ борьбы съ французами: то же самое наблюдается въ Испаніи. Когда Наполеонъ посадилъ своего брата Іосифа на испанскій престолъ, противъ французскаго владычества въ этой странѣ началось сильное національное движеніе, объединившее какъ консервативные, такъ и либеральные элементы населенія. На первыхъ порахъ во главѣ этого движенія стали прогрессисты, которые организовали въ Кадиксѣ собраніе кортесовъ, выработавшее конституцію 1812 г. Въ ея основу были положены принципы народовластія и раздѣленія властей съ крайнимъ ослабленіемъ собственно королевской власти, какъ исполнительнаго органа королевства, и этимъ испанская конституція 1812 г. примыкала къ принципамъ французской конституціи 1791 г. Кадикскіе кортесы очутились въ положеніи настоящаго учредительнаго собранія, рѣшавшаго конституціонный вопросъ безъ короля. Только въ 1814 г. въ Испаніи произошла реставрація легитимной династіи въ лицѣ Фердинанда VII, который сначала далъ-было согласіе править страною на основахъ новаго государственнаго строя, но очень скоро потомъ объявилъ себя самодержавнымъ. Въ подобномъ же положеніи народа, не имѣющаго государя, очутились въ 1814 г. и норвежцы. До того времени Норвегія была провинціей Даніи, но когда въ наказаніе датскаго короля за его союзъ съ Наполеономъ рѣшено было присоединить Норвегію къ Швеціи, въ награду ея королю за его помощь въ борьбѣ съ Наполеономъ, сами норвежцы пожелали образовать отдѣльное государство, заявивъ, что они—самостоятельный народъ, а не стадо, которымъ можно распоряжаться по произволу. Собраніе представителей націи выработало для своего отечества конституцію и пригласило на норвежскій престолъ одного изъ датскихъ принцевъ. Шведскій король предпринялъ-было завоеваніе Норвегіи, но война его съ норвежцами быстро окончилась соглашеніемъ, въ силу котораго Швеція и Норвегія должны были оставаться двумя раздѣльными государствами, а норвежская конституція была принята шведскимъ королемъ. Дѣйствующая съ нѣкоторыми измѣненіями

и понынѣ, эта конституція отличается тоже подобно испанской 1812 г. демократизмомъ и значительною ограниченностью исполнительной власти.

Нужно еще для наполеоновской эпохи отмѣтить и другіе факты введенія конституціи. Во время русско-шведской войны составился противъ короля Густава IV среди его подданныхъ заговоръ, вслѣдствіе котораго онъ вынужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего дяди Карла XIII и вводилось измѣненіе въ государственное устройство въ смыслѣ большей самостоятельности сословнаго сейма. Это было въ 1809 г., и въ томъ же году Александръ I, завладѣвъ Финляндіей, призналъ въ ней шведское государственное устройство съ сеймомъ, представлявшимъ собою дворянское, духовное, городское и крестьянское сословія. Впрочемъ, и въ Швеціи, и въ Финляндіи дѣло заключалось лишь въ реставраціи средневѣкового, сословнаго представительства, которое просуществовало потомъ въ Швеціи до середины шестидесятыхъ годовъ XIX в., а въ Финляндіи и до начала XX вѣка. Къ послѣднимъ же годамъ имперіи относится также введеніе конституціи въ Сициліи. Когда въ 1807 г. Наполеонъ свергъ съ неаполитанскаго престола Фердинанда IV, послѣдній, пользуясь защитою англійскаго флота, удержалъ за собою Сицилію. Такъ какъ этотъ король все-таки продолжалъ вести здѣсь крайне произвольную и ожесточавшую народъ политику, англійскій посланникъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ англійскихъ гарнизоновъ въ сицилійскихъ городахъ, настоялъ на введеніе въ Сициліи конституціи по англійскому образцу (1812).

Въ самой Франціи къ концу имперіи возобновилось стремленіе къ политической свободѣ. Послѣ 1812 г. въ странѣ начала нарождаться либеральная оппозиція. Низложеніе Наполеона сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ въ 1814 г. прямо мотивировалось тѣмъ, что онъ нарушилъ свободу французской націи и конституціонный договоръ. Немедленно послѣ этого временное правительство выработало проектъ конституціи, принятый потомъ и обнародованный сенатомъ. Призывавшійся ею на тронъ Франціи, но въ сущности водворенный въ ней союзными войсками Людовикъ XVIII не захотѣлъ, однако, признать эту конституцію и «даровалъ» Франціи свою. Когда Наполеонъ въ 1815 г. снова воцарился надъ французами, ему пришлось отовсюду слышать требованіе отказа отъ абсолютной власти, что тогда и его за-

ставило согласиться на изданіе «дополнительнаго акта» къ «конституціямъ имперіи» [1]), на самомъ дѣлѣ бывшаго совершенно новой конституціей.

V. Общеевропейская реакція [2]).

Эпоха реставраціи. — Общій взглядъ на происхожденіе реакцій. — Главные этапы реакціи противъ французской революціи. — Основной характеръ политической реакціи послѣ 1815 г. — Феодально-дворянская реакція эпохи. — Главныя проявленія культурной реакціи противъ революціи и «философіи XVIII в.». — Политическая литература реакціи. — Особый характеръ англійской реакціи конца XVIII и начала XIX в.

Эпоха, наступившая въ исторіи западной Европы послѣ паденія имперіи Наполеона, носитъ названіе эпохи реставраціи. Ближайшимъ образомъ это названіе относится къ исторіи Франціи, гдѣ въ 1814 г. была возстановлена на престолѣ династія Бурбоновъ, но этому термину можно придать и болѣе общій смыслъ. Французской династіи былъ возвращенъ ея наслѣдственный тронъ, но въ предыдущую эпоху лишались своихъ владѣній, кромѣ того, еще Бурбоны итальянскіе и испанскіе, да и другія еще династіи, которыя точно также теперь были возвращены на свои престолы. Эта реставрація легитимныхъ государей, собственно говоря, началась въ 1813 г. въ Германіи тотчасъ послѣ лейпцигской битвы, когда подъ охраною союзниковъ возвратились въ свои земли лишенные Наполеономъ владѣній государи Гессена, Брауншвейга, Ольденбурга, а въ Ганноверѣ была возстановлена власть англійскаго короля. Въ 1814 г. была произведена реставрація Бурбоновъ въ Испаніи и въ Неаполѣ, реставрація Савойскаго дома въ Сардиніи, Браганцской фамиліи въ Португаліи, папы въ Церковной области и принца Оранскаго въ Голландіи, гдѣ изъ наслѣдственнаго штатгальтера онъ сдѣлался королемъ. Возстановлялись при этомъ не только легитимныя династіи, но и цѣлыя государства,

---

[1]) Оффиціальное названіе конституціи VIII года съ сенатусъ-консультами X и XII гг.

[2]) Уч. кн., §§ 268, 275, 280—284 и 286—287. — И. З. Е., т. IV, гл. XXIII, XVI, XVIII и XX. — Общій взглядъ, гл. IV. — Нар.-прав. госуд., гл. XII и XIV.

которыя или были совсѣмъ уничтожены Наполеономъ, или сильно уменьшены въ своихъ границахъ. Далѣе, со старыми династіями возвращались на родину эмигранты, естественно стремившіеся къ возстановленію своихъ правъ и своего прежняго положенія. Наконецъ, почти повсемѣстно реставрація законныхъ царствующихъ домовъ сопровождалась сильною реакціей противъ всего, что было сдѣлано во время ихъ отсутствія, реакціей, имѣвшей своею цѣлью реставрацію старыхъ порядковъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ странахъ до французскаго владычества. Въ сущности это была реакція абсолютизма противъ стремленія къ политической свободѣ; реакція феодализма противъ соціальныхъ преобразованій, совершившихся во времена революціи и при Наполеонѣ; реакція католицизма противъ всего новаго культурнаго движенія, произведеннаго «просвѣщеніемъ» XVIII в. Во второй половинѣ XVIII в., въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, отношенія между государственною властью и привилегированными сословіями были нерѣдко довольно-таки натянутыми, такъ какъ просвѣщенный абсолютизмъ въ общемъ былъ направленіемъ антиаристократическимъ и антиклерикальнымъ; но революція, направившаяся одновременно противъ абсолютизма и противъ привилегій, и имперія Наполеона, наносившая ударъ одинаково и легитимнымъ династіямъ, и феодальному дворянству, сблизили между собою историческихъ носителей государственной власти и прежніе консервативные элементы общества, и ихъ союзъ поставилъ себѣ задачу возстановленія стараго порядка, какимъ онъ былъ, пока его не коснулись еще просвѣщенный абсолютизмъ, ни революція, ни, наконецъ, Наполеонъ. Эта реакція была одновременно и культурной, и соціальной, и политической, и совершалась не въ одной Франціи а во всѣхъ странахъ Европы и не только въ ихъ внутренней жизни, но и въ исторіи международныхъ отношеній. Наиболѣе крайніе и послѣдовательные реакціонеры начала XIX вѣка отрицали не только все, что произошло послѣ 1789 г., и не только «философію XVIII в.» съ ея вліяніемъ на государственную жизнь въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, но и всѣ тѣ явленія, противъ которыхъ вооружалась въ свое время реакція XVI вѣка, т.-е. и реформацію, и ренессансъ, однимъ словомъ, всю новую исторію, и съ своей стороны выставляли, какъ положительный идеалъ, культурный и соціальный бытъ средневѣковой эпохи.

Психологически и соціологически мы можемъ себѣ объяснить,

почему въ исторической жизни за эпохами движенія впередъ, начинаются такъ называемыя реакціи. Реакція можетъ произойти въ духовной жизни одной личности, разъ человѣкъ, подчинившійся какому-либо направленію, потомъ или разочаровывается въ надеждахъ, какія на него возлагалъ, и отворачивается отъ этого направленія и даже ему измѣняетъ, или же замѣчаетъ, что изъ принятаго имъ направленія происходятъ непредвидѣнныя послѣдствія лично для него непріятныя и нежелательныя, и скоро становится во враждебное отношеніе къ тому, что раньше самъ же защищалъ. Для объясненія реакціи первый случай имѣетъ свое значеніе, являясь основаніемъ для того, чтобы движеніе потеряло свою силу, второй же случай является лишь частнымъ примѣромъ болѣе общаго правила, состоящаго въ томъ, что какъ въ индивидуальной, такъ и въ коллективной жизни существуютъ противоположныя стремленія и интересы, приходящія въ столкновенія между собою: въ личной жизни извѣстный мотивъ можетъ заставить человѣка идти по какой-либо дорогѣ впередъ, но едва онъ замѣчаетъ, что эта дорога приводитъ его туда, куда онъ вовсе не желалъ бы попасть по этому мотиву, и разъ этотъ мотивъ окажется болѣе сильнымъ, человѣкъ повернетъ назадъ. Такъ объясняются реакціи съ психологической точки зрѣнія, но не иначе дѣло представляется и съ точки зрѣнія соціологической: когда цѣлыя общественныя группы вступаютъ на новую историческую дорогу, онѣ имѣютъ въ виду опредѣленную цѣль, и всякій неуспѣхъ на пути достиженія цѣли ослабляетъ движеніе, дѣлая его участниковъ менѣе увѣренными и энергичными, заставляя многихъ изъ нихъ отставать и т. п., а съ другой стороны, и цѣлыя группы могутъ отступать назадъ, когда замѣчаютъ, что движеніе, казавшееся имъ совершенно безопаснымъ, клонится къ нарушенію ихъ интересовъ. Особенно же для соціологической точки зрѣнія важно то, что отдѣльные общественные классы имѣютъ разные интересы и традиціи, и что всякое новое движеніе задѣваетъ интересы и традиціи какого-либо класса, вызывая тѣмъ самымъ съ его стороны оппозицію. Нерѣдко консервативные элементы общества бываютъ застигнуты врасплохъ новымъ движеніемъ, и имъ тогда приходится ждать, покуда движеніе не ослабѣетъ вслѣдствіе частныхъ неудачъ или общаго разочарованія, или покуда отъ него не отстанутъ и не примкнутъ къ консервативному теченію люди, сами попятившіеся назадъ, и покуда, наконецъ, сами консервативные элементы не

соберутся съ силами и не организуются для борьбы за возстановленіе старины. Такіе благопріятные для нихъ моменты рано или поздно наступаютъ, тѣмъ болѣе, что во всякой борьбѣ побѣда и пораженіе зависятъ иногда и отъ причинъ второстепенныхъ. Нужно, кромѣ всего сказаннаго, имѣть въ виду и еще одинъ психологическій и соціологическій законъ: полнаго разрыва съ прошлымъ никогда не бываетъ ни въ личной, ни въ народной жизни, т.-е. черты и признаки стараго всегда удерживаются въ томъ новомъ, которое постепенно создается исторіей, и эти черты и признаки, помимо сознанія и воли самихъ людей, приводятъ ихъ нерѣдко къ тому же самому, отъ чего они, повидимому, уже давно отстали.

Правильность этихъ общихъ соображеній можно прослѣдить на исторіи французской революціи. Борьба противъ нея началась съ первыхъ же дней ея успѣховъ, борьба со стороны королевской власти, двора, привилегированныхъ сословій, но защитники стараго порядка, застигнутые революціей врасплохъ, тогда потерпѣли пораженіе, и побѣдоносное шествіе революціи продолжалось. Мало того, козни эмигрантовъ, угрозы чужихъ правительствъ, измѣна самого короля, только обострили движеніе, тогда начатая противъ Франціи война еще болѣе разожгла въ странѣ всѣ страсти. Старая Европа тоже оказалась застигнутою врасплохъ, неорганизованной, и революція ее побѣдила. Но вѣдь въ то же время еще революція однихъ разочаровала, другихъ напугала. Во Франціи разочаровались въ ней демократическіе элементы, когда увидѣли, что республика не осуществила всѣхъ возлагавшихся на нее упованій, напугана же революціей была буржуазія, когда поднялась демократическая волна 1793 г. Въ нѣдрахъ самой обновленной націи съ середины 1794 г. происходила реакція утомленія и страха, реакція, впереди которой шла буржуазія, наиболѣе выигравшая отъ революціи и одинаково боявшаяся теперь какъ возвращенія стараго порядка, такъ и продолженія революціи за предѣлы того, что для буржуазіи могло быть допустимымъ. Французское общество постепенно охладѣло къ политической сторонѣ революціи, т.-е. къ свободѣ и къ народному представительству и подчинилось военному деспотизму, который обезпечивалъ націю отъ возвращенія Бурбоновъ, эмигрантовъ и стараго порядка и ограждалъ имущіе классы отъ повторенія демократическихъ эксцессовъ 1793 г. Буржуазная реакція 1794-1799 гг. только подготовила ту реакцію абсолю-

тизма, какую представляла собою имперія Наполеона, нашедшая въ привычкахъ, воззрѣніяхъ, стремленіяхъ націи весьма прочную для себя основу. И въ другихъ странахъ французская революція однихъ разочаровала, другихъ напугала. Деспотизмъ Наполеона озлобилъ многія націи не только лично противъ него самого, но и противъ Франціи, противъ всего французскаго, а вмѣстѣ съ этимъ и противъ идей французской революціи. Когда Наполеонъ палъ, все то, что и страхомъ передъ нимъ, и самою мощью его власти сдерживалось въ стремленіи къ реставраціи стараго порядка, пришло въ движеніе, и на сцену выступили самые реакціонные инстинкты, предразсудки, вожделѣнія, какіе только можно себѣ представить.

Реакція эпохи реставраціи была политической, соціальной и культурной. Въ первомъ отношеніи это была реакція абсолютизма противъ народно-представительнаго строя. Напр., наиболѣе непримиримые изъ французскихъ эмигрантовъ и слышать не хотѣли о конституціонной хартіи, въ которой видѣли лишь непозволительную уступку тлетворному духу времени. Такъ называемые ультра-роялисты дерзостно нападали на самого Людовика XVIII, когда онъ достаточно не проявлялъ свой монархическій авторитетъ. Въ Испаніи Фердинандъ VII, давшій-было обѣщаніе править по конституціи 1812 г., объявилъ себя монархомъ абсолютнымъ, какъ только увидѣлъ, что найдетъ поддержку въ духовенствѣ и въ дворянствѣ. И король Обѣихъ Сицилій отмѣнилъ сицилійскую конституцію, обязавшись вмѣстѣ съ тѣмъ передъ Австріей не давать своимъ подданнымъ конституціи. Когда на вѣнскомъ конгрессѣ организовался Германскій союзъ, въ отдѣльныхъ государствахъ, его составлявшихъ, предполагалось обязательно ввести представительныя учрежденія, но дѣло ограничилось лишь неопредѣленнымъ обѣщаніемъ, никого ни къ чему не обязывавшимъ и допускавшимъ толкованіе въ смыслѣ возстановленія только средневѣковыхъ, сословныхъ и чисто совѣщательныхъ сеймовъ. Лишь немногія германскія государства ввели у себя новыя конституціи, другія же или возстановили старинные сословные ландтаги, нисколько не ограничивавшіе власти мѣстныхъ государей, или же даже и этого не сдѣлали, какъ наприм., Австрія, никогда, впрочемъ, и не поднимавшая вопроса о введеніи представительства, или Пруссія, ограничившаяся, да и то только въ 1823 г. введеніемъ земскаго самоуправленія. Такъ называемый вѣнскій заключительный актъ 1820 г. уже прямо истолковалъ

статью союзнаго акта 1815 г. о представительныхъ учрежденіяхъ въ томъ смыслѣ, что вся государственная власть должна оставаться соединенною въ главѣ государства и что лишь при осуществленіи нѣкоторыхъ правъ она можетъ нуждаться въ содѣйствіи сословій при посредствѣ ихъ представителей. Этотъ абсолютизмъ эпохи реставраціи совсѣмъ порвалъ съ традиціями просвѣщеннаго абсолютизма второй половины XVIII в. и ихъ проявленіями при Наполеонѣ. Это былъ уже не просвѣщенный абсолютизмъ съ его прогрессивными задачами, а абсолютизмъ реакціонный, державшій сторону старыхъ привилегированныхъ сословій. Многіе государи, вернувшіеся на престолы своихъ предковъ, готовы были не останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы стереть самые слѣды французскаго господства. Наприм., въ Ганноверскомъ королевствѣ были возстановлены прежніе законы и учрежденія съ негласнымъ судопроизводствомъ, пытками и т. п., таможни между отдѣльными провинціями, дворянскія привилегіи и т. п. Въ Гессенъ-Касселѣ были даже введены вышедшіе изъ употребленія парики и косички и отняты разныя пріобрѣтенныя частными лицами въ эпоху Вестфальскаго королевства права. Вездѣ, гдѣ происходила реставрація стараго абсолютизма, она сопровождалась политическими преслѣдованіями, расширеніемъ политическаго сыска и репрессій, усиленіемъ цензурныхъ строгостей. Чего стоили, наприм., одни знаменитыя карлсбадскія постановленія 1819 г., учреждавшія во всей Германіи особо бдительный, мелочной и придирчивый надзоръ за университетами и печатью.

Реакція, обнаружившаяся въ концѣ XVIII в. во Франціи, исходила изъ нѣдръ самого общества, принимавшаго дѣятельное участіе въ революціи, реакція же эпохи реставраціи шла изъ круговъ, противъ которыхъ совершилась революція. Вездѣ, гдѣ были отмѣнены или хотя бы только частью нарушены, затронуты права и интересы привилегированныхъ сословій и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ правамъ и интересамъ что-либо только угрожало, пускались въ ходъ всѣ средства, чтобы повернуть жизнь назадъ. Французскіе эмигранты добивались, чтобы имъ безъ вознагражденія новыхъ владѣльцевъ были возвращены конфискованныя у нихъ и распроданныя во время революціи имѣнія. Духовенство вторило эмигрантамъ и осыпало съ церковныхъ каѳедръ проклятіями покупщиковъ бывшихъ имѣній церкви. Въ другихъ странахъ, какъ было сказано, возстановлялись сословныя привилегіи дворянъ и даже иногда отмѣнялись законы, издан-

ные въ предыдущую эпоху въ пользу крестьянъ, или и безъ формальной отмѣны не исполнялись, искажались въ своемъ примѣненіи и такимъ образомъ оставались лишь мертвою буквою безъ реальнаго значенія. Католическое духовенство особенно усердствовало въ поддержкѣ этой политической и соціальной реакціи и, стремясь снова захватить былую власть надъ умами, шло во главѣ той глубокой культурной реакціи, какая происходила въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ эпохи реставраціи.

XVIII вѣкъ прославился большимъ вольномысліемъ, нашедшимъ одно изъ своихъ проявленій въ антирелигіозныхъ эксцессахъ революціи, въ отмѣнѣ конвентомъ христіанства, въ провозглашеніи культа Верховнаго Существа и особенно культа разума, бывшаго открытымъ признаніемъ атеизма. Съ послѣднихъ годовъ XVIII в. противъ вольнодумства и невѣрія началась реакція, въ которой немалую роль играло то соображеніе, что религія — лучшая опора общественнаго порядка и одно изъ необходимѣйшихъ орудій власти. Религіозность народныхъ массъ, конечно, не была затронута невѣріемъ философіи XVIII в., и если для народа были тягостны сословныя права и привилегіи духовенства, оно тѣмъ не менѣе не переставало оказывать вліянія на духовную жизнь массъ. Преслѣдованія, которымъ революція подвергла во Франціи католическую церковь, только оживили религіозное чувство народа, и этимъ духовенство впослѣдствіи, конечно, воспользовалось для укрѣпленія своего вліянія. Внѣ Франціи происходило то же самое: въ католическихъ странахъ сельское населеніе видѣло во французахъ и въ мѣстныхъ революціонерахъ враговъ церкви и нерѣдко оказывало имъ противодѣйствіе. И въ духовенствѣ равнымъ образомъ подъ вліяніемъ тѣхъ же событій оживлялась религіозность: гоненія укрѣпляли вѣру; опасность, которой подвергалась церковь, заставляла болѣе ревностно служить ея интересамъ; потеря духовенствомъ прежняго значенія въ обществѣ, въ качествѣ привилегированнаго сословія, обладавшаго громадными матеріальными средствами, естественно приводила многихъ его членовъ къ убѣжденію въ томъ, что сохранить вліяніе на общество можно лишь путемъ строгаго исполненія предписаній церкви. Въ XVIII в. многіе принимали духовный санъ лишь потому, что съ церковными должностями были соединены хорошіе доходы, но послѣ революціи принятіе духовнаго сана стало больше дѣломъ убѣжденія, что придало другой характеръ всему клиру. До 1789 г. французское духовенство было настроено

галликански, т.-е. національно, но событія эпохи убили это болѣе свободное настроеніе французскаго клира и замѣнили его ультрамонтанскою привязанностью къ Риму. На образованные классы общества и вообще на свѣтскихъ людей событія подѣйствовали такимъ же образомъ. Само вольнодумство XVIII в. далеко не охватывало широко всѣхъ общественныхъ круговъ, и тамъ, гдѣ, повидимому, оно господствовало, оно являлось нерѣдко скорѣе направленіемъ напускнымъ, своего рода модой, нежели дѣломъ серьезнаго убѣжденія. Вотъ почему во Франціи большой успѣхъ получило новое направленіе католицизма, въ которомъ религія смѣшивалась съ эстетикой и тоже получала характеръ свѣтской моды. Въ 1802 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Шатобріана «Духъ христіанства». Главная мысль Шатобріана та, что христіанство изъ всѣхъ религій самая лучшая для цивилизаціи, и что главное ея достоинство заключается въ ея красотѣ: это—религія самая поэтическая, самая художественная, наиболѣе благопріятствующая генію, хорошему вкусу, литературѣ и искусствамъ, дающая удивительные образцы поэтамъ и художникамъ, религія самая человѣчная, развивающая въ людяхъ нравственныя влеченія и содѣйствующая ихъ внутренней свободѣ. Гдѣ только можно, при всякомъ удобномъ случаѣ Шатобріанъ идеализировалъ въ своей книгѣ добрыя старыя времена, когда господствовалъ католицизмъ, идеализировалъ монашество, аскетическіе подвиги, рыцарство, патріархальныя отношенія феодализма,—однимъ словомъ, восхвалялъ тѣ самые средніе вѣка, которые для людей XVIII в. были лишь временами «готическаго» варварства. Для него не менѣе важнымъ было то, что католицизмъ служитъ живою связью между поколѣніями и поддерживаетъ въ жизни общества традиціи, идущія изъ самыхъ отдаленныхъ временъ, и тѣмъ самымъ связываетъ людей въ одно нераздѣльное цѣлое. Настаивая на уваженіи къ традиціямъ, «Духъ христіанства» ясно стремился сдѣлаться своего рода противоядіемъ противъ разрушительной философіи XVIII в. Контръ-революціонный характеръ книги, конечно, не укрылся отъ понимающихъ читателей: многіе въ этомъ именно и полагали все ея значеніе для обоснованія общественнаго порядка на религіи.

Наполеоновскій конкордатъ преслѣдовалъ, въ сущности, цѣль сдѣлать изъ духовенства одно изъ орудій власти, но, съ другой стороны, католическая церковь сама всегда стремилась властвовать и подчинять своему вліянію государей и народы. Однимъ

изъ главныхъ органовъ католической реакціи XVI в., было, какъ извѣстно, общество Іисуса. Духъ XVIII в. проявился, между прочимъ, въ уничтоженіи этого сообщества, сначала изгнаннаго изъ отдѣльныхъ странъ, потомъ отмѣненнаго въ 1773 г. и самимъ папой; духъ реставраціонной эпохи, наоборотъ, выразился въ возстановленіи іезуитскаго ордена Піемъ VII въ 1814 г. Эта реставрація придала характерный оттѣнокъ реакціоннымъ стремленіямъ эпохи. Іезуиты снова явились во всѣхъ католическихъ странахъ, всюду стремясь захватить въ свои руки народное образованіе и стараясь раздувать религіозный фанатизмъ. И у правительствъ того времени, и у привилегированныхъ сословій іезуиты находили поддержку, такъ какъ дѣйствовали въ духѣ не только культурной, но и въ интересахъ реакціи политической и соціальной. Наконецъ, со стороны куріи и іезуитовъ былъ возобновленъ натискъ на протестантизмъ: въ то время, какъ іезуиты сѣяли вѣроисповѣдные раздоры, Римъ оживилъ дѣятельность «коллегіи для пропаганды вѣры», и папа въ этомъ смыслѣ въ 1819 г. даже издалъ особую буллу. Іезуиты искусно пользовались и оживленіемъ религіозности, характеризующимъ эпоху реакціи. Особенно показательнымъ явленіемъ этой эпохи реставраціи католицизма было то, что въ лоно «единой спасающей церкви» обратилось тогда немало протестантовъ съ извѣстными именами и съ видными положеніями въ обществѣ.

Оживленіе религіозности и усиленіе католицизма были только одною стороною совершавшейся въ обществѣ реакціи. И въ философскомъ мышленіи начала XIX в. происходила реакція противъ раціоналистическаго просвѣщенія XVIII столѣтія. Во Франціи она началась тотчасъ же вслѣдъ за революціей и подъ прямымъ вліяніемъ вызваннаго ею испуга. Сенсуализмъ и матеріализмъ, господствовавшіе во французской философіи второй половины XVIII в., были теперь отвергнуты, и притомъ не за доказанную ихъ ложность, а за испытанную неблагонадежность. При Наполеонѣ въ Парижѣ особенно выдвинулись въ качествѣ философовъ Ройе-Колляръ и Мэнъ-де-Биранъ. Ройе-Колляръ былъ въ 1811 г. сдѣланъ профессоромъ философіи въ Сорбоннѣ, гдѣ и выступилъ рѣшительнымъ противниковъ сенсуализма и скептицизма. Цѣлью своего преподаванія онъ прямо ставилъ «подрѣзать сомнѣніе въ корнѣ, найти нѣчто выше сомнѣнія, дисциплинировать умъ, дать основу для морали, а черезъ нее для спокойствія и порядка». Наполеонъ остался весьма доволенъ вступительною

лекціей профессора: его обрадовало «возникновеніе новой философіи, очень серьезной и выгодной въ томъ отношеніи, что можетъ освободить Францію отъ идеологовъ, убивши ихъ на мѣстѣ своимъ разсужденіемъ». Мэнъ-де-Биранъ, равнымъ образомъ, былъ проповѣдникомъ спиритуализма и идеализма, призывавшимъ «къ внутреннему свѣту, къ духу истины, свѣтящему въ глубинахъ души». Характерная черта этой новой философіи заключалась въ желаніи подчинить мышленіе морали, разумъ — чувству. Съ особою силою проявилось это стремленіе въ ученіи главнаго французскаго философа эпохи реставраціи, Кузена, который объявилъ скептицизмъ ученіемъ безнравственнымъ, такъ что подъ-конецъ философія у него получила характеръ скорѣе борьбы съ вредными ученіями, нежели исканія истины. Въ интересахъ этой борьбы Кузенъ проповѣдовалъ необходимость вообще болѣе тѣснаго союза философіи съ религіей.

Впрочемъ, французская философія первой трети XIX в. еще носила на себѣ слѣды разсудочности классическаго вѣка, и въ ней не было того романтическаго духа, какой почти заполонилъ тогдашнюю философію у нѣмцевъ. Какъ извѣстно, эпоха реставраціи въ исторіи западныхъ литературъ была эпохой побѣдоноснаго шествія романтизма, явившагося на смѣну къ космополитическому классицизму XVIII в. Это новое литературное направленіе, родиною котораго слѣдуетъ считать именно Германію, было сродни возвращенію умовъ къ идеализму и къ спиритуализму въ философіи, сродни тяготѣнію къ католицизму и къ реставраціи средневѣковья. Настоящимъ философомъ такого романтизма въ Германіи былъ Шеллингъ. Его ученіе въ своемъ развитіи принимало разные образы и виды, но особенно характерно то, что въ немъ наиболѣе видную роль, въ концѣ концовъ, стала играть фантазія. Въ противоположность идеѣ историческаго прогресса, выдвинутой просвѣщеніемъ XVIII в., Шеллингъ сталъ утверждать, что человѣчество когда-то стояло на болѣе высокой ступени, было совершеннѣе, а теперь находится въ упадкѣ. Его влекло къ изученію первобытнаго міра и миѳологіи, къ которымъ онъ относился, однако, фантастически, съ полной вѣрой въ глубокій смыслъ и истинность миѳологическихъ сказаній. Въ качествѣ поэтовъ, критиковъ, философовъ и публицистовъ романтизма прославились еще братья Шлегели, Августъ и Фридрихъ, изъ которыхъ второй перешелъ изъ протестантизма въ католицизмъ, — одно изъ знаменитыхъ «обращеній» эпохи. Въ

1828 г. онъ читалъ въ Вѣнѣ свои знаменитыя лекціи по философіи исторіи, гдѣ вся исторія новаго времени представлялась вообще не чѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ истиннаго пути, съ котораго Европа сошла, благодаря гуманизму и реформаціи: его идеаломъ были средніе вѣка, когда во главѣ общества стояли папа и императоръ, а рыцарство своими моральными узами объединяло народы. Это сожалѣніе объ утраченномъ блаженствѣ средневѣковой эпохи, когда католицизмъ являлся верховнымъ принципомъ жизни, господствовавшимъ какъ въ философіи и литературѣ, такъ и надъ государствомъ,—черта довольно распространенная среди нѣмецкихъ романтиковъ, благодаря чему и стали происходить случаи переходовъ изъ протестантизма въ католицизмъ.

Философія XVIII в. была, какъ извѣстно, философіей космополитической: она интересовалась человѣчествомъ, часто забывая, что человѣчество складывается изъ національностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою индивидуальную физіономію, свой характеръ, свое прошлое. «Просвѣщеніе» XVIII в. въ отдѣльномъ лицѣ готово было видѣть лишь «человѣка и гражданина» съ извѣстными прирожденными ему «естественными правами», забывая, что каждый такой «человѣкъ и гражданинъ» является, кромѣ того, и членомъ извѣстной національности, изъ которой природа и исторія сдѣлали нѣчто непохожее на другія національности. Войны, въ теченіе почти четверти вѣка раздиравшія Европу, необычайно обострили національный патріотизмъ, принимавшій теперь иногда прямо уродливыя формы крайняго шовинизма и чужебѣсія, хотя, съ другой стороны, этой же реакціи противъ отвлеченнаго космополитизма XVIII в. цивилизація была обязана и нѣкоторыми положительными результатами. Одновременно съ національнымъ принципомъ противъ отвлеченнаго космополитизма XVIII в. выдвинулось и начало историческое и притомъ какъ въ области общественной жизни, такъ и въ теоретическомъ сознаніи. Раціонализмъ XVIII в. былъ глубоко антиисториченъ, какъ и сама революція 1789 г., противопоставлявшая всему исторически сложившемуся идею естественнаго права. Основная тенденція реставраціи заключалась, наоборотъ, въ отрицаніи всего, что шло подъ знаменемъ этого естественнаго права, и какъ-разъ во имя того же самаго историческаго права, на которое опирались соціальныя привилегіи и политическій абсолютизмъ: въ этомъ заключалась самая суть легитимизма, какъ

принципа реставраціи. Параллельно съ этимъ поворотомъ въ области фактовъ совершался поворотъ и въ области идей. Отрицая авторитетъ вѣры во имя правъ разума, раціонализмъ XVIII в. въ то же время на дѣлѣ утверждалъ исключительное господство разума и въ ущербъ правамъ опыта и наблюденія. Въ своей политической философіи этотъ вѣкъ исходилъ изъ абстрактныхъ понятій и строилъ свои системы общества и государства путемъ чистой дедукціи, обращаясь къ исторіи лишь за примѣрами для иллюстраціи положеній, полученныхъ безъ какого бы то ни было участія со стороны данныхъ историческаго опыта или выводовъ изъ историческихъ изслѣдованій. Одна умная наблюдательница настроеній своей эпохи, г-жа Сталь, впервые познакомившая французовъ съ философіей и литературой нѣмцевъ, очень хорошо, еще въ эпоху имперіи, схватила сущность начинавшагося поворотъ къ историзму: «XVIII вѣкъ провозглашалъ свои принципы слишкомъ безусловно, а XIX столѣтіе, можетъ случиться, будетъ слишкомъ покорно объяснять факты. XVIII вѣкъ вѣрилъ въ абсолютную природу вещей, XIX будетъ вѣрить въ одни обстоятельства. Одинъ хотѣлъ предписывать будущему, другой ограничится изученіемъ человѣчества». Для научнаго движенія XIX в. этотъ поворотъ сдѣлалъ очень много положительнаго, но здѣсь была и опасная сторона—чрезмѣрное преклоненіе передъ прошлымъ, даже передъ самыми отдаленными его временами, какъ это можно видѣть хотя бы изъ того увлеченія средневѣковьемъ, которое такъ характерно для эпохи реакціи и романтизма. Обращеніе историковъ въ это время къ изученію среднихъ вѣковъ, бывшихъ для просвѣтителей XVIII столѣтія временами мрака и невѣжества, совершенно недостойными вниманія, стоитъ въ самой тѣсной и непосредственной связи съ призывомъ возвратиться къ среднимъ вѣкамъ и съ романтизмомъ. Въ Германіи обращеніе къ исторіи получило весьма консервативный характеръ. Лучшею иллюстраціей этого можетъ служить слѣдующій фактъ. Примѣръ Франціи, создавшей для себя единый гражданскій кодексъ, вызвалъ сочувствіе въ нѣкоторыхъ умахъ и среди нѣмцевъ. Знаменитый въ свое время юристъ Тибо написалъ въ 1814 г. брошюру «О необходимости общаго гражданскаго права для Германіи», въ которой, высказываясь противъ политическаго объединенія, требовалъ тѣмъ не менѣе созданія для всѣхъ нѣмцевъ единаго гражданскаго кодекса взамѣнъ того правового хаоса, какой представляли собою старые законы, основанные

на чужомъ, римскомъ правѣ. Противъ этой мысли, неодобрительно встрѣченной правительствами, возсталъ другой юристъ, еще болѣе знаменитый, сдѣлавшійся основателемъ исторической школы права, берлинскій профессоръ фонъ-Савиньи. Въ томъ же 1814 г. онъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію», въ которой доказывалъ, что совершенно невозможно по произволу создать гражданскій кодексъ, потому что право точно такъ же, какъ языкъ, какъ нравы, какъ политическое устройство, является лишь продуктомъ исторической жизни народа, органически развиваясь изъ основъ, заложенныхъ въ самомъ народномъ духѣ. Въ Германіи, вслѣдствіе особенностей ея исторіи, жизнь выработала-де развитіе мѣстнаго права, и это право нужно оставить въ неприкосновенности, не замѣнять его искусственно созданнымъ общимъ гражданскимъ кодексомъ. Это было провозглашеніемъ преклоненія передъ историческимъ фактомъ и осужденіемъ того способа, какимъ былъ созданъ французскій кодексъ. Такое же разсужденіе было у представителей нѣмецкой исторической школы юристовъ и относительно введенія конституціи: въ Англіи конституція исторически развилась изъ извѣстныхъ началъ національнаго быта, и это очень хорошо, но именно поэтому и нельзя пересаживать англійскую конституцію на чуждую ей историческую почву; разъ исторія не выработала изъ германской націи единаго государства, пусть же эта нація и остается раздробленною, довольствуясь и своими исторически сложившимися учрежденіями.

Съ точки зрѣнія реакціи противъ философіи XVIII в., какой бы характеръ реакція ни принимала, французская революція должна была казаться дерзкимъ возстаніемъ лжемудрствующаго человѣческаго разума противъ вѣковѣчныхъ порядковъ, созданныхъ Богомъ или исторіей: ученіе о томъ, что человѣкъ произвольно можетъ здѣсь что-либо измѣнять, объявлялось революціоннымъ. Съ особеннымъ усердіемъ реакціонная литература набросилась на теорію о договорномъ происхожденіи государства, ставившую учрежденія въ зависимость отъ людского произвола. XIX вѣкъ вообще отвергъ это ученіе, столь популярное въ XVIII столѣтіи, и не нужно забывать, что главные удары договорной теоріи были нанесены писателями реакціонной школы, впервые высказавшими мысль о возникновеніи государства путемъ чисто органическаго развитія. Эти писатели, однако, имѣли цѣлью не столько замѣ-

нить ненаучную теорію болѣе научною, сколько противопоставить доктринѣ, ведущей къ революціи, доктрину, которая поддерживала бы установленный порядокъ. Это—главная тема корифеевъ реакціонной политической литературы во Франціи конца XVIII и начала XIX в., Бональда и Жозефа де-Местра.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Бональдъ стоялъ на средневѣковой точкѣ зрѣнія. Человѣкъ, прежде всего, — сосудъ страстей и похотей, и потому требуетъ постояннаго обузданія: отсюда необходимость религіозныхъ и свѣтскихъ авторитетовъ, и чѣмъ они сильнѣе, тѣмъ лучше, а потому нужно противиться всему, что ихъ ослабляетъ. Личная свобода—великое зло, и ее слѣдуетъ всячески стѣснять. Бональдъ прямо обращался къ правительствамъ, приглашая ихъ для укрѣпленія людей «стѣснять сердца ихъ, дѣйствовать наперекоръ ихъ влеченіямъ». Религіозный и свѣтскій авторитеты воплощались у него въ духовенствѣ и въ дворянствѣ, которымъ принадлежитъ церковное и государственное служеніе. По мнѣнію Бональда, всѣ бѣды пошли отъ того, что церковь и армія стали демократизироваться и сталъ разлагаться средневѣковой строй жизни. Бональдъ былъ открытымъ сторонникомъ сословнаго устройства общества, корпоративнаго быта, установленныхъ разъ навсегда общественныхъ положеній и порядковъ, строгихъ рамокъ, въ которыя должны быть поставлены личная жизнь и дѣятельность. Вся новая исторія предавалась имъ проклятію, и лучшимъ подтвержденіемъ правильности своихъ разсужденій онъ считалъ французскую революцію. Политическая теорія Бональда была весьма популярна среди бывшихъ эмигрантовъ въ эпоху реставраціи, когда самъ онъ, съ возвращеніемъ легитимной монархіи, могъ вздохнуть свободнѣе, хотя и тутъ его сильно смущала конституціонная хартія 1814 г., казавшаяся ему вредною уступкою духу времени.—Жозефъ де-Местръ, выступившій въ 1796 г. съ сочиненіемъ о французской революціи, гдѣ проводилась мысль, что это было божеское наказаніе за грѣхи и за вольнодумство XVIII в., написалъ, между прочимъ, еще книгу «О папѣ», увидѣвшую свѣтъ въ печати въ 1819 г. Это была цѣлая теорія папской власти; но авторъ сталъ въ ней не столько на богословскую, сколько на политическую точку зрѣнія, доказывая необходимость непогрѣшимаго и неограниченнаго въ своей власти папства для того, чтобы было кому поддерживать въ Европѣ миръ и спокойствіе внутри отдѣльныхъ государствъ и въ международныхъ отношеніяхъ, разрѣшая безапелляціонно

всѣ споры и раздоры, противорѣчія и недоразумѣнія, охраняя права монарховъ отъ народныхъ революцій, а права народовъ— отъ деспотизма правительствъ и т. п. Жозефъ де-Местръ при этомъ признавался, что будь онъ даже самъ атеистомъ, но будь у него только въ рукахъ власть, онъ непремѣнно издалъ бы основной законъ государства, предписывающій считать папскую власть непогрѣшимой. Подобно другимъ реакціонерамъ, онъ ссылался, какъ на хорошее время, на средніе вѣка, когда папство дѣйствительно господствовало надъ народами. Вмѣстѣ съ Бональдомъ, и Жозефъ де-Местръ смотрѣлъ на человѣка, какъ на сосудъ страстей и похотей, т.-е. какъ на существо, грѣховное по самой своей природѣ, а потому долженствующее подвергаться постоянно наказанію: Богъ вѣчно караетъ человѣка, и для этого особымъ актомъ своей воли онъ въ человѣческомъ обществѣ создалъ палача. Эту послѣднюю мысль развилъ Жозефъ де-Местръ въ своихъ знаменитыхъ «Петербургскихъ вечерахъ», имѣвшихъ весьма значительный успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ.

Реакціи противъ французской революціи не избѣжала даже Англія. Въ народныхъ массахъ нерасположеніе къ французамъ имѣло источникъ сначала въ томъ представленіи, что это народъ безбожниковъ, — въ представленіи, возникшемъ на почвѣ антирелигіозныхъ проявленій революціи,—потомъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія для англичанъ приносила съ собою затянувшаяся на двадцать слишкомъ лѣтъ война съ Франціей, въ увеличеніи налоговъ, вздорожаніи хлѣба и т. п. Мы видѣли, что въ началѣ французской революціи среди образованныхъ англичанъ нашлось не мало такихъ, которые проявили по отношенію къ ней величайшее сочувствіе, но этимъ защитникамъ революціи становилось все труднѣе высказываться по мѣрѣ того, какъ революція все болѣе и болѣе принимала террористическій характеръ, и, конечно, тѣмъ все больше и больше общественное мнѣніе переходило на сторону писателей, съ самаго же начала ставшихъ къ революціи во враждебное отношеніе. Никто, быть можетъ, идейно такъ много не повредилъ французской революціи въ общественномъ мнѣніи не только своей родины, но и всей Европы, какъ знаменитый англійскій политическій дѣятель, парламентскій ораторъ и публицистъ, принадлежавшій притомъ къ либеральному лагерю, Эдмундъ Бёркъ, авторъ «Размышленій о французской революціи» (1790), сдѣлавшихся сразу весьма популярными въ англійскомъ обществѣ. Хотя противъ его взгляда было написано

нѣсколько возраженій, среди которыхъ были отличавшіяся значительною силою, тѣмъ не менѣе его «Размышленія» сдѣлались руководящею книгою не только для торіевъ, но и для многихъ виговъ; послѣдніе начали даже подъ ея вліяніемъ переходить на сторону явной реакціи. Въ концѣ концовъ, почти все англійское общество стало смотрѣть на французскую революцію глазами Бёрка, и его взглядъ надолго утвердился въ англійскихъ правящихъ классахъ.

Въ этомъ нападеніи Бёрка на революцію, во многомъ бывшую лишь повтореніемъ и продолженіемъ англійской борьбы за политическую свободу въ XVII в., сказалась настоящая сущность тогдашняго англійскаго либерализма, именно либерализма съ консервативной и далеко не демократической подкладкой. Конечно, французская революція стремилась къ тому же самому, чего добивались и англичане во время борьбы со Стюартами и чего достигли, благодаря революціи 1689 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ она шла и дальше, какъ вслѣдствіе характеризующаго поколѣніе 1789 г. радикализма въ разрушеніи старины, такъ и вслѣдствіе ясно выраженнаго демократизма эпохи. Бёркъ упрекалъ французовъ за то, что они предпочли внезапный и полный переворотъ политическому методу постепенныхъ и частичныхъ преобразованій. Для большинства англичанъ, изъ сужденій которыхъ складывалось тогда общественное мнѣніе въ странѣ, главнымъ аргументомъ противъ французской революціи былъ ея демократическій духъ. Правящіе классы Англіи опасались, что этотъ столь опасный духъ можетъ быть занесенъ и къ нимъ и произвести у нихъ то же, свидѣтелями чего эти классы были у сосѣдей, въ революціонной Франціи. Событія, происходившія во Франціи съ 1789 г., вызвали въ англійскихъ правящихъ классахъ рѣзко реакціонное настроеніе, бывшее на руку прежде всего торіямъ, такъ какъ создавали благопріятную почву для пріобрѣтенія ими и вліянія на выборахъ, и большинства въ парламентѣ, что̀ при установившейся въ Англіи зависимости кабинета отъ большинства передавало всю власть въ руки вождей этой партіи. Война, объявленная въ 1793 г. Франціи, была для англичанъ не только войною съ враждебнымъ государствомъ, но и войною съ самою революціею, какъ таковою. Это реакціонное настроеніе продолжало чувствоваться въ обществѣ и по окончаніи войны съ Наполеономъ, когда англійское правительство шло на буксирѣ реакціонной политики абсолютныхъ монархій материка.

Особенно англійскіе консерваторы отстаивали существовавшіе въ странѣ выборные порядки. Избирательная система, дѣйствовавшая въ Англіи, вела свое происхожденіе еще изъ среднихъ вѣковъ. Главное зло системы заключалось въ томъ, что избирательныя права, вообще принадлежавшія незначительному меньшинству, были вдобавокъ распредѣлены до крайности неравномѣрно, и что при избраніи представителей широко практиковались всякаго рода незаконныя вліянія, даже прямая купля-продажа голосовъ. Многіе большіе города, въ средніе вѣка еще не существовавшіе, не имѣли особаго представительства, которымъ, наоборотъ, пользовались разныя мелкія мѣстечки, пришедшія въ полный упадокъ и потому называвшіяся «гнилыми». Въ этихъ гнилыхъ мѣстечкахъ избирателей было обыкновенно очень мало, и большею частью они находились въ полной зависимости отъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Избирательные порядки въ большихъ городахъ, посылавшихъ представителей въ нижнюю палату, отличались крайнимъ разнообразіемъ, и нерѣдко право выбирать депутатовъ принадлежало только городскимъ совѣтамъ изъ дюжины или нѣсколькихъ десятковъ лицъ. Въ графствахъ это право съ начала XV в. принадлежало всѣмъ обладавшимъ сорока шиллингами дохода, но вслѣдствіе почти полнаго исчезновенія въ Англіи мелкаго крестьянскаго хозяйства число избирателей фактически сильно сократилось, да и большинство этихъ избирателей находилось въ полной экономической зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Масса членовъ парламента посылалась отъ избиравшихъ ихъ мѣстностей по желанію тѣхъ или другихъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ. Въ 1816 г. среди 658 членовъ было только 171 независимыхъ, остальные же 487 попали въ палату по протекціи разныхъ патроновъ; въ 1821 г. 350 членовъ получили свои мѣста вслѣдствіе вліянія и денегъ 180 лицъ. Вообще, въ выборахъ деньги играли большую роль, потому что даже независимые люди, желавшіе попасть въ парламентъ, не могли обходиться безъ подкупа избирателей. Голосами открыто торговали, и избраніе одного лица могло стоить тысячи и десятки тысячъ фунтовъ. Потомъ депутаты наверстывали свое, торгуя голосами въ палатѣ.

Эти печальныя явленія вызвали идею парламентской реформы. Первое предложеніе въ такомъ смыслѣ было сдѣлано еще въ 1770 г.; затѣмъ въ теченіе двадцати семи лѣтъ семь разъ возобновлялся въ парламентѣ вопросъ о реформѣ, каждый разъ съ пол-

нымъ проваломъ, потому что не могъ же такой составъ парламента самъ на себя наложить руки. Подъ вліяніемъ реакціи, вызванной французской революціей, двѣнадцать лѣтъ (1797—1809) вопросъ даже ни разу не поднимался, да и потомъ если его и ставили на очередь, въ общемъ довольно часто, то только для того, чтобы каждое такое предложеніе снова отвергалось подавляющимъ большинствомъ. Агитація въ пользу парламентской реформы велась въ народѣ путемъ печатнаго слова, собраній и союзовъ. Французская революція сильно оживила эту агитацію; именно послѣднее обстоятельство и бросило правящіе классы въ объятія реакціи. Первые публичные митинги въ Лондонѣ подъ открытымъ небомъ были собраны въ 1793 г., и примѣру столицы скоро послѣдовали провинціальные города. Отвѣтомъ на это была пріостановка парламентомъ на годъ habeas-corpus-act'a, закона, обезпечивающую личную неприкосновенность гражданъ. Это было въ 1794 г., и затѣмъ изъ года въ годъ возобновлялась такая пріостановка вплоть до 1801 г., когда наконецъ дѣйствіе закона было возстановлено. Другимъ средствомъ борьбы противъ демократической агитаціи было привлеченіе къ суду за авторство «возмутительныхъ» сочиненій, тѣмъ болѣе, что сами присяжные были заражены реакціоннымъ духомъ и охотно приговаривали подсудимыхъ къ тюрьмѣ и къ большимъ денежнымъ штрафамъ. Составлялись, къ тому же, и добровольческія ассоціаціи для преслѣдованія дурной печати. Въ 1795 г. парламентъ даже издалъ рядъ репрессивныхъ законовъ (правда, временныхъ) противъ мятежныхъ сочиненій, рѣчей и скопищъ въ противорѣчіи со всѣмъ духомъ англійской конституціи. На газеты былъ, между прочимъ, наложенъ высокій штемпельный налогъ съ цѣлью воспрепятствовать успѣхамъ дешевой политической прессы, расчитанной на читателей изъ низшихъ классовъ общества. До извѣстной степени реакція достигла своей непосредственной цѣли: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ общественной жизни Англіи господствовалъ почти полный застой, прекратившійся лишь къ концу двадцатыхъ годовъ.

VI. Либеральныя движенія въ эпоху реставраціи [1]).

Основное различіе реакціоннаго и либеральнаго направленій въ эпоху реставраціи. — Вліяніе реакціи противъ французской революціи на либерализмъ эпохи реставраціи. — Сущность основной теоріи либерализма. — Разновидности либерализма. — Тайныя революціонныя организаціи. — Легальная борьба съ реакціей. — Введеніе новыхъ конституцій послѣ 1814 г. — Южно-романскія революціи двадцатыхъ годовъ. — Движеніе декабристовъ въ Россіи. — Усиленіе либерализма во Франціи и въ Англіи къ концу двадцатыхъ годовъ.

Въ то время, какъ правительства, духовенство и дворянство дѣйствовали въ болѣе или менѣе реакціонномъ духѣ, средніе классы общества, наоборотъ, были настроены болѣе прогрессивно и стояли на сторонѣ направленія, за которомъ съ двадцатыхъ годовъ XIX в. стало упрочиваться названіе либерализма. Познакомившись съ общимъ характеромъ реакціи въ ея культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ проявленіяхъ, мы сдѣлаемъ теперь то же самое по отношенію къ либерализму. Реакція и либерализмъ, это были два теченія, борьба между которыми и въ отдѣльныхъ государствахъ, и въ сферѣ международныхъ отношеній, особенно характеризуя историческую жизнь эпохи реставраціи, продолжалась и въ слѣдовавшіе за нею періоды исторіи Европы XIX в.

Главное отличіе прогрессивныхъ ученій эпохи отъ реакціонныхъ заключалось въ томъ, что послѣднія высказывались противъ принципа личности, который былъ, напротивъ, исходнымъ пунктомъ либерализма. Тяготѣніе реакціонеровъ къ среднимъ вѣкамъ, когда развитіе личнаго начала въ культурной, соціальной и политической жизни было стѣснено, объясняется ихъ взглядомъ на человѣка, какъ на существо, которое не можетъ быть предоставлено самому себѣ, которое должно быть замкнуто въ извѣстныя, по возможности самыя тѣсныя рамки, и которое потому необходимо держать подъ постоянною опекою властей и

---

[1]) Уч. кн., §§ 276, 281 и 288. — И. З. Е., т. IV, гл. XIV, XVII, XIX и XXI и т. V, гл. I и XII. — Общій взглядъ, гл. V и VI. — Нар.-прав. госуд., гл. XIII и XIV.

духовнаго, и свѣтскаго характера. Всѣ успѣхи цивилизаціи новаго времени вытекаютъ изъ бо́льшаго развитія личности въ послѣднія столѣтія сравнительно съ средними вѣками, какъ это очень ясно сознавалось передовыми умами эпохи реставраціи: послѣдовательный индивидуализмъ и былъ, такъ сказать, самою глубокою основою направленія, получившаго названіе либерализма. Это направленіе, формулировавшее свои принципы, главнымъ образомъ, въ двадцатыхъ годахъ XIX в., было естественнымъ продолженіемъ болѣе раннихъ историческихъ движеній, въ которыхъ вообще какую-нибудь роль играла индивидуальная свобода, провозглашалась ли она во внутренней жизни духа (въ сферѣ совѣсти и мысли), или во внѣшнихъ отношеніяхъ общества и государства. Какъ реакціонныя стремленія были тѣсно связаны съ идеями и учрежденіями среднихъ вѣковъ, не дававшими простора личному развитію, такъ либерализмъ являлся наслѣдникомъ гуманизма, реформаціи, просвѣщенія XVIII вѣка и революціи 1789 г., поскольку эти движенія вели къ эманципаціи личности въ ея духовной и общественной жизни. Принципіальная борьба между либерализмомъ и реакціей была поэтому борьбою между свободой личности, съ одной стороны, и стремленіемъ къ возможно большему ограниченію личныхъ правъ какъ въ культурной, такъ и въ политической жизни, съ другой. Либерализмъ какъ-разъ стоялъ за свободу совѣсти, за свободу мысли, за свободу научнаго изслѣдованія, за свободу слова, за свободу печати, за гарантіи личной неприкосновенности, за уваженіе къ человѣческому достоинству, за уравненіе всѣхъ въ правахъ, тогда какъ реакція проявляла вѣроисповѣдную нетерпимость, вражду къ свободѣ мысли и научнаго изслѣдованія, стремленіе къ стѣсненію слова и печати и пренебреженіе къ личности, какъ таковой, внѣ извѣстныхъ соціальныхъ категорій, принадлежность къ которымъ въ глазахъ реакціонеровъ только и могла сообщать индивидууму тѣ или другія права. Съ этимъ отстаиваніемъ правъ личности либерализмъ соединялъ стремленіе также къ политической свободѣ въ смыслѣ участія общества въ государственной жизни посредствомъ представительныхъ учрежденій.

Въ эпоху реставраціи главными цѣлями либеральныхъ партій были введеніе представительныхъ учрежденій тамъ, гдѣ ихъ не было, защита ихъ отъ реакціи тамъ, гдѣ послѣдняя имъ угрожала, и измѣненіе конституціонныхъ законовъ въ смыслѣ расширенія свободы тамъ, гдѣ эти законы существовали, но не давали

достаточной свободы. Устанавливая эту связь между либерализмомъ и представительными учрежденіями, мы тѣмъ самымъ должны признать, что исторія либерализма была тѣсно связана съ исторіей французской революціи. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы либерализмъ въ эпоху реставраціи ничѣмъ не отличался отъ «принциповъ 1879 г.» и чтобы въ культурномъ отношеніи между либерализмомъ указанной эпохи и общимъ духомъ XVIII в. не было никакой разницы.

Общая реакція противъ XVIII в. въ началѣ новаго столѣтія отразилась также и на характерѣ либерализма. Идея народовластія и демократическій характеръ революціи осуждались въ началѣ XIX в. не одними представителями реакціонныхъ стремленій: политическая теорія Руссо потеряла кредитъ и у передовыхъ политиковъ эпохи. Неудача, какую испытало примѣненіе народовластія на практикѣ, оказавшагося лишь орудіемъ демагогіи или опорою деспотизма, нанесла сильный ударъ демократической идеѣ революціи, такъ что либерализмъ эпохи реставраціи отличался прямымъ недовѣріемъ къ демократіи. Подобно тому, какъ реакціонныя стремленія характеризовали преимущественно дворянство, либерализмъ сдѣлался отличительной чертой буржуазіи и самъ принялъ буржуазный оттѣнокъ. Кромѣ того, порвалась еще и та связь, въ какой идея свободы находилась съ наиболѣе характерными сторонами философіи XVIII в, и либерализмъ получилъ, такъ сказать, извѣстный отпечатокъ и отъ спиритуалистической философіи, и отъ историческаго изученія, и отъ романтизма, являвшихся, какъ мы знаемъ, результатами общей реакціи противъ XVIII в.

Либерализмъ, требующій культурной и политической свободы, можетъ имѣть въ соціальномъ отношеніи разную окраску—аристократическую, буржуазную, демократическую, смотря по тому, требуется ли эта свобода преимущественно лишь для того либо другого общественнаго класса, или же для всего народа. Вполнѣ послѣдовательнымъ бываетъ лишь либерализмъ демократическій, поскольку изъ принципа индивидуальной свободы логически вытекаетъ принципъ равнаго для всѣхъ права; но культурные и политическіе принципы не всегда послѣдовательно проводятся въ требованіяхъ и поведеніи партій, что происходитъ подъ вліяніемъ классовыхъ интересовъ людей, участвующихъ въ образованіи партій. Родоначальникомъ французскаго либерализма былъ Монтескьё, но онъ, какъ извѣстно, заявлялъ себя сторонникомъ

аристократическихъ привилегій. Либерализмъ «принциповъ 1789 г.» былъ, наоборотъ, демократическимъ, поскольку въ началѣ революціи наиболѣе вліятельные представители ея стремленій первоначально не дѣлали различія между буржуазіей и народомъ, исходя изъ демократической идеи націи. Мало-по-малу, однако, буржуазія стала отдѣлять себя отъ народа. Здѣсь дѣйствовалъ, съ одной стороны, классовой эгоизмъ, заставлявшій буржуазію, ради огражденія своихъ интересовъ, то отказываться отъ политической свободы, то организовать послѣднюю на началахъ высокаго избирательнаго ценза; съ другой стороны, у защитниковъ культурныхъ и политическихъ принциповъ либерализма, послѣ неудачнаго опыта съ народовластіемъ, образовалось убѣжденіе, что признаніе политическихъ правъ за всѣмъ населеніемъ, не дорожащимъ благами свободы, не умѣющимъ пользоваться ею и легко поддающимся увлеченію демагогами или военными вождями, отзывается самымъ гибельнымъ образомъ на самой политической свободѣ. И вотъ, либерализмъ эпохи реставраціи порываетъ ту связь, въ какой находились между собой идеи политической свободы и демократіи, и вслѣдствіе этого принимаетъ характеръ откровенно буржуазный Теоретики либерализма двадцатыхъ годовъ XIX в., доказывавшіе, что политическая свобода не можетъ имѣть прочной опоры въ широкихъ народныхъ массахъ, были убѣждены вмѣстѣ съ тѣмъ, что и для блага самихъ массъ нужно прежде всего только то, въ чемъ нуждались зажиточные и обравованные люди, т.-е. нужна культурная и политическая свобода. Многіе изъ нихъ искренне вѣрили, что ради самой той пользы, которую долженъ получать народъ отъ существованія свободы, слѣдуетъ сосредоточить политическія права націи лишь въ общественныхъ классахъ съ извѣстнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Вообще полагая, что свобода — единственное средство противъ всякихъ общественныхъ золъ, тогдашніе либералы или слишкомъ мало обращали вниманія на вопросы экономическаго быта, или же раздѣляли вѣру экономистовъ XVIII в. въ гармонію интересовъ, устанавливающуюся силою свободной конкурренціи между отдѣльными людьми или общественными группами. Въ послѣднемъ отношеніи они, конечно, дѣлали, какъ обнаружилось потомъ, ошибку, но въ самомъ требованіи ими экономической свободы, въ смыслѣ невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь народа, нужно различать двѣ стороны. Этого невмѣшательства либералы желали, прежде всего, просто въ силу

послѣдовательнаго проведенія принципа свободы во всѣхъ сферахъ жизни, т.-е. не только въ областяхъ духовной культуры и политики, но и въ области экономическихъ отношеній, не понимая, что въ послѣдней свобода влечетъ за собою угнетеніе слабаго сильнымъ и тѣмъ самымъ оказывается благопріятною лишь для меньшинства, поставленнаго въ лучшія матеріальныя условія жизни. Съ другой стороны, сама буржуазія, наоборотъ, хорошо понимала эту выгодную для нея сторону невмѣшательства, такъ какъ устраненіе какихъ бы то ни было препятствій въ ея экономической дѣятельности давно уже входило въ ея жизненную программу, и разъ найденъ былъ благородный принципъ, которымъ оказывалось возможнымъ прикрыть своекорыстныя вожделѣнія, онъ не только пускался въ ходъ, но даже объявлялся очень существенною принадлежностью либерализма. Изъ этого всего, однако, не слѣдуетъ, будто либерализмъ по самой своей сущности имѣлъ исключительно классовое происхожденіе: буржуазія, какъ общественный классъ, раздѣлявшій либеральные принципы и составлявшій главную силу либеральной партіи, лишь придавала принципамъ, въ основѣ своей прогрессивнымъ и демократичнымъ, свою окраску, съуживая ихъ примѣненіе на практикѣ, сами же принципы эти — индивидуальная свобода и представительная система — не заключали въ себѣ, конечно, ничего спеціально буржуазнаго.

Реакція противъ XVIII в. сказалась на либерализмѣ эпохи реставраціи (имѣемъ въ виду преимущественно либерализмъ французскій) и въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, въ области философіи онъ отказался отъ сенсуализма XVIII в., чтобы обосновать себя на спиритуализмѣ. Ройе-Колларъ, называвшійся нами въ другомъ мѣстѣ, какъ философъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ виднымъ дѣятелемъ въ рядахъ либеральной партіи эпохи реставраціи. Викторъ Кузенъ, сдѣлавшійся главнымъ представителемъ спиритуалистической философіи на каѳедрѣ и въ литературѣ, въ 1815 г. въ своихъ лекціяхъ въ Сорбоннѣ приглашалъ слушателей во имя патріотизма принять его ученіе, которое, говорилъ онъ, одно только можетъ спасти отечество. «Слишкомъ долго,—аргументировалъ онъ,— мы искали свободы на путяхъ рабства. Мы хотѣли быть свободными съ моралью рабовъ. Нѣтъ, статуя свободы не стоитъ на пьедесталѣ интереса, и не сенсуализму съ его мелочными правилами создавать великіе народы. Поддержите французскую свободу, еще не успѣвшую упрочиться и колеблю-

щуюся среди окружающихъ насъ могилъ и развалинъ,—поддержите ее моралью, которая утвердила бы эту свободу на вѣчныя времена».—Характерно, далѣе, и то, что французскій либерализмъ двадцатыхъ годовъ сталъ обосновывать себя не на одномъ умозрѣніи, но и на историческомъ изученіи. Во Франціи историческая школа,—не въ примѣръ того, что произошло, какъ мы видѣли, въ Германіи,—стала служить дѣлу либерализма: спеціально интересъ къ среднимъ вѣкамъ поддерживался здѣсь, между прочимъ, стремленіемъ изслѣдовать исторію свободы во Франціи, исторію третьяго сословія, которое боролось за свободу, исторію представительныхъ учрежденій вообще и въ частности англійскаго парламента, для изученія же всего этого нужно было обратиться къ исторіи среднихъ вѣковъ. Въ эпоху реставраціи исторія Франціи съ либеральной точки зрѣнія разсматривалась, какъ исторія борьбы свободы, представительницей которой являлось среднее сословіе, противъ феодальнаго дворянства и королевскаго абсолютизма. «Во Франціи,—писалъ Огюстенъ Тьерри,—только два класса людей: эти два класса стоятъ другъ противъ друга, и со всѣхъ сторонъ люди пергаментовъ вооружаются противъ людей индустріи». Гизо смотрѣлъ на французскую революцію, какъ на рѣшительную битву, которую дали порабощенные своимъ поработителямъ. Вотъ почему французскіе историки этой эпохи съ большимъ интересомъ занимались исторіей третьяго сословія, освобожденія городскихъ общинъ и борьбы буржуазіи за свободу («Письма объ исторіи Франціи» О. Тьерри и извѣстные отдѣлы «Исторіи цивилизаціи во Франціи» Гизо), исторіей представительныхъ учрежденій и Англіи, какъ страны, гдѣ представительная система получила наибольшее развитіе (сочиненія Гизо: «Исторія представительнаго правленія» и «Исторія англійской революціи», трудъ Ог. Тьерри «Исторія завоеванія Англій норманнами», гдѣ разсказана исторія возникновенія англійскаго парламента, книга Армана Карреля «Исторія контръ-революціи въ Англіи», заключающая въ себѣ разсказъ о реставраціи Стюартовъ и о переворотѣ 1689 г.) и, наконецъ, исторіей французской революціи (извѣстныя сочиненія Тьера и Минье).—Либерализмъ, наконецъ, сталъ во Франціи въ довольно близкое отношеніе и къ романтизму и не только въ томъ смыслѣ, что существовалъ романтизмъ съ либеральнымъ направленіемъ, но и въ томъ, что самъ либерализмъ какъ-бы принималъ романтическій оттѣнокъ. Въ лицѣ Виктора Гюго, сдѣлавшагося къ концу эпохи реставраціи

главнымъ представителемъ и даже вождемъ новаго литературнаго направленія, французская романтическая школа совершила прямую эволюцію отъ реакціи къ либерализму. Ревностный роялистъ въ самыхъ молодыхъ годахъ, прославлявшій въ своихъ стихахъ реставрацію, онъ, открыто заявлялъ тогда, что философія XVIII в. одинаково враждебна и поэзіи, и религіи, и что поэзія должна быть тѣсно связана съ монархическими чувствами и христіанскими вѣрованіями. Съ лѣтами, однако, у Гюго это настроеніе стало исчезать, и къ концу разсматриваемаго періода онъ сталъ сильно проникаться либерализмомъ. Въ 1827 г., въ предисловіи къ своему «Кромвелю», поэтъ уже проводилъ параллель между старымъ порядкомъ и либерализмомъ въ политикѣ и классицизмомъ и романтизмомъ въ литературѣ и объявлялъ себя сторонникомъ новаго направленія. «Романтизмъ, заявлялъ онъ, это—либерализмъ въ литературѣ». Съ середины двадцатыхъ годовъ вообще романтизмъ занялъ во Франціи боевое положеніе и, вступивъ въ борьбу противъ отживавшаго свой вѣкъ классицизма, этимъ самымъ обратилъ на себя вниманіе либераловъ. Одинъ журналъ второй половины двадцатыхъ годовъ («Le Globe»), занимавшійся пропагандою либерализма, въ то же время былъ и настоящимъ органомъ романтическаго направленія въ литературѣ.

Очень видною стороною проявившейся въ либерализмѣ реакціи противъ революціи 1789 г. была объявленная имъ война ученію Руссо о неограниченности народнаго суверенитета, главными представителями котораго во время революціи были якобинцы. Исходя изъ принципа наибольшей—какую только вообще можно допустить въ государствѣ—свободы личности, теоретики либерализма въ политической литературѣ стремились до послѣдней крайности ограничить функціи государства, возобновивъ въ этомъ отношеніи индивидуалистическое ихъ пониманіе, какое мы находимъ еще у философа конца XVII в. Локка. Чтобы лучше представить себѣ, въ чемъ же заключалось такое пониманіе, мы остановимся сначала на раннихъ взглядахъ,—еще изъ конца XVIII в.,—Вильгельма Гумбольдта, а затѣмъ на идеяхъ главнаго теоретика либерализма въ эпоху реставраціи, Бенжамена Констана.

Первому изъ нихъ было всего двадцать два года, когда вспыхнула французская революція, и какъ на весьма многихъ молодыхъ людей того времени, она произвела и на него сильное впечатлѣніе: въ 1789 г. онъ даже нарочно ѣздилъ въ Парижъ,

чтобы «посмотрѣть на похороны французскаго деспотизма». Въ началѣ XIX в. Гумбольдтъ занималъ видные посты на прусской государственной службѣ, былъ въ числѣ сторонниковъ Штейна, содѣйствовалъ много возникновенію берлинскаго университета, представлялъ, вмѣстѣ съ Гарденбергомъ, Пруссію на вѣнскомъ конгрессѣ, а въ эпоху реставраціи былъ короткое время министромъ внутреннихъ дѣлъ и думалъ о введеніи въ Пруссіи конституціи. Еще въ 1792 г. онъ написалъ «Идеи для попытки опредѣленія границъ дѣятельности государства»,—сочиненіе, увидившее свѣтъ въ печати лишь въ 1851 г., что не мѣшаетъ ему оставаться любопытнымъ памятникомъ конца XVIII в. Въ этомъ еще и теперь достойнымъ вниманія трактатѣ Гумбольдтъ исходилъ изъ того, что высшія цѣли существованія отдѣльнаго человѣка сводятся къ гармоническому развитію его силъ, первымъ же условіемъ для достиженія этой цѣли онъ считалъ свободу, безъ которой немыслимы ни самостоятельное развитіе личности, ни самобытное усвоеніе личностью того, что выработано другими. Поэтому онъ признавалъ нормальнымъ лишь такое людское общежитіе, гдѣ личность можетъ развиваться изъ себя и для себя, претворяя въ свое собственное достояніе все заимствованное извнѣ. Государство, по Гумбольдту, должно прежде всего заботиться лишь объ устраненіи препятствій къ такому развитію, устанавливая общую безопасность. Прямое содѣйствіе благополучію всѣхъ, т.-е. правительственныя заботы о населеніи, о его пропитаніи, о развитіи промышленности, о помощи бѣднымъ и т. п. Гумбольдтъ отрицалъ, находя попеченіе правительствъ о матеріальномъ благосостояніи гражданъ даже вреднымъ: государственное вмѣшательство, налагая на все печать однообразія, уничтожаетъ свободное проявленіе индивидуальныхъ силъ и тѣмъ препятствуетъ внутреннему развитію, съ другой же стороны, вѣчная опека пріучаетъ гражданъ къ апатіи и индифферентизму. Правда, есть такія цѣли жизни, которыя могутъ быть достигнуты лишь путемъ объединенія индивидуальныхъ силъ, но для этого, думалъ Гумбольдтъ, и существуютъ свободныя товарищества, къ которымъ каждый воленъ примыкать или не примыкать,—каковой свободы уже нѣтъ по отношенію къ государству. Цѣль государства онъ видѣлъ, такимъ образомъ, исключительно въ огражденіи общества отъ опасностей: сущность государства заключается въ установленіи неограниченной власти, и безъ нея, дѣйствительно, нельзя обойтись въ дѣлѣ охраненія

безопасности. Но и въ послѣднемъ отношеніи Гумбольдтъ считалъ нужнымъ опредѣлить границы собственно дѣятельности государства, такъ какъ безъ этого весьма легко и тутъ дойти до требованій, осуществленіе которыхъ было бы равносильно совершенному уничтоженію свободы гражданъ. Противъ внѣшнихъ враговъ государствамъ приходится вести войны, но лишь въ народныхъ ополченіяхъ возможны чувство свободы и гражданское воспитаніе, постоянныя же арміи превращаютъ людей въ машины, лишь исполняющія волю начальниковъ. Въ дѣлѣ охраненія внутренней безопасности государство можетъ или ограничиваться простымъ пресѣченіемъ преступленій и заботою объ ихъ предупрежденіи, или же добиваться того же самаго посредствомъ воспитанія, религіи, цензуры нравовъ, т.-е. дѣйствуя на самый характеръ гражданъ. Гумбольдтъ былъ горячимъ противникомъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло воспитанія гражданъ. Примѣръ древности не указъ: въ античныхъ государствахъ за стѣсненія, вытекавшія изъ такого вмѣшательства, гражданинъ вознаграждался такою свободою, какая въ наши времена совсѣмъ неизвѣстна, но вѣдь новое время тѣмъ и отличается отъ древности, что требуетъ проведенія въ жизнь личнаго начала, тогда какъ общественное воспитаніе налагаетъ печать однообразія на молодежь, сообщая всѣмъ направленіе, нужное лишь для поддержанія даннаго порядка, и тѣмъ подавляя многія стороны человѣческой природы. Далѣе, попеченіе государства о религіи всегда влечетъ за собою покровительство лишь извѣстнымъ ученіямъ въ ущербъ другимъ и грозитъ свободѣ совѣсти. Назначеніе пастырей и порядокъ общественнаго богослуженія должны быть изъяты изъ области государственнаго вмѣшательства и предоставлены самой религіозной общинѣ. И въ дѣлѣ мѣръ, клонящихся къ предупрежденію преступленій, Гумбольдтъ совѣтовалъ большую осторожность, дабы не стѣснять безъ особой надобности индивидуальную свободу разнаго рода полицейскими запрещеніями. Въ своемъ трактатѣ Гумбольдтъ не распространялся о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, но кое-что у него все-таки есть и объ этой сторонѣ политическаго вопроса. Устройство государства, по его убѣжденію, не должно служить препятствіемъ свободному развитію народа, и та форма можетъ быть названа самою лучшею, которая предоставляетъ государству самое незначительное вліяніе на гражданъ и вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ ихъ уважать чужое право и горячо любить собствен-

ную свободу. Впослѣдствіи Гумбольдтъ во многомъ измѣнилъ свои взгляды, но въ общемъ все-таки остался однимъ изъ представителей либерализма и въ началѣ XIX в.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ идей либерализма въ эпоху реставраціи былъ французскій политическій дѣятель и теоретикъ конституціонализма Бенжаменъ Констанъ, составитель, между прочимъ, наполеоновскаго «дополнительнаго акта» 1815 г. Главная идея, которую развивалъ Бенжаменъ Констанъ въ своемъ «Курсѣ конституціонной политики» (1816) и другихъ сочиненіяхъ, была идея свободы. Самъ онъ на склонѣ дней своихъ писалъ о себѣ, что «цѣлыя сорокъ лѣтъ защищалъ одно и тоже, а именно свободу, свободу во всемъ—въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ», т.-е., пояснялъ самъ онъ, «торжество личности надъ властью, желающей управлять посредствомъ насилія, и надъ массами, предъявляющими со стороны большинства право подчиненія себѣ меньшинства». Его взглядъ на свободу былъ прямо противоположенъ ученію Жанъ-Жака Руссо. Будучи самъ воспитанъ на классицизмѣ и преклоняясь предъ античною свободою, онъ, однако, возставалъ противъ «системъ Греціи и Рима», возстановлявшихся писателями XVIII в., ибо, по его мнѣнію, онѣ заключали въ себѣ прямыя причины ошибокъ и всѣхъ крайнихъ увлеченій революціи. «Свобода въ античныхъ республикахъ, писалъ онъ, состояла болѣе въ дѣятельномъ участіи въ общемъ властвованіи, нежели въ спокойномъ пользованіи личною независимостью, и даже для обезпеченія этого участія чувство личной независимости въ извѣстной степени приносилось въ жертву. Новыя государства замѣнили непосредственное народовластіе народнымъ представительствомъ, въ силу чего каждый, не пользуясь непосредственно властью, ею и не наслаждается. Но зато люди новаго времени, чтобы быть счастливыми, не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ полной независимости во всемъ, что относится къ сферѣ ихъ дѣятельности, къ ихъ занятіямъ, предпріятіямъ и фантазіямъ». Бенжаменъ Констанъ рѣшительнѣйшимъ образомъ вооружался поэтому противъ теоріи народовластія, т.-е. «верховенства общей воли надъ всякою частною волею». «Отвлеченное признаніе верховенства народа, развивалъ онъ свою мысль, ничего не прибавляетъ къ полнотѣ свободы индивидуумовъ, а если этому верховенству придаютъ широту, которой оно не должно имѣть, свобода можетъ быть потеряна, несмотря на этотъ принципъ и даже прямо въ силу этого прин-

ципа. Когда говорятъ, что верховенство народа безгранично, то создаютъ и помѣщаютъ въ человѣческомъ обществѣ степень власти, которая слишкомъ обширна сама по себѣ и которая есть зло, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась». Онъ полагалъ «ошибку тѣхъ, которые въ своей вполнѣ искренней любви къ свободѣ приписали верховенству народа неограниченную власть», лишь въ «способѣ, какимъ они вырабатывали свои политическіе взгляды». Именно, «въ исторіи они встрѣчались съ случаями, когда немногіе или одно лицо, обладая громадною властью, дѣлали много зла, но ихъ гнѣвъ былъ направленъ противъ обладателей власти, а не противъ самой власти: вмѣсто того, чтобы ее разрушить, они только постарались ее перемѣстить». Для Бенжамена Констана не подлежало сомнѣнію, что «въ обществѣ, основанномъ на верховенствѣ народа, ни одно лицо, ни одинъ классъ не имѣетъ права подчинить остальныхъ своей частной волѣ», но онъ находилъ вполнѣ ложнымъ, «будто общество въ цѣломъ имѣетъ надъ своими членами верховную власть безъ границъ». «Есть сторона человѣческаго бытія, особенно настаивалъ онъ, которая по необходимости остается личной и независимой, и которая по праву не подлежитъ общественной компетенціи. Верховная власть существуетъ лишь въ ограниченномъ и относительномъ смыслѣ. Руссо не призналъ этой истины, и изъ его заблужденія возникъ его *Общественный договоръ*, на который такъ часто ссылались въ пользу свободы, но который былъ орудіемъ всѣхъ родовъ деспотизма». Бенжаменъ Констанъ хотѣлъ, чтобы «границы власти устанавливались справедливостью и правами отдѣльныхъ лицъ: воля цѣлаго народа не можетъ сдѣлать справедливымъ то, что несправедливо, и представители націи не имѣютъ права дѣлать то, чего не имѣетъ права дѣлать сама нація. Разъ всѣми будетъ признано, что верховная власть не безпредѣльна, т.-е. что на землѣ не существуетъ безграничной власти, никто никогда и не станетъ требовать себѣ такой власти»: нужно только, чтобы различные носители власти сознавали свой собственный интересъ не выходить за предѣлы своей компетенціи. «Индивидуальная свобода, по словамъ Бенжамена Констана, есть цѣль всякаго соединенія людей: на ней покоится общественная и частная нравственность; на ней основываются промышленные расчеты; безъ нея для людей нѣтъ ни мира, ни достоинства, ни счастья». Онъ защищалъ и каждый видъ индивидуальной свободы въ отдѣльности. Во главѣ всего онъ ставилъ свободу религіозную и требовалъ невмѣша-

тельства государства въ дѣла вѣры, между прочимъ, противъ ученія Руссо о гражданской религіи. «Мысль человѣка, говорилъ онъ, есть наиболѣе священная его собственность, будетъ ли она истиной или заблужденіемъ. Власть никогда не должна возбуждать преслѣдованія противъ религіи, даже считая ее опасною. Государство имѣетъ право карать только преступныя дѣйствія, если они обязаны своимъ происхожденіемъ какому-нубудь вѣроученію». Второй видъ свободы—свобода воспитанія. Въ этомъ дѣлѣ Бенжаменъ Констанъ предоставлялъ правительству лишь охрану и надзоръ, устраненіе препятствій и проложеніе путей, но власть не должна тормазить дѣло и давать ему какое-либо исключительное направленіе. Третій видъ—свобода печати, въ которой Бенжаменъ Констанъ видѣлъ одну изъ главныхъ гарантій личной свободы, въ обезпеченіе чего требовалъ, чтобы преступленія по дѣламъ печати судились присяжными. Наконецъ, онъ защищалъ еще неограниченную свободу собственности и промышленности, о чемъ, какъ о требованіи экономическаго характера, рѣчь будетъ идти у насъ въ другомъ мѣстѣ.

Бенжаменъ Констанъ въ своей теоріи предоставлялъ политическія права только представителямъ земельной и промышленной собственности, такъ какъ, по его мнѣнію, лишь досугъ, независимость и образованіе даютъ возможность дѣлать хорошій выборъ представителей, и кромѣ того, можно опасаться, какъ бы неимущіе не воспользовались своими политическими правами для захвата собственности. Въ интересахъ обезпеченія свободы Бенжаменъ стоялъ за строгое раздѣленіе конституціонныхъ властей: королевской, исполнительной, представительной, муниципальной и судебной. Въ королевской власти, покоящейся на религіозныхъ вѣрованіяхъ и національныхъ традиціяхъ, онъ усматривалъ нейтральную силу, которая должна устранять конфликты между другими властями. «Настоящій интересъ конституціоннаго короля совсѣмъ не въ томъ, чтобы одна власть ниспровергла другую, но въ томъ, чтобы всѣ онѣ одна другую поддерживали, были между собой въ единодушіи и солидарно дѣйствовали. Среди этихъ властей король занимаетъ нейтральное и посредствующее положеніе, безъ всякаго прямого интереса разстраивать равновѣсіе и, наоборотъ, имѣя интересъ его поддерживать. Разумѣется, такъ какъ люди не всегда повинуются своему прямому интересу, нужно принять извѣстныя предосторожности, чтобы королевская власть не могла дѣйствовать на

другія власти, и въ этомъ заключается разница между монархіей абсолютной и конституціонной». Въ духѣ англійской конституціи Бенжаменъ Констанъ отстаивалъ право монарха распускать представительное собраніе и доказывалъ необходимость министерства, отвѣтственнаго предъ представительствомъ. Королевское «veto» можетъ имѣть силу лишь противъ отдѣльныхъ законовъ, но не противъ общей тенденціи собранія: нуженъ роспускъ собранія съ назначеніемъ новыхъ выборовъ, т.-е. нужна апелляція къ правамъ народа во имя его интересовъ, если, конечно, выборы свободны, потому что безъ свободы выборовъ нѣтъ и представительной системы. «Министры, доказывалъ еще Бенжаменъ Констанъ, могутъ быть членами представительныхъ собраній, и члены этихъ собраній могутъ сдѣлаться министрами, подчиняясь переизбранію». Въ этомъ онъ видѣлъ большія выгоды и высказывалъ мнѣніе, что, быть можетъ, именно такое допущеніе и сохранило англійскую конституцію. Вообще имъ совершенно вѣрно былъ понятъ основной принципъ парламентарнаго министерства: «соединяя лицъ, но не переставая различать власти, устанавливаютъ гармоническое правленіе, вмѣсто того, чтобы создавать два вооруженныхъ лагеряхъ». Въ духѣ же англійской конституціи Бенжаменъ Констанъ требовалъ еще, чтобы члены представительной власти не получали жалованія, ибо, боялся онъ, если установить плату за ихъ трудъ, эта плата для нихъ сдѣлается главнымъ. «Я, прибавлялъ онъ, не люблю слишкомъ большого имущественнаго ценза для отправленія политическихъ должностей. Независимость—понятіе относительное: разъ у человѣка есть необходимое, достаточно имѣть возвышенную душу, чтобы обходиться безъ излишняго. Однако, желательно, чтобы представительныя должности занимались вообще людьми если и не богатаго, то, по крайней мѣрѣ, достаточнаго класса. Ихъ положеніе выгоднѣе, ихъ образованіе лучше, ихъ умъ свободнѣе, ихъ пониманіе быстрѣе и яснѣе схватываетъ вещи, бѣдность же имѣетъ свои предразсудки, какъ и невѣжество». Прибавимъ еще, что одною изъ видныхъ сторонъ политической теоріи Бенжамена было признаніе имъ важнаго значенія мѣстной свободы, т.-е. самоуправленія, которое у него и находило мѣсто среди пяти конституціонныхъ властей, подъ названіемъ «муниципальной» власти.

Страною, гдѣ либерализмъ получилъ наибольшее развитіе и распространеніе, была — на континентѣ, по крайней мѣрѣ,— Франція, которая и въ тридцатыхъ годахъ выставила еще та-

кого убѣжденнаго защитника индивидуальной свободы, какимъ былъ Токвиль, авторъ «Демократіи въ Америкѣ», нарочно ѣздившій за океанъ съ цѣлью изученія условій соединенія политической свободы съ демократическимъ устройствомъ государства.—Эпоха реставраціи во Франціи выдвинула впередъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей либеральнаго образа мыслей, очень сильно вліявшихъ на общественное мнѣніе во всей странѣ. Среди французскихъ либераловъ были и монархисты и республиканцы, среди монархистовъ—люди, принадлежавшіе къ династической и къ антидинастической оппозиціи, стоявшіе въ политической борьбѣ исключительно на конституціонной почвѣ и, наоборотъ не отказывавшіеся отъ пріемовъ борьбы революціонной. Въ другихъ странахъ существовали чисто мѣстныя, національныя особенности либерализма, однѣ здѣсь, другія тамъ, но вездѣ это было направленіе, стоявшее за личную и общественную свободу, за равенство передъ закономъ, за конституціонный строй. Одною изъ общихъ, очень распространенныхъ чертъ политическихъ движеній эпохи въ разныхъ странахъ было образованіе тайныхъ обществъ, устройство заговоровъ, попытки возстаній. Исторія Франціи при Людовикѣ XVIII полна фактами такого рода, и только при Карлѣ X, послѣ ряда неудачъ, постигшихъ приготовленія къ революціи, оппозиціонное настроеніе общества перестало проявляться въ подобнаго рода конспираціяхъ, благо—во Франціи все-таки была легальная почва для борьбы средствами, дававшимися конституціей. Особенное развитіе получили тайныя революціонныя организаціи въ южно-романскихъ странахъ. Въ Италіи дѣйствовало строго конспиративное общество «карбонаріевъ», или угольщиковъ, по образцу котораго была создана и организація французскихъ «charbonniers». Такіе же тайные союзы существовали и въ Испаніи. Страхъ правительствъ передъ тайными обществами и заговорами былъ такъ великъ, что даже тамъ, гдѣ съ этой стороны не грозило никакой опасности, принимались крайне строгія мѣры противъ самой возможности конспираціи. Въ Германіи (въ частности въ Пруссіи) передъ войной за освобожденіе образовался знаменитый въ свое время «тугендбундъ», т.-е. «союзъ доблести», въ которомъ участвовали особенно патріотически настроенные профессора, чиновники, военные, но въ эпоху реставраціи онъ былъ заподозрѣнъ въ неблагонамѣренности и прекратилъ свое существованіе. Преслѣдованіямъ подвергались и гимнастическіе кружки, и студенческія земляче-

ства, особенно послѣ того, какъ въ Вартбургѣ на праздникѣ трехсотлѣтія реформаціи (1817 г.) студенты устроили либеральную демострацію, а черезъ полтора года студентъ Зандъ, принадлежавшій къ одному радикальному кружку молодежи, убилъ русскаго политическаго агента въ Германіи, нѣмецкаго писателя Коцебу. На самомъ дѣлѣ въ Германіи ничего сколько-нибудь серьезнаго не происходило, и предпринятая союзными правительствами борьба съ демагогическими происками была напрасной: нѣкоторые опасные «бунды» существовали лишь въ полицейскомъ воображеніи, а репрессіи, слѣдовавшія за сыскомъ, только заставляли либерально мыслившихъ нѣмцевъ уѣзжать во Францію, въ Швейцарію, въ Америку. Между прочимъ, революціонною пропагандою совсѣмъ въ Германіи не было затронуто и войско.

Въ другихъ странахъ, гдѣ дѣйствовали конспиративныя организаціи, въ нихъ, наоборотъ, дѣятельное участіе принимали именно и военные. Это—тоже одна изъ довольно общихъ чертъ либеральныхъ движеній въ эпоху реставраціи. Во французской арміи, созданной Наполеономъ и сохранявшей что-то въ родѣ культа своего бывшаго вождя, было въ достаточной-таки мѣрѣ распространено нерасположеніе къ Бурбонамъ, а потому военные принимали довольно дѣятельное участіе въ заговорахъ и попыткахъ возстанія въ первыя десять лѣтъ реставраціи. Южноромансκія революціи 1820 г., о которыхъ рѣчь впереди, были чисто военными революціями: своими правительствами были недовольны очень многіе и въ арміяхъ Испаніи и Неаполя. Совершенно въ духѣ этого военно-революціоннаго либерализма дѣйствовали и тѣ тайныя общества въ Россіи, въ коихъ подготовлялось декабрьское движеніе 1825 г., получившее смертельный ударъ на Сенатской площади Петербурга. Русскіе офицеры, задумавшіе совершить политическій переворотъ въ своемъ отечествѣ съ цѣлью введенія въ немъ конституціи и освобожденія крестьянъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ тѣхъ же идей и тѣхъ же побужденій, что и ихъ товарищи во Франціи или на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, и находили сочувственные элементы въ арміи Царства Польскаго, которая всего черезъ пять лѣтъ послѣ пораженія русскихъ декабристовъ стала во главѣ польскаго возстанія.

Образованіе тайныхъ обществъ и военныя возстанія эпохи реставраціи были однимъ изъ видовъ борьбы, происходившей между либерализмомъ и реакціей или старымъ порядкомъ въ

разныхъ странахъ. Тамъ, гдѣ не было конституцій, конспираціи являлись единственнымъ способомъ политической борьбы, къ которому, впрочемъ, прибѣгали и тамъ, гдѣ была возможность и борьбы легальной, но гдѣ ей ставились препятствія со стороны властей или сами представительныя учрежденія находились въ рукахъ консервативныхъ элементовъ общества, какъ это было, именно, во Франціи, гдѣ долгое время составъ большинста въ палатахъ былъ ярко реакціонный: извѣстенъ хорошо, наприм., характеръ палаты 1815—1816 гг., которая заслужила отъ Людовика XVIII названіе «chambre introuvable», т.-е. безподобной, незамѣнимой, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась настроенною роялистически въ гораздо большей степени, нежели самъ король; извѣстно и то, что она вступила на путь рѣзкой оппозиціи самому королю и была имъ распущена за свою чрезвычайную реакціонность. Впрочемъ, это былъ болѣе рѣдкій случай, въ большинствѣ же случаевъ корона была въ согласіи съ консервативнымъ представительствомъ, такъ что либеральнымъ депутатамъ приходилось вести борьбу, имѣя противъ себя и самоё власть. Интересно, что вездѣ, гдѣ происходила парламентская борьба въ палатахъ,—было ли это, наприм., въ южно-германскихъ государствахъ, или въ Польшѣ,—взоры либераловъ неизмѣнно обращены были на французскую палату депутатовъ, и ея вожди служили образцами которымъ охотно подражали. — Немногія, впрочемъ, государства имѣли въ эту эпоху представительныя учрежденія. Въ первые годы реставраціи еще вводились здѣсь и тамъ новыя конституціи, но въ то же время и отмѣнялись уже введенныя раньше, въ двадцатыхъ же годахъ введеніе представительнаго образа правленія и совсѣмъ пріостановилось. Почти всѣ конституціи, введенныя между 1814 и 1820 годами, были «октроированы», т.-е. пожалованы государями, и потому въ нихъ было очень сильно монархическое начало, т.-е. выдвинуты впередъ прерогативы короны. Другая общая имъ черта, это—образованіе верхнихъ палатъ болѣе или менѣе аристократическаго состава. Наконецъ, третьею ихъ отличительною особенностью нужно признать бо̀льшую или меньшую ограниченность круга лицъ, которымъ давалось право избирать представителей въ нижнія палаты. Первою изъ такихъ конституцій была «хартія», полученная французской націей изъ рукъ легитимнаго короля Людовика XVIII по возвращеніи его въ страну послѣ отсутствія, продолжавшагося почти четверть вѣка, причемъ особенно было подчеркнуто въ

этой хартіи то, что она давалась «добровольно и въ силу свободнаго проявленія королевской власти», что власть продолжала «оставаться вся цѣликомъ въ лицѣ короля», и что только она могла «сообщать создаваемымъ ею учрежденіямъ силу, постоянство и величіе». Людовикъ XVIII оставилъ за собою и своими преемниками право не только назначать пэровъ Франціи, но и устанавливать условія ихъ назначенія, пожизненнаго или наслѣдственнаго. Наконецъ, по избирательному закону этой эпохи во всей странѣ не было и ста тысячъ избирателей, такъ какъ былъ установленъ очень большой цензъ, заключавшійся въ уплатѣ, въ видѣ прямыхъ налоговъ, трехсотъ франковъ, а цензъ избираемыхъ въ депутаты былъ даже опредѣленъ въ цѣлую тысячу франковъ. Сравнивая французскую конституціонную хартію 1814 г. съ испанскою конституціей 1812 г. и съ норвежскою 1814 г., мы легко можемъ усмотрѣть большую между ними разницу: обѣ послѣднія были гораздо ближе, нежели первая, къ принципамъ французской конституціи 1791 г., которая была дѣломъ учредительнаго собранія, а не односторонняго волеизволенія главы государства, неизмѣримо больше ограничивала королевскую власть и въ общемъ все-таки при незначительности ценза (3—6 франковъ прямого налога) давала избирательныя права народной массѣ.—Довольно близко по своему общему облику подходилъ къ французской хартіи 1814 г. конституціонный уставъ, дарованный Александромъ I въ 1815 г. вновь созданному на вѣнскомъ конгрессѣ Царству Польскому, но одною изъ его особенностей было сохраненіе имъ сословности, отмѣненной введеніемъ Наполеонова кодекса въ 1807 г., такъ какъ депутаты выбирались отдѣльно шляхетскими сеймиками и отдѣльно мѣщанами. Впрочемъ, это сохраненіе сословности характеризуетъ и германскія конституціи эпохи. Одновременно съ французской и польской конституціями была составлена и приведена въ движеніе также конституція новаго Нидерландскаго королевства, тоже съ рѣзко выраженнымъ монархическимъ характеромъ. Въ Германіи, какъ было уже упомянуто въ своемъ мѣстѣ, бо̀льшая часть государствъ, съ великими державами Австріей и Пруссіей во главѣ, остались абсолютными монархіями, и лишь меньшая часть ввела у себя представительныя учрежденія, да и то преимущественно въ формѣ сословныхъ сеймовъ средневѣкового происхожденія. Конституціи французскаго типа были введены, главнымъ образомъ, лишь въ государствахъ юго-западной Германіи, по сосѣд-

ству съ Швейцаріей и съ Франціей, т.-е. въ Баваріи (1818), въ Вюртембергѣ (1819), въ Баденѣ (1818) и Гессенъ-Дармштадтѣ (1820), въ коихъ новое устройство должно было служить своего рода политическою спайкою для массы прежнихъ мелкихъ княжествъ и имперскихъ городовъ, вошедшихъ при Наполеонѣ въ составъ названныхъ государствъ. Изъ нихъ болѣе походила на французскую хартію 1814 г. конституція, которую октроировалъ своимъ подданнымъ великій герцогъ баденскій. Вюртембергская конституція была введена не безъ борьбы: мѣстные земскіе чины требовали возстановленія средневѣкового сословнаго представительства, и лишь послѣ четырехлѣтнихъ пререканій состоялось соглашеніе между королемъ и сословными представителями насчетъ новой конституціи. Внѣ указанной сплошной территоріи конституціонный строй былъ введенъ въ трехъ небольшихъ саксонскихъ герцогствахъ (Саксенъ-Веймарѣ, Саксенъ-Кобургѣ и Саксенъ-Мейнингенѣ), одно изъ которыхъ (именно названное первымъ) получило даже очень либеральную по тому времени конституцію.

Вопросъ о введеніи народнаго представительства ставился въ эпоху реставраціи, равнымъ образомъ, и въ Пруссіи. Подъ вліяніемъ министра-реформатора Гарденберга, бывшаго поклонникомъ французскихъ учрежденій, Фридрихъ-Вильгельмъ III въ 1810 г. самымъ положительнымъ образомъ обѣщалъ дать своимъ подданнымъ національное представительство общегосударственнаго характера. Для осуществленія своего плана и проведенія другихъ реформъ Гарденбергъ въ 1811 г. собралъ въ Берлинѣ особое совѣщаніе земскихъ депутатовъ, среди которыхъ рѣшительно преобладали дворяне, представители сословія, относившагося враждебно къ либеральнымъ реформамъ, въ родѣ освобожденія крестьянъ, отмѣны сословныхъ привилегій и т. п.: вмѣсто поддержки правительству, такое собраніе могло оказать только одно противодѣйствіе, что и случилось. Правительство, однако, не отказывалось отъ своего намѣренія: король въ 1811 г. еще разъ повторилъ данное раньше обѣщаніе, а весною 1812 г. снова было собрано особое совѣщаніе нотаблей въ качествѣ временной замѣны національнаго представительства. Военныя событія прервали на время эти попытки, но и въ 1813 г., когда Пруссія поднялась и подняла всю Германію на Наполеона, либеральныя обѣщанія опять были повторены, такъ какъ въ нихъ правительство видѣло лучшее средство воодушевить подданныхъ. Въ 1815 г. Фрид-

рихъ-Вильгельмъ III издалъ новый декретъ, въ которомъ уже прямо говорилъ о «письменномъ документѣ, опредѣляющемъ устройство прусскаго государства», и предписывалъ немедленно образовать правительственную комиссію для выработки избирательнаго закона и самой хартіи государственнаго устройства. На этотъ разъ намѣренія правительства, повидимому, должны были найти поддержку и въ обществѣ: по крайней мѣрѣ, упомянутое собраніе нотаблей, распущенное лишь лѣтомъ 1815 г., тоже торопило короля поскорѣе ввести конституцію. Вышло, однако, не такъ. Понадобился для чего-то опросъ мѣстныхъ людей, съ каковою цѣлью были отправлены въ отдѣльныя провинціи королевства разные сановники, которые привезли изъ своего объѣзда очень противорѣчивыя показанія: одни хотѣли конституціи, другіе нѣтъ. Между тѣмъ при дворѣ образовалась и стала дѣйствовать на короля строго консервативная партія, самъ король все болѣе и болѣе колебался, и дѣло откладывалось въ долгій ящикъ. Объявленная декретомъ 1815 г. комиссія собралась только черезъ два года, и въ ней тотчасъ же образовалось два мнѣнія: одно (Гарденбергъ) было за представительство отъ провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по довольно ограниченному кругу дѣлъ, другое (Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ)—за непосредственные выборы, за рѣшающій голосъ и за болѣе широкую компетенцію. Дѣло въ правительственной коммиссіи впередъ подвигалось туго, но король все-таки продолжалъ заявлять, что представительство введено будетъ. Самымъ важнымъ актомъ въ этомъ отношеніи былъ декретъ 1820 г., въ которомъ объявлялось, что буде когда-либо государству понадобится сдѣлать заемъ, то произойдетъ это не иначе, какъ лишь при участіи и съ гарантіей будущаго собранія государственныхъ чиновъ. Новая коммиссія, назначенная для разработки вопроса, нашла, что введеніе общегосударственнаго представительства въ Пруссіи пока преждевременно, но что странѣ нужны провинціальные чины, для рѣшенія вопроса о которыхъ и просили теперь короля созвать особое совѣщаніе со свѣдующими людьми отъ каждой провинціи. Фридрихъ-Вильгельмъ III на это далъ свое согласіе, результатомъ чего былъ законъ 1823 года, вводившій провинціальные чины съ приглашеніемъ видѣть въ нихъ исполненіе прежнихъ королевскихъ обѣщаній.—Отмѣтимъ, еще что одновременно съ Пруссіей ставился вопросъ о введеніи новаго государственнаго строя и въ Россіи. Еще въ наполеоновскую эпоху

этимъ дѣломъ особенно былъ занятъ русскій министръ-реформаторъ Сперанскій, тоже бывшій поклонникомъ новыхъ порядковъ, но, какъ извѣстно, онъ впалъ въ немилость, и его планъ государственнаго преобразованія Россіи не былъ осуществленъ. Тѣмъ не менѣе Александръ I, сохранившій для Финляндіи старый сословный сеймъ по шведскому образцу и даровавшій новую конституцію Царству Польскому, еще въ 1818 г., открывая засѣданіе перваго польскаго сейма въ Варшавѣ, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ намѣреніе распространить и на остальныя части имперіи конституціонные порядки.

Какъ-никакъ, между 1814 и 1820 гг. все еще вводились конституціи или, по крайней мѣрѣ, давались на счетъ введенія конституцій обѣщанія, но послѣ 1820 г.,—если не считать Саксенъ-Кобурга и Саксенъ-Мейнингена, получившихъ народное представительство новаго образца въ 1821 г.,—этотъ процессъ пріостановился, и правительства стали относиться къ конституціямъ съ еще бо́льшимъ опасеніемъ, чѣмъ раньше. Одною изъ причинъ этого были революціи, происшедшія въ 1820 г. въ южно-романскихъ странахъ. Эти революціи были вызваны крайностями абсолютистской и клерикально-аристократической реакціи, которая вообще совершалась послѣ реставраціи Бурбо́новъ въ Испаніи и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, Савойскаго дома въ Сардинскомъ королевствѣ и Браганцскаго въ Португаліи. Къ числу недовольныхъ во всѣхъ названныхъ государствахъ принадлежали также и весьма многіе среди военныхъ, преимущественно офицеры, которымъ нетрудно было настраивать противъ правительства и солдатъ, тоже имѣвшихъ немало причинъ быть недовольными своимъ положеніемъ. Революціи, разразившіяся въ январѣ 1820 г. въ Испаніи, въ іюлѣ того же года въ Неаполѣ и въ Сициліи, въ августѣ въ Португаліи, а въ мартѣ слѣдующаго года въ Пьемонтѣ (т.-е. въ Сардинскомъ королевствѣ), были прямо всѣ военными возстаніями. Примѣръ подала испанская армія, собранная около Кадикса, откуда она должна была отправиться въ Америку для усмиренія тамошнихъ испанскихъ колоній, задумавшихъ отложиться отъ метрополіи. Лозунгомъ этого движенія было возстановленіе конституціи 1812 г., и вотъ при помощи войска въ разныхъ мѣстахъ стали устраиваться либеральные союзы, которые прогоняли реакціонныхъ чиновниковъ, стали назначать на ихъ мѣста своихъ приверженцевъ и т. д. Волненіе умовъ и въ столицѣ заставило короля присягнуть кон-

ституціи, замѣстить важнѣйшія государственныя должности либералами и созвать кортесы, въ которыхъ образовалось либеральное большинство, вскорѣ, впрочемъ, распавшееся на умѣренныхъ и крайнихъ. Съ своей стороны, однако, духовенство объявило тогда вѣру въ опасности, а короля плѣнникомъ у безбожныхъ либераловъ и начало организовать для вооруженной борьбы съ «врагами религіи и отечества» партизанскіе отряды, скоро образовавшіе цѣлую «армію вѣры». Затѣмъ составилось реакціонное временное правительство подъ названіемъ регентства, и началалась ожесточенная междоусобная война.—Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ испанской революціи произошло такое же военное возстаніе и въ Неаполѣ, гдѣ тоже у короля было вынуждено введеніе конституціи (по образцу испанской). Сила революціи и въ этомъ государствѣ была ослаблена возникшимъ вскорѣ междоусобіемъ. Когда за материковою частью королевства поднялась и островная, т.-е. Сицилія, проявившая при этомъ стремленіе къ автономіи, извѣстіе объ этомъ съ неудовольствіемъ было встрѣчено въ Неаполѣ, и въ Сицилію было послано войско для усмиренія. Примѣрамъ Испаніи и Обѣихъ Сицилій послѣдовала и Португалія, кортесы которой весною 1821 г. выработали тоже конституцію на началахъ, аналогичныхъ съ испанскою 1812 г. Эта же испанская конституція была лозунгомъ и пьемонтскихъ революціонеровъ, которые весною 1821 г. начали-было военное возстаніе съ цѣлью ни болѣе ни менѣе, какъ объединенія Италіи въ видѣ единаго конституціоннаго государства. Такъ какъ достигнуть этого можно было бы только войною съ Австріей, то пьемонтскіе революціонеры были не прочь начать даже и войну.

Всѣ эти революціи въ южно-романскихъ странахъ были, однако, очень скоро усмирены, и повсемѣстно произошло усиленіе реакціи. Между прочимъ, оно проявилось и въ Пруссіи, гдѣ конституціонный вопросъ былъ, какъ мы видѣли, рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ не безъ вліянія событій на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. Въ настроеніи Александра I по отношенію къ конституціонному строю тоже произошла рѣзкая перемѣна. Между тѣмъ либерализмъ успѣлъ къ тому времени затронуть и верхи русскаго общества. Отечественная война 1812 г. разбудила его отъ политической спячки, а заграничные походы, послѣдовавшіе за изгнаніемъ французовъ изъ Россіи, дали возможность русскому офицерству познакомиться

воочію съ политическимъ движеніемъ въ Западной Европѣ. Въ тѣ времена, почти все, что было наиболѣе просвѣщеннаго въ странѣ, почти вся дворянская интеллигенція, воспитанная на французскихъ книгахъ, находилась въ военной службѣ. Патріотическое одушевленіе 1812 г. мало-по-малу развилось въ этой военно-дворянской средѣ въ настоящее гражданское чувство съ характеромъ западно-европейскаго либерализма, а зрѣлище того, что происходило на родинѣ, бывшей одною изъ главныхъ твердынь стараго порядка, привело тогдашнихъ русскихъ либераловъ къ образованію тайныхъ обществъ съ цѣлью введенія въ Россіи представительнаго правленія и освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной неволи. Самому императору было извѣстно существованіе конспиративнаго «Союза благоденствія», но онъ сначала относился къ нему снисходительно, потому что раньше «самъ, по собственнымъ его словамъ, раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и эти заблужденія». Отношеніе Александра I къ тайнымъ обществамъ (и къ масонскимъ ложамъ, которыя и въ Россіи, какъ и на Западѣ, были тѣсно связаны съ новымъ политическимъ настроеніемъ) измѣнилось только послѣ 1820 г., когда всѣ такія организаціи были запрещены. Послѣ этого прежнія надежды русскихъ либераловъ на мирную реформу государственнаго строя уступили мѣсто мысли о необходимости насильственнаго переворота для установленія ограниченной монархіи и даже республиканскаго образа правленія. Военные заговоры во Франціи, военныя возстанія въ южно-романскихъ странахъ, воспоминанія о государственныхъ переворотахъ, совершавшихся въ самой Россіи при помощи военной силы, все это указывало и на путь, по которому приходилось бы идти для введенія конституціи. Заговорщики предполагали начать дѣйствовать въ 1826 г. Между тѣмъ въ ноябрѣ 1825 г. Александръ I неожиданно скончался далеко отъ столицы, и извѣстно, что тогда произошло: Россія присягнула-было его брату Константину, но онъ еще раньше отрекся отъ своихъ правъ на престолъ, что оставалось, однако, до этого момента государственною тайною, и призналъ теперь императоромъ слѣдующаго по старшинству брата, Николая. Произошло междуцарствіе, которымъ и задумали воспользоваться заговорщики, чтобы произвести возстаніе. Заговоръ имѣлъ широкое развѣтвленіе и въ самой имперіи, и въ Польшѣ, но главное дѣйствіе разыгралось 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ. Только-что вступившій на престолъ императоръ Николай I подавилъ начинав-

шееся возстаніе въ тотъ же самый короткій декабрьскій день, когда оно вспыхнуло въ столицѣ. Затѣмъ началась суровая репрессія, на цѣлое тридцатилѣтіе подавившая въ Россіи всякую возможность даже проявленія либерализма. Такимъ образомъ, за усмиреніемъ южно-романскихъ революцій, произведенныхъ тоже военною силою, произошло подавленіе и революціонной попытки въ Россіи,—попытки, имѣвшей немало сходныхъ чертъ съ тѣмъ, что происходило въ тѣ же годы и на Западѣ.

Всѣ эти однородныя событія первой половины двадцатыхъ годовъ только усилили, какъ было уже сказано, реакцію, придавъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ явленія международнаго. Мы еще остановимся нѣсколько подробнѣе дальше на этой сторонѣ дѣла, а теперь отмѣтимъ, что послѣ 1825 г. абсолютизмъ господствовалъ на всемъ почти протяженіи Европы, охраняемый тремя великими державами—Австріей, Пруссіей и Россіей въ то время, какъ двѣ другія великія державы—Англія и Франція были представительницами конституціоннаго строя. Но и въ нихъ въ первую половину двадцатыхъ годовъ либерализмъ велъ упорную борьбу съ внутренней реакціей. Только съ середины двадцатыхъ годовъ и особенно лишь къ самому ихъ концу, стало замѣчаться усиленіе либерализма въ обѣихъ этихъ странахъ. Друзей французской свободы во всей Европѣ очень порадовала, наприм., блестящая побѣда либераловъ на выборахъ 1827 г. Въ Англіи въ 1825 г. правительство прекратило борьбу съ митингами и съ прессою, бывшую столь напряженною въ предшествовавшій періодъ, а въ 1829 г. въ парламентѣ благополучно прошла такъ называемая эмансипація католиковъ, т.-е. совершилось возвращеніе католикамъ, бывшимъ особенно многочисленными въ Ирландіи, политическихъ правъ, которыхъ они были лишены еще во второй половинѣ XVII в. [1]). Не менѣе знаменательнымъ было и то, что, въ области внѣшней политики тогда же началось-было сближеніе съ Англіей и Франціей Россіи, до того времени находившейся въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Австріей и Пруссіей.

---

[1]) По такъ называемому «тестъ-акту», не допускавшему католиковъ къ занятію какихъ бы то ни было должностей.

VII. Политика Священнаго союза [1]).

Общая реакціонность международной политики въ эпоху реставраціи.—Торжество династическаго легитимизма на вѣнскомъ конгрессѣ.—Происхожденіе и характеръ Священнаго союза.—Эпоха конгрессовъ.—Успѣхи теоріи вмѣшательства для подавленія революцій.—Европейскія экзекуціи въ Неаполѣ и въ Испаніи.—Торжество абсолютизма въ южно-романскихъ странахъ.—Начало разложенія Священнаго союза передъ 1830 г.

Послѣ крушенія имперіи Наполеона ни одно изъ европейскихъ государствъ не избѣжало внутренней реакціи, нерѣдко бывшей лишь обостреніемъ того, что уже раньше въ этомъ отношеніи наблюдалось въ отдѣльныхъ странахъ. Эта внутренняя реакція не могла не принять и международнаго характера. Съ 1792 г. отдѣльныя государства стали соединяться между собою для общей борьбы съ революціей, и эта борьба сдѣлалась потомъ борьбою съ Наполеономъ. Историки международныхъ отношеній между 1792 и 1815 гг. различаютъ первую, вторую, третью и т. д. коалиціи, но мы уже видѣли, что всѣ онѣ разстраивались изъ-за возникавшихъ между союзниками несогласій, изъ-за стремленія каждаго изъ нихъ добиться своихъ особенныхъ цѣлей. Только послѣдней коалиціи 1813—14 гг. удалось довести свое дѣло до конца: Наполеонъ былъ низложенъ, Франція усмирена, завоеванія у нея отняты, одни государства награждены, другія наказаны. Послѣ этого оставалось только охранять установленный международный порядокъ отъ новыхъ потрясеній, и, конечно, разъ въ отдѣльныхъ странахъ происходила реакція съ довольно сходными вездѣ лозунгами, то и совокупныя дѣйствія правительствъ этихъ странъ не могли, конечно, не пользоваться тѣми же реакціонными лозунгами: общеевропейская реакція была и реакціей международной.

Главнымъ принципомъ этой реакціи былъ легитимизмъ, руководящій принципъ дипломатовъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Конечно, отъ него было допущено довольно-таки много отклоненій, вытекавшихъ изъ соображеній политическаго равновѣсія, награжденія однихъ, наказанія другихъ, опасности республиканскихъ формъ и т. п., но и отклоненія эти не всегда и не во всемъ противо-

---

[1]) Уч. кн., §§ 271—274.—И. З. Е., т. IV, гл. XV и т. V, гл. I.—Общій взглядъ, гл. VI.

рѣчили принципу: это былъ легитимизмъ преимущественно монархическій. Старыя республики, существовавшія передъ революціей, т.-е. и Голландія, и Генуя, и Венеція, и Рагуза [1]) не были возстановлены, какъ не были возстановлены, кромѣ четырехъ, и имперскіе города Германіи. Конечно, принципъ не былъ примѣненъ къ разной политической мелочи изъ имперскихъ князей Германіи: выйти изъ вѣнскаго конгресса не съ пустыми руками могли лишь тѣ, у кого была своя сила или у кого были сильные покровители, рѣшающую же роль играли однѣ великія державы, каравшія и миловавшія и примѣнявшія общій принципъ легитимизма съ извѣстнымъ выборомъ. За прежними самостоятельными государствами, не имѣвшими своихъ династій, права на продолженіе существованія не признавалось, какъ не признавалось никакого права и за національностями на неразрывность и независимость. Правда, въ виду какой-то странной уступки въ пользу поляковъ создали маленькое государство, да и съ республиканскимъ еще строемъ, вольный городъ Краковъ, но бо̀льшая часть этнографической Польши была отдана русскому государю, лишь благодаря великодушію котораго, она получила отдѣльное отъ остальной имперіи существованіе къ великому, какъ извѣстно, неудовольствію Австріи и Пруссіи: обѣ эти державы были бы довольнѣе, если бы Россія инкорпорировала доставшуюся ей часть Варшавскаго герцогства наравнѣ съ тѣми областями Рѣчи Посполитой, которыя она получила по тремъ раздѣламъ второй половины XVIII в.

Но идемъ далѣе. Извѣстно, что на вѣнскомъ конгрессѣ польскій вопросъ чуть-было не разссорилъ союзниковъ и довольно притомъ серьезно. Не возвратись Наполеонъ во Францію въ 1815 г., еще неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло; не исключалась возможность новой войны. Война, однако, не возникла, Польша еще разъ была раздѣлена [2]), и новый ея «разборъ» только закрѣпилъ союзъ государствъ, раздѣлившихъ ее между собою. Польскіе

---

[1]) Или Дубровникъ въ Далмаціи.

[2]) Кромѣ польскихъ раздѣловъ 1772, 1793 и 1795 гг., таковыми можно еще считать 1) образованіе герцогства Варшавскаго съ выдѣломъ въ пользу Россіи Бѣлостокскаго округа, 2) увеличеніе территоріи этого герцогства частью австрійской Польши съ выдѣломъ въ пользу Россіи Тарнопольскаго округа, 3) отторженіе отъ указанной территоріи Познани и Кракова при образованіи Царства Польскаго и 4) совершившееся въ 1846 г. присоединеніе Краковской республики къ Австріи, итого семь раздѣловъ.

раздѣлы XVIII в. и этотъ новый, произведенный на вѣнскомъ конгрессѣ, создали между Австріей, Пруссіей и Россіей извѣстную солидарность, закрѣпленную между ними и годами послѣдней борьбы съ Наполеономъ. Въ 1815 г. въ Парижѣ монархи трехъ этихъ державъ заключили между собою особый союзъ, который отъ своего иниціатора, Александра I, получилъ названіе «Священнаго», съ какимъ и перешелъ въ исторію. Весьма скоро этотъ союзъ получилъ значеніе общеевропейскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ главнаго органа международной реакціи въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ: ему, именно, принадлежала иниціатива подавленія революцій въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Испаніи, и только при новомъ русскомъ государѣ, Николаѣ I, болѣе тѣсный союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи началъ расшатываться и намѣтилось сближеніе Россіи,—правда, на очень короткое время,—съ Англіей и Франціей.

Въ образованіи Священнаго союза нельзя не видѣть тоже своего рода реакціи противъ политики XVIII в. Дѣло въ томъ, что до начала французской революціи европейскія правительства смотрѣли на перевороты, совершавшіеся въ отдѣльныхъ странахъ, исключительно съ точки зрѣнія своихъ частныхъ выгодъ, не обращая вниманія на тотъ принципъ, во имя котораго совершился тотъ или другой переворотъ. Въ иностранной политикѣ державъ даже съ собою силою укоренилость общее правило — всячески содѣйствовать смутамъ въ сосѣднемъ или соперничающемъ государствѣ, благодаря чему, напр., абсолютныя монархіи противились усиленію королевской власти въ такихъ странахъ, гдѣ послѣдняя была слаба и раздоры аристократическихъ партій дѣлали сильную внѣшнюю политику невозможной. Въ этомъ отношеніи особенно характерно, что если въ XVIII в. правительства вмѣшивались въ дѣла сосѣдей, то не ради поддержанія у нихъ того политическаго принципа, который господствовалъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, а ради достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ выгодъ. Лишь французская революція впервые заставила монарховъ соединиться для защиты принципа; но извѣстно, что старая безпринципная политика, вошедшая въ нравы и обычаи правительствъ, и тутъ взяла перевѣсъ надъ идеею союза во имя поддержанія принципа, и такъ дѣло продолжалось въ теченіе всей наполеоновской эпохи. Вѣнскій конгрессъ долженъ былъ заключить эпоху международныхъ коалицій, образовавшихся преимущественно для нападенія на болѣе слабыхъ и раздѣла ихъ

владѣній. По его постановленіямъ каждый государь долженъ былъ обладать тѣмъ, что за нимъ признали другіе въ качествѣ его законнаго достоянія, а такъ какъ наиболѣе сильные члены союза, низложившіе Наполеона, были особенно хорошо «вознаграждены» за это, то имъ оставалось только упрочить и на будущія времена порядокъ вещей, установленный на конгрессѣ. Послѣ четверти вѣка постоянныхъ войнъ чувствовалось утомленіе и было всеобщее желаніе мира, охранить который лучше всего могъ союзъ, только-что низложившій Наполеона и раздѣлившій по новому Европу. Каковы бы ни были личныя побужденія Александра I, иниціатора Священнаго союза, его предложеніе прямо вытекало изъ потребности въ мирѣ и охраненіи установленнаго международнаго строя, ощущавшейся всѣми правительствами, а такъ какъ грозить этому порядку могли развѣ только новыя революціи, то въ концѣ концовъ союзъ долженъ былъ и вести борьбу именно противъ нихъ. Принципъ легитизма, игравшій видную роль на вѣнскомъ конгрессѣ при устройствѣ общеевропейскихъ дѣлъ и сдѣлавшійся въ то же время основнымъ принципомъ реакціи внутри отдѣльныхъ государствъ, неизбѣжно долженъ былъ стать и лозунгомъ новаго международнаго союза, поставившаго своею задачею охрану существующаго порядка и предотвращеніе новыхъ потрясеній.

Во всемъ этомъ болѣе или менѣе были заинтересованы всѣ государства, но сильнѣе всего была заинтересована Австрія. Не какъ конгломератъ цѣлаго ряда разныхъ «королевствъ и земель» подъ властью общаго государя, а какъ единая имперія, Австрія возникла лишь въ наполеоновскую эпоху (1806), и Габсбургамъ еще предстояло только осуществить въ дѣйствительности эту идею унитарнаго государства. Для этого было нужно время, и необходимо было, чтобы извнѣ ничто не мѣшало внутренней работѣ въ данномъ направленіи. Національныя стремленія среди нѣмцевъ, итальянцевъ и поляковъ, возбужденныя событіями предшествующей эпохи, были для Австріи наиболѣе непріятны и опасны: въ составѣ ея населенія были и нѣмцы, и итальянцы, и поляки, легко возбуждавшіеся тѣмъ, что происходило у ихъ соплеменниковъ въ другихъ частяхъ Германіи или въ самостоятельныхъ итальянскихъ государствахъ и въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ почему Австрія сдѣлалась главною противницей конституціоннаго движенія въ сосѣднихъ странахъ, и почему съ неудовольствіемъ отнеслась она къ тому, что Александръ I не просто инкорпорировалъ Польшу

въ составъ своей имперіи, а создалъ изъ нея особое королевство и даже далъ ему конституцію. Такимъ образомъ, кромѣ общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ во всѣхъ государствахъ въ пользу поддержки принципа легитимизма, у Австріи существовали и особые интересы, заставлявшіе ее желать проведенія консервативныхъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ. Въ Австріи въ эту эпоху дѣйствовалъ — и оставался у власти до середины вѣка — государственный человѣкъ, сдѣлавшійся какъ-бы воплощеніемъ реакціи — и внутренней, и внѣшней, знаменитый князь Меттернихъ. Послѣ 1815 г. онъ былъ не просто австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а, можно сказать, руководителемъ международной политики во всей Европѣ. Либерализмъ, въ какой бы формѣ онъ ни выражался, былъ Меттерниху ненавистенъ: баронъ Штейнъ, хлопотавшій въ годы войны за освобожденіе и вѣнскаго конгресса объ единой и свободной Германіи, казался ему настоящимъ якобинцемъ, императоръ Александръ I— тоже чѣмъ-то въ родѣ опаснаго фантазера, да и къ его идеѣ Священнаго союза Меттернихъ отнесся сначала даже весьма неблагосклонно. Склонить русскаго императора на сторону своей политики было поэтому одною изъ главныхъ задачъ Меттерниха послѣ 1815 г., особенно въ виду того положенія, какое занимала тогда Россія въ международномъ мірѣ.

Послѣдняя борьба съ Наполеономъ велась подъ моральнымъ предводительствомъ Россіи. Александръ I довелъ успѣшно до конца дѣло освобожденія Европы отъ владычества французовъ, и послѣ этого для него стала особенно заманчивою роль миротворца. У него возникла теперь мысль о необходимости союза между монархами для полюбовнаго разрѣшенія международныхъ споровъ и о превращеніи съѣздовъ государей въ своего рода постоянное учрежденіе ради дальнѣйшаго поддержанія мира и согласія державъ. Стремленіе къ охранѣ порядка, созданнаго въ Вѣнѣ, и мира между державами, съ одной стороны, а съ другой, реакціонное направленіе, которому постепенно подчинился и самъ Александръ I, заставляли его все больше и больше входить въ виды Австріи, но въ тотъ моментъ когда союзъ этотъ еще только заключался, Александръ I былъ еще въ совершенно иномъ настроеніи. Извѣстно, что онъ получилъ воспитаніе въ духѣ идей XVIII в.: еще въ 1815 г. онъ думалъ, что его задачею должна была быть поддержка конституціонныхъ учрежденій, и основывалъ на этомъ свою тогдашнюю политику, желая сдѣлать

ее популярною въ общественномъ мнѣніи Европы. Послѣдняя борьба съ Наполеономъ оживила вездѣ стремленіе къ свободѣ, и сами правительства надавали своимъ подданнымъ обѣщаній въ этомъ смыслѣ. Выше уже неразъ упоминалось, что, присоединяя къ Россіи Финляндію, Александръ I сохранилъ за нею шведское государственное устройство, а въ 1815 г. даровалъ конституцію Царству Польскому, несмотря на то, что это не особенно нравилось Австріи и Пруссіи, у которыхъ тоже были свои польскіе подданные. Въ 1814 г. онъ же настоялъ и на томъ, чтобы Людовикъ XVIII далъ Франціи конституціонную хартію. Кромѣ того, въ Германіи и въ Италіи Александръ I также благопріятствовалъ конституціонализму. Даже позднѣе, въ 1818 г., открывая варшавскій сеймъ, онъ въ своей тронной рѣчи, о которой мы уже упоминали, просилъ своихъ новыхъ подданныхъ доказать, что либеральныя учрежденія не суть опасное обольщеніе, и выразилъ надежду распространить эти учрежденія на всѣ земли, подвластныя его скипетру. Не мудрено поэтому, что Меттернихъ могъ заподозрѣть и планъ Священнаго союза въ либерализмѣ, не разглядѣвъ въ немъ тѣхъ идей, которыя, въ сущности, имѣли характеръ далеко не либеральный.

Священный союзъ былъ заключенъ тремя монархами въ Парижѣ 14/26 сентября 1815 г., въ день воздвиженія креста Господня, нарочно выбранный для подписанія договора, имѣвшаго религіозное значеніе. Отчасти для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру I, отчасти присоединяясь къ самой мысли, положенной въ основу акта, подъ нимъ подписались впослѣдствіи и другіе европейскіе государи, и только принцъ-регентъ англійскій, замѣнявшій душевнобольного Георга III, отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія примкнуть къ союзу, потому что договоръ былъ заключенъ прямо государями и подписанъ только ими, тогда какъ англійская конституція требовала, чтобы трактаты подписывались и отвѣтственными министрами. Уклонился отъ подписанія документа еще и папа, заявивъ, что ему нечего присоединяться къ принципамъ, которые онъ всегда признавалъ. Только турецкій султанъ, какъ государь нехристіанскій, не былъ приглашенъ присоединиться къ союзу.—Собственно говоря, содержаніе документа, составленнаго Александромъ I, отличалось крайнею неопредѣленностью и было настолько растяжимо, что практическіе выводы изъ него можно было дѣлать разные, да и общій духъ документа больше благопріятствовалъ стремленіямъ реакціи. Въ его

основу былъ положенъ легитимистическій принципъ о божественномъ происхожденіи власти государей, откуда дѣлался выводъ, что между государями и народами отношенія должны быть чисто патріархальныя: первые должны управлять въ духѣ «религіи, мира и справедливости», а вторымъ оставалось лишь повиноваться, такъ какъ о правахъ подданныхъ документъ умалчивалъ. Съ другой стороны, международный союзъ въ этомъ актѣ разсматривался, какъ одна и та же христіанская нація, т.-е. возобновлялась чисто средневѣковая точка зрѣнія, созданная папскимъ католицизмомъ, причемъ государи за себя и за свои народы обѣщали другъ другу всякую помощь и поддержку. Документъ, однако, не распространялся относительно того, когда же и какимъ образомъ монархи должны были исполнять свои союзныя обязанности, касающіяся помощи и поддержки, но этимъ умолчаніемъ, конечно, отнюдь не исключалась возможность толкованія акта въ томъ смыслѣ, что помощь и поддержка обязательны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подданные начнутъ отказывать въ повиновеніи своимъ законнымъ государямъ.

Въ программу Священнаго союза съ самаго начала входили періодическіе конгрессы. Въ ноябрѣ 1815 г. четыре державы, игравшія наиболѣе видную роль въ низложеніи Наполеона — Австрія, Англія, Пруссія и Россія, заключили договоръ, въ силу котораго, въ виду возможности во Франціи новой революціи и опасности отъ этого для ихъ собственнаго спокойствія, обязывались оставаться въ союзѣ и послѣ выведенія своихъ войскъ изъ Франціи и «возобновлять въ опредѣленные сроки собранія для разсмотрѣнія общихъ дѣлъ и мѣръ, каковыя въ каждый данный моментъ были бы признаны наиболѣе благодѣтельными для спокойствія и благосостоянія народовъ и мира всей Европы». Этимъ договоромъ Франція была, такъ сказать, взята подъ опеку Священнаго союза. Между тѣмъ уже въ 1817 г. испанскій король обращался къ Священному союзу за помощью противъ возмутившихся испанскихъ колоній въ Америкѣ, и въ началѣ 1818 г. Александръ I даже приглашалъ другія державы принять коллективныя мѣры противъ инсургентовъ. Осенью того же года собрался конгрессъ въ Ахенѣ, на которомъ четверной союзъ Австріи, Англіи, Пруссіи и Россіи рѣшилъ освободить французскую территорію отъ иностранной оккупаціи и принять Францію, какъ пятую великую державу, въ составъ союза. Такъ образовалась знаменитая «пентархія», которая отнынѣ,—въ случаѣ внутренняго

согласія, конечно, имѣла полную возможность навязывать свою волю второстепеннымъ государствамъ, хотя въ составленномъ на конгрессѣ протоколѣ и было сказано, что названныя державы никогда не станутъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, если на то не будетъ формальнаго приглашенія съ заинтересованной стороны. Въ особой декларацiи великія державы, кромѣ того, заявляли во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ усилія соединенныхъ между собою монарховъ будутъ клониться лишь къ тому, чтобы содѣйствовать миру и внутреннему благосостоянію государствъ, а также пробужденію религіозныхъ и моральныхъ чувствъ, «власть которыхъ,—прибавлено было въ декларацiи,—была значительно ослаблена бѣдствіями послѣднихъ временъ».

Революціи, происшедшія въ 1820 г. въ южно-романскихъ странахъ, сильно встревожили Священный союзъ. Уже въ началѣ 1820 г. Александръ I предложилъ, чтобы пять державъ приняли какое-либо рѣшеніе для возстановленія порядка въ Испаніи, хотя бы для этого даже пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Ни Англія, ни Австрія не дали на это своего согласія, опасаясь, что подавленіе испанской революціи только усилитъ франко-русское вліяніе на Пиренейскомъ полуостровѣ. Дѣло приняло, однако, другой оборотъ, когда вспыхнула революція и въ Неаполѣ. Тутъ уже прямо были затронуты интересы самой Австріи, которая во что бы то ни стало должна была подавить неаполитанскую революцію, дабы это политическое движеніе не распространилось и на ея собственныя владѣнія въ Италіи. Австрійское правительство стало стягивать свои войска въ Ломбардо-Венеціанское королевство, тѣмъ болѣе, что у Австріи былъ прямой договоръ съ королемъ Обѣихъ Сицилій, обязывавшій его безъ согласія вѣнскаго двора не вводить конституціи въ своихъ владѣніяхъ. Но Австрія все-таки хотѣла дѣйствовать, какъ уполномоченная всею Европою, для чего нужно было созвать новый конгрессъ пяти державъ. Новый конгрессъ, дѣйствительно, состоялся осенью 1820 г. въ Троппау, куда пріѣхали и сами государи Австріи, Пруссіи и Россіи. Цѣлью этого съѣзда было точно опредѣлить общій принципъ, на основаніи котораго союзныя правительства имѣли бы право вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ, и примѣнить этотъ принципъ немедленно къ Неаполитанскому королевству. Результатомъ конгресса было принятіе Австріей, Пруссіей и Россіей знаменитаго протокола, заявлявшаго о правѣ вмѣшательства въ дѣла чужого государства ради охраненія Европы отъ

«преступной заразы» революцій. Государство, «которое во внутреннемъ своемъ устройствѣ подверглось вслѣдствіе мятежа измѣненіямъ, угрожающимъ своими послѣдствіями другимъ государствамъ», объявлялось въ силу одного этого переставшимъ быть составною частью европейскаго союза до тѣхъ поръ, пока его положеніе не представитъ гарантій законнаго порядка и прочности. Далѣе, всѣ три державы изъ уваженія къ власти каждаго законнаго правительства и къ проявленіямъ его свободной воли обязывались «отказывать въ своемъ признаніи всѣмъ измѣненіямъ, совершеннымъ путями незаконными», а если бы государства, «въ которыхъ подобнымъ образомъ произошли перемѣны, возбудили въ сосѣднихъ странахъ извѣстныя опасенія неизбѣжнаго нарушенія мира, то союзныя державы должны были бы употребить для возвращенія ихъ въ среду союза предварительно дружественныя усилія, а затѣмъ принудительную силу, разъ употребленіе этой силы оказалось бы неизбѣжнымъ». Когда это рѣшеніе трехъ державъ было опубликовано, Англія и Франція протестовали противъ принципа вмѣшательства, но чисто теоретическимъ образомъ: никто не думалъ мѣшать Австріи сдѣлать свое дѣло. Въ 1821 г. конгрессъ изъ Троппау былъ перенесенъ въ Лайбахъ, куда пригласили пріѣхать и короля Обѣихъ Сицилій. Неаполитанскій парламентъ согласился на эту поѣздку Фердинанда I послѣ того, какъ тотъ поклялся отстаивать на конгрессѣ конституцію. На самомъ дѣлѣ, однако, король поѣхалъ въ Лайбахъ, чтобы просить военной помощи. За вмѣшательство высказались и всѣ итальянскіе государи, приглашенные тоже участвовать въ лайбахскихъ совѣщаніяхъ. Уже въ февралѣ австрійская армія изъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства черезъ Тоскану и Папскую область прошла до неаполитанской границы. Съ своей стороны принцъ-регентъ, правившій королевствомъ въ отсутствіе Фердинанда I, сдѣлалъ все, чтобы облегчить австрійцамъ занятіе королевства и вступленіе въ самую столицу. Неаполитанцы не обнаружили ни энергіи, ни организаціи, и успѣхъ австрійцевъ былъ однимъ изъ самыхъ легкихъ. Какъ-разъ въ это самое время началась-было революція въ Пьемонтѣ, но извѣстіе о вступленіи австрійцевъ въ Неаполь подорвало и здѣсь вѣру въ собственныя силы, и тамошніе революціонеры скоро потерпѣли пораженіе отъ соединеннаго сардино-австрійскаго войска. По поводу пьемонтскихъ событій подписана была въ Лайбахѣ декларація россійскаго, австрійскаго и прусскаго дворовъ, осуждавшая «гнусное» возму-

щеніе въ Пьемонтѣ, какъ устроенное «развратными людьми» противъ «просвѣщеннаго правленія подъ властью мудраго государя и кроткихъ отеческихъ законовъ». Три названныя державы заключили при этомъ особую конвенцію съ Сардиніей для оккупаціи страны австрійской арміей.

Абсолютизмъ немедленно былъ возстановленъ послѣ этого и въ Неаполѣ, и въ Пьемонтѣ. Въ какомъ направленіи совершалась эта реакція, можно видѣть изъ мемуара, въ концѣ 1820 г. представленнаго Меттернихомъ Александру I. Причина зла усматривалась здѣсь въ слабости и бездѣятельности правительствъ и въ томъ, что средніе классы общества заражены вредными идеями. «Зло, писалъ Меттернихъ, распространилось, главнымъ образомъ, между средними классами общества; настоящій народъ вынужденъ къ работамъ слишкомъ продолжительнымъ и положительнымъ, чтобы могъ броситься въ отвлеченности и горделивыя мечты». Репрессія началась въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ еще при первомъ извѣстіи о неаполитанской революціи: здѣсь немедленно приняты были мѣры самаго строгаго полицейскаго надзора, введены крайнія цензурная стѣсненія, произведены аресты. Въ Неаполѣ реакція совершалась тоже при дѣятельномъ участіи австрійскихъ войскъ, остававшихся въ странѣ три года. Казнямъ почти не было конца, и громадное количество неаполитанцевъ поплатилось еще ссылкой на галеры, тюремнымъ заключеніемъ, изгнаніемъ: противъ карбонаризма были пущены въ ходъ всѣ средства уголовной репрессіи. То же самое происходило и въ Пьемонтѣ. Но, несмотря на это, идея единства и свободы Италіи продолжала дѣлать успѣхи въ націи, и тайныя общества (особенно въ Папской области) не прекращали своей дѣятельности. Однимъ изъ лозунговъ итальянскихъ патріотовъ сдѣлалось—«fuori i tedeschi» (вонъ нѣмцевъ!)

За Неаполемъ и Пьемонтомъ очередь дошла и до Испаніи. Монархи, совершившіе возстановленіе абсолютизма въ Италіи, рѣшили собраться въ слѣдующемъ году на новый конгрессъ для принятія мѣръ противъ испанской революціи, такъ какъ пришли къ тому заключенію, что не будетъ спокойствія въ Европѣ, пока въ Мадридѣ дѣйствуетъ конституція кортесовъ. Все это время въ Испаніи происходила настоящая анархія. Власть здѣсь перешла въ руки «экзальтированныхъ», думавшихъ, подобно якобинцамъ, управлять посредствомъ террора, но противъ нихъ на защиту «алтаря и трона» ополчились банды реакціонной «арміи

вѣры», отличавшейся крайнимъ фанатизмомъ. Лѣтомъ 1822 г. король сдѣлалъ попытку низвергнуть конституцію посредствомъ военной контръ-революціи, но потерпѣлъ пораженіе: гвардія совершила-было открытое возстаніе противъ конституціи, но другія войска высказались противъ этой попытки и подавили возстаніе на улицахъ Мадрида, изрубивъ массу гвардейцевъ передъ самымъ дворцомъ. Лицемѣрный Фердинандъ VII, самъ же подготовившій контръ-революцію, выразилъ благодарность побѣдителямъ и даже для виду перешелъ на сторону экзальтированныхъ, а между тѣмъ тайно упрашивалъ европейскія державы, чтобы онѣ оказали ему военную помощь. Еще на лайбахскомъ конгрессѣ Александръ I окончательно подчинился Меттерниху. Онъ поклялся здѣсь употреблять всѣ средства для подавленія революцій, предлагалъ послать на помощь Австріи въ Италіи русскія войска и торжественно заявилъ свое неодобреніе греческимъ инсургентамъ, начавшимъ войну за освобожденіе отъ турецкаго ига. Осенью 1822 г. собрался въ Веронѣ еще разъ конгрессъ, на которомъ, кромѣ монарховъ Австріи, Пруссіи и Россіи, присутствовали еще короли Сардиніи и Обѣихъ Сицилій, великій герцогъ тосканскій, герцогъ моденскій и герцогиня пармская, не считая представителей другихъ государствъ (между прочимъ, уполномоченныхъ Англіи, Франціи и папы). На этомъ конгрессѣ Александръ I настоялъ на томъ, чтобы Франція совершила экзекуцію въ Испаніи, и даже предлагалъ въ помощь Франціи русскія войска. Въ уклончивости французскаго правительства, не очень сочувственно относившагося къ такой миссіи, онъ готовъ былъ прямо усматрѣть преступное сообщничество съ испанской революціей и не скрывалъ, что будетъ вести себя по отношенію къ Франціи соотвѣтственно съ ея двусмысленнымъ поведеніемъ. Веронскій конгрессъ сначала обратился къ испанскому правительству съ требованіемъ измѣнить конституцію въ болѣе монархическомъ направленіи, но когда изъ Мадрида на это отвѣтили отказомъ, иностранные посланники оставили Испанію, и весною 1823 г. французы вступили въ страну, не встрѣтивъ большого сопротиленія со стороны конституціонной арміи, но зато всюду находя поддержку со стороны «апостолическихъ» бандъ. Французская армія заняла Мадридъ, откуда кортесы еще заблаговременно удалились въ Кадиксъ, захвативъ съ собой короля и министровъ. Скоро вся страна была въ рукахъ иностранной арміи. Кортесы нѣкоторое время еще защищались въ Кадиксѣ, но, наконецъ,

вынудивъ у короля манифестъ объ общей амнистіи, дозволили своему плѣннику удалиться во французскій лагерь, осаждавшій Кадиксъ, и объявили себя распущенными. Не очень полагаясь на обѣщанія Фердинанда VII, члены кортесовъ поспѣшили спастись въ Гибралтаръ подъ охрану Англіи. Въ Испаніи послѣ этого совершилась реставрація абсолютизма и всѣхъ старыхъ учрежденій (кромѣ инквизиціи), и началась, какъ и въ Италіи, жесточайшая реакція, открывшаяся казнями революціонеровъ. Французскіе генералы старались смягчить «отеческое сердце» Фердинанда VII, но если бы онъ даже и захотѣлъ послушаться совѣтовъ объ умѣренности, ему не дала бы это сдѣлать опиравшаяся на невѣжественную массу апостолическая партія, поставившая своей задачей окончательно истребить «безбожный» либерализмъ. Въ томъ же 1823 г. военная контръ-революція возстановила абсолютизмъ и въ Португаліи, гдѣ, равнымъ образомъ началась и реакція. Революція на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ была подавлена, но зато и Испанія, и Португалія должны были отказаться отъ своихъ колоній въ Америкѣ, гдѣ въ это время основались новыя республиканскія государства и между ними конституціонная имперія Бразильская.—Итальянская и испанская революціи не имѣли успѣха не только вслѣдствіе превосходства армій Австріи и Франціи, дѣйствовавшихъ по порученію всей Европы, но и потому, что не имѣли достаточной внутренней силы. Либералы и на Апеннинскомъ, и на Пиренейскомъ полуостровахъ дѣйствовали въ двадцатыхъ годахъ преимущественно путемъ тайныхъ обществъ и опираясь на войско, но событія показали, что армія была плохой опорой политической свободы, а тайныя общества безъ поддержки со стороны народа не въ состояніи были упрочить временные успѣхи революціи. Народъ обнаруживалъ, правда, признаки недовольства и принималъ участіе въ движеніи, но безъ ясно сознанной мысли, потомъ же самъ привѣтствовалъ возстановленіе привычнаго ему абсолютизма, раздраженный въ большинствѣ случаевъ противъ либераловъ за антиклерикальное направленіе ихъ политики. Въ народныхъ массахъ, руководимыхъ духовенствомъ, политическая и культурная реакція имѣла поэтому весьма прочную опору, и лишь благодаря этому, австрійцамъ въ Италіи и французамъ въ Испаніи не представляло большого труда привести въ исполненіе рѣшенія Священнаго союза.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ въ международной политикѣ стало замѣчаться нѣкоторое ослабленіе реакціи. Осо-

бенно важно было то, что англійская политика въ это время порвала съ традиціями своего недавняго прошлаго. Когда во главѣ англійскаго правительства стоялъ рьяный тори Кэстльри, оно въ общемъ шло за Священнымъ союзомъ, но какъ-разъ въ годъ веронскаго конгресса этотъ министръ кончилъ жизнь самоубійствомъ, и вскорѣ первенствующимъ руководителемъ внѣшней политики Англіи сдѣлался Каннингъ. Онъ воспротивился осуществленію намѣренія континентальныхъ державъ вмѣшаться въ американскія дѣла съ цѣлью подчиненія испанскому королю отложившихся колоній и поспѣшилъ признать за ними значеніе самостоятельныхъ республикъ. (Ему въ этомъ отношеніи оказалъ содѣйствіе и президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Монро, провозгласившій принципъ невмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла американскаго материка). Веронскій конгрессъ и подавленіе испанской революціи французскими войсками были послѣдними успѣхами политики Священнаго союза, руководимой австрійскими дипломатами. Не менѣе важно было и то, что Англія взяла подъ свое покровительство греческое возстаніе, все болѣе и болѣе находившее сочувствія въ общественномъ мнѣніи Европы, такъ какъ либералы видѣли въ грекахъ борцовъ за національную свободу, консерваторы — христіанскій народъ, выбивавшійся изъ-подъ магометанскаго ига. Въ концѣ своего царствованія и самъ Александръ I сталъ колебаться въ своемъ взглядѣ на грековъ, какъ на опасныхъ революціонеровъ, но австрійская дипломатія попрежнему старалась удерживать его отъ какой бы то ни было перемѣны въ его политикѣ. Преемникъ Александра I въ этомъ отношеніи не раздѣлялъ воззрѣній своего брата и съ самаго начала своего царствованія возвратился къ традиціонной политикѣ Россіи, какъ покровительницы турецкихъ христіанъ. Между Россіей и Англіей въ 1826 г. состоялось въ пользу грековъ особое соглашеніе, къ которому примкнула и Франція. Начиналась новая группировка великихъ державъ, причемъ прежній союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи видимо разлагался, тѣмъ болѣе, что и у Австріи съ Пруссіей тоже возникали разногласія изъ-за вліянія на второстепенныя государства Германіи. Мы еще остановимся дальше на томъ важномъ моментѣ, когда эскадры Россіи, Англіи и Франціи уничтожили турецкій флотъ при Наваринѣ и затѣмъ произошла русско-турецкая война, окончившаяся адріанопольскимъ миромъ 1829 г. Одновременно съ этимъ между Россіей и Франціей началось и болѣе тѣсное

сближеніе, которое, по мысли его иниціаторовъ, должно было повлечь за собою цѣлый рядъ новыхъ политическихъ перемѣнъ. Іюльская революція 1830 г., однако, положила конецъ зарождавшемуся въ концѣ двадцатыхъ годовъ франко-русскому союзу и заставила Россію вернуться къ политикѣ Священнаго союза.

На этомъ мы и можемъ кончить общій обзоръ эпохи реставраціи на Западѣ. Прежде нежели мы остановимся, однако, на разсмотрѣніи іюльской революціи со всѣми ея отголосками въ другихъ странахъ Европы, намъ нужно еще бросить взглядъ на то, что дѣлалось въ первой трети XIX в. на Балканскомъ полуостровѣ. И здѣсь также происходили событія большой важности, имѣвшія общеевропейское значеніе, именно по отношенію къ такъ называемому «восточному вопросу»: это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые по временамъ сосредоточивали на себѣ вниманіе правительствъ и народовъ.

VIII. Восточный вопросъ въ первой трети XIX в.[1]).

Общее значеніе восточнаго вопроса въ исторіи международныхъ отношеній XIX в.—Отношенія на Балканскомъ полуостровѣ въ наполеоновскую эпоху.—Начало освобожденія Сербіи.—Греческое возстаніе и филэллинизмъ въ Западной Европѣ.—Отношеніе Священнаго союза къ возставшимъ грекамъ.—Перемѣна въ отношеніи европейской политики къ грекамъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ.—Русско-турецкая война и адріанопольскій миръ.—Франко-русское сближеніе. — Основаніе Греческаго королевства.—Доминирующее положеніе Россіи на Востокѣ послѣ адріанопольскаго мира.

Разсматривая исторію международныхъ отношеній въ XIX вѣкѣ, нельзя не удѣлить особаго мѣста тому, что принято называть «восточнымъ вопросомъ», — терминъ, подъ которымъ разумѣется цѣлый комплектъ болѣе частныхъ вопросовъ, касающихся Турецкой имперіи или, вѣрнѣе говоря, ея европейскихъ владѣній съ ихъ нетурецкимъ населеніемъ, состоявшимъ изъ грековъ, румыновъ и народовъ славянскаго происхожденія. Восточный вопросъ, собственно, начался съ тѣхъ поръ, какъ турки стали твердою ногою на Балканскомъ полуостровѣ, завоевавъ

---

[1]) Уч. кн., §§ 273 и 274.—И. З. Е., т. V, гл. I и III.

на немъ христіанскія государства съ остатками Византійской имперіи. Съ XVI в. Оттоманская имперія сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ международной политической жизни Европы, послѣ того, какъ въ первый разъ съ Турціей былъ заключенъ союзъ однимъ христіанскимъ государствомъ противъ другого, Франціей—противъ Австріи, и первое изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ положило начало защитѣ христіанскихъ подданныхъ султана отъ притѣсненій со стороны мусульманъ. Въ XVIII в. другою защитницею турецкихъ христіанъ сдѣлалась Россія, достигшая установленія надъ ними даже формальнаго протектората къ великому неудовольствію другихъ державъ, ревниво относившихся къ усиленію Россіи. Первоначально, когда Оттоманская имперія грозила дальнѣйшими завоеваніями въ Европѣ, противъ азіатскихъ пришельцевъ разныя европейскія государства устраивали коалиціи, наиболѣе видную роль въ которыхъ, благодаря непосредственному сосѣдству съ турецкими владѣніями, играла монархія Габсбурговъ. Цѣлый рядъ войнъ между Турціей и христіанскими государствами Европы наполняетъ исторію XVI, XVII и XVIII вв., и еще во второй половинѣ XV столѣтія зародилась мысль о изгнаніи турокъ изъ Европы. Въ XVI и XVII вв. справляться съ турками оказывалось, однако, дѣломъ въ высшей степени труднымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ хотя бы двѣ осады Вѣны полчищами султана, въ 1529 и 1683 гг., но съ конца XVII в. турецкая сила пошла на ущербъ, и Оттоманская имперія стала терять одну позицію за другою въ пользу Австріи и Россіи,— въ это время именно и начавшей свои наступательныя дѣйствія по отношенію къ турецкимъ владѣніямъ въ Европѣ. Россіи въ XVIII в. пришлось вести съ Турціей нѣсколько войнъ, а во второй половинѣ этого столѣтія существовалъ даже знаменитый греческій проектъ Екатерины II о раздѣлѣ Турціи и возстановленіи Византійской имперіи. Въ эту эпоху монархія Габсбурговъ, бывшая главною противницею Турціи съ самаго начала войнъ съ нею европейскихъ народовъ, не всегда была въ состояніи энергично дѣйствовать въ направленіи Балкановъ, такъ что роль постоянной и наиболѣе опасной противницы турокъ перешла къ Россіи.

Политическіе враги обѣихъ державъ, боровшихся съ Оттоманскою имперіей, очень часто пользовались послѣднею, натравливая ее то на одну, то на другую изъ этихъ державъ. Союзъ съ Турціей сдѣлался даже одною изъ наиболѣе прочныхъ традицій

внѣшней политики Франціи. Только египетская экспедиція Бонапарта, предпринятая безъ предварительнаго соглашенія съ султаномъ, которому принадлежалъ Египетъ, разстроила-было традиціонную франко-турецкую дружбу, и съ Французской республикой турки даже вступили въ борьбу, примкнувъ къ воевавшей съ нею коалиціи, но въ эпоху консульства между Франціей и Портою былъ заключенъ миръ, послѣ котораго французское вліяніе въ Константинополѣ сдѣлалось снова необычайно сильнымъ. Въ XIX столѣтіи Турція больше уже не вела ни одной войны съ какими-либо европейскими государствами, кромѣ Россіи, съ которою у турокъ было четыре войны: въ 1806—1812 гг., въ 1828—1829 гг., въ 1853—1856 гг. и въ 1877—1878 гг. Благодаря этимъ войнамъ, разложеніе Оттоманской имперіи, начавшееся въ концѣ XVII в. и заключавшееся раньше въ отторженіи отъ нея отдѣльныхъ областей въ пользу Австріи и Россіи, приняло новый характеръ, такъ какъ христіанскіе подданные Турціи стали теперь добиваться независимости для образованія новыхъ національныхъ государствъ. Таково происхожденіе сложнаго, весьма запутаннаго восточнаго вопроса. Въ XIX в. Оттоманская имперія уже не была грозою для Европы, но отдѣльныя европейскія государства все еще пользовались ею, какъ орудіемъ для нанесенія вреда Россіи. Кромѣ того, изъ-за вліянія въ Константинополѣ великія державы вели нерѣдко одна противъ другой дипломатическія кампаніи, но, съ другой стороны, не разъ между ними возникали переговоры и даже соглашенія относительно раздѣла европейскихъ владѣній Турціи. Дѣло, какъ сейчасъ было упомянуто, осложнилось особенно тѣмъ, что подавленныя мусульманскимъ владычествомъ христіанскія національности Балканскаго полуострова начали возставать съ цѣлью освобожденія отъ турецкаго ига и пріобрѣтенія независимости.

Нельзя сказать, чтобы французская революція не оказала ни какого вліянія на балканскія дѣла. Вторая турецкая война Екатерины II (1787—1791) совпала отчасти съ первыми годами революціи, когда Франція была, конечно, не въ состояніи оказать помощь своей старой союзницѣ. Только-что было, далѣе, сказано, что египетская экспедиція разссорила Турцію съ Франціей и что между ними даже произошла война, окончившаяся лишь въ 1802 г., да и то при дѣятельномъ посредничествѣ Россіи. Съ другой стороны, провозглашеніе революціей свободы народовъ и французскія побѣды окрылили надежды грековъ на

скорое избавленіе отъ варварскаго ига. Среди христіанскихъ подданныхъ султана греки были наиболѣе и экономически, и культурно развитою націей, наиболѣе доступною европейскому вліянію и въ частности вліянію французскихъ идей. Раньше всѣ упованія свои греки возлагали на Россію, теперь надеждою многихъ среди нихъ сдѣлалась Франція. Особенно окрѣпло это ожиданіе спасенія отъ Франціи, когда она освободила отъ венеціанцевъ Іоническіе острова и укрѣпила на нихъ свою власть. Да и наполеоновскія войны, какъ извѣстно, коснулись и Балканскаго полуострова: вспомнимъ завоеваніе Далмаціи и превращеніе ея въ иллирійскія провинціи Франціи.

Дипломатія Наполеона тоже дѣлала свое дѣло въ столицѣ Турціи, поставивъ своею задачею возстановить тамъ прежнее французское вліяніе и подорвать престижъ Россіи. Наполеону удалось достигнуть этой цѣли. Еще въ 1799 г. русскій флотъ помогалъ туркамъ противъ французовъ, а въ 1806 г. Турція уже была въ войнѣ съ Россіей, въ то время находившейся въ числѣ враговъ Франціи. Возникновеніе этой войны было подготовлено наполеоновскими дипломатами въ Константинополѣ, причемъ однимъ изъ поводовъ для возбужденія въ султанѣ неудовольствія противъ Россіи послужило сербское возстаніе 1804 г., вызванное турецкими звѣрствами. Русско-турецкая война длилась шесть лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени состоялся между Наполеономъ и Александромъ I тильзитскій миръ и произошло разграниченіе господства на материкѣ Европы—Франціи на Западѣ, Россіи на Востокѣ. Когда Турція въ 1811 г. запросила у Россіи мира, готовилось уже великое столкновеніе 1812 г., и Наполеонъ поэтому энергично добивался, чтобы султанъ продолжалъ войну, обѣщая ему прямую помощь. Въ свою очередь, изъ Россіи сообщили въ Константинополь, что Наполеонъ самъ предлагалъ раздѣлъ Турціи. Бухарестскій миръ 1812 г., давшій Россіи Бессарабію и право прохода русскихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, вообще усилившій роль Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и обѣщавшій извѣстныя уступки въ пользу сербовъ и вассальныхъ дунайскихъ княжествъ (Молдавіи и Валахіи), былъ заключенъ всего лишь за нѣсколько недѣль до вступленія Наполеона во главѣ «великой арміи» въ русскіе предѣлы. Миръ съ Турціей былъ заключенъ, но Порта воспользовалась началомъ новой франко-русской войны, чтобы не исполнять нѣкоторыхъ статей бухарестскаго договора. На вѣнскомъ конгрессѣ Александръ I

сдѣлалъ-было попытку обратить вниманіе другихъ державъ на положеніе дѣлъ въ Турціи, съ цѣлью оказанія на нее воздѣйствія въ дѣлѣ исполненія ею обѣщаній, данныхъ въ пользу ея христіанскихъ подданныхъ, но это предложеніе не встрѣтило сочувствія со стороны остальныхъ членовъ конгресса. Пріобрѣтеніе Россіей Бессарабіи было подтверждено, но вмѣшательство въ дѣла Оттоманской имперіи отклонено. Впереди правительствъ, не желавшихъ оказывать давленія на Турцію, была Австрія, съ 1791 г. болѣе не воевавшая съ турками и не хотѣвшая давать какихъ-либо поводовъ къ усиленію русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Если при Іосифѣ II, когда заходила рѣчь о раздѣлѣ Турціи, австрійскіе виды распространялись и на дунайскія княжества, и на Боснію съ Герцеговиной, и на Сербію, то теперь вѣнское правительство хлопотало лишь о сохраненіи status quo.

Между тѣмъ въ отдѣльныхъ областяхъ Оттоманской имперіи начались возстанія угнетенныхъ турками народностей. Первымъ возстало населеніе Сербіи, которая въ первой половинѣ XVIII в. временно была въ обладаніи Австріи (1718—1739). Сербы поднялись подъ главнымъ начальствомъ Карагеоргія въ 1804 г. и тогда же просили заступничества у Россіи. Возстаніе продолжалось и во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. По бухарестскому миру Порта обязалась дать сербамъ амнистію и признать ихъ автономію, но и не подумала исполнить свое обѣщаніе. Борьба между турками и сербами продолжалась до 1820 г., когда султанъ призналъ наконецъ автономію Сербіи подъ властью національнаго князя. Такимъ образомъ, къ Молдавіи и Валахіи, которыя уже ранѣе пользовались автономіей подъ правленіемъ своихъ господарей, присоединилась, какъ третья автономная область, Сербія. Но едва только султанскій фирманъ уладилъ дѣла этой области, какъ вспыхнуло возстаніе грековъ.

Началось греческое возстаніе въ 1821 г., но подготовлялось оно уже раньше. Въ мѣстностяхъ со сплошнымъ греческимъ населеніемъ, т.-е. въ самой южной части Балканскаго полуострова (въ Морећ) греки пользовались довольно значительнымъ общиннымъ самоуправленіемъ, а къ сѣверу отъ Коринѳскаго залива имѣли даже свои отряды мѣстной милиціи, хотя и были лишены самоуправленія, какъ на югѣ. Промышленность и торговля въ имперіи находились въ рукахъ грековъ, у которыхъ былъ и свой торговый флотъ. Зажиточные греки уже въ концѣ XVIII в. отправляли своихъ сыновей учиться въ Западную Европу, что

не мало содѣйствовало развитію образованности среди зажиточнаго класса и на родинѣ. Мало-по-малу въ греческомъ обществѣ стали возрождаться античныя традиціи, дѣлавшія особенно невыносимымъ варварское иго. Французская революція и наполеоновскія войны всколыхнули верхи тогдашней эллинской націи, многіе представители которой жили въ то время на югѣ Россіи (въ Одессѣ) и въ дунайскихъ княжествахъ. Здѣсь-то первоначально и возникъ планъ возстанія для изгнанія турокъ изъ Европы и возстановленія Греческой имперіи. Въ 1814 г. въ Одессѣ съ этою цѣлью образовалась первая гэтерія, первое тайное общество, по образцу котораго позднѣе стали возникать конспиративные кружки и въ другихъ мѣстахъ. Наполеонъ теперь уже не былъ императоромъ, Франція была обезсилена, и потому надежды грековъ снова стали направляться въ сторону Россіи. Движеніе охватило всѣ центры греческой націи, не исключая и самого Константинополя. Возстаніе началось въ дунайскихъ княжествахъ, гдѣ, однако, оно не нашло поддержки въ мѣстномъ населеніи и скоро было подавлено. Его предводитель, Александръ Ипсиланти, вынужденъ былъ бѣжать въ Австрію, гдѣ его посадили въ тюрьму. Не успѣли турки расправиться съ этимъ возстаніемъ, какъ поднялись греческія массы и на югѣ полуострова, и на островахъ Архипелага, и произошла между греками и турками настоящая война, истребительная борьба двухъ народностей и двухъ религій, борьба, возбудившая сильнѣйшій интересъ къ себѣ въ Европѣ. Сначала грекамъ помогало то обстоятельство, что противъ султана тогда велъ войну возмутившійся паша албанскій, но онъ скоро былъ усмиренъ, а тутъ еще на помощь къ падишаху явились египетскія войска. Ко второй половинѣ двадцатыхъ годовъ положеніе возставшей Греціи было по-истинѣ ужаснымъ, но въ этотъ моментъ къ нимъ пришла иностранная помощь.

Какъ извѣстно, въ Европѣ съ большимъ сочувствіемъ относились къ героической борьбѣ грековъ за свободу. На почвѣ этого сочувствія на Западѣ даже возникло цѣлое культурно-политическое направленіе, получившее названіе филэллинизма. Образованные люди видѣли въ возставшихъ грекахъ потомковъ славныхъ героевъ Марафона и Саламина, потомковъ той великой по своему историческому значенію націи, которой новая Европа обязана началомъ всей своей цивилизаціи. Съ этимъ мотивомъ сочувствія соединялся другой, уже чисто политическаго харак-

тера: греки казались достойными сочувствія и помощи не за одно далекое прошлое своей націи, но и какъ люди, одушевленные тѣмъ же идеаломъ свободы, который былъ главнымъ лозунгомъ либерализма. Борьба грековъ противъ султана была борьбою противъ деспотизма, такою же, какую начали за годъ до взрыва греческаго возстанія патріоты Испаніи и королевства Обѣихъ Сицилій. Филэллины, «друзья грековъ», соединялись въ комитеты, агитировавшіе за ихъ правое дѣло въ печати, собиравшіе для его поддержки значительныя денежныя суммы, снаряжавшіе добровольцевъ, которые ѣхали помогать возстанію: филэллинизмъ двадцатыхъ годовъ былъ до извѣстной степени однимъ изъ проявленій либерализма. Греческое возстаніе пользовалось, съ другой стороны, большимъ сочувствіемъ и тѣхъ людей, которые видѣли въ грекахъ не потомковъ славной исторической націи и не борцовъ за политическую свободу, а христіанъ, борящихся за свою вѣру противъ исконныхъ враговъ креста Христова. Особенно этотъ мотивъ располагалъ въ пользу грековъ, какъ единовѣрцевъ, общество и народъ въ Россіи, для которыхъ оказаніе помощи турецкимъ христіанамъ сдѣлалось одною изъ традицій истинно національной политики.

Съ греческимъ возстаніемъ и съ филэллинизмомъ связалъ навѣки свое имя великій англійскій поэтъ, лордъ Байронъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей тогдашняго политическаго радикализма и свободолюбиваго романтизма, властитель думъ тогдашнихъ передовыхъ людей, оказавшій громадное вліяніе на литературу своей эпохи. Исторія литературы, какъ извѣстно, даже знаетъ цѣлый періодъ байронизма. Байронъ не могъ ужиться на родинѣ, гдѣ тогда царило реакціонное настроеніе, и надолго уѣхалъ въ Италію. Пребываніе его въ этой странѣ совпало съ политическимъ движеніемъ, въ ней происходившимъ, и у англійскаго поэта даже образовались очень тѣсныя связи съ итальянскими революціонерами. Въ высшей степени либерально настроенный поэтъ съ глубокой ненавистью относился къ царившей тогда реакціи; въ произведеніяхъ его масса отдѣльныхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ объ этой ненависти. Еще въ послѣдніе годы наполеоновской имперіи Байронъ признавался, что «чрезвычайно упростилъ свою политическую теорію», которая свелась у него къ тому, чтобы «смертельно ненавидѣть всѣ существующія правительства». Священный союзъ сталъ потомъ одною изъ мишеней для его политическихъ сарказмовъ: союзные государи были

для него волки, неудачно замѣнившіе одного льва. Между прочимъ, у Байрона есть одно большое стихотвореніе о веронскомъ конгрессѣ, на которомъ была отвергнута просьба грековъ о помощи имъ противъ турокъ. Конгрессъ этотъ состоялся въ 1822 г., а въ слѣдующемъ году Байронъ уѣхалъ въ Грецію, гдѣ и нашелъ преждевременную кончину. Участіе въ греческомъ возстаніи поэта, литературное вліяніе котораго на материкѣ Европы было, кстати сказать, гораздо бо̀льшимъ, нежели въ самой Англіи, произвело весьма сильное впечатлѣніе на современниковъ.

Священный союзъ отвергъ просьбы грековъ и взялъ подъ свое покровительство турецкаго султана наравнѣ съ королями Испаніи и Обѣихъ Сицилій. По мысли своего иниціатора этотъ союзъ долженъ былъ быть объединеніемъ трехъ главныхъ вѣтвей христіанской семьи народовъ, т.-е. православія, католицизма и протестантизма, представленныхъ въ союзѣ монархами Россіи, Австріи и Пруссіи. Турецкому султану не могло быть мѣста въ этомъ чисто христіанскомъ союзѣ, положеніе же Александра I, какъ государя царства православнаго, традиціи русской политики и общественное сочувствіе грекамъ въ самой Россіи указывали ему, на чью сторону онъ долженъ былъ стать въ борьбѣ, начавшейся на Балканскомъ полуостровѣ. Многіе были убѣждены—и, между прочимъ, сами же греки—въ томъ, что Александръ I стои́тъ за греческое дѣло, тѣмъ болѣе, что въ возстаніи приняли участіе и нѣкоторые близкіе ему люди (напр., Ипсиланти, бывшій адъютантомъ императора). Но мы знаемъ, что въ эпоху конгрессовъ Александръ I совсѣмъ подчинился вліянію Меттерниха, настойчиво утверждавшаго, что греки, въ сущности, такіе же бунтовщики противъ своего законнаго государя, какими были и испанцы, и неаполитанцы. «Я, сказалъ Александръ I французскому уполномоченному на веронскомъ конгрессѣ, Шатобріану,—я покидаю дѣло Греціи, потому что усмотрѣлъ въ войнѣ грековъ революціонный признакъ времени. Что̀ бы ни дѣлали для того, чтобы стѣснить Священный союзъ въ его дѣятельности и заподозрѣть его цѣли, я отъ него не отступлюсь. У каждаго есть право на самозащиту: это право должны также имѣть и монархи противъ тайныхъ обществъ». Священный союзъ, стоявшій на точкѣ зрѣнія легитимизма, иначе не могъ отнестись къ греческому дѣлу, въ которомъ были и тайныя общества, и бунтъ подданныхъ противъ предержащей власти.

Выше уже было въ своемъ мѣстѣ отмѣчено, что во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ въ европейской политикѣ произошелъ поворотъ въ пользу грековъ. Въ Англіи реакціоннаго министра Кэстльри смѣнилъ болѣе либеральный Каннингъ, поставившій своимъ девизомъ «разумную свободу для всѣхъ народовъ», а вскорѣ затѣмъ произошла перемѣна и на русскомъ императорскомъ престолѣ, оказавшаяся тоже благопріятною для грековъ, потому что Николай I не раздѣлялъ точки зрѣнія своего старшаго брата на греческій вопросъ, что̀ повернуло русскую политику на путь старой традиціи покровительства единовѣрцамъ въ Турціи. Въ началѣ своего царствованія онъ даже чувствовалъ непріязнь къ Меттерниху, желавшему сохраненія въ Оттоманской имперіи прежнихъ отношеній въ интересахъ Австріи, для которой поднимать восточный вопросъ было тогда совсѣмъ невыгодно. Упомянуто было также и то, что различное отношеніе къ греческому дѣлу Австріи и Россіи было даже началомъ разложенія Священнаго союза и сближенія Россіи съ Англіей и Франціей.

Образованіе, въ первые годы царствованія въ Россіи Николая I, новой международной комбинаціи, порвавшей съ политикою Священнаго союза, имѣло своими слѣдствіями вмѣшательство трехъ великихъ державъ во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи въ пользу грековъ, потомъ русско-турецкую войну 1828—1829 гг. и образованіе на югѣ Балканскаго полуострова независимаго Греческаго королевства, съ чего начался процессъ выдѣленія изъ Турціи современныхъ христіанскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ исторіи восточнаго вопроса въ XIX столѣтіи это былъ моментъ первостепенной важности, между прочимъ, моментъ, доставившій Россіи преобладающее значеніе на турецкомъ Востокѣ, которое сохранялось ею потомъ до самой середины XIX в.

Уже въ началѣ 1826 г. между Англіей и Россіей былъ подписанъ протоколъ о вмѣшательствѣ въ греческое дѣло съ цѣлью превращенія Греціи въ вассальное княжество Оттоманской имперіи. Меттернихъ былъ крайне этимъ недоволенъ и настоялъ, чтобы и Пруссія не давала одобренія этому соглашенію; наоборотъ, Франція къ нему присоединилась очень скоро. У турецкаго султана отъ имени всѣхъ трехъ державъ было потребовано прекращеніе военныхъ дѣйствій, и когда на это не послѣдовало согласія, турецкій флотъ былъ истребленъ эскадрами Россіи,

Англіи и Франціи при Наваринѣ (1827). Въ слѣдующемъ году началась война Россіи съ Турціей. Послѣ перехода русской арміи черезъ Балканы Турція запросила мира, который въ 1829 г. и былъ заключенъ въ Адріанополѣ. Порта вынуждена была признать независимость Греціи и протекторатъ Россіи надъ Молдавіей и Валахіей. Въ томъ же самомъ году намѣтился и болѣе близкій союзъ между Франціей и Россіей, осуществленіе котораго должно было бы привести къ полному переустройству Балканскаго полуострова. Именно, съ французской стороны предполагалось въ союзѣ съ Россіей изгнать турокъ изъ Европы, Россіи отдать дунайскія княжества, Австріи—Сербію, Боснію и Герцеговину, а остальныя части Оттоманской имперіи превратить въ новое государство съ королемъ нидерландскимъ во главѣ, причемъ совершились бы территоріальныя перемѣны и въ Западной Европѣ: Франція получила бы Бельгію съ Люксембургомъ и территорію, отнятую въ 1815 г., Пруссія—Голландію и Саксонію, король послѣдней—лѣвый берегъ Рейна, а Англія—голландскія колоніи. Николай I узналъ объ этомъ планѣ лишь послѣ заключенія мира, что̀, однако, не помѣшало началу переговоровъ на почвѣ такихъ предположеній. Реальный результатъ ихъ былъ, впрочемъ, лишь одинъ—французская экспедиція 1830 г. для завоеванія Алжира, бывшаго de jure вассальнымъ владѣніемъ Турціи. Но какъ-разъ въ это самое время въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція, которая сдѣлала невозможнымъ какой бы то ни было союзъ между Франціей и Россіей и заставила Николая I снова сблизиться съ обѣими великими нѣмецкими державами.

Вопросъ о томъ, что дѣлать съ Греціей, освобожденной Россіею отъ турецкаго владычества, пришлось уже рѣшать во время политическихъ осложненій, вызванныхъ іюльской революціей. Еще во время возстанія противъ турокъ, въ 1822 г., греческое національное собраніе выработало республиканскую конституцію, передѣлывшуюся потомъ въ 1823 и 1827 гг., хотя, въ сущности, страна управлялась совершенно деспотически своимъ президентомъ, Каподистріей, который только въ 1829 г. въ первый разъ созвалъ народныхъ представителей, да и то лишь для новаго измѣненія конституціи въ смыслѣ узаконенія его диктатуры. Послѣ насильственной его смерти произошли въ Греціи внутреннія смуты, заставившія великія державы вмѣшаться въ ея дѣла. Незадолго до взрыва іюльской революціи державы согласились

превратить Грецію въ ограниченную монархію, но поиски кандидата на греческій престолъ увѣнчались успѣхомъ только въ 1832 г., когда съ согласія державъ въ короли новаго государства былъ выбранъ баварскій принцъ Оттонъ. Фактически въ Греціи установился абсолютизмъ, и только вспыхнувшее въ ней въ 1843 г. военное возстаніе заставило короля созвать учредительное собраніе, которое въ слѣдующемъ году и выработало для Греціи конституцію.

Адріанопольскій миръ совершенно подчинилъ Турцію русскому вліянію, и Россія стала играть первенствующую роль на Востокѣ. Вскорѣ послѣ окончательнаго улаженія греческаго дѣла,—въ чемъ дѣятельное участіе приняли Англія и Франція съ цѣлью устранить въ Греціи исключительное вліяніе Россіи,—Николаю I пришлось снова вмѣшаться во внутреннія дѣла Турціи и удалось вслѣдъ затѣмъ еще больше усилить положеніе Россіи на Востокѣ. Въ 1833 г. египетскій паша Мегметъ-Али возмутился противъ султана и уже занялъ Сирію и часть Малой Азіи, когда Николай I оказалъ султану военную помощь и тѣмъ отвратилъ завоеваніе Константинополя египетскою династіею. Въ благодарность за это султанъ договоромъ въ Ункіаръ-Скелесси обязался закрыть по первому требованію Россіи проходъ для военныхъ судовъ западныхъ націй, — благопріятствовавшихъ Мегмету-Али, — черезъ Дарданельскій проливъ въ Черное море. На такое усиленіе Россіи съ неудовольствіемъ смотрѣли Австрія и Англія. Когда въ 1839 г. Мегметъ-Али повторилъ свою попытку, оба эти государства, желая предупредить новое вмѣшательство Россіи, поспѣшили оказать содѣйствіе султану и остановили честолюбиваго пашу, принудивъ его ограничиться положеніемъ наслѣдственнаго вассала Турціи. Въ этомъ смыслѣ между Англіей и Россіей состоялось соглашеніе, къ которому примкнули и Австрія съ Пруссіей вопреки Франціи, поддерживавшей египетскаго пашу.—Турція, когда-то столь могущественная и грозная, видимо слабѣла и разлагалась. Она даже не могла болѣе существовать безъ поддержки со стороны европейскихъ державъ, и въ тридцатыхъ годахъ въ ней царило безраздѣльно русское вліяніе. Лишь въ 1840 г. Николай I, чтобы вполнѣ изолировать Францію, пошелъ на улаженіе новой внутренней смуты въ Турціи въ полномъ согласіи съ другими державами и въ особенности съ Англіей, которая обнаруживала теперь все бо́льшій интересъ къ тому, что̀ дѣлалось въ Оттоманской имперіи. Тѣмъ не менѣе положеніе

Россіи оставалось непоколебленнымъ, и на долгое время восточный вопросъ болѣе не тревожилъ Европу.

Въ исторіи трудно гадать, что́ было бы, если бы не случилось того-то и того-то. Во всякомъ случаѣ, теченіе дѣлъ на Востокѣ могло бы принять иное направленіе, если бы въ 1830 г. на Западѣ снова не вспыхнули новыя революціи—и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ Польшѣ, оказавшія громадное вліяніе не только на внутреннюю жизнь тѣхъ странъ, гдѣ произошли, но и на всю международную политику слѣдующихъ лѣтъ.

IX. Революціи 1830 г. [1]).

Европейскій кризисъ 1830 года. — Общій взглядъ на эпоху реставраціи во Франціи. — Конфликтъ между короной и народнымъ представительствомъ.—Іюльская революція.—Перемѣна династіи во Франціи и измѣненія въ конституціи.—Революція въ Бельгіи.—Возстаніе въ русской Польшѣ.—Политическія волненія въ Германіи и въ Италіи.—Вліяніе іюльской революціи на Англію и первая парламентская реформа. — Впечатлѣніе, произведенное революціями 1830 г. на абсолютныя монархіи.—Основаніе Бельгійскаго королевства. — Подавленіе польской революціи. — Возобновленіе традицій Священнаго союза.—Начало съ 1830 г. новаго періода европейской исторіи XIX в.

1830 годомъ заканчивается эпоха реставраціи и начинается новый періодъ европейской исторіи XIX в., времена іюльской монархіи. Не прошло и десяти лѣтъ отъ подавленія южно-романскихъ революцій, какъ въ той самой Франціи, которая содѣйствовала возстановленію абсолютизма въ Испаніи, произошла новая революція, очень скоро нашедшая подражаніе въ Бельгіи и въ Польшѣ, вызвавшая также политическія волненія въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и Германіи и даже не прошедшая безслѣдно для самой Англіи. Въ это время могло казаться, что дѣло снова не обойдется безъ большой европейской войны, которой одни хо̀тѣли, другіе боялись, но которая всѣмъ представлялась, какъ нѣчто почти неизбѣжное. Въ 1830 г. едва исполнилось пятнадцать лѣтъ съ окончанія войнъ, длившихся почти четверть вѣка и имѣвшихъ

---

[1]) Уч. кн., §§ 285 и 289—291. — И. З. Е., т. V, гл. II, III и IV.—Общій взглядъ, гл. VII.—Нар.-прав. госуд., гл. XV.

своимъ исходнымъ пунктомъ революцію во Франціи: теперь снова революція возвращалась и грозила разрушеніемъ международному порядку, созданному на вѣнскомъ конгрессѣ. Намѣчавшійся франко-русскій союзъ сдѣлался послѣ этого невозможнымъ, начавшій-было распадаться старый союзъ Австріи, Пруссіи и Россіи, наоборотъ, опять окрѣпъ. Въ 1830 году произошло рѣшительное столкновеніе либерализма и реакціи, имѣвшее различный исходъ въ разныхъ странахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказавшее громадное вліяніе на послѣдующую исторію международныхъ отношеній. Въ виду всего этого на событіяхъ 1830 г. нужно остановиться нѣсколько подробнѣе.

Начнемъ съ Франціи. О недовольствѣ Бурбонами, существовавшемъ въ странѣ, уже была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Сначала во Франціи многіе думали, что реставрація 1814 г. соединитъ для націи то, что̀ дали Англіи раздѣльно реставрація Стюартовъ въ 1660 г. и вторая революція въ 1689 г., послѣ того, какъ обѣ страны пережили революціи, казни королей, установленія республики и военный деспотизмъ (Кромвеля и Наполеона). Очень скоро, однако, стало господствовать мнѣніе, что и Франціи нужно совершить вторую революцію съ перемѣною династіи для обезпеченія свободы, какъ это было въ Англіи въ 1689 г. У части французскихъ либераловъ, устраивавшихъ политическіе заговоры, былъ и готовый кандидатъ на престолъ въ лицѣ дальняго королевскаго родственника, Людовика-Филиппа, герцога Орлеанскаго, сына знаменитаго «гражданина Эгалите» временъ революціи.—Какъ извѣстно, послѣ 1814 г. во Франціи царствовали одинъ за другимъ два брата казненнаго въ 1793 г. Людовика XVI, Людовикъ XVIII и Карлъ X. Между обоими братьями была большая разница. Старшій изъ нихъ не отличался фанатизмомъ младшаго, своего преемника, при его жизни называвшагося графомъ д'Артуа, и хорошо понималъ, что слишкомъ большое расположеніе къ старому порядку можетъ повлечь за собою новое изгнаніе; особенно въ этомъ отношеніи повліяли на него «сто дней». Наоборотъ, Карлъ X, будучи еще наслѣдникомъ престола, рѣзко проявлялъ свое нерасположеніе къ новой Франціи и былъ извѣстенъ въ обществѣ, какъ другъ эмигрантовъ и іезуитовъ. Людовику XVIII было, однако, трудно проводить свою программу. Это былъ человѣкъ уже старый, даже дряхлый, больше всего заботившійся о личномъ спокойствіи и комфортѣ, роялисты же, постоянно имѣвшіе большинство въ палатѣ, требовали отъ него болѣе рѣшительнаго по-

веденія въ реакціонномъ духѣ. Общее направленіе европейской политики тоже не благопріятствовало примирительному образу дѣйствій, и Франція при Людовикѣ XVIII вынуждена была подавить своимъ войскомъ испанскую революцію. Наконецъ, на больного короля оказывали сильное давленіе его младшій братъ и вся его семья. Людовику XVIII сдѣлалось наконецъ не подъ силу бороться противъ крайней реакціи, когда одинъ ремесленникъ Лувель, возненавидѣвшій Бурбоновъ, зарѣзалъ самодѣльнымъ кинжаломъ сына гр. д'Артуа, герцога Беррійскаго (1820), и отецъ убитаго потребовалъ принятія разныхъ реакціонныхъ мѣръ (преимущественно противъ печати). Сдѣлавшись въ 1824 г. королемъ, Карлъ X болѣе всего думалъ о томъ, какъ бы провести такой избирательный законъ, при которомъ въ палату стали бы попадать только ультра-роялисты, и какъ бы еще обуздать оппозиціонную печать и усилить вліяніе духовенства. Эмигранты давно хлопотали о вознагражденіи за конфискованныя земли; многіе изъ нихъ даже требовали, чтобы эти земли были просто-на-просто отняты у новыхъ владѣльцевъ и отданы имъ. Сами эти владѣльцы тоже какъ-нибудь хотѣли покончить съ вопросомъ, и правительство провело въ палатахъ законъ объ ассигнованіи на вознагражденіе эмигрантовъ цѣлаго милліарда франковъ. Реакціонное направленіе правительства только усилило либеральное движеніе въ странѣ, и выборы 1827 г. положили конецъ преобладанію ультра-роялистовъ въ палатѣ. Карлъ X вынужденъ былъ тогда поручить составленіе новаго министерства умѣренному роялисту Мартиньяку, который рѣшился ослабить реакцію и провести нѣкоторыя либеральныя реформы. Король, впрочемъ, лишь скрѣпя сердце мирился съ направленіемъ этого министерства, обезпечившаго свободу выборовъ отъ вмѣшательства администраціи, облегчившаго положеніе печати, подчинившаго школы духовенства государственному надзору и даже задумавшаго замѣнить наполеоновскую систему строгой централизаціи мѣстнымъ самоуправленіемъ. Либералы поддерживали Мартиньяка, но клерикалы и ультра-роялисты страшно его ненавидѣли. Либеральная партія боялась только, какъ бы мѣстное самоуправленіе не послужило на пользу ультра-роялистамъ, и потому не поддержала проекта о самоуправленіи. Карлъ X очень этому обрадовался и, давъ министерству отставку, призвалъ на его мѣсто самаго крайняго реакціонера, князя Полиньяка (1829), отказавшагося въ 1814 г. въ качествѣ пэра присягнуть хартіи. Послѣ этого во Франціи стали ожидать,

что Карлъ X совершитъ прямое нападеніе на конституцію, и даже русскій посланникъ въ Парижѣ нашелъ нужнымъ ему посовѣтовать не пускаться ни въ какія рискованныя предпріятія.

2 марта 1830 г. торжественно открывая засѣданія палатъ, Карлъ X прочиталъ тронную рѣчь, въ которой было одно такое мѣсто: «я не сомнѣваюсь, сказалъ онъ, что вы будете содѣйствовать осуществленію добра, къ которому я стремлюсь. Вы съ презрѣніемъ отвергнете злонамѣренныя инсинуаціи, которыя распространяютъ въ настоящее время. Но если бы эти преступные происки стали создавать для моей власти препятствія, которыхъ я не могу и не хочу предвидѣть, то я нашелъ бы для ихъ преодолѣнія достаточную силу въ своей рѣшимости поддерживать общественный миръ въ справедливомъ довѣріи французовъ и въ той любви, которую они всегда обнаруживали къ своему королю». На громадное большинство палаты эти слова произвели самое тягостное впечатлѣніе: въ нихъ видѣли угрозу по отношенію ко всякой оппозиціи противъ министерства. Коммиссія, выбранная для составленія проекта адреса на тронную рѣчь, представила палатѣ текстъ, который вызвалъ горячія пренія, окончившіяся побѣдой либераловъ: его приняли большинствомъ 221 голоса противъ 181. «Въ основѣ всѣхъ дѣйствій администраціи,—говорилось, между, прочимъ въ этомъ адресѣ,—лежитъ въ настоящее время недовѣріе къ чувству и разуму Франціи; недовѣріе это глубоко огорчаетъ вашъ народъ, потому что оно оскорбительно для него; оно безпокоитъ его, потому что угрожаетъ его вольностямъ. Это недовѣріе не должно проникать въ ваше благородное сердце. Пусть ваше величество выскажетъ, кого вы выбираете: тѣхъ ли, кто обнаруживаетъ такое полное непониманіе вашей націи, спокойной, тихой и вѣрной, или насъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ повергающихъ къ стопамъ вашего величества горе цѣлаго народа, жаждущаго уваженія и довѣрія своего короля». Это было выраженіемъ недовѣрія министерству, которому послѣ такого заявленія оставалось только подать въ отставку, но Карлъ X и его министры увидѣли въ адресѣ нарушеніе права короля выбирать своихъ министровъ, даже чуть не прямое оскорбленіе, наносимое самому монарху. 18 марта Карлъ X въ торжественной аудіенціи принялъ депутацію, поднесшую адресъ. Онъ холодно выслушалъ чтеніе и отвѣтилъ: «я имѣлъ основаніе расчитывать на содѣйствіе обѣихъ палатъ для выполненія задуманнаго мною добра. Я глубоко

огорченъ тѣмъ, что депутаты отъ департаментовъ отказываютъ мнѣ въ этомъ содѣйствіи. Рѣшеніе мое непоколебимо: интересъ моего народа запрещаетъ мнѣ измѣнять его. Мои министры сообщатъ вамъ о моихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ». На другой день засѣданія палаты были отсрочены до 1 сентября, но всѣ очень хорошо понимали, что непокорная палата будетъ распущена. Еще много ранѣе общественное возбужденіе было весьма напряженнымъ, теперь же оно проявилось съ особенно большою силою. Оппозиціонные депутаты сдѣлались героями дня, которыхъ чествовали публичными банкетами, тогда какъ съ своей стороны ультра-роялисты и клерикалы превозносили до небесъ твердость короля. Вскорѣ послѣ этого съ прямымъ намѣреніемъ отвлечь общественное вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ правительство Карла X предприняло экспедицію противъ Алжира, поводомъ для которой было оскорбленіе представителя Франціи. Французская армія заняла Алжиръ, и Карлъ X сильно расчитывалъ на то, что успѣхъ его оружія отзовется въ благопріятномъ для него смыслѣ на настроеніи его подданныхъ. 16 мая палата депутатовъ была объявлена распущенной, и издано было распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ съ тѣмъ, чтобы засѣданія новой палаты открылись 3 августа. Министерство пустило въ ходъ всѣ бывшія въ его рукахъ средства для того, чтобы получить результаты, благопріятные для правительства. Даже самъ Карлъ X вмѣшался въ избирательную борьбу, обратившись къ націи съ манифестомъ, гдѣ онъ, какъ отецъ и король французовъ, приглашалъ своихъ подданныхъ собраться во-едино подъ его знаменемъ. Дѣйствовала энергично и оппозиція, агитировавшая за переизбраніе всѣхъ 221 депутата, вотировавшихъ отвѣтный адресъ, и на выборахъ она одержала самую блестящую побѣду: число либеральныхъ депутатовъ достигло до 272, и громадное большинство изъ 221 (именно 202) было переизбрано; правительство же пріобрѣло только 145 приверженцевъ. Тогда король рѣшился дѣйствовать. Статья 14 хартіи 1814 года предоставляла королю право «издавать регламенты и ордоннансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства». Карлъ X и его министры задумали воспользоваться широкимъ толкованіемъ этой статьи, чтобы принять чрезвычайныя мѣры. О готовившемся государственномъ переворотѣ говорили и въ обществѣ, и въ дипломатическихъ сферахъ. Даже представители абсолютныхъ монархій не одобряли намѣренія французскаго правительства; въ числѣ

лицъ, опасавшихся печальнаго исхода, были и Меттернихъ, и русскій посолъ. Все было, однако, наапрсно.

25 іюля Карлъ X, жившій тогда въ Сенъ-Клу, подписалъ въ засѣданіи совѣта министровъ пять ордоннансовъ, опубликованіе которыхъ и было ближайшимъ поводомъ взрыва революціи. Ими уничтожалась свобода періодической прессы и возстановлялась цензура; распускалась, далѣе, только-что избранная палата депутатовъ и измѣнялся избирательный законъ въ реакціонномъ смыслѣ, наконецъ, назначались новые выборы и на 28 сентября объявлялось открытіе палатъ. На другой день (27 іюля) послѣ опубликованія указовъ появился въ двухъ газетахъ протестъ журналистовъ противъ нарушенія конституціи, а на улицахъ и площадяхъ стали скопляться толпы народа и начали происходить стычки съ полиціей и войсками; въ этотъ же день было разграблено нѣсколько оружейныхъ лавокъ, стали строиться баррикады, и за ночь на всѣхъ главныхъ улицахъ Парижа онѣ уже были готовы. Утромъ 28 іюля колокольный звонъ на всѣхъ парижскихъ церквахъ сталъ призывать населеніе къ возстанію. Скоро народъ овладѣлъ ратушей и водрузилъ на ней трехцвѣтный флагъ, бывшій знаменемъ революціи и имперіи. При этомъ все чаще и чаще раздавались крики: «долой Бурбоновъ»! Тогда же изъ либеральныхъ депутатовъ наскоро образовалось временное правительство. Войско не особенно было расположено сражаться съ народомъ, и отдѣльные отряды начали прямо переходить на сторону инсургентовъ. 29 іюля народъ овладѣлъ Тюльерійскимъ и Луврскимъ дворцами, и уличная борьба окончилась. Лишь послѣ этого Карлъ X взялъ назадъ свои ордоннансы и объявилъ созывъ палаты на 3 августа. Уступки, однако, запоздали. Уже 30 іюля поставлена была кандидатура герцога Орлеанскаго, которому депутаты, находившіеся въ Парижѣ, предложили стать во главѣ движенія съ титуломъ намѣстника королевства. Когда 31 іюля герцогъ принялъ этотъ титулъ, Карлъ X поспѣшилъ утвердить его въ новомъ званіи въ надеждѣ на то, что Людовикъ-Филиппъ будетъ дѣйствовать въ его интересахъ. Собственное положеніе его въ Сенъ-Клу сдѣлалось небезопаснымъ; онъ переѣхалъ въ другое мѣсто, гдѣ, желая, по крайней мѣрѣ, спасти корону для своей династіи, подписалъ, въ формѣ письма на имя намѣстника королевства, отреченіе отъ престола за себя и за старшаго сына въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго. И эта мѣра оказалась запоздалою. Въ началѣ августа Карлу X съ семействомъ при-

шлось покинуть территорію Франціи и искать убѣжища въ Англіи.

Во время этой революціи, получившей названіе іюльской, какъ предъ началомъ возстанія, такъ и послѣ побѣды народная масса не имѣла сколько-нибудь опредѣленнаго представленія о томъ, къ чему революція должна была привести. Въ одномъ всѣ были согласны: Бурбоны, которые дважды были навязаны Франціи силою иностраннаго оружія, сдѣлались теперь совершенно невозможными. Выборъ могъ быть только между конституціонной монархіей съ новою династіей и съ измѣненною хартіей или республикою. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу монархіи съ герцогомъ Орлеанскимъ, который уже раньше былъ кандидатомъ антидинастической оппозиціи. Заявленіе кандидатуры герцога Орлеанскаго еще 30 іюля было встрѣчено вообще сочувственно, но у нея были противники: это были (правда, сравнительно немногочисленные въ то время) республиканцы, выпустившіе прокламацію, которая требовала предоставить рѣшеніе судьбы Франціи самому народу и настаивала, кромѣ того, на необходимости до этого рѣшенія считать королевскую власть несуществующею и дать избирательное право всѣмъ гражданамъ. Депутаты менѣе всего думали, однако, о демократической республикѣ и потому неблагопріятно отнеслись къ этой прокламаціи, но зато она нашла немало сторонниковъ въ парижскомъ населеніи, наканунѣ совсѣмъ еще не думавшемъ о республикѣ. Собравшіеся 30 іюля въ зданіи палаты депутаты послали къ герцогу Орлеанскому делегатовъ съ приглашеніемъ поскорѣе прибыть въ Парижъ для исполненія обязанностей намѣстника королевства. Въ ночь съ 30 на 31 іюля герцогъ прибылъ изъ своей загородной резиденціи въ Парижъ. Послѣ того, какъ уполномоченные депутатовъ сказали ему, что всякое промедленіе съ его стороны будетъ лишь на руку республиканцамъ, онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе и обратился къ парижскому населенію съ воззваніемъ, гдѣ говорилъ о принятіи имъ званія намѣстника королевства для предотвращенія междоусобной войны и анархіи и давалъ обѣщаніе, что палаты займутся обсужденіемъ вопроса о способахъ обезпечить господство законовъ и правà націи. Наконецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ депутатовъ онъ отправился въ ратушу, чтобы принять тамъ власть. Когда Лафайетъ подъ руку съ герцогомъ Орлеанскимъ и съ трехцвѣтнымъ знаменемъ вышелъ на балконъ ратуши передъ собравшимся народомъ, появленіе ихъ вызвало

цѣлую бурю восторга, а вечеромъ Парижъ былъ иллюминованъ.

3 августа герцогъ Орлеанскій открылъ засѣданіе палаты рѣчью, въ которой указалъ на совершонныя правительствомъ нарушенія конституціи, приведшія къ возстанію, объявилъ объ отреченіи Карла X отъ престола и обѣщалъ употребить всѣ усилія для обезпеченія законности, свободы и неприкосновенности хартіи. Громадное большинство депутатовъ старалось замять вопросъ о правѣ палаты безъ особаго полномочія отъ народа измѣнять конституцію и поторопилось въ виду республиканской агитаціи съ возведеніемъ герцога Орлеанскаго на престолъ. Особая коммиссія передѣлала хартію 1814 года, изложивъ всѣ измѣненія въ объявленіи, которое было принято большинствомъ 219 голосовъ противъ 33 и представлено герцогу Орлеанскому 7 августа. Выслушавъ чтеніе этого документа, Людовикъ-Филиппъ сказалъ, что видитъ въ объявленіи палаты выраженіе народной воли, что ему самому всегда были дороги изложенные здѣсь принципы и что потому онъ согласенъ на предложенныя ему условія. Въ тотъ же день къ Людовику-Филиппу явилась депутація пэровъ, чтобы сообщить о присоединеніи и верхней палаты къ объявленію палаты депутатовъ и принести «королю-гражданину» увѣреніе въ своей преданности. 9 августа Людовикъ-Филиппъ принесъ торжественную присягу конституціи и вступилъ на престолъ подъ именемъ Людовика-Филиппа, короля французовъ. Конституція, которая управляла Франціей съ 1830 по 1848 г., была, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ прежней хартіи 1814 года. 14-ая статья послѣдней, на основаніи которой Карлъ X считалъ себя въ правѣ издать іюльскіе ордоннансы, была измѣнена въ томъ смыслѣ, что король могъ издавать «регламенты и ордоннансы, необходимые для исполненія законовъ, но безъ права когда-либо останавливать дѣйствіе самихъ законовъ и разрѣшать ихъ неисполненіе». Существеннымъ дополненіемъ къ хартіи былъ законъ о пониженіи ценза для избирателей съ 300 до 200 франковъ, а для депутатовъ — съ 1000 до 500. Благодаря этому закону, число избирателей болѣе, чѣмъ удвоилось: прежде ихъ было около 90 т., теперь стало около 200 т.

Первою страною, испытавшею на себѣ вліяніе іюльской революціи, была Бельгія, которую вѣнскій конгрессъ соединилъ съ Голландіей въ одно Нидерландское королевство. И въ національномъ, и въ вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ между голландцами и

бельгійцами не было ничего общаго, и послѣдніе были очень недовольны, что король, самъ голландецъ и протестантъ, во всемъ отдавалъ преимущество голландцамъ передъ католиками-бельгійцами. 25 августа 1830 г. въ Брюсселѣ давали оперу Фенелла, содержаніе которой взято изъ исторіи неаполитанскаго возстанія середины XVII в. противъ испанскаго владычества. Народныя сцены этой оперы своимъ революціоннымъ характеромъ произвели на зрителей сильное впечатлѣніе, и каждый малѣйшій намекъ, какой можно было только усмотрѣть въ этихъ сценахъ на обстоятельства, переживавшіяся тогда Бельгіей, подчеркивался бурными рукоплесканіями публики. Это воодушевленіе изъ театральной залы передалось народной толпѣ, стоявшей передъ зданіемъ оперы. Послѣ представленія народъ разгромилъ типографію казенной газеты и сжегъ домъ министра юстиціи. На другой день безпорядки приняли еще болѣе бурный характеръ, пока наскоро не организовалась гражданская гвардія, которой только и удалось на нѣкоторое время возстановить спокойствіе. Одновременно съ этимъ образовался комитетъ, взявшій въ свои руки власть. Изъ Брюсселя движеніе быстро распространилось на другіе города. Но цѣли, къ какимъ должна была стремиться начавшаяся революція, понимались различно какъ ея вождями, такъ и участниками. Одни вовсе не думали объ отторженіи отъ Голландіи, желая лишь получить для Бельгіи административную автономію; другіе, наоборотъ, мечтали о превращеніи этой страны въ самостоятельное монархическое или республиканское государство; третьи полагали, что наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса было бы присоединеніе къ Франціи.

На первыхъ порахъ ни одна партія не имѣла достаточнаго перевѣса надъ другими, и многіе еще считали возможнымъ уладить дѣло посредствомъ соглашенія съ королемъ. Но Вильгельмъ I не шелъ ни на какія уступки, что̀ снова вызвало въ Брюсселѣ сильное народное волненіе: въ одну ночь на улицахъ города было построено полсотни баррикадъ. Вскорѣ послѣ этого организовалось въ Брюсселѣ временное правительство. Вильгельма I въ его упорномъ сопротивленіи требованіямъ бельгійцевъ поддерживало сочувствіе, какое его образу дѣйствій выказывало населеніе Голландіи, видѣвшее въ бельгійцахъ достойныхъ самаго строгаго усмиренія бунтовщиковъ. Голландская армія тоже горѣла нетерпѣніемъ идти противъ мятежныхъ подданныхъ короля. Война и не замедлила начаться, хотя теперь король пошелъ-было на уступки съ

цѣлью сохранить Бельгію за своей династіей. Въ ноябрѣ 1830 г. національный бельгійскій конгрессъ, созванный временнымъ правительствомъ, провозгласилъ независимость Бельгіи и низложеніе Оранскаго дома и постановилъ основать конституціонную монархію съ новой династіей, которая была бы выбрана по соглашенію съ иностранными державами.

Прошло лишь нѣсколько дней послѣ провозглашенія независимости Бельгіи ея національнымъ конгрессомъ, какъ вспыхнула революція и въ Варшавѣ. Броженіе въ польскомъ обществѣ, вызванное раздѣлами, французской революціей, наполеоновскими войнами, конечно, не могло улечься сразу. Большинство поляковъ не могло примириться съ тѣмъ, что Польша не была возстановлена въ прежнихъ границахъ и не получила полной самостоятельности. Александръ I далъ своему королевству конституцію, но едва только въ сеймѣ царства стала проявляться оппозиція, какъ началъ выражать по этому поводу свое неудовольствіе, да и сама конституція далеко не во всемъ соблюдалась имъ вполнѣ строго. Жившій въ Варшавѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ своимъ рѣзкимъ нравомъ тоже не мало раздражалъ поляковъ. Тайныя общества образовывались и въ Польшѣ, и даже были связи между польскими заговорщиками и будущими русскими декабристами. Въ числѣ заговорщиковъ находилось множество офицеровъ національной польской арміи, которая потомъ и приняла участіе въ возстаніи. Извѣстія о паденіи трона Бурбоновъ во Франціи и о революціи въ Бельгіи воспламенили значительную часть польскаго общества, и въ послѣднихъ числахъ ноября въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе. Сигналъ къ нему былъ поданъ изъ военнаго училища молодыми юнкерами, воспитывавшимися взаперти и подъ строгой военной дисциплиной, потому что и къ нимъ проникали конспиративныя стремленія, существовавшія въ обществѣ. Среди этой военной молодежи возникъ заговоръ, о которомъ, конечно, знали и нѣкоторые политическіе дѣятели, вовсе, однако, не предполагавшіе, что юноши предпримутъ что-либо рѣшительное на собственный страхъ. Движеніе началось съ нападенія вечеромъ 29 ноября двадцати юнкеровъ подъ начальствомъ одного поручика на Бельведерскій дворецъ, въ которомъ жилъ великій князь Константинъ. Одновременно съ этимъ населеніе Варшавы было призвано къ оружію подъ тѣмъ предлогомъ, будто русскіе жгутъ городъ. Великій князь счелъ себя тогда вынужденнымъ покинуть

Варшаву, а затѣмъ и самое Царство Польское. Уже въ первые дни къ повстанцамъ начали примыкать польскіе полки, на вѣрность которыхъ великій князь полагался, какъ на каменную гору.

Кромѣ Франціи, Бельгіи и Польши, произошли еще тогда же политическія волненія въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Италіи.

Въ Германіи вліянію іюльской революціи подверглись только сѣверно-германскія государства средней величины. Въ Брауншвейгѣ возстаніе произошло 6 сентября. Герцогъ вынужденъ былъ бѣжать въ Англію, и въ княжествѣ организовалось временное правительство въ формѣ комитета земскихъ чиновъ, объявившаго себя главною властью до собранія земскаго сейма. Герцогомъ сдѣлался братъ прежняго, и въ 1832 г. Брауншвейгъ получилъ новую конституцію. Черезъ нѣсколько дней послѣ переворота въ Брауншвейгѣ произошло движеніе и въ Гессенъ-Касселѣ. 15 сентября курфюрсту поданъ былъ адресъ, въ которомъ у него требовали созванія земскаго сейма, на что онъ поспѣшилъ дать согласіе, боясь взрыва революціи. Это не помѣшало, однако, вспыхнуть крестьянскимъ возстаніямъ въ разныхъ мѣстахъ страны, такъ какъ ея сельское населеніе было страшно угнетено налогами, оброками и барщинами. Въ январѣ 1831 г. кургесенскіе чины утвердили новую конституцію и потребовали у курфюрста, удалившагося изъ страны, чтобы онъ или вернулся домой, или отказался отъ престола. Онъ предпочелъ передать правленіе въ руки своего сына. Въ Саксоніи возстаніе произошло тоже въ сентябрѣ 1830 г., сначала въ Лейпцигѣ, потомъ въ Дрезденѣ. Король былъ вынужденъ дать отставку нелюбимымъ министрамъ и призвать къ соправительству своего старшаго сына, а черезъ годъ Саксонія получила и конституцію, которая была выработана по совѣщанію съ прежними земскими чинами. Въ сентябрѣ же 1830 г. было возстаніе еще въ Ганноверскомъ королевствѣ. Сначала оно имѣло характеръ стихійнаго взрыва, вызваннаго чисто экономическими причинами: дороговизной хлѣба, низкой заработной платой и т. п., но этимъ движеніемъ воспользовались мѣстные либералы, чтобы направить его къ политической цѣли. Правительство пустило въ ходъ военную силу, но тѣмъ не менѣе въ мартѣ 1831 г. собрало земскій сеймъ, въ которомъ обнаружилось весьма либеральное настроеніе. Особая коммиссія выработала проектъ новой конституціи, введенной въ дѣйствіе лишь черезъ три года. Кромѣ того, въ сентябрѣ 1830 г. произошли возстанія въ Альтенбургѣ, за-

ставившее герцога сначала бѣжать, потомъ созвать земскіе чины и согласиться на новую конституцію, которая и была введена въ 1831 г., и въ княжествѣ Шварцбургъ-Зондергаузенскомъ. Было, далѣе, народное движеніе и въ Шлезвигѣ съ Гольштейномъ въ цѣляхъ соединенія обоихъ герцогствъ въ одно цѣлое и введенія въ немъ конституціи съ сохраненіемъ лишь простой личной уніи съ Даніей. Отразилась, наконецъ, іюльская революція и на южно-германскихъ государствахъ, гдѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ происходила весьма горячая парламентская борьба, сопровождавшаяся по мѣстамъ народными волненіями (крестьянскія возстанія въ Гессенъ-Дармштадтѣ, студенческіе безпорядки въ Баваріи, даже кое-гдѣ и рабочее движеніе и т. п.).

Въ Италіи 1830 годъ окончился безъ нарушенія порядка, но зато все время шло дѣятельное подготовленіе возстаній карбонаріями, которые большею частью думали добиться своихъ цѣлей въ союзѣ съ Наполеонидами (съ герцогомъ Рейхштадтскимъ, сыномъ Наполеона I, Іеронимомъ Бонапартомъ или сыновьями бывшаго голландскаго короля [1]). Въ февралѣ 1831 г. сдѣлана была неудачная попытка возстанія въ Моденѣ, примѣру которой послѣдовала сосѣдняя Болонья, входившая въ составъ Папской области. Въ это время на папскій престолъ, сдѣлавшійся вакантнымъ за смертью Пія VIII, былъ выбранъ Григорій XVI, но болонцы объявили, что свѣтская власть папы надъ ихъ городомъ прекращается. Къ такому рѣшенію примкнули и нѣкоторые другіе города Церковной области, такъ что въ Болоньѣ даже открылось собраніе депутатовъ, избравшее временное правительство. Успѣхъ этого движенія отразился и на Моденѣ, откуда герцогъ долженъ былъ удалиться на австрійскую территорію, и гдѣ тоже было учреждено временное правительство. Немедленно произошло то же самое и въ Пармѣ, откуда должна была спасаться бѣгствомъ вдова Наполеона I, Марія-Луиза, получившая это герцогство при раздѣлѣ итальянскихъ земель въ 1815 году. Всѣ эти революціонныя попытки, однако, были подавлены, благодаря австрійскому вмѣшательству. Итальянскіе патріоты снова поплатились за свои стремленія дать Италіи свободныя учрежденія. Многіе изъ нихъ должны были бѣжать за границу или были приговорены къ изгнанію.

---

[1]) Между инсургентами были два сына бывшаго голландскаго короля, одинъ изъ которыхъ, Людовикъ-Наполеонъ, будущій императоръ французовъ Наполеонъ III, едва спасся отъ плѣна.

Даже Англія не избѣжала въ своей внутренней исторіи вліянія іюльской революціи. Извѣстіе о парижскомъ переворотѣ произвело сильное впечатлѣніе на англичанъ. Торіи, стоявшіе тогда у власти, отнеслись къ этому перевороту съ крайнимъ раздраженіемъ, но зато виги не скрывали своей радости. Многіе состоятельные англичане нарочно совершали путешествіе въ Парижъ, чтобы посмотрѣть на тамошнихъ героевъ дня и выразить имъ свое сочувствіе. Еще болѣе радовались демократы, для которыхъ парижская революція получала характеръ поощряющаго примѣра. Среди рабочихъ господствовалъ даже настоящій энтузіазмъ. Агитація въ пользу реформы парламентскихъ выборовъ при такихъ обстоятельствахъ сдѣлалась еще болѣе настойчивою. Только-что возникшая «Національная унія», располагая большими суммами денегъ и большимъ вліяніемъ на общество, воспользовалась общимъ приподнятымъ настроеніемъ для того, чтобы усилить агитацію въ прессѣ и на митингахъ въ пользу реформы.

За мѣсяцъ до іюльскаго переворота скончался Георгъ IV, и престолъ перешелъ къ его брату Вильгельму IV, который всего за нѣсколько дней передъ переворотомъ распустилъ парламентъ и назначилъ выборы. Новый парламентъ собрался въ началѣ ноября. Въ верхней палатѣ лордъ Грей произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, что происходило тогда на континентѣ: буря могла разразиться и въ Англіи, но бурю эту нужно было предотвратить, для этого же необходимо было реформою парламента удовлетворить желанія націи. Въ своемъ отвѣтѣ министръ Веллингтонъ заявилъ, что если бы ему было поручено издать для Англіи новые законы, то при всемъ своемъ желаніи онъ едва ли бы съумѣлъ придумать что-либо болѣе совершенное, чѣмъ существующій порядокъ. Въ палатѣ общинъ слова министра вызвали цѣлую бурю негодованія. Въ Лондонѣ и во всей Англіи началось страшное волненіе. На другой же день денежные фонды стали падать, и возможность еще бо́льшаго ихъ паденія произвела панику среди капиталистовъ. Власти со дня на день ожидали возстанія и принимали экстренныя мѣры. Зима 1830—31 г. была крайне безпокойна, и многіе были убѣждены въ неизбѣжности близкой революціи. Между тѣмъ, министерство Веллингтона, потерпѣвшее пораженіе по одному второстепенному вопросу, вышло въ отставку, и Вильгельмъ IV, который лично далеко не былъ расположенъ въ пользу реформы, поручилъ составить новое министер-

ство ея защитнику лорду Грею. Большинство новаго кабинета состояло изъ членовъ верхней палаты, т.-е. изъ представителей крупнаго землевладѣнія, что́ служило извѣстной гарантіей для членовъ парламента, опасавшихся радикальной реформы, но, съ другой стороны, у министровъ не было единства во взглядахъ на то, чѣмъ должна была быть поставленная на очередь реформа: одни члены кабинета представляли себѣ дѣло довольно узко, другіе высказывались за болѣе широкія перемѣны. На первыхъ порахъ трудно было предвидѣть, какое мнѣніе получитъ перевѣсъ, но по мѣрѣ того, какъ министерство убѣждалось, что положеніе съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе серьезнымъ, мнѣніе о необходимости болѣе широкой реформы стало получать перевѣсъ. Коммиссія, которая должна была приготовить билль, была образована поэтому изъ лицъ, стоявшихъ въ кабинетѣ за болѣе широкое преобразованіе. Самымъ виднымъ ея членомъ былъ Россель, внесшій 1 марта 1831 г. въ парламентъ билль о реформѣ Въ обществѣ и въ народныхъ массахъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно, но торіи рѣшились во что бы то ни стало отстаивать прежній порядокъ, и поэтому билль сдѣлался предметомъ ожесточенной борьбы, продолжавшейся болѣе года. Сопротивленіе, встрѣченное биллемъ, было очень упорное, но не меньшую энергію проявили и защитники реформы, за которыми стояли народныя массы, занявшія къ этому времени угрожающее положеніе.

Сущность билля о реформѣ сводилась къ слѣдующему: 60 «гнилыхъ мѣстечекъ» должны были совершенно лишиться права посылать представителей въ парламентъ, а 47 бурговъ, гдѣ населеніе превышало 2.000 душъ, могли бы впредь высылать лишь по одному представителю, вмѣсто прежнихъ двухъ. Крупные промышленные центры получали въ парламентѣ 44 мѣста, и число представителей отъ Лондона увеличивалось на 8. Ранѣе право выбирать представителей принадлежало въ городахъ замкнутымъ корпораціямъ, теперь оно распространялось на всѣхъ домовладѣльцевъ, платившихъ налога 10 ф. ст. Особенно населенныя графства получали по лишнему представителю, причемъ право голоса и здѣсь давалось большему количеству лицъ. Общее число членовъ нижней палаты вслѣдствіе этихъ перемѣнъ должно было понизиться съ 658 до 596, а срокъ полномочій представителей предполагалось сократить съ 7 лѣтъ на 5. Первое чтеніе билля прошло благополучно, но при второмъ чтеніи изъ

603 членовъ палаты общинъ, подававшихъ голоса, за билль высказалось только 302. Это не предвѣщало ничего хорошаго, и, дѣйствительно, при третьемъ чтеніи было подано 299 голосовъ противъ 291 за одну частную поправку, принятіе которой было почти равносильно отверженію самого билля. Тогда Грей добился у короля распущенія парламента. Вѣсть объ этомъ была принята въ Лондонѣ съ большою радостью, и вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, причемъ гулявшія толпы народа выбивали стекла въ домахъ лордовъ, не пожелавшихъ освѣтить свои дома.

Во время новыхъ выборовъ съ обѣихъ сторонъ были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы получить побѣду. Торіи платили сумасшедшія деньги для торжества своей партіи на выборахъ, но послѣдніе дали большинство довольно солидное сторонникамъ реформы — въ 136 человѣкъ. Новому парламенту билль былъ предложенъ въ іюнѣ, но цѣлыхъ три мѣсяца торіи всячески мѣшали движенію билля. Въ теченіе всего этого времени во всей Англіи происходила усиленная агитація: собирались митинги, подавались въ парламентъ петиціи и т. п. Только 21 сентября билль прошелъ въ третьемъ чтеніи 345 голосами противъ 236. Когда онъ поступилъ въ верхнюю палату, то лорды 199 голосами противъ 158 его отвергли.

При извѣстіи объ этомъ во всей странѣ стали опять собираться митинги, на которыхъ иногда постановляли не платить налоговъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принятъ билль. Одинъ союзъ чисто демократическаго характера, имѣвшій сильную поддержку въ рабочемъ классѣ, выпустилъ прокламацію, въ которой требовалъ всеобщей и тайной подачи голосовъ съ ежегодными выборами въ парламентъ. Авторы этого манифеста заявили, что лишь исполненіе этихъ требованій можетъ удовлетворить рабочихъ, и что какая бы то ни была другая реформа ими признана не будетъ, и созвали въ Лондонѣ митингъ. Министерство и партія реформы въ парламентѣ были сильно встревожены этой демократической агитаціей и на случай могущаго возникнуть мятежа принимали мѣры. И въ Лондонѣ, и въ другихъ мѣстахъ происходили крупные безпорядки, которые давали поводъ торійскимъ газетамъ говорить о начинающейся революціи. На ноябрь мѣсяцъ засѣданія парламента были отсрочены, и за это время часть болѣе умѣренныхъ торіевъ согласилась заключить компромиссъ съ партіей реформы. Въ началѣ декабря въ палату общинъ снова былъ внесенъ билль о реформѣ, на этотъ разъ, однако,

сильно урѣзанный: число членовъ палаты оставлено было прежнее, количество мѣстечекъ, лишавшихся права представительства или сохранявшихъ право посылать только одного представителя, было уменьшено и т. п. Въ палатѣ общинъ билль въ этой новой формѣ прошелъ благополучно, а чтобы сломить сопротивленіе палаты лордовъ, Грей испросилъ согласіе у короля на пополненіе палаты лордовъ новыми назначеніями пэровъ изъ сторонниковъ реформы, отложивъ, впрочемъ, приведеніе этой мѣры въ исполненіе. Съ своей стороны, противники реформы напрягали всѣ свои силы и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ параграфовъ билля нанесли министерству пораженіе 151 голосомъ противъ 116. Грей и его товарищи подали въ отставку. Составить новый кабинетъ поручено было Веллингтону, но нижняя палата большинствомъ голосовъ вотировала королю адресъ о своемъ довѣріи къ министерству Грея. Въ Лондонѣ и во всей странѣ броженіе сразу приняло весьма грозный характеръ. Лондонскій городской совѣтъ послалъ въ палату общинъ петицію о томъ, чтобы она не давала правительству денежныхъ средствъ. Подобное же требованіе предъявлялось и въ другихъ мѣстахъ. На многочисленныхъ митингахъ принималось рѣшеніе не платить налоговъ. Не было недостатка и въ воззваніяхъ, приглашавшихъ взяться за оружіе. Между тѣмъ Веллингтонъ очень скоро убѣдился, что образовать новый кабинетъ ему не удастся, такъ какъ онъ не могъ найти людей, которые согласились бы принять на себя бремя правленія среди такихъ трудныхъ обстоятельствъ. Поэтому онъ просилъ короля освободить его отъ непосильной задачи, и Вильгельму IV осталось только обратиться снова къ Грею съ предложеніемъ образовать министерство.

Судьба билля послѣ этого была обезпечена: подъ угрозою назначенія новыхъ пэровъ лорды сдѣлались уступчивѣе, а для большей вѣрности Грей уговорилъ короля пустить въ ходъ еще одно средство, которое нельзя назвать вполнѣ конституціоннымъ: ко многимъ изъ членовъ верхней палаты король обратился съ письмомъ, гдѣ выражалъ желаніе, чтобы они болѣе не препятствовали реформѣ. Нѣкоторые лорды совсѣмъ уклонились отъ участія въ обсужденіи билля, и въ началѣ іюня 1832 г. онъ былъ принятъ окончательно, послѣ чего утвержденъ и королемъ. Парламентскою реформою 1832 г. не было осуществлено всеобщее избирательное право, проведенія котораго требовала демократическая партія: по закону 1832 г. это право все-таки разсматрива-

лось, какъ льгота (franchise), какъ привилегія, принадлежащая особымъ корпораціямъ, какъ-то: собраніямъ графствъ, городамъ, университетамъ, и распространяющаяся лишь на обладателей имущественнаго ценза, но старому порядку все-таки былъ нанесенъ ударъ. Прежде въ графствахъ число избирателей не доходило до 250.000, теперь оно стало достигать 370.000; въ городахъ и мѣстечкахъ число избирателей тоже увеличилось съ 188.000 до 286.000. Такимъ образомъ, въ общей сложности Англія получила около220.000 новыхъ избирателей, что̀ при 435.000 избирателей прежнихъ составляло увеличеніе въ полтора раза.

Всѣ эти революціи или, по крайней мѣрѣ, революціонныя движенія на столь обширномъ пространствѣ—отъ береговъ Сены до береговъ Вислы и Буга и отъ Бельгіи до Италіи — должны были сильно встревожить монархическія правительства Европы. При первомъ извѣстіи объ іюльскомъ переворотѣ они стали опасаться, что во Франціи установится республика, которая, подобно первой республикѣ, начнетъ революціонную пропаганду. Поэтому для европейскихъ правительствъ было большимъ облегченіемъ, когда стало извѣстнымъ, что тронъ во Франціи не былъ низвергнутъ, и когда новый король, въ самомъ же началѣ своего царствованія, заявилъ, что надѣется избѣжать осложненій въ Европѣ.

Прусскій король, какъ говорятъ, узнавъ о паденіи Карла X, сказалъ, что онъ не двинется съ мѣста, если французы дойдутъ только до Рейна. Иначе отнесся къ дѣлу Меттернихъ, который уже въ августѣ 1830 г. думалъ устроить противъ «короля баррикадъ» коалицію. Дѣло, впрочемъ, оказалось труднымъ: въ Англіи, гдѣ были недовольны союзомъ Карла X съ Россіей и завоеваніемъ французами Алжира, отнеслись къ парижскому перевороту сочувственно, безъ Англіи же коалиція была немыслима. Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ успокоить европейскіе дворы оправданіемъ своего вступленія на чужой тронъ въ виду необходимости поддержать этимъ во Франціи внутренній порядокъ и заявленіемъ, что трактаты 1815 г. имъ отнюдь нарушены не будутъ. Не такъ легко успокоился Николай I, потерявшій въ Карлѣ X союзника и увидѣвшій въ Людовикѣ-Филиппѣ, другѣ Англіи, будущаго политическаго врага. Тѣмъ не менѣе, впрочемъ, и онъ призналъ новаго короля французовъ, заявивъ только, что вмѣстѣ со своими союзниками заставитъ уважать трак-

таты 1815 г. Бельгійская революція снова всполошила европейскіе дворы. Нидерландскій король обратился за помощью къ великимъ державамъ, но Франція объявила, что если только прусская армія двинется на Нидерланды, французская армія сейчасъ же займетъ Бельгію. На сторону Франціи стала и Англія, причемъ обѣ державы выставили тотъ тезисъ, что судьба Бельгіи должна была быть рѣшена конференціей пяти великихъ державъ. Чтобы выиграть время, Австрія, Пруссія и Россія дали на это свое согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ начали готовиться и къ войнѣ, выпустивъ еще циркулярную ноту о правѣ вооруженной борьбы съ общимъ врагомъ всѣхъ государствъ — революціей. Между прочимъ, была мобилизована и армія Царства Польскаго. Польское возстаніе, начавшееся въ ноябрѣ, связало руки Россіи и сильно озаботило Австрію и Пруссію, которымъ грозило то же самое со стороны ихъ польскихъ подданныхъ. О томъ, чтобы силою подчинить Бельгію нидерландскому королю и думать послѣ этого было нечего.

Уже въ концѣ 1830 и въ началѣ 1831 г. конференція пяти великихъ державъ признала въ принципѣ независимость Бельгіи и потребовала отъ нидерландскаго короля согласія на перемиріе. Только изъ-за того, кому отдать корону Бельгіи происходили разногласія. Людовикъ-Филиппъ добивался ея для одного изъ своихъ сыновей, но Англіи удалось провести кандидатуру принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, бывшаго раньше ея кандидатомъ на тронъ въ Греціи: Англію въ этомъ дѣлѣ поддержали и Австрія, и Пруссія, и Россія, чтобы только устранить французскую кандидатуру. Бельгійскій конгрессъ въ 1831 г. выбралъ Леопольда въ короли, и новое королество, получивъ весьма либеральную конституцію, было объявлено нейтральнымъ государствомъ. Голландія не захотѣла признать совершившагося факта и возобновила вооруженную войну съ Бельгіей, окончившуюся лишь благодаря вмѣшательству Англіи и Франціи.

Не такой оборотъ приняли дѣла въ Польшѣ. Въ концѣ декабря 1830 г., т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ начала возстанія, въ Варшавѣ собрался сеймъ, который послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Петербургомъ, еще черезъ одинъ мѣсяцъ, въ концѣ января 1831 г., провозгласилъ низложеніе дома Романовыхъ съ польскаго престола. Между тѣмъ на Царство Польское при первомъ извѣстіи о возстаніи были двинуты русскія войска. Произошла война, которая окончилась осенью 1831 г. пораженіемъ поляковъ,

результатомъ чего была отмѣна конституціи 1815 г.—Польская революція пользовалась большимъ сочувствіемъ въ либеральныхъ кругахъ Западной Европы, и особенно во Франціи требовали оказанія помощи полякамъ наравнѣ съ бельгійцами и другими народами, боровшимися за свободу. Иначе отнеслись къ Польшѣ правительства. Пруссія прямо помогала подавленію возстанія. Франція ограничилась однимъ предложеніемъ Австріи взять на себя посредничество между русскимъ императоромъ и поляками, но Австрія не захотѣла сдѣлать это безъ Англіи, послѣдняя же отказалась отъ посредничества, чтобы не раздражать Николая I, который, продолжая еще занимать своими войсками дунайскія княжества и имѣя во временномъ правителѣ Греціи послушное орудіе своихъ плановъ, могъ создать непріятныя для Англіи осложненія на Востокѣ. Польша, такимъ образомъ, была принесена Англіей въ жертву своимъ интересамъ и на Востокѣ, а кромѣ того, и въ Бельгіи, которую Англіи удалось, пользуясь польскимъ возстаніемъ, устроить по-своему.

Вслѣдствіе революціонныхъ движеній 1830 г. постановленія вѣнскаго конгресса потерпѣли значительный ущербъ. Франція заставила признать за собою право располагать своею собственною судьбою. Бельгія сдѣлалась свободнымъ и нейтральнымъ государствомъ. Исключительному преобладанію Австріи въ Италіи Франція создала противовѣсъ,ославъ и свое войско для водворенія порядка въ Церковной области. Ухудшилось положеніе только одной Польши. Кромѣ того, возобновилось конституціонное движеніе, выразившееся въ передѣлкѣ французской хартіи на болѣе свободныхъ началахъ, въ изданіи весьма либеральной конституціи бельгійской и въ конституціонныхъ измѣненіяхъ, которыя были произведены въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Цѣлые два года въ это время миръ, казалось, висѣлъ на волоскѣ, и только къ серединѣ 1832 г. улеглась общая тревога. Конечно, вѣнскій, берлинскій и петербургскій кабинеты были крайне недовольны всѣмъ совершившимся и продолжали относиться къ Франціи съ величайшимъ недовѣріемъ. Въ то самое время, какъ за подавленіемъ вооруженнаго возстанія происходила въ Царствѣ Польскомъ суровая репрессія, Австрія и Пруссія попрежнему продолжали держаться реакціонной политики, какъ у себя дома, такъ и въ остальной Германіи. Событія послѣднихъ лѣтъ влекли теперь австрійское, прусское и русское правительства къ возобновленію стараго союза для противодѣй-

ствія революціи. Особенно Австрія хлопотала въ это время о возвращеніи къ традиціямъ тропаускаго и лайбахскаго конгрессовъ и съ этою цѣлью добивалась возобновленія съѣздовъ монарховъ. Первая встрѣча должна была произойти въ 1833 г. въ Теплицѣ, куда къ Францу I пріѣхалъ Фридрихъ-Вильгельмъ III и куда ожидался пріѣздъ Николая I. Русскій императоръ, однако, опоздалъ на цѣлый мѣсяцъ, и въ этотъ промежутокъ времени прусскій король уѣхалъ, оставивъ въ Теплицѣ своего старшаго сына. Это не помѣшало Николаю I свидѣться по дорогѣ и съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и поговорить объ общихъ интересахъ. Вслѣдъ за тѣмъ состоялось и общее свиданіе двухъ императоровъ и прусскаго наслѣднаго принца въ Мюнхенгрецѣ. Принятыя здѣсь рѣшенія напоминаютъ постановленія Священнаго союза на конгрессахъ двадцатыхъ годовъ. Между прочимъ, три монарха дали другъ другу обѣщаніе относительно спокойнаго обладанія польскими провинціями, доставшимися ихъ государствамъ по прежнимъ раздѣламъ: несомнѣнно, что общій интересъ въ послѣднемъ отношеніи служилъ сильнымъ связующимъ звеномъ для политики Австріи, Пруссіи и Россіи. Хотя всѣ три державы и вынуждены были признать независимость и нейтралитетъ Бельгійскаго королевства, созданнаго революціей, и даже приняли мѣры къ тому, чтобы поскорѣе прекратилась борьба между Голландіей и Бельгіей, тѣмъ не менѣе общій духъ принятыхъ въ Мюнхенгрецѣ рѣшеній былъ строго-реакціонный. Здѣсь и нѣмецкія дѣла также были предметомъ обсужденія, и было рѣшено принять мѣры къ тому, чтобы водворить въ Германскомъ союзѣ порядокъ,—въ силу принципа вмѣшательства, который былъ формально признанъ еще конгрессами двадцатыхъ годовъ, но противъ котораго Франція теперь провозгласила принципъ невмѣшательства. Однимъ изъ результатовъ мюнхенгрецкаго свиданія былъ трактатъ, въ которомъ говорилось о правѣ каждаго государя, угрожаемаго внутренними смутами или внѣшними опасностями, искать помощи у правительствъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Къ этому прибавлялось, что если бы какая-либо держава вздумала противодѣйствовать подобному оказанію помощи, то союзники стали бы разсматривать ея дѣйствія, какъ враждебныя по отношенію къ нимъ самимъ, и приняли бы противъ нея соотвѣтственныя мѣры. Понятно, что Англія и Франція и въ качествѣ конституціонныхъ государствъ, и въ качествѣ великихъ державъ не могли согласиться на то, чтобы три абсолютныя монархіи

однѣ распоряжались судьбами всей Европы. Ими дано было знать, что всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Пьемонта будетъ отражено силою. Вскорѣ затѣмъ Австрія, Пруссія и Россія еще разъ скрѣпили свой союзъ на новомъ свиданіи монарховъ въ Теплицѣ въ 1835 г. Здѣсь тоже были приняты нѣкоторыя мѣры относительно Германіи и даже было рѣшено, что въ случаѣ убіенія или низверженія Людовика-Филиппа, — на жизнь котораго были совершены покушенія, — Австрія, Пруссія и Россія признаютъ французскимъ королемъ только герцога Бордосскаго. Слѣдствіемъ скрѣпленія союза абсолютныхъ монархій было, съ другой стороны, сближеніе монархій конституціонныхъ — Англіи и Франціи.

Въ 1830 г. начинается новый періодъ европейской исторіи. Во Франціи революція 1830 г., а въ Англіи парламентская реформа 1832 г. одинаково были побѣдою буржуазіи, хотя въ обоихъ случаяхъ въ событіяхъ непосредственное участіе принимали народныя массы. Къ этому времени вполнѣ уже ясно обозначились слѣдствія экономическаго переворота, проведшаго рѣзкую грань между буржуазіей и пролетаріатомъ, и рядомъ съ либерализмомъ на историческую сцену выступило другое преобразовательное направленіе — соціализмъ. Тамъ, гдѣ буржуазія достигла власти или, по крайней мѣрѣ, большого вліянія, она вызвала противъ себя въ тридцатыхъ годахъ демократическую оппозицію и политическаго, и соціальнаго характера. До 1830 г. на Западѣ Европы почти не происходило чисто демократическихъ движеній, или, по крайней мѣрѣ, демократія не вступала въ борьбу съ буржуазіей, а соціализмъ только-что возникалъ, не успѣвъ еще проникнуть въ рабочій классъ, въ тридцатыхъ же и сороковыхъ годахъ XIX в. въ первый разъ послѣ великой французской революціи опять поднялось демократическое движеніе, сильно осложненное теперь требованіями соціальнаго характера. Мы увидимъ, что вообще этотъ періодъ между революціями 1830 и 1848 гг. представляетъ собою время въ высшей степени интересное, время большихъ надеждъ, смѣлыхъ замысловъ, полное жизни и движенія.

X. Экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX в. [1]).

Отсутствіе значительныхъ соціальныхъ движеній въ первой трети XIX в.—Зависимость соціальныхъ движеній отъ экономическихъ условій.—Медленность, съ какою совершаются экономическія перемѣны. — Три процесса, обусловившіе экономическій переворотъ конца XVIII и начала XIX в. — Освобожденіе крестьянъ безъ земли и образованіе пролетаріата.—Крестьянскій вопросъ въ первой половинѣ XIX в.—Паденіе цеховыхъ учрежденій и развитіе крупнаго производства.—Изобрѣтеніе машинъ и введеніе ихъ въ промышленность.—Возникновеніе рабочаго вопроса.—Теорія гармоніи экономическихъ отношеній.—Связь экономическаго либерализма съ политическимъ.

До сихъ поръ на пройденномъ пути исторіи первой трети XIX в. мы разсматривали событія и явленія, относящіяся лишь къ политической и къ культурной сторонамъ жизни Европы, оставивъ въ тѣни соціальную сторону ея жизни съ лежащими въ основѣ соціальнаго строя экономическими отношеніями. Конечно, поскольку безъ упоминанія объ этомъ строѣ нельзя было обойтись при общей характеристикѣ явленій чисто политическаго содержанія, мы не могли совсѣмъ не касаться фактовъ съ содержаніемъ соціальнымъ, но одно дѣло — говорить о чемъ-либо лишь попутно, другое дѣло — разсматривать, наоборотъ, какъ предметъ, самъ по себѣ достойный вниманія и имѣющій самостоятельное значеніе. Соціальная сторона исторіи заключается во взаимоотношеніяхъ тѣхъ классовъ, на которые распадается общество, и, конечно, нельзя понимать внутреннюю политическую исторію, не принимая въ расчетъ интересовъ и стремленій разныхъ общественныхъ классовъ, принимающихъ участіе въ политической жизни. Французская революція была эпохой выступленія народныхъ массъ, до того времени не игравшихъ роли въ политической жизни,—выступленія крестьянъ, выступленія городскихъ рабочихъ. Полная отмѣна феодальныхъ правъ успокоила сельское населеніе, и оно мало-по-малу отстало отъ революціи. Въ городахъ довольно рано проявился антагонизмъ имущихъ и неимущихъ, на почвѣ котораго среди имущихъ началась реакція

---

[1]) И. З. Е., т. IV, главы XXII—XXVI.—Общій взглядъ, гл. II.

противъ всего, что было наиболѣе демократическимъ во французской революціи. Имущіе были, какъ мы видѣли, напуганы чисто народными движеніями и вступили съ ними въ борьбу, а неимущіе, подобно крестьянамъ, мало-по-малу тоже очистили поле борьбы, отчасти разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, отчасти признавъ свое пораженіе, и это продолжалось во всю наполеоновскую эпоху, которая уже совсѣмъ была неблагопріятна для какого-либо вмѣшательства народныхъ массъ въ политику, потому что, съ одной стороны, режимъ первой имперіи, бывшій однимъ изъ этаповъ политической реакціи, вообще былъ системой обузданія какихъ бы то ни было общественныхъ силъ, съ другой же, постоянныя международныя войны тоже не создавали условій, благопріятныхъ для какихъ-либо общественныхъ движеній. Исключеніе и притомъ немаловажное исключеніе представляютъ собою лишь факты происходившаго во многихъ странахъ народнаго возстанія противъ французовъ, но именно эти самые фа́кты тѣмъ и характерны, что въ данномъ случаѣ народныя движенія были чисто національными, отнюдь не соціальными.

Въ эпоху реставраціи, съ прекращеніемъ международныхъ войнъ, съ возвращеніемъ на родину законныхъ династій и эмигрантовъ, съ возрожденіемъ стремленія къ политической свободѣ въ среднемъ классѣ и т. п., вездѣ началась опять внутренняя борьба, но она происходила, главнымъ образомъ, среди однихъ имущихъ классовъ: это была преимущественно борьба реакціонно настроенной аристократіи и либерально настроенной буржуазіи, а если гдѣ-либо чисто народные элементы принимали участіе въ борьбѣ, то лишь идя за буржуазіей, т.-е. не выступая, въ качествѣ самостоятельной силы, съ одной стороны, но становясь подъ знамя чисто политическихъ лозунговъ буржуазіи, т.-е. не выставляя своихъ соціальныхъ девизовъ и чисто классовыхъ требованій экономическаго содержанія, съ другой. Въ самой борьбѣ реакціонной аристократіи и либеральной буржуазіи экономическій моментъ не игралъ тогда особенно видной роли. Сколько бы ни проявлялась въ этой борьбѣ противоположность интересовъ,—употребляя современныя выраженія,—аграріевъ и индустріаловъ, иначе говоря, односторонних интересовъ или землевладѣнія и сельскаго хозяйства, или движимаго имущества и обрабатывающей промышленности, въ концѣ концовъ на первомъ планѣ здѣсь шла борьба за власть ради осуществленія въ жизни извѣстныхъ политическихъ и культурныхъ принциповъ, борьба за свободу и противъ свободы. Пере-

довое направленіе эпохи, либерализмъ, не заключало въ себѣ никакихъ лозунговъ, которые могли бы воодушевить народныя массы, какъ таковыя, и если со стороны послѣднихъ оказывалась поддержка либераламъ, то лишь потому, что и массы были увѣрены въ одномъ съ либералами, въ достаточности одной свободы для общественнаго благополучія. Точка зрѣнія экономическаго матеріализма наименѣе пригодна для объясненія общаго хода исторіи во времена первой имперіи и реставраціи. Всѣ тайныя общества, всѣ заговоры, всѣ попытки возстанія, всѣ, наконецъ, революціи двадцатыхъ годовъ, имѣли, главнымъ образомъ, почти исключительно характеръ политическій, какъ имѣли такой же характеръ и всѣ революціи, вспыхнувшія въ 1830 г. Какая въ этомъ отношеніи разница между революціями 1820 и 1830 г., съ одной стороны, и революціей 1848 г., съ другой!

Соціальными движеніями слѣдуетъ называть тѣ, которыя происходятъ въ народныхъ массахъ, но не тогда, когда движенія эти вызываются опасностью извнѣ для національнаго существованія. Сущность соціальныхъ движеній—вообще классовая: именно, это—движенія, возникающія на чисто экономической почвѣ, т.-е. они являются результатами недовольства въ народныхъ массахъ матеріальными условіями существованія, и потому ставятъ себѣ задачею частичное или полное переустройство экономическихъ отношеній. Поскольку народное недовольство проявляется въ политическихъ движеніяхъ, постольку мы можемъ говорить о роли экономическаго момента и въ политическихъ революціяхъ, но истинную окраску соціальнымъ движеніямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова придаютъ лишь требованія экономическаго содержанія. Современная историческая наука вскрыла сильную соціальную, т. е. въ основѣ своей экономическую подкладку у разныхъ религіозныхъ движеній — и въ гуситствѣ XV в., и въ реформаціи XVI в., и въ англійскомъ сектантствѣ XVII в., какъ бы высоко при этомъ мы ни оцѣнивали этическій, или чисто культурный элементъ религіозныхъ движеній. Въ смыслѣ сильнаго участія «соціальности» въ политическомъ движеніи французская революція 1789 г. стоитъ гораздо ближе къ религіознымъ движеніямъ XV—XVII вв.,—включая сюда и первую англійскую революцію,—нежели къ такимъ политическимъ движеніямъ, какими были вторая революція въ Англіи въ концѣ XVII в. или революціи испанская, неаполитанская, французская іюльская, бельгійская и т. п. въ первой трети XIX в. Вотъ почему для насъ и оказа-

лось возможнымъ говорить о революціяхъ 1820 и 1830 гг., не касаясь экономическихъ отношеній эпохи, чего уже никахъ нельзя сдѣлать по отношенію къ революціи 1848 г., на которой намъ придется поэтому остановиться болѣе подробно.

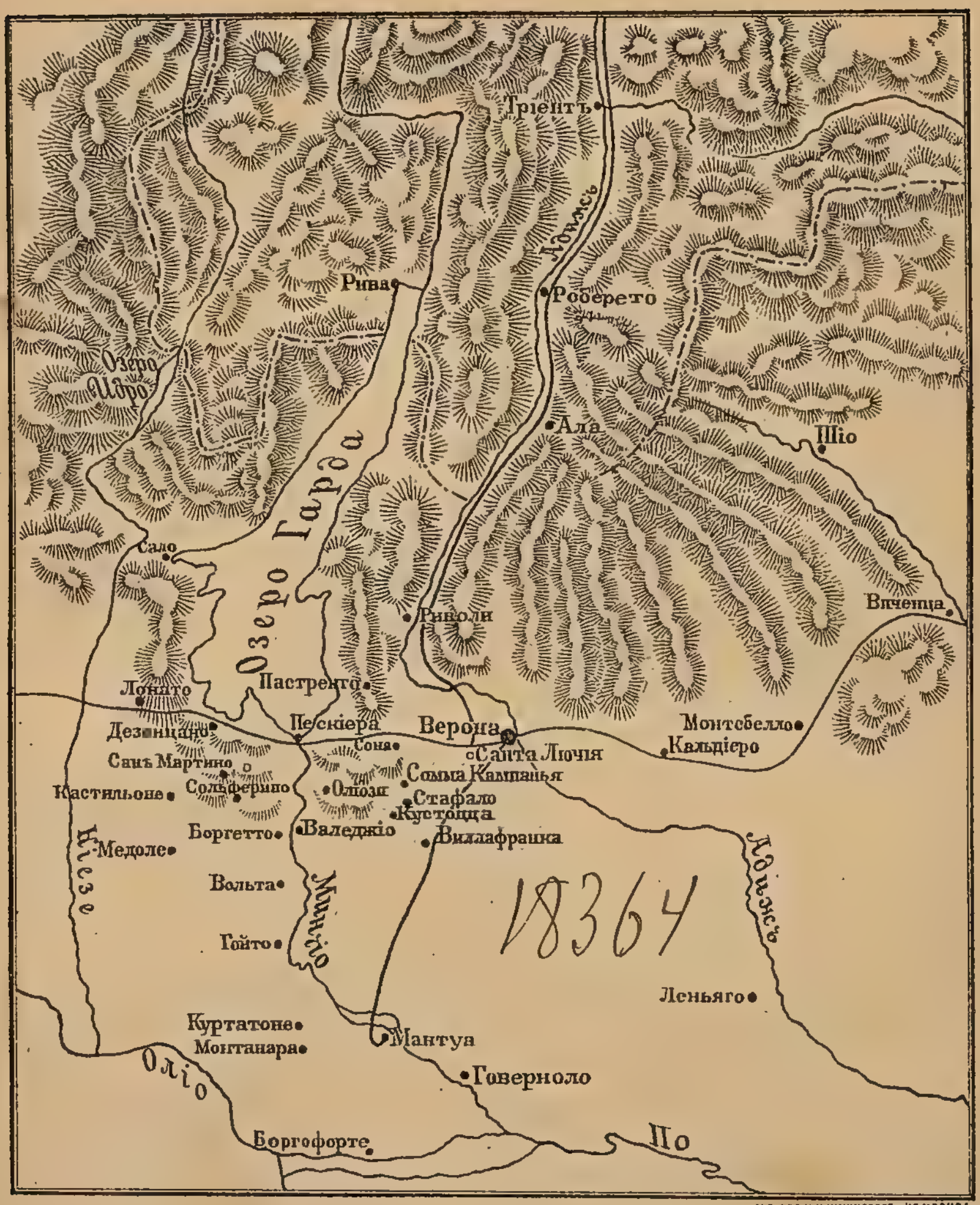
Если сравнить съ политическими переворотами, протекающими обыкновенно довольно быстро, коренныя измѣненія, которыя совершаются въ экономикѣ общества, то прежде всего намъ бросятся въ глаза медленность и постепенность, съ какими происходятъ наиболѣе крупныя перемѣны въ хозяйственномъ быту общества, вслѣдствіе чего нерѣдко очень важныя явленія совершающейся эволюціи остаются незамѣченными со стороны современниковъ или мало для нихъ замѣтными. Лишь въ XIX в. общество научилось, какъ слѣдуетъ, учитывать и оцѣнивать темпъ современной экономической эволюціи, но сто лѣтъ тому назадъ, даже и пятьдесятъ лѣтъ еще этого умѣнія не было. Мало того, лишь во второй половинѣ XIX в. сама историческая наука открыла въ сравнительно недалекомъ прошломъ конца XVIII и начала XIX в. цѣлую «экономическую революцію», существованія которой долгое время и не подозрѣвали прежніе историки указанной эпохи. Результаты этой революціи,—или «индустріальнаго переворота», какъ ее еще называютъ,—стали обнаруживаться внѣ чисто экономической области, т. е. въ области общественныхъ движеній и идей только около 1830 г. Только послѣ 1830 г. и соціализмъ, зародившійся, собственно говоря, еще въ эпоху реставраціи, получаетъ свое имя и изъ интеллигентскихъ кружковъ, въ которыхъ имѣлъ свое начало, сталъ проникать постепенно въ рабочія массы.

Экономическая революція конца XVIII и начала XIX в. была результатомъ трехъ тѣсно связанныхъ между собою процессовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть разсматриваемъ независимо отъ другихъ. Однимъ изъ этихъ процессовъ является образованіе пролетаріата, бывшее само результатомъ обезземеленія народной массы. Другой процессъ заключался въ разложеніи и паденіи стараго цехового устройства промышленности, препятствовавшаго развитію крупнаго производства. Наконецъ, третій процессъ, это—изобрѣтеніе машинъ и введеніе ихъ въ произзодство. Связь между этими тремя процессами заключается въ томъ, что крупная промышленность могла достигнуть наибольшаго развитія лишь при существованіи большого количества свободныхъ рукъ, при отмѣнѣ старыхъ установленій, поддерживавшихъ мелкое

производство, и при тѣхъ новыхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ, которыя выразились въ усовершенствованныхъ механическихъ способахъ работы, замѣнившихъ прежній исключительно ручной трудъ.

Обезземеленіе народной массы на западѣ Европы имѣетъ свою длинную исторію, въ которой необходимо различать юридическую и экономическую стороны. Въ средніе вѣка, въ эпоху полнаго господства феодализма и крѣпостническихъ отношеній, между крестьянскою массою и землею существовала самая тѣсная связь. Если крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, то, можно сказать, и земля была прикрѣплена къ крестьянину. Освобожденіе крѣпостныхъ въ Западной Европѣ, начавшееся еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось ослабленіемъ и даже прекращеніемъ той юридической связи, которая раньше существовала между сельскимъ населеніемъ и землей. Если, однако, свободный поселянинъ во многихъ случаяхъ переставалъ быть собственникомъ или владѣльцемъ земли, изъ этого еще не слѣдовало, чтобы онъ сразу же переставалъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, хотя бы и на чужой землѣ, въ качествѣ половника или фермера. Мелкое крестьянское землевладѣніе могло сокращаться, и на его счетъ могла расширяться крупная помѣщичья собственность, но этотъ процессъ не влекъ за собою уничтоженія мелкаго крестьянскаго хозяйства и замѣны его крупнымъ хозяйствомъ помѣщичьяго типа, такъ какъ крупная поземельная собственность вполнѣ уживалась съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Впрочемъ, лишь на почвѣ развитія крупной собственности въ ущербъ мелкому землевладѣнію сдѣлалось возможнымъ и развитіе крупнаго хозяйства на счетъ хозяйства мелкаго, въ чемъ заключается другая сторона разсматриваемаго процесса. Нужно замѣтить, что юридическое состояніе лица и экономическое отношеніе къ землѣ могли находиться въ довольно различныхъ комбинаціяхъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ процессъ обезземеленія народной массы шелъ рука объ руку съ ея раскрѣпощеніемъ, но возможнымъ было и обезземеленіе крестьянъ еще при сохраненіи надъ ними старой помѣщичьей власти. Такой случай мы наблюдаемъ въ Мекленбургѣ, гдѣ въ XVII и XVIII вв. происходило въ широкихъ размѣрахъ обезземеленіе крестьянъ, остававшихся тѣмъ не менѣе до начала XIX в. въ крѣпостной зависимости. Юридическое отношеніе мелкихъ хозяевъ къ обрабатываемой ими землѣ могло быть также весьма

План для поясненія кампаній 1848, 1856 и 1866 гг.



ЛИТ Т-во И.Н.КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА.

Масштабъ въ англійск. миляхъ

0 10 20

——— жел. дороги, строившіяся въ іюнѣ 1859 г.

различнымъ, но былъ ли крестьянинъ мелкимъ собственникомъ или чиншевикомъ, половникомъ или денежнымъ арендаторомъ, онъ былъ все-таки самостоятельнымъ хозяиномъ, хотя бы даже и не пользовался полными правами гражданства. При замѣнѣ мелкаго хозяйства какого бы то ни было вида хозяйствомъ крупнымъ крестьяне, такъ или иначе лишавшіеся участковъ, на которыхъ они сидѣли, превращались изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, въ батраковъ, которые уже работали въ чужихъ хозяйствахъ, велись ли послѣднія самими землевладѣльцами или посторонними предпринимателями, снимавшими у нихъ земли большими фермами. Именно обезземеленіе крестьянства во второмъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ разрыва его хозяйственной связи съ землею преимущественно и содѣйствовало образованію пролетаріата.

Въ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, съ болыпею или меньшею скоростью процессъ обезземеленія совершался во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, но нигдѣ онъ не происходилъ въ такихъ размѣрахъ и съ такою быстротою, какъ въ Англіи, гдѣ уже во времена Адама Смита общество представлялось рѣзко раздѣленнымъ на три отдѣльныхъ класса: однимъ изъ нихъ были болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, такъ какъ въ то время мелкая крестьянская собственность почти совсѣмъ исчезла; другой классъ составляли капиталисты, которые, между прочимъ, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ фермеровъ вкладывали свои капиталы и въ сельскохозяйственныя предпріятія; наконецъ, вся остальная масса населенія состояла почти исключительно изъ рабочихъ, жившихъ продажею своего труда въ промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ. Къ концу XVIII и началу XIX в. этотъ процессъ въ Англіи окончательно завершился. Еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. въ эпоху второй революціи Англія была страною главнымъ образомъ земледѣльческою, но уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. половина всего ея населенія жила въ городахъ, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи въ эпоху великой революціи городскіе жители составляли лишь одну четвертую часть всего населенія государства. Нѣкоторыя стороны этого процесса съ особенною рѣзкостью бросаются въ глаза. Именно, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Англіи издано было множество парламентскихъ актовъ о такъ называемомъ огораживаніи, посредствомъ которыхъ поступали въ пользу лэндлордовъ общинныя земли, находившіяся

раньше въ свободномъ пользованіи сельскихъ жителей. Подобные акты издавались и прежде, но никогда это огораживаніе не производилось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій: съ 1760 по 1832 г. актовъ объ огораживаніи было издано болѣе трехъ съ половиною тысячъ, и, благодаря имъ, лэндлорды пріобрѣли безъ малаго семь милліоновъ акровъ. Рядомъ съ этимъ происходили такъ называемыя очистки имѣній, заключавшіяся въ томъ, что у мелкихъ фермеровъ по окончаніи аренднаго срока отбирались ихъ участки для соединенія нѣсколькихъ мелкихъ арендъ въ одну крупную или для превращенія ихъ въ пастбища для овецъ и въ искусственные луга.

Мы уже знаемъ, что французская революція и наполеоновское владычество значительно двинули впередъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ цѣломъ рядѣ странъ крѣпостное состояніе было отмѣнено или самимъ Наполеономъ, либо подъ его вліяніемъ, или въ связи съ реформами, которыя вызывались необходимостью борьбы съ Наполеономъ. Послѣ паденія имперіи, въ годы наиболѣе крайней реакціи этотъ процессъ освобожденія крѣпостныхъ остановился, хотя и для эпохи реставраціи можно указать нѣсколько примѣровъ отмѣны крѣстныхъ отношеній [1]). Волненія, которыя произошли въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи въ 1830 г., опять ускорили процессъ освобожденія, но только 1848 годъ принесъ съ собою окончательную ликвидацію крѣпостническихъ отношеній въ Западной Европѣ. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, связанныхъ съ эманципаціей крестьянъ въ первой половинѣ XIX в., былъ вопросъ о землѣ, которая была въ крестьянской обработкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ рѣшался въ смыслѣ, крайне неблагопріятномъ для крестьянъ, т.-е. личность крестьянина дѣлалась свободною, но его надѣлъ объявлялся собственностью помѣщика. Такъ былъ рѣшенъ крестьянскій вопросъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, гдѣ освобожденіе сельскаго населенія было совершено На-

[1]) Отмѣна крѣпостного состоянія была подтверждена въ южно-германскихъ конституціяхъ, вслѣдъ за тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ южно-германскихъ государствъ были изданы соціальные законы о выкупѣ крестьянскихъ повинностей. Въ 1820 г. были освобождены крѣпостные въ Мекленбургѣ и изданъ законъ о вознагражденіи ольденбургскаго дворянства за потерю имъ господскихъ правъ (еще въ 1811 г.). Въ эпоху реставраціи дѣло затормазилось, но послѣ 1830 г. былъ совершенъ рядъ крестьянскихъ реформъ въ Саксоніи (въ 1832 г.), Гессенъ-Кассель (между 1831 и 1837), Ганноверѣ (въ 1831 и 1833) и нѣкоторыхъ мелкихъ княжествахъ.

полеономъ въ 1807 г., причемъ реформа «сняла съ ногъ хлоповъ не только цѣпи, но съ ними и сапоги». Въ Царствѣ Польскомъ это отношеніе къ землѣ сохранилось, и только Николай I въ сороковыхъ годахъ положилъ предѣлъ происходившему тамъ съ большою быстротою процессу обезземеленія сельской массы. Аналогичное явленіе наблюдается и въ остзейскихъ провинціяхъ Россіи, гдѣ крѣпостные были освобождены Александромъ I въ 1816—1819 гг. [1]) Когда крестьянская неволя была въ 1820 г. отмѣнена въ Мекленбургѣ, тамъ вся сельская масса, какъ было упомянуто выше, уже оказалась обезземеленною вполнѣ.

Иногда лишались земли лишь нѣкоторыя категоріи крестьянъ, а другія сохраняли землю, но должны были выкупать свои повинности. На точкѣ зрѣнія выкупа платежей съ земли стояли еще во Франціи учредительное и законодательное собранія въ 1789—1792 гг., но конвентъ безвозмездно отмѣнилъ всѣ сеньёрьяльныя права. Позднѣйшее законодательство въ тѣхъ случаяхъ, когда земля оставалась въ распоряженіи крестьянъ, не допускало столь радикальнаго рѣшенія и предписывало выкупъ, который для крестьянъ оказывался, однако, очень труднымъ, тѣмъ болѣе, что въ эпоху реакціи сами помѣщики всячески его затрудняли. Только въ 1829 г. одинъ нѣмецкій публицистъ (Штюфе) предложилъ совершать выкупъ крестьянскихъ повинностей при посредствѣ и съ помощью государства, да и то осуществленія этой системы пришлось ждать до 1848 г. Въ Пруссіи еще въ началѣ XIX в. была придумана система освобожденія крестьянскихъ участковъ отъ платежей путемъ уступки помѣщикамъ трети и даже половины земли, прежде бывшей въ распоряженіи крестьянъ. Результатомъ этого было увеличеніе въ Пруссіи (на в. отъ Эльбы) площади помѣщичьяго землевладѣнія на счетъ землевладѣнія крестьянскаго, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что ликвидація крѣпостническихъ поземельныхъ отношеній въ этомъ государствѣ была еще очень далека отъ своего завершенія, когда произошла революція 1848 г. Нужно еще прибавить, что реакція, наступившая въ 1815 г., вообще оказывалась наиболѣе неблагопріятною для крестьянской массы, что́ и объясняетъ намъ крестьянскія волненія въ Германіи 1848 г. Австрія даже и совсѣмъ не предпринимала никакихъ реформъ въ области крестьянскихъ отношеній до самаго 1848 г.

[1]) Въ Эстл. губ. въ 1816 г.. въ Курл. въ 1817 г. и въ Лифл. въ 1819 г.

Итакъ, однимъ процессомъ, создавшимъ экономическій переворотъ, разсматриваемый нами, было обезземеленіе крестьянъ, послужившее источникомъ для образованія пролетаріата. Другой процессъ, содѣйствовавшій экономическому перевороту, заключался въ паденіи средневѣковой цеховой организиціи промышленности. Пока существовала эта организація, поддерживавшая мелкое производство, развитіе крупной промышленности было очень стѣснено. Правда, сами цехи, возникшіе еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, переживали въ послѣднія времена своего существованія процессъ внутренняго разложенія, но пока держались законы, ограждавшіе цеховую организацію, она охватывала собою множество производствъ и самымъ своимъ существованіемъ препятствовала развитію фабрикъ и заводовъ болѣе крупныхъ размѣровъ. Противъ цеховъ въ томъ видѣ, какъ они существовали въ XVIII в., раздавались въ общемъ довольно справедливыя жалобы, въ которыхъ указывалось на то, что эти ремесленныя корпораціи получили чисто олигархическій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, стѣсняя съ одной стороны, свободу труда, съ другой—тормазили техническіе успѣхи производства. Экономическая школа физіократовъ во второй половинѣ XVIII в. по отношенію къ цехамъ заняла положеніе весьма неблагопріятное, и величайшій представитель физіократіи, Тюрго, въ бытность свою министромъ, сдѣлалъ даже попытку отмѣнить во Франціи цеховую организацію промышленности. Около того же времени англійскій родоначальникъ политической экономіи Адамъ Смитъ, равнымъ образомъ, высказывался въ томъ смыслѣ, что цеховыя привилегіи нарушаютъ самыя элементарныя права личности.

Французская революція совсѣмъ отмѣнила цехи на ряду съ другими учрежденіями, отжившими свое время, и во всѣхъ странахъ, на которыя въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. распространилось дѣйствіе революціоннаго законодательства, эта старинная организація промышленности прекратила свое существованіе. Уничтожая въ 1791 г. прежнія ремесленныя корпораціи, учредительное собраніе запрещало, кромѣ того, и вообще какіе бы то ни было договоры и союзы между «гражданами одного и того же ремесла». Послѣ этого препятствія, которыя цеховой строй ставилъ развитію крупной промышленности, исчезли, запрещеніемъ же соглашеній между рабочими создавались въ пользу предпринимателей такія условія найма, при которыхъ трудъ вполнѣ отдавался въ жертву капиталу. Въ Англіи до середины двадцатыхъ годовъ

XIX в. тоже существовали законы, воспрещавшіе коалиціи рабочихъ, поскольку послѣднія могли быть вредны интересамъ предпринимателей, но, съ другой стороны, какъ-разъ въ это же время (1803—1814) рядомъ послѣдовательныхъ актовъ парламентъ отмѣнилъ старые законы, мѣшавшіе развитію крупной промышленности и ограждавшіе интересы рабочихъ противъ чрезмѣрной эксплуатаціи. Походъ противъ цеховъ былъ и въ Германіи, гдѣ также сторонники экономической свободы стали оказывать вліяніе на законодательство. Напримѣръ, въ Пруссіи въ 1808—1810 гг. по вопросу о цехахъ работала особая коммиссія, которая доказывала необходимость полной ихъ отмѣны, ссылаясь при этомъ на французское законодательство. Одно изъ королевскихъ распоряженій, вводившее въ Пруссіи новый промысловый налогъ, дозволило каждому, купившему за деньги патентъ, заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ въ данной мѣстности безъ всякой помѣхи со стороны какихъ бы то ни было корпорацій, вслѣдствіе чего принадлежность къ цеху для занятія права заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ дѣлалась излишнею, а въ слѣдующемъ году другой королевскій указъ перенесъ многія права цеховъ на представителей полицейской власти, и въ силу этого закона принадлежность къ цеху не приносила уже ремесленнику никакой особой выгоды. Подобные законы, само собою разумѣется, только облегчали въ разныхъ отрасляхъ промышленности переходъ отъ ремесленнаго производства къ фабричному. Мастера, которые прежде бывали сами подмастерьями, и подмастерья, имѣвшіе бóльшую или меньшую возможность современемъ сдѣлаться мастерами, стали замѣняться, съ одной стороны, фабрикантами-капиталистами, съ другой — наемными рабочими: произошла такимъ образомъ социальная дифференціація, и трудъ былъ разлученъ съ орудіями производства. Описанный выше процессъ обезземеленія сельской массы создалъ множество свободныхъ рукъ, которыя и нашли примѣненіе въ крупной промышленности, послѣ того какъ паденіе цеховъ уничтожило послѣднія преграды для ея развитія. Равнымъ образомъ, паденіе стараго цехового законодательства очищало поле и для широкаго примѣненія усовершенствованныхъ орудій производства, которыя были изобрѣтены въ значительномъ количествѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Мы и остановимся теперь на той роли, какая принадлежитъ въ исторіи экономическаго переворота введенію новыхъ орудій производства, т.-е. машинъ—въ разныя отрасли обрабатывающей промышленности:

въ этомъ и заключается третья сторона разсматриваемой нами индустріальной революціи.

Въ каждой машинѣ мы должны различать кромѣ механизмовъ, передающихъ движеніе, механизмы, приводящіе всю машину въ движеніе, и механизмы, непосредственно работающіе надъ матеріаломъ производства. На самыхъ раннихъ ступеняхъ техническаго развитія движущую силу представлялъ собою самъ человѣкъ или замѣнявшее его домашнее животное (лошадь, оселъ, волъ), и надъ матеріаломъ обработки оперировали руки самого человѣка, вооруженныя наиболѣе простыми орудіями, но съ развитіемъ техники мѣсто силъ и рукъ человѣка стали заступать движущіе и работающіе инструменты Еще въ древности была изобрѣтена водяная мельница, которая впослѣдствіи (сравнительно очень поздно) была примѣнена и къ нѣкоторымъ отраслямъ обрабатывающей промышленности. Въ серединѣ XVIII в. была придумана паровая машина, которая вскорѣ затѣмъ и стала примѣняться къ фабричному производству (1785 г.). Это былъ цѣлый переворотъ въ исторіи обрабатывающей промышленности. Водяная сила была, такъ сказать, прикована къ извѣстному мѣсту, зависѣла отъ атмосферическихъ условій и не могла быть произвольно увеличиваема, тогда какъ паровая машина могла быть поставлена гдѣ угодно, работать независимо отъ временъ года и отъ погоды и давать по желанію человѣка ту или другую силу. Одновременно съ этимъ переворотомъ обрабатывающая промышленность переживала эпоху изобрѣтеній цѣлаго ряда механизмовъ, замѣняющихъ собою разные ручные инструменты. Эти новыя орудія, въ сущности, исполняли тѣ же работы, какія и ранѣе производились при помощи старыхъ инструментовъ, но если прежде рабочій могъ дѣйствовать только однимъ инструментомъ, то машина стала дѣлать то же самое сразу цѣлою массою однородныхъ (а иногда и разнородныхъ) инструментовъ. Подобно тому, какъ изобрѣтеніе паровой машины увеличивало во много разъ количество той силы, которою прежде пользовался человѣкъ въ разныхъ производствахъ, изобрѣтеніе новыхъ рабочихъ машинъ страшно ускоряло процессъ изготовленія тѣхъ или другихъ продуктовъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. была изготовлена первая самопрялка, которая съ конца шестидесятыхъ годовъ начала приводиться въ движеніе водяною силою, замѣненною впослѣдствіи паромъ. Около 1770 года другое аналогичное изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ одновременно прясть нѣсколько

нитей. Въ 1785 году въ то самое время, когда въ первый разъ сила пара была примѣнена къ бумагопрядильной промышленности, былъ также изобрѣтенъ и механическій станокъ для тканья, получившій свой окончательный видъ въ 1813 году. Новыя прядильныя и ткацкія машины были наиболѣе важными изобрѣтеніями этого рода, но тогда же были придуманы и стали вводиться въ употребленіе еще и разныя другія рабочія машины. Этотъ техническій процессъ коснулся точно такъ же и добывающей промышленности. Собственно говоря, сила пара ранѣе всего была примѣнена въ горнозаводскомъ дѣлѣ, а потомъ уже на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Къ числу наиболѣе раннихъ рабочихъ машинъ нужно отнести и столь важную въ сельскомъ хозяйствѣ молотилку, начало которой относится къ 1798 году. Сопоставляя между собою приведенныя даты, слѣдуетъ отмѣтить, что введеніе машиннаго производства относится какъ-разъ къ эпохѣ французской революціи. Нужно только прибавить, что всѣ эти изобрѣтенія были сдѣланы и испытаны на дѣлѣ какъ-разъ въ Англіи, въ которой не было политической революціи, и что революціонная буря и послѣдовавшія за нею наполеоновскія войны только помѣшали распространенію англійскихъ механическихъ изобрѣтеній внѣ ихъ родины. Промышленную революцію, ранѣе всего совершившуюся въ Англіи, отдѣльныя континентальныя страны переживали потомъ уже въ XIX вѣкѣ.

Разсуждая теоретически, можно было бы ожидать, что машины, увеличивая силы человѣка и ускоряя производство необходимыхъ предметовъ, должны были бы оказать только благопріятное дѣйствіе на жизнь рабочихъ, и рабочіе, повидимому, должны были бы только съ радостью привѣтствовать всѣ новыя техническія изобрѣтенія. Въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Введеніе машиннаго производства имѣло своимъ слѣдствіемъ сокращеніе потребности въ ручномъ трудѣ, какъ будто на сцену явилось множество новыхъ рукъ, лишившихъ массу рабочихъ ихъ обычнаго заработка. Иными словами, машины сдѣлались весьма опасными конкуррентами для людей, продававшихъ свой трудъ, и уменьшили спросъ на ихъ предложеніе. Съ другой стороны, техническія изобрѣтенія создали для рабочихъ новыхъ конкуррентовъ еще въ лицѣ ихъ женъ и дѣтей, которыхъ новые способы производства, не требовавшіе приложенія большой физической силы, тоже привлекли къ фабричному труду. Раньше

рабочая семья содержалась, главнымъ образомъ, работою своего главы, и этимъ до извѣстной степени опредѣлялась его заработная плата, но машины, требовавшія отъ работниковъ только ловкости и добросовѣстности, сдѣлали возможнымъ привлеченіе на фабрики и женщинъ, и дѣтей. Во многихъ случаяхъ предприниматели стали даже оказывать предпочтеніе этимъ новымъ категоріямъ рабочихъ, такъ какъ можно было имъ давать гораздо меньшую плату, чѣмъ взрослымъ мужчинамъ. Уменьшивъ, такимъ образомъ, спросъ на физическій трудъ, машины въ то же время поставили этотъ трудъ въ болѣе небрагопріятныя условія и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, введеніе новыхъ механическихъ способовъ производства повлекло за собою удлиненіе рабочаго времени. Владѣльцы машинъ, пріобрѣтавшіе ихъ за большія деньги, прежде всего хлопотали о томъ, чтобы эти дорого стоющія орудія производства окупали себя какъ можно быстрѣе, тѣмъ болѣе, что каждая машина становилась негодною къ употребленію не только отъ работы, но и отъ времени, и что новыя усовершенствованія въ машинахъ дѣлали желательнымъ наискорѣйшее извлеченіе всѣхъ выгодъ изъ старыхъ машинъ для замѣны ихъ новыми. Поэтому фабриканты заставляли машины дѣйствовать непрерывно и день, и ночь, сберегая при этомъ, вдобавокъ, еще значительную часть топлива, разъ паровые котлы при непрерывности работъ могли не остывать на продолжительное время. Отсюда у предпринимателей явилось стремленіе къ удлиненію рабочаго времени. Въ 1770 г. англійскіе рабочіе дома, въ которыхъ заставляли работать по двѣнадцати часовъ въ сутки, называли домами ужаса, а въ 1833 г. парламентъ устанавливалъ, какъ милость, двѣнадцатичасовой рабочій день для подростковъ. Во-вторыхъ, новые пріемы производства стали требовать отъ работника гораздо большей напряженности и вниманія и, слѣдовательно, сдѣлали самый трудъ гораздо болѣе утомительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе однообразнымъ, превративъ рабочаго какъ бы въ слугу машины, обязаннаго совершать только одно какое-либо движеніе руками. Наконецъ, вслѣдствіе введенія машиннаго производства рабочіе стали скучиваться въ тѣсныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ обречены были теперь проводить бо́льшую часть своего времени, что́ стало отражаться крайне неблагопріятно на ихъ здоровьѣ и настроеніи духа. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, породили среди рабочихъ въ эпоху введенія механическихъ способовъ производства крайнее озлобленіе про-

тивъ машинъ. Нерѣдко машины и даже цѣлыя фабричныя зданія дѣлались жертвою раздраженныхъ рабочихъ, и бывали случаи, когда фабриканты ограждали свою собственность отъ подобной участи, ставя для защиты фабричныхъ зданій и машинъ пушки. Это нерасположеніе къ техническимъ изобрѣтеніямъ конца XVIII и начала XIX в. отразилось даже и на взглядахъ нѣкоторыхъ теоретиковъ, которые готовы были осудить введеніе машиннаго производства, какъ явленіе вредное и потому нежелательное.

Новые способы производства, ранѣе всего утвердившіеся въ Англіи, оказали громадное вліяніе на ростъ ея національнаго богатства. Машины, во много разъ увеличивъ производительность человѣческаго труда и количество вырабатываемыхъ продуктовъ, стали вводиться въ обрабатывающую промышленность съ поразительною быстротою. Но у этого явленія была и оборотная сторона. Если раньше общество нерѣдко терпѣло отъ недостатка нужныхъ ему товаровъ, то теперь, наоборотъ, иногда можно было жаловаться скорѣе на ихъ перепроизводство, дѣлавшееся тоже своего рода зломъ. Предприниматели изготовляли слишкомъ много какого-либо товара, а потому предложеніе превышало спросъ, и масса товара оставалась нераспроданною. Это заставляло фабрикантовъ сокращать свое производство, вслѣдствіе чего многіе рабочіе или оставались совсѣмъ безъ заработка, или должны были довольствоваться уменьшенной платой. Съ періодами процвѣтанія той или другой отрасли промышленности стали чередоваться періоды угнетеннаго состоянія, и каждый разъ наступленіе кризиса вызывало цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій: промышленный застой влекъ за собою банкротство торговыхъ фирмъ и банковъ, ссужавшихъ деньги предпринимателямъ, закрытіе фабрикъ или сокращеніе производства въ тѣхъ фабрикахъ, которыя могли продолжать существованіе, и уменьшеніе или полное отсутствіе заработка. Особенно частыми сдѣлались подобные кризисы къ серединѣ XIX в., и если сначала представлялась возможность объяснять возникновеніе подобныхъ явленій обстоятельствами военнаго времени, то теперь, когда въ Европѣ господствовалъ миръ, внѣшнія причины уже не могли отвѣчать за результаты того, что, въ сущности, вытекало изъ самыхъ внутреннихъ условій новаго, капиталистическаго, какъ мы теперь его называемъ, производства. Можно даже сказать, что такіе кризисы сдѣлались хроническою болѣзнью англійской промышленности послѣ той революціи, которая въ ней произошла.

При господствѣ мелкой промышленности и ручного труда производство было болѣе равномѣрнымъ, заработокъ—болѣе постояннымъ, а теперь прежней устойчивости производства и заработка наступилъ конецъ, и постоянныя колебанія того и другого, конечно, не могли не отражаться самымъ гибельнымъ образомъ на матеріальномъ благосостояніи рабочихъ. Статистика самымъ неопровержимымъ образомъ стала доказывать, что въ промышленныхъ округахъ Англіи въ эпохи кризисовъ всегда падали цифры браковъ и вкладовъ въ сберегательныя кассы, и, наоборотъ, поднимались цифры смертности и преступности. Это и понятно, потому что каждый такой кризисъ сопровождался для великаго множества рабочихъ семей болѣе или менѣе полнымъ обнищаніемъ. Конечно промышленные кризисы переживались гораздо легче крупными, нежели мелкими производителями и вслѣдствіе этого, въ свою очередь, немало содѣйствовали общей побѣдѣ фабричнаго производства надъ ремесленнымъ. Отстаивая свое существованіе въ такія трудныя минуты, предприниматели весьма естественно хлопотали объ удешевленіи производства, чего и стремились достигнуть, съ одной стороны, уменьшеніемъ заработной платы, съ другой—введеніемъ новыхъ техническихъ усовершенствованій въ производство. Послѣднимъ обстоятельствомъ, собственно говоря, только усиливалось то дѣйствіе, какое вообще оказывалось введеніемъ машинъ. Съ другой стороны, случалось нерѣдко, что заработная плата, понизившись во время кризиса, затѣмъ уже не поднималась до своей прежней нормы. Наконецъ, каждый кризисъ оставлялъ послѣ себя цѣлую массу нищихъ и бродягъ, попадавшихъ въ рабочіе дома, гдѣ они и удерживались до новаго оживленія промышленности. Такимъ образомъ, кризисы не только временно понижали заработокъ и благосостояніе рабочихъ, но оказывали и болѣе глубокое вліяніе на экономическую жизнь, оставляя послѣ себя и длительные слѣды.—Успѣхи промышленной техники и увеличеніе производства сопровождались общимъ удешевленіемъ продуктовъ, а между тѣмъ матеріальное положеніе рабочихъ ухудшалось. До 1815 года народныя страданія въ Англіи еще кое-какъ объяснялись войною, но война окончилась, а положеніе дѣлъ не улучшилось. Наоборотъ, во многихъ случаяхъ замѣчалось только ухудшеніе. Въ исторіи Англіи это былъ періодъ страшнаго развитія пауперизма и вообще ухудшенія быта рабочихъ. Ихъ стали помѣщать теперь въ общихъ казармахъ или маленькихъ чуланахъ, тѣсныхъ и грязныхъ, въ

особенности же дурно содержались работавшія на фабрикахъ дѣти, которыя отъ непосильнаго труда и невозможной обстановки калѣчились физически и нравственно развращались. Фабриканты старались платить какъ можно менѣе своимъ рабочимъ, и въ этомъ имъ немало помогало старинное англійское законодательство о бѣдныхъ: именно, пользуясь закономъ, обязывавшимъ приходы обучать дѣтей бѣдняковъ какому-либо полезному дѣлу, предприниматели стали брать къ себѣ цѣлыя партіи дѣтей и подростковъ въ качествѣ ремесленныхъ учениковъ, которымъ даже ничего не платили за ихъ трудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по тому же законодательству, если семья бѣдняка не зарабатывала суммы, необходимой для своего пропитанія, то недостающее приплачивалъ приходъ, и этимъ тоже пользовались фабриканты, знавшіе, что ихъ рабочихъ будетъ отчасти содержать общественная благотворительность. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такая благотворительная приплата къ заработку паупера почти съ каждымъ годомъ возрастала, ложась, конечно, тяжелымъ бременемъ на собственниковъ недвижимыхъ имуществъ въ приходахъ.

Цифры краснорѣчивѣе всего говорятъ намъ о ростѣ пауперизма въ Англіи въ разсматриваемую эпоху. Въ 1760 г. спеціальный налогъ въ пользу бѣдныхъ равнялся 1.250.000 фунт., а въ 1818 г. онъ немного не доходилъ до 8.000.000, хотя населеніе Англіи за этотъ періодъ увеличилось съ 7.000.000 лишь до 12.000.000; въ 1760 г. этотъ налогъ падалъ на каждаго жителя королевства въ размѣрѣ 3 шиллинговъ 7 пенсовъ, а въ 1818 г.—уже въ размѣрѣ 13 шилл. 3 пенсовъ. Интересно также измѣненіе отношенія между заработкомъ и цѣною хлѣба: въ 1770 г. средняя рабочая плата равнялась 90 пинтамъ пшеницы, въ 1797 г.—уже 65, а въ 1808 г.—только 60. Не забудемъ также, что цѣна на хлѣбъ въ эту эпоху въ Англіи удерживалась на высокихъ цифрахъ чисто искусственнымъ способомъ, такъ называемыми хлѣбными законами (1815), запрещавшими, въ интересахъ землевладѣльцевъ, ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, пока цѣна собственнаго хлѣба не достигнетъ извѣстнаго максимума.

Такова была сущность индустріальной революціи, и таковы были ея непосредственныя слѣдствія. Этотъ переворотъ содѣйствовалъ небывалому дотолѣ развитію обрабатывающей промышленности, но въ то же время раздѣлилъ промышленный классъ общества на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на капиталистическую буржуазію и на рабочій пролета-

ріатъ. Выигрывала отъ этого переворота буржуазія, рабочіе классы оказывались въ проигрышѣ. Въ этомъ результатѣ разсмотрѣннаго экономическаго переворота уже таился зародышъ такъ называемаго рабочаго вопроса, сдѣлавшагося главнымъ соціальнымъ вопросомъ XIX в. и осложнившаго собою демократическія движенія эпохи. Уже въ самомъ началѣ XIX в. англійскій парламентъ вынужденъ былъ начать доискиваться причинъ тѣхъ бѣдствій, которыя удручали рабочее населеніе, и назначалъ коммиссіи для изслѣдованія разныхъ вопросовъ, связанныхъ съ бытомъ пролетаріата. Такъ, въ 1806 г. была назначена коммиссія для изслѣдованія противоположныхъ жалобъ фабрикантовъ и рабочихъ, въ 1820 г.—для разсмотрѣнія петиціи о свободной торговлѣ, затрогивавшей интересы и рабочихъ. Въ 1802 г. былъ уже вотированъ и первый законъ, ограничивавшій работу учениковъ и подростковъ на фабрикахъ двѣнадцатью часами въ сутки, но при этомъ, къ сожалѣнію, не было создано органовъ надзора, вслѣдствіе чего законъ постоянно нарушался. Самый законъ 1802 г. былъ вызванъ не чувствомъ человѣколюбія, а боязнью высшихъ классовъ передъ сильными эпидеміями, начавшими около этого времени свирѣпствовать на фабрикахъ, вслѣдствіе чего законъ распространялся, собственно говоря, лишь на дѣтей, жившихъ въ фабричныхъ помѣщеніяхъ, а не приходившихъ только на фабрики для работы. Парламентъ въ первую треть вѣка вообще не разъ назначалъ коммиссіи для изслѣдованія положенія несовершеннолѣтнихъ на фабрикахъ, и эти коммиссіи постоянно дѣлали доклады о страшныхъ злоупотребленіяхъ работою дѣтей и подростковъ.

Эти попытки законодательнаго вмѣшательства во взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ находились въ полномъ противорѣчіи съ господствовавшей тогда экономической доктриной, состоявшей въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ политическимъ либерализмомъ. Самая характерная особенность либерализма заключалась въ стремленіи какъ можно болѣе ограничить предѣлы дѣятельности государства въ интересахъ наибольшаго, самаго широкаго осуществленія индивидуальной свободы. Мы видѣли, что либералы защищали тотъ взглядъ, по которому государство должно было стоять лишь на стражѣ внѣшней безопасности и внутренняго мира страны, по возможности совсѣмъ не вмѣшиваясь въ личныя дѣла и взаимныя отношенія гражданъ. Политическіе писатели либерализма были поэтому проповѣдниками и

полной экономической свободы и въ данномъ отношеніи находили поддержку со стороны тогдашнихъ экономистовъ, державшихся того же самаго принципа. Экономическая свобода была провозглашена еще въ XVIII в. физіократами и Адамомъ Смитомъ, да и знаменитый девизъ экономической свободы «laissez passer, laissez faire» ведетъ свое начало изъ XVIII же столѣтія. Въ общемъ это ученіе экономистовъ было протестомъ противъ всеобъемлющей и всепоглощающей правительственной опеки, составляющей одну изъ характерныхъ особенностей стараго порядка: теоретическое оправданіе государственнаго невмѣшательства заключалось въ томъ соображеніи, что экономическая жизнь управляется своими законами, требующими предоставленія для дѣятельности каждаго возможно большей свободы. Каждый стремящійся къ тому, чтобы получить какъ можно больше при наименьшей, наоборотъ, затратѣ времени, труда и средствъ, представляется единственнымъ компетентнымъ судьею своей собственной выгоды, а потому какая бы то ни была опека надъ нимъ объявлялась и излишнею, и прямо вредною. Предоставьте, говорили либеральные экономисты, каждому осуществлять свои хозяйственныя цѣли, какъ ему это кажется лучшимъ, и въ результатѣ будетъ осуществленіе всѣми того, къ чему каждый въ отдѣльности стремится, потому что, прибавляли экономисты, въ мірѣ господствуетъ гармонія, проявленію которой мѣшаютъ только устарѣлые законы и учрежденія, основанные на вмѣшательствѣ въ индивидуальную дѣятельность.

На этой точкѣ зрѣнія гармоніи интересовъ стоялъ Ад. Смитъ, но около 1800 г. въ этой оптимистической теоріи, какъ извѣстно, была пробита брешь «Опытомъ о народонаселеніи» Мальтуса, написаннымъ въ опроверженіе того взгляда, что общественныя бѣдствія имѣютъ причину въ дурномъ устройствѣ общества. Своей задачею Мальтусъ поставилъ доказать, что никакія учрежденія, никакое правительство, никакіе законы не въ состояніи нарушить естественный порядокъ: нѣтъ въ мірѣ экономической гармоніи, ибо законъ природы совсѣмъ иной, и если страданія рабочихъ не оправдали тѣхъ ожиданій, какія возлагались на усиленное производство, то это потому, что иначе и быть не можетъ по самому закону народонаселенія, стремящагося возрастать въ прогрессіи геометрической, тогда какъ средства питанія ростутъ лишь въ прогрессіи ариѳметической. Тѣ же самые люди, которые защищали существующій порядокъ съ оптимистиче-

ской точки зрѣнія, ссылались на существующую въ мірѣ гармонію интересовъ, теперь стали защищать его, такъ сказать, пессимистически, указывая на то, что хотя всѣ бѣдствія, причиняемыя этимъ порядкомъ, несомнѣнны и очевидны, но что же дѣлать, если иначе и быть не можетъ въ силу непреложнаго закона самой природы. «Человѣкъ, рождающійся на свѣтъ, уже занятый другими, если семья не имѣетъ средствъ его кормить, или если общество не нуждается въ его работѣ, — такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ ни малѣйшей даже части пищи, и на самомъ дѣлѣ онъ—лишній на свѣтѣ. На большомъ пиру природы для него не поставлено прибора. Природа приказываетъ ему удалиться и не замедляетъ сама привести въ исполненіе этотъ приговоръ».—Другую брешь въ теоріи естественной гармоніи интересовъ пробили «Принципы политической экономіи и налоговъ» Давида Рикардо (1817). До Рикардо вопросъ о рабочей платѣ разсматривался лишь съ той точки зрѣнія, что чѣмъ ниже эта плата, тѣмъ ниже цѣны продуктовъ, и что отсюда вытекаетъ несомнѣнная выгода для потребителей, въ числѣ которыхъ находятся и сами же рабочіе. Рикардо взглянулъ на дѣло совсѣмъ иначе, чтобы прійти къ тому общему выводу, что пониженіе рабочей платы равносильно повышенію предпринимательской прибыли, и что, слѣдовательно, между интересами работодателя и рабочаго существуетъ прямая противоположность. По его «желѣзному закону рабочей платы», каждый продуктъ, являющійся результатомъ затраты капитала и труда, раздѣляется между представителями того и другого такимъ образомъ, что чѣмъ меньше получаетъ одинъ, тѣмъ больше, весьма естественно, остается на долю другого. Поэтому, разъ существуетъ извѣстная степень производительности труда, прибыль капиталиста ничѣмъ быть уменьшена не можетъ, кромѣ одного только увеличенія рабочей платы, и съ другой стороны, нѣтъ никакихъ средствъ повысить прибыль иначе, какъ путемъ пониженія рабочей платы. Рикардо писалъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Адама Смита, когда индустріальная революція уже подходила къ своему завершенію. На многихъ новыя отношенія производили впечатлѣніе неурядицы, но Рикардо взялся объяснить лишь кажущуюся, какъ онъ полагалъ, анархію изъ нѣсколькихъ принциповъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ онъ призналъ свободную конкурренцію, и продолжалъ утверждать, что преслѣдованіе индивидуальдой пользы удивительно какъ совпадаетъ съ пользою всѣхъ. Продолжатели Адама Смита,

Мальтуса и Рикардо еще послѣдовательнѣе, чѣмъ они сами, стояли на односторонней точкѣ зрѣнія преимущественныхъ заботъ о производствѣ, изъ-за которыхъ забывали судьбу производителей, т.-е. рабочихъ. Напр., французскаго экономиста первой трети XIX в. Жана-Батиста Сэя уже прямо ослѣпляли могущество капитала, чудеса новаго производства, выгоды свободной конкурренціи и т. п., на мрачныя же стороны современнаго ему экономическаго быта онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія теоріи Мальтуса: таковъ законъ, противъ котораго уже ничего сдѣлать нельзя. Многіе второстепенные послѣдователи школы впадали даже въ тонъ какого-то ликующаго оптимизма по поводу успѣховъ крупной индустріи, какъ послѣдняго слова прогресса, и старались поставить ей въ заслугу то, что съ моральной и соціальной точекъ зрѣнія заслуживало скорѣе отрицательнаго отношенія.

Экономическій либерализмъ находился въ тѣсной связи съ либерализмомъ политическимъ: и тамъ, и здѣсь, какъ мы видѣли, основнымъ принципомъ была свобода. Политическіе реакціонеры были, наоборотъ, противниками и новыхъ экономичекихъ теорій, явившись вмѣстѣ съ тѣмъ защитниками отживавшихъ формъ экономическаго быта, наприм., и патріархальныхъ помѣщичье-крестьянскихъ отношеній, и цеховой организаціи обрабатывающей промышленности. Ученіе о свободной конкурренціи и о невмѣшательствѣ государства пришлось какъ нельзя болѣе по душѣ промышленной буржуазіи, которая не могла не видѣть всей выгоды для себя отъ проведенія въ жизнь принципа «laissez passer, laissez faire». Но и тѣ политическіе писатели, которые не ставили на первый планъ классовые интересы предпринимателей, были убѣждены въ томъ, что полная свобода промышленности имѣетъ совершенно такія же основанія и должна приводить къ совершенно такимъ же результатамъ, какъ и свобода въ области духовной культуры, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова и т. п. Такова была, наприм., точка зрѣнія Бенжамена Констана, приводившаго въ своей политической теоріи аргументы и въ пользу спеціально промышленной свободы, забывая, что свободная конкурренція капиталиста съ рабочимъ не можетъ быть признана за мирное соперничество двухъ совершенно равныхъ между собою силъ. Бенжаменъ Констанъ возставалъ противъ всякихъ запрещеній и монополій (между прочимъ, и цеховыхъ) и противъ всякихъ поощреній, находя ихъ несправедливыми и нелѣпыми, такъ какъ они только создаютъ

препятствія для свободной конкурренціи, этого наиболѣе дѣйствительнаго средства совершенствованія всѣхъ производствъ. Онъ высказывался и противъ регулированія заработной платы, которое въ былыя времена всегда имѣло въ виду ея пониженіе. «Не думайте, говоритъ онъ, будто установленіе заработной платы нужно для того, чтобы подавлять чрезмѣрную требовательность работниковъ и вздорожаніе рабочихъ рукъ. Бѣдность имѣетъ очень скромныя желанія. Развѣ простой голодъ не заставляетъ рабочаго, оставивъ въ сторонѣ всякія разсужденія о своихъ правахъ, продавать свое время и свои силы ниже дѣйствительной ихъ стоимости? Къ чему регламентація, когда сама природа вещей устанавливаетъ законъ безъ какихъ бы то ни было прижимокъ и насилія?» Съ точки зрѣнія интересовъ потребителей регламентація тоже не нужна: «между публикой и рабочимъ существуетъ безжалостный классъ хозяевъ. Насколько лишь возможно, онъ даетъ наименьшую плату и стремится получать какъ можно больше, извлекая одновременно выгоду и изъ нуждъ рабочаго класса, и изъ потребностей зажиточной части общества. Есть вѣчная причина равновѣсія между цѣною и стоимостью труда, причина, дѣйствующая безъ принужденія и такъ, чтобы всѣ расчеты были благоразумны, и всѣ интересы удовлетворены. Эта причина заключается въ конкурренціи, а ее-то и отвергаютъ». Каждый лучше другихъ знаетъ собственный свой интересъ. «Истинное поощреніе для всѣхъ родовъ труда заключается въ потребности, какую въ немъ чувствуютъ. Достаточно одной свободы, чтобы поддерживать ихъ всѣ въ спасительной и надлежащей пропорціи». По мнѣнію Бенжамена Констана, писатели, указывавшіе на бѣдственное положеніе трудящихся классовъ общества при произвольныхъ правительствахъ, напрасно думали, что прямымъ дѣйствіемъ власти можно было бы облегчить ихъ положеніе: причина бѣдствія—въ дурномъ политическомъ устройствѣ, лекарство—только въ свободѣ и справедливости. Но такой взглядъ не замедлилъ вызвать противъ себя оппозицію со стороны тѣхъ, которые видѣли, что одна голая свобода можетъ очень часто быть равносильною свободѣ умирать съ голоду.

XI. Эпоха торжества буржуазіи [1]).

Историческій ростъ средняго сословія, или буржуазіи.—Французская буржуазія въ концѣ XVIII и первой трети XIX в. — Значеніе іюльской революціи во Франціи и первой парламентской реформы въ Англіи.—Консервативная и либеральная партіи въ Англіи и во Франціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.—Агитація въ Англіи въ пользу свободной торговли и манчестерская школа въ политической экономіи.—Начало фабричнаго законодательства въ Англіи.—Общій характеръ господства буржуазіи во Франціи въ эпоху іюльской монархіи.—Ліонское возстаніе рабочихъ въ 1831 г. и его значеніе.—Буржуазія внѣ Англіи и Франціи.

Только-что разсмотрѣнный экономическій переворотъ въ значительной мѣрѣ усилилъ соціальное значеніе того общественнаго класса, матеріальную основу котораго составляютъ промышленность и торговля. Іюльская революція во Франціи и первая парламентская реформа въ Англіи были двумя побѣдами этого класса надъ землевладѣльческимъ дворянствомъ, вслѣдствіе распространенія избирательныхъ правъ на болѣе широкіе круги въ предѣлахъ, однако, извѣстнаго имущественнаго ценза. Въ эпоху реставраціи буржуазію, — не давая ей, впрочемъ, этого названія,— любили противополагать аристократіи, ибо борьба велась въ эту эпоху какъ-разъ между тою и другою, въ эпоху же іюльской монархіи начали противополагать этотъ «средній» классъ народной массѣ, все болѣе и болѣе привыкая обозначать его терминомъ «буржуазія». Въ средніе вѣка слово «буржуа» обозначало то же самое, что въ Германіи слово «бюргеръ»: это было общее названіе для жителей городовъ, «бурговъ», въ отличіе отъ жителей деревень, т.-е. для горожанъ вообще, но съ теченіемъ времени оно стало прилагаться только къ извѣстнымъ, болѣе зажиточнымъ слоямъ городского населенія, занимавшимъ среднее положеніе между дворянствомъ и народомъ. Во Франціи буржуазіей начали называться верхи третьяго сословія, какъ до революціи обозначалось все населеніе страны, кромѣ привилегированныхъ сословій, т.-е. духовенства и дворянства. Либеральные публицисты и историки эпохи реставраціи, говоря о борьбѣ третьяго сословія противъ

[1]) Уч. кн., §§ 294—296.—И. З. Е., т. V, гл. V и X.—Общій взглядъ, гл. VIII.

феодальнаго дворянства еще въ эпоху крестовыхъ походовъ, имѣли въ виду преимущественно горожанъ, а въ городскомъ населеніи — верхніе его слои, обогащавшіеся торговлею, промышленностью, позднѣе разными денежными операціями. Съ эпохи крестовыхъ походовъ начался историческій ростъ этого общественнаго класса, политическое положеніе котораго, однако, оставалось незавиднымъ. Королевская власть временъ стараго порядка была тѣсно связана съ дворянствомъ, за которымъ старалась сохранить всѣ старыя привилегіи, хотя, съ другой стороны, покровительствуя, въ эпоху господства меркантилизма, главнымъ образомъ, торговлѣ и обрабатывающей промышленности, сама же немало содѣйствовала обогащенію и соціальному возвышенію буржуазіи.

Въ Англіи, гдѣ раньше, чѣмъ на материкѣ пали средневѣковыя сословныя перегородки и гдѣ имущіе классы общества были представлены въ парламентъ, ограничивавшемъ королевскую власть, торгово-промышленный классъ уже въ XVIII в. пользовался значительнымъ политическимъ вліяніемъ, до какого французской буржуазіи было еще далеко, хотя и англійская буржуазія все-таки была стѣснена уродливою избирательною системою, отдававшею представительство въ парламентѣ преимущественно въ руки землевладѣльческаго класса. Во Франціи до 1789 г. вся государственная власть была сосредоточена въ особѣ короля и въ безусловно отъ него зависившей бюрократіи, и существовали разныя привилегіи, вредныя или обидныя для буржуазіи. Между тѣмъ эта буржуазія была весьма зажиточнымъ и очень, въ общемъ, просвѣщеннымъ классомъ и весьма естественно тяготилась своимъ приниженнымъ положеніемъ. Когда началась революція, буржуазія въ борьбѣ со старымъ порядкомъ шла впереди народа, сама стремясь, однако, занять такое же мѣсто въ обществѣ, какое раньше принадлежало привилегированнымъ. Выше уже упоминалось, что чисто народныя движенія и стремленія демократическихъ партій заставляли буржуазію свернуть на путь реакціи. Умѣренная республика по конституціи III года не удалась. Наступило господство Наполеона, при которомъ продолжалось обогащеніе буржуазіи и закрѣплялось ея первенствующее положеніе въ обществѣ. Реакція временъ реставраціи стала оспаривать у буржуазіи соціально-политическое первенство, но іюльскій переворотъ 1830 г. наконецъ рѣшилъ историческую тяжбу между двумя главными имущими классами Франціи въ пользу болѣе молодого и вер-

нулъ его къ тѣмъ временамъ, когда, какъ это было въ концѣ XVIII в., буржуазія могла мечтать о томъ, чтобы занять господствующее положеніе въ государствѣ. Въ 1830 г. она и достигла этого, посадивъ на престолъ короля, который былъ совершенно въ ея духѣ.

Уже черезъ десять лѣтъ послѣ іюльской революціи Луи Бланъ опредѣлялъ въ своей «Исторіи десяти лѣтъ» іюльскую монархію, какъ царство именно буржуазіи. Тогда же онъ точно формулировалъ, что же слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ терминомъ. «Подъ буржуазіей, писалъ онъ, я разумѣю совокупность гражданъ, которые, владѣя орудіями труда или капиталомъ, работаютъ при помощи своихъ собственныхъ средствъ и зависятъ отъ другихъ только въ извѣстной мѣрѣ». Этотъ классъ Луи Бланъ противополагалъ уже не аристократіи, какъ это дѣлали либеральные писатели эпохи реставраціи, говорившіе о раздѣленіи націи на «людей пергаментовъ» и «людей индустріи», а народу: новое словоупотребленіе допускало и даже требовало, чтобы въ буржуазію были зачислены и землевладѣльцы, т.-е. бывшіе дворяне, народъ же Луи Бланъ опредѣлялъ, какъ «совокупность гражданъ, которые, не владѣя капиталомъ, зависятъ отъ другихъ вполнѣ и во всемъ, что касается первыхъ потребностей жизни». Уже въ эпоху революціи обнаруживалось различіе въ интересахъ и въ стремленіяхъ буржуазіи и народа,— различіе, которое хорошо понимали и подчеркивали первые историки французской революціи, писавшіе еще въ двадцатыхъ годахъ. Пока нужно было разрушать старый порядокъ, буржуазія и народъ дѣйствовали заодно, но въ созиданіи новаго строя они разошлись: буржуазія обнаружила стремленіе удержать власть за собою, народъ—улучшить свой матеріальный бытъ. Въ эпоху реставраціи буржуазіи приходилось вести борьбу на одинъ фронтъ—со старою аристократіей, но когда послѣдняя была побѣждена, побѣдителямъ предстояло начать борьбу и на другой фронтъ—съ демократіей.

Между іюльской революціей во Франціи и первою парламентскою реформою въ Англіи, въ смыслѣ того значенія, какое онѣ получили въ политической жизни обѣихъ странъ, было извѣстное сходство. И во Франціи, и въ Англіи побѣда была одержана при помощи народныхъ массъ, но плодами побѣды воспользовалась одна буржуазія. Во Франціи пониженіе ценза для избирателей съ 300 фр. до 200 и съ 1000 фр. до 500 для избираемыхъ имѣло

своимъ результатомъ то, что число избирателей болѣе, чѣмъ удвоилось: при реставраціи ихъ было лишь 90 т., теперь стало около 200 т., а въ концѣ іюльской монархіи до 240 т. Въ Англіи тоже, какъ мы знаемъ, въ полтора раза увеличилось число избирателей въ парлыментъ, и — что особенно важно — право отдѣльнаго представительства получили новые промышленные города, раньше не имѣвшіе этого права. Если въ борьбѣ за парламентскую реформу въ Англіи есть много общаго съ тою борьбою, какую во Франціи вела либеральная буржуазія противъ реакціоннаго дворянства, то и въ дальнѣйшемъ наблюдается аналогія между демократической оппозиціей и во Франціи, и въ Англіи. И здѣсь, и тамъ въ извѣстныхъ кругахъ и слояхъ общества обнаружилось недовольство исходомъ, какой получили въ одной странѣ революція, въ другой—парламентская реформа.

Въ обѣихъ странахъ въ эту эпоху общественные классы, имѣвшіе парламентское представительство, попрежнему дѣлились на двѣ партіи—консервативную и либеральную. Въ Англіи эти названія стали прилагаться къ прежнимъ торіямъ и вигамъ, но какія бы разногласія ни существовали между ними по общимъ и частнымъ вопросамъ политики, обѣ партіи одинаково представляли собою интересы господствующихъ классовъ. Во Франціи дѣленіе на партіи было нѣсколько болѣе сложнымъ, но если мы исключимъ немногочисленныхъ приверженцевъ старшей линіи Бурбоновъ, т.-е. легитимистовъ, съ одной стороны, а съ другой—неособенно сильную лѣвую, то двумя главными партіями, боровшимися между собою за власть, окажутся правый и лѣвый центры. Подобно тому, какъ въ Англіи послѣ реформы 1832 г. консервативныя министерства не придерживались строго парламентскаго правленія, а министерства либеральныя, наоборотъ, его укрѣпляли, такъ и во Франціи вождь праваго центра, Гизо, отстаивалъ торійскій принципъ, по которому король имѣлъ право назначать министровъ, лишь считаясь съ мнѣніемъ палатъ, а не подчиняясь волѣ большинства, глава же лѣваго центра, Тьеръ, слѣдовалъ принципу виговъ, въ силу котораго король долженъ былъ выбирать министровъ, прямо сообразуясь съ волею большинства въ палатѣ [1]). Были, конечно, и другіе пункты разногласія между этими двумя главными партіями, боровшимися

[1]) Знаменитый принципъ Тьера: «король царствуетъ, но не управляетъ».

между собою за власть, но все это были пункты чисто политическіе, въ классовомъ же отношеніи политическіе противники являлись, въ сущности, защитниками однихъ и тѣхъ же интересовъ. Либерализмъ, уже раньше имѣвшій буржуазный характеръ, теперь еще больше отражалъ на себѣ предразсудки, пристрастія и интересы господствующаго класса. Партіи, отстаивавшія интересы народныхъ массъ, обречены были на внѣ-парламентскую дѣятельность. Весьма естественно, что въ нихъ царствовало оппозиціонное настроеніе, которымъ все болѣе и болѣе стали проникаться и рабочіе. Времена іюльской монархіи вообще характеризуются обостреніемъ отношеній между буржуазіей и пролетаріатомъ. Новыя ученія, ставившія первою задачею движенія впередъ улучшеніе быта народныхъ массъ, встрѣчались буржуазіей крайне враждебно, и либерализмъ, когда-то игравшій роль прогрессивнаго фактора, началъ получать консервативный оттѣнокъ—противъ требованій новыхъ общественныхъ классовъ, выступавшихъ на арену политической жизни. Болѣе высокія стремленія прежняго либерализма съуживаются въ эту эпоху, и особенною популярностью начинаетъ пользоваться идея невмѣшательства государства въ сферу экономическихъ отношеній, т.-е. въ борьбу капитала съ трудомъ.

Еще въ 1820 г. верхи лондонской буржуазіи представили парламенту петицію о свободной торговлѣ, сразу вызвавъ этимъ сочувствіе во всей странѣ. Немедленно вслѣдъ за этимъ и главный городъ Шотландіи, Эдинбургъ, послалъ въ парламентъ свою петицію въ томъ же смыслѣ. Парламентъ тотчасъ же образовалъ особую комиссію объ улучшеніи и расширеніи иностранной торговли Соединеннаго королевства. Это было время особенно сильнаго вліянія политической экономіи въ образованномъ обществѣ Англіи. «До 1818 г., говоритъ одинъ современникъ, о политической экономіи мало кто зналъ, или, по крайней мѣрѣ, наука эта служила предметомъ обсужденія лишь среди тѣснаго кружка философовъ, а законодательство, которое далеко не согласовалось съ принципами этой науки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдалялось отъ нихъ». Нѣсколько лѣтъ спустя общественное отношеніе къ политической экономіи было уже совершенно иное. «Политическая экономія, говоритъ Милль, съ большой силой потребовала себѣ права завѣдовать общественными дѣлами, и это требованіе выразилось въ подачѣ петиціи лондонскихъ купцовъ объ осуществленіи свободной торговли».

Съ 1822 г. начали одинъ за другимъ вноситься въ парламентъ билли въ духѣ свободной торговли, причемъ ея сторонники защищали ее не только при помощи теоретическихъ соображеній, но и посредствомъ указаній на практическія требованія, вытекавшія изъ состоянія англійской промышленности. Наприм., для англійскихъ фабрикъ необходимы были сырые продукты, привозившіеся изъ другихъ государствъ, но пока на сырье налагались ввозныя пошлины, англійскіе фабриканты не могли получать его по дешевой цѣнѣ. Далѣе, въ силу такъ называемаго навигаціоннаго акта 1651 г. привозить въ Англію иностранные товары можно было только на англійскихъ судахъ, что тоже неблагопріятно отзывалось на англійской промышленности, тѣмъ болѣе, что стѣсненія, которымъ были подчинены иностранцы въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей, вызывали со стороны другихъ правительствъ мѣры, стѣснительныя для англійской промышленности, работавшей для вывоза заграницу. Совершенно иначе, нежели буржуазія, относилась къ этому вопросу поземельная аристократія, которая получала большія выгоды отъ существованія хлѣбныхъ законовъ, не дозволявшихъ падать цѣнамъ на хлѣбъ, производимый въ Англіи.—Парламентская реформа 1832 г. создала для буржуазіи болѣе благопріятныя условія для проведенія въ жизнь своихъ классовыхъ интересовъ. Ослабивъ политическое значеніе поземельной аристократіи, эта реформа увеличила избирательныя права буржуазіи, а чрезъ это и ея вліяніе на парламентское законодательство. Рабочіе классы, которые своимъ содѣйствіемъ помогли буржуазіи добиться расширенія избирательныхъ правъ, довольно скоро почувствовали, что сами они ничего не выиграли отъ этой реформы. Въ то самое время, какъ буржуазія стремилась къ осуществленію свободной торговли, распространяя этотъ принципъ и на промышленность и требуя полнаго невмѣшательства государства въ экономическую жизнь вообще, рабочіе, наоборотъ, возражали противъ принципа свободной конкурренціи, какъ крайне невыгоднаго для ихъ интересовъ, и требовали государственнаго вмѣшательства въ промышленность ради огражденія ихъ отъ эксплуатаціи. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ англійская буржуазія добилась отъ парламента цѣлаго ряда мѣръ, результатомъ которыхъ было освобожденіе торговли отъ государственной регламентаціи. Но буржуазіи не удалось провести принципъ во всей его чистотѣ — въ области отношеній между промышленными предпріятіями и промышлен-

нымъ трудомъ: съ одной стороны, рабочіе слишкомъ громко предъявляли свои требованія въ противоположномъ смыслѣ, а съ другой стороны, нерѣдко они находили союзниковъ среди поземельной аристократіи, не раздѣлявшей увлеченія буржуазіи идеей экономической свободы.

Вліяніе идеи невмѣшательства государства въ экономическую жизнь народа прежде всего отразилось на отмѣнѣ въ 1834 г. старыхъ законовъ о бѣдныхъ. Извѣстно, что по этимъ законамъ приходы посредствомъ особаго налога, падавшаго на поземельныхъ собственниковъ, должны были обезпечивать существованіе своихъ пауперовъ, между прочимъ, даже въ формѣ приплаты къ личному заработку бѣдняка, если этого заработка не хватало для содержанія его семьи. Съ 1834 г. пауперы могли получать пособія только въ рабочихъ домахъ, гдѣ были заведены самые строгіе порядки, заставлявшіе народъ всячески избѣгать этихъ благотворительныхъ тюремъ. При проведеніи этого закона ссылались на теорію Мальтуса, говорившаго, что благотворительность только плодитъ нищихъ, самый же важный аргументъ заключался въ томъ, что налоги въ пользу бѣдныхъ скоро поглотятъ имущества лордовъ и джентльменовъ, и что потому нужно спасти ихъ отъ такой перспективы. На аргументѣ о разорительности налога въ пользу бѣдныхъ сходились всѣ собственники—и лендлорды, и фабриканты, и консерваторы, и либералы. Другимъ важнымъ фактомъ въ исторіи установленія экономической свободы была борьба противъ хлѣбныхъ законовъ. Въ 1836 г. положено было основаніе ассоціаціи, вскорѣ получившей названіе «Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ». Иниціаторы и организаторы этого движенія выставляли на видъ, что пошлины на ввозный хлѣбъ крайне вредно отзываются на матеріальномъ благосостояніи бѣдныхъ классовъ населенія. Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ, предпринятая этою лигою, не пользовалась, однако, сочувствіемъ рабочаго класса, такъ какъ вождями лиги являлись тѣ самыя лица, которыя выступали въ парламентѣ во имя принципа промышленной свободы противниками государственнаго вмѣшательства въ видахъ огражденія интересовъ рабочаго класса. Да и на самомъ дѣлѣ это была лишь борьба промышленной буржуазіи противъ поземельной аристократіи, ибо лига не могла скрыть, что цѣлью всего ея похода на хлѣбные законы должно было быть ослабленіе землевладѣльческаго класса путемъ уменьшенія доходовъ, доставляемыхъ поземельною соб-

ственностью. Кромѣ того, болѣе дешевый хлѣбъ обезпечивалъ возможность и болѣе низкой рабочей платы. Нерѣдко и на митингахъ, и въ парламентѣ сами фабриканты довольно откровенно заявляли, что стоятъ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ расчетѣ на то, что эта мѣра позволитъ имъ меньше платить за трудъ рабочихъ. Буржуазіи въ концѣ концовъ удалось добиться своего. Черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ началась агитація, въ іюнѣ 1846 г., парламентъ послѣ весьма упорной борьбы между заинтересованными сторонами отмѣнилъ хлѣбные законы.

Одновременно съ этимъ цѣлый рядъ частныхъ мѣръ все болѣе и болѣе дѣлалъ изъ Англіи страну вообще свободной торговли. Начали даже отмѣняться такіе законы, которые ранѣе, при другихъ обстоятельствахъ, были изданы какъ-разъ въ видахъ огражденія интересовъ промышленнаго класса. Стремясь удержать за собою монополіи многихъ производствъ, Англія строго наблюдала за тѣмъ, чтобы не дать развиться этимъ производствамъ въ другихъ странахъ. Съ этою цѣлью запрещались вывозъ каменнаго угля и машинъ, а также выселеніе механиковъ, машинистовъ и вообще всякихъ сколько-нибудь искусныхъ рабочихъ. Къ разсматриваемой эпохѣ своимъ промышленнымъ прогрессомъ Англія настолько опередила континентальныя страны, что англійскимъ предпринимателямъ уже нечего было бояться иностранной конкурренціи, и они могли, напримѣръ, спокойно относиться къ вывозу каменнаго угля или машинъ. Теперь свободы торговли стали даже прямо требовать интересы владѣльцевъ каменноугольныхъ копей и рудниковъ, равно какъ строителей машинъ, въ виду того, что эти отрасли промышленности получили значительное развитіе. Вотъ почему уже въ 1843 г. парламентъ объявилъ полную свободу для вывоза машинъ изъ Англіи, а въ слѣдующемъ году одинъ изъ главныхъ борцовъ свободной торговли говорилъ въ парламентѣ, что «настало время, когда почти каждый индивидуумъ, рожденный на британской почвѣ, долженъ смотрѣть на мануфактуру, а во всякомъ случаѣ не на земледѣліе, какъ на единственныя средства своего существованія». Оставалось сдѣлать только еще одинъ шагъ, чтобы устранить всякія задержки, препятствовавшія свободному развитію англійской торговли и промышленности. Въ 1847 г. парламентъ организовалъ особую коммиссію по вопросу о томъ, какъ отражается навигаціонный актъ на экономической жизни страны, а

черезъ годъ въ нижнюю палату внесенъ былъ билль о необходимости его отмѣны. Противники стѣсненій указывали на то, что при существующихъ условіяхъ Англія вовсе не нуждается въ защитѣ отъ иностранцевъ, и что отмѣна всякихъ ограниченій въ дѣлѣ судоходства только удешевитъ перевозку товаровъ, создастъ новые предметы вывоза и откроетъ новые рынки. Въ 1848 г. провести этотъ билль не удалось вслѣдствіе оппозиціи, въ которой играли роль, между прочимъ, судовладѣльцы, но въ слѣдующемъ году билль о свободѣ судоходства былъ принятъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Впрочемъ, и эти послѣднія просуществовали недолго: въ 1851 г. и они были окончательно отмѣнены.

Въ этомъ торжествѣ принциповъ свободной торговли нельзя не видѣть одного изъ важнѣйшихъ результатовъ парламентской реформы 1832 г., усилившей вліяніе англійской буржуазіи. Въ свою очередь, и сама свободная торговля въ значительной степени содѣйствовала усиленію буржуазіи. Весьма естественно поэтому, что экономическая теорія свободной конкурренціи сдѣлалась очень популярною среди представителей промышленности, торговли и денежныхъ операцій. Но англійская буржуазія въ своей борьбѣ противъ государственной регламентаціи шла еще дальше и стремилась устранить ее и изъ области взаимныхъ отношеній труда и капитала. Цѣлая школа экономистовъ такъ нязываемаго манчестерскаго направленія выступила съ защитою и проповѣдью принципа государственнаго невмѣшательства. Дѣло въ томъ, что главнымъ центромъ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ былъ Манчестеръ, въ которомъ впослѣдствіи даже воздвигли памятникъ главному вождю «лиги противъ хлѣбныхъ законовъ» Кобдену, принадлежавшему къ числу фабрикантовъ этого промышленнаго города. Защита экономической свободы и есть основная черта манчестерства. Эта школа, представители которой преимущественно занимались комментированіемъ и систематизаціей взглядовъ Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, взяла на себя задачу апологіи «laissez passer, laissez faire» въ виду, съ одной стороны, реакціи противъ принципа экономической свободы, которая стала проявляться и въ обществѣ, и въ литературѣ, а съ другой — въ виду начавшагося распространенія соціалистическихъ идей. Послѣдователи этого направленія возводили принципъ свободной конкурренціи на степень какого-то догмата, т.-е. придавали ему безусловное значеніе, какого онъ все-

таки еще не имѣлъ у самого родоначальника политической экономіи. Въ то время, когда писали манчестерцы, уже не должно было бы быть мѣста оптимизму, характеризующему ученіе Адама Смита, но они какъ бы закрывали глаза на дѣйствительность, противорѣчившую спасительности безусловнаго экономическаго соперничества, и ихъ теоріи прямо приспособлялись къ защитѣ интересовъ промышленнаго класса. Одинъ изъ представителей этого направленія, Сеніоръ,—бывшій замѣчательнымъ систематизаторомъ въ области политической экономіи,—возставая противъ законовъ о бѣдныхъ, доказывалъ, будто въ нихъ была главная причина всѣхъ золъ въ экономической жизни, такъ какъ общественная помощь пауперамъ снимала-де съ нихъ рискъ, присущій свободной дѣятельности, и заставляла ихъ лѣниться. И по другимъ вопросамъ Сеніоръ выступалъ въ роли противника требованій, предъявлявшихся государству со стороны рабочихъ, такъ что манчестерская школа вообще отличалась противодѣйствіемъ всякимъ соціальнымъ реформамъ, благодаря чему и пріобрѣла такую популярность въ буржуазіи. Англійскіе защитники промышленной свободы настолько полно разработали предметъ со своей исключительной точки зрѣнія, что французскимъ ихъ собратьямъ въ большинствѣ случаевъ оставалось только повторять на разные лады положенія англійской политической экономіи. Впрочемъ, и у французскихъ буржуазныхъ экономистовъ былъ свой родоначальникъ въ лицѣ Жана-Батиста Сея, который еще въ эпоху реставраціи проповѣдовалъ тѣ же идеи и съ величайшимъ оптимизмомъ говорилъ о промышленномъ прогрессѣ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ экономической свободѣ.

Несмотря на всѣ эти свои успѣхи, англійская буржуазія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ все-таки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ должна была считаться съ противодѣйствіемъ со стороны представителей землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Въ борьбѣ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ, выгодныхъ для послѣднихъ, буржуазія одержала побѣду, но зато потерпѣла пораженіе въ вопросѣ о фабричномъ законодательствѣ. Уже въ первые годы XIX вѣка, какъ мы видѣли нѣсколько выше, былъ изданъ законъ, ограждавшій дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ, отъ чрезмѣрной эксплуатаціи. Хотя и крайне несовершенный, законъ этотъ находился въ полномъ противорѣчіи съ идеей невмѣшательства. Нельзя сказать, чтобы въ Англіи безусловно господствовала теорія «laissez faire, laissez passer». Сторонники демо-

кратическихъ стремленій, о которыхъ будетъ еще идти рѣчь, осуждали доктрину, столь невыгодно отражавшуюся на интересахъ народа. Къ нимъ примыкали филантропы изъ разныхъ лагерей, не исключая и консервативнаго, возмущавшіеся печальными явленіями фабричнаго быта съ точки зрѣнія гуманности, нравственности и христіанской религіи. Общественная совѣсть особенно не мирилась съ дурнымъ обращеніемъ, какому подвергались несчастныя дѣти, работавшія на фабрикахъ. Это не могло не дѣйствовать на парламентъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ самомъ консервативная партія не только не раздѣляла идей манчестерской школы, но даже находила нужнымъ противодѣйствовать своекорыстнымъ стремленіямъ промышленной буржуазіи, отстаивавшей экономическую свободу. Вопросъ о положеніи малолѣтнихъ рабочихъ сдѣлался настоящею злобою дня въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда пауперизмъ въ Англіи достигъ крайнихъ предѣловъ. Въ 1833 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Уэкфильда «Англія и Америка», въ которомъ проводилась параллель между тѣмъ, какъ обращаются въ Англіи съ дѣтьми бѣдняковъ и въ Америкѣ съ дѣтьми негровъ: здоровьемъ и жизнью будущихъ рабовъ въ Америкѣ дорожатъ гораздо болѣе, чѣмъ здоровьемъ и жизнью будущихъ свободныхъ гражданъ Англіи. Въ то самое время, какъ въ парламентѣ разсматривался вопросъ о налогѣ въ пользу бѣдныхъ, одинъ изъ извѣстныхъ вождей демократической партіи, Коббетъ, написалъ памфлетъ «Завѣщаніе рабочимъ», гдѣ изображалъ ихъ бѣдственное положеніе и говорилъ о необходимости оказанія имъ государственной помощи. Одновременно съ тѣмъ, какъ за интересы рабочихъ ратовала извѣстная часть публицистики, они и сами пытались бороться съ неблагопріятными условіями, въ какія были поставлены. Главными средствами для этого были стачки и рабочіе союзы: они и напоминали о себѣ парламенту. Уже въ 1831 г. былъ изданъ законъ, которымъ запрещалась ночная работа для лицъ моложе двадцати одного года, тѣхъ же рабочихъ, которымъ не исполнилось еще восемнадцати лѣтъ, нельзя было и днемъ заставлять работать болѣе двѣнадцати часовъ, а по субботамъ болѣе девяти. Послѣ парламентской реформы, подъ вліяніемъ агитаціи со стороны рабочихъ союзовъ и враждебнаго отношенія консервативной партіи къ фабрикантамъ, фабричное законодательство приняло болѣе рѣшительный характеръ. Первый законъ послѣ 1832 г. былъ изданъ парламентомъ въ 1833 г. при сильной

поддержкѣ со стороны представителей крупнаго землевладѣнія (которымъ фабриканты впослѣдствіи отомстили отмѣною хлѣбныхъ законовъ). Актъ 1833 г. устанавливалъ для подростковъ отъ тринадцати до восемнадцати лѣтъ максимумъ работы не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки. Ночной трудъ запрещался также и для малолѣтнихъ, т.-е. для дѣтей отъ девяти до тринадцати лѣтъ, которыя притомъ вообще не должны были работать болѣе восьми часовъ въ сутки. За нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, запрещалось, наконецъ, пользоваться какимъ бы то ни было трудомъ дѣтей моложе девяти лѣтъ. Этотъ законъ, который долженъ былъ вводиться съ извѣстною постепенностью, создавалъ и особую фабричную инспекцію для наблюденія за тѣмъ, чтобы фабриканты не нарушали его постановленій. Предприниматели были крайне недовольны, и подъ ихъ давленіемъ правительство вскорѣ предложило понизить возрастъ малолѣтнихъ съ тринадцати на двѣнадцать лѣтъ. Но парламентъ не рѣшился на подобную уступку въ виду крайняго возбужденія, господствовавшаго среди рабочихъ. Къ числу противниковъ новаго закона принадлежалъ и экономистъ Сеніоръ. Въ 1844 г. парламентъ сдѣлалъ къ закону 1833 г. добавленіе, въ силу котораго къ несовершеннолѣтнимъ приравнивались и женщины старше восемнадцати лѣтъ: ихъ рабочее время было ограничено двѣнадцатью часами въ сутки, и женская ночная работа запрещалась. Послѣ того, какъ въ 1846 г. совершилась отмѣна хлѣбныхъ законовъ, крайне раздосадованные консерваторы готовы были еще болѣе, чѣмъ прежде, поддерживать требованія рабочихъ. Въ 1847 г., несмотря на сильную оппозицію промышленниковъ, прошелъ законъ, объявлявшій, что съ перваго же іюля этого года рабочее время для подростковъ и всѣхъ вообще работницъ должно было быть ограничено одиннадцатью часами въ сутки, а черезъ десять мѣсяцевъ рабочее время для лицъ обѣихъ категорій должно было быть сокращено до десяти часовъ въ сутки. Фабриканты, крайне недовольные этимъ закономъ, всячески старались помѣшать его проведенію въ жизнь. Имъ даже удалось вызвать со стороны рабочихъ нѣсколько петицій въ желательномъ для нихъ смыслѣ, но громадное большинстпо рабочаго класса стояло твердо на сторонѣ новаго закона. Фабриканты вели агитацію и въ періодической печати, и въ парламентѣ, изображая фабричныхъ инспекторовъ, какъ людей, подобныхъ конвентскимъ коммиссарамъ, которые ради своихъ филантропиче-

скихъ фантазій готовы были жертвовать дѣйствительными интересами подвластныхъ имъ людей. Но у рабочихъ были теперь защитники въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ, опровергавшихъ всѣ доводы фабрикантовъ.

Заслуживаетъ большого вниманія то обстоятельство, что всѣ эти эаконы были изданы въ то самое время, когда господствовала идея о благодѣтельности невмѣшательства. Объясняется это тремя главными причинами. Во-первыхъ, весьма большое вліяніе въ данномъ случаѣ оказано было движеніемъ среди самихъ рабочихъ, которое не могло не производить давленія на правящіе классы. Во-вторыхъ, немаловажную помощь рабочимъ въ ихъ домогательствахъ оказали многіе люди изъ другихъ классовъ общества, которые, движимые чувствомъ человѣколюбія, выступали безкорыстными защитниками интересовъ трудящейся массы. Подобное же значеніе имѣла и дѣятельность многихъ фабричныхъ инспекторовъ, въ родѣ знаменитаго Горнера, «фабричнаго цензора,—какъ выражается о немъ Марксъ,—оказавшаго безсмертныя услуги англійскому рабочему классу». (Между прочимъ, онъ полемизировалъ съ Сеніоромъ, всячески поддерживавшимъ манчестерцевъ въ ихъ ненависти къ вмѣшательству закона въ свободу договоровъ). Въ-третьихъ, благопріятное значеніе для рабочихъ имѣло и то обстоятельство, что между правящими классами существовалъ расколъ, касавшійся какъ-разъ вопроса объ экономической свободѣ. Въ иныхъ случаяхъ послѣдняя была прямо неблагопріятна для интересовъ землевладѣльческаго класса, а въ иныхъ этотъ классъ только не имѣлъ основаній защищать эту свободу. Представители промышленнаго капитала, добиваясь отмѣны хлѣбныхъ законовъ, наносили ущербъ всѣмъ, получавшимъ поземельную ренту, и вотъ послѣдніе мстили своимъ соперникамъ, поддерживая фабричное законодательство.

Во Франціи отношенія сложились совсѣмъ иначе, нежели въ Англіи. Въ англійскомъ парламентѣ рядомъ съ представителями торгово-промышленной буржуазіи все-таки продолжали дѣйствовать и представители землевладѣльческой аристократіи. Во Франціи, наоборотъ, представители послѣдней совсѣмъ почти исчезли изъ палаты депутатовъ, составъ которой вслѣдствіе этого былъ болѣе однороднымъ и именно въ смыслѣ рѣшительнаго преобладанія въ ней буржуазіи и притомъ буржуазіи крупной, пользовавшейся властью для отстаиванія своихъ классовыхъ интересовъ. Вотъ почему Франція тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не имѣла

фабричнаго законодательства, подобнаго англійскому. Единственный законъ въ защиту дѣтскаго труда былъ изданъ во Франціи лишь въ 1841 г., но, въ сущности, это былъ такой законъ, какой Англія имѣла уже въ 1802 г. Господствующій классъ іюльской монархіи твердо стоялъ на точкѣ зрѣнія невмѣшательства. И вообще господство буржуазіи во Франціи между 1830 и 1848 г. было болѣе полнымъ, болѣе неограниченнымъ. 200—240 т. избирателей составляли здѣсь «закономъ опредѣленную страну» (pays légal), за предѣлами которой находилась вся остальная нація. Министры и депутаты господствующаго класса во всей своей дѣятельности и въ борьбѣ другъ съ другомъ вели себя такъ, какъ будто не было во всей Франціи никого, кромѣ нихъ самихъ. Во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ какъ палаты, такъ и министры заботились лишь о выгодахъ буржуазіи, о ея промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ интересахъ и не обращали никакого вниманія на настроеніе, на стремленія и на значеніе въ обществѣ другихъ классовъ населенія. Въ сороковыхъ годахъ министерство Гизо постоянно имѣло за себя прочное большинство въ палатахъ и шло рука объ руку съ королемъ, а потому въ правительствѣ и въ буржуазіи была твердая увѣренность въ прочности положенія. Вообще правительство іюльской монархіи строго соблюдало лишь внѣшнія формы конституціоннаго устройства. Парламентская жизнь шла законнымъ порядкомъ, и смѣна министерствъ опредѣлялась побѣдами и пораженіями партій, вносившихъ въ свою борьбу много одушевленія и ораторскаго блеска. Но у этой жизни была закулисная сторона, очень некрасивая—подкупы на выборахъ и продажность народныхъ представителей, облегчавшаяся еще тѣмъ, что многіе депутаты были одновременно и чиновниками, находившимся въ зависимости отъ правительства. Въ лучшей части буржуазіи, но особенно въ широкихъ кругахъ демократіи правительство и палаты утратили поэтому всякій нравственный авторитетъ, а мелочная борьба парламентскихъ партій, изъ которой не выходило ничего путнаго для страны, стала вызывать въ лицахъ, непосредственно въ ней не заинтересованныхъ, только одно презрѣніе. Обогащеніе сдѣлалось главнымъ лозунгомъ правящаго класса, и онъ обогащался всякими правдами и неправдами. Наприм., въ сороковыхъ годахъ во Франціи усиленно строились желѣзныя дороги акціонерными компаніями съ государственной гарантіей: барыши шли въ карманы акціонеровъ, рискъ падалъ на казну. Другимъ сред-

ствомъ легкой наживы было участіе въ частыхъ государственныхъ займахъ и т. п. Въ 1847 г. изъ Парижа о французской жизни писалъ въ Россію Герценъ свои извѣстныя письма, гдѣ крайне пессимистически изображалъ состояніе Франціи подъ управленіемъ буржуазіи. «Матеріальные интересы подавили собой всѣ другіе... Вмѣсто благородныхъ идей и возвышенныхъ цѣлей, рычагъ, приводящій все въ движеніе,—деньги... Одна господствующая страсть,—писалъ онъ еще, но уже послѣ февральской революціи,—поглощала всѣ мысли и досуги средняго состоянія (т.-е. буржуазіи)—стяжаніе, нажива, ажіотажъ... Изданіе журнала, выборъ депутата, голосъ въ камерѣ, все это было торговымъ оборотомъ, едва прикрытымъ условными фразами. Сила банкировъ во всѣхъ дѣлахъ была чрезвычайная; министерство боялось больше всѣхъ золъ распаденія съ капиталистами».

Въ самомъ началѣ этого господства буржуазіи во Франціи произошло одно событіе, которое впервые указывало на зарожденіе въ странѣ рабочаго вопроса. Это событіе должно было имѣть для буржуазіи, только-что достигшей власти, предостерегающее значеніе, но правящій классъ не извлекъ отсюда никакого для себя урока. Событіемъ, о которомъ идетъ рѣчь, было возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ осенью 1831 г., возникшее на почвѣ обострившихся отношеній между трудомъ и капиталомъ и показавшее, какая пропасть образовалась между буржуазіей и рабочимъ классомъ. Рабочіе, на знамени которыхъ красовалась надпись: «жить работая, или умереть, сражаясь», на время даже совсѣмъ овладѣли городомъ. Что особенно замѣчательно въ ліонскомъ возстаніи 1831 г., это—то, что, во-первыхъ, оно было совершенно лишено какого бы то ни было политическаго характера, возникнувъ на чисто экономической почвѣ, и что, во-вторыхъ, оно произошло независимо и отъ какой бы то ни было агитаціи въ соціалистическомъ смыслѣ. Это былъ стихійный взрывъ, причины котораго заключались непосредственно въ недовольствѣ рабочихъ отношеніемъ къ нимъ со стороны предпринимателей. Правда, когда вспыхнуло возмущеніе, имъ вздумали воспользоваться для своихъ цѣлей политическіе противники іюльской монархіи, т.-е. легитимисты, республиканцы и бонапартисты, но замѣчательно, что они не имѣли рѣшительно никакого успѣха у возставшихъ рабочихъ. При извѣстіи о ліонскихъ событіяхъ палата депутатовъ почти единогласно вотировала адресъ королю по поводу «откровеннаго и подроб-

наго сообщенія» министровъ о томъ, что̀ произошло въ Ліонѣ. «Мы спѣшимъ,— говорилось въ этомъ адресѣ, — выразить вашему величеству единодушное желаніе депутатовъ Франціи, чтобы правительство противопоставило этимъ печальнымъ эксцессамъ всю силу законовъ. Нужно, чтобы эти безпорядки прекратились какъ можно скорѣе; нужно, чтобы подобныя покушенія энергично подавлялись... Мѣры, принятыя правительствомъ вашего величества, вселяютъ въ насъ увѣренность, что возстановленіе порядка не заставитъ себя долго ждать... Мы счастливы, государь, что отъ имени Франціи можемъ предложить вамъ содѣйствіе ея депутатовъ, дабы возстановлять повсюду миръ, гдѣ бы только онъ ни былъ нарушенъ, подавлять всѣ проявленія анархіи, укрѣплять священные принципы, на коихъ основывается самое существованіе націи, поддерживать славное дѣло іюльской революціи и вездѣ обезпечивать за закономъ подобающую ему силу». Даже оппозиція, принявшая большое участіе въ преніяхъ по поводу ліонскаго возстанія, въ сущности, стояла на той же точкѣ зрѣнія. Во время этихъ преній не поднималось вопроса ни о размѣрѣ заработной платы, ни о государственномъ вмѣшательствѣ въ дѣла промышленности, ни о чемъ-либо другомъ, имѣвшемъ отношеніе къ причинамъ ліонскаго возстанія. Тогдашняя пресса также не съумѣла оцѣнить дѣйствительнаго значенія совершившихся фактовъ. Газеты поспѣшили успокоить своихъ читателей указаніемъ на то, что возстаніе отнюдь не имѣло политическаго характера, и что это была простая борьба между фабрикантами и рабочими. Соціальное значеніе ліонскихъ событій, такимъ образомъ, совершенно не было понято органами господствующаго класса Франціи.

Такого положенія, какого достигла буржуазія въ Англіи и во Франціи, она не достигала еще въ другихъ странахъ, за исключеніемъ развѣ Голландіи и Бельгіи. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ уже давнымъ-давно промышленный, торговый и денежный классъ пользовался виднымъ общественнымъ положеніемъ. Бельгійская революція 1830 г. сильно содѣйствовала развитію буржуазіи и въ новомъ государствѣ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ этой революціи. Иныя отношенія существовали въ болѣе отсталыхъ странахъ, къ числу которыхъ въ отношеніи промышленности нужно отнести и Германію въ исходѣ первой половины XIX в. Здѣсь еще не произошло развитія крупной индустріи и не образовалось очень рѣзкаго раздѣленія между

буржуазіей и народомъ. Преобладаніе мелкой промышленности создавало цѣлый рядъ переходовъ отъ простыхъ рабочихъ, занятыхъ въ мастерскихъ мелкихъ хозяевъ, къ настоящей буржуазіи, въ которой тоже еще не успѣли обособиться менѣе зажиточные и болѣе зажиточные элементы. Побѣда реакціи въ Германіи и послѣ 1815, и послѣ 1830 г., — реакціи, благопріятствовавшей дворянству, — препятствовала экономическому развитію буржуазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени объединяла интересы всѣхъ непривилегированныхъ, какъ это было, напримѣръ, и во Франціи до революціи конца XVIII в. Долгое время тормазомъ для экономическаго развитія Германіи служили и таможни, существовавшія между тремя дюжинами нѣмецкихъ государствъ, страшно стѣснявшія торговлю и препятствовавшія развитію промышленности. Впрочемъ, еще въ эпоху реставраціи сталъ возникать въ Германіи таможенный союзъ между отдѣльными государствами, настоящее же свое развитіе онъ получилъ только въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ: именно, между большею частью нѣмецкихъ государствъ таможни были уничтожены только въ 1834 г., послѣ чего расширеніе площади таможеннаго союза продолжалось и въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія [1]). Болѣе отсталое, въ сравненіи съ англійскою и французскою буржуазіей, нѣмецкое бюргерство тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ обращало свои взоры къ Англіи и Франціи, гдѣ и теоретически разрабатывалась, и практически осуществлялась идея экономической свободы, сливавшаяся въ представленіи нѣмецкихъ либераловъ въ одно неразрывное цѣлое съ идеей свободы политической и духовной.

Господство крупной буржуазіи вызвало противъ себя демократическую оппозицію, которая была очень популярна среди болѣе мелкой буржуазіи. Въ своемъ оппозиціонномъ настроеніи послѣдняя объединилась съ рабочимъ классомъ, имѣвшимъ свои причины быть недовольнымъ политическими порядками той эпохи.

---

[1]) Въ устройствѣ таможеннаго союза особенно была заинтересована Пруссія, между восточными и западными провинціями которой лежали чужія территоріи (Ганноверъ и др.). Этотъ таможенный союзъ оказалъ большое вліяніе на оживленіе экономической жизни Германіи и подготовилъ ея политическое объединеніе подъ гегемоніей Пруссіи.

XII. Демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ [1]).

Мнѣніе Токвиля о непреоборимости демократическаго движенія въ новое время. — Идеи свободы и равенства во Франціи и въ Англіи. — Сходныя черты демократическаго движенія въ обѣихъ странахъ.—Республиканскія попытки во Франціи послѣ 1830 г.—Чартизмъ въ Англіи.—Политическій радикализмъ въ Германіи.— «Молодая Италія».— Сближеніе между демократами разныхъ странъ. — Роль поляковъ и евреевъ въ демократическихъ движеніяхъ эпохи. — Проникновеніе въ демократическія движенія чисто соціальныхъ требованій.

Вскорѣ послѣ іюльской революціи уже упоминавшійся нами въ другомъ мѣстѣ Токвиль предпринялъ путешествіе въ Соединенные Штаты, чтобы на мѣстѣ изучить условія, при которыхъ политическая свобода можетъ существовать въ демократическомъ государствѣ. Результатомъ разысканій Токвиля была его знаменитая «Демократія въ Америкѣ», сразу прославившая его имя, какъ первоклассnаго политическаго писателя. «Великій демократическій переворотъ,—писалъ онъ въ самомъ же началѣ своего труда,—совершается между нами: всѣ его видятъ, но не всѣ одинаково судятъ о немъ. Одни видятъ въ немъ новость и, считая его случайностью, надѣются еще остановить его, между тѣмъ какъ другіе признаютъ его неотвратимымъ, потому что онъ кажется имъ фактомъ самымъ непрерывнымъ и постояннымъ изъ извѣстныхъ исторіи». Становясь самъ на вторую точку зрѣнія, Токвиль спрашивалъ, разумно ли предполагать, чтобы это общественное движеніе могло быть пріостановлено усиліями одного поколѣнія. «Можно ли думать, — прибавлялъ онъ, — что, разрушивши феодальный строй и побѣдивши королей, демократія отступитъ предъ буржуазіей и богатымъ классомъ? Остановится ли она теперь, когда она сдѣлалась столь сильною, а ея противники столь слабыми?» Токвиль даже признавался, что вся его книга «была написана подъ впечатлѣніемъ нѣкотораго рода религіознаго ужаса, произведеннаго въ душѣ ея автора видомъ этой неудержимой революціи, которая совершается въ теченіе столь-

[1]) И. З. Е., т. V, гл. IX, XI, XIV и XVIII. — Общій взглядъ, гл. IX. — Нар.-прав. госуд., гл. XVI.

кихъ вѣковъ, несмотря на всѣ препятствія, и которая и теперь видимо подвигается впередъ среди производимаго ею разрушенія... Казалось,—читаемъ мы у него нѣсколько далѣе,—еще никто не зналъ о существованіи демократіи, когда она неожиданно захватила въ свои руки власть. Тогда всѣ рабски подчинились ея малѣйшимъ желаніямъ; передъ ней преклонились, какъ передъ образомъ силы, и когда, наконецъ, она была ослаблена собственными излишествами, то законодатели задались безразсудною цѣлью уничтожить ее, вмѣсто того, чтобы постараться научить ее и исправить, и, не желая обучить ее управленію, думали лишь о томъ, чтобы удалить ее отъ управленія». Отсюда,—по мнѣнію Токвиля, — долженъ былъ получиться одинъ результатъ: «демократическая революція произошла въ составѣ общества, а между тѣмъ ни въ законахъ, ни въ понятіяхъ, ни въ нравахъ и обычаяхъ не произошло перемѣны, необходимой для того, чтобы сдѣлать эту революцію полезной. Такимъ образомъ, — заключалъ онъ, — у насъ есть демократія, но безъ того, что могло бы ослабить ея пороки и выдвинуть впередъ ея естественныя преимущества». «Можетъ быть,—писалъ онъ еще въ третьемъ томѣ своего труда, вышедшемъ въ свѣтъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго,—можетъ быть, покажется страннымъ, что, имѣя твердое убѣжденіе въ томъ, что демократическая революція, при которой мы присутствуемъ, есть фактъ неизбѣжный, бороться съ которымъ было бы неблагоразумно и нежелательно, я въ то же время часто обращаюсь въ этой книгѣ съ очень строгими сужденіями къ демократическимъ обществамъ, созданнымъ этою революціею. На это я отвѣчу просто, что именно потому, что я не противникъ демократіи, я и желалъ быть искреннимъ относительно нея. Люди не принимаютъ истины отъ своихъ враговъ, а друзья никогда ея имъ не предлагаютъ; вотъ почему я ее высказалъ».

Токвиля пугалъ примѣръ первой революціи, которая привела къ цезаризму, сравнявшему всѣхъ въ рабствѣ. Глядя на состояніе, до котораго дошли уже многія европейскія націи, онъ былъ склоненъ думать, что «скоро между ними окажется возможной только или демократическая свобода, или тираннія цезарей», и считалъ одно это достаточнымъ, чтобы преодолѣть въ себѣ недовѣріе къ демократіи. «Не слѣдовало ли бы, спрашивалъ онъ, признать постепенное развитіе демократическихъ учрежденій и нравовъ не лучшимъ, а единственнымъ средствомъ, остающимся у насъ для того, чтобы мы могли быть свободными?» ...«Если бы, — писалъ

онъ еще,—оказалось вѣрнымъ, что скоро не будетъ ничего средняго между господствомъ демократіи и владычествомъ одного, то не слѣдовало ли бы намъ скорѣе склониться къ первому, чѣмъ добровольно подчиниться второму? И если бы, наконецъ, мы должны были прійти къ полному равенству, то не лучше ли предоставить себя уравнивать свободѣ, чѣмъ деспоту?.. Я предвижу,—прибавлялъ Токвиль ко всему этому,—что если намъ не удастся современемъ основать у себя мирное господство большинства, то мы рано или поздно придемъ къ неограниченному господству одного». «Пока демократическая революція,—аргументировалъ онъ, наконецъ,—была еще въ разгарѣ, люди, занятые уничтоженіемъ боровшихся противъ нея старинныхъ аристократическихъ властей, были одушевлены сильнымъ духомъ независимости, но по мѣрѣ того, какъ побѣда равенства дѣлалась болѣе полною, они мало-по-малу предавались естественнымъ инстинктамъ, порождаемымъ этимъ самымъ равенствомъ, и потому усиливали и централизовали общественную власть. Они хотѣли быть свободными для того, чтобы сдѣлаться равными, и по мѣрѣ того, какъ равенство все болѣе утверждалось посредствомъ свободы, оно же затрудняло для нихъ пользованіе свободой». Ссылаясь на французскую революцію, за которою послѣдовала имперія, Токвиль говорилъ, что французы, одновременно показали міру примѣръ «и того, какимъ способомъ пріобрѣтается независимость, и того, какъ она теряется».

Эти строки писались въ то время, когда во Франціи возобновилось демократическое движеніе, направившееся теперь, послѣ іюльской революціи, не противъ аристократіи, а противъ буржуазіи. Токвиль былъ правъ, когда предсказывалъ, что демократія, сломившая феодализмъ и абсолютизмъ, не остановится передъ борьбой противъ буржуазіи, и оказался тоже правымъ въ своей боязни передъ повтореніемъ неограниченнаго господства одного. Его пугало, что во Франціи стремленіе къ равенству шло впереди стремленія къ свободѣ. Вообще онъ находилъ, что его современники предпочитали равенство, вошедшее въ привычки и нравы, свободѣ, существовавшей только въ идеяхъ и стремленіяхъ: «они хотятъ равенства вмѣстѣ со свободой; но если это имъ недоступно, то хотятъ его даже въ рабствѣ». Съ другой стороны, онъ находилъ, что «во Франціи многіе смотрятъ на равенство, какъ на главное зло, а на политическую свободу, какъ на второе. Когда приходится примириться съ

однимъ, стараются избавиться, по крайней мѣрѣ, отъ другого. Я, напротивъ, утверждаю, — заявлялъ онъ, — что для борьбы съ бѣдствіями, порождаемыми равенствомъ, есть только одно дѣйствительное средство: это — политическая свобода».

Такихъ опасеній за свободу въ демократіи, какія высказывалъ Токвиль, главнымъ образомъ, по отношенію къ Франціи съ ея абсолютистскимъ прошлымъ до революціи и съ ея цезаристскимъ эпилогомъ при Наполеонѣ, не могло быть въ Англіи, гдѣ вѣковое пользованіе свободою создало и укрѣпило въ націи всѣ привычки, вкусы и нравы, необходимые для торжества свободы въ жизни. Либералы, къ числу которыхъ принадлежалъ Токвиль, привыкли во Франціи думать, что свобода и демократія несовмѣстимы, и весьма важною заслугою Токвиля было то, что онъ разрушилъ такое представленіе, хотя это не помѣшало появиться во Франціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ цѣлому ряду писателей, которые готовы были видѣть въ индивидуальной свободѣ принципъ, противный демократическому равенству. Въ Англіи такихъ демократическихъ писателей не было и не могло быть, и здѣсь демократизмъ соединялся съ самымъ глубокимъ индивидуализмомъ, какъ это мы видимъ, наприм., у главнаго идеолога демократическаго индивидуализма конца XVIII и начала XIX в., Бентама. Подобно французскимъ либераламъ, Бентамъ отвергалъ неограниченное народовластіе Руссо, смѣшивавшаго свободу народа съ властью народа, но онъ шелъ и дальше еще, отвергнувъ самое понятіе естественнаго права. Принципіальный врагъ всякой метафизики, онъ считалъ идею естественнаго права совершенно ложною и, вдобавокъ, вредною. Съ этой точки зрѣнія онъ даже подвергъ, въ своихъ «Анархическихъ софизмахъ», весьма суровой критикѣ «Декларацію правъ человѣка и гражданина», говоря, что никогда никакихъ такихъ правъ не существовало и что они несовмѣстимы ни съ какимъ государственнымъ устройствомъ. Собственная философія Бентама вытекала, какъ извѣстно, изъ того положенія, что руководящіе мотивы человѣческой дѣятельности слѣдуетъ искать въ стремленіи людей къ удовольствію и въ отвращеніи ихъ отъ страданія. «Природа, — писалъ Бентамъ, — поставила человѣка подъ власть удовольствія и страданія. Имъ мы обязаны всѣми нашими понятіями; къ нимъ мы относимъ всѣ наши сужденія, всѣ дѣйствія нашей жизни. Эти вѣчныя и неодолимыя чувства должны быть главнымъ предметомъ моралиста и законодателя. Начало пользы все подчи-

няетъ этимъ двумъ побужденіямъ». Въ исторіи теорій нравственности Бентамъ извѣстенъ, какъ основатель утилитаризма, сводящаго моральное къ полезному, но принципъ пользы онъ положилъ и въ основу своего общественнаго міросозерцанія. «Общее счастье, — утверждалъ онъ, — должно быть цѣлью законодателя; общая польза должна быть основаніемъ сужденій о законодательствѣ». Другими словами, онъ находилъ, что дѣйствіе должно «считаться хорошимъ или дурнымъ и заслуживать похвалы или порицанія соразмѣрно съ его стремленіемъ увеличить или уменьшить сумму общественнаго счастья». Съ теченіемъ времени слишкомъ неопредѣленное и растяжимое понятіе общей пользы Бентамъ замѣнилъ болѣе точной формулой «наибольшаго счастья наибольшаго количества людей» или, еще позднѣе, принципомъ максимаціи счастья, т.-е. доведенія счастья до высшей степени гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Этотъ бентамовскій принципъ по существу своему былъ глубоко демократиченъ. Развивая идею максимаціи счастья, Бентамъ долженъ былъ придти къ демократическому выводу, который онъ и сдѣлалъ въ своихъ «Руководящихъ началахъ для конституціоннаго кодекса, приложимаго ко всякому государству» (1828). «Простая ариѳметика,— писалъ онъ здѣсь, — служила мнѣ руководительницей, и ею я измѣрялъ ту степень покровительства, которую мой кодексъ оказываетъ людямъ. Мнѣ показалось, что два человѣка имѣютъ вдвое болѣе права на это покровительство, чѣмъ одинъ, три — втрое, четыре—вчетверо и т. д. Отсюда я заключилъ, что главнымъ предметомъ моей заботы должны быть масса гражданъ и безопасность и благосостояніе цѣлаго народа».

Это была демократическая идея, но Бентамъ не дѣлалъ изъ нея вывода въ смыслѣ необходимости государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія гражданъ, раздѣляя ходячій въ то время взглядъ, что личный интересъ лучше всего можетъ регулировать—ко всеобщему благополучію—всѣ отношенія экономическаго характера. Каждый человѣкъ, училъ Бентамъ, стремится къ личному счастью, и потому главный предметъ заботы человѣка, это—онъ самъ, вслѣдствіе чего собственный интересъ для него важнѣе какихъ бы то ни было другихъ интересовъ. Единственнымъ компетентнымъ судьей своей собственной пользы можетъ быть только самъ человѣкъ, а потому и слѣдуетъ предоставить человѣку, достигшему извѣстнаго возраста и находящемуся въ здравомъ умѣ, свободу сужденія и дѣйствія во всѣхъ

вопросахъ, касающихся его собственной пользы. Какъ теоретикъ демократическаго государства, Бентамъ рѣзко отличался отъ Руссо не только тѣмъ, что отрицалъ идею естественнаго права и во главу угла ставилъ сохраненіе наибольшей индивидуальной свободы, но и тѣмъ, что былъ защитникомъ представительной системы, которую Руссо отрицалъ во имя непосредственнаго народовластія. «Вездѣ,—писалъ онъ,—за исключеніемъ хорошо устроенной представительной демократіи, немногіе правящіе и имѣющіе вліяніе суть враги многихъ, состоящихъ въ подчиненіи, враги въ мысляхъ такъ же, какъ и въ дѣйствіяхъ. И по самой природѣ человѣка,—продолжалъ Бентамъ,—пока правительство, каково бы оно ни было, не уступитъ мѣсто представительной демократіи, они останутся вѣчными и непримиримыми врагами». Хотя и признавая въ принципѣ суверенитетъ за народомъ и потому отрицая раздѣленіе властей, только ограничивающее верховную власть народа,—которая притомъ и не имѣетъ прямого отношенія къ наибольшему счастью наибольшаго количества людей,—Бентамъ оставлялъ непосредственно въ рукахъ народа лишь учредительную власть, дабы все остальное дѣлалось посредствомъ его повѣренныхъ. Выборы должны были быть, по его теоріи, всеобщими, тайными, для всѣхъ равными и происходить ежегодно, причемъ онъ не находилъ никакихъ основаній, кромѣ предразсудка, лишать избирательныхъ правъ и женскій полъ, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, женщины нуждаются еще въ большей защитѣ, чѣмъ мужчины. Въ этомъ демократическомъ направленіи Бентамъ агитировалъ въ свое время и за парламентскую реформу. Онъ вооружался противъ двухпалатной системы, находя, что собраніе, выбираемое и смѣняемое большинствомъ гражданъ, не должно встрѣчать помѣхи со стороны собранія, не зависящаго отъ этого большинства. Такой же радикальный выводъ дѣлался Бентамомъ, наконецъ, и по отношенію къ королевской власти.

Однимъ словомъ, Бентамъ былъ типичнѣйшимъ индивидуалистомъ и въ морали, и въ политикѣ, и въ экономикѣ, выводя всю нравственность изъ стремленія человѣка къ личному счастью, отрицая государственное вмѣшательство въ частную жизнь, а съ нею и въ экономическую дѣятельность гражданъ и защищая, вмѣстѣ съ полною свободою и неприкосновенностью частной собственности, право каждаго безпрепятственно осуществлять свой хозяйственный интересъ. Но съ этимъ глубокимъ индиви-

дуализмомъ Бентамъ соединялъ широкій демократизмъ, составлявшій его отличительную черту въ эпоху, когда въ интересахъ свободы другіе политическіе писатели относились къ демократіи недовѣрчиво. Если во имя свободы французскіе либералы готовы были жертвовать равенствомъ, то, наоборотъ, многіе французскіе демократы готовы были ради равенства жертвовать свободою. Въ этомъ отношеніи между демократической идеологіей французовъ и англичанъ замѣчается извѣстная разница—въ томъ именно, что послѣдніе не отдѣляли равенства отъ свободы, тогда какъ первые признавали между ними извѣстный антагонизмъ.

Отъ разсмотрѣнія того, какъ во Франціи и въ Англіи понималась самая идея демократіи, перейдемъ теперь къ общей характеристикѣ фактовъ, обобщаемыхъ нами подъ рубрикой демократическихъ движеній. Если въ теоретическомъ пониманіи равенства въ его отношеніи къ свободѣ французскіе и англійскіе демократы между собою не сходились, то практическія требованія и англійской, и французской демократіи между собою вполнѣ совпадали. И здѣсь, и тамъ желали распространенія политическихъ правъ на весь народъ; и здѣсь, и тамъ одинаково стремились къ тому, чтобы законодательство болѣе непосредственно заботилось объ интересахъ громаднаго большинства гражданъ, составляющихъ трудящіеся классы общества. Парламентская реформа 1832 года въ Англіи получила, какъ мы знаемъ, характеръ буржуазный, хотя проведенію ея весьма много содѣйствовали чисто народныя движенія подъ знаменемъ демократической программы. Народное также движеніе низвергло и старшую линію Бурбоновъ во Франціи, причемъ и здѣсь обнаружились въ нѣкоторой части столичнаго населенія республиканскія стремленія съ чисто демократическими требованіями. Но ни во Франціи, ни въ Англіи демократія ничего не выиграла отъ совершившихся перемѣнъ, чѣмъ и объясняется разочарованіе въ демократическихъ кругахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ какъ іюльскою революціей, такъ и парламентской реформой. Начавшееся движеніе и во Франціи, и въ Англіи остановиться не могло, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ проявленій политической борьбы демократической оппозиціи противъ господства буржуазіи въ эпоху іюльской монархіи. Не нужно, конечно, думать, будто до начала тридцатыхъ годовъ совсѣмъ не происходило демократическихъ движеній. Они совершались и раньше, но несомнѣнно,

что въ тридцатыхъ годахъ они значительно усилились, особенно же важно то, что въ нихъ произошли двѣ крупныя перемѣны. Одна изъ нихъ заключалась въ обособленіи демократическихъ движеній отъ движеній буржуазныхъ, съ которыми они раньше сливались воедино. Правда, въ Германіи, гдѣ еще сохранялись старыя сословныя привилегіи, буржуазные и народные элементы продолжали дѣйствовать сообща, но даже и здѣсь къ концу періода стали обнаруживаться нѣкоторые признаки самостоятельнаго выступленія домократіи. Другая перемѣна состояла въ томъ, что политическая программа демократіи стала осложняться требованіями чисто соціальнаго характера, какъ это, равнымъ образомъ, къ концу періода обнаруживалось также и въ Германіи. Въ этой послѣдней странѣ, гдѣ едва еще начиналось преобразованіе государства на либеральныхъ началахъ и далеко не было еще завершено раскрѣпощеніе крестьянской массы, тѣмъ не менѣе, уже подготовлялись явленія, уже достигшія во Франціи и Англіи, напротивъ, значительнаго развитія.

Вообще во главѣ оппозиціонныхъ движеній до 1830 г. стояли средніе классы общества, и позднѣйшій антагонизмъ «буржуазіи» и «народа» еще тогда не обозначился. Іюльская революція во Франціи и парламентская реформа въ Англіи были обѣ, повторяемъ, результатомъ соединеннаго дѣйствія среднихъ классовъ и народныхъ массъ, но выиграла и отъ революціи, и отъ реформы, какъ тоже было уже сказано, лишь одна буржуазія, которая теперь достигла власти и изъ оппозиціонной силы, какою была до того времени, стала превращаться въ силу консервативную. Демократическіе элементы, содѣйствію которыхъ Франція обязана была побѣдою надъ реакціей, а Англія—выходомъ изъ слишкомъ долго затянувшагося періода застоя, не могли перейти снова въ состояніе покоя и бездѣйствія, тѣмъ болѣе, что ни іюльская революція, ни парламентская реформа не дали такихъ результатовъ, которые могли бы удовлетворить демократію. Мало того, послѣдняя готова была считать себя обманутою, и потому господство буржуазіи должно было вызвать противъ себя съ ея стороны оппозицію. Ни во французской палатѣ депутатовъ, ни въ нижней палатѣ англійскаго парламента, конечно, не могло быть мѣста для этой оппозиціи, такъ какъ, въ концѣ концовъ, и тамъ, и здѣсь представлены были лишь наиболѣе зажиточные классы общества, но тѣмъ сильнѣе шла демократическая агитація внѣ народнаго представительства, въ различныхъ кру-

гахъ общества вплоть до рабочаго класса, въ которомъ стали теперь просыпаться политическіе интересы. Потрясеніе, вызванное іюльской революціей во Франціи, улеглось не очень скоро, и всѣ тридцатые годы прошли въ политическихъ демонстраціяхъ, заговорахъ, попыткахъ насильственнаго переворота, покушеніяхъ на жизнь короля и т. п., причемъ цѣлью революціонныхъ стремленій была большею частью демократическая республика. Все это было, съ одной стороны, какъ бы возобновленіемъ конспираціи, столь характерныхъ для первой половины періода реставраціи, съ другой, возвращеніемъ къ демократическимъ традиціямъ первой французской революціи. Нѣчто аналогичное мы наблюдаемъ въ это время и въ Англіи, гдѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ началось сильное демократическое движеніе, извѣстное подъ названіемъ «чартизма».

Во Франціи, въ первые же мѣсяцы іюльской монархіи, побѣдители 1830 г. раздѣлились на «партію движенія» и «партію сопротивленія». Первая изъ нихъ стремилась къ продолженію революціи до полнаго осуществленія въ жизни демократическихъ началъ, вторая считала революцію оконченной и думала только объ обезпеченіи за буржуазіей добытыхъ ею результатовъ. Во внѣшней политикѣ первая стояла за дѣятельную помощь другимъ народамъ, боровшимся за свободу, вторая хлопотала о сближеніи французскаго правительства съ монархическими державами. Послѣ нѣкотораго колебанія между двумя этими направленіями Людовикъ-Филиппъ, въ глубинѣ души настроенный консервативно, выбралъ второе, чѣмъ положилъ въ основу всей своей политики союзъ королевской власти съ буржуазіей. Благодаря этому, демократическая оппозиція въ его царствованіе и принимала все болѣе и болѣе республиканскій характеръ. Заговоры, возстанія, манифестаціи, покушенія на жизнь короля, столь частые во Франціи въ тридцатыхъ годахъ, только толкали палаты и правительство на путь репрессій, заставлявшихъ прогрессивные круги общества жаловаться на то, что іюльская революція, вмѣсто осуществленія принциповъ 1789 г., сдѣлалась простымъ продолженіемъ реставраціи. Только въ сороковыхъ годахъ, послѣ неудачи республиканскаго заговора 1839 г., іюльская монархія могла считать себя упрочившеюся, такъ какъ демократическая партія была наконецъ разгромлена, и заговоры съ попытками возстанія прекратилась. Главною цѣлью французскихъ революціонеровъ временъ іюльской монархіи было возста-

новленіе республики, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ по образцу якобинской конституціи 1793 г. Среди республиканцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ образовалось, однако, два оттѣнка: одни, вербовавшіе своихъ членовъ преимущественно среди средней и мелкой буржуазіи, стояли на той точкѣ зрѣнія, что республика не должна затрогивать существующій общественный строй, и что добиваться республики нужно вообще лишь мирными средствами, тогда какъ другіе, состоявшіе преимущественно изъ ремесленниковъ и отчасти рабочихъ, полагали, что республика должна быть введена путемъ революціи и служить лишь преддверіемъ къ соціальному перевороту. Главные вожди революціонной попытки 1839 г., среди которыхъ особенно видную роль игралъ Бланки, раздѣляли тотъ взглядъ, что для соціальнаго переворота нужно было прежде всего захватить въ свои руки диктатуру, которая и направила бы революцію по желательному руслу, — идея, которая впослѣдствіи получила названіе «бланкизма». Въ общемъ, это было направленіе, которое ставило революціи одновременно и политическую, и соціальную задачи. Если мы обратимся къ республиканской прокламаціи, составленной группою лицъ въ іюлѣ 1830 г., то увидимъ, что она еще не заключала въ себѣ никакихъ соціальныхъ требованій, какими все больше потомъ осложнялась политическая программа республиканцевъ, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ 1848 г. Какіе бы, впрочемъ, оттѣнки ни принимала во Франціи, въ эпоху іюльской монархіи, республиканская идея, приверженцы ея вдохновлялись особенно примѣромъ первой революціи, въ частности примѣромъ конвента, диктаторски управлявшаго Франціей при помощи столичнаго населенія, и въ основу своей программы клали якобинскую декларацію правъ человѣка и гражданина.

И вообще въ демократическомъ движеніи, происходившемъ во Франціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нельзя не отмѣтить возрожденія традицій якобинизма. Между прочимъ, оно очень ярко отразилось и на тогдашнемъ пониманіи великой революціи. Если въ двадцатыхъ годахъ первые историки революціи, Тьеръ и Минье, разсматривали какъ общій ея ходъ, такъ и отдѣльныя ея событія съ точки зрѣнія принциповъ и интересовъ тогдашней либеральной буржуазіи, то теперь такими историками, какъ Бюшезъ и Луи Бланъ, была выдвинута на передній планъ спеціально демократическая точка зрѣнія, съ которой они рѣзко различали

уже въ концѣ XVIII в. стремленія буржуазіи и стремленія пролетаріата, а представителями послѣдняго считали якобинцевъ, придавая имъ чисто соціалистическую окраску. Бюшезъ даже создалъ себѣ особое политическое міросозерцаніе, въ которомъ на общей почвѣ крайне отрицательнаго отношенія къ индивидуальной свободѣ соединялись въ одно цѣлое наиболѣе характерныя черты средневѣкового католицизма, революціоннаго якобинизма и соціалистическаго ученія современной ему школы сенъ-симонистовъ, тоже не очень-то благосклонно относившейся къ индивидуальной свободѣ. Въ этомъ отношеніи Бюшезъ былъ, въ сущности, вѣрнымъ послѣдователемъ Руссо, потому что и у него самого демократія должна была всячески подавлять индивидуальную свободу: какъ принципъ, онъ противополагалъ эгоистической личной свободѣ соціальный лозунгъ братства, которое, по его опредѣленію, прежде всего требуетъ «повиновенія каждаго всѣмъ». Луи Бланъ въ своей «Исторіи французской революціи», сдѣлавшейся также апологіей якобинизма, въ сущности, только видоизмѣнилъ формулу Бюшеза, отдѣливъ въ ней католицизмъ, какъ воплощеніе принципа авторитета, отъ якобинизма, какъ прямого выраженія принципа «братства», и противопоставивъ обоимъ этимъ принципамъ индивидуализмъ, въ качествѣ направленія, въ основѣ своей антисоціальнаго. Конечно, не всѣ демократы раздѣляли такой взглядъ на индивидуальную свободу, и это можно сказать не только о либералѣ Токвилѣ, писавшимъ въ эти же годы, но и о демократѣ Мишле, который въ своей «Исторіи французской революціи» явился какъ-разъ горячимъ защитникомъ индивидуальной свободы.

Какъ во Франціи революціонныя вспышки тридцатыхъ годовъ имѣютъ источникъ въ недовольствѣ исходомъ революціи 1830 г., такъ и въ Англіи недовольство среди народныхъ массъ общимъ характеромъ реформы 1832 г. было источникомъ того демократическаго движенія, которое извѣстно подъ общимъ названіемъ чартизма. Далѣе, въ чартизмѣ такъ же, какъ и во французскомъ республиканизмѣ этой эпохи, мы различаемъ направленіе, узко политическое, и направленіе, окрашенное стремленіями соціальнаго характера, а затѣмъ и различную тактику въ смыслѣ болѣе мирныхъ и болѣе воинственныхъ выступленій. Во время борьбы за парламентскую реформу главные ея дѣятели самымъ недвусмысленнымъ образомъ обѣщали народнымъ массамъ улучшеніе ихъ быта съ перемѣною избирательной системы

Сначала въ народѣ этому вѣрили и не обращали особеннаго вниманія на голоса, предостерегавшіе его на счетъ этого обѣщанія, разъ не будетъ введено всеобщее избирательное право, и всѣ были очень довольны, когда реформа совершилась. Первая же, однако, палата, избранная по закону 1832 г., показала, что по отношенію къ народнымъ нуждамъ реформированный парламентъ будетъ держаться прежней неуступчивой политики, и тогда же началась демократическая агитація въ пользу новой реформы выборовъ. Въ 1837 г. разными демократическими ассоціаціями была выработана такъ называемая «народная хартія» (people's charter), давшая названіе всему движенію (хартія по-англійски «чартеръ»). Ея требованія сводились къ слѣдующимъ шести пунктамъ: 1) всеобщая подача голосовъ, 2) ежегодные выборы въ парламентъ, 3) тайное голосованіе, 4) отмѣна имущественнаго ценза, 5) вознагражденіе членамъ парламента въ періоды исполненія ими своихъ обязанностей и 6) равные избирательные округа по количеству избирателей. Пресса и митинги сдѣлали народную хартію весьма популярною во всей странѣ, и въ 1838 г. въ ея духѣ была составлена петиція въ парламентъ, подъ которою въ серединѣ 1838 г. собрано было около 1.280.000 подписей. При передачѣ петиціи палатѣ общинъ была произнесена рѣчь, въ которой указывалось на то, что эта палата общинъ, избранная 700 т. человѣкъ, не можетъ представлять собою многомилліонный народъ, что вообще богатые не могутъ быть представителями бѣдныхъ, и что безъ коренного измѣненія конституціи Англія не избѣжитъ революціи. Эти годы въ исторіи Англіи были, дѣйствительно, очень бурными, и отказъ, встрѣченный петиціей въ парламентѣ, враждебное отношеніе къ народной хартіи въ прессѣ правящихъ классовъ, судебныя преслѣдованія, какимъ стали подвергаться наиболѣе рьяные агитаторы, оставленіе фабрикантами безъ работы рабочихъ, принимавшихъ участіе въ движеніи,—все это толкало чартистовъ на революціонный путь. За весь этотъ періодъ чартисты проявляли необычайную энергію, собирали съѣзды и митинги, издавали газеты, брошюры, воззванія, устраивали демонстраціи и стачки. Въ 1842 г. чартисты подали въ парламентъ вторую петицію, подъ которою собрали уже до 3.300.000 подписей. Въ сороковыхъ годахъ движеніе то затихало, то возрождалось съ новою силою и прекратилось только въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. Большую роль въ чартизмѣ игралъ пролетаріатъ, въ которомъ, главнымъ образомъ, и вер-

бовало сторонниковъ соціальное направленіе чартизма, но въ немъ участвовала и радикальная часть мелкой буржуазіи. Практическихъ результатовъ движеніе не принесло, но зато очень сильно содѣйствовало политическому воспитанію народныхъ массъ и косвенно повліяло на нѣкоторыя стороны законодательства (напр., на законодательную нормировку рабочаго времени).

Въ другихъ странахъ, не пользовавшихся такою политическою свободою, какъ Англія и Франція, т.-е. гдѣ не было ни свободы печати, ни свободы собраній, ни свободы союзовъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ проявленія общественнаго мнѣнія были болѣе стѣснены, и гдѣ не было въ самихъ народныхъ массахъ того классового самосознанія, какое начало вырабатываться въ ремесленномъ и рабочемъ сословіяхъ Англіи и Франціи,—мы не наблюдаемъ вообще столь сильныхъ и бурныхъ проявленій демократизма, какими являются французскій республиканизмъ и англійскій чартизмъ временъ іюльской монархіи. Въ Германіи и въ Италіи демократизмъ не проникалъ такъ глубоко въ народныя массы, какъ въ Англіи и во Франціи, и имѣлъ вообще болѣе кружковой характеръ, затронувъ преимущественно интеллигентные слои общества, людей либеральныхъ профессій и передовыхъ представителей буржуазіи, обстоятельство, которое не лишало его крупнаго политическаго значенія, какъ это и показали событія 1848 г.

По сравненію съ Англіей и Франціей какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ Германія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ была страною отсталою, и только духовная культура нѣмецкой націи, ея литература, ея наука, ея философія, стояли въ уровень съ культурою англійскою и французскою. Самая значительная часть Германіи жила еще формами стараго порядка, и даже передовыя ея области не доросли еще до той ступени, на которой находились Англія и Франція. Во всякомъ случаѣ, однако, именно въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ все-таки была хоть какая-нибудь свобода, проявлялись въ общественной жизни и демократическія стремленія. Впрочемъ, репрессіи, какимъ въ Германіи подвергалось всякое вольномысліе, заставляли множество демократически настроенныхъ нѣмцевъ искать убѣжища за ея границами, — въ Швейцаріи, во Франціи, въ Бельгіи и въ Англіи, что придавало нѣмецкому демократическому движенію такой характеръ, какого оно не имѣло ни въ Англіи, ни во Франціи: эмигрантскіе кружки не могли оказывать на общество непосредственнаго воздѣйствія,

а это ослабляло силу ихъ пропаганды. И германскіе демократы, далѣе, раздѣлились на политическихъ и соціальныхъ, причемъ среди первыхъ были и такіе, которые мечтали о возстановленіи единой имперіи съ демократической конституціей, и прямо настроеные уже на республиканскій ладъ. Послѣднее направленіе было сильнѣе въ юго-западной Германіи. Главнымъ и оказавшимъ наиболѣе вліянія результатомъ демократическихъ стремленій, возникшихъ въ нѣмецкомъ обществѣ, былъ тотъ радикализмъ, который нашелъ свое выраженіе въ литературѣ. Хотя въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Германіи и продолжалась реакція, но она имѣла теперь почти исключетельно правительственный характеръ, тогда какъ еще въ двадцатыхъ годахъ и само общество настроено было консервативно,—что и отражалось на тогдашней нѣмецкой литературѣ съ ея устремленнымъ въ средніе вѣка романтизмомъ. Переворотъ въ общемъ настроеніи нѣмецкаго общества около 1830 г. отмѣченъ въ исторіи литературы возникновеніемъ новаго, болѣе свободнаго направленія, извѣстнаго подъ названіемъ «Молодой Германіи». Болѣе молодое поколѣніе нѣмцевъ съ восторгомъ привѣтствовало іюльскую революцію, и французскія идеи стали оказывать все большее и большее вліяніе на образованное общество Германіи. Недаромъ правительства находили, что литературныя произведенія «новой литературной школы» проникнуты революціоннымъ духомъ, и начали всѣми мѣрами преслѣдовать это направленіе.

Демократическое движеніе происходило въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и въ Италіи, гдѣ оно имѣло исключительно національно-политическій характеръ, такъ какъ ставило своею задачею освобожденіе страны отъ австрійскаго господства въ одной ея части и отъ австрійскаго вліянія въ другой, объединеніе ея въ одно государство и устройство этого государства въ формѣ демократической республики. Неудачи революціонныхъ попытокъ начала двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ не убили на Апеннинскомъ полуостровѣ дѣятельности тайныхъ обществъ. Въ 1831 г. одинъ изъ приверженцевъ стараго карбонаризма, въ то время еще очень молодой человѣкъ, Мадзини, положилъ начало новому тайному обществу «Молодой Италіи», которое черезъ два года сдѣлало даже дерзкую попытку вооруженнаго вторженія изъ Швейцаріи въ Пьемонтъ для того, чтобы начать новое возстаніе. Идеаломъ Мадзини была единая и нераздѣльная Италія, превращенная въ демократическую республику, но онъ согла-

шался и на демократическую монархію, лишь бы только она была введена по народному желанію и не мѣшала республиканцамъ работать надъ осуществленіемъ своего идеала. Онъ шелъ еще далѣе и, признавая, что государственныя границы должны совпадать съ національными, рисовалъ себѣ будущую демократическую Европу въ видѣ своего рода федераціи національныхъ республикъ, или общеевропейскихъ соединенныхъ штатовъ. Приговоренный на родинѣ къ смертной казни, Мадзини долженъ былъ потомъ жить на чужбинѣ, гдѣ произошло сближеніе его съ политическими эмигрантами другихъ національностей; это дало ему возможность заняться организаціей большого международнаго демократическаго общества, цѣлью котораго была общая европейская революція. Тайное общество «Молодой Италіи» сдѣлалось такъ популярно, что по его образцу возникли одна за другою «Молодая Польша», «Молодая Германія», «Молодая Швейцарія», «Молодая Франція», «Молодая Испанія» и т. п., составившія въ своей совокупности, по мысли Мадзини, «Молодую Европу». По своему основному характеру это былъ союзъ революціонныхъ элементовъ разныхъ національностей, объединенныхъ нѣкоторыми общими политическими принципами. Мадзини былъ пламенный національный патріотъ, но среди нѣмецкихъ демократовъ было немало такихъ, которые стояли на космополитической точкѣ зрѣнія и находили, что въ случаѣ войны Франціи съ Австріей и Пруссіей, всѣ нѣмцы, дорожащіе политическою свободою, должны стать на сторону Франціи.

Весьма дѣятельное участіе въ демократическомъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ принимали польскіе эмигранты, наводнившіе, послѣ разгрома польской революціи 1830 г., Францію, Швейцарію и Бельгію. Польская эмиграція сразу раздѣлилась на консервативно-аристократическій и радикально-демократическій лагери, и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ демократическихъ выступленіяхъ этой эпохи всегда принимала участіе та или другая группа польскихъ демократовъ. Полякамъ побѣда общеевропейской революціи казалась лучшимъ средствомъ для возстановленія политической независимости ихъ націи: въ данномъ отношеніи поляки той эпохи только шли по стопамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, которые возлагали всѣ свои надежды на революціонную и наполеоновскую Францію. Кромѣ поляковъ, видное участіе въ радикально-демократическомъ движеніи (и притомъ съ менѣе націоналистическимъ характеромъ) принимали

еще интеллигентные нѣмецкіе евреи, изъ среды которыхъ вышли такіе писатели, какъ Бёрне, Гейне, Марксъ, сближавшіеся сами и сближавшіе своихъ согражданъ-нѣмцевъ съ демократическимъ движеніемъ, происходившимъ тогда во Франціи. Эта международность демократическихъ стремленій въ сороковыхъ годахъ начала сильно тревожить европейскія правительства, и передъ самой революціей 1848 года первые министры какъ буржуазно-конституціонной Франціи, такъ и феодально-абсолютистской Австріи даже вели между собою переговоры относительно общихъ мѣръ противъ демократическихъ происковъ, казавшихся одинаково очень опасными всѣмъ консервативнымъ интересамъ, были ли то интересы феодальнаго дворянства или капиталистической буржуазіи, интересы легитимной монархіи или королевской власти, возникшей на баррикадахъ.

Объ отмѣченномъ выше проникновеніи въ демократическія движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ соціальныхъ требованій придется говорить отдѣльно, какъ объ особенно важномъ явленіи въ исторіи эпохи, но прежде намъ нужно остановиться на возникновеніи этихъ новыхъ требованій внѣ той демократической политики, съ которою они стали соединяться лишь послѣ іюльской революціи. Мы увидимъ, именно, что зародившійся еще въ эпоху реставраціи соціализмъ былъ совершенно чуждъ всякой политики, какъ и первоначальный демократизмъ около 1830 г. былъ еще чуждъ всякаго соціализма. Сближеніе между обоими теченіями произошло только въ эпоху іюльской монархіи, когда, съ другой стороны, возникло и въ интеллектуальной сферѣ новое направленіе, внесшее весьма значительныя измѣненія въ обсужденіе и рѣшеніе какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ проблемъ. Другими словами, прежде чѣмъ говорить объ осложненіи политическаго вопроса вопросомъ соціальнымъ и о вліяніи на это новаго умственнаго настроенія, намъ нужно остановиться отдѣльно и на возникновеніи соціализма, и на переворотѣ, совершившемся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ философіи, поскольку, конечно, въ такомъ общемъ изложеніи мы можемъ касаться исторіи отвлеченнаго мышленія, которое тоже нѣкоторыми своими сторонами характеризуетъ эпохи движенія впередъ, застоя или реакціи.

XIII. Возникновеніе соціализма[1]).

Общій взглядъ на утопическій соціализмъ эпохи реставраціи.—Основныя идеи соціализма вообще.—Сенъ-симонизмъ, фурьеризмъ и оуэнизмъ въ общихъ имъ чертахъ.—Сенъ-Симонъ и «Новое христіанство».—Теорія и практика сенъ-симонистовъ.—Фурье и фурьеризмъ.—Система Оуэна.—Отрицательное отношеніе соціалистовъ эпохи реставраціи къ экономической наукѣ и къ политической жизни.

Одновременно съ либерализмомъ, подъ знаменемъ идей котораго шла буржуазія, тяготѣвшая къ конституціонной монархіи, и съ радикализмомъ, стремившемся къ республикѣ и во всякомъ случаѣ имѣвшимъ болѣе демократическій характеръ, развивалось въ Западной Европѣ еще одно направленіе общественной мысли, которое, возникнувъ еще до іюльской революціи въ кругахъ интеллигентной буржуазіи, въ тридцатыхъ годахъ уже стало вербовать себѣ приверженцевъ въ рабочей массѣ и мало-по-малу въ ней распространяться. Около 1834 г. это новое направленіе впервые получило названіе соціализма, подъ каковымъ и стало потомъ играть въ высшей степени важную роль въ политической жизни Западной Европы. Примѣненіе къ этому направленію названія соціализма объясняется не тѣмъ различіемъ между понятіями «соціальнаго» и «политическаго», которое имѣетъ отношеніе къ категоріямъ общества и государства, но тою противоположностью, какая существуетъ въ понятіяхъ «соціальнаго» и «индивидуальнаго». Выше уже было отмѣчено, что французская демократія эпохи іюльской монархіи отличалась характеромъ анти-индивидуалистическимъ: какъ-разъ эта самая черта была выдвинута впередъ въ обозначеніи названіемъ «соціализмъ» направленія, поставившаго своею задачею замѣнить принципъ индивидуальнаго хозяйства принципомъ хозяйства общественнаго, соціальнаго. Весьма многіе при этомъ, становясь на такую точку зрѣнія, переносили требованіе соціальности и на другія сферы жизни, объявляя всякій индивидуализмъ началомъ антисоціальнымъ и на практикѣ ведущимъ лишь къ господству меньшинства въ лицѣ буржуазіи.

---

[1]) И. З. Е., т. IV, гл. XXVII.—Общій взглядъ, гл. X.—Нар.-прав. госуд., гл. XVII.

Первыя ученія, съ которыхъ начинается исторія соціализма, относятся еще къ эпохѣ реставраціи. Съ тогдашнимъ политическимъ движеніемъ эти ученія не имѣли ничего общаго: скорѣе онѣ были даже противъ либерализма, особенно по его связи съ проповѣдью свободной конкурренціи въ экономической жизни. Въ двадцатыхъ годахъ соціализмъ и вообще не выставлялъ никакихъ политическихъ требованій, держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ тайныхъ обществъ и прямо осуждалъ революцію, возлагая всѣ свои надежды на одну мирную пропаганду новыхъ началъ жизни. Соціальнымъ реформаторомъ эпохи реставраціи бросались въ глаза, главнымъ образомъ, два обстоятельства: несоотвѣтствіе политической свободы съ экономическимъ рабствомъ и противорѣчіе между ростомъ производства и національнаго богатства и бѣдственнымъ положеніемъ рабочихъ. Либерализмъ заключалъ въ себѣ увѣренность, что для достиженія общественнаго блага достаточно одной только свободы съ политическими ея гарантіями, но экономическая жизнь все болѣе и болѣе развивалась въ смыслѣ порабощенія труда капиталомъ, и вотъ вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ умахъ началось разочарованіе въ благахъ свободы и главное вниманіе стало обращаться на рѣшеніе задачи объ экономической реформѣ. Либеральные экономисты очень часто закрывали глаза на бѣдствія, сопровождавшія установленіе капиталистическаго строя, и даже многіе политическіе радикалы не принимали въ расчетъ того, что при извѣстныхъ условіяхъ національное богатство покупалось цѣною народной нищеты. Буржуазные теоретики, прославлявшіе невмѣшательство государства въ промышленность и проповѣдовавшіе спасительность свободной конкурренціи, продолжали стоять на оптимистической точкѣ зрѣнія всеобщей гармоніи интересовъ при господствѣ естественнаго порядка. Правда, въ этой теоріи гармоніи интересовъ, какъ мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, были пробиты большія бреши ученіями Мальтуса и Рикардо, но это отнюдь не мѣшало либеральнымъ экономистамъ защищать существующія отношенія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія законамъ природы, противъ которыхъ, говорили они, ничего уже нельзя подѣлать. Соціальные реформаторы двадцатыхъ годовъ, наоборотъ, отнеслись съ величайшимъ недовѣріемъ къ тогдашней политической экономіи, въ которой не хотѣли даже признавать науку,—и поэтому противопоставили ученію экономистовъ свои собственныя теоріи.

Эти теоріи принято въ настоящее время называть утопіями въ

смыслѣ несбыточныхъ мечтаній, причемъ слѣдуетъ прибавить, что обозначеніе ранняго соціализма, какъ «утопическаго», вышло изъ среды самихъ же соціалистовъ, только болѣе поздняго времени, когда послѣдователи новаго направленія овладѣли классической политической экономіей и преобразовали ее въ духѣ своихъ принциповъ. Утопіями эти ученія были названы потому, что стремились сразу и, главнымъ образомъ, путемъ одного умственнаго творчества создать тотъ новый строй общественной жизни, который могъ все-таки, по ихъ мнѣнію, и быть осуществленнымъ въ самое короткое время, благодаря исключительно своему внутреннему превосходству, съ очевидностью бросающемуся въ глаза при сравненіи съ существующими порядками. За всѣмъ тѣмъ, однако, въ этихъ ученіяхъ нужно различать критику капиталистическаго строя, съ одной стороны, а съ другой — тѣ положительные принципы, которые ими рекомендовалось принять за основу новыхъ соціальныхъ отношеній.

Соціальные реформаторы первой трети XIX в., какъ извѣстно, вскрыли главные недостатки новаго экономическаго строя, которыхъ не видѣли или не хотѣли видѣть либеральные экономисты того времени. Главныя нападки раннихъ соціалистовъ были направлены на разлученіе труда съ орудіями производства и на несогласованность между собою индивидуальныхъ хозяйствъ, приводящую къ анархіи въ производствѣ. Поэтому цѣль ихъ стремленій заключалась въ томъ, чтобы рабочіе получили участіе въ выгодахъ предпріятія путемъ установленія коллективной собственности на орудія производства, далѣе, чтобы индивидуальное хозяйство замѣнилось хозяйствомъ соціальнымъ путемъ образованія рабочихъ ассоціацій, и чтобы, наконецъ, свободная конкурренція съ ея промышленной анархіей уступила мѣсто пла-номѣрной организаціи хозяйственной жизни всего общества. Внесеніе извѣстнаго порядка въ производство и въ распредѣленіе не должно было, однако, касаться области потребленія хозяйственныхъ благъ, и въ этомъ смыслѣ утописты двадцатыхъ годовъ всячески старались отвратить отъ себя обвиненіе въ коммунизмѣ, требующемъ какъ-разъ общности не только въ обладаніи орудіями производства, но и въ потребленіи произведенныхъ цѣнностей. Всѣхъ утопистовъ, кромѣ того, отличалъ крайній оптимизмъ, вѣра въ легкость и быстроту осуществленія новаго соціальнаго строя. Они признавали прирожденное совершенство человѣческой природы и вѣрили въ естественную гармоничность всего

міроздапія: по ихъ мнѣнію, стоило только найти принципы, при помощи которыхъ могли бы безпрепятственно проявляться какъ добрые задатки, прирожденные человѣку, такъ и гармонія, лежащая въ основѣ жизни, чтобы и легко, и быстро могло произойти полное перевоспитаніе самихъ людей и могло совершиться коренное переустройство всѣхъ порядковъ ихъ общественнаго существованія. Все дѣло заключалось въ мирной идейной проповѣди, въ особенности же въ силѣ примѣра, который долженъ былъ вызвать подражаніе. Другими словами, утопическій соціализмъ двадцатыхъ годовъ отнюдь не былъ революціоннымъ по рекомендовавшемуся имъ способу осуществленія общественнаго идеала, но зато самый идеалъ этотъ,—иначе говоря, мысль, положенная въ его основу,—требовали полнаго переворота во всей области соціальныхъ отношеній, связанныхъ съ началами частной собственности, индивидуальнаго хозяйства, свободной конкурренціи и т. п.

Соціальныя утопіи первой трети XIX в., конечно, не были совершенною новостью въ исторіи. И въ древности, и въ новое время, начиная съ эпохи ренессанса, творческая фантазія отдѣльныхъ писателей создавала болѣе или менѣе заманчивыя картины идеальнаго устройства общества, въ которыхъ главное значеніе принадлежало идеямъ, родственнымъ соціализму. То новое, что́ отличало утопистовъ эпохи реставраціи отъ ихъ болѣе раннихъ предшественниковъ, заключалось въ ихъ желаніи осуществленія на практикѣ придуманныхъ ими порядковъ жизни. Это уже не была простая игра ума, одно литературное упражненіе, потому что дѣло заключалось теперь не въ томъ, чтобы только нарисовать въ своемъ воображеніи картину идеальнаго общественнаго строя, а именно въ томъ, чтобы этотъ строй видѣть осуществленнымъ въ дѣйствительности. Послѣ іюльской революціи сторонники соціальныхъ ученій затратили даже немало средствъ на попытки образованія товарищескихъ общежитій по своимъ идейнымъ планамъ. Пусть всѣ подобныя попытки кончались полною неудачею, вносившею въ ряды ихъ участниковъ разочарованіе, характерная особенность этого явленія какъ-разъ заключалась въ томъ, что мысль не оставалась простою мыслью, а стремилась перейти въ дѣло.

Еще въ тридцатыхъ годахъ многіе смотрѣли на ученія родоначальниковъ соціализма, какъ на чисто литературныя явленія, подобныя которымъ бывали и раньше, но уже въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ болѣе проницательными людьми была

понята жизненная связь новыхъ соціальныхъ ученій съ переживавшимся въ то время историческимъ моментомъ. Дѣйствительно, соціальныя утопіи начала XIX в. заключали въ себѣ не простую игру творческой фантазіи, а чисто практическіе, какъ думали ихъ творцы, совѣты касательно уврачеванія общественныхъ золъ, порожденныхъ новыми формами экономическаго быта. Правда, на первыхъ порахъ утописты вербовали своихъ адептовъ преимущественно среди интеллигентной и зажиточной буржуазіи и особенно среди учащейся молодежи, но позднѣе пропаганда новыхъ идей началась и среди рабочихъ. Іюльская революція даже оживила надежды соціалистовъ, вслѣдствіе чего ихъ проповѣдь расширилась и стала искать для себя новыхъ формъ. Однако, въ дальнѣйшемъ соціальномъ движеніи, происходившемъ во Франціи, играли роль уже не послѣдователи ученій, возникшихъ еще до 1830 г., а новые соціальные реформаторы, съ самаго начала дѣйствовавшіе болѣе непосредственно на рабочую среду и притомъ не въ такомъ удаленіи отъ политической злобы дня, въ какомъ протекала дѣятельность ихъ предшественниковъ. Поворотъ мысли о необходимости соціальной реформы на новую дорогу, т.-е. уже на дорогу политическаго дѣйствія совершился, главнымъ образомъ, благодаря тому, что къ соціалистамъ примкнули на время нѣкоторые люди, которые раньше участвовали въ чисто политической агитаціи, а потомъ, усвоивъ новыя соціальныя идеи, такъ или иначе сочетали ихъ со своими прежнимъ политическимъ радикализмомъ.

Соціализмъ, не насчитывающій еще и ста лѣтъ существованія, тѣмъ не менѣе уже имѣетъ весьма длинную и сложную исторію, которую можно раздѣлить на нѣсколько періодовъ и которая совершалась въ разныхъ странахъ, что вносило въ соціализмъ національныя различія, придававшія общему явленію большое разнообразіе, не говоря уже о томъ, что и въ одной и той же странѣ въ одно и то же время могло существовать по нѣскольку несходныхъ между собою направленій соціализма. При всемъ томъ, однако, соціализмъ вездѣ и всегда оставался самъ собою, потому что только болѣе или менѣе опредѣленный комплексъ идей можетъ быть подводимъ подъ эту общую категорію. Подъ названіемъ соціализма вообще разумѣютъ всякое направленіе общественной мысли, ставящее своею цѣлью радикальное измѣненіе соціальныхъ и въ особенности экономическихъ отношеній на началахъ болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія

земныхъ благъ между членами общества вопреки исторически сложившемуся порядку вещей. Соціализмъ XIX в. есть не что иное, какъ совокупность различныхъ экономическихъ ученій, общая черта которыхъ заключается въ стремленіи поставить на мѣсто индивидуалистической системы производства и распредѣленія богатствъ, управляемой свободною конкурренціею, такую организацію хозяйственнаго быта, при которой средства и орудія производства, т.-е. земля и капиталъ находились бы въ рукахъ не отдѣльныхъ лицъ, а общественныхъ организацій съ тѣмъ, чтобы послѣднія сами распоряжалась производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. Экономическій строй, предлагаемый соціализмомъ, есть нѣчто такое, съ чѣмъ находятся въ совершенномъ противорѣчіи всѣ исторически-сложившіяся формы собственности и условія труда, и въ этомъ смыслѣ соціализмъ является проповѣдью коренной реформы всѣхъ общественныхъ и въ частности экономическихъ отношеній, причемъ это уже вопросъ второстепенный, какимъ образомъ та или иная школа соціализма думаетъ осуществить свой идеалъ—путемъ ли быстраго переворота или путемъ постепенной эволюціи и еще путемъ ли измѣненій, возможныхъ уже въ данную минуту, или, наоборотъ, измѣненій, требующихъ еще много времени. Общественной организаціи, разлучающей трудъ съ орудіями производства, соціализмъ противоположилъ возвращеніе земли и капитала трудящимся массамъ, но не для возстановленія индивидуалистическихъ формъ собственности на землю и на капиталъ, а для коллективнаго владѣнія ими. Нерѣдко этотъ «коллективизмъ» принималъ болѣе или менѣе коммунистическій оттѣнокъ, и соціализмъ сливался съ коммунизмомъ, распространяющимъ принципъ общности не только на производство и на распредѣленіе, но и на самое пользованіе произведенными продуктами. Соціалисты, отличавшіе себя отъ коммунистовъ, не заходили такъ далеко и только противопоставляли индивидуальной свободѣ въ дѣлѣ производства и распредѣленія продуктовъ извѣстную организацію, которая устраняла бы изъ этой области общественной жизни и личный произволъ, и конкурренцію отдѣльныхъ хозяйствъ, и всѣ случайности спроса и предложенія. Результатомъ примѣненія такихъ принциповъ къ жизни должно было бы быть исчезновеніе всѣхъ частныхъ предпріятій, въ которыхъ участвуютъ капиталисты и рабочіе, со всѣми другими принадлежностями современнаго хозяйства, каковы деньги и торговля, кредитъ и биржа и т. д., существующіе въ интере-

сахъ экономическаго индивидуализма. По соціалистическому воззрѣнію, каждая ассоціація работниковъ должна была бы собственнымъ своимъ трудомъ и въ предѣлахъ своего владѣнія добывать все для себя нужное; обмѣниваясь съ другими ассоціаціями продуктами не иначе, какъ подъ условіемъ участія въ этомъ дѣлѣ общественной власти. Противъ кризисовъ, вызываемыхъ «анархіей производства», соціализмъ выставилъ, какъ наиболѣе дѣйствительное средство, принципъ работы по заказу, опредѣляемой на основаніи точнаго знанія, какое приложеніе въ данную минуту и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ давать труду, ибо при индивидуальномъ хозяйствѣ возможны ошибки, спекуляція, перепроизводство и т. п. Съ другой стороны, соціализмъ поручалъ общественной власти и распредѣленіе продукта по извѣстному плану, въ болѣе или менѣе строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ потраченнаго труда, во всякомъ же случаѣ такимъ образомъ, чтобы право на участіе въ продуктѣ принадлежало прежде всего труду, а не владѣнію собственностью.

Основныя черты соціализма мы находимъ уже въ соціальныхъ ученіяхъ, существовавшихъ во Франціи и въ Англіи передъ революціей 1830 г. и парламентской реформою 1832 г. Всего за пять лѣтъ до іюльскаго переворота скончался Сенъ-Симонъ, послѣдователи котораго наканунѣ этой революціи уже имѣли выработанную доктрину. Одновременно съ сенъ-симонистами существовали во Франціи и фурьеристы, послѣдователи другого соціальнаго реформатора, Фурье, который еще былъ живъ, когда палъ тронъ старшей линіи Бурбоновъ. Въ одно время съ Сенъ-Симономъ и Фурье жилъ и англійскій реформаторъ Оуэнъ, точно также успѣвшій сдѣлаться извѣстностью еще до первой парламентской реформы. Всѣхъ троихъ можно считать родоначальниками соціализма XIX в., и всѣхъ троихъ одинаково принято теперь называть утопистами. Утопическая сторона ихъ ученій заключалась въ томъ, что основаніемъ для нихъ служили не данныя наукъ, строящихъ свои положенія на опытѣ и наблюденіи, а чисто раціоналистическія воззрѣнія просвѣщенія XVIII в. о совершенствѣ прирожденныхъ свойствъ человѣка, о гармоніи естественнаго состоянія, о возможности быстраго перевоспитанія человѣчества путемъ, такъ сказать, перенесенія его въ иную общественную обстановку, о достиженіи наибольшаго счастья человѣчества лишь посредствомъ привлеченія филантропическихъ сердецъ къ дѣлу общественнаго переустройства и т. п. Съ

этими мечтаніями соединялись, съ одной стороны, разныя фантастическія ожиданія (напримѣръ, у Фурье), напоминающія — въ иной только формѣ—хиліастическія чаянія разныхъ сектантовъ, напримѣръ, эпохи реформаціи, а съ другой — необычныя моральныя воззрѣнія (у сенъ-симонистовъ), равнымъ образомъ находящія аналогію въ ученіяхъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же сектантовъ. Вообще соціализмъ первой трети XIX в., болѣе тѣсно связанный съ моралью, чѣмъ съ политикой, представляетъ собою нѣкоторое подобіе религіознаго сектантства, стремящагося перестроить всю частную и общественную жизнь человѣка на основаніи извѣстныхъ догматическихъ принциповъ. Осуществить свои принципы на дѣлѣ утописты предполагали тоже путемъ религіознымъ—путемъ убѣжденія и пропаганды словомъ и собственнымъ примѣромъ, устраивая общежитія на новыхъ началахъ и привлекая для этого частную благотворительность. Одинъ только Сенъ-Симонъ близко стоялъ къ научному движенію вѣка, но направленіе, развитое его учениками, отвернулось отъ его научныхъ стремленій. Можно даже сказать, что въ культурномъ отношеніи (но только въ культурномъ, а не въ соціальномъ) главныя утопіи первой трети XIX в. подходили къ общему тону реакціи противъ философскаго и научнаго духа XVIII в. Общество начала XIX в. было болѣе или менѣе наклонно ко всему, что говорило больше чувству, чѣмъ уму, и это стремленіе, конечно, могло принимать весьма различныя формы—не только возвращенія къ католицизму съ его схоластическими, эстетическими и политическими преданіями, но и образованія новыхъ сектъ, хотя бы опять-таки въ родѣ того «новаго христіанства», которое было предметомъ проповѣди сенъ-симонистовъ. Въ этихъ теоріяхъ обращаетъ на себя вниманіе вѣра въ осуществленіе лучшаго соціальнаго строя не путемъ развитія общества на теперешнихъ его основаніяхъ въ направленіи сознанныхъ принциповъ истины и справедливости, а совершенное его преобразованіе по произвольно измышленному идеалу, для осуществленія котораго потребовалось бы лишь развитіе добрыхъ расположеній въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ представляли себѣ дѣло Фурье и Оуэнъ.

Сенъ-Симонъ не сразу сдѣлался соціальнымъ реформаторомъ. Первою его мечтою было произвести общую реформу научнаго знанія, что характеризуетъ его дѣятельность въ первые годы XIX в., когда появилось его «Введеніе въ научные труды XIX в.». Въ началѣ реставраціи онъ уже выступалъ защитникомъ «инду-

стріализма» противъ феодализма, т.-е. новой Франціи противъ Франціи старой, но еще не различая среди самаго индустріальнаго общества противоположности интересовъ капитала и труда. Только постепенно сталъ онъ все болѣе и болѣе настаивать на той мысли, что защищавшіяся имъ противъ реакціи права «индустріаловъ» налагаютъ на послѣднихъ и извѣстныя обязанности по отношенію къ рабочимъ. Лишь въ самые поздніе годы жизни Сенъ-Симона окончательно опредѣлилось его новое отношеніе къ рабочему классу. Въ началѣ 1825 г. онъ издалъ сборникъ подъ заглавіемъ «Литературныхъ, философскихъ и промышленныхъ мнѣній», гдѣ проводилъ ту мысль, что рабочій классъ Франціи развитъ уже достаточно для завѣдованія дѣлами страны. Въ томъ же году появился и послѣдній его трудъ «Новое христіанство». Сенъ-Симонъ признавалъ здѣсь божественное происхожденіе христіанства, но полагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Богъ вообще приспособляется къ степени пониманія людей, а потому въ полномъ совершенствѣ божественная истина не была еще дана ученикамъ Христа. Христосъ далъ заповѣдь братской любви, но при теперешнемъ состояніи эта заповѣдь можетъ быть выражена полнѣе: «религія должна направлять общество къ великой цѣли возможно болѣе быстраго улучшенія быта самаго бѣднаго класса». Новое христіанство, по мысли Сенъ-Симона, должно было быть преображеніемъ стараго, дабы «положить конецъ религіозному равнодушію самаго многочисленнаго класса. У новаго христіанства, — заявлялъ онъ, — будетъ своя мораль, свой культъ, свой догматъ; у него будетъ свое духовенство, которое будетъ имѣть своихъ вождей». Вскорѣ послѣ изданія «Новаго христіанства» Сенъ-Симонъ умеръ въ присутствіи учениковъ, которыхъ въ это время уже у него было нѣсколько. Передъ самою смертью онъ говорилъ имъ слѣдующее: „Думаютъ, что разъ доказана дряхлость католицизма, всякая религія должна исчезнуть. Это—большое заблужденіе, ибо религія не можетъ оставить міръ и только перемѣняетъ видъ... Черезъ двое сутокъ послѣ второй нашей публикаціи участь рабочихъ будетъ устроена; будущее принадлежитъ намъ».

Послѣ смерти Сенъ-Симона образовалась цѣлая школа его послѣдователей, которая занялась, съ одной стороны, разработкою своей доктрины, а съ другой — начала дѣятельную устную и письменную пропаганду своихъ идей среди интеллигентной молодежи, жаждавшей новаго слова. Мало-по-малу признанными

главами сенъ-симонистовъ сдѣлались Анфантенъ и Базаръ, выработавшіе общими силами ученіе, которому дали названіе — la doctrine saint-simonienne. Въ 1828 г. Базаръ открылъ частный курсъ лекцій, излагавшихъ доктрину; чтенія продолжались два года и вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою. Въ это время къ сенъ-симонизму примкнуло много учащейся молодежи, преимущественно воспитанники Политехнической школы, изъ которыхъ нѣкокорые впослѣдствіи, оставивъ сенъ-симонизмъ, прославились на разныхъ поприщахъ. Въ тѣ же 1828—1830 г. философская школа, какою былъ сначала кружокъ сенъ-симонистовъ, превратилась въ религіозное братство съ церковной организаціей. Возникли сенъ-симонистскія общины въ провинціяхъ—и стали прямо называться церквами. Анфантенъ даже совершилъ объѣздъ нѣсколькихъ такихъ «церквей» и въ перепискѣ съ ними видимо подражалъ апостольскимъ посланіямъ.

Доктрина сенъ-симонистовъ представляла собою соединеніе взглядовъ, имѣющихъ весьма различное происхожденіе: одни изъ нихъ были результатомъ критическаго отношенія къ дѣйствительности, историческаго пониманія прошлаго, научнаго стремленія построить общую теорію общества; другіе, наоборотъ, являлись продуктомъ религіознаго творчества, родственнаго одновременно и мистическому сектантству, и средневѣковому католицизму. Сенъ-симонисты были недовольны современной имъ наукой, находя, что въ ней господствуетъ анархія мнѣній. Такая же анархія царствуетъ и въ промышленности, которая не заботится объ интересахъ общества: одинъ изъ источниковъ индустріальнаго безпорядка они видѣли въ политической экономіи съ ея принципомъ «laissez passer, laissez faire». Всякій производитель, руководясь лишь собственнымъ соображеніемъ и безпрестанно обманываясь, судитъ о нуждахъ потребленія, а экономисты еще поощряютъ конкурренцію производителей. Торжествуютъ немногіе счастливцы на счетъ разоренія безчисленнаго количества жертвъ. Необходимымъ слѣдствіемъ производства, доведеннаго до крайности въ извѣстныхъ направленіяхъ, является нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ съ его катастрофами и кризисами. Сенъ-симонисты находили ненормальными взаимныя отношенія между людьми трудящимися и владѣльцами орудій производства и капиталовъ, доказывая, что вслѣдствіе слѣпой случайности рожденія весь чистый доходъ достается не искусному рабочему, а лѣнивому и неспособному

собственнику: ничего этого не было бы, если бы производство было регулировано по одному общему плану. Они вѣрили, что скоро должно придти время, когда всякая эксплуатація человѣка человѣкомъ прекратится, и когда всѣ люди, соединившись въ ассоціаціи, будутъ эксплуатировать земной шаръ. «Всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ» (à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres), — такъ формулировали сенъ-симонисты новое право, идущее на смѣну праву завоеванія и рожденія. Они ссылались при этомъ на исторію для доказательства той мысли, что собственность не есть сама по себѣ фактъ неизмѣнный, и что законодательство, напротивъ, всегда вмѣшивалось въ организацію собственности, а о себѣ они говорили, что стремятся не къ уничтоженію, но къ преобразованію собственности. Будущее состояніе собственности имъ представлялось въ такомъ видѣ, что владѣльцы земель и капиталовъ будутъ лишь хранителями этихъ орудій труда, распредѣляющими ихъ между рабочими. Тогда и водворится царство Божіе на землѣ, исчезнетъ рабство, смягчившееся въ отношеніе между капиталистомъ и работникомъ, уничтожатся привилегіи рожденія, все-таки еще сохраняющіяся въ правѣ наслѣдованія имуществъ. «Говорятъ, замѣчали сенъ-симонисты, что сынъ всегда наслѣдовалъ отцу, но подобнымъ же образомъ и язычникъ говорилъ, что всегда свободный человѣкъ владѣлъ рабами. Вѣдь человѣчество устами Іисуса провозгласило: нѣтъ болѣе рабства; устами Сенъ-Симона оно провозглашаетъ: всякому по его способности, всякой способности по ея дѣламъ, нѣтъ болѣе наслѣдства». Вмѣстѣ съ этимъ сенъ-симонисты указывали и на религіозный прогрессъ въ человѣчествѣ, полагая, что оно никогда не останется безъ религіи. Они отвергали христіанство за то, что, будучи религіей одного духа, оно разсматриваетъ тѣло и все тѣлесное, какъ нѣчто грѣховное, тогда какъ собственное ихъ воззрѣніе сводилось къ пантеистическому пониманію Божества, проявляющагося для человѣка, какъ духъ и какъ матерія, откуда ихъ «реабилитація плоти», впослѣдствіи доведшая Анфантена до проповѣди крайней чувственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, сенъ-симонисты представляли себѣ будущее общество, какъ управляемое двумя іерархіями—духовною и свѣтскою подъ главенствомъ «соціальнаго священника», на котораго «доктрина» смотрѣла, какъ на живой законъ и воплощеніе правды, будетъ ли этотъ законъ носить имя Нумы, Моисея,

Христа, а для будущихъ временъ — Сенъ-Симона. Отсюда вся система представлялась, какъ «послѣднее откровеніе, дѣлаемое Богомъ человѣку, откровеніе прогресса, любви и жизни», какъ «вѣра Сенъ-Симона и всѣхъ грядущихъ поколѣній». Въ этой своей системѣ іерархій сенъ-симонизмъ совершенно убивалъ свободу личности, подчиняя каждаго человѣка даже въ его интимной жизни безусловному авторитету духовныхъ вождей общества. Осуществить свой идеалъ послѣдователи доктрины думали посредствомъ воспитанія, которое, прежде всего, должно было развить чувство долга и привязанности къ истиннымъ и законнымъ вождямъ общества. Въ сенъ-симонизмѣ, какъ культурно-политическомъ направленіи, несомнѣнно сказалось сильное католическое вліяніе. Взятое съ этой стороны, это направленіе было однимъ изъ проявленій той культурной и политической реакціи, которая характеризуетъ эпоху реставраціи, реакціи вѣры и чувства противъ знанія, реакціи идеи авторитета противъ принципа индивидуальной свободы. Но въ то же время, разсматриваемый съ соціальной точки зрѣнія, сенъ-симонизмъ былъ ученіемъ по существу дѣла революціоннымъ — не въ смыслѣ средствъ, которыми онъ думалъ достигнуть своихъ цѣлей, а въ смыслѣ рѣзкой постановки соціальнаго вопроса, какъ вопроса, требующаго полной перестройки общественныхъ отношеній на совершенно новыхъ началахъ.

До іюльскаго переворота сенъ-симонисты не рѣшались на публичную проповѣдь. Свое ученіе они распространяли на собраніяхъ въ частныхъ квартирахъ, куда могли являться лишь одни приглашенные. Притомъ они держали себя совершенно въ сторонѣ отъ либеральнаго движенія, приведшаго къ іюльскому перевороту. Послѣдняя произвела на нихъ сильное впечатлѣніе: въ ней они увидѣли какъ бы подтвержденіе того, что вся современная соціальная система никуда болѣе не годится, и что общество должно быть перестроено на совершенно новыхъ началахъ. Уже 30 іюля на парижскихъ улицахъ сенъ-симонистами былъ расклеенъ манифестъ, въ которомъ ими обѣщалось окончательное уничтоженіе феодализма со всѣми привилегіями рожденія, дабы каждый занималъ въ обществѣ мѣсто, соотвѣтственное его заслугамъ, и вознаграждался соотвѣтственно своимъ дѣламъ. Вскорѣ затѣмъ главарями секты были сдѣланы первыя попытки публичной проповѣди ученія въ болѣе широкихъ кругахъ, а въ концѣ 1830 г. парижскіе сенъ-симонисты осно-

вали нѣчто въ родѣ религіознаго общежитія, которому дали названіе семейства. «Отцы и дѣти, братья и сестры о С.-Симонѣ», какъ они себя называли, собирались ежедневно на общую трапезу, вели между собою бесѣды о разныхъ вопросахъ своего ученія, принимали новыхъ «братьевъ» и «сестеръ», разсылали миссіонеровъ по провинціальнымъ городамъ, устраивали праздники и вообще проводили время пріятно и даже весело. Религіозная сторона этого братства нашла выраженіе въ разнаго рода обрядахъ, которыми сопровождались браки, похороны и другіе важные случаи въ жизни членовъ общины. Но въ этой религіозной общинѣ скоро произошли раздоры, потому что весьма скоро обнаружилось разногласіе между отдѣльными членами и даже между обоими верховными отцами. Въ концѣ 1831 года Базаръ вышелъ изъ «семейства», а съ нимъ ушли и другіе братья изъ числа наиболѣе рьяныхъ послѣдователей доктрины. Послѣ этого составъ «семейства» сдѣлался болѣе однороднымъ. Анфантенъ, который былъ провозглашенъ «верховнымъ начальникомъ религіи С.-Симона», объявилъ, что теперь-то и должно начаться полное осуществленіе новыхъ принциповъ на практикѣ. Въ то самое время, когда однажды на площадяхъ и улицахъ Парижа разыгрывалась одна изъ неудачныхъ республиканскихъ попытокъ, сенъ-симонисты удалились въ своего рода монастырь, что очень хорошо характеризуетъ полную аполитичность всего движенія.

Недалеко отъ Парижа, въ Менильмонтанѣ, у Анфантена былъ большой домъ съ садомъ: сюда теперь было переведено «семейство», и жизнь его здѣсь устроена была на новыхъ началахъ. Члены общины раздѣлили между собою занятія и работы по дому и саду, собираясь вмѣстѣ къ обѣду, во время котораго пѣли молитвы и слушали проповѣди своего «отца». Для нихъ былъ даже придуманъ особый костюмъ, состоявшій изъ красной фуражки, короткаго синяго камзола и бѣлыхъ панталонъ. Въ своемъ уединеніи сенъ-симонисты подъ руководствомъ Анфантена продолжали разработку догматовъ новой религіи, но дѣло кончилось судебнымъ процессомъ, возбужденнымъ противъ нихъ по обвиненію въ образованіи противозаконнаго сообщества и проповѣди безнравственнаго ученія. Этотъ процессъ нанесъ смертельный ударъ сенъ-симонизму. Мало-по-малу бывшіе члены сенъ-симонистской общины стали совершенно отрѣшаться отъ своего былого увлеченія, но многіе при этомъ только для того, чтобы дѣлаться фурьеристами. Вся эта исторія очень характерна для

самаго ранняго соціализма, что и заставило насъ остановиться на немъ съ такими сравнительно большими подробностями.

Главное сочиненіе Фурье «Теорія четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ», въ которомъ онъ выступилъ въ роли соціальнаго реформатора не безъ надежды, что систему его осуществитъ Наполеонъ, вышло въ свѣтъ еще въ 1808 г., но только со времени появленія, въ 1822 г., его «Трактата о домашней и земледѣльческой ассоціаціи», у него стали набираться послѣдователи, давшіе ему средства для напечатанія «Новаго промышленнаго и общественнаго міра» (1828). Вскорѣ затѣмъ произошла іюльская революція, окрылившая надежды Фурье: по крайней мѣрѣ, послѣ переворота онъ сталъ обращаться съ своимъ проектомъ общественнаго переустройства къ наиболѣе виднымъ дѣятелямъ іюльской монархіи и къ самому королю. Эти его обращенія были, однако, столь же неудачны, какъ и попытка соединенія съ сенъ-симонистами: Анфантенъ отвергъ его предложеніе. Когда въ 1837 г. Фурье умеръ, у него уже была своя школа, во главѣ которой стоялъ Консидеранъ.

Въ противоположность Сенъ-Симону съ его разностороннимъ научнымъ образованіемъ Фурье былъ крайнимъ фантазеромъ, сочинявшимъ очень странныя теоріи. Онъ создалъ, наприм., совершенно фантастическую исторію міросданія, раздѣливъ ее на періоды съ ариѳметически правильно расположенными количествами тысячелѣтій и наполнивъ эти періоды самыми причудливыми выдумками необузданнаго воображенія. Въ своей космогоніи онъ выступилъ даже пророкомъ относительно будущаго, когда подъ вліяніемъ перемѣны въ жизни людей, по его мнѣнію, и сама природа сдѣлается иною. Онъ предсказывалъ появленіе новыхъ твореній, которыя будутъ служить человѣку: «анти-львы» въ три раза болѣе теперешнихъ львовъ будутъ превосходными скакунами, на которыхъ люди станутъ быстро переноситься съ мѣста на мѣсто; вмѣстѣ китовъ, явятся «анти-киты», которые станутъ возить корабли по морямъ и т. п.; море, далѣе, совершенно измѣнится, и вода его превратится въ нѣкоторое подобіе лимонада; перемѣнится и климатъ, благодаря, между прочимъ, появленію надъ полюсомъ сѣверной короны, которая нагрѣетъ полюсъ до температуры Андалузіи и Сициліи; наконецъ, и продолжительность человѣческой жизни достигнетъ 144 лѣтъ. Эта космогонія была дополнена фантастическимъ ученіемъ о загробной жизни, въ которомъ главную роль играло переселеніе душъ.

Фурье вѣрилъ въ скорую осуществимость своей системы и сначала думалъ, что призванъ осуществить ее Наполеонъ, а потомъ что на помощь къ нему явится какой-либо богачъ, какая-либо компанія. Въ 1822 г. онъ расчитывалъ, что въ томъ же году будетъ сдѣланъ первый опытъ введенія его системы и въ слѣдующемъ 1823 г. докажетъ свою пригодность; тогда въ 1824 г. всѣ цивилизованные народы введутъ у себя жизнь на новыхъ началахъ, въ 1825 г. присоединятся къ ней варвары и дикари, а въ 1826 г. завершится преобразованіе человѣчества установленіемъ «сферической іерархіи».

Исходнымъ пунктомъ ученія Фурье было указаніе на неудовлетворительность современныхъ экономическихъ порядковъ: теперешній голодный пролетарій, говорилъ онъ, иной разъ и позавидуетъ, пожалуй, сытому рабу древняго міра, — куда ужъ тутъ до верховной власти народа! Отношеніе Фурье и къ философіи XVIII в., и къ революціи, которая думала осуществить ея принципы, было отрицательнымъ. Онъ возвѣщалъ поэтому новую науку, которая должна была осчастливить человѣчество, и считалъ себя уже и создателемъ этой науки. По его теоріи, Богъ далъ страстямъ человѣка бо́льшую интенсивность, чѣмъ разуму, а потому страсти и заключаютъ въ себѣ истолкованіе видовъ Промысла относительно общественнаго порядка. Если страсти приносятъ вредъ, то виноватъ въ этомъ дурной общественный порядокъ, при иномъ же строѣ страсти приведутъ къ согласію и общественному единенію. Богъ не создалъ для людей принудительныхъ мѣръ, а далъ имъ только страсти, между которыми нужно имѣть въ виду и влеченіе къ производительнымъ работамъ. Фурье развилъ цѣлую, весьма, впрочемъ, фантастическую теорію страстей, придумавъ для нихъ самыя причудливыя названія (кабалиста—страсть къ интригѣ, папильона — страсть къ перемѣнамъ и т. п.) и поставивъ съ ними въ соотвѣтствіе звуки, цвѣта, ариѳметическія дѣйствія, геометрическія фигуры, металлы: 12 страстей онъ пріурочилъ, наприм., къ двѣнадцати тонамъ и полутонамъ гаммы, а комбинаціи страстей, по его мнѣнію, образуютъ 810 различныхъ характеровъ. Воспитаніе, думалъ Фурье, должно не подавлять или пытаться преобразовать страсти, а содѣйствовать полному ихъ развитію и всѣ ихъ, не исключая удовольствій, прилагать къ производительной работѣ. Вся задача въ томъ, чтобы сдѣлать трудъ привлекательнымъ, т.-е. сдѣлать каждый видъ труда доступнымъ соотвѣтственной страсти. Современное

общественное устройство не годится для такого развитія страстей и ихъ приложенія къ труду, и нужно потому совершенно новое. Люди должны быть соединены въ «фаланги» въ 810 человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, въ соотвѣтствіе съ 810 различными характерами людей. Каждая фаланга устроится на своемъ участкѣ земли, въ центрѣ котораго выстроитъ себѣ великолѣпное жилище — фаланстеръ. Фурье весьма подробно описывалъ, какъ долженъ быть устроенъ фаланстеръ и какой порядокъ жизни долженъ быть въ немъ заведенъ, до самыхъ мелочныхъ подробностей. Оставляя въ сторонѣ всю фантастическую сторону его ученія, мы должны подчеркнуть лишь серьезность основной мысли, именно его идеи о производительной и потребительной ассоціаціи. «300 семействъ поселянъ, соединившись въ ассоціацію, доказывалъ онъ, имѣли бы одинъ прекрасный сарай, вмѣсто 300 никуда негодныхъ; имѣли бы одно хорошее заведеніе для выдѣлки вина, вмѣсто 300 плохихъ; въ разныхъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, они разводили бы три или четыре огня, вмѣсто трехсотъ» и т. п. Фурье предполагалъ, что такія ассоціаціи, или фаланги осуществятся, если въ нихъ найдутся любимыя занятія для всѣхъ людей и когда люди воочію убѣдятся, что жить въ фаланстерахъ будетъ и дешевле, и пріятнѣе. При всемъ томъ Фурье объявилъ себя врагомъ коммунизма: по его представленію, члены фаланги должны имѣть собственное состояніе, и каждому будетъ отдаваться то, что ему слѣдуетъ: общій доходъ фаланги будетъ распредѣляться на двѣнадцать частей, изъ которыхъ четыре прійдутся на долю капитала, пять—на долю физическаго труда и три—на долю теоретическихъ и практическихъ занятій.

Фурье вѣрилъ, какъ мы видѣли, въ осуществимость своей системы для всего земного шара. «Я, — писалъ онъ о себѣ, — шелъ одинъ къ цѣли безъ пріобрѣтенныхъ средствъ, безъ проторенныхъ путей. Я одинъ съумѣю убѣдить двадцать вѣковъ политическаго слабоумія, и мнѣ одному теперешнія и будущія поколѣнія будутъ обязаны иниціативой ихъ безмѣрнаго блаженства». Къ сенъ-симонизму онъ отнесся весьма враждебно. «Сенъ-симонисты, писалъ онъ о нихъ,—теократы и вслѣдствіе этого не что иное, какъ клоаки порока и лицемѣрія. Если бы они достигли власти, то не улучшеніе быта трудящихся классовъ было бы результатомъ этого,... а то, что въ теченіе полувѣка они овладѣли бы всѣми видами собственности, капиталами, землями, фабриками, заводами». У Фурье, дѣйствительно, не было

того теократическаго духа, который въ сенъ-симонизмѣ уничтожалъ въ конецъ индивидуальную свободу. Онъ былъ скорѣе защитникомъ этой свободы, желая, чтобы каждый слѣдовалъ влеченію своихъ страстей, и чтобы все руководство дѣлами фаланги,—которое онъ предоставлялъ особому ареопагу изъ самыхъ опытныхъ и мудрыхъ «гармонійцевъ»,—заключалось лишь въ изданіи не столько распоряженій, сколько указаній (напримѣръ, относительно времени, благопріятнаго для жатвы), которымъ «страстныя серіи» (напримѣръ, жнецовъ) могутъ и не повиноваться, такъ какъ они должны всегда дѣйствовать по собственному влеченію: Фурье, въ сущности, раздѣлялъ вѣру современныхъ ему экономистовъ въ то, что свободное слѣдованіе влеченіямъ,—но не при индивидуальномъ, а коллективномъ трудѣ,—создастъ гармонію интересовъ, и въ разрѣзъ съ принципомъ свободы устанавливалъ только законъ, по которому должно было происходить вознагражденіе капитала, труда и таланта.

Внутреннее разложеніе сенъ-симонизма и постигшая его катастрофа принесли фурьеризму только пользу, такъ какъ многіе послѣдователи сенъ-симонизма одинъ за другимъ стали переходить на сторону Фурье. Нашлись среди его сторонниковъ и богатые люди, которые готовы были жертвовать большія суммы ради торжества новой общественной системы. Въ тридцатыхъ годахъ, верстахъ въ 60 отъ Парижа, стали даже строить фаланстеръ, но вскорѣ дѣло остановилось за недостаткомъ средствъ, а главное—вслѣдствіе крайней непрактичности распорядителей всего предпріятія. Системѣ Фурье грозила судьба сенъ-симонизма, но отъ этой участи его ученіе было спасено однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ его учениковъ, Викторомъ Консидераномъ, книга котораго «La destinée sociale» привлека къ фурьеризму много новыхъ послѣдователей, тѣмъ болѣе, что, излагая систему своего учителя, Консидеранъ устранилъ все, что̀ въ ней способно было вызвать насмѣшки.

Сенъ-симонисты и фурьеристы нашли послѣдователей и за границами Франціи. Уже въ тридцатыхъ годахъ о сенъ-симонизмѣ писали въ Италіи и въ Германіи, а въ слѣдующемъ десятилѣтіи довольно значительное количество лицъ въ разныхъ странахъ Европы (между прочимъ, и въ Россіи) и даже Америки увлекалось фурьеризмомъ.

Одновременное образованіе во Франціи двухъ соціалистическихъ школъ, къ которымъ примкнуло немало людей изъ обра-

зованнаго класса общества, указываетъ на то, что поднятые ими вопросы уже начинали ставиться самою жизнью. На то же указываетъ появленіе въ ту же эпоху въ Англіи Оуэна съ его новыми идеями о соціальной реформѣ и та популярность, какую онъ снискалъ не только на родинѣ, но и въ другихъ странахъ Европы, даже въ Америкѣ, и не только въ обществѣ, но и у правительствъ. Вся разница между Оуэномъ и французскими великими утопистами заключалась въ томъ, что онъ выступилъ, не какъ теоретикъ, а какъ практикъ, съумѣвшій поднять и матеріально, и морально бытъ рабочихъ на принадлежавшей ему фабрикѣ. До его вступленія въ управленіе ею, среди рабочихъ царили нищета, болѣзни, пьянство, развратъ и вмѣстѣ съ этимъ религіозная нетерпимость между представителями отдѣльныхъ сектъ, Оуэнъ же цѣлымъ рядомъ мѣръ достигъ того, что рабочіе на его фабрикѣ стали зажиточнѣе, нравственнѣе и болѣе производительными въ трудѣ. Особое вниманіе обратилъ онъ на воспитаніе дѣтей, говоря, что если бы у него была возможность взять на воспитаніе всѣхъ дѣтей земного шара, то скоро посредствомъ этого «второго рожденія» онъ ввелъ бы въ жизнь человѣчества принципы братства и единенія. Оуэнъ даже устроилъ, затративъ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, «Институтъ для образованія характера» (1816), изложивъ свою систему въ «Новомъ взглядѣ на общество, или опытахъ объ образованіи человѣческаго характера». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выработалъ еще цѣлый планъ «земледѣльческихъ и мануфактурныхъ деревень единства и взаимной кооперації». Эти общины должны были сначала управляться какою-либо способною личностью, но когда выростетъ новое поколѣніе, общинникамъ можно было бы предоставить выборъ своихъ управителей. Внѣшнее устройство такихъ общинъ имѣло сходство съ фурьеровскими фаланстерами. Сначала, вообще, Оуэнъ проповѣдовалъ обязанность работодателей заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ, доказывая, что этого требуетъ и выгода самихъ капиталистовъ, такъ какъ лучше обезпеченный и болѣе нравственный рабочій и трудится производительнѣе, но потомъ онъ сталъ сходить съ этой чисто практической почвы и началъ предаваться мечтамъ о всеобщемъ счастьѣ, которое должны были осуществить его система воспитанія и его организація земледѣльческихъ и промышленныхъ общинъ, причемъ объявилъ индивидуализмъ врагомъ его системы любви и взаимной кооперації. Пропаганда Оуэномъ этихъ идей, съ рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи, и въ частности вербовка

приверженцевъ въ рабочемъ классѣ, началась около 1820 г. Не добившись ничего на родинѣ, онъ уѣхалъ въ 1824 г. въ Америку, гдѣ купилъ землю и постройки, принадлежавшія одной сектантской общинѣ, и основалъ свою кооперативную колонію, давъ ей названіе Новой Гармоніи и устройство, сообразное со своими моральными и экономическими принципами, осуществленіе которыхъ должно было, по его мнѣнію, осчастливить современемъ все человѣчество. Предпріятіе окончилось неудачею, но зато имѣли извѣстный успѣхъ основавшіяся въ отсутствіе Оуэна въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи общества для распространенія кооперативной системы.

Двѣ черты должны быть особенно отмѣчены въ соціализмѣ сенъ-симонистовъ, Фурье и Оуэна. Одною изъ нихъ было крайне отрицательное отношеніе къ тогдашней экономической наукѣ, другою—не менѣе отрицательное отношеніе къ политической дѣятельности.

Политическая экономія въ школѣ, основателями которой были Адамъ Смитъ, Мальтусъ и Рикардо, стояла на точкѣ зрѣнія частнаго хозяйства, индивидуальной свободы въ области промышленности и ничѣмъ неограничиваемой конкурренціи, тогда какъ соціализмъ выдвигалъ на первый планъ принципы ассоціаціи, солидарности, планомѣрной организованности. Но у политической экономіи была и другая сторона: это, какъ-никакъ, была наука, которая, хорошо ли, дурно ли, создавала свои теоріи, исходя изъ реальныхъ предпосылокъ и держась реальной почвы, а также пользуясь вполнѣ научнымъ (хотя, быть можетъ, и одностороннимъ, лишь абстрактно-дедуктивнымъ) методомъ. Великіе утописты двадцатыхъ годовъ въ своихъ построеніяхъ стояли далеко позади того идеала научности, который уже руководилъ изслѣдованіями экономистовъ. Правда, и сенъ-симонисты, и фурьеристы, и оуэнисты яснѣе видѣли обратную сторону той медали, на которой экономисты сосредоточивали все свое вниманіе, но зато въ свои построенія они вносили слишкомъ много ненаучныхъ элементовъ фантастики и мистики. Одинъ только Сенъ-Симонъ былъ человѣкъ, прикосновенный къ научному знанію. У него была даже мысль объ особой, положительной наукѣ, которая изучала бы человѣческое общество совершенно такъ же, какъ физика изучаетъ силы природы, но сенъ-симонисты были далеки отъ этой мысли и, вмѣсто научной теоріи, создали религіозную секту. Ученіе Фурье, человѣка, не получившаго серьезнаго обра-

зованія, было настоящей фантасмагоріей, какъ только рѣчь заходила о внѣшней природѣ или о внутреннемъ мірѣ человѣка. Оуэнъ былъ тоже самоучка, лишенный правильнаго, систематическаго образованія. Для всѣхъ нихъ чисто научный элементъ тогдашней политической экономіи былъ мало доступенъ: слишкомъ поглощенные тѣмъ, что̀ должно быть, они обнаруживали мало склонности къ теоретическому изслѣдованію того, что̀ есть, какъ оно есть, тѣмъ болѣе, что окружающая дѣйствительность вызывала къ себѣ съ ихъ стороны лишь одно осужденіе.

Вмѣстѣ съ этимъ первоначальный соціализмъ былъ глубоко аполитиченъ. Ни сенъ-симонисты, ни фурьеристы, ни болѣе практичный Оуэнъ не вѣрили въ силу и плодотворность какой бы то ни было политической дѣятельности. Отношеніе и Сенъ-Симона, и Фурье къ французской революціи и къ либеральному временъ реставраціи было отрицательное. Какъ-разъ въ тѣ лѣтніе дни 1832 г., когда въ Парижѣ республиканская демократія давала битву буржуазной монархіи, сенъ-симонисты удалились въ свое менильмонтанское уединеніе. Позднѣе, когда во Франціи началась агитація въ пользу парламентской реформы, признанный глава фурьеристовъ, Консидеранъ, отнесся къ этому движенію несочувственно, находя его излишнимъ. Въ свое время и Оуэнъ оттолкнулъ отъ себя англійскихъ радикаловъ во время агитаціи въ пользу реформы выборовъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ ихъ политической программѣ. Однимъ словомъ, коренная реформа общества признавалась возможною безъ реформы государства и, какъ мы только-что видѣли, безъ научнаго изслѣдованія законовъ, управляющихъ экономическою жизнью общества.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ эта отрѣшенность только-что зародившагося соціализма и отъ науки, и отъ политики смѣнилась стремленіемъ использовать въ интересахъ соціальнаго вопроса какъ науку, такъ и политику: науку — для лучшаго уразумѣнія самого этого вопроса, политику—для осуществленія въ дѣйствительности соціальнаго идеала. Одновременно съ этимъ соціализмъ изъ тѣсныхъ круговъ передовой интеллигенціи сталъ переходить въ народныя массы, въ которыхъ и безъ сектантско-религіозной окраски началъ находить пониманіе и сочувствіе и которымъ въ эпоху ихъ выступленія на арену политической борьбы поставилъ новую цѣль—добиваться эманципаціи труда.

XIV. Философскій радикализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ [1]).

Консервативный характеръ философіи въ первой трети XIX в.—Преобладающая роль воображенія и умозрѣнія въ ея системахъ. — Отношеніе ихъ къ вопросамъ религіи и политики.—Эпоха господства гегельянства.—Литературное направленіе «Молодой Германіи». — Возникновеніе лѣваго гегельянства.—Критика вопросовъ религіи и политики въ лѣвомъ гегельянствѣ.—Перенесеніе радикальной критики изъ областей религіи и политики въ область экономики.—Политическія воззрѣнія Маркса въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ.—Анархизмъ Макса Штирнера.

Остановимся еще на одномъ общемъ явленіи, которое должно быть отмѣчено въ исторіи временъ іюльской монархіи, и которое относится къ области духовной культуры. Въ своемъ мѣстѣ мы уже видѣли, что реакція въ первой трети XIX в. имѣла не только соціально-политическій, но и культурный характеръ. Наиболѣе рѣзко эта сторона реакціи проявилась въ своего рода реставраціи католицизма, въ возвращеніи къ теократическимъ, клерикальнымъ и догматическимъ воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ, менѣе ярко — въ поворотѣ самого либерализма къ спиритуализму и идеализму въ философіи. Религіозное вольнодумство философскаго вѣка уже совершенно не подходило къ общему духу эпохи реставраціи. Философія въ это время занималась не критикой, а обоснованіемъ религіи въ то самое время, какъ и принципіальные отрицатели современнаго общества, въ лицѣ, главнымъ образомъ, сенъ-симонистовъ, тоже думали объ упраздненіи католицизма лишь въ смыслѣ замѣны его другою, болѣе, на ихъ взглядъ, совершенною религіей. О французскихъ философахъ первой трети XIX в. у насъ уже шла рѣчь, но еще въ бо̀льшей мѣрѣ отличалась общественнымъ консерватизмомъ нѣмецкая философія того же времени, которая, кромѣ того, въ большей даже еще степени, нежели французская, поддалась вліянію мистики и романтики, спиритуализма и метафизики. Критическое и болѣе реальное направленіе Канта смѣнилось въ Германіи системами Фихте, Шеллинга и Гегеля, отвернувшихся, такъ сказать, каждый по своему, отъ критицизма и научнаго духа предыдущей эпохи

[1]) И. З. Е.; т. IV, гл. XIII; т. V, гл. XV. — Общій взглядъ, гл. XVI.

для возвращенія къ изжитымъ традиціямъ идеологическаго догматизма.

Одною изъ характерныхъ чертъ нѣмецкой философіи въ первой трети XIX в. было третированіе свысока научнаго знанія, какъ области нефилософскаго эмпиризма. Впослѣдствіи основатель позитивизма, Огюстъ Контъ, полагалъ разницу между метафизикою и наукою въ томъ, что въ первой наблюденіе подчинено воображенію, во второй, наоборотъ, воображеніе — наблюденію. Быть можетъ, въ метафизическихъ системахъ Фихте, Шеллинга и Гегеля слѣдовало бы искать не одного воображенія,— если понимать его въ смыслѣ простой игры фантазіи,—а также и умозрѣнія, отличнаго отъ воображенія, но, во всякомъ случаѣ, названныя философскія системы, въ общемъ, не очень-то считались съ данными наблюденія и опыта, слишкомъ,—даже гораздо больше, чѣмъ раціоналисты XVIII в.,—полагаясь на чистое умозрѣніе Фихте считалъ возможнымъ выводить a priori изъ основныхъ своихъ идей содержаніе самой исторіи: философъ у него безъ всякаго обращенія къ историческому эмпиризму могъ конструировать прошлое. Когда знаменитый филологъ Вольфъ сдѣлалъ свои открытія въ области гомеровскаго вопроса, Фихте написалъ ему, что онъ и безъ его филологической критики, просто a priori, пришелъ къ тому же результату, чѣмъ вызвалъ иронической отвѣтъ Вольфа: хорошо-де было бы узнать исторію народовъ, одни лишь имена которыхъ намъ извѣстны, разъ этого можно достигнуть апріорнымъ способомъ. Гегель тоже прославился своимъ конструированіемъ исторіи: путемъ чисто логическихъ умозаключеній онъ a priori построилъ весь ходъ всемірной исторіи, раздѣлилъ его на періоды, далъ характеристику каждаго. Усмотрѣвъ въ основѣ всего процесса саморазвитіе Мірового Духа въ сознаніи имъ своей сущности, Гегель растянулъ дѣйствительную исторію на прокрустовомъ ложѣ своей схемы и наполнилъ всю эту «философію исторіи» игрою абстрактныхъ понятій въ перемежку съ символами. Умозрѣніе переплеталось здѣсь съ воображеніемъ, и получилось въ результатѣ нѣчто, что̀ никогда нигдѣ не наблюдалось въ дѣйствительности. Воображеніе играло еще бо̀льшую роль во всѣхъ построеніяхъ Шеллинга и его школы. Фантасмагоріи самоучки Фурье находятъ полную аналогію въ курьезныхъ натуръ-философскихъ соображеніяхъ шеллингіанца Окена, учившаго, напримѣръ, что все царство животныхъ есть человѣкъ, разложенный на свои составныя части: насѣкомыя

суть животныя зрѣнія, улитки—осязанія, птицы—слуха, рыбы—обоняніе, амфибіи—вкуса и т. п. Не менѣе ненаучно относилась эта философія и къ тѣмъ преданіямъ, которыя стремилась обосновать, видя вездѣ только символы высшихъ истинъ. Все это, разумѣется, не могло не отразиться на отношеніи философіи къ вопросамъ религіи и политики.

Въ вопросахъ религіи нѣмецкая метафизика начала XIX в. нерѣдко брала на себя задачу средневѣковой схоластики—оправдать отъ разума истины откровенія. Какъ и схоластики, представители нѣмецкой философіи тоже впадали, съ правовѣрной точки зрѣнія, въ разныя ереси. Въ ихъ системахъ большею частью всегда обнаруживается извѣстная теософическая примѣсь, хотя бы даже и въ пантеистической формѣ: во всякомъ случаѣ, многое въ этихъ умозрѣніяхъ стояло на переходной ступени отъ религіозной философіи къ философской религіи. Рядомъ съ еретиками, впрочемъ, были и ортодоксы, болѣе или менѣе искусно умѣвшіе сочетать свои построенія съ традиціонною догматикою. Такую же въ принципѣ своемъ консервативную позицію заняла нѣмецкая философія начала XIX в. и по отношенію къ вопросамъ политики. Фихте, не дожившаго до реставраціи, конечно, приходится исключить изъ идеологовъ германскаго консерватизма, но Гегель и особенно Шеллингъ были настоящими выразителями консервативныхъ стремленій эпохи. Когда въ школѣ Гегеля, какъ мы еще увидимъ, произошелъ расколъ, и «лѣвые» гегельянцы вступили на путь философскаго радикализма, прусское правительство вызвало въ Берлинъ старика Шеллинга, которому прямо поручило поддерживать своею романтическою философіей консервативныя начала политической жизни. Философія, впрочемъ, и самого Гегеля служила цѣлямъ консерватизма, за что даже получила у одного изъ позднѣйшихъ критиковъ названіе «наукообразной хранительницы духа прусской реставраціи».

Изъ трехъ названныхъ представителей нѣмецкой метафизики слѣдуетъ остановиться нѣсколько больше на Гегелѣ, система котораго одно время пользовалась громаднымъ вліяніемъ не только въ Германіи, но и далеко за ея предѣлами и изъ которой, съ другой стороны, послѣ смерти учителя развился цѣлый рядъ радикальныхъ ученій, характеризующихъ философское движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

«Безъ сомнѣнія,—писалъ во второй половинѣ пятидесятыхъ

годовъ біографъ Гегеля, Гаймъ, — безъ сомнѣнія, многимъ изъ живущихъ памятно то время, когда всѣ знанія питались отъ роскошно убраннаго стола гегелевской мудрости, когда всѣ факультеты толпились въ передней философскаго факультета съ цѣлью хотя бы что-либо усвоить себѣ изъ возвышеннаго разсмотрѣнія абсолютнаго бытія и изъ неуловимой гибкости прославленной гегелевой діалектики; когда всякій былъ или гегелевымъ послѣдователемъ, или варваромъ, идіотомъ, отсталымъ человѣкомъ, презрѣннымъ эмпирикомъ; когда, наконецъ, само государство считало себя безопаснымъ и прочнымъ оттого, что старикъ Гегель построилъ его на началахъ разумности и необходимости... Должно, прибавляетъ еще Гаймъ, со всею живостью представить себѣ восторженность и увѣренность гегельянцевъ 1830 г., которые съ глубокою серьезностью предлагали вопросъ: что будетъ составлять дальнѣйшее содержаніе всемірной исторіи, послѣ того, какъ Міровой Духъ достигъ въ гегелевой философіи своей послѣдней цѣли — познанія самого себя?» Въ приведенныхъ словахъ Гайма, конечно, есть ироническое преувеличеніе, но въ нихъ отмѣчено все-таки и дѣйствительное историческое явленіе—колоссальное вліяніе гегельянства на умственную жизнь Европы во второй четверти XIX в. Въ частности, какъ идеологъ прусской государственности въ эпоху реставраціи, Гегель, въ ранней юности увлекавшійся французской революціей, уже въ самомъ началѣ XIX в. приглашалъ къ примиренію съ дѣйствительностью. Уже тогда онъ ставилъ цѣлью философіи пониманіе того, что̀ есть, для образованія болѣе спокойнаго взгляда на вещи, который далъ бы возможность съ бо̀льшимъ терпѣніемъ переносить невзгоды жизни. «Не оттого, писалъ онъ, мы страдаемъ и волнуемся, что есть то, что есть, но потому, что оно не таково, какимъ бы должно было быть. Но когда мы понимаемъ, что оно именно таково, какимъ быть должно, т.-е. не есть произведеніе случая и произвола, то признаёмъ, что оно какъ-разъ таково, какимъ и должно быть». «Философія, писалъ онъ еще, есть изслѣдованіе разумнаго и, слѣдовательно, есть вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе современнаго и дѣйствительнаго, а не поставленіе несуществующаго и выходящаго за предѣлы міра, имѣющаго мѣсто лишь въ мечтахъ пустого разглагольствованія. Цѣль философіи заключается не въ томъ, чтобы построить государство, какимъ оно должно быть, но въ томъ, чтобы понять государство, какъ оно есть». Въ своей вступительной лек-

ціи 1818 г. въ Берлинскомъ университетѣ, Гегель уже сдѣлалъ намекъ на внутреннее сродство и согласіе между прусскимъ государствомъ и его философіей. Немудрено поэтому, что, издавая въ 1821 г. свою «Философію права», онъ въ предисловіи нашелъ кое-что сказать даже въ оправданіе карлсбадскихъ постановленій, направленныхъ противъ свободнаго изложенія результатовъ свободнаго изслѣдованія съ каѳедры и въ печати. Философія Гегеля въ берлинскій періодъ его жизни сдѣлалась прямо модною и заслужила особое покровительство со стороны правительства. Онъ преклонялся передъ античной идеей государства, поглощающаго личность, и передъ проявленіями сильной власти, господствующей надъ обществомъ: и то, и другое онъ находилъ въ Пруссіи и не зналъ, съ чѣмъ только ее сравнивать, дабы ее возвеличить. Онъ уподоблялъ ее, напримѣръ, государству Платона, гдѣ властвуютъ наилуичшіе и наиболѣе знающіе; роль философовъ, правящихъ государствомъ, играли у него чиновники, какъ люди, имѣющіе требуемыя для своего дѣла знанія. Прусскіе полицейскіе порядки Гегель сближалъ прямо съ тою величественною силою, при помощи которой римское государство подчиняло себѣ гражданъ, дабы сдѣлать ихъ свободными.

Гегель умеръ въ слѣдующемъ за іюльской революціей году. Это послѣднее событіе отразилось на Германіи не только тѣмъ, что вызвало нѣсколько политическихъ волненій. Тридцатые и сороковые годы были эпохой и совершенно новыхъ явленій въ умственной жизни нѣмецкой націи, на которыхъ несомнѣннымъ образомъ сказалось вліяніе іюльской революціи, нанесшей ударъ всему тому, что было въ наибольшемъ почетѣ въ Германіи въ эпоху реставраціи. Въ нѣмецкой литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ происходило освободительное движеніе, бывшее рѣзкимъ протестомъ противъ началъ, получившихъ перевѣсъ въ жизни нѣмецкаго народа въ предыдущій періодъ. Особенно характерными явленіями культурнаго развитія въ Германіи въ эту эпоху были, съ одной стороны, новое литературное направленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ «Молодой Германіи», съ другой — новое направленіе философское, имѣвшее своихъ представителей въ лицѣ «молодыхъ гегельянцевъ», образовавшихъ въ школѣ знаменитаго философа особую, «лѣвую» партію. И въ литературѣ, и въ философіи, порвавшихъ съ традиціями реставраціи, сталъ господствовать теперь радикализмъ, по временамъ принимавшій прямо революціонный характеръ.

Главными представителями новаго литературнаго движенія были Бёрне и Гейне. Оба они по происхожденію принадлежали къ еврейству. Не связанные со старыми національными традиціями нѣмецкаго общества, они оба должны были скорѣе отрицательно относиться къ этимъ традиціямъ, особенно, если мы вспомнимъ, въ какомъ униженіи жили ихъ единоплеменники при господствѣ стараго порядка. Оба они были притомъ поклонниками французской культуры, и даже ихъ сближеніе произошло въ Парижѣ, куда оба отправились послѣ іюльской революціи. Бёрне поспѣшилъ въ столицу Франціи вскорѣ послѣ переворота. Для многочисленныхъ политическихъ выходцевъ изъ Германіи, искавшихъ убѣжища въ Парижѣ послѣ неудачи революціонныхъ попытокъ начала тридцатыхъ годовъ, домъ Бёрне сдѣлался даже своего рода центромъ, и самъ онъ превратился въ вождя нѣмецкаго политическаго радикализма. Онъ одинъ изъ первыхъ среди нѣмцевъ пришелъ къ мысли о необходимости объединенія политической дѣятельности друзей свободы въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ. Вообще французская общественная мысль въ эту эпоху оказывала весьма сильное вліяніе на нѣмцевъ, и Бёрне былъ первымъ виднымъ писателемъ, который сталъ разъяснять нѣмцамъ значеніе іюльской революціи. Германскія правительства, встревоженныя громаднымъ успѣхомъ его «Писемъ изъ Парижа», поторопились ихъ запретить.—Гейне тоже послѣ іюльской революціи переселился въ Парижъ, откуда сталъ писать корреспонденціи въ «Allgemeine Zeitung». Скоро, однако, его корреспонденціи должны были прекратиться, потому что у издателя газеты власти потребовали прекращенія его сотрудничества. Тогда Гейне собралъ свои статьи въ одну книгу, подъ заглавіемъ «Französische Zustände» (1832), снабдивъ ее такимъ предисловіемъ, послѣ котораго возвращеніе на родину сдѣлалось для него совершенно невозможнымъ. Съ особенною рѣзкостью относился Гейне къ Пруссіи, казавшейся ему воплощеніемъ всего того, что было для него наиболѣе ненавистнаго въ тогдашней нѣмецкой общественной жизни. Свое политическое настроеніе онъ выражалъ подчасъ съ рѣзкостью, которая должна была казаться болѣе, нежели дерзостью, всѣмъ правительствамъ Германіи, которыя поэтому и запрещали его книги.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ имя «Молодой Германіи», собственно говоря, носило нѣсколько писателей второстепеннаго значенія. Въ области политическихъ взглядовъ и они примыкали къ

радикализму и благоговѣли передъ Франціей. Въ 1835 году союзный сеймъ издалъ постановленіе, которымъ нѣмецкія правительства обязывались дѣйствовать всѣми уголовными и полицейскими средствами противъ сочинителей, издателей, типографщиковъ и распространителей произведеній «Молодой Германіи», какъ названа была и оффиціально новая литературная школа. Это постановленіе только усилило ея оппозиціонное настроеніе, и ея представители начали проявлять еще большій радикализмъ. Вотъ въ эти-то годы въ гегельянствѣ и произошелъ расколъ, приведшій къ образованію радикальнаго направленія также и въ философіи.

Исходнымъ пунктомъ разногласія въ школѣ Гегеля было отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, о которыхъ учитель высказался недостаточно ясно. Во всякомъ случаѣ, представлялось возможнымъ толковать его взглядъ на отношенія, существующія между знаніемъ и вѣрою, совершенно различнымъ образомъ. Гегель училъ, что философія имѣетъ то же самое содержаніе, какъ и религія, только въ другой формѣ, именно въ формѣ понятія, а не представленія. Тѣ изъ гегельянцевъ, которые были настроены болѣе консервативно, ухватились за эту формулу, чтобы превратить философію въ своего рода умозрительное богословіе. Другой выводъ сдѣлали болѣе свободомыслящіе гегельянцы, выдвинувъ на первый планъ ту мысль, что измѣненіе формы влечетъ за собою измѣненіе и содержанія. Первые стояли за сохраненіе церковной догматики, вторые стали относиться къ ней отрицательно. Въ частности, между учениками Гегеля разгорѣлся споръ о томъ, есть ли Богъ личное или безличное существо, принадлежитъ ли безсмертіе каждому индивидуальному духу или только знаменуетъ вѣчность всеобщаго разума, и, наконецъ, слѣдуетъ ли признавать за Богочеловѣка личность Христа или понимать подъ богочеловѣчествомъ лишь идею человѣчества. Консервативнымъ сторонникамъ Гегеля не нравился основной пантеистическій характеръ системы учителя, и они старались истолковать его ученіе въ смыслѣ церковныхъ догматовъ. Наоборотъ, противоположная партія настаивала на томъ, чтобы видѣть въ Богѣ лишь вѣчную и всеобщую субстанцію, доходящую до самосознанія только въ человѣчествѣ, и чтобы допускать безсмертіе лишь въ смыслѣ вѣчности духа вообще, а богочеловѣчество принимать въ отвлеченномъ смыслѣ. Съ этого и началось раздѣленіе между «правой» и «лѣвой» гегельянства. Этотъ расколъ, возникшій въ области отвлеченной философіи, распространился потомъ и на

пониманіе вопросовъ личной и общественной жизни. Правые гегельянцы въ области политики являлись защитниками существующихъ порядковъ и въ этомъ отношеніи даже усугубляли консервативный характеръ философіи родоначальника своей школы. Наоборотъ, лѣвая сторона проникнута была радикальными стремленіями не только въ религіи, но и въ политикѣ.

Особенно большой разладъ вызвало среди гегельянцевъ появленіе въ 1835 г. книги Штрауса «Жизнь Іисуса», въ которой было дано чисто раціоналистическое объясненіе евангелія, и философія религіи, которою такъ охотно занимались нѣмецкіе метафизики, превратилась въ историческую критику священнаго писанія и догматики. Съ точки зрѣнія Штрауса, исторія развитія догматовъ должна была превратиться въ ихъ уничтоженіе путемъ ихъ критики. Онъ прямо проповѣдовалъ несовмѣстимость христіанства и философіи: для того, чтобы получить возможность знать, прежде всего нужно перестать вѣрить. Другимъ виднымъ представителемъ лѣваго гегельянства былъ Фейербахъ, который опредѣлилъ ходъ своего философскаго развитія такимъ образомъ: «первою моею мыслью былъ Богъ, второю мыслью—разумъ, третьею и послѣднею—человѣкъ». Въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ «О философіи и христіанствѣ» (1839), «Сущность христіанства» (1841) и «Сущность религіи» (1845), онъ развивалъ ту мысль, что въ религіи человѣкъ олицетворяетъ свое собственное *я* и противопоставляетъ его себѣ, какъ нѣкоторое личное существо. Не въ человѣкѣ Богъ сознаётъ самого себя, какъ говорилъ Гегель, а, наоборотъ, человѣкъ сознаётъ себя въ своемъ Богѣ. Въ религіи происходитъ какъ-бы раздвоеніе человѣка, т.-е. ограниченный человѣческій индивидуумъ обращается къ собственной своей сущности, возведенной до безконечности, дабы отъ этого своего Бога получить удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя не могутъ быть удовлетворены его, человѣка, собственными силами: вѣчное противорѣчіе между хотѣніемъ человѣка и возможностью его исполненія является истиннымъ источникомъ религіи. Въ философскомъ отношеніи Фейербахъ возвратился къ сенсуализму, а черезъ него къ матеріализму. Къ лѣвому гегельянству примкнули еще братья Бруно и Эдгаръ Бауеры, развивавшіе принципъ чистой, или абсолютной критики въ примѣненіи рѣшительно ко всему, что́ является предметомъ спора разныхъ партій. Если, утверждали они, что-либо получаетъ признаніе, тѣмъ самымъ оно перестаетъ быть истиннымъ. Чистая кри-

тика должна совершенно спокойно созерцать, какъ все идетъ само-собою къ уничтоженію. Ничто поэтому не можетъ претендовать на безусловное значеніе. Истина можетъ заключаться только въ нашемъ *я*, которое все подвергаетъ критикѣ и тѣмъ самымъ все уничтожаетъ, будучи само совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было извнѣ налагаемыхъ узъ.

Штраусъ, Фейербахъ и Бауеры сдѣлали предметомъ своихъ изслѣдованій философію религіи и тѣсно съ нею связанной морали. Политика собственно лежала внѣ ихъ области; но и этотъ предметъ сталъ также разсматриваться съ новой точки зрѣнія, вырабатывавшейся въ лѣвомъ лагерѣ гегельянцевъ. Первымъ, кто направилъ философское изслѣдованіе въ этомъ духѣ на общественные вопросы, былъ Арнольдъ Руге, основавшій около 1840 г. періодическій органъ лѣваго гегельянства («Hallesche Jahrbücher für deutsche Kunst und Wissenschaft», переименованные въ «Deutsche Jahrbücher»), вскорѣ запрещенный за радикализмъ, послѣ чего Руге переселился въ Парижъ и возобновилъ свое изданіе подъ названіемъ «Deutsch-französische Jahrbücher». Въ качествѣ представителя лѣваго гегельянства, Руге особенно важенъ тѣмъ, что подвергъ критикѣ философію права Гегеля. Именно, онъ нашелъ, что Гегель въ этой части своей системы отступилъ отъ собственнаго діалектическаго метода. Его государство—нѣчто туманное; оно столь же мало реально, какъ и государство Платона, хотя оно и напоминаетъ прусское государство, какъ государство Платона — греческое. Гегель успокоился на разумности абсолютизма, потому что абсолютизмъ былъ настолько разуменъ, чтобы признать разумность гегелевой философіи. Подобно другимъ своимъ современникамъ, истинное начало государственности Руге готовъ былъ видѣть какъ бы воплощеннымъ въ тогдашней Франціи, въ которой безпрепятственно совершалось политическое движеніе. Онъ думалъ даже, что быть противъ Франціи все равно, что быть противъ политики, а быть противъ политики прямо значитъ быть противъ свободы.

Въ то же время, когда Руге въ Парижѣ издавалъ свой французско-нѣмецкій органъ, началась и литературная дѣятельность Карла Маркса. Ему пришлось учиться въ университетѣ въ тѣ годы, когда самымъ важнымъ явленіемъ въ умственной жизни нѣмецкаго образованнаго общества была борьба двухъ противоположныхъ направленій, возникшихъ въ школѣ Гегеля. Марксъ сразу примкнулъ къ ея лѣвому крылу, ревностно за-

нявшись изученіемъ философіи. Въ 1842 г. въ Кёльнѣ мѣстные либералы основали «Рейнскую Газету», въ которой Марксъ выступилъ съ первыми своими публицистическими статьями. Прусское правительство, однако, очень скоро обратило вниманіе на оппозиціонное направленіе «Рейнской Газеты» и запретило ея дальнѣйшее изданіе. Тогда и Марксъ переселился въ Парижъ, чтобы принять участіе въ органѣ Руге. Въ эту пору своей жизни онъ еще стоялъ на точкѣ зрѣнія тогдашнихъ нѣмецкихъ политическихъ радикаловъ, воззрѣнія которыхъ вообще господствовали среди гегельянцевъ прогрессивнаго направленія. Тогда экономическіе вопросы занимали его еще очень мало, но въ Парижѣ онъ ревностно принялся читать и изучать сочиненія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся экономистовъ, соціалистовъ и коммунистовъ, а въ 1845 г. онъ вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ Фридрихомъ Энгельсомъ издалъ полемическое сочиненіе противъ братьевъ Бауеровъ подъ заглавіемъ «Святое семейство или критика критической критики», бывшее признакомъ полнаго разрыва съ партіей радикальныхъ гегельянцевъ. Марксъ попробовалъ предпринять изданіе собственнаго органа («Vorwärts»), но по требованію прусскаго правительства, на которое онъ очень рѣзко нападалъ въ своихъ статьяхъ, былъ высланъ изъ Франціи. Черезъ Маркса, вскорѣ затѣмъ перешедшаго въ соціалистическій лагерь, лѣвое гегельянство вошло въ соприкосновеніе съ новыми соціальными ученіями. Критика въ новомъ духѣ была перенесена, благодаря этому, изъ областей религіи и политики и въ область экономики, причемъ объединилась, благодаря политическому радикализму лѣваго гегельянства, съ критикою существующаго государства.

Въ лѣвомъ лагерѣ гегельянцевъ Марксъ ближайшимъ образомъ примыкалъ къ Фейербаху, у котораго заимствовалъ положеніе, что не религія создаетъ человѣка, а человѣкъ религію. Кромѣ того, Фейербахъ высказывалъ еще ту мысль, что сущность человѣческой природы настоящимъ образомъ выражается только въ обществѣ; Марксъ далъ мысли дальнѣйшее развитіе. По его представленію, человѣкъ вовсе не какое-то абстрактное существо: человѣкъ, это—міръ людей, государство, общество. Далѣе, задача исторіи и философіи, которая служитъ исторіи, заключалась для Маркса въ установленіи истины дѣйствительнаго міра послѣ того, какъ исчезла истина «того свѣта», и критика неба превратилась въ критику земли, критика религіи—въ критику

права, критика теологіи—въ критику политики. Тогдашняя Германія казалась Марксу лишь копіей другого оригинала, именно нѣмецкія отношенія сороковыхъ годовъ—параллелью французскихъ передъ 1789 г. Если, однако, думалъ онъ, нѣмцы въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ далеко не соотвѣтствовали современности, ихъ исторія имѣла нѣкоторое идеальное продолженіе въ ихъ философіи: нѣмцы были философскими современниками настоящей эпохи, не будучи ея историческими современниками. Критика нѣмецкой философіи права и государства вводила Маркса непосредственно въ тѣ вопросы, надъ практическимъ разрѣшеніемъ которыхъ работала современная жизнь. Но критическая мысль, заявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ Марксъ, должна имѣть реальную опору. «Матеріальная сила должна быть низвергнута матеріальною же силою, но и теорія становится матеріальною силою, когда она овладѣваетъ массами, Теорія способна овладѣть массами, разъ только она демонстрируетъ на людяхъ, а она демонстрируетъ на людяхъ, разъ она радикальна». Каждая теорія можетъ осуществиться въ народѣ лишь настолько, насколько она сама является проявленіемъ его потребностей. Такимъ образомъ, радикально-философскимъ теоріямъ своего времени Марксъ приписывалъ способность осуществлять новыя формы жизни лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали потребностямъ массъ. Прежде всего, нужно, чтобы эманципировалась и достигла всеобщаго господства одна часть народа, и чтобы одинъ классъ, вслѣдствіе своего особаго положенія, предпринялъ общую эманципацію общества. Задачу эту Марксъ возлагалъ на пролетаріатъ. Подобно тому, писалъ онъ, какъ философія должна найти въ пролетаріатѣ свою матеріальную силу, такъ и пролетаріатъ долженъ найти свое духовное оружіе въ философіи, и только тогда осуществится эманципація нѣмецкаго народа. «Голова этой эманципаціи — философія, ея сердце — пролетаріатъ. Философія не можетъ осуществиться безъ прекращенія пролетаріата, пролетаріатъ не можетъ прекратиться безъ осуществленія философіи. Когда исполнятся всѣ внутреннія условія, день нѣмецкаго воскресенья будетъ возвѣщенъ пѣніемъ галльскаго пѣтуха». Что касается до основного философскаго воззрѣнія, то Марксъ усвоилъ матеріалистическій принципъ Фейербаха, только примѣнивъ его — нѣсколько позже — не къ объясненію природы, а къ объясненію общества.

Изъ того же лѣваго гегельянства вышло и крайне индиви-

дуалистическое ученіе Каспара Шмидта, писавшаго подъ псевдонимомъ Макса Штирнера. Въ 1845 г. онъ издалъ книгу, озаглавленную «Отдѣльная личность и ея собственность». Эта отдѣльная личность отъ начала до конца эгоистична. У отдѣльнаго *я* нѣтъ и быть не можетъ ничего дороже своего же *я*, и все, что̀ находится внѣ его, а слѣдовательно и другіе люди, все это—только орудія или средства, которыми отдѣльное *я* пользуется для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей, заключающихся въ наслажденіи. Все остальное лишь призраки, предразсудки и суевѣрія, пережитки стараго міросозерцанія. Человѣкъ на все имѣетъ право и можетъ всѣмъ стать и всѣмъ обладать, что только физически ему доступно. Нравственность и общественныя узы съ точки зрѣнія Штирнера совершенно лишены того значенія, которое приписываютъ имъ люди. Можно сказать, что безусловный индивидуализмъ, который Бруно Бауеромъ признавался для области мысли, распространялся Штирнеромъ и на практическія отношенія жизни: это уже была проповѣдь анархизма.

XV. Эпоха объединенія политическихъ и соціальныхъ стремленій демократіи [1]).

Двѣ раннія книги о соціализмѣ. — Распространеніе новыхъ соціальныхъ идей въ рабочемъ классѣ. — Начало изученія соціалистами политической экономіи. — Сближеніе политическаго радикализма съ соціализмомъ. — Соединеніе традицій якобинизма съ соціализмомъ у Бюшеза и Луи Блана. — Планъ соціальной реформы путемъ организаціи труда государствомъ. — Начало соціализма въ Германіи. — Соціально-политическій синтезъ Маркса. — «Коммунистическій манифестъ».

Около 1840 г. вышли въ свѣтъ двѣ книги, посвященныя изложенію новыхъ соціальныхъ ученій, одна во Франціи, другая въ Германіи, обѣ свидѣтельствующія о томъ, что къ этимъ ученіямъ начинали присматриваться и такіе люди, которые ихъ не раздѣляли. Первою изъ нихъ была появившаяся въ 1839 г. книга Рейбо «Этюды о современныхъ реформаторахъ, или соціалистахъ,

---

[1]) И. З. Е., т. V, гл. IX, XI, XIII и XVI.—Общій взглядъ, гл. X.—Нар.-прав. госуд., гл. XVII.

Сенъ-Симонѣ, Фурье и Оуэнѣ», но это было только простое изложеніе ихъ ученій, а не изслѣдованіе ихъ историческаго значенія. Авторъ этой книги не ставилъ свой предметъ въ связь съ современнымъ обществомъ, съ происходившимъ въ немъ движеніемъ, и названные соціалисты интересовали его своими теоріями, какъ могли бы интересовать и прежніе составители плановъ идеальнаго устройства жизни, въ родѣ Платона или Томаса Мора. Иначе отнесся къ вопросу авторъ другой, нѣмецкой книги, Лоренцъ Штейнъ, прославившійся впослѣдствіи, какъ первоклассный государствовѣдъ. Еще очень молодой въ то время человѣкъ, онъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ не только занялся изученіемъ соціальныхъ идей по книгамъ, но и свелъ личное знакомство съ такими соціалистами, какъ фурьеристъ Консидеранъ и Луи Бланъ, сообщившіе ему немало данныхъ для его будущей книги. Сама книга, подъ заглавіемъ «Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи», увидѣла свѣтъ въ 1842 г. Штейнъ сознавалъ, что жизнь порождаетъ новыя формы, и хотѣлъ понять ихъ научно въ качествѣ хладнокровнаго наблюдателя. По его словамъ, новыя соціальныя теоріи получаютъ настоящее свое значеніе отъ той почвы, на которой онѣ возникли. «Время чисто политическихъ движеній,—указывалъ онъ,—прошло. Подготовляется новое движеніе, не менѣе серьезное и сильное. Какъ въ концѣ прошлаго столѣтія [1]) поднялось противъ государства одно сословіе народа, такъ и теперь одинъ классъ народа думаетъ о томъ, чтобы кореннымъ образомъ преобразовать общество, и ближайшая революція теперь можетъ быть только соціальною». Всѣстѣ съ тѣмъ Штейнъ высказалъ еще ту мысль, что «ни одно сколько-нибудь глубокое движеніе европейскаго народа не принадлежитъ ему одному», и что «если его кругъ выходитъ далеко за границы отдѣльной націи, то это не простая случайность. Поэтому,—прибавлялъ онъ,—если соціальное направленіе французской жизни вѣрно и имѣетъ историческое основаніе, то оно, хотя бы только въ качествѣ отдаленнаго будущаго, равнымъ образомъ содержится и въ нѣмецкой жизни». По мнѣнію Штейна, это соціальное направленіе имѣло свой источникъ въ данномъ состояніи общества, породившемъ пролетаріатъ. Научный результатъ его изслѣдованія заключался въ томъ выводѣ, что соціально-экономическою подкладкою французскаго соціализма и коммунизма была

[1]) Т.-е. XVIII вѣка.

борьба буржуазіи и пролетаріата. Онъ и остановился на однихъ французскихъ соціалистахъ, такъ какъ для того, чтобы говорить сбъ Оуэнѣ, нужно было бы, какъ самъ онъ это объяснялъ, подвергнуть изслѣдованію и англійскія соціальныя отношенія, а этимъ онъ не имѣлъ возможности заняться. Точка зрѣнія Штейна была совершенно вѣрная: онъ оказался настоящимь пророкомъ и относительно того, что ближайшая революція необходимо получитъ соціальный характеръ, и что соціализмъ выйдетъ изъ границъ отдѣльной націи, дабы сдѣлаться явленіемъ универсальнымъ. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ Штейнъ провидѣлъ соціализмъ и въ своемъ отечествѣ, но, въ сущности, новая соціальная мысль уже и тогда, въ началѣ сороковыхъ годовъ, бродила въ Германіи.

Лоренцъ Штейнъ первый поставилъ задачу научнаго пониманія соціализма, и въ этомъ своемъ стремленіи онъ усмотрѣлъ въ современныхъ ему соціальныхъ ученіяхъ не простую игру фантазіи, а рядъ попытокъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, поставленнаго передъ обществомъ возникновеніемъ пролетаріата. Въ его представленіи соціализмъ и пролетаріатъ были соединены нѣкоторыми неразрывными узами. Не забудемъ при этомъ, что Штейнъ писалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда новыя соціальныя ученія уже успѣли передаться въ рабочій классъ и найти въ немъ многочисленныхъ адептовъ.

Проникновеніе соціализма въ пролетаріатъ совершилось во Франціи только послѣ іюльской революціи. Сенъ-симонисты и даже фурьеристы стояли и въ тридцатыхъ годахъ довольно далеко отъ рабочаго класса, но теперь появились новые соціальные реформаторы, понесшіе свою проповѣдь новыхъ началъ жизни прямо въ народъ. У Бюшеза, о которомъ рѣчь будетъ дальше, существовали довольно значительныя связи въ рабочей средѣ, гдѣ онъ агитировалъ въ пользу основанія производительныхъ ассоціацій, которымъ онъ ставилъ задачу содѣйствовать эманципаціи пролетаріата. Никто, однако, изъ новыхъ соціальныхъ реформаторовъ не пользовался среди французскихъ рабочихъ такою популярностью, какъ Кабе, авторъ «философскаго и соціальнаго романа», какъ самъ онъ его называлъ, знаменитаго «Путешествія въ Икарію», имѣвшаго колоссальный успѣхъ. Эта книга, первое изданіе которой вышло въ 1840 г., представляетъ собою типичную коммунистическую утопію, на которой сильно сказалось вліяніе Платона и Томаса Мора. Кабе, пожалуй, съ бо̀льшимъ правомъ,

чѣмъ какого-либо изъ тогдашнихъ соціальныхъ реформаторовъ, можно назвать утопистомъ: онъ строилъ свой общественный идеалъ путемъ чистой фантазіи, руководимый идеями равенства и братства, изъ которыхъ онъ выводилъ необходимость общности имуществъ, какъ единственнаго залога людского счастья. Подобно другимъ современнымъ реформаторамъ, Кабе, кромѣ того, полагалъ, что для осуществленія этого идеала нужна одна мирная пропаганда, хотя и требовалъ политическаго господства демократіи, какъ переходной ступени къ коммунистическому устройству общества. Поэтому онъ говорилъ рабочимъ о необходимости избирательной реформы. Пользуясь громадною популярностью среди пролетаріата, Кабе особенно сильно вліялъ на развитіе въ немъ классового сознанія. Въ сороковыхъ годахъ онъ написалъ еще нѣсколько книгъ и брошюръ въ коммунистическомъ же духѣ и началъ издавать ежемѣсячный журналъ «Le Populaire». Рабочіе въ Парижѣ и въ другихъ большихъ городахъ Франціи буквально зачитывались фантастическимъ романомъ, и цѣлые десятки тысячъ дѣлались послѣдователями Кабе; одинъ изъ сторонниковъ «икаризма» утверждалъ даже, будто число лицъ, принявшихъ ученіе Кабе, достигало 400.000 человѣкъ. «Икарійцы» появились и въ другихъ странахъ, даже въ Америкѣ. Такой успѣхъ заставилъ Кабе подумать объ осуществленіи своей системы на практикѣ. Ему удалось выхлопотать въ Сѣверной Америкѣ милліонъ акровъ пустопорожней земли въ Техасѣ для основанія коммунистической колоніи. Въ Парижѣ былъ основанъ особый икарійскій комитетъ, который долженъ былъ снаряжать и отправлять партіи колонистовъ. Число лицъ, выразившихъ желаніе переселиться въ Америку, было громадное. Кабе лично сталъ во главѣ предпріятія и отъ каждаго жѳлавшаго переселиться въ Америку бралъ подписку въ томъ, что будетъ его признавать безпрекословно за единственнаго главнаго распорядителя. Первая партія икарійцевъ отправилась въ дорогу 3 февраля 1848 г., всего за три недѣли до революціи, результатомъ которой было провозглашеніе во Франціи республики. Когда произошелъ этотъ переворотъ, многіе изъ собиравшихся эмигрировать въ Америку стали говорить, что гораздо разумнѣе будетъ остаться на родинѣ, дабы придать совершившейся революціи соціальный характеръ и осуществить коммунизмъ на родинѣ.

Что касается до содержанія утопіи Кабе, то самое характерное въ ней—полнѣйшій коммунизмъ съ безусловнымъ поглощеніемъ

личности общиной. Каждый икаріецъ отъ своей общины получаетъ у Кабе квартиру, меблировку, одежду, пищу, элементарное образованіе и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый въ возрастѣ между 18 и 65 (для женщинъ 50) годами является національнымъ рабочимъ, который исполняетъ свои обазанности такъ, какъ это предписываетъ ему сама община. Мало того, община регламентируетъ всю жизнь икарійца, когда нужно молчать, когда можно разговаривать или пѣть, когда принимать пищу, въ какомъ порядкѣ съѣдать отдѣльныя кушанья и т. п. вплоть до религіозныхъ вѣрованій, которыхъ тоже долженъ держаться каждый. «Слѣпую страсть къ свободѣ», т.-е. индивидуальную свободу Кабе прямо называлъ «ошибкою, порокомъ и великимъ зломъ» и думалъ, что при коммунизмѣ личный интересъ совсѣмъ исчезнетъ. Нашъ Герценъ называлъ идеалъ Кабе «каторжнымъ братствомъ», но во французскомъ пролетаріатѣ его теорія была необычайно популярна даже несмотря на эту черту: коммунизмъ сулилъ равенство и благосостояніе, и рабочихъ мало смущала перспектива такой регламентаціи, тѣмъ болѣе, что не одинъ Кабе въ это время развивалъ передъ своими читателями ту мысль, что главное соціальное зло коренится въ личномъ интересѣ, въ стремленіи къ индивидуальной свободѣ, въ отсутствіи общественной регламентаціи производства, въ анархіи мнѣній и т. п.

Распространеніе икаризма среди французскихъ рабочихъ есть только наиболѣе яркій фактъ, свидѣтельствующій о томъ соціальномъ направленіи, какое приняло движеніе умовъ въ пролетаріатѣ. Популярностью въ средѣ рабочихъ пользовались и другіе авторы, какъ, напр., особенно Луи Бланъ, достигшій въ 1848 г. такого положенія, что ему стоило бы только захотѣть, и рабочее населеніе Парижа охотно вручило бы ему диктатуру для проведенія соціальной революціи. Итакъ, соціализмъ бывшій раньше удѣломъ единичныхъ личностей или небольшихъ полусектантскихъ кружковъ, между 1830 и 1848 г. проникъ въ широкія народныя массы и создалъ въ нихъ то настроеніе, которымъ объясняются многія стороны революціи 1848 г.

Въ то самое время, какъ новыя соціальныя ученія распространялись въ рабочемъ классѣ, теоретики соціальнаго вопроса начали заниматься изученіемъ политической экономіи. Родоначальники соціализма и ихъ ближайшіе послѣдователи сдѣлали много для критики современнаго экономическаго строя, но они не занимались ни спеціальнымъ изученіемъ, ни тѣмъ болѣе система-

тическою критикою политической экономіи. Отношеніе къ послѣдней стало измѣняться у соціалистовъ лишь въ сороковыхъ годахъ. Однимъ изъ первыхъ обратился къ изученію экономической науки Луи Бланъ. Болѣе ранніе соціалисты нерѣдко обнаруживали полное непониманіе той роли, какую капиталъ играетъ въ экономической жизни, и, смѣшивая понятія «капиталъ» и «капиталисты», готовы были видѣть въ капиталѣ источникъ всякихъ соціальныхъ золъ. Луи Бланъ различилъ эти понятія и призналъ за капиталомъ значеніе полезной силы, лишь бы она, по его мнѣнію, не находилась въ рукахъ частныхъ лицъ. Дѣлая окончательнымъ распорядителемъ этой силы государство, онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы общественная власть въ руководительствѣ экономическою жизнью сама дѣйствовала по указаніямъ строгой науки. Къ научности стремился и Прудонъ, издавшій въ 1840 г. свой знаменитый мемуаръ «Что такое собственность?» Нужно замѣтить, что въ большой публикѣ этотъ мемуаръ,—въ которомъ говорилось, что «собственность есть кража», и идея всякаго правительства отрицалась во имя «анархіи» въ смыслѣ противоположности какой бы то ни было формы правленія,—прошелъ едва замѣченнымъ и еще меньше сдѣлался извѣстнымъ въ рабочемъ классѣ. Вскорѣ въ другомъ сочиненіи («О созданіи порядка въ человѣчествѣ», 1843) Прудонъ высказалъ ту мысль, что время религіи и философіи прошло, что будущее принадлежитъ научному знанію, хотя въ дѣлѣ метода и стоялъ самъ всецѣло на точкѣ зрѣнія гегельянской діалектики: соціализмъ, доказывалъ Прудонъ въ одномъ письмѣ (1844), долженъ получить научную основу, ибо лишь на этой основѣ онъ можетъ сдѣлаться общественною силою. Въ «Системѣ экономическихъ противорѣчій или философіи нищеты» онъ проводилъ такой взглядъ: въ каждой экономической категоріи нужно различать ея хорошую и ея дурную сторону; хорошія стороны современнаго экономическаго строя выяснены экономистами, дурныя — соціалистами; задача — найти такой синтезъ, который, удерживая хорошія стороны, устранилъ бы дурныя. Прудонъ одинаково критиковалъ и экономистовъ, и соціалистовъ съ коммунистами, очень рѣзко выражаясь при этомъ и о фурьеристическомъ фаланстерѣ, и о коммунизмѣ Кабе («коммунисты—устрицы, прикрѣпленныя одна около другой, безъ дѣятельности и чувства на скалѣ братства», и «коммунизмъ не что иное, какъ каррикатура собственности»), и о только-что появившейся тогда «Организаціи труда» Луи Блана.

Итакъ, въ эпоху іюльской монархіи соціализмъ во Франціи, бывшей его родиной, начиналъ обнаруживать извѣстное стремленіе къ научному обоснованію своихъ исканій. Но то была также эпоха и сближенія между соціализмомъ и политическимъ радикализмомъ.

Мы уже видѣли, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ существовали два демократическихъ теченія, одно чисто политическое, не ставившее себѣ никакихъ соціальныхъ цѣлей, другое, наоборотъ, только соціальное, совершенно сторонившееся отъ политики. И впослѣдствіи эти два разобщенныхъ теченія продолжали существовать рядомъ и даже проявляли нѣкоторое нерасположеніе одно къ другому, но мало-по-малу развилось и третье теченіе, объединившее политическія и соціальныя стремленія. Среди французскихъ республиканцевъ еще въ 1832 г. произошелъ расколъ: одни стояли на той точкѣ зрѣнія, что введеніе республики не должно затрогивать существующій общественный строй, другіе, напротивъ, въ республикѣ видѣли только средство для совершенія соціальнаго переворота. Образовалось двѣ демократіи: политическая и соціальная, одна, пользовавшаяся сочувствіемъ среди мелкой буржуазіи, другая — среди рабочихъ; одна, полагавшаяся больше на мирную пропаганду идеи въ прессѣ, другая, главнымъ образомъ, дѣйствовавшая путемъ заговоровъ и попытокъ возстанія. Символически это раздѣленіе выражалось въ томъ, что политическіе республиканцы приняли своимъ знаменемъ трехцвѣтный флагъ первой революціи, имперіи и самой іюльской монархіи, республиканцы соціальные—флагъ краснаго цвѣта, съ которымъ были соединены воспоминанія эпохи террора. Соціальные демократы усвоили въ концѣ тридцатыхъ годовъ названіе партіи коммунистовъ. Послѣдняя попытка возстанія, сдѣланная ими, относится къ 1839 г., вообще же они думали путемъ возстанія создать диктатуру въ родѣ якобинской, съ порученіемъ ей произвести полное соціальное переустройство.

Аналогичныя явленія аполитическаго соціализма, исключительно политическаго радикализма и болѣе широкаго направленія, сливавшаго политику съ соціализмомъ, мы наблюдаемъ также въ демократическомъ движеніи, происходившемъ въ Англіи. Когда въ серединѣ двадцатыхъ годовъ парламентъ отмѣнилъ законы, запрещавшіе коалиціи между рабочими, въ англійскомъ пролетаріатѣ началось союзное движеніе, развитію котораго въ тридцатыхъ годахъ немало содѣйствовалъ Оуэнъ, вернувшійся

на родину послѣ неудачнаго опыта съ основаніемъ ассоціаціи въ Америкѣ. Большой рабочій союзъ, насчитывавшій около пятисотъ тысячъ членовъ, поставилъ своею цѣлью добиться отъ парламента законодательнаго ограниченія рабочаго дня восьмью часами и предполагалъ достигнуть этого грандіозною стачкою. Это было движеніе чисто экономическаго характера, какъ, напримѣръ, и ліонское возстаніе рабочихъ въ 1831 г., но имъ воспользовались радикалы, которые начали доказывать, что рабочіе никогда не добьются своего, пока не будутъ имѣть собственныхъ представителей въ парламентѣ. Какъ извѣстно, рабочіе приняли дѣятельное участіе въ чартистскомъ движеніи. Въ другомъ мѣстѣ уже была изложена сущность политической программы народной хартіи, но какъ-разъ эта политическая сторона чартизма и оттолкнула отъ него послѣдователей Оуэна, ведшаго теперь энергичную пропаганду о необходимости перевоспитанія человѣчества путемъ устройства коммунистическихъ общинъ съ полнымъ устраненіемъ изъ нихъ религіи, брака и собственности, которые Оуэнъ называлъ «троицею зла», источниками невѣжества, пороковъ и рабства. Съ другой стороны, въ самомъ чартизмѣ шелъ расколъ и притомъ не только по вопросу о примѣненіи «моральной» или «физической силы», но также и по вопросу о конечной цѣли всего движенія, принимавшаго все болѣе и болѣе бурныя формы. И въ Англіи чисто политическій радикализмъ временъ чартизма обособлялъ себя отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ требованій, но зато, съ другой стороны, былъ и чартизмъ соціальный, выражавшійся, наприм., въ такихъ требованіяхъ, какъ выкупъ всей частной земельной собственности государствомъ, организація народнаго кредита, нормировка рабочаго времени и т. п. Соціальное значеніе чартизма и его экономическая подкладка хорошо были выяснены Карлейлемъ въ его памфлетѣ «Чартизмъ», вышедшемъ въ 1839 г. и бывшемъ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ протестовъ какъ противъ капиталистическаго строя, такъ и противъ господствовавшей въ то время экономической доктрины «laissez passer, laissez faire». Говорятъ, писалъ Карлейль, что общество существуетъ для покровительства собственности, которою обладаютъ-де и бѣдняки въ видѣ оплачиваемаго труда; пусть это будетъ вѣрно, но заповѣдь «не укради» нужно было бы дополнить такъ: «ты не долженъ красть, но ты и не долженъ быть и обкрадываемъ».

Во Франціи это объединеніе, въ тридцатыхъ и сороковыхъ

тодахъ, стремленій политическаго радикализма и соціализма нашло выраженіе, между прочимъ, въ новомъ пониманіи исторіи французской революціи. Главными ея историками въ эпоху реставраціи и вмѣстѣ съ тѣмъ ея апологетами отъ нападокъ реакціонеровъ были Тьеръ и Минье, представлявшіе собою міровоззрѣніе либеральной буржуазіи. Въ эпоху іюльской монархіи въ числѣ историковъ революціи, бывшихъ выразителями демократической оппозиціи, кромѣ Мишле и Ламартина, стоявшихъ на чисто политической точкѣ зрѣнія, заслуживаютъ особаго вниманія Бюшезъ и Луи Бланъ, взглянувшіе на революцію, какъ на борьбу буржуазіи и пролетаріата, а на якобинцевъ, — бывшихъ, въ сущности, лишь политическими радикалами, — какъ на соціалистовъ. Вообще тридцатые и сороковые года были во Франціи временемъ возрожденія традицій якобинизма съ истолкованіемъ его, впрочемъ, въ соціалистическомъ смыслѣ.

Бюшезъ въ первые годы реставраціи принималъ дѣятельное участіе въ тайной политической агитаціи противъ Бурбоновъ, потомъ временно примыкалъ къ сенъ-симонизму, отъ котораго отошелъ изъ-за его превращенія въ новую религію, самъ оставаясь пламеннымъ католикомъ. Въ тридцатыхъ годахъ онъ предпринялъ изданіе огромной «Парламентарной исторіи французской революціи» [1]), въ которой проводилъ ту точку зрѣнія, что революція стремилась къ осуществленію евангельскаго принципа братства, что воплощеніе свое она нашла въ якобинизмѣ, и что якобинцы были провозвѣстниками соціализма въ томъ его пониманіи, какое было у самого Бюшеза. Именно, онъ видѣлъ источникъ всякаго соціальнаго зла въ стремленіи къ индивидуальной свободѣ, какъ проявленіи своекорыстія и эгоизма. Въ его соціальномъ міросозерцаніи была довольно сильна нота средневѣковаго аскетизма; напр., онъ прямо не допускалъ, чтобы «народъ могъ предаться революціонному движенію ради пріобрѣтенія какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ». Главною задачею народа было всегда поддерживать національное, политическое и церковное единство Франціи. Самоотреченіе личности въ пользу соціальнаго цѣлаго — первая добродѣтель у Бюшеза, да и самый принципъ народовластія онъ понималъ въ смыслѣ «повиновенія каждаго всѣмъ»: все, что только было наиболѣе антииндивидуалистичнаго въ католицизмѣ,

[1]) *Buchez et Roux.* «Histoire parlementaire de la révolution française». Это — собраніе документовъ въ 40 томахъ.

въ якобинизмѣ и въ сенъ-симонизмѣ, онъ объединилъ въ своемъ политическомъ міросозерцаніи. Основную точку зрѣнія Бюшеза на французскую революцію усвоилъ и Луи Бланъ, который въ концѣ сороковыхъ годовъ предпринялъ большую исторію этого событія. Луи Бланъ только разлучилъ якобинизмъ съ католицизмомъ, — что̀ было совершенно правильно, — объявивъ, что принципомъ католицизма было не братство, а власть, но также противопоставивъ якобинскому братству буржуазно-жирондистскій «индивидуализмъ», хотя на самомъ дѣлѣ и якобинцы тоже были людьми власти. Правъ ли или неправъ былъ, впрочемъ, Луи Бланъ, главное, на что нужно обратить вниманіе, это — отожествленіе и у него якобинизма съ соціализмомъ, т.-е. объединеніе въ его міросозерцаніи стремленій и политической, и соціальной демократіи. Съ научной точки зрѣнія историческому построенію Луи Блана, конечно, можно сдѣлать то возраженіе, что онъ перенесъ въ конецъ XVIII в. и фактическія отношенія, и идейныя стремленія своей эпохи, какъ самъ онъ ее понялъ въ болѣе раннемъ своемъ трудѣ «Исторія десяти лѣтъ», гдѣ онъ изобразилъ первыя десять лѣтъ іюльской монархіи съ происходившей въ то время борьбою между буржуазіей и пролетаріатомъ. Исторически Луи Бланъ ошибался, но дѣло, разумѣется, не въ этомъ.

Оживленіе во французскомъ обществѣ традицій якобинизма сказалось на многихъ сторонахъ революціи 1848 г., когда значительная часть республиканцевъ почерпала для своей дѣятельности примѣры изъ исторіи 1793 г., причемъ, однако, далеко не всѣ раздѣляли соціалистическія идеи. Взглядъ Луи Блана для насъ интересенъ здѣсь, впрочемъ, не въ этомъ отношеніи, а по своей связи съ тѣмъ объединеніемъ политическаго радикализма и соціализма, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь.

Но Луи Бланъ еще важенъ для насъ и какъ авторъ «Организаціи труда», работы, первое изданіе которой появилось въ 1839 г. и которая потомъ неразъ перепечатывалась съ передѣлками, снискавъ своему автору большую популярность въ рабочемъ классѣ наканунѣ революціи 1848 г. Исходнымъ пунктомъ всего соціальнаго плана Луи Блана былъ провозглашенный имъ принципъ «права на трудъ», права жить посредствомъ труда. Каждый имѣетъ это право, но для осуществленія его въ дѣйствительности необходимо возложить на общество обязанность организовать трудъ въ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ. По плану Луи Блана, государство должно было посредствомъ большого

національнаго займа образовать денежный фондъ, при помощи котораго для главныхъ отраслей промышленности были бы основаны «соціальныя мастерскія». Къ работѣ въ этихъ заведеніяхъ Луи Бланъ допускалъ рабочихъ, стоявшихъ на извѣстномъ нравственномъ уровнѣ, и полагалъ, что всѣ они получали бы одинаковую плату. На первыхъ порахъ въ соціальныхъ мастерскихъ внутренніе распорядки, по его мнѣнію, должны были бы быть установлены правительствомъ, которое назначило бы и руководителей работъ, но по истеченіи года дѣло должно было бы быть передано въ завѣдованіе самихъ рабочихъ. Луи Бланъ ожидалъ, что сама свободная конкурренція, въ которой онъ видѣлъ одно лишь зло, въ данномъ случаѣ принесетъ свою пользу, такъ какъ результатомъ ея будетъ постепенное исчезновеніе всѣхъ частныхъ промышленныхъ предпріятій, замѣна ихъ соціальными мастерскими. Это станетъ и концомъ самой конкурренціи, ибо ея мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ соціальныхъ мастерскихъ заступитъ совпаденіе усилій, и въ концѣ концовъ явится солидарность и между различными отраслями промышленности. Какъ подспорье въ этомъ дѣлѣ, важную роль у Луи Блана должно было играть обязательное и даровое народное образованіе, которое воспитывало бы въ подрастающихъ поколѣніяхъ идеи, чувства и наклонности, какія долженъ требовать отъ людей новый строй общества. Государство, однако, не только призывалось Луи Бланомъ къ созданію проектируемаго порядка экономической жизни, но и къ управленію имъ въ будущемъ. Именно, онъ возлагалъ на государство функцію «высшаго регулятора производства», находя его вмѣшательство необходимымъ вездѣ, гдѣ только оказывается нужнымъ «поддерживать равновѣсіе между правами и обезпечивать интересы», и гдѣ чувствуется потребность «ставить всѣхъ гражданъ въ одинаковыя условія нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія». Такую роль не можетъ, конечно, играть государство, въ которомъ власть на одной сторонѣ, а народъ на другой и которое потому дѣлается тираническимъ. Другое дѣло — демократическое государство, ибо это государство есть самъ народъ, ведущій собственныя свои дѣла чрезъ своихъ уполномоченныхъ: у народнаго государства не можетъ быть интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ народа, и оно никогда не сдѣлается господиномъ, такъ какъ можетъ быть только слугою или защитникомъ неопытныхъ, слабыхъ, несчастныхъ.

Луи Бланъ утверждалъ, далѣе, что для выполненія своей обя-

занности государство должно получить гораздо бо̀льшую, чѣмъ нынѣ, силу. Въ своей «Исторіи десяти лѣтъ» онъ прямо нападалъ на либераловъ за то, что они ослабляли власть, и, наоборотъ, хвалилъ сенъ-симонистовъ, которые стремились къ усиленію общественнаго авторитета. Для него главное заблужденіе либеральной буржуазіи заключалось въ томъ, что она «вѣрила, будто тамъ, гдѣ нѣтъ равенства въ средствахъ къ развитію, довольно одной свободы для прогресса и справедливости». Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ сохранить за меньшинствомъ извѣстную свободу отъ тиранніи большинства и высказывался противъ коммунизма, считая проповѣдь абсолютнаго равенства безсмыслицей. Въ вопросѣ распредѣленія Луи Бланъ держался формулы: «каждому по его способностямъ, каждому по его нуждамъ» или «долгъ соразмѣрно со способностями и силами, право соразмѣрно съ нуждами». Какъ извѣстно, эти идеи съиграли большую роль въ революціи 1848 г.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соціализмъ сталъ распространяться и въ Германіи. Первые проблески соціалистическихъ идей, конечно, можно обнаружить въ Германіи и до тридцатыхъ годовъ, но раньше это могли быть лишь абстрактныя разсужденія, не имѣвшія въ виду практическаго осуществленія,—разсужденія, притомъ остававшіяся въ книгахъ своихъ авторовъ, не овладѣвавшія умами сколько-нибудь значительныхъ общественныхъ группъ и потому не оказывавшія никакого вліянія на настроеніе этихъ группъ. Напр., еще философъ-идеалистъ Фихте въ 1800 г., въ своемъ сочиненіи «Замкнутое торговое государство», изображалъ такое государство, которое завѣдовало бы всѣмъ производствомъ и распредѣленіемъ матеріальныхъ благъ. Здѣсь онъ, въ частности, доказывалъ, что всѣ люди имѣютъ совершенно одинаковое право на одинаково хорошую жизнь посредствомъ участія въ общемъ трудѣ, и, напр., прежде, чѣмъ кто-либо начнетъ наряжаться, у всѣхъ должна быть одинаково теплая и удобная одежда. Можно было бы привести и другія разсужденія въ подобномъ родѣ, но только въ ту эпоху, о которой идетъ теперь рѣчь, сталъ возникать въ Германіи соціализмъ, какъ общественное движеніе, причемъ довольно рано на немъ уже обнаруживалось французское вліяніе. Воззрѣнія сенъ-симонистовъ отразились на литературной школѣ «Молодой Германіи», хотя ея представителей интересовала больше моральная, нежели экономическая сторона сенъ-симонизма. И позднѣе

соціалистическіе взгляды (и уже съ революціонною окраскою во второй половинѣ сороковыхъ годовъ) проповѣдовались нѣкоторыми западно-германскими публицистами, среди которыхъ особенно выдвинулись Гессъ и Грюнъ, бывшіе одновременно послѣдователями «гуманизма» Фейербаха и «анархіи» Прудона. Гессъ особенно старался облекать экономическія понятія въ философскую фразеологію гегельянства, а Грюнъ, побывавъ въ 1845 г. въ Парижѣ, издалъ книгу о соціальномъ движеніи во Франціи и Бельгіи. Оба они относились свысока къ политическимъ стремленіямъ буржуазіи, доказывая, что для массъ отсюда ничего не выйдетъ, кромѣ, пожалуй, одного только зла. Гораздо болѣе практическій характеръ имѣли соціальныя стремленія, проявлявшіяся въ тайныхъ обществахъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, которыя ставили своею цѣлью объединеніе, возрожденіе и преобразованіе Германіи. Онѣ возникли въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, и въ нихъ очень скоро произошло раздѣленіе между политическими и соціальными революціонерами. Въ 1836 г. образовался извѣстный «Союзъ праведниковъ», въ числѣ членовъ котораго, большею частью ремесленниковъ, видную роль игралъ магдебургскій портной Вейтлингъ, издавшій въ 1838 г. сочиненіе подъ заглавіемъ «Человѣчество, какъ оно есть и какимъ должно быть». Это общество искало сближенія съ французскими республиканскими кружками и съ представителями тогдашняго соціализма и коммунизма. Неудача республиканской попытки 1839 г. заставила членовъ союза перенести свою организацію въ Лондонъ, а Вейтлингъ направился въ Швейцарію съ цѣлью коммунистической пропаганды. На этого ремесленника-коммуниста справедливо смотрятъ, какъ на связующее звено (по крайней мѣрѣ, для Германіи) между раннимъ утопическимъ соціализмомъ и соціализмомъ, какъ проявленіемъ стремленій пролетаріата. Вейтлингъ возлагалъ всѣ свои надежды на революцію, которую долженъ былъ произвести доведенный до отчаянія народъ. Онъ даже придавалъ очень важное значеніе участію въ этой революціи такъ называемыхъ подонковъ общества, способныхъ только къ разрушительной работѣ. Въ его соціалистическихъ мечтаніяхъ было мѣсто и для грядущаго великаго человѣка, имѣющаго явиться во время революціи, чтобы направить все движеніе на водвореніе коммунизма. Вейтлингъ называлъ его новымъ Мессіей, который придетъ для того, чтобы осуществить ученіе перваго Мессіи: и онъ не выпуститъ власти изъ своихъ рукъ, пока не исполнитъ

своего великаго дѣла. Подобно нѣкоторымъ современнымъ ему французскимъ соціальнымъ проповѣдникамъ, Вейтлингъ готовъ былъ понимать первоначальное христіанство, какъ революціонное движеніе угнетенныхъ классовъ общества въ коммунистическомъ направленіи: какъ-разъ такое же движеніе и самъ онъ старался возбудить среди рабочихъ. Его сочиненія «Евангеліе бѣднаго грѣшника» и «Гарантіи гармоніи и свободы» производили сильное впечатлѣніе. Между прочимъ, Марксъ подъ ихъ впечатлѣніемъ даже говорилъ, что нѣмецкій пролетаріатъ является теоретикомъ европейскаго пролетаріата, какъ англійскій пролетаріатъ — его экономистомъ, а французскій—его политикомъ.

Таково было положеніе соціализма въ Германіи въ то время, когда Марксъ, дошедшій до воззрѣній, діаметрально противоположныхъ политическому ученію Гегеля, совершилъ новый шагъ въ своемъ развитіи, обратившись въ соціалиста. Одинаково хорошо овладѣвъ философскими и соціальными теоріями двухъ сосѣднихъ странъ, Марксъ занялся своего рода синтезомъ этихъ ученій, сопровождая ихъ своею критикою. Сначала его критика была направлена на нѣмецкія философскія теоріи, бывшія исходнымъ пунктомъ мышленія самого Маркса. Потомъ онъ сдѣлалъ то же самое съ французскими соціальными ученіями, отъ которыхъ самъ онъ также получилъ весьма сильный импульсъ къ умственной дѣятельности. Съ англійскими экономическими отношеніями и соціальными движеніями онъ на первыхъ порахъ знакомился, главнымъ образомъ, черезъ своего друга Фридриха Энгельса, автора «Положенія рабочаго класса въ Англіи». Энгельсъ хотѣлъ положить своею книгою конецъ всѣмъ спорамъ за и противъ соціализма, изобразивъ настоящее положеніе пролетаріата: такъ какъ, объяснялъ Энгельсъ свою идею, полнаго своего развитія пролетаріатъ достигъ только въ Англіи, то онъ и взялся изобразить положеніе именно англійскихъ рабочихъ. Нужно прибавить кстати, что уже въ этой книгѣ мы находимъ достаточно ясно выраженную одну ихъ основныхъ идей будущаго марксизма. Именно, въ трудѣ Энгельса проводится та мысль, что капиталистическое хозяйство, создавшее всѣ бѣдствія пролетаріата, заключаетъ въ себѣ и зародыши освобожденія рабочаго класса, и что капитализмомъ обусловливается не только современное всемогущество буржуазіи, но и будущій ея упадокъ: основною задачей автора и было показать, какъ крупная промышленность создаетъ современный рабочій классъ, и какъ по-

слѣдній самъ въ силу законовъ исторической діалектики развивается, чтобы низвергнуть ту самую силу, которая его создала.

Живя въ Парижѣ, Марксъ близко сошелся также съ Прудономъ, котораго самъ посвящалъ въ тайны гегельянской философіи, что̀ и отразилось на «Системѣ экономическихъ противорѣчій или философіи нищеты» Прудона, примирявшей въ высшемъ синтезѣ воззрѣнія экономистовъ и соціалистовъ. Самъ Марксъ нашелъ, однако, что Прудонъ не достигъ своей цѣли, и что, желая стать выше буржуазіи и пролетаріата, онъ, въ сущности, остался позади этого раздѣленія. Вся эта теорія Прудона была подвернута Марксомъ критикѣ во французской книгѣ «Нищета философіи, отвѣтъ на философію нищеты Прудона» (1847). Защищая противъ Прудона экономистовъ, лучше, по мнѣнію критика, понявшихъ внутреннее строеніе буржуазнаго общества, Марксъ указывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что общія понятія, употребляемыя экономистами, суть не вѣчныя и естественныя категоріи, а только категоріи историческія и общественныя «Экономическія категоріи — только теоретическія выраженія, абстракціи общественныхъ отношеній. Соціальныя отношенія тѣсно связаны съ производительными силами. Съ пріобрѣтеніемъ новыхъ производительныхъ силъ люди измѣняютъ свои способы производства, а съ измѣненіемъ способовъ производства, т.-е. пріемовъ добыванія средствъ къ существованію, измѣняютъ они и свои общественныя отношенія». Съ этой точки зрѣнія экономисты у Маркса были объявлены научными выразителями интересовъ буржуазіи, соціалисты и коммунисты—теоретиками пролетаріата. Живя въ Брюсселѣ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, Марксъ много полемизировалъ съ другими соціалистическими направленіями и съ чисто политическимъ радикализмомъ. Между прочимъ, онъ доказывалъ, что утвержденіе, будто единственными виновниками всякой реакціи являются нѣмецкіе государи, столь же неосновательно, какъ и утвержденіе этихъ послѣднихъ, будто всѣ революціонныя движенія возбуждаются единственно подстрекательствомъ демагоговъ. Съ другой стороны, онъ говорилъ, что пролетаріатъ въ собственныхъ своихъ интересахъ долженъ помогать буржуазіи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ и съ феодализмомъ.

Одновременно съ Марксомъ и Энгельсомъ, тоже участвовавшимъ въ этой публицистической дѣятельности, проживали въ Брюсселѣ многіе другіе нѣмецкіе эмигранты, какъ интеллигенты, такъ и рабочіе. То братство народовъ, о которомъ много гово-

рилось въ ихъ средѣ, казалось и Марксу, и Энгельсу чистой фантазіей въ виду того, что отдѣльные народы стояли на весьма различныхъ ступеняхъ соціальнаго развитія: если, говорилъ Марксъ, и существуетъ общественный классъ, который во всѣхъ національностяхъ имѣетъ одинъ общій интересъ, такъ это—пролетаріатъ, буржуазія же въ каждой странѣ имѣетъ свои особые интересы, а потому вовсе не можетъ быть расположена къ братству народовъ. И Марксъ, и Энгельсъ все время поддерживали очень дѣятельныя сношенія и съ англійскими чартистами, и съ французскими соціалистами, равно какъ съ нѣмецкимъ «Союзомъ праведниковъ», состоявшимъ преимущественно изъ ремесленниковъ и исповѣдовавшимъ идеи утопическаго коммунизма; они сами вступили въ это общество. Лѣтомъ 1847 г. въ Лондонѣ состоялся съѣздъ представителей названнаго союза, и на немъ было рѣшено, устранивъ изъ организаціи ея прежній заговорщическій характеръ, превратить ее въ общество для пропаганды «низверженія буржуазіи, господства пролетаріата, уничтоженія стараго гражданскаго общества, основаннаго на классовыхъ противоположностяхъ, и основанія общества новаго безъ классовъ и безъ частной собственности», а въ концѣ того же года состоялся и второй конгрессъ для выработки основного ученія союза и для изложенія его принциповъ въ манифестѣ, редакція котораго была поручена Марксу и Энгельсу.

Исполненіемъ этого порученія былъ такъ называемый «Коммунистическій манифестъ», вышедшій въ свѣтъ въ февралѣ 1848 г. на нѣмецкомъ языкѣ и вскорѣ затѣмъ переведенный на англійскій, французскій, датскій и польскій. Въ основу этого «манифеста» была положена историко-философская теорія экономическаго развитія, которую Марксъ и Энгельсъ вырабатывали сообща въ предшествующіе годы. «Исторія всѣхъ донынѣ существовавшихъ обществъ,—сказано было здѣсь,—есть исторія борьбы классовъ. Господствующими идеями даннаго времени всегда были идеи господствующаго класса. Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ, но этимъ выражаютъ тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, и что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей». Борьба классовъ всегда основывалась на ихъ противоположности, въ различныя эпохи принимавшей различные виды, но историческій процессъ совершается въ направленіи уничтоженія классовыхъ противопо-

ложностей. Указавъ на то, какъ образовалось раздѣленіе общества на буржуазію и пролетаріатъ, манифестъ высказывалъ ту мысль, что самъ прогрессъ промышленности ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкурренціи объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Буржуазія «производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ», и коммунисты представляютъ собою лишь самую рѣшительную часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, которая вообще только лучше другихъ понимаетъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія. У всѣхъ этихъ партій, однако, ближайшая цѣль одна: это — организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи и завоеваніе пролетаріатомъ политической власти. Манифестъ перечислялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какія мѣропріятія могли бы быть немедленно приняты въ наиболѣе передовыхъ странахъ, указывая на экспропріацію поземельной собственности, на высокій прогрессивно-подоходный налогъ, на централизацію въ рукахъ государства кредита и перевозочныхъ средствъ, на увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства, на введеніе одинаковой обязательности труда для всѣхъ, на соединеніе земледѣльческаго труда съ фабричнымъ, на общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей и т. д. Оканчивался манифестъ слѣдующими словами: «Пролетаріи ничего не могутъ потерять въ коммунистической революціи, кромѣ цѣпей, пріобрѣтутъ же они цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Этотъ призывъ къ интернаціонализму соціальнаго движенія былъ лишь дальнѣйшимъ выводомъ изъ той идеи объединенія демократіи всѣхъ народовъ, главнымъ проповѣдникомъ былъ Мадзини. Вся разница заключалась въ томъ, что мадзиніевская «Молодая Европа» ставила себѣ исключительно политическія цѣли и не стояла на точкѣ зрѣнія противоположности классовыхъ интересовъ. (Впослѣдствіи Мадзини даже очень враждебно относился къ соціализму).

Замѣтимъ, что «Коммунистическій манифестъ», вышелъ всего за нѣсколько дней до революціи 1848 г. Понятно, что это было слишкомъ поздно для того, чтобы его идеи могли оказать вліяніе на движеніе. Историческая роль «марксизма», какъ извѣстно, началась гораздо позже.

XIV. Національныя движенія первой половины XIX в. [1]).

Сущность національныхъ стремленій въ разныхъ странахъ.—Прогрессивныя и реакціонныя стороны національныхъ стремленій —Космополитизмъ XVIII и націонализмъ XIX в.—Вліяніе французской революціи, наполеоновскихъ войнъ и реакціонной романтики на развитіе національнаго самосознанія въ началѣ XIX в. — Возникновеніе нѣмецкаго націонализма. — Отношеніе германскихъ правительствъ къ національнымъ стремленіямъ среди ихъ подданныхъ. — Объединительныя стремленія въ Германіи и Италіи. — Славянское возрожденіе въ Австріи и панславизмъ. — Національныя движенія среди поляковъ.—Славянофильство и западничество въ Россіи.— Національныя распри и призывы къ братству народовъ.

Въ общемъ обзорѣ главныхъ историческихъ явленій, данномъ въ началѣ настоящей книги, рядомъ съ движеніями политическими и соціальными были еще названы движенія національныя. Въ движеніяхъ этой категоріи можно отличить двѣ стороны—политическую и культурную. Первая сторона заключалась въ стремленіи національностей, лишенныхъ государственнаго бытія, достигнуть независимости или, по крайней мѣрѣ, оградить свое существованіе отъ угнетенія чужеземцами, а также въ стремленіи національностей, политически раздробленныхъ, къ государственному объединенію. Иногда обѣ задачи соединялись вмѣстѣ. Наприм., часть итальянской націи находилась подъ владычествомъ нѣмецкой Австріи, взятая же въ цѣломъ, эта нація была раздѣлена между нѣсколькими государствами. То же было и въ польской націи, которая утратила политическую самостоятельность и была вынуждена жить въ трехъ чуждыхъ ей государствахъ. Что касается культурной стороны національнаго вопроса, то сущность дѣла заключалась здѣсь или въ томъ, что въ нѣкоторыхъ народностяхъ происходилъ процессъ національнаго возрожденія, въ смыслѣ возникновенія литературы и науки на родныхъ языкахъ и развитія собственной культуры, а въ другихъ націяхъ, уже и ранѣе имѣвшихъ свою литературу и свою культуру, обострялось національное самосознаніе и иногда принимало характеръ рѣз-

[1]) И. З. Е., т. IV, гл. XI и XIII и т. V, гл. XVII и XVIII.—Общій взглядъ, гл. XI.

кой исключительности, враждебнаго отношенія ко всему не своему или такъ называемаго чужебѣсія.—Положеніе отдѣльныхъ національностей было далеко неодинаково: между ними были политически самостоятельныя и зависимыя отъ другихъ національностей, были господствующія и порабощенныя, съ высоко развитою культурою и крайне неразвитыя въ культурномъ отношеніи и т. п. Когда въ народѣ происходило движеніе въ сторону подъема своей культуры, это было, конечно, явленіемъ прогрессивнымъ, но когда въ какой-либо національности обнаруживалось стремленіе замкнуться въ самой себѣ, отгородиться отъ иностранныхъ вліяній и т. п., оно, разумѣется, могло только идти рука объ руку съ культурною реакціей, враждебною всякому движенію впередъ. Точно такъ же и освободительныя движенія, какія происходили въ отдѣльныхъ народностяхъ, представляли собою явленія прогрессивныя, но случалось, что, стремясь къ собственной свободѣ, нація, наоборотъ, враждебно относилась къ подобнымъ же притязаніямъ другихъ народностей. Мадьяры въ первой половинѣ XIX в. имѣли всѣ основанія жаловаться на господство нѣмцевъ въ монархіи, въ составъ населенія которой входили, но и сами давали справедливые поводы жаловаться славянскому населенію Венгріи на то, что мадьяры ихъ угнетаютъ. Поляковъ утѣсняли и въ Австріи, и въ Пруссіи, и въ Россіи, но и они, въ свою очередь, угнетали, напр., русинское населеніе Галиціи.

Такимъ образомъ, и въ политическихъ, и въ культурныхъ стремленіяхъ національнаго характера одно могло быть прогрессивнымъ, другое реакціоннымъ. Каждое національное возрожденіе требовало общаго подъема культурности, развитія народнаго языка въ органъ высшихъ проявленій духовной жизни, распространенія образованія въ народныхъ массахъ и т. п., что, конечно, иначе нельзя назвать, какъ прогрессивно-національной тенденціей, но узкій націонализмъ, дѣлавшій изъ національной самобытности какого-то идола, получалъ, наоборотъ, характеръ общекультурной реакціонности, и, къ сожалѣнію, нерѣдко національное возрожденіе сопровождалось развитіемъ такихъ шовинистическихъ чертъ. Если въ цѣломъ и общемъ сравнить XVIII и XIX столѣтія, то окажется, что первое было космополитичнѣе второго, второе націоналистичнѣе перваго. Въ космополитизмѣ XVIII в. были свои слабыя и даже вредныя стороны, главными изъ которыхъ являлись полное непониманіе значенія національнаго элемента въ государственной жизни и въ исторіи наро-

довъ, пренебреженіе къ народной самобытности, безпочвенная отвлеченность въ трактованіи разныхъ вопросовъ политики и культуры и т. п., но въ XIX в. люди бросались нерѣдко въ противоположную крайность, когда ради своего только потому, что оно свое, отворачивались отъ чужого, забывали, что есть нѣкоторыя общечеловѣческія начала, и доводили національное самоутвержденіе до полнаго отрицанія за другими народами всякаго права на равноправность и уваженіе. Замѣна національнымъ принципомъ космополитизма XVIII в. приносила съ собою и много прогрессивнаго, но также заключала въ себѣ и немало реакціоннаго. И въ исторіи этой замѣны, какъ и во многомъ другомъ, главный толчокъ былъ данъ французской революціей.

Революція имѣла свою космополитическую, универсальную сторону: она провозгласила не права француза, какъ провозглашали англійскія и американская революціи права природныхъ англичанъ, а права «человѣка и гражданина», и въ то же время революція создала идею націи, какъ коллективной духовной личности, имѣющей право на самоопредѣленіе и свободу. Ея призывъ къ свободѣ народовъ былъ понятъ и въ смыслѣ призыва къ освобожденію отъ всякаго чужого ига. Въ этомъ отношеніи французская революція оказала несомнѣнное вліяніе на всякія національныя возрожденія и освободительныя стремленія начала XIX в. Однако, пообѣщавъ народамъ свободу, Франція при Наполеонѣ сама наложила на нихъ тяжелое иго, чѣмъ вызвала противъ себя сильную реакцію національнаго чувства, пробудивъ его въ самыхъ глубинахъ народной души порабощенныхъ, угнетенныхъ и униженныхъ націй. Наполеоновскія войны въ этомъ отношеніи только другимъ путемъ, чѣмъ революція, продолжали дѣло, начатое ею. XVIII вѣкъ зналъ только государства, но не зналъ націй; теперь на сцену явились націи, которыя и одолѣли великаго разрушителя государствъ. Войны съ Наполеономъ въ Испаніи, въ Россіи, въ Германіи въ эпоху крушенія имперіи имѣли народный, національный характеръ, и сами правительства въ послѣдней борьбѣ съ поработителемъ взывали къ національному чувству своихъ подданныхъ. Когда, однако, Наполеонъ былъ побѣжденъ, государи при передѣлкѣ карты Европы на вѣнскомъ конгрессѣ и не подумали принять въ расчетъ начало національности. Если потомъ, въ эпоху реакціи, они, съ другой стороны, и поощряли націонализмъ, то лишь въ его реакціонныхъ проявленіяхъ, когда ненависть къ завоевателямъ-французамъ пе-

реносилась и на все французское, на французскія идеи и учрежденія. Въ эпоху реставраціи національная исключительность получила характеръ націоналистической реакціи противъ отвлеченнаго космополитизма XVIII в. Это было явленіемъ того же порядка, что и консерватизмъ исторической школы права, и романтическая школа въ литературѣ, т.-е. война объявлялась и раціоналистическому, универсальному «естественному праву» во имя своего родного, исторически сложившагося права, и интернаціональному, разсудочному классицизму, во имя своихъ народныхъ романтическихъ преданій, органически выросшихъ, какъ тогда думали, изъ глубины національнаго духа. Нерѣдко этотъ націонализмъ проявлялся въ крайне уродливыхъ формахъ, какъ мы это можемъ видѣть на бывшемъ въ свое время модномъ «тевтонствѣ» нѣмецкой молодежи. Извѣстна, напр., мысль германскаго патріота, «отца гимнастики», Яна о томъ, что Германію нужно отдѣлить отъ Франціи незаселенною полосою земли, засадить ее непроѣзднымъ лѣсомъ и даже развести въ немъ побольше дикаго звѣрья, чтобы уже совсѣмъ освободить истинно германскую вѣрность отъ тлетворной французской заразы. И политической, и соціальной, и культурной реакціи было только выгодно поддерживать такія нездоровыя проявленія самого по себѣ естественнаго и законнаго національнаго чувства. Поэтому въ видѣ реакціи противъ такого чужебѣсія нѣмецкіе либералы и радикалы первой половины XIX в. нерѣдко больше тяготѣли къ Франціи, нежели къ своему германскому отечеству.

Самою космополитическою націей въ XVIII в. были нѣмцы, но ихъ отъ этого вылѣчилъ Наполеонъ. Еще въ 1804—1805 г. философъ Фихте, отвѣчая въ одномъ изъ своихъ сочиненій на вопросъ, гдѣ находится отечество истинно просвѣщеннаго европейца, рѣшалъ его вполнѣ въ смыслѣ «всемірнаго гражданства»: только для земнородныхъ, думалъ онъ тогда, отечество — въ почвѣ, въ горахъ, въ рѣкахъ, но родственный солнечному свѣту духъ стремится туда, гдѣ больше просвѣщенія и свободы. «И въ этомъ всемірно-гражданскомъ чувствѣ,—прибавлялъ Фихте,—мы можемъ быть совершенно спокойными до конца дней за себя и за своихъ потомковъ относительно дѣяній и судебъ отдѣльныхъ государствъ»: пусть государства падаютъ, опережаются другими и т. п., и пусть лишь земнородные остаются гражданами павшаго государства, удерживая въ рукахъ предметъ своей любви, въ который они вложили свое счастье. Философъ, однако, не

удержался на высотѣ такого космополитизма и послѣ разгрома Пруссіи въ 1806 г. при Іенѣ читалъ въ Берлинѣ зимой 1807—1808 г. публичныя лекціи, изъ которыхъ составилась книга «Рѣчи къ нѣмецкой націи». Здѣсь Фихте приглашалъ нѣмцевъ слиться въ единую націю, дабы этимъ путемъ снискать себѣ свободу, и доказывалъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ земного отечества, и что въ истинномъ смыслѣ оно есть лишь у того, кто обладаетъ сознаніемъ народности, какъ вѣчнаго сосуда божественнаго духа. Мало того, Фихте доказывалъ въ своихъ «Рѣчахъ», что къ настоящему пониманію высшихъ началъ мысли и жизни способны только нѣмцы, у которыхъ религія, философія и государство являются одухотворенными, тогда какъ другіе народы относятся ко всему этому чисто внѣшнимъ образомъ, понимаютъ все это только механически. Такъ гражданинъ вселенной превратился въ нѣмецкаго патріота, и идеалистическая философія получила чисто націоналистическую окраску. Эту же окраску имѣла и философія исторіи Гегеля, видѣвшаго въ германскомъ мірѣ послѣднее и окончательное воплощеніе Мірового Духа.

Эта идеализація своей національности, какъ носительницы высшихъ началъ, не была достояніемъ однихъ только нѣмцевъ: на Фихте можно смотрѣть, какъ на идейнаго родоначальника, напр., и русскихъ славянофиловъ съ ихъ идеализаціей славянской психики. Подобныя теоріи мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ, и, наприм., у итальянскаго патріота Джіоберти тоже была своя теорія о духовномъ первенствѣ и моральномъ превосходствѣ итальянской націи, изложенная въ цѣломъ томѣ очень солидныхъ размѣровъ.

Правительства поощряли національныя стремленія или принимали противъ нихъ репрессивныя мѣры, смотря по тому, что было выгоднѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ общемъ, правительство превращенной въ единую имперію Австріи съ ея разноплеменнымъ населеніемъ не хотѣло знать никакихъ національныхъ правъ и пользовалось междуплеменными антагонизмами, чтобы, «раздѣляя, господствовать». «Мои народы, — говорилъ Францъ I французскому послу, — чужды другъ другу, но тѣмъ лучше: они не подвергаются одной и той же болѣзни. Когда во Франціи начинается горячка, она овладѣваетъ всѣми. Я посылаю венгровъ въ Италію, а итальянцевъ въ Венгрію. Каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ антипатіи другъ къ другу рождается порядокъ, и ихъ

взаимная ненависть служитъ основаніемъ общаго мира». Другими словами, австрійская политика заключалась въ томъ, чтобы поддерживать національнзмъ подвластныхъ народовъ, поскольку онъ исключалъ возможность солидарнаго отстаиванія ими своихъ правъ противъ имперскаго правительства, но поскольку въ національныхъ стремленіяхъ австрійскихъ нѣмцевъ и славянъ, мадьяровъ и итальянцевъ проявлялось стремленіе къ самобытности и свободѣ, всякія проявленія національнзма подавлялись. Своихъ нѣмецкихъ подданныхъ Австрія всячески старалась обособить отъ нѣмцевъ другихъ частей Германіи, какъ обособляла итальянцевъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства отъ ихъ единоплеменниковъ въ остальной Италіи и т. п. Идея національнаго объединенія Германіи и Италіи была особенно ненавистна правителямъ Австріи, на сторонѣ которыхъ были и всѣ германскія или итальянскія династіи. Впрочемъ, въ тридцатыхъ годахъ объединительныя стремленія даже въ прогрессивныхъ кругахъ нѣмецкаго общества были еще слабы, и оживленіе національнаго патріотизма началось только позднѣе, послѣ того, какъ чуть-было между Австріей и Пруссіей, съ одной стороны, и Франціей, съ другой, въ 1840 г. не вспыхнула война. Въ это время германскіе государи даже стали возбуждать національный патріотизмъ своихъ подданныхъ въ виду опасности внѣшней войны, но потомъ они сами стали бояться, какъ бы начавшееся возбужденіе не приняло опаснаго характера. Когда въ 1840 г. нѣмецкіе писатели задумали отпраздновать четырехсотлѣтній юбилей книгопечатанія, нѣкоторыя правительства прямо не дозволили празднествъ по этому случаю. Весьма нерѣдко власти съ неудовольствіемъ смотрѣли также на общенѣмецкіе съѣзды ученыхъ, въ особенности юристовъ, требовавшихъ для всей Германіи единаго права. Изъ всѣхъ правительствъ одно только прусское поддерживало стремленія нѣмцевъ къ большему единенію. Черезполосность владѣній Пруссіи еще раньше заставила ее хлопотать о созданіи таможеннаго союза, и если бы, кромѣ того, въ 1840 г. дѣйствительно началась война съ Франціей, первыми испытали бы на себѣ вторженіе непріятеля прирейнскія провинціи Пруссіи, такъ что ея правительство было особенно заинтересовано въ общей реформѣ войска, какимъ располагалъ союзъ, и т. п. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV даже устроилъ нѣчто въ родѣ національной германской манифестаціи, пригласивъ на закладку башенъ знаменитаго кёльнскаго собора другихъ германскихъ государей и заявивъ въ свой рѣчи на этомъ тор-

жествѣ, что великолѣпный соборъ долженъ быть символомъ національнаго единства Германіи. Большое возбужденіе было вызвано въ Германіи и датской политикой въ принадлежавшемъ союзу Гольштейнѣ, гдѣ датское правительство, какъ и въ части Шлезвига съ нѣмецкимъ населеніемъ, вытѣсняло изъ оффиціальнаго употребленія нѣмецкій языкъ. Въ тридцатыхъ годахъ къ этому вопросу общественное мнѣніе относилось равнодушно, но въ сороковыхъ годахъ шлезвигъ-гольштинскій вопросъ сдѣлался одною изъ самыхъ сильныхъ злобъ дня въ Германіи.

Въ Италіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ идея національнаго единства сдѣлала значительные успѣхи. Единая демократическая Италія была идеаломъ Мадзини и основаннаго имъ тайнаго общества. Очень сильное впечатлѣніе на итальянцевъ произвела вышедшая въ 1843 г. книга Джіоберти «О нравственномъ и гражданскомъ первенствѣ итальянцевъ», гдѣ папству предлагалось взять на себя дѣло національнаго объединенія Италіи; въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ австрійское правительство строжайшимъ образомъ запретило эту книгу, какъ особенно опасную для цѣлости монархіи. Когда въ 1846 г. умеръ папа Григорій XVI, отличавшійся крайнею реакціонностью, и въ папы былъ выбранъ Пій IX, на него прямо стали смотрѣть, какъ на будущаго объединителя и освободителя отъ австрійскаго ига: новаго папу приглашалъ стать во главѣ національнаго движенія даже самъ Мадзини. Это пробужденіе національнаго чувства въ Италіи получило названіе «воскрешенія» (risorgimento). Австрійское правительство зорко слѣдило за начавшимся въ Италіи движеніемъ, и въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ простые виваты папѣ Пію IX казались властямъ мятежными возгласами,—какъ это, впрочемъ, было еще и въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и въ Моденѣ.

Особаго и нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ аналогичныя явленія національнаго характера у славянскихъ народностей, населяющихъ монархію Габсбурговъ. Въ первой половинѣ XIX в. всѣ западные и южные славяне, за исключеніемъ поляковъ, входили въ составъ иноплеменныхъ государствъ — Австріи и Турціи. Господствующія сословія въ странахъ со славянскимъ населеніемъ были большею частью иноплеменныя или состояли изъ потомковъ славянъ, принявшихъ языкъ и культуру своихъ поработителей — нѣмцевъ, мадьяровъ, итальянцевъ, турокъ. Нѣкоторыя славянскія народности почти сплошь состояли изъ однихъ крестьянъ и низшихъ городскихъ классовъ, не имѣли

національной интеллигенціи, лишены были поэтому всякой высшей культуры и даже не имѣли собственнаго литературнаго языка. Сами чехи, которые когда-то были однимъ изъ первыхъ народовъ Европы въ культурномъ отношеніи, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. почти ничѣмъ не возвышались надъ самыми отсталыми племенами, не стоявшими и раньше на сколько-нибудь высокомъ уровнѣ развитія. Если всѣмъ этимъ народамъ грозила, такимъ образомъ, или постепенная денаціонализація, или коснѣніе на низшихъ ступеняхъ культуры, то бороться съ такою судьбою можно было, лишь вызывая во всѣхъ слояхъ населенія національное самосознаніе, пробуждая къ культурной жизни народную массу, какъ главную основу національности, работая на поприщѣ ея просвѣщенія и создавая національную литературу. Въ подобной культурной работѣ именно и состояло такъ называемое «славянское возрожденіе». Въ немъ приняли участіе разные славянскіе народы, преимущественно въ Австріи, гдѣ внѣшнія условія были все-таки лучшими, нежели въ Турціи. На первыхъ порахъ славянское возрожденіе было преимущественно дѣломъ ученыхъ патріотовъ, искавшихъ духовнаго содержанія въ родной старинѣ и въ единоплеменныхъ націяхъ. Движеніе, такимъ образомъ, было связано со «славянскою взаимностью», т.-е. съ обращеніемъ ученыхъ и писателей однѣхъ славянскихъ народностей къ культурѣ и литературѣ другихъ, обращеніе же къ родной старинѣ придавало всему движенію романтическій характеръ, сближавшій славянскій націонализмъ первой половины XIX в. съ аналогичнымъ явленіемъ у нѣмцевъ въ эпоху наибольшаго развитія «тевтонства» въ началѣ вѣка. Наконецъ, сознаніе племенного единства всѣхъ славянъ вселяло въ борцовъ за національную идею бодрость духа: не погибнетъ, вѣрили они, и самый маленькій народъ, разъ онъ—только часть великаго цѣлаго, которое не дастъ его въ обиду! Это и была та почва, на которой выросъ политическій призракъ «панславизма», бывшаго въ дѣйствительности лишь своего рода формою національнаго романтизма. Чисто романтическій характеръ, какой принимали и возрожденіе, и «всеславянство», особенно явствуетъ изъ того, что, противополагая славянскій міръ романо-германскому Западу, славянскіе ученые и поэты, публицисты и философы крайне идеализировали свой родной міръ и въ прошломъ, и въ будущемъ: они надѣляли предковъ славянскаго племени всякими совершенствами и добродѣтелями, до которыхъ Западу было далеко, и предрекали въ грядущихъ временахъ возрождающимся

славянамъ великое всемірно-историческое значеніе. Все, что нѣмецкіе философы отъ Фихте до Гегеля говорили о великомъ призваніи германскаго міра, представители славянской идеи переносили на свое племя. Съ особою силою мечтанія подобнаго рода развились въ литературѣ какъ-разъ тѣхъ двухъ народовъ, которые не нуждались въ чисто національномъ возрожденіи, т.-е. у русскихъ и у поляковъ, у однихъ въ видѣ славянофильства, у другихъ—въ такъ называемомъ мессіанизмѣ. Романтическій характеръ славянскаго возрожденія мѣшалъ ему испытывать на себѣ воздѣйствіе болѣе передовыхъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ идей эпохи. Изъ западныхъ славянъ только среди однихъ поляковъ замѣчалось сильное вліяніе демократическихъ идей Запада, но не на родинѣ, а среди эмигрантовъ, жившихъ на чужбинѣ, оторванныхъ отъ національной почвы и потому бывшихъ нерѣдко совершенно лишенными чувства дѣйствительности.

Можно сказать, что въ началѣ XIX в. въ австрійскихъ земляхъ, населенныхъ славянами, на мѣстныхъ языкахъ говорилъ вообще лишь простой народъ. Послѣ паденія чешской независимости въ началѣ тридцатилѣтней войны, когда-то значительно развитая чешская литература пришла въ упадокъ, и на языкѣ Гуса издавались только Библія да разныя іезуитскія писанія. Въ дворянствѣ и среди горожанъ сталъ все болѣе и болѣе брать перевѣсъ нѣмецкій элементъ, благодаря иммиграціи нѣмцевъ и онѣмеченію обоихъ сословій чешскаго происхожденія. Государственнымъ языкомъ въ Богеміи былъ языкъ нѣмецкій: его употребляли на сеймѣ, въ судахъ, въ канцеляріяхъ, въ школахъ, по-чешски же говорило одно простонародье. То же самое было и въ другихъ австрійскихъ земляхъ со славянскимъ населеніемъ. Въ частяхъ, доставшихся Австріи изъ владѣній старой Польши, германизація, впрочемъ, не получила такого развитія, и польскій языкъ удержался въ прежней силѣ, но за то русинская часть населенія, мѣщанство и крестьянство, была совсѣмъ почти лишена національной культуры. Въ Далмаціи, которую Австрія получила по вѣнскому конгрессу, славянское населеніе со временъ венеціанскаго владычества управлялось итальянскимъ чиновничествомъ и находилось въ зависимости отъ итальянскаго же дворянства; да и города здѣсь были населены итальянцами. Когда-то и тутъ процвѣтала славянская письменность, но въ началѣ XIX в. вся далматинская литература ограничивалась молитвенниками да календарями, а мѣстные ученые писали или по-латыни, или по-итальянски.

Въ земляхъ «венгерской короны» съ ихъ значительнымъ славянскимъ населеніемъ, языкомъ церкви, сейма и сеймиковъ, судовъ и канцелярій еще со среднихъ вѣковъ былъ языкъ латинскій, что казалось безобиднымъ для всѣхъ разноплеменныхъ «венгерцевъ»,—какъ въ политическомъ отношеніи назывались и мадьяры, и нѣмцы, и румыны, и разные славяне (словаки, сербы, хорваты, угорскіе русскіе), населявшіе Венгрію. Сословные интересы дворянства,—которое одно по венгерской конституціи пользовалось всякими правами, держа въ крѣпостной зависимости крестьянъ и стѣсняя городское населеніе,—объединяли всѣхъ членовъ этого господствующаго класса безъ различія происхожденія. Главною національностью въ Венгріи были, однако, все-таки мадьяры, и имъ мало-по-малу удалось въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ замѣнить въ общественной жизни нейтральную латынь языкомъ, на которомъ говорили они сами, и у нихъ стала весьма популярною мысль о необходимости мадьяризаціи другихъ народностей Венгріи. Хорваты и сербы еще пользовались въ королевствѣ особымъ привилегированнымъ положеніемъ, а потому усилія мадьяровъ направлялись преимущественно на словаковъ, на русиновъ, на румыновъ. Дворянство этихъ народностей, видя въ мадьярахъ главный оплотъ своихъ сословныхъ привилегій, стало въ этомъ предпріятіи на сторону мадьяровъ. Особенно неблагопріятнымъ оказалось при этомъ положеніе словаковъ: все, что только было въ распоряженіи мадьярскихъ властей, пускалось въ ходъ для подавленія національныхъ стремленій этого народа подъ предлогомъ политической опасности, грозящей отъ словаковъ.

Таково было печальное положеніе славянскихъ народностей въ монархіи Габсбурговъ въ началѣ XIX в., но въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ повсемѣстно обнаружилось стремленіе славянъ Австріи выйти изъ этого положенія. Знаменитый чешскій историкъ и политическій дѣятель Палацкій впослѣдствіи разсказывалъ, что когда онъ въ 1823 г. пріѣхалъ въ Прагу, одинъ лишь простой народъ говорилъ по-чешски, а всякій, кто только хотѣлъ сколько-нибудь подняться надъ общимъ уровнемъ, говорилъ непремѣнно по-нѣмецки и относился съ насмѣшкою или сожалѣніемъ, если не съ презрѣніемъ, къ людямъ, державшимся чешской рѣчи. Главнымъ органомъ національнаго возрожденія сдѣлался здѣсь «Чешскій музей», основанный въ 1818 г. При немъ возникъ фондъ для изданія книгъ на чешскомъ языкѣ; чешскій языкъ, литература и исторія стали предметомъ ревност-

наго изученія со стороны цѣлаго ряда патріотически настроенныхъ ученыхъ; стала развиваться и изящная литература съ характеромъ національнаго патріотизма. Одинъ изъ дѣятелей этого возрожденія, Вацлавъ Ганка, въ 1819 г., издалъ будто бы найденную имъ въ Кралеводворѣ рукопись съ весьма древними поэтическими произведеніями на чешскомъ языкѣ. Въ настоящее время дознано, что эта рукопись была попросту поддѣлкою, но до начала пятидесятыхъ годовъ никто не сомнѣвался въ ея подлинности. Появленіе этого «памятника» встрѣчено было съ энтузіазмомъ всѣми патріотами. Молодежь особенно стала увлекаться національнымъ возрожденіемъ своей родины, и поколѣніе сороковыхъ годовъ уже было настроено въ чисто національномъ духѣ. Матеріальныя средства для всѣхъ патріотическихъ предпріятій доставлялись чешскимъ дворянствомъ, говорившимъ, однако, понѣмецки: въ Богеміи существовалъ земскій сеймъ, на которомъ было представлено только дворянство, и оно было не прочь поиграть въ оппозицію на тему особой чешской конституціи, что въ сороковыхъ годахъ въ народѣ тоже поддерживало надежды на торжество національнаго дѣла. Прага сдѣлалась вообще средоточіемъ славянской науки; здѣсь ревностно слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у другихъ славянскихъ народовъ, обогащали чешскую литерату переводами съ другихъ языковъ, и сюда же ѣхали учиться и знакомиться съ дѣятелями чешскаго возрожденія разные славянскіе ученые.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ у чеховъ, уже въ тридцатыхъ годахъ, началось возрожденіе у австрійскихъ юго-славянъ, среди которыхъ возникло тогда направленіе, получившее названіе иллиризма. Родоначальникомъ его былъ хорватъ Людевитъ Гай, повидимому, пользовавшійся поддержкою Меттерниха, который сочувствовалъ антимадьярской сторонѣ иллиризма. Гай выбралъ для литературнаго объединенія всѣхъ южныхъ славянъ (кромѣ болгаръ) далматинское нарѣчіе, бывшее достаточно разработаннымъ въ литературномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ понятнымъ для всѣхъ вѣтвей сербо-хорватскаго племени, и этому языку было дано книжное названіе иллирійскаго. Иллиризмъ пользовался большимъ сочувствіемъ у чеховъ, тѣмъ болѣе, что во многомъ самъ былъ только сколкомъ съ чешскаго возрожденія. Къ иллиризму отчасти примкнули и словенцы. Хотя сербы, среди которыхъ тоже началось національное возрожденіе, протестовали противъ распространенія и на нихъ имени иллировъ,

однако, оживленіе хорватской литературы не могло не подѣйствовать и на нихъ.

Славянское возрожденіе отразилось и на галиційскихъ малороссахъ. Среди львовской учащейся молодежи, особенно, между воспитанниками духовной семинаріи, возникло въ двадцатыхъ годахъ тайное общество, поставившее своими задачами возроженіе русинской народности и борьбу съ полонизмомъ. По отношенію къ австрійскому правительству русинскіе патріоты держали себя самымъ вѣрноподданническимъ образомъ, и тѣмъ не менѣе это движеніе подверглось преслѣдованіямъ по доносамъ поляковъ, относившихся къ невиннымъ попыткамъ писать на народномъ языкѣ или переводить на него св. писаніе, какъ къ какому-то бунту. Съ своей стороны и русины доносили вѣнскому правительству на поляковъ. Русинское крестьянство находилось въ полной власти у своихъ польскихъ помѣщиковъ, и русинскіе патріоты старались доказать, что ихъ соплеменники народъ лойяльный, и что австрійское правительство скорѣе должно бояться польской шляхты.

Поставивъ своею задачею возрожденіе угнетенныхъ народностей, славянскіе ученые и писатели искали основанія для надеждъ на лучшее будущее въ сознаніи принадлежности каждаго отдѣльнаго славянскаго народа къ одной великой семьѣ, связанной общимъ происхожденіемъ, родствомъ языковъ и многими общими чертами быта. Изслѣдованія въ областяхъ грамматики, фольклора, древней письменности, этнографіи и исторіи составляли почти исключительно все содержаніе научной дѣятельности славянскихъ ученыхъ. Въ ихъ научныя изслѣдованія невольно закрадывались, однако, патріотическія увлеченія и національною и вообще славянскою стариною, и широкими горизонтами, которые открывались въ будущемъ для духовно-объединеннаго славянства. Какъ-никакъ, учились славянскіе ученые все-таки въ нѣмецкой школѣ, а она, несмотря на всѣ свои достоинства, тоже немало грѣшила патріотическими увлеченіями. Подобно тому, какъ нѣмцы любили противополагать свой германскій міръ міру романскому, и даже, пожалуй, еще въ гораздо большей степени, славянскіе патріоты развивали мысль о противоположности славянскаго и германскаго міровъ съ предпочтеніемъ своему родному, какъ призванному къ высшей культурѣ. Шафарикъ, сдѣлавшійся самымъ большимъ авторитетомъ въ славяновѣдѣніи, благодаря своимъ «Славянскимъ древностямъ» и «Славянскому народописанію», особенно способствовалъ идеализаціи древняго славянства. Другую

сторону того же патріотическаго настроенія составляло сознаніе, что за каждымъ отдѣльнымъ славянскимъ народомъ стоитъ цѣлое славянство, которое не дастъ, когда объединится, своихъ членовъ въ обиду ни нѣмцу, ни мадьяру, ни турку. Интересъ дѣятелей возрожденія ко всему славянскому, а не только къ своему народному, имѣлъ поэтому не одинъ ученый характеръ, и идея о славянской взаимности не ограничивалась, по крайней мѣрѣ, у наиболѣе пламенныхъ славянофиловъ, областью одной литературы. На почвѣ національныхъ стремленій отдѣльныхъ народовъ и возникаетъ въ разсматриваемую эпоху упомянутый выше «панславизмъ», принимавшій въ своемъ развитіи и въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ очень разнообразныя формы и направлявшійся то на созданіе одного общеславянскаго языка, то на созданіе одного общеславянскаго царства.

Общій языкъ, какъ органъ духовнаго общенія славянъ, недолго занималъ умы славянскихъ ученыхъ, да и странно было бы, чтобы эта мысль могла утвердиться — въ эпоху возникновенія и развитія національныхъ литературъ: вѣдь и при разныхъ языкахъ можно было чувствовать свое племенное единство и свои чувства общеславянскаго братства выражать на родныхъ языкахъ. Самымъ виднымъ представителемъ литературнаго панславизма въ чешской литературѣ былъ венгерскій словакъ Янъ Колларъ, авторъ лирико-эпической поэмы «Дочь славы» (1824 г.). Это было изображеніе прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ судебъ славянства, по замыслу нѣчто въ родѣ «Божественной комедіи» Данте. Поэма имѣла громадный успѣхъ у чеховъ, словаковъ и южныхъ славянъ и вызвала массу подражаній. Колларъ былъ настоящимъ поэтомъ панславизма, развивавшимъ свои идеи и въ качествѣ публициста. Его брошюра «О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа» (1837) была переведена почти на всѣ славянскіе языки. Основною ея идеею была необходимость взаимности, какъ главнаго лѣкарства противъ всѣхъ золъ, удручающихъ славянство. Нынѣшніе славяне,—сознавался самъ авторъ,—«великаны въ географіяхъ и на картахъ и карлики въ искусствахъ и литературѣ», причина же этого—въ раздробленности и недостаткѣ единства. Въ иллиризмѣ также довольно сильно звучала панславистическая нота. Хорваты въ сороковыхъ годахъ питали сепаратистическіе замыслы по отношенію къ Венгріи въ духѣ панславистическихъ мечтаній, видя въ остальномъ славянскомъ мірѣ опору для своихъ національ-

нальныхъ стремленій. Подражая Арндту, написавшему «Гдѣ отечество нѣмца», Кукулевичъ сочинилъ пѣсню на тему: «Гдѣ отечество славянъ?» Слава вездѣ, гдѣ господствуетъ славянскій языкъ, и отечество славянина всюду, гдѣ царствуютъ кроткіе и мягкіе нравы.

Постоянныя ссылки на великую славянскую семью и на русскій народъ, какъ на старшаго брата, на громадность славянскаго міра и на численность славянскаго племени должны были сильно раздражать австрійское правительство и господствовавшія въ Австріи національности. Хотя и по образу мыслей, и по главнымъ своимъ интересамъ, и да по внѣшнимъ условіямъ, въ какія въ Австріи поставлена была литература, славянское возрожденіе и панславизмъ не заключали въ себѣ ничего политически-оппозиціоннаго, тѣмъ не менѣе правительство Меттерниха смотрѣло на все это очень косо. Вѣнскія власти, сначала благопріятствовавшія иллиризму, какъ противовѣсу противъ мадьярскихъ притязаній, скоро стали бояться этого движенія и даже запретили самое имя иллировъ. И мадьяры, первоначально относившіеся къ хорватскому возрожденію больше съ шуточками, также перемѣнили тонъ, когда иллирійскіе депутаты на загребскомъ сеймѣ, вмѣсто латинскаго языка, стали употреблять свое родное нарѣчіе. Хорватовъ принялись упрекать въ сепаратизмѣ, въ руссофильствѣ, въ панславизмѣ. Мадьяры даже готовы были объяснять все хорватское движеніе внѣшними вліяніями, а именно, то интригами австрійскаго правительства, выдвигавшаго юго-славянъ противъ мадьяровъ, то подстрекательствомъ чеховъ или подкупомъ со стороны Россіи.

Уже въ концѣ тридцатыхъ годовъ между славянскими, главнымъ образомъ, чешскими патріотами, съ одной стороны, и нѣмецкими и мадьярскими публицистами, съ другой, началась оживленная газетная и брошюрная полемика по поводу славянскаго возрожденія и панславизма. По адресу славянъ было наговорено немало грубыхъ и оскорбительныхъ словъ, какъ народовъ низшей расы и низшей культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на славянъ сыпались обвиненія въ томъ, что они строятъ въ высшей степени опасные революціонные планы въ тайномъ сообществѣ съ Россіей противъ Австріи и даже противъ всей западной цивилизаціи. Призракъ панславизма заставлялъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ публицистовъ проповѣдовать совмѣстное дѣйствіе нѣмцевъ и мадьяровъ противъ славянъ, за которыми стоитъ варварская Россія.

Славянскіе публицисты, возражая на все это, доказывали, что никто не думаетъ о политическомъ соединенія славянъ, что оно было бы и нежелательно, и невозможно. Дѣйствительно, громадное большинство славянскихъ дѣятелей при всемъ своемъ нерасположеніи къ нѣмецкой и мадьярской націямъ и къ австрійской бюрократіи вовсе не относилось враждебно къ самой Австріи, какъ государству, и къ ея династіи, объединявшей подъ своимъ скипетромъ разноплеменное населеніе монархіи. Славянскіе патріоты даже заявляли неоднократно о своей преданности Австріи и только хотѣли, чтобы правительство вступило на путь славянской политики. Многіе указывали на то, что именно монархіи Габсбурговъ суждено разрѣшить восточный вопросъ, по существу своему вопросъ юго-славянскій, и что поэтому ей нужно поддерживать славянъ. Вѣнское правительство тѣмъ не менѣе относилось къ славянамъ съ крайнею подозрительностью, что явствуетъ, между прочимъ, изъ слѣдующаго факта. Въ началѣ сороковыхъ годовъ были основаны каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ въ русскихъ университетахъ, а также въ Берлинѣ, въ Бреславлѣ, въ Парижѣ, и около того же времени стали читаться о славянахъ публичныя лекціи въ Лондонѣ и въ Лейпцигѣ. Ко всему этому вела не одна любознательность научнаго характера, но и политическія соображенія о важности славянства въ европейскомъ мірѣ. И вотъ какъ-разъ въ Австріи, гдѣ проживали родоначальники и корифеи славистики, и гдѣ было столько различныхъ славянскихъ племенъ, напротивъ, очень долго не рѣшались дозволить преподаваніе новой науки съ университетской каѳедры: въ Вѣнѣ согласились на это лишь въ 1848 г., передъ самымъ взрывомъ революціи.

Прибавимъ, что отношенія панславистовъ къ Россіи отличались большой неопредѣленностью, если только не обращать вниманія на громкія фразы, такъ часто встрѣчавшіяся въ тогдашней славянской публицистикѣ. Если нѣкоторые патріоты и возлагали на Россію временъ Николая I какія-либо надежды, то этимъ свидѣтельствовали только о своемъ плохомъ знаніи русскихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній той эпохи. Это обстоятельство одно лишь и позволяло нѣкоторымъ чешскимъ патріотамъ, въ особенности молодежи, дѣйствительно увлекаться перспективою присоединенія всѣхъ славянъ въ Россіи, что особенно и дѣлало изъ панславизма своего рода политическое пугало.

Совершенно своеобразными чертами отличалось національное движеніе польское.

Въ польскихъ земляхъ Австріи, Пруссіи и Россіи господствовалъ суровый режимъ, бывшій естественнымъ результатомъ пораженія поляковъ въ 1831 г. Громадное количество инсургентовъ спаслось бѣгствомъ за границу, куда стали выселяться и мирные жители, не принимавшіе участія въ возстаніи, но тяготившіеся дальнѣйшимъ пребываніемъ на родинѣ. Всѣ лучшія литературныя силы польской націи находились въ эмиграціи. У поляковъ, оставшихся на мѣстѣ, сталъ вырабатываться своего рода культурный консерватизмъ въ видѣ чрезмѣрнаго преклоненія передъ національными традиціями, въ поддержаніи которыхъ общество видѣло залогъ спасенія народности. Наоборотъ, эмиграція, представлявшая собою, такъ сказать, духовное правительство польской націи, все болѣе и болѣе отрывалась отъ родной почвы, предаваясь тоже своего рода мистическому романтизму. Въ Парижѣ, гдѣ былъ центръ польской эмиграціи, очень скоро возникъ раздоръ между ея аристократическою и демократическою частями. Демократы немедленно вступили въ сношенія съ родственными элементами французскаго общества и, руководимые извѣстнымъ историкомъ Лелевелемъ, начали издавать революціонныя воззванія къ разнымъ европейскимъ народамъ, за что правительство выслало главарей изъ Франціи. Въ это время было немало и заговоровъ съ цѣлью возстановленія Польши, и попытокъ снова поднять народное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и въ Галиціи. Поляки стали также принимать дѣятельное участіе въ западно-европейскихъ революціонныхъ движеніяхъ, надѣясь, что въ случаѣ удачи отъ этого только выиграетъ свобода ихъ родины. Польскіе эмигранты старались при этомъ доказать всему европейскому міру, что Польша въ прошломъ всегда защищала западную цивилизацію отъ варварскихъ вторженій татаръ, турокъ и москалей: отсюда вытекалъ тотъ выводъ, что дѣло спасенія Польши есть дѣло не самой только Польши, но и всего человѣчества.

Около 1845 года во всѣхъ частяхъ польскаго міра — и въ эмиграціи, и въ вольномъ городѣ Краковѣ, и во всѣхъ трехъ «заборахъ» — говорили о приготовленіяхъ къ самому обширному возстанію, конечною цѣлью котораго должно было быть освобожденіе всей Польши въ границахъ 1772 г. Заговорщики собирались поднять возстаніе на всей территоріи прежней Рѣчи Посполитой, и для этого даже былъ назначенъ день—21 февраля

1846 г. Центромъ возстанія долженъ былъ сдѣлаться вольный городъ Краковъ. Сосѣднія державы уже давно смотрѣли на эту польскую республику, какъ на очагъ заговоровъ и мятежей. Въ 1836 г. войска трехъ державъ даже вступали въ городъ, изгнали оттуда всѣхъ агитаторовъ и повстанцевъ и ушли, лишь оставивъ Краковъ подъ полицейскимъ надзоромъ Австріи. Въ 1846 г. эти же державы, замѣтивъ, что готовится новое возстаніе, заставили краковскій сенатъ призвать къ себѣ на помощь австрійскій военный отрядъ, который оказался слишкомъ слабымъ для того, чтобы занять городъ: въ Краковѣ революціонеры образовали временное правительство, и оно начало призывать къ возстанію всѣ части прежней Рѣчи Посполитой. Въ прусской и русской Польшѣ попытка возстанія была быстро подавлена, но въ Галиціи дѣла приняли другой оборотъ. Австрійское правительство обратилось къ крестьянамъ, пригласивъ ихъ дѣйствовать противъ мятежниковъ. Тогда началась знаменитая «галиційская рѣзня»: помѣщиковъ ловили, убивали, избивали до полусмерти, связывали и отправляли въ города; ихъ усадьбы были во многихъ мѣстахъ разграблены и сожжены, и долго послѣ этого въ селахъ не видно было ни пановъ, ни ксендзовъ, ни управляющихъ имѣніями, ни представителей мѣстной административной или судебной власти. Галицкіе хлопы уже спрашивали своихъ сосѣдей въ Царствѣ Польскомъ, скоро ли и они начнутъ свою расправу надъ панами. Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что расходившійся народъ усмирили военною силою. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійское войско вступило въ Краковъ, а затѣмъ подоспѣли русскіе и прусскіе отряды. Въ ноябрѣ того же года вольный городъ пересталъ существовать, будучи съ согласія Россіи и Пруссіи включенъ въ составъ Австрійской имперіи.

Въ то самое время, какъ одна часть польской эмиграціи устраивала заговоры и предпринимала возстанія для возстановленія Польши, въ другой части развивалось мистическое ученіе національстическаго характера, извѣстное подъ названіемъ мессіанизма. Однимъ изъ его родоначальниковъ былъ полякъ, проживавшій въ Парижѣ, Вронскій, авторъ цѣлаго ряда сочиненій, въ которыхъ провозглашалось новое ученіе, призванное переродить міръ. Болѣзненное состояніе человѣчества Вронскій выводилъ изъ борьбы между консерваторами и либералами, изъ которыхъ одни были для него представителями добра, другіе — представители правды. Изъ этого состоянія человѣчество должно было быть

выведено соединеніемъ и осуществленіемъ добра и правды, въ чемъ и заключался мессіанизмъ. Разные народы различнымъ образомъ относятся къ принципамъ добра и правды, но у однихъ евреевъ и поляковъ, по теоріи Вронскаго, это отношеніе можетъ быть выражено, какъ ожиданіе и надежда, т.-е. какъ вѣра въ пришествіе Мессіи. Въ концѣ концовъ, Вронскій признавалъ, что выполненіе мессіанической миссіи суждено Франціи, Германіи и Россіи, стоящей во главѣ славянскихъ народовъ: подъ покровительствомъ Россіи образуется братство Св. Духа, которое дастъ окончательное направленіе человѣчеству; это будетъ славянская федерація; но, поддерживая идею панславизма, Россія должна уважать индивидуальность каждаго славянскаго народа. Послѣ 1830 г. среди поляковъ особенно стала распространяться мысль объ особомъ посланничествѣ Польши, и самымъ виднымъ представителемъ польскаго мессіанизма сдѣлался великій поэтъ Мицкевичъ, жившій тоже эмигрантомъ въ Парижѣ. Въ своихъ «Книгахъ народа польскаго и польскаго пилигримства» (1833) онъ далъ, между прочимъ, очень краткую, написанную библейскимъ слогомъ исторію человѣчества «отъ начала свѣта до замученія народа польскаго»: «и предали,—говорилось здѣсь,—на мученіе народъ польскій, и положили его въ гробъ, и воскликнули короли: мы убили и похоронили свободу, но народъ польскій не умеръ. Тѣло его лежитъ во гробѣ, а душа его удалилась съ земли, т.-е. изъ жизни публичной въ бездну, т.-е. въ жизнь домашнюю всѣхъ терпящихъ неволю на родинѣ и на чужбинѣ, дабы видѣть терпѣнія ихъ. И на третій день душа вернется въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ всѣ народы Европы изъ неволи. И прошло уже два дня: одинъ день кончился первымъ взятіемъ Варшавы, второй день кончился вторымъ взятіемъ Варшавы, а третій день настанетъ и не кончится. И какъ по воскресеніи Христовомъ прекратились кровавыя жертвы, такъ по воскресеніи народа польскаго прекратятся въ христіанствѣ войны». Въ началѣ сороковыхъ годовъ религіозно-мистическое настроеніе Мицкевича усилилось, и онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ одного появившагося въ это время въ Парижѣ польскаго пророка, Товянскаго, совершенно овладѣвшаго поэтомъ. Вмѣстѣ съ нимъ увѣровали и другіе въ то, что Богъ сжалился надъ Польшею, ибо явился небесный посолъ съ радостною вѣстью о грядущемъ возстановленіи Польши и окончаніи печальнаго изгнанія. Вскорѣ Товянскій сталъ искать покровительства у папы и даже у императора Николая I,

въ прошеніи на имя котораго прямо говорилъ о всемірно-историческомъ призваніи Россіи въ духѣ его мессіанической идеи и провозглашалъ его «новымъ орудіемъ Слова».

Сравнивая передовыя политическія и соціальныя теоріи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ только-что разсмотрѣнными національными идеологіями, мы обнаруживаемъ между тѣми и другими глубокую разницу во взглядахъ на человѣческое общество и на самого человѣка. Для чистыхъ политиковъ и тѣмъ болѣе для соціалистовъ какъ будто бы и не существовало вовсе національнаго вопроса; да его и не было ни во Франціи, ни въ Англіи. Въ самой Германіи либералы и радикалы еще въ тридцатыхъ годахъ стояли не на націоналистической точкѣ зрѣнія. Съ другой стороны, особенно дѣятели славянскаго возрожденія совсѣмъ не интересовались вопросами, болѣе всего волновавшихъ демократовъ, на все смотря чрезъ призму національныхъ интересовъ и традицій. Когда въ Россіи послѣ подавленности и затишья, наступившихъ вслѣдъ за пораженіемъ декабристовъ, началось нѣкоторое оживленіе общественной мысли, насколько это было возможно при тогдашнихъ порядкахъ, то въ литературѣ и въ наукѣ, въ особенности же въ интеллигентныхъ кружкахъ, образовалось, какъ извѣстно, два направленія, получившія названіе западничества и славянофильства. Первое тяготѣло не къ Западу вообще, а къ новой западной мысли—философской, политической, соціальной, въ частности къ французскому либерализму, позднѣе къ соціализму, тогда какъ второе направленіе больше интересовалось не политическими и соціальными, а національными вопросами и въ особенности на самомъ Западѣ славянскимъ возрожденіемъ, славянскою взаимностью и т. п. Въ то время, какъ западники выдвигали впередъ начало личной мысли, славянофилы исходили изъ понятія народнаго преданія и создали свою философію исторіи по образцу, который нашли у нѣмецкихъ идеалистовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что избраннымъ народомъ у нихъ явились, конечно, не нѣмцы, какъ у Фихте или у Гегеля, а славяне. Славянофилы стали приписывать славянскому племени всемірно-историческую, провиденціальную миссію опять-таки по примѣру, поданному Фихте или Гегелемъ, позднѣе польскими мессіанистами. Прошлое русскаго народа и славянскаго племени рисовалось славянофиламъ въ романтическихъ чертахъ, будущее — въ чертахъ мессіаническихъ, правда, болѣе трезвыхъ, нежели у поляковъ. Вожди славянофильства на-

ходились вообще подъ сильнымъ вліяніемъ германской романтической и метафизической идеологіи, и, конечно, ближе стояли къ правому гегельянству, тогда какъ западники—къ гегельянству лѣвому. Славянофилы идеализировали и основы русскаго государственнаго строя, отрицательно относясь къ западному конституціонализму, и восточную церковь, полемизируя съ католицизмомъ, претестантизмомъ и раціонализмомъ, и, наконецъ, самоё народность русскую, противополагая ея здоровый славянскій духъ гнилому Западу. Далеко не безъ критики относясь къ современной дѣйствительности,—которая и трудно поддавалась идеализаціи,—славянофилы тѣмъ не менѣе выставляли лозунги, довольно близкіе къ знаменитой уваровской формулѣ: «самодержавіе, православіе и народность» [1]). Правда, ихъ «народность» не была чисто оффиціальная, условная народность уваровской формулы, но въ пониманіи народности славянофилами было довольно-таки много и мистики, и романтизма, и консерватизма, и національной исключительности. Въ славянскомъ возрожденіи мы тоже встрѣчаемся съ этими чертами. Это маленькое сопоставленіе русскаго славянофильства съ родственными ему явленіями на Западѣ и противопоставленіе ему русскаго западничества той же эпохи только лучше можетъ оттѣнить ту разницу, какая наблюдается между, съ одной стороны, политико-соціальными и, съ другой, исключительно націоналистическими стремленіями, игравшими на Западѣ такую большую роль въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Одновременно съ развитіемъ національныхъ патріотизмовъ, въ которомъ таились будущія столкновенія народовъ, въ передовыхъ направленіяхъ эпохи то и дѣло поднимался, наоборотъ, вопросъ о международной солидарности. Между либералами ее возвѣщалъ Кобденъ, полагавшій, что братство народовъ осуществитъ свободная торговля; въ демократическомъ лагерѣ союзъ всѣхъ націй проповѣдовалъ Мадзини, «Молодая Италія» котораго должна была только составлять часть «Молодой Европы»; наконецъ, въ соціализмѣ та же нота звучала въ марксовскомъ приглашеніи къ соединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ. Національные антагонизмы, къ сожалѣнію, оказались сильнѣе этихъ призывовъ.

---

[1]) Гр. Уваровъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1833—1849 гг. Позднѣе говорили, что его «народность» была синонимомъ крѣпостного права.

XVII. Реакціонная политика между іюльскою и февральскою революціями и 1848 годъ [1]).

Сравненіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ двадцатыми.—Общее отношеніе правительствъ и господствующихъ классовъ къ новымъ политическимъ, соціальныхъ и національнымъ стремленіямъ эпохи.—Внутренняя политика іюльской монархіи во Франціи и реакціонный поворотъ въ ея политикѣ внѣшней.—Возобновленіе реакціонныхъ репрессій въ Германіи.—Быстрый и повсемѣстный взрывъ революціи 1848 г.—Торжество реакціи надъ революціями 1848 г.

Время между іюльскою и февральскою революціями какъ въ самой Франціи, такъ и въ другихъ странахъ между 1830 и 1848 гг. было весьма живымъ въ смыслѣ умственныхъ и общественныхъ движеній. Счетъ на десятилѣтія въ исторіи, конечно, допускается лишь для чисто внѣшняго удобства, но разъ мы имъ пользуемся, мы имѣемъ право сравнивать между собою отдѣльныя десятилѣтія, сопоставлять одни десятилѣтія съ другими, одни другимъ противопоставлять. Въ сравненіи съ двадцатыми годами тридцатые, а тѣмъ болѣе сороковые, были временемъ, гораздо болѣе оживленнымъ, эпохою съ громаднымъ историческимъ содержаніемъ. Съ послѣднихъ лѣтъ XVIII в. началась реакція противъ французской революціи и философіи XVIII в. и достигла своего кульминаціоннаго пункта въ эпоху реставраціи; но уже во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ можно отмѣтить поворотъ въ сторону возобновленія движенія, прерваннаго событіями конца XVIII и начала XIX в. Въ тридцатыхъ годахъ культурная реакція была превзойдена, и въ области идей снова началась работа въ прогрессивномъ направленіи. Тридцатые и сороковые годы въ исторіи XIX в. можно сопоставить, какъ равносильные, съ тѣми десятилѣтіями второй половины XVIII в., когда было лучшее время Вольтера, когда писалъ Руссо, когда дѣйствовали во французской литературѣ энциклопедисты и т. п., или съ такъ называемой Sturm- und Drang-Periode въ нѣмецкой литературѣ. Реакція, повсемѣстно наступившая послѣ революціи 1848 г., надолго прервала это идейное оживленіе, и когда снова началось возро-

[1]) Уч. кн., §§ 291, 293, 295 и 296.—И. З. Е., т. V, гл. VI, VIII и XVIII.—Общій взглядъ, гл. XII.

жденіе стремленій, характеризующихъ тридцатые и сороковые годы, оказалось, что, въ сущности, все духовное содержаніе послѣдующихъ десятилѣтій было лишь воспроизведеніемъ и непосредственнымъ продолженіемъ того, что создано было въ только-что названную эпоху.

Болѣе или менѣе безпрепятственно новыя идеи, отрицавшія реакціонную дѣйствительность и открывавшія широкія перспективы грядущихъ политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ перемѣнъ, могли обнародываться и распространяться лишь тамъ, гдѣ не было цензуры, гдѣ признавалась въ той или другой мѣрѣ свобода совѣсти, мысли и слова, гдѣ общество не находилось подъ бдительнымъ надзоромъ политической полиціи. Наоборотъ, тамъ, гдѣ не было свободы, всякія оппозиціонныя стремленія подавлялись, и масса людей должна была искать убѣжища на чужбинѣ, въ болѣе свободныхъ странахъ, дававшихъ пріютъ изгнанникамъ, во Франціи, въ Бельгіи, въ Швейцаріи, въ Англіи, гдѣ, какъ мы видѣли, проживала масса эмигрантовъ и изъ Германіи, и изъ Италіи, изъ русской Польши и т. п. Случалось, что преслѣдованія, которымъ по политическимъ причинамъ подвергались отдѣльныя лица, настигали ихъ и за границами ихъ родины, какъ это видно изъ примѣра высылокъ Маркса, Лелевеля и др. за предѣлы Франціи по требованію ихъ правительствъ. Такъ какъ одною изъ странъ, которыя давали пріютъ политическимъ эмигрантамъ, была Швейцарія, гдѣ, кромѣ того, въ эту эпоху тоже происходило сильное демократическое движеніе, то со стороны консервативныхъ великихъ державъ она постоянно испытывала давленіе съ требованіемъ отмѣны права убѣжища. Еще на конгрессахъ двадцатыхъ годовъ заходилъ разговоръ о такомъ же раздѣлѣ Швейцаріи, какому въ XVIII в. подверглась Польша. Судьба вольнаго города Кракова, присоединеннаго въ 1846 г. къ Австріи, въ качествѣ очага революціи, который нужно было уничтожить, показывала, что опасность существовала и для Швейцаріи. Изъ всѣхъ правительствъ великихъ державъ только англійское отстаивало независимость малыхъ государствъ отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла въ цѣляхъ подавленія революцій, хотя у себя дома это правительство и парламентъ боролись съ чартизмомъ всѣми мѣрами и подавляли всѣ оппозиціонныя проявленія въ Ирландіи, гдѣ въ эти же годы происходило революціонное броженіе. Правящіе классы, т.-е. буржуазія въ конституціонныхъ государствахъ и дворянство съ бюрократіей въ абсолютныхъ монархіяхъ вообще поддерживали

представителей власти въ ихъ борьбѣ съ вольнодумствомъ и свободолюбіемъ.

И внутренняя, и внѣшняя политика іюльской монархіи во Франціи съ годами дѣлалась все болѣе и болѣе реакціонною. За довольно-таки бурными тридцатыми годами слѣдовали сравнительно болѣе спокойные сороковые, когда прекратились заговоры и возстанія, покушенія на жизнь короля сдѣлались болѣе рѣдкими и больше не происходило безпрестанныхъ министерскихъ кризисовъ. Въ началѣ царствованія Людовику-Филиппу не разъ еще приходилось выражать признательность участникамъ іюльскаго переворота, и онъ даже прямо искалъ популярности въ парижскомъ населеніи, появляясь на улицахъ пѣшкомъ, въ партикулярномъ платьѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, раскланиваясь и даже пожимая протягивавшіяся къ нему руки прохожихъ. Съ теченіемъ времени все это измѣнилось. Людовикъ-Филиппъ все болѣе и болѣе старался, какъ-бы отдѣлаться отъ данной ему клички короля баррикадъ, и особенно хлопоталъ о томъ, чтобы снискать расположеніе абсолютныхъ монарховъ. Заговоры и попытки возстаній влекли за собою всякаго рода репрессіи, административныя, судебныя, законодательныя. Палаты издавали новые законы, упрощавшіе судопроизводство по политическимъ дѣламъ, усиливавшіе наказанія по дѣламъ печати, вводившіе цензуру для печатныхъ изображеній и театральныхъ представленій, запрещавшіе подписки для сбора денегъ въ пользу оштрафованныхъ газетъ и увеличивавшіе залоги издателей газетъ (до 100 т. фр.). Къ 1840 г. Франція была, повидимому, всѣми этими мѣрами вполнѣ «успокоена». Десятая годовщина іюльской революціи была отпразднована безъ нарушенія порядка, но на открытіе памятника въ честь событія, или такъ называемой «іюльской колонны» уже не явился ни одинъ изъ членовъ королевской фамиліи. «Франція скучаетъ», сказалъ въ 1843 г. Ламартинъ; «порядокъ надолго обезпеченъ», заявилъ въ 1846 г. Гизо, безсмѣнный глава министерства съ 1840 г. Говоря о настроеніи французской буржуазіи въ началѣ сороковыхъ годовъ, Гейне отмѣчалъ что, по его мнѣнію, она «не боялась собственно республики, но чувствовала инстинктивный страхъ передъ коммунизмомъ». «Этой боязни,—прибавлялъ Гейне,—Людовикъ-Филиппъ обязанъ своими преданнѣйшими приверженцами, надежнѣйшими опорами своего трона». Буржуазія не любила Гизо, но видѣла въ немъ властнаго охранителя собственности и порядка. «Теперь,—писалъ еще Гейне,—

Гизо—вѣрный слуга господствующей буржуазіи и, нося въ душѣ непоколебимость герцога Альбы, будетъ защищать буржуазію до послѣдней минуты съ непоколебимою послѣдовательностью». Самъ Гизо объяснялъ впослѣдствіи въ своихъ мемуарахъ всю внутреннюю политику свою необходимостью защищать общество и правительство отъ нѣкоторыхъ идей, которыя, по его собственной характеристикѣ, «подъ разными наименованіями возводились въ основной догматъ республиканцами, демократами, соціалистами, коммунистами, позитивистами, политическими партіями, философскими школами, тайными обществами, отдѣльными писателями, всѣми противниками установленнаго правленія, наперерывъ распространявшими ихъ въ обществѣ». Въ министерство Гизо палаты принимали разные реакціонные законы, и само правительство возбуждало по дѣламъ печати судебныя преслѣдованія, кончавшіяся, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ оправдательными вердиктами присяжныхъ. Въ одномъ только отношеніи Гизо стоялъ на болѣе прогрессивной точкѣ зрѣнія: какъ протестантъ, онъ боролся съ клерикализмомъ и даже добился отъ папы, чтобы іезуиты закрыли во Франціи свои учрежденія и покинули самую страну.

Передъ февральской революціей даже нѣкоторые члены королевскаго семейства не одобряли политики правительства. Принцъ Жуанвильскій, одинъ изъ сыновей короля, писалъ своему брату, герцогу Немурскому, осенью 1847 г., что установившимся режимомъ «Францію ведутъ къ революціи», и критиковалъ внѣшнюю политику Людовика-Филиппа и Гизо: «Франція, сказано было въ письмѣ, начала въ угоду Австріи исполнять роль жандарма въ Швейцаріи и душительницы въ Италіи своихъ же собственныхъ прициповъ и своихъ естественныхъ союзниковъ». Дѣло заключалось тутъ въ слѣдующемъ.

Послѣ мюнхенгрецкаго свиданія государей Россіи и Австріи и наслѣднаго принца прусскаго въ 1833 г. Франція заявила вѣнскому двору, что будетъ съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться всякому вмѣшательству союзниковъ въ дѣла Бельгіи, Швейцаріи и Сардинскаго королевства, какъ странъ, входящихъ въ сферу французскаго вліянія. Защиту Франціей независимости этихъ странъ поддерживала и Англія, находившаяся съ первою тогда въ «сердечномъ согласіи». Обѣ конституціонныя державы, кромѣ того, считали входящими въ сферу ихъ вліянія еще и Испанію съ Португаліей, гдѣ онѣ поддерживали либераловъ противъ кон-

серваторовъ, пользовавшихся сочувствіемъ трехъ абсолютныхъ монархій. Въ это время въ государствахъ Пиренейскаго полуострова происходили династическія распри изъ-за коронъ, носительницами которыхъ были двѣ малолѣтнія королевы, и въ то же время въ обоихъ были введены конституціи. Испанскіе и португальскіе либералы стояли за молодыхъ королевъ и за конституціонный строй, пользуясь поддержкой Франціи и Англіи, консерваторы—за претендентовъ (дона Карлоса и дона Мигуэля) и абсолютизмъ, находя сочувствіе у трехъ абсолютныхъ монархій. Дѣло дошло въ обѣихъ странахъ до настоящихъ гражданскихъ войнъ. Вскорѣ, однако, Франція и Англія изъ-за пиренейскихъ же дѣлъ разссорились, такъ какъ интересы ихъ оказались несовпадающими, и вотъ тогда курсъ внѣшней политики Франціи принялъ совсѣмъ другое направленіе, которое, именно, и позволило королевскому сыну сравнивать поведеніе своего правительства съ ролью жандарма.

Новый курсъ во внѣшней политикѣ Франціи заключался въ сближеніи съ континентальными великими державами, давно бывшемъ мечтою Людовика-Филиппа. Онъ даже почти безъ вѣдома своихъ министровъ вступалъ въ сношенія съ Меттернихомъ, остававшимся и въ тридцатыхъ съ сороковыми годахъ главнымъ руководителемъ австрійской реакціи. Съ своей стороны, Меттернихъ тоже искалъ сближенія съ французскимъ королемъ и указывалъ ему на бо̀льшую выгодность для него союза съ Австріей, а не съ Англіей. Въ сороковыхъ годахъ Людовикъ-Филиппъ уже не протестовалъ противъ поведенія абсолютныхъ монархій: вольный городъ Краковъ былъ присоединенъ къ Австріи, и это не встрѣтило никакого противодѣйствія со стороны Франціи, а когда Австрія потребовала у Швейцаріи изгнанія эмигрантовъ, Людовикъ-Филиппъ поддержалъ это требованіе съ угрозою разрыва дипломатическихъ сношеній. Швейцарія была вынуждена подчиниться давленію державъ. Гизо уже прямо писалъ Меттерниху въ 1847 г.: «мы боремся, вы и я,—осмѣливаюсь такъ думать,—чтобы оберечь и излѣчить современныя общества, и въ этомъ заключается нашъ союзъ. Только при содѣйствіи Австріи французской консервативной политикѣ можно успѣшно бороться съ революціоннымъ и анархическимъ духомъ». Въ это время буржуазная Франція и абсолютистская Австрія въ лицѣ своихъ руководящихъ министровъ были сильно озабочены демократическими движеніями въ Швейцаріи и въ Италіи, гдѣ и Гизо, и Меттернихъ всячески поддер-

живали консерваторовъ. Въ Швейцаріи шла въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ борьба между клерикальной партіей, отстаивавшей бо́льшую независимость кантоновъ, и радикальной, стремившейся къ усиленію федеральной власти. Предметомъ борьбы былъ вопросъ о пересмотрѣ союзной конституціи. Семь наиболѣе консервативныхъ кантоновъ даже заключили между собою «особый союзъ», Зондербундъ, но когда образовалось въ общемъ сеймѣ большинство изъ радикаловъ, сеймъ потребовалъ расторженія Зондербунда и изгнанія іезуитовъ. Семь кантоновъ не захотѣли повиноваться и нашли поддержку со стороны Австріи и Франціи, къ которымъ примкнула Пруссія, а потомъ и Россія. Австрійское и французское правительства прямо помогли Зондербунду присылкою денегъ, ружей и пушекъ. Только Англія взяла Швейцарію подъ свое покровительство, посовѣтовавъ ей, однако, не давать поводовъ къ вмѣшательству континентальныхъ державъ. Распря дошла въ Швейцаріи до формальнаго междоусобія, въ которомъ Зондербундъ потерпѣлъ пораженіе — въ ноябрѣ 1847 г., всего за три мѣсяца до февральской революціи. Вожди Зондербунда должны были спасаться бѣгствомъ въ Италію, куда и были имъ доставлены депеши Гизо, уже не заставшія ихъ на родинѣ.

Движеніе въ Италіи тоже сильно озабочивало и Меттерниха, и Гизо. Когда въ Римъ пришло извѣстіе о разгромѣ Зондербунда, мѣстные демократы организовали народную манифестацію передъ домомъ представителя Швейцаріи съ криками: «долой іезуитовъ!» Соглашеніе между Гизо и Меттернихомъ распространялось и на итальянскія дѣла, которыя въ началѣ 1848 г. все болѣе и болѣе принимали направленіе, непріятное для реакціонной политики Франціи и Австріи. Здѣсь тоже Франція въ союзѣ съ Австріей начинала играть роль жандарма.

Въ Германіи также въ эту эпоху продолжала дѣйствовать реакціонная система двадцатыхъ годовъ, старая система Меттерниха. Броженіе, вызванное въ Германіи іюльской революціей, было скоро подавлено. Весною 1832 г. устроена была въ Гамбахѣ грандіозная національно-демократическая демонстрація, но послужила лишь поводомъ для новыхъ репрессій, обрушившихся на печать, на университеты, на всякія свободныя проявленія общественнаго духа. Въ 1833 г. была сдѣлана въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ безумная попытка провозглашенія республики, что еще болѣе усилило реакцію, заставившую массу нѣмцевъ покинуть свою родину. Въ слѣдующемъ году Меттернихъ собралъ въ Вѣнѣ

министровъ наиболѣе значительныхъ германскихъ государствъ для выработки новыхъ репрессивныхъ мѣропріятій, направившихся теперь и противъ представительныхъ палатъ, гдѣ онѣ были. Послѣ этого въ государствахъ, имѣвшихъ конституціонный строй, начались всякаго рода стѣсненія и урѣзки компетенціи мѣстныхъ ландтаговъ, въ Ганноверскомъ же королевствѣ въ 1837 г. даже формально была отмѣнена незадолго передъ тѣмъ (1833) введенная конституція: ее просто не захотѣлъ признать новый король Эрнстъ-Августъ [1]). Семь гёттингенскихъ профессоровъ, протестовавшихъ противъ этого государственнаго переворота, были лишены каѳедръ, и дѣло на продолжительное время заняло общественное мнѣніе всей Германіи. Къ этимъ же годамъ относится запрещеніе сочиненій «Молодой Германіи» (притомъ, не только уже написанныхъ, но и только еще имѣвшихъ быть написанными). Одновременно большіе успѣхи дѣлалъ въ Германіи католическій клерикализмъ—даже въ протестантской Пруссіи, правительство которой шло по отношенію къ его притязаніямъ на разныя уступки.—Въ Пруссіи съ восшествіемъ на престолъ, въ 1840 г., Фридриха-Вильгельма IV реакція нѣсколько-было ослабѣла, но съ середины сороковыхъ годовъ все пошло по старому, въ смыслѣ гоненій на періодическую прессу, на университетское преподаваніе и т. п., если въ нихъ обнаруживалось что-либо вольнодумное. Въ сущности, главною направляющею силою всей внутренней политики въ Германіи между революціями 1830 и 1848 гг., какъ и прежде, оставалась Австрія, которая къ концу періода усилила себя союзомъ съ Франціей, оставаясь въ тѣсномъ единеніи попрежнему и съ Пруссіей, и съ Россіей.

Новая политическая комбинація — Франція въ союзѣ съ Австріей, а чрезъ нее и съ двумя другими абсолютными монархіями—была, однако, скоро разстроена революціей, происшедшей во Франціи и очень скоро пронесшейся почти по всей Западной Европѣ.

Обыкновенно за исходный пунктъ событій 1848 г. принимается февральская революція въ Парижѣ, низвергшая іюльскую монархію и приведшая къ установленію во Франціи республики. Собственно говоря, однако, рядъ революціонныхъ движеній, ознаменовавшихъ этотъ и слѣдующій годы, начался въ Италіи, гдѣ

---

[1]) Извѣстно, что въ 1837 г. прекратилось соединеніе въ одномъ лицѣ королевской власти въ Англіи и въ Ганноверѣ.

уже съ января 1848 г. произошелъ цѣлый рядъ народныхъ движеній. Въ Италіи французская февральская революція поэтому только усилила, никоимъ образомъ не вызвала революцію, вскорѣ затѣмъ охватившую весь Апеннинскій полуостровъ. Такъ какъ значительная его часть была подъ властью Австріи, которая охраняла установленный порядокъ и въ остальныхъ его частяхъ, то итальянская революція сразу приняла характеръ національной борьбы съ Австріей; Сардинія даже вступила съ послѣднею въ открытую войну и увлекла-было своимъ примѣромъ другія итальянскія государства. И въ Германіи разыгравшіяся въ 1848 г. событія уже подготовлялись до февральскаго переворота въ Парижѣ въ формѣ оживленія конституціонныхъ требованій и усиленія народныхъ волненій. Именно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до извѣстія о томъ, что совершалось въ Парижѣ, уже были мелкія возстанія, и вообще происходило сильное политическое броженіе, въ которомъ принимали участіе и либеральная буржуазія, и городскіе рабочіе, и крестьяне. Парижскій взрывъ, бывшій въ самомъ концѣ февраля, тѣмъ не менѣе все-таки былъ сигналомъ къ началу цѣлаго ряда «мартовскихъ» революцій въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, правительства которыхъ вынуждены были не только идти на разныя уступки, какихъ у нихъ требовали, но и дать свое согласіе на то, чтобы былъ созванъ общегерманскій парламентъ: въ послѣдній день марта во Франкфуртѣ-на-Майнѣ уже засѣдало подготовительное собраніе, которое должно было устроить общенаціональное представительство. Наконецъ, въ предѣлахъ Австрійской имперіи приняли участіе въ начавшейся революціи не одни итальянскіе и нѣмецкіе ея подданные, но и другія подвластныя ей національности, и лѣтомъ 1848 г. въ столицѣ Чехіи собрался съѣздъ представителей разныхъ славянскихъ національностей, который долженъ былъ заявить всему цивилизованному міру о томъ, что и славянскіе народы стремятся къ свободѣ и равноправности. Одновременно поднялась и Венгрія. И въ ней оппозиціонный духъ со значительною силою сталъ проявляться еще передъ всѣми этими событіями, такъ что мѣстный сеймъ уже успѣлъ предъявить вѣнскому правительству свои политическія требованія, когда извѣстіе о томъ, что̀ дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, подѣйствовало и на мадьярскую націю, цѣликомъ примкнувшую къ революціи. Слабо было революціонное движеніе въ 1848 г. только въ польскихъ земляхъ—послѣ неудачи возстанія 1846 г., галиційской рѣзни и совершив-

шагося тогда же присоединенія къ Австріи вольнаго города Кракова. Тѣмъ не менѣе и въ Краковѣ, и въ Познани, т.-е. и въ австрійской и въ прусскоі Польшѣ были свои революціонныя вспышки. Такъ прошли первые три мѣсяца 1848 г., а лѣтомъ одновременно засѣдали учредительныя собранія, которыя должны были выработать новыя конституціи и для Франціи, и для Германіи, и для Пруссіи, и для Австріи.

Событія 1848 г. сами собою напрашиваются на сравненіе съ предшествовавшими имъ революціонными движеніями 1820 и 1830 гг. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, какъ и теперь, перевороты совершались почти сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но никогда еще революція не охватывала такого большого района, какъ это было въ 1848 г. Притомъ, движеніе 1820 г. не затронуло ни одной великой державы, да и въ 1830 г. изъ великихъ державъ пережила внутренній переворотъ только одна Франція. Хотя іюльская революція и отразилась отчасти на Германіи, ни Австрія, ни Пруссія не были тогда затронуты, теперь же, наоборотъ, за революціей во Франціи послѣдовали революціи и въ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державахъ. Во всякомъ случаѣ въ 1830 г. и Италія, и Германія испытали на себѣ лишь слабое вліяніе парижскаго переворота, а въ 1848 г. обѣ страны подверглись такому потрясенію, какого не испытывали со временъ великой французской революціи и Наполеона I. Большою новостью было также и то, что въ общемъ движеніи бурнаго 1848 г. приняли участіе, какъ только-что было сказано, разныя не-нѣмецкія народности Австріи. Наконецъ, революція 1848 г. осложнилась еще и двумя войнами, стоявшими въ тѣсной связи съ національными движеніями стремившихся къ объединенію итальянцевъ и нѣмцевъ, именно войнами Сардиніи съ Австріей и Германіи съ Даніей. Изъ великихъ европейскихъ державъ не были затронуты этой революціей только Россія и Англія, хотя въ послѣдней подъ вліяніемъ парижскихъ событій тоже произошла незначительная чартистская вспышка, да «Молодая Ирландія» сдѣлала неудачную попытку возстанія. Остались внѣ всякаго вліянія со стороны совершавшихся событій еще лишь государства Пиренейскаго и Скандинавскаго полуострововъ, такъ какъ въ другихъ второстепенныхъ странахъ—въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Даніи—все-таки произошли, хотя и мирнымъ путемъ, но подъ вліяніемъ общаго хода событій, нѣкоторыя важныя конституціонныя измѣненія. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что и въ Швейцаріи 1848 годъ содѣй-

ствовалъ введенію новой демократической конституціи, уже подготовленной побѣдою радикаловъ надъ клерикалами въ междоусобной войнѣ съ Зондербундомъ, окончившейся незадолго до февральской революціи.—Одною изъ важныхъ особенностей революціи 1848 г. былъ ея республиканскій во многихъ мѣстахъ характеръ. Республика установилась не въ одной только Франціи, но попытки введенія республиканскаго строя сдѣланы были также и въ другихъ странахъ. Въ Италіи была цѣлая партія, стремившаяся къ политическому перевороту на началахъ народовластія и расчитывавшая при этомъ на помощь Франціи. Въ 1848 г. Венеція провозгласила у себя республику, а потомъ поданному ею примѣру послѣдовали Римъ и Тоскана; только, эти республики, какъ извѣстно, имѣли эфемерное существованіе. Въ Германіи, равнымъ образомъ, образовалась республиканская партія, и уже въ подготовительномъ франкфуртскомъ собраніи были отдѣльные политическіе дѣятели, думавшіе объ учрежденіи въ Германіи республики. Въ Баденѣ даже произошло — потерпѣвшее, впрочемъ, неудачу—республиканское возстаніе, въ которомъ приняли участіе вмѣстѣ съ нѣмецкими эмигрантами французскіе и польскіе демократы. Было республиканское меньшинство и въ самомъ общегерманскомъ парламентѣ. Когда обнаружилось, что изъ переустройства Германіи на новыхъ началахъ ничего не выйдетъ, въ 1849 г. въ разныхъ мѣстахъ сдѣланы были новыя попытки республиканскихъ возстаній. Наконецъ, и въ Венгріи сеймъ объявилъ Габсбурговъ лишенными короны св. Стефана, и страна была провозглашена самостоятельнымъ государствомъ съ народнымъ управленіемъ.

Въ виду всего сказаннаго можно самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждать, что по силѣ непосредственнаго вліянія на Европу февральскій переворотъ 1848 г. получилъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ даже сама революція 1789 г., являющаяся, какъ мы знаемъ, исходнымъ пунктомъ всѣхъ политическихъ движеній XIX вѣка. Понятно также, что подобнаго рода событіе, — какъ это было и въ двадцатыхъ, и въ тридцатыхъ годахъ,—не могло не произвести важныхъ перемѣнъ и въ области международной политики. Февральскіе дни доставили во Франціи торжество демократіи, которая, какъ и въ 1830 г., стояла за революціонную пропаганду въ другихъ странахъ и громко требовала возстановленія Польши, что заключало въ себѣ угрозу по адресу Австріи, Пруссіи и Россіи. Когда, вслѣдъ за февральскимъ переворотомъ, стали въ Германіи

происходить свои революціи, въ Парижѣ многіе требовали тоже оказанія и имъ помощи, которая должна была распространиться, кромѣ того, и на Италію. Многіе нѣмцы и итальянцы сами даже ничего не имѣли противъ вмѣшательства Французской республики въ ихъ внутреннія дѣла, но большинство и въ Германіи, и въ Италіи этого не желало, опасаясь, что Франція даромъ поддержки не окажетъ, и этимъ мотивомъ искусно пользовались германскіе и итальянскіе государи, чтобы устранить всякую мысль о французскомъ вмѣшательствѣ. Венгерская революція, которая не мало обезсиливала Австрію, встрѣчена была большимъ сочувствіемъ вездѣ, гдѣ эту державу ненавидѣли или ея боялись. Кризисъ прямо принималъ характеръ общеевропейской борьбы противъ всѣхъ устоевъ стараго международнаго порядка. Исходъ этого кризиса зависѣлъ, однако, въ значительной мѣрѣ отъ поведенія двухъ великихъ державъ, Россіи и Англіи, которыя оставались спокойными и по нѣкоторымъ пунктамъ вполнѣ сходились въ своихъ взглядахъ, хотя бы и по разнымъ мотивамъ. Именно, онѣ одинаково были и противъ объединенія Германіи, и противъ присоединенія къ ней принадлежавшихъ Даніи Гольштейна и Шлезвига, Россія — въ силу общаго консерватизма своей политики, Англія — изъ опасенія, какъ бы объединенная Германія не обзавелась своимъ флотомъ.

Въ дальнѣйшемъ мы разсмотримъ всѣ эти перевороты въ отдѣльности—и во Франціи, и въ Германіи, и въ не-нѣмецкихъ частяхъ Австріи, и въ Италіи, въ каждой изъ этихъ странъ до побѣды надъ революціей реакціи, характеризующей потомъ все слѣдующее десятилѣтіе, мрачные пятидесятые годы. Революція 1848 г. снова заставила сплотиться всѣ консервативныя силы Европы. Австро-французское вмѣшательство въ итальянскія дѣла, намѣчавшееся еще при Меттернихѣ и Гизо, осуществилось потомъ, только въ новой формѣ. На помощь къ Австріи противъ венгерскихъ мятежниковъ пришла Россія, которая, сверхъ того, оказала содѣйствіе Австріи и въ возстановленіи созданнаго на вѣнскомъ конгрессѣ союзнаго строя, потрясеннаго революціей 1848 г. Причины успѣховъ реакціи около 1850 г. у насъ будутъ разсмотрѣны послѣ того, какъ мы познакомимся со всѣмъ ходомъ событій конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь только отмѣтимъ, что реакція пятидесятыхъ годовъ во многихъ отношеніяхъ превзошла реакцію тридцатыхъ и сороковыхъ. Борьба, ведшаяся въ эпоху іюльской монархіи противъ новыхъ полити-

ческихъ, соціальныхъ, національныхъ и умственныхъ стремленій, послѣ временной ихъ побѣды въ 1848 г. окончилась ихъ полнымъ пораженіемъ, отъ котораго очень долгое время не могли оправиться общественные группы, слои и классы, равно какъ цѣлыя народности, бывшія побѣжденными въ этой борьбѣ.

XVIII. Февральская революція и вторая республика во Франціи [1]).

Причины февральской революціи. — Агитація въ пользу парламентской реформы. — Событія 22–24 февраля. — Соціальное движеніе въ рабочемъ классѣ. — Іюньскіе дни. — Конституція 1848 г. и избраніе Людовика-Наполеона Бонапарта въ президенты республики. — Разгромъ республиканцевъ въ 1849 г. — Политическія партіи въ законодательномъ собраніи. — Конфликты между нимъ и президентомъ. — Государственный переворотъ 2 декабря 1851 г. — Наполеонъ III—императоръ французовъ.

Февральской революціи предшествовало во Франціи тридцать четыре года конституціонной монархіи, которая въ первыя шестнадцать лѣтъ этого періода времени была монархіей аристократіи, въ послѣднія восемнадцать лѣтъ—монархіей буржуазіи. Карла X, какъ и Людовика XVI, погубилъ союзъ королевской власти съ привилегированными, съ дворянствомъ и съ духовенствомъ, Людовика-Филиппа — союзъ ея съ буржуазіей, въ обоихъ, значитъ, случаяхъ одинаково то, что монархія была лишь органомъ извѣстнаго сословнаго или классового господства. Основною причиною февральской революціи было глубокое недовольство націи режимомъ, при которомъ избирательными правами пользовались какія-либо 240 т. гражданъ, народное представительство заботилось только объ интересахъ наиболѣе зажиточнаго меньшинства, депутаты отличались крайнею подкупностью, министерство, искусственно создавая въ свою пользу постоянное большинство въ палатѣ, вело внутреннюю и внѣшнюю политику въ направленіи, рѣшительно осуждавшемся общественнымъ мнѣніемъ страны, а

---

[1]) Уч. кн., §§ 297—303. — И. З. Е., т. V, гл. XIX, XX и XXIV. — Нар. прав. госуд., гл. XIX.

король проявлялъ самое упорное нежеланіе измѣнить что-либо въ установившемся политическомъ строѣ. Въ то самое время, какъ по видимости этотъ режимъ все болѣе и болѣе упрочивался, оппозиція противъ него дѣлалась все болѣе глубокой и захватывала все болѣе широкіе круги. Въ 1830 г. уже была во Франціи партія, думавшая воспользоваться низверженіемъ старшей линіи Бурбоновъ для основанія республики, но тогда эта партія была слишкомъ слаба, чтобы чего-нибудь добиться. Республиканскія попытки тридцатыхъ годовъ тоже ни къ чему не привели, но если въ сороковыхъ годахъ и не было уже рѣзкихъ выступленій революціоннаго характера, то громадные успѣхи, сравнительно съ прежнимъ временемъ, сдѣлала демократическая пропаганда, начавшая все сильнѣе захватывать недовольный своимъ положеніемъ пролетаріатъ, тѣмъ болѣе, что соціальныя требованія, предъявлявшіяся этою пропагандою, создавали республикѣ особенно большую популярность въ этомъ классѣ. Въ сороковыхъ годахъ не только въ демократіи, но и въ лучшей части буржуазіи король, министерство, палаты, утратили всякій нравственный авторитетъ; одну изъ причинъ зла видѣли въ дурномъ избирательномъ законѣ, наполнявшемъ палату депутатовъ или чиновниками, вполнѣ зависѣвшими отъ правительства, или частными лицами, которые продавали правительству свои голоса. Подобно тому, какъ въ Англіи велась въ свое время агитація въ пользу реформы выборовъ, аналогичное движеніе возникло и во Франціи: одна изъ народныхъ манифестацій для поддержки требованій реформистовъ и сдѣлалась ближайшимъ поводомъ возстанія, кончившагося крушеніемъ іюльскаго трона. Переворотъ произошелъ совершенно неожиданно и необычайно быстро—всего въ какіе-нибудь три дня: 22, 23 и 24 февраля.

Во Франціи вообще въ сороковыхъ годахъ происходила дѣятельная агитація въ пользу парламентской реформы, въ смыслѣ пониженія или уничтоженія ценза, равно какъ устраненія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія числа депутатовъ, бывшихъ въ то же время чиновниками, состоявшими на государственной службѣ. Ни большинство палаты, ни Гизо, ни король на это не соглашались. Въ іюлѣ 1847 г. сторонники реформы начали кампанію банкетовъ, чтобы показать, что страна, дѣйствительно, желаетъ преобразованія выборовъ. Рѣчи, говорившіяся на банкетахъ, дѣлались все радикальнѣе, и въ декабрѣ 1847 г. Ледрю-Ролленъ, членъ палаты, открыто объявлявшій себя республиканцемъ, про-

возгласилъ тостъ въ память конвента, «спасшаго Францію отъ ига королей». Въ январѣ 1848 г. правительство стало запрещать такія демонстрація, но несмотря на это, оппозиція задумала устроить большой банкетъ съ народнымъ шествіемъ, назначивъ его на 22 февраля. Потомъ сами устроители банкета, боясь уличныхъ безпорядковъ, которые могли бы повести къ кровопролитію и кончиться пораженіемъ народа, отмѣнили свое рѣшеніе, но уже было поздно.

22 февраля на улицахъ Парижа, прилегающихъ къ мѣсту, гдѣ банкетъ долженъ былъ происходить, еще съ утра начали собираться толпы народа, которыя двигались туда со всѣхъ концовъ города. Кричали: «да здравствуетъ реформа! долой министровъ! долой Гизо!», а затѣмъ начали грабить оружейные магазины, пробовали строить баррикады, и въ разныхъ пунктахъ города произошли стычки съ военными отрядами. Около пяти часовъ дня правительство рѣшило созвать національную гвардію, которая въ тридцатыхъ годахъ постоянно принимала участіе въ подавленіи безпорядковъ, но теперь національная гвардія относилась къ правительству, по меньшей мѣрѣ, равнодушно. На другой день опять начались попытки строить баррикады, а въ отдѣльныхъ отрядахъ національной гвардіи кричали о необходимости перемѣнить министерство и дать реформу. Одинъ такой отрядъ явился даже передъ палатой, въ которую принесъ съ собою петицію о реформѣ и отставкѣ министровъ. Около того же времени Гизо объявилъ въ палатѣ, что король поручилъ другому составить новое министерство. Извѣстіе объ этой отставкѣ быстро распространилось по всему городу, и начавшаяся борьба прекратилась, хотя построенныя уже баррикады продолжали охраняться инсургентами. Вечеромъ во многихъ частяхъ города зажглась иллюминація, и на главныхъ улицахъ устроилось настоящее гулянье съ радостными криками и пѣснями. Но народное ликованіе было непродолжительно. Передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ около восьми часовъ вечера собралась густая толпа народа, неизвѣстно кѣмъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, на который караулъ отвѣтилъ залпомъ изъ пятидесяти ружей. На мѣстѣ оказалось много раненыхъ и убитыхъ. Это сдѣлалось сигналомъ къ общему возстанію. Немедленно образовалась процессія съ трупами убитыхъ, которыми нагрузили проѣзжавшій мимо дилижансъ. Шествіе съ криками о мщеніи двигалось по разнымъ улицамъ города далеко за полночь. Весьма быстро весь городъ былъ охваченъ воз-

станіемъ. Почти во всѣхъ церквахъ ударили въ набатъ, вездѣ воздвигнуты были новыя баррикады.

Между тѣмъ во главѣ военныхъ силъ столицы былъ поставленъ маршалъ Бюжо, имя котораго было крайне непопулярно въ народѣ. Всю ночь населеніе Парижа строило баррикады и готовилось къ борьбѣ. Готовился къ ней и Бюжо. Однако, еще утромъ 24 февраля мало кто думалъ о возможности низверженія монархіи. Сами республиканскія газеты требовали отъ правительства только уступокъ. Извѣстіе о назначеніи Бюжо главнокомандующимъ лишь ожесточило народную массу. Борьба продолжалась, но отряды національной гвардіи переходили на сторону народа. Людовикъ-Филиппъ, который еще ночью ни за что не хотѣлъ согласиться на роспускъ палаты, утромъ наконецъ уступилъ и даже далъ приказъ войскамъ прекратить огонь. Гизо еще ночью спасся бѣгствомъ, переодѣтый, какъ говорятъ, въ женское платье. Однако, власти до такой степени растерялись, что своевременно не было дано знать всѣмъ отрядамъ войска о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Кровавыя столкновенія продолжались поэтому въ разныхъ частяхъ города. Королевское семейство садилось за завтракъ, когда прибѣжали нѣкоторые депутаты предупредить короля, что и Тюльерійскому дворцу грозитъ опасность быть взятымъ народною толпою. Теперь Людовику-Филиппу говорили о необходимости спасать королевское семейство. Король попробовалъ-было явиться лично съ двумя своими сыновьями передъ рядами линейныхъ войскъ и національной гвардіи, но со стороны солдатъ встрѣча была холодная, а изъ рядовъ національной гвардіи слышны были крики: «да здравствуетъ реформа!», а это были отряды, которые должны были защищать Тюльери отъ нападенія. Почти вслѣдъ за тѣмъ къ королю безъ доклада ворвался журналистъ Эмиль де-Жирарденъ съ готовою прокламаціей къ народу, объявлявшею объ отреченіи короля отъ престола въ пользу старшаго внука, графа Парижскаго, о роспускѣ палаты и о всеобщей амнистіи. Людовикъ-Филиппъ началъ-было возражать, но Жирарденъ сталъ говорить такъ настойчиво о необходимости отреченія, и среди окружавшихъ столь многіе его поддерживали, что Людовикъ-Филиппъ наконецъ уступилъ. Послѣ этого оставалось только поспѣшно бѣжать черезъ Тюльерійскій садъ на площадь Согласія, куда съ большимъ трудомъ привели два извозчичьихъ экипажа. Бѣгство было даже такъ поспѣшно, что Людовикъ-Филиппъ не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы

обезпечить передачу короны своему внуку. Почти немедленно послѣ этого народная толпа овладѣла Тюльерійскимъ дворцомъ и произвела въ немъ настоящій разгромъ. Многіе инсургенты уже кричали при этомъ: «да здравствуетъ республика!». Въ другихъ частяхъ Парижа происходили подобныя же сцены. Еще одна толпа овладѣла ратушей, съ давнихъ временъ считавшейся главнымъ пунктомъ парижскихъ революцій. Часть толпы, овладѣвшей Тюльерійскимъ дворцемъ, понесла съ тріумфомъ королевскій тронъ на площадь Бастиліи, гдѣ онъ и былъ сожженъ у подножія іюльской колонны. Другая часть съ шумомъ вторглась въ палату депутатовъ, гдѣ среди величайшаго безпорядка былъ наскоро составленъ списокъ временнаго правительства, въ которое вошли, между прочимъ, Ледрю-Ролленъ и поэтъ Ламартинъ. Оба они поспѣшили въ ратушу, дабы не дать времени захватить ее какому-нибудь другому временному правительству. Ратуша въ эту минуту была уже въ рукахъ участниковъ движенія. Здѣсь тоже готовились избрать правительство, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что это уже сдѣлано въ палатѣ и что образовавшееся тамъ правительство, сопровождаемое большою толпою, само идетъ въ ратушу. Здѣсь Ледрю-Роллену и Ламартину пришлось включиьт въ свой списокъ новыхъ лицъ, между прочимъ, Луи Блана и одного рабочаго Альбера, пользовавшагося извѣстностью и вліяніемъ въ рабочихъ кругахъ.

Первымъ дѣломъ временнаго правительства было составленіе прокламаціи къ народу, провозглашавшей республику. Въ ратушѣ и около нея народъ продолжалъ толпиться, и не разъ среди него раздавались рѣчи, въ которыхъ подвергались сомнѣнію и законность только-что образовавшагося правительства, и его расположеніе къ народу, и его революціонное настроеніе. Пока все это происходило въ ратушѣ, баррикады охранялись вооруженными людьми, потому что по городу ходили самые тревожные слухи. Говорили, напримѣръ, что отступившія войска готовятся къ ночному нападенію, что форты, окружающіе Парижъ, будутъ бомбардировать городъ, что въ разныхъ мѣстахъ посредствомъ поджоговъ будутъ произведены пожары. Для того, чтобы предупредить всѣ эти ужасы, народъ бросался на казармы, выгонялъ оттуда солдатъ, отнималъ у нихъ оружіе. Солдаты, не получавшіе никакихъ распоряженій, не оказывали сопротивленія, но крайне раздражались,—впослѣдствіи имъ представился случай выместить свою злобу на народѣ. Волненіе не улеглось и въ слѣдующіе дни,

и только 27 числа могло совершиться торжественное провозглашеніе республики на площади Бастиліи. Страна, привыкшая повиноваться Парижу, поспѣшила признать временное правительство, въ то время, какъ Людовикъ-Филиппъ и члены его семейства разными дорогами спаслись за границу.

Итакъ, во Франціи установилась республика, и временное правительство вслѣдъ за этимъ назначило выборы въ учредительное собраніе. Эти выборы были произведены уже всеобщею подачею голосовъ; въ теченіе лѣта 1848 г. собраніе выработало для Франціи республиканскую конституцію на широкихъ демократическихъ началахъ, а въ самомъ концѣ этого года всеобщею же подачею голосовъ избранъ былъ и глава исполнительной власти, президентъ республики, въ лицѣ принца Людовика-Наполеона Бонапарта, племянника Наполеона I. Но въ этотъ же промежутокъ времени, между концомъ февраля и началомъ декабря, разыгрались во Франціи важныя событія, имѣвшія роковое значеніе для всего будущаго второй республики.

Для ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ большихъ городовъ и, конечно, прежде всего, самого Парижа, къ господству котораго надъ страною давно привыкла Франція, республика, провозглашенная 24 февраля 1848 г., была такимъ государственнымъ устройствомъ, цѣлью котораго должна была быть полная перестройка общества на основаніи тогдашнихъ соціалистическихъ ученій. Въ первые четыре мѣсяца второй республики броженіе въ парижскомъ населеніи, можно сказать, было непрерывнымъ, сопровождаясь внушительными манифестаціями и даже попытками непосредственнаго давленія на новую власть. Однимъ изъ лозунговъ этого соціальнаго движенія было «право на трудъ», провозглашенное Луи Бланомъ и сдѣлавшее его имя особенно популярнымъ въ рабочемъ населеніи Парижа. Авторъ «Организаціи труда» даже попалъ, какъ мы видѣли, въ члены временнаго правительства, въ составъ котораго вошелъ и простой рабочій, Альберъ, тоже стоявшій на соціалистической точкѣ зрѣнія. Мало того, подъ предсѣдательствомъ Луи Блана была образована особая коммиссія для разработки вопросовъ, касающихся труда и благосостоянія рабочихъ. Мѣстомъ ея засѣданій былъ Люксембургскій дворецъ, превратившійся въ своего рода рабочій парламентъ, но безъ всякой власти и безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для успокоенія безработныхъ временное правительство устроило особыя общественныя работы, которымъ дано было гром-

кое названіе «національныхъ мастерскихъ»: каждому желающему трудиться въ предпринятыхъ въ Парижѣ земляныхъ работахъ давалось по два франка въ день, что привлекло въ столицу массу безработнаго люда и изъ другихъ мѣстъ. Мало-по-малу рабочіе національныхъ мастерскихъ организовались въ грозную революціонную силу, попавшую подъ вліяніе демократическихъ клубовъ и начавшую выступать со своими политическими требованіями.

Между тѣмъ, настроеніе остальной націи далеко не соотвѣтствовало стремленіямъ рабочаго класса. Господствовавшая до февральской революціи буржуазія менѣе всего была склонна подчиниться какимъ бы то ни было соціалистическимъ требованіямъ. Къ самой идеѣ республики она относилась съ недовѣріемъ, и ея представители во временномъ правительствѣ хлопотали только о томъ, чтобы не дать движенію разростись. Даже тѣ изъ этого класса, которые стояли за республику и притомъ республику демократическую, и слышать не хотѣли о соціализмѣ: различіе между политической и соціальной демократіей проявилось въ это время съ наибольшею рѣзкостью. Со введеніемъ всеобщей подачи голосовъ на выборахъ въ учредительное собраніе важное значеніе получила крестьянская масса, отличавшаяся сильнымъ консерватизмомъ и находившаяся подъ вліяніемъ духовенства. Соціальныя требованія рабочихъ напугали не только буржуазію, но и крестьянъ, среди которыхъ даже стали ходить слухи о томъ, будто городскіе рабочіе стремятся къ передѣлу земель. Повышеніе поземельнаго налога, бывшее результатомъ отмѣны послѣ революціи нѣкоторыхъ особенно непопулярныхъ косвенныхъ налоговъ, тоже не могло содѣйствовать популярности республики въ крестьянской массѣ. Выборы въ учредительное собраніе показали, что оно не будетъ на сторонѣ рабочихъ, и уже въ немъ образовалось довольно значительное консервативное меньшинство, состоявшее не только изъ приверженцевъ Орлеанскаго дома, но и изъ легитимистовъ и клерикаловъ. Когда это собраніе организовало свою исполнительную власть, въ числѣ лицъ, облеченныхъ ею, не было уже ни Луи Блана, ни Альбера. Новое правительство начало стягивать въ Парижъ войска въ виду революціоннаго настроенія рабочихъ, національное же собраніе въ то же время стало сначала высказываться, а потомъ и принимать разныя мѣры противъ національныхъ мастерскихъ, какъ ненужнаго и даже опаснаго учрежденія, слишкомъ притомъ дорого обходившагося плательщикамъ налоговъ.

Одна изъ народныхъ вспышекъ, направленныхъ противъ національнаго собранія и его исполнительной коммиссіи, имѣвшая мѣсто 15 мая, была подавлена, и вожди предпріятія были арестованы, вслѣдъ за чѣмъ подъ предлогомъ большого военнаго парада въ Парижъ было введено значительное количество войска. Послѣ этого и начались мѣры противъ національныхъ мастерскихъ. Всѣмъ холостымъ рабочимъ отъ 18 до 25 лѣтъ было предложено поступить въ солдаты или уйти; затѣмъ было сдѣлано распоряженіе удалить всѣхъ рабочихъ, не жившихъ передъ тѣмъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, или такихъ, которые отказывались отъ предлагавшейся ими частной работы; наконецъ, рѣшено было отправить часть рабочихъ въ отдаленныя провинціи, гдѣ они должны были быть поставлены на земляныя работы, и т. п.

Это вызвало волненіе рабочихъ. Борьба считалась неизбѣжной, и чтобы выйти изъ тягостнаго ожиданія, правительство даже желало, чтобы какъ можно скорѣе на него было сдѣлано нападеніе. Побѣда, одержанная 15 мая, вселяла въ немъ увѣренность въ успѣхѣ: народные вожди сидѣли въ тюрьмахъ; въ Парижѣ и его окрестностяхъ въ распоряженіи властей было много войска. Генералъ Кавеньякъ выработалъ планъ уличной борьбы противъ пролетаріата, открыто теперь обвинявшагося въ стремленіи къ поджигательству, грабежамъ и безначалію. Между тѣмъ рабочіе сначала дѣлали разныя попытки придти къ какому-либо соглашенію, но безуспѣшно, и вечеромъ 22 іюня на большой народной сходкѣ было рѣшено на другой день возстать противъ правительства и собранія за нарушеніе обѣщаній, данныхъ февральской революціей. Рано утромъ 23 іюня въ разныхъ частяхъ Парижа выросли одна за другою баррикады, выросли совершенно безпрепятственно, такъ какъ планъ Кавеньяка заключался въ томъ, чтобы избѣгать стычекъ съ мелкими отрядами, а дѣйствовать большими массами. Ламартинъ и др. дѣлали попытки уговаривать народъ, но эти попытки были безуспѣшны. Рабочіе требовали распуска собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ. Уличный бой начался 23 іюня и окончился только на четвертый день, 26 числа [1]). Національное собраніе въ первый же день объявило себя непрерывнымъ и засѣдало затѣмъ цѣлую

[1]) Во время уличной войны былъ убитъ (повидимому, солдатскою пулею) архіепископъ парижскій д'Афръ, вышедшій-было съ цѣлью увѣщанія противниковъ.

ночь; на другой день оно громаднымъ большинствомъ объявило Парижъ въ осадномъ положеніи и поручило всю исполнительную власть Кавеньяку. Всѣ классы общества, не принимавшіе участія въ возстаніи, съ радостью привѣтствовали эти мѣры національнаго собранія, радовались и осадному положенію, которое такъ ненавидѣли при Людовикѣ-Филиппѣ, радовались и назначенію военной диктатуры. Кавеньякъ смотрѣлъ на свою задачу исключительно съ военной точки зрѣнія: ему хотѣлось, прежде всего, «защитить честь знамени», одержавъ блестящую побѣду, а для этого требовалось дать разыграться возстанію и потомъ нанести ему рѣшительный ударъ. Линейные полки, среди которыхъ воскресло озлобленіе за февральскіе дни, національная гвардія, раздраженная требованіями рабочихъ, и подвижная гвардія, состоявшая изъ всякаго сброда,—соперничали во время усмиренія возстанія въ жестокости, но и рабочіе, съ своей стороны, тоже дошли до крайней степени ожесточенія. Особенно упорно защищались инсургенты въ кварталахъ съ рабочимъ населеніемъ. Было сожжено множество домовъ, чтобы вытѣснить изъ нихъ возставшихъ; въ другихъ домахъ пробивались стѣны, и въ бреши врывались, убивая всѣхъ встрѣчныхъ, освирѣпѣлые солдаты. Сентъ-Антуанское предмѣстье, на одной главной улицѣ котораго было около семидесяти громадныхъ баррикадъ, сдалось только послѣ сильной канонады. Месть побѣдителей была безгранична. Парижская національная гвардія, подкрѣпленная національной гвардіей изъ сосѣднихъ мѣстностей, разстрѣливала даже мирныхъ жителей, разъ послѣдніе внушали подозрѣніе. Отъ ярости національ-гардовъ едва спаслись, напримѣръ, Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ. Многіе лишь съ опасностью для жизни отбивали у національной гвардіи плѣнниковъ, которыхъ она хотѣла разстрѣливать. Терроръ не прекращался еще нѣсколько дней послѣ подавленія возстанія, тѣмъ болѣе, что къ продолженію такой расправы подстрекали своими зажигательными статьями нѣкоторыя газеты. «Горе тому, писалъ Луи Бланъ, кто осмѣлился бы высказать слово милосердія, оплакивать заблужденія инсургентовъ, напомнить, что многіе изъ нихъ были вовлечены въ возстаніе голодомъ: это значило бы явиться ихъ сообщникомъ. Даже родителямъ и друзьямъ убитыхъ инсургентовъ запрещено было оплакивать ихъ смерть».

Въ безудержной расправѣ съ соціальной революціей ударъ былъ нанесенъ не только парижскимъ рабочимъ, но и самой республикѣ, потому что эти «іюньскіе дни» только усилили реак-

ціонное настроеніе другихъ классовъ населенія. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что республика при такомъ настроеніи націи не могла расчитывать на долговѣчность. По созданной учредительнымъ собраніемъ конституціи глава государства, президентъ республики, долженъ былъ выбираться непосредственно всеобщею подачею голосовъ, и народный выборъ не палъ ни на одну изъ республиканскихъ знаменитостей, а на наслѣдника имени и традицій Наполеона I. Еще яснѣе явствовало нереспубликанское настроеніе націи изъ того, что въ законодательномъ собраніи, выбранномъ на основаніи конституціи 1848 г., большинство состояло уже изъ монархическихъ партій (легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ), къ которымъ охотно примыкали и умѣренные республиканцы, одинаково съ монархистами дѣйствовавшіе противъ радикаловъ, или «красныхъ», какъ ихъ тогда называли. Іюньскій погромъ 1848 г. нанесъ непоправимый ударъ и соціализму: «красные» 1849 г. были, главнымъ образомъ, только политическими радикалами, жившими традиціями якобинизма и даже охотно подражавшими монтаньярамъ 1793 г., но довольно далеко стоявшими отъ соціальныхъ стремленій пролетаріата.

Вторая республика во Франціи управлялась конституціей, принятой національнымъ собраніемъ 4 ноября 1848 г. Верховная власть признавалась въ ней, какъ и въ конституціи 1793 г., за всею совокупностью французскихъ гражданъ. Статьи о правахъ гражданъ, гарантируемыхъ конституціей, не содержали въ себѣ ничего новаго, за исключеніемъ совершенной отмѣны смертной казни для политическихъ преступленій и обѣщанія содѣйствовать развитію труда посредствомъ начальнаго (дарового) и профессіональнаго образованія, а также путемъ установленія равенства отношеній между хозяиномъ и рабочимъ и организаціи сберегательныхъ и кредитныхъ учрежденій, добровольныхъ ассоціацій и государственныхъ «общественныхъ работъ», которыя могли бы занять безработныхъ. Этими своими сторонами конституція 1848 г. отразила на себѣ то, что было злобою дня въ ту эпоху. Въ первоначальномъ проектѣ конституціи даже говорилось «о правѣ на трудъ», но послѣ іюньскихъ дней это выраженіе изъ проекта было устранено. Далѣе, по конституціи 1848 г. суверенный народъ делегировалъ всю полноту своей законодательной власти единому національному собранію, всю полноту власти исполнительной — президенту республики. Это были, такъ сказать, двѣ диктатуры,

поставленныя одна рядомъ съ другою: законодательная диктатура собранія и исполнительная диктатура главы правительства. Выборы въ законодательное собраніе были сдѣланы всеобщими, прямыми и тайными, причемъ избирателями могли быть, безъ какихъ бы то ни было условій ценза, всѣ французскіе граждане, достигшіе 21 года. Депутатамъ назначалось денежное вознагражденіе. Президентъ республики избирался прямо народомъ, а не собраніемъ, что мотивировалось необходимостью дать Франціи независимую и энергичную исполнительную власть. Впрочемъ, въ конституціи были нѣкоторыя ограниченія этой власти въ цѣляхъ предупрежденія возможныхъ злоупотребленій ею, какъ-то: лишеніе президента права быть переизбраннымъ на новый четырехлѣтній срокъ, запрещеніе личнаго командованія вооруженной силою, отдававшеюся въ его распоряженіе, необходимость министерской контрасигновки подъ всѣми распоряженіями президента, но особенно важно было то, что президентъ въ случаѣ государственной измѣны подлежалъ верховному суду.

Составленіе конституціи 1848 г. было дѣломъ крупной буржуазіи, вслѣдствіе чего изъ конституціи было выкинуто не только «право на трудъ», но и прогрессивное обложеніе. Ея авторы были убѣждены, что демократія удовлетворится политической эманципаціей и не потребуетъ эманципаціи соціальной, разъ большинство націи составляли мелкая буржуазія и крестьянство, пролетаріатъ же составлялъ лишь меньшинство. Любопытно, однако, что если изъ 7.300.000 голосовъ, поданныхъ на президентскихъ выборахъ въ пользу будущаго Наполеона III, оказалось 5.430.000, то въ этомъ, между прочимъ, выразилось желаніе большинства націи не дать республикѣ превратиться въ «республику богатыхъ»: этимъ, въ сущности и объясняется провалъ на выборахъ кандидатовъ буржуазіи [1]). Во всякомъ случаѣ, учрежденіе республики консерваторами, искавшими, притомъ, въ сильной исполнительной власти оплота противъ соціальной революціи, не могло пророчить новому порядку большого успѣха. Сильное реакціонное меньшинство учредительнаго собранія въ законодательномъ превратилось уже въ большинство около двухъ третей, ибо послѣднее выражалось приблизительно 500 депутатами изъ 750; это былъ союзъ клерикаловъ и легитимистовъ съ орлеанистами, въ блокѣ которыхъ мало-по-малу стала принимать участіе и партія

[1]) Ледрю-Роллена, Ламартина, Кавеньяка и др.

самого президента. Лѣвая, «красные»,—или монтаньяры, какъ ихъ еще называли по воспоминаніямъ о первой революціи,—заключала въ своемъ составѣ и политическихъ радикаловъ, и соціалистовъ, и всѣ усилія какъ большинства, такъ и правительства были направлены на борьбу съ этими представителями демократіи.

Въ іюнѣ 1849 г. республиканцы вздумали-было поднять національную гвардію, народъ и войско на защиту конституціи противъ президента, министровъ и другой части собранія, но дѣло кончилось разгромомъ всей радикальной партіи: одни изъ ея членовъ спаслись бѣгствомъ за границу, другіе поплатились тюрьмой и ссылкой. На этотъ разъ революціонная попытка не была поддержана рабочимъ классомъ, въ которомъ не было никакого одушевленія въ пользу чисто политическихъ лозунговъ монтаньяровъ, жившихъ преимущественно традиціями 1793 г. Іюньская попытка 1849 г. дала только поводъ большинству собранія принять рядъ реакціонныхъ мѣръ противъ печати, публичныхъ собраній и народнаго образованія и дать правительству обширныя полномочія относительно введенія осаднаго положенія, причемъ главнымъ лозунгомъ реакціи сдѣлалась защита «собственности, семьи, религіи и порядка». Когда въ 1850 г. выборы для замѣщенія ваканцій, открывшихся въ собраніи по случаю осужденія многихъ депутатовъ за іюньскую попытку 1849 г., дали результаты, благопріятные для радикаловъ, партія порядка рѣшилась и на измѣненіе избирательнаго закона въ смыслѣ разныхъ ограниченій, которыя должны были сократить число избирателей среди преимущественно городскихъ рабочихъ [1]). Самъ президентъ республики отнесся одобрительно къ этой послѣдней мѣрѣ, но впослѣдствіи, когда послѣ окончательнаго разгрома республиканцевъ, въ собраніи началась борьба между монархистами (легитимистами и орлеанистами), не желавшими упроченія власти президента, и его личной партіей, стремившейся къ обратному, онъ потребовалъ у собранія, чтобы оно возстановило всеобщую подачу голосовъ въ прежнемъ видѣ, желая снискать себѣ популярность въ рабочей массѣ. Въ это время президентъ очень искусно создавалъ бонапартистскую партію въ собраніи, располагалъ въ свою пользу духовенство [2]) и армію и выставлялъ себя передъ буржуазіей спасителемъ существующаго

---

[1]) Исключались люди, перемѣнявшіе часто мѣсто жительства, замѣшанные въ заговорахъ и т. п.

[2]) Мы еще увидимъ, что въ 1849 г. онъ содѣйствовалъ, наприм., возстановленію свѣтской власти папы.

общественнаго строя отъ «краснаго призрака» соціальной революціи. Исподволь онъ назначалъ на важнѣйшія гражданскія и военныя должности своихъ приверженцевъ, большею частью людей съ сомнительнымъ прошлымъ и бывшихъ готовыми на все ради денегъ, власти и почета. Въ виду близкаго истеченія срока президентскихъ полномочій Людовикъ-Наполеонъ настоялъ на пересмотрѣ конституціи, не дозволявшей переизбранія президента, но не получилъ большинства въ свою пользу. Тогда онъ началъ агитацію въ странѣ, ссылаясь на то, что его переизбраніе въ президенты необходимо для упроченія порядка. Теперь-то, именно, онъ и потребовалъ у собранія, чтобы оно возстановило всеобщую подачу голосовъ въ прежнемъ видѣ, зная хорошо, что собраніе на это не согласится, но что зато самъ онъ пріобрѣтетъ новыхъ приверженцевъ (около 3 милліоновъ голосовъ). Такъ и случилось. Отмѣна ограничительнаго закона не была принята собраніемъ, и тогда Людовикъ-Наполеонъ рѣшился произвести государственный переворотъ. Для совершенія этого дѣла онъ выбралъ годовшину коронаціи Наполеона I.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря 1851 г., послѣ бала во дворцѣ президента республики, префектъ полиціи Мопа, собравшій около тысячи городовыхъ по случаю яко-бы открытаго имъ заговора «красныхъ», пригласилъ затѣмъ къ себѣ болѣе сорока полицейскихъ коммисаровъ, устроивъ такъ, чтобы они не могли вступить между собою въ разговоры. Затѣмъ имъ было объявлено, будто государственный переворотъ,—слухи о которомъ ходили,—уже совершился и что теперь остается лишь арестовать людей, не желающихъ признать новое правительство. Такими людьми, конечно, были наиболѣе видные и вліятельные члены законодательнаго собранія, члены тайныхъ обществъ и кое-кто изъ народа, кого считали поопаснѣе. Почти всѣ они были захвачены врасплохъ, еще во время сна, и лишь немногіе сдѣлали попытку сопротивляться. Одновременно самыя важныя въ военномъ отношеніи мѣста Парижа были заняты отрядами солдатъ въ виду возможности со стороны жителей возстанія. Ночью же были отпечатаны прокламаціи, изъ которыхъ населеніе и армія должны были узнать обо всемъ происшедшемъ, и немедленно были расклеены на стѣнахъ домовъ, дабы къ утру все было готово. Отъ имени французскаго народа президентъ республики распускалъ законодательное собраніе, уничтожалъ государственный совѣтъ, возстановлялъ статью конституціи о всеобщей подачѣ голосовъ, призывалъ народъ къ

новымъ выборамъ и въ то же время объявлялъ Парижъ и десять ближайшихъ департаментовъ въ осадномъ положеніи. Это нарушеніе конституціи оправдывалось особымъ воззваніемъ къ народу, въ которомъ законодательное собраніе представлялось скопищемъ заговорщиковъ, готовившихъ междоусобную войну: самъ народъ призывался быть судьей между этимъ собраніемъ и избранникомъ шести милліоновъ голосовъ. Противъ «людей, погубившихъ двѣ монархіи и хотѣвшихъ связать руки избраннику народа, чтобы низвергнуть и республику», президентъ апеллировалъ къ этому самому народу, какъ къ единственному государю, существующему во Франціи: если-де народъ желаетъ, чтобы продолжалась внутренняя смута, пусть выбираетъ другого президента, но если народъ стремится выйти изъ печальнаго положенія и довѣряетъ своему избраннику, то пусть же дастъ ему и средства исполнить ту задачу, которую онъ поставилъ главѣ правительства, вручая ему власть. Конституція 1848 г. признавалась негодною, и были намѣчены необходимыя въ ней перемѣны, всѣ въ духѣ консульской конституціи VIII года. Такъ совершилось во Франціи повтореніе племянникомъ «18 брюмера» дяди.

Попытки оказать противодѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, протестовать, сдѣланныя депутатами, высшимъ судомъ и государственнымъ совѣтомъ, были подавлены въ самомъ началѣ, а типографіи оппозиціонныхъ газетъ заняты солдатами. Въ ночь на 3 декабря кое-гдѣ стали-было строиться баррикады, но уже на другой день всѣ попытки оказались побѣжденными. Для устрашенія народа военные отряды прошли по людnымъ улицамъ и стрѣляли въ безоружныхъ зрителей и прохожихъ. Аресты продолжались и въ слѣдующіе дни; цѣлыя тысячи людей были сосланы въ Алжиръ или въ Кайенну, бо̀льшая же часть арестованныхъ депутатовъ была выслана съ жандармаии за границу. Въ провинціяхъ попытки сопротивленія подавлялись столь же быстро, и вездѣ вводилось осадное положеніе. Въ народѣ агенты правительства распространяли слухъ о томъ, что всѣ эти мѣры вызваны опаснымъ заговоромъ враговъ религіи, общественнаго порядка и собственности. Вскорѣ новое народное голосованіе семью съ половиною милліоновъ голосовъ противъ 650 тысячъ приняло предложенія президента, и Людовикъ-Наполеонъ въ январѣ 1852 г. обнародовалъ новую конституцію, составленную отчасти по образцу «конституцій имперіи» (т.-е. конституцій VIII года съ ея дополненіями). Вся власть сосредоточивалась въ рукахъ президента; законода-

тельный корпусъ и сенатъ были простыми его орудіями. Въ концѣ того же года принцъ-президентъ велѣлъ провозгласить себя императоромъ французовъ, что̀ также было утверждено плебисцитомъ, давшимъ болѣе 7.800.000 утвердительныхъ голосовъ. Въ годовщину государственнаго переворота 2 декабря 1852 г., президентъ второй республики торжественно принялъ титулъ «Наполеона III, Божіею милостью и по волѣ народа императора французовъ».

Новый владыка Франціи принялъ имя Наполеона «Третьяго», потому что вторымъ бонапартисты считали сына Наполеона I, когда-то носившаго титулъ короля Римскаго, потомъ герцога Рейхштадтскаго. Въ очень юныхъ годахъ будущій Наполеонъ III участвовалъ въ итальянскомъ революціонномъ движеніи 1831 г., а впослѣдствіи сдѣлалъ двѣ совершенно нелѣпыя попытки отнять власть у Людовика-Филиппа, за вторую изъ которыхъ попалъ въ заточеніе, и только послѣ шести лѣтъ ему удалось переодѣтымъ спастись изъ крѣпости бѣгствомъ. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ царствовалъ онъ потомъ во Франціи и почти все это время игралъ первенствующую роль въ Европѣ: не даромъ пятидесятые и шестидесятые годы носятъ общее названіе эпохи «второй имперіи».

XIX. Мартовскія революціи въ Германіи и ихъ исходъ [1]).

До-мартовская Германія. — Общій ходъ революціи 1848 г. въ Германіи. — Вліяніе февральской революціи на среднія и мелкія государства Германіи.— Переворотъ въ Вѣнѣ.—Соединенный ландтагъ и мартовская революція въ Пруссіи. — Подавленіе революцій въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. — Прусская конституція 1850 г. – Общегерманскій парламентъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.— Неудача объединенія Германіи съ общеимперской конституціей.—Возстанія 1849 г. и ихъ подавленіе.—Возстановленіе союзнаго сейма.

Въ новѣйшей исторіи Германіи 1848 годъ имѣетъ громадное значеніе, приблизительно, пожалуй, такое же, какое въ исторіи Франціи принадлежитъ 1789 году, въ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, широты и силы движенія. Выраженія «до-мартовскій» и «послѣ-мартовскій» сдѣлались даже своего рода обычными хронологиче-

---

[1]) Уч. кн., §§ 304—311.—И. З. Е., т. V, гл. XVIII, XXI и XXII.—Нар.-прав. госуд., гл. XXI.

скими обозначеніями въ жизни нѣмецкой націи въ XIX в.: домартовская Германія, это — старая, дореволюціонная Германія абсолютизма, сословныхъ привилегій, не вполнѣ отмѣненнаго еще крѣпостничества, и хотя, въ общемъ, нѣмецкая революція 1848 г. не удалась, тѣмъ не менѣе начало современной Германіи было положено именно тогда.

Ходъ событій въ Германіи въ 1848—49 гг. отличается большею сложностью, нежели во Франціи. Именно, историку здѣсь приходится, прежде всего, имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ революцій въ отдѣльныхъ государствахъ, начиная съ самыхъ мелкихъ и кончая наиболѣе крупными, т.-е. двумя великими державами, Пруссіей и Австріей, исторія которыхъ въ эту эпоху представляетъ особенный интересъ. Кромѣ того, исторія собственно австрійской революціи осложняется еще тѣмъ, что въ монархіи Габсбурговъ въ движеніи принимали участіе не одни нѣмцы, но и другіе народы, т.-е. и итальянцы, и мадьяры, и разные славяне; это даже заставляетъ насъ разсмотрѣть австрійскую революцію отдѣльно, поскольку въ ней участвовали не одни нѣмцы. Далѣе, независимо отъ революцій, происходившихъ въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ, заслуживаетъ особаго вниманія и попытка возстановленія въ Германіи прежней федеративной имперіи, но уже въ формѣ конституціоннаго государства съ демократическимъ представительствомъ. Наконецъ, въ связи съ этими внутренними событіями произошла еще и одна внѣшняя война—съ Даніей. Въ дальнѣйшемъ мы и разсмотримъ отдѣльно какъ мѣстныя революціи, такъ и попытку объединенія Германіи (да и войну съ Даніей), хотя всѣ эти событія совершались одновременно. Впрочемъ, для лучшаго представленія германской революціи въ ея цѣломъ мы предварительно бросимъ на нее и бѣглый общій взглядъ.

Революціи во второстепенныхъ германскихъ государствахъ произошли въ первой половинѣ марта, а въ серединѣ этого мѣсяца совершились перевороты и въ Вѣнѣ (13 марта), и въ Берлинѣ (18 марта). Результатомъ ихъ былъ созывъ представительныхъ собраній для выработки конституцій: въ Берлинѣ открыло свои засѣданія національное собраніе 22 мая, въ Вѣнѣ учредительный государственный сеймъ собрался 10 іюля, а общегерманскій парламентъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—18 мая. Вся весна и лѣто 1848 г. прошли въ волненіяхъ всякаго рода, но съ осени началось постепенное усмиреніе революціи. Началось оно съ Австріи, гдѣ въ концѣ октября совершилось взятіе мятежной

Вѣны правительственными войсками, что́ тотчасъ же отразилось и на Пруссіи. Засѣданія австрійскаго государственнаго сейма были перенесены въ одинъ провинціальный городокъ, а потомъ, въ началѣ 1849 г. сеймъ и совсѣмъ былъ распущенъ. Усмиреніе Вѣны позволило черезъ нѣсколько дней, въ началѣ ноября 1848 г., и прусскому правительству ввести въ Берлинѣ осадное положеніе и перевести національное собраніе въ другое мѣсто, а черезъ мѣсяцъ и совсѣмъ его распустить. Дольше засѣдалъ франкфуртскій парламентъ, но и до него дошла очередь въ серединѣ 1849 г., когда ему былъ положенъ конецъ при помощи военной силы. Во второстепенныхъ государствахъ Германіи революціонныя вспышки происходили еще въ то время, когда и австрійскіе, и прусскіе нѣмцы были уже усмирены. Въ маѣ и въ іюнѣ 1849 г., какъ незадолго передъ концомъ франкфуртскаго парламента, такъ и непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ его засѣданій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи произошли новыя возстанія, усмиреніе которыхъ и было концомъ революціи, одновременно съ іюньскимъ пораженіемъ «красныхъ» въ Парижѣ въ 1849 г.

Переходимъ къ болѣе подробному изложенію событій въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи. Ранѣе всего извѣстіе о февральской революціи въ Парижѣ оказало свое дѣйствіе на мелкія и среднія государства Германскаго союза. Движеніе началось въ юго-западной Германіи, которая и прежде отличалась бо́льшимъ политическимъ развитіемъ Въ первыхъ же числахъ марта здѣсь произошли значительныя народныя волненія подъ руководствомъ либеральной буржуазіи. На мѣстныя правительства посыпались адресы и петиціи, въ которыхъ излагались «требованія народа». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти требованія сводились къ свободѣ печати, къ гласности и устности судопроизводства, къ суду присяжныхъ, къ вооруженію народа, къ религіозной свободѣ, къ праву собраній и ассоціацій и ко всеобщей подачѣ голосовъ. Замѣчательно, что вопросы матеріальнаго быта, которые должны были особенно сильно интересовать настоящій народъ, совершенно отсутствовали въ большей части этихъ адресовъ и петицій: дѣйствительною руководительницею движенія выступала буржуазія, для которой эти вопросы не имѣли первостепеннаго значенія. Кромѣ того, въ этихъ адресахъ и петиціяхъ выражалось желаніе, чтобы вся Германія, какъ единое цѣлое получила общее народное представительство.

Сигналъ ко взрыву революціи былъ поданъ изъ Бадена, въ

одномъ изъ городовъ котораго еще 27 февраля было большое народное собраніе, а 1 марта въ Карлсруэ произошло сильное волненіе съ криками: «да здравствуетъ республика!» На другой день большое собраніе состоялось и въ вюртембергской столицѣ, Штутгартѣ. Оба правительства пошли на уступки. И въ Баденѣ, и въ Вюртембергѣ, кромѣ того, волновались еще и крестьяне, что заставило мѣстное дворянство также пойти на уступки изъ опасенія, какъ бы крестьяне не стали на сторону соціальной революціи: во многихъ мѣстностяхъ крестьяне соединялись въ отряды, нападали на замки и истребляли феодальные документы и хозяйственныя книги. Скоро, однако, крестьянская масса успокоилась, когда ей стало извѣстнымъ, что сами дворяне сдѣлали предложеніе о выкупѣ феодальныхъ повинностей. — Въ Баваріи извѣстіе о парижскомъ переворотѣ вызвало тоже цѣлый рядъ народныхъ демонстрацій. Первый адресъ на имя короля Людвига I съ изложеніемъ народныхъ требованій былъ составленъ въ Нюрнбергѣ, примѣру котораго послѣдовали Мюнхенъ и другіе города. Такъ какъ король не обнаруживалъ склонности къ уступкамъ, то 2 марта въ Мюнхенѣ возобновились безпорядки, и къ вечеру были даже построены баррикады. Черезъ день распространилось извѣстіе, что король намѣренъ привести мюнхенцевъ къ покорности посредствомъ военной силы. Тогда всѣ жители столицы, кто былъ способенъ носить оружіе, вооружились, разграбивъ для этой цѣли цейхгаузъ. Дѣло до столкновенія съ войскомъ, однако, не дошло, такъ какъ офицеры всячески избѣгали стычки. Возбужденіе не прекращалось и въ слѣдующіе дни; тогда король ясно увидѣлъ, что ему нужно сдѣлать уступку, а потомъ скоро убѣдился, что ему не остается ничего болѣе, какъ отречься отъ престола въ пользу своего сына Максимиліана II (20 марта).—Въ Гессенъ-Дармштадтѣ происходило то же самое. Дѣло началось съ Майнца, гдѣ впервые составленъ былъ адресъ съ извѣстными «требованіями народа», а за нимъ и другіе города составили свои петиціи. Великій герцогъ поспѣшилъ сдѣлать министромъ одного либеральнаго депутата, стоявшаго раньше въ главѣ оппозиціонной партіи, и назначилъ своимъ соправителемъ наслѣднаго принца.— Въ Гессенъ-Касселѣ курфюрстъ хотѣлъ подавить народное движеніе войсками, среди которыхъ, однако, не было особаго расположенія проливать кровь гражданъ. Въ столицѣ государства, Касселѣ, громадныя толпы народа окружили дворецъ, и на улицахъ уже начинали строить баррикады. Фридрихъ-Вильгельмъ I

вынужденъ былъ уступить и сдѣлать своими министрами людей, стоявшихъ во главѣ народнаго движенія.—Сильное движеніе происходило и въ Нассау. Возстаніе началось здѣсь 1 марта. Герцогъ былъ въ отсутствіи, когда висбаденцы предъявили правительству все тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ, требованія, успѣвъ при этомъ овладѣть цейхгаузомъ и вооружиться на случай борьбы. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по всему герцогству, и въ слѣдующіе дни въ Висбаденъ потянулись толпы вооруженныхъ крестьянъ. 4 марта въ городѣ было уже около 30.000 готовыхъ къ битвѣ людей. Офицеры и солдаты не скрывали своего нежеланія драться съ народомъ. Герцогъ, вернувшійся домой, согласился на всѣ требованія.—Общее движеніе не миновало и Саксоніи. Главнымъ центромъ тамошней оппозиціи былъ Лейпцигъ, гдѣ при первомъ извѣстіи о парижскомъ переворотѣ былъ составленъ адресъ королю о необходимости реформъ. Отвѣтъ короля пришелъ вечеромъ 2 марта, и передъ ратушей собралась громадная толпа народа, чтобы узнать содержаніе отвѣта. Она была очень возбуждена и пѣла марсельезу. Когда собравшіеся узнали, что король отвѣтилъ на адресъ полнымъ отказомъ, то пришли въ страшное возбужденіе и произвели безпорядки. Лейпцигцы рѣшились силою настаивать на своихъ требованіяхъ и даже въ случаѣ надобности массою двинуться на Дрезденъ. Адресы были посланы королю еще изъ шести городовъ, но и они были также отвергнуты. Тогда возбужденіе распространилось по всей странѣ. Въ самомъ Дрезденѣ начались уличные безпорядки. Лишь послѣ этого король далъ отставку реакціонному министерству и назначилъ новыхъ министровъ изъ либераловъ, которые приняли въ свою программу все тѣ же обычныя «требованія народа». Но и это не остановило все-таки народныхъ волненій въ Саксоніи: въ однихъ мѣстахъ бунтовали голодные рабочіе, въ другихъ—крестьяне, недовольные чрезмѣрными поборами.—Въ Ганноверѣ «народныя требованія» были предъявлены королю 6 марта, но король Эрнстъ-Августъ отклонилъ ихъ самымъ рѣзкимъ образомъ. Тогда въ разныхъ городахъ королевства начались волненія и безпорядки. Въ самой столицѣ нѣсколько тысячъ гражданъ окружили королевскій дворецъ и послали къ королю депутацію, получившую снова отрицательный отвѣтъ. Толпа пришла въ сильное раздраженіе и перебила стекла въ домахъ министровъ и полицейскихъ чиновниковъ. Войско, присланное усмирить народъ, было встрѣчено свист-

ками и враждебными криками, но и здѣсь офицеры и солдаты не обнаруживали охоты сражаться противъ гражданъ. Въ концѣ концовъ король тоже вынужденъ былъ дать отставку прежнимъ министрамъ и образовать либеральное министерство. Въ болѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ революція шла тѣмъ же путемъ. Во многихъ мѣстахъ въ движеніи принимали весьма дѣятельное участіе крестьяне, большими отрядами приходившіе въ города и присоединявшіеся къ бюргерамъ и рабочимъ. Къ срединѣ марта въ среднихъ и мелкихъ государствахъ власть повсемѣстно принадлежала либеральной буржуазіи въ лицѣ «мартовскихъ министровъ», которымъ испуганные государи вынуждены были передать управленіе. Крестьяне весьма скоро впали въ прежнее равнодушіе и бездѣятельность, какъ только были отмѣнены ненавистныя феодальныя права. Но рабочіе продолжали принимать участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, идя подъ знаменемъ либеральной буржуазной программы, лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ воспользовавшись мартовскими днями для предъявленія требованій, которыя касались спеціально рабочихъ интересовъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Германіи, когда въ серединѣ марта вспыхнули революціи и въ столицахъ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ.

Броженіе въ Вѣнѣ началось при первыхъ же извѣстіяхъ о томъ, что дѣлалось во Франціи и въ остальной Германіи. Какъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, и въ Вѣнѣ стали составляться адресы съ требованіемъ «перемѣнить систему». Правительство, напуганное событіями въ Парижѣ и въ столицахъ среднихъ и мелкихъ государствъ, совершенно растерялось. Меттерних, привыкшій къ покорности вѣнскаго населенія и убѣжденный, что его система—лучшее средство противъ революцій, и слышать не хотѣлъ ни о какихъ уступкахъ, но нѣкоторые родные императора совѣтовали пойти на уступки: подъ адресами о перемѣнѣ системы были подписи высшихъ чиновниковъ, богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, и это производило впечатлѣніе на дворъ. Сильно волновалась и студенческая молодежь, которая потомъ играла такую видную роль въ вѣнской революціи. 13 марта передъ зданіемъ мѣстнаго областного сейма произошло грандіозное народное собраніе съ криками: «Долой Меттерниха! Долой іезуитовъ! Конституція! Да здравствуетъ конституціонный австрійскій императоръ!» Когда часть толпы ворвалась въ самое зданіе, гдѣ засѣдали чины, сеймовый маршалъ, сказавъ, что ничего бо-

лѣе не остается, какъ передать императору требованія народа, отправился въ сопровожденіи студенческаго отряда во дворецъ. Между тѣмъ на улицахъ собиралось войско, направившееся къ зданію сейма, уже бывшему въ рукахъ толпы. Изъ оконъ въ солдатъ полетѣли обломки мебели, въ отвѣтъ на что со стороны отряда грянулъ въ окна ружейный залпъ. Толпа обратилась въ бѣгство, взывая о мщеніи и пытаясь строить баррикады противъ преслѣдовавшей ее кавалеріи. Значительная толпа между тѣмъ направилась къ императорскому дворцу, охранявшемуся четырьмя тысячами солдатъ и нѣсколькими пушками. Эрцгерцогъ Максиміліанъ далъ приказъ прогнать эту толпу картечью, но не встрѣтилъ повиновенія со стороны солдатъ. Въ концѣ концовъ при дворѣ было рѣшено пожертвовать Меттернихомъ и дать ему отставку. Такъ произошло паденіе знаменитаго австрійскаго канцлера, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей общеевропейской реакціи. Немедленно же онъ оставилъ Вѣну и уѣхалъ въ Лондонъ, куда бѣжалъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ и Гизо. Во дворцѣ даже согласились раздать оружіе студентамъ и бюргерамъ. Ночью студенты организовались въ знаменитый «академическій легіонъ», получившій немалое значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ вѣнской революціи. Вооружилась также и буржуазія. Она считала нужнымъ это сдѣлать не только для того, чтобы защищать свободу, но и для того, чтобы поддерживать порядокъ, которому грозило выступленіе городской черни.

Въ Берлинѣ. аналогичныя событія разыгрались всего только черезъ четыре дня, но прежде чѣмъ о нихъ разсказывать, необходимо будетъ нѣсколько вернуться назадъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы видѣли, что во время борьбы съ Наполеономъ и еще нѣсколько лѣтъ послѣ ея окончанія Фридрихъ-Вильгельмъ III обѣщалъ своимъ подданнымъ народное представительство. Въ 1840 г. онъ умеръ, такъ-таки и не исполнивъ своего обѣщанія. Послѣ его смерти стали въ Пруссіи ожидать введенія представительства отъ его сына Фридриха-Вильгельма IV. Принимая присягу отъ провинціальныхъ чиновъ въ Кёнигсбергѣ, новый король даже выслушалъ отъ нихъ напоминаніе о неисполненномъ обѣщаніи. Но всѣ надежды оказались тщетными, а когда нѣкоторые публицисты, воспользовавшись полученнымъ при новомъ королѣ облегченіемъ отъ прежнихъ цензурныхъ стѣсненій, прямо заговорили о представительствѣ, то это только вызвало гоненія

и на печать, и на университетское преподаваніе. Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ Фридриху-Вильгельму IV пришлось получить еще нѣсколько напоминаній отъ городскихъ думъ и земскихъ сеймовъ все о томъ же предметѣ. Все это сильно его раздражало, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ все-таки, однако, обдумывалъ со своими совѣтниками, въ самой глубокой тайнѣ, какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы удовлетворить желаніе общества, лишивъ при этомъ всякой почвы оппозицію, а главное — сохранивъ всю полноту королевской власти. Въ это время какъ-разъ оказалось необходимымъ построить одну важную желѣзнодорожную линію, на что нужно было добыть денегъ посредствомъ займа: Фридрихъ-Вильгельмъ IV вспомнилъ объ отцовскомъ законѣ 1820 г., по которому для займовъ требовалось согласіе народныхъ представителей, и въ 1846 г. имъ былъ придуманъ знаменитый «соединенный ландтагъ», указъ о которомъ былъ подписанъ 3 февраля 1847 г. Это учрежденіе должно было быть не чѣмъ инымъ, какъ собраніемъ въ одномъ мѣстѣ всѣхъ областныхъ сеймовъ, время и продолжительность котораго зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія правительства, и съ компетенціей чисто совѣщательной. Такая уступка не удовлетворила ни консерваторовъ, видѣвшихъ въ ней непростительную капитуляцію власти передъ либерализмомъ, ни либераловъ, бывшихъ противъ сословности новаго общегосударственнаго сейма, зависимости его созывовъ отъ усмотрѣнія власти и разныхъ ограниченій его дѣятельности. На открытіи соединеннаго ландтага въ апрѣлѣ 1847 г. Фридрихъ-Вильгельмъ IV заявилъ, что онъ никогда не согласится, чтобы «между Господомъ на небесахъ и страною занялъ мѣсто исписанный листъ бумаги, подобный второму Провидѣнію», какъ того желала бы «дурная пресса, позорящая прусскую вѣрность и честь»; корона, прибавилъ король, «должна править по закону Божію и по закону страны и по собственному свободному изволенію, а не по волѣ того или другого большинства». Онъ,—говорилъ еще Фридрихъ-Вильгельмъ IV,—«ни за что не созвалъ бы чиновъ своего государства, если бы у него было хотя малѣйшее подозрѣніе, что они захотятъ разыгрывать роль такъ называемыхъ народныхъ представителей». Рѣчь короля произвела самое невыгодное впечатлѣніе на съѣхавшихся депутатовъ. Наиболѣе недовольные предлагали заявить протестъ и разъѣхаться по домамъ, но все ограничилось составленіемъ оппозиціоннаго адреса, принятаго громаднымъ большинствомъ. Дѣло пошло дальше такъ,

впрочемъ, негладко, что въ іюнѣ соединенный сландтагъ былъ закрытъ съ неодобреніемъ правительствомъ всей его дѣятельности.

Таковы были отношенія въ Пруссіи, когда и въ ея города пришло извѣстіе о февральской революціи. Первымъ взволновался Кёльнъ, гдѣ происходили народныя сходки, играли и пѣли марсельезу, и уже выступалъ отдѣльно отъ бюргерства со своими требованіями пролетаріатъ, такъ какъ среди него здѣсь достаточно были распространены соціалистическія идеи; въ народныхъ массахъ разсуждали о «монархіи или республикѣ» и даже раздавались голоса за присоединеніе къ Франціи. Въ самомъ Берлинѣ возбужденіе росло съ каждымъ днемъ, и тоже особенно волновались рабочіе, на которыхъ произвело сильное впечатлѣніе извѣстіе о томъ, что въ составъ временнаго правительства въ Парижѣ вошелъ простой рабочій, и что это правительство обѣщало рабочимъ улучшеніе ихъ быта. Правительство держало наготовѣ войска, такъ какъ съ 6 марта начались народныя собранія. Въ это время городскіе гласные были озабочены вопросомъ о томъ, что̀ дѣлать съ массою пролетаріевъ, не находившихъ себѣ работы. Одна петиція, представленная въ городской совѣтъ, просила назначить особую коммиссію, которая занялась бы благосостояніемъ рабочихъ, и собрать путемъ общей подписки деньги, необходимыя для организаціи общественныхъ работъ. Въ городѣ распространялись тревожные слухи; на улицахъ и площадяхъ постоянно толпился народъ; взадъ и впередъ двигались военные отряды, смѣнявшіеся на караулахъ у дворца, арсенала и т. п. Громко говорили, что принцъ Прусскій [1]) горитъ нетерпѣніемъ подавить народное движеніе. 13 марта уже была первая стычка толпы съ военнымъ отрядомъ. Король успокаивалъ населеніе столицы либеральными обѣщаніями, но волненіе не утихало. Пришедшее вечеромъ 14 марта извѣстіе о побѣдѣ народа въ Вѣнѣ только усилило броженіе, и на другой день уличные безпорядки приняли еще бо́льшіе размѣры; войско стрѣляло, были убитые и раненые.

Въ ночь съ 17 на 18 марта подъ вліяніемъ, съ одной стороны, усиливавшагося возбужденія въ столицѣ, съ другой — вѣстей изъ другихъ мѣстъ при дворѣ нашли нужнымъ быть посговорчивѣе. Обѣщанія короля были подтверждены въ тотъ же день двумя патентами о скоромъ созывѣ соединеннаго ландтага

---

[1]) Будущій Вильгельмъ I.

и объ уничтоженіи цензуры. Радость буржуазіи была неописуемая. Передъ дворцомъ собирались большія толпы и восторженно привѣтствовали короля, выходившаго на балконъ и махавшаго народу платкомъ. Только среди пролетаріата не было замѣтно одушевленія. Едва король ушелъ съ балкона, какъ толпа потребовала, чтобы удалили отрядъ войска, стоявшій на караулѣ у дворца. Въ этотъ моментъ вдругъ на площади появился эскадронъ драгунъ и съ саблями наголо напалъ на народъ, а изъ внутренняго двора замка выступилъ отрядъ пѣхоты и штыками началъ разгонять собравшихся. Раздались затѣмъ ружейные выстрѣлы, и произошло побоище. Вслѣдъ за этимъ на улицахъ стали воздвигать баррикады и вырывать глубокія канавы, чтобы мѣшать движенію конницы; съ крышъ снимали черепицу и бросали ее внизъ на проходившія войска; оружейныя лавки брались приступомъ, и каждый вооружался, чѣмъ могъ; на колокольняхъ забили въ набатъ, и на этотъ призывъ въ Берлинъ стали стекаться окрестные жители. Началась упорная борьба, въ которой самое дѣятельное участіе принимали рабочіе. Она продолжалась тринадцать часовъ и кончилась лишь около 6 часовъ утра 19 марта. Народъ овладѣлъ всѣми городскими воротами и оттѣснилъ утомленныя войска къ центру города. Фридрихъ-Вильгельмъ IV наконецъ увидѣлъ, что дальнѣйшее продолженіе борьбы можетъ окончиться катастрофою въ родѣ парижской. Въ 7 часовъ утра появилась королевская прокламація, въ которой Фридрихъ-Вильгельмъ IV обѣщалъ отозвать войска, если народъ оставитъ баррикады, но отвѣтомъ на эту прокламацію были новые выстрѣлы съ баррикадъ. Между тѣмъ во дворецъ стали прибывать депутаціи гражданъ, которыя сообщали, что все населеніе жаждетъ продолженія борьбы и что ближайшею цѣлью возставшихъ является самъ королевскій замокъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV приказалъ тогда войскамъ удалиться изъ Берлина, 20 марта обнародовалъ всеобщую амнистію, а на другой день торжественно обѣщалъ народу настоящую конституцію. 22 марта былъ опубликованъ проектъ избирательнаго закона, который правительство имѣло предложить соединенному ландтагу.

Послѣдній былъ созванъ наскоро 2 апрѣля. Событія второй половины марта въ самой столицѣ государства, вѣсти изъ провинцій, появленіе въ Берлинѣ депутацій съ демократическими требованіями,—все это показывало, что чисто-сословное представительство съ исключительно совѣщательнымъ характеромъ не

могло удовлетворить страну. Соединенный ландтагъ собрался только для того, чтобы принять избирательный законъ, которымъ право участія въ выборахъ предоставлялось каждому пруссаку, достигшему 24-лѣтняго возраста, а право быть избраннымъ—каждому, кому исполнилось 30 лѣтъ. 22 мая въ Берлинѣ уже засѣдало «національное собраніе», но совсѣмъ новаго состава. Открывая это собраніе, король въ своей тронной рѣчи возвѣстилъ, что правительство предложитъ депутатамъ проектъ новаго государственнаго устройства. Совсѣмъ, однако, оставался невыясненнымъ вопросъ о тѣхъ правахъ, которыя принадлежали собранію въ дѣлѣ выработкѣ конституціи, было ли оно учредительнымъ, или такимъ, которое могло дѣйствовать лишь по соглашенію съ королевской властью. Демократическая партія стояла на первой точкѣ зрѣнія, но встрѣтила сильный отпоръ со стороны большинства. Послѣднее отклонило, наприм., предложеніе одного члена лѣвой, чтобы правительство или корона не имѣли права распустить собраніе. То же самое значеніе въ намѣреніяхъ лѣвой имѣло также предложенное ею объявленіе, что 18 марта въ Пруссіи совершилась революція: этимъ объявленіемъ собраніе какъ бы должно было признать незаконность существующей власти, но и тутъ большинство голосовъ отвергло формулу лѣвой, признавъ, что задача собранія не въ томъ, чтобы изрекать приговоры о событіяхъ, а въ томъ, чтобы выработать конституцію въ согласіи съ короною.

Послѣ одного изъ народныхъ движеній, сопровождавшагося разграбленіемъ арсенала, лѣвой удалось добиться назначенія особой коммиссіи, которая должна была изготовить для Пруссіи проектъ новаго государственнаго устройства: это было уже прямымъ покушеніемъ на учредительную власть, и горячая оппозиція со стороны крайней правой на этотъ разъ оказалась безсильной. 12 октября проектъ конституціи, выработанный особой коммиссіей, былъ внесенъ въ общее собраніе. Уже при обсужденіи перваго параграфа проекта сдѣлано было предложеніе устранить изъ королевскаго титула «Божіею милостію», и голосованіе дало большинство въ 217 противъ 134. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ собраніе отмѣнило въ Пруссіи дворянство со всѣми его привилегіями и титулами.

У насъ будетъ еще идти рѣчь особо объ австрійской революціи, здѣсь же нужно изъ ея исторіи отмѣтить лишь то, что оказало вліяніе на ходъ революціи въ Пруссіи. Въ Вѣнѣ, кромѣ возстанія 13 марта произошли еще возстанія 15 и 26 мая, и уже

послѣ перваго изъ нихъ императоръ вынужденъ былъ уѣхать изъ столицы въ Инсбрукъ. Это произошло 17 мая, и возвратился онъ лишь 12 августа, чтобы опять покинуть Вѣну послѣ новаго возстанія 6 октября. На сей, однако, разъ противъ мятежной столицы, захваченной революціонерами, двинуты были три арміи, и 30 октября Вѣна должна была сдаться начальнику одной изъ трехъ армій, Виндишгрецу. Извѣстіе объ усмиреніи Вѣны подняло духъ въ реакціонныхъ сферахъ Берлина. 9 ноября послѣдовало королевское повелѣніе перенести засѣданія съ 27 ноября въ маленькій городокъ Бранденбургъ съ объявленіемъ незаконности дальнѣйшихъ засѣданій въ Берлинѣ: предлогомъ было неспокойное состояніе столицы вообще, въ особенности же одно нападеніе, которому подверглась палата со стороны народной толпы, требовавшей вотированія адреса королю объ оказаніи помощи вѣнскимъ борцамъ за свободу. Одновременно съ отсрочкою засѣданій собранія было введено въ Берлинѣ осадное положеніе. По требованію правительства правая удалилась, но большинство осталось, заявивъ, съ своей стороны, что корона не обладаетъ правомъ отсрочивать засѣданія собранія: противъ «государственнаго переворота», произведеннаго министерствомъ, былъ даже составленъ формальный протестъ, и рѣшено было оказывать незаконнымъ требованіямъ власти пассивное сопротивленіе. Депутаты въ слѣдующіе дни дѣлали попытки собираться и постановлять новыя рѣшенія, наприм., объ отказѣ уплачивать налоги, но дѣло кончилось тѣмъ, что очень скоро военная сила и совсѣмъ сдѣлала невозможными собранія упорствовавшихъ депутатовъ. Возобновленіе засѣданій національнаго собранія произошло въ Бранденбургѣ въ назначенный срокъ, но лишь на нѣсколько дней: 5 декабря оно уже было распущено, и одновременно съ этимъ король даровалъ Пруссіи собственною властью новую конституцію, въ основу которой былъ, впрочемъ, положенъ проектъ національнаго собранія. Для пересмотра ея въ началѣ 1849 г. въ Берлинѣ опять было созвано національное собраніе, но и съ нимъ правительство оказалось не въ состояніи столковаться. За новымъ роспускомъ собранія послѣдовало обнародованіе передѣлки избирательнаго закона въ смыслѣ предоставленія бо̀льшаго вліянія на выборахъ зажиточнымъ классамъ общества, и созванное еще разъ національное собраніе теперь сговорилось съ правительствомъ (августъ 1849 г.). Пересмотръ конституціи 5 декабря 1848 года былъ объявленъ законченнымъ 31 января 1850 г., и

новое государственное устройство вошло въ законную силу. Прусская конституція 1850 г. носитъ на себѣ прямые слѣды реакціи, наступившей послѣ подавленія революціи. Новый избирательный законъ, обѣщавшій правительству болѣе послушную палату, въ то же самое время обезпечивалъ имущіе классы общества противъ демократіи. Всѣ имѣющіе активное право выборовъ жители каждой мѣстности должны были впредь раздѣляться на три класса по количеству платимыхъ ими налоговъ, причемъ на каждый классъ приходилась бы треть падающихъ на данную мѣстность налоговъ, но такъ, чтобы въ каждомъ классѣ состояли лица лишь извѣстнаго достатка, т.-е. или самые богатые, или средней зажиточности, или наименѣе достаточные. Каждый классъ получилъ право избирать одинаковое количество выборщиковъ, которые уже и выбирали депутатовъ, что, конечно, дало перевѣсъ дворянству и буржуазіи надъ крестьянами и рабочимъ классомъ.

Послѣднее слово въ прусской конституціи принадлежало, такимъ образомъ, королю: дѣйствующій и нынѣ избирательный законъ былъ прямымъ созданіемъ королевской власти, а еще въ большей мѣрѣ это относится къ образованію верхней палаты королевскимъ распоряженіемъ 1854 г. Въ Пруссіи середины XIX в. королевская власть была слишкомъ сильнымъ политическимъ факторомъ для того, чтобы рѣшеніе основного политическаго вопроса могло состояться безъ всякаго участія съ ея стороны. Около правительства сплотились мало-по-малу всѣ консервативныя силы общества, часть которыхъ въ національномъ собраніи и отстаивала принципъ соглашенія, тогда какъ демократическая партія ослабляла себя недовѣріемъ къ пролетаріату, выступавшему съ соціальными требованіями. Королевская власть была оставлена въ обладаніи многихъ своихъ прерогативъ, хотя правительственные акты короны были объявлены нуждающимися въ скрѣпѣ отвѣтственныхъ министровъ. Кромѣ того, король по вступленіи на престолъ обязывался давать «клятвенное обѣщаніе твердо и ненарушимо соблюдать конституцію королевства и управлять въ согласіи съ нею и съ законами». Интересно, что въ конституціи 1850 г. былъ еще такой параграфъ: «если съ изданіемъ конституціи для Германскаго союза на основаніи проекта 1849 г. станутъ необходимыми измѣненія настоящей конституціи, то король введетъ эти измѣненія, сообщивъ о нихъ палатамъ въ ихъ ближайшемъ засѣданіи».

Послѣ подавленія революцій въ двухъ главныхъ государствахъ Германіи не могъ долго держаться и общій германскій парламентъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, исторія котораго такова. Уже 5 марта 1848 г. въ Гейдельбергѣ состоялся съѣздъ политическихъ дѣятелей изъ разныхъ частей Германіи, въ подавляющемъ, однако, большинствѣ членовъ южно-германскихъ представительныхъ палатъ. Главнымъ рѣшеніемъ, принятымъ здѣсь, было созвать національное представительство, выбранное во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ пропорціонально числу жителей, а для организаціи его пригласить во Франкфуртъ-на-Майнѣ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ ландтаговъ, которые и должны были составить «предварительный парламентъ» (Vorparlament). Повсемѣстный успѣхъ мартовскихъ революцій сдѣлалъ нѣмецкихъ государей очень сговорчивыми, и собравшійся 31 марта франкфуртскій «форпарламентъ», члены котораго никѣмъ не были ни выбраны, ни уполномочены, постановилъ созвать къ 1 мая во Франкфуртѣ же «единое и единственное» для всей Германіи собраніе депутатовъ, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ безъ ограниченій какимъ-либо имущественнымъ цензомъ или принадлежностью къ какому-либо вѣроисповѣданію, по одному на каждыя пятьдесятъ тысячъ жителей. Отдѣльныя правительства послали-было своихъ уполномоченныхъ въ союзный сеймъ для выработки проекта новаго устройства Германіи, но ихъ работа пропала даромъ, потому что всѣ надежды возлагались націей на будущій парламентъ, и правительства отдѣльныхъ государствъ вынуждены были согласиться на его созывъ. Франкфуртскій парламентъ собрался 18 мая въ числѣ 586 депутатовъ, среди которыхъ были чиновники, профессора, адвокаты, землевладѣльцы, фабриканты, купцы, лица духовнаго званія, писатели и врачи. Главнымъ дѣломъ этого собранія было созданіе общегерманской конституціи, каковая и была готова къ концу марта 1849 г. Эта «конституція 1849 г.» объявляла, что каждое нѣмецкое государство должно имѣть конституцію съ народнымъ представительствомъ, съ отвѣтственностью передъ нимъ министровъ и съ рѣшающимъ голосомъ народныхъ представителей въ вопросахъ законодательства, налоговъ и бюджета. Общій германскій рейхстагъ долженъ былъ, по этой конституціи, состоять изъ палаты представителей государствъ и палаты представителей народа, которую должны были составлять депутаты германскаго народа. Особый избирательный законъ, принятый парламентомъ вскорѣ послѣ утвержденія конституціи, признавалъ

право голоса за каждымъ неопороченнымъ нѣмцемъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста, за исключеніемъ лицъ, находившихся подъ опекою или попечительствомъ, или имущество которыхъ по суду было отдано подъ конкурсное управленіе, а также жившихъ благотворительностью. Выборы должны были быть прямыми и совершаться при помощи закрытыхъ бюллетеней. Наконецъ, въ конституціи былъ и отдѣлъ объ общихъ правахъ гражданъ.

Во франкфуртскомъ парламентѣ образовалось двѣ партіи: велико-германская, желавшая видѣть во главѣ объединенной Германіи Австрію, и мало-германская, которая ставила во главѣ Пруссію, Австрію же прямо даже исключала, потому что послѣдняя стремилась войти въ составъ будущей Германіи со всѣми своими не-нѣмецкими областями. Во франкфуртскомъ парламентѣ возобладала мало-германская партія, и въ 1849 г. онъ даже предложилъ императорскую корону Фридриху-Вильгельму IV, но тотъ ее отвергъ, потому что она была ему предложена не другими германскими государями, а революціоннымъ собраніемъ.

Лишь будучи застигнуты врасплохъ мартовскими днями, германскія правительства согласились на исполненіе «требованій народа», на новыя конституціи и на общій франкфуртскій парламентъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались не выпускать изъ своихъ рукъ военную силу, чтобы опереться на нее при первомъ удобномъ случаѣ противъ самихъ учредительныхъ собраній. Реальныя силы, распоряженіе всѣми правительственными средствами—войскомъ, налогами, администраціей—были въ рукахъ представителей стараго порядка. Подавленіе австрійской и прусской революціи было началомъ реакціи, захватившей и второстепенныя государства Германіи. Всѣ вообще мелкія государства, а изъ болѣе значительныхъ Вюртембергъ подъ давленіемъ своихъ палатъ сначала признали-было конституцію 1849 г., но Пруссія, Баварія, Саксонія и Ганноверъ, не говоря уже объ Австріи, и слышать о ней не хотѣли послѣ того, какъ возстановили у себя порядокъ, нарушенный мартовскими событіями. Правительства этихъ странъ потребовали отъ своихъ подданныхъ, бывшихъ членами парламента, чтобы они покинули Франкфуртъ. 13 іюня 1849 г. члены «парламента-охвостья», значительно ослабленнаго уходомъ изъ него многихъ представителей и перенесшаго свои засѣданія въ Штутгартъ, прямо не были пущены въ залъ засѣданій солдатами вюртембергскаго правительства. Отъ всей дѣятельности франкфуртскаго парламента осталось одно воспоминаніе, и выработан-

ная имъ конституція превратилась въ простой политическій лозунгъ либеральной части нѣмецкаго общества.

Послѣ всѣхъ этихъ пораженій и неудачъ одна только радикально-демократическая и республиканская партія еще продолжала стремиться къ организаціи нѣмецкой демократіи. Хотя ея представители во франкфуртскомъ парламентѣ сами далеко не были поклонниками имперской конституціи, какъ монархической, тѣмъ не менѣе они рѣшили воспользоваться ею въ качествѣ популярнаго знамени и своего рода законной почвы для того, чтобы вызвать демократическое возстаніе. И демократамъ это удалось. Возстанія вспыхивали въ Ганноверѣ, въ прирейнскихъ частяхъ Баваріи и Пруссіи, въ Вюртембергѣ, въ Саксоніи, въ Баденѣ, въ Гессенъ-Дармштадтѣ, всѣ въ маѣ и іюнѣ 1849 г. Въ этихъ возстаніяхъ приняли участіе мѣстные радикальные, демократическіе, республиканскіе и соціалистическіе элементы, но къ нимъ примкнули и такіе люди, которые, дѣйствительно, думали защищать только имперскую конституцію. Ранѣе всего началась эта «майская революція» въ Саксоніи. 3 мая революціонеры овладѣли Дрезденомъ, гдѣ диктаторски сталъ распоряжаться русскій эмигрантъ Бакунинъ. Саксонское правительство обратилось за помощью въ Берлинъ, и уже 6 мая прусскія войска начали борьбу съ инсургентами, окончившуюся 9 мая паденіемъ Дрездена. За исключеніемъ Бреславля,—гдѣ тоже произошло, быстро, впрочемъ, подавленное, возстаніе,—и нѣкоторыхъ мѣстностей Вестфаліи сѣверная Германія оставалась вообще болѣе спокойною. Гораздо большее возбужденіе царило въ прирейнскихъ земляхъ, въ особенности же сильное развитіе получила майская революція въ южной Германіи. Въ прирейнскомъ Пфальцѣ, принадлежащемъ Баваріи, дѣло дошло до учрежденія временнаго правительства и образованія народнаго ополченія, въ которое стали со всѣхъ сторонъ стекаться волонтеры. На сторону инсургентовъ начали даже переходить солдаты. Одновременно съ этимъ произошло движеніе и въ сосѣднемъ Баденѣ. Нигдѣ республиканизмъ не имѣлъ такого большого количества приверженцевъ, какъ здѣсь, гдѣ республиканцамъ даже удалось расположить въ пользу своихъ идей часть войска. 11 мая въ Раштатѣ вспыхнуло военное возстаніе, и эта важная крѣпость попала въ руки инсургентовъ. Революція быстро распространилась по всей странѣ. Въ самомъ Карлсруэ произошло возмущеніе солдатъ, и великій герцогъ ночью долженъ былъ покинуть свою столицу. Въ другихъ городахъ гарнизоны также

перешли на сторону возстанія. Образовалось даже временное правительство, которое заключило союзъ съ Пфальцемъ, отложившимся отъ Баваріи, и приняло мѣры, чтобы распространить возстаніе на сосѣднія страны — Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, Вюртембергъ, гдѣ тоже происходили волненія, собирались народныя сходки, бывали стычки съ войсками и т. п. Въ Баденъ, далѣе, со всѣхъ концовъ Германіи стекались демократы, а 10 іюня въ Карлсруэ собралось учредительное собраніе, которое вручило диктаторскую власть комитету изъ трехъ лицъ и объявило Баденъ республикой. Великій герцогъ баденскій и король баварскій обратились за помощью къ Пруссіи. Послѣдняя немедленно двинула свои войска противъ революціонной арміи. Въ серединѣ іюня пруссаки вступили въ Пфальцъ и вскорѣ въ союзѣ съ имперскими войсками овладѣли и всѣмъ Баденомъ. Война окончилась взятіемъ Раштата (23 іюля). Великій герцогъ возвратился въ свою столицу, и главные участники возстанія, какіе только попались въ руки правительства, были казнены.

Отмѣтимъ, что въ германскомъ демократическомъ движеніи конца сороковыхъ годовъ мелкая буржуазія и пролетаріатъ не были такъ связаны между собою, какъ это было въ Англіи въ эпоху чартизма или во Франціи въ движеніяхъ тридцатыхъ годовъ. Въ 1848 г. происходили съѣзды делегатовъ буржуазной и рабочей демократіи, но когда обнаружилось, что въ послѣдней была популярна идея соціальной республики съ французскими лозунгами «права на трудъ» и «организаціи труда», то буржуазные делегаты противъ этого протестовали. Впрочемъ, въ томъ же 1848 г. была сдѣлана попытка объединенія рабочихъ на принципахъ «Коммунистическаго манифеста» съ цѣлью, напримѣръ, поддержанія стачекъ, которыхъ въ 1848 г. было вообще не мало. Главными центрами чисто рабочаго движенія были Берлинъ и Кёльнъ: въ первомъ изъ этихъ городовъ собирался въ августѣ съѣздъ отъ делегатовъ нѣсколькихъ рабочихъ организапій, во второмъ Марксъ и Энгельсъ издавали главный органъ соціалистическаго движенія въ Германіи, «Новую Рейнскую Газету», и тоже собирался рабочій конгрессъ. Подавленіе республиканскаго движенія въ 1849 г. сдѣлало дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія въ Германіи совершенно невозможнымъ.

Нужно было еще рѣшить, чѣмъ же будетъ Германія послѣ подавленія революціи. Пруссія выступила съ намѣреніемъ преобразовать Германію въ союзное государство подъ своей гегемоніей и

безъ Австріи, но послѣдняя обратилась ко всѣмъ германскимъ правительствамъ съ приглашеніемъ прислать своихъ уполномоченныхъ въ Франкфуртъ для возстановленія прежняго союзнаго сейма. Изъ этого столкновенія побѣдительницей вышла Австрія. На ея сторону стали переходить одинъ за другимъ союзники Пруссіи, и наконецъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, опасаясь войны съ Австріей, которая потребовала, чтобы онъ расторгъ свой союзъ, объявилъ уничтоженіе уже принятой союзной конституціи (ноябрь 1850). Послѣ всего этого оставалось только одно—возстановить старый союзный сеймъ, что было признакомъ полнаго торжества реакціи. Къ чему приводила эта реакція, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ Гессенъ-Касселѣ власть вернулась въ руки одного изъ прежнихъ министровъ-абсолютистовъ (Гасссенпфлуга), который, распустивъ въ 1850 г. два ландтага, предписалъ собирать налоги, не утвержденные народными представителями, а когда даже чиновники запротестовали противъ этого, ввелъ въ государствѣ осадное положеніе, несмотря на полное спокойствіе населенія, и обратился за помощью къ союзному сейму. Офицеры отвѣтили на объявленіе осаднаго положенія массовыми отставками, не желая нарушить присягу конституціи, но зато Австрія, Баварія и Вюртембергъ рѣшили занять страну своими войсками, и къ нимъ скоро присоединилась Пруссія. Послѣ этого власть курфюрста была возстановлена въ полномъ объемѣ. Въ Ганноверѣ въ 1848 г. было обѣщано преобразованіе земскихъ чиновъ, но въ 1851 г. дворянство добилось отъ союзнаго сейма постановленія, запрещавшаго вводить въ устройство мѣстнаго ландтага какія-либо измѣненія. И въ Гессенъ-Касселѣ союзный сеймъ призналъ конституцію 1831 г. несоотвѣтствующею духу Германскаго союза, предложивъ курфюрсту выработать новую, что̀ только позволило тогдашнему министерству править неограниченно. Новая конституція была отмѣнена также и въ Мекленбургѣ для введенія стараго сословнаго сейма [1]).—Выше было упомянуто, что германская революція 1848 г. осложнилась еще войною съ Даніей. Мартовская революція не миновала и Шлезвигъ-Гольштейна. По рѣшенію, принятому и франкфурктскимъ парламентомъ, и союзнымъ сеймомъ, Пруссія послала на помощь своимъ единоплеменникамъ войско, но Данія своимъ флотомъ стала вредить прусской тор-

[1]) Онъ сохраняется тамъ и теперь.

говлѣ, да и Швеція обнаружила намѣреніе оказать помощь Даніи. Поэтому въ Берлинѣ рѣшили заключить съ Даніей перемиріе къ великому неудовольствію франкфуртскаго парламента, однако, утвердившаго перемиріе. Когда срокъ послѣдняго (1 апрѣля 1849 г.) истекъ, война возобновилась, и въ ней приняли участіе контингенты и другихъ германскихъ государствъ, но Пруссія скоро измѣнила общему дѣлу. Герцогства остались подъ властью датскаго короля, и сама же Пруссія съ Австріей пригрозили военной экзекуціей населенію герцогствъ, если бы оно, въ концѣ концовъ, не подчинилось Даніи (1851).

XX. Національныя революціи въ монархіи Габсбурговъ [1]).

Народное недовольство въ разныхъ частяхъ Австріи передъ 1848 г. — Броженіе въ Венгріи. — Общій ходъ революціи 1848 г. въ Австрійской имперіи. — Взаимныя отношенія разныхъ народностей монархіи Габсбурговъ въ 1848 г. — Революціонныя движенія среди славянъ и ихъ усмиреніе.—Венгерское возстаніе и отношеніе къ нему славянъ.—Подавленіе венгерской революціи. — Революція въ итальянскихъ областяхъ Австрійской имперіи.

Въ Австрійской имперіи произошелъ въ 1848 г. цѣлый рядъ національныхъ революцій, которыя, казалось, грозили самому существованію монархіи Габсбурговъ или, по крайней мѣрѣ, ея цѣлости. Кромѣ участія австрійскихъ нѣмцевъ въ общегерманской революціи и участія итальянскихъ подданныхъ Австріи въ революціи общеитальянской, совершались еще возстанія въ Чехіи, въ Венгріи и т. п. Сразу во всѣхъ частяхъ монархіи вспыхнули мятежи, бывшіе прямымъ слѣдствіемъ крайняго недовольства, которое царило среди народовъ, составлявшихъ населеніе имперіи. Нѣмцевъ и итальянцевъ Австріи волновали тѣ же вопросы, какъ и ихъ единоплеменниковъ за ея границами, славянскіе же подданные Габсбурговъ, какъ мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, тоже были недовольны своимъ положеніемъ, т.-е. и чехи, и хор-

[1]) Уч. кн., §§ 305, 309 и 313.—И. З. Е., т. V, гл. XVIII, XXI, XXII и XXIII.—Нар.-прав. госуд., гл. XXII.

ваты, и поляки, и русины. Не нужно также забывать, что въ теченіе всей первой половины XIX в. австрійское правительство ничего не сдѣлало для улучшенія быта крестьянской массы, особенно славянскаго происхожденія.

Наибольшею силою передъ 1848 г. отличалось броженіе въ Венгріи. Въ этой странѣ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ имперіи, сохранились остатки автономіи и старинные общественные и государственные порядки. Императоръ Францъ даже торжественно обѣщалъ поддерживать старинную конституцію королевства св. Стефана, хотя и прекратилъ въ 1812 г. созывъ сейма. Венгерская конституція сильно напоминала конституцію польскую временъ Рѣчи Посполитой. Между прочимъ, дворянскіе сеймики отдѣльныхъ комитетовъ (округовъ) послѣ 1812 года сдѣлались главными органами оппозиціи: неразъ, напримѣръ, они отказывали правительству въ налогахъ и въ рекрутахъ. Правительство вынуждено было идти на уступки, и съ 1825 года венгерскій сеймъ сталъ снова созываться. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ мадьяры на сеймахъ проявляли поразительную энергію въ отстаиваніи правъ королевства св. Стефана. Они стали требовать, чтобы императоръ австрійскій, какъ венгерскій король, пріѣзжалъ въ страну на болѣе продолжительное пребываніе, чтобы засѣданія сеймовъ были перенесены изъ полунѣмецкаго Пресбурга въ Пештъ, какъ чисто мадьярскій городъ, и чтобы государственнымъ языкомъ, вмѣсто латинскаго, сдѣлался мадьярскій языкъ. Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ мадьяры прямо добились введенія этого языка въ законодательство, администрацію, судопроизводство и преподаваніе. Если въ этомъ австрійское правительство сдѣлало имъ уступку, то тѣмъ самымъ нарушило національные интересы не-мадьярскихъ элементовъ Венгріи, какъ-разъ въ то самое время, когда происходило возрожденіе угнетенныхъ славянскихъ народностей. На желаніи полной мадьяризаціи страны сходились всѣ представители господствовавшей національности, но по вопросамъ внутренняго устройства самой Венгріи политическіе вожди мадьярской націи раздѣлились на двѣ партіи, постоянно боровшіяся между собою на сеймахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Одна партія стояла за сохраненіе прежняго соціальнаго и политическаго строя, за дворянскія привилегіи, за помѣщичьи права надъ крестьянами, за прежнее положеніе комитатовъ въ государствѣ. Другая партія, наоборотъ, была проникнута идеями за-

падно-европейскаго либерализма и стремилась къ отмѣнѣ феодальныхъ правъ и привилегій и къ реформѣ представительства въ интересахъ городского сословія, которое до тѣхъ поръ было почти совсѣмъ исключено изъ пользованія политическими правами. Программа всѣхъ мадьяровъ по отношенію къ правительству сводилась къ слѣдующему: Венгрія—страна свободная и независимая во всей своей системѣ законодательства и администраціи; она не должна быть подчинена никакой другой странѣ, ибо никогда не согласится быть принесенной въ жертву единству правительственной системы; для Венгріи конституціонная жизнь—сокровище, которымъ нельзя жертвовать даже ради самыхъ большихъ матеріальныхъ выгодъ. Въ этихъ словахъ выражалась мысль всей мадьярской націи. Поэтому отдѣльныя сеймовыя партіи въ 1847 году вполнѣ единодушно нападали на политику вѣнскаго правительства, старавшагося подчинить своему вліянію внутреннія дѣла венгерскихъ комитатовъ.

Горючаго матеріала накопилось слишкомъ много въ разноплеменномъ населеніи Австріи, чтобы возстаніе, начавшееся въ одной области, не дѣлалось примѣромъ подражанія и въ другихъ. Въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ движеніе, какъ и въ другихъ частяхъ Италіи, началось еще до февральской революціи и до возстанія въ Вѣнѣ. Мы видѣли, что послѣднее произошло въ серединѣ марта, но еще раньше этого взрыва, именно 11 марта, уже началось революціонное движеніе въ Чехіи. Тогда же, въ среднихъ числахъ марта, заволновались и мадьяры. Нѣсколько позже, въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, поднялось-было и польское населеніе Галиціи въ лицѣ жителей Кракова, но было очень быстро усмирено. За исключеніемъ этой окраины, вездѣ австрійскому правительству приходилось очень круто. Сама Вѣна, то и дѣло, снова поднималась, и въ ней повторялось еще и еще то, что произошло 13 марта.

Объ этомъ послѣднемъ событіи уже было сказано въ общемъ изложеніи германской революціи, и намъ остается только познакомиться съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ въ столицѣ Австріи. Черезъ два дня послѣ отставки Меттерниха была обнародована императорская прокламація, въ которой среди другихъ уступокъ заключалось обѣщаніе созыва депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ съ усиленнымъ представительствомъ отъ бюргерскаго сословія для соглашенія съ императоромъ относительно задуманной имъ конституціи. Новое, такъ называемое «мартов-

ское» министерство, однако, посовѣтовало императору не созывать учредительнаго собранія, и потому, вмѣсто обѣщаннаго созыва, императоръ собственною властью даровалъ всему своему государству (кромѣ Венгріи и Ломбардо-Венеціанскаго королевства) конституцію, составленную по бельгійскому образцу, т.-е. очень либеральную, съ одной стороны, впрочемъ, совершенно игнорировавшую права отдѣльныхъ народностей монархіи, а съ другой—исключавшую изъ пользованія политическими правами весь рабочій классъ. Это произошло 25 апрѣля, но вскорѣ въ Вѣнѣ разыгрались событія, совсѣмъ устранившія эту первую австрійскую конституцію. И въ Австріи,—какъ то же самое одновременно произошло и въ Пруссіи,—бюргерство, добившись «свободы», стало опасаться «анархіи», которая, по его мнѣнію, тотчасъ же наступила бы, если бы къ участію въ политической жизни былъ привлеченъ и рабочій классъ. Между тѣмъ во главѣ рабочихъ сталъ образовавшійся въ мартѣ центральный комитетъ національной гвардіи и студенческаго легіона, рѣшившій добиваться демократическаго закона о выборахъ. Новое, по счету второе, возстаніе Вѣны, бывшее 15 мая, вынудило у правительства важную уступку — обѣщаніе созвать лишь одну палату, вмѣсто двухъ, какъ предполагалось 25 апрѣля, и притомъ выбранную всеобщею подачею голосовъ. Взволнованная столица все еще не могла успокоиться, и 26 мая произошло еще одно, третье, возстаніе Вѣны, результатомъ котораго было образованіе особаго революціоннаго комитета «общественной безопасности».

10 іюля въ Вѣнѣ, которая еще 17 мая была покинута Фердинандомъ I, собрались народные представители, задачею которыхъ было дать Австріи новое государственное устройство, а 22 іюля послѣдовало и оффиціальное открытіе этого сейма. Въ немъ оказались представители цѣлыхъ восьми національностей: нѣмцевъ, чеховъ, сербо-хорватовъ, словинцевъ, поляковъ, русиновъ, итальянцевъ изъ Истріи и валаховъ изъ Буковины. Представителей изъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства и изъ Венгріи не было: Ломбардо-Венеціанское королевство было въ полномъ возстаніи, и вѣнскому правительству буквально пришлось завоевывать его вновь, что̀ потомъ случилось и по отношенію къ Венгріи, даже формально отложившейся отъ династіи и побѣжденной въ 1849 г. только силою русскаго оружія. Въ общемъ имперскомъ сеймѣ нѣмцы очутились въ меньшинствѣ среди подавляющаго славянскаго большинства, въ которомъ наибо-

лѣе видную роль играли чехи. При такомъ положеніи дѣлъ немыслимо было объявить нѣмецкій языкъ оффиціальнымъ, и пришлось прибѣгать къ переводчикамъ. Вмѣстѣ съ этимъ обнаружилось, что славяне составятъ правую, болѣе консервативную, а нѣмцы—лѣвую, болѣе либеральную сторону сейма. При своемъ открытіи сеймъ былъ объявленъ учредительнымъ, и задачею его выставлено было со стороны правительства введеніе такого устройства, которое покоилось бы на «свободномъ и братскомъ союзѣ всѣхъ національностей» Австріи. Для выработки новаго государственнаго устройства сеймъ назначилъ особую комиссію, но въ Вѣнѣ произошли новыя волненія (6 октября), заставившія императора, который 12 августа возвратился-было въ свою столицу, снова ее покинуть. Это обстоятельство не очень благопріятствовало занятіямъ сейма, да и безъ того въ немъ работа не могла идти успѣшно вслѣдствіе крайняго несогласія во взглядахъ и стремленіяхъ между славянскимъ большинствомъ и нѣмецкимъ меньшинствомъ. Попытка, сдѣланная собраніемъ выступить въ роли примирителя между правительствомъ и населеніемъ столицы, относившимся враждебно къ славянскому большинству сейма, при такихъ условіяхъ тоже не могла удаться, и вскорѣ правая, руководимая чехами, оставила городъ и изъ Праги протестовала противъ своихъ товарищей, продолжавшихъ засѣдать въ сеймѣ. Это только дало правительству поводъ объявить 23 октября отсрочку засѣданій и перенесеніе ихъ въ моравскій городокъ Кремзиръ (Кромѣржижъ). Между тѣмъ противъ Вѣны, находившейся во власти революціонеровъ, были направлены три арміи. Съ востока къ столицѣ двинулся Елачичъ съ хорватами, а съ сѣвера—Виндишгрецъ, незадолго передъ тѣмъ усмирившій Прагу (третьею арміей командовалъ Ауерспергъ). Вѣна рѣшила защищаться, и мадьяры обѣщали свою помощь возставшему городу. Мадьяры, однако, опоздали во-время прійти на помощь, и 30 октября Вѣна сдалась Виндишгрецу. Побѣдитель началъ немедленно суровую расправу съ инсургентами. Въ Вѣнѣ было объявлено осадное положеніе, и вожди возстанія были приговорены военнымъ судомъ къ разстрѣлянію [1]).

Вскорѣ послѣ этого Фердинандъ I отрекся отъ престола въ пользу своего племянника, восемнадцатилѣтняго Франца-Іосифа, о чемъ собравшійся въ Кремзирѣ сеймъ совершенно

[1]) Былъ казненъ и одинъ членъ франкфуртскаго парламента (Блумъ), находившійся въ это время въ Вѣнѣ.

неожиданно узналъ 2 декабря. Объявляя о вступленіи на престолъ, новый императоръ высказывалъ въ своемъ манифестѣ надежду «на возрожденіе Австріи на основахъ равноправности всѣхъ ея національностей, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участія народныхъ представителей въ законодательствѣ». Соглашенія между нимъ и сеймомъ, однако, не состоялось: правительство, вѣрное старымъ традиціямъ, стояло на точкѣ зрѣнія абсолютнаго единства монархіи, въ сеймѣ же преобладали федералистическія стремленія, главными представителями которыхъ были славяне. Естественно поэтому, что сеймовый проектъ былъ выработанъ въ смыслѣ превращенія Австріи въ федерацію, и императоръ поспѣшилъ распустить учредительный сеймъ. Единственнымъ, но зато въ высшей степени важнымъ результатомъ австрійскаго учредительнаго собранія 1848 г. было уничтоженіе имъ въ Австріи, — въ тѣхъ областяхъ, гдѣ оно было, — крѣпостничества и всего, что съ нимъ было связано въ соціальномъ строѣ сельской жизни. (Такимъ образомъ, Австрія лишь послѣднею во всей Западной Европѣ ликвидировала у себя средневѣковой сеньерьяльный строй).

4 марта 1849 г. Францъ-Іосифъ октроировалъ конституцію, причемъ на сей разъ въ общеимперскомъ представительствѣ должна была принять участіе и Венгрія. На самомъ дѣлѣ, однако, правительство не думало о приведеніи новаго государственнаго устройства въ дѣйствіе и только ждало благопріятнаго момента, чтобы возстановить абсолютизмъ. При поддержкѣ со стороны славянскихъ подданныхъ, бывшихъ во враждѣ съ нѣмцами и съ мадьярами и при военной помощи со стороны Россіи династія Габсбурговъ справилась мало-по-малу со всѣми политическими смутами, и въ самый послѣдній день 1851 г. появился императорскій декретъ, отмѣнявшій конституцію 1849 г., какъ несовмѣстимую съ основами устройства всей монархіи.

Побѣдѣ абсолютизма въ монархіи Габсбурговъ немало содѣйствовала рознь и взаимная вражда народностей, входившихъ въ составъ ея населенія. Нѣмцы (какъ въ самой Австріи, такъ и за ея предѣлами) не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ славянамъ. Между двумя національными движеніями, нѣмецкимъ и чешскимъ, прямо образовался антагонизмъ, и въ противовѣсъ франкфуртскому парламенту, включавшему и Богемію въ будущую единую Германію, въ Прагѣ былъ созванъ большой славянскій съѣздъ. Хорваты и сербы потребовали національной неза-

висимости, что было направлено противъ мадьяровъ. Враждебное по отношенію къ послѣднимъ движеніе происходило и среди румынскаго населенія Трансильваніи. Кромѣ нѣмцевъ, и мадьяры были врагами славянскаго равноправія: не желая, какъ и сами славяне, подчиниться австрійскому централизму, они тѣмъ не менѣе требовали, чтобы не-мадьярскія народности Венгріи были у нихъ въ полномъ подчиненіи. Въ серединѣ 1848 г. мадьяры даже не прочь были оказать денежную и военную помощь австрійскому правительству противъ возстанія въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, если бы только имъ сдѣланы были уступки. Стремились оказать помощь императору противъ итальянскихъ инсургентовъ и хорваты. Наконецъ, взаимная вражда существовала еще въ Галиціи между поляками и русинами.

Разсмотримъ теперь главныя движенія, происходившія въ 1848 г. среди не-нѣмецкихъ народностей Австріи.

Въ Прагѣ первыя чешскія манифестаціи начались еще 11 марта, а когда туда пришла вѣсть о революціи въ Вѣнѣ, то чехами немедленно была выработана петиція къ правительству, требовавшая возстановленія «королевства св. Вацлава» съ центральнымъ сеймомъ въ Прагѣ и съ отвѣтственнымъ министерствомъ, причемъ чешская національность должна была пользоваться равноправностью съ нѣмецкою. Вѣнское правительство приняло эту петицію довольно благосклонно и надавало обѣщаній, но богемскіе нѣмцы были крайне недовольны такими требованіями чеховъ. Комитетъ, избранный франкфуртскимъ предварительнымъ парламентомъ, пригласилъ принять участіе въ своихъ засѣданіяхъ и знаменитаго чешскаго историка Палацкаго, но тотъ наотрѣзъ отказался, заявивъ, что онъ понимаетъ стремленіе нѣмцевъ замѣнить федераціей народовъ федерацію князей и создать единство и величіе своего общаго отечества, но что именно поэтому-то онъ и не можетъ принять участія въ собраніи. «Я, писалъ онъ, не нѣмецъ или, по крайней мѣрѣ, не считаю себя нѣмцемъ. Я—чехъ, славянинъ по происхожденію, и всѣ мои силы принадлежатъ моему народу». Палацкій въ своемъ отвѣтѣ указывалъ еще на то, что дѣло, задуманное въ Франкфуртѣ, грозитъ существованію Австріи, какъ самостоятельнаго государства, а оно, прибавлялъ Палацкій, «имѣетъ важное значеніе не только для моего народа, но и для всей Европы и цѣлаго человѣчества» [1]).

[1]) Ему же принадлежатъ слова: «если бы Австріи не существовало, ее нужно было бы выдумать».

Когда австрійское правительство предписало и въ Богеміи произвести выборы въ франкфуртскій парламентъ, чехи отказались принять въ нихъ участіе. Обнародованіе австрійской конституціи 25 апрѣля, составленной въ чисто централистическомъ духѣ, еще болѣе раздражило чеховъ. Они даже отказали въ повиновеніи вѣнскому министерству, попавшему въ руки революціонеровъ, и учредили при императорскомъ намѣстникѣ въ Прагѣ особый комитетъ, получившій значеніе нѣкоторымъ образомъ временнаго правительства.

Въ то же время загребскій сеймъ выработалъ планъ національной независимости для Хорватіи, Славоніи и Далмаціи съ Военною Границею. Еще въ мартѣ въ Вѣну прибыла хорватская депутація, которую правительство приняло благосклонно. Баномъ (губернаторомъ) хорватскимъ былъ назначенъ весьма популярный среди своихъ соотечественниковъ Елачичъ, отличавшійся горячею ненавистью къ мадьярамъ. Въ серединѣ мая и австрійскіе сербы устроили въ Карловцѣ собраніе, на которомъ вотировали образованіе изъ сербовъ самостоятельной націи въ тѣсномъ союзѣ съ хорватами. Венгерское правительство задумало подавить это движеніе силою и смѣнило-было Елачича, но онъ не повиновался приказу мадьярскихъ властей.

Революція 1848 г. коснулась и Галиціи. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что въ 1846 г. поляки сдѣлали попытку возстанія, которая была подавлена въ самомъ же началѣ. Имъ трудно было оправиться отъ этого пораженія, чѣмъ, конечно, и объясняется слабость польскаго движенія въ 1848 г. Менѣе всего могло расчитывать на успѣхъ какое-либо движеніе въ русской Польшѣ, въ Галиціи же польская шляхта сдерживалась страхомъ передъ Россіей и недовѣріемъ къ крестьянамъ, которые еще такъ недавно показали, что если они и начнутъ бунтовать, то не противъ «цесаря», а противъ пановъ. Тогдашній австрійскій губернаторъ понялъ также еще и то, какую выгоду правительство можетъ извлечь изъ антагонизма между поляками и русинами, и сталъ покровительствовать послѣднимъ, насколько это было нужно для цѣлей австрійской политики, окончательнымъ же уничтоженіемъ барщины онъ привязалъ крестьянское населеніе къ монархіи. Вотъ почему галиційское движеніе 1848 г. было такъ незначительно. Возвратившіеся эмигранты попробовали-было организовать въ Краковѣ революціонный комитетъ съ характеромъ временнаго правительства и даже 26 апрѣля поднять возстаніе,

но австрійскія войска бомбардировали городъ, и тѣмъ дѣло кончилось [1]).

Таково было положеніе дѣлъ среди австрійскихъ славянъ, когда 2 іюня въ Прагѣ состоялся подъ предсѣдательствомъ Палацкаго славянскій съѣздъ. Въ числѣ его членовъ были и иностранные революціонеры, между прочимъ, русскій, Бакунинъ, уже тогда пользовавшійся большою извѣстностью въ революціонныхъ кругахъ. Вопросами, подлежавшими обсужденію на съѣздѣ, были взаимныя отношенія австрійскихъ славянъ, ихъ отношеніе къ нѣмцамъ (въ частности, отношеніе къ франкфуртскому парламенту), къ мадьярамъ и къ турецкимъ славянамъ, условія образованія изъ Австріи федераціи и т. п. Между задуманными конгрессомъ работами было составленіе манифеста къ народамъ Европы, въ которомъ славяне должны были заявить свои законныя желанія и снять съ себя обвиненія, распространявшіяся нѣмцами и мадьярами. Но съѣзду не было суждено довести своихъ занятій до конца [2]). 12 іюня состоялась въ Прагѣ большая, но совершенно мирная демонстрація національнаго характера, кончившаяся стычкою съ войскомъ и кровопролитіемъ. Главнымъ начальникомъ австрійскихъ войскъ въ Прагѣ былъ князь Виндишгрецъ, самъ родомъ чехъ, но аристократъ до конца ногтей, говорившій, что «человѣкъ начинается только съ барона». Когда на улицахъ Праги началась борьба чешскихъ горожанъ, студентовъ и рабочихъ съ войскомъ (нѣмецкое населеніе въ возстаніи не принимало участія) и были даже построены баррикады, Виндишгрецъ подвергъ Прагу бомбардированію, продолжавшемуся три дня. Послѣ геройской, но безуспѣшной защиты городъ 17 іюня сдался, слѣдствіемъ чего было совершенное подавленіе чешской революціи. Въ Прагѣ было объявлено осадное положеніе, славянскій съѣздъ закрытъ, обѣщанный чехамъ учредительный сеймъ не былъ созванъ. Интересно, что франкфуртскій парламентъ вотировалъ Виндишгрецу благодарность за бомбардированіе Праги, которое, съ другой стороны, отнюдь не испортило хорошихъ отношеній между чехами и правительствомъ.

---

[1]) Нѣсколько болѣе серьезный характеръ польское движеніе 1848 г. имѣло въ Пруссіи.

[2]) Однимъ изъ неудобствъ было взаимное пониманіе людей, говорившихъ на разныхъ языкахъ, что послужило поводомъ для Бакунина предложить прибѣгнуть къ помощи «общеславянскаго языка», подъ каковымъ онъ разумѣлъ... нѣмецкій.

Національная ненависть къ нѣмцамъ заставляла чеховъ крѣпко держаться за Габсбурговъ въ надеждѣ обратить ихъ къ славянской политикѣ, правительство же, въ свою очередь, поняло, что, поддерживая чеховъ противъ нѣмцевъ (какъ хорватовъ и сербовъ противъ мадьяровъ), оно легче всего справится съ революціей. Въ вѣнскомъ учредительномъ сеймѣ, гдѣ нѣмцы являлись сторонниками мадьяровъ, чехи, наоборотъ, выступили защитниками Австріи, подъ условіемъ самой широкой автономіи для Богеміи. Вожди славянскаго движенія мечтали о федераціи, и Палацкій даже выработалъ въ такомъ смыслѣ проектъ конституціи, по которому центральный сеймъ долженъ былъ состоять изъ делегатовъ отъ сеймовъ національныхъ. Правительство, однако, рѣшило иначе, и 4 марта 1849 г. Австрія получила централистическую конституцію.

Въ другой половинѣ имперіи происходило то же самое, что и въ собственной Австріи, т.-е. славянская революція также вступила въ союзъ съ правительственной реакціей. При тѣхъ натянутыхъ отношеніяхъ, какія существовали въ Венгріи между правительствомъ и націей еще передъ 1848 г., революція не могла миновать и этой страны. Еще 3 марта 1848 г. сеймъ принялъ адресъ императору объ установленіи отвѣтственнаго министерства, а когда въ Пресбургъ пришло извѣстіе о переворотѣ въ Вѣнѣ, сеймъ сталъ дѣлать одно за другимъ постановленія въ революціонномъ духѣ (ежегодные сеймы, уничтоженіе дворянскихъ привилегій и феодальныхъ правъ, равенство вѣроисповѣданій, свобода печати, судъ присяжныхъ и т. д.). Фердинандъ I согласился на всѣ желанія сейма. Въ мартѣ же образовалось новое венгерское министерство, въ составъ котораго вошли вожди оппозиціи Кошутъ и Деакъ. Правительство согласилось также на перенесеніе всѣхъ центральныхъ учрежденій Венгріи въ Пештъ. 26 іюня министерство переселилось въ новую столицу, гдѣ 2 іюля и собралось венгерское учредительное собраніе, избранное по новому закону, только-что вотированному сеймомъ. Послѣ этого Венгрія стала чувствовать себя совершенно самостоятельнымъ государствомъ: была организована національная армія, и офицерамъ было запрещено повиноваться приказаніямъ изъ Вѣны; былъ заключенъ венгерскій государственный заемъ; пештское правительство даже послало за границу своихъ дипломатическихъ агентовъ и при этомъ заявило, что Австрія можетъ, какъ хочетъ, рѣшать свои дѣла съ Германіей, мадьяровъ же это ни-

сколько не касается. Но тутъ мадьяры встрѣтили оппозицію со стороны славянъ, къ которымъ присоединились еще и трансильванскіе румыны. На эти-то недовольные мадьярами элементы населенія Венгріи и рѣшило теперь опереться австрійское правительство въ своей борьбѣ со столь требовательными подданными.

Послѣ подавленія чешскаго возстанія и обратнаго завоеванія Ломбардіи Фердинандъ I объявилъ, что сдѣланныя имъ мадьярамъ уступки получатъ силу лишь по одобреніи ихъ другими землями монархіи, и отказался утвердить вотированные пештскимъ сеймомъ законы о національномъ войскѣ и государственномъ займѣ. Затѣмъ, по соглашенію съ австрійскимъ правительствомъ хорватскій банъ Елачичъ во главѣ большого хорватскаго войска поднялъ возстаніе противъ мадьяровъ. Сеймъ отправилъ депутацію къ вѣнскому учредительному сейму съ просьбою о помощи, но славянское большинство этого собранія не допустило даже, чтобы депутація была принята. Къ хорватамъ скоро присоединились сербы, румыны и словаки. Тогда венгерскій сеймъ учредилъ подъ предсѣдательствомъ Кошута комитетъ національной обороны, императоръ же назначилъ Елачича главнымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ въ Венгріи, провозгласивъ въ ней военное положеніе и объявивъ венгерскій сеймъ распущеннымъ.

Между династіей и мадьярами началась война. На сторону Венгріи стало населеніе и австрійской столицы. Октябрьское возмущеніе Вѣны произошло съ цѣлью помѣшать австрійскимъ войскамъ идти на помощь Елачичу, а съ своей стороны, и мадьяры оказали, хотя и запоздалую, помощь Вѣнѣ. Елачичъ на время долженъ былъ заняться подавленіемъ возстанія въ австрійской столицѣ, но послѣ побѣды надъ вѣнской революціей война противъ Венгріи возобновилась съ удвоенною силою. Послѣ отреченія Фердинанда I мадьяры отказались признать венгерскимъ королемъ Франца-Іосифа. Виндишгрецъ, въ декабрѣ занявшій Пресбургъ, вступилъ въ Пештъ и началъ въ немъ суровую расправу. Но эти успѣхи Австріи были непродолжительны, и раннею весною 1849 г. счастье стало снова переходить на сторону Венгріи. Въ серединѣ апрѣля 1849 г. упоеннный успѣхами своего войска, венгерскій сеймъ въ Дебречинѣ провозгласилъ низложеніе Габсбургскаго дома и полную независимость Венгріи, назначивъ временное правительство подъ предсѣдательствомъ Кошута. Между тѣмъ въ маѣ произошло въ Варшавѣ свиданіе императора Николая I съ Францемъ-Іосифомъ и было рѣшено, что усмиреніе

Венгріи будетъ поручено русскимъ войскамъ. Въ іюнѣ русская армія подъ начальствомъ Паскевича вступила въ Венгрію, а 13 августа генералъ Гёргей, которому Кошутъ только-что передалъ диктатуру, капитулировалъ при Вилагошѣ, послѣ чего въ побѣжденной странѣ началась самая жестокая репрессія [1]).

Венгерская революція пользовалась большимъ сочувствіемъ нѣмецкой демократіи, но скорѣе только потому, что создавала затрудненіе главному врагу — австрійскому абсолютизму. Демократы 1848 г. стояли за братство народовъ, между тѣмъ какъ мадьяры были проникнуты сильнымъ національнымъ эгоизмомъ. Въ венгерскомъ сеймѣ партія, защищавшая общіе съ нѣмецкой демократіей принципы, составляла самое незначительное меньшинство, и даже самъ Кошутъ готовъ былъ видѣть въ людяхъ этой партіи бунтовщиковъ. Въ сущности, отстаивая національную независимость, венгерская армія сражалась только за интересы мадьярской аристократіи и буржуазіи, отнюдь не за свободу и благосостояніе всего населенія.

Реакціонная роль австрійскаго славянства въ событіяхъ 1848—49 гг. давала пищу для враждебнаго отношенія къ панславизму въ Германіи не съ одной націоналистической точки зрѣнія. Въ эти годы Марксъ, самъ находившій, что панславизмъ, котораго такъ боялись въ Европѣ, былъ лишь фантазіей, и называвшій политическимъ романтизмомъ демократическій панславизмъ, проповѣдовавшійся Бакунинымъ на пражскомъ съѣздѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на томъ, что исторически австрійскіе славяне должны были выступить въ качествѣ контръ-революціонеровъ и враговъ дѣйствительной демократіи. Поэтому онъ призывалъ къ «непримиримой борьбѣ на жизнь и смерть съ славянствомъ, измѣняющимъ революціи», къ «истребительной войнѣ и безпощадному терроризму — не въ интересѣ Германіи, — прибавлялъ онъ, — а въ интересѣ человѣчества». То же самое настроеніе по отношенію къ славянству стало господствовать и въ нѣмецкой либеральной буржуазіи.

Что касается до революціи, происшедшей противъ австрійскаго владычества въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, то она составляла лишь часть общей революціи итальянской. Итальянскіе подданные Габсбурговъ возстали еще раньше под-

---

[1]) Австрія и Россія даже потребовали у Турціи выдачи бѣглецовъ, но султанъ отказалъ; съ этого времени и ведетъ свое начало симпатія мадьяровъ къ туркамъ.

данныхъ другихъ національностей, но были усмирены довольно скоро, правда послѣ Галиціи и Чехіи, но еще ранѣе Вѣны. Въ 1849 г. возобновили они еще разъ борьбу за независимость, но опять потерпѣли пораженіе.

XXI. Революція 1848—49 гг. въ Италіи [1]).

Начало революціоннаго движенія въ Италіи еще передъ февральскимъ переворотомъ въ Парижѣ.—Антиавстрійскій характеръ итальянской революціи.—Раннее начало реакціи въ Италіи.—Судьбы республикъ въ Римѣ, въ Тосканѣ и въ Венеціи.—Пораженіе Сардиніи въ войнѣ съ Австріей.—Вмѣшательство Австріи и Франціи въ итальянскія дѣла.—Сохраненіе Сардинскимъ королевствомъ конституціи 1848 г.

Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, что передъ 1848 г. въ Италіи происходило сильное политическое броженіе. Послѣ восшествія на папскій престолъ Пія IX, сдѣлавшаго своимъ подданнымъ кое-какія либеральныя уступки, Римъ превратился въ центръ политической агитаціи. Изъ Церковной Области движеніе распространилось и на другія части Италіи. Въ маѣ 1847 г. въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ происходили народныя демонстраціи въ честь Пія IX съ рѣзкимъ антіезуитскимъ характеромъ. Великій герцогъ Леопольдъ послѣдовалъ примѣру папы и сдѣлалъ нѣкоторыя уступки своимъ подданнымъ. Сардинскій король Карлъ-Альбертъ, бывшій въ началѣ двадцатыхъ головъ надеждой итальянскихъ либераловъ, но впослѣдствіи правившій своею страною вполнѣ абсолютно, въ 1846 г. снова перемѣнилъ фронтъ и примкнулъ къ національному движенію. Англія, сильно поддерживавшая національныя стремленія итальянцевъ, обѣщала ему свою поддержку и даже совѣтовала вступить съ Церковною Областью и Тосканою въ таможенный союзъ. Въ 1847 г. Карлъ-Альбертъ даже задумалъ ввести въ своемъ государствѣ нѣкоторыя либеральныя реформы.

Въ 1848 г. раньше всего революціонное настроеніе обнаружилось въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Уже въ самыхъ

---

[1]) Уч. кн., § 314.—И. З. Е., т. V, гл. XVIII и XXIII.—Нар.-прав. госуд., гл. XX.

первыхъ числахъ января 1848 г. въ Миланѣ и въ Падуѣ происходили довольно-таки серьезныя стычки между народомъ и полиціей и солдатами. 12 января началась настоящая революція въ Палермо, откуда она распространилась на всю Сицилію. Подъ вліяніемъ того, что происходило въ другихъ частяхъ Италіи и расчитывая на помощь Англіи, сицилійцы потребовали возстановленія конституціи 1812 г., когда же имъ въ этомъ было отказано, они подняли знамя возстанія противъ неаполитанскаго короля. Примѣру Сициліи послѣдовалъ Неаполь, потребовавшій конституціи. Король Фердинандъ II, не полагаясь на войско, 29 января объявилъ своимъ подданнымъ, что добровольно дастъ конституцію по образцу французской. Вслѣдъ за этимъ 8 февраля и король Сардинскій объявилъ у себя введеніе конституціи. Объ этомъ въ его владѣніяхъ стали поговаривать еще въ самомъ началѣ января, и вотъ когда въ Туринъ пришло извѣстіе о неаполитанской революціи, тамошній муниципалитетъ тоже обратился къ королю съ просьбою даровать конституцію. Карлъ-Альбертъ поспѣшилъ удовлетворить это желаніе. Великій герцогъ Тосканскій также далъ своимъ подданнымъ конституцію, составленную по образцу французской. Подобнаго рода желаніе заявлялось и въ Церковной Области, но Пій IX обратился къ своимъ подданнымъ съ просьбою не предъявлять ему требованій, противныхъ святой церкви, которыхъ онъ совершенно не могъ бы исполнить.

Таково было настроеніе народа и положеніе дѣлъ въ Италіи, когда въ Парижѣ произошла февральская революція. Всего за два дня до этого событія австрійское правительство, видя все болѣе и болѣе усиливавшееся мятежное настроеніе своихъ итальянскихъ подданныхъ, ввело въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ осадное положеніе, чтобы положить конецъ всѣмъ демонстраціямъ и безпорядкамъ. Извѣстіе о переворотѣ во Франціи произвело сильное впечатлѣніе во всей Италіи, а когда произошла революція и въ самой Вѣнѣ, итальянскіе подданные Австріи уже прямо взялись за оружіе.

Итальянская революція съ самаго начала получила характеръ, враждебный Австріи. Въ одной части Италіи революція поставила на своемъ знамени освобожденіе отъ нѣмецкаго ига, въ другихъ частяхъ девизомъ движенія сдѣлалось вообще изгнаніе Австріи изъ Италіи. Когда извѣстіе о мартовскомъ переворотѣ въ Вѣнѣ достигло до Ломбардіи, вспыхнула революція и въ Миланѣ.

Австрійскій главнокомандующій Радецкій, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Австріи, отступилъ въ четыреугольникъ крѣпостей (Пескьера, Верона, Леньяно и Мантуя) между Ломбардіей и Венеціанской областью, въ которой тоже вспыхнуло возстаніе. Ломбардцы учредили временное правительство и начали организовать войско. Временное правительство было учреждено и въ Венеціи, гдѣ было провозглашено возстановленіе «республики св. Марка». Пармскій и моденскій герцоги, находившіеся въ союзѣ съ Австріей, были вынуждены покинуть свои резиденціи. Движеніе передалось и въ другія части Италіи. Король сардинскій, Карлъ-Альбертъ, двинулъ свою армію въ Ломбардію безъ всякаго формальнаго объявленія войны Австріи и занялъ Миланъ, причемъ къ его арміи примкнули войска и другихъ итальянскихъ государствъ. Примѣръ поданъ былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ. Папа Пій IX издалъ 30 марта воззваніе «къ народамъ Италіи», поощрявшее ихъ къ войнѣ за освобожденіе, и начальникъ его арміи двинулся на помощь къ Карлу-Альберту. Въ Неаполѣ произошло народное движеніе, и король, давъ отставку министерству, которое обвинялось въ сочувствіи Австріи, обнародовалъ воззваніе къ своимъ подданнымъ о борьбѣ за свободу и славу Италіи. Это присоединеніе трехъ государей къ Карлу-Альберту не было, конечно, дѣломъ порыва ихъ патріотическихъ чувствъ, а было вынуждено общественнымъ движеніемъ, въ сущности же, эти государи относились къ національнымъ стремленіямъ подозрительно, да и другъ другу плохо довѣряли. Въ данномъ случаѣ въ Италіи происходило то же самое, что́ и въ Германіи, гдѣ тоже лишь страхъ передъ революціей заставлялъ государей дѣлаться поборниками національнаго единства, а потомъ они при первой же возможности переходили на сторону реакціи.

Первымъ отсталъ отъ національнаго дѣла Пій IX. Испуганный демократическимъ движеніемъ и недовольствомъ правовѣрныхъ католиковъ, онъ объявилъ 29 апрѣля, что не можетъ принимать участія въ войнѣ, будучи намѣстникомъ на землѣ Верховнаго Миротворца. Въ Римѣ вслѣдъ за этимъ произошло возстаніе, заставившее Пія IX учредить чисто свѣтское министерство, которое не отказалось отъ участія въ войнѣ, но самъ папа нанесъ сильный ударъ своей популярности въ Италіи: для вѣры въ то, что св. престолъ объединитъ Италію, бывшей столь распространенною до того времени, уже не могло быть болѣе мѣста. Зато заявленіе Пія IX очень обрадовало неаполитанскаго

короля, которому скоро также представился случай отступиться отъ общаго итальянскаго дѣла. Сицилійцы, еще ранѣе этого потребовавшіе у него конституціи, не желая подчиниться общей для всего королевства конституціи, отложились отъ Неаполя, и 13 апрѣля ихъ парламентъ объявилъ низложеніе Фердинанда II и призваніе на престолъ въ будущемъ, когда окончится пересмотръ конституціи, одного изъ итальянскихъ принцевъ. Для усмиренія мятежныхъ подданныхъ королю Обѣихъ Сицилій понадобились войска, и это было хорошимъ предлогомъ для того, чтобы отступиться отъ итальянскаго дѣла. Затѣмъ и въ самомъ Неаполѣ произошелъ переворотъ. 15 мая собрались неаполитанскія палаты, но въ тотъ же день были распущены королемъ, нашедшимъ, что онѣ превышаютъ свою власть. Неаполитанскіе демократы подняли возстаніе и стали строить баррикады, но оно было подавлено швейцарской гвардіей и ладзарони. Новое реакціонное министерство отозвало назадъ армію, посланную на помощь Карлу-Альберту и флотъ, отправленный на помощь Венеціи. Между тѣмъ Австрія представила свое дѣло въ Италіи, какъ дѣло, задѣвающее всю Германію. Въ Тиролѣ образовались нѣмецкіе отряды и двинулись въ Италію. Радецкій перешелъ тогда въ наступленіе и послѣ ряда успѣшныхъ движеній разбилъ Карла-Альберта при Кустоццѣ (25 іюля). Ломбардія была вновь во власти Австріи, и одна только Венеція еще кое-какъ оказывала сопротивленіе.

Такимъ образомъ, еще весною и лѣтомъ 1848 г. были подавлены и неаполитанская, и ломбардская революціи. Съ сицилійской революціей дѣло оказалось болѣе труднымъ. Фердинандъ II отправилъ на островъ неаполитанскую армію, которая бомбардировала въ октябрѣ Мессину и другіе города, откуда Фердинандъ II получилъ свое прозвище «Бомбы» (il re Bomba), но только въ маѣ 1849 г. этой арміи удалось занять столицу Сициліи, Палермо, и водворить на всемъ островѣ абсолютизмъ. Около того же времени неограниченное правленіе было возстановлено и въ самомъ Неаполѣ.

Ранѣе всего, слѣдовательно, отстала отъ національнаго движенія и испытала на себѣ реакцію южная Италія. Въ средней и сѣверной неудача Карла-Альберта не остановила еще движенія. Кромѣ партіи, которая думала достигнуть объединенія Италіи путемъ федераціи отдѣльныхъ государей, здѣсь образовалась еще партія республиканская, стремившаяся рѣшить вопросъ о буду-

щемъ устройствѣ Италіи созывомъ общаго парламента. Во главѣ этой партіи стоялъ Мадзини, главнымъ полемъ ея дѣйствія была средняя Италія, гдѣ въ концѣ 1848 и началѣ 1849 г. республиканцы имѣли значительный успѣхъ. Сторонники демократической партіи вербовались въ большихъ городахъ на всемъ пространствѣ Италіи, и они расчитывали на помощь со стороны Французской республики. Эта надежда оказалась, однако, обманчивой, а, кромѣ того, и въ самой Италіи республиканцы встрѣтили сильную оппозицію со стороны конституціонныхъ монархистовъ, опиравшихся на Сардинію, которая, хотя и потерпѣла отъ Австріи пораженіе лѣтомъ 1848 г., еще не отказывалась отъ роли объединительницы Италіи. Расколъ между конституціонными монархистами и республиканцами значительно вредилъ національному дѣлу. Австрія, управившаяся постепенно съ революціями въ другихъ своихъ земляхъ, могла направить всѣ свои силы на Италію, оказавшуюся въ это время разъединенною. Неаполитанское правительство поддерживало реакцію и въ этомъ отношеніи помогало Австріи. Средняя Италія, въ которой установились республики, и сѣверная, присоединившаяся къ Сардинскому королевству, дѣйствовали несолидарно. Въ довершеніе всего, Франція, гдѣ тоже была тогда во всемъ ходу реакція, прямо даже выступила въ роли усмирительницы итальянской революціи.

Республики были объявлены въ Римѣ, въ Тосканѣ и въ Венеціи. Въ Римѣ народныя волненія, вызванныя отказомъ папы отъ участія въ общемъ итальянскомъ дѣлѣ, не прекращались. Самъ Пій IX рѣшительно сталъ на сторону реакціи, такъ что въ началѣ іюня между нимъ и новымъ министерствомъ произошелъ разладъ. Палаты выразили желаніе, чтобы папа отдѣлилъ свою власть, какъ государя, отъ власти своей, какъ главы церкви, и установилъ министерство, отвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ, но на это требованіе Пій IX отвѣчалъ отказомъ. Затѣмъ онъ образовалъ новое министерство, но его глава, Росси, бывшій ярымъ врагомъ демократіи, былъ убитъ кинжаломъ въ зданіи палатъ, и вслѣдъ за этимъ уличная толпа, собравшаяся передъ Квириналомъ, заставила папу назначить радикальное министерство. Фактически власть перешла теперь въ руки демократическаго клуба, вслѣдствіе чего Пій IX бѣжалъ въ Гаэту подъ покровительство неаполитанскаго короля (24 ноября). Въ Римѣ учреждено было временное правительство, и произведены были выборы въ учредительное собраніе. Въ первомъ же засѣ-

даніи своемъ 9 февраля 1849 г. это собраніе объявило свѣтскую власть папы въ Римѣ отмѣненною и провозгласило республику. Во главѣ новой республики было поставлено временное правительство изъ трехъ лицъ подъ предсѣдательствомъ Мадзини. Вмѣстѣ съ этимъ Джузеппе Гарибальди, принимавшій въ 1848 г. участіе въ войнѣ противъ Австріи, организовалъ изъ добровольцевъ народное ополченіе. Самый Римъ, куда стали стекаться демократы изъ другихъ частей Италіи, рѣшено было сдѣлать главнымъ оплотомъ для объединенія Италіи на началахъ демократической республики.

Республика на время установилась и въ Тосканѣ. Въ началѣ 1849 г. и здѣсь подъ давленіемъ демократовъ было созвано учредительное собраніе, но вслѣдъ за тѣмъ произошло народное возстаніе, принудившее великаго герцога бѣжать въ Гаэту. Главною квартирою тосканской республиканской партіи сдѣлалсяЛиворно, гдѣ волненія происходили еще въ 1848 г., въ самой же Флоренціи преобладаніе получили умѣренные либералы, которые уже весною 1849 г. произвели монархическій переворотъ и образовали новое правительство, обратившееся къ великому герцогу съ приглашеніемъ возвратиться въ свою столицу.

Послѣ объявленія республикъ въ Римѣ и въ Тосканѣ Сардинія возобновила войну съ Австріей. Карлъ-Альбертъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что часть итальянцевъ стремится къ республикѣ; онъ даже началъ подумывать, что, быть можетъ, лучше будетъ добиться уступокъ отъ самой Австріи, находившейся въ крайне опасномъ положеніи, и расчитывалъ на помощь англійской дипломатіи. Недовѣріе, возникшее въ немъ къ итальянской революціи, сильно мѣшало, однако, энергіи его дѣйствій. Послѣ пораженія при Кустоццѣ въ концѣ іюля 1848 г. и вступленія австрійцевъ въ Миланъ Карлъ-Альбертъ заключилъ съ Австріей перемиріе. Ломбардія, которая за два мѣсяца передъ тѣмъ присоединилась къ его владѣніямъ въ силу народнаго голосованія, была возвращена Австріи. Венеція, тоже въ началѣ іюля рѣшившая присоединиться къ Сардиніи, возстановила у себя республику. Такимъ образомъ, въ началѣ 1849 г. въ Италіи республиканское правительство существовало въ трехъ государствахъ, когда Карлъ-Альбертъ снова сдѣлалъ попытку монархическаго объединенія Италіи. Постоянно оскорбляемый республиканцами за свою неудачу, видя ихъ успѣхи въ средней Италіи, подстрекаемый радикальною частью собственныхъ подданныхъ, онъ въ 1849 г. снова началъ

надѣяться на то, что Австрія, занятая домашними дѣлами, вынуждена будетъ уступить. Подъ предлогомъ неисполненія условій перемирія Карлъ-Альбертъ въ мартѣ 1849 г. двинулъ свою армію въ Ломбардію. Новая война продолжалась всего четыре дня. При Новарѣ 24 марта Радецкій разбилъ сардинскую армію, и военныя дѣйствія должны были прекратиться. Карлъ-Альбертъ отрекся тогда отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила и бѣжалъ за границу. Новый король заключилъ съ Радецкимъ перемиріе. Сардинская палата не хотѣла его утвердить, а въ Генуѣ даже вспыхнуло возстаніе. Палата была распущена, возстаніе же подавлено военною силою.

Послѣ вторичнаго пораженія Сардиніи центромъ итальянской революціи остался Римъ, да Венеція еще продолжала обороняться противъ австрійцевъ. Но и дни обѣихъ республикъ были сочтены. Пій IX обратился за помощью противъ мятежныхъ подданныхъ къ католическимъ державамъ. Съ юга въ Церковную Область вступила неаполитанская армія, но была отражена республиканскимъ войскомъ. Испанія ограничилась присылкою двухъ военныхъ кораблей. Главная задача усмиренія выпала на долю Австріи и Франціи. Вмѣшательство этихъ державъ въ 1849 г. въ итальянскія дѣла съ цѣлью подавленія революціи было возвращеніемъ къ той политикѣ, въ которой незадолго до революціи 1848 г. согласились между собою Меттернихъ и Гизо, низвергнутые этой революціей. Что Австрія, справившаяся съ возстаніями своихъ нѣмецкихъ и славянскихъ подданныхъ, должна была выступить въ роли усмирительницы и итальянской революціи, это было вполнѣ естественно. По отношенію къ Римской республикѣ австрійцы ограничились, однако, занятіемъ одной сѣверной части Церковной Области (такъ называемой Романьи). Покореніе Тосканы совершилось послѣ занятія Ливорно, главнаго пункта мѣстнаго республиканскаго движенія. Парма и Модена, присоединившіяся-было къ Сардинскому королевству, были скоро возвращены своимъ владѣтелямъ. Въ концѣ августа сдалась австрійцамъ и Венеція. Такимъ образомъ Австрія возвратила себѣ свои итальянскія владѣнія и заняла прежнее положеніе въ другихъ частяхъ Италіи. Ея военныя силы оставались въ Тосканѣ и въ Романьѣ до 1859 г., причемъ великій герцогъ тосканскій въ угоду вѣнскому правительству отмѣнилъ въ 1852 г. конституцію 1848 г. и уничтожилъ свободу печати. Въ Пармѣ и Моденѣ былъ также возстановленъ абсолютизмъ. Реставраціей пап-

ской власти въ самомъ Римѣ занялась Французская республика, президентъ которой тогда уже открыто дѣйствовалъ въ пользу духовенства. Въ апрѣлѣ 1849 г. въ Чивитта-Веккіи высадился небольшой отрядъ французовъ, заявившихъ, что они пришли въ качествѣ доброжелателей, дабы предохранить страну отъ занятія австрійцами и неаполитанцами и отъ клерикальной реакціи. Римскіе республиканцы отвергли ихъ услуги. Сначала французы не имѣли военнаго успѣха, но въ концѣ концовъ Римъ послѣ упорнаго сопротивленія былъ ими взятъ, и они оставили въ немъ свой гарнизонъ. Папская власть была, такимъ образомъ, возстановлена, но лишь въ апрѣлѣ 1850 г. Пій IX рѣшился вернуться въ свою столицу. Отъ прежней его популярности не осталось и слѣда, да и самъ онъ сдѣлался на все дальнѣйшее время настоящимъ папою реакціи.

Итальянская революція была побѣждена, какъ и въ началѣ двадцатыхъ или въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Многіе ея вожди поплатились за свое участіе въ ней жизнью или тюремнымъ заключеніемъ, другимъ удалось бѣжать. Въ числѣ послѣднихъ были Мадзини и Гарибальди, которымъ пришлось въ изгнаніи ожидать наступленія лучшихъ временъ.

Одно только Сардинское королевство избѣжало реакціи абсолютизма. Хотя Австрія и предлагала Виктору-Эммануилу заключить миръ на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ, если онъ уничтожитъ конституцію 1848 г., онъ на это не согласился, и этой конституціи въ шестидесятыхъ годахъ суждено было сдѣлаться конституціей объединенной Италіи при томъ же Викторѣ-Эммануилѣ. Въ его владѣніяхъ даже находили пріютъ политическіе выходцы изъ другихъ частей Италіи. Свобода печати также не была уничтожена въ его королевствѣ. Въ немъ одномъ, равнымъ образомъ, изъ всѣхъ итальянскихъ государствъ не получила силы и реакція католизма, и здѣсь даже были предприняты нѣкоторыя реформы, которыя должны были ослабить власть и вліяніе духовенства, напротивъ, усилившихся въ другихъ мѣстахъ послѣ подавленія революціи.

Революціей 1848 г. оканчивается нашъ обзоръ исторіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Слѣдующимъ отдѣломъ исторіи XIX в. являются пятидесятые и шестидесятые годы, два десятилѣтія, въ первомъ изъ которыхъ царила реакція, во второмъ произошло возрожденіе политическихъ, соціальныхъ и національныхъ стремленій предъидущей эпохи.

XXII. Побѣда реакціи надъ революціей 1848 г. [1]).

Основныя причины неудачи революціи 1848 г.—Общая реакція пятидесятыхъ годовъ.—Союзъ консервативныхъ силъ.—Главныя проявленія реакціи въ отдѣльныхъ странахъ.—Усиленіе реакціоннаго католицизма.—Философская идеологія реакціи.—Изгнанничество вождей демократіи.—Временный упадокъ соціальнаго движенія.—Оживленіе освободительныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ.

Революція 1848 г. окончилась неудачею. Политическая свобода не была достигнута. Конституціи, введенныя въ этомъ году въ нѣкоторыхъ странахъ, были отмѣнены, а Франція даже лишилась той политической свободы, которою пользовалась раньше. Особенно сильнымъ былъ разгромъ демократіи и республиканскихъ партій. Соціализмъ былъ тоже подавленъ. Не осуществились и національныя стремленія. Германское и итальянское національное единство осталось попрежнему мечтою патріотовъ, а австрійскіе народы снова должны были подчиниться германизаторской политикѣ Вѣны. Причины этой неудачи всѣхъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній бурнаго «сорокъ восьмого года» были очень сложны: здѣсь мы можемъ остановиться лишь на главнѣйшихъ.

Одновременность революціоннаго взрыва въ разныхъ странахъ и общій демократическій характеръ всего движенія 1848 г., повидимому, соотвѣтствовали призывамъ къ международной солидарности, шедшимъ отъ вождей тогдашней демократіи. Они говорили, что у всѣхъ народовъ былъ одинъ и тотъ же врагъ, но не принимали въ расчетъ тѣхъ условій реальной жизни, которыя поселяли вражду между отдѣльными націями и питали національный эгоизмъ, стоявшій поперекъ дороги къ междуплеменной солидарности. Революція 1848 г. захватила въ свой кругъ и національные инстинкты и интересы отдѣльныхъ народовъ, уже раньше бывшихъ недовольными своимъ положеніемъ. Политически угнетенныя или раздробленныя національности стремились къ освобожденію отъ иноплеменнаго ига, къ равноправію, къ единству и въ этомъ своемъ стремленіи не могли не задѣ-

---

[1]) Уч. кн., §§ 309—312, 325 и 334. — И. З. Е., т. V, гл. XXII, XXIII, XXIV, XXV и XXVI.—Нар.-прав. госуд., гл. XVIII.

вать предразсудковъ, страстей и интересовъ другихъ народовъ, что̀ приводило къ междуплеменной борьбѣ, только ослаблявшей освободительное движеніе, взятое въ его цѣломъ, и даже прямо помогавшей реакціоннымъ элементамъ въ ихъ стремленіи подавить движеніе впередъ. Нѣмецкая революція, поставившая себѣ, какъ одну изъ главныхъ своихъ задачъ, объединеніе Германіи, проявила немало національнаго эгоизма. Объединяя свое отечество во имя національной идеи, видные дѣятели эпохи стояли на точкѣ зрѣнія «Германія для нѣмцевъ» и выражали удовольствіе по поводу насильственнаго усмиренія чешской революціи. Мадьяры въ своемъ національномъ шовинизмѣ, какъ мы видѣли, шли еще дальше. Несогласія, обнаружившіяся между представителями отдѣльныхъ національностей въ государственномъ сеймѣ, собранномъ въ іюлѣ 1848 г. въ Вѣнѣ, относятся къ той же категоріи явленій. Народы Австріи ненавидѣли свое центральное правительство, но еще болѣе ненавидѣли другъ друга. Болѣе отсталые въ культурномъ и политическомъ отношеніи австрійскіе славяне даже оказали поддержку и помощь Габсбургамъ противъ ихъ мятежныхъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ подданныхъ. Наконецъ, тѣ же событія показали, что нельзя было ожидать и мирнаго разрѣшенія вопросовъ объ итальянскомъ и германскомъ національномъ единствѣ: именно, германско-датская и сардино-австрійская войны хорошо свидѣтельствовали объ этомъ.

Соединеніе въ революціи 1848 г. съ политическими стремленіями стремленій національныхъ создавало и силу этой революціи, но обусловливало также и ея слабость. Цѣлые народы пришли въ движеніе, чтобы отстоять свое право на національное самоопредѣленіе, на свободу, на равноправіе, на политическое объединеніе, и это какъ-разъ усиливало чисто политическую сторону революціи, но въ тѣхъ же самыхъ національныхъ стремленіяхъ лежали и причины того междуплеменнаго разброда, который приводилъ къ побѣдѣ реакціи. Наконецъ, и уровень культурно-политическаго развитія отдѣльныхъ національностей, принимавшихъ участіе въ борьбѣ, былъ далеко не одинаковъ: напримѣръ, большинство австрійскихъ славянъ совсѣмъ не стояло на высотѣ пониманія тѣхъ принциповъ, во имя которыхъ вели упорную борьбу нѣмецкіе подданные тѣхъ же самыхъ Габсбурговъ. Совершенную аналогію съ этою національною стороною революціи представляетъ и ея сторона соціальная.

Соединеніе въ движеніи 1848 г. съ политическими стремле-

ніями стремленій соціальныхъ составляло и сильную, и слабую сторону революціи,—сильную—поскольку въ ней для осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій приняли участіе и народныя массы, слабую — поскольку постановка соціальныхъ требованій имѣла въ результатѣ вскрытіе антагонизма классовыхъ интересовъ, тоже приведшаго, какъ и междуплеменныя распри, къ разброду движенія по разнымъ направленіямъ. Въ революціи участвовали рука объ руку и буржуазія, и крестьянство, и городской пролетаріатъ, какъ участвовали и либералы, и радикалы, а среди нихъ какъ демократы чисто политическаго оттѣнка, такъ и соціалисты. Участіе въ событіяхъ того времени рабочаго класса, въ качествѣ самостоятельной общественной силы, и участіе въ нихъ соціалистовъ, въ качествѣ особой категоріи революціонныхъ дѣятелей, составляетъ то новое въ исторіи западно-европейскихъ политическихъ движеній, наличность котораго позволяетъ намъ говорить объ исполненіи въ 1848 г. прогноза, высказаннаго незадолго передъ тѣмъ Лоренцомъ Штейномъ. Такіе дѣятели, какъ Луи Бланъ и Марксъ, даже прямо ставили революціи соціалистическія задачи. Но именно самостоятельное выступленіе рабочихъ и предъявленіе соціалистами своихъ требованій и внесли въ среду оппозиціи расколъ, послужившій на пользу реакціи. Сила первоначальнаго натиска на установившіеся порядки обусловливалась тѣмъ, что въ немъ приняли участіе всѣ общественные классы, бывшіе вообще недовольными своимъ положеніемъ, но немедленно же обнаружилось, что въ пониманіи ими новаго строя заключались непримиримыя противорѣчія, и естественнымъ результатомъ этого былъ разбродъ общественныхъ силъ, участвовавшихъ въ революціи. Одного хотѣла буржуазія, другого—народныя массы. Для буржуазіи все дѣло заключалось въ политической реформѣ, въ установленіи представительства и равноправія, въ осуществленіи свободъ; многіе изъ этого класса выступали, какъ крайніе демократы и даже республиканцы, но они оставались на точкѣ зрѣнія существующаго экономическаго строя, защищать который наиболѣе заинтересованныя въ его сохраненіи группы готовы были даже путемъ уступокъ изъ своихъ политическихъ требованій. Въ народныхъ массахъ наибольшею популярностью пользовались, наоборотъ, требованія соціальнаго характера, и для многихъ самое осуществленіе политическихъ реформъ казалось только средствомъ, необходимымъ для проведенія въ жизнь преобразованій соціальныхъ, противъ которыхъ была буржуазія. Ко-

нечно, политическій принципъ равноправія, какъ имѣющій свою соціальную сторону, не могъ не быть особенно популярнымъ въ народныхъ массахъ, но многіе элементы этихъ массъ, главнымъ образомъ, крестьянство, еще не стояли на томъ уровнѣ развитія, на которомъ люди умѣютъ цѣнить свободу ради благъ, заключающихся въ ней самой.

Въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи и въ разноплеменной Австріи въ революціи приняли участіе и крестьяне. Выступленіе сельскаго населенія для насъ тѣмъ понятнѣе, что въ однихъ изъ этихъ государствъ — и особенно какъ-разъ въ Австріи — крестьянство все еще находилось въ подчиненіи чисто средневѣковымъ, феодальнымъ порядкамъ, въ другихъ же, гдѣ уже раньше были предприняты разныя крестьянскія реформы, новые порядки были крайне несовершенны и оставляли желать много лучшаго. Крестьянскія возстанія, конечно, придали много силы революціи, но едва только требованія крестьянъ были удовлетворены напуганными революціей правительствами, какъ сельскія массы отстали отъ движенія и даже начали содѣйствовать возстановленію порядка. Прямо реакціонную роль сыграло французское крестьянство, тоже напуганное стремленіями городского пролетаріата, заподозрѣннаго крестьянами въ стремленіи къ раздѣлу земель, такъ что введеніемъ всеобщаго избирательнаго права французская сельская демократія воспользовалась для посылки въ палату какъ-разъ консервативныхъ депутатовъ.—Гораздо болѣе продолжительную, дѣятельную и бурную роль въ событіяхъ игралъ рабочій классъ большихъ городовъ и въ частности такихъ столичныхъ центровъ, какъ Парижъ, Берлинъ и Вѣна. Первые мѣсяцы второй республики во Франціи были временемъ непрерывныхъ революціонныхъ выступленій рабочаго класса, все болѣе и болѣе подпадавшаго подъ вліяніе соціализма, пока пораженіе парижскаго пролетаріата войсками республики въ іюнѣ 1848 г. не положило начала реакціи, приведшей Францію ко второй имперіи. Аналогичные результаты выступленіе рабочихъ съ соціальными требованіями имѣло и въ Пруссіи, и въ Австріи, да и вообще во всей Германіи. Нѣмецкое бюргерство, бывшее, главнымъ образомъ, представленнымъ во франкфуртскомъ парламентѣ, далеко не раздѣляло стремленій рабочаго класса, и даже въ республиканскомъ меньшинствѣ этого парламента было очень немного людей, вносившихъ въ свое политическое міросозерцаніе соціальный оттѣнокъ. Классовыя стремленія рабочихъ, несомнѣнно,

склоняли бюргерство къ заключенію съ правительствами компромиссовъ и вообще къ большей политической умѣренности, и то же самое бюргерство очень хлопотало, чтобы предержащія власти какъ можно скорѣе и полнѣе удовлетворяли крестьянскія требованія, да и съ своей стороны дѣлая многое для того, чтобы отвлечь крестьянъ отъ болѣе тѣснаго единенія съ рабочими. Вотъ почему для крестьянъ средней Европы 1848 годъ принесъ выгоды, которыхъ реакція, наступившая послѣ подавленія революціи, совершенно лишила городскихъ рабочихъ: этотъ годъ вырылъ могилу для феодально-крѣпостническаго режима и въ нѣмецкихъ государствахъ, и въ разноплеменной Австріи.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что на сторонѣ правительствъ, вступившихъ въ борьбу съ революціей, оставалась военная сила армій, при помощи которой старыя власти постепенно справились со всѣми своими противниками. Первый ударъ демократіи былъ нанесенъ солдатами второй республики на площадяхъ и улицахъ Парижа въ злополучные «іюньскіе дни» 1848 г., и при военной же помощи былъ совершенъ государственный переворотъ 2 декабря 1851 г., ставшій преддверіемъ къ возстановленію во Франціи имперіи. Осенью же 1848 г. сдѣланы были первые успѣшные шаги къ военному подавленію революціи въ Австріи и Пруссіи, которыя потомъ, въ 1849 г., своими войсками усмирили и республиканскія возстанія, а Венгрію въ 1849 г. помогла Австріи покорить своею арміей Россія. Въ Италіи революцію усмирили тоже войска и мѣстныхъ государствъ, и иностранныя.

Къ 1850 г. революція была побѣждена повсемѣстно, и слѣдующее десятилѣтіе было временемъ самой сильной реакціи, начавшей смягчаться только къ 1860 г. Въ этой реакціи приняли участіе и правительства, и имущіе классы, выразилась же она, прежде всего, въ значительномъ ослабленіи конституціонализма, а въ иныхъ мѣстахъ и въ прямомъ возвращеніи къ абсолютизму. Въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи представительное правленіе,—гдѣ оно существовало, — было достояніемъ лишь самой зажиточной части населенія, движеніе же 1848 г. отличалось рѣзко выраженнымъ демократическимъ характеромъ, что̀ бросило въ ряды реакціи и бо́льшую часть буржуазіи, особенно послѣ того, какъ стало совершенно ясно, что за политическимъ радикализмомъ, отстаивавшимъ права народной массы на участіе въ государственной власти, уже выступала

соціальная демократія, требовавшая передѣлки самого экономическаго строя общества. «Красный призракъ» сдѣлался тѣмъ факторомъ, который дозволилъ совершиться политической реакціи, въ свою очередь повлекшей за собою и паденіе національныхъ стремленій. Наиболѣе сильнымъ и строгимъ преслѣдованіямъ въ эту эпоху подвергся соціализмъ, встрѣтившій одинаково сильный отпоръ со стороны какъ правительствъ, такъ и имущихъ классовъ общества. На этой почвѣ представители абсолютизма готовы были идти на уступки умѣренному либерализму, когда этимъ можно было купить содѣйствіе либераловъ противъ демократіи, и сами либералы не прочь были поступаться своими принципами въ пользу сильной власти, если послѣдняя обезпечивала порядокъ. Соціальная демократія грозила «собственности, порядку и религіи», чѣмъ опредѣлялась политика консервативныхъ интересовъ. Порядокъ нуженъ былъ для охраны угрожаемой собственности, религія—для упроченія порядка, совершенно такъ же, какъ это было въ эпоху реакціи, вызванной великой французской революціей и ея непосредственными слѣдствіями.

Яснѣе всего наблюдается это направленіе во Франціи, гдѣ на сторону порядка, представителемъ котораго сдѣлался Наполеонъ III, перешли многіе люди, считавшіе раньше парламентскую систему истинною основою гражданской свободы, и гдѣ самый этотъ порядокъ сталъ искать опоры не только въ штыкахъ преданной арміи, но и въ католическомъ духовенствѣ, которому правительство дѣлало всевозможныя уступки. До 2 декабря 1851 г. положеніе дѣлъ во Франціи считалось все-таки непрочнымъ, и это вызывало опасенія у всѣхъ защитниковъ консервативныхъ интересовъ за границей. Когда за границею узнали о государственномъ переворотѣ, вездѣ вздохнули легче. Недаромъ представители иностранныхъ дворовъ въ Парижѣ поспѣшили поздравить новаго владыку Франціи и выразить ему чувства признательности и даже удивленія. Недаромъ радовался и папа—и посылалъ благословеніе славному защитнику религіи. Только принятіе Людовикомъ-Наполеономъ императорскаго титула и имени Наполеона III непріятно задѣло иностранные дворы, увидѣвшіе въ этомъ нарушеніе трактатовъ 1815 г., но они все-таки не рѣшились не признать Наполеона III, такъ какъ онъ былъ представителемъ порядка и далъ обѣщаніе, что поставитъ задачею своей иностранной политики охрану мира. Въ глазахъ реакціонеровъ и консерваторовъ всѣхъ

странъ Наполеонъ III сдѣлался поэтому настоящимъ «спасителемъ общества», его имперія—оплотомъ противъ всякихъ демагогическихъ замысловъ и происковъ.

Изъ всѣхъ правительствъ, которыя привѣтствовали государственный переворотъ 2 декабря, болѣе всего ликовало правительство австрійское, заявлявшее, что у обоихъ правительствъ врагъ одинъ и тотъ же—революція, т.-е. повторявшее то же самое, что говорили уже Меттернихъ и Гизо. Менѣе, нежели на разстояніи мѣсяца послѣ французскаго государственнаго переворота, и въ Австріи отмѣнена была конституція 4 марта 1849 г. императорскимъ указомъ 31 декабря 1851 г. Въ монархіи Габсбурговъ, такимъ образомъ, формально былъ возстановленъ прежній абсолютизмъ. Въ ней все теперь должно было вернуться къ тому положенію, въ какомъ было до революціи, и, кромѣ того, благодаря своему положенію въ Германіи и Италіи, Австрія имѣла возможность сильно содѣйствовать реакціи и въ другихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ государствахъ. Традиціи Священнаго союза снова утверждались австрійскою политикой начала пятидесятыхъ годовъ. Успѣхи Габсбурговъ въ эту эпоху объясняются и сильною поддержкою, какую имъ оказывала Россія. Лишь съ русскою помощью одолѣла Австрія венгерскую революцію. Испуганному воображенію Западной Европы могло казаться, что въ данномъ случаѣ русскій императоръ дѣйствовалъ въ духѣ панславизма, какъ бы заступившись за славянъ, угнетаемыхъ мадьярами, но на самомъ дѣлѣ это была помощь въ духѣ принциповъ Священнаго союза, не имѣвшаго ничего общаго съ какою бы то ни было національною политикою. Русское правительство отнеслось враждебно и къ объединенію Германіи опять-таки потому, что оно было дѣломъ революціи; и въ данномъ также случаѣ Австріи очень пригодилась помощь петербургскаго двора. Въ числѣ причинъ, заставившихъ прусскаго короля отказаться отъ императорской короны, предложенной ему франкфуртскимъ парламентомъ, было прямое давленіе на него со стороны Россіи, которая потомъ выступала и въ роли третейскаго судьи между Австріей и Пруссіей. Николай I не могъ простить Фридриху-Вильгельму IV введенія въ Пруссіи «демократической конституціи», и благодаря поддержкѣ съ русской стороны Францу-Іосифу, Пруссія подчинилась всѣмъ требованіямъ Австріи, отказавшись отъ всякой самостоятельной политики, уничтоживши свой отдѣльный союзъ съ нѣкоторыми нѣмецкими государствами и безусловно признавши воз-

становленіе стараго союзнаго сейма. Впрочемъ, въ Берлинѣ скоро забыли униженіе, которому подверглась Пруссія по милости русской политики, и здѣсь также стали смотрѣть на Россію, какъ на единственную прочную опору консервативныхъ интересовъ, такъ что при берлинскомъ дворѣ даже образовалась большая и вліятельная партія, чуть не обоготворявшая Николая I.

Въ 1851 г. положеніе дѣлъ въ Германіи возвратилось къ порядку, созданному вѣнскимъ конгрессомъ. Въ Вѣну даже вернулся Меттернихъ, который и изъ своего изгнанія не переставалъ, впрочемъ, давать совѣты австрійскому правительству; теперь онъ опять сдѣлался, хотя и не оффиціальнымъ, руководителемъ австрійской политики и оставался имъ до самой своей смерти. Реакція въ Германіи выразилась не только въ возстановленіи стараго устройства съ союзнымъ сеймомъ во главѣ, но и въ уничтоженіи въ отдѣльныхъ государствахъ большей части пріобрѣтеній революціи 1848 г. Иниціатива всѣхъ реакціонныхъ мѣръ въ Германіи принадлежала Австріи, политикѣ которой должна была подчиняться и Пруссія. Среднія и мелкія нѣмецкія государства слѣдовали указывавшемуся ими направленію. Почти вездѣ правительства отмѣнили уступки, вынужденныя у нихъ въ 1848 г., возстановили административный произволъ, поощряли дворянство въ его стремленіи возстановить прежнія привилегіи, содѣйствовали духовенству въ его попыткахъ вернуть былую власть надъ свѣтскимъ обществомъ. Саксонія и Ганноверъ, Мекленбургъ и Липпе-Детмольдъ, Гессенъ-Кассель и Гессенъ-Дармштадтъ были тѣми государствами, гдѣ реакція отличалась особою силою. Даже въ такихъ государствахъ, въ которыхъ отношенія между правителями и подданными оставались сравнительно сносными, да и сами государи противились крайностямъ реакціи (Баденъ, Вюртембергъ, Баварія), всякій либерализмъ былъ въ опалѣ, и все, что напоминало собою демократическія стремленія, подвергалось пресѣченію. Лишь въ очень немногихъ земляхъ (главнымъ образомъ, въ Саксенъ-Веймарѣ и Кобургъ-Готѣ) не было принимаемо репрессивныхъ мѣръ противъ свободнаго выраженія политическихъ мнѣній, конечно, въ предѣлахъ извѣстной умѣренности.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV не отмѣнилъ утвержденной имъ въ 1850 г. прусской конституціи, но въ 1854 г. учрежденіемъ верхней палаты сдѣлалъ ее еще болѣе консервативной. Демократическая партія сама устранилась отъ парламентской дѣятельности, и положеніемъ овладѣла партія консервативно-конституціонная, въ

соглашеніи съ которою правительство издало конституцію. Этотъ союзъ антидемократическихъ общественныхъ классовъ не только вообще шелъ на уступки правительству, но даже старался выставлять на видъ свою лойяльность, дабы тѣмъ самымъ на дѣлѣ опровергать обвиненія, возводившіяся на конституціонную систему крайними ретроградами. Прусская консервативно-конституціонная партія объединяла промышленную буржуазію съ чиновничествомъ и дворянствомъ. Буржуазія, стоявшая во главѣ революціоннаго движенія 1848 г., но отшатнувшаяся отъ него, когда оно приняло соціальный характеръ, стала искать сближенія съ властью, изданіе же королемъ избирательнаго закона, составленнаго въ интересахъ имущихъ классовъ, было шагомъ, который былъ сдѣланъ и самимъ правительствомъ для привлеченія буржуазіи на свою сторону. Заискивая у нея, правительство изъ ея рядовъ стало назначать на разныя вліятельныя должности. Чиновничество было сначала очень недовольно уступками, сдѣланными революціи, и всячески имъ противодѣйствовало, пока само не сложилось въ сильную правительственную партію, поставившую прямою своею задачею содѣйствовать всѣми мѣрами расширенію королевской прерогативы. Благодаря поддержкѣ администраціи, чиновники стали выбираться въ палату все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ: палата 1855 г. получила даже названіе «палаты ландратовъ». Третью группу рядомъ съ буржуазіей и бюрократіей составляли дворяне. Ища поддержки при дворѣ и въ ортодоксальной части лютеранскаго духовенства, феодальная партія стремилась привлечь на свою сторону и бюргеровъ, владѣвшихъ помѣстьями, и зажиточныхъ крестьянъ, боявшихся возстанія земледѣльческаго пролетаріата, и ремесленниковъ, враждебныхъ принципу свободы промышленности, и т. д. Разнородные элементы, на которые опиралось прусское «юнкерство», объединялись имъ въ разбросанные по всей странѣ «Preussenvereine» съ центральнымъ органомъ, носившимъ названіе «союза вѣрности». При такомъ составѣ представительства весьма естественнымъ было то реакціонное законодательство, которое характеризуетъ дѣйствіе прусскихъ палатъ въ пятидесятыхъ годахъ. Напримѣръ, въ 1851 г. нанесенъ былъ ударъ независимости судей путемъ разрѣшенія ихъ переводить безъ ихъ желанія съ одного мѣста на другое или даже прямо отстранять отъ должности. Въ томъ же году былъ изданъ законъ о печати, подчинившій ее полицейскому надзору, довольно близкому къ цензурѣ, а въ 1852 г.

преступленія по дѣламъ печати были изъяты изъ компетенціи суда присяжныхъ. Въ 1856 г. была возстановлена вотчинная полиція. Эта реакція отразилась и вообще на всемъ законодательствѣ о крестьянахъ. Многія реакціонныя мѣры, впрочемъ, не удалось осуществить. Къ ихъ числу нужно отнести, напримѣръ, попытку возстановленія цеховой организаціи, отмѣненной въ Пруссіи еще въ началѣ XIX вѣка.

Австрійская реакція была еще рѣшительнѣе прусской. Централистическая политика правительства и бюрократіи отличалась крайнимъ германизаторствомъ: и мадьяры, взбунтовавшіеся противъ династіи и противъ нѣмцевъ, и славяне, помогшіе династіи одолѣть и мадьяровъ, и нѣмцевъ, одинаково подвергались безпощадному онѣмеченію. Довольно указать на то, что въ Прагѣ долгое время на чешскомъ языкѣ нельзя было издавать ни одной газеты.

Реакціи подверглась и Италія. Въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ возстановленъ былъ старый австрійскій режимъ. Реставрація прежнихъ порядковъ была поддержана Австріей въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, а также въ части Церковной Области. Пій IX, опираясь на сочувствіе Австріи, отвергъ преобразованія, сдѣлать которыя ему было предложено Франціей, и возвратился къ порядкамъ, господствовавшимъ при его предшественникѣ, Григоріи XVI. Но нигдѣ реакція не доходила до такихъ крайнихъ проявленій, какъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Фердинандъ II послѣ подавленія революціи далъ полную волю своему жестокому и мстительному нраву. Начались казни, аресты, конфискаціи имуществъ, и число осужденныхъ за политическія преступленія опредѣляли цифрой 22000. Когда путешествовавшій по Италіи англійскій государственный дѣятель Гладстонъ познакомился со всѣми подробностями неаполитанской реакціи, то, возмущенный ими до глубины души, протестовалъ противъ такого режима въ письмахъ къ министру, лорду Абердину. Обнародованіе описанія жестокостей неаполитанскаго правительства произвело очень сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Европы. Подъ вліяніемъ этихъ разоблаченій англійское и французское правительства даже сдѣлали Фердинанду II представленіе о необходимости, ради спокойствія Европы, ввести въ Неаполѣ конституцію и другія реформы, а также положить конецъ жестокостямъ надъ политическими преступниками. Фердинандъ II отвергъ это представленіе, чѣмъ заставилъ оба правительства отозвать изъ Неаполя своихъ представителей.

Что касается Франціи, то въ ней воскресла вся деспотическая система Наполеона I. Агенты правительства пользовались самою широкою властью и ничѣмъ не стѣснялись въ ея проявленіи: аресты, обыски, полицейскій надзоръ, шпіонство и провокаторство были главными средствами этой системы. Покушеніе Орсини, въ январѣ 1858 г., на жизнь Наполеона III, хотя и произведенное итальянцемъ и по поводу итальянскихъ дѣлъ, дало предлогъ правительству еще болѣе обострить систему, введенную послѣ 2 декабря. Наполеонъ III раздѣлилъ Францію на пять округовъ съ маршалами во главѣ каждаго изъ нихъ и соединилъ въ рукахъ одного изъ участниковъ 2 декабря министерства военное и полиціи. Вся Франція была подвергнута усиленной охранѣ, стѣснявшей даже переѣзды внутри страны, не говоря уже о заграничныхъ сообщеніяхъ. На таможняхъ начали обыскивать путешественниковъ, не везутъ ли они чего-либо печатнаго противъ императора. Въ законодательномъ корпусѣ былъ проведенъ «законъ объ общественной безопасности», дававшій правительству право безъ всякаго суда сажать въ тюрьму, ссылать и изгонять изъ государства всѣхъ, кто только раньше подвергался осужденію по политическимъ причинамъ. Приведеніе этого закона въ дѣйствіе началось съ того, что правительство предписало всѣмъ префектамъ примѣнить его къ извѣстному количеству (20—40) лицъ въ каждомъ департаментѣ, причемъ самый выборъ ихъ былъ предоставленъ усмотрѣнію префектовъ. Цѣлью правительства было устрашить общество и отдѣлаться отъ наиболѣе непріятныхъ республиканцевъ. Совсѣмъ какъ и во времена первой имперіи, печать была сильно стѣснена правительствомъ Наполеона III. Въ 1852 г. залоги, вносившіеся издателями газетъ, были повышены до 50 тысячъ франковъ, но сверхъ того на изданіе газеты требовалось разрѣшеніе правительства, утверждавшаго и редакторовъ. Процессы по дѣламъ печати изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ были переведены въ вѣдѣніе суда исправительной полиціи, и отчеты объ этихъ процессахъ не могли печататься въ газетахъ; запрещалось печатать и пренія въ законодательномъ корпусѣ. Администрація могла давать газетамъ предостереженія и даже прямо ихъ закрывать. Въ эту эпоху во Франціи расплодились газеты и брошюры, издатели и авторы которыхъ получали внушенія и деньги отъ правительства, дабы вліять на общество въ благопріятномъ для имперіи смыслѣ. Научная дѣятельность тоже была крайне стѣснена, и въ вѣдомствѣ народнаго просвѣ-

щенія царила реакція. Въ пятидесятыхъ годахъ политическая жизнь во Франціи совершенно поэтому прекратилась, и всюду дѣйствовали только армія, чиновничество, духовенство, да оффиціальная пресса. Военные заняли при Наполеонѣ III привилегированное положеніе, и онъ охотно давалъ преданнымъ генераламъ важныя государственныя должности. Политическихъ собраній уже не существовало въ послѣднія времена второй республики, а потомъ были запрещены даже избирательныя собранія подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ нарушаютъ свободу избирателей. Послѣднее соображеніе, однако, не мѣшало правительству широко пользоваться системою оффиціальныхъ кандидатуръ, но уже на основаніи того принципа, что власть обязана просвѣщать гражданъ. Сверхъ того, правительство и его агенты въ департаментахъ прибѣгали къ очень разнообразнымъ способамъ, чтобы въ законодательный корпусъ попадали лишь сторонники существующей системы. Немудрено, что составъ законодательнаго корпуса былъ самый послушный. Сессіи корпуса были непродолжительны—всего три мѣсяца въ году, а права его весьма ограниченныя. У него не было законодательной иниціативы; публичность засѣданій могла быть всегда уничтожена требованіемъ хотя бы пяти депутатовъ; газеты имѣли право печатать лишь сокращенный оффиціальный отчетъ о преніяхъ.

Одною изъ характерныхъ чертъ реакціи пятидесятыхъ годовъ было усиленіе католицизма. Римская церковь объявила настоящую войну всему духу новѣйшаго времени и держалась этого направленія самымъ упорнымъ образомъ до смерти Пія IX. Этотъ папа, возбуждавшій либеральныя надежды въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи, сдѣлался послѣ 1848 г. отчаяннымъ реакціонеромъ. Возстановивъ свою свѣтскую власть въ Римѣ, онъ занялся реставраціей и духовнаго владычества церкви надъ свѣтскимъ обществомъ. Въ концѣ декабря 1849 г. Пій IX обратился къ епископамъ Италіи съ энцикликой («Nostris et nobiscum»), въ которой повторялись средневѣковыя опредѣленія папской власти и сама эта власть представлялась, какъ спасительница отъ всякихъ революцій. Энциклика указывала на то, что ослабленіе авторитета епископовъ и усилившееся пренебреженіе къ постановленіямъ церкви повлекли за собою также уменьшеніе повиновенія подданныхъ свѣтской власти и тѣмъ дали возможность врагамъ Бога и человѣчества легче бунтовать народы. Соціализмъ и коммунизмъ подверглись спеціальному осужденію

папы, который объявилъ ихъ порожденіемъ секуляризаціи и распродажи церковныхъ имуществъ, ослабившихъ въ людяхъ уваженіе къ собственности. Затѣмъ Пій IX задумалъ показать міру, что за нимъ все-таки еще остается высшая власть въ церкви и что установленіе новыхъ догматовъ еще не кончилось. Въ числѣ религіозныхъ мнѣній, принимать или не принимать которыя церковь предоставляла вѣрующимъ свободу, было ученіе о непорочномъ зачатіи Богородицы. Пій IX задумалъ утвердить это ученіе, какъ догматъ, и повелѣть вѣрить въ него всѣмъ чадамъ римской церкви. Обратившись по этому вопросу къ епископамъ и получивъ отъ нихъ большею частью утвердительные отвѣты, онъ личною своею властью торжественно провозгласилъ новый догматъ (1854 г.). — Общественная реакція послѣ 1848 г. получила характеръ возстановленія правовѣрной религіозности въ томъ самомъ обществѣ, которое раньше относилось къ церкви индифферентно или даже непріязненно. Особенно замѣчателенъ этотъ поворотъ къ религіозности во французской буржуазіи съ ея старыми вольтерьянскими традиціями, что содѣйствовало усиленію роли духовенства въ низшей и средней школѣ. Если уже во Франціи стало господствовать въ правящихъ классахъ такое настроеніе, еще больше должно оно было проявиться въ такихъ странахъ, какъ Австрія.

Одну изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ своихъ одержала католическая церковь въ серединѣ XIX вѣка именно здѣсь. Несмотря на общій реакціонный характеръ своей внутренней политики съ самаго начала XIX вѣка, австрійское правительство сохранило въ церковныхъ порядкахъ монархіи слѣды реформъ Іосифа II въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Послѣ революціи 1848 г. оно рѣшилось отмѣнить многіе ихъ этихъ церковныхъ порядковъ въ пользу папства и духовенства, какъ лучшихъ союзниковъ въ борьбѣ съ революціей. Уже въ 1849 г. австрійскіе епископы, собравшись въ Вѣнѣ, объявили, что національныя стремленія имѣютъ языческій характеръ, такъ какъ различіе языковъ есть слѣдствіе грѣхопаденія человѣка. Въ 1855 г. послѣ долгихъ переговоровъ Австрія заключила съ папою конкордатъ, которымъ устранялись изъ взаимныхъ отношеній церкви и государства послѣдніе признаки законодательства Іосифа II. Отнынѣ папа имѣлъ право обнародованія въ Австріи всѣхъ своихъ распоряженій безъ какого бы то ни было правительственнаго контроля; преподаваніе какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ

учебныхъ заведеніяхъ было поставлено подъ надзоръ епископовъ; государство обязывалось не допускать распространенія сочиненій, запрещенныхъ епископами и т. п. Въ подобномъ же духѣ папство стремилось заключать конкордаты и съ другими государствами. Испанскій конкордатъ 1851 г. формально воспрещалъ въ странѣ всякую иную религію, кромѣ католической, и отдавалъ въ руки духовенства народное образованіе и надзоръ за изданіемъ, ввозомъ и обращеніемъ вредныхъ книгъ. Римская курія хлопотала даже о томъ, чтобы создать привилегированное положеніе для католической церкви въ протестантскихъ странахъ, въ которыхъ у нея существовала своя паства. Въ существеннѣйшихъ статьяхъ своихъ австрійскій конкордатъ былъ введенъ въ Вюртембергѣ, несмотря на то, что большинство населенія королевства—протестантское. Гессенъ-Дармштадское правительство заключило подобный же договоръ съ архіепископомъ майнцскимъ. Прусское правительство, отстаивавшее въ предыдущемъ періодѣ свѣтское законодательство отъ притязаній католическаго духовенства, сдѣлало тоже большія уступки епископамъ, значительно расширивъ ихъ власть надъ низшимъ духовенствомъ и надъ духовными семинаріями. Пію IX удалось выхлопотать себѣ право учреждать епархіи и приходы даже въ Англіи и въ Нидерландахъ (1850 и 1853 гг.). Во Франціи, гдѣ продолжалъ дѣйствовать наполеоновскій конкордатъ, ограждавшій права государства, правительственная реакція, равнымъ образомъ, очень благопріятствовала католицизму. Всеобщая подача голосовъ при невѣжествѣ сельскаго населенія оказалась выгодною для клерикаловъ. Еще до переворота 2 декабря духовенство успѣло добиться важныхъ для себя уступокъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ значительной мѣрѣ обязанный своимъ избраніемъ въ президенты содѣйствію духовенства, Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, продолжалъ поддерживать это сословіе, которое съ своей стороны постоянно убѣждало свою паству голосовать во время выборовъ за правительственныхъ кандидатовъ. Изъ всѣхъ католическихъ странъ только одна Сардинія рѣшительно отстаивала себя отъ притязаній клерикальной реакціи, держась принципа «свободной церкви въ свободномъ государствѣ».

Реакція оказала свое дѣйствіе и на философское пониманіе государства и права. Настоящимъ идеологомъ политической реакціи сдѣлался въ эту эпоху берлинскій профессоръ Фридрихъ-Юлій Шталь, еврей, принявшій христіанство, бывшій сна-

чала гегельянцемъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ издалъ два сочиненія по философіи права, въ которыхъ подвергъ критикѣ раціонализмъ, какъ антирелигіозную основу всякой революціи, а послѣ мартовской революціи сталъ сотрудничать въ реакціонной «Крестовой газетѣ», впослѣдствіи перешедшей въ его руки, какъ главнаго редактора. Попавъ потомъ въ палату господъ въ качествѣ ея пожизненнаго члена, онъ сдѣлался духовнымъ руководителемъ общественной реакціи. Въ своемъ сочиненіи «Современныя партіи въ государствѣ и въ церкви» Шталь доказывалъ, что старый прусскій абсолютизмъ вовсе не былъ уничтоженъ представительной системой, а только ею прикрытъ и отданъ въ услуженіе либерализму. Вся задача реакціонной политики съ этой точки зрѣнія заключалась для Шталя лишь въ томъ, чтобы заставить абсолютизмъ служить консервативнымъ стремленіямъ и чтобы, опираясь на конституцію, вести борьбу противъ самого конституціонализма. Основу всей церковной, политической и соціальной борьбы онъ видѣлъ въ вопросѣ о томъ, кто долженъ опредѣлять нравственный порядокъ на землѣ—божественная или человѣческая воля. Со времени французской революціи политическій міръ распался на два враждебныхъ стана: это—сторонники легитимности и сторонники революціи. Революція, какъ всемірно-историческое понятіе, не есть синонимъ бунта, а есть цѣлая система. Возстанія, низверженія царствующихъ домовъ, превращенія монархій въ республики и т. д. еще не составляютъ сами по себѣ революцій, и наоборотъ, революціи могутъ совершаться мирными путями и даже при содѣйствіи самихъ государей. Революція заключается въ извращеніи нормальнаго отношенія между властью и подданными: когда власть и законъ, вмѣсто того, чтобы стоять надъ людьми, постоянно и притомъ принципіально становятся подъ начало людей, тогда-то вотъ и происходитъ революція. Впервые революціонный принципъ былъ провозглашенъ въ 1789 году, и здѣсь получили начало революціонныя партіи, дочери общей матери, какъ бы онѣ ни ссорились между собою, — всѣ эти либералы, демократы, соціалисты и коммунисты. Этимъ революціоннымъ партіямъ Шталь противополагалъ нѣкоторое начало, которое стоитъ выше воли людей и цѣлей правителей, т.-е. нѣчто безусловно обязательное и для подданныхъ, и для государей. Именно, противъ «ходячаго понятія о свободѣ» онъ выдвигалъ впередъ идею «нравственнаго порядка» общественной жизни, коренящагося въ божественной

волѣ. По его словамъ, либерализмъ сдѣлался знаменемъ буржуазіи, но либеральная партія, стремясь дать преобладаніе среднимъ классамъ, становится въ противорѣчіе со своимъ собственнымъ революціоннымъ принципомъ: убѣдившись въ томъ, что всеобщее избирательное право ведетъ лишь къ торжеству радикализма, либералы, не осмѣливаясь вернуться къ сословности, какъ началу реакціонному, обратились къ принципу имущественнаго ценза, съ другой же стороны, чувствуя необходимость защиты противъ низшихъ классовъ общества, начали усиливать королевскую прерогативу, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, обставляя ее такими условіями, при которыхъ правительство можетъ воспользоваться своими правами исключительно въ интересахъ партіи, господствующей въ парламентѣ [1]).

Шталь находилъ еще, что хотя насильственные перевороты и запрещаются священнымъ писаніемъ, но всякій новый порядокъ долженъ пользоваться божественной санкціей, разъ онъ попущеніемъ Божіимъ существуетъ. Проповѣдуя обязательность каждаго существующаго порядка вообще, пока онъ самымъ фактомъ своего существованія доказываетъ свою истинность и справедливость, Шталь былъ, однако, защитникомъ только одного весьма опредѣленнаго порядка, а именно прусской сословно-бюрократической системы. Высоко ставя монархическое начало, онъ доказывалъ справедливость и привилегированнаго положенія феодальнаго дворянства. Цѣлымъ рядомъ разсужденій о народѣ, его раздѣленіи на классы и представительствѣ его интересовъ, Шталь приходилъ къ тому выводу, что въ представительствѣ пролетаріатъ долженъ быть устраненъ буржуазіей, а буржуазія — родовымъ дворянствомъ. Онъ даже допускалъ консервативную оппозицію легитимному правительству въ тѣхъ случаяхъ, когда оно либеральными реформами нарушаетъ установленный порядокъ и органическое развитіе общежитія. Реакціонный философъ давалъ и практическіе совѣты, какъ измѣнять смыслъ конституціи путемъ искуснаго разъясненія отдѣльныхъ ея статей. Въ прусской конституціи были обѣщанія относительно будущихъ законовъ, которыхъ не успѣли во-время выработать, и Шталь развилъ цѣлую теорію, оправдывавшую неисполненіе данныхъ обѣщаній: пока онѣ еще не сдѣлались законами, онѣ не могутъ связывать кого-

[1]) Эта критика поведенія либеральной буржуазіи послѣ 1848 г., идущая изъ реакціоннаго лагеря, заслуживаетъ вниманія по своему совпаденію съ тѣмъ, что говорилось по данному предмету и въ демократическомъ лагерѣ.

либо въ его дѣятельности, но онѣ необязательны и для законодателя, ибо послѣдній, будучи верховною властью въ государствѣ, не можетъ быть связанъ какою-нибудь высшею властью и считаться простымъ исполнителемъ ея порученій [1]).

При этой общей реакціи представители демократическихъ идей и особенно дѣятели революціи 1848 г. не только не могли что-либо предпринимать, но часто даже просто проживать на родинѣ. Къ людямъ, которые въ 1848—49 гг. проявили особенную ревность къ новымъ стремленіямъ, вездѣ относились съ величайшимъ подозрѣніемъ, и большинство изъ нихъ было поставлено въ самыя неблагопріятныя условія жизни. Менѣе скомпрометированные были стѣсняемы въ своей дѣятельности, другихъ подвергали разнымъ взысканіямъ и наказаніямъ. Спасшіеся бѣгствомъ вожди движенія жили въ изгнаніи, ища убѣжища въ Англіи, въ Бельгіи, въ Швейцаріи, но въ двухъ послѣднихъ странахъ далеко не всѣ изгнанники пользовались правомъ жительства. Нѣкоторые уѣзжали даже въ Америку. Революціонная эмиграція по своему національному составу была весьма разнообразна: въ ней были и французы (напримѣръ, Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ, Викторъ Гюго и др.), и нѣмцы (Карлъ Марксъ и др.), и итальянцы (Мадзини, Гарибальди), и мадьяры (Кошутъ), и поляки (Мѣрославскій и др.), и нѣкоторые русскіе, пережившіе на Западѣ революціонную бурю (Герценъ, въ шестидесятыхъ годахъ Бакунинъ). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нѣкоторыя правительства объявили амнистію съ разрѣшеніемъ изгнанникамъ вернуться на родину подъ условіемъ признанія существующихъ властей, но наиболѣе непримиримые не захотѣли воспользоваться такимъ разрѣшеніемъ и остались въ изгнаніи.

Особенно въ эти годы пострадали представители соціализма и самый соціализмъ былъ поставленъ въ невозможныя условія существованія. Попытки возстановленія нѣмецкихъ соціалистическихъ организацій въ Швейцаріи и въ Лондонѣ кончились полною неудачею. Изъ Швейцаріи члены одного съѣзда были изгнаны, въ Лондонѣ сами авторы коммунистическаго манифеста находили попытку возобновленія стараго союза несвоевременной.

---

[1]) Въ 1859 г. Шталь выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе «О лютеранской церкви и уніи», гдѣ въ согласіи съ общими принципами своей теоріи доказывалъ, что лютеранская церковь основана, подобно католической, на іерархическомъ паинципѣ, тогда какъ реформатское вѣроисповѣданіе отличается демократизмомъ и духомъ неповиновенія властямъ предержащимъ.

Марксъ и Энгельсъ занялись теперь объясненіемъ событій 1848 и 1849 гг. Настоящею причиною революціи, по ихъ мнѣнію, былъ всемірный торговый кризисъ 1847 г., какъ причиною контръ-революціи—процвѣтаніе промышленности, особенно усилившееся въ 1850 г. Такой взглядъ, ставившій все движеніе въ полную независимость отъ людскихъ желаній, былъ неблагопріятенъ для революціонной агитаціи въ прежнемъ духѣ. Тѣмъ не менѣе образовалось тайное международное общество пропаганды, которое скоро было выслѣжено агентами Наполеона III. Часть членовъ этой организаціи попала въ руки прусскихъ властей и въ 1852 г. судилась въ Кёльнѣ за участіе въ политическомъ заговорѣ. Въ 1854 г. германскій союзный сеймъ обязалъ отдѣльныя правительства закрыть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ всѣ рабочіе союзы и общества, ставившіе себѣ политическія, соціалистическія и коммунистическія цѣли, и не допускать образованія новыхъ. Во Франціи еще раньше этого былъ изданъ законъ, который дѣлалъ невозможными какіе бы то ни было союзы рабочихъ съ политическими цѣлями, и соціальное движеніе здѣсь также заглохло. Извѣстный французскій излагатель соціалистическихъ ученій Рейбо считалъ себя даже въ правѣ сказать, что соціализмъ скончался, и что по немъ можно пѣть только панихиды.

Самый острый періодъ реакціи кончился около 1859 г., и шестидесятые годы были уже временемъ оживленія освободительныхъ стремленій. Въ послѣднемъ отношеніи общую судьбу съ Западной Европой раздѣляла и Россія. Хотя въ 1848 г. въ ней не было ни малѣйшаго даже намека на какую-либо революцію, событія во Франціи, въ Германіи и въ другихъ странахъ сильно подѣйствовали на правительство, которое до-нельзя въ эти годы усилило свои прежнія репрессивныя мѣры противъ печати, науки и всей общественной жизни. Шестидесятые годы и въ Россіи, и на Западѣ были временемъ возрожденія и дальнѣйшаго развитія идей сороковыхъ годовъ и проведенія важныхъ реформъ, хотя, въ общемъ, болѣе умѣренныхъ, нежели все то, къ чему стремились люди въ 1848 году.

Прежде, нежели перейти къ внутренней исторіи шестидесятыхъ годовъ, мы остановимся еще на общемъ поворотѣ въ исторіи философскаго міросозерцанія въ серединѣ XIX в. и на внѣшней политикѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

XXIII. Научно-философское движеніе середины XIX в.[1]).

Умственный переворотъ середины XIX в. — Взаимныя отношенія метафизики и науки до середины XIX в. — Паденіе гегельянства и распространеніе матеріализма. — «Возвращеніе къ Канту». — Новыя теоріи въ области естествознанія. — Развитіе эволюціонной идеи. — Позитивизмъ Огюста Конта. — Основаніе имъ соціологіи. — Научныя идеи Милля, Бокля и Спенсера. — Историзмъ въ юриспруденціи и въ политической экономіи. — Мысль о научномъ соціализмѣ. — Возникновеніе экономическаго матеріализма. — Бóльшая прогрессивность господствующаго міросозерцанія второй половины XIX в.

Въ годы наибольшей реакціи послѣ подавленія революціи 1848 г. и въ ближайшее къ нимъ время, — какъ передъ ними, такъ и послѣ нихъ, — въ исторіи философско-научнаго міросозерцанія произошелъ цѣлый переворотъ. Если въ исторіи духовной культуры XIX в. время до 1830 г. характеризуется господствомъ спиритуалистическихъ и идеалистическихъ воззрѣній, отличавшихся въ общественномъ отношеніи консервативнымъ характеромъ, то въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, какъ мы видѣли, уже совершился въ философіи поворотъ къ большему реализму и къ отказу отъ мистики и романтизма съ уклономъ въ сторону политическаго радикализма. Неудача революціи 1848 г. нанесла послѣднему сильный ударъ, но въ то же время успѣхи положительныхъ знаній создали прочную почву для дальнѣйшаго развитія реалистическихъ стремленій, обнаружившихся въ философскомъ движеніи конца первой половины XIX в. Можно сказать, что въ серединѣ XIX в. начался періодъ господства научнаго духа, который восторжествовалъ надъ произволомъ субъективизма, нашедшаго наиболѣе яркое свое выраженіе въ гегельянствѣ. Весьма крупную роль въ этомъ умственномъ переворотѣ сыграло развитіе, въ серединѣ XIX в., естествознанія, которое, съ одной стороны, оказало громадныя услуги матеріальному прогрессу своими открытіями и изобрѣтеніями техническаго характера, съ другой, стало принимать гораздо большее участіе, нежели это

---

[1]) И. З. Е., т. V, гл. XXXII.

было раньше, въ разрѣшеніи проблемъ, бывшихъ дотолѣ достояніемъ почти исключительно одного умозрѣнія.

Увеличеніе власти надъ природою, которымъ человѣкъ былъ обязанъ успѣхамъ естествознанія, несомнѣнно, усиливало авторитетъ науки и вселяло въ умы убѣжденіе, что естествознаніе стоитъ на вполнѣ вѣрномъ пути, и что на его выводы можно болѣе полагаться, нежели на метафизическія умозрѣнія, наоборотъ, все болѣе и болѣе обнаруживавшія свою внутреннюю несостоятельность. Независимо отъ этого, и самое развитіе естественныхъ наукъ съ каждымъ шагомъ позволяло имъ оказывать все большее вліяніе на міросозерцаніе образованныхъ классовъ общества. Еще съ середины XVIII в. дѣлались попытки обоснованія нашихъ представленій объ окружающемъ мірѣ на выводахъ наукъ о природѣ, и традиція этихъ попытокъ не прерывалась во всѣ послѣдующія времена, правда, иногда очень ослабѣвая. Одною изъ эпохъ, наиболѣе благопріятныхъ для такого направленія мысли, была середина XVIII вѣка, время появленія «Естественной исторіи» Бюффона и «Энциклопедіи» Дидро. Послѣдній былъ, въ особенности, проповѣдникомъ той идеи, что въ положительной наукѣ нужно преимущественно видѣть орудіе умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго улучшенія общества. Но въ XVIII вѣкѣ орудія самой науки—опытъ и наблюденіе—уступали еще слишкомъ много мѣста идеологическому раціонализму и прежде всего въ общественныхъ наукахъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ провозглашалась вѣра въ положительное знаніе, и оно уже вырабатывало матеріалъ для будущаго зданія научнаго міропониманія, Кантъ своею «Критикою чистаго разума» (1781 г.) опредѣлялъ границы человѣческаго знанія, доказывая, что нашему знанію доступны лишь однѣ явленія (феномены), «вещь же въ себѣ», или сущность вещей (ноумены), недоступна нашему знанію. Это былъ прямой отказъ отъ метафизики, отъ стремленія проникнуть за границы міра явленій, доступнаго опыту и наблюденію; другими словами, это было приглашеніе заниматься изученіемъ лишь того, что можетъ быть предметомъ опыта и наблюденія, т.-е. положительной науки. Научному міросозерцанію Дидро и критической философіи Канта не суждено было въ ближайшемъ времени получить дальнѣйшее развитіе. Общая реакція конца XVIII и начала XIX вѣка была, какъ мы уже видѣли, неблагопріятна для научнаго духа и философскаго критицизма. Въ міросозерцаніи эпохи стали брать верхъ элементы мистики

и романтики, спиритуализма и метафизики. Во Франціи «философовъ XVIII вѣка» смѣнили Ройе-Колларъ, Мэнъ-де-Биранъ, Викторъ Кузенъ, въ Германіи за Кантомъ слѣдовали Фихте, Шеллингъ и Гегель, и господство гегельянства во всей Германіи и даже за ея границами въ первой половинѣ XIX столѣтія представляетъ собою одинъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ того, что въ эту эпоху наука смирялась передъ метафизикой.

Сами прогрессивные дѣятели первыхъ десятилѣтій XIX вѣка отличались большою склонностью къ мистикѣ и романтикѣ, или, по меньшей мѣрѣ, отсутствіемъ научнаго духа, что мы видимъ у сенъ-симонистовъ, у Фурье и т. п. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соціальный протестъ во Франціи тоже соединялся съ религіозными и мистическими мечтаніями. И дѣятели національнаго возрожденія у итальянцевъ или у славянъ проявляли тѣ же характерныя черты эпохи: демократическій націонализмъ Мадзини былъ насквозь проникнутъ своего рода мистическимъ деизмомъ, а Джіоберти доказывалъ провиденціальную миссію итальянскаго народа и проповѣдовалъ либеральный католицизмъ; вожди славянскаго возрожденіи въ Австріи были идеализаторами родной старины и учениками нѣмецкаго романтизма, польскій же мессіанизмъ былъ уже прямо доведеннымъ до крайности политическимъ фантазёрствомъ. Все это было далеко отъ какихъ бы то ни было научнаго реализма и философской критики.

Мы знаемъ, далѣе, что уже въ нѣдрахъ гегельянства, бывшаго господствующею философіей культурнаго застоя, зародилась въ тридцатыхъ годахъ оппозиція противъ мистики и романтики. Эпоха процвѣтанія лѣваго, радикальнаго гегельянства—тридцатые и сороковые годы, какъ-разъ были годами, когда во Франціи появлялся «Курсъ положительной философіи» (1830—1842) Огюста Конта, провозгласившаго необходимость философіи, основанной исключительно на позитивной наукѣ, и необходимость чисто научной теоріи общественной жизни. И лѣвое гегельянство, и контовскій «позитивизмъ», несмотря на различіе ихъ происхожденія и на черты несходства между ними, приводили къ одному и тому же отрицанію метафизики во имя научнаго отношенія къ дѣйствительности. Тѣмъ традиціоннымъ культурнымъ идеямъ, на которыхъ держалась бо́льшая часть философскихъ построеній первой половины XIX вѣка, оба направленія объявляли войну во имя изученія реальнаго міра и законовъ, управляющихъ его явленіями. Казалось бы, что реакція, наступившая послѣ 1848 —

1849 гг., должна была нанести ударъ всему, что̀ только было прогрессивнаго въ умственномъ движеніи предыдущихъ десятилѣтій, но научное мышленіе продолжало свою работу, и въ исторіи развитія міросозерцанія вторая половина XIX вѣка стоитъ уже неизмѣримо выше первой.

Указанный переворотъ временно сопровождался значительнымъ развитіемъ и распространеніемъ матеріализма, опиравшагося, съ одной стороны, на данныя естественныхъ наукъ, съ другой—бывшаго порожденіемъ самой же метафизики, которая усиливалась проникнуть за предѣлы міра явленій въ самую сущность вещей. Именно, въ лѣвомъ гегельянствѣ, благодаря, главнымъ образомъ, Фейербаху, началъ вырабатываться философскій натурализмъ, который мало-по-малу сталъ переходить въ настоящій матеріализмъ. Кромѣ того, господствовавшія до середины XIX в. философскія системы Шеллинга и Гегеля не могли удовлетворять представителей естествознанія, сдѣлавшаго къ этому времени большіе успѣхи. Многіе ученые начали поэтому обосновывать свое міросозерцаніе исключительно на данныхъ и выводахъ естественныхъ наукъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ вопросъ о матеріалистическомъ міросозерцаніи сдѣлался предметомъ самой страстной полемики среди нѣмецкихъ философовъ и натуралистовъ. Въ 1854 г. на одномъ съѣздѣ естествоиспытателей Рудольфъ Вагнеръ прочиталъ рефератъ «О созданіи человѣка и субстанціи души», въ которомъ доказывалъ, что съ точки зрѣнія науки нельзя ни утверждать, ни отрицать происхожденія человѣчества отъ одной четы, что новѣйшее научное изслѣдованіе нисколько не колеблетъ библейскаго догмата, и что естествознаніе не компетентно рѣшать вопросы о сущности души и объ индивидуальномъ безсмертіи. Сверхъ всего этого, Вагнеръ старался опровергнуть матеріалистовъ аргументами и моральнаго свойства, находя, что сведеніе душевныхъ дѣятельностей къ функціямъ мозга, какъ матеріальнаго субстрата, естественно должно привести къ тому выводу, что ѣда и питье суть высшія функціи человѣка, и что отрицаніе индивидуальной и устойчивой субстанціи души способно только разрушить нравственные устои общественнаго порядка. Нѣмецкій натуралистъ Карлъ Фогтъ, противъ мнѣній котораго былъ направленъ рефератъ, не остался въ долгу и вступилъ въ полемику съ Вагнеромъ, развившимъ свои взгляды еще въ двухъ сочиненіяхъ. Отличаясь большимъ остроуміемъ, Карлъ Фогтъ старался, главнымъ образомъ, высмѣять своего

противника, что̀ и сдѣлалъ въ полемическомъ памфлетѣ «Слѣпая вѣра и наука». Въ этотъ споръ о матеріализмѣ вмѣшались и нѣкоторые другіе писатели, такъ что по данному вопросу скоро создалась цѣлая литература. Наиболѣе видными представителями матеріализма, кромѣ Карла Фогта, выступили въ пятидесятыхъ годахъ еще Молешоттъ и Бюхнеръ, изъ которыхъ первый былъ авторомъ книги «Круговоротъ жизни», а второй—трактата «Сила и матерія». Оба только-что названныя произведенія, написанныя популярнымъ языкомъ, сразу потребовали новыхъ и новыхъ изданій, скоро были переведены на разные иностранные языки и сильно содѣйствовали распространенію матеріализма въ обществѣ; «Сила и матерія» Бюхнера сдѣлалась даже основнымъ сочиненіемъ нѣмецкаго матеріализма середины XIX в. Понятно, что возрожденіе матеріализма должно было вызвать отпоръ со стороны представителей спиритуалистическаго міросозерцанія, но, кромѣ того, въ полемикѣ приняли участіе и сторонники критической философіи Канта, начавшей возрождаться почти одновременно съ появленіемъ матеріализма.

Именно, къ разсматриваемому періоду относится и лучшая исторія и критика матеріализма, принадлежащая Фридриху-Альберту Ланге. Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Ланге читалъ университетскій курсъ по исторіи матеріализма, а въ 1865 г. издалъ и свой капитальный трудъ объ этомъ предметѣ. Его точка зрѣнія была та, что болѣе всѣхъ другихъ метафизическихъ теорій можетъ быть допущенъ матеріализмъ, который оказывается даже полезнымъ въ смыслѣ научнаго метода, но что тѣмъ не менѣе теорія познанія Канта совершенно лишаетъ матеріализмъ права на существованіе въ качествѣ философской системы. Главное значеніе матеріализма съ его пріемами научнаго изслѣдованія, исходящаго изъ опыта, заключается въ томъ, что онъ устраняетъ метафизику, т.-е. всякое философское направленіе, ставящее своею задачею проникновеніе въ сущность вещей и стремящееся извлечь изъ идей нашего ума то, чему мы можемъ научиться только изъ одного опыта. Тотъ, кто не выходитъ изъ міра явленій, въ сущности, невольно стоитъ на почвѣ матеріализма, но послѣдній все-таки не въ состояніи разъяснить намъ основные вопросы о сущности природы. Своею критикою, направленною противъ матеріализма, какъ философскаго міросозерцанія, Ланге вмѣстѣ съ тѣмъ наносилъ ударъ и идеалистической метафизикѣ, которую онъ находилъ неправою и въ науч-

номъ отношеніи за то, что она пыталась строить все наше знаніе изъ одного разума. Впрочемъ, и въ качествѣ пріема изслѣдованія матеріализмъ долженъ былъ найти необходимое дополненіе въ формальномъ идеализмѣ: пусть знаніе наше ограничивается лишь тѣмъ, что̀ дается намъ нашимъ опытомъ, но въ силу своей организаціи мы творимъ еще идеи, которыя, не заключая въ себѣ никакихъ научныхъ истинъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ для насъ нравственную цѣнность, не позволяющую намъ относиться къ нимъ, какъ къ совершенно праздным фантазіямъ. Лангѐ былъ лишь однимъ изъ представителей «возвращенія къ Канту», начавшагося въ нѣмецкой философіи въ серединѣ XIX в. и особенно усилившагося послѣ того, какъ великій нѣмецкій натуралистъ Гельмгольцъ объявилъ, что результаты физіологіи органовъ чувствъ вполнѣ согласуются съ основною точкою зрѣнія «Критики чистаго разума». Это возвращеніе къ Канту нанесло сильный ударъ построенію метафизическихъ системъ и оживило интересъ къ теоріи знанія. Изученіемъ «Критики чистаго разума» занялись и многіе натуралисты, которые также стали признавать, что изъ области научнаго познанія нужно исключить все, находящееся вообще за предѣлами точнаго изслѣдованія, и которые, отказываясь поэтому отъ проникновенія въ сокровенную сущность вещей, отворачивались отъ всякой метафизики, не исключая и матеріалистической.

Отказъ отъ познанія метафизической сущности міра, конечно, вовсе не былъ отреченіемъ отъ научнаго изслѣдованія матеріи и силы, какъ онѣ даются намъ въ явленіяхъ природы, въ нашемъ опытѣ. Напротивъ, какъ-разъ въ эту эпоху сдѣланы были величайшія теоретическія открытія въ физикѣ, въ химіи и въ физіологіи. Особенно важное философское значеніе получили открытія, которыя съ пятидесятыхъ годовъ совершались въ области физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ, такъ какъ они отразились самымъ благотворнымъ образомъ и на развитіи психологіи. Теоретическое ученіе о душевныхъ явленіяхъ было всегда излюбленною областью философовъ, и вся психологія поэтому долгое время стояла почти исключительно на метафизической почвѣ. Подъ общимъ вліяніемъ научныхъ стремленій и, въ частности, подъ вліяніемъ успѣховъ физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ явились и въ психологіи новыя идеи, благодаря которымъ сама она изъ метафизической дисциплины стала превращаться въ положительную науку.

Весьма важное значеніе для естествознанія получила въ серединѣ XIX вѣка идея естественной эволюціи мірозданія. Еще въ XVIII столѣтіи Кантомъ была высказана геніальная мысль объ образованіи солнечной системы въ результатѣ длиннаго процесса, чисто механически совершавшагося въ безформенной массѣ первичной матеріи,—гипотеза, которая, будучи повторена французскимъ астрономомъ Лапласомъ, была затѣмъ принята другими учеными и стала извѣстна въ наукѣ подъ названіемъ Канто-Лапласовской гипотезы. Этотъ принципъ естественной эволюціи, однако, долгое время не прилагался ни къ исторіи земного шара, ни къ исторіи на немъ органической жизни. Геологи и біологи первой половины XIX в. стояли на точкѣ зрѣнія ряда катастрофъ, которыя были пережиты земнымъ шаромъ и послѣ которыхъ каждый разъ особымъ творческимъ актомъ создавались новые животные и растительные виды, остававшіеся потомъ неизмѣнными. Творецъ современной геологіи, англійскій ученый Ляйэлль, въ началѣ тридцатыхъ годовъ издавшій знаменитыя «Основы геологіи», отвергъ гипотезу катастрофъ и положилъ начало вполнѣ эволюціонному представленію объ исторіи земной коры, въ которой дѣйствовали тѣ же самые факторы, что̀ и въ настоящее время. Этой мысли удалось утвердиться въ наукѣ лишь къ шестидесятымъ годамъ, когда она уже могла считаться окончательно восторжествовавшею въ геологіи. Прежняя вѣра въ неизмѣнность видовъ органическаго міра стала подкапываться нѣкоторыми учеными еще въ первой половинѣ XIX в. (особенно Ламаркомъ), но громадное большинство біологовъ стояло на точкѣ зрѣнія, враждебной идеѣ трансформизма. Торжествомъ своимъ, во второй половинѣ XIX в., ученіе объ измѣняемости видовъ обязано было Чарльзу Дарвину, который въ 1859 г. издалъ свою знаменитую книгу «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора», произведшую громадное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ и вызвавшую большое волненіе въ образованномъ обществѣ. Этотъ научный трудъ сразу, хотя и не безъ сопротивленія, завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ спеціально-біологической литературѣ, но и ученые другихъ спеціальностей, да и просто образованные люди не могли не почувствовать, какой переворотъ новая теорія должна была произвести во всѣхъ представленіяхъ объ исторіи населяющихъ землю живыхъ существъ и, между прочимъ, о доисторическомъ прошломъ человѣческаго рода. Наиболѣе горячіе сторонники новаго біологическаго ученія не замедлили распростра-

нить принципы теоріи Дарвина и на вопросъ о происхожденіи человѣка. Самъ Дарвинъ занялся и этимъ предметомъ и черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ «Происхожденія видовъ» издалъ въ свѣтъ спеціальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» (1871). Въ сущности, теорія Дарвина была какъ бы естественнымъ продолженіемъ и необходимымъ дополненіемъ къ теоріи Ляйэлля. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ принципомъ трансформизма, съ идеей постепенной эволюціи, совершающейся чисто естественнымъ путемъ, и въ обоихъ же случаяхъ чисто механическое объясненіе процессовъ, вносящихъ въ природу измѣненія, вытѣсняло прежнія объясненія телеологическаго характера. Извѣстно, что Дарвинъ выдвинулъ на первый планъ принципъ естественнаго подбора, путемъ котораго рода сохраняетъ и упрочиваетъ полезныя виду единичныя отклоненія, но самымъ основнымъ принципомъ его теоріи является борьба за существованіе, въ которой выживаютъ и оставляютъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство лишь особи, наиболѣе приспособленныя съ условіямъ окружающей среды. Интересно, что свой основной принципъ Дарвинъ заимствовалъ изъ знаменитаго трактата Мальтуса.

Паденіе идеалистической метафизики и успѣхи естествознанія должны были отразиться не только на общемъ міросозерцаніи, но въ особенности и на общественныхъ наукахъ. Общія теоріи государства и права были излюбленною областью метафизическихъ мыслителей, и въ этой области вполнѣ и безраздѣльно господствовали тѣ самые методы, при помощи которыхъ строились всѣ метафизическія системы. Въ то время, когда главныя отрасли естествознанія освободились уже отъ ненаучныхъ воззрѣній и методовъ, чтобы обосновать себя исключительно на данныхъ опыта и наблюденія, общественныя науки (за исключеніемъ развѣ одной политической экономіи) все еще вращались въ сферѣ метафизическихъ идей и мало считались съ фактами дѣйствительной общественной жизни. Весьма естественно, однако, что рано или поздно и въ этой области долженъ былъ произойти переворотъ. Съ наибольшею ясностью и полнотою стремленіе къ научности въ обществовѣдѣніи впервые обнаружилось во французскомъ позитивизмѣ Огюста Конта. Еще въ первой половинѣ XIX в. Контъ,— бывшій непосредственнымъ ученикомъ Сенъ-Симона,— формулировалъ главныя положенія философіи, опирающейся исключительно на науку, и высказалъ мысль о не-

обходимости основанія новой, чисто положительной науки объ обществѣ.

Наблюдая умственное состояніе современнаго общества, Контъ характеризовалъ его, какъ состояніе анархіи, и сводилъ къ этой анархіи, какъ къ основной причинѣ, всѣ проявленія общественной дезорганизаціи. По его мнѣнію, общество должно было получить новую организацію черезъ новое міросозерцаніе, которое цѣликомъ основывалось бы на данныхъ и выводахъ чистой науки. Къ числу основныхъ положеній Конта относится его знаменитый законъ о трехъ фазисахъ, черезъ какіе проходитъ исторія человѣческаго міросозерцанія. Первая стадія есть стадія теологическая, и на ней человѣческій умъ объясняетъ себѣ явленія природы прямымъ и постояннымъ вмѣшательствомъ какого бы то ни было количества сверхъестественныхъ дѣятелей. На второй, метафизической стадіи эти сверхъестественные дѣятели замѣняются отвлеченными сущностями, за которыми признаётся способность производить наблюдаемыя явленія: напримѣръ, когда поднятіе воды въ насосѣ объясняли тѣмъ, что природа боится пустоты, то мыслили «метафизически». Третью стадію представляетъ собою положительная наука, отказывающаяся отъ всѣхъ тѣхъ задачъ, какія ставили себѣ теологія и метафизика, и занимающаяся исключительно открытіемъ законовъ, которыми управляются происходящія вокругъ насъ явленія. Выводъ, къ какому приходилъ Контъ, былъ почти тотъ же, что́ и у Канта въ «Критикѣ чистаго разума»: нашему знанію доступны только явленія, а не нѣкоторыя лежащія въ основѣ ихъ сверхчувственныя сущности. Только Контъ принималъ это положеніе догматически, не давъ ему критическаго обоснованія въ теоріи познанія, какъ это было сдѣламо Кантомъ. Умственная анархія, на которую указывалъ Контъ, была, по его объясненію, результатомъ того, что не всѣ наши знанія перешли на позитивную ступень развитія. Задача положительной философіи понималась имъ въ томъ смыслѣ, чтобы обосновать всѣ наши представленія и понятія на прочномъ фундаментѣ научнаго знанія.

Самою отсталою, т.-е. наименѣе научною отраслью нашего знанія Контъ совершенно справедливо считалъ ту, которая имѣетъ своимъ предметомъ общественную жизнь человѣка. Въ то самое время, какъ въ математикѣ и въ естествознаніи господствовали строго научные пріемы изслѣдованія, изученіе общественныхъ явленій все еще находилось на метафизической и даже на теоло-

гической ступени развитія. Поэтому Контъ поставилъ себѣ грандіозную задачу объединить однимъ принципомъ теоретическое отношеніе нашего ума ко всѣмъ наблюдаемымъ нами явленіямъ окружающей дѣйствительности. Наконецъ, онъ нашелъ нужнымъ создать особую «соціальную физику», или соціологію, новую положительную науку о закономѣрности общественныхъ явленій. Предметомъ этой науки должны были быть общественныя явленія вообще, другими словами — общество, взятое во всѣхъ своихъ сторонахъ, т.-е. не такъ, какъ ранѣе разсматривали его политики, юристы и экономисты, дѣлавшіе предметомъ своего изученія или государство, или право, или народное хозяйство. Къ числу общественныхъ явленій Контъ относилъ также и явленія духовной культуры, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что между всѣми этими явленіями существуютъ взаимоотношенія, подчиненныя дѣйствію опредѣленныхъ законовъ. Установивъ предметъ и задачу новой науки, Контъ естественно долженъ былъ поднять вопросъ и о методахъ изученія общественнаго бытія, среди которыхъ преимущественное значеніе онъ призналъ за методомъ историческимъ и въ частности сравнительно-историческимъ. Въ этомъ тоже заключалась одна изъ крупныхъ его заслугъ передъ наукою. Контъ ставилъ соціологіи и практическія общественныя цѣли. Находя вреднымъ для успѣховъ знанія смѣшеніе теоретическихъ и практическихъ задачъ, онъ стоялъ, однако, на той точкѣ зрѣнія, что успѣшная практика можетъ быть основана лишь на вѣрной теоріи. Поэтому онъ отнесся отрицательно къ общественнымъ теоріямъ XVIII в., вообще считая ихъ совершенно метафизическими, въ которыхъ воображеніе господствовало надъ наблюденіемъ, тогда какъ въ настоящей наукѣ, наоборотъ, наблюденіе должно господствовать надъ воображеніемъ. Ложныя теоріи не могли дать желанныхъ результатовъ: чтобы успѣшно дѣйствовать, нужно обладать знаніемъ законовъ, управляющихъ предметами нашего воздѣйствія. Только зная законы, управляющіе міромъ, человѣкъ можетъ предвидѣть наступленіе тѣхъ или другихъ явленій, и лишь обладая такимъ предвидѣніемъ, онъ будетъ въ состояніи успѣшно дѣйствовать для достиженія своихъ цѣлей.

Позитивизмъ Конта, умершаго въ пятидесятыхъ годахъ, обращалъ на себя вообще очень мало вниманія въ теченіе почти цѣлой четверти вѣка послѣ выхода въ свѣтъ «Курса положительной философіи», но съ шестидесятыхъ годовъ началось сильное его вліяніе

на общественныя науки. Изъ иностранныхъ мыслителей Контъ, впрочемъ, еще раньше этого повліялъ на Джона Стюарта Милля. Главнымъ философскимъ трудомъ послѣдняго была изданная имъ въ 1843 г. «Система логики», долгое время остававшаяся единственнымъ трудомъ по систематическому изслѣдованію научныхъ методовъ. Критеріемъ истины Милль признавалъ только опытъ и наблюденіе, и для него могло называться истиннымъ лишь такое умозаключеніе, которое соотвѣтствуетъ реальнымъ фактамъ. Разсматривая относительное достоинство индуктивнаго и дедуктивнаго методовъ, онъ считалъ ихъ задачею открытіе законовъ, которыми управляются всѣ явленія окружающаго насъ міра. Общественныя явленія въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія, и Милль подвергъ поэтому особой обработкѣ «логику нравственныхъ наукъ». Это была чисто контовская тема. «Система логики» выдержала нѣсколько изданій, что̀ указываетъ на успѣхъ ея въ обществѣ, и стала переводиться на иностранные языки. Она пріобрѣла большой авторитетъ и у естествоиспытателей, начавшихъ обращаться къ ней, какъ къ кодексу правилъ научнаго мышленія.

Родственныя позитивизму стремленія проявились, равнымъ образомъ, и въ научной дѣятельности другого англичанина, Бокля. Въ 1858 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ, въ 1861 г.—второй томъ прославившей его имя «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», въ которой главною своею задачею онъ поставилъ «сдѣлать для исторіи нѣчто равное или, по меньшей мѣрѣ, подобное тому, что̀ сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естествовѣдѣнія. Въ области природы, — писалъ онъ, — явленія, повидимому, самыя неправильныя и причудливыя, объяснены и подведены подъ нѣкоторые опредѣленные и общіе законы»; одни только историки не занимались такимъ дѣломъ, что и «замедлило возведеніе исторіи на степень науки». Одна изъ причинъ этого—въ большей сложности общественныхъ явленій, изучаемыхъ исторіей, другая—въ господствѣ среди историковъ мистическихъ и метафизическихъ представленій. Бокль заимствовалъ изъ естествознанія идею о закономѣрности всѣхъ явленій, происходящихъ въ мірѣ, и распространилъ ее на исторію, гдѣ часто все объяснялось или случайностью, или сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ. Дѣла человѣческія, по словамъ Бокля, порождаются предшествующими явленіями, существующими въ человѣческомъ духѣ или во внѣшней природѣ, исторія же представлялась ему,

главнымъ образомъ, какъ измѣненіе человѣка природою и природы человѣкомъ. Мысль о вліяніи природы на человѣка — одна изъ основныхъ идей историко-философскаго разсужденія Бокля. «Когда мы вспомнимъ, говоритъ онъ, постоянное соприкосновеніе между человѣкомъ и природою, для насъ сдѣлается очевиднымъ, что должна существовать тѣсная связь между дѣлами человѣческими и законами природы. Причина того, что до сихъ поръ естественныя науки не имѣли вліянія на исторію, заключается въ томъ, что историки не понимали этой связи, а которые и понимали, тѣ не имѣли свѣдѣній, нужныхъ для ея изображенія». Но для историка важно не только знаніе законовъ природы и дѣйствія ея на человѣка, а также и обладаніе тѣми методами, при помощи которыхъ натуралисты совершаютъ свои открытія. Цѣлую главу Бокль посвятилъ «разсмотрѣнію метода, употребляемаго метафизиками для открытія законовъ духа», и пришелъ здѣсь къ тому заключенію, что метафизики потерпѣли неудачу, и что «историческій методъ изученія законовъ духа выше метафизическаго». Это—«единственно остающійся методъ, по которому можно изучать явленія духа, не только какъ они совершаются въ духѣ отдѣльнаго наблюдателя, но и такъ, какъ они высказываются въ дѣйствіяхъ человѣчества вообще».

Къ пятидесятымъ же годамъ относится еще и начало дѣятельности Герберта Спенсера, автора вышедшихъ въ свѣтъ тогда «Соціальной статики» (1850) и «Основаній психологіи» (1855), за которыми слѣдовали «Основныя начала» (1862). Впослѣдствіи онъ создалъ общирную «Систему синтетической философіи», состоящую изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ трудовъ по разнымъ наукамъ до соціологіи и этики включительно. И Спенсеръ ограничивалъ область философіи однимъ міромъ явленій, данныхъ въ человѣческомъ опытѣ, объявивъ сущность вещей «непознаваемою». Подобно Конту, и онъ превращалъ философію въ цѣльное научное познаніе міра и человѣка, положивъ въ основу своего ученія идею эволюціи. Всеобъемлющая система Спенсера съ ея реалистическимъ эволюціонизмомъ столь же характерна для второй половины XIX в., какъ тоже всеобъемлющая система Гегеля съ ея идеалистическимъ эволюціонизмомъ — для первой половины того же вѣка. Прибавимъ, что Спенсеръ былъ однимъ изъ видныхъ представителей соціологическаго знанія, построеннаго по типу естественныхъ наукъ.

Мысль о необходимости воспользоваться въ изученіи обще-

ственныхъ явленій данными, выводами и методами естествознанія сдѣлалась особенно популярною въ шестидесятыхъ годахъ, когда, и съ другой стороны, подъ вліяніемъ великаго открытія Дарвина точка зрѣнія біологической эволюціи была приложена и къ изученію человѣка. Въ послѣднемъ отношеніи дарвинизмъ оказалъ сильное вліяніе не только на антропологію, какъ науку о человѣкѣ, взятомъ съ чисто физической стороны, не только на психологію, передъ которою была поставлена задача подмѣтить зарожденіе и прослѣдить развитіе душевной жизни въ зоологическомъ мірѣ, но и на едва лишь зародившуюся соціологію: въ эту послѣднюю нѣкоторые писатели даже съ чрезмѣрною поспѣшностью стали переносить основныя понятія дарвинизма съ цѣлью ими одними объяснить всѣ главныя явленія общественной жизни и историческаго процесса.

Конечно, весьма многое изъ того, что особенно характеризуетъ вторую половину XIX вѣка въ области изученія общественной жизни, получило начало еще въ эпоху господства метафизическаго мышленія. Обращеніе къ изслѣдованію реальныхъ общественныхъ фактовъ, чѣмъ вообще пренебрегали раціоналисты XVIII в. и идеалисты первой половины XIX столѣтія, должно было необходимо привести къ сознанію важности историческаго матеріала и исторической точки зрѣнія. Независимо отъ развитія взглядовъ, нашедшихъ выраженіе, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Конта и Бокля, уже въ первой половинѣ XIX столѣтія существовало историческое направленіе въ юриспруденціи и въ политической экономіи. Въ XVIII в. теоретически изучали разныя стороны культурной и соціальной жизни человѣка,—напримѣръ, языкъ и литературу, право и народное хозяйство,—безъ всякаго отношенія къ ихъ историческому развитію и даже безъ достаточнаго историческаго матеріала. Явленія эти брались, какъ нѣчто существующее неподвижно, причемъ какія-либо данныя формы этихъ явленій принимались за основу заключеній, распространявшихся на всевозможные случаи. Теорія естественнаго права создавала вѣчныя нормы справедливости, находя ихъ въ римскомъ правѣ, этомъ своего рода «писанномъ разумѣ». Созданная Адамомъ Смитомъ политическая экономія возводила на степень общихъ и неизмѣнныхъ законовъ народнаго хозяйства выводы, которые получались изъ наблюденій надъ современнымъ экономическимъ бытомъ Англіи. XIX вѣкъ отказался отъ такой точки зрѣнія и отъ соотвѣтствующаго ей метода

мысли, выдвинувъ впередъ идею историческаго изученія — и въ смыслѣ привлеченія къ изслѣдованію фактическаго матеріала изъ разныхъ временъ, и въ смыслѣ разсмотрѣнія культурныхъ и соціальныхъ явленій, представленныхъ этимъ матеріаломъ, въ ихъ историческомъ развитіи. Историческая школа права возникла въ Германіи въ началѣ XIX в., историческая школа политической экономіи — тамъ же въ сороковыхъ годахъ, когда обнаружилось, что принципы англійской классической школы не могутъ все объяснить въ хозяйственномъ быту Германіи, находившемся на болѣе отсталой ступени развитія. Внесеніе исторической точки зрѣнія въ юриспруденцію и въ политическую экономію было реакціей противъ прежняго исключительнаго господства абстрактной идеологіи въ обѣихъ этихъ наукахъ, но реакція эта стала заходить слишкомъ далеко, когда наиболѣе рьяные сторонники историзма вздумали даже отрицать всякое научное значеніе за дедукціей, а между тѣмъ, безъ послѣдней, конечно, трудно было бы придти къ выработкѣ какой-нибудь опредѣленной и послѣдовательной теоріи. Между прочимъ, это сказалось на извѣстномъ оппортунизмѣ экономистовъ исторической школы, оказавшихся не въ состояніи противопоставить явленіямъ современности какой-либо системы принциповъ. Конечно, великая ихъ заслуга заключалась въ томъ, что они выставили на видъ историческую относительность экономическихъ формъ и принциповъ, но они слишкомъ злоупотребляли этимъ понятіемъ относительности, прикрывая имъ отсутствіе у себя опредѣленной теоріи. Впрочемъ, и самая эта идея относительности не была исключительною собственностью школы, потому что къ той же самой идеѣ стали совершенно независимо приходить и соціалистическіе противники классической школы экономистовъ.

Новый научный духъ сталъ проникать и въ соціальныя теоріи, которыя раньше были соединены большею частью съ стремленіями метафизическаго и даже мистическаго характера. Если примѣнить къ исторіи общественныхъ теорій формулу Конта, то можно сказать, что вся эта исторія до середины XIX в. прошла двѣ первыя свои стадіи. Подобно тому, какъ въ эпоху реформаціи сектанты стремились создать новыя общественныя отношенія, ссылаясь на волю Божію, данную во внѣшнемъ или внутреннемъ откровеніи, такъ, начиная съ XVIII в., стали ссылаться на естественное право, открываемое чистою дѣятельностью разума, и въ обоихъ случаяхъ общественные реформаторы были далеки

отъ мысли о необходимости опираться на положительное знаніе законовъ, управляющихъ дѣйствительною общественною жизнью. Лишь въ серединѣ XIX в. стала утверждаться и распространяться та истина, что лучшею руководительницею въ дѣлѣ сознательнаго и преднамѣреннаго обновленія и преобразованія общественной жизни можетъ быть только положительная наука. На эту точку зрѣнія уже становились соціалисты сороковыхъ годовъ (Луи Бланъ и Прудонъ), а позднѣе Марксъ и Энгельсъ прямо противопоставили свою теорію, какъ «соціализмъ научный», прежнему «утопическому соціализму». «По своей теоретической формѣ,—писалъ между прочимъ Энгельсъ,—новѣйшій соціализмъ съ перваго взгляда представляется лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и, пожалуй, только болѣе послѣдовательнымъ примѣненіемъ принциповъ, провозглашенныхъ крупными философами XVIII столѣтія. Эти философы были раціоналисты, дѣлавшіе изъ разума единственное мѣрило всѣхъ вещей и съ точки зрѣнія идей разума критиковавшіе и отрицавшіе дѣйствительность», но и утописты думали, что если человѣчество не руководилось истинными принципами разума и справедливости, то лишь по той причинѣ, что ихъ не знало. При такомъ пониманіи вся бѣда заключалась въ томъ, что не появлялось геніальнаго человѣка, который провозгласилъ бы истину; самое появленіе такихъ людей, какими и считали себя утописты начала XIX в., казалось имъ просто счастливою случайностью, а не результатомъ какого-либо историческаго процесса. Въ этомъ смыслѣ утопическій соціализмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ политическому раціонализму XVIII в. Въ то время, когда явились Сенъ-Симонъ, Фурье и Оуэнъ, продолжала еще господствовать мысль, что найти средства къ устраненію недостатковъ общественнаго строя есть только задача мыслящаго разума: «требовалось, именно, изобрѣсти новую и наиболѣе совершенную систему человѣческихъ отношеній и ввести ее въ существующее общество путемъ пропаганды, равно какъ путемъ примѣра образцовыхъ учрежденій, созданныхъ по новой системѣ. Но,—прибавлялъ Энгельсъ,—эти новыя соціальныя системы были съ самаго начала обречены на то, чтобы оставаться утопіями, и чѣмъ тщательнѣе развивались подробности этихъ системъ, тѣмъ все болѣе и болѣе становились онѣ чистыми фантазіями». Соціализмъ въ представленіи утопистовъ,—писалъ еще Энгельсъ,—«является выраженіемъ абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, а тамъ уже онъ

своею собственною силою покоритъ вселенную. Но поскольку абсолютная истина не зависитъ отъ условій времени и пространства и отъ историческаго развитія человѣчества, совершенно случайно должно быть, когда и гдѣ произойдетъ открытіе этой истины». Чтобы сдѣлаться наукою, соціализму нужно было, по собственному выраженію Энгельса, «стать на реальную почву». Научный соціализмъ, по его опредѣленію, основывается на идеѣ закономѣрнаго историческаго развитія, которое совершенно устраняетъ точку зрѣнія раціоналистовъ XVIII в. и утопистовъ XIX столѣтія, вѣрившихъ въ то, что стóитъ только открыть или создать въ своемъ умѣ справедливую систему человѣческихъ отношеній для того, чтобы уже однимъ тѣмъ самымъ вызвать и соотвѣтственныя измѣненія въ реальномъ общественномъ мірѣ.

Одною изъ основъ того, что Марксъ и Энгельсъ назвали научнымъ соціализмомъ, была ихъ теорія экономическаго матеріализма, по которой основу всѣхъ общественныхъ отношеній и перемѣнъ составляютъ однѣ экономическія отношенія и перемѣны. Эта теорія въ своей односторонности явилась реакціей противъ другой, не менѣе односторонней теоріи, господствовавшей раньше, которая всю соціальную эволюцію сводила въ послѣднемъ анализѣ къ чисто умственному процессу. Въ то, что исторіей управляютъ, главнымъ образомъ, идеи, вѣрили не одни гегельянцы, но и мыслители, сознательно стремившіеся къ научному реализму. Недаромъ, напримѣръ, принималъ Контъ за главный законъ соціальной эволюціи смѣну теологическаго міросозерцанія метафизическимъ и метафизическаго — позитивнымъ. У Бокля мы видимъ то же самое: несмотря на весь «натурализмъ» его исторической теоріи, въ концѣ концовъ и онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что весь прогрессъ человѣчества зависитъ отъ успѣха, съ какимъ разрабатываются наши знанія, и отъ степени распространенія этихъ знаній, т.-е. и въ его представленіи историческаго процесса умственное развитіе выдвигалось на первый планъ. Горячій поклонникъ естествознанія, Бокль старался даже доказать тотъ тезисъ, будто успѣхи естественныхъ наукъ оказали громадное вліяніе на ростъ демократическихъ стремленій, и будто вся французская революція была порождена умственнымъ переворотомъ, въ которомъ важнѣйшая роль принадлежала вліянію естествознанія. Несомнѣнно, что такая общая историко-философская концепція была одностороння. Болѣе внимательное отношеніе къ историческому опыту, который въ изобиліи давался самою со-

временностью, должно было породить и другую точку зрѣнія; именно, соціальная борьба нашей эпохи заставила искать объясненія и такихъ событій, какъ великая французская революція, и разныхъ общественныхъ перемѣнъ не въ исторіи человѣческаго сознанія, а въ исторіи внѣшняго, матеріальнаго быта общества. Новая точка зрѣнія въ томъ и заключалась, что за этимъ бытомъ было признано первенствующее значеніе; даже было объявлено, будто вся исторія идей есть не что иное, какъ простое отраженіе въ человѣческомъ сознаніи перемѣнъ, происходящихъ въ матеріальныхъ условіяхъ человѣческаго существованія. Основныя идеи экономическаго матеріализма были высказаны еще въ «Коммунистическомъ манифестѣ», но болѣе рѣшительно свой взглядъ Марксъ изложилъ въ предисловіи къ «Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи», вышедшей въ свѣтъ въ 1859 г. «Въ отправленіи своей общественной жизни,—читаемъ мы здѣсь,—люди вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя степени общественнаго сознанія». Отсюда Марксъ выводилъ, что «не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія». Впрочемъ, въ то время эта идея не получила дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ сколько-нибудь разработанной соціологической теоріи: литература экономическаго матеріализма стала развиваться только въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. Въ общемъ, нужно признать, что экономическій матеріализмъ является необходимымъ дополненіемъ къ теоріи, слишкомъ односторонне сводившей историческій процессъ къ одной идейной эволюціи, но именно лишь дополненіемъ, а отнюдь не такой теоріей, которая разрѣшаетъ всѣ вопросы историческаго процесса. Параллельно съ тѣмъ, какъ экономисты во второй половинѣ XIX в. старались пользоваться историческимъ матеріаломъ, историческою точкою зрѣнія и историческимъ методомъ, съ своей стороны и историки обратились къ болѣе тщательному изученію экономическихъ отношеній и измѣненій.

Таковы были главнѣйшія перемѣны, совершившіяся въ фило-

софскомъ и научномъ мышленіи въ серединѣ XIX в. Сравнивая новыя направленія мысли съ тѣми, которыя господствовали въ первой половинѣ столѣтія, мы должны признать эти новыя направленія не только болѣе обоснованными въ философскомъ и въ научномъ отношеніяхъ, но и болѣе, въ общемъ, прогрессивными, въ общественномъ смыслѣ. Сознательное изслѣдованіе стало доминировать надъ идеологическимъ творчествомъ со всѣми проявленіями въ немъ мистики, метафизики и романтики, критика объявила войну всякому догматизму, наблюденіе взяло верхъ надъ воображеніемъ, и бо̀льшая научность политическихъ и соціальныхъ построеній сдѣлалась одною изъ гарантій меньшей погрѣшимости теоретической мысли, направляющей практику жизни.

XXIV. Международная политика временъ второй имперіи [1]).

Мнѣніе Бо́кля о прекращеніи войнъ между цивилизованными націями. — Международныя отношенія въ эпоху кризиса 1848 г. — Положеніе, занятое Россіей послѣ 1848 г. — Переходъ гегемоніи къ Франціи Наполеона III. — Восточная война 1853—1856 гг. — Парижскій конгрессъ 1856 г. — Принципъ національностей во внѣшней политикѣ Наполеона III. — События второстепенной важности въ исторіи международныхъ отношеній за время второй имперіи.

Въ первомъ томѣ знаменитой «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» Бокля, появившемся въ 1858 г., есть одно мѣсто, написанное еще въ 1855 г., въ самый разгаръ войны, которую англичане вмѣстѣ съ французами и турками вели противъ Россіи. Бокль доказывалъ, что прогрессъ цивилизаціи уменьшаетъ воинственный духъ. «Особенность военной борьбы, — писалъ онъ, — въ которую и мы вовлечены, состоитъ въ томъ, что она произошла не отъ столкновенія интересовъ странъ образованныхъ, а отъ разрыва между Россіей и Турціей, двумя менѣе образованными государствами, остающимися теперь въ Европѣ». Этотъ фактъ въ глазахъ Бокля былъ весьма знаменательнымъ. Именно, для характеристики обще-

[1]) Уч. кн., §§ 316—320 и 323. — И. З. Е., т. V, гл. VII, XVIII, XXV и XXVI.

ственнаго состоянія своего времени онъ считалъ «въ высшей степени важнымъ, что миръ, безпримѣрно продолжительный, прерванъ не такъ, какъ прежде, ссорой между двумя образованными народами, но нападеніемъ необразованной Россіи на еще болѣе необразованную Турцію... То,—прибавлялъ Бокль,—что миръ могъ продолжаться сорокъ лѣтъ и потомъ быть прерванъ не враждою между образованными странами, какъ прежде», лишь «одно изъ многихъ доказательствъ того, что нерасположеніе къ войнѣ есть развившійся вкусъ, свойственный народу умственно развитому». Самое участіе Англіи и Франціи въ войнѣ 1853—1856 гг. онъ объяснялъ тѣмъ, будто обѣ націи «вынули мечъ не для эгоистическихъ цѣлей, а для защиты цивилизаціи отъ враждебныхъ варваровъ». Въ концѣ концовъ, Бокль дѣлалъ и прогнозъ относительно будущаго въ смыслѣ прекращенія войнъ между цивилизованными націями. Что послѣднія въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ наслаждались рѣдкой продолжительности періодомъ международнаго мира, это историкъ подчеркивалъ совершенно правильно, но пророкомъ онъ оказался плохимъ: пятидесятые и шестидесятые годы были какъ-разъ эпохой войнъ между образованными народами. Отъ 1853 по 1856 г. продолжалась русско-турецкая война, въ которой приняли участіе французы и англичане, обнаружившіе большую воинственность; въ 1859 г. была итальянская война между французско-сардинскимъ союзомъ и Австріей; въ 1863 г. ожидалась европейская война по поводу польскаго возстанія; въ 1864 г. Австрія и Пруссія вели войну съ Даніей; въ 1866 г. между самими этими двумя германскими державами произошла война, въ которую были вовлечены и другія государства Германскаго союза, а также приняла участіе и Италія; въ 1870 г., наконецъ, вспыхнула война между Франціей и Германіей, двумя наиболѣе просвѣщенными націями европейскаго континента.

Но передъ этою военною эпохою 1853—1871 гг., между цивилизованными народами Европы, дѣйствительно, царилъ миръ около сорока лѣтъ, и самые острые моменты международныхъ недоразумѣній или столкновеній проходили благополучно. Правда, были случаи междоусобій и военныхъ подавленій революцій, но великія державы, Австрія, Англія, Франція, Пруссія и Россія, держались другъ по отношенію къ другу мирно, и всѣ кризисы разрѣшались безъ войнъ. Даже 1848 и 1849 годы обошлись безъ европейской войны; въ счетъ не идутъ ни кратковременныя столк-

новенія между Австріей и Сардиніей или между Германскимъ союзомъ и Даніей, ни усмиреніе венгерской революціи Россіей. Какъ и послѣ іюльской революціи, опасность общей войны шла и теперь со стороны Франціи, въ которой революціонная демократія стремилась къ оказанію помощи всѣмъ, возставшимъ во имя свободы, но эта демократія, какъ извѣстно, была скоро побѣждена. Въ 1848—1849 гг. правительства великихъ державъ проявили скорѣе связывавшее ихъ въ борьбѣ съ революціей чувство солидарности, нежели какія-либо поползновенія свести между собою счеты.

Однимъ изъ общихъ результатовъ событій самаго конца сороковыхъ годовъ было значительное усиленіе Россіи: изъ всѣхъ континентальныхъ великихъ державъ она одна не была потрясена революціей; ея побѣдоносное вмѣшательство въ событія, разыгравшіяся въ Венгріи, только увеличили ея престижъ; по отношенію къ Германскому союзу, гдѣ только благодаря ей произошла реставрація стараго союзнаго строя, Россія заняла прямо господствующее положеніе, а, въ частности, въ Пруссіи авторитетъ императора Николая I сдѣлался почти безграничнымъ. До конца 1851 г. еще ничего нельзя было сказать, что станется съ Франціей, и это ослабляло ея значеніе, какъ политической силы въ международной жизни Европы, безъ Франціи же и Англія ничего не могла предпринять. События 1849 г. обнаружили, что завоевательныхъ плановъ у Россіи по отношенію къ Западу не было, и пу́гало панславизма оказалось совершенно призрачнымъ, но что́ было вполнѣ реальнымъ, такъ это—роль Россіи, какъ оплота общей реакціи, вызывавшая на Западѣ ненависть къ ней со стороны всѣхъ страдавшихъ отъ реакціи. Прибавимъ еще къ этому, что и на Востокѣ положеніе Россіи было необычайно благопріятнымъ: еще послѣ адріанопольскаго мира она господствовала въ совѣтахъ султана, котораго Николай I также спасалъ въ свое время отъ мятежныхъ подданныхъ. Однимъ словомъ, послѣ подавленія революціи 1848 г. Россія пользовалась своего рода гегемоніей. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, однако, что внутреннія отношенія далеко не соотвѣтствовали внѣшнему величію. Обнаружила это, именно, война 1853—1856 гг., послѣ которой международное первенство перешло къ Франціи.

Въ исторіи новаго времени Франція въ третій разъ сдѣлалась въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. первенствующимъ государствомъ Европы: въ первый разъ это было при Людовикѣ XIV, во второй разъ—при Наполеонѣ I, воскресителемъ политики котораго и

явился возстановитель его имперіи во Франціи. Въ 1856 г., по окончаніи восточной войны, Наполеонъ III былъ на высотѣ могущества и славы, но этотъ періодъ оказался непродолжительнымъ, такъ какъ уже съ 1866 г. звѣзда его стала склоняться къ закату.

Первымъ важнымъ дѣломъ Наполеона III во внѣшней политикѣ послѣ возстановленія во Франціи имперіи было его вмѣшательство въ восточныя дѣла. Вполнѣ подчинивъ Австрію и Пруссію своему вліянію, Николай I задумалъ по соглашенію съ одною Англіей рѣшить восточный вопросъ, совершенно устранивъ Францію отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Но Англія, продолжая стоять на своей традиціонной точкѣ зрѣнія сохраненія цѣлости Турецкой имперіи, не обнаруживала ни малѣйшей склонности вступить въ соглашеніе съ Россіей относительно наслѣдства послѣ «больного человѣка», какъ назвалъ русскій императоръ Турцію,— и даже стала прилагать всѣ свои старанія къ тому, чтобы посѣять ссору между Турціей и Россіей. Около этого времени между православными и католиками въ Палестинѣ возгорѣлся споръ изъ-за святыхъ мѣстъ, и такъ какъ православные находились подъ покровительствомъ Россіи, то послѣдняя и вмѣшалась въ это дѣло. Какъ Англія того и желала, скоро произошло враждебное столкновеніе между русскимъ и турецкимъ правительствами. Для того, чтобы оказать давленіе на султана, не желавшаго въ спорномъ вопросѣ стать на точку зрѣнія Николая I, русскія войска безъ объявленія войны заняли дунайскія княжества, и султанъ запросилъ помощи у Англіи и Франціи, флоты которыхъ вошли въ проливы. Россія протестовала противъ такого нарушенія международной конвенціи 1841 г., объявившей Босфоръ и Дарданеллы закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, но Англія отвѣчала указаніемъ на то, что послѣ вступленія русскихъ въ дунайскія княжества Турція уже не можетъ считаться состоящею на мирномъ положеніи. Затѣмъ осенью 1853 г. султанъ объявилъ войну Россіи. Война началась блестящимъ успѣхомъ русскаго флота (морская побѣда при Синопѣ), но за Турцію заступились тогда обѣ западныя державы.

Вопросъ о святыхъ мѣстахъ задѣвалъ и французское правительство. Подобно тому, какъ православные находились въ Палестинѣ подъ покровительствомъ Россіи, католики издавна пользовались протекторатомъ Франціи. Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшись президентомъ республики, увидѣлъ въ этомъ вопросѣ превосходный поводъ показать свою ревность къ католицизму

и къ національному престижу Франціи на Востокѣ и поднялъ вопросъ о правахъ Франціи передъ турецкимъ правительствомъ (1850). Въ Константинополѣ началось тогда соперничество французскихъ и русскихъ дипломатовъ, которое все болѣе и болѣе обостряло взаимныя отношенія обоихъ правительствъ. Между прочимъ, Наполеонъ III не могъ простить русскому императору, что тотъ отказался назвать его «братомъ» и даже одно время склонялъ Австрію и Пруссію не признавать его императоромъ. Какъ-разъ въ это время Англія, собираясь помѣшать Россіи на Востокѣ, нуждалась въ союзникѣ. Наполеонъ III, которому нужна была самому война для того, чтобы отвлечь вниманіе общества отъ внутреннихъ дѣлъ и вернуть его къ традиціямъ національной славы, ухватился за идею о защитѣ Турціи отъ Россіи въ союзѣ съ Англіей. Весною 1854 г. обѣ западныя державы также объявили войну русскому императору. Въ этой войнѣ Россія оказалась совершенно изолированною, такъ какъ всѣ старанія Николая I устроить другую коалицію окончились неудачей. Австрія и Пруссія воздержались отъ войны, хотя втянуть ихъ въ нее пытались обѣ стороны. Австрія, «поражая міръ своей неблагодарностью», впрочемъ, готова была соединиться съ Англіей и Франціей противъ спасшей ее Россіи и заняла по отношенію къ ней угрожающее положеніе. Въ Пруссіи тоже была сильная придворная партія, воспрепятствовавшая Фридриху-Вильгельму IV стать на сторону Россіи и даже прямо совѣтовавшая ему присоединиться къ врагамъ Россіи, но онъ объявилъ, что никогда этого не сдѣлаетъ. Это заставило и Австрію воздержаться отъ участія въ войнѣ, хотя она все-таки заняла дунайскія княжества, откуда Николай I вынужденъ былъ вывести свои войска, дабы лишить вѣнскій дворъ всякаго предлога къ войнѣ.

Союзники, пославшіе эскадры во всѣ русскія моря, сосредоточили свои силы на Черномъ морѣ и высадились въ Крыму, гдѣ послѣ ряда неудачныхъ для Россіи битвъ подступили къ Севастополю, подвергнувъ его осадѣ, которая продолжалась почти цѣлый годъ (одиннадцать мѣсяцевъ). Другой театръ войны былъ въ Азіи, на русско-турецкой границѣ. Россія оказалась совсѣмъ не подготовленною къ войнѣ, особенно на такой далекой окраинѣ, не соединенной притомъ съ центромъ хорошими путями сообщенія: вооруженіе арміи было плохое, особенно въ сравненіи съ усовершенствованнымъ оружіемъ западныхъ державъ; въ интендантствѣ царило казнокрадство; среди военачальниковъ было не-

мало совершенно неспособныхъ лицъ, и въ виду этого стойкость и храбрость солдатъ много сдѣлать не могли. Когда союзники уже осадили Севастополь, къ нимъ присоединилась еще Сардинія, а Австрія не только заключила съ ними оборонительный союзъ, но и начала настаивать на томъ, чтобы и вся остальная Германія готовилась къ войнѣ. Наполеонъ III, кромѣ того, мечталъ поднять возстанія въ Польшѣ, въ Финляндіи, на Кавказѣ и даже втянуть въ войну Швецію. Вообще эта война съ Россіей была въ высшей степени популярна въ Западной Европѣ, такъ какъ тамъ все еще боялись ея замысловъ, готовы были видѣть въ ней вѣчную угрозу для европейской цивилизаціи и ненавидѣли ее за ея вмѣшательство во внутреннія дѣла другихъ странъ.

Смерть Николая I и паденіе Севастополя повлекли за собою окончаніе войны. 25 февраля 1856 г. въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, открылся конгрессъ, въ которомъ приняли участіе представители Франціи, Англіи, Россіи, Турціи, Австріи и Сардиніи, а потомъ, по особому приглашенію, и Пруссіи. Выборъ мѣста для конгресса и предсѣдательство на немъ представителя Франціи были естественнымъ слѣдствіемъ руководящей роли, какую Франція играла во все время войны. 30 марта 1856 г. былъ подписанъ мирный договоръ, обезпечивавшій цѣлость и полную внутреннюю независимость Турціи, объявлявшій Черное море нейтральнымъ безъ права какой бы то ни было державы имѣть на немъ военный флотъ, проливы же закрытыми для военныхъ кораблей всѣхъ націй, провозглашавшій, далѣе, свободу плаванія по Дунаю и, наконецъ, устанавливавшій автономію дунайскихъ княжествъ, причемъ Молдавія получила часть русской Бессарабіи. Для Наполеона III это было величайшимъ торжествомъ. Французская имперія сдѣлалась первенствующей державой во всей Европѣ. Другіе государи стали искать сближенія съ Наполеономъ III и его расположенія. Въ Парижъ начали ѣздить одинъ за другимъ европейскіе монархи, совсѣмъ забывъ, какъ недавно еще относились они къ новому владыкѣ Франціи. Этотъ успѣхъ внѣшней политики Наполеона III упрочивалъ его положеніе и въ самой странѣ, такъ какъ военныя и дипломатическія побѣды, политическое преобладаніе въ Европѣ посѣщенія Парижа коронованными особами и т. п. льстили національному самолюбію французовъ.

Внѣшняя политика вообще сдѣлалась любимымъ дѣломъ Наполеона III. Въ то время, какъ императрица Евгенія, вполнѣ

опутанная клерикалами, дѣйствовала на мужа въ интересахъ консервативной политики, другіе близкіе къ нему люди, напротивъ, толкали его на путь разрушенія старой международной системы въ пользу новыхъ политическихъ комбинацій. Наполеонъ III часто не зналъ, на что рѣшиться, и потому его поступки отличались большою непослѣдовательностью. Отсюда проистекали въ его внѣшней политикѣ разныя противорѣчія и неожиданности, ставившія совершенно втупикъ дипломатовъ и заставлявшія ихъ постоянно предполагать существованіе у него необычайно коварныхъ замысловъ и самыхъ хитрыхъ плановъ, да и ему самому нравилось держать Европу въ вѣчной тревогѣ, заставлять всѣхъ вѣчно ожидать, что-то скажетъ или сдѣлаетъ «тюльерійскій сфинксъ», и, такимъ образомъ, разыгрывать роль вершителя судебъ Европы. Не завися въ своей внѣшней политикѣ отъ народнаго представительства, мало обращая вниманія на общественное мнѣніе страны и располагая преданною арміей, которая стала тогда считаться лучшею во всей Европѣ, Наполеонъ III могъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ чисто личными соображеніями. Тревожныя опасенія разныхъ правительствъ онъ успокаивалъ постоянными увѣреніями въ томъ, что онъ пользуется силами Франціи лишь ради исполненія цивилизаторской миссіи, ради торжества свободы и мирнаго преуспѣянія народовъ. И это также льстило честолюбію французовъ, вполнѣ серьезно считавшихъ себя какъ бы призванными устраивать судьбы другихъ націй.

Успѣхъ парижскаго конгресса 1856 г. внушилъ Наполеону III мысль о созваніи новаго конгресса, который передѣлалъ бы границы, созданныя трактатами 1815 г. Политическому равновѣсію Европы, основанному на внѣшнемъ союзѣ легитимныхъ государей, онъ противопоставлялъ гармоническое сочетаніе свободныхъ и независимыхъ національностей. Но это была у него чисто абстрактная идея: самъ онъ слишкомъ мало зналъ этнографію и исторію, чтобы эта идея могла получить въ его умѣ сколько-нибудь реальный обликъ, династическіе же интересы и выгоды текущей минуты нерѣдко заставляли его поступать совсѣмъ не такъ, какъ того требовалъ «принципъ національностей». Онъ мечталъ, напримѣръ, о томъ, чтобы соединить всѣ «латинскія расы» (Италію, Испанію, Португалію) подъ гегемоніей Франціи, предоставивъ подобнымъ же образомъ устроиться германскимъ и славянскимъ «расамъ», но Францію будущаго онъ представлялъ себѣ не иначе,

какъ въ ея «естественныхъ границахъ»—до Рейна и до Альповъ, что̀ едва ли соотвѣтствовало принципу національностей. Наиболѣе реальною частью этой политики національностей были только итальянскіе планы Наполеона III. Въ молодости онъ принималъ участіе въ заговорѣ для освобожденія Италіи; притомъ у него была итальянская родня, нѣкоторые члены которой сами принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ 1848—49 гг., а его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ (сынъ бывшаго вестфальскаго короля), женившійся на дочери сардинскаго короля, даже особенно настойчиво требовалъ освобожденія Италіи. Изъ разныхъ покушеній на жизнь Наполеона III ни одно не произвело на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ покушеніе, въ 1858 г., итальянскаго патріота, графа Орсини. Схваченный полиціей послѣ того, какъ имъ уже были брошены бомбы, Орсини прямо заявилъ, что хотѣлъ убить Наполеона III, который долженъ былъ бы быть освободителемъ Италіи, а сдѣлался главнымъ препятствіемъ къ ея освобожденію. Боясь новыхъ покушеній на свою жизнь, Наполеонъ III рѣшился, наконецъ, вмѣшаться въ итальянскій вопросъ. Чтобы примирить свой принципъ національностей съ свѣтскою властью папы, за которую горой стояли императрица, клерикалы и крупная буржуазія, Наполеонъ III думалъ превратить Италію въ федерацію, независимую отъ Австріи и связанную съ Франціей тѣсными узами благодарности, но, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ признать образованіе Итальянскаго королевства, получивъ за это въ награду отъ Виктора-Эммануила Савойю и Ниццу. Вмѣшательство въ итальянскія дѣла было во Франціи очень популярно среди либераловъ и республиканцевъ, которые выражали недовольство только тѣмъ, что Наполеонъ III продолжалъ поддерживать свѣтскую власть папы. Во время итальянской войны для того, чтобы повредить Австріи, онъ даже думалъ снова поднять революцію въ Венгріи и вступилъ по этому поводу въ личные переговоры съ мадьярскимъ патріотомъ Кошутомъ, жившемъ въ изгнаніи. Также въ качествѣ покровителя угнетенныхъ національностей Наполеонъ III въ 1863 г. заступился за поляковъ, поднявшихъ новое возстаніе противъ Россіи. И въ этомъ случаѣ на его сторонѣ было сочувствіе общественнаго мнѣнія во всей Западной Европѣ, а къ дипломатическому вмѣшательству въ польскія дѣла, предпринятому Наполеономъ III, присоединились Англія и Австрія. Въ союзѣ съ ними онъ предполагалъ уже начать войну за Польшу, но, не встрѣтивъ къ этому нигдѣ располо-

женія, ограничился одними дипломатическими представленіями. Онъ снова пригласилъ-было державы на новый конгрессъ для пересмотра трактатовъ 1815 г. и для рѣшенія вопросовъ римскаго, польскаго и шлезвигъ-гольштейнскаго, но другія государства отказались и отъ этого предложенія.

Вражда Наполеона III къ Австріи заставляла его дѣйствовать заодно съ ея врагами не только въ Италіи, но и въ Германіи. Еще до начала итальянской войны 1859 г. онъ всѣми способами старался склонить на свою сторону прусскаго короля, льстя его честолюбію заманчивыми обѣщаніями въ смыслѣ гегемоніи въ германскомъ мірѣ, если только Пруссія будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Франціей. Въ эпоху австро-прусской войны 1866 г. Наполеонъ III расчленялъ въ своихъ мысляхъ Германію на Австрію, Пруссію съ сѣверо-германскимъ союзомъ, южную Германію, не зависящую ни отъ Австріи, ни отъ Пруссіи, и лѣвый берегъ Рейна, гдѣ получили бы вознагражденіе тѣ государи, у которыхъ будетъ отняты земли въ пользу Пруссіи по другую сторону этой рѣки, для Франціи же онъ мечталъ заполучить Бельгію и зарейнскія части Баваріи и Гессена. У него даже опять явился планъ европейскаго конгресса, на этотъ разъ не состоявшагося только вслѣдствіе упорства Австріи. И по окончаніи австро-прусской войны Пруссія все-таки еще продолжала лелѣять мечты Наполеона III о пріобрѣтеніи Бельгіи и Люксембурга. Когда, однако, въ 1867 г. французскій императоръ вступилъ съ голландскимъ королемъ (бывшимъ и государемъ Люксембурга) въ переговоры объ уступкѣ этого великаго герцогства за деньги и сдѣлка на этотъ счетъ была уже вполнѣ готова, Пруссія объявила голландскому королю, что уступка Люксембурга Франціи можетъ быть поводомъ къ войнѣ. Продажа не состоялась, и Наполеонъ III долженъ былъ отказаться отъ своихъ плановъ.

Принципъ національностей, который Наполеонъ III хотѣлъ ввести въ международную жизнь Европы, вполнѣ соотвѣтствовалъ стремленіямъ, проявившимся въ Италіи и въ Германіи въ 1848 г. Выступивъ противъ Австріи, которая была главною противницей національныхъ движеній въ обѣихъ этихъ странахъ, Наполеонъ III явился союзникомъ Сардиніи и Пруссіи, ставшихъ во главѣ итальянскаго и германскаго объединенія. Онъ допускалъ, однако, это объединеніе двухъ сосѣднихъ съ Франціей націй лишь до извѣстныхъ предѣловъ, далѣе которыхъ онѣ не должны были идти и, кромѣ того, подъ условіемъ вознагражде-

нія Франціи. Въ обѣихъ націяхъ на Наполеона III поэтому стали смотрѣть, какъ на главную помѣху для окончательнаго объединенія, и это создало ему и тамъ, и здѣсь массу враговъ.

Кромѣ всего этого, Наполеонъ III занималъ вниманіе цивилизованнаго міра внѣ-европейскими предпріятіями. Въ 1860 г. въ Сиріи произошелъ взрывъ мусульманскаго фанатизма, и Франція, для защиты христіанъ отъ рѣзни, послала туда свое войско, которое произвело оккупацію этой провинціи. Вскорѣ послѣ этого, стремясь къ объединенію «латинскихъ расъ», Наполеонъ III обратилъ свои взоры на Америку. Онъ воспользовался дурнымъ состояніемъ финансовъ въ Мексикѣ, отъ котораго страдали европейскіе кредиторы, дабы при содѣйствіи Англіи и Испаніи вмѣшаться въ мексиканскія дѣла (1862). Когда, однако, правительства обѣихъ названныхъ странъ увидѣли, что Наполеонъ III затѣваетъ что-то большее, они предоставили ему дѣйствовать одному. Тогда онъ послалъ въ Мексику цѣлую армію уже для завоеванія этой страны и образованія изъ нея вассальную имперію подъ властью австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Война между Югомъ и Сѣверомъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ благопріятствовала Наполеону III, и онъ уже собирался, при содѣйствіи другихъ европейскихъ государствъ, разбить Штаты на два независимые другъ отъ друга союза. Когда сѣверяне одолѣли южанъ, вашингтонское правительство объявило, что въ Мексикѣ оно признаётъ только власть прежняго президента Хуареса, державшагося еще на сѣверѣ страны, и Наполеонъ III, обязавшійся передъ Максимиліаномъ содержать въ Мексикѣ для его защиты значительное войско, объявилъ ему, что перемѣнившіяся обстоятельства заставляютъ его удалить оккупаціонную армію (1866). Мало того, онъ старался теперь убѣдить Максимиліана отречься отъ престола, но тотъ остался въ Мексикѣ и вскорѣ послѣ удаленія оттуда послѣдняго французскаго отряда былъ взятъ въ плѣнъ Хуаресомъ. Максимиліанъ никогда не хотѣлъ признавать офицеровъ и солдатъ Хуареса за воюющую сторону и даже издалъ декретъ, предписывавшій разстрѣливать ихъ, какъ разбойниковъ. Взятый въ плѣнъ, онъ самъ былъ приговоренъ къ разстрѣлянію (1867). Позорный исходъ мексиканской экспедиціи сильно поколебалъ престижъ Наполеона III, и одновременно съ этимъ въ Германіи произошли событія, которыя выдвинули впередъ Пруссію, ставшую во главѣ нѣмецкой націи и сдѣлавшуюся потому опасною для самой Франціи.

XXV. Національныя войны 1859—1871 гг. [1]).

Эпоха войнъ за объединеніе Италіи и Германіи. — Два направленія въ итальянскомъ объединительномъ движеніи.—Итальянская война 1859 г. и образованіе Итальянскаго королевства.—Присоединеніе къ нему Венеціи и Рима въ 1866 и 1870 гг. — Возобновленіе объединительнаго движенія въ Германіи послѣ 1859 г.—Антагонизмъ Австріи и Пруссіи.—Датская война 1864 г. и австро-прусская война 1866 г.—Образованіе Сѣверо-германскаго союза. — Исключеніе Австріи изъ Германіи. — Франко-германская война 1870—71 гг. и основаніе Германской имперіи.

Въ числѣ задачъ, которыя ставились революціями 1848 г., были объединеніе Италіи и объединеніе Германіи. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ Сардинское королевство, дважды становившееся во главѣ національной борьбы съ Австріей и дважды ею побитое, должно было отказаться отъ Ломбардіи, которую уже занимали его войска, это маленькое государство снова начало войну съ габсбургской монархіей, на сей разъ увѣнчавшуюся успѣхомъ. Въ 1866 г. Сардинія, успѣвшая къ этому времени объединить почти весь полуостровъ въ новое Итальянское королевство, еще разъ вступила въ борьбу съ Австріей, тоже окончившуюся для итальянцевъ благопріятно, а въ 1870 г. въ составъ единой Италіи вошла и вся Римская область. То, что не было достигнуто въ 1848—1849 гг.,—единство Италіи,—осуществилось въ 1959—1860, 1866 и 1870 г. Для этого потребовались двѣ войны съ Австріей, одна изъ нихъ въ союзѣ съ Франціей, другая въ союзѣ съ Пруссіей. Нѣсколько позднѣе началось и почти одновременно завершилось и объединеніе Германіи, которое тоже входило въ число задачъ 1848 г. И это объединеніе потребовало три войны: одну со стороны Австріи и Пруссіи противъ Даніи въ 1864 г., другую между самими двумя великими державами Германскаго союза въ 1866 г. и третью всей Германіи съ Франціей 1870—1871 гг. Первая изъ этихъ трехъ войнъ даже была какъ бы возобновленіемъ той датско-нѣмецкой войны, которая велась въ 1848—1849 гг.

Вообще національныя войны 1859—1871 г. стоятъ въ тѣсной связи съ событіями революціонной эпохи середины XIX в., ибо

---

[1]) Уч. кн., §§ 321—322, 324 и 326—333. — И. З. Ѣ., т. V, гл. XXVII и XXVIII.—Общій взглядъ, гл. XV.

въ 1848—1849 гг. были поставлены вопросы не только объ объединеніи Италіи и Германіи, но и о томъ, кѣмъ и какъ оно будетъ совершено, вопросы, о томъ, совершитъ ли это дѣло въ Италіи республиканская партія, или монархія Савойскаго дома, и станетъ ли во главѣ объединенной Германіи Австрія или Пруссія. Въ шестидесятыхъ годахъ оба вопроса рѣшились въ пользу Сардиніи и Пруссіи, которыя обѣ вышли изъ кризиса 1848 г. конституціонными монархіями, сохранивъ, какъ-никакъ, и въ эпоху реакціи пятидесятыхъ годовъ свои представительныя учрежденія.

Послѣ неудачъ 1849 г. многіе итальянскіе республиканцы стали переходить на сторону сардинской партіи. Въ 1855 г. проживавшій въ Парижѣ изгнанникомъ итальянскій патріотъ Манинъ, бывшій во время революціи диктаторомъ въ Венеціи, обратился къ Виктору-Эммануилу съ открытымъ письмомъ, гдѣ было сказано: «создайте единую и независимую Италію, и въ такомъ случаѣ я и всѣ республиканцы будемъ на вашей сторонѣ». Манинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ образовалъ особое «Итальянское національное общество» рядомъ съ республиканскимъ «Союзомъ дѣйствія», раньше организованнымъ Мадзини, и съ новымъ обществомъ сблизился, между прочимъ, знаменитый Гарибальди, уже принимавшій участіе въ событіяхъ революціонной эпохи.

Въ глазахъ итальянскихъ патріотовъ Сардинское королевство,—или, какъ чаще его называли Пьемонтъ,—было важно не только тѣмъ, что въ немъ царствовала не-иностранная династія, что оно считалось естественнымъ врагомъ Австріи и что у него была хорошая армія, но и тѣмъ, что лишь оно одно не поддалось послѣ 1849 г. общей реакціи. Въ то самое время, какъ въ остальныхъ частяхъ Италіи царила абсолютистская и клерикальная реакція, здѣсь дѣйствовала конституція и принимались мѣры противъ господства духовенства. Викторъ-Эммануилъ, «король-джентельменъ», старался сохранять за собою репутацію либеральнаго конституціоннаго монарха, назначающаго министрами лишь людей, угодныхъ большинству палаты. Въ первую половину его царствованія ему, притомъ, помогалъ «царствовать, не управляя», его министръ графъ Кавуръ, весьма враждебно относившійся къ клерикализму. Главною заботою правительства было подготовить Сардинію къ борьбѣ съ Австріей, для чего нужны были, кромѣ арміи и денежныхъ средствъ, союзники. Когда началась крымская война, Кавуръ рѣшилъ извлечь изъ нея выгоду для Сарди-

ніи и вступилъ въ переговоры съ Англіей и Франціей о союзѣ. Его дипломатическій планъ состоялъ въ томъ, чтобы, опираясь на давнишнее соперничество Австріи и Франціи, парализовать политическое вліяніе Австріи въ Италіи вліяніемъ французскимъ и при помощи второй изъ нихъ отнять у первой Ломбардо-Венеціанское королевство для присоединенія его къ Пьемонту. Восточный вопросъ Сардиніи совсѣмъ не касался, съ Россіей у нея никакихъ серьезныхъ счетовъ не было, но когда Наполеонъ III пригласилъ Виктора-Эммануила принять участіе въ войнѣ съ Россіей, Кавуръ сразу понялъ выгодную сторону дѣла—участвовать въ общемъ конгрессѣ по окончаніи войны, заявить тамъ свои притязанія, имѣть при этомъ на своей сторонѣ Англію и Францію и даже, быть можетъ, не встрѣтить противодѣйствія со стороны Россіи, которая должна же была захотѣть отомстить Австріи за ея неблагодарность. Въ 1856 г. Сардинія, представленная самимъ Кавуромъ, участвовала въ парижскомъ конгрессѣ, несмотря на то, что Австрія сначала этого не хотѣла допустить. Кавуръ воспользовался-было конгрессомъ, чтобы поднять итальянскій вопросъ, но все дѣло ограничилось лишь заявленіями, разсматривать которыя дипломаты, не имѣвшіе на это полномочій отъ своихъ правительствъ, отказались.

Послѣ парижскаго конгресса въ Италіи усилилось революціонное броженіе, которое одинаково безпокоило и Наполеона III и Кавура. Лѣтомъ 1858 г. между ними произошло тайное свиданіе, и на немъ обоими была рѣшена война противъ Австріи, причемъ Сардинія должна была получить отъ Австріи Ломбардо-Венеціанское королевство, а Франція отъ Сардиніи — Савойю и Ниццу. Кавуру затѣмъ очень ловко удалось устроить дѣло такъ, что сама же Австрія объявила войну.

Итальянская война 1859 г. была необычайно популярна среди всѣхъ передовыхъ партій въ разныхъ странахъ Европы. Въ Италіи даже республиканцы выражали на этотъ разъ свое удовольствіе, и со стороны Мадзини и его приверженцевъ не было оказано противодѣйствія; въ движеніи принялъ самое дѣятельное участіе и Гарибальди. Наполеонъ III, объявившій, что цѣль его—освобожденіе Италіи до Адріатическаго моря, лично явился въ Италію. Въ началѣ іюня пораженіе австрійцевъ при Маджентѣ доставило союзникамъ Ломбардію: черезъ нѣсколько дней оба государя вступили въ Миланъ. Въ концѣ того же іюня произошла новая битва при Сольферино, послѣ которой австрійцы еще разъ

отступили. Въ серединѣ іюля между Наполеономъ III и Францемъ-Іосифомъ состоялось личное свиданіе въ Виллафранкѣ, на которомъ были приняты слѣдующія прелиминарныя условія мира: Италія превратится въ конфедерацію подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы съ условіемъ включенія въ нее Венеціанской области, остающейся, однако, подъ верховною властью Австріи; вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскій императоръ уступалъ французскому императору Ломбардію, а изгнанные незадолго передъ тѣмъ изъ своихъ владѣній великій герцогъ тосканскій и герцогъ моденскій должны были получить ихъ обратно. Итальянцы негодовали и смотрѣли на Наполеона III, какъ на измѣнника и предателя, хотя Ломбардія и была уступлена имъ Виктору-Эммануилу, и немедленно же въ разныхъ частяхъ Италіи началось движеніе, поставившее своею цѣлью присоединеніе къ Пьемонту.

Начиная войну съ Австріей, Викторъ-Эммануилъ обратился съ воззваніемъ ко всей итальянской націи, призывая ее къ оружію. Въ Тосканѣ, въ Моденѣ, въ Пармѣ и въ части Церковной области (Романьѣ) послѣ удаленія австрійскихъ войскъ, стоявшихъ въ этихъ областяхъ, вспыхнули народныя возстанія, образовались временныя правительства и состоялись постановленія собраній депутатовъ въ Тосканѣ и Романьѣ и самаго народа въ Пармѣ и Моденѣ о присоединеніи къ королевству Сардиніи (августъ—сентябрь 1859 г.). Нѣсколько мѣсяцевъ эти провинціи находились въ неопредѣленномъ положеніи, и ихъ судьбу, по мысли Наполеона III, долженъ былъ рѣшить международный конгрессъ, который, однако, не состоялся вслѣдствіе отказа папы прислать своего делегата. Въ самомъ Пьемонтѣ демократы основали «Союзъ вооруженной націи», поставившій своей цѣлью поднять во всей Италіи революцію для достиженія единства. Часть монархистовъ была тоже за продолженіе войны. Кавуръ убѣдилъ тогда Наполеона III не противиться желанію средней Италіи, за что уступилъ ему Савойю и Ниццу. Для санкціи присоединеній была принята система народныхъ голосованій, которыя и произошли въ мартѣ 1860 г. За присоединеніе къ Пьемонту было подано подавляющее большинство голосовъ. Савойя и Ницца были, равнымъ образомъ, формально присоединены къ Франціи (а не уступлены ей) въ силу народнаго же голосованія. Въ началѣ 1860 г. почти вся сѣверная и бо́льшая часть средней Италіи (за исключеніемъ Венеціи и Рима съ ихъ областями) находились подъ властью Виктора-Эммануила. 1860 годъ принесъ ему, кромѣ того, и южную

Италію, гдѣ вспыхнула народная революція, организованная республиканцами и выдвинувшая на первое мѣсто Гарибальди, раздѣлявшаго идеи Мадзини о единой республиканской Италіи.

Весною 1860 г. революціонное движеніе началось въ Сициліи, куда во главѣ тысячнаго отряда добровольцевъ («тысяча Марсалы») явился Гарибальди. При помощи возставшаго народа онъ очень скоро овладѣлъ всѣмъ островомъ. Французское правительство начало настаивать въ Туринѣ, чтобы Викторъ-Эммануилъ остановилъ Гарибальди. Сардинскій король написалъ народному вождю письмо съ предложеніемъ оставить намѣреніе идти на Неаполь, но получилъ въ отвѣтъ, что призываетъ его народъ и что онъ не можетъ оставить начатаго дѣла. Въ августѣ гарибальдійскіе отряды переправились на полуостровъ, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія; неаполитанскіе солдаты даже перебѣгали на ихъ сторону. Очень скоро Гарибальди могъ прямо назначить день своего вступленія въ Неаполь. 6 сентября король Францискъ II бѣжалъ изъ своей столицы въ то самое время, какъ въ городъ уже вступали первые отряды гарибальдійцевъ. На другой день прибылъ въ Неаполь и самъ побѣдитель. Населеніе города съ энтузіазмомъ приняло освободителей. Флотъ отказался слѣдовать за королемъ въ Гаэту и тоже перешелъ на сторону революціи. Овладѣвъ южной Италіей, Гарибальди рѣшилъ завоевать и Церковную область, но здѣсь онъ встрѣтился съ серьезнымъ препятствіемъ. Наполеонъ III не хотѣлъ допустить уничтоженія свѣтской власти папы, да и Кавуръ боялся, что революціонное движеніе можетъ охватить и присоединенныя части Италіи. Съ согласія Наполеона III, которому было указано на необходимость остановить потокъ, угрожающій монархическимъ правительствамъ, Кавуръ черезъ папскія владѣнія двинулъ къ неаполитанской границѣ сардинскую армію. Въ это время высшая власть въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій принадлежала Гарибальди, принявшему титулъ диктатора и поставившему ближайшею цѣлью взять Римъ, послѣ чего только онъ и думалъ рѣшить судьбу освобожденныхъ областей. Къ Кавуру онъ относился съ нескрываемымъ недовѣріемъ, а окружавшія его лица не очень-то довѣряли и самому Виктору-Эммануилу. Посылая свою армію въ Неаполитанское королевство, сардинскій король обратился къ «народамъ южной Италіи» съ прокламаціей, въ которой говорилъ, что повинуется лишь голосу народа, призывающаго его со всѣхъ сторонъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашалъ «примиреніе прогресса наро-

довъ съ неприкосновенностью монархіи», которое будетъ для Италіи «концомъ эпохи революцій». На диктатора между тѣмъ дѣйствовали представители савойской партіи, подогрѣвавшіе давнишнее его расположеніе къ Виктору-Эммануилу, въ которомъ онъ видѣлъ какъ бы орудіе самого Промысла для освобожденія Италіи. Большая народная манифестація въ Неаполѣ въ пользу присоединенія склонила Гарибальди окончательно. 21 октября въ Неаполѣ и Сициліи происходилъ плебисцитъ, который далъ болѣе 1.300.000 голосовъ въ Неаполѣ и 430.000 въ Сициліи за присоединеніе къ Пьемонту. Въ ноябрѣ происходило голосованіе въ папскихъ Маркахъ и въ Умбріи, которые тоже присоединились къ Пьемонту. Гарибальди тогда сложилъ съ себя диктатуру и передалъ власть въ руки Виктора-Эммануила, котораго и сопровождалъ при его торжественномъ въѣздѣ въ Неаполь. Въ январѣ 1861 г. происходили въ старыхъ и новыхъ владѣніяхъ Виктора-Эммануила выборы, а въ серединѣ марта парламентъ,— въ коемъ громадное большинство членовъ состояло изъ сторонниковъ политики Кавура, — провозгласилъ Виктора-Эммануила «милостью Божіей и по волѣ народа королемъ Италіи». Австрія, папа и монархи, лишенные своихъ владѣній, протестовали, но ихъ протестъ остался безъ всякаго дѣйствія. Сардинская конституція 1848 г. была распространена вмѣстѣ съ тѣмъ на все новое королевство.

Самымъ труднымъ вопросомъ внутренней и внѣшней политики, въ теченіе перваго десятилѣтія существованія единаго Итальянскаго королевства, былъ для его правительства вопросъ римскій. Общественное мнѣніе высказывалось за присоединеніе Рима, а радикальная партія не отказывалась отъ мысли добыть Римъ такимъ же образомъ, какъ это было сдѣлано въ 1860 г. съ Сициліей и Неаполемъ. Лѣтомъ 1862 г. Гарибальди во главѣ отряда добровольцевъ снова появился въ Сициліи, чтобы начать завоевательный походъ на Римъ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ III послалъ въ Римъ свѣжія войска для подкрѣпленія находившагося тамъ французскаго гарнизона. Онъ даже грозилъ занять Неаполь, если итальянское правительство не подавитъ этой революціи. При Аспромонте между отрядомъ Гарибальди и отрядомъ королевской арміи произошла перестрѣлка, во время которой самъ Гарибальди былъ раненъ и при этомъ взятъ въ плѣнъ. (Викторъ-Эммануилъ даровалъ, однако, своему плѣннику амнистію). Въ сентябрѣ 1864 г. Франція и Италія заключили между

собою конвенцію, по которой Италія дѣлала своей столицей Флоренцію, а Франція обязывалась вывести свои войска изъ Рима подъ условіемъ, чтобы итальянское правительство охраняло свѣтскую власть папы. Это рѣшило вопросъ о Римѣ,— по крайней мѣрѣ, на время,—въ смыслѣ, неблагопріятномъ для итальянскихъ притязаній, и Викторъ-Эммануилъ задумалъ тогда утѣшить своихъ подданныхъ видами на Венецію. Пруссія въ это время искала союзниковъ противъ Австріи и выхлопотала у Наполеона III разрѣшеніе для Италіи вступить въ союзъ съ нею. Въ 1866 г. вспыхнула австро-прусская война. Италія была прусскою союзницею и имѣла обѣщаніе со стороны Наполеона III не противиться пріобрѣтенію Венеціи. Пруссія помогла Италіи даже деньгами. Съ самаго начала, однако, итальянское войско потерпѣло пораженіе при Кустоццѣ и должно было отступить въ то самое время, какъ Пруссія, одержавъ надъ Австріей нѣсколько побѣдъ, нанесла ей окончательное пораженіе при Садовой. На другой же день послѣ этого Францъ-Іосифъ телеграфировалъ Наполеону III, что уступаетъ ему Венеціанскую область для передачи ея Италіи, и проситъ его вмѣшательства для заключенія мира съ Италіей и перемирія съ Пруссіей. Сначала итальянское правительство и слышать не хотѣло о мирѣ, желая продолжать войну, но послѣ того, какъ итальянскій флотъ почти совсѣмъ былъ уничтоженъ австрійцами при Лиссѣ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого Австрія и Пруссія заключили между собою миръ, и сама Италія была вынуждена сдѣлать то же. По бывшимъ раньше примѣрамъ и для удовлетворенія самолюбія итальянцевъ, не хотѣвшихъ получить Венецію въ видѣ французской подачки, въ Венеціанской области было устроено народное голосованіе.

Въ томъ же 1866 г. Наполеонъ III, исполняя обязательство, принятое на себя за два года передъ тѣмъ, вывелъ изъ Рима французскій гарнизонъ. Скоро, впрочемъ, французскія войска опять появились въ папскихъ владѣніяхъ. Осенью 1867 г. Гарибальди сдѣлалъ третью попытку завоеванія Рима, вторгшись въ Церковную область со своими добровольцами. Итальянское правительство просило у Наполеона III дозволенія защитить папу своими собственными войсками, но тотъ поспѣшилъ отправить на помощь папской арміи французскихъ солдатъ. 3 ноября между гарибальдійцами и соединеннымъ папско-французскимъ войскомъ произошла при Ментанѣ битва, въ которой Гарибальди потерпѣлъ страшное пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ. Французскій

гарнизонъ остался въ Чивитта-Веккіи охранять папскія владѣнія. Такое рѣшеніе Наполеона III впослѣдствіи сильно мѣшало ему въ его стремленіи заключить союзъ съ Италіей противъ Пруссіи. Напротивъ, въ Италіи стали теперь болѣе полагаться на Пруссію, и даже Мадзини, который всегда видѣлъ въ союзѣ Италіи съ Наполеономъ III опасность для политической свободы и національнаго единства своей родины, предложилъ прусскому правительству союзъ съ итальянской «партіей дѣйствія» противъ общаго врага.

Скоро событія рѣшили вопросъ въ пользу присоединенія и Рима къ Италіи. Въ концѣ 1869 г. Пій IX созвалъ въ Ватиканскомъ дворцѣ вселенскій соборъ католической церкви для установленія догмата папской непогрѣшимости, и въ іюлѣ 1870 г. новый догматъ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ. Конституція «Pastor aeternus» гласила, что когда папа съ каѳедры (ex cathedra), т.-е. исполняя свои обязанности пастыря и наставника всѣхъ христіанъ, установляетъ ученія о вѣрѣ и нравственности, то ему принадлежитъ непогрѣшимость, обѣщанная церкви самимъ Спасителемъ. Какъ-разъ на другой день послѣ торжества провозглашенія новаго догмата совершилось объявленіе войны Наполеономъ III Пруссіи. Французскій гарнизонъ долженъ былъ оставить Чивитта-Веккію, чтобы спѣшить на помощь своему отечеству. Вскорѣ затѣмъ произошло во Франціи паденіе имперіи. Итальянское правительство немедленно объявило тогда о прекращеніи конвенціи 1864 г. и отправило свои войска въ папскія владѣнія. Достаточнымъ оказалось трехчасовой канонады, чтобы заставить Римъ сдаться (20 сентября), а черезъ двѣ недѣли (3 октября) произошло народное голосованіе въ пользу присоединенія къ Итальянскому королевству, на что Пій IX отвѣтилъ отлученіемъ Виктора-Эммануила отъ церкви. Объединеніе Италіи совершилось, но впослѣдствіи возникла партія (Italia irredenta), которая требовала распространенія итальянскаго господства на всѣ сосѣднія области, гдѣ господствуетъ итальянскій языкъ, владычествуютъ же иностранцы.

Таковъ былъ ходъ объединенія Италіи, совершеннаго Савойскимъ домомъ, царствовавшимъ въ Сардиніи. Ходъ объединенія Германіи подъ властью прусской династіи Гогенцоллерновъ былъ нѣсколько иной. Во-первыхъ, Германія объединилась безъ австрійскихъ нѣмцевъ, т.-е. безъ очень значительной части націи, и во-вторыхъ, лишь немногія изъ царствовавшихъ въ Германіи дина-

стій лишились своихъ владѣній, такъ что Германія объединилась не въ формѣ единаго и нераздѣльнаго, а въ формѣ союзнаго государства.

Итальянская война 1859 года не могла пройти безслѣдно для Германіи. Австрія была очень заинтересована въ томъ, чтобы въ этой войнѣ принялъ участіе на ея сторонѣ весь Германскій союзъ. Ея оффиціозы пугали нѣмцевъ завоевательными планами Наполеона III, но и французское правительство тоже агитировало въ свою пользу среди нѣмцевъ, изображая политику Наполеона III, какъ политику освобожденія народовъ. Одни стали на сторону Австріи, другіе—на сторону Франціи, видя въ современныхъ итальянскихъ событіяхъ указаніе на то, какъ должно совершиться и объединеніе Германіи. Газетная полемика, вызванная событіями 1859 г., оживила также успѣвшій-было заглохнуть антагонизмъ велико-нѣмецкой и мало-нѣмецкой партій. Австрія обѣщала своимъ приверженцамъ нѣмецкую гегемонію надъ всею среднею Европой для охраны интересовъ германской націи отъ романскаго союза на Западѣ и отъ славянской имперіи на Востокѣ. За Австрію стояли баварскіе ультрамонтаны, вюртембергскіе партикуляристы, франкфуртскіе биржевики-евреи и т. п., равно какъ многіе историки и публицисты. Мало-германская партія, видѣвшая все спасеніе въ Пруссіи, не была настроена въ пользу австрійскихъ предложеній. Обѣ партіи употребляли всѣ усилія, чтобы имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе націи, которая была очень встревожена слухами о намѣреніи Наполеона III овладѣть лѣвымъ берегомъ Рейна и чувствовала свою полную безпомощность при политической раздробленности Германіи. Желаніе Австріи увлечь въ войну съ Франціей Пруссію и весь союзъ не встрѣтило, однако, сочувствія въ Берлинѣ, хотя Пруссія на всякій случай вооружилась. Прусскій принцъ-регентъ, управлявшій вслѣдствіе душевной болѣзни Фридриха-Вильгельма IV, ставилъ условіемъ своего вмѣшательства передачу ему одному главнаго начальства надъ всей арміей Германскаго союза, но Францъ-Іосифъ предпочелъ потерять Ломбардію, чѣмъ дать свое согласіе на такое усиленіе Пруссіи. Пораженіе Австріи въ войнѣ съ Италіей и Франціей обнаружило безсиліе этой монархіи и несовмѣстимость ея интересовъ съ интересами Германіи, что и доказывалось въ рядѣ брошюръ и газетныхъ статей, выходившихъ изъ-подъ пера сторонниковъ мало-нѣмецкой партіи. Общественное движеніе выразилось въ это время и въ многочислен-

ныхъ народныхъ собраніяхъ, созывавшихся вождями обѣихъ партій: одновременно возобновилась и борьба между либералами и абсолютистами. Въ общемъ, либералы были сторонниками національнаго единства, тогда какъ партикуляристы склонялись на сторону абсолютизма.

Осенью 1859 г., послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ съѣздовъ, либеральные сторонники объединенія Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи образовали большое политическое общество—«Нѣмецкій національный союзъ». Своею цѣлью общество поставило содѣйствовать всѣми законными способами распространенію и утвержденію въ народномъ сознаніи стремленій только-что образовавшейся національной партіи, которая провозгласила «идею единой Германіи съ крѣпкими извнѣ и свободными внутри учрежденіями». Число членовъ Національнаго союза быстро достигло двадцати тысячъ, но многія нѣмецкія правительства отнеслись къ нему враждебно. Въ южной Германіи, гдѣ всегда относились къ Пруссіи съ большою подозрительностью, Національный союзъ не встрѣтилъ сочувствія и со стороны населенія. Съ союзомъ даже начали здѣсь конкуррировать другіе подобные союзы, которые стали возникать съ поощренія баварскаго и австрійскаго правительствъ тоже съ задачею пропагандировать идею національнаго единства; въ 1862 г. они всѣ объединились въ одинъ большой «Союзъ реформы». Въ томъ же году на общемъ собраніи Національнаго союза, провозгласившаго за годъ передъ тѣмъ, что Пруссія нужна Германіи и что слѣдуетъ направить прусское правительство на истинный путь, прямою цѣлью дѣйствій союза была объявлена конституція 1849 г. Въ такомъ же смыслѣ около того же времени высказался и съѣздъ либеральныхъ депутатовъ отдѣльныхъ ландтаговъ.

Опасность со стороны Франціи и національное возбужденіе въ Германіи привели въ движеніе и нѣмецкія правительства. Послѣ 1848—49 г. вопросъ о внутреннемъ устройствѣ союза не могъ считаться окончательно рѣшеннымъ простымъ возстановленіемъ прежняго союзнаго сейма. Въ 1853 г. въ экономическомъ отношеніи уже вся Германія, за исключеніемъ одной Австріи, была объединена въ таможенномъ союзѣ подъ предводительствомъ Пруссіи: теперь итальянская война выдвинула вопросъ и о военной организаціи Германіи. Зимою 1859 г. съѣхались — и съѣзжались еще потомъ въ 1860 г.—министры болѣе крупныхъ послѣ Австріи и Пруссіи государствъ для выработки плана ре-

формъ во внутреннемъ устройствѣ Германіи, но это послужило лишь началомъ для цѣлаго ряда безплодныхъ переговоровъ, въ которыхъ приняли участіе и обѣ соперничавшія державы: гдѣ Австрія говорила *да*, Пруссія отвѣчала рѣшительнымъ *нѣтъ* и наоборотъ. Кромѣ министровъ, съѣзжались по тому же вопросу о преобразованіяхъ въ устройствѣ Германіи и нѣкоторые ея государи. Какъ-разъ въ это время Наполеонъ III, «возвративъ Франціи ея естественную границу въ Альпахъ», возбудилъ въ Германіи опасеніе относительно другой «естественной границы» Франціи — на Рейнѣ, но и съѣзды государей по этому поводу ничего не рѣшили. Лишь очень немногіе правители, преимущественно мелкіе князья въ сѣверной Германіи, въ южной же одинъ только Баденъ, стояли на сторонѣ Пруссіи, но остальные были за Австрію. Когда монархія Габсбурговъ, какъ мы увидимъ, получила конституцію (1861) и стала управляться либеральнымъ министерствомъ, въ Пруссіи же, наоборотъ, правительство начало нарушать конституцію, часть нѣмецкихъ либераловъ перенесла всѣ свои упованія на Австрію. Въ 1863 г. велись очень сложные переговоры между германскими правительствами о томъ, какъ реформировать союзъ, и на нихъ только выяснилось, что короли Саксоніи, Ганновера, Баваріи и Вюртемберга, равно какъ и нѣкоторые другіе князья покрупнѣе, готовы были видѣть въ постоянномъ антагонизмѣ Австріи и Пруссіи гарантію своей самостоятельности, т.-е. Австрія должна была ихъ защищать отъ Пруссіи, а Пруссія, въ свою очередь,—отъ Австріи.

Между тѣмъ въ томъ же 1863 г. произошло одно событіе, изъ котораго впослѣдствіи возникъ острый конфликтъ между обѣими великими державами тогдашней Германіи. Въ 1852 г. Англія, Франція и Россія обязались оберегать неприкосновенность датской монархіи, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдникомъ всей этой монархіи, вмѣстѣ съ герцогствами Шлезвигомъ и Гольштейномъ, принца Глюксбургскаго, женатаго на племянницѣ датскаго короля. Но это рѣшеніе не было тогда принято ни земскими чинами герцогствъ, ни Германскимъ союзомъ, ни наслѣдниками герцогствъ по мужской линіи. Когда въ 1863 г. царствовавшій въ то время въ Даніи король (Фридрихъ VII) умеръ, принцъ Глюксбургскій занялъ престолъ подъ именемъ Христіана IX, но шлезвигскій и гольштейнскій ландтаги провозгласили своимъ государемъ Фридриха Аугустенбургскаго изъ мужской линіи царствовавшей въ Даніи династіи. Гольштейнъ со своимъ сплошнымъ

нѣмецкимъ населеніемъ и Шлезвигъ, лишь въ сѣверной части котораго населеніе было датское, выразили, съ своей стороны желаніе тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ остальной Германіей. Германскіе патріоты рѣшились тогда поддерживать своихъ единоплеменниковъ, и оба политическія общества, т.-е. и великогерманскій Союзъ реформы, и мало-германскій Національный союзъ стали собирать деньги и вербовать добровольцевъ на помощь національному дѣлу. На сторону этого общественнаго движенія стали и нѣмецкіе государи, поддерживаемые мѣстными народными представительствами, и, наконецъ, самъ союзный сеймъ сдѣлалъ постановленіе о военномъ занятіи Гольштейна. Пруссія и Австрія, однако, заняли въ этомъ вопросѣ совсѣмъ особое положеніе.

Въ 1862 г. главнымъ руководителемъ прусской политики сдѣлался Отто фонъ-Бисмаркъ, поставившій своею задачею объединить Германію «кровью и желѣзомъ». Прежде всего, ему было нужно устранить европейское вмѣшательство въ шлезвигъ-гольштейнское дѣло. Россія была на сторонѣ Пруссіи послѣ того, какъ Бисмаркъ, вопреки общественному мнѣнію всей Германіи, сталъ на сторону Россіи въ польскомъ вопросѣ. Между Франціей и Англіей произошло охлажденіе изъ-за того же польскаго вопроса, въ которомъ Наполеонъ III былъ покинутъ своей союзницей, да и самъ онъ склонялся къ мысли о необходимости присоединенія къ Германіи нѣмецкаго населенія герцогствъ. Бисмарку оставалось только привлечь на свою сторону Австрію. Въ Вѣну былъ посланъ изъ Берлина одинъ генералъ, который только-что передъ тѣмъ по порученію Бисмарка ѣздилъ въ Вюрцбургъ застращать собравшійся тамъ конгрессъ Саксоніи, Ганновера и Баваріи прусскими вооруженіями, а теперь долженъ былъ передать австрійскому правительству, что Наполеонъ III замышляетъ въ самомъ скоромъ времени снова напустить Италію на Венеціанскую область. Этотъ дипломатическій ходъ удался какъ нельзя лучше. Склонивъ на свою сторону Австрію, Бисмаркъ добился еще того, что Францъ-Іосифъ объявилъ осадное положеніе въ Галиціи, откуда шла, главнымъ образомъ, помощь польскому возстанію. Въ Европѣ въ 1864 г. прямо заговорили даже о возобновленіи Священнаго союза, послѣ того какъ произошли свиданія между австрійскимъ, прусскимъ и русскимъ государями.

Вскорѣ обѣ германскія державы потребовали отъ Даніи установленія отдѣльнаго правительства для Шлезвига. Отказъ дат-

скаго короля исполнить это требованіе повлекъ за собою въ январѣ 1864 г. объявленіе войны. Австро-прусская армія заняла оба герцогства, потому что датская армія была вдвое меньше и не рѣшилась оказывать сопротивленіе. Затѣмъ въ непродолжительномъ времени послѣдовало занятіе австро-прусскимъ войскомъ и Ютландіи, и вслѣдъ за тѣмъ Австрія и Пруссія объявили, что послѣ своей побѣды онѣ уже не признаютъ силы за договоромъ 1852 г. и желаютъ полнаго отторженія герцогствъ отъ Даніи. Совершенно оставленная всею Европою, Данія вынуждена была тогда просить мира. Окончательный договоръ былъ подписанъ въ Вѣнѣ въ концѣ октября 1864 г. По этому миру датскій король совсѣмъ отказался отъ прежнихъ своихъ правъ на герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауенбургъ въ пользу императора австрійскаго и короля прусскаго и обязался признать распоряженія, какія они найдутъ нужнымъ сдѣлать относительно этихъ герцогствъ [1]).

Во время войны Австрія и Пруссія объявили себя за герцога Аугустенбургскаго, но потомъ нашли, что датскій король въ качествѣ законнаго государя спорныхъ герцогствъ имѣетъ право уступить ихъ, кому желаетъ, и взяли герцогства себѣ, оставивъ открытымъ вопросъ о правахъ герцога. Въ 1865 г. обѣ державы заключили особую конвенцію, по которой Австрія взяла во временное управленіе Гольштейнъ, Пруссія — Шлезвигъ. Депутаты нѣмецкихъ ландтаговъ, собравшіеся на съѣздъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, протестовали противъ этой конвенціи во имя права самихъ населеній обоихъ герцогствъ рѣшить свою судьбу и заявили, что вся нѣмецкая нація должна защищать это право герцогствъ. Австрія и Пруссія отвѣтили на этотъ протестъ грозными представленіями союзному сейму и этимъ застращали остальныя германскія правительства. Однако, и между самими союзниками, подѣлившими между собою герцогства, начались несогласія и пререканія, а потомъ и приготовленія съ обѣихъ сторонъ къ войнѣ, во время которыхъ Бисмаркъ и выхлопоталъ у Наполеона III для Италіи разрѣшеніе вступить въ союзъ съ Пруссіей. Ему стоило, впрочемъ, немалаго труда преодолѣть отвращеніе своего государя, Вильгельма I, къ союзу съ итальянскимъ

[1]) Однимъ позднѣйшимъ (1866) договоромъ населенію сѣверной части Шлезвига предоставлено было право высказаться свободнымъ голосованіемъ, не желаетъ ли оно быть возвращено Даніи, но это условіе никогда не было исполнено.

королемъ, этимъ союзникомъ революціи, низвергшей нѣсколькихъ законныхъ монарховъ. Заручившись союзомъ съ Италіей, Бисмаркъ на приглашеніе отдать прусско-австрійскую распрю на разсмотрѣніе союзнаго сейма рѣзко отвѣтилъ, что союзный сеймъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не судья. Мало того, прусское правительство предложило теперь этому сейму не болѣе, не менѣе, какъ «созвать собраніе путемъ прямыхъ выборовъ и всеобщаго голосованія всей нѣмецкой націи», которое и разсмотрѣло бы предложенія германскихъ правительствъ касательно переустройства Германскаго союза. Вслѣдъ за этимъ прусская армія въ началѣ іюня вступила изъ Шлезвига въ Гольштейнъ, откуда австрійское войско немедленно же должно было удалиться. Черезъ день послѣ перваго появленія пруссаковъ въ Гольштейнѣ Бисмаркъ предложилъ непосредственно отдѣльнымъ германскимъ государствамъ свой планъ переустройства союза: Австрію и Люксембургъ, соединенный съ Голландіей, предлагалось совсѣмъ исключить изъ Германіи; далѣе, должны были быть путемъ всеобщаго голосованія созванъ германскій парламентъ, установлена центральная власть для дипломатическаго представительства, для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ и для завѣдованія экономическими дѣлами и организована общая армія подъ начальствомъ королей прусскаго и баварскаго. Австрія потребовала въ союзномъ сеймѣ мобилизаціи союзныхъ войскъ, чтобы наказать Пруссію за нападеніе на Гольштейнъ, и сеймъ принялъ это предложеніе, но прусскій уполномоченный всталъ съ своего мѣста и заявилъ, что его государь считаетъ союзъ расторгнутымъ и думаетъ сохранить за собою полную свободу дѣйствій (14 іюня).

На другой день Бисмаркъ потребовалъ отъ правительствъ Ганновера, Кургессена и Саксоніи разоружиться и примкнуть къ прусскому предложенію. Когда тѣ отвѣтили отказомъ, прусскія войска немедленно вступили въ названныя государства, которыя въ нѣсколько дней и были ими заняты. Мелкія государства сѣверной Германіи подчинились прусскимъ требованіямъ. Южная Германія стала на сторону Австріи, но тамошнія правительства дѣйствовали очень вяло и медленно, такъ что прусскимъ войскамъ удалось отрѣзать ихъ военныя силы отъ соединенія съ австрійскими. Главную армію свою Пруссія двинула въ Богемію въ то самое время, какъ Викторъ-Эммануилъ напалъ на Венеціанскую область и этимъ отвлекъ въ Италію цѣлую половину австрійской арміи. Въ нѣсколько дней пруссаками былъ одержанъ рядъ по-

бѣдъ надъ австрійцами, въ началѣ іюля потерпѣвшими и самое рѣшительное пораженіе при Садовой (или Кёниггрецѣ). Путь на Вѣну былъ открытъ, и, наконецъ, прусская армія, въ которой даже былъ особый легіонъ изъ мадьярскихъ изгнанниковъ, могла двинуться на Венгрію, чтобы поднять въ ней возстаніе. Тогда-то Францъ-Іосифъ поспѣшилъ отдать Наполеону III Венеціанскую область для переуступки ея Италіи, лишь бы тотъ помогъ Австріи заключить миръ съ Италіей и перемиріе съ Пруссіей. Французскій императоръ потребовалъ-было присоединенія къ Франціи зарейнскихъ частей Баваріи и Гессена, но получилъ отъ Пруссіи рѣшительный отказъ; Бисмаркъ даже воспользовался этимъ требованіемъ Наполеона III, чтобы окончательно дискредитировать его въ глазахъ южно-нѣмецкихъ государей, которые въ виду чрезмѣрныхъ притязаній Пруссіи искали защиты у Франціи. Поставивъ имъ сначала очень тяжелыя условія, Бисмаркъ хотѣлъ лишь застращать ихъ, а затѣмъ, сдѣлавъ имъ уступку и обѣщавъ защиту противъ Франціи, перетянуть ихъ на свою сторону. При посредничествѣ Наполеона III переговоры между Австріей и Пруссіей привели къ заключенію мира въ Прагѣ. Одновременно Пруссія заключила мирные договоры отдѣльно съ Вюртембергомъ, Баденомъ, Баваріей, Саксоніей и пр. на весьма льготныхъ для нихъ условіяхъ. Съ Баденомъ, Баваріей и Вюртембергомъ были заключены, кромѣ того, и наступательно-оборонительные союзы. Подобнаго же рода договоръ былъ подписанъ между Пруссіей и тѣми государствами сѣверной Германіи, которыя передъ началомъ войны стали на сторону Пруссіи; вскорѣ къ этому договору вынуждена была присоединиться и Саксонія.

Война 1866 г. положила конецъ существованію созданнаго на вѣнскомъ конгрессѣ Германскаго союза. Госпожею положенія въ Германіи сдѣлалась Пруссія, расширившая свои владѣнія и ставшая во главѣ новаго союза, изъ котораго Австрія была совсѣмъ исключена. Къ Пруссіи были присоединены Шлезвигъ и Гольштейнъ, затѣмъ цѣлыя три государства сѣверной Германіи, отдѣлявшія западныя части Пруссіи отъ восточныхъ, т.-е. королевство Ганноверское, курфюршество Гессенъ-Кассельское и герцогство Нассауское, съ небольшими частями Баваріи и Гессенъ-Дармштадта, наконецъ, Гессенъ-Гомбургъ и вольный городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, занятый Пруссіей во время войны. Пруссія не только увеличила свою территорію, но и уничтожила прежнюю

ея черезполосность. Когда коммиссія прусской палаты депутатовъ выразила желаніе, чтобы присоединеніе новыхъ территорій получило народную санкцію, болѣе соотвѣтствующую духу времени, чѣмъ простой фактъ завоеванія, Бисмаркъ отвѣтилъ, что эта санкція—въ долгѣ Пруссіи поддерживать независимость и единство Германіи. Устранивъ отъ участія въ нѣмецкихъ дѣлахъ свою старую соперницу, Пруссія въ томъ же 1866 г. заключила съ другими нѣмецкими государствами, на сѣверъ отъ «линіи Майна», особые договоры, создавъ изъ нихъ подъ своей гегемоніей новое союзное государство (Bundesstaat), которое существенно отличалось отъ прежняго союза государствъ (Staatenbund) и которое получило названіе Сѣверо-Германскаго союза. Въ его составъ, кромѣ Пруссіи, вошли сѣверныя государства, и всѣ они, за исключеніемъ Саксоніи, относились къ числу мелкихъ. Внѣ союза остались лишь южно-германскія государства (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ). Поразительные и совершенно неожиданные успѣхи прусскаго правительства, его военныя и дипломатическія побѣды рѣзкимъ образомъ измѣнили его международное и внутреннее положеніе. Европа, не сумѣвшая сдержать Пруссію, обнаружила полное безсиліе своего «концерта», и отдѣльныя государства стали считаться съ политикой Бисмарка, какъ съ факторомъ первостепенной важности. Прусская военная организація, игольчатое ружье, которому она была очень много обязана своими побѣдами, тактика прусскаго генеральнаго штаба, съ Мольтке во главѣ, затмили совершенно военную славу Франціи. Образованіе Сѣверо-Германскаго союза было только прелюдіей къ возстановленію Германской имперіи. Въ промежутокъ времени между основаніемъ союза и превращеніемъ его въ имперію Бисмарку удалось привлечь и южно-германскія государства къ совмѣстному разсмотрѣнію дѣлъ, касавшихся таможеннаго союза, и три раза за эти годы созывались такъ называемые «таможенные парламенты».

Поманивъ Наполеона III надеждою на присоединеніе Бельгіи, Бисмаркъ не думалъ исполнять своего обѣщанія относительно союза съ Франціей. Открывая въ 1867 г. засѣданія законодательнаго корпуса, Наполеонъ III съ гордостью объявилъ, что въ предыдущемъ году онъ «остановилъ побѣдителя у воротъ Вѣны, сохранилъ цѣлость Австріи и довершилъ итальянскую независимость», на что Вильгельмъ I, вскорѣ послѣ этого открывая новый рейхстагъ Сѣверо-Германскаго союза, отвѣтилъ выраженіемъ

твердой надежды на завершеніе въ будущемъ германскаго единства, которому помѣшали въ 1866 г. Дурныя отношенія, установившіяся между прусскимъ и французскимъ правительствами, распространились и на общественное мнѣніе обѣихъ націй: пресса обѣихъ странъ всячески раздувала національную вражду. Французскіе публицисты говорили о необходимости отомстить Пруссіи за Садовую, нѣмецкіе стали ссылаться на старые счеты съ Франціей, этимъ «наслѣдственнымъ врагомъ» германскаго единства, величія и свободы. Въ 1870 г. дѣло дошло до войны, о которой рѣчь будетъ идти еще впереди. Напомнимъ здѣсь только, что Пруссія, ведшая эту войну во главѣ всей Германіи, вышла изъ нея побѣдительницей. Еще во время осады столицы Франціи нѣмецкою арміею союзные государи провозгласили прусскаго короля императоромъ объединенной Германіи, которая при заключеніи мира пріобрѣла отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію.

О франко-германской войнѣ 1870—71 гг. и о возстановленіи Германской имперіи мы еще особо будемъ говорить въ виду важности этихъ событій не для одной нѣмецкой націи, но и для всей Европы, ближайшимъ же образомъ для Франціи, въ которой неудачи войны повлекли за собою паденіе Наполеона III и провозглашеніе республики, т.-е. возвращеніе французской націи къ тому государственному строю, который она уже учреждала у себя въ 1848 г.

XXVI. Конституціонныя измѣненія шестидесятыхъ годовъ [1]).

Окончательный переходъ Западной Европы къ конституціонному строю въ шестидесятыхъ годахъ XIX в.—Введеніе конституціи въ Итальянскомъ королевствѣ. — Образованіе конституціонной Австро-Венгріи. — Конституціонный конфликтъ въ Пруссіи.—Введеніе конституціи въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ.—Вторая парламентская реформа въ Англіи.—Уступки конституціонализму во Франціи въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. — Конституціонная жизнь во второстепенныхъ государствахъ. — Демократическое развитіе въ Швейцаріи. — «Эпоха великихъ реформъ» въ Россіи.

Тотъ же періодъ новѣйшей исторіи Западной Европы, когда происходило политическое объединеніе итальянской и нѣмецкой націй, т.-е., главнымъ образомъ, шестидесятые годы, имѣетъ еще

[1]) Уч. кн., §§ 326, 331—333 и 336. — И. З. Е., т. VI, гл. I. — Нар.-прав. госуд., въ главахъ XIX—XXIII и гл. XXV.

значеніе эпохи окончательнаго перехода Западной Европы къ конституціонному строю. Политическое движеніе 1848 г. окончилось неудачею. Вся Италія, за исключеніемъ Сардинскаго королевства, снова была подчинена реакціонному абсолютизму. Въ Австрійской имперіи также восторжествовалъ абсолютизмъ. Какъ прусская конституція 1850 г., такъ и французская 1852 г. носили на себѣ самые явные признаки реакціи, наступившей вслѣдъ за подавленіемъ революціи. Въ шестидесятыхъ годахъ это господство реакціи поколебалось. Провозглашенное въ 1861 г. Итальянское королевство приняло сардинскую конституцію 1848 г., и въ томъ же году сдѣланъ былъ первый шагъ ко введенію конституціи въ Австріи, вскорѣ приведшій къ превращенію ея въ теперешнюю Австро-Венгрію, причемъ Венгрія стала управляться своей конституціей 1848 г., а Австрія тоже получила представительный строй. Это было въ 1867 г., и въ этомъ же году начала дѣйствовать конституція Сѣверо-Германскаго союза, многими чертами напоминающая имперскую конституцію 1849 г., затѣмъ, въ 1871 г., сдѣлавшаяся конституціей Германской имперіи. Вскорѣ послѣ образованія единой Италіи и отказа австрійскаго правительства отъ абсолютизма, прусская палата депутатовъ, бывшая столь послушною въ пятидесятыхъ годахъ, вступила въ борьбу съ правительствомъ, продолжавшуюся около четырехъ лѣтъ, и въ эти же самые годы происходила борьба въ Австріи между правительствомъ, стоявшимъ на централистической точкѣ зрѣнія, и не-нѣмецкими народностями, стремившимися къ автономіи. Наблюдается также разница между шестидесятыми и пятидесятыми годами и во Франціи, гдѣ правительство также стало дѣлать уступки конституціонализму. Въ тотъ же конституціонный активъ шестидесятыхъ годовъ слѣдуетъ, далѣе, занести и вторую парламентскую реформу въ Англіи, осуществленную въ томъ же самомъ 1867 году, когда введены были австро-венгерская и сѣверо-германская конституціи. Наконецъ, къ шестидесятымъ же годамъ относятся нѣкоторыя конституціонныя измѣненія и въ другихъ государствахъ. Въ общемъ, можно сказать, что въ шестидесятыхъ годахъ было осуществлено многое изъ того, что составляло цѣль движеній, происходившихъ въ отдѣльныхъ странахъ въ 1848 г., хотя, съ другой стороны, исполненіе въ большинствѣ случаевъ далеко не соотвѣтствовало широкимъ замысламъ «безумнаго года». Во всякомъ случаѣ, Европа въ шестидесятыхъ годахъ сошла съ той мертвой точки, на которой

стояла въ теченіе всѣхъ пятидесятыхъ годовъ. Въ этомъ поворотѣ къ лучшему участвовала и Россія: и въ ней шестидесятые годы были эпохой обновленія общественной жизни.

Въ дальнѣйшемъ мы и разсмотримъ нѣсколько подробнѣе только-что перечисленные факты конституціонной исторіи Западной Европы.

Итальянское королевство, какъ только-что было упомянуто, получило сардинскую конституцію 1848 г. Мы видѣли, что въ дѣлѣ объединенія Италіи дѣйствовали двѣ партіи—республиканская и монархическая, и что если дорогу къ объединенію Италіи проложили республиканцы, то воспользовалась этою дорогою для своихъ цѣлей Савойская династія. Республиканцы стояли на той точкѣ зрѣнія, что Италія справится сама со своей задачею («Italia farà da se»), Сардинія же искала поддержки въ выгодныхъ союзахъ съ иностранцами. Народныя возстанія противъ царствовавшихъ въ Италіи правителей возбуждались демократами, но въ народныхъ голосованіяхъ 1860 г. въ Пармѣ, Моденѣ, Романьѣ, Тосканѣ, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, [въ 1866 г. въ Венеціанской области и въ 1870 г. въ Римской, участвовали больше люди, обладавшіе тѣмъ имущественнымъ цензомъ, который былъ принятъ въ Сардинскомъ королевствѣ для пользованія избирательными правами. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ вопросомъ, подвергавшимся плебисциту, былъ: «желаетъ ли населеніе объединиться съ конституціонной монархіей Виктора-Эммануила II» (или съ Итальянскимъ королевствомъ)? и каждый разъ за голосованіемъ издавался обыкновенный законъ, которымъ дѣйствіе конституціоннаго статута 1848 г. распространялось на новоприсоединенную область. Первый общеитальянскій парламентъ собрался въ 1861 г., когда Викторъ-Эммануилъ II и былъ провозглашенъ «милостью Божіей и по волѣ народа королемъ Италіи».

Итальянская конституція относится къ числу октроированныхъ. Притомъ это — конституція двухпалатная и цензовая [1]): во всемъ королевствѣ еще въ 1880 г. было лишь около 600 т. избирателей.

Та же самая война 1859 г., которая, въ концѣ концовъ, привела къ образованію единой конституціонной Италіи, заставила и австрійское правительство подумать о реформѣ государствен-

---

[1]) Главный цензъ по закону 1848 г. — уплата прямого налога въ размѣрѣ 20—40 франковъ.

наго строя, доказавшаго въ 1859 г. полную свою непригодность. Въ итальянской войнѣ военная организація монархіи обнаружила полную несостоятельность, финансы были въ самомъ жалкомъ состояніи, и неудача объявленнаго государственнаго займа произвела особенно удручающее впечатлѣніе на правительство. Если въ 1848—49 гг. опытъ съ введеніемъ представительства былъ вызванъ необходимостью успокоить внутреннее броженіе въ странѣ, то теперь рѣчь уже шла о спасеніи государства отъ совершеннаго разложенія. Само правительство въ манифестѣ по случаю окончанія итальянской войны признало существованіе въ имперіи застарѣлыхъ недостатковъ, требовавшихъ радикальнаго лѣченія. Поэтому манифестъ обѣщалъ разныя реформы, но на первыхъ порахъ мысль правительства еще не шла дальше созыва патентомъ 6 марта 1860 г., «усиленнаго государственнаго совѣта» съ приглашеніемъ въ него только нѣсколькихъ членовъ изъ аристократіи и изъ высшей бюрократіи для совѣщанія по финансовымъ и законодательнымъ вопросамъ. Однако, даже сама правительственная коммиссія, которой было поручено обсудить бюджетъ, указала на полнѣйшее разложеніе прежняго строя и на необходимость общей государственной реформы; изъ 38 членовъ этой коммиссіи 25 было консерваторовъ и лишь 13 либераловъ. И на этотъ разъ, какъ въ 1848—49 гг., либералами въ Австріи были, главнымъ образомъ, нѣмецкіе бюргеры, отстаивавшіе единство совокупнаго государства съ администраціей изъ нѣмцевъ, тогда какъ консервативная партія, состоявшая изъ аристократическихъ и клерикальныхъ элементовъ мадьярской и разныхъ славянскихъ національностей, защищала историческія права отдѣльныхъ провинцій, находя въ данномъ случаѣ поддержку и въ чисто-нѣмецкомъ дворянствѣ и духовенствѣ. Оставаться при прежнемъ порядкѣ оказывалось невозможнымъ, нужно было создавать новый,— и вотъ 20 октября 1860 г. появился императорскій патентъ, создавшій такую систему: государь долженъ былъ пользоваться законодательною властью при содѣйствіи областныхъ сеймовъ и имперскаго совѣта (Reichsrath), составленнаго изъ делегатовъ отъ этихъ сеймовъ, причемъ послѣдніе должны были состоять по-прежнему изъ привилегированныхъ сословій. Эта мѣра не встрѣтила сочувствія въ населеніи. Прежде всего, мадьяры не захотѣли принять ее, заявивъ, что все случившееся послѣ 1848 г. было незаконно. Это напугало центральное правительство, не желавшее возвращаться къ обѣщаніямъ 1848 г.; поэтому

федералистическая идея у Франца-Іосифа утратила тотъ кредитъ, какимъ стала-было пользоваться, и централистическій принципъ опять вошелъ въ силу. Однако, на этотъ разъ пришлось сдѣлать уступку либерализму, когда торговыя палаты на вопросъ правительства, какъ поднять сильно опустившійся курсъ бумажныхъ денегъ, отвѣтили указаніемъ на необходимость введенія настоящаго народнаго представительства. Прошло лишь съ небольшимъ четыре мѣсяца со дня объявленія октябрскаго патента 1860 г., какъ 26 февраля 1861 г. было обнародовано дополненіе къ этому патенту, заключавшее въ себѣ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ новую конституцію. Въ этомъ новомъ актѣ государственное устройство, какое получила Австрія, уже прямо называлось конституціоннымъ, причемъ монархъ давалъ обѣщаніе и лично за себя, и за своихъ преемниковъ соблюдать только-что созданную конституцію, и всѣмъ будущимъ австрійскимъ государямъ вмѣнялась въ обязанность присяга на вѣрность основному закону имперіи.

Австрійская конституція 1861 г. была основана на сочетаніи началъ федерализма, дуализма и централизма. Все было устроено такъ, чтобы, насколько было возможно, сохранить внутреннее единство имперіи съ преобладаніемъ нѣмцевъ надъ другими національностями. Для этого порядокъ выборовъ и избирательные округа были организованы съ такимъ расчетомъ, чтобы въ общеимперскомъ представительствѣ обезпечить пѐревѣсъ за нѣмецкимъ, т.-е. дворянскимъ и бюргерскимъ элементомъ, надъ элементомъ славянскимъ, т.-е. крестьянскимъ, благодаря чему, въ рейхсратѣ нѣмцы получили бо̀льшее количество представителей, чѣмъ должны были бы имѣть по своей относительной численности. Съ другой стороны, за Венгріей признавались извѣстныя привилегіи, и она, до нѣкоторой степени, выдѣлялась изъ другихъ коронныхъ земель особымъ устройствомъ и расширенной компетенціей своего сейма, чѣмъ вносился въ устройство имперіи извѣстный дуализмъ. Наконецъ, члены рейхсрата не прямо выбирались самимъ населеніемъ: палата депутатовъ должна была состоять изъ выборныхъ отъ отдѣльныхъ областныхъ сеймовъ, представлявшихъ собою уже чисто федералистическое начало новаго государственнаго строя. Сами эти сеймы вездѣ, кромѣ Венгріи, получали однородное устройство, а именно: установливались избирательныя куріи—крупныхъ землевладѣльцевъ, горожанъ и крестьянъ; при этомъ только въ двухъ первыхъ куріяхъ выборы были сдѣланы прямыми. Если конституція 1861 г. была сочувственно при-

нята либеральными кругами нѣмецкой національности, то среди аристократическихъ элементовъ нѣмецкаго населенія и во всѣхъ крупныхъ не-нѣмецкихъ національностяхъ она была встрѣчена недружелюбно. Нѣкоторыя области даже наотрѣзъ отказались высылать своихъ депутатовъ въ Вѣну, прежде всего Венгрія, хотя и получавшая сама привилегированное положеніе. Чехи послали своихъ депутатовъ въ рейхсратъ только съ оговоркою относительно историческихъ правъ ихъ страны, а въ 1863 г. и они перестали принимать участіе въ рейхсратѣ. Примѣру чеховъ послѣдовали и поляки. Не были довольны рейхсратомъ начала шестидесятыхъ годовъ и нѣмецкіе консерваторы, равно какъ самъ императоръ, когда въ этомъ представительномъ собраніи, въ которомъ остались почти одни нѣмцы, возобладало либеральное направленіе. Францъ-Іосифъ довольно скоро сталъ подумывать объ отказѣ отъ централистической политики и уже въ 1865 г. вступилъ въ переговоры съ мадьярами на почвѣ уступокъ ихъ домогательствамъ. Подъ предлогомъ необходимости условиться съ сеймами Венгріи и Хорватіи относительно формы, какую должна была имѣть ихъ связь съ другими частями имперіи, онъ объявилъ въ сентябрѣ 1865 г., что нашелъ нужнымъ пріостановить дѣйствіе конституціи. Нѣмецкіе консерваторы, чехи и поляки отнеслись къ этой пріостановкѣ конституціи весьма сочувственно, либералы же увидѣли въ этомъ настоящій государственный переворотъ.

Когда въ 1866 г. Австрія была снова побита въ войнѣ съ Пруссіей, положеніе дѣлъ опять настоятельно требовало рѣшенія вопроса о внутреннемъ устройствѣ монархіи. Правительство первымъ дѣломъ послѣ войны созвало чрезвычайный рейхсратъ, но такъ какъ оно снова кинулось въ сторону федерализма, въ пользу котораго сложилось и большинство собранія, то теперь уже нѣмцы отказались принимать участіе въ собраніи. Всѣ колебанія австрійскаго правительства, кромѣ трудности дѣла, объясняются скрытою мыслью правящихъ сферъ сохранить изъ стараго порядка какъ можно больше: отсюда—эти постоянныя пробы то съ федерализмомъ, то съ централизмомъ, пока не была найдена дуалистическая комбинація 1867 г. Правительство, когда ему оказалось нужнымъ искать опоры въ общественныхъ силахъ, должно было выбирать между консервативнымъ дворянствомъ и либеральнымъ бюргерствомъ, а въ Австріи дѣла сложились такъ, что консерватизмъ обозначалъ собою федерализмъ, бывшій не-

симпатичнымъ правительству, централизмъ же, которому оно симпатизировало, входилъ въ непріятную правительству программу либераловъ. Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что либеральные и консервативные элементы распредѣлились различно и по національностямъ: между нѣмцами и мадьярами былъ силенъ либерализмъ, между славянами — консерватизмъ. Въ рейхсратъ попадали, главнымъ образомъ, крайніе представители цѣлаго ряда мелкихъ національностей, которые готовы были жертвовать многими реальными благами — въ силу своей племенной непримиримости къ другимъ народностямъ. Куріальная избирательная система, принятая конституціей 1861 г., оттирая настоящіе народные элементы на задній планъ, лишь поддерживала рѣзкій націонализмъ буржуазныхъ партій.

Централизмъ былъ системою чисто-нѣмецкою. Славянскія народности всегда обнаруживали стремленія федералистическія, но онѣ оказались и неспособными, и безсильными ихъ осуществить. Единственною не-нѣмецкою народностью Австріи, обнаружившею въ шестидесятыхъ годахъ большія политическія пониманіе, искусство и упорство, оказались мадьяры, которые и воспользовались затруднительнымъ положеніемъ правительства въ 1866 г., когда Австрія была выбита одновременно изъ своихъ позицій и въ Германіи, и въ Италіи. Въ общеимперской конституціи 1861 г. мадьяры отказывались принимать участіе, и, въ концѣ концовъ, имъ удалось добиться своего. Въ 1867 г. была возстановлена венгерская конституція 1848 г., и Венгрія получила обособленное отъ Австріи управленіе, заключивъ въ 1868 г. отдѣльное соглашеніе съ Хорватіей, которой было дано внутреннее самоуправленіе. Что касается до австрійской конституціи, то главною ея особенностью было введеніе въ государственную жизнь не представительства народа и даже не представительства сословій, а представительства интересовъ: члены австрійской палаты депутатовъ должны были избираться провинціальными сеймами, выборы въ которые происходили по куріямъ.

Завоеваніе Венгріей независимаго положенія въ монархіи Габсбурговъ привело послѣднюю къ дуалистическому строю, въ основу котораго было положено соглашеніе (Ausgleich) между обѣими половинами монархіи, раздѣленными въ одномъ мѣстѣ рѣкою Лейтою, откуда и ихъ названія Цислейтаніи и Транслейтаніи. Это соглашеніе было выработано совѣщаніями, происходившими между депутаціями отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ, и за-

тѣмъ ими самими санкціонировано. Венгерскій и австрійскій законы 1867 г. объявляли общими дѣлами всей монархіи иностранныя и военныя дѣла, включая сюда и флотъ, и финансы, поскольку это требуетъ расходовъ, общность которыхъ устанавливалась обоими законами, причемъ размѣръ расходовъ, падающихъ на каждую часть имперіи, долженъ былъ опредѣляться особымъ соглашеніемъ съ утвержденія императора на опредѣленный срокъ. Не были признаны австро-венгерскимъ соглашеніемъ общими, но все-таки подлежащими однообразному регулированію обѣими половинами монархіи экономическіе интересы и установленіе системы государственной обороны. Для веденія общихъ дѣлъ учреждалось общее отвѣтственное министерство, совершенно устранявшееся отъ управленія частными правительственными дѣлами каждой изъ двухъ половинъ монархіи. Законодательная власть по общимъ дѣламъ обѣихъ половинъ монархіи, по соглашенію 1867 г., стала отправляться делегаціями, избираемыми представительными учрежденіями обѣихъ половинъ на срокъ сессіи, т.-е. на каждый годъ. Обѣ делегаціи должны быть собираемы ежегодно, поперемѣнно въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ, но засѣданія ихъ происходятъ раздѣльно, и лишь въ крайнихъ случаяхъ, если соглашеніе между ними не можетъ быть достигнуто, допускается общее ихъ собраніе. Система австро-венгерскаго дуализма съ возстановленіемъ венгерской конституціи 1848 г. была, въ сущности, исполненіемъ мадьярскихъ національныхъ стремленій сороковыхъ годовъ.

Въ Австрійской имперіи, превратившейся въ 1867 г. въ теперешнюю Австро-Венгрію, конституціи 1861 и 1867 гг. были вызваны неудачами въ войнахъ 1859 и 1866 гг. Вторую изъ нихъ Австрія вела, какъ извѣстно, съ Пруссіей, во внутренней жизни которой передъ войною 1866 г. тоже происходили важныя событія. Въ 1861 г. скончался Фридрихъ-Вильгельмъ IV, въ послѣдніе годы своей жизни страдавшій душевною болѣзнью. Въ это время регентомъ былъ его братъ, который и наслѣдовалъ ему подъ именемъ Вильгельма I. При немъ въ Пруссіи произошло нѣкоторое ослабленіе реакціи, позволившее даже говорить о наступленіи «новой эры». Скоро, однако, отношенія измѣнились. Новый король поставилъ своею задачею увеличить военныя силы государства, что̀ требовало новыхъ расходовъ, но большинство прусской палаты было противъ этого, тѣмъ болѣе, что господствующую роль въ ней стала въ это время играть партія прогрес-

систовъ, желавшая объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывшая противъ усиленія милитаризма; напротивъ, эта партія стремилась къ тому, чтобы Пруссія изъ чисто военнаго государства превратилась въ «государство правовое», въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія ея конституціонной жизни на либеральныхъ началахъ. Между правительствомъ и палатой произошелъ конфликтъ, затянувшійся на нѣсколько лѣтъ (1862—66). Палата отказывалась утверждать бюджетъ, правительство, не взирая на это, взимало налоги и проводило свою военную реформу. Главнымъ руководителемъ прусской политики въ самомъ началѣ конфликта сдѣлался Бисмаркъ, тоже сторонникъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, только находившій, что «великіе вопросы времени могутъ рѣшаться не парламентскими рѣчами и голосованіями, а желѣзомъ и кровью».

Въ самомъ же началѣ этого столкновенія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ Лассаль,—о которомъ рѣчь будетъ идти въ другомъ мѣстѣ, какъ объ организаторѣ рабочей партіи,—далъ замѣчательное опредѣленіе конституціи вообще и прусской конституціи въ частности. Въ 1862 г. онъ произнесъ въ нѣсколькихъ собраніяхъ либеральной партіи и напечаталъ отдѣльною брошюрою рѣчь «О сущности конституціи». Его не удовлетворяли формально-юридическія опредѣленія конституціи, дающія «только внѣшнія описанія того, какимъ образомъ дѣлается конституція, и что она дѣлаетъ, но не говорящія о ея сущности»: эти опредѣленія «одинаково примѣнимы къ любому листу бумаги, подписанному націей или націей и ея королемъ». Если конституція составляетъ основной законъ страны, то она «должна быть постоянно дѣйствующею силою, которая съ необходимостью дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ они есть, и всѣ другіе законы и учрежденія данной страны». То, что Лассаль имѣлъ здѣсь въ виду, онъ опредѣлялъ, какъ «фактическое соотношеніе силъ, существующее въ данномъ обществѣ». Частями этой небумажной конституціи являлись, въ его пониманіи, король, въ распоряженіи котораго находятся войско и пушки, «дворянство, вліяющее на дворъ и на короля», крупные промышленники, банкиры, биржа, въ «извѣстныхъ предѣлахъ общая культурность, общее сознаніе», а «въ извѣстныхъ, самыхъ крайнихъ случаяхъ» и весь народъ. «Эти фактическія соотношенія силъ записываютъ на бумагѣ, и какъ только они записаны, они уже не только являются реальными соотношеніями силъ, но и правомъ, право-

выми учрежденіями». Примѣръ прусской классной системы избирательнаго права, по которой въ первомъ разрядѣ, въ 1849 г., числилось лишь около 150 т. избирателей, во второй тоже только 400 т., а въ третьей болѣе двухъ съ половиною милліоновъ, былъ для Лассаля лучшей иллюстраціей того, какъ происходитъ «переписываніе на бумагу фактическихъ соотношеній силъ». Къ тому же приводили Лассаля также ссылки на параграфы конституціи, говорящіе о томъ, что «король назначаетъ на всѣ мѣста въ арміи», но что «армія не присягаетъ конституціи»,—параграфы, создавшіе для короля совершенно исключительное положеніе. Разъ въ обществѣ происходятъ измѣненія дѣйствительныхъ соотношеній силъ, и старые законы публичнаго права теряютъ свою силу, является потребность въ писанной конституціи, но «тамъ, гдѣ писанная конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительной, рождается конфликтъ, которому нельзя помочь, и при которомъ писанная конституція, этотъ листъ бумаги, съ теченіемъ времени неминуемо должна быть побѣждена дѣйствительною конституціей—реальнымъ, дѣйствительнымъ соотношеніемъ данныхъ общественныхъ силъ». Такъ освѣщалъ Лассаль для своихъ современниковъ происходившій въ Пруссіи конфликтъ, въ которомъ дѣйствительная конституція, бывшая въ распоряженіи власти, побѣждала конституцію писанную, оправдывавшую притязанія народнаго представительства. Отсюда Лассаль дѣлалъ характерный для періодовъ борьбы за конституцію выводъ, что «конституціонный вопросъ, прежде всего, есть вопросъ силы, а не вопросъ права». Въ другой своей рѣчи Лассаль, подчеркивая, что самъ онъ принадлежитъ «къ лагерю чистой и крайней демократіи», отмѣтилъ, что его теорію конституціи нашли безусловно правильною и «Крестовая газета», органъ крайней реакціонной партіи, и сами министры съ Бисмаркомъ во главѣ, заявившимъ въ прусской палатѣ, что «юридическіе вопросы такого рода рѣшаются обыкновенно не противопоставленіемъ спорныхъ теорій, а лишь постепенно, посредствомъ государственно-правовой практики». Пруссіи, гдѣ въ писанной конституціи не осталось ни одного живого мѣста (ораторъ сравнилъ ее съ изодраннымъ и пробитымъ знаменемъ, побывавшимъ въ ста сраженіяхъ), Лассаль противопоставлялъ Англію, гдѣ «дѣйствительное управленіе конституціонно, вслѣдствіе чего перевѣсъ реальныхъ фактическихъ средствъ, даже организованной силы находится на сторонѣ народа», прусскія же отношенія имъ понимались слѣдующимъ образомъ. Старый абсо-

лютизмъ не желаетъ болѣе быть въ постоянномъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силъ и подвергать себя риску повторенія 1848 г., и наилучшимъ средствомъ для продленія своего существованія онъ призналъ «лже-конституціонализмъ, т.-е. конституцію, въ которой права народа и его представителей не обезпечены никакой реальной гарантіей и низведены до минимума». Къ той же категоріи лже-конституціонныхъ государствъ Лассаль относилъ и Францію Наполеона III, и Австрію, только-что тогда объявившую переходъ къ представительной системѣ, но и самое существованіе лже-конституціонализма было для него лишь свидѣтельствомъ того, что въ современныхъ условіяхъ европейскихъ государствъ кроется причина, благодаря которой управленіе безъ этихъ формъ болѣе невозможно.

Войны 1864 и 1866 г. прусское правительство вело, находясь еще въ конфликтѣ съ палатой депутатовъ. Прусскіе консерваторы думали воспользоваться военными успѣхами 1866 г. для измѣненія конституціи въ еще болѣе монархическомъ духѣ, но Бисмаркъ этому воспротивился и даже вставилъ въ тронную рѣчь, при открытіи новой сессіи, пожеланіе о прекращеніи конфликта путемъ индемнитета, т.-е. снятія отвѣтственности за управленіе безъ законнаго бюджета. Выборы 1866 г., подъ вліяніемъ результатовъ войны, послали въ палату болѣе склонныхъ къ компромиссамъ національ-либераловъ, такъ что прогрессисты въ ней были уже въ меньшинствѣ, и правительство получило индемнитетъ. Этимъ конфликтъ и кончился. Другимъ результатомъ войны 1866 г. было, какъ извѣстно, образованіе Сѣверо-Германскаго Союза подъ гегемоніей Пруссіи.

Еще въ началѣ войны съ Австріей Бисмаркъ предлагалъ другимъ германскимъ государствамъ планъ общей реорганизаціи союза, въ которомъ видное мѣсто занимало предложеніе созыва общегерманскаго парламента, избраннаго всеобщею подачею голосовъ. Послѣ побѣды надъ Австріей онъ настоялъ на созывѣ учредительнаго рейхстага для всего новаго Сѣверо-Германскаго союза, причемъ этотъ рейхстагъ былъ выбранъ всеобщею подачею голосовъ. Его засѣданія открылись въ концѣ февраля 1867 г., и Бисмаркъ представилъ ему проектъ конституціи, который очень скоро былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ. Черезъ 5 мѣсяцевъ началась и первая обыкновенная сессія рейхстага. Конституція Сѣверо-Германскаго союза, превратившаяся въ 1871 г. въ конституцію теперешней Германской имперіи, заимствовала

свои общія очертанія изъ имперской конституціи 1849 г., конечно, не безъ измѣненій. Всеобщая подача голосовъ при выборахъ народныхъ представителей въ рейхстагъ была сохранена. Бисмаркъ полагалъ, что всеобщее избирательное право будетъ лучшимъ цементомъ, который сплотитъ новое государственное зданіе, т.-е. самою надежною опорою противъ партикуляризма отдѣльныхъ правительствъ. Съ другой стороны, примѣръ Франціи Наполеона III, гдѣ всеобщее избирательное право нисколько не ослабляло всемогущества правительства, убѣждалъ Бисмарка въ практической безвредности, при извѣстныхъ условіяхъ, этого демократическаго института. Дѣло въ томъ, что конституція 1867 г. оставляла за прусскимъ королемъ, какъ президентомъ союза, законодательную санкцію, единственнымъ же представителемъ правительства передъ рейхстагомъ являлся союзный канцлеръ, назначаемый тѣмъ же прусскимъ королемъ и передъ народнымъ представительствомъ неотвѣтственный. Бисмаркъ, занявшій постъ имперскаго канцлера, съумѣлъ потомъ внести въ свое управленіе конституціонной Германіей многія черты стараго прусскаго абсолютизма и бюрократизма.

Въ одномъ и томъ же году съ австро-венгерской и сѣверогерманскою конституціями произошла и въ Англіи вторая парламентская реформа. Послѣ первой реформы выборовъ въ 1832 г. въ Англіи неразъ раздавались голоса въ пользу ихъ демократизаціи, но только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ агитація въ этомъ направленіи начала пользоваться успѣхомъ, чему немало содѣйствовало одно сочиненіе Милля, раньше писавшаго по философіи и по политической экономіи и лишь въ 1859 г. своею книгою «О свободѣ» обратившаго на себя вниманіе въ качествѣ политическаго мыслителя. Въ 1861 г. Милль издалъ еще книгу — «Разсужденія о представительномъ правленіи», которая и сдѣлалась главнымъ теоретическимъ руководствомъ защитниковъ англійской представительной демократіи. Своею задачею въ этомъ трудѣ Милль поставилъ указать какъ на сильныя, такъ и на слабыя стороны представительнаго правленія и намѣтить необходимыя въ немъ реформы. Въ его изображеніи представительная форма является наилучшею, такъ какъ она наиболѣе благопріятствуетъ и хорошему управленію, и усовершенствованію національнаго характера. «Права и интересы какого бы то ни было лица только тогда не игнорируются, когда заинтересованное лицо способно и привыкло ихъ отстаивать: люди вѣрно обезпечиваются

противъ зла, угрожающаго имъ со стороны другихъ, только самозащитою». Понятно, что представительство лишь тогда достигаетъ своей цѣли, когда этимъ правомъ пользуются всѣ члены общества, ибо «при отсутствіи естественныхъ защитниковъ исключенные классы всегда подвергаются опасности пострадать въ своихъ интересахъ, и даже тогда, когда послѣдніе принимаются во вниманіе, они разсматриваются совершенно не такъ, какъ разсматривались бы людьми, непосредственно заинтересованными». Рабочіе были устранены изъ парламента, который поэтому и не могъ смотрѣть на возникающіе вопросы жизни глазами рабочихъ. «Къ сожалѣнію,—прибавлялъ по этому поводу Милль,—благодѣянія свободы, насколько они до сихъ поръ осуществились, распространились только на одну часть общества». Милль съ этой точки зрѣнія критиковалъ и тѣ демократическія представительства, которыя не устраняютъ господства одного класса: его желаніе было, чтобы представительство соотвѣтствовало раздѣленію современнаго общества на хозяевъ и рабочихъ. Въ каждомъ классѣ большинство обыкновенно руководится своими классовыми интересами, и только меньшинство подчиняется разуму, справедливости и общему благу: вотъ и нужно, чтобы это меньшинство каждаго класса, вступая въ союзъ съ другимъ классомъ, и давало ему перевѣсъ надъ притязаніями собственнаго большинства, которыя, по мнѣнію меньшинства, не имѣютъ права на побѣду. Отстаивая демократизацію избирательнаго права, Милль, однако, выражалъ опасеніе, какъ бы не произошло при этомъ вреда для культурныхъ интересовъ отъ необразованности народной массы: политическая реформа должна сопровождаться широкимъ развитіемъ народнаго образованія, ибо невѣжество не можетъ имѣть такого же права на политическую власть, какъ знаніе. Съ этой точки зрѣнія онъ недоумѣвалъ, почему мало развитые мужчины могутъ выбирать, а самыя образованныя женщины нѣтъ [1]). «Всѣ люди, говоритъ онъ, заинтересованы въ хорошемъ правленіи, затрогивающемъ ихъ благосостояніе, и, слѣдовательно, имѣютъ одинаковую нужду въ правѣ голоса для обезпеченія своей доли участія въ его выгодахъ. Если въ данномъ случаѣ (т.-е. въ отношеніи избирательнаго права женщинъ) существуетъ какое-либо различіе, то лишь то, что женщины

[1]) Въ 1869 г. Милль написалъ еще «О подчиненіи женщины» въ защиту равноправія половъ.

ждаются въ политическихъ правахъ больше, чѣмъ мужчины, потому что, будучи физически слабѣе, онѣ испытываютъ бо́льшую необходимость въ покровительствѣ законовъ и общества».

Въ то время, какъ Милль писалъ свои «Разсужденія», въ Англіи большое развитіе получили профессіональные союзы рабочихъ, или трэдъ-юніоны. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ политика совершенно изгонялась изъ трэдъ-юніоновъ, но въ нихъ часть рабочаго класса получала своего рода политическое воспитаніе. Правительство и правящіе классы не могли не почувствовать, что трэдъ-юніоны представляютъ собою общественную силу, съ которою нельзя не считаться, тѣмъ болѣе, что, въ концѣ концовъ, у организованныхъ рабочихъ скоро явилась и политическая задача—ввести своихъ представителей въ нижнюю палату. И консерваторамъ, и либераламъ одинаково хотѣлось имѣть на своей сторонѣ эту новую политическую силу.

Въ 1866 г. членъ вигскаго министерства Росселя Гладстонъ, когда-то очень консервативный приверженецъ торизма, постепенно все болѣе и болѣе проникавшійся прогрессивными идеями, внесъ въ парламентъ проектъ избирательной реформы въ смыслѣ пониженія ценза вообще и для городскихъ жителей въ особенности. Аргументируя въ пользу реформы, онъ указывалъ на то, что рабочіе въ достаточной мѣрѣ доказали свою политическую зрѣлость, и что потому нельзя дольше лишать ихъ права на участіе въ политической жизни страны. Во время разсмотрѣнія этого билля часть виговъ перешла въ противоположный лагерь, опасаясь, что демократизація выборовъ приведетъ только къ революціи, и министерство вышло въ отставку. Проводить реформу пришлось торійскому министерству Дизраэли, не хотѣвшему сопротивляться реформѣ, неизбѣжность которой имъ сознавалась, особенно въ виду грандіозныхъ народныхъ митинговъ (тогда же образовался особый «Народный союзъ въ защиту избирательной реформы»). Въ 1867 г. новая реформа парламента была совершившимся фактомъ. Въ общемъ, это было второе, исправленное и дополненное изданіе реформы 1832 г., видѣвшее въ избирательномъ правѣ все-таки привилегію, а не общее право. Опять кое-какія мѣстечки лишились отдѣльнаго представительства, которое опять же получили болѣе населенные города. Пониженіе ценза выразилось въ томъ, что избирательное право было распространено на всѣхъ квартиронанимателей, платившихъ въ годъ десять фунтовъ: въ городахъ подъ это условіе подходили почти всѣ ремеслен-

ники и рабочіе, жившіе на своихъ квартирахъ. Число избирателей въ Англіи, благодаря этому, поднялось до двухъ съ половиною (и даже свыше этого) милліоновъ. Когда были назначены выборы на основаніи новаго закона, громадное большинство голосовъ было подано за либераловъ и радикаловъ. Гладстонъ, снова сдѣлавшійся министромъ (на этотъ разъ премьеромъ), принялъ въ составъ правительства и нѣкоторыхъ представителей радикальной партіи, а затѣмъ вскорѣ, въ 1872 г., провелъ законъ о тайномъ голосованіи: прежняя открытая подача голосовъ очень часто была препятствіемъ къ тому, чтобы рабочіе или мелкіе служащіе, изъ-за боязни лишиться мѣста, могли совершенно свободно выбирать того, кого хотѣли.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и во Франціи начался нѣкоторый поворотъ въ болѣе либеральномъ направленіи. Ослабленіе здѣсь правительственной реакціи началось еще въ 1860 г., и въ данномъ случаѣ также не безъ вліянія оказалась война 1859 г. Помощь, оказанная Франціей итальянскому объединенію въ ущербъ папѣ, лишившемуся части своихъ владѣній, оттолкнула отъ Наполеона III духовенство, въ союзѣ съ которымъ онъ былъ все время съ самаго начала своего правленія. Для созданія противовѣса клерикальной оппозиціи онъ началъ искать сближенія съ либералами, что и привело къ необходимости пойти на уступки. Исходъ австро-прусской войны, оказавшійся совсѣмъ не такимъ, какого желалъ Наполеонъ III, и неудача мексиканской авантюры поколебали положеніе имперіи и заставили Наполеона III пойти на новыя уступки. Въ началѣ 1867 г. онъ издалъ декретъ, расширявшій компетенцію законодательнаго корпуса и сената предоставленіемъ имъ права запроса по разнымъ предметамъ внѣшней и внутренней политики и обсужденія правительственныхъ объясненій по запросамъ. Въ виду неблагопріятнаго для правительства исхода выборовъ 1869 г. Наполеонъ III пошелъ еще дальше и приблизилъ законодательный корпусъ и сенатъ къ англійскимъ нижней и верхней палатамъ, давъ одному право законодательной иниціативы, мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ и т. п., а другому, наприм., право предавать министровъ суду. Въ самомъ началѣ 1870 г. бывшему республиканскому депутату Оливье было даже поручено образовать однородный кабинетъ, представлявшій собою большинство законодательнаго корпуса. Этотъ министръ вскорѣ внесъ въ сенатъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи, и оно было принято сенатомъ. Но-

вая конституція сравнивала сенатъ въ законодательномъ отношеніи съ законодательнымъ корпусомъ и передавала право утвержденія конституціонныхъ учрежденій народному голосованію. Немедленно же былъ устроенъ плебисцитъ по вопросу, желаетъ ли французскій народъ принять измѣненія, произведенныя во французской конституціи, и въ маѣ того же года народное голосованіе утвердило ихъ слишкомъ семью милліонами голосовъ.

Важныя измѣненія произошли въ шестидесятыхъ годахъ въ политическомъ строѣ и второстепенныхъ государствъ Западной Европы.

Въ Швеціи въ первой половинѣ XIX в. дѣйствовала сословная конституція средневѣкового типа: здѣсь былъ государственный сеймъ, состоявшій изъ четырехъ сословныхъ палатъ, т.-е. дворянской, духовной, городской и крестьянской. Въ 1862 г. городское и крестьянское сословія обратились къ королю (Карлу XV) съ просьбою внести въ сеймъ проектъ реформы представительства, но дворяне и духовные были противъ этого. Несмотря на оппозицію высшихъ сословій, реформа, хотя и не сразу, была проведена, и съ 1866 г. Швеція имѣетъ представительство новаго типа. Въ томъ же самомъ году получила новую конституцію и Данія. Въ ней еще въ 1849 г. была октроирована конституція, но въ 1854 г. она была замѣнена другою, менѣе либеральною, и только послѣ несчастной войны съ нѣмецкими державами въ этомъ королевствѣ была возстановлена конституція 1849 г. (1866). Говоря о скандинавскихъ государствахъ, нельзя не отмѣтить, что старая шведская конституція, сохраненная въ Финляндіи Александромъ I въ 1809 г., но не дѣйствовавшая ни при немъ, ни при его преемникѣ, была фактически возстановлена Александромъ II созваніемъ въ 1863 г., въ первый разъ послѣ 1809 г., финляндскаго сословнаго сейма.

На противоположномъ концѣ Западной Европы, въ Испаніи, въ 1868 г. противъ реакціоннаго правительства, нарушавшаго конституцію 1845 г., вспыхнула революція, заставившая королеву Изабеллу бѣжать во Францію. Въ 1869 г. кортесы составили новую, болѣе либеральную конституцію и стали искать себѣ короля. О томъ, какъ одна изъ кандидатуръ на испанскій престолъ послужила поводомъ къ франко-германской войнѣ 1870—71 г., рѣчь еще будетъ идти въ своемъ мѣстѣ.

Очень важныя измѣненія были произведены также въ устройствѣ Швейцаріи. Здѣсь съ 1848 г. дѣйствовала новая конституція,

бывшая результатомъ побѣды радикаловъ надъ клерикалами Зондербунда (въ 1847 г.). Одною изъ важныхъ чертъ этой конституціи было то, что ею были обобщены и возведены въ принципъ бывшіе раньше единичными случаи народной иниціативы при пересмотрѣ кантональныхъ конституцій. Еще раньше въ Швейцаріи было признано за гражданами право непосредственнаго утвержденія конституціонныхъ измѣненій, предлагаемыхъ представительными собраніями кантоновъ, въ нѣкоторыхъ же кантонахъ были еще законы, обязывавшіе правительства обращаться къ всенародному голосованію каждый разъ, когда о томъ будетъ просить извѣстное количество гражданъ. Конституція 1848 г. формально утвердила оба эти права, т.-е. и право непосредственной санкціи, и право непосредственной иниціативы, причемъ сама конституція Союза подлежала какъ народному утвержденію, такъ и пересмотру по народному почину въ томъ случаѣ, если бы предложеніе было сдѣлано пятьюдесятью тысячами гражданъ. Далѣе, въ Швейцаріи съ тридцатыхъ годовъ начали дѣлаться единичныя попытки привлеченія гражданъ и къ непосредственному участію въ текущемъ законодательствѣ въ формѣ такъ называемаго *veto* или референдума. Сначала это было лишь факультативное право—требовать пересмотра народомъ обыкновенныхъ законовъ, издаваемыхъ представительными учрежденіями, но около 1860 г. нѣкоторыми кантонами было принято, чтобы всякій расходъ, превышающій извѣстную цифру, подвергался народному утвержденію. Въ 1863 г. конституція Базельскаго полукантона (сельскаго) пошла еще дальше, постановивъ, что дважды въ годъ мѣстныя власти будутъ отдавать на народное голосованіе всякіе законы и правительственныя распоряженія общаго содержанія: это былъ уже не факультативный, а обязательный референдумъ. Параллельно съ нимъ развивалось и право законодательной иниціативы гражданъ, первый примѣръ чему подалъ, еще въ сороковыхъ годахъ, кантонъ Во, гдѣ 8 т. гражданъ могли возбуждать законодательные вопросы. Скоро и другіе кантоны стали заводить у себя такой же порядокъ, пока въ той или иной формѣ новая система не получила всеобщаго признанія. Очень важнымъ фактомъ было то, что въ 1869 г. ввелъ въ свою конституцію референдумъ и народную иниціативу большой и вліятельный Цюрихъ: его примѣру послѣдовало тогда же (въ 1869—70 гг.) большинство кантоновъ. Не была въ то время усвоена новая система «демократическаго

законодательства при непосредственномъ участіи самого народа» лишь пятью кантонами, но и они съ теченіемъ времени примкнули къ общей системѣ. Шестидесятые годы были какъ-разъ главнымъ періодомъ распространенія новой демократической системы: въ 1860 г. число швейцарскихъ гражданъ, пользовавшихся исключительно представительствомъ, опредѣлялось въ милліонъ и три десятка тысячъ, а къ 1870 г. это число упало до 330 тысячъ, т.-е. сократилось болѣе, чѣмъ на двѣ трети. Введеніе референдума и почина было дѣломъ радикальной партіи, желавшей распространить тотъ и другой также на союзную конституцію, и въ этомъ смыслѣ даже сдѣлана была въ 1865 г. попытка ея пересмотра, не имѣвшая, однако, тогда успѣха.

Шестидесятые годы и въ Россіи были временемъ важныхъ преобразованій, начало которымъ было положено въ 1861 г. уничтоженіемъ крѣпостного права. Пораженіе, испытанное Россіей въ войнѣ 1853 — 1856 гг., заставило и правительство, и общество отказаться отъ наиболѣе, по крайней мѣрѣ, отрицательныхъ сторонъ «стараго порядка» и вступить на путь внутреннихъ реформъ въ духѣ либеральныхъ идей и по образцамъ, какіе представляла тогдашняя европейская жизнь. Конечно, здѣсь не мѣсто не только характеризовать отдѣльныя реформы, но даже и просто ихъ перечислять—съ краткими хотя бы указаніями на ихъ содержаніе. Достаточно только напомнить, что, подобно преобразованіямъ Петра Великаго, реформы шестидесятыхъ годовъ сблизили формы русской жизни съ западными, но что въ то же время всякія проявленія собственно конституціонныхъ стремленій въ обществѣ подвергались репрессіи. «Эпоха великихъ реформъ» была для Россіи эпохой не конституціонализма, а собственно «просвѣщеннаго абсолютизма», какой Россіею уже переживался въ первыя половины царствованій Екатерины II и Александра I. Въ исторіи Запада для этого времени можно искать аналогіи въ царствованіяхъ Фридриха II и Іосифа II, въ преобразовательной дѣятельности Тюрго или барона Штейна: преобразованіямъ подлежали управленіе и судъ, финансы, школа и пр. и пр., вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного состоянія, облегченіями для печати и т. п., но существо власти при всемъ томъ оставалось прежнимъ. Какъ-никакъ, Россія въ шестидесятыхъ годахъ зажила новою жизнью, и общее оживленіе, какое происходило на Западѣ, не могло не оказывать своего вліянія и

на русское общество, между прочимъ, въ смыслѣ распространенія конституціонныхъ идей.

Это оживленіе на Западѣ обнаружилось въ шестидесятыхъ годахъ не только въ политической, но и въ соціальной сферѣ.

XXVII. Экономическое развитіе съ середины XIX в.[1]).

Значеніе революціи 1848 г. въ исторіи крестьянскаго вопроса.—Уничтоженіе крѣпостного права въ Россіи.—Отмѣна рабства негровъ.—Продолженіе обезземеленія крестьянъ. — Сельско-хозяйственный кризисъ конца XIX в. и аграрный протекціонизмъ.—Постепенное распространеніе индустріальной революціи на новыя страны. — Развитіе крупной промышленности и индустріальной техники. — Положеніе пролетаріата во второй половинѣ XIX в.—Ростъ городского населенія.—Промышленные кризисы и міровой капитализмъ.

Послѣ обзора конституціонныхъ измѣненій въ Западной Европѣ шестидесятыхъ годовъ—очередь за очеркомъ соціальныхъ стремленій за то же десятилѣтіе, но прежде нежели мы перейдемъ къ этой темѣ, намъ необходимо остановиться на экономическомъ развитіи съ середины XIX в., безъ знакомства съ которымъ не все въ дальнѣйшемъ соціальномъ движеніи можетъ быть вполнѣ понятно. Остановимся сначала на аграрныхъ, потомъ на индустріальныхъ отношеніяхъ.

Окончательная ликвидація крѣпостническихъ отношеній на Западѣ совершилась лишь въ серединѣ XIX в. подъ вліяніемъ революціи 1848 г., въ которой мѣстами принимали участіе и крестьяне: можно даже сказать, что удовлетвореніе крестьянскихъ требованій составляетъ чуть не единственное наиболѣе прочное пріобрѣтеніе, сдѣланное въ 1848 г. Хотя кое-какія крестьянскія реформы были произведены въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи еще послѣ революціи 1830 г., тѣмъ не менѣе завершеніе ихъ состоялось лишь подъ вліяніемъ мартовскихъ революцій, а въ Австріи и вообще только 1848 годъ оказалъ рѣшающее дѣйствіе на отмѣну соціальнаго феодализма. Особенность крестьянскихъ ре-

---

[1]) И. З. Е., т. V, гл. XXIX и XXX и т. VI, гл. VIII и XXII.

формъ середины XIX в. заключалась въ томъ, что выкупъ у помѣщиковъ крестьянами повинностей, лежавшихъ на ихъ земляхъ, совершался при денежной помощи со стороны государства. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, крѣпостное состояніе крестьянъ было отмѣнено еще въ 1807 г., но до 1848 г. оставалась неотмѣненною административная и судебная власть помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ. Кромѣ того, если по изданнымъ вскорѣ послѣ 1807 г. законамъ крестьяне и могли выкупать поземельныя повинности, уступая помѣщикамъ извѣстную часть своей земли, то въ 1848 г. далеко еще не всѣ крестьянскіе участки успѣли освободиться, потому что дворянство ставило всякія препятствія этому выкупу. Мартовская революція подвинула дѣло впередъ, и къ 1850 г. было выработано новое законодательство, безвозмездно отмѣнившее цѣлый рядъ повинностей, облегчившее выкупъ другихъ и организовавшее особые рентные банки, которые должны были посредничать между помѣщиками и крестьянами. По закону о рентныхъ банкахъ помѣщикъ получалъ отъ казны особую денежную $4^0/_0$ бумагу, а крестьянинъ дѣлался должникомъ государства, уплачивавшимъ оказанную ему ссуду ежегодными взносами. Къ несчастью, прусское законодательство 1850 г. уже носило на себѣ всѣ признаки реакціи, именно, особой заботливости правительства и консервативныхъ палатъ о помѣщичьихъ интересахъ, такъ что крестьянамъ пришлось выплачивать слишкомъ много для того, чтобы выкупная операція могла совершиться. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше была задумана и успѣшнѣе проведена австрійская реформа 1848 г. До революціи, потрясшей въ этомъ году монархію Габсбурговъ, для улучшенія быта крестьянъ, во многихъ областяхъ фактически находившихся въ полной власти помѣщиковъ, рѣшительно ничего не было сдѣлано. Такъ какъ въ учредительномъ сеймѣ 1848 г. около четверти депутатовъ были крестьяне, то вопросъ о выкупѣ повинностей не могъ не быть поставленнымъ въ немъ на первый планъ, и осенью же выработанный сеймомъ проектъ получилъ силу закона. Императорскій патентъ 7 сентября 1848 г. отмѣнилъ въ Австріи всѣ отношенія крестьянскаго подданства и зависимости, причемъ повинности, вытекавшія изъ крѣпостничества, уничтожались безвозмездно, а тѣ, которыя обязаны были своимъ происхожденіемъ владѣнію поземельными участками, подлежали выкупу. Такимъ образомъ, и въ Австріи къ отмѣнѣ соціальнаго феодализма былъ примѣненъ принципъ, котораго въ данномъ вопросѣ думало дер-

жаться законодательство французской революціи до радикальнаго рѣшенія, принятаго въ 1793 г. конвентомъ. Въ той или иной формѣ этотъ принципъ примѣнялся и вообще въ крестьянскихъ реформахъ, совершавшихся въ первой половинѣ XIX в. въ разныхъ странахъ. Австрійскій законъ 1848 г. былъ въ слѣдующихъ годахъ дополненъ новыми, изъ коихъ наиболѣе существенными являются императорскіе патенты 25 сентября 1850 и 11 апрѣля 1851 г., создавшіе особый фондъ для выкупа земли и спеціальныя денежныя бумаги для вознагражденія помѣщиковъ. Нужно отдать справедливость австрійскому правительству, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что въ большей части областей выкупная операція была закончена въ первой же половинѣ пятидесятыхъ годовъ, тогда какъ въ Пруссіи она затянулась на болѣе долгое время. Свои законы 1848—1851 г. австрійское правительство распространило въ 1853 и 1854 гг. и на Венгрію. Въ этой послѣдней еще революціонный сеймъ 1848 г. объявилъ отмѣну крестьянскаго подданства и выкупъ повинностей, но послѣ подавленія возстанія всѣ законы, изданные этимъ сеймомъ, были отмѣнены, и австрійское правительство потомъ собственною властью произвело реформу, которая, притомъ, въ земляхъ короны св. Стефана была проведена съ бо́льшими уступками въ пользу помѣщиковъ, такъ какъ правительство хотѣло этимъ задобрить недовольное мадьярское дворянство.—Въ 1848 г. были изданы новые или улучшены прежніе законы о выкупѣ крестьянскихъ повинностей еще въ Баваріи, Вюртембергѣ, Гессенъ-Кассенѣ, Ганноверѣ, Саксоніи и т. д., гдѣ иногда еще въ тридцатыхъ годахъ уже вводились выкупныя операціи при помощи казны. Реакція пятидесятыхъ годовъ, однако, повсемѣстно отозвалась самымъ вреднымъ образомъ на крестьянскомъ дѣлѣ. Въ Пруссіи дѣло дошло до возстановленія, въ 1856 г., патримоніальной власти помѣщиковъ, не говоря уже о медленности, съ какою тамъ совершалась выкупная операція, тормазившаяся спеціальными законами въ пользу помѣщиковъ.

Въ началѣ второй половинѣ XIX в., черезъ тринадцать лѣтъ послѣ мартовской революціи, 19 февраля 1861 г., произошло, наконецъ, и паденіе крѣпостного права въ Россіи, бывшее первымъ шагомъ на пути реформъ, начавшихъ обновленіе русской жизни. И на принципіальной, и на технической сторонѣ эманципаціи крестьянъ въ Россіи не могло не сказаться вліяніе западныхъ образцовъ: и здѣсь личность крестьянина объявля-

лась свободною безвозмездно, переходъ же земельныхъ надѣловъ въ собственность крестьянъ долженъ былъ совершиться путемъ выкупа, для котораго, равнымъ образомъ, и здѣсь была организована особая операція, дѣлавшая государственную казну посредницею между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными. Крестьянская реформа 1861 г. была съ нѣкоторыми измѣненіями распространена черезъ три года также на Царство Польское, гдѣ крѣпостное право было отмѣнено еще въ 1807 г. декретомъ Наполеона I съ объявленіемъ всей земли собственностью помѣщиковъ: законъ 1864 г. укрѣпилъ за польскими крестьянами земельные участки, еще сохранившіеся въ ихъ пользованіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ томъ же самомъ 1864 г. и въ объединившейся незадолго передъ тѣмъ (1859) изъ дунайскихъ княжествъ Румыніи произошло освобожденіе крестьянъ отъ барщины и надѣленіе ихъ землею, съ обязанностью ея выкупа. Вообще къ серединѣ XIX в. въ законодательствѣ разныхъ странъ возобладала точка зрѣнія освобожденія крестьянъ съ землею (хотя бы и съ урѣзаннымъ ея количествомъ), тогда какъ въ началѣ XIX столѣтія эманципація очень часто понималась лишь въ смыслѣ дарованія крестьянамъ одной личной свободы, какъ это было, наприм., сдѣлано въ Польшѣ съ 1807 г.

Дѣлая различіе между крѣпостнымъ правомъ и рабствомъ, мы обыкновенно имѣемъ въ виду или сторону юридическую (смягченіе рабства въ крѣпостничествѣ), или сторону экономическую, т.-е. то, что крѣпостной работалъ на своемъ хозяйствѣ, рабъ—на господскомъ [1]). Чистаго рабства въ христіанскихъ странахъ Европы уже давнымъ-давно не существовало, но оно продолжало еще существовать въ христіанскихъ странахъ Америки, наравнѣ съ большею частью мусульманскаго міра. Главными датами отмѣны рабства негровъ были, собственно, 1834 годъ въ англійскихъ колоніяхъ, 1848 — во французскихъ, 1861—въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, 1866 — 1888 — въ Бразиліи, такъ что процессъ освобожденія негровъ растянулся на пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ. Шестидесятые годы, когда послѣдовало или, по крайней мѣрѣ, началось освобожденіе особенно большой массы рабовъ въ Новомъ Свѣтѣ, одновременно съ освобожденіемъ милліоновъ крѣпостныхъ въ Россіи, являются поэтому

---

[1]) Въ Россіи до 1861 г. такъ называемые дворовые люди находились въ этомъ смыслѣ въ положеніи рабовъ.

эпохою окончательнаго торжества принципа личной свободы и вольнаго труда. Еще съ вѣнскаго конгресса начался походъ и въ пользу уничтоженія рабства въ мусульманскомъ мірѣ [1]).

Паденіе въ серединѣ XIX в. соціальнаго феодализма въ значительной части Европы не могло, конечно, не содѣйствовать процессу экономической эволюціи, заключавшейся въ ростѣ и расширеніи капиталистическаго индустріализма. Обезземеленіе крестьянъ, начавшееся еще раньше, продолжалось, конечно, и во второй половинѣ XIX в., что давало поводъ распространить и на аграрную исторію формулированный въ серединѣ XIX в. законъ постепенной концентраціи производства, т.-е. поглощенія мелкихъ хозяйственныхъ предпріятій крупными, какъ это происходило въ обрабатывающей промышленности. Дѣйствительность не оправдала, однако, такого предположенія, и паровой плугъ не совершилъ въ земледѣліи такой же революціи, какую произвели паровые ткацкій и прядильный станки въ индустріи, гдѣ они нанесли смертельный ударъ мелкому производству. Оказалось также, что аграрную эволюцію неизмѣримо труднѣе заключить въ какую-либо общую формулу, какъ это сдѣлано для эволюціи индустріальной, потому что чисто мѣстныя условія играютъ въ данномъ случаѣ, т.-е. въ аграрной исторіи гораздо болѣе важную роль. Въ концѣ XIX в. аграрная статистика Германіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Англіи и восточной части Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки даже обнаружила, что въ этихъ странахъ мелкое и среднее сельско-хозяйственное производство не только не падало, но разросталось, а крупное и гигантское, наоборотъ, сокращалось.

При всемъ значеніи, какое въ исторіи сельскохозяйственныхъ отношеній принадлежитъ мѣстнымъ условіямъ, одно важное явленіе въ экономической исторіи послѣднихъ десятилѣтій XIX в. имѣло, несомнѣнно, общій характеръ и, такъ сказать, міровое происхожденіе. Это явленіе — сельскохозяйственный кризисъ, переживавшійся цѣлымъ рядомъ западно-европейскихъ странъ въ указанную эпоху. Основною его причиною была конкурренція, какую продуктамъ сельскаго хозяйства на Западѣ стали дѣлать продукты экстенсивнаго сельскаго хозяйства Восточной Европы

---

[1]) Въ 1830 г. Франція уничтожила рабство въ Алжирѣ; съ 1845 г. оно исчезаетъ и въ Тунисѣ; въ послѣдней трети XIX в. велась особенно дѣятельная борьба съ рабствомъ въ Африкѣ, гдѣ и до сихъ поръ оно еще не окончательно пало.

и заокеанскихъ странъ. Индустріальныя государства Запада уже давно нуждались для прокормленія своего населенія въ привозномъ хлѣбѣ, благодаря же быстрому развитію парового транспорта, эта потребность стала очень легко удовлетворяться доставкою на европейскіе рынки хлѣба, производимаго странами, которымъ многоземелье позволяло снабжать въ изобиліи пищевыми продуктами и сырьемъ для обрабатывающей промышленности націи, нуждавшіяся въ томъ и въ другомъ. Это, конечно, должно было приводить къ паденію земельной ренты, иногда, какъ это бывало въ Англіи, на 40—55%. Однимъ изъ слѣдствій сельскохозяйственнаго кризиса было развитіе аграрнаго протекціонизма.

Первообразъ его въ первой половинѣ XIX в. составляли знаменитые хлѣбные законы въ Англіи, установленные въ 1815 г. и отмѣненные лишь въ 1846 г. послѣ торжества въ ней ученія о свободной торговлѣ. Во второй половинѣ XIX в. въ Англіи уже было совершенно немыслимо устранить иностранный ввозъ хлѣба, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы обречь страну на настоящій голодъ, а потому англійскіе аграріи, вмѣсто того, чтобы добиваться возстановленія хлѣбныхъ законовъ, стали стремиться къ замѣнѣ зернового хозяйства скотоводствомъ (что тоже не было въ Англіи явленіемъ безъ историческихъ прецедентовъ). Съ другой стороны, у Англіи много колоній, способныхъ снабжать свою метрополію потребнымъ количествомъ хлѣба, и вотъ въ Англіи возникъ цѣлый планъ облагать пошлинами иностранные хлѣбъ и сырье въ пользу расширенія ввоза того и другого изъ колоній. Конечно, аграрный протекціонизмъ, выгодный для сельскихъ хозяевъ, былъ встрѣченъ несочувственно индустріальнымъ населеніемъ.—Особенно важную роль игралъ антагонизмъ аграрныхъ и индустріальныхъ интересовъ въ Германіи, превратившейся въ послѣдней трети XIX в. изъ государства аграрнаго въ индустріальное, при неодинаковости, вдобавокъ, экономическаго развитія, напримѣръ, восточныхъ областей Пруссіи съ преобладаніемъ въ нихъ аграрнаго строя и областей западныхъ, гдѣ господство на сторонѣ индустріальнаго строя. Экономическая метаморфоза Германіи совершалась какъ-разъ въ такое время, когда и въ ней, въ силу указанной выше міровой причины, происходилъ сельскохозяйственный кризисъ. До образованія имперіи въ интересахъ германскихъ представителей сельскаго хозяйства было добиваться свободной торговли, въ интересахъ промышленниковъ—стоять за протекціонизмъ. Раньше сельское хозяйство

сѣверо-востока Германіи жило, главнымъ образомъ, экспортомъ хлѣба, но вскорѣ послѣ ея политическаго объединенія изъ страны, вывозящей хлѣбъ, она превратилась въ страну, уже ввозящую хлѣбъ, вслѣдствіе чего усилилась ея торговля не только съ Россіей, но и съ болѣе отдаленными странами, Соединенными Штатами и Аргентиною. Подъ вліяніемъ этой перемѣны прусскіе аграріи превратились изъ фритредеровъ въ самыхъ рѣшительныхъ протекціонистовъ и стали съ успѣхомъ добиваться повышенія пошлинъ на привозный хлѣбъ, прикрывая свои эгоистическія домогательства интересами якобы національнаго труда. Благодаря введенію высокихъ пошлинъ, повышеніе доходности помѣщичьихъ земель происходило за счетъ кармановъ рабочаго населенія.

По слѣдамъ германскаго аграрнаго протекціонизма пошла и торговая политика третьей французской республики. Въ 1878 г. во Франціи была очень плохая жатва: хлѣба родилось мало, а то, что̀ родилось, было плохого качества; за этимъ неурожайнымъ годомъ послѣдовалъ безъ перерыва и другой, пожалуй, еще худшій. Это вызвало усиленный привозъ во Францію хлѣба изъ Америки, продававшагося по столь низкой цѣнѣ, что французскіе производители съ великимъ трудомъ сбывали свои запасы. Несмотря на хорошіе урожаи восьмидесятыхъ годовъ, американскій хлѣбъ продолжалъ ввозиться во Францію въ огромныхъ количествахъ и впослѣдствіи, и цѣны на хлѣбъ страшно упали за эти годы. Тогда палата, долго противившаяся пошлинамъ на хлѣбъ, какъ мѣрѣ недемократичной, вотировала въ 1885 и слѣд. годахъ рядъ законовъ, устанавливавшихъ и даже повышавшихъ пошлины на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты. Вообще этотъ общій сельскохозяйственный кризисъ оказалъ большое вліяніе не только на экономическую жизнь задѣтыхъ имъ странъ, но и на политику, благодаря той роли, какую въ послѣдней всегда играли имущіе классы, тѣмъ болѣе, что невыгодныя слѣдствія кризиса испытывали на себѣ не одни помѣщики, но и крестьяне, которыхъ крупные землевладѣльцы и перетягивали на свою сторону.

Другимъ важнымъ общимъ явленіемъ экономической исторіи второй половины XIX в. было колоссальное развитіе промышленности, первый примѣръ чего наблюдается еще въ Англіи первой половины прошлаго столѣтія. Именно, уже къ серединѣ вѣка, благодаря особенно благопріятному стеченію обстоятельствъ, англійская промышленность и торговля, при полномъ отсутствіи серьезнаго соперничества съ чьей бы то ни было стороны, достигли небы-

валаго процвѣтанія. На лондонской всемірной выставкѣ 1851 г. вся Европа могла видѣть, какіе громадные успѣхи сдѣланы были англичанами въ индустріи. Въ 1862 г. въ Лондонѣ еще разъ была устроена такая выставка, которая только укрѣпила за Англіей славу перваго въ мірѣ индустріальнаго государства. Въ концѣ сороковыхъ годовъ англійскій вывозъ опредѣлялся 60 милліонами фунтовъ стерлинговъ, въ слѣдующее же десятилѣтіе эта цифра болѣе, нежели удвоилась, достигнувъ въ 1860 г. 136 милліоновъ, а въ 1866 г. изъ Англіи вывозилось уже почти на 190 милліоновъ, что̀ составляетъ увеличеніе болѣе, чѣмъ въ три раза. Шестидесятые годы были эпохою настоящей торгово-промышленной гегемоніи Англіи во всемъ мірѣ, но къ концу XIX в. Англія утратила это господствующее положеніе, такъ какъ у нея явились двѣ опасныя соперницы: въ Езропѣ Германія, въ Америкѣ Соединенные Штаты.

Превращеніе Германіи изъ аграрнаго государства въ индустріальное представляетъ собою одно изъ важнѣйшихъ явленій экономической исторіи второй половины XIX в. Экономическая революція, начавшаяся на рубежѣ XVIII и XIX вв., вообще особенно сильно подвинулась впередъ во второй половинѣ XIX в., но нигдѣ этотъ процессъ не совершался съ такою быстротою и полнотою, какъ въ Германіи, и потому если для первой половины прошлаго столѣтія классическою страною капиталистической эволюціи была Англія, то во второй половинѣ вѣка самый поразительный примѣръ индустріализаціи большого государства представляла собою экономическая исторія Германіи. Въ серединѣ XIX в. послѣдняя въ народно-хозяйственномъ отношеніи соотвѣтствовала больше Англіи еще конца XVIII в. Крупная промышленность англійскаго типа въ ней едва только начиналась, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже имѣла кое-какое прошлое. О слабомъ развитіи фабричнаго пролетаріата въ Пруссіи середины сороковыхъ годовъ свидѣтельствуетъ то, что число фабричныхъ рабочихъ едва достигало въ ней тогда 550 т. и почти до этой цифры доходила цифра мастеровъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ (свыше 450 т.), у которыхъ работало немногимъ меньше (безъ малаго 400 т.) подмастерьевъ и учениковъ, т.-е. въ общей сложности фабричные рабочіе составляли лишь около 38%, ремесленные — около 62%, причемъ ремесленныя заведенія имѣли «карликовые» размѣры. Нарождавшаяся крупная буржуазія незамѣтными переходами соединялась съ мелкою, а эта послѣдняя почти сливалась съ реме-

сленнымъ сословіемъ. Развитіе промышленности долго задерживалось въ Германіи полицейско-бюрократическимъ режимомъ, стѣсненіями свободы передвиженія (паспортною системою), недостаточностью путей сообщенія (такъ какъ желѣзныя дороги стали строиться здѣсь позднѣе, нежели въ Англіи и во Франціи), а до окончательнаго установленія таможеннаго союза пограничными заставами, очень затруднявшими торговлю. Образованіе современной капиталистической Германіи произошло между революціей 1848 г. и образованіемъ имперіи въ 1871 г. Именно, уже пятидесятые годы были временемъ усиленнаго развитія фабрично-заводской индустріи, горнаго дѣла и желѣзнодорожнаго строительства, когда для всего этого основывались еще акціонерныя компаніи и банки съ спеціальною цѣлью субсидированія разныхъ предпріятій. Въ Баваріи, напр., съ 1839 по 1848 г. было основано лишь 6 акціонерныхъ компаній съ неполными 4 милліонами марокъ, въ слѣдующемъ же десятилѣтіи — 44 компаніи (въ семь разъ больше) съ капиталомъ болѣе 145 милліоновъ (увеличеніе въ тридцать шесть разъ). Въ прусской горной промышленности за восемнадцать лѣтъ передъ 1852 г. было основано всего 14 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 30 тысячъ милліоновъ, а въ слѣдующій втрое меньшій періодъ (1852—57 гг.)—59 компаній (въ четыре раза больше) съ капиталомъ въ 70 тысячъ милліоновъ (въ $2^1/_3$ раза больше). Въ 1840 г. на всю территорію Таможеннаго союза паровыхъ машинъ приходилось едва пятьсотъ, а въ 1873 г. общая сила паровыхъ двигателей превосходила уже милліонъ лошадиныхъ силъ. Дальше будутъ еще приведены данныя, указывающія на быстрый ростъ германской промышленности, но, говоря объ этомъ предметѣ, нельзя не отмѣтить, что очень содѣйствовало промышленному подъему Германіи ея экономическое и политическое объединеніе. первое—уничтоженіемъ внутреннихъ заставъ, второе—тѣмъ, что только объединенная и сильная Германія оказалась въ состояніи, какъ мы еще увидимъ, завести собственныя колоніи и военный флотъ для огражденія не только политическихъ, но и торговыхъ своихъ интересовъ. Не могло, конечно, пройти безслѣдно для германской промышленности и то, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ страну сразу хлынула, въ видѣ французской контрибуціи, такая масса денежныхъ средствъ, что произошла настоящая «грюндерская» горячка, окончившаяся крахомъ.—Къ концу XIX в. германская индустрія стала такъ успѣшно конкурирровать съ англійскою, что въ лондонскихъ магазинахъ начали продаваться то-

вары нѣмецкой выдѣлки: клеймо «made in Germany» сдѣлалось въ Англіи даже своего рода пугаломъ, заставившимъ промышленные классы и прессу страны бить тревогу по поводу опасности, грозящей всему экономическому благосостоянію англійской націи отъ германской конкурренціи.

Говоря объ экономическомъ развитіи Германіи во второй половинѣ XIX в., мы должны имѣть въ виду не только то, что эта страна стала догонять Англію, но и то, что Францію она уже прямо обогнала. Изъ этихъ двухъ странъ материка послѣдняя еще до середины XIX в., несомнѣнно, стояла выше первой въ промышленномъ отношеніи, но потомъ стала довольно-таки замѣтно отставать. Наприм., за двадцатилѣтній періодъ передъ войною 1870—71 г., общая цифра французской внѣшней торговли (ввоза и вывоза) болѣе чѣмъ утроилась, поднявшись съ 2,5 милліардовъ до 8 милліардовъ франковъ, тогда такъ за первую четверть вѣка послѣ войны эта цифра увеличилась едва на 26%, именно, съ почти 7,25 милліардовъ до безъ малаго 10 милліардовъ, т.-е., въ среднемъ для пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ ежегодный приростъ внѣшней торговли выражался, по меньшей мѣрѣ, десятью процентами сравнительно съ исходною цифрою, а въ послѣднія три десятилѣтія только однимъ процентомъ. Между тѣмъ въ Германіи внѣшняя торговля дѣлала гораздо большіе успѣхи: въ 1880 г. ея ввозъ и вывозъ, вмѣстѣ взятые, составляли цифру въ 4,8 милліардовъ марокъ, а въ 1899 г. соотвѣтственная сумма ввоза и вывоза была уже въ десять слишкомъ милліардовъ, что равносильно болѣе, нежели удвоенію торговыхъ оборотовъ, т.-е. ежегодному увеличенію исходной цифры на 5%. Въ своей внѣшней торговлѣ Франція сильно отстала отъ Германіи и, напр., въ 1905 г. ввозила, считая на германскія марки, на 4,8 милліардовъ и вывозила на 5 милліардовъ, тогда какъ соотвѣтственныя цифры въ Германіи для 1906 г.—8,7 и 6,8 милліардовъ. Кромѣ Германіи, соперничать съ Англіей начали и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, да и въ другихъ странахъ происходилъ ростъ промышленности въ общемъ направленіи капиталистической эволюціи, составляющей одну изъ характернѣйшихъ особенностей экономической исторіи XIX в.

Самымъ бросающимся въ глаза явленіемъ этой эволюціи было развитіе крупнаго производства при помощи силы пара. Въ началѣ XIX в. Англіи принадлежала настоящая монополія паровыхъ машинъ, но самое большее, чѣмъ въ этомъ отношеніи обладала

Англія, это были какія-нибудь 80 тысячъ лошадиныхъ силъ, тогда какъ къ концу столѣтія всѣ дѣйствовавшія въ ней машины уже представляли собою 15 милліоновъ лошадиныхъ силъ. Особенное возрастаніе ихъ количества приходится на послѣднія три десятилѣтія XIX в.: позволительно думать, что съ каждымъ десятилѣтіемъ число ихъ съ середины XIX в. удваивалось. Объ этомъ ростѣ паровыхъ двигателей можно судить по тому, что въ сороковыхъ годахъ ихъ было только на два милліона лошадиныхъ силъ, въ пятидесятыхъ — четыре, въ шестидесятыхъ — девять, въ семидесятыхъ — восемнадцать, въ началѣ восьмидесятыхъ около 35, въ концѣ уже около 50 милліоновъ [1]). За послѣднія же десятилѣтія XIX в. съ паромъ, въ качествѣ рабочей и двигательной силы, стало конкурировать еще электричество, и создалась особая электро-техническая индустрія, которою въ одной Германіи въ первые годы XIX столѣтія было занято около 100 т. человѣкъ.

Развитіе примѣненія пара (и электричества) есть явленіе, сопровождающее собою индустріальную концентрацію. Этотъ процессъ обнаруживается даже тамъ, гдѣ въ экономической жизни въ общемъ наблюдается нѣкоторый застой, какъ во Франціи. Въ этой странѣ, наприм., въ 1851 году въ крупной и средней промышленности приходилось 15,5 предпринимателей на 100 рабочихъ, а въ 1881 г. уже только 9,4; въ 1840 — 45 г. насчитывалось 3.200 заведеній, въ каждомъ изъ которыхъ было отъ 50 до 500 рабочихъ, и 133 такихъ, гдѣ работало больше 500 рабочихъ, а въ 1896 г. первыхъ было зарегистрировано на четыре тысячи больше, вторыхъ больше на три сотни слишкомъ. По переписямъ 1896 и 1901 гг. за пять лѣтъ общее число промышленныхъ заведеній Франціи повысилось съ 592.628 до 616.164, и увеличеніе относительно больше коснулось болѣе крупныхъ заведеній: число послѣднихъ со ста рабочими и выше увеличилось на 600, съ пятьюстами и выше—на 169. Чтобы имѣть передъ глазами примѣръ болѣе быстрой и значительной концентраціи, нужно опять обратиться къ экономической исторіи Германіи. Въ 1861 г. такихъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ работало больше пятидесяти человѣкъ, въ Германіи не насчитывалось полныхъ четырехъ тысячъ; къ 1875 г. ихъ число почти удвоилось (7.800),

---

[1]) Аналогичное явленіе представляетъ собою и ростъ желѣзныхъ дорогъ: за 30 лѣтъ между 1840 и 1870 г. ихъ было построено съ небольшимъ 100 тысячъ километровъ, а въ слѣдующія тридцать лѣтъ (1870 — 1900) уже 180 т. км.

въ 1882 г. было уже безъ малаго десять тысячъ (около 9.900), въ 1895 г. вдвое больше (18.955). Еще показательнѣе цифры 1882 и 1895 г., касающіяся рабочихъ, занятыхъ въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ: съ 1.600.000 количество ихъ поднялось до 3.000.000 при общемъ возрастаніи рабочаго класса приблизительно съ 7 до 10 милліоновъ; въ 1882 г. число особенно крупныхъ предпріятій (съ тысячью и болѣе рабочихъ въ каждомъ) было 127, а въ 1895 г.—уже 255. По даннымъ переписей 1882 и 1895 гг. вообще наблюдалось болѣе быстрое возрастаніе крупныхъ предпріятій сравнительно съ болѣе мелкими: число послѣднихъ возросло на 10%, среднихъ—на 75%, крупныхъ—на 90%. Ростомъ крупной промышленности постепенно убивались въ городахъ ремесла, а въ селахъ кустарные промыслы, особенно въ тѣхъ производствахъ, гдѣ ручному труду оказывалось совершенно не подъ силу выдерживать конкурренцію съ машиннымъ.

Такъ какъ основная тенденція капиталистической эволюціи заключается въ увеличеніи размѣровъ производства, то во второй половинѣ XIX в. получили сильное развитіе акціонерныя компаніи съ ихъ большими капиталами, складывающимися изъ массы мелкихъ паевъ. Въ 1905 г. въ одной Германіи насчитывалось пятъ тысячъ такихъ компаній съ капиталомъ почти въ 14 милліардовъ. Въ самомъ концѣ вѣка возникла еще новая форма концентраціи капиталовъ, представляющая собою дальнѣйшую ступень въ этомъ процессѣ. Въ восьмидесятыхъ годахъ цѣлыя отрасли обрабатывающей промышленности переживали кризисъ, выразившійся въ паденіи цѣнъ на многіе продукты. Выходомъ изъ этого положенія явились соглашенія и союзы предпринимателей, замѣнявшіе взаимную борьбу совмѣстною защитою общихъ интересовъ. Чѣмъ въ меньшемъ количествѣ предпріятій сосредоточивалось производство какого-либо продукта и чѣмъ больше отдѣльныя предпріятія той или другой категоріи велись акціонерными компаніями, тѣмъ легче имъ было приходить къ соглашенію между собою. Это — такъ называемые «синдикаты», или «картели» предпринимателей ради установленія, съ общаго согласія, для всѣхъ одинаково обязательныхъ правилъ, относительно производства и сбыта продуктовъ соотвѣтственныхъ отраслей промышленности. Оставаясь самостоятельными, отдѣльныя предпріятія стали подчиняться извѣстнымъ ограниченіямъ съ общею тенденціей—устранять конкурренцію, съ каковою цѣлью между союзными предпріятіями стали разграничиваться районы сбыта това-

ровъ, опредѣляться размѣры производства, устанавливаться цѣны покупокъ и продажъ и т. п. Въ Соединенныхъ Штатахъ, подъ названіемъ «трёстовъ», возникли даже такіе предпринимательскіе союзы, въ которыхъ отдѣльныя предпріятія вполнѣ утрачиваютъ свою индивидуальность, т.-е. превращаются въ части одного колоссальнаго предпріятія. Какіе размѣры начало принимать такое объединеніе, лучше всего показываетъ исторія, именно, этихъ самыхъ трёстовъ, которые въ концѣ XIX в. владѣли промышленнымъ капиталомъ въ 8 милліардовъ долларовъ, а въ первые годы настоящаго столѣтія — уже 20 милліардами. Старой Европѣ неизвѣстна эта форма, сильно двинувшая впередъ промышленность Соединенныхъ Штатовъ къ немалому опасенію европейскихъ націй, но картели и въ ней получили развитіе. Особенно онѣ привились въ Германіи, гдѣ ихъ число въ первые годы XX столѣтія достигло 450, и изъ нихъ 50 имѣли даже международное значеніе.

Весьма важною стороною этого промышленнаго прогресса было замѣчательное развитіе въ послѣднія десятилѣтія XIX в. техники въ дѣлѣ какъ производства, такъ и перевозки товаровъ и въ дѣлѣ коммерческихъ сношеній. Кромѣ совершенно новой области электро-техники, большое развитіе получила еще химическая промышленность, благодаря успѣхамъ прикладной химіи, создающей новые продукты или усовершенствованія въ добываніи бывшихъ уже и раньше въ употребленіи веществъ. Къ числу новыхъ производствъ нужно отнести, наконецъ, такія, какъ велосипедное, автомобильное и т. п. Въ этомъ прогрессѣ техники къ концу вѣка все больше и больше проявлялась извѣстная планомѣрность изобрѣтеній и открытій, дѣлавшая роль случайности все менѣе значительной. Успѣхи прикладныхъ наукъ и организація техническаго образованія оказали въ данномъ случаѣ особое вліяніе. Въ исторіи новѣйшихъ изобрѣтеній первое мѣсто принадлежало Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, а въ нихъ геніальному Эдиссону: въ серединѣ XIX в. тамъ бралось ежегодно около тысячи патентовъ на изобрѣтенія, а въ 1900 г. уже болѣе 25 тысячъ, причемъ одному Эдиссону приписывается около восьмисотъ изобрѣтеній. Понятно, что многія техническія усовершенствованія стали требовать большихъ затратъ какъ при оборудованіи отдѣльныхъ предпріятій, такъ и при веденіи самаго производства, что́ тоже немало содѣйствовало возрастанію крупной индустріи. Одновременно съ этимъ долженъ былъ возрастать

и персоналъ спеціально обученныхъ техниковъ разныхъ наименованій, должны были возникать при заводахъ и фабрикахъ особыя лабораторіи, между прочимъ, для производства новыхъ техническихъ опытовъ. Потребность промышленности въ спеціально обученныхъ техникахъ вызвала къ жизни цѣлую систему профессіональнаго образованія съ высшими техническими школами во главѣ. Рядомъ со старыми университетами стали, въ эпоху промышленнаго развитія, основываться и въ послѣднее время сильно развиваться новыя высшія школы прикладныхъ наукъ, своего рода техническіе университеты, или политехникумы, какихъ въ одной Германіи къ концу вѣка было 9 съ 15 т. учащихся.

Съ отвлеченіемъ рабочихъ рукъ отъ сельскаго хозяйства къ обрабатывающей промышленности, съ сокращеніемъ мелкихъ производствъ ремесленнаго и кустарнаго типа, съ концентраціей промышленныхъ предпріятій параллельно шло увеличеніе индустріальнаго пролетаріата и все большее его сосредоточеніе въ крупныхъ фабричныхъ и заводскихъ центрахъ, которое слѣдуетъ имѣть въ виду, между прочимъ, и при разсмотрѣніи рабочаго движенія, возродившагося въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. Нужно, однако, признать, что положеніе фабричныхъ рабочихъ во второй половинѣ XIX в. было лучшимъ, нежели въ первой половинѣ. Бѣдственное состояніе англійскихъ рабочихъ въ серединѣ сороковыхъ годовъ, изображенное въ извѣстной книгѣ Энгельса, уступило мѣсто ко второй половинѣ XIX в. относительному благосостоянію, благодаря процвѣтанію въ Англіи промышленности и господству ея товаровъ на всемірномъ рынкѣ. Когда въ этой странѣ фабрика не была еще исключительною формою національнаго труда, она, съ одной стороны, не въ состояніи была давать работу всѣмъ свободнымъ рукамъ, а съ другой, сравнительною дешевизною своихъ продуктовъ понижала заработки мелкихъ производителей, что, въ свою очередь, не могло не отражаться и на высотѣ заработка фабричныхъ рабочихъ. Окончательная побѣда въ Англіи фабричнаго производства надъ кустарнымъ въ текстильной промышленности относится только къ пятидесятымъ годамъ XIX в., когда пролетаріатъ окончательно и сдѣлался преобладающимъ въ странѣ классомъ населенія, занятаго физическимъ трудомъ, и съ этого времени началъ ростъ заработной платы, хотя, конечно, улучшеніе быта англійскихъ рабочихъ далеко не обозначало собою исчезновенія въ странѣ пауперизма. (Напр., въ концѣ вѣка число пауперовъ

въ Лондонѣ опредѣлялось третью его населенія). Болѣе сильный пауперизмъ въ Англіи въ первой половинѣ XIX в., какъ извѣстно, далъ Марксу поводъ говорить объ общемъ обнищаніи населенія въ капиталистическомъ обществѣ. Явленія временъ индустріальной революціи и кризисовъ второй четверти XIX в. представляли достаточно данныхъ для такого вывода, но быстрое развитіе промышленности въ Германіи уже не сопровождалось такими послѣдствіями, благодаря тому, что сразу же дало работу нуждавшемуся въ ней населенію. Замѣчательно, что какъ-разъ въ періодъ пріобрѣтенія Германіей колоній, эмиграція изъ нея очень сильно сократилась сравнительно съ предыдущимъ временемъ, именно, вслѣдствіе того, что развитіе промышленности стало давать населенію заработокъ.

Упомянемъ еще, что въ чисто-аграрныхъ странахъ сельское населеніе всегда преобладаетъ надъ городскимъ, и что индустріальное развитіе совершается, наоборотъ, параллельно съ увеличеніемъ городского населенія. Первою страною въ Европѣ, гдѣ произошла «урбанизація» большей части населенія, была Англія: въ ней въ 1800 г. городское населеніе едва превышалс $21^0/_0$ общаго числа жителей а въ 1891 г.—уже доходило почти до $62^0/_0$. Въ Германіи, пережившей во второй половинѣ XIX в. эпоху экономическаго прогресса, равнымъ образомъ, происходило быстрое увеличеніе—какъ относительное, такъ и абсолютное—городского населенія: въ 1871 г. оно составляло $36^0/_0$, въ 1880—$41^1/_2{}^0/_0$, въ 1890—почти $45^0/_0$, поднявшись за эти двадцать лѣтъ съ 14,8 милліоновъ до 23,25 милліоновъ, тогда какъ сельское населеніе за это время уменьшилось приблизительно на три четверти милліона (было около 26,9 милліоновъ, стало менѣе 26,2 милліоновъ).

При такомъ ростѣ городского населенія,—однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ котораго сдѣлался промышленно-торговый пролетаріатъ,—особенно важное значеніе должны были имѣть періодическіе кризисы, переживавшіеся всѣми индустріальными странами и въ разсматриваемый періодъ. Начиная съ семидесятыхъ годовъ XIX в. періоды подъема и застоя стали распространяться одновременно или почти одновременно на весь капиталистическій міръ, т.-е. получали вполнѣ міровой характеръ, и вся разница была лишь въ различныхъ степеняхъ интенсивности кризисовъ въ отдѣльныхъ странахъ. Если въ Англіи кризисы послѣднихъ десятилѣтій мало походили на кризисы прежняго времени, будучи лишь болѣе или менѣе продолжительными періодами промышленнаго застоя,

то въ болѣе молодыхъ капиталистическихъ странахъ, въ Германіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, промышленные кризисы конца XIX в. были не менѣе интенсивны, чѣмъ тѣ, какіе испытывала раньше и Англія. Англія въ это время потеряла свое прежнее гегемоническое положеніе въ промышленности и торговлѣ всего міра. Раньше подъемы производства въ ней имѣли болѣе рѣзко выраженный характеръ, нежели теперь, а потому и слѣдовавшія за ними паденія совершались съ большею быстротою, влекшею за собою общее разстройство кредита. Притомъ значительную часть своихъ капиталовъ Англія стала помѣщать въ другихъ странахъ, что тоже не могло остаться безъ вліянія на меньшую интенсивность ея кризисовъ. Совсѣмъ иначе дѣло происходило въ странахъ съ болѣе молодою капиталистическою промышленностью, какъ Германія: быстрое развитіе въ нихъ обрабатывающей промышленности не могло не сопровождаться тѣми же явленіями, какія въ свое время переживала и Англія. Кромѣ, однако, мѣстныхъ причинъ, и въ промышленныхъ кризисахъ совершенно такъ же, какъ и въ сельско-хозяйственномъ кризисѣ конца вѣка, играли роль также нѣкоторыя общія причины, вліявшія на многія страны. Усилившееся, благодаря паровому транспорту, экономическое взаимодѣйствіе всѣхъ частей свѣта создало сложную систему міровыхъ хозяйственныхъ отношеній, все болѣе и болѣе втягивающую въ свой круговоротъ отдѣльныя страны. Однимъ изъ признаковъ и вмѣстѣ факторовъ этого процесса сдѣлался постоянный отливъ, въ громадныхъ размѣрахъ, капиталовъ изъ болѣе экономически развитыхъ въ экономически болѣе отсталыя страны. Въ Европѣ первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Англіи, сдѣлавшейся банкиромъ другихъ націй еще въ началѣ XIX вѣка, къ концу котораго общая сумма англійскаго капитала, помѣщеннаго за границей, составла 25 милліардовъ рублей съ ежегоднымъ увеличеніемъ цифры на 500 милліоновъ р. Франція въ это время, равнымъ образомъ, имѣла помѣщенными за границей около 15 милліардовъ рублей и ежегодно увеличивала эту сумму болѣе, чѣмъ на 550 милліоновъ рублей. Германія тоже дала помѣщеніе своимъ капиталамъ въ другихъ странахъ на $12^1/_2$ милліардовъ и т. п. Даже маленькая Бельгія постоянно оплодотворяла своими капиталами промышленность отсталыхъ странъ, гдѣ капиталистическія предпріятія конкуррируютъ не столько между собою, сколько съ мелкою, некапиталистическою промышленностью, ими мало-по-малу вытѣсняемою. Въ странахъ, въ кото-

рыхъ капиталистическое производство только еще начинало насаждаться, расширеніе рынка для произведеній крупной индустріи совершалось гораздо легче, нежели въ странахъ съ давно упрочившимся капитализмомъ, да и рабочая плата въ болѣе культурныхъ странахъ выше, въ менѣе культурныхъ—ниже, что выгоднѣе для предпринимательскихъ барышей. Наконецъ, борьба за существованіе между отдѣльными націями заставляла болѣе отсталыя изъ нихъ развить собственную промышленность и торговлю и увеличить свои военныя силы, для чего обыкновенно мѣстныхъ средствъ не хватало. Такимъ образомъ, капиталъ сталъ все болѣе и болѣе дѣлаться международнымъ и тѣмъ самымъ содѣйствовать насажденію капиталистическихъ предпріятій во всемъ мірѣ.

XXVIII. Возрожденіе соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ [1]).

Возрожденіе соціальныхъ стремленій въ шестидесятыхъ годахъ.—Англійскій трэдъ-юніонизмъ въ эту эпоху.—Прудонъ и популярность его мутуализма во французской рабочей средѣ.—Лассаль и образованіе въ Германіи рабочей партіи.—«Капиталъ» Маркса.—Расколъ лассаленцевъ и марксистовъ — Основаніе Международнаго Общества рабочихъ. — Съѣзды Интернаціонала въ шестидесятыхъ годахъ.—Появленіе анархизма и внутренніе раздоры въ Интернаціоналѣ.

Вставивъ главу объ экономической исторіи вообще второй половины XIX в. между двумя главами, посвященными возрожденію въ шестидесятыхъ годахъ политической жизни и соціальнаго движенія, мы имѣли въ виду необходимость ознакомленія съ развитіемъ капитализма съ середины XIX в. для лучшаго пониманія рабочаго движенія, снова начавшагося въ шестидесятыхъ годахъ послѣ пораженій 1848 г.

Рабочее движеніе и соціализмъ, побѣжденные въ концѣ сороковыхъ годовъ, считались въ пятидесятыхъ годахъ какъ бы навѣки похороненными, и потому возрожденіе въ слѣдующемъ десятилѣтіи соціальныхъ стремленій было полною неожиданностью,

---

[1]) И. З. Е., т. V, гл. XXXI и т. VI, гл. II и VIII.—Общій взглядъ, гл. XIV.

весьма многихъ удивившею. Въ исторіи соціализма годы наибольшей реакціи послѣ подавленія революціи 1848 г. представляютъ собою какъ бы перерывъ, и только выходъ въ свѣтъ въ 1859 г. сочиненія Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie» могло бы для современниковъ служить предвѣстіемъ возрожденія соціализма, если бы ими было обращено больше вниманія на это научное произведеніе. И во Франціи, и въ Германіи, гдѣ въ сороковыхъ годахъ соціализмъ былъ наиболѣе распространенъ, ему приходилось снова завоевывать почву для своего дальнѣйшаго существованія, и только въ Англіи, въ которой съ паденіемъ чартизма соціалистическія стремленія пролетаріата тоже уступили мѣсто инымъ настроеніямъ, рабочее движеніе шестидесятыхъ годовъ не было началомъ чего-то новаго, а являлось продолженіемъ стараго безъ всякаго перерыва.

Въ Англіи еще въ первой половинѣ XIX в. возникли такъ называемые трэдъ-юніоны, или рабочіе союзы въ цѣляхъ взаимопомощи и улучшенія условій найма. Мало-по-малу между союзами разныхъ спеціальностей въ одной мѣстности или одной спеціальности въ разныхъ мѣстностяхъ стали устанавливаться связи, перешедшія въ болѣе постоянныя и прочныя отношенія вплоть до настоящихъ объединеній и возникновенія особыхъ общихъ комитетовъ изъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ союзовъ. Временемъ, когда союзы выработали свою внутреннюю организацію, были пятидесятые годы, эпоха подобныхъ объединеній началась около 1860 г. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ лондонскіе союзы образовали постоянный «совѣтъ союзовъ», поставившій своею цѣлью добиться законодательнаго признанія и обезпеченія союзовъ, а трэдъ-юніоны другихъ городовъ стали собирать ежегодные съѣзды своихъ представителей, пока манчестерскій «совѣтъ союзовъ» не пришелъ къ мысли объ общемъ для всего государства съѣздѣ, каковой и состоялся въ Манчестерѣ въ 1868 г. За этимъ собраніемъ въ 1869 г. послѣдовалъ второй съѣздъ въ Бирмингамѣ, а въ 1871 г. и третій въ Лондонѣ, гдѣ было рѣшено, что впредь делегаты союзовъ будутъ съѣзжаться ежегодно. Въ этомъ движеніи выработался цѣлый классъ работниковъ, которые по избранію своими товарищами и за денежное вознагражденіе стали спеціально посвящать свое время и свой трудъ дѣламъ союзовъ. Въ составъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ входили почти только одни квалифицированные, обученные рабочіе, т.-е. имѣвшіе опредѣленную спеціальность и постоянный заработокъ, тогда

какъ всѣ чернорабочіе, жившіе болѣе или менѣе случайною работою, лишь въ исключительныхъ случаяхъ попадали въ эти организаціи. Трэдъ-юніоны, благодаря этому, стали объединять лишь рабочую аристократію, причиною же этого было то, что съ принадлежностью къ трэдъ-юніонамъ съ самаго начала были соединены расходы, оказывавшіеся посильными только для болѣе обезпеченныхъ рабочихъ. Въ своего рода привилегированной рабочей средѣ стало вырабатываться свое классовое чувство, стали формироваться и особые нравы. Трэдъ-юніонизмъ этой эпохи былъ вообще проникнутъ воззрѣніями либеральной буржуазіи о полной свободѣ рабочаго договора и о невмѣшательствѣ государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Вожди движенія признавали современный экономическій строй за окончательный, и тѣ изъ нихъ, которые не ограничивали дѣятельности союзовъ самопомощью въ случаяхъ болѣзни, безработицы и т. п., а имѣли въ виду и улучшенія условій найма, видѣли въ союзахъ лишь средство въ борьбѣ съ предпринимателями за эти условія. Соціалистическаго въ этихъ союзахъ ничего не было, и вся ихъ политическая роль ограничилась участіемъ въ агитаціи въ пользу парламентской реформы 1867 г.

Во Франціи лишь ослабленіе реакціи послѣ 1859 г. сдѣлало возможнымъ возобновленіе рабочаго движенія. Уже въ 1862 г. рабочіе обращались къ Прудону за совѣтомъ, какъ держать себя на выборахъ, на что онъ отвѣтилъ категорически, что въ нихъ вовсе участвовать не слѣдуетъ, но уже въ 1864 г. рабочіе выставили въ Парижѣ своего кандидата въ законодательный корпусъ, и въ томъ же году Наполеонъ III согласился дать рабочимъ право стачекъ. Хотя Прудонъ и отсовѣтовалъ пролетаріату участвовать въ выборахъ, это ему не помѣшало сдѣлаться наиболѣе популярнымъ политическимъ писателемъ въ болѣе развитой рабочей средѣ и теоретическимъ иниціаторомъ движенія въ ней, извѣстнаго подъ названіемъ мутуализма.

Прудонъ началъ свою литературную дѣятельность еще въ сороковыхъ годахъ, но въ 1848 г. не игралъ крупной роли. Въ первомъ трудѣ, прославившемъ его имя, «Что такое собственность?» (1840) онъ самъ опредѣлилъ свое ученіе о правѣ, государствѣ и собственности, какъ анархизмъ. «Какой формѣ правленія, — спрашивалъ онъ здѣсь, — мы должны отдать предпочтеніе? Но развѣ, возразитъ мнѣ кто-либо изъ моихъ молодыхъ читателей, въ этомъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе:

вы — республиканецъ. — Если хотите, я республиканецъ, но это слово неопредѣленно: слово «республика» значитъ общественное дѣло, и потому всякій, кто независимо отъ формы правленія защищаетъ общественное дѣло, можетъ называться республиканцемъ. — Такъ вы, значитъ, демократъ? — Нисколько.—Въ такомъ случаѣ, неужели вы монархистъ? — Тоже нѣтъ. — Либералъ?—Сохрани меня Богъ.—Аристократъ?—Ни въ какомъ случаѣ.—Тогда вы за смѣшанный образъ правленія?—Еще того менѣе.—Кто же вы послѣ всего этого?—Я—анархистъ». Анархію или, какъ самъ Прудонъ писалъ это слово, ан-архію, онъ понималъ въ смыслѣ отсутствія какой бы то ни было власти, т.-е. въ смыслѣ противоположности всякой формѣ правленія — республикѣ и монархіи, демократіи и аристократіи, какому бы то ни было конституціонному строю, какимъ бы то ни было политическимъ формамъ: онъ поэтому радикальнѣйшимъ образомъ расходился и съ авторитарнымъ соціализмомъ Луи Блана, и съ коммунизмомъ Кабе. «Коммунисты, по его мнѣнію, это — устрицы, прикрѣпленные одна около другой, безъ дѣятельности и чувства, на скалѣ братства». Общественная жизнь съ точки зрѣнія Прудона въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ [1]) должна покоиться на свято соблюдаемыхъ договорахъ между отдѣльными лицами, всякія же общественныя узаконенія были въ его глазахъ и паутиною, черезъ которую легко проходятъ богатые и сильные, и, наоборотъ, крѣпкою сѣтью, опутывающею бѣдныхъ и слабыхъ. Отрекаясь отъ идей права, государства и собственности въ ихъ современномъ пониманіи, Прудонъ тѣмъ не менѣе не отрицалъ необходимости политической организаціи; только онъ хотѣлъ, чтобы она покоилась на организаціи экономической, заключающейся въ правильномъ устройствѣ взаимнаго обмѣна услугъ, совершенно добровольнаго, для чего должна была основываться на договорахъ, или соглашеніяхъ. Въ этомъ требованіи и заключался исходный пунктъ всего прудоновскаго «мутуализма». Мѣсто государства у него, такимъ образомъ заступала экономическая организація, и ан-архія должна была въ ней царить не въ смыслѣ отсутствія правилъ, т.-е. не въ смыслѣ безпорядка, а въ смыслѣ отсутствія какого бы то ни было господина или государя, даже коллективнаго, какимъ является народъ, ибо власть

---

[1]) Напр., въ «Федеративномъ принципѣ» (1863) и «Политической способности рабочаго класса» (1865).

при подобной анархической организаціи замѣнялась бы свободнымъ договоромъ заинтересованныхъ сторонъ. Устанавливая на основаніи договоровъ между отдѣльными личностями общественныя группы, Прудонъ соединялъ и ихъ—посредствомъ взаимныхъ же между ними соглашеній—въ коллективныя единицы второй ступени, эти послѣднія — въ еще болѣе крупныя единицы и т. д., что̀ сопровождалось и установленіемъ іерархіи соотвѣтственныхъ должностныхъ лицъ, конечно, всегда выборныхъ, вплоть до своего рода министровъ отдѣльныхъ спеціальностей.

Въ дѣлѣ осуществленія общественнаго строя, основаннаго на мутуализмѣ, Прудонъ стоялъ за мирный путь: нужно только, чтобы люди прониклись убѣжденіемъ въ истинности извѣстныхъ принциповъ, въ ихъ справедливости, въ практическомъ превосходствѣ и цѣлесообразности извѣстныхъ отношеній, насильственная же революція, говорилъ онъ, ни къ чему не приведетъ. Мало того, онъ считалъ и при существующемъ государствѣ вполнѣ возможными основаніе народнаго банка, который организовалъ бы отдѣльные общественные элементы, обезпечивъ всѣхъ работою и всѣмъ давъ благосостояніе, и образованіе кооперативныхъ союзовъ, которые лежали бы въ основѣ всеобщей федераціи какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ обрабатывающей промышленности. Какъ-разъ эта практическая сторона ученія Прудона и сдѣлала его однимъ изъ популярнѣйшихъ людей среди французскихъ рабочихъ въ шестидесятыхъ годахъ. Французскому пролетаріату еще слишкомъ памятно было пораженіе 1848 г., послѣ котораго едва пошелъ второй десятокъ лѣтъ: мирный путь, рекомендовавшійся Прудономъ, казался потому вѣрнѣе ведущимъ къ цѣли, нежели новыя революціонныя выступленія. Кромѣ рабочихъ, Прудону симпатизировала и мелкая буржуазія, къ которой у него самого было особое тяготѣніе. То, что̀ въ теоріи Прудона привлекало къ себѣ вниманіе рабочихъ, заключалось, слѣдовательно, не въ индивидуалистической тенденціи его политическаго міросозерцанія, а въ его планѣ экономической реформы, вслѣдствіе чего мутуалисты были соціалистами, а не анархистами.

Въ Германіи послѣ реакціи пятидесятыхъ годовъ рабочее движеніе началось ранѣе и ранѣе же оформилось, нежели во Франціи. Здѣсь оно было связано съ именемъ Лассаля, блестящая дѣятельность котораго въ роли публициста и политическаго агитатора относится къ самому началу шестидесятыхъ годовъ. Въ 1861 г. будущій основатель германской рабочей партіи издалъ свою

«Систему пріобрѣтенныхъ правъ», въ которой хотѣлъ дать, по собственному его выраженію, «прочную твердыню научной системы права для революціи и соціализма», а въ 1862 г.—брошюры «О сущности конституціи» и «Объ особой связи современнаго историческаго движенія съ идеей рабочаго сословія», болѣе извѣстную подъ заглавіемъ «Программа рабочихъ». Основная идея Лассаля заключалась въ томъ, что послѣ буржуазіи наступилъ чередъ четвертаго сословія, т.-е. рабочихъ, въ нѣдрахъ котораго зрѣетъ новое общество, т.-е. общество безъ привилегій, хотя, съ другой стороны, онъ и прибавлялъ, въ отличіе отъ «Коммунистическаго манифеста», что провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества не должно быть лозунгомъ раздѣленія и взаимной вражды классовъ: напротивъ, говорилъ онъ, это лозунгъ примиренія и единенія. Формальнымъ средствомъ осуществленія принципа четвертаго сословія Лассаль провозглашалъ всеобщее избирательное право, объявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что принципъ рабочаго класса имѣетъ глубоко нравственное достоинство, ибо одинъ не находится въ противорѣчіи съ культурнымъ развитіемъ націи. Лейпцигскіе рабочіе, задумавшіе въ это время созвать общій рабочій съѣздъ для обсужденій своего положенія, обратились къ Лассалю съ просьбой высказать свой взглядъ на этотъ вопросъ, и онъ посовѣтовалъ имъ составить свою особую рабочую партію и добиваться отъ государства помощи, какую получаютъ, наприм., строители желѣзныхъ дорогъ, ради же этого настаивать на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Совѣтъ былъ принятъ, и въ маѣ 1863 г. было положено начало общегерманскому рабочему союзу, который мирно и легально долженъ былъ добиваться всеобщаго избирательнаго права и государственной помощи для производительныхъ ассоціацій, а когда въ 1867 г. въ Сѣверо-германскомъ союзѣ было введено всеобщее избирательное право, то представители рабочей партіи стали попадать и въ рейхстагъ. Въ томъ же 1867 г. вышелъ въ свѣтъ «Капиталъ» Маркса.

Исходнымъ пунктомъ ученія, изложеннаго въ этомъ трудѣ, было понятіе цѣнности, причемъ доказывалось, что между потребительною и мѣновою цѣнностями вещей нѣтъ никакой непосредственной связи. Отношенія, въ какихъ находятся между собою потребительныя цѣнности одного рода при обмѣнѣ ихъ на потребительныя цѣнности другого рода, измѣняются отъ условій мѣста и времени. Но двѣ разнородныя величины вообще могутъ

быть признаны равноцѣнными лишь подъ условіемъ равенства каждой изъ нихъ какой-либо третьей величинѣ, которую Марксъ находилъ въ человѣческомъ трудѣ. Процессъ обмѣна не можетъ быть источникомъ нарастанія капитала, но зато прибавка можетъ взяться изъ перепродаваемаго товара, при условіи, конечно, чтобы самъ товаръ былъ способенъ стать такимъ источникомъ. Такому условію, по Марксу, удовлетворяетъ одинъ лишь человѣческій трудъ—и, именно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, имѣя право свободно распоряжаться своимъ трудомъ, но будучи при этомъ лишенъ возможности самостоятельно прилагать его къ производству, продаетъ свою рабочую силу, какъ товаръ, т.-е. дѣлается наемнымъ работникомъ. Покупателемъ этой силы является капиталистъ, перепродающій ее потомъ въ тѣхъ товарахъ, какіе ею произведены: если онъ при этомъ получаетъ барышъ, то это значитъ, что онъ извлекаетъ изъ нея нѣчто лишнее сравнительно съ тѣмъ, во что́ ему самому обошлась купленная имъ сила. Дѣйствительная стоимость послѣдней легко опредѣляется количествомъ рабочаго времени, потребнаго для ея же воспроизведенія, т.-е. для поддержанія жизни работника и его семьи, съ каковою цѣлью оно и употребляется для производства извѣстнаго количества продукта. То, что это сто́итъ, капиталистомъ и уплачивается рабочему по окончаніи работы, какъ если бы рабочій отдавалъ ему свою силу въ дѣлѣ на все время работы. Самому капиталисту продуктъ сто́итъ, сколько онъ заплатилъ за рабочее время, вложенное въ производство, за сырье и за машины, но продавать продуктъ за такую цѣну капиталисту нѣтъ смысла: какой бы былъ тогда толкъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ? И вотъ для того, чтобы получить больше заплаченнаго, капиталистъ удлиняетъ рабочее время. Если для выработки средствъ къ существованію рабочаго нужно опредѣленное число часовъ въ сутки, то за это-то число часовъ капиталистъ и платитъ, но разъ онъ заставляетъ рабочаго трудиться дольше, то каждый лишній часъ работы представляетъ собою уже чистый барышъ предпринимателя: всѣ эти лишніе часы, по теоріи Маркса, приводятъ къ образованію прибавочной цѣнности. Поэтому при капиталистическомъ производствѣ рабочій день состоитъ изъ «необходимаго рабочаго времени», въ теченіе котораго вырабатываются продукты, равные по цѣнѣ заработной платѣ, и изъ «прибавочнаго рабочаго времени», идущаго на выработку прибыли капиталиста. Между ка-

питаломъ, стремящимся къ удлиненію рабочаго времени, и трудомъ, имѣющимъ, наоборотъ, противоположную тенденцію, возникаетъ поэтому борьба. Отсюда Марксъ выводилъ, что рабочій работаетъ на себя только часть занятаго его трудомъ времени, другою же частью онъ создаетъ прибавочную цѣнность, служащую источникомъ накопленія капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ его усиленія въ эксплуатаціи труда.—Сущность процесса «первоначальнаго накопленія» Марксъ изобразилъ, какъ процессъ отдѣленія работника отъ обладанія орудіями производства, въ томъ смыслѣ, что прежній мелкій производитель получалъ личную свободу (отъ крѣпостной зависимости или цехового принужденія), но въ то же время лишался обладанія средствами производства (землею и разнаго рода орудіями). На почвѣ замѣны мелкаго крестьянскаго хозяйства болѣе крупнымъ, фермерскимъ, возникъ сельско-хозяйственный капиталъ, за образованіемъ котораго послѣдовало образованіе и капитала промышленнаго. По достиженіи капиталистическимъ способомъ полнаго господства, наконецъ, думалъ Марксъ, долженъ начаться обратный процессъ экспропріаціи, т.-е. придетъ конецъ и для концентраціи капитала въ очень немногихъ рукахъ, и тогда сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда сдѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе капиталистической формы: ударитъ послѣдній часъ капиталистической частной собственности, и экспропріированные экспропріируютъ экспропріировавшихъ.

Хотя теоретическіе и практическіе взгляды Маркса не сходились со взглядами Лассаля, между ними тѣмъ не менѣе существовали личныя дружескія отношенія, какъ равнымъ образомъ, существовало и извѣстное идейное родство. Но Лассаль гораздо менѣе Маркса вникалъ въ самую суть экономической теоріи и довольствовался существующими ученіями, совсѣмъ не провѣряя ихъ критически, разъ эти ученія находилъ пригодными для практической борьбы. У прежнихъ экономистовъ онъ заимствовалъ «желѣзный законъ рабочей платы», въ силу котораго средняя рабочая плата не можетъ-де превышать суммы, необходимой въ каждой странѣ, по образовавшимся у народа привычкамъ, для его пропитанія и размноженія: рабочій получаетъ лишь то, что́ нужно для его существованія, весь же остальной доходъ отъ производства составляетъ прибыль предпринимателя. Дѣйствительное улучшеніе быта рабочихъ, училъ Лассаль, наступитъ лишь тогда, когда весь доходъ будетъ оставаться въ ихъ рукахъ,

а для этого нужно, чтобы рабочими основывались ассоціаціи, которыя пользовались бы помощью отъ государства,—идея, заимствованная Лассалемъ у Луи Блана. Только Луи Бланъ считалъ необходимымъ полное переустройство государства, тогда какъ Лассаль полагалъ, что возможно достигнуть поставленной цѣли и въ современномъ государствѣ. Недаромъ Лассаль старался расположить самого Бисмарка какъ въ пользу введенія всеобщаго избирательнаго права, такъ и въ пользу государственнаго кредита производительнымъ ассоціаціямъ рабочихъ.

Теоретическія разногласія между Марксомъ и Лассалемъ отразились на расколѣ, возникшемъ среди германскихъ соціалистовъ. Рядомъ съ рабочей партіей, основанной въ Пруссіи Лассалемъ, возникла послѣ образованія Сѣверо-Германскаго союза другая рабочая партія въ Саксоніи, организованная марксистомъ Либкнехтомъ. Партія Либкнехта представляла собою идеи «Коммунистическаго манифеста» и стояла за интернаціональное «объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ», тогда какъ партія Лассаля, во главѣ которой послѣ его безвременной кончины стоялъ Швейцеръ, сохраняла приданный ей Лассалемъ національно-нѣмецкій характеръ, т.-е. ограничивала свою дѣятельность одною только Германіей. Несогласіе касалось и политическаго вопроса. Лассальянцы признавали демократическую монархію, марксисты настроены были республикански и прямо обвиняли Лассаля въ томъ, что онъ запродалъ себя Бисмарку. Выборы въ сѣверо-германскій учредительный рейхстагъ дали германской рабочей партіи первый случай воспользоваться всеобщимъ избирательнымъ правомъ для участія въ политической борьбѣ, а въ слѣдующій рейхстагъ уже попали депутатами и оба вождя тогдашняго парламентскаго соціализма. Борьба между ними продолжалась. Швейцеръ, ставъ на почву существующихъ условій, заявилъ, что и самъ онъ, и стоящіе за нимъ рабочіе по отношенію къ другимъ государствамъ будутъ на сторонѣ Пруссіи, тогда какъ Либкнехтъ пророчилъ, что Сѣверо-Германскій союзъ будетъ находиться въ еще большемъ презрѣніи, нежели самъ старый союзный сеймъ. Когда Швейцеръ задумалъ выступить съ предложеніемъ о принятіи разныхъ мѣръ для охраны рабочихъ, Либкнехтъ отказался его поддержать, оправдывая свое рѣшеніе нежеланіемъ сдѣлать сколько нибудь популярнымъ Сѣверо-Германскій союзъ. Въ 1869 г. на общемъ собраніи германскаго рабочаго союза въ Эйзенахѣ было рѣшено въ этомъ же городѣ и въ томъ же еще году со-

звать съѣздъ для прекращенія раздоровъ среди германскихъ соціалистовъ. Эта цѣль, однако, достигнута не была: получился какъ-разъ противоположный результатъ — расколъ «лассальянцевъ» (т.-е. Всеобщаго германскаго рабочаго союза) и «эйзенахцевъ» (Союза рабочихъ ферейновъ). Эйзенахцы при этомъ укрѣпили за собою названіе «соціалъ-демократической рабочей партіи» и обнародовали свою политическую программу въ чисто, однако, лассалевскомъ духѣ.

Въ одно время съ федеративнымъ движеніемъ среди англійскихъ трэдъ-юніоновъ, съ распространеніемъ среди французскихъ рабочихъ прудоновскаго мутуализма и возникновенія соціалистической рабочей партіи въ Германіи началось и объединеніе рабочихъ разныхъ странъ въ одномъ «Международномъ Обществѣ рабочихъ», сокращенно называемомъ Интернаціоналомъ. Мысль о необходимости установленія международной солидарности рабочаго класса возникла среди руководителей англійскихъ трэдъ-юніоновъ, и въ основѣ ея лежало соображеніе чисто практическаго свойства: случалось, что англійскіе предприниматели выписывали иностранныхъ рабочихъ, когда не могли поладить со своими, а это наносило послѣднимъ большой вредъ, противъ чего трэдъ-юніоны и хотѣли бороться. Ничего политическаго, такимъ образомъ, не было въ этой первоначальной мысли о международномъ общеніи рабочихъ, такъ какъ англійскіе рабочіе союзы вообще стояли далеко отъ вопросовъ широкой политики. Первые разговоры о практическомъ осуществленіи идеи были въ 1862 г., когда на лондонскую всемірную выставку пріѣхало немало французскихъ, бельгійскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ. Въ слѣдующемъ году болѣе опредѣленно стали говорить о необходимости международной организаціи рабочаго движенія на одномъ демократическомъ собраніи въ Лондонѣ, созванномъ по поводу польскаго возстанія, что̀ вносило въ первоначальный планъ уже политическій элементъ, особенно же политическій характеръ должна была принять новая организація, когда въ 1864 г. для выработки ея устава образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли политическіе изгнанники и въ ихъ числѣ Мадзини и Марксъ. Во второмъ изъ нихъ продолжала жить идея международнаго соціалистическаго союза, и онъ ухватился за вышедшій изъ круга англійскихъ трэдъ-юніоновъ планъ международной организаціи рабочихъ. И Мадзини, и Марксъ представили по проекту, но организація, предложенная Мадзини, отрицавшимъ соціа-

лизмъ, была отвергнута, и принятъ былъ уставъ, написанный Марксомъ.

Въ основу «Программы и устава Международнаго Общества рабочихъ» ихъ авторомъ были положены слѣдующія соображенія: «освобожденіе рабочихъ должно быть произведено самими рабочими; силы рабочихъ для достиженія свободы должны быть направлены не на созданіе новыхъ привилегій, а на установленіе равныхъ правъ и равныхъ обязанностей для всѣхъ; подчиненіе рабочаго капиталу является источникомъ всякаго политическаго, нравственнаго и матеріальнаго рабства; поэтому экономическое освобожденіе рабочихъ является великою цѣлью, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе; всѣ сдѣланныя до сихъ поръ усилія не дали никакихъ результатовъ за отсутствіемъ солидарности между рабочими разныхъ производствъ въ одной и той же странѣ и за отсутствіемъ братскаго союза между рабочими разныхъ странъ, и рѣшеніе вопроса неизбѣжно зависитъ отъ ихъ общихъ усилій, какъ въ идейной, такъ и въ практической области». Цѣлью Международнаго Общества уставъ опредѣлялъ «служить центромъ для сношеній и совмѣстной дѣятельности рабочихъ разныхъ странъ, стремящихся къ взаимопомощи, развитію и полному освобожденію рабочаго класса». Для выполненія этой задачи должны были собираться общіе конгрессы, которые стали бы знакомить Европу съ главными стремленіями рабочихъ, окончательно выработали бы уставъ международнаго союза и изыскали бы наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ развитію его дѣятельности. Мѣстопребываніемъ центральнаго комитета союза назначался Лондонъ, а задачею его ставилось «поддерживать сношенія съ разными рабочими ассоціаціями для того, чтобы рабочіе каждой страны могли всегда быть поставлены въ извѣстность относительно движенія своего класса въ другихъ странахъ». Въ цѣляхъ какъ «удачнаго исхода движенія въ каждой странѣ», такъ и «успѣшности дѣйствій центральнаго комитета» членамъ союза вмѣнялось въ обязанность «всѣми силами добиваться въ каждой странѣ объединенія всѣхъ рабочихъ организацій въ одинъ національный союзъ», въ соотвѣтствіи, однако съ «мѣстными законами, дѣйствующими въ каждой странѣ».

Въ это время въ Англіи происходила агитація, приведшая въ 1867 г. ко второй парламентской реформѣ: она затронула и многочисленные англійскіе трэдъ-юніоны, кромѣ того, бывшіе крайне недовольными отношеніемъ къ нимъ работодателей и су-

довъ. Для только-что возникшаго Интернаціонала это оказалось весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ, потому что многія изъ названныхъ ассоціацій, видя необходимость въ объединеніи всего рабочаго класса, одна за другою стали примыкать къ новой организаціи. Къ Интернаціоналу начали точно такъ же присоединяться и существовавшія въ Лондонѣ ассоціаціи изъ иностранцевъ. Не замедлили начаться присоединенія къ Интернаціоналу и на континентѣ. Марксъ довелъ до свѣдѣнія генеральнаго совѣта, что въ Германіи было распространено пятьдесятъ тысячъ экземпляровъ изданнаго организаторами новой ассоціаціи воззванія, а вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе, что образовалась секція Интернаціонала въ Женевѣ, сдѣлавшейся потомъ какъ бы второю столицею Интернаціонала. За этою швейцарскою секціей послѣдовала секція бельгійская. Образовалась, наконецъ, и четвертая союзная группа—въ Парижѣ. Мало того, къ генеральному совѣту съ континента стали обращаться за нравственнымъ содѣйствіемъ отдѣльныя группы рабочихъ. Руководители Интернаціонала, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользовались разными случаями для политическихъ манифестацій, которыя имѣли задачею обращать на него общественное вниманіе, въ родѣ митинговъ въ пользу польскаго возстанія 1863 г., собранія въ память жертвъ іюньскихъ дней 1848 г. и т. п. Нужно, однако, замѣтить, что денежныя средства Интернаціонала никогда не были въ хорошемъ состояніи, а между тѣмъ возникла легенда о громаднымъ суммахъ, которыми будто бы располагалъ генеральный совѣтъ ассоціаціи и которыя онъ тратилъ на разныя «бунтовщическія» выступленія рабочихъ въ отдѣльныхъ странахъ. Основаніе Интернаціонала, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ въ обществѣ, но собственно англійская періодическая печать упорно о немъ молчала. Иначе отнеслась къ нему оппозиціонная пресса во Франціи, схватившаяся за эту тему, какъ за непріятную для правительства, чтобы досадить ему извѣстіями о крамольной организаціи. Многіе французы даже изъ буржуазіи стали присоединяться къ новой организаціи. Чѣмъ, однако, рѣзче проявлялся политическій характеръ Интернаціонала, тѣмъ подозрительнѣе относились къ нему правительства, скоро прибѣгшія и къ репрессіямъ противъ его членовъ.

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ не разъ собирались общіе съѣзды, или конгрессы Интернаціонала: въ 1866 г. въ Женевѣ, въ 1867 г. въ Лозаннѣ, въ 1868 г. въ Брюсселѣ,

въ 1869 г. въ Базелѣ, но назначенный на 1870 г. съѣздъ уже не могъ состояться по случаю вспыхнувшей тогда франко-германской войны. И на этихъ съѣздахъ, обсуждавшихъ вопросы программы и тактики рабочаго движенія, а также организаціи самого Интернаціонала и его отношенія къ разнымъ политическимъ злобамъ дня, и въ центральномъ органѣ, и въ національныхъ секціяхъ сталкивались между собою разныя направленія рабочаго движенія и соціализма, т.-е. въ частности и англійскаго трэдъ-юніанизма, и французскаго мутуализма, и германскаго марксизма. Особенно боролись между собою мутуализмъ и марксизмъ. Въ одно время съ женевскимъ конгрессомъ 1867 г. происходилъ съѣздъ сѣверо-американскихъ рабочихъ въ Балтиморѣ, который выставилъ почти тѣ же самыя требованія, какія были приготовлены Марксомъ для женевскихъ совѣщаній, и рѣшилъ примкнуть къ Интернаціоналу, съ каковою цѣлью на слѣдующій конгрессъ должны были прибыть и сѣверо-американскіе делегаты. На лозаннскомъ конгрессѣ 1867 г. былъ поднятъ вопросъ, какъ слѣдовало отнестить къ собравшейся тогда же мирной конференціи въ Женевѣ, и было рѣшено, что между мечтами буржуазіи о мирѣ и враждебнымъ отношеніемъ пролетаріата къ войнѣ существуетъ большая разница: въ это время ассоціаціей уже овладѣла идея борьбы классовъ и полной невозможности сотрудничества на какомъ бы то ни было поприщѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Былъ еще поставленъ вопросъ, не слѣдуетъ ли признать отсутствіе политической свободы наиболѣе неблагопріятнымъ условіемъ для экономической эманципаціи рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ причинъ соціальныхъ бѣдствій: резолюція конгресса гласила, что «экономическое освобожденіе рабочихъ связано неразрывно съ политическимъ», и что «поэтому пріобрѣтеніе политической свободы является дѣломъ первѣйшей необходимости». Наконецъ, на этомъ же конгрессѣ былъ поставленъ вопросъ (но не былъ разрѣшенъ) о коллективной собственности. Все это начало вселять въ правящихъ классахъ и въ правительствахъ убѣжденіе въ опасности столь широко развѣтвившейся ассоціаціи, хотя она выступала вообще лишь въ качествѣ сообщества теоретической пропаганды безъ непосредственно практическихъ цѣлей. Опасенія консервативныхъ круговъ становились тѣмъ бо̀льшими, что вторая половина шестидесятыхъ годовъ была временемъ очень неспокойнымъ: вслѣдствіе причинъ общаго характера, главнымъ образомъ, экономическихъ

и при этомъ нерѣдко мѣстныхъ, эти годы были обильны стачками, волненіями, и общественное мнѣніе приписывало ихъ подстрекательству Интернаціонала, который рисовался въ испуганномъ воображеніи совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Интернаціоналъ представлялся въ видѣ какого то колоссальнаго заговора, опутавшаго всѣ страны, съ тайнымъ центральнымъ правленіемъ въ Лондонѣ, въ распоряженіи котораго было чуть не безусловное и поголовное повиновеніе цѣлаго ряда революціонныхъ агентовъ во всѣхъ странахъ Европы. Говорилось также, будто, пользуясь правомъ союзовъ, члены Интернаціонала занимались военнымъ обученіемъ городского пролетаріата для имѣющей скоро вспыхнуть революціи. Съ другой стороны, и рабочіе, недовольные своимъ положеніемъ, все съ большею надеждою взирали на свое Международное общество и, преувеличивая его значеніе и силу, продолжали присоединяться къ нему, какъ это, напр., сдѣлало множество нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ, когда и гамбургскій съѣздъ лассалевской партіи заявилъ, что онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, держаться тактики, согласной съ дѣятельностью Интернаціонала.

На брюссельскомъ съѣздѣ 1868 г. по отношенію къ вопросу о собственности была принята большинствомъ коллективистическая резолюція, противъ которой, какъ противъ «грубаго коммунизма», возстали прудонисты, вообще оспаривавшіе и на прежнихъ конгрессахъ принципіальныя мнѣнія всѣхъ болѣе «коммунистически» настроенныхъ товарищей. Принятіе этой резолюціи было полнымъ торжествомъ марксизма: нѣмецкіе делегаты даже прямо предложили конгрессу обратиться ко всѣмъ національностямъ съ рекомендаціей изучать только-что вышедшій «Капиталъ» Маркса, «оказавшаго-де всѣмъ безцѣнную услугу въ качествѣ перваго ученаго экономиста, который съумѣлъ понять истинную природу капитала».

На базельскомъ съѣздѣ 1869 г. было уже представлено девять странъ: Англія, Франція, Бельгія, Германія, Австрія, Швейцарія, Италія, Испанія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и большинство высказалось за прекращеніе частной собственности на землю. Въ Англіи осенью того же 1869 г. была основана «Лига земли и труда» съ девизомъ «земля для народа», и въ составъ комитета этой лиги вошли нѣкоторые члены генеральнаго совѣта. Въ Германіи къ базельскому постановленію присоединился одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей рабочихъ, Либ-

кнехтъ. Въ Женевѣ въ коллективистическомъ духѣ былъ составленъ манифестъ къ земледѣльческому населенію, тотчасъ же переведенный на разные языки для распространенія въ отдѣльныхъ странахъ, между прочимъ, въ Италіи и въ Испаніи, гдѣ даже стали возникать земледѣльческія секціи Интернаціонала. Это вообще было время наибольшей силы Интернаціонала, и тогда же начинало уже намѣчаться стремленіе къ образованію національныхъ соціалистическихъ партій, послѣ того, какъ введеніе въ Германіи всеобщаго избирательнаго права и расширеніе этого права въ Англіи открыли передъ рабочими обѣихъ этихъ странъ возможность непосредственнаго участія въ мѣстной политической борьбѣ. Но въ то же самое время подготовлялся распадъ Интернаціонала, благодаря возникновенію въ немъ анархическаго теченія, связаннаго съ дѣятельностью русскаго эмигранта Бакунина.

Если подъ анархизмомъ понимать признаніе полной свободы личности, не стѣсняемой никакими законами, то въ немъ слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ самое крайнее выраженіе индивидуализма, лежащаго и въ основѣ либерализма. Подобно всякому исключительному интересу, особый интересъ къ личной свободѣ можетъ быть во всякомъ обществѣ удѣломъ лишь немногихъ, болѣе развитыхъ единицъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ людей, которые совершенно выбиты изъ колеи обычнаго бытового обихода. На высшей ступени своего развитія такой интересъ доходитъ до своего рода моральнаго солипсизма съ полнымъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ ко всякой общественности: подобный анархическій индивидуализмъ, какой мы видѣли, напр., у Макса Штирнера, — не для широкихъ массъ, а потому всегда остается лишь идейнымъ теченіемъ въ литературѣ. Для того, чтобы анархическая проповѣдь могла найти доступъ къ умамъ и сердцамъ массъ, было нужно соединеніе ея съ проповѣдью чисто соціальныхъ преобразованій, которыя обѣщали бы всѣмъ труждающимся и обремененнымъ лучшія условія матеріальнаго существованія: лишь при этомъ подъ знаменемъ анархизма могли совершаться и общественныя движенія. Въ эпоху господства авторитарнаго соціализма анархическія заявленія существовали только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, тѣмъ болѣе, что даже либерализмъ, который никогда не выводилъ изъ своего основного принципа что-либо, напоминающее упраздненіе государства, осуждался представителями соціализма, какъ слишкомъ

индивидуалистическое и потому эгоистическое направленіе, иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о чисто внутренней свободѣ, о свободѣ мнѣнія и убѣжденія. Всѣ прежнія соціальныя утопіи основывались на понятіи идеальнаго общественнаго или государственнаго устройства, устанавливаемаго законами, подъ властью которыхъ въ полномъ благополучіи должно жить общество, и нерѣдко въ эти утопіи включались въ преображенномъ видѣ разныя принудительныя и репрессивныя мѣропріятія, хотя бы при этомъ и обѣщалось, что кандалы для преступниковъ будутъ дѣлаться изъ серебра. Утописты находили, что теперешній государственный порядокъ не хорошъ, а потому долженъ быть замѣненъ другимъ, лучшимъ, но государственнымъ же порядкомъ. Мысль объ упраздненіи элемента государственности изъ человѣческаго общежитія въ исторіи утопій—явленіе вообще рѣдкое, исключительное и притомъ болѣе позднее. Съ этой-то идеей и выступилъ Бакунинъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ за Бакунинымъ была слава одного изъ энергичнѣйшихъ борцовъ 1848 г., цѣлые годы проведшаго потомъ въ строгомъ тюремномъ заключеніи и только-что спасшагося бѣгствомъ изъ сибирской ссылки. Теперь онъ явился агитаторомъ, организаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретикомъ анархизма. Бывшій лѣвый гегельянецъ, впослѣдствіи усвоившій многія положенія контовскаго позитивизма (особенно его «антитеологизмъ»), Бакунинъ въ соціальныхъ своихъ воззрѣніяхъ испыталъ на себѣ двойственное вліяніе Прудона и Маркса. Въ общей критикѣ государственнаго начала и въ вытекавшей изъ нея идеѣ анархіи онъ зависѣлъ отъ Прудона, но былъ гораздо послѣдовательнѣе его въ отрицаніи государства, доходя здѣсь до логическаго конца. По вопросу о собственности Бакунинъ былъ, однако, далекъ отъ отвращенія Прудона къ коммунизму, усвоивъ ученіе Маркса о коллективной общественной собственности. Другими словами, Бакунинъ слилъ воедино анархическое и коллективистическое ученія, устранивъ всякіе слѣды государственной идеи, придавъ анархизму рѣзко революціонный характеръ и сочетавъ съ защитою абсолютной свободы личности мысль о передачѣ отдѣльнымъ общественнымъ группамъ всѣхъ орудій производства, начиная землею съ ея нѣдрами (рудниками) и кончая фабриками съ ихъ машинами: только благодаря этому, анархизмъ и могъ превратиться изъ простого, такъ сказать, чисто умственнаго теченія въ настоящее общественное движеніе. Однако, то, что Бакунинъ

изгонялъ изъ будущаго общества, имъ же самимъ вводилось въ его тайныя организаціи, т.-е. властвованіе вожаковъ и подчиненіе второстепенныхъ дѣятелей съ сосредоточеніемъ всей руководящей силы въ одномъ мѣстѣ. Въ эти организаціи охотно шла ни къ чему не пристроенная часть интеллигенціи, а, кромѣ нея, Бакунинъ особенно возлагалъ надежды на ту часть пролетаріата, которая у нѣмцевъ называется «Lumpenproletariat'омъ», босяками. Въ Италіи онъ находилъ въ довольно-таки большомъ количествѣ и интеллигентный (или полуинтеллигентный), и босяцкій пролетаріатъ, что̀ и заставляло его сосредоточить свою дѣятельность на пропагандѣ анархизма преимущественно въ Италіи. Вступивъ въ Интернаціоналъ, Бакунинъ и поставилъ себѣ первоначально цѣлью превратить его въ чисто-революціонную организацію ради осуществленія анархизма, но на этой почвѣ со стороны Маркса онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Можно сказать, что распря Маркса и Бакунина—важный эпизодъ въ исторіи Интернаціонала, ибо окончательною цѣлью Бакунина сдѣлалось противопоставить Интернаціоналу свой, другой, Интернаціоналъ, со своимъ же особымъ центральнымъ комитетомъ, который подъ его руководствомъ долженъ былъ засѣдать въ Женевѣ и пользоваться правомъ, подобно лондонскому генеральному совѣту, присоединять новыя секціи. Членовъ основаннаго съ этою цѣлью «Союза соціалистической демократіи» Бакунинъ вербовалъ среди романскихъ націй: во французской и итальянской Швейцаріи, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Бельгіи. Между генеральнымъ совѣтомъ и руководимымъ Бакунинымъ союзомъ начались пререканія, которыя, конечно, не могли остаться безъ слѣда въ исторіи позднѣйшаго разложенія Интернаціонала.

XXIX. Кризисъ 1870—1871 гг. [1]).

Общеевропейское значеніе франко-германской войны 1870—71 г. — Болѣе отдаленныя и ближайшія ея причины.—Общій ходъ войны, паденіе второй имперіи, осада Парижа, франкфуртскій миръ.—Возстаніе парижской коммуны и его подавленіе. — Усиленіе реакціоннаго настроенія во Франціи подъ вліяніемъ коммуны.—Судьба Интернаціонала послѣ коммуны.

Семидесятые годы въ исторіи Европы начались событіемъ громадной важности—франко-прусскою или, вѣрнѣе, франко-гер-

[1]) Уч. кн., § 335.—И. З. Е., т. VI, гл. III и V.

манскою войною, приведшею къ крушенію во Франціи второй имперіи, включенію Римской области въ составъ Итальянскаго королевства, объявленію Россіей прекращенія нейтральности Чернаго моря и завершенію объединенія Германіи въ формѣ федеративной имперіи, къ которой перешло отъ Франціи первенствующее положеніе въ международной политикѣ. Вслѣдствіе своего пораженія въ этой войнѣ Франція лишилась двухъ большихъ провинцій, и ея восточная граница на Рейнѣ отодвинулась къ западу.

Въ исторіи франко-германской границы можно установить нѣсколько періодовъ. Во времена Римской имперіи восточною границею романизированной Галліи, будущей Франціи, служилъ Рейнъ, но съ эпохи великаго переселенія народовъ романскій элементъ на лѣвомъ берегу этой рѣки все болѣе сталъ оттѣсняться германскимъ элементомъ къ западу, такъ что уже въ началѣ среднихъ вѣковъ граница между будущими французами и будущими нѣмцами проходила много западнѣе Рейна. Послѣ выдѣленія изъ монархіи Карла Великаго національныхъ королевствъ политическая граница между Франціей и Германіей прошла еще дальше къ западу отъ этнографической границы между обѣими націями, т.-е. еще цѣлая полоса земли съ французскимъ населеніемъ входила въ составъ Священной Римской имперіи германской націи.

Лишь въ новое время Франція распростанила свои владѣнія до этнографической границы и даже овладѣла частью территоріи съ нѣмецкимъ населеніемъ, ставъ твердою ногою въ одномъ мѣстѣ на самомъ Рейнѣ. Въ XVII в. Франція пріобрѣла Эльзасъ, въ XVIII—Лотарингію, и стремленіемъ ея сдѣлалось осуществить свою «естественную границу» на Рейнѣ. Революція достигла этой цѣли присоединеніемъ къ Франціи лѣваго берега Рейна, но въ 1814 и 1815 г. Франція должна была вернуться къ старой, дореволюціонной границѣ, и теперь, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, непосредственною ея сосѣдкою на Рейнѣ явилась Пруссія. Послѣ этого во Франціи по временамъ все-таки мечтали объ отмѣнѣ вѣнскаго трактата и возвращеніи французамъ рейнской границы. Въ 1840 г. дѣло чуть-было не дошло до войны, такъ было велико взаимное озлобленіе французовъ и нѣмцевъ, и тогда-то въ Германіи возникъ патріотическій гимнъ о «стражѣ на Рейнѣ»: «онъ не достанется имъ, свободный нѣмецкій Рейнъ!» Возстановленіе рейнской границы сдѣлалось даже главною политическою мечтою Наполеона III, что, какъ мы видѣли, не могло не поселить тревоги

и въ нѣмецкой націи, и во всѣхъ ея правительствахъ: Пруссія и воспользовалась боязнью французскаго завоеванія зарейнской Германіи, чтобы сплотить нѣмецкую націю въ единое государство. Кромѣ того, въ Пруссіи не могли простить Наполеону III, что онъ своимъ вмѣшательствомъ 1866 года помѣшалъ ей воспользоваться всѣми плодами побѣды ея надъ Австріей. Франція являлась помѣхою въ дѣлѣ окончательнаго объединенія Германіи; да притомъ подъ ея властью находились Эльзасъ, населенный большею частью нѣмцами, съ Лотарингіей, въ которой тоже значительная часть населенія говорила по-нѣмецки. Послѣ 1866 г. франко-прусскія отношенія до крайности испортились, такъ что о возможности войны заговорили по обѣ стороны Рейна, и газеты прямо указывали на ея неизбѣжность. Во Франціи само правительство хотѣло войны: имперія по майскому плебисциту 1870 г. получила новую конституцію, и для упроченія династіи внѣшними побѣдами тамъ находили нужнымъ разгромить зазнавшуюся Пруссію, правительство которой тоже желало войны.

Поводъ къ началу войны представиться не замедлилъ. Въ 1868 г. въ Испаніи произошла революція, свергшая съ престола королеву Изабеллу. Въ учредительныхъ кортесахъ 1869 г. образовалось конституціонно-монархическое большинство, и возникъ вопросъ о томъ, кого возвести на вакантный престолъ. Кандидатовъ было нѣсколько; но выборъ остановился на принцѣ Леопольдѣ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскомъ, который принаддежалъ къ католической церкви, но былъ родственникомъ прусскаго королевскаго дома. Сначала испанцы три раза обращались съ предложеніемъ короны къ отцу принца, но онъ совсѣмъ не обнаруживалъ расположенія къ тому, чтобы его сынъ сдѣлался испанскимъ королемъ. Вильгельмъ I, въ качествѣ главы фамиліи Гогенцоллерновъ, тоже не считалъ эту кандидатуру подходящей, Бисмаркъ же ей благопріятствовалъ, хотя и старался представлять дѣло такъ, что весь этотъ вопросъ нисколько не касается прусскаго правительства, являясь дѣломъ только самой Испаніи и фамиліи Гогенцоллерновъ. Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ у отца принца испанцы обратились прямо къ нему самому и въ іюнѣ 1870 года получили отъ него согласіе. Въ концѣ того же мѣсяца Вильгельмъ I написалъ отцу принца письмо, въ которомъ говорилось, что въ качествѣ главы фамиліи онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы тотъ далъ разрѣшеніе своему сыну занять испанскій престомъ. Прусскій король

дѣйствовалъ тѣмъ рѣшительнѣе, что за нѣсколько дней передъ этимъ видѣлся въ Эмсѣ съ Александромъ II, обѣщавшимъ ему въ случаѣ надобности сдержать Австрію, которою русскій императоръ былъ недоволенъ за слишкомъ большое расположеніе ея къ полякамъ. Извѣстіе о принятіи принцемъ Леопольдомъ испанскаго предложенія произвело крайне непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ. Воинственная партія при тюльерійскомъ дворѣ обрадовалась этому обстоятельству и стала эксплуатировать его, всячески раздувая его значеніе въ глазахъ общества. Бисмаркъ въ данный моментъ находился въ отпуску, и лицо, заступавшее въ Берлинѣ его мѣсто, отвѣтило на запросъ французскаго правительства объ испанской кандидатурѣ, что все это дѣло не касается прусскаго правительства. Въ Парижѣ, однако, вовсе не были расположены различать между королемъ Вильгельмомъ I и главою фамиліи Гогенцоллерновъ. Въ началѣ іюля прусскій посолъ при дворѣ Наполеона III поѣхалъ къ своему государю въ Эмсъ, и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Граммонъ, поручилъ ему передать Вильгельму I, что Франція ни подъ какимъ видомъ не потерпитъ водворенія въ Испаніи какого бы то ни было прусскаго принца. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ законодательномъ корпусѣ Граммонъ торжественно объявилъ, что Франція не допуститъ нарушенія политическаго равновѣсія и ущерба своей чести и сумѣетъ безъ колебанія и слабости постоять за свои интересы и свое достоинство. Затѣмъ онъ отправилъ въ Эмсъ къ прусскому королю французскаго посла при берлинскомъ дворѣ, Бенедетти, съ порученіемъ добиться отъ Вильгельма I, чтобы тотъ прямо приказалъ принцу отказаться отъ кандидатуры. 9 іюля французскій дипломатъ былъ принятъ королемъ, сказавшимъ ему, что во всемъ этомъ дѣлѣ прусское правительство ни при чемъ и что лично онъ самъ не имѣлъ бы ничего противъ отказа принца отъ кандидатуры. Этотъ отвѣтъ долженъ былъ бы вполнѣ удовлетворить французское правительство, тѣмъ болѣе, что само испанское правительство, по настоянію Англіи, Австріи и Италіи, согласилось отказаться отъ своего плана. При тюльерійскомъ дворѣ, однако, во что бы то ни стало хотѣли войны, и потому изъ Парижа летѣли депеша за депешей къ Бенедетти съ предписаніями дѣйствовать какъ только можно настойчивѣе. 10 іюля онъ опять отправился къ королю и снова выслушалъ прежній отвѣтъ съ просьбою имѣть нѣсколько терпѣнія и подождать отвѣта отъ отца принца: Вильгельмъ I, пови-

димому, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы отказъ принца имѣлъ видъ совершенно добровольнаго, никѣмъ не вынужденнаго рѣшенія, хотя его раздражала настойчивость французскаго правительства, а тонъ парижской прессы и прямо оскорблялъ. Бисмаркъ, между тѣмъ, немедленно возвратился въ Берлинъ и, съ своей стороны, приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы дѣло довести до войны. 12 іюля сдѣлалось извѣстнымъ, что отецъ принца Леопольда оффиціально отказался отъ имени своего сына отъ испанской короны. Но во Франціи и этимъ были недовольны, и Граммонъ заставилъ Бенедетти потребовать отъ прусскаго короля заявленія, что тотъ обязуется и на будущее время не дозволять принцу взять свой отказъ назадъ. 13 іюля Вильгельмъ I на новое представленіе Бенедетти отвѣтилъ, что онъ одобряетъ отказъ отъ кандидатуры, но что болѣе этого онъ ничего не можетъ сдѣлать, и выразилъ желаніе, чтобы посолъ больше не возвращался къ этому вопросу. Тѣмъ не менѣе на другой день Бенедетти еще разъ явился къ Вильгельму I и снова заговорилъ о необходимости гарантій на будущее время.

Между тѣмъ въ Парижѣ партія войны брала вверхъ, и наиболѣе рѣшительные совѣтники Наполеона III прямо говорили о необходимости «захватить Пруссію врасплохъ», хотя представители другихъ державъ совѣтовали французскому правительству быть посдержаннѣе и удовольствоваться полученнымъ отвѣтомъ. Подстрекаемыя министерствомъ французскія газеты стали писать крайне воинственныя статьи, и даже независимые публицисты говорили, что пруссаковъ нужно розгами прогнать за Рейнъ. На улицахъ Парижа происходили воинственныя манифестаціи, возбуждавшіяся правительственными агентами. Бисмаркъ былъ очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ и уже 14 іюля опубликовалъ въ газетахъ ноту къ дипломатическимъ агентамъ Сѣверо-Германскаго союза, гдѣ въ разсказѣ о послѣднихъ событіяхъ факты передавались такъ, чтобы подѣйствовать на національное чувство нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задѣть французовъ. Кромѣ того, онъ обнародовалъ посланную ему изъ Эмса Вильгельмомъ I телеграмму, придавъ ей свою редакцію, гораздо рѣзче выставлявшую настойчивость Бенедетти и придавшую нежеланію Вильгельма I вести съ нимъ дальнѣйшіе разговоры болѣе оскорбительный для французскаго дипломата оттѣнокъ. Въ то же время возникла и стала усердно поддерживаться легенда, будто Бенедетти при встрѣчѣ съ королемъ въ паркѣ велъ себя крайне дерзко и будто,

въ свою очередь, Вильгельмъ I выразилъ ему свое презрѣніе, повернушись къ нему спиною.

Въ Парижѣ опубликованная Бисмаркомъ депеша произвела какъ-разъ то впечатлѣніе, на которое онъ расчитывалъ. 15 іюля правительство потребовало въ законодательномъ корпусѣ чрезвычайнаго кредита на войну. Напрасно противники войны требовали у министровъ доказательства, что представитель Франціи дѣйствительно былъ оскорбленъ, и настаивали на необходимости тщательно разсмотрѣть все это дѣло. Министру Оливье, объявившему, что онъ «съ легкимъ сердцемъ» беретъ на себя отвѣтственность за войну, устроили самую бѣшеную овацію. Законодательный корпусъ въ ночь съ 15 на 16 іюля вотировалъ потребованныя у него правительствомъ деньги. Иностранныя державы еще разъ сдѣлали попытку предотвратить войну и не имѣли успѣха. 19 іюля Франція объявила войну, но еще наканунѣ Пруссія уже приступила къ мобилизаціи своей арміи. Объявляя войну, Наполеонъ III, разумѣется, намѣревался начать съ наступленія, но дѣло оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Мобилизація совершалась гораздо медленнѣе, нежели расчитывали, и въ назначенномъ пунктѣ, гдѣ должна была сосредоточиться главная военная сила, собралось вдвое меньше, да и приходили отдѣльныя части налегкѣ, безъ оружія, безъ аммуниціи, безъ провіанта, которыхъ нужно было ждать, пока подвезутъ изъ магазиновъ и складовъ. На непріятельской сторонѣ, наоборотъ, были поразительная быстрота мобилизаціи, совершившейся притомъ въ полномъ порядкѣ, и весьма значительный перевѣсъ численнаго состава арміи. Наполеону III не удалось заручиться и союзниками. Онъ думалъ привлечь на свою сторону и Австрію, и Италію, но Бисмаркъ предупредилъ возможность соглашенія Наполеона III съ Францемъ-Іосифомъ и съ Викторомъ-Эммануиломъ. Австрія не прочь была отмстить Пруссіи за Садовую, но желала, чтобы къ союзу примкнула и Италія, а она условіемъ своего присоединенія ставила включеніе въ составъ своей территоріи и Папской области съ Римомъ, на что Наполеонъ III не соглашался. Сверхъ того, Австрію, начавшую-было вооружаться, удерживала отъ вмѣшательства въ войну противъ Пруссіи угроза со стороны русскаго императора, давшаго понять, что помощь Наполеону III можетъ заставить Россію выступить противъ Австріи. Первыя же неудачи французовъ привели къ прекращенію переговоровъ Наполеона III съ Австріей и Италіей.

Бисмаркъ окончательно рѣшился на войну съ Франціей лишь тогда, когда начальникъ генеральнаго штаба Мольтке удостовѣрилъ, что Пруссія въ данную минуту была болѣе готова къ войнѣ, нежели Франція. У нѣмцевъ все было заранѣе предусмотрѣно, точно расчитано, и они были снабжены прекрасными картами театра войны, между тѣмъ какъ французы, думавшіе лишь о наступательной войнѣ, были снабжены лишь картами германскихъ владѣній, а картъ своихъ собственныхъ владѣній у нихъ не было. Если у французовъ и былъ нѣкоторый общій планъ кампаніи, то съ самаго же начала все было спутано невозможностью перейти въ наступленіе. Наоборотъ, нѣмцы, успѣвъ во́-время мобилизировать достаточное количество войска, получили возможность свой планъ выполнять, какъ по писанному. Творцомъ этого плана былъ начальникъ прусскаго генеральнаго штаба Мольтке, занимавшійся его разработкою задолго еще до начала войны.

Въ войнѣ 1870—71 г. участвовала не только Пруссія во главѣ Сѣверо-Германскаго союза, но и южно-германскія государства, еще ранѣе заключившія съ нею тайные союзы. Германія двинула противъ Франціи три арміи (генерала Штейнмеца, принца Фридриха-Карла Прусскаго и прусскаго наслѣднаго принца) подъ высшей командой самого прусскаго короля, при главной квартирѣ котораго находились Бисмаркъ и военный министръ Роонъ. Сначала и французы предполагали раздѣлить свои силы на три самостоятельныя арміи (маршаловъ Базэна, Макъ-Магона и Канробэра), но потомъ планъ этотъ былъ оставленъ, и командованіе единой большой арміей взялъ на себя самъ Наполеонъ III, который, уѣзжая изъ Парижа, и передалъ регентство императрицѣ.

Германскія войска уже 30 іюля двинулись къ французской границѣ, а 4 августа армія кронпринца перешла черезъ нее у Вейсенбурга, который былъ взятъ приступомъ. Это былъ первый успѣхъ нѣмцевъ, за которымъ черезъ день послѣдовало страшное пораженіе Макъ-Магона при Вёртѣ, сопровождавшееся въ тотъ же день и другими военными успѣхами нѣмцевъ. Между тѣмъ въ Парижѣ 5 августа распространилась вѣсть, что при Вейсенбургѣ французы одержали побѣду, взяли въ плѣнъ кронпринца и начали переправу черезъ Рейнъ. Только 7 августа открылась передъ населеніемъ вся истина, когда правительство поспѣшило объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и созвало законодательный корпусъ и сенатъ, засѣданія которыхъ были отсрочены вскорѣ послѣ объявленія войны. Въ законодательномъ

корпусѣ, собравшемся 9 числа, произносились рѣзкія рѣчи противъ министерства и самого Наполеона III. Послѣдній подъ вліяніемъ неблагопріятнаго настроенія не только въ народѣ, но и въ войскѣ сложилъ съ себя 12 августа главную команду, поручивъ ее маршалу Базэну.—Побѣды 4 и 6 августа позволили арміи кронпринца двинуться черезъ проходы Вогезскихъ горъ, и только часть ея была оставлена для наблюденія за Страсбургомъ. Положеніе французовъ было самымъ критическимъ: приходилось быстро отступать, а для отступленія не было ничего приготовлено; переправа черезъ Мозель шла медленно, и не успѣла она закончиться, какъ пришлось вступить въ битву, которой хотѣли избѣжать и за которою послѣдовали новыя, послѣ чего армія Базэна уже не могла отступить, а должна была запереться въ Мецѣ. Первая и третья германскія арміи остались стеречь эту крѣпость, а вторая направилась къ Шалону. Между тѣмъ изъ Парижа предписали Макъ-Магону двинуться на выручку Базэну. Нѣмцы, однако, успѣли заградить французамъ путь къ Мецу и даже оттѣснить ихъ къ сѣверу одновременно съ тѣмъ, какъ обошли ихъ и съ сѣвера. 1 сентября Макъ-Магонъ вынужденъ былъ дать сраженіе при Седанѣ, гдѣ 2 сентября и произошла катастрофа. Французская армія оказалась здѣсь окруженною непріятелемъ со всѣхъ сторонъ (и прусскій король, и французскій императоръ находились при своихъ войскахъ). Французскіе солдаты стали спасаться бѣгствомъ въ седанскую крѣпость, но нѣмцы начали ее обстрѣливать, вызвавъ этимъ въ ней пожаръ. Въ Седанѣ былъ очень скоро выкинутъ бѣлый флагъ, и Вильгельмъ I отправилъ французскому военачальнику требованіе о сдачѣ и арміи, и крѣпости. Тогда Наполеонъ III послалъ съ однимъ изъ своихъ генераловъ къ Вильгельму I наскоро написанное письмо слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ мнѣ не было дано умереть среди моихъ войскъ, то мнѣ не остается болѣе ничего, какъ передать мою шпагу въ руки вашего величества». Въ тотъ же день поздно вечеромъ произошла встрѣча французскихъ и нѣмецкихъ уполномоченныхъ, установившихъ условія сдачи.

Въ Седанѣ капитулировала цѣлая армія въ 86 т. человѣкъ, изъ которыхъ только тысячи три спаслось бѣгствомъ въ сосѣднюю Бельгію; изъ 83 т., пошедшихъ въ нѣмецкій плѣнъ, шестая часть состояла изъ раненыхъ; въ этотъ счетъ не идетъ около 20 тысячъ взятыхъ въ плѣнъ. Мѣстопребываніемъ Наполеона III прусскій король назначилъ замокъ Вильгельмсгёе

около Касселя, гдѣ плѣнникъ и долженъ былъ оставаться до заключенія мира.

Въ Парижѣ, еще въ концѣ августа, газеты продолжали разсказывать небылицы о пораженіяхъ пруссаковъ, но 3 сентября правительству пришлось уже оффиціально оповѣстить народъ о седанской катастрофѣ. Въ ночь на 4 сентября были созваны въ засѣданія законодательный корпусъ и сенатъ. Въ первомъ изъ нихъ, среди поднявшагося шума, депутатъ Жюль Фавръ сдѣлалъ предложеніе о низложеніи императора и его династіи, такъ какъ съ утра толпы народа уже ходили по улицамъ, требуя этого низложенія. Въ серединѣ дня народъ наполнилъ залы законодательнаго корпуса, вслѣдствіе чего засѣданіе должно было прекратиться. Парижскіе депутаты собрались тогда въ ратушѣ, гдѣ и провозгласили республику, образовавъ при этомъ «правительство національной обороны» подъ предсѣдательствомъ генерала Трошю; внѣшнія дѣла были поручены Жюлю Фавру; внутреннія взялъ на себя Гамбетта. Императрица Евгенія съ большимъ трудомъ спаслась бѣгствомъ въ Англію.

Послѣ седанской катастрофы и революціи 4 сентября въ Европѣ ожидали, что война должна была окончиться, но она затянулась еще на цѣлые мѣсяцы. Правительство національной обороны не прочь было заключить миръ, хотя бы пришлось при этомъ принести огромныя денежныя жертвы, но со стороны нѣмцевъ было предъявлено требованіе возвратить Германіи Эльзасъ и, по крайней мѣрѣ, нѣмецкую часть Лотарингіи, на что правительство національной обороны не соглашалось.—Послѣ Седана ничто уже не могло остановить движенія германскихъ армій на Парижъ. Черезъ недѣлю послѣ провозглашенія республики правительство національной обороны отправило Тьера къ иностраннымъ дворамъ искать помощи, а еще черезъ недѣлю (19 сентября) нѣмцы осадили Парижъ, вслѣдъ за чѣмъ, тоже черезъ недѣлю, произошла капитуляція Страсбурга. Мецъ послѣ того продолжалъ держаться цѣлый мѣсяцъ, но 27 октября и Базэнъ вынужденъ былъ голодомъ сдаться со всей арміей, въ которой числилось 173 тысячи человѣкъ [1]). Такимъ образомъ, двѣ французскія арміи, выступившія въ іюлѣ противъ Германіи, были въ плѣну. Паденіе Меца освобождало громадную военную силу, которая могла быть теперь отправлена на подкрѣпленіе войскъ, осаждавшихъ столицу Франціи.

---

[1]) Во Франціи тотчасъ же увидѣли въ этомъ измѣну.

Переговоры о перемиріи, порученные въ концѣ октября Тьеру, ни къ чему не привели. Передъ началомъ осады Парижа все, что только можно было свезти въ него изъ съѣстныхъ припасовъ, было въ него свезено, и одновременно стягивались туда, какія только уцѣлѣли, военныя силы. Въ общемъ набралось настоящихъ солдатъ тысячъ шестьдесятъ пѣхоты, да тысячъ пять конницы. Зато въ избыткѣ были въ Парижѣ всякіе чисто военные запасы, а чего не хватало, то изготовлялось на многочисленныхъ заводахъ и фабрикахъ города. Парижъ былъ хорошо укрѣпленъ окружавшимъ его рвомъ и валомъ въ 36 километровъ длины и цѣлымъ рядомъ фортовъ на извѣстномъ разстояніи отъ города, составлявшихъ линію въ 70 километровъ. Обложеніе Парижа нѣмецкими войсками вызвало въ его двухмилліонномъ населеніи страшное возбужденіе. Правительство національной обороны послало къ Бисмарку одного изъ своихъ членовъ, Жюля Фавра, для переговоровъ о перемиріи, но не могло принять нѣмецкихъ условій.

Парижскій гарнизонъ не разъ предпринималъ вылазки; нѣмцы постоянно ихъ отбивали. Новая попытка, сдѣланная Тьеромъ въ концѣ октября заключить перемиріе, кончилась неудачей вслѣдствіе несогласія нѣмцевъ на то, чтобы во время перемирія Парижъ могъ запастись провіантомъ. Въ осажденномъ городѣ уже къ этому времени цѣны на съѣстные припасы страшно поднялись. 5 января 1871 г. началась бомбардировка самого Парижа: раньше этого здѣсь у нѣмцевъ еще не было тяжелой осадной артиллеріи. Ко всѣмъ бѣдствіямъ осажденныхъ отъ холода и голода прибавилось теперь новое, непосредственно грозившее жизни не только на улицахъ, но и въ домахъ, — бѣдствіе, продолжавшееся три недѣли (5—26 января). Парижане мужественно переносили осаду и бомбардировку своего города, работая, какъ кто только могъ, для его защиты, питаясь лошадинымъ мясомъ, иногда даже крысами. Они не хотѣли разставаться съ надеждою, что рано или поздно свои придутъ на выручку, что и весь цивилизованный міръ не вытерпитъ такихъ ужасовъ и что, наконецъ, въ пользу Франціи состоится иностранное вмѣшательство. Этого не случилось, и 23 января Жюль Фавръ отправился въ Версаль вести переговоры о капитуляціи. Бомбардировка прекратилась 26 числа, а 28 Бисмаркомъ и Жюлемъ Фавромъ былъ подписанъ актъ капитуляціи съ перемиріемъ на три недѣли. Всѣ внѣшніе форты должны были быть переданы нѣмцамъ, парижское войско

обязано было выдать оружіе и остаться въ городѣ въ качествѣ военноплѣнныхъ. Парижъ вынужденъ былъ заплатить двѣсти милліоновъ франковъ контрибуціи (но получилъ право ввозить съѣстные припасы), и въ теченіе двухъ недѣлъ должно было быть собрано въ Бордо національное собраніе для заключенія мира. За десять дней до капитуляціи Парижа, именно 18 января 1871 г. въ Версалѣ, гдѣ была главная квартира германской арміи, состоялось торжественное провозглашеніе прусскаго короля германскимъ императоромъ. — Въ то время, какъ происходила осада Парижа, война въ провинціи шла своимъ чередомъ. Наиболѣе геройское сопротивленіе оказывала нѣмцамъ крѣпость Бельфоръ. Изъ условій перемирія былъ, по настоянію Жюля Фавра, исключенъ юго-восточный театръ войны съ Бельфоромъ, но скоро и эта крѣпость вынуждена была капитулировать. Впрочемъ, военныя дѣйствія, въ сущности, прекратились здѣсь раньше, послѣ того, какъ у Понтарлье, на самой границѣ Швейцаріи, 1 февраля обойденная нѣмцами съ юга французская армія принуждена была искать спасенія на швейцарской территоріи. Когда палъ Бельфоръ, въ Бордо уже засѣдало французское національное собраніе, созванное для заключенія мира.

Разсмотримъ теперь, что же дѣлали за все время осады Парижа правительство народной обороны и само населеніе Франціи. Передъ началомъ осады трое членовъ правительства оставили Парижъ, чтобы изъ Тура организовать національную оборону. Они дѣйствовали довольно вяло, пока къ нимъ не присоединился, въ началѣ октября, назначенный на должность военнаго министра Гамбетта, который до того времени былъ извѣстенъ, какъ талантливый адвокатъ и убѣжденный республиканецъ. Гамбетта вылетѣлъ изъ осажденнаго Парижа на воздушномъ шарѣ и благополучно добрался до Тура, гдѣ совершенно подиктаторски сталъ всѣмъ распоряжаться. Его краснорѣчивыя и самоувѣренныя прокламаціи поднимали народный духъ, а кромѣ того, онъ оказался и первоклассным организаторомъ всеобщаго ополченія. Изъ остатковъ регулярной арміи, изъ моряковъ, изъ національныхъ гвардейцевъ, изъ ополченцевъ, съ оружіемъ, купленнымъ въ Англіи, онъ снарядилъ четыре арміи: одну на сѣверѣ, на границѣ съ Бельгіей, другую на Луарѣ, третью недалеко отъ швейцарской границы и четвертую на ю.-з. отъ Парижа. Войска эти, однако, приходилось еще обучать, дабы они могли сдѣлаться годными для боя. Нѣмцы разбивали эти арміи по частямъ, что̀ не мѣшало

Гамбеттѣ прославлять каждый маленькій успѣхъ, какъ побѣду, и тѣмъ поддерживать воинственное настроеніе въ народѣ. Война превратилась теперь въ народную, изъ войны между Наполеономъ III и Вильгельмомъ I въ войну между двумя націями, сопровождавшуюся жестокостями съ обѣихъ сторонъ и создавшую взаимное озлобленіе между ними и на будущее время. На одномъ изъ театровъ войны французы получили помощь отъ Гарибальди. Уже старый и больной, онъ еще въ сентябрѣ пришелъ драться за Францію, организовавъ иностранный легіонъ въ 12 т. человѣкъ, въ которомъ было много его старыхъ боевыхъ товарищей, но немало и французовъ и представителей другихъ національностей. Это предпріятіе не принесло французамъ никакой существенной пользы, и самому Гарибальди пришлось спасаться бѣгствомъ.

Съ заключеніемъ перемирія и занятіемъ нѣмцами парижскихъ фортовъ война была, строго говоря, окончена. Продолжительность ея исчисляется 180 днями собственно военныхъ дѣйствій. За эти 180 дней болѣе 800 т. французовъ выбыло изъ строя, изъ нихъ одни убитыми и ранеными, другіе уведенными въ плѣнъ въ Германію, третьи обезоруженными въ Парижѣ, четвертые перешедшими на швейцарскую территорію. Нѣмцы потеряли въ этой войнѣ до 132 т. человѣкъ. Въ первыхъ числахъ февраля произошли выборы въ національное собраніе, между прочимъ, и въ областяхъ, занятыхъ нѣмцами, нисколько не мѣшавшими свободѣ выборовъ, и 12 февраля въ Бордо открыло свои засѣданія національное собраніе, главою исполнительной власти избравъ Тьера. На предварительные переговоры о мирѣ потребовалось время, и первоначальный срокъ перемирія былъ продленъ. Бисмаркъ требовалъ первоначально, чтобы Франція уступила весь Эльзасъ съ Бельфоромъ и часть Лотарингіи и уплатила шесть милліардовъ контрибуціи, но Тьеръ выторговалъ сохраненіе Бельфора за Франціей и скидку одного милліарда контрибуціи, причемъ Вильгельмъ I отказался отъ вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ (но въ кварталѣ Елисейскихъ полей нѣмцы все-таки побывали). Прелиминарный договоръ состоялся 26 февраля въ Версалѣ, 1 марта былъ принятъ національнымъ собраніемъ, а 2 числа утвержденъ Вильгельмомъ I. Окончательный миръ былъ заключенъ только 10 мая во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Наиболѣе существенныя условія его были слѣдующія: 1) Франція уступала Германіи Эльзасъ (за исключеніемъ Бельфора) и нѣмецкую Лотаргинію съ Мецемъ,

составлявшіе три департамента съ населеніемъ въ полтора милліона душъ, среди которыхъ добрую треть составляли французы. О народномъ голосованіи населенія, какъ это было при переходѣ Савойи и Ниццы къ Франціи или при объединеніи Италіи, не было и рѣчи; жителямъ Эльзасъ-Лотаргиніи было только предоставлено право дѣлать выборъ между тѣмъ или другимъ подданствомъ, на что былъ данъ извѣстный срокъ. 2) Франція обязывалась уплатить Германіи вознагражденіе за военныя издержки въ количествѣ пяти милліардовъ франковъ (тысячи восьмисотъ семидесяти пяти милліоновъ рублей по теперешнему курсу) съ условіемъ, чтобы первый милліардъ былъ выплаченъ еще въ теченіе 1871 г., а остальные четыре—въ три года. 3) Непосредственно по ратификаціи договора національнымъ собраніемъ нѣмецкія войска должны были очистить лѣвый берегъ Сены, территорія же между правымъ ея берегомъ и границей, должны были освобождаться по мѣрѣ уплаты контрибуціи. 4) Военноплѣнные отпускались немедленно.

Война Франціи съ внѣшнимъ врагомъ окончилась, но внутри произошло междоусобіе, повлекшее новую осаду Парижа, на этотъ разъ уже французскими войсками. Въ началѣ марта 1871 г. былъ утвержденъ прелиминарный миръ, а въ серединѣ мѣсяца Парижъ возсталъ противъ національнаго правительства и, когда въ началѣ мая подписывался окончательный договоръ, все еще оставался въ рукахъ инсургентовъ. Въ исторіи парижской коммуны 1871 г. повторились революціонныя выступленія столицы Франціи конца XVI и конца XVIII в.

Провозглашеніе третьей республики 4 сентября 1870 г. было дѣломъ населенія Парижа, предупредившаго оффиціальное низложеніе Наполеона III и его династіи законодательнымъ корпусомъ. Съ первыхъ же дней сентября 1870 г. въ рабочихъ кругахъ началась агитація республиканцевъ, стали созываться митинги, открылись клубы, заговорила демократическая пресса. Уже въ день провозглашенія республики къ только-что образовавшемуся временному правительству явились делегаты отъ рабочихъ организацій, а съ ними и отъ парижской секціи Интернаціонала, чтобы высказать такія пожеланія, какъ немедленное избраніе муниципальныхъ совѣтовъ для сформированія и вооруженія національной гвардіи, передача имъ функцій префектуры полиціи, назначеніе на всѣ городскія должности путемъ выборовъ, установленіе свободы печати, собраній и союзовъ и т. п. Правительство ограничилось

неопредѣленными обѣщаніями, а 5 сентября собственною властью назначило мэровъ во всѣхъ двадцати округахъ столицы. Рабочіе остались этимъ крайне недовольны и немедленно организовали «Центральный республиканскій комитетъ двадцати округовъ» для объединенія мѣстныхъ наблюдательныхъ республиканскихъ комитетовъ, выбранныхъ прямою подачею голосовъ въ отдѣльныхъ округахъ. Эта организація выработала декларацію о необходимости «спасенія отечества и установленія настоящаго республиканскаго строя на началахъ постояннаго содѣйствія индивидуальной иниціативы и общественной солидарности». Среди предлагавшихся мѣръ были поголовное вооруженіе съ предоставленіемъ національной гвардіи самой выбирать своихъ начальниковъ, экспропріація—съ послѣдующимъ вознагражденіемъ—собственниковъ всѣхъ предметовъ первой необходимости, особенно съѣстныхъ припасовъ, правильное распредѣленіе послѣднихъ между всѣми жителями Парижа и обезпеченіе за каждымъ жителемъ и его семьей квартиры. Во время осады продолжали происходить народныя собранія, дѣйствовали радикальные клубы, гремѣла революціонная и въ то же время патріотическая печать, критиковались дѣйствія правительства. Населеніе рвалось въ бой съ врагомъ, но стоявшій во главѣ вооруженныхъ силъ столицы Трошю, поддерживавшій духъ населенія красивыми патріотическими фразами своихъ прокламацій, самъ, однако, на дѣлѣ не вѣрившій въ удачу, возбуждалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ противъ себя недовольство парижанъ. Другимъ пунктомъ неудовольствія населенія на правительство было то, что оно медлило съ муниципальными выборами. Въ то время, какъ часть прессы доказывала необходимость сплотиться всѣмъ вокругъ правительства для отраженія внѣшняго врага, другая, а также комитеты и клубы, агитировала противъ правительства, указывая на него, какъ на еще болѣе опаснаго врага, чуть не соучастника самихъ нѣмцевъ, только мѣшающаго настоящей защитѣ и спасенію отечества. Извѣстіе о капитуляціи Меца поселило въ жителяхъ столицы подозрѣніе, что «измѣнники» сдадутъ и ихъ городъ. Еще въ началѣ октября сдѣлана была недовольными попытка силою низвергнуть правительство и передать власть въ другія, казавшіяся болѣе надежными руки. 31 октября попытка была повторена и имѣла уже болѣе серьезное значеніе: часть національной гвардіи, поддержанная громадною толпою, овладѣла ратушей, бывшею мѣстопребываніемъ правительства, и начались

выборы новыхъ представителей власти, причемъ голоса подавались за наиболѣе популярныя имена, но Трошю ночью опять занялъ ратушу и предложилъ засѣдавшимъ въ ней удалиться. Слухи о предстоящей капитуляціи вызвали третью инсуррекціонную попытку, состоявшуюся 22 января, но, какъ и прежнія, окончившуюся неудачей. Черезъ два дня послѣдовала и самая капитуляція.

Затѣмъ, какъ было уже сказано, произошли выборы въ національное собраніе и открытіе его засѣданій въ Бордо (12 февраля). Парижъ былъ страшно взволнованъ извѣстіями объ условіяхъ мира съ нѣмцами и о совершенно нереспубликанскомъ составѣ бордосскаго собранія, заявившаго, что республику оно не считаетъ окончательною формою правленія Франціи, своимъ же рѣшеніемъ перенести засѣданія не въ Парижъ, а въ Версаль, повидимому, пожелавшаго лишить Парижъ значенія столицы. Были еще и другія причины неудовольствія. Во время осады платежи по найму квартиръ и торговымъ обязательствамъ были отсрочены: теперь у національнаго собранія просили продленія отсрочки, пока дѣла не войдутъ въ обычную колею, но оно отказало. Съ другой стороны, со времени осады парижскіе рабочіе вынуждены были жить на жалованье въ полтора франка въ день, платившееся за службу въ національной гвардіи; несмотря на безработицу, національное собраніе рѣшило отнять у населенія эту субсидію. Тутъ еще парижскій губернаторъ на основаніи осаднаго положенія закрылъ оппозиціонныя газеты, и военный судъ приговорилъ къ смертной казни вождей движенія 31 октября, успѣвшихъ, впрочемъ, скрыться.

Въ сущности, всѣ бывшія въ Парижѣ во время осады волненія имѣли одну и ту же цѣль — передать власть парижской «коммунѣ», какъ это было при первой республикѣ: одна коммуна только и могла бы, какъ думали ея сторонники, спасти Францію отъ внѣшняго врага, вырвавъ власть изъ рукъ «предателей». Теперь этой же коммунѣ ставилась и другая задача — спасти республику отъ неменѣе опаснаго внутренняго врага, т.-е. отъ національнаго собранія. Парижское населеніе было вооружено и хотѣло оставаться вооруженнымъ, чтобы отстаивать свою свободу и республиканскій строй всей Франціи. Наиболѣе рьяные патріоты думали, что Парижъ могъ бы даже возобновить войну съ нѣмцами и съ силами свободныхъ отъ непріятельской оккупаціи департаментовъ прогнать пруссаковъ въ Германію. Съ своей сто-

роны, правительство желало разоружить населеніе города. Между прочимъ, у парижанъ были пушки, которыя они считали своими, потому что онѣ были сооружены населеніемъ на подписныя деньги. Эти пушки, руками самихъ насіональ-гардовъ, при помощи женщинъ и даже дѣтей, были увезены на высоты Бельвиля и и Монмартра, двухъ рабочихъ кварталовъ Парижа. Когда правительство велѣло ихъ забрать, рабочіе 18 марта оказали сопротивленіе. На Монмартрѣ толпа отбила пушки у захватившихъ ихъ солдатъ, позволившихъ себя при этомъ даже обезоружить и побратавшихся съ гражданами, причемъ они разстрѣляли своего начальника и еще одного генерала. Въ Бельвилѣ правительственный отрядъ прямо вынужденъ былъ отступить передъ сильнымъ народнымъ сопротивленіемъ. Неудача разоруженія Парижа заставила Тьера покинуть городъ и предложить то же самое сдѣлать министрамъ, крупнымъ чиновникамъ, генераламъ. Городъ былъ во власти возстанія, но оно съ самаго же начала оказалось безъ всякой организаціи, безъ общаго плана дѣйствій, безъ доминирующей идеи. Мэры, получившіе отъ правительства полномочіе управлять вмѣстѣ съ парижскими депутатами оставленною всѣми другими властями столицею, начали переговоры съ вождями возстанія и даже хотѣли выступить посредниками между обѣими сторонами, но эта роль имъ плохо удавалась, какъ и дѣйствовавшимъ за одно съ ними парижскимъ депутатамъ. Когда одна изъ манифестацій «друзей порядка» была разсѣяна ружейными залпами «федералистовъ», изъ Парижа началась эмиграція всѣхъ людей, считавшихъ небезопаснымъ оставаться въ городѣ.

Въ концѣ марта состоялись выборы. Составъ «коммуны» получился пестрый, но большинство состояло изъ революціонеровъ и соціалистовъ, человѣкъ 17 изъ Интернаціонала, 8 бланкистовъ и другихъ безъ опредѣленныхъ партійныхъ квалификацій. Впослѣдствіи нереволюціонные члены коммуны отстали отъ нея, что придало ей болѣе однородный характеръ въ смыслѣ темперамента, но попрежнему это революціонное правительство изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ было объединено лишь своею ненавистью къ версальскому правительству и собранію. У однихъ большимъ сочувствіемъ пользовалась мысль превращенія Парижа и всего департамента Сены въ независимую республику, если національное собраніе захочетъ окончательно лишить Парижъ значенія столицы, и эта автономная коммуна понималась нѣкоторыми, какъ одна изъ множества другихъ свободныхъ общинъ Франціи, связанныхъ въ

одно цѣлое федераціей. «Парижъ не хочетъ царствовать,—стояло въ одномъ изъ заявленій коммуны, — онъ хочетъ быть свободнымъ», хотя это не мѣшало другимъ членамъ коммуны думать, что Франція нуждается въ диктатурѣ, подобной якобинской 1793 г.; съ такой точки зрѣнія многіе находили правильнымъ, чтобы въ виду реакціоннаго поведенія версальскаго правительства коммуна переступила границы своихъ нормальныхъ правъ. Федералисты, допуская въ извѣстныхъ предѣлахъ подчиненіе общему республиканскому правительству всей Франціи, выговаривали, однако, для Парижа право совершать путемъ мѣстнаго законодательства самыя широкія соціальныя реформы, но было бы ошибочно думать, что всѣ члены коммуны были соціалистами. Если даже не брать въ расчетъ тѣхъ, которые, не задаваясь никакими опредѣленными планами государственнаго устройства, примкнули къ движенію ради его національно-патріотической цѣли, въ иныхъ же случаяхъ и просто по страсти къ приключеніямъ, въ коммунѣ было немало чисто политическихъ радикаловъ, вовсе не смотрѣвшихъ на нее, какъ на проявленіе «борьбы между паразитизмомъ и трудомъ, между эксплуатаціей и производствомъ». Сами соціалисты въ составѣ коммуны имѣли въ своихъ рядахъ, кромѣ членовъ Интернаціонала, раздѣлявшихъ идеи коммунистическаго манифеста 1848 г., и мутуалистовъ, и даже фурьеристовъ. Нѣкоторые соціальные лозунги были особенно популярны среди рядовыхъ защитниковъ коммуны, въ родѣ восьмичасового рабочаго дня, передачи рабочимъ ассоціаціямъ разныхъ работъ по городскому благоустройству, казенныхъ субсидій кооперацiямъ и т. п. Популярны были также лозунги отдѣленія церкви отъ государства и замѣны постоянной арміи народной милиціей съ дѣйствительно всеобщимъ отбываніемъ воинской повинности и съ правомъ подчиненныхъ выбирать свое начальство.

Среди всего этого разнообразія взглядовъ большинство было на сторонѣ централистическаго теченія, федералистическое же представлялось меньшинствомъ, но большинство не съумѣло ни организовать дѣйствительную власть въ самомъ общинномъ совѣтѣ, ни устранить конкурренцію съ нимъ центральнаго комитета національной гвардіи съ совѣтами легіоновъ, представлявшими послѣдній въ округахъ. Коммуна должна была взять на себя продовольствіе населенія, завѣдованіе всѣмъ сложнымъ муниципальнымъ хозяйствомъ, управленіе всѣми дѣлами громаднаго города. Низшій служебный персоналъ разныхъ категорій остался

большею частью на своихъ мѣстахъ, средній и особенно высшій исчезли, и технически свѣдущихъ людей съ надлежащею практической подготовкою и опытностью не было. Коммуна вела войну съ версальцами, но ея генералы были плохи, а въ офицерахъ ощущался недостатокъ. Предпринятое въ началѣ апрѣля движеніе парижанъ на Версаль было отражено регулярными войсками, и коммуна вынуждена была перейти отъ наступленія къ оборонѣ, тѣмъ болѣе, что силы версальцевъ росли по мѣрѣ того, какъ изъ Германіи тысячами возвращались военноплѣнные. Пораженіе, испытанное «федератами»,—какъ звали они себя сами, или «коммунарами», какъ звали ихъ враги,—отшатнуло отъ коммуны мелкую буржуазію, которая и стала относиться ко всему предпріятію враждебно. Версальцы между тѣмъ начали бомбардировать Парижъ, какъ пруссаки нѣсколькими мѣсяцами раньше. Во главѣ регулярной арміи былъ поставленъ маршалъ Макъ-Магонъ, распоряжавшійся уже значительною силою, и въ ней искусственно раздувалась ненависть къ «сброду мерзавцевъ, стремящихся на развалинахъ несчастнаго отечества дать восторжествовать лѣности, разврату, грабежу и убійству». Только-что вернувшіеся изъ плѣна солдаты были озлоблены противъ Парижа, что вотъ-де ихъ опять заставляютъ переживать всѣ тягости войны. Послѣ захвата версальцами одного изъ фортовъ коммуна организовала «комитетъ общественнаго спасенія»,—совсѣмъ какъ въ 1793 г.,—съ самыми широкими полномочіями, но въ немъ начались раздоры и смѣны главныхъ военныхъ начальниковъ. Одинъ изъ нихъ только дезорганизовалъ защиту, пришедши къ тому выводу, что «милитаризма довольно», «не нужно никакого главнаго штаба», «мѣсто самому народу», и этимъ распыливъ всѣ силы возстанія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ управленія были вполнѣ достойные люди, добросовѣстные, работящіе и умѣлые, но, занятые каждый своимъ спеціальнымъ дѣломъ, они были потеряны для дѣятельности самой коммуны. Делегатъ по внѣшнимъ сношеніямъ (Паскаль Груссе) дѣлалъ попытки вступить въ сношенія съ дворами и дипломатами иностранныхъ державъ, не приведшія ни къ чему, потому что на его заявленія не получалось никакихъ отвѣтовъ: иностранныя державы признавали только правительство Тьера, а коммуну игнорировали. Сношенія съ провинціей также налаживались плохо. Сочувствіе парижской коммунѣ въ провинціальныхъ городахъ было лишь небольшимъ рядомъ исключеній (Ліонъ, Крезо, Сентъ-Этьенъ, Тулуза, Нарбонна, Мар-

сель, Лиможъ) и всѣ аналогичныя движенія быстро подавлялись или сами падали; большая же часть городовъ Франціи, а въ особенности деревни оставались спокойными. Въ самомъ Парижѣ дѣла шли все хуже и хуже: здѣсь ссорились между собою и отдѣльные вожди, и цѣлыя группы, комитеты; единства управленія не было; делегаты постоянно превышали свою власть; подчиненные не повиновались своимъ начальникамъ. По внѣшности все обстояло какъ бы вполнѣ благополучно: въ городѣ царствовалъ порядокъ; подозрительные люди посылались работать на фортификаціяхъ; въ разныхъ мѣстахъ, на площадяхъ и на улицахъ, красовались плакаты: «смерть ворамъ!»

Въ попыткахъ примирить обѣ стороны недостатка не было: роль примирителей брали на себя, наприм., радикальные депутаты; бралъ на себя такую же задачу и старый фурьеристъ Консидеранъ; хлопотали объ устройствѣ примиренія и цѣлыя общественныя организація и группы, какъ «національный союзъ синдикальныхъ палатъ», масонскія ложи и т. п. Ни та, ни другая сторона, однако, не шли ни на какія уступки. Въ собраніи господствовали монархисты, среди же республиканцевъ даже такія лица, какъ Луи Бланъ не шли на встрѣчу желаніямъ примирителей. Съ другой стороны, власть и вліяніе въ коммунѣ все болѣе и болѣе переходили къ самымъ крайнимъ элементамъ, потому что болѣе умѣренные и сдержанные постепенно покидали коммуну. Разстрѣлъ коммунарами, въ самомъ началѣ, двухъ генераловъ, — хорошенько неизвѣстно по чьей иниціативѣ и при какихъ обстоятельствахъ, — сильно повредилъ Парижу, потому что въ Версали за это убійство требовали мщенія. Когда начались военныя дѣйствія, версальцы начали разстрѣливать тѣхъ изъ попадавшихъ въ плѣнъ инсургентовъ, въ которыхъ узнавали или даже только подозрѣвали дезертировъ, но часто и вообще не разбирая лицъ. Извѣстіе объ этомъ со стороны коммуны тотчасъ же вызвало декретъ о заложникахъ: всякое лицо, уличенное въ сообщничествѣ съ версальскимъ правительствомъ, и военноплѣнные подлежали взятію подъ стражу и суду присяжныхъ, обвинительный вердиктъ которыхъ дѣлалъ задержанныхъ заложниками парижскаго народа, и каждая казнь, совершенная версальцами, должна была вызывать казнь тройного числа заложниковъ по жребію между ними. Въ такое положеніе сразу же попали нѣкоторыя духовныя лица, между ними парижскій архіепископъ Дарбуа. Когда коммуна организовала свой комитетъ обществен-

наго спасенія, нѣкоторые ея дѣятели прямо говорили о необходимости «имѣть мужество, разъ это надо, рубить головы измѣнникамъ», т.-е. уже слышались отголоски стараго революціоннаго террора. 16 мая, для ознаменованія разрыва съ прошлымъ коммуна велѣла разрушить на Вандомской площади побѣдную колонну со статуей Наполеона I. Наступило 21 мая. Это былъ воскресный день, и въ Тюйльерійскомъ саду давался грандіозный концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ, оставленныхъ безъ средствъ борцами за коммуну, когда измѣна открыла версальцамъ входъ въ Парижъ. Это было началомъ «майской кровавой недѣли», въ теченіе которой шла безпрерывная битва на парижскихъ улицахъ между двумя ожесточенными до послѣдней степени другъ противъ друга арміями. Коммунары отступали, съ яростью защищаясь, строя баррикады и зажигая для задержки наступленія версальцевъ великолѣпныя общественныя зданія и частные дома, загоравшіеся, впрочемъ, и отъ бомбъ версальцевъ. (Сгорѣли Тюйльерійскій дворецъ, ратуша и т. п.). Офицеры и солдаты обнаруживали звѣрскую жестокость, разстрѣливая военноплѣнныхъ, причемъ отъ этой судьбы не спасали ни возрастъ, ни полъ защитниковъ Парижа: разстрѣливались женщины, дѣти. Съ своей стороны, отдѣльные члены совѣта коммуны распорядились, чтобы были разстрѣляны заложники и въ ихъ числѣ архіепископъ Дарбуа. Окончился разгромъ Парижа только 28 мая, тоже въ воскресенье. Объявлено было осадное положеніе, и столица Франціи отдана была всецѣло въ распоряженіе военной власти.

Точныхъ цифръ убитыхъ въ Парижѣ въ майскую недѣлю нѣтъ, но нѣкоторое понятіе о ней даютъ показаніе Макъ-Магона о 14 тысячахъ, 17 тысячъ разрѣшеній для погребенія на городскихъ кладбищахъ и т. п. Было взято въ плѣнъ и арестовано въ ближайшіе два мѣсяца, по меньшей мѣрѣ, тысячъ сорокъ пять человѣкъ, среди которыхъ были сотни женщинъ и дѣтей. Съ августа началась и военно-судебная расправа съ приговорами къ смертной казни, къ каторгѣ, къ ссылкѣ въ Новую Каледонію, къ тюрьмѣ; смертныхъ приговоровъ было вынесено болѣе двухсотъ, общее число приговоренныхъ къ наказаніямъ около 13 тысячъ. Масса коммунаровъ спаслась бѣгствомъ за границу, но и тутъ правительство хотѣло ихъ преслѣдовать на основаніи законовъ о выдачѣ преступниковъ. Бо̀льшая часть иностранныхъ правительствъ, однако, отказалась удовлетворить желаніе побѣдителей. (Особенно исполненъ достоинства былъ отвѣтъ тогдашняго англій-

скаго премьера, Гладстона). Для ожесточенія, съ какимъ побѣдители 1871 г. преслѣдовали побѣжденныхъ, разные писатели приводили разныя объясненія. Позднѣйшіе защитники коммуны видѣли въ проявленіяхъ безпощадной жестокости побѣдителей, главнымъ образомъ, удовлетвореніе чувства мести со стороны имущихъ классовъ за соціалистическія стремленія коммуны, или ничѣмъ не сдерживаемый разгулъ классовой мстительности, не останавливавшейся даже передъ вступленіемъ въ заговоръ съ непріятелями-нѣмцами, лишь бы доконать ненавистную коммуну. Другое объясненіе даютъ историки, хотя и осудившіе варварскую репрессію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрившіе и коммуну: «когда, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — когда часть націи возстаетъ противъ самой націи и притомъ въ присутствіи иностранцевъ, неслыханная ярость овладѣваетъ всѣмъ общественнымъ тѣломъ. Оно боится погибнуть. Оно отбивается отъ угрожающей ему опасности. Оно наноситъ удары самому себѣ и въ своемъ ослѣпленіи покрываетъ себя ранами. И гнѣву его нескоро приходитъ конецъ».

О парижской коммунѣ создалось множество легендъ, одна изъ которыхъ упорно смѣшиваетъ «коммуну» съ «коммунизмомъ», и поэтому не дѣлаетъ различія между терминами «коммуналисты», «коммунары» и «коммунисты». Другая легенда—та, что въ парижскомъ возстаніи участвовали преимущественно преступные элементы населенія. Конечно, среди коммунаровъ были и такъ называемые подонки общества, но оффиціальный отчетъ о коммунѣ (1875 г.) отмѣтилъ среди 45 тысячъ арестованныхъ и 13 тысячъ осужденныхъ лишь менѣе двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ съ прежнею судимостью. Не такъ просто рѣшается вопросъ объ отношеніи коммуны къ соціалистическому движенію, о чемъ говорятъ и противники, и сторонники соціализма. Въ коммунѣ участвовали не одни соціалисты, и сами соціалистическіе писатели, стремящіеся связать коммуну съ соціализмомъ, должны признавать, что дѣло здѣсь не въ одномъ соціализмѣ. Постороннія примѣси въ ней усматривалъ самъ, напр., Марксъ, а другіе въ чемъ-либо иномъ, именно, и видѣли суть дѣла. Историкъ Ганото находитъ, что въ коммунѣ борьба объединила разные элементы, сначала разрозненные и даже недовѣрявшіе другъ другу, нисколько притомъ не заботившіеся о теоріи общаго дѣйствія. Мало-по-малу, однако, бо̀льшая часть, съ болѣе или менѣе яснымъ разумѣніемъ, съ болѣе или менѣе пылкимъ убѣжденіемъ, присоеди-

нилась къ одной идеѣ, которая вырабатывалась по мѣрѣ хода событій и сдѣлалась программою возстанія и лозунгомъ для потомства. Эту идею историкъ опредѣляетъ словомъ «коммунализмъ», видя въ ней не что иное, какъ выводъ изъ политической теоріи Руссо, бывшей, въ сущности, лишь «швейцарскимъ пониманіемъ политической организаціи общества», «исходящей изъ общины и приводящей къ федераціи». Коммуна прибавила, впрочемъ, къ этой основной идеѣ другую—идею соціальной революціи: Франція должна была превратиться въ подобіе Швейцаріи, но «Швейцаріи соціализованной». Историкъ при этомъ оговаривается еще, что такая идея явилась довольно поздно и получила болѣе опредѣленную формулировку лишь впослѣдствіи, когда у изгнанниковъ коммуны было довольно досуга для того, чтобы изложить свою доктрину, во время же самой коммуны это было скорѣе инстинктивнымъ стремленіемъ, нежели ясною мыслью.

Какъ въ свое время терроръ 1793 г., а полстолѣтія спустя іюньскіе дни 1848 г. вызвали рѣзкую реакцію и въ такихъ общественныхъ кругахъ, которые отличались либерализмомъ и прогрессивностью и раздѣляли идеи, родственныя требованіямъ, ихъ испугавшимъ, такъ и коммуна 1871 г. немало содѣйствовала развитію реакціоннаго настроенія противъ демократіи и соціализма не только во Франціи, но и въ остальной Европѣ. Пресса всѣхъ странъ, — не одни лишь консервативные, но въ большинствѣ и прогрессивные органы, — осудила коммуну (хотя только одна часть прессы одобрила расправу французскаго правительства съ коммунарами): въ излишествахъ, жестокостяхъ и сумасбродныхъ дѣйствіяхъ участниковъ движенія видѣли, — съ разными только оттѣнками въ освѣщеніи всего предмета, — аргументы противъ извѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ идей. Все, что происходило въ Парижѣ съ самаго возникновенія агитаціи, приведшей къ коммунѣ, до полнаго разгрома послѣдней, ставилось общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ странъ въ вину Интернаціоналу, и самыя преслѣдованія, которымъ онъ подвергся, мотивировались въ особенности его первенствующею ролью въ событіяхъ коммуны. Историческая литература объ Интернаціоналѣ и о коммунѣ не подтверждаетъ этого взгляда: иниціатива и руководящая роль Интернаціонала отрицаются такими писателями, которые относятся съ одинаковымъ сочувствіемъ и къ Международному обществу рабочихъ, и къ парижскому возстанію 18 марта. До самаго

конца коммуны парижская секція Интернаціонала продолжала оставаться совершенно независимою отъ коммуны организаціей. Въ ней былъ свой самостоятельный федеральный совѣтъ парижскихъ секцій, сносившійся съ коммуною, какъ самостоятельное учрежденіе, хотя въ общемъ и солидарное съ нею. Только къ концу коммуны сколько-нибудь значительнымъ сдѣлалось число, среди ея заправилъ, членовъ Интернаціонала, но все-таки они не составляли большинства и далеко не всегда пользовались вліяніемъ. Послѣ паденія коммуны въ Парижѣ произошли собранія членовъ Интернаціонала, на которыхъ послѣдніе слагали съ себя отвѣтственность за поджоги, хотя это не спасло Интернаціоналъ отъ изданія во Франціи запрещавшаго его закона.

Коммуна вообще создала своего рода переломъ въ исторіи самого Интернаціонала. Хотя онъ въ своихъ заявленіяхъ, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе становился на точку зрѣнія политической борьбы, на дѣлѣ эта точка зрѣнія имѣла чисто теоретическій характеръ, практически же въ дѣятельности Интернаціонала на первомъ планѣ стояла борьба экономическая. Уже конституціонныя измѣненія 1867 г. въ Англіи и въ Германіи открывали въ обѣихъ странахъ для рабочихъ возможность политической борьбы, и такое же значеніе должно было имѣть для Франціи превращеніе ея, въ 1870 г., въ республику. Условія политической борьбы въ разныхъ странахъ были, конечно далеко не одинаковыми, и тутъ уже нельзя было устанавливать тѣхъ общихъ директивъ, какія были мыслимы въ вопросахъ борьбы капитала и труда. Еще до войны въ Интернаціоналѣ возникали разногласія между представителями отдѣльныхъ націй. Разгромъ Франціи и возвеличеніе Германіи со всѣми ихъ политическими и экономическими послѣдствіями тоже создавали новыя условія для существованія Интернаціонала. Въ самомъ началѣ французскихъ пораженій Марксъ предсказывалъ, что отнынѣ на континентѣ центромъ рабочаго движенія будетъ Германія, а не Франція. Въ Англіи, на которую онъ прежде возлагалъ всѣ свои надежды, онъ теперь разочаровался, такъ какъ тамошніе рабочіе оказались недостаточно настроенными въ пользу политической борьбы и революціи. Коммуна, съ другой стороны, обнаружила слабость рабочихъ во Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ послужила поводомъ для усиленія репрессивныхъ мѣръ противъ Интернаціонала. Послѣ войны и коммуны первый съѣздъ Интернаціонала могъ состояться только въ 1872 г. въ Гаагѣ, въ промежутокъ же

между 1869 и 1872 гг. въ Интернаціоналѣ произошелъ формальный расколъ, когда бакунинская «Юрская федерація» объявила генеральному комитету открытую войну и встрѣтила при этомъ сочувственные отклики, кромѣ романской Швейцаріи, еще во Франціи, въ Бельгіи, въ Италіии и въ Испаніи. Гаагскій конгрессъ исключилъ Бакунина и всѣхъ его сторонниковъ изъ Интернаціонала и перенесъ генеральный его совѣтъ въ Нью-Іоркъ, что вызвало массу протестовъ. Между прочимъ, послѣ коммуны отъ него отвернулись и англійскіе трэдъ-юніоны. Женевскій конгрессъ 1873 г. былъ послѣднимъ, а въ 1876 г. произошло и полное самоупраздненіе всей организаціи.

Международное общество рабочихъ, такимъ образомъ, просуществовало всего двѣнадцать лѣтъ (1864—1876), періодъ времени, который войною 1870—71 г. и коммуною дѣлится на двѣ неравныя части. Самоупраздненіе Интернаціонала въ 1876 г. было только похоронами того, что́ уже раньше было трупомъ. Попытка образованія международной партійной организаціи пролетаріата окончилась неудачей, но, съ другой стороны, черезъ большее или меньшее участіе въ Интернаціоналѣ прошли соціалистическіе кружки, организаціи и партіи отдѣльныхъ странъ и изъ этого общенія вынесли многое для послѣдующаго развитія соціализма въ этихъ странахъ. Какъ единое цѣлое, Интернаціоналъ распался, но распался не безслѣдно, а на цѣлый рядъ, если можно такъ выразиться, національныхъ «Интернаціоналовъ», беря послѣднее выраженіе не въ значеніи международности, а въ смыслѣ идеи, составлявшей сущность Интернаціонала, когда онъ ставилъ задачу образованія независимыхъ рабочихъ партій для самостоятельнаго участія въ политической борьбѣ.

XXX. Эпоха усиленія милитаризма [1]).

Усиленіе милитаризма послѣ войнъ 1859—1871 г. — Ростъ военныхъ силъ и расходовъ на военныя нужды въ отдѣльныхъ государствахъ. — Увеличеніе государственной задолженности. — Введеніе всеобщей воинской повинности.—Милитаризмъ и капитализмъ.

Послѣ войнъ между 1859 и 1871 гг. и въ особенности послѣ франко-германской войны, которая далеко оставила позади всѣ прежнія войны по безпримѣрности въ прошломъ такихъ событій,

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. IV.

какія разыгрывались въ 1870—71 гг., во всей Европѣ произошло небывалое раньше усиленіе милитаризма. Вслѣдъ за франко-германскою войною для Западной Европы наступилъ опять періодъ продолжительнаго мира, но мира вооруженнаго со всѣми его экономическими и политическими послѣдствіями, каковы ростъ государственныхъ бюджетовъ на военные расходы, отвлеченіе въ войско массы людей отъ производительнаго труда, усиленіе правительственной власти, исканіе иностранныхъ союзовъ и пр. и проч.

Разсматривая исторію XIX в., мы можемъ сказать, что начало этого вѣка, т.-е. наполеоновская эпоха, было временемъ значительнаго развитія милитаризма, но къ серединѣ столѣтія онъ сталъ нѣсколько ослабѣвать, и, наоборотъ, въ послѣднія десятилѣтія XIX в. снова происходило его усиленіе. Высчитано, напр., что въ эпоху наибольшаго могущества Наполеона I, въ 1810 г., въ составъ европейскихъ армій (кромѣ турецкой) входило 2.221.000 человѣкъ, передъ основаніемъ второй имперіи, въ 1851 г., эта численность войскъ нѣсколько понизилась — до 2.195.000, но потомъ стала возрастать, достигши къ концу восьмидесятыхъ годовъ безъ малаго трехъ милліоновъ (въ 1889 г. 2.957.000). По отдѣльнымъ странамъ особенный приростъ наблюдался въ Германіи, гдѣ тремъ указаннымъ датамъ соотвѣтствовали цифры 160 т., 346 т. и 492 т., въ Италіи, гдѣ аналогичный рядъ цифръ будетъ 75 т., 142 т. и 255 т., въ Россіи съ соотвѣтственными цифрами 558 т., 644 т. и 800 т. и т. д. Въ другихъ государствахъ произошло пониженіе численности войскъ (въ Австріи и въ Англіи съ колоніями), а во Франціи сначала произошло нѣкоторое пониженіе (съ 570 т. въ 1810 г. до 365 т. въ 1851), потомъ, въ эпоху второй имперіи и при третьей республикѣ, снова повышеніе почти до прежней цифры временъ первой имперіи (до 555 т.).

Исходнымъ пунктомъ непрерывнаго возрастанія вооруженныхъ силъ въ Европѣ нужно считать еще начало шестидесятыхъ годовъ, когда была предпринята реформа арміи въ Пруссіи, бывшая первымъ толчкомъ къ тому, чтобы и другія государства стали усиленно вооружаться. Послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей въ 1866 г. задумана была и во Франціи военная реформа, по которой предполагалось довести всю численность арміи въ военное время до 800 т. человѣкъ, кромѣ полумилліона подвижной и національной гвардіи. На осуществленіе этой реформы, по тогда-

шнему расчету, требовалось девять лѣтъ, и, слѣдовательно, преобразованіе арміи могло бы завершиться только въ 1877 г. Германія не дала осуществиться французской военной реформѣ: въ 1870 г., когда Наполеонъ III располагалъ едва полумилліономъ войска (съ національной гвардіей), Германія въ іюлѣ и августѣ уже могла призвать для полевой и гарнизонной службы чуть не милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ, а въ концѣ войны, въ февралѣ 1871 г., подъ ружьемъ было нѣмецкихъ солдатъ уже милліонъ триста пятьдесятъ тысячъ, изъ коихъ болѣе 900 т. находилось въ дѣйствующей арміи. Этотъ численный перевѣсъ самъ по себѣ былъ одною изъ причинъ побѣды нѣмцевъ надъ французами, почему во всѣхъ государствахъ за немногими исключеніями стали хлопотать объ умноженіи военныхъ силъ и съ этою цѣлью начали перенимать у Пруссіи ея систему всеобщей личной воинской повинности, какъ это почти въ одно время сдѣлано было во Франціи (1872), въ Россіи (1874), въ Италіи (1875). Въ самой Германіи прусскій законъ былъ въ 1874 г. распространенъ на всѣ государства, вошедшія въ составъ имперіи, и тогда же было принято, чтобы число нижнихъ чиновъ въ мирное время составляло 1% всего имперскаго населенія. За пятнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ 1874 годъ отъ австро-итальянской войны 1859 г., численность вооруженныхъ силъ Австріи, Англіи, Германіи, Россіи, Турціи и Франціи поднялась на 26%, именно съ 2.590.000 до 3.266.000; если же мы сдѣлаемъ сравненіе между цифрами для Германіи въ 1859 и 1874 г., то получимъ возрастаніе на 55%, т.-е. болѣе, нежели въ полтора раза. Еще краснорѣчивѣе говорятъ цифры для военнаго времени. Въ перечисленныхъ шести государствахъ численность армій на военномъ положеніи опредѣлялась въ 1859 г. въ 4.426.000 человѣкъ, что̀ для цифры мирнаго времени составляло превышеніе на 71%, тогда какъ въ 1874 г. разница между мирнымъ и военнымъ составомъ доходила уже до 90%, т.-е. составъ арміи въ военное время превышалъ составъ по мирному положенію почти вдвое: цифра 1874 г. составляетъ 6.272.000. И опять впереди всѣхъ въ данномъ случаѣ шла Германія, Франція же занимала лишь второе мѣсто: процентъ увеличенія германской арміи выражается 60%, французской — 54%. Послѣ 1874 г. численность войскъ какъ мирнаго, такъ и военнаго состава возрастала постоянно. Если къ старымъ пяти великимъ державамъ и Турціи прибавить еще Италію и принять цифры 1874 г. за 100, то черезъ десять лѣтъ

увеличеніе мирнаго состава выражалось семью процентами, а состава по военному положенію—тринадцатью. Еще на семь процентовъ повысилась цифра мирнаго состава въ слѣдующія уже семь лѣтъ (къ 1891 г.), цифра же состава по военному времени превысила цифру 1874 г. почти вдвое (на 99%). Для 1874, 1884 и 1891 гг. сдѣлано еще вычисленіе, сколько приходилось солдатъ на каждую тысячу населенія въ названныхъ семи государствахъ съ придачею Испаніи, Румыніи и Сербіи: оказывается, что цифры арміи въ мирное время составляли безъ малаго 9%, тогда какъ по штатамъ военнаго времени это были для 1874 г.—27%, для 1884 г. — 28%, и для 1891 уже 46%. Такимъ образомъ, въ 1874 г. и даже въ 1884 г. штаты военнаго времени превосходили штаты мирнаго времени раза въ три, тогда какъ въ 1891 г. эта разница уже опредѣляется въ пять слишкомъ разъ.

Дѣло въ томъ, что государственнымъ бюджетамъ сдѣлалось не подъ силу увеличивать численность армій въ мирное время наравнѣ съ общимъ ростомъ того количества солдатъ, которое могло бы быть взято подъ ружье въ случаѣ войны, такъ какъ содержаніе мирнаго состава въ концѣ XIX в. и безъ того поглощало въ среднемъ около 28% государственныхъ бюджетовъ, не говоря уже о томъ, что постоянное содержаніе подъ ружьемъ столь громаднаго количества людей отражалось бы крайне неблагопріятно на всемъ ходѣ народнаго хозяйства. Самому милитаризму приходилось, конечно, считаться съ чисто-экономическими соображеніями, что и заставляло правительства увеличивать обученный военному дѣлу резервъ путемъ постепеннаго увеличенія контингента новобранцевъ при сокращеніи сроковъ фактическаго нахожденія ихъ въ арміи. Вотъ чѣмъ объясняется болѣе быстрое и прогрессивное возрастаніе штатовъ военнаго времени сравнительно съ составомъ по мирному положенію. Опять и въ данномъ отношеніи впереди другихъ государствъ шла Германія, въ которой разница между цифрами 1874 и 1891 г. выражалась не 99% (средній процентъ для всѣхъ странъ), а 127%, т.-е., другими словами, германская армія на случай войны за семнадцать только лѣтъ увеличилась болѣе, чѣмъ въ $2^1/_4$ раза. Непосредственно за Германіей шла и здѣсь Франція съ увеличеніемъ соотвѣтственной цифры на 118%.

Слѣдуетъ также отмѣтить и тотъ фактъ, что увеличеніе численности пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи шло далеко не равномѣрно. Въ составѣ армій главнѣйшихъ европейскихъ госу-

дарствъ цифры кавалеріи въ 1859 и 1874 г. были одинаковы, увеличеніе въ пѣхотѣ выразилось 24%, а увеличеніе артиллеріи—88%. Равнымъ образомъ, и при сравненіи состава армій въ 1874 и 1891 гг. наблюдается почти полная неизмѣнность по отношенію къ кавалеріи, тогда какъ въ пѣхотѣ и въ артиллеріи снова обнаруживается ростъ на 54% и 38%. Еще болѣе яркую картину общаго возрастанія вооруженныхъ силъ могли бы намъ представить цифровыя данныя относительно военныхъ запасовъ, т.-е. складовъ оружія, снарядовъ, обмундированія, провіанта и т. п., если бы эти цифры не хранились правительствами въ большой тайнѣ. Постоянныя усовершенствованія въ ружьяхъ, пушкахъ и т. п. за все это время заставляли правительства тратить особенно много денегъ: ростъ артиллеріи, отмѣченный выше, въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ европейскихъ военныхъ флотахъ за послѣднія десятилѣтія XIX в. тоже произошли большія перемѣны какъ въ смыслѣ увеличенія численности военныхъ судовъ, такъ и въ смыслѣ усовершенствованій чисто техническаго свойства. Громадные броненосцы, которые считаются могущими совершать то, для чего раньше нужны были цѣлыя эскадры, съ одной стороны, и едва замѣтныя въ морскихъ волнахъ, но въ высшей степени опасныя миноноски, совсѣмъ измѣнившія всѣ условія морской войны, съ другой, поглотили за послѣднія десятилѣтія, въ общемъ, особенно большія суммы денегъ [1]).

Нужно еще прибавить, что всѣ артиллерійскія, судостроительныя и т. п. усовершенствованія потребовали соотвѣтственныхъ измѣненій въ устройствѣ крѣпостей, въ организаціи береговой обороны и т. д. Отдѣльныя государства соперничали между собою, какъ бы превзойти другъ друга разрушительностью и истребительностью своихъ средствъ и способовъ веденія войны. Не довольствуясь войною на сушѣ и на водѣ, военные изобрѣтатели стали мечтать, въ концѣ концовъ, о цѣлыхъ воздушныхъ флотиліяхъ изъ дирижаблей и аэроплановъ.

Этотъ ростъ совершался съ приблизительно одинаковою

---

[1]) Для общей иллюстраціи приведемъ цифры тратъ Англіи и Франціи въ милліонахъ франковъ за двадцать лѣтъ между 1873 и 1892 гг.

Годы.	Англія.	Франція.	Годы.	Англія.	Франція.
1873—77	184	117	1883—87	329	181
1878—82	223	178	1888—92	596	283

быстротою и приблизительно же въ одинаковыхъ всегда размѣрахъ въ странахъ далеко не одинаковаго культурнаго уровня и экономическаго преуспѣянія. Этимъ развитіе милитаризма рѣзко отличалось отъ эволюціи производительныхъ силъ, которая совершалась далеко не съ однимъ и тѣмъ же темпомъ и не въ одинаковыхъ размѣрахъ въ странахъ различнаго экономическаго и культурнаго развитія. Болѣе бѣдныя и менѣе образованныя націи вынуждались тратить на свои вооруженія такія деньги, которыя даже въ болѣе богатыхъ и просвѣщенныхъ странахъ давали-таки себя чувствовать плательщикамъ налоговъ. Съ семидесятыхъ годовъ происходилъ въ Европѣ непрерывный ростъ издержекъ на содержаніе сухопутныхъ и морскихъ силъ. Въ 1874 г. шесть великихъ державъ расходовали на это, всѣ вмѣстѣ, 773 милліона рублей, въ 1884 г. — 906 м., въ 1891 — 1132 м., въ 1896 — 1193 м., причемъ на каждую тысячу человѣкъ приходилось въ 1874 г. по 2881 р. военныхъ расходовъ, а въ 1896 — уже по 3908 р.; это представляетъ собою повышеніе болѣе, чѣмъ въ полтора раза. Въ 1874 г. на одного жителя шести великихъ державъ падало военныхъ расходовъ 2 р. 88 к., въ 1896 г. — уже почти 4 рубля. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ первыя десять лѣтъ взятаго періода (1874—1884) возрастаніе выразилось въ видѣ 17%, а въ слѣдующія только семь лѣтъ (1885—1891) уже въ видѣ 29%. Обращаясь къ отдѣльнымъ странамъ, мы и здѣсь видимъ, что впереди всѣхъ шла Германія, въ которой военные расходы съ 1874 г. къ 1896 г. увеличились на 79%, и что близко къ этому стоитъ увеличеніе въ Россіи (75%), въ то время, какъ Англія и Франція увеличили свои военные расходы лишь на 47 и 43%, а Италія и Австрія—на 27 и 21%. Нѣсколько иное отношеніе получается для періода времени между 1874 и 1891 гг., когда за Германіей первое мѣсто въ увеличеніи военнаго бюджета занимала Италія, которой для періода 1874 — 1884 гг. приходится отвести даже первое мѣсто въ спѣшности вооруженій. Въ цифрахъ тратъ на военное дѣло въ Германіи и во Франціи обнаруживается явленіе, похожее на бѣгъ на перегонки: сначала Франція больше тратила, нежели Германія (въ 1874 г. на 43 м. р.; въ 1884 г. на 59 м. р.), потомъ Германія больше Франціи (въ 1891 г. на 16 милліоновъ рублей), затѣмъ опять Франція (въ 1896 г. на 18 м. р.). Соотвѣтственно съ общимъ ростомъ бюджетовъ за 22 года между 1874 и 1891 г. на каждаго жителя стало падать военныхъ расходовъ въ Гер-

маніи на 42% больше, во Франціи — на 35%. Военная статистика, кромѣ того, свидѣтельствуетъ, что и содержаніе каждаго отдѣльнаго солдата становилось все дороже: въ среднемъ выводѣ въ шести великихъ державахъ содержаніе солдата обходилось въ годъ въ 1874 г. въ 254 р., а въ 1896 г.—уже въ 338 р.

Исторія послѣднихъ десятилѣтій XIX в. вообще характеризуется возрастаніемъ не только налоговаго бремени, лежащаго на населеніи, но и задолженности отдѣльныхъ государствъ. Передъ войною 1870 г. задолженность Европы была равна 59 милліардамъ марокъ, а въ 1906 г. она достигала уже почти 122 милліардовъ. За эти 35—36 лѣтъ не только увеличились долги нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ (Франціи съ 11 милліардовъ почти до 25, Германіи съ 3,2 до слишкомъ 16 и т. п.), но и образовались довольно большіе долги у такихъ государствъ, которыя въ серединѣ XIX в. еще ихъ не имѣли. Правда, въ финансовой исторіи эпохи можно отмѣтить нѣкоторыя положительныя стороны сравнительно съ прежними временами (стремленіе къ болѣе равномѣрному распредѣленію налоговъ, лучшіе отчетность и контроль, бо́льшая прочность финансовъ даже послѣ неудачныхъ войнъ и т. п.), но главная причина роста государственныхъ бюджетовъ заключалась все въ томъ же милитаризмѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ національное хозяйство стало переходить въ міровое и на историческую сцену выступили задачи міровой политики. На это, между прочимъ, указываетъ то, что во всѣхъ государствахъ военный бюджетъ росъ быстрѣе гражданскаго: обычнымъ сдѣлалось явленіемъ, что обыкновенныхъ доходовъ не стало хватать на сухопутныя и морскія вооруженія, и государства начали прибѣгать къ займамъ, хотя, конечно, государственная задолженность имѣла и другой источникъ — въ удовлетвореніи такихъ потребностей, какъ сооруженіе новыхъ путей сообщенія, выкупъ въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Избытокъ капиталовъ въ такихъ странахъ, какъ Англія, Франція, Бельгія, Германія, Соединенные Штаты велъ къ пониженію процента съ капитала, что только облегчало дѣланіе долговъ, хотя прибѣганіе къ займамъ со стороны мелкихъ государствъ содѣйствовало и повышенію процента (именно при заключеніи займовъ маленькими странами, чѣмъ и объясняется сравнительно болѣе высокая биржевая цѣна денежныхъ бумагъ этихъ государствъ).

Въ погонѣ за военнымъ могуществомъ другія нужды удовле-

творялись, конечно, не въ той мѣрѣ, какъ это слѣдовало бы, особенно въ государствахъ сравнительно отсталыхъ. Въ 1896 г. Австрія при военномъ бюджетѣ въ 150 м. гульденовъ тратила на народное образованіе только 33 м., т.-е. въ $4^1/_2$ раза меньше, чѣмъ на вооруженія, а для Италіи въ томъ же году соотвѣтственныя цифры были 325 м. лиръ и 41 м. лиръ, одна превосходящая другую въ восемь разъ. Распространеніе въ Европѣ всеобщей воинской повинности совпало со временемъ наибольшаго увлеченія примѣненіями дарвинизма къ вопросамъ, касающимся общественной жизни человѣка, и многіе стали указывать на то, что всеобщая воинская повинность, отбирая въ казармы лучшую, самую здоровую и крѣпкую часть молодежи, оставляетъ дома болѣе хилыхъ и болѣзненныхъ и тѣмъ производитъ искусственный подборъ въ ихъ пользу, предоставляя имъ бо́льшую возможность обзаводиться въ молодыхъ годахъ семьею и оставлять болѣе многочисленное потомство. Въ этомъ смыслѣ во всеобщей воинской повинности готовы были видѣть факторъ ухудшенія расы. Защитники системы ссылались, наоборотъ, на ея демократичность и на то, что служба въ арміи можетъ быть хорошею школою для народа, но и по этому вопросу оцѣнка всеобщей воинской повинности дѣлалась разная, такъ какъ, то, что для однихъ имѣло значеніе школы, въ которой пріобрѣтаются извѣстный закалъ, извѣстная дисциплина, для другихъ казалось школою сервилизма и шовинизма со всѣми пороками, развивающимися въ казарменной обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ милитаризмъ, такъ и казарменное воспитаніе молодыхъ поколѣній находили главныхъ своихъ противниковъ въ радикально и соціалистически настроенныхъ кругахъ, тогда какъ круги, настроенные болѣе консервативно и гувернаментально, вездѣ и всегда отстаивали необходимость большихъ, хорошо дисциплинированныхъ армій и той, наконецъ, «школы», которую народная молодежь получаетъ въ военной службѣ. Одна изъ причинъ, содѣйствовавшихъ развитію милитаризма, заключалась въ настроеніи имущихъ и консервативныхъ классовъ въ виду соціалистической пропаганды. Занятіе въ арміи офицерскихъ мѣстъ, бывшее раньше чисто дворянскою привилегіею (фактически во многихъ мѣстахъ сохраняющее это значеніе до сихъ поръ), сдѣлалось съ установленіемъ гражданской равноправности однимъ изъ обычныхъ явленій и въ буржуазной средѣ.

Наконецъ, нужно еще отмѣтить, что милитаризмъ не остался

безъ вліянія на развитіе современнаго капиталистическаго производства: не слѣдуетъ забывать, что существуютъ цѣлыя обширныя производства съ крупными денежными оборотами и многими тысячами рабочихъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ нуждамъ военнаго дѣла. Государства тратятъ громадныя суммы на вооруженіе и на обмундированіе армій, тѣмъ самымъ поддерживая массу фабрикъ и заводовъ, которые иначе не могли бы существовать, такъ что, благодаря милитаризму, не только расширяется производство предметовъ, необходимыхъ и въ мирномъ быту (наприм., сукна, холста и т. п.), но и прямо создаются такія отрасли производства, по отношенію къ которымъ государство является единственнымъ заказчикомъ, наприм., во всемъ, что связано съ постройкою и оборудованіемъ военныхъ судовъ, съ артиллеріей и т. п. Нѣкоторые заводы, работающіе на удовлетвореніе военныхъ надобностей, даже достигли настоящаго соціальнаго могущества, какъ наприм., сталелитейная фирма Круппа близъ Эссена въ Рейнской области Пруссіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ея владѣлецъ сдѣлалъ одно важное изобрѣтеніе въ пушечномъ дѣлѣ, очень скоро прославившее его имя и доставившее ему массу заказовъ изъ разныхъ государствъ. Вычисляютъ, что незадолго до своей смерти, въ 1887 г., онъ могъ уже похвастаться, что на его заводѣ было изготовлено по заказу тридцати четырехъ государствъ болѣе двухсотъ тысячъ орудій, и это вполнѣ оправдывало данное ему прозвище «пушечнаго короля». Исключительно для своихъ надобностей фирма Круппа къ послѣднимъ годамъ XIX в. владѣла четырьмя каменноугольными участками и болѣе, нежели 400 желѣзными рудниками, между прочимъ, въ Испаніи, откуда желѣзную руду стали привозить въ Германію особые, нарочно къ этому приспособленные пароходы.

Современный капитализмъ отличается тенденціей производства выходить изъ границъ, ставимыхъ ему условіями рынка, вслѣдствіе чего нерѣдко возникало перепроизводство тѣхъ или другихъ продуктовъ, остающихся непотребленными. Они, однако, необходимо должны были быть потреблены, причемъ однимъ изъ средствъ для этого являлось обращеніе ихъ на дальнѣйшее производство, поскольку непотребленіе тѣхъ или другихъ вещей имѣетъ почти такое же значеніе, какъ полное уничтоженіе потраченнаго на ихъ производство капитала. Непотребленные доходы естественно искали выгоднаго помѣщенія въ самой же про-

мышленности, ихъ создающей. Покупательныя средства общества обыкновенно отстаютъ въ своемъ ростѣ отъ развитія промышленности, и потому свободные капиталы стали пристраиваться ихъ обладателями въ болѣе бѣдныхъ странахъ. Милитаризмъ стоитъ въ тѣсной связи также съ стремленіемъ капиталистическихъ странъ пріобрѣтать внѣшніе рынки для вывоза продуктовъ своей промышленности—при соперничествѣ и борьбѣ между европейскими государствами изъ-за этихъ рынковъ и колоній. Расходы на военное дѣло сами по себѣ тоже играли роль регулятора, устанавливавшаго извѣстное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, такъ какъ изготовленіе всего того, что нужно для сухопутной арміи и военнаго флота, стало поглощать въ большой мѣрѣ и избыточные капиталы, и избыточную рабочую силу капиталистическаго строя. Если принять въ расчетъ, что въ военномъ дѣлѣ за послѣднія десятилѣтія XIX в. было произведено множество техническихъ усовершенствованій, заставлявшихъ перевооружать по-новому военныя силы отдѣльныхъ государствъ, то мы поймемъ, почему въ дѣлѣ указаннаго поглощенія свободныхъ капиталовъ и рабочихъ рукъ можно поставить, на одномъ ряду съ вывозомъ капиталовъ или продуктовъ промышленности въ чужія страны или въ колоніи, съ другой стороны и удовлетвореніе требованій, какія представлялись въ отдѣльныхъ странахъ военными вѣдомствами этихъ странъ.

Съ двадцатыхъ годовъ XIX в. въ Западной Европѣ любили противополагать одинъ другому военный и промышленный типы общества,—точка зрѣнія, съ которою мы встрѣчаемся у сенъ-симонистовъ и у Огюста Конта, позднѣе у Спенсера,—и вотъ какъ бы въ опроверженіе формулы, по которой индустріальнымъ строемъ смѣняется и вытѣсняется строй милитарный, къ концу XIX в., наоборотъ, стало наблюдаться, какъ самъ милитаризмъ питалъ индустрію, и какъ потребности послѣдней въ свою очередь создавали условія, нужныя для процвѣтанія милитаризма. Новѣйшіе успѣхи военной техники даже прямо сдѣлались причиною почти безостановочнаго роста расходовъ на армію и на флотъ въ невоенное время и, соотвѣтственно съ этимъ, громаднаго развитія производствъ, удовлетворяющихъ потребности государства въ большой, хорошо вооруженной и снабженной всѣмъ необходимымъ военной силѣ. Въ народномъ хозяйствѣ каждой страны военные расходы представляютъ собою настоящую непроизводительную трату, но какъ-разъ это самое обстоятельство до извѣстной сте-

пени выводило капиталистическій строй изъ тѣхъ затрудненій, какія создаются, съ одной стороны, промышленнымъ перепроизводствомъ; съ другой — переполненіемъ рабочаго рынка свободными руками. Наконецъ военная служба, хотя и не очень продолжительная, но очень большого количества молодежи, охраняла рынокъ труда отъ излишняго переполненія его людьми, ищущими и не находящими заработка, какъ, въ свою очередь, займы, къ какимъ прибѣгаютъ правительства для усиленія своей боевой готовности, немало способствовали болѣе или менѣе выгодному помѣщенію капиталовъ, которые иначе не находили бы себѣ примѣненія. Между несомнѣнно мирными стремленіями индустріальнаго строя общества и указанною связью современныхъ милитаризма и капитализма, обнаружилось, такимъ образомъ, явное противорѣчіе, но давленіе экономическихъ условій, благопріятныхъ для милитаризма, оказалось болѣе могущественнымъ, нежели миролюбіе индустріальнаго строя, и если бы въ одинъ прекрасный день правительства сразу вздумали разоружиться, это вызвало бы громадное экономическое потрясеніе. Нельзя забывать также еще и того, что въ связи съ развитіемъ капиталистическаго строя находится колоніальная политика европейскихъ государствъ, принявшая грандіозные размѣры съ середины восьмидесятыхъ годовъ и потому потребовавшая небывалаго усиленія морскихъ вооруженій.

XXXI. Международная политика послѣдней трети XIX в. [1]).

Главные результаты разгрома Франціи въ исторіи международныхъ отношеній.—Окончательное объединеніе Германіи и Италіи.—Возвращеніе Россіей свободы дѣйствій на Черномъ морѣ.—Идея французскаго реванша.—Союзъ трехъ императоровъ.—Опасность войны въ 1875 г.—Австро-балканскія отношенія въ XIX в.—Роль Россіи въ Турціи.—Балканскій кризисъ и война 1877—1878 гг.—Санъ-стефанскій договоръ и берлинскій конгрессъ.—Австро-германскій союзъ и присоединеніе къ нему Италіи.—Возникновеніе франко-русскаго союза.—Балканскія дѣла въ концѣ XIX в.—Гаагская мирная конференція.

Война 1870—71 г. должна была рѣшить вопросъ, Пруссія ли, успѣвшая уже стать во главѣ половины прежней Германіи, или Франція будетъ въ дальнѣйшемъ задавать тонъ Европѣ, и

---

[1]) Уч. кн., §§ 338—341.—И. З. Е., т. VI, гл. IV, XII и XIII.

вопросъ этотъ былъ рѣшенъ при Седанѣ 2 сентября 1870 г. Вторая французская имперія пала, а сама Франція была обезсилена, унижена и на долгое время была лишена возможности играть какую бы то ни было роль въ международныхъ отношеніяхъ. Первенство перешло къ Германіи. Вторымъ важнымъ результатомъ войны было завершеніе объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Австрія была выбита изъ той позиціи, какую она занимала въ Германіи, и исключена изъ самаго состава послѣдней еще въ 1866 г., но австрійскіе государственные люди въ концѣ шестидесятыхъ годовъ еще не теряли надежды на поворотъ колеса исторіи въ ихъ пользу. Съ разгромомъ Франціи австрійское правительство должно было оставить всякіе расчеты на измѣненіе того, что было результатомъ войны 1866 г. и такъ блестяще было закрѣплено побѣдами 1870—71 гг. Мало того: Австрія даже вступила съ Германіей въ союзъ, въ которомъ доминирующую роль играла новая имперія. Такъ окончился давнишній споръ между двумя нѣмецкими династіями, Габсбургами и Гогенцолернами, споръ и между ихъ государствами, Австріей и Пруссіей, о томъ, кому стоять во главѣ нѣмецкой націи. Кромѣ Австріи, помѣхою объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи была Франція. Дипломатическое вмѣшательство Наполеона III въ 1866 г. воспрепятствовало Пруссіи извлечь изъ своей побѣды надъ Австріей всѣ выгоды, какія только было можно. Послѣ 1866 г. въ Германіи смотрѣли на политику Наполеона III, какъ на главную помѣху къ германскому единству: Седанъ эту помѣху устранилъ. Войну 1870—71 г. Пруссія вела въ полномъ единеніи съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ и въ союзѣ съ южно-германскими государствами, съ которыми она еще раньше заключила тайные договоры противъ Франціи. Въ сущности, между 1866 и 1870 гг. южно-германскія правительства колебались между двумя политическими направленіями, изъ которыхъ одно было за вступленіе въ обще-германскій союзъ (оно было сильно въ Баденѣ), а другое, наоборотъ, защищало мѣстную независимость (особенно въ Баваріи). Но у этихъ государствъ съ Пруссіей была и другая связь: всѣ они были членами Таможеннаго союза, и Бисмаркъ именно съ этой стороны привлекъ ихъ къ участію въ общихъ дѣлахъ: еще въ 1867 г. онъ заключилъ съ ними договоръ, въ силу котораго южно-германскія государства должны были участвовать въ совмѣстномъ разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся Таможеннаго союза. Для этого между 1867 и 1870 гг. три раза со-

зывался такъ называемый таможенный парламентъ, бывшій, можно сказать, своего рода рейхстагомъ, дополненнымъ представителями отъ южно-германскихъ государствъ. Большинство членовъ таможеннаго парламента, выбранныхъ тоже всеобщею подачею голосовъ, было противъ дальнѣйшаго объединенія, но война съ Франціей склонила правительства названныхъ государствъ къ вступленію въ общій союзъ. Сами государи выразили желаніе примкнуть къ государствамъ, уже находившимся подъ гегемоніей Пруссіи, и баварскій король прямо предложилъ возстановить для Германіи ея старое историческое наименованіе имперіей (Reich), а для общаго главы ея—старый же титулъ императора (Kaiser), выговоривъ, впрочемъ, для своего королевства кое-какія привилегіи (особая почта, особая военная форма). Собранный въ концѣ ноября 1870 г. сѣверо-германскій рейхстагъ принялъ переданные на его разсмотрѣніе договоры Пруссіи съ южно-германскими государствами и новые титулы для самой Германіи и ея главы и послалъ къ Вильгельму I депутацію съ изъявленіемъ желанія націи. Пріемъ депутатовъ прусскимъ королемъ состоялся 18 декабря, а ровно черезъ мѣсяцъ, 18 января 1871 г., въ сто семидесятую годовщину возложенія курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ III на свою голову прусской королевской короны, произошло въ большой зеркальной залѣ версальскаго дворца, въ присутствіи германскихъ государей, военачальниковъ и депутатовъ, торжественное принятіе Вильгельмомъ I императорскаго титула. Черезъ два мѣсяца, 21 марта, совершилось и открытіе перваго обще-германскаго рейхстага.

Франція въ концѣ шестидесятыхъ годовъ была помѣхою для окончательнаго объединенія не только Германіи, но и Италіи. Когда Наполеономъ III была объявлена война Пруссіи, Италія лишь потому не стала на сторону Франціи, что Наполеонъ III ни за что не соглашался допустить присоединеніе Рима къ національному королевству итальянцевъ, и вотъ едва только пришло въ Италію извѣстіе о паденіи второй имперіи, какъ Викторъ-Эммануилъ объявилъ о прекращеніи конвенціи 1864 г. и отправилъ къ римской границѣ обсерваціонный корпусъ, обратившись къ Пію IX съ предложеніемъ ограничиться обладаніемъ правобережною частью Рима съ Ватиканомъ. Отказъ папы принять это условіе повлекъ за собою вступленіе войска Виктора-Эммануила II въ Папскую область и занятіе имъ самого Рима 20 сентября 1870 г. Такъ произошло окончательное объединеніе Ита-

ліи, и прекратилась свѣтская власть папы, державшаяся за послѣднія двадцать лѣтъ только вслѣдствіе поддержки со стороны Франціи.

Паденіе имперіи Наполеона III имѣло результатомъ отмѣну не одной только конвенціи 1864 г. относительно Рима. Къ числу политическихъ тріумфовъ Наполеона III относится парижскій трактатъ 1856 г., одною изъ статей котораго Черное море объявлялось нейтральнымъ, такъ что ни одно государство не могло содержать на немъ ни военнаго флота, ни арсеналовъ. Черезъ четыре дня послѣ паденія Меца русское правительство оповѣстолий другія державы о томъ, что болѣе не считаетъ себя связаннымъ трактатомъ 1856 г. и потому возвращаетъ себѣ полную свободу дѣйствій на Черномъ морѣ. Правда, Англія и Австрія протестовали противъ этого, да и прусскій король былъ, повидимому, недоволенъ; изъ-за вопроса о силѣ трактата 1856 г. Англія при болѣе благопріятныхъ условіяхъ даже объявила бы войну, но дѣло уладилось мирно на конференціи въ Лондонѣ въ началѣ 1871 г. Россіи пришлось согласиться въ принципѣ, что никто не имѣетъ права отказываться отъ соблюденія международныхъ трактатовъ, но зато тутъ же въ Лондонѣ былъ составленъ новый трактатъ, признававшій свободу дѣйствій Россіи на Черномъ морѣ. Турція примирилась съ такимъ исходомъ пересмотра вопроса о Черномъ морѣ: лишившись въ лицѣ Наполеона III защитника и покровителя, она даже подпала послѣ этого подъ вліяніе Россіи.

Всѣ крупные международные вопросы, повидимому, были рѣшены, но одна опасность для общаго мира все-таки еще оставалась: это былъ эльзасъ-лотарингскій вопросъ, это было стремленіе французовъ къ отмщенію, идея такъ называемаго «реванша». Жители отторгнутой отъ Франціи области были противниками присоединенія къ Германіи; это признавало и само ея правительство, заявившее устами Бисмарка, что его задача преодолѣть враждебное къ Германіи настроеніе посредствомъ терпѣнія. Новое правительство начало германизировать присоединенную область: всѣ чиновники были изъ нѣмцевъ; нѣмецкій языкъ дѣлался языкомъ администраціи, судовъ, школы, желѣзныхъ дорогъ, даже вывѣсокъ надъ частными торговыми и промышленными заведеніями; всякаго рода оказательство французскихъ симпатій строго каралось штрафами и тюрьмою, были ли то флаги съ національными цвѣтами Франціи, французскія пѣсни, или рѣчи, га-

зетныя статьи съ французскимъ направленіемъ. Тяготѣніе эльзасцевъ и лотарингцевъ къ Франціи вообще раздражало нѣмцевъ, но особенно непріятно подѣйствовало на нихъ то, что когда въ 1874 г. населенію Эльзасъ-Лотарингіи было предоставлено выбрать депутатовъ въ рейхстагъ, оно послало всѣхъ полагавшихся на область депутатовъ въ рейхстагъ лишь для заявленія протеста противъ присоединенія, съ требованіемъ предоставить самому населенію право рѣшить свою участь. Во Франціи внимательно слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ трехъ отторгнутыхъ департаментахъ, и вопросъ о ихъ возвращеніи въ лоно прежняго французскаго отечества сдѣлался одной изъ самыхъ популярныхъ темъ во Франціи. «Реваншъ» именно въ томъ и долженъ былъ, главнымъ образомъ, заключаться, чтобы, собравшись съ силами, поколотить пруссаковъ и отнять у нихъ область, которую они неправильно захватили. Толки о такомъ настроеніи французовъ безпокоили нѣмцевъ и давали германскому правительству поводъ говорить о необходимости охраны европейскаго мира противъ возможнаго его нарушенія со стороны Франціи.

Боялись, впрочемъ, въ Европѣ не одной Франціи, которая когда-нибудь, зажжетъ пожаръ войны, боялись еще и самой Германіи, такъ какъ ей приписывались дальнѣйшіе завоевательные планы. Бисмаркъ,—«желѣзный канцлеръ», какъ особенно любили его называть,—сдѣлался какимъ-то пугаломъ Европы: вездѣ видѣли его руку, его интригу. Ожидали, что Пруссія, одержавъ побѣды въ войнахъ на три фронта, т. е. на сѣверѣ, на югѣ и на западѣ, не оставитъ въ покоѣ и свою сосѣдку на третьемъ, восточномъ, фронтѣ, Россію. Но особенно вѣроятнымъ казалось, что объединенная Германія, занявъ первенствующее положеніе въ Европѣ, будетъ продолжать увеличивать свои владѣнія на счетъ малыхъ странъ. Предполагали, именно, что у нѣмцевъ былъ планъ овладѣть Голландіей съ ея богатыми колоніями; въ Бельгіи и Люксембургѣ тоже тревожились за свою судьбу; считалось также вѣроятнымъ, что національное объединеніе Германіи потребуетъ присоединенія къ ней еще нѣмецкихъ частей Австріи и Швейцаріи, равно какъ остзейскихъ губерній Россіи. Оффиціальныя заявленія германскаго правительства о томъ, что, достигнувъ единства, Германія въ полномъ обладаніи своихъ силъ будетъ стоять на стражѣ общаго мира, принималась за простой отводъ глазъ отъ истинныхъ цѣлей политики «желѣзнаго канцлера».

Опасенія оказались, однако, напрасными, и миръ нарушенъ

не былъ. Въ первые годы послѣ основанія новой имперіи оплотомъ общаго мира считалась международная комбинація, получившая названіе «союза трехъ императоровъ» (Dreikaiserbund), хотя, собственно говоря, тогда не было заключено никакого союзнаго договора. Это было сближеніе государей Германіи, Австріи и Россіи, имѣвшее уже свои прецеденты и въ прежнія времена: въ эпохи польскихъ раздѣловъ, борьбы съ Наполеономъ и Священнаго союза. Восточная война 1853—57 гг., какъ извѣстно, ослабила эти узы между Россіей и Австріей, а война 1866 г. между Австріей и Пруссіей. Послѣ побѣдъ послѣдней и образованія ею Германской имперіи Австрія, до того времени дѣйствовавшая враждебно по отношенію и къ Пруссіи, и къ Россіи, начала искать сближенія съ новой имперіей, а черезъ нее стала въ болѣе близкія отношенія и къ Россіи. Въ теченіе 1871 г. австрійское правительство неразъ старалось показать, что его отношенія къ Германіи наилучшія. Австрійскій министръ, графъ Бейстъ, еще недавній пруссофобъ, заявилъ австро-венгерскимъ делегаціямъ, что габсбургская монархія находится въ дружбѣ съ Германіей и съ Италіей; вскорѣ затѣмъ онъ поѣхалъ на свиданіе съ Бисмаркомъ, состоявшееся въ Гаштейнѣ, послѣ чего и оба государя сами съѣхались въ Зальцбургѣ. Бейстъ, впрочемъ, въ концѣ 1871 г. былъ замѣненъ мадьяромъ Андраши; эта перемѣна была не только симптомомъ новаго настроенія въ австрійскомъ правительствѣ, но и факторомъ начавшагося сближенія между обѣими имперіями. Тогда же, въ концѣ 1871 г., германскіе побѣдители пріѣзжали въ Петербургъ, гдѣ Вильгельмъ I встрѣтилъ самый сердечный пріемъ со стороны Александра II, торжественно провозгласившаго, что давнишняя и испытанная дружба обоихъ государей является наилучшимъ обезпеченіемъ мира и порядка въ Европѣ. Отвѣтные визиты русскаго и австрійскаго императоровъ въ Берлинъ состоялись одновременно въ началѣ сентября 1872 г. Это свиданіе трехъ императоровъ,—давшее поводъ говорить о союзѣ между ними,—было принято общественнымъ мнѣніемъ Европы за доказательство того, что наиболѣе могущественныя державы континента признаютъ новую имперію, видятъ въ ея существованіи лучшій залогъ мира и потому отнюдь не намѣрены поощрять французскія мечты о реваншѣ. Рядъ новыхъ свиданій между монархами въ слѣдующихъ годахъ поддерживалъ создавшееся въ 1871—72 гг. настроеніе и идею о существованіи союза трехъ императоровъ. Въ 1873 г. и Викторъ-

Эммануилъ пріѣзжалъ въ Вѣну и въ Берлинъ, что́ вызвало отвѣтные визиты обоихъ императоровъ, посѣтившихъ, однако, итальянскаго короля не въ Римѣ — изъ вѣжливости по отношенію къ лишенному свѣтской власти папѣ.

Несмотря на всѣ эти свиданія и увѣренія въ прочности мира, тревога по поводу возможности новой войны не прекращалась. Однимъ изъ показателей такого настроенія были возникшіе весною 1875 г. слухи о близости новой войны между Германіей и Франціей. Во Франціи въ 1875 г. былъ изданъ новый законъ о кадрахъ арміи, въ чемъ Мольтке усмотрѣлъ приготовленіе къ войнѣ въ недалекомъ же будущемъ; тогда германскій посолъ въ Парижѣ, по порученію своего правительства, обратился къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою принять къ свѣдѣнію, что въ Берлинѣ французскія вооруженія почитаются за угрожающее дѣйствіе. Министръ (Деказъ) отвѣтилъ, что къ свѣдѣнію онъ этого не принимаетъ, потому что опасенія германскаго правительства неосновательны. Возбужденіе даннаго вопроса сдѣлалось извѣстнымъ прессѣ, которая стала обсуждать и шансы войны, и планы пруссаковъ касательно новыхъ милліардовъ. Заговорили и дипломаты: Деказъ разсказалъ, что́ произошло, русскому послу Орлову, французскій посолъ въ Петербургѣ, Лефло,—канцлеру Горчакову и даже самому Александру II. Съ русской стороны французскимъ дипломатамъ даны были самыя успокоительныя завѣренія, а Александръ II даже сказалъ, что самъ поѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ достаточно будетъ его слова для сохраненія мира. Онъ, дѣйствительно, посѣтилъ Вильгельма I, послѣ чего о войнѣ перестали говорить. Германскій императоръ и Бисмаркъ старались увѣрить, что никакихъ плановъ на счетъ войны съ Франціей у нихъ не было, что все это одна выдумка; Бисмаркъ даже свалилъ все на своего недруга, русскаго канцлера. Чтобы придать больше силы своимъ завѣреніямъ, имперскій канцлеръ выразился такъ, что подобнаго рода предпріятіе, какъ война съ Франціей, была бы «колоссальною глупостью». Во всякомъ случаѣ, миръ не былъ нарушенъ, но за то въ слѣдующемъ же году явились первые признаки крупныхъ международныхъ осложненій, на этотъ разъ уже на Востокѣ, въ Оттоманской имперіи.

Парижскій конгрессъ 1856 г. подтвердилъ неприкосновенность территоріи Оттоманской имперіи и отказался отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, такъ какъ турецкое правительство обѣщало произвести реформы въ интересахъ христіанскихъ поддан-

ныхъ султана. Послѣ этого политическое вліяніе въ Турціи перешло къ Франціи, при поддержкѣ которой въ согласіи съ Россіей, но противъ Англіи и Австріи произошло объединеніе Молдавіи и Валахіи въ единую Румынію (1859). Восточный вопросъ на время былъ улаженъ. Россія занялась внутренними реформами, да и Австріи въ эпоху войнъ 1859, 1864 и 1866 г. и собственныхъ конституціонныхъ преобразованій тоже было не до Балканскаго полуострова. Только послѣ 1866 г., когда Австрія исключена была изъ Германіи и утратила свою послѣднюю позицію въ Италіи, передъ ея правительствомъ открылась дорога къ компенсаціямъ за происшедшія потери путемъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ. Еще въ 1815 г., съ пріобрѣтеніемъ Далмаціи, Австрія сдѣлалась сосѣдкою Оттоманской имперіи не только съ сѣвера, но и съ запада и пришла въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Босніей и Герцеговиной. Здѣсь, въ западной части Балканскаго полуострова, подъ властью турокъ продолжала жить значительная часть сербо-хорватскаго племени, другія части котораго населяли южную Венгрію, Хорватію и Далмацію, а къ югу отъ послѣдней Черногорію, успѣшно отстаивавшую свою независимость отъ турокъ. Многіе турецкіе сербы уходили во владѣнія Габсбурговъ, поступали въ австрійскую военную службу, и въ Австрію же спасались бѣгствомъ сербскіе повстанцы, когда имъ приходилось на время отказываться отъ своей національной мечты о независимости отъ турокъ. Когда Сербія сдѣлалась автономнымъ княжествомъ, ея правительству, въ сороковыхъ годахъ XIX в., приходилось угождать не только султану, по отношенію къ которому сербскій князь былъ вассаломъ, но и Австріи, какъ могущественной сосѣдкѣ. Въ народѣ были даже недовольны слишкомъ угодливою политикою князя Александра Карагеоргіевича передъ мусульманскою и католическою державами, и онъ былъ низложенъ, и второй его преемникъ изъ династіи Обреновичей, Михаилъ, уже носился съ мыслью объ объединеніи всѣхъ православныхъ сербовъ въ одно государство къ великому неудовольствію Австріи, покровительствовавшей поэтому Карагеоргіевичамъ. Послѣ того, какъ Сербія лишь номинально стала зависѣть отъ султана и въ ней со введеніемъ конституціи (1869) началось культурное и экономическое развитіе, она начала быстро сближаться съ Австріей въ хозяйственномъ отношеніи, что повлекло за собою и болѣе австрофильскую внутреннюю политику правительства, тогда какъ народная масса продолжала тяготѣть къ

Россіи. Великосербская агитація не могла нравиться австрійскому правительству въ виду того, что у монархіи Габсбурговъ были свои подданные сербской народности и что сербскіе патріоты надѣялись на помощь Россіи. Подобнымъ же образомъ Австрія должна была выступить противницей и объединенія Молдавіи и Валахіи въ единую Румынію, сама имѣя массу подданныхъ румынской національности въ Трансильваніи. Позднѣе въ Румыніи возникло даже движеніе «неискупленной Румыніи», вожди котораго указывали на то, что еще болѣе трехъ милліоновъ румыновъ находятся подъ чужою властью, главнымъ образомъ, Габсбурговъ. По отношенію къ сербамъ и къ румынамъ австрійское правительство чувствовало себя, можно сказать, совершенно такъ же, какъ раньше по отношенію къ нѣмцамъ и итальянцамъ за предѣлами габсбургской монархіи. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ оно повело болѣе энергичную политику на Балканскомъ полуостровѣ: въ 1874 г. съ Сербіей и Румыніей были заключены торговые договоры, тѣснѣе связывавшіе оба княжества съ Австро-Венгріей въ экономическомъ отношеніи; не безъ политическаго значенія была и поѣздка Франца-Іосифа, въ 1875 г., въ Далмацію, во время которой принималъ депутацію изъ сосѣднихъ турецкихъ областей.

Главнаго врага своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ Австрія видѣла въ Россіи, традиціонной покровительницѣ турецкихъ христіанъ. Неисполненіе султаномъ обѣщаній 1856 г. снова заставило христіанскихъ подданныхъ султана обратить свои взоры на единовѣрную Россію, которая и послѣ 1856 г. продолжала отстаивать интересы отдѣльныхъ балканскихъ народностей. Паденіе имперіи во Франціи, сопровождавшееся объявленіемъ со стороны Россіи отмѣны нейтральности Чернаго моря, имѣло своимъ слѣдствіемъ переходъ вліянія въ Константинополѣ отъ Франціи попрежнему къ Россіи. Особымъ покровительствомъ съ русской стороны стали пользоваться среди турецкой «райи» болгары, угнетавшіеся не только турками, но и высшимъ греческимъ духовенствомъ, коему были подчинены, не имѣя собственнаго, національно-болгарскаго церковнаго устройства. И въ этомъ случаѣ стремленіе Австріи и Россіи встрѣтились враждебно между собою: австрійскіе агенты католической пропаганды стали обращать болгаръ въ унію, но Россіи удалось добиться отъ султана согласія на учрежденіе для болгаръ особаго, независимаго отъ патріарха духовнаго главы, экзарха (1872).

Таковы были международныя отношенія въ восточной половинѣ Европы, когда лѣтомъ 1875 г. совершенно неожиданно вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ. Въ Россіи съ самаго начала многіе думали, что подстрекательницею въ данномъ случаѣ явилась Австрія, какъ, наоборотъ, въ Западной Европѣ стали въ подстрекательствѣ обвинять Россію. Во всякомъ случаѣ, въ Россіи герцеговинское возстаніе было встрѣчено большимъ сочувствіемъ, но еще бóльшее сочувствіе нашли повстанцы въ единоплеменныхъ Черногоріи и Сербіи. Въ Австро-Венгріи теперь прямо опасались, какъ бы начавшееся движеніе не окончилось присоединеніемъ Герцеговины къ Черногоріи, а Босніи къ Сербіи. Всѣ усилія Андраши были направлены къ тому, чтобы Герцеговина и Боснія оставались въ составѣ Оттоманской имперіи. Русское правительство тоже стояло на той точкѣ зрѣнія, что не нужно давать пожару разрастись, а для этого было предположено установить въ Вѣнѣ «центръ соглашенія» трехъ императорскихъ дворовъ, дабы вмѣстѣ съ остальными великими державами уладить дѣло. Съ самаго, однако, начала переговоровъ между Бисмаркомъ и Андраши было, повидимому, условлено направлять все дѣло такъ, чтобы, въ концѣ концовъ, состоялось присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи, о чемъ заходилъ разговоръ и на свиданіи, въ 1876 г., русскаго и австрійскаго государей въ Рейхштадтѣ. Рѣшено было оказать давленіе на Порту, чтобы она произвела необходимыя внутреннія реформы, и въ этомъ смыслѣ былъ составленъ такъ называемый «берлинскій меморандумъ», декларація трехъ императорскихъ дворовъ, къ которой примкнули Франція и Италія, но Англія отказалась отъ присоединенія къ ней, потому что стоявшій тогда во главѣ англійскаго правительства Дизраэли слѣдовалъ традиціонной политикѣ противодѣйствія всѣмъ планамъ Россіи касательно Оттоманской имперіи.

Герцеговинское возстаніе, скоро перебросившееся въ Боснію и нашедшее поддержку изъ Черногоріи и Сербіи, къ веснѣ слѣдующаго года только усилилось, и тогда примѣру герцеговинцевъ съ босняками послѣдовали болгары (первая вспышка въ маѣ), которыхъ стали съ страшной жестокостью усмирять турецкіе баши-бузуки. Одновременно среди мусульманъ началось движеніе противъ христіанъ и европейцевъ, и въ Салоникахъ толпа убила французскаго и германскаго консуловъ. Въ столицѣ Турціи происходило революціонное движеніе противъ султана Абдулъ-

Азиса. Главную роль въ агитаціи играла партія младотурокъ, убѣдившихъ главу турецкаго духовенства, шейхъ-уль-ислама, что Абдулъ-Азисъ не способенъ управлять имперіей, и тотъ издалъ «фетву», на основаніи которой султанъ былъ низложенъ (30 мая), а вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ лишилъ себя жизни, или «былъ самоубитъ», какъ выражались тогдашнія газеты. Въ короткое царствованіе Мурада V, тоже скоро низложеннаго, Турціи объявила войну Сербія (Черногорія открыто перешла на сторону возстанія еще раньше), и новому султану, Абдулъ-Гамиду, пришлось напрячь всѣ силы Турціи для борьбы со славянами на сѣверѣ Балканскаго полуострова. Всѣ эти событія заставили европейскія державы болѣе дѣятельно вмѣшаться въ дѣла Оттоманской имперіи, причемъ наиболѣе энергіи было проявлено со стороны Россіи (посылка изъ Россіи въ Сербію денежной помощи и добровольцевъ, русскій ультиматумъ, остановившій вторженіе турокъ въ Сербію послѣ одного пораженія сербовъ), противодѣйствіе же русской политикѣ оказывала преимущественно Англія, тѣмъ самымъ поощрявшая правительство султана въ его сопротивленіи требованіямъ державъ. Однимъ изъ средствъ для избавленія Турціи отъ европейскаго вмѣшательства, по мнѣнію младо-турецкаго министерства, было введеніе въ Оттоманской имперіи конституціи, которая совершенно неожиданно была провозглашена въ концѣ 1876 г., чтобы, впрочемъ, быть очень скоро послѣ этого отмѣненною.

Присоединеніе къ возстанію Черногоріи, Сербіи и Болгаріи, упорное сопротивленіе представленіямъ державъ со стороны турецкаго правительства, низложеніе двухъ султановъ, объявленіе конституціи сами по себѣ были событіями, которыя не могли не усилить дѣятельность дипломатіи, а тутъ еще и взбудоражившія общественное мнѣніе въ Европѣ салоникское убійство, кровавое усмиреніе болгарскаго возстанія [1]), опасность подобнаго же разгрома Сербіи, тревога европейскихъ кредиторовъ Турціи, оказавшейся не въ состояніи выплачивать аккуратно проценты по займамъ, также вынуждали европейскія правительства дѣйствовать болѣе рѣшительно. За берлинскимъ меморандумомъ послѣдовали новые, но безрезультатные шаги державъ. Въ такъ называемомъ «лондонскомъ протоколѣ», подписанномъ представите-

[1]) Такъ называемыя турецкія звѣрства, по поводу которыхъ особенно краснорѣчивую брошюру написалъ Гладстонъ, вождь либеральной оппозиціи въ министерство Дизраэли, отличавшагося своимъ туркофильствомъ.

лями шести великихъ державъ въ мартѣ 1877 г., было сказано, что если надежды державъ на обѣщанныя турецкимъ правительствомъ реформы не оправдаются, то державы сообща примутъ мѣры, какія признаютъ наиболѣе цѣлесообразными для дѣйствительнаго обезпеченія благосостоянія турецкихъ христіанъ и всеобщаго мира. Россія, которая въ это время уже готовилась къ войнѣ, присоединила декларацію, выражавшую согласіе приступить къ разоруженію, если Турція выкажетъ готовность поставить свои войска на мирную ногу и серьезно приняться за осуществленіе реформъ. Порта отвергла эту послѣднюю попытку мирнаго улаженія балканскаго кризиса, и 12 апрѣля Александръ II объявилъ Турціи войну.

Восточная война 1877—1878 г. велась Россіей противъ Турціи и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ союзѣ съ Россіей находились еще Румынія, Черногорія и Сербія, другія же государства оставались нейтральными. Въ нѣкоторыхъ странахъ, однако, царило въ общественномъ мнѣніи настоящее туркофильство: наиболѣе въ этомъ отношеніи отличались англичане и мадьяры. По старой памяти о реакціонной роли Россіи не очень дружелюбно относились къ ней и въ другихъ странахъ, и напр., въ соціалъ-демократической прессѣ Германіи зазвучали старыя славянофобскія ноты Маркса. На сторонѣ Россіи общественное сочувствіе было сильно среди австрійскихъ славянъ (особенно чеховъ, отнюдь не поляковъ), но за то австрійское правительство держало себя двусмысленно, заранѣе выговоривъ за свой нейтралитетъ вознагражденіе на Балканскомъ полуостровѣ. Хитрилъ и Бисмаркъ, затаенною мыслью котораго было обезсилить Россію. Англійское правительство прямо грозило выйти изъ нейтралитета, если Россія затронетъ интересы Великобританіи, простиравшіеся на Босфоръ и на Дарданеллы. Когда русскія войска въ началѣ 1878 г. подошли съ суши къ самому Константинополю, со стороны моря явилась передъ нимъ англійская эскадра, и у парламента былъ испрошенъ кредитъ на вооруженія, въ чемъ заключалась уже прямая угроза войною. Въ то же время и Австрія заняла весьма угрожающее положеніе.

Ходъ войны извѣстенъ. Послѣ нѣкоторыхъ неудачъ (Плевна) русскіе войска перешли среди величайшихъ трудностей черезъ Балканы и достигли Босфора, на берегу котораго, въ Санъ-Стефано, въ виду турецкой столицы и былъ 19 февраля 1878 г. подписанъ миръ между обоими государствами, но еще передъ

этимъ, въ виду враждебнаго отношенія Англіи и Австріи, русскій государственный канцлеръ, князь Горчаковъ, обратился къ Бисмарку съ просьбою собрать въ Берлинѣ конгрессъ изъ первыхъ министровъ великихъ державъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ новаго положенія дѣлъ.

Санъ-Стефанскій миръ оставлялъ за султаномъ въ Европѣ лишь Константинополь съ Адріанополемъ и Салониками на в., Эпиръ съ Ѳессаліей на ю. и Албанію вмѣстѣ съ Босніею и Герцеговиною на з., вся же центральная часть отъ Дуная до Архипелага и отъ Чернаго моря до Охридскаго озера должна была составить, въ вассальной зависимости отъ султана, автономное княжество Болгарское. Черногорію, Сербію и Румынію, участвовавшія въ войнѣ, Турція должна была признать независимыми государствами, и имъ предназначались земельныя приращенія: Черногоріи—со стороны Албаніи, Герцеговины и Адріатики; Румыніи—въ видѣ всей Добруджи съ возвращеніемъ Россіи части Бессарабіи; Сербіи—изъ Старой Сербіи. Между Сербіей и Черногоріей былъ оставленъ за султаномъ Ново-Базарскій санджакъ, имѣвшій въ будущемъ связывать Боснію и Герцеговину съ другими частями турецкой территоріи. Въ послѣднихъ вводились реформы по соглашенію между Россіей и Австро-Венгріей; реформы имѣлись въ виду и по отношенію къ армянамъ. Кромѣ того, Россія должна была получить денежное вознагражденіе съ замѣною большей ея части земельною уступкою въ Малой Азіи съ Ардаганомъ, Карсомъ, Батумомъ и Баязетомъ. Узнавъ объ этихъ условіяхъ, англійское правительство объявило сборъ резервовъ, а представителямъ своимъ при иностранныхъ дворахъ разослало циркуляръ о полной невозможности санъ-стефанскаго договора. Весьма рѣшительно возражала противъ санъ-стефанскаго договора и Австро-Венгрія, потребовавшая передачи ей Босніи и Герцеговины и уменьшенія границъ Болгаріи. Россіи угрожала перспектива новой войны при недовольствѣ Румыніи, Греціи и Сербіи созданіемъ большой Болгаріи. Тогда русское правительство согласилось на берлинскомъ конгрессѣ, собранномъ Бисмаркомъ лѣтомъ 1878 г., пойти на уступки. Именно, по рѣшенію этого конгресса большая Болгарія санъ-стефанскаго договора была раздроблена на вассальное княжество Болгарію къ с. отъ Балкановъ и на автономную турецкую провинцію Восточную Румелію, а все остальное пространство, зачерченное въ карту Болгаріи, съ побережьемъ Эгейскаго моря возвращалось Турціи,

а Боснію и Герцеговину было предоставлено оккупировать Австро-Венгріи съ номинальнымъ сохраненіемъ за султаномъ суверенныхъ правъ. Порта признала независимость Черногоріи, и княжество получило приращеніе территоріи, но урѣзанное. Сербія и Румынія тоже были признаны независимыми, но обѣщанное Сербіи увеличеніе территоріи было сокращено, Румынія же получила Добруджу взамѣнъ придунайской части Бессарабіи, возвращенной Россіи. Въ Малой Азіи Россія отказалась отъ Баязета. Наконецъ, выговорены были еще разныя обѣщанія со стороны Турціи въ пользу христіанъ, оставшихся въ ея непосредственномъ подданствѣ.

Такой исходъ берлинскаго конгресса, на которомъ Бисмаркъ, въ качествѣ «честнаго маклера», слишкомъ явно отстаивалъ интересы недруговъ Россіи, былъ принятъ въ Россіи съ крайнимъ недовольствомъ. Австрія ни за что, ни про что получила двѣ турецкія области, а Англія за защиту Турціи выговорила себѣ отъ нея Кипръ. Послѣ берлинскаго конгресса союзъ трехъ императоровъ не могъ уже болѣе существовать, и Бисмаркъ тогда устроилъ спеціальное австро-германское соглашеніе — противъ Россіи.

Въ политическіе планы Бисмарка никогда не входило сдѣлать изъ Австріи вѣчнаго врага Пруссіи. Въ 1866 г. онъ настоялъ на томъ, чтобы Вильгельмъ I отказался отъ своего намѣренія совершить тріумфальный въѣздъ въ Вѣну и получить для Пруссіи территоріальное приращеніе отъ Австріи, а потомъ сталъ совѣтовать Францу-Іосифу обратиться къ болѣе дѣятельной восточной политикѣ, цѣлью которой должны были быть Боснія и Герцеговина, обѣщая ему даже содѣйствіе Германіи въ достиженіи этой цѣли. Пока Францъ-Іосифъ еще расчитывалъ при помощи Франціи вернуть своей монархіи прежнее значеніе въ Германіи, онъ оставался глухъ къ подобнаго рода предложеніямъ, но послѣ разгрома Франціи онъ сталъ относиться болѣе внимательно къ совѣтамъ Бисмарка, и въ 1878 г. Австро-Венгрія «оккупировала» Боснію и Герцеговину. Какъ ни разошлись интересы Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ въ Германіи, все-таки обѣ эти династіи одинаково были нѣмецкія, да и Австро-Венгрія въ главной своей половинѣ оставалась государствомъ нѣмецкимъ. Если при объединеніи Германіи Австрію пришлось исключить изъ состава Германіи, то это еще не значило, что между прежними соперницами не могло образоваться, ради обще-нѣмецкихъ національныхъ интересовъ, все-

таки нѣкоторой связи. Нѣмецкая Австрія была для Германской имперіи своего рода форпостомъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ направленіи къ южнымъ морямъ германизма съ его національно-культурными и національно-экономическими интересами. Бисмаркъ хорошо понималъ, что особый союзъ съ Австріею будетъ одобренъ почти всѣми германскими партіями и что въ самой Австріи за него будутъ стоять также всѣ нѣмцы. Онъ расчитывалъ и на то, что въ мадьярахъ союзъ съ Германіей тоже будетъ популяренъ.

Въ 1879 г. Бисмаркъ добивался заключенія между обѣими имперіями не обычнаго только международнаго союза, а такого, который былъ бы своего рода внутреннимъ ихъ закономъ, принятымъ и германскимъ рейхстагомъ, и австро-венгерскими делегаціями и подлежащимъ, въ случаѣ надобности, отмѣнѣ не иначе, какъ тѣмъ же порядкомъ: между Германіей и Австро-Венгріей должна была установиться связь, подобная существовавшей въ Германскомъ союзѣ. Дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что если бы на одну напала Россія, другая обязывалась помочь своей союзницѣ всѣми своими вооруженными силами и безъ нея не заключать мира, а въ случаѣ нападенія какой-либо иной державы, отъ союзной имперіи требовалось лишь соблюденіе дружественнаго нейтралитета, развѣ только нападающей державѣ опять-таки не оказала бы помощь Россія. Старый императоръ возражалъ Бисмарку, что онъ жестоко ошибается относительно Россіи, но тотъ настаивалъ, грозя отставкою, и Вильгельмъ I мало-помалу началъ уступать, хватаясь лишь за разныя ограниченія и оговорки. Политическое соглашеніе между Германіей и Австро-Венгріей было дополнено и экономическимъ въ смыслѣ торговаго договора, на основаніи котораго обѣ державы стали одна къ другой въ положеніе наиболѣе благопріятствуемой стороны. Теперь старый антагонизмъ между обѣими главными нѣмецкими династіями былъ устраненъ, и хорошія отношенія между ними не нарушались болѣе никакими спорными вопросами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ не хотѣлъ порвать совсѣмъ и съ Петербургомъ, и въ 1884 г. ему удалось какъ-бы возобновить старое соглашеніе трехъ императоровъ на свиданіи (въ Скерневицахъ) между Вильгельмомъ I, Францемъ-Іосифомъ и Александромъ III, бывшимъ лично не очень-то расположеннымъ къ Германіи, а затѣмъ устроить на три года «перестраховку» договора съ Австріей особымъ соглашеніемъ съ Россіей, въ силу котораго Германія и Россія обязались одна передъ другою дружественнымъ нейтра-

литетомъ въ томъ случаѣ, если бы одна изъ нихъ съ какой бы то ни было стороны подверглась нападенію [1]).

Вскорѣ послѣ возникновенія австро-германскаго союза къ нему присоединилась и Италія. Послѣ 1870 г. это государство долгое время держалось «политики свободныхъ рукъ», не довѣряя Франціи, въ которой велась агитація въ пользу возстановленія папской власти, и не имѣя возможности сблизиться съ союзомъ, въ которомъ участвовала Австрія, давнишній недругъ Италіи. Недовѣріе Италіи къ Франціи прекратилось съ переходомъ власти въ этой странѣ отъ монархистовъ къ республиканцамъ, и среди итальянцевъ стала обнаруживаться склонность къ сближенію съ Франціей. Между тѣмъ, Франція еще со времени берлинскаго конгресса имѣла въ виду овладѣть Тунисомъ и даже заручилась на это согласіемъ Германіи и Англіи. Когда французы въ 1881 г. захватили, наконецъ, Тунисъ, гдѣ у итальянцевъ было немало экономическихъ интересовъ, итальянское правительство сблизилось съ германскимъ и австро-венгерскимъ, и въ 1882 г. австро-германскій союзъ превратился въ «тройственный союзъ», какъ бы обезпечивавшій за Германіей Эльзасъ-Лотарингію, за Австро-Венгріей Боснію и Герцеговину, за Италіей Римъ. Союзъ этотъ на долгое время сдѣлался самою значительною политическою силою въ Европѣ. Первенствующую роль въ немъ, разумѣется, играла Германія, и ея канцлеръ попрежнему держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити европейской политики. Объединяя всю центральную Европу отъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей на сѣверѣ до Средиземнаго и Адріатическаго на югѣ, при изолированности, въ какой очутились двѣ остальныя великія державы континента, тройственный союзъ представлялъ собою большую политическую мощь, къ которой стали тяготѣть по тѣмъ или другимъ причинамъ почти всѣ болѣе мелкія государства. Свое первенствующее значеніе тройственный союзъ обнаруживалъ въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ. Когда въ 1885 г. Восточная Румелія, вопреки берлинскому конгрессу и безъ согласія Россіи, была присоединена къ Болгаріи ея княземъ, вышедшимъ изъ-подъ русскаго вліянія, Австро-Венгрія взяла объединенную Болгарію подъ свое покровительство, къ величайшему неудовольствію русскаго императора. Въ Россіи печать заговорила въ тонѣ весьма вра-

---

[1]) «Rückversicherungsvertrag». Послѣ отставки Бисмарка (1890), его преемникъ, Каприви, не возобновилъ этого договора по окончаніи его срока.

ждебномъ и объ Австро-Венгріи, и о Германіи, а во Франціи начала шумливо проявлять себя «Лига патріотовъ», взывавшая къ реваншу. Воинственное настроеніе во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ обнаружилось и въ Германіи, и Бисмаркъ тогда опубликовывалъ содержаніе австро-германскаго договора 1879 года (1888). Особенно испортились русско-германскія отношенія, когда въ Берлинѣ начался походъ противъ русскихъ бумажныхъ цѣнностей. Въ это время Россія была совершенно изолирована, и въ 1889 г. Александръ III констатировалъ это, сказавъ на обѣдѣ въ честь черногорскаго князя, что онъ является «единственнымъ дѣйствительнымъ другомъ Россіи». Столь же изолированною въ эти годы силы тройственнаго союза чувствовала себя и Франція. Французы не безъ боязни за очень близкое будущее отмѣчали, что въ ростѣ своего населенія Германія страшно обгоняетъ ихъ отечество: въ 1870 г. населеніе Франціи и Германіи въ смыслѣ численности было почти одинаково, двадцать же лѣтъ спустя Германія насчитывала около 50 милліоновъ жителей, тогда какъ Франція — съ небольшимъ 38 милліоновъ, что составляло цифру, бывшую и передъ войною. Франція должна была усиленно увеличивать свою армію. Осенью 1886 г. Бисмаркъ потребовалъ у рейхстага новаго увеличенія германскаго войска. «Ни одна газета, — сказалъ онъ въ рейхстагѣ,—ни одинъ голосъ во Франціи не отказались отъ Эльзасъ-Лотарингіи, и каждую минуту можетъ тамъ очутиться у власти правительство, которое начнетъ войну. Въ сравненіи съ этою войною та, которая была въ 1870 г., будетъ дѣтскою забавою: каждая сторона будетъ стремиться къ тому, чтобы выпустить изъ другой всю кровь, дабы ниспровергнутый врагъ не могъ подняться на ноги и тридцать лѣтъ не смѣлъ подумать о возможности снова помѣриться съ побѣдителемъ». Въ 1888 г. Бисмаркъ еще разъ предложилъ увеличить армію, ссылаясь на существованіе воинственныхъ стремленій во Франціи и въ Россіи.—Уже послѣ отставки Бисмарка, состоявшейся 1890 г., между Германіей и Англіей произошло сближеніе, которое не могло пройти безслѣдно и для Европы. Недаромъ молодой императоръ Вильгельмъ II въ своихъ рѣчахъ сталъ часто заговаривать и о братствѣ по оружію между нѣмцами и англичанами въ прошломъ, и о защитѣ мира англійскимъ флотомъ и германскою арміею въ будущемъ: по тогдашнему его настроенію можно было думать, что защищать миръ, по его мнѣнію, предстояло противъ Россіи. Притомъ имперскій канцлеръ Каприви, нашелъ, что заключенный Бисмар-

комъ и уже возобновлявшійся «перестраховочный» договоръ съ Россіей не соотвѣтствуетъ австро-германскому союзу, и отказался его возобновить, когда истекъ его срокъ. Это было понято въ Петербургѣ въ томъ смыслѣ, что Германія болѣе не намѣрена придерживаться дружественнаго нейтралитета при какомъ бы то ни было случаѣ нападенія на Россію, и Александръ III рѣшился тогда на сближеніе съ Франціей, такъ сказать, теперь напрашивавшееся само собою послѣ сближенія Германіи съ Англіей.

Въ іюлѣ 1891 г. въ Кронштадтъ прибыла французская эскадра. Александръ III посѣтилъ адмиральское судно и даже стоя и съ непокрытою головою выслушалъ Марсельезу. Президенту республики по случаю этого посѣщенія онъ послалъ затѣмъ телеграмму, гласившую о глубокихъ симпатіяхъ, существующихъ между Франціей и Россіей. Въ октябрѣ 1893 г. послѣдовалъ отвѣтный визитъ русской эскадры въ Тулонъ, откуда часть моряковъ ѣздила въ Парижъ, принявшій ихъ съ необычайнымъ восторгомъ. По этому поводу между русскимъ государемъ и президентомъ республики произошелъ новый обмѣнъ телеграммъ, въ которыхъ опять говорилось о тѣсныхъ узахъ, существующихъ между обѣими націями. Какое соглашеніе состоялось между правительствами обоихъ государствъ, никому не было извѣстно, но общее убѣжденіе было то, что Франція и Россія связаны одна съ другою прочно. Такъ какъ и впослѣдствіи онѣ продолжали держаться состоявшагося между ними соглашенія, то этотъ новый, «франко-русскій» союзъ сдѣлался серьезнымъ противовѣсомъ тройственному союзу Германіи, Австро-Венгріи и Италіи. Перемѣна царствованія въ Россіи въ 1894 г. и перипетіи внутренней политики во Франціи не поколебали существованія союза. Въ 1896 г. новый русскій государь посѣтилъ Парижъ, гдѣ ему была приготовлена торжественная встрѣча, показывавшая, какъ Франція и ея столица цѣнятъ русскую дружбу, а затѣмъ въ 1897 г. послѣдовалъ и отвѣтный визитъ въ Петербургъ президента республики Феликса Фора, пріемъ котораго русскою столицею тоже свидѣтельствовалъ, что и въ Россіи французская дружба пользовалась популярностью. На этотъ разъ впервые оффиціально было заявлено о существованіи настоящаго союза: въ своемъ прощальномъ тостѣ Феликсъ Форъ назвалъ Россію и Францію «двумя соединенными и союзными націями», на что̀ императоръ отвѣчалъ тостомъ, въ которомъ тоже было сказано о закрѣпленіи узъ «между двумя дружественными и союзными націями».

Вся международная политика послѣдняго десятилѣтія XIX в. опредѣлялась соперничествомъ между тройственнымъ и франко-русскимъ союзами. Каждый изъ нихъ оправдывалъ свое существованіе необходимостью поддерживать миръ въ Европѣ, и каждый же заподозрѣвался другимъ въ аггресивныхъ замыслахъ, но это соперничество, дѣйствительно, и поддерживало европейскій миръ. Опираясь одна на другую, Франція и Россія могли теперь дѣйствовать самостоятельнѣе въ вопросахъ внѣшней политики. Когда на Дальнемъ Востокѣ произошла война между Японіей и Китаемъ и побѣда склонилась на сторону первой, рѣшительное франко-русское вмѣшательство заставило японцевъ умѣрить свои требованія, и къ франко-русской политикѣ даже присоединилась сама Германія (1895). Около того же времени въ Турціи произошло страшное избіеніе армянъ, напомнившее дни болгарскихъ ужасовъ: на этотъ разъ Англія предложила произвести европейское вмѣшательство, но въ планы русской политики не входило теперь поднимать восточный вопросъ, и вслѣдствіе несогласія съ русской стороны, поддержаннаго Франціей, англійское предложеніе не имѣло успѣха. Германія и Австрія тоже были далеки отъ намѣренія повторить неудачную европейскую кампанію 1875—77 г., и потому изъ всего этого ничего не вышло — къ новому торжеству европейскаго мира, хотя и цѣною сохраненія въ Турціи старыхъ порядковъ. Такой исходъ турецкихъ событій 1895—96 гг. содѣйствовалъ усиленію русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, и тогда же произошло примиреніе Россіи съ Болгаріей, новый князь которой, Фердинандъ Кобургскій, занимавшій престолъ съ австрійскаго благословенія, но вопреки прямому протесту Россіи, отказался отъ своей антирусской политики, и былъ за это признанъ Россіей въ своемъ достоинствѣ (1896).

Въ самомъ концѣ XIX в. на Балканскомъ полуостровѣ происходило и греческое движеніе. Въ виду тягостнаго положенія христіанъ на о-вѣ Критѣ, великія державы довольно солидарно настояли на осуществленіи здѣсь реформъ, даже образовавъ для наблюденія за ихъ проведеніемъ особую коммиссію изъ своихъ представителей (1896), вмѣстѣ съ тѣмъ не допустивъ, чтобы Критомъ завладѣла Греція, не остановившаяся для этого передъ войной съ Турціей. Война оказалась, однако, очень несчастлиой для грековъ. Ѳессалія чрезвычайно быстро была занята турками, и тогда русскій государь послалъ султану телеграмму о пріостановкѣ дальнѣйшаго движенія и о заключеніи перемирія, послѣ

чего великія державы, по просьбѣ Греціи, вступили съ Турціей въ переговоры объ условіяхъ мира (1897), причемъ греческіе интересы особенно отстаивались Англіей, Германія же, наоборотъ, проявила особую заботливость о Турціи. Греція была вынуждена уступить часть своей теорриторіи и уплатить контрибуцію. Въ 1898 г. Германія съ Австро-Венгріей и совсѣмъ вышли изъ состава европейскаго концерта, такъ что дальнѣйшее регулированіе греческаго и критскаго вопроса осталось на рукахъ прочихъ четырехъ великихъ державъ, съ трудомъ добившихся у султана автономіи Крита съ назначеніемъ греческаго принца генералъ-губернаторомъ этого острова.

Германія недаромъ оказала услугу Турціи при заключеніи мира съ Греціей въ 1897 г., и германской дипломатіи вполнѣ удалось внушить султану мысль, что лучшимъ другомъ Оттоманской имперіи является германскій императоръ. Въ 1898 г. Вильгельмъ II совершилъ обставленное большою пышностью путешествіе въ Іерусалимъ, заѣхавъ въ Константинополь, гдѣ ему былъ оказанъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ самый торжественный пріемъ. Въ Палестинѣ Вильгельмъ II старался расположить къ себѣ мусульманское населеніе, подвластное Турціи, объявивъ себя всегдашнимъ и неизмѣннымъ другомъ 300 милліоновъ мусульманъ, которые признаютъ своимъ халифомъ султана Абдулъ-Гамида. Установленіемъ турецко-германской дружбы завершилось уже ранѣе начавшееся проникновеніе германскаго вліянія въ дворецъ Абдулъ-Гамида. Еще до этого турецкая армія была реформирована по германскому образцу, и начался приливъ въ Турцію германскихъ капиталовъ. Въ 1888 г. Германскій банкъ получилъ концессію на желѣзную дорогу въ Малой Азіи, а когда Вильгельмъ II посѣтилъ султана, то нѣмцамъ была отдана и постройка багдадской желѣзной дороги, имѣющей связать Босфоръ съ Персидскимъ заливомъ и открыть для германской торговли и колонизаціи, равно какъ и для политическаго вліянія Германской имперіи доступъ въ Азію, гдѣ раньше у нѣмцевъ, собственно говоря, не существовало никакихъ интересовъ.

Миролюбивыя стремленія послѣднихъ лѣтъ XIX в. нашли выраженіе въ заявленіи русскаго правительства относительно средствъ для поддержанія всеобщаго мира. Въ августѣ 1898 г. русскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратился ко всѣмъ иностраннымъ посланникамъ въ Петербургѣ съ особымъ циркуляромъ, въ которомъ говорилось слѣдующее: «Охраненіе всеобщаго мира и

возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства отвратить угрожающія всему міру несчастья—таковъ высшій долгъ для всѣхъ государствъ». Во имя этого долга по почину императора Николая II русское правительство и обращалось къ другимъ съ предложеніемъ о созывѣ конференціи для обсужденія этой важной задачи. Никто не сомнѣвался въ томъ, что эта декларація, напоминавшая своимъ тономъ благія пожеланія Священнаго союза, дѣйствительно, имѣла своимъ иниціаторомъ русскаго государя, но къ ней отнеслись безъ достаточнаго довѣрія, съ одной стороны, вслѣдствіе сильнаго сомнѣнія въ осуществимости выраженныхъ въ ней пожеланій, съ другой, въ виду того, что сама Россія тѣмъ не менѣе все-таки продолжала вооружаться. Пріемъ, какой встрѣтило русское предложеніе въ Западной Европѣ, былъ поэтому довольно холоднымъ—и въ правительственныхъ кругахъ, и въ общественномъ мнѣніи. Тѣмъ не менѣе вскорѣ состоялось соглашеніе отдѣльныхъ правительствъ относительно созыва такой конференціи въ Гаагѣ, и нидерландское правительство обратилось съ приглашеніемъ на конференцію не только къ европейскимъ государствамъ и къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, но и къ такимъ, какъ Персія, Сіамъ, Китай и Японія, объявивъ цѣлью совѣщаній «изысканіе дѣйствительныхъ средствъ, дабы обезпечить за народами прочный миръ и положить предѣлъ постоянному возрастанію военныхъ вооруженій». Засѣданія гаагской мирной конференціи, въ которой участвовали уполномоченные отъ 26 государствъ, происходили лѣтомъ 1899 г. Ея результаты далеко не соотвѣтствовали первоначальному широкому замыслу, и какъ конвенціи, такъ и необязательныя декларацiи, выработанныя ею, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣли за себя лишь очень слабое большинство уполномоченныхъ, да и нуждались, наконецъ, въ согласіи самихъ правительствъ. Наиболѣе важное значеніе имѣла конвенція о мирномъ улаженіи международныхъ недоразумѣній третейскимъ судомъ, но пока еще практическія примѣненія

этой конвенціи были очень рѣдки: конференція не предотвратила ни войны англичанъ съ бурами, ни русско-японской войны, какъ не уменьшила, равнымъ образомъ, и роста вооруженій.

XXXII. Колоніальныя предпріятія европейскихъ державъ и міровая политика [1]).

Колоніальная политика европейскихъ державъ до восьмидесятыхъ годовъ и ея усиленіе съ восьмидесятыхъ годовъ. — Міровая политика и имперіализмъ въ связи съ протекціонизмомъ.—Паденіе колоніальнаго могущества Испаніи. — Образованіе англійской колоніальной имперіи. — Англо-русское соперничество въ Азіи. — Возсозданіе Франціей своей колоніальной имперіи. — Выступленіе Германіи и Италіи на путь колоніальной политики. — Международныя соглашенія по колоніальнымъ дѣламъ.— Раздѣлъ Африки.— Новые международные вопросы на Великомъ океанѣ. — Раздѣлъ Китая.— Выступленіе Соединенныхъ Штатовъ въ роли міровой державы.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ XIX в. международная политика главныхъ европейскихъ государствъ значительно осложнилась усиленіемъ ихъ дѣятельности въ области колоніальныхъ предпріятій. Въ общемъ, раньше международныя отношенія опредѣлялись, главнымъ образомъ, чисто европейскими интересами, теперь же первенствующую роль начали играть интересы міровые, и европейская политика смѣнилась политикою міровою, и старое понятіе «великихъ державъ» уступило мѣсто понятію «державъ міровыхъ».

Нечего говорить, что образованіе европейскими націями своихъ колоній въ другихъ частяхъ свѣта—фактъ давній. Уже въ XVI в., вслѣдъ за открытіемъ Америки, на новомъ материкѣ большія территоріи стали пріобрѣтаться и заселяться испанцами и португальцами, къ которымъ въ слѣдующемъ столѣтіи присоединились голландцы, французы и англичане. Новымъ фактомъ въ концѣ XIX в. было то, что нѣмцы и итальянцы, раньше не принимавшіе участія въ основаніи колоній и только переселявшіеся въ чужія колоніи, тоже начали сами дѣлать колоніальныя пріобрѣтенія въ другихъ частяхъ свѣта. Въ этомъ заключалось одно изъ слѣдствій политическаго объединенія Германіи и Италіи,

[1]) Уч. кн., §§ 342—349.—И. З. Е., т. VI, гл. XIV и XXIV.

которыя во времена своей раздробленности были совершенно не въ состояніи, наравнѣ съ другими націями, пріобрѣтать заморскія владѣнія, для чего нужны были большія денежныя средства и политическая мощь, въ особенности же сильный военный флотъ. Далѣе, не новымъ явленіемъ было и то соперничество европейскихъ націй въ заморскихъ странахъ, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ концѣ XIX в. и въ настоящее время. Напротивъ того, еще задолго до французской революціи европейскія войны сопровождались войнами между враждебными государствами и въ колоніяхъ, но никогда раньше колоніальныя отношенія не играли все-таки столь важной роли въ международной политикѣ европейскихъ державъ, какъ съ середины восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ началѣ XIX столѣтія нѣкоторыя европейскія націи даже растеряли свои колоніи. Вся испанская и португальская Америка превратилась, въ эпоху реставраціи, въ цѣлый рядъ самостоятельныхъ государствъ, принявшихъ республиканскую форму правленія (за исключеніемъ Бразиліи, превратившейся въ имперію). Франція, уже въ XVIII в. лишившаяся очень большой части своихъ заморскихъ владѣній въ пользу Англіи, потеряла при Наполеонѣ I и свой военный флотъ, и еще нѣсколько колоній. Въ главномъ выигрышѣ была Англія, сдѣлавшаяся въ это время единственною владычицею морей. Между прочимъ, уже раньше она по временамъ овладѣвала разными испанскими и голландскими колоніями, а въ наполеоновскую эпоху и еще кое-чѣмъ здѣсь поживилась. Какъ мы увидимъ, къ концу XIX в. Испанія и совсѣмъ лишилась своихъ колоній, вынужденная отдать ихъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, выступившимъ также въ роли міровой державы, но зато, наоборотъ, Франція въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ занялась — и съ полнымъ успѣхомъ — возстановленіемъ своей колоніальной имперіи.

Въ эпоху продолжительнаго общаго мира между европейскими государствами отъ вѣнскаго конгресса до восточной войны 1853—1856 г., когда международный порядокъ сводился къ системѣ пяти великихъ державъ, отношенія между ними опредѣлялись ихъ чисто европейскими интересами, среди которыхъ особенно важное значеніе принадлежало, какъ извѣстно, восточному вопросу. Послѣ парижскаго конгресса 1856 г. на первомъ планѣ долгое время стояли вопросы германскій и итальянскій, а потомъ особенно видную роль игралъ вопросъ о консолидаціи международнаго положенія, создавшагося послѣ войны 1870—1871 гг.,

вскорѣ послѣ чего былъ снова поднятъ восточный вопросъ, улаженіемъ котораго, вслѣдъ за новою русско-турецкою войною, занялся берлинскій конгрессъ 1878 г. Этимъ конгрессомъ замыкается цѣлый періодъ въ исторіи международной политики, періодъ европейскій, ибо слѣдующій большой съѣздъ дипломатовъ былъ уже созванъ по поводу внѣ-европейскихъ дѣлъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ политика главныхъ европейскихъ державъ приняла уже міровой характеръ.

Каковы бы ни были причины, заставлявшія европейцевъ переселяться въ другія части свѣта въ XVI—XVIII вв., первое мѣсто среди этихъ причинъ въ XIX в. занимало перенаселеніе при неблагопріятныхъ экономическихъ отношеніяхъ, условіемъ же, особенно благопріятствовавшимъ эмиграціи большихъ массъ, явилось развитіе парового транспорта. Въ одни Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты изъ Европы къ 1900 г. выселилось болѣе 18 милліоновъ, и среди тамошнихъ гражданъ въ этомъ году насчитывалось болѣе 10 милліоновъ такихъ, которые родились не на территоріи республики, а большею частью въ Европѣ. Изъ однѣхъ только нѣмецкихъ странъ (теперешей Германіи, Австріи и Швейцаріи) выселилось въ Сѣверную Америку около 5 милліоновъ, не считая сотенъ тысячъ, уѣхавшихъ въ Канаду, въ Аргентину, въ Австралію и т. п. Въ теченіе одного 1881 г. вообще изъ Германіи эмигрировало въ Сѣверную Америку болѣе 220 т. человѣкъ, и только съ экономическимъ развитіемъ страны число германскихъ эмигрантовъ стало сокращаться. Въ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ Англіи и на материкѣ Австраліи въ началѣ XIX в. бѣлое населеніе считалось едва лишь сотнями тысячъ, къ концу же столѣтія оно въ одномъ мѣстѣ стало превышать пять милліоновъ, въ другомъ превысило четыре милліона, т.-е. вмѣстѣ составляло уже около десяти милліоновъ.

Колоніи всегда должны были служить, вцрочемъ, не только новыми государственными территоріями для отлива въ нихъ излишка населенія, но и рынками для сбыта продуктовъ обрабатывающей промышленности, мѣстами, откуда можно получать необходимое для нея сырье, источниками для обогащенія государственной казны. Систематическое развитіе колоніальныхъ предпріятій ведетъ свое начало еще изъ эпохи господства меркантилизма, нѣкоторыми своими сторонами дожившаго и до настоящаго времени. Увлеченіе принципами свободной торговли, обнаруживавшееся въ серединѣ XIX в., но никогда не бывшее

достаточно полнымъ, не оказалось также и достаточно прочнымъ: въ другомъ мѣстѣ намъ уже пришлось отмѣтить, — какъ общій фактъ, характерный для конца XIX в.,—развитіе протекціонизма, который имѣлъ одновременно и аграрный, и индустріальный характеръ. Современный капитализмъ не могъ во многихъ странахъ обходиться безъ протекціонистской и безъ колоніальной политики, причемъ борьба промышленныхъ націй за рынки и за возможность экономической эксплуатаціи отсталыхъ странъ, въ свою очередь, все болѣе и болѣе стала оказывать вліянія на всю внѣшнюю политику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе милитаризма, особенно въ видѣ такъ называемаго «маринизма», т.-е. усиленія морскихъ вооруженій. Каждая индустріальная нація стала стремиться сдѣлаться, кромѣ того, и колоніальною, и морскою державою. Въ серединѣ XIX в. главною индустріальною націей, обладавшею въ то же время цѣлою колоніальною имперіей и бывшею настоящею владычицею морей, являлась Англія, къ концу же вѣка на поприщѣ промышленности, пріобрѣтенія колоній и развитія морского могущества съ нею начала соперничать въ Европѣ и Германія.

Конечно, въ настоящемъ очеркѣ колоніальной политики европейскихъ націй не можетъ быть мѣста перечисленію всего того, чѣмъ въ XIX в. овладѣли въ другихъ частяхъ свѣта тѣ или другія націи. Достаточно отмѣтить только важнѣйшіе общіе факты.

Одинъ изъ такихъ фактовъ составляетъ окончательное крушеніе когда-то очень большого колоніальнаго могущества Испаніи. Въ XVI в. это была первая колоніальная держава: она обладала тогда, кромѣ множества острововъ на океанахъ, всею южною частью Сѣверной Америки, Центральною Америкой съ Вестъ-Индіей и почти всею Южною Америкою, кромѣ Бразиліи, теперь же на этой территоріи насчитывается полтора десятка самостоятельныхъ республикъ. Въ концѣ XIX в. у Испаніи оставались еще Куба и Филиппинскіе острова, но и тамъ, и здѣсь, въ 1895 и 1896 г., произошли возстанія, съ которыми испанцамъ оказалось справиться не подъ силу; вдобавокъ въ распрю колонистовъ съ метрополіей вмѣшались Сѣверо-Американскіе Штаты, что повлекло за собою несчастную для Испаніи войну съ ними (1898). Потерявъ свой флотъ, бывшая когда-то первою колоніальная держава вынуждена была отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній въ Вестъ-Индіи и въ Восточной Азіи: Куба была объявлена независимой, хотя и подъ своего рода протекторатомъ Шта-

товъ, а Филиппинскіе о-ва сдѣлались и прямою собственностью великой заатлантической республики. Наконецъ, около этого же времени Испанія продала нѣмцамъ Каролинскіе и Маріанскіе о-ва (1899).

Наоборотъ, Англія все болѣе и болѣе расширяла свои колоніальныя владѣнія. Сверхъ всего того, чѣмъ Англія уже обладала къ концу XVIII в., она сдѣлала еще кое-какія пріобрѣтенія въ наполеоновскую эпоху на счетъ Голландіи и самой Франціи, захвативъ, вдобавокъ, въ эту же эпоху у самыхъ береговъ Европы о-ва Мальту и Іоническіе на Средиземномъ морѣ и Гельголандъ на Нѣмецкомъ, что было очень важно для ея морского могущества [1]). Вспомнимъ еще, что въ годъ берлинскаго конгресса Англія «оккупировала» съ согласія султана и о-въ Кипръ. Въ первой же половинѣ XIX в. она овладѣла всѣмъ материкомъ Австраліи и лежащими вблизи о-вами съ Новой Зеландіей, утвердилась въ Южной Африкѣ и сдѣлала новыя пріобрѣтенія въ Индіи, гдѣ опасное возстаніе туземныхъ войскъ (сипаевъ), въ пятидесятыхъ годахъ, дало англійскому правительству поводъ упразднить управленіе Остъ-индской компаніи для непосредственнаго завѣдованія индійскими дѣлами. Кромѣ того, къ серединѣ XIX в. Англія завладѣла еще нѣкоторыми отдѣльными пунктами, важными въ торговомъ или стратегическомъ отношеніи, и при входахъ въ Персидскій заливъ и Бабъ-Эль-Мандебскій проливъ, и у ю. оконечности Малакки (Сингапуръ), и у в. берега Китая (Гонкъ-Конгъ) и т. п. Когда, однако, въ Англіи, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, восторжествовала идея свободной торговли, многіе видные политическіе дѣятели стали высказывать сомнѣніе въ томъ, чтобы колоніи были такъ уже важны и чтобы было нужно заботиться о дальнѣйшемъ ихъ пріобрѣтеніи, но это время скоро прошло, и въ восьмидесятыхъ годахъ Англія опять стала пріобрѣтать все новыя и новыя земли и острова, особенно въ виду того, что и континентальными странами Европы въ это время овладѣла настоящая колоніальная горячка.

Къ этой эпохѣ относится возникновеніе въ Англіи направленія, получившаго потомъ названіе «имперіализма», англійскаго синонима континентальной «міровой политики». Еще въ 1876 г. королева Викторія, по совѣту консервативнаго министра Дизраэли-

[1]) Впослѣдствіи, впрочемъ, Іоническіе о-ва были уступлены Греческому королевству (1864), а Гельголандъ—Германской имперіи (1890).

Биконсфильда, приняла титулъ императрицы Индіи: это было прелюдіей къ тому имперіалистскому направленію, которое къ концу вѣка стремилось превратить старую, европейскую «Великую Британію» (Great Britain) въ новую, міровую «Бо̀льшую Британію» (Greater Britain). Именно, по мысли «велико-англичанъ», Англія и ея колоніи должны были бы составить, всѣ вмѣстѣ, федеративную имперію съ однимъ общимъ для нея парламентомъ, которая образовала бы и обособленный отъ остальныхъ странъ таможенный союзъ, причемъ ея торговая политика приняла бы протекціонный характеръ. Эта мечта англійскихъ имперіалистовъ не осуществилась, благодаря, между прочимъ, несочувствію къ ней въ колоніяхъ, но за то общее вліяніе имперіализма сказалось на томъ, что за послѣднія два десятилѣтія Англія значительно увеличила свои колоніальныя владѣнія.

Въ Индіи шестидесятые и семидесятые годы были временемъ мира, но уже съ конца семидесятыхъ годовъ снова начались военныя экспедиціи, приводившія къ расширенію границъ англійскихъ владѣній. Къ этому времени относятся двѣ войны съ Афганистаномъ, который долженъ былъ признать англійскій протекторатъ, а въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ къ англійскимъ владѣніямъ была присоединена Бирма. Въ восьмидесятыхъ также годахъ Англія наложила свою руку и на Египетъ. Купивъ у египетскаго хедива акціи Суэзскаго канала (оконченнаго въ 1869 г.) и заботясь о судьбѣ денегъ, которыя были ссужены ея подданными Египту, Англія вмѣстѣ съ Франціей, тоже имѣвшей финансовые интересы въ Египтѣ, вмѣшалась въ его дѣла, а когда въ этой странѣ вспыхнуло противъ европейцевъ возстаніе, то въ 1882 г. англійскій флотъ бомбардировалъ Александрію, послѣ чего началась настоящая война, окончившаяся «оккупаціей» Египта и подчиненіемъ ея правительства Англіи. Изъ Египта возстаніе, принявшее религіозно-мусульманскій характеръ подъ начальствомъ одного суданскаго дервиша, или «махди» (пророка), перенеслось въ Суданъ, гдѣ получило очень опасные размѣры, но, въ концѣ концовъ, англичане распространили свою власть здѣсь далеко къ югу, до озера Викторіи. Одновременно съ этимъ они подходили къ тѣмъ же мѣстамъ и съ юга африканскаго материка. Къ сѣверу отъ южно-африканскаго владѣнія Англіи образовались въ серединѣ XIX в. двѣ «бурскія» [1]) респу-

[1]) Буры—голландцы.

блики — Оранжевая и Трансваальская, и въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Англіи явилась мысль объ ихъ анексіи къ «имперіи». Первая война съ такою цѣлью окончилась неудачею (1881), но мысль эта англійскими имперіалистами и послѣ того не оставлялась. Капландскій первый министръ Сесиль Родсъ въ 1895 г. организовалъ «разбойничій набѣгъ» нѣкоего Джемсона на Трансвааль, бурами, однако, отбитый. Общественное мнѣніе въ Европѣ было страшно возмущено подобнымъ нарушеніемъ международнаго права, и даже германскій императоръ Вильгельмъ II послалъ трансваальскому президенту Крюгеру поздравительную телеграмму, очень враждебно принятую въ Англіи, гдѣ въ это время имперіализмъ пользовался большою популярностью въ массахъ. Въ 1899 г. между Англіей и бурскими республиками произошла война, стоившая англичанамъ крайне дорого и окончившаяся лишь въ 1902 г. аннексіей республикъ. Кромѣ того, изъ своей южноафриканской позиціи англичане производили, съ конца семидесятыхъ годовъ, и другія завоеванія, особенно умножившіяся, когда въ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія начала основывать въ Африкѣ свои колоніи и Германія: англичане торопились теперь захватывать какъ можно больше земель, чтобы не дать ими овладѣть нѣмцамъ. Въ своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ въ Африкѣ они все дальше и дальше подвигались къ сѣверу. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ упоминавшимся уже Сесилемъ Родсомъ («капскимъ Наполеономъ») была основана привилегированная компанія для пріобрѣтенія новыхъ территорій, и конечною цѣлью стремленій Родса сдѣлалось соединить желѣзною дорогою черезъ всю Африку—Капландъ съ Египтомъ. Достигнуть этого ему не удалось, но зато, благодаря ему, англичанамъ досталась въ Африкѣ большая область, которая по имени Родса и получила названіе Родезіи. Расширяя свои владѣнія въ Африкѣ, Англія не могла не приходить въ столкновенія съ другими націями, какъ-то: съ португальцами,—съ которыми они мало, впрочемъ, церемонились,—съ нѣмцами, въ одномъ мѣстѣ успѣвшими перерѣзать своей территоріей ихъ путь отъ Капштадта до Каира, и съ французами, тоже дѣлавшими большія пріобрѣтенія въ Африкѣ. Въ 1898 г., на верхнемъ Нилѣ у Фашоды, даже произошла встрѣча французскаго и англійскаго отрядовъ, давшая поводъ англійскому правительству заявить правительству Франціи, что занятіе послѣднею какого-либо пункта на Нилѣ будетъ сочтено за достаточное основаніе для объявленія войны, и французы вынуждены

были оставить уже занятую ими Фашоду. Не въ одномъ, впрочемъ, только этомъ мѣстѣ англійскія и французскія притязанія враждебно сталкивались между собою (напр., еще въ Индо-Китаѣ), да и не съ одною Франціей у Англіи могла бы вспыхнуть война по поводу внѣ-европейскихъ интересовъ.

Соперничество Англіи съ Германіей изъ-за колоній не принимало такого остраго характера, какъ это было по отношенію къ Франціи, и только въ началѣ XX в. опредѣлилось, что Англіи приходится бояться больше Германіи, нежели Франціи, своей традиціонной соперницы въ колоніяхъ. Другою страною, къ которой англичане относились крайне подозрительно, была Россія. Русскіе успѣхи въ Средней Азіи,—гдѣ въ шестидесятыхъ годахъ были завоеваны Ташкентъ и Самаркандъ, въ семидесятыхъ подчинено Хивинское ханство и присоединено ханство Кокандское, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ покорились текинцы, и вступилъ въ русское подданство Мервъ,—казались англичанамъ въ высшей степени опасными для ихъ собственнаго господства въ Индіи. Самое подчиненіе Афганистана Англія предприняла, дабы не дать утвердиться въ немъ русскому вліянію: Афганистанъ долженъ былъ сдѣлаться «государствомъ-буфферомъ» между обѣими великими державами, т.-е. отдѣлять русскія владѣнія въ Средней Азіи отъ англійскихъ въ Индіи. Когда въ 1884 г. Россія завладѣла Мервомъ, было рѣшено, что особая англо-русская комиссія опредѣлитъ русско-афганскую границу. Прежде, однако, чѣмъ русскіе уполномоченные успѣли пріѣхать на мѣсто переговоровъ, афганскій военный отрядъ захватилъ одинъ спорный пунктъ въ оазисѣ Пенде, очень важный въ стратегическомъ отношеніи, но находившійся по близости русскій отрядъ напалъ на афганцевъ на берегу рѣки Кушки и разбилъ его на голову (1885). Извѣстіе объ этомъ въ Англіи было принято такъ, что заговорили о возможности войны. Дѣло кое-какъ уладилось соглашеніемъ: Россія удержала спорный пунктъ, но уступила Афганистану клочекъ земли, считавшійся бухарскимъ. Впрочемъ, вопросъ о русско-афганской границѣ затянулся на много лѣтъ. Въ 1891 г. русскіе стали твердою ногою на Памирѣ, гдѣ сошлись границы Россіи, Китая, Афганистана и англійскихъ владѣній, и это только усложнило вопросъ, получившій свое разрѣшеніе лишь въ 1895 г. путемъ образованія на Памирѣ узкой афганской полосы земли, долженствующей служить «буфферомъ» между непосредственными владѣніями Англіи и Россіи. Наконецъ, интересы и притязанія обѣихъ дер-

жавъ сталкивались непріязненно въ Персіи, къ которой англійскія владѣнія Индіи приблизились съ присоединеніемъ къ нимъ Белуджистана. Только въ началѣ XX в. Англія перестала попрежнему бояться Россіи, какъ перестала бояться и Франціи—въ виду, повторяемъ, гораздо большей опасности со стороны Германіи.

Переходимъ къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ Франціи. Въ первой трети XIX в. въ рукахъ французовъ находились лишь самые жалкіе остатки ихъ былого колоніальнаго могущества, одна, такъ сказать, только мелочь, въ видѣ кое-какихъ прибрежныхъ пунктовъ и острововъ. Первымъ серьезнымъ пріобрѣтеніемъ былъ Алжиръ, завоеванный въ 1830 г., передъ самой іюльской революціей. Присоединенія при Людовикѣ-Филиппѣ были крайне незначительны, и лишь нѣсколько больше дала Франціи вторая имперія (Новую Каледонію, сплошную территорію въ Сенегамбіи, Обокъ при входѣ въ Красное море, Камбоджу). Настоящее возсозданіе колоніальной державы Франціи началось только во второмъ десятилѣтіи третьей республики, когда произошелъ цѣлый рядъ весьма обширныхъ присоединеній по иниціативѣ, главнымъ образомъ, министра восьмидесятыхъ годовъ Жюля Ферри. Слабый приростъ населенія Франціи вовсе не требовалъ пріобрѣтенія ею новыхъ территорій, и рѣшающимъ мотивомъ французской колоніальной политики были интересы національной торговли и международнаго положенія страны. Жюль Ферри говорилъ, что дѣло идетъ о будущемъ Франціи, если, собственно, не о будущемъ завтрашняго дня, то о болѣе отдаленномъ—черезъ пятьдесятъ, черезъ сто лѣтъ. За короткое время первой половины восьмидесятыхъ годовъ Франція завоевала въ Африкѣ Тунисъ, а въ Азіи Тонкинъ, установила свой протекторатъ въ Африкѣ надъ Мадагаскаромъ, въ Азіи надъ Аннамомъ и добилась общеевропейскаго признанія ея правъ на Нигерѣ и Конго въ с. и ю. Африкѣ. Извѣстно, что на Тунисъ имѣла свои виды Италія, и что завоеваніе его Франціей, совершившееся въ 1881 г., бросило Италію въ объятіе Германіи и Австріи. Алжиръ и Тунисъ составили прочную базу для того, чтобы расширить французскія владѣнія въ самую глубь Африки. Къ концу XIX в. въ рукахъ французовъ была громадная территорія, охватывающая Сахару и Суданъ до Конго на югѣ и мѣстами до Атлантическаго океана на западѣ, гдѣ отъ берега эта территорія не загораживалась англійскими и германскими владѣніями. Къ востоку французы готовы были расширить свое африканское владѣніе до Нила, но при Фашодѣ, какъ

мы видѣли, встрѣтили препятствіе со стороны англичанъ. Зато въ другую сторону Франція распространила въ 1900 г. свою власть до самаго озера Чада. Въ общемъ въ рукахъ французовъ очутилась почти треть африканскаго материка, а въ 1896 г. произошла и аннексія Мадагаскара. — Въ Азіи еще Наполеонъ III завладѣлъ частью аннамской территоріи, въ семидесятыхъ же годахъ и самъ Аннамъ долженъ былъ подчиниться контролю Франціи въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ 1883 г. съ этимъ государствомъ, находившимся въ вассальной зависимости отъ Китая, и съ самимъ Китаемъ у Франціи произошла война, окончившаяся присоединеніемъ къ Франціи Тонкина и установленіемъ протектората надъ остальнымъ Аннамомъ. Французы думали подчинить своему протекторату и Сіамъ, превративъ Бирму въ «государство-буфферъ» между своими и англійскими владѣніями, но Бирмою въ 1885 г. овладѣла Англія, подчинивъ своему вліянію и Сіамъ.

Въ этомъ общемъ стремленіи къ захватамъ новыхъ территорій отъ старыхъ колоніальныхъ державъ съ восьмидесятыхъ годовъ не отставала и Германія. Въ XVI—XVIII вв., когда другія націи основывали колоніи, нѣмцы были лишены политическаго единства, и только объединеніе Германіи, во второй половинѣ XIX в., сдѣлало возможнымъ выступленіе нѣмецкой націи на поприще колоніальныхъ предпріятій. Въ первые годы Германской имперіи руководитель ея политики, Бисмаркъ, заявлявшій, что Германія чувствуетъ себя вполнѣ «насыщенною», вовсе не былъ расположенъ къ колоніальнымъ предпріятіямъ, но ихъ необходимость доказывалась многими публицистами, находившими и въ обществѣ сочувственные отклики, да и въ самомъ рейхстагѣ противъ пріобрѣтенія колоній были лишь консерваторы, ультрамонтаны и соціалъ-демократы. Начало германскимъ колоніямъ было положено частною иниціативою въ 1883 г. въ одномъ пунктѣ западнаго берега Африки, и только послѣ этого Германія стала оффиціально утверждать свою власть въ разныхъ территоріяхъ, остававшихся еще незанятыми со стороны другихъ державъ. Дѣло дѣлалось такъ быстро, что пріобрѣтеніе первыхъ африканскихъ территорій (Того и Камеруна) явилось для общества совершенною неожиданностью. Это было въ 1884 г., когда, кромѣ первыхъ владѣній въ Африкѣ, Германія начала утверждаться и на островахъ Тихаго океана (въ с. в. части Новой Гвинеи и сосѣднихъ съ нею островахъ). Въ 1885 и 1886 гг. и въ Африкѣ, и на Тихомъ океанѣ Германія сдѣлала еще нѣсколько большихъ

и важныхъ пріобрѣтеній. Въ общей сложности образовавшаяся въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ германская колоніальная территорія уже почти въ пять разъ превышала территорію имперіи въ Европѣ. Послѣ 1886 г. Германія не пріобрѣтала такихъ большихъ владѣній, хотя новыя присоединенія все-таки продолжались. Замѣчательно, что нѣмцевъ изъ Европы выселялось, когда у нихъ еще не было своихъ колоній, гораздо больше, нежели послѣ того, какъ Германія превратилась въ колоніальную державу: причиною этого былъ необычайный ростъ германской промышленности, дававшій хорошіе заработки населенію.

Италія изъ всѣхъ романскихъ странъ давала наибольшее количество эмигрантовъ, но у нея, какъ и у Германіи, не было своихъ колоній. Однимъ изъ мѣстъ, гдѣ охотно селились итальянскіе земледѣльцы и рабочіе, ремесленники и мелкіе торговцы, былъ сосѣдній съ Италіей Тунисъ. Во время берлинскаго конгресса Германія и Австро-Венгрія даже предлагали Италіи свою поддержку, если бы она вздумала присоединить Тунисъ къ своимъ владѣніямъ, но итальянцы опасались войны съ Франціей, хотя въ послѣдней въ то время еще не было плана колоніальнаго расширенія. Когда Тунисомъ овладѣли сами французы, итальянское правительство рѣшило вознаградить себя занятіемъ Массавы на африканскомъ берегу Краснаго моря, что привело Италію къ конфликту и къ войнѣ съ Абессиніей. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Италіи удалось установить свой протекторатъ надъ этимъ африканскимъ государствомъ, но скоро все ея «эритрейское» колоніальное предпріятіе, обошедшееся крайне дорого для очень, въ сущности, бѣдной націи, постигла неудача: въ началѣ 1896 г. итальянцы потерпѣли отъ абессинцевъ страшное пораженіе, и Италія вынуждена была ограничиться лишь береговою полосою у Краснаго моря (да подобною же еще полосою на Сомалійскомъ берегу).

Вездѣ, гдѣ только ни захватывались съ восьмидесятыхъ годовъ разными европейскими державами новыя территоріи, обыкновенно происходило столкновеніе интересовъ и притязаній двухъ или нѣсколькихъ изъ нихъ. Иногда эти столкновенія принимали болѣе или менѣе острый характеръ (вспомнимъ фашодскій инцидентъ), иногда приходилось прибѣгать къ третейскому разбирательству,—какъ это случилось, наприм., по поводу германо-испанскаго спора изъ-за Каролинскихъ острововъ, рѣшеннаго третейскимъ судомъ Льва XIII, въ пользу Испаніи,—но въ громадномъ большинствѣ случаевъ разногласія улаживались безъ вся-

кихъ осложненій, путемъ обоюдныхъ соглашеній. Если, однако, изъ-за колоніальныхъ пріобрѣтеній европейскія державы не вели между собою войнъ, то, съ одной стороны, колоніальными отношеніями опредѣлялись въ извѣстной мѣрѣ международныя комбинаціи въ самой Европѣ и вызывалось усиленіе вооруженій въ ней, а съ другой, въ прочихъ частяхъ свѣта войны все-таки происходили, въ родѣ войнъ Франціи съ Китаемъ, Италіи съ Абессиніей, Англіи съ бурами и т. п. Приходилось европейцамъ также воевать съ туземцами, возстававшими противъ притѣсненій, какія имъ чинились пришельцами: завоеватели конца XIX в. очень нерѣдко вели себя по отношенію къ туземцамъ не лучше конкистадоровъ XVI в.

Кромѣ частныхъ соглашеній по колоніальнымъ вопросамъ, въ 1885 г. состоялось даже одно общее соглашеніе. Когда для эксплуатаціи обширной области Конго образовалась (еще въ 1878 г.) особая компанія подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго короля Леопольда II, а вслѣдъ за тѣмъ и во Франціи, и въ Англіи стали тоже зариться на эту африканскую страну, Бисмаркъ, уже перешедшій тогда къ колоніальной политикѣ, предложилъ другимъ государствамъ прислать своихъ уполномоченныхъ въ Берлинъ на конференцію для упорядоченія колоніальныхъ отношеній. Эта конференція, въ которой участвовало четырнадцать государствъ, состоялась зимою 1884—1885 г. и создала, къ великому неудовольствію Англіи, «независимое государство Конго», пользующееся международнымъ нейтралитетомъ и открытое для торговли всѣхъ странъ. Новое государство было отдано вмѣстѣ съ тѣмъ подъ суверенную власть бельгійскаго короля, который вскорѣ (1889) уступилъ свои права самой Бельгіи, такъ что и послѣдняя очутилась въ положеніи колоніальной державы. Кромѣ того, берлинская конференція 1885 г. установила рядъ правовыхъ нормъ относительно пріобрѣтенія въ Африкѣ территоріальнаго верховенства, какъ на берегахъ, такъ и въ позади ихъ лежащихъ земляхъ «Hinterland'ахъ»), и относительно, наконецъ, разграниченія сферъ вліянія. Рѣшенія берлинской конференціи, конечно, не устраняли возможности частныхъ соглашеній по отдѣльнымъ спорнымъ вопросамъ. Одно изъ нихъ состоялось, наприм., въ 1890 г. между Германіей и Англіей, причемъ первая получила отъ второй о-въ Гельголандъ на Нѣмецкомъ морѣ. Иногда въ соглашеніе между двумя государствами вмѣшивалось третье со своимъ протестомъ, какъ это сдѣлала однажды Германія по поводу договора Англіи съ Конго

о пріобрѣтеніи первою отъ второго полосы земли, которая позволила бы осуществить непрерывность англійскихъ владѣній отъ Капланда до Египта. Случались, наконецъ, соглашенія двухъ государствъ противъ третьяго въ родѣ англо-германскаго противъ Португаліи, еще раньше однажды бывшей вынужденною, подъ угрозою войною, сдѣлать Англіи значительныя уступки на в. Африки.

Главнымъ поприщемъ колоніальнаго соперничества европейскихъ націй была въ концѣ XIX в. Африка, въ восьмидесятыхъ годахъ подвергшаяся какъ бы формальному раздѣлу между ними. Раньше европейцамъ были извѣстны и доступны только береговыя полосы этого материка, но въ серединѣ XIX в. начались изслѣдовательскія путешествія по внутреннимъ частямъ Африки (Ливингстона, Стэнли, позднѣе Саворньяна-де-Брацца, Петера и др.), оказавшія большія услуги географіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и облегчившія проникновеніе англичанъ, французовъ, бельгійцевъ и нѣмцевъ во внутреннюю Африку, дотолѣ остававшуюся совсѣмъ никому невѣдомыми странами. Раздѣлъ Африки является однимъ изъ величайшихъ событій міровой политики конца XIX в.: и берега Африки, и самая внутренность этого материка почти цѣликомъ принадлежатъ теперь разнымъ европейскимъ націямъ.

Нѣсколько позднѣе раздѣла Африки совсѣмъ новымъ театромъ міровой политики сдѣлался Великій океанъ съ прилегающими къ нему странами. Въ древности и въ средніе вѣка, такъ сказать, сцену всемірной исторіи составляли сначала страны, окружающія Средиземное море съ Адріатическимъ, Мраморнымъ и Чернымъ, позднѣе еще и страны, прилегающія къ морямъ Нѣмецкому и Балтійскому: это былъ морской періодъ всемірной исторіи, смѣнившій собою періодъ рѣчныхъ цивилизацій (на Нилѣ, на Тигрѣ и Евфратѣ и т. п.). Съ открытіемъ Америки, морского пути въ Индію и Великаго океана, т.-е. въ концѣ XV и въ началѣ XVI вв. начался океаническій періодъ, въ которомъ главная роль выпала на долю ближайшаго къ Европѣ Атлантическаго океана. Лишь въ концѣ XIX и въ началѣ XX в. выяснилось громадное будущее и другого океана, Тихаго, или Великаго, куда направилась теперь европейская политика, послѣ чего старый восточный вопросъ, вопросъ Ближняго Востока, уступилъ свое былое первенство во внѣшней политикѣ новому восточному вопросу, вопросу Востока Дальняго. На азіатскомъ берегу и на островахъ Великаго океана въ самомъ концѣ XIX в. произошла,—какъ раньше въ Африкѣ,—встрѣча интересовъ и притязаній главныхъ колоніаль-

ныхъ державъ Европы съ придачею къ нимъ на этотъ разъ и Россіи,—встрѣча, осложнившаяся еще появленіемъ на аренѣ міровой политики двухъ новыхъ великихъ державъ—Японіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Первымъ важнымъ фактомъ въ исторіи этихъ новѣйшихъ отношеній было то, что можно назвать своего рода «раздѣломъ Китая».

Не заходя въ прошлое китайско-европейскихъ отношеній раньше середины XIX в., достаточно будетъ отмѣтить, что начало аггрессивныхъ дѣйствій европейскихъ державъ по отношенію къ Китаю относится къ сороковымъ годамъ, когда произошла «опійная война», которую вела съ Китаемъ Англія изъ-за запрещенія китайскимъ правительствомъ ввоза опіума въ страну и которая окончилась для Англіи въ 1842 г. очень выгоднымъ миромъ (полученіе контрибуціи съ Китая, пріобрѣтеніе Гонкъ-Конга, открытіе пяти китайскихъ портовъ для торговли и т. п.). Въ 1858 г. между Англіей и Китаемъ опять вспыхнула война, и въ слѣдующемъ году въ ней на сторонѣ Англіи приняли участіе и французы. Осенью 1860 г. союзное войско вступило даже въ столицу имперіи, Пекинъ, послѣ чего китайцы вынуждены были смириться и признать всѣ условія побѣдителей. Затѣмъ наступила эпоха продолжительнаго мира между Китаемъ и европейскими державами, время расширенія коммерческихъ и дипломатическихъ сношеній Небесной имперіи съ Европой и Сѣверной Америкой. Европейскія державы, очень хорошо видя полную военную неподготовленность Китая, дѣлались все болѣе требовательными въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, китайцы же обнаруживали все бо̀льшую и бо̀льшую уступчивость. Между тѣмъ подъ бокомъ у Китая выросла новая Японія, начавшая съ конца шестидесятыхъ годовъ XIX в. быстро усваивать европейскую культуру и въ очень короткое время опередившая отсталый Китай. Послѣдній очень хорошо почувствовалъ это въ войнѣ, которая началась между нимъ и Японіей въ 1894 г. и окончилась въ слѣдующемъ же году полнымъ его пораженіемъ. По симоносекскому миру 1895 г. китайцы должны были уступить японцамъ юго-восточную часть Манчжуріи въ видѣ полосы, прилегающей къ корейской границѣ, съ Ляодунскимъ полуостровомъ, а также острова Формозу и Пескадорскіе, причемъ японцы выговорили себѣ разныя торговыя льготы и контрибуцію. Этотъ миръ вызвалъ, однако, европейское вмѣшательство. Протестъ противъ него былъ заявленъ Россіей, не желавшей, чтобы какая бы то ни было часть сосѣдней

съ Сибирью китайской провинціи отошла къ Японіи. Русскій протестъ поддержали Франція и Германія, вслѣдствіе чего японцамъ пришлось отказаться отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на азіатскомъ материкѣ. Китайцы вынуждены были отблагодарить помогшія имъ державы. Россія получила концессію на проложеніе черезъ Манчжурію великаго сибирскаго пути, что ставило на будущее время названную провинцію подъ исключительно русское вліяніе. Одновременно Китаемъ дана была концессія и Германіи на проведеніе желѣзныхъ дорогъ и на горное дѣло въ Шантунской области, между Желтымъ моремъ и Печилійскимъ заливомъ, а Франціи—подобныя же концессіи въ Южномъ Китаѣ. Въ связи еще со всѣмъ этимъ, наконецъ, состоялся русско-японскій договоръ объ обоюдномъ протекторатѣ надъ Кореей, бывшею раньше, въ вассальной зависимости отъ Китая. Вскорѣ затѣмъ въ китайскія дѣла Европа вмѣшалась и по другому поводу.

Въ 1897 г. двое нѣмецкихъ миссіонеровъ были убиты китайцами, и это немедленно повлекло за собою появленіе въ бухтѣ Кьяо-Чоу германской эскадры, десантъ которой занялъ этотъ портъ, послѣ чего въ началѣ 1898 г. Китай отдалъ Германіи особымъ договоромъ «въ аренду» на 99 лѣтъ названный портъ съ его бухтою, островками и береговою территоріей на 50 километровъ вокругъ. Чтобы обезпечить за Германіей это новое владѣніе и показать, что «германскій орелъ не выпускаетъ изъ своихъ когтей того, во что ихъ разъ вонзилъ», Вильгельмъ II отправилъ къ берегамъ Китая большую эскадру, поставивъ во главѣ ея своего брата, принца Генриха. Значеніе германскаго вмѣшательства въ китайскія дѣла было оффиціально объяснено въ томъ смыслѣ, что въ странахъ съ богатымъ будущимъ не слѣдуетъ исключать Германію изъ соперничества другихъ націй въ интересахъ нѣмецкаго мореплаванія, торговли, промышленности, дабы и у нѣмцевъ было свое мѣсто на солнышкѣ.—Едва только былъ оформленъ захватъ Германіей части китайской территоріи, какъ и другія державы потребовали себѣ у Китая компенсацій. Въ Портъ-Артуръ, только-что возвращенный Японіей Китаю, пришла на зимнюю стоянку русская эскадра, и это заставило Англію заключить съ Китаемъ договоръ, обезпечивавшій, что имъ не будетъ уступлено ни одной какой-либо иностранной державѣ области въ бассейнѣ Яндцы-дзцяна, ставившій во главѣ китайскихъ таможенъ англичанина и дававшій англичанамъ право свободнаго плаванія по всѣмъ внутреннимъ водамъ имперіи. Англи-

чане были очень довольны такимъ успѣхомъ своей дипломатіи, но весьма скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что въ то же самое время Китай уступилъ Россіи на 25 лѣтъ въ аренду, съ правомъ возобновленія контракта, Портъ-Артуръ и Таліенванъ, которые притомъ еще дозволилъ соединить вѣтками съ великою сибирскою желѣзною дорогою. Въ Англіи это произвело переполохъ, послышалось бряцанье оружіемъ, но все уладилось мирнымъ путемъ, когда и Англія получила въ видѣ компенсаціи Вей-хай-вей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Россіи были отданы вышеназванные пункты. Франція не захотѣла отстать отъ трехъ великихъ державъ, получившихъ концессіи на китайской территоріи, и тоже взяла у Китая въ аренду одну угольную станцію съ гарантіей, что пограничныя съ Тонкиномъ южныя области имперіи не будутъ отданы никакой другой державѣ. Даже Италія, и та стала-было добиваться аренды въ Китаѣ, но потерпѣла неудачу.

Между тѣмъ въ самомъ Китаѣ начались народныя волненія противъ европейцевъ, въ особенности миссіонеровъ, и противъ христіанъ изъ китайцевъ. Недовольство народа въ Китаѣ приняло такой характеръ, что для безопасности своихъ посольствъ европейскія державы осенью 1898 г. отправили въ Китай особые военные отряды. Видя, что народъ начинаетъ вездѣ вооружаться противъ европейцевъ, китайское правительство стало само негласнымъ образомъ оказывать помощь этому движенію, во главѣ котораго стало тайное общество Большого Кулака («боксеровъ»). Лѣтомъ 1900 г. китайскіе инсургенты вступили въ самый Пекинъ и сообща съ войсками богдыхана подвергли европейскія посольства осадѣ. Теперь и правительство Китая объявило, что ведетъ войну съ иностранцами, забравшимися въ страну. Все, что было по близости на европейскихъ военныхъ судахъ, было двинуто на Пекинъ на выручку посольствъ, но китайцы преградили путь этой экспедиціи. Началась настоящая война: близъ Тянь-Цзина китайская армія окружила находившіеся здѣсь отряды европейцевъ; на Амурѣ подвергся нападенію русскій городъ Благовѣщенскъ. Въ Европѣ долгое время ничего не знали о судьбѣ посольствъ, осажденныхъ китайцами въ Пекинѣ. Въ концѣ концовъ, европейскимъ державамъ пришлось послать въ Китай болѣе значительныя военныя силы, и во главѣ ихъ, по мысли Вильгельма II и съ согласія всѣхъ участвовавшихъ въ предпріятіи державъ, былъ поставленъ германскій фельдмаршалъ графъ Вальдерзее. Самое назначеніе

одного общаго начальника надъ союзнымъ войскомъ должно было показать китайцамъ, что въ данномъ случаѣ они имѣютъ дѣло съ единою и сплоченною Европою, въ самой же Европѣ въ это время подъ вліяніемъ японскихъ побѣдъ и возстанія Китая заговорили объ опасности, грозящей цивилизаціи отъ желтой расы. Прежде нежели Вальдерзее успѣлъ пріѣхать на мѣсто своего командованія, находившіяся уже тамъ европейскія войска сдѣлали свое дѣло. Ранѣе другихъ явились военныя подкрѣпленія изъ Японіи, которая въ данномъ случаѣ всецѣло присоединилась къ Европѣ. Пекинъ былъ взятъ, посольства были освобождены: Вальдерзее оставалось только довершить усмиреніе Китая, послѣ чего въ свои права вступила дипломатія. Между тѣмъ Россія успѣла занять своимъ войскомъ Манчжурію, выговоривъ у китайскаго правительства затѣмъ протекторатъ надъ нею за выводъ своихъ отрядовъ изъ сосѣдства съ Пекиномъ. Другія державы, однако, протестовали противъ этого соглашенія, а Англія и Германія даже заключили между собою трактатъ, взаимно обязавшись поддерживать общими силами цѣлость Китая.

Китайскія событія конца XIX в. совершенно измѣнили положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Во-первыхъ, здѣсь появилась новая политическая сила въ лицѣ Японіи, которую великія державы приняли, какъ равную, въ свой союзъ противъ Китая. Во-вторыхъ, европейскія державы, пользуясь слабостью, обнаруженною Китаемъ въ войнѣ съ Японіей, вынудили у китайцевъ территоріальныя уступки въ формѣ отдачи въ аренду важныхъ въ торговомъ или въ стратегическомъ отношеніяхъ пунктовъ. Въ-третьихъ, по поводу китайскихъ событій возникли новыя комбинаціи между европейскими державами, самою замѣчательною изъ которыхъ былъ общеевропейскій союзъ противъ Китая. Особое значеніе всѣ эти событія получили въ виду того, что въ нихъ нельзя было не видѣть начала борьбы за обладаніе Великимъ океаномъ, съ его, несомнѣнно, громаднымъ будущимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ всемірной исторіи. Не нужно, наконецъ, забывать, что, кромѣ азіатскаго берега, у названнаго океана, есть еще берегъ американскій, и что часть послѣдняго принадлежитъ тоже великой державѣ, Соединеннымъ Штатамъ, которые не могли оставаться равнодушными зрителями событій, совершавшихся на этомъ океанѣ: въ войскахъ, усмирявшихъ въ 1900—1901 гг. Китай, рядомъ съ европейцами, кромѣ японцевъ, были, равнымъ образомъ, еще и американцы.

До конца XIX в. Соединенные Штаты не принимали никакого участія въ міровой политикѣ. Самое большее, къ чему они стремились въ теченіе всего XIX в., это было сдѣлать изъ Америки исключительную сферу своего вліянія и потому не допускать европейцевъ до основанія въ ней новыхъ колоній: Америка должна была быть для американцевъ. Сверхъ того, Соединенные Штаты не прочь еще были создать изъ всѣхъ независимыхъ американскихъ государствъ общій союзъ подъ своею гегемоніей съ уничтоженіемъ между ними таможенъ, введеніемъ въ нихъ общей монеты, улучшеніемъ сношеній, учрежденіемъ всеамериканскаго третейскаго суда и т. п., при явной тенденціи отгородиться высокими таможенными пошлинами отъ европейской конкурренціи. Развитіе сѣверо-американской торговли съ Восточной Азіей, съ Европой и съ Африкой сдѣлало для Соединенныхъ Штатовъ необходимою болѣе дѣятельную внѣшнюю политику внѣ Америки. Уже при основаніи въ Африкѣ независимаго государства Конго Соединенные Штаты приняли участіе въ переговорахъ и соглашеніяхъ европейскихъ государствъ по этому поводу. Пріобрѣтеніе нѣмцами, англичанами и французами, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в., массы океанскихъ острововъ немало затрогивало интересы американскихъ коммерсантовъ. На о-вахъ Самоа дѣло дошло до прямого столкновенія германскихъ, англійскихъ и американскихъ притязаній, потребовавшее созыва конференціи трехъ державъ, каковая и состоялась въ Берлинѣ въ 1889 году, а вскорѣ произошло установленіе американскаго протектората надъ Гавайскими о-вами. Но самымъ важнымъ фактомъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, какъ міровой державы, была уже упоминавшаяся выше война съ Испаніей, окончившаяся переходомъ испанскихъ колоній подъ власть Штатовъ, послѣ чего они присоединили къ своимъ владѣніямъ Гавайскіе о-ва, подѣливъ, наконецъ, и о-ва Самоа съ Германіей. Эти внѣшніе успѣхи Соединенныхъ Штатовъ только усилили въ нихъ имперіалистскіе аппетиты, вслѣдствіе чего началось усиленіе военнаго могущества Союза. Обладаніе Филиппинскими о-вами привело великую заатлантическую республику въ непосредственное соприкосновеніе и съ Дальнимъ Востокомъ: по этой причинѣ Штаты также приняли участіе въ общемъ дѣйствіи европейскихъ державъ противъ Китая, ближайшими сосѣдями котораго сдѣлались по Филиппинамъ, какъ приблизились вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Японіи.

XXXIII. Національные вопросы и націонализмъ послѣдней трети XIX в. [1]).

Внѣшняя политика и международная вражда. — Внутренніе національные вопросы во второй половинѣ XIX в.—Національное объединеніе Италіи и ирредентизмъ. — Нѣмецкій націонализмъ и отношеніе Германской имперіи къ не-нѣмецкимъ элементамъ ея населенія.—Освобожденіе угнетенныхъ національностей.—Національныя распри въ Австро-Венгріи.—Междуславянскія несогласія въ частности.—Націонализмъ въ Англіи и во Франціи.—Антисемитизмъ, какъ одна изъ разновидностей націонализма.—Возникновеніе сіонизма.

Столкновеніе интересовъ отдѣльныхъ государствъ какъ въ Европѣ, такъ и внѣ ея и, вдобавокъ, какъ въ политическомъ, такъ и экономическомъ, торгово-промышленномъ отношеніяхъ влекло за собою нерѣдко непримиримую вражду и между самими народами. Такую, наприм., вражду посѣяла между нѣмцами и французами война 1870—1871 г. съ грознымъ призракомъ реванша со стороны Франціи и новаго разгрома послѣдней со стороны Германіи. Послѣ присоединенія Франціей Туниса, на который зарилась Италія, произошло охлажденіе отношеній между обѣими націями, которому немало потомъ способствовала возникшая вслѣдъ за тѣмъ таможенная война между тою и другою странами. Ростъ военныхъ вооруженій въ однихъ государствахъ, вызывавшійся тѣмъ же самымъ въ другихъ, экономическая между ними конкурренція, обострявшая вездѣ аграрный и индустріальный протекціонизмъ во вредъ, конечно, другимъ странамъ, таможенныя войны, какъ естественныя слѣдствія этого, и соперничество на поприщѣ міровой политики,— все это питало враждебный по отношенію къ чужимъ странамъ націонализмъ, подъ знамя котораго особенно охотно становились наиболѣе реакціонные и невѣжественные элементы общества. Франко-германская вражда обострялась въ послѣдней трети XIX в. особенно часто, но и въ другихъ странахъ по временамъ необычайно ярко вспыхивалъ узкій и исключительный націонализмъ, получавшій мѣстныя названія шовинизма (во Франціи), джингоизма (въ Англіи) и т. п. То, наприм., въ Англіи били тревогу по поводу штемпеля «made in Germany» [2]), сдѣлавшагося

---

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. XI, XII и XIX.

[2]) «Сдѣлано въ Германіи».

для англичанъ настоящимъ пугаломъ, своего рода предостереженіемъ относительно опасности, грозящей отъ германской конкурренціи въ индустріи, то въ Германіи начиналась газетная травля противъ Россіи, и объявлялся походъ противъ русскихъ денежныхъ бумагъ и т. п., и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на первомъ планѣ стояли обыкновенно экономическіе или политическіе мотивы.

Не объ этихъ мотивахъ, впрочемъ, будетъ идти сейчасъ рѣчь, не объ антагонизмѣ между государствами въ силу противорѣчій ихъ политическихъ стремленій и экономическихъ потребностей, а объ антагонизмахъ между отдѣльными національностями, какъ обособленными культурно-историческими единицами. Въ своемъ мѣстѣ уже была рѣчь о возрожденіи нѣкоторыхъ культурно-отсталыхъ народностей въ первой половинѣ XIX в., о стремленіи цѣлыхъ племенъ къ освобожденію отъ иноземнаго гнета, о желаніи тѣхъ или другихъ націй политически объединиться: все это были лишь разные образы и виды, въ сущности, одного и того же національнаго движенія со своимъ собственнымъ содержаніемъ, въ которомъ главную роль играли вопросы національной духовной культуры, ея свободнаго развитія, правъ негосударственныхъ языковъ на употребленіе въ школѣ, въ судахъ, въ сношеніяхъ съ властями и т. п., вопросы національной независимости и единства. Извѣстно, какую роль національный вопросъ съигралъ въ движеніи 1848 г., и какъ реакція пятидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ политическими и соціальными стремленіями, подавила и національныя движенія эпохи. Съ шестидесятыхъ годовъ послѣднія снова воспрянули къ жизни и заставили о себѣ говорить: національныя стремленія опять обострились, но если это новое обостреніе должно было произойти въ народностяхъ, которыя не могли быть довольными своимъ положеніемъ, то, съ другой стороны, обострился и націонализмъ народностей, властвовавшихъ или считавшихъ себя призванными къ властвованію въ тѣхъ или другихъ государствахъ. Однимъ изъ характерныхъ примѣровъ отношеній этого рода являются, наприм., польское возстанія 1863 г. и вызванная имъ система руссификаціи не только Западнаго края, но и Царства Польскаго.

Изъ крупныхъ національныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ серединѣ XIX в., разрѣшены были болѣе или менѣе въ интересахъ соотвѣтственныхъ національностей вопросы итальянскаго и германскаго объединенія. Въ 1859—1861 г. Италія изъ «географическаго понятія» превратилась въ національное государство,

объединеніе котораго завершилось присоединеніемъ къ нему въ 1866 и 1870 гг. Венеціанской и Римской областей. Въ Италіи, однако, и послѣ этого не могли забыть того, какъ Австрія хозяйничала въ Ломбардіи и въ Венеціи и подавляла освободительное движеніе въ другихъ итальянскихъ областяхъ, и многіе не хотѣли примириться съ тѣмъ, что итальянское населеніе южнаго Тироля и Тріеста съ его областью все еще остаются подъ австрійскимъ владычествомъ. Наиболѣе пламенные патріоты образовали въ Италіи особую партію «неискупленной Италіи», «Italia irredenta», поставившую своею задачею добиться присоединенія къ національному королевству австрійскихъ областей съ итальянскимъ населеніемъ. «Ирредентизмъ» особенно заставлялъ о себѣ говорить въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Ирредентисты были вмѣстѣ съ тѣмъ республиканцами и стояли за союзъ съ Франціей, ненавидя Австрію и сдѣлавшись потомъ врагами тройственнаго союза, и какъ разъ со времени сближенія съ Германіей и Австріей итальянское правительство, видѣвшее въ тройственномъ союзѣ обезпеченіе монархіи противъ республиканцевъ, стало всячески преслѣдовать ирредентизмъ, создававшій притомъ дипломатическія затрудненія съ монархіей Габсбурговъ. Антиавстрійскія чувства въ Италіи, существовавшія и внѣ ирредентистскихъ круговъ, плохо вообще гармонировали съ оффиціальной политикой страны, т.-е. съ присоединеніемъ Италіи къ австро-германскому союзу.

Національное объединеніе Германіи совершилось въ 1866—1871 гг. безъ нѣмецкихъ областей Австріи, т.-е. далеко не было полнымъ, но для германскаго націонализма это компенсировалось образованіемъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ тѣснаго австро-германскаго союза въ общихъ интересахъ всей нѣмецкой націи. Такъ какъ господству послѣдней въ монархіи Габсбурговъ грозили славяне, то изъ Германіи австрійскимъ нѣмцамъ постоянно оказывалась всякая помощь, если же когда-либо политика вѣнскаго правительства дѣлала уступки славянскимъ подданнымъ Австріи, то среди нѣмецкихъ ея подданныхъ недовольство такою политикой принимало прямо характеръ тяготѣнія къ Германіи. Къ концу XIX в. австрійскіе «всенѣмцы» (Alldeutsche), съ Шёнереромъ во главѣ, стали даже приносить жалобы своимъ германскимъ соплеменникамъ на собственное правительство, какъ потакающее славянамъ, и недвусмысленно заявлять, что они очень были бы не прочь присоединиться къ Германіи. Нѣкоторые изъ австрійскихъ «всенѣмцевъ» начали переходить изъ католицизма въ про-

тестантизмъ, провозгласивъ лозунгъ «los von Rom» (прочь отъ Рима): объединеніе Германіи безъ католической Австріи и подъ гегемоніей протестантской Пруссіи усилило въ Германской имперіи значеніе протестантизма, и потому оторваться отъ Рима значило стать ближе къ большинству нѣмецкой націи, объединенному подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ.

Въ самой Германіи побѣды 1870—1871 г. и имперская гегемонія въ Европѣ содѣйствовали необычайному развитію національнаго самомнѣнія и германизаторской политики по отношенію къ не-нѣмецкимъ элементамъ населенія, тѣмъ болѣе, что послѣднія были большею частью католическими. Подъ ними нужно разумѣть, кромѣ датчанъ сѣверной части Шлезвига (протестантовъ), преимущественно или католиковъ-французовъ Эльзасъ-Лотарингіи, или католиковъ-поляковъ въ восточныхъ частяхъ Прусскаго королевства. Для германскихъ націоналистовъ и для самого правительства имперіи все это были «внутренніе враги», и съ ними велась упорная борьба, нерѣдко мелочная и своею мелочностью безпрестанно раздражавшая и датчанъ, и французовъ, и поляковъ. Въ виду того, что эльзасцы и лотарингцы не мирились съ отторженіемъ отъ Франціи, а ихъ депутаты въ рейхстагѣ появились съ протестомъ противъ присоединенія, во Франціи же громко говорили о необходимости реванша, германское правительство начало насильственную германизацію новой имперской области, вводя нѣмецкій языкъ въ школы, въ суды, въ администрацію и т. п., требуя, чтобы уличныя вывѣски были непремѣнно понѣмецки, не дозволяя ввоза парижскихъ газетъ, запрещая всякаго рода оказательства французскихъ симпатій (флаги съ французскими цвѣтами, газетныя статьи, сочувственныя Франціи и т. п.): Эльзасъ-Лотарингія была въ Германіи, а Германія должна была быть только для нѣмцевъ. Этой политикѣ противъ французовъ на западной окраинѣ вполнѣ соотвѣтствовала германизаторская политика и на восточной окраинѣ противъ поляковъ, особенно, когда было замѣчено, что польскій элементъ здѣсь возросталъ въ количественномъ отношеніи быстрѣе, нежели нѣмецкій, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаясь экономически и культурно. Въ восьмидесятыхъ годахъ Бисмаркъ объявилъ «полячеству» въ Пруссіи настоящую войну: русско- и австро-подданныхъ поляковъ изъ Пруссіи стали изгонять цѣлыми тысячами; школѣ была поставлена нарочитая задача онѣмеченія польскихъ дѣтей; ассигнованы были большія суммы на покупку польскихъ земель для заселенія ихъ нѣмцами и пр. и пр-

Только тогда, когда не исключалась возможность войны съ Россіей, прусское правительство ослабляло свои репрессивныя мѣры и даже заигрывало съ поляками, но по минованіи надобности снова начиналась прежняя политика. Извѣстная часть нѣмецкаго общества вполнѣ сочувствовала искорененію «полячества», и самъ прусскій ландтагъ вотировалъ нѣкоторыя исключительныя мѣры вопреки конституціи, признававшей равноправіе всѣхъ прусскихъ гражданъ. Въ серединѣ девяностыхъ годовъ для борьбы съ полонизмомъ даже образовалось особое общество, которому прусское правительство стало оказывать покровительство, а отъ начальныхъ буквъ фамилій его основателей Г (Н), К и Т (Ганземаннъ, Кеннеманнъ и Тидеманнъ) произошло названіе всего полонофобскаго направленія «гакатизмомъ». Не только періодическая пресса, но, къ сожалѣнію, и университетская наука выставила немало крайнихъ германскихъ націоналистовъ, проповѣдовавшихъ, что поляковъ нужно «ausrotten» (искоренить). Прусская политика по отношенію къ полякамъ была, кромѣ того, сильно заинтересована, чтобы полякамъ не лучше жилось и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ обрусительство, впрочемъ, и безъ прусскихъ внушеній и примѣровъ дѣйствовало достаточно энергично, особенно съ того момента, какъ въ самой Россіи восьмидесятыхъ годовъ реакція приняла рѣзко націоналистическій характеръ. Вообще подавленіе народами «державными»,—какъ у насъ недавно стали говорить, — недержавныхъ народностей повсемѣстно сдѣлалось однимъ изъ лозунговъ націоналистической «государственности» послѣднихъ десятилѣтій XIX в.

Между тѣмъ, съ общимъ экономическимъ и культурнымъ развитіемъ, къ концу XIX в. угнетенныя народности стали громко заявлять о правѣ своемъ на существованіе, на развитіе и самобытность. Однимъ изъ проявленій національно-освободительнаго движенія было образованіе изъ бывшихъ турецкихъ провинцій новыхъ національныхъ государствъ Балканскаго полуострова. Иногда національное движеніе давало себя знать и тамъ, гдѣ менѣе всего его можно было ожидать, какъ, наприм., въ Бельгіи, гдѣ, вопреки конституціи 1831 г., фламандскому языку долго не давали ходу въ школѣ, въ администраціи и т. п. Правительства вообще подозрительно относились къ мѣстнымъ языкамъ, опасаясь сепаратистскихъ стремленій [1]), даже когда дѣло шло не

[1]) Сюда относятся и гоненія на малорусскій языкъ въ Россіи съ середины семидесятыхъ годовъ.

далѣе литературныхъ упражненій и начальнаго обученія на родномъ населенію языкѣ.

Особенно острую форму принялъ національный вопросъ въ Австро-Венгріи, гдѣ двѣ господствующія національности, нѣмцы въ Цислейтаніи и мадьяры въ Транслейтаніи, употребляли всѣ усилія, чтобы сохранить за собою привилегированное положеніе, а за своими языками значеніе языковъ государственныхъ, тогда какъ другія народности, наоборотъ, ставили себѣ цѣлью добиться права пользоваться своими языками въ школьномъ преподаваніи и въ публичной жизни. На этой почвѣ, съ самаго начала конституціонализма въ монархіи Габсбурговъ, происходила страстная борьба отдѣльныхъ національностей и не только противъ нѣмцевъ и мадьяръ, желавшихъ оставаться господами положенія, но нерѣдко и между собою, и такъ еще, вдобавокъ, что часто національныя права извѣстной народности смѣшивались съ историческими правами того или другого «королевства», той или другой «земли», изъ совокупности которыхъ образовалась монархія. Наприм., чехи отстаивали «государственное право» своего «королевства», или «земель короны св. Вацлава»—съ цѣлью замѣны австро-венгерскаго дуализма австро-венгерско-чешскимъ тріализмомъ, съ тѣмъ, чтобы въ третьемъ, равноправномъ съ Австріей и Венгріей государственномъ цѣломъ «земель короны св. Вацлава» господство принадлежало чешскому языку, хотя бы значительную часть населенія этихъ земель составляли нѣмцы. Другими словами, сами чехи становились на точку зрѣнія государственныхъ языковъ, и на ней же стояли также и поляки въ Галиціи, такъ какъ не хотѣли признавать никакихъ правъ за мѣстнымъ малорусскимъ (русинскимъ или украинскимъ) языкомъ, считая его лишь однимъ изъ польскихъ нарѣчій, если не злокозненнымъ изобрѣтеніемъ «москалей». Мадьяры въ Венгріи заняли такую же позицію. Согласившись въ 1868 г. на автономію Хорватіи, венгерскій сеймъ въ томъ же самомъ году объявилъ въ остальныхъ частяхъ королевства мадьярскій языкъ государственнымъ, хотя и съ допущеніемъ мѣстныхъ нарѣчій въ муниципальной жизни, что́, впрочемъ, и въ законѣ было обставлено разными оговорками, и на практикѣ совсѣмъ не соблюдалось, такъ какъ правительство и сеймъ поставили себѣ задачею мадьяризацію и венгерскихъ славянъ, и нѣмцевъ (саксовъ), и румыновъ при помощи школы, церкви и другихъ учрежденій. Однажды румыны пожаловались на мадьярскія притѣсненія императору, снарядивъ

для этого депутацію въ Вѣну, но мадьярскія власти усмотрѣли государственную измѣну въ томъ, что жалоба была принесена «австрійскому императору» въ Вѣнѣ, а не «венгерскому королю» въ Будапештѣ, и предали участниковъ суду. Судьи не хотѣли допрашивать ихъ по-румынски, подсудимые отказывались отвѣчать по-мадьярски, и присяжные, все мадьяры, вынесли имъ обвинительный приговоръ, на основаніи котораго они были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ на продолжительные сроки. Мадьяры стѣсняли также хорватовъ, со стороны которыхъ боялись стремленія создать «великую Хорватію» со включеніемъ въ нее Босніи и Герцеговины. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ во всей Хорватіи происходили серьезныя народныя волненія, повлекшія за собою пріостановку конституціи и введеніе осаднаго положенія съ временною отмѣною суда присяжныхъ: любопытно, что первымъ поводомъ къ волненіямъ послужила попытка замѣнить уличныя вывѣски въ Загребѣ на хорватскомъ языкѣ вывѣсками двухъязычными—на мадьярскомъ и хорватскомъ.

Національныя распри въ австрійской половинѣ монархіи Франца-Іосифа немало мѣшали правильному дѣйствію конституціи. Хотя послѣдняя и объявила равноправными всѣ народности, равно какъ и ихъ языки въ школѣ, управленіи и общественной жизни, но детальнаго на этотъ счетъ законодательства не было, правительственныя же распоряженія относительно употребленія мѣстныхъ языковъ только раздражали или ту, или другую сторону. Само австро-венгерское соглашеніе 1867 г. было принято славянами Австріи непріязненно. Чехи потребовали замѣны дуализма тріализмомъ, а когда имъ въ этомъ было отказано, не стали засѣдать ни въ рейхсратѣ, ни въ пражскомъ сеймѣ. Примѣру чеховъ послѣдовали поляки, потребовавшіе автономіи Галиціи, а затѣмъ ушли изъ рейхсрата и представители болѣе мелкихъ народностей. Это было плохимъ началомъ для дѣйствія только-что возстановленной конституціи. Правда, съ теченіемъ времени всѣ протестанты возвратились въ рейхсратъ, но зато въ основу его раздѣлѣнія на партіи легли, преимущественно, національныя различія, чѣмъ правительство очень искусно пользовалось, дабы «господствовать, раздѣляя», хотя, конечно, и въ національныхъ партіяхъ были еще свои разногласія консерваторовъ и либераловъ [1]). Отдѣльнымъ областямъ правительство дѣлало разныя

[1]) Наприм., раздѣленіе «старо-чеховъ» и «младо-чеховъ».

уступки: наприм., очень много было уступлено Галиціи, гдѣ нѣмецкій элементъ былъ слабъ, и при этомъ полякамъ были отданы въ жертву русины, тогда какъ чехамъ въ Богеміи, въ которой нѣмцевъ много, въ большей части требованій отказывалось. Съ другой стороны, само правительство постоянно измѣняло свою политику по отношенію къ славянамъ. Съ конца семидесятыхъ годовъ до начала девяностыхъ оно держалось примирительной тактики, и въ это время чехи добились, наприм., своего университета въ Прагѣ, рядомъ со старымъ нѣмецкимъ, но зато министерство опиралось на консервативно-клерикальное большинство, позволявшее управлять государствомъ въ духѣ абсолютизма. Поэтому нѣмцы были недовольны общей политикой кабинета. Особенно ихъ недовольство вызывалось уступками чешскому языку въ Богеміи, въ чемъ они находили сочувственную поддержку со стороны германскихъ нѣмцевъ (напр., со стороны знаменитаго историка Моммзена, совѣтовавшаго бить чеховъ по твердымъ башкамъ). Въ концѣ девяностыхъ годовъ чешско-нѣмецкая распря сопровождалась народными волненіями и побоищами, а въ рейхсратѣ дикими сценами обструкціи и рукопашныхъ схватокъ. Дѣло доходило до введенія въ Прагѣ осаднаго положенія и до рѣшенія, за прекращеніемъ правильной дѣятельности рейхсрата, важныхъ государственныхъ вопросовъ по статьѣ 14 конституціи, дающей императору право, въ случаяхъ крайней необходимости, издавать временные законы. Такъ, именно, были возобновлены въ 1897 г. условія австро-венгерскаго соглашенія, долженствовавшія пересматриваться каждыя десять лѣтъ. Въ 1898 г. даже бюджетъ былъ установленъ по статьѣ 14, потому что рейхсратъ, въ которомъ продолжались бурныя схватки, оказался не въ состояніи его вотировать. И частныя ежегодныя соглашенія съ Венгріей проводились по той же 14 статьѣ и въ 1898, и въ 1899 гг. Сессія 1900 г. была тоже неблагополучною. Между прочимъ, въ одномъ засѣданіи чехи предлагали нѣмцамъ ужъ лучше прямо объявить, что они хотятъ сдѣлаться пруссаками. Не отрицая этого, одинъ изъ «всенѣмцевъ» отвѣтилъ: «а вы хотите сдѣлаться подданными Россіи». (Среди чеховъ, дѣйствительно, было развито руссофильство, хотя чисто платоническаго свойства).

Національный вопросъ въ Австріи больше всего задѣвалъ славянъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя славянскія народности Австріи имѣютъ единопленниковъ внѣ ея предѣловъ, гдѣ ихъ положеніе является инымъ. Поляки, большая часть которыхъ нахо-

дится въ русскомъ и прусскомъ подданствѣ, заняли въ Австріи привилегированное положеніе, въ Галиціи сдѣлавшееся господствующимъ, такъ какъ тамошніе русины были отданы въ полное ихъ распоряженіе. Но русинская народность въ Галиціи составляетъ лишь очень малую часть малорусской народности, живущей, главнымъ образомъ, въ Россіи и, кромѣ того, въ Венгріи. Отношенія между поляками и русинами въ Галиціи не лучше чешско-нѣмецкихъ въ Богеміи, а потому и въ рейхсратѣ не могло быть солидарности между поляками и русинами, какъ и чехи съ поляками не всегда были въ ладахъ изъ-за разнаго отношенія къ нѣмцамъ. Очень острыя отношенія образовались между сербами и хорватами. Въ сущности, это одинъ народъ съ однимъ языкомъ, и вся разница между ними та, что сербы—православные и пользуются видоизмѣненной русской азбукой, а хорваты—католики и употребляютъ латинскій алфавитъ. Раздѣленная между Австріей, Венгріей, Босно-Герцеговиной, Сербіей, Черногоріей и Турціей, сербо-хорватская народность еще не достигла сознанія своего національнаго единства, которое раздорами сербовъ и хорватовъ только ослаблялось. Наконецъ, и сербы съ болгарами также стали между собою враждовать, причемъ дѣло въ восьмидесятыхъ годахъ доходило до войны между ними: однимъ изъ предметовъ раздора сдѣлалась Македонія, хотя сама она и находилась подъ властью Турціи. Славянскія несогласія и распри, начиная ненормальными русско-польскими отношеніями и кончая южнославянскими конфликтами, сдѣлались даже однимъ изъ условій, благопріятствовавшихъ успѣхамъ германизма, сплоченнаго австро-германскимъ союзомъ. Попытки прекратить славянскую рознь, со времени знаменитаго славянскаго съѣзда 1867 г. въ Москвѣ,—на которомъ, однако, не было поляковъ,—не имѣли до сихъ поръ никакого успѣха.

Крайнее обостреніе національнаго чувства и съ очень некультурными его проявленіями, имѣло мѣсто также въ Англіи и во Франціи. Въ первой изъ нихъ исключительный націонализмъ даже получилъ особое названіе «джингоизма», которому во второй болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ слово «шовинизмъ».

Націоналистическіе взрывы въ Англіи происходили обыкновенно въ связи съ событіями внѣшней политики и въ концѣ XIX в. имѣли чисто имперіалистскій характеръ. На этой струнѣ, — какъ это болѣе или менѣе бывало и вездѣ,—всегда съ успѣхомъ играли консерваторы, тѣмъ самымъ отвлекавшіе общественное

вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ. Однимъ изъ подобныхъ моментовъ было время восточной войны 1877—1878 гг., когда англійскій національнзмъ принялъ ярко-туркофильскій оттѣнокъ. Англійскіе «патріоты», въ то время овладѣвшіе общественнымъ мнѣніемъ націи, ставили въ вину великому государственному дѣятелю эпохи, Гладстону, его миролюбивую, уступчивую внѣшнюю политику, ронявшую-де престижъ Англіи, и, наоборотъ, превозносили туркофильскую политику Дизраэли-Биконсфильда, этого родоначальника новѣйшаго имперіализма. Во время русскихъ успѣховъ въ войнѣ 1877—1878 гг. Гладстонъ, бывшій другомъ освобожденія славянъ, не могъ считать себя гарантированнымъ отъ непріятностей и оскорбленій со стороны уличноіі толпы, а какіе-либо митинги для выраженія сочувствія освободительной войнѣ или порицанія туркофильской политики правительства сдѣлались совершенно невозможными. То же самое повторилось потомъ въ Англіи во время войны съ бурами въ концѣ XIX и въ первые годы XX вѣка. Настроеніе громаднаго большинства англичанъ было въ это время крайне шовинистическимъ, и такъ называемымъ «пробурамъ», всегда приходилось встрѣчать самую рѣзкую и грубую оппозицію со стороны «патріотовъ», клеймившихъ малѣйшее съ ними несогласіе названіями измѣны, предательства и т. п.: въ эту, какъ-разъ, пору и распространился терминъ «джингоизмъ» для обозначенія крайняго національзма. Въ концѣ XIX в. національстическія чувства были подогрѣты въ Англіи, сверхъ всего, опасеніемъ за будущее націи въ виду успѣховъ германской конкурренціи. Извѣстная часть прессы только подливала масла въ огонь своими демагогическими статьями, льстя низменнымъ инстинктамъ толпы, поддерживая и развивая въ своихъ читателяхъ національное самомнѣніе, исключительность и нетерпимость. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи англійская джингоистская печать только шла по слѣдамъ аналогичной «патріотической» прессы на континентѣ, также занимавшейся національною травлею «враговъ отечества». На почвѣ обострения англійскаго національзма въ исходѣ XIX в. создалась, главнымъ образомъ, и вся громадная репутація главы англійскихъ имперіалистовъ, Чэмберлена.

Внутреннимъ англійскимъ вопросомъ, питавшимъ имперіалистическій національзмъ, былъ вопросъ ирландскій. Угнетеніе ирландцевъ англичанами составляло одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ англійской внутренней политики, наиболѣе темное пятно ея

исторіи. Революціонное движеніе среди ирландцевъ [1]), противъ которыхъ раньше принимались только репрессивныя мѣры, заставило Гладстона пересмотрѣть англо-ирландскія отношенія и начать успокоеніе Ирландіи рядомъ реформъ, на пути которыхъ онъ постепенно пришелъ къ «гомрулю», проекту дать Ирландіи широкую автономію, но этотъ планъ не только не былъ осуществленъ, а еще повлекъ за собою расколъ среди либеральной партіи, изъ которой выдѣлились «уніонисты», желавшіе сохранить унію Ирландіи съ Англіей и очень скоро сдѣлавшіеся лишь одною изъ разновидностей имперіалистовъ. Составляя компактную группу, ирландскіе націоналисты въ палатѣ общинъ нерѣдко оказывали большое вліяніе на политику, присоединяясь то къ либераламъ, то къ консерваторамъ; они же были и первыми, показавшими примѣръ парламентской обструкціи, которая свила себѣ впослѣдствіи прочное гнѣздо въ вѣнскомъ рейхсратѣ.

Во Франціи подъ общимъ названіемъ «націоналистовъ» объединились довольно разнообразные общественные элементы, но преимущественно реакціоннаго пошиба. Военный разгромъ Франціи нѣмцами въ 1870—1871 гг., уплата ею Германіи пяти милліардовъ, потеря двухъ провинцій, боязнь новаго вражескаго нашествія,—все это весьма болѣзненно отзывалось на французскомъ національномъ чувствѣ, и мысль о реваншѣ сдѣлалась очень популярна, между прочимъ, и въ радикальномъ лагерѣ, гдѣ иногда вообще культивировался самый крайній шовинизмъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ во Франціи возникла руководимая Деруледомъ рѣзко-шовинистическая «Лига патріотовъ», поставившая своею задачею воспитывать французскую націю въ духѣ воинствующаго націонализма. Постоянное задираніе французскаго патріотизма нѣмецкою печатью,—которой французская, впрочемъ, платила тѣмъ же,—только поддерживало во французахъ шовинистическое настроеніе. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ во Франціи снова ожидали войны съ Германіей, и въ это время въ роли военнаго министра выдвинулся генералъ Буланже, на котораго стали возлагаться всѣ патріотическія надежды. Буланже сдѣлался даже своего рода центральною фигурою націи, и подъ его знаменемъ начали объединяться для достиженія своихъ партійныхъ цѣлей и клерикалы, и бонапартисты, и орлеанисты, и ра-

---

[1]) Ирландскіе революціонеры извѣстны подъ названіемъ «феніевъ»; феніанизмъ — крайнее выраженіе ирландскаго націонализма.

дикалы, и нѣкоторые соціалисты. Большинство буланжистскихъ дѣятелей было въ общемъ все-таки монархическимъ, буланжисты же республиканцы первые стали называть себя національною или ревизіонистскою партіей. Требованіе пересмотра конституціи дало буланжистамъ-республиканцамъ право на второе названіе, но, въ сущности, за кулисами буланжизма зрѣлъ государственный переворотъ въ интересахъ реакціи, и лишь «національная идея» реванша покрывала внутреннія противорѣчія буланжизма. Все это движеніе окончилось, однако, полнымъ крушеніемъ, когда народный любимецъ оказался простымъ авантюристомъ, вдобавокъ, и не изъ особенно храбрыхъ (1889). Тѣмъ не менѣе отъ движенія остался націоналистическій слѣдъ. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. во Франціи игралъ немалую роль, напр., союзъ реакціонныхъ и шовинистическихъ группъ, какъ объединившійся на почвѣ націонализма: приверженцы этого союза уже прямо называли себя націоналистами. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ реакціонеры и шовинисты особенно объединились во время знаменитаго дѣла еврея-офицера Дрейфуса, неправильно обвиненнаго военнымъ судомъ въ государственной измѣнѣ: въ то время, какъ одна часть націи, болѣе прогрессивная, отстаивала невинность Дрейфуса и требовала пересмотра дѣла, клерикально-реакціонныя и радикально-шовинистическія группы клеймили названіемъ измѣнниковъ, продавшихся «жидамъ», всѣхъ, кто только сомнѣвался въ правильности приговора военнаго суда. Одною изъ особенностей французскаго націонализма сдѣлался культъ арміи, и какое бы то ни было сомнѣніе въ военныхъ разсматривалось, какъ тягчайшее оскорбленіе, наносимое всей націи, какъ прямая ей измѣна. Антидрейфусистское движеніе приняло размѣры такого же крупнаго событія, какимъ былъ буланжизмъ, и въ немъ на сцену выступила теперь борьба со «внутреннимъ врагомъ», каковымъ оказались всѣ, не раздѣлявшіе національнаго самомнѣнія, исключительности и нетерпимости шовинистическихъ патріотовъ. Наконецъ, въ знаменитомъ «дѣлѣ» Дрейфуса проявилась одна черта, характеризующая конецъ вѣка не въ одной Франціи,—антисемитизмъ.

XIX вѣкъ былъ временемъ постепеннаго улучшенія правового положенія евреевъ на Западѣ, отъ котораго въ данномъ отношеніи, какъ извѣстно, сильно отстала Россія со своей «чертой осѣдлости» и другими ограниченіями правъ еврейскаго населенія, даже умножившимися къ концу XIX в., какъ-разъ въ эпоху рас-

цвѣта и западнаго антисемитизма. Начало эманципаціи евреевъ было положено еще французской революціей, и уже тогда въ германской печати высказывалось опасеніе, что евреи никогда не будутъ въ состояніи сдѣлаться хорошими гражданами вслѣдствіе своихъ религіозныхъ воззрѣній, враждебныхъ христіанству. Юдофобскіе голоса раздавались въ Германіи и въ теченіе всей первой половины XIX в., хотя въ то же время у еврейскаго равноправія были и многочисленные сторонники. Въ нѣмецкомъ освободительномъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ евреи принимали дѣятельное участіе, что очень обострило ненависть къ нимъ со стороны реакціонныхъ круговъ. 1848 годъ принесъ евреямъ въ Германіи равноправіе, но реакція пятидесятыхъ годовъ,—гдѣ и въ чемъ только могла,—стремилась отбирать назадъ или ограничивать сдѣланныя уступки, и эта политика объяснялась прямо тѣмъ, что вся смута была-де произведена «жидами» и другими инородцами. Въ шестидесятыхъ годахъ, однако, въ эпоху оживленія либеральныхъ стремленій, начался поворотъ и въ общественномъ мнѣніи, и въ законодательствѣ въ пользу евреевъ, хотя юдофобскія заявленія все-таки продолжались даже со стороны такихъ людей, какъ наприм., знаменитый композиторъ Вагнеръ. Въ это время евреи и въ Австріи (съ Венгріей), и въ Пруссіи, и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ стали играть очень замѣтную роль въ крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и въ либеральныхъ профессіяхъ, и это давало внѣшнее основаніе всѣмъ враждебно настроеннымъ по отношенію къ еврейству людямъ сваливать исключительно на евреевъ экономическія бѣдствія, вытекавшія изъ процесса концентраціи, которому не мало содѣйствовали сами же правительства своею манчестерскою, въ то время, политикою. Въ 1873 г. въ Германіи и въ Австріи произошли промышленные крахи, бывшіе результатомъ громадныхъ спекуляцій, въ которыхъ играли довольно видную роль и еврейскіе дѣльцы, хотя и рядомъ съ дѣльцами изъ католиковъ и протестантовъ. Германскіе клерикалы стали обвинять евреевъ и въ томъ, въ чемъ никто изъ нихъ не могъ быть виноватъ,—въ борьбѣ прусскаго правительства съ католическою церковью. Въ реакціонной печати евреи были провозглашены врагами религіи, государства, германской національности. Развилась къ концу семидесятыхъ годовъ и спеціальная юдофобская пресса, въ которой въ первый разъ былъ употребленъ и новый терминъ—«антисемиты», «антисемитическій», «антисемитизмъ» (около 1880 г.).

Наиболѣе сильное развитіе антисемитизмъ получилъ въ Германіи, когда къ нему присоединился и началъ агитировать противъ еврейства берлинскій придворный проповѣдникъ Штёккеръ, глава такъ называемой «христіанской соціальной партіи», пользовавшійся благосклонностью двора, сочувствіемъ Бисмарка и поддержкою оффиціозной прессы. Во враждебномъ смыслѣ противъ евреевъ стали высказываться даже нѣкоторые ученые и притомъ не только такіе, какъ націоналистическій историкъ Трейчке, но, между прочимъ, и прогрессивный философъ Дюрингъ, ставившій, наприм., евреямъ въ вину то, что они дали міру христіанство! Въ 1880 г. ходили по рукамъ для подписи цѣлыя тысячи экземпляровъ петиціи объ ограниченіи правъ евреевъ; въ 1881 г. въ нѣсколькихъ мѣстахъ происходили еврейскіе погромы; въ 1882 г. въ Дрезденѣ состоялся антисемитическій съѣздъ, на коемъ были делегаты и изъ Австро-Венгріи, и изъ русскаго Прибалтійскаго края, и онъ выразилъ сочувствіе русскому антиеврейскому законодательству. Въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ годовъ развивалась также антисемитическая пропаганда среди мелкой буржуазіи, рабочихъ и крестьянъ, принимавшая рѣзко демагогическій характеръ и своими нападками на еврейскій капитализмъ нерѣдко только подготовлявшая почву для соціалъ-демократической агитаціи. Одинъ антисемистъ около 1890 г. предлагалъ, наприм,, конфисковать всѣ еврейскіе капиталы для раздѣла между неимущими нѣмцами. Въ самомъ рейхстагѣ образовалась антисемитическая партія, за которую въ 1893 г. было подано 264 т. голосовъ, а въ 1898 г. еще на 20 т. больше. Въ Австріи въ то же время антисемитизмъ сдѣлался одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ «всенѣмецкаго» націонализма, вожди котораго распространяли въ массахъ ту идею, что самъ соціализмъ есть не что иное, какъ ловкая еврейская выдумка для отвода глазъ отъ настоящихъ виновниковъ всѣхъ экономическихъ бѣдствій, т.-е. отъ нихъ же самихъ! Австрійскіе «всенѣмцы» не могли рѣшить, кто же худшіе ихъ враги—чехи ли мадьяры ли, или евреи. Этотъ австрійскій антисемитизмъ не былъ исключительно нѣмецкимъ: послѣдователей онъ нашелъ также среди остальныхъ національностей габсбургской монархіи. Напр., во время уличныхъ безпорядковъ, бывшихъ въ Прагѣ въ 1897 г., когда чехи нападали на нѣмцевъ, заодно съ нѣмцами пострадали и многіе евреи, а въ Галиціи польскія антисемитическія газеты въ каждомъ выпускѣ печатали воззванія, приглашавшія читателей ничего не покупать у евреевъ и т. п.

Франціи антисемитизмъ былъ первоначально совершенно чуждъ, и, наприм., въ семидесятыхъ годахъ никому въ голову не приходило обвинять евреевъ въ разгромѣ 1870—1871 гг., какъ это стало дѣлаться позже. Еще въ 1880 г. во французской печати высказывалось недоумѣніе, какъ это въ Германіи существуетъ какой-то еврейскій вопросъ, изъ-за котораго происходитъ столько споровъ и волненій. Скоро, однако, это измѣнилось, и во Франціи тоже началась антисемитическая агитація подъ предлогомъ защиты милліоновъ французскихъ крестьянъ и рабочихъ отъ эксплуатаціи ихъ нѣсколькими десятками тысячъ евреевъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ появились и первыя періодическія изданія антисемитическаго направленія, усвоившія самый терминъ антисемитизма, а въ 1886 г. очень бойкій публицистъ Дрюмонъ издалъ вызвавшую нѣсколько подражаній книгу «Жидовская Франція», гдѣ самымъ невѣроятнымъ образомъ обвинялъ евреевъ въ томъ, что они были причиною и неудачъ войны 1870—1871 г., и ужасовъ коммуны, и паденія добрыхъ нравовъ въ обществѣ, и всѣхъ кому-либо непріятныхъ или вредныхъ сторонъ правительственной политики, руководимой-де также «еврейскою шайкою». Сторонники Дрюмона основали особую «Антисемитическую лигу» съ филіальными отдѣленіями въ провинціи. Антисемиты появились также среди депутатовъ, въ числѣ которыхъ въ 1891 г. нашлось болѣе тридцати человѣкъ, подписавшихъ предложеніе о выселеніи изъ Франціи всѣхъ евреевъ. Послѣ паденія буланжистскаго движенія,—что̀ относится къ 1889 г.,—реакціонеры, принимавшіе въ немъ участіе, открыто объявили себя антисемитами и въ своей агитаціи противъ евреевъ нисколько не стѣснялись пользоваться соціалистической фразеологіей о капиталистической эксплуатаціи, тогда какъ радикалы изъ бывшихъ буланжистовъ, въ свою очередь, не отказывались отъ чисто шовинистическихъ выходокъ противъ еврейства; имъ въ этомъ отношеніи вторили даже нѣкоторые соціалисты. Въ началѣ девяностыхъ годовъ обанкротилось предпріятіе Панамскаго канала, благодаря разнымъ беззаконіямъ, въ которыхъ были замѣшаны нѣкоторые политическіе дѣятели (слово «панама» сдѣлалось потомъ ходячимъ терминомъ для обозначенія разныхъ хищеній общественнаго характера): такъ какъ въ числѣ «панамистовъ» было нѣсколько еврейскихъ дѣльцовъ, то антисемиты и начали ихъ выставлять, какъ виновниковъ всей этой исторіи и какъ исконныхъ враговъ французской націи и т. п. Упомянутое дѣло Дрейфуса выросло

въ цѣлое историческое событіе, нѣсколько лѣтъ занимавшее весь свѣтъ, равнымъ образомъ, на почвѣ антисемитизма, который подъ однимъ и тѣмъ же «національнымъ» знаменемъ объединилъ клерикаловъ со многими представителями свободомыслія, консерваторовъ-монархистовъ съ республиканцами радикальнаго направленія и отъявленныхъ реакціонеровъ съ людьми, считавшими себя прогрессистами.

Тѣ же восьмидесятые годы, когда антисемитизмъ такъ пышно расцвѣлъ на Западѣ, были временемъ усиленія и въ Россіи враждебнаго отношенія къ евреямъ.

Антисемитизмъ не могъ не вызвать, въ видѣ реакціи, націоналистическаго движенія между самими евреями. Ассимиляція ихъ съ націями, среди которыхъ имъ суждено жить, была объявлена измѣною національности: возникло среди евреевъ такъ называемое сіонистское движеніе, націоналистическая проповѣдь о необходимости обособленія евреевъ, «авто-эманципаціи», возвращенія въ Палестину, образованія въ ней собственнаго еврейскаго государства. Сіонизмъ создалъ свою литературу («Автоэманципація» Пинскера, 1882; «Іудейское государство» Герцля, 1896, и др.) и получилъ широкое распространеніе среди евреевъ разныхъ странъ. Какъ антисемитизмъ, такъ и сіонизмъ одинаково, въ сущности, были порожденіемъ того общаго обостренія націонализма, какое наблюдается въ послѣднія десятилѣтія XIX в.

XXXIV. Католицизмъ и борьба съ нимъ свѣтскаго духа въ послѣдней трети XIX в. [1]).

Реакціонная роль католицизма въ первой половинѣ XIX в.—Пій IX, какъ папа непримиримой реакціи.—Энциклика «Quanta cura» и Силлабусъ.—Ватиканскій соборъ и провозглашеніе папской непогрѣшимости.—Потеря папствомъ свѣтской власти.—Старо-католическое движеніе.—Культуркампфъ въ Германіи.—Расторженіе Австріей конкордата съ римской куріей.—Борьба французскихъ республиканцевъ съ клерикализмомъ.—Аналогичныя явленія въ другихъ странахъ.—Повсемѣстное образованіе католическихъ партій.—Папа Левъ XIII и его примирительная политика.—Его отношеніе къ рабочему вопросу.—Успѣхи католицизма въ нѣкоторыхъ протестантскихъ странахъ къ концу XIX в.

Новѣйшій націонализмъ, только что нами разсмотрѣнный, не только проявлялся въ формѣ движеній, охватывавшихъ болѣе

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. VII, X, XVI, XX и XXI.

или менѣе широкіе общественные круги, но и вліялъ на государственную политику въ отношеніяхъ къ инороднымъ элементамъ населенія. Какъ въ эпоху реформаціи и католической реакціи государство принимало рѣзко конфессіональный характеръ («cujus regio, ejus religio», т.-е. «чья страна, того и вѣра»), такъ въ послѣдней трети XIX в. оно дѣлалось все болѣе и болѣе національностическимъ, усвоивши точку зрѣнія языкового однообразія (чье державство, тѣхъ и языкъ). Зато, наоборотъ, въ церковномъ отношеніи государство уже больше эманципировалось, вступивъ даже въ борьбу съ католическою церковью.

Мы уже видѣли, какую реакціонную роль игралъ католицизмъ въ первой половинѣ XIX в., будучи призванъ на помощь политической, соціальной и клерикальной реакціи противъ революціи. Тридцатые и сороковые годы характеризуются нѣкоторой эманципаціей отъ ультрамонтанскихъ, клерикальныхъ и схоластическихъ традицій католицизма, но стоило только вспыхнуть въ 1848 г. новой революціи, какъ за ея подавленіемъ снова все, что только было наиболѣе реакціоннаго, бросилось усиливать и власть папы, и вліяніе духовенства, и всѣ старыя традиціи католицизма; на уступки тогда шли и протестантскія правительства. Такъ, однако, дѣло продолжалось только до новаго поворота колеса исторіи. Въ 1870 г. папству былъ нанесенъ ударъ окончательнымъ лишеніемъ его свѣтской власти въ Италіи, духовенству причиненъ ущербъ и во Франціи паденіемъ второй имперіи, которая всегда искала поддержки клира, католицизмъ въ Германіи ослабленъ объединеніемъ ея подъ гегемоніей протестантской Пруссіи. Семидесятые годы повсемѣстно уже были временемъ борьбы свѣтскаго духа противъ реакціоннаго католицизма, во главѣ котораго въ эти годы стоялъ еще Пій IX, съ своей стороны объявившій войну всей современной цивилизаціи.

Понтификатъ Пія IX былъ одинъ изъ наиболѣе продолжительныхъ во всей исторіи папства: этотъ папа правилъ католическою церковью тридцать два года (1846 — 1878 г.). Избранный на папскій престолъ, когда въ Италіи уже было замѣтно приближеніе революціи, Пій IX, какъ извѣстно, первоначально пользовался большою популярностью, но въ 1848 г. надежды, какія возлагались на него даже римскими демократами, должны были разсѣяться, какъ дымъ. Въ 1849 г. въ Римѣ была провозглашена республика, но очень скоро будущій Наполеонъ III возстановилъ тамъ свѣтскую власть папы, и въ 1850 г. Пій IX, воз-

вратившись въ свою столицу, началъ отчаянную реакцію. Въ другомъ мѣстѣ нами уже упоминалась энциклика «Nostris et nobiscum» о папской власти, какъ единственной спасительницѣ отъ революцій, происходящихъ отъ ослабленія церковной дисциплины. Государственный переворотъ 2 декабря Пій IX благословилъ, въ качествѣ событія, полезнаго для религіи. Отъ Австріи онъ добился конкордата (1855), которымъ устранялись изъ взаимныхъ отношеній церкви и государства послѣдніе слѣды законодательства Іосифа II, отстаивавшаго права свѣтской власти и независимость свѣтскаго общества. Въ 1854 г. папа личною своею властью провозгласилъ новый догматъ о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы, а въ 1864 г. издалъ знаменитые энциклику «Quanta cura» и «Силлабусъ современныхъ заблужденій», гдѣ осуждались свобода совѣсти и слова, свѣтская наука, народовластіе, соціализмъ, гражданскій бракъ, контроль свѣтской власти надъ распоряженіями церкви и т. п. и отрицались возможность и необходимость примиренія папства съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей. Въ годъ изданія этихъ двухъ характерныхъ памятниковъ реакціи часть папскихъ владѣній уже была присоединена къ Итальянскому королевству, и Пій IX на всѣ предложенія Виктора-Эммануила касательно установленія между ними мирныхъ отношеній отвѣчалъ своимъ знаменитымъ: «мы не можемъ» (non possumus). По отношенію къ «узурпаторскому» королевству онъ держался самой непримиримой политики, предписавъ вѣрнымъ сынамъ церкви не принимать участія въ выборахъ въ «разбойничій» парламентъ «Субальпинскаго королевства». Наконецъ, выше уже было сказано, что въ концѣ 1869 г. въ Римѣ былъ созванъ вселенскій соборъ католической церкви, получившій названіе ватиканскаго, для установленія еще одного новаго догмата—о «папской непогрѣшимости». Когда во время преній объ этомъ предметѣ было заявлено, что предлагаемый догматъ противорѣчитъ преданію церкви, Пій IX возразилъ, что «преданіе, это—онъ». Торжественное объявленіе догмата состоялось въ засѣданіи 18 іюля 1870 г. наканунѣ объявленія войны Наполеономъ III Пруссіи. Въ послѣдніе дни засѣданій собора Пій IX съ большимъ интересомъ слѣдилъ за франко-прусскимъ столкновеніемъ, приложивъ свое стараніе къ тому, чтобы противъ протестантской Пруссіи былъ заключенъ союзъ католическихъ Франціи и Австріи, которому онъ даже пророчилъ побѣду подъ покровительствомъ самой Дѣвы Маріи. Говорятъ, что папа ожи-

далъ чуда при вторженіи солдатъ итальянскаго короля въ Римъ и смотрѣлъ изъ окна Ватикана на то, что́ совершалось. Когда Римъ сдѣлался столицей Италіи, Пій IX рѣшилъ остаться «узникомъ» въ Ватиканѣ, т.-е. обрекъ себя на добровольный плѣнъ, нахожденіе въ которомъ стало обязательной традиціей и для его преемниковъ.

Лишеніе папы свѣтской власти было встрѣчено съ негодованіемъ всѣми приверженцами католицизма. Въ пользу «ватиканскаго узника» началась агитація въ народныхъ массахъ, начались денежные сборы въ видѣ «динарія св. Петра», на который папство, лишившееся собственныхъ доходовъ и отказавшееся отъ какой-либо субсидіи со стороны итальянскаго правительства, должно было содержать всѣ свои учрежденія. Когда въ 1877 г. Пій IX праздновалъ пятидесятилѣтіе со дня своего посвященія въ епископы, то въ Римъ стеклось громадное количество паломниковъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ и изъ далекой Америки, и многочисленныя депутаціи привезли съ собою около пятнадцати милліоновъ лиръ, кромѣ массы драгоцѣнныхъ подарковъ. Вѣрные сыны католической церкви, на первыхъ порахъ послѣ присоединенія Рима къ Итальянскому королевству, не теряли надежды на возвращеніе папѣ свѣтской власти. Уже осенью 1870 г. одинъ польскій епископъ въ Пруссіи ѣздилъ къ Вильгельму I въ Версаль хлопотать о возстановленіи свѣтской власти папы. Въ началѣ 1871 г. въ Германіи на почвѣ адреса императору о необходимости возвращенія папѣ Церковной области произошло объединеніе клерикаловъ въ парламентскую партію «центра», которая весною того же года сдѣлала соотвѣтственное предложеніе рейхстагу, имъ отклоненное. Въ томъ же смыслѣ германскіе клерикалы вели агитацію и въ католическихъ массахъ. Еще бо́льшую настойчивость въ данномъ отношеніи проявили вожди клерикальной партіи во Франціи. Въ президентство реакціонера Макъ-Магона они устраивали церковныя процессіи, паломничества и всякія иныя манифестаціи въ пользу возстановленія монархіи во Франціи и свѣтской власти папы въ Римѣ. Вмѣстѣ съ этимъ они сочиняли для отсылки въ палату депутатовъ изъ разныхъ мѣстъ петиціи объ оказаніи Пію IX помощи. Бельгія тоже была страною, въ которой клерикалы дѣятельно вели пропаганду реставраціи правъ церкви вообще и въ частности папской власти въ бывшей Церковной области, въ каковомъ смыслѣ мѣстные епископы составили торжественный

протестъ противъ итальянскаго правительства. Самъ Пій IX занялъ по отношенію къ новому порядку вещей безусловно боевую позицію. Онъ отвергъ, наприм., итальянскій «законъ о гарантіяхъ», опредѣлявшій вообще будущее положеніе папы, предоставлявшій ему привилегіи государя съ полною свободою въ духовной сферѣ и назначавшій ему ежегодную ренту въ три слишкомъ милліона лиръ. Въ своей энцикликѣ 15 мая 1871 г. папа объявилъ законъ о гарантіяхъ совершенно для себя непріемлемымъ, какъ будто бы лишившій его возможности свободно пользоваться свыше ему врученною властью и защищать независимость церкви, тогда какъ законъ, наоборотъ, создавалъ для папства совершенно независимое положеніе въ Ватиканѣ. Религіозныя права папства закономъ отнюдь не умалялись, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ церковь въ Италіи была поставлена даже въ болѣе независимое положеніе въ государствѣ, нежели въ разныхъ другихъ странахъ. Потеря Піемъ IX свѣтской власти оказалась, въ сущности, обстоятельствомъ, благопріятнымъ для усиленія моральнаго авторитета папства. Послѣ занятія Рима Италіей Пій IX прожилъ еще около семи лѣтъ, упорствуя въ своей непримиримости. Въ эти годы онъ выступалъ съ разными аллокуціями и энцикликами, протестуя противъ тѣхъ или другихъ непріятныхъ ему явленій современной жизни и обвиняя правительства отдѣльныхъ странъ въ нечестіи и революціонности. Вступленіе въ 1878 г. на итальянскій престолъ Гумберта I дало ему поводъ къ заявленію послѣдняго своего протеста противъ лишенія его свѣтской власти: черезъ три недѣли и самъ папа скончался въ глубокой старости.

Весь конецъ понтификата Пія IX былъ сплошною борьбою противъ всего, что́ было создано современностью въ политико-церковныхъ отношеніяхъ. Въ самой католической церкви произошелъ въ семидесятыхъ годахъ расколъ старо-католицизма, вызванный нежеланіемъ нѣкоторыхъ членовъ духовенства и извѣстной части паствы подчиниться догмату о папской непогрѣшимости. Это направленіе возникло и стало распространяться въ Германіи съ нѣмецкими частями Швейцаріи и Австріи. Родоначальникомъ его былъ богословъ Дёллингеръ, мюнхенскій профессоръ церковной исторіи. Будучи сначала ревностнымъ папистомъ, Дёллингеръ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ осмѣлился, однако, высказать мысль, что папство можетъ существовать и безъ свѣтской власти, въ эпоху же ватиканскаго собора

онъ написалъ (подъ псевдонимомъ Януса) книгу «Папа и соборъ», въ которой рѣшительно высказался противъ догмата о непогрѣшимости папы, и, когда у него потребовали подчиненія догмату, заявилъ, что не можетъ этого сдѣлать, «ни какъ христіанинъ, ни какъ богословъ, ни какъ историкъ, ни какъ гражданинъ». На своемъ первомъ съѣздѣ въ 1871 г., католики, отказавшіеся признать новый догматъ, объявили, что всѣ, принявшіе догматъ, должны разсматриваться, какъ люди, соблазненные іезуитами и отпавшіе отъ вѣры древней церкви, которая продолжаетъ существовать только у нихъ, «старо-католиковъ». Въ 1873 г. у нихъ уже былъ свой епископъ, признанный правительствами Пруссіи, Бадена и Гессена, такъ какъ старо-католики объявили себя не отколовшимися отъ церкви, а только временно, въ силу особыхъ обстоятельствъ, не находящимися съ нею въ общеніи. Дальнѣйшаго развитія, впрочемъ, эта новая церковь не получила, несмотря на то, что въ Германіи ей покровительствовали, но, съ другой стороны, правительственное покровительство, пожалуй, какъ-разъ и удержало многихъ отъ перехода въ старокатолицизмъ [1]).

Болѣе опаснымъ для католической церкви, нежели старокатолическій расколъ, былъ начавшійся въ Германіи семидесятыхъ годовъ такъ называемый «культуркампфъ», т.-е. борьба за культуру, за всю современную цивилизацію противъ реакціоннаго католицизма. Она велась также въ другихъ странахъ и, въ сущности, вездѣ имѣла однородный характеръ: борьба шла, именно, о подчиненіи государственнымъ законамъ католическаго духовенства, считавшаго себя подвластнымъ только папѣ, объ отобраніи у духовенства той исключительной власти надъ народомъ, которую оно стремилось удерживать въ своихъ рукахъ, о злоупотребленіяхъ проповѣдническою каѳедрою въ политическихъ цѣляхъ, объ освобожденіи народнаго образованія отъ клерикальныхъ вліяній, о вредной дѣятельности ордена іезуитовъ и другихъ подобныхъ корпорацій и т. п.

Сигналъ къ борьбѣ былъ поданъ Пруссіей. Здѣсь еще въ тридцатыхъ годахъ происходила борьба изъ-за нежеланія части католическаго духовенства подчиниться государственному закону о смѣшанныхъ бракахъ; дѣло доходило тогда до заключенія въ крѣ-

---

[1]) Нѣкоторыя надежды возлагались на старо-католицизмъ и въ русскихъ церковныхъ сферахъ, потому что многіе старо-католики выражали желаніе слиться съ англиканскою или съ православною церковью (1874).

пость высшихъ представителей клира. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, однако, потомъ пошелъ на уступки, а послѣ 1848 г. даже и очень благопріятствовалъ въ своихъ владѣніяхъ католической церкви, какъ консервативной силѣ. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ отношенія оставались мирными, но когда въ 1870 г. ватиканскій соборъ провозгласилъ догматъ о папской непогрѣшимости, и нѣмецкіе епископы (не въ одной Пруссіи) стали требовать у правительства смѣщенія профессоровъ и преподавателей богословскихъ предметовъ, не желавшихъ признать догматъ, передъ свѣтскими властями всталъ вопросъ, должны ли онѣ исполнять подобныя требованія духовенства. Одновременно съ этимъ прусское правительство стало безпокоиться по поводу поведенія католическаго духовенства въ низшей школѣ, особенно въ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ. Между тѣмъ одинъ изъ министровъ католической Баваріи предложилъ включить въ уголовный кодексъ статью, наказывающую за злоупотребленія проповѣдническою каѳедрою, возбудивъ тотъ же вопросъ и въ союзномъ совѣтѣ, откуда онъ перешелъ въ германскій рейхстагъ, не замедлившій принять законъ о тюремномъ заключеніи до двухъ лѣтъ за пользованіе церковною каѳедрою въ цѣляхъ нарушенія общественнаго мира. Вслѣдъ за этимъ и прусская палата по иниціативѣ правительства, — а правительствомъ былъ Бисмаркъ,—приняла законъ о государственной инспекціи надъ школами. Это было въ 1871 и 1872 гг. Пій IX поспѣшилъ заявить о своемъ неудовольствіи, на что Бисмаркъ отвѣтилъ въ рейхстагѣ знаменитыми словами: «въ Каноссу мы не пойдемъ ни тѣлесно, ни духовно». Слѣдующимъ шагомъ было принятіе рейхстагомъ закона, закрывавшаго доступъ въ Германію іезуитамъ, объявлявшаго ликвидацію ихъ учрежденій и т. д. Клерикалы и вѣрные католики заговорили о «гоненіяхъ» на вѣру, о новыхъ «мученикахъ» за нее и проч., да и лютеранскіе пасторы, поскольку новая политика ослабляла вообще вліяніе духовенства, жаловались на потрясеніе христіанскаго благочестія въ народѣ. Въ слѣдующемъ же, 1873 году прусская палата по предложенію правительства приняла нѣсколько законовъ,—получившихъ названіе «майскихъ»,—которыми ограничивалась карательная власть духовенства, допускались къ занятію церковныхъ должностей лишь кандидаты, бывшіе германскими подданными и получившіе высшее образованіе въ самой Германіи, устанавливался государственный надзоръ надъ духовными шко-

лами и т. п. Пій IX протестовалъ въ рѣзкомъ письмѣ на имя Вильгельма I, который отвѣчалъ ему не менѣе рѣзко, епископы же и вѣрные сыны церкви рѣшились дѣйствовать такъ, какъ будто бы новыхъ законовъ вовсе и не было. Борьба перешла въ прессу. Католическія газеты стали рѣзко нападать на правительство, создавшее, въ свою очередь, цѣлую оффиціозную печать на деньги изъ особаго фонда («рептильнаго», какъ его прозвали). За несоблюденіе майскихъ законовъ епископами и священниками суды начали ихъ сажать въ тюрьмы, налагать на нихъ большіе штрафы, лишать должностей и т. п. Въ 1877 г. изъ всѣхъ прусскихъ католическихъ епархій только въ четырехъ епископы сохранили свои мѣста; было даже такое время, когда тысяча двѣсти приходовъ были лишены (вполнѣ или отчасти) своихъ пастырей, потому что многіе были смѣщены, а новыя назначенія, которыя должны были сообразоваться съ майскими законами, не производились. Кромѣ того, въ общей сложности, были уничтожены сотни монастырей. Культуркампфъ даже заставилъ правительство отнять у духовенства веденіе метрикъ и узаконить гражданскій бракъ. Аналогичная борьба совершалась въ Баденѣ и въ Гессенѣ. Вообще германскій культуркампфъ прекратился только при новомъ папѣ, когда, притомъ, Бисмаркъ увидѣлъ, что у правительства есть еще болѣе опасный врагъ, именно соціалъ-демократія. Примиреніе произошло, съ отказомъ Бисмарка отъ значительной части боевыхъ мѣръ, лишь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, за что рейхсъ-канцлеромъ были очень недовольны либералы, съ другой стороны, впрочемъ, и раньше часто не одобрявшіе грубыхъ, насильственныхъ, неконституціонныхъ способовъ борьбы со стороны правительства. Хотя изобрѣтатель термина «культуркампфъ» [1]) и упрекалъ Бисмарка въ томъ, что если не прямо, то окольною дорогою въ Каноссу онъ все-таки пошелъ, на самомъ дѣлѣ изъ эпохи культуркампфа были удержаны: предъявленіе кандидатовъ на духовныя должности правительству, законъ о злоупотребленіяхъ церковною проповѣдью, гражданскій бракъ, запрещеніе іезуитскихъ учрежденій, государственный надзоръ надъ духовными школами и т. п.

Новое церковное законодательство, встрѣченное непріязненно Піемъ IX, было предпринято и въ Австріи. Еще введеніе въ

---

[1]) Имъ былъ извѣстный ученый Вирховъ, состоявшій и оппозиціоннымъ депутатомъ.

ней конституціи съ обезпеченіемъ свободы вѣроисповѣданій, противорѣчившей реакціонному конкордату 1855 г., вызвало непріятныя тренія между вѣнскимъ дворомъ и папскою куріей. Пій IX, нисколько не стѣсняясь, объявлялъ недѣйствительными всѣ нововведенія, находившіяся въ несогласіи съ конкордатомъ или съ собственнымъ его толкованіемъ послѣдняго, на что австрійское правительство отвѣчало ссылкою на право государства измѣнять единственно своею властью даже такія постановленія, которыя имѣютъ свое основаніе въ соглашеніяхъ съ церковью. Провозглашеніе соборомъ 1870 г. папской непогрѣшимости только дало австро-венгерскому правительству поводъ мотивировать свой отказъ отъ стѣснительнаго для государства конкордата тѣмъ, что въ католическую церковь новымъ догматомъ было введено измѣненіе, вовсе не предвидѣвшееся при заключеніи конкордата. Наслѣдіе реакціи пятидесятыхъ годовъ было ликвидировано, и Австрія въ началѣ семидесятыхъ годовъ также занялась церковнымъ законодательствомъ въ духѣ реформъ Іосифа II, въ которыхъ такъ ярко проявился «просвѣщенный» абсолютизмъ конца XVIII в. Нѣкоторые изъ австрійскихъ законовъ 1874 г. не очень далеко уходили отъ прусскаго законодательства 1873 г., но Пій IX не рѣшался вступить въ конфликтъ съ католическимъ государемъ Австро-Венгріи, ограничившись лишь предложеніемъ австрійскимъ епископамъ протестовать самимъ, да посылкою увѣщательнаго письма къ Францу-Іосифу, на которое тотъ отвѣчалъ заявленіемъ, что все это сдѣлано не имъ, а рейхсратомъ. Еще дальше пошла въ своемъ церковномъ законодательствѣ Венгрія, гдѣ впослѣдствіи не только былъ введенъ гражданскій бракъ, котораго въ Австріи не было, но даже былъ изданъ законъ, разрѣшившій заключеніе браковъ между христіанами и евреями (для облегченія мадьяризаціи послѣднихъ).

Весьма энергичная борьба свѣтскаго государства съ клерикализмомъ велась и во Франціи. Начиная съ зарожденія реакціи противъ революціи 1848 г. и въ продолженіе всего царствованія Наполеона III духовенство занимало во Франціи вліятельное и властное положеніе. Къ объявленію республики оно поэтому не могло отнестись сочувственно, и съ самаго же начала стало на сторону ея враговъ—въ общемъ монархическомъ лагерѣ съ бонапартистами, легитимистами и орлеанистами. Дѣло реставраціи монархіи во Франціи имъ не отдѣлялось отъ дѣла возстановленія

свѣтской власти папы, чѣмъ создавалось для правительства немало затрудненій во внѣшней политикѣ. Во всѣхъ интригахъ противъ республики духовенство занимало первыя мѣста вплоть до буланжизма и дрейфусіады. Очень вообще рано французскіе республиканцы почувствовали, что въ католической церкви они имѣютъ наиболѣе опаснаго и упорнаго врага, и это нашло выраженіе въ знаменитой формулѣ Гамбетты: «клерикализмъ, — вотъ кто врагъ» (le cléricalisme, c'est l'ennemi)! Слѣдуетъ притомъ имѣть въ виду, что новое поколѣніе республиканцевъ, дѣлавшее во Франціи въ семидесятыхъ годахъ исторію, было болѣе или менѣе проникнуто идеями позитивизма, крайне враждебными къ духовенству: германскіе политики, начавшіе культуркампфъ, вели борьбу, стоя исключительно на «государственной точкѣ зрѣнія», и только ученые въ родѣ Вирхова или Давида Штрауса, опубликовавшаго тогда свою «Старую и новую вѣру», становились также на культурную точку зрѣнія, игравшую, наоборотъ, особенно видную роль у французскихъ политическихъ дѣятелей позитивистическаго направленія.

Борьба съ клерикализмомъ могла начаться во Франціи лишь послѣ вступленія во власть республиканцевъ, а это, какъ извѣстно, произошло въ концѣ семидесятыхъ годовъ: до того времени и палаты, и министерства были консервативными. Еще въ началѣ республики «Французская лига образованія», большое просвѣтительное общество, передала бюро палаты депутатовъ петицію, покрытую цѣлымъ милліономъ съ четвертью подписей, о введенія обязательнаго, дарового и свѣтскаго начальнаго обученія: просьба была направлена противъ народныхъ школъ, содержавшихся съ 1850 г., главнымъ образомъ, разными религіозными корпораціями. Эта же «лига» впослѣдстіи оказала дѣятельную помощь министру народнаго просвѣщенія начала восьмидесятыхъ годовъ, Жюлю Ферри, въ дѣлѣ школьной реформы. Ферри находился подъ сильнымъ вліяніемъ позитивизма и въ духѣ ученія Конта полагалъ, что реформировать жизнь нужно путемъ реформы міросозерцанія, въ основу котораго должна быть положена наука. Однимъ изъ его сотрудниковъ былъ извѣстный физіологъ Поль Беръ, издавшій въ 1880 г. книжку «Мораль іезуитовъ», въ которой разоблачались всѣ продѣлки членовъ ордена, и впослѣдствіи тоже занимавшій постъ министра просвѣщенія. Оба они были горячими сторонниками свѣтскости (laïcité) всей системы образованія до самыхъ низшихъ его ступеней: въ школѣ

мѣсто одному знанію, и хозяиномъ въ ней долженъ быть учитель, мѣсто же священника въ храмѣ, гдѣ онъ долженъ учить только вѣрѣ. «Лаицизацію» школы приходилось проводить при сильномъ сопротивленіи со стороны консерваторовъ и духовенства, настаивавшихъ на томъ, что «школа безъ Бога будетъ школой противъ Бога». Школьная реформа, первый приступъ къ которой сдѣланъ былъ еще въ 1879 г., затянулась на много лѣтъ вслѣдствіе этой консервативной оппозиціи, клеймившей новые законы названіями «злодѣйскихъ» и «преступныхъ». Она удалила изъ высшаго совѣта просвѣщенія духовныхъ членовъ, замѣнивъ ихъ преподавателями, техниками и т. п.; у духовенства было отнято право устраивать свои факультеты, которые раздавали бы ученыя степени; непризнаннымъ конгрегаціямъ (іезуитамъ и т. п.) запрещено было впредь содержать школы и т. п. Затѣмъ были изданы декреты, изъ которыхъ одинъ на основаніи старыхъ законовъ распускалъ орденъ іезуитовъ съ предоставленіемъ ему ликвидировать свои учрежденія въ извѣстный срокъ, а другой предлагалъ прочимъ конгрегаціямъ легализироваться подъ угрозою примѣненія къ нимъ тѣхъ же законовъ. Іезуиты не захотѣли подчиниться и были насильно удалены изъ своихъ учрежденій, а затѣмъ были распущены и другія конгрегаціи, отказавшіяся отъ легализаціи. Въ обходъ законовъ ихъ школы все-таки вновь открывались, и въ послѣднія богатая буржуазія, слѣдуя примѣру аристократіи, даже особенно охотно отдавала своихъ дѣтей. Кромѣ того, въ 1880 г. положено было начало созданію средняго женскаго образованія, до того времени находившагося всецѣло въ рукахъ разныхъ «сестеръ» (монахинь), а въ 1881 г. приступлено и къ реформѣ низшаго народнаго образованія на началахъ обязательности, безплатности и свѣтскости съ предоставленіемъ учащимся получать религіозное наставленіе внѣ школы, т.-е. въ церкви или на дому. Клерикалы не сдавались. Послѣ реформъ Ферри они только еще болѣе сплотились и всякими способами устраивали такъ, что все-таки обучали по-своему въ частныхъ школахъ, особенно стараясь теперь забрать въ свои руки воспитаніе и образованіе будущихъ офицеровъ. Буланжисты, націоналисты и антисемиты конца XIX в. были въ значительной мѣрѣ произведеніями клерикальной педагогіи.

Кромѣ Германіи, Австро-Венгріи и Франціи, борьба съ клерикализмомъ происходила и въ другихъ странахъ. Въ Италіи, гдѣ еще въ первое десятилѣтіе единаго королевства соверша-

лась секуляризація монастырей и т. п., послѣ 1870 г. были закрыты религіозныя конгрегаціи въ Римской области съ отобраніемъ ихъ имуществъ въ казну, упразднены теологическіе факультеты правительственныхъ университетовъ, устранено обязательное обученіе закону Божію въ народныхъ школахъ, введенъ обязательный гражданскій бракъ и т. п.

Въ Бельгіи съ 1878 г. тоже происходила борьба съ клерикализмомъ изъ-за школы, находившейся до этого въ рукахъ духовенства. Здѣсь, равнымъ образомъ, дѣйствовала своя «лига образованія», подготовившая законъ 1879 г. о безконфессіональности начальнаго обученія. Епископы за обученіе въ свѣтской школѣ стали грозить родителямъ учениковъ прямо отказомъ въ причащеніи, а приходскіе священники начали открывать свои частныя школы, пользуясь конституціонною «свободою преподаванія». Римская курія одобрила такое поведеніе бельгійскаго духовенства; дѣло дошло до того, что бельгійскій посланникъ при папѣ покинулъ Римъ, а папскій нунцій оставилъ Брюссель. Законодательство прибѣгло къ репрессаліямъ: у воспитанниковъ духовныхъ семинарій была отнята льгота по отбыванію воинской повинности и т. п. Возвращеніе къ власти клерикальной партіи опять отдало все на смарку. Нужно прибавить, что бельгійскіе либералы копировали свою школьную реформу съ голландскаго образца, ибо и въ Голландіи школа тоже была предметомъ борьбы съ клерикализмомъ.

Въ Швейцаріи, наконецъ, происходило нѣчто, напоминающее германскій культуркампфъ. И здѣсь, какъ это было въ Пруссіи, свѣтскія власти защищали старо-католиковъ и удерживали на мѣстахъ священниковъ, не признававшихъ папской непогрѣшимости, что́ тоже приводило къ столкновеніямъ съ епископами. Въ 1873 г. въ Швейцаріи было запрещено провозглашать папскую непогрѣшимость; папская нунціатура въ Бернѣ была уничтожена; изъ Женевы подвергся изгнанію викарный епископъ, назначенный папою безъ согласія правительства, а базельское епископство было отмѣнено, епископъ смѣщенъ, какъ лишено было своихъ мѣстъ немалое количество приходскихъ священниковъ.

Вся эта церковно-политическая борьба не могла не повлечь за собою сплоченія духовенства и свѣтскихъ клерикаловъ въ настоящія политическія партіи, иногда (напримѣръ, въ Бельгіи) даже становившіяся во главѣ управленія. Въ Германіи такую партію представлялъ собою упомянутый выше «центръ», голосованія ко-

тораго оказывали большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ рейхстагѣ. Эти партіи продолжали вести свою линію и тогда, когда изъ Рима имъ стали даваться директивы въ смыслѣ большей умѣренности, какъ это было при преемникѣ Пія IX, поставившемъ своею задачею прекращеніе острыхъ отношеній, какія образовались въ семидесятыхъ годахъ между папствомъ и большею частью европейскихъ правительствъ.

Въ преемники Пію IX былъ, въ 1878 г., избранъ старый кардиналъ Печчи, принявшій имя Льва XIII. Этотъ папа ни на одну іоту не отрекся отъ принциповъ своего предшественника, но зато совершенно измѣнилъ его тактику. Пій IX былъ папою боевымъ, Левъ XIII сдѣлался папою-дипломатомъ: во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ отличался большимъ тактомъ, чувствомъ мѣры и ловкостью въ достиженіи поставленныхъ цѣлей. Въ теоріи, въ своихъ многочисленныхъ энцикликахъ, Левъ XIII постоянно твердилъ, что онъ остается непоколебимо вѣренъ тѣмъ принципамъ, которые были установлены и защищались его предшественникомъ, и потому рѣшительно ничего не намѣренъ уступить изъ религіозныхъ и политическихъ правъ церкви въ пользу «ложной цивилизаціи», «нечестивыхъ законовъ», и «узурпаціи» власти надъ Римомъ, но въ то же время на практикѣ, въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, онъ многимъ довольно легко поступался, когда нужно было выиграть что-либо болѣе крупное. По части изданія энцикликъ Левъ XIII проявилъ большую энергію, причемъ всѣ его заявленія были въ большей или меньшей степени откликами на разныя явленія современности, но только въ самомъ средневѣковомъ духѣ. Напр., энциклика «Aeterni Patris» (1879) устанавливала взаимныя отношенія знанія и вѣры—въ смыслѣ подчиненія перваго второй—и особенно рекомендовала изучать философію Ѳомы Аквинскаго и одной ея держаться; въ энцикликѣ «Humanum genus» (1884) Левъ XIII обрушился на вредную «секту масоновъ», ставящую своею задачею устроеніе государства и общества не на религіозныхъ, христіанскихъ, а на натуралистическихъ началахъ гражданскаго брака, свѣтскаго обученія, верховной власти народа и нейтральности государства по отношенію къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ; въ энцикликѣ «Immortale Dei» (1885) дана была цѣлая теорія христіанскаго устройства государствъ, съ точки зрѣнія которой осуждались въ духѣ «Силлабуса» Пія IX разныя заблужденія новаго права, хотя и съ оговоркою, что св. престолъ не отвергаетъ никакой формы пра-

вленія и въ извѣстныхъ рамкахъ даже признаётъ участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ и необходимымъ, ибо, какъ тонкій дипломатъ, Левъ XIII оставлялъ себѣ разнаго рода лазейки для возможности въ будущемъ болѣе уступчивыхъ формулировокъ.

Боевому тону большей части энцикликъ Льва XIII совершенно не соотвѣтствовала его примирительная политика, благодаря которой ему удалось сильно поднять значеніе и вліяніе папства во всемъ мірѣ. Въ самомъ уже началѣ своего понтификата онъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію съ прусскимъ правительствомъ. Когда Бисмаркъ увидѣлъ, что въ соціализмѣ онъ имѣетъ дѣло съ врагомъ, болѣе опаснымъ, нежели католицизмъ, то пошелъ на уступки, и его гордое заявленіе, что онъ не пойдетъ въ Каноссу, оказалось громкой фразой, ибо нѣкоторые изъ майскихъ законовъ ему все-таки пришлось отмѣнить. Когда у Германіи и Испаніи въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ возникъ споръ изъ-за Каролинскихъ острововъ, обѣ стороны обратились къ третейскому суду Льва XIII, что̀ для папства послѣ всей исторіи съ культуркампфомъ было, конечно, великимъ моральнымъ торжествомъ. Кромѣ Пруссіи, Левъ XIII съумѣлъ примирить съ католическою церковью правительства Гессена и Бадена и федеральное правительство Швейцаріи, и при этомъ бо́льшія уступки сдѣланы были не со стороны папства: въ Гессенѣ и въ Баденѣ боевые законы были взяты назадъ, а въ Швейцаріи, изъ которой еще въ 1874 г. удалился папскій нунцій, въ 1884 г. были возстановлены сношенія со св. престоломъ. Болѣе сложныя отношенія образовались у Льва XIII съ Франціей. Здѣсь высшее духовенство и свѣтскіе клерикалы были одновременно и приверженцами монархіи. Пій IX держался той же самой точки зрѣнія, но Левъ XIII понялъ, что своею связью съ безнадежнымъ и непопулярнымъ дѣломъ монархической реставраціи католицизмъ во Франціи только подвергаетъ себя лишнему риску. Съ самаго же начала Левъ XIII стремился своею уступчивостью обезоружить республиканское правительство, наприм., безпрекословенно утверждая всѣхъ представлявшихся ему изъ Парижа кандидатовъ на епископскія каѳедры, даже часто противъ мнѣнія большинства французскаго епископата. Протестуя противъ республиканскаго законодательства, въ которомъ главная вина падала въ его глазахъ на масоновъ, Левъ XIII не переставалъ при случаѣ говорить о своей симпатіи къ Франціи, а когда республика окон-

чательно упрочилась въ странѣ и ея международное значеніе окрѣпло, благодаря начавшемуся сближенію съ Россіей, онъ увидѣлъ, что наступилъ психологическій моментъ для выступленія съ энцикликою «Inter innumeras» (1892), предписывавшею вѣрнымъ чадамъ церкви «принять республику съ цѣлью измѣнить ея законодательство». Въ посланіи къ французскимъ кардиналамъ Левъ XIII открыто теперь порицалъ консерваторовъ, приносившихъ въ жертву своимъ личнымъ взглядамъ и цѣлямъ партійной политики единство, необходимое для всѣхъ католиковъ. Въ интересахъ католицизма во Франціи папа очень желалъ, члобы католики образовали въ ней сильную политическую партію, которая, заявивъ себя сторонницей республики, стремилась бы подчинить самоё республику вліянію церкви. Наконецъ, къ числу политическихъ успѣховъ Льва XIII нужно отнести и возстановленіе въ Римѣ русской миссіи (1895).—Вообще политическое вліяніе папства выросло настолько, что въ его содѣйствіи стали нуждаться сами правительства для своихъ внутреннихъ дѣлъ, и Левъ XIII не упускалъ случаевъ оказывать имъ также содѣйствіе. Наприм., въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ ради пользы церкви онъ совѣтовалъ германской партіи центра вотировать за одинъ правительственный законопроектъ; аналогичную услугу оказалъ онъ однажды и англійскому правительству въ его борьбѣ съ ирландцами, для которыхъ, какъ для католиковъ, должно было быть особенно авторитетнымъ папское слово, осуждавшее ихъ способы борьбы; католическому духовенству въ Россіи Левъ XIII, равнымъ образомъ, преподалъ совѣтъ повиноваться власти (1894). Единственнымъ исключеніемъ изъ этой примирительной политики было отношеніе Льва XIII къ Итальянскому королевству, хотя и тутъ онъ отступилъ отъ завѣта своего предшественника, разрѣшивъ католикамъ участвовать въ политическихъ выборахъ, дабы могла образоваться католическая партія и въ римскомъ парламентѣ. Каждый годъ въ день своей коронаціи и въ другіе праздники Левъ XIII произносилъ рѣчи, протестовавшія противъ ограбленія св. престола, и благосклонно относился къ манифестаціямъ представлявшихся ему богомольцевъ, когда они привѣтствовали его, какъ «папу-государя». Въ то самое время, какъ правительства даже не-католическихъ странъ считались съ Львомъ XIII, въ которомъ признавали серьезную политическую силу, ему не всегда удавалось добиваться послушанія католиковъ, когда онъ требовалъ отъ нихъ подчиненія главѣ церкви вопреки ихъ собствен-

нымъ желаніямъ: и въ Германіи, и въ Ирландіи, и во Франціи католики высказывали прямое неудовольствіе на вмѣшательство папы въ ихъ политику, ссылаясь на то, что они обязаны безусловно повиноваться въ дѣлахъ вѣры, но въ вопросахъ свѣтскихъ имѣютъ право сохранять свободу мнѣнія и поведенія.

Въ своей дипломатической дѣятельности Левъ XIII не могъ оставить безъ вниманія и рабочій вопросъ. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ одинъ германскій епископъ (Кеттелеръ) написалъ въ опроверженіе идей Лассаля брошюру «Рабочій вопросъ и христіанство», а въ началѣ семидесятыхъ издалъ въ видѣ «Наброска политической программы» работу о католикахъ въ Германской имперіи, гдѣ уже имѣлись въ зародышѣ всѣ основныя идеи, которыя потомъ развилъ Левъ XIII. Далѣе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ возникло соціальное направленіе и среди французскихъ католиковъ, начавшихъ основывать рабочіе клубы: его иниціаторы поставили своею цѣлью передѣлку современнаго общества на католической основѣ, для чего нужно было противопоставить революціи контръ-революцію. На первыхъ порахъ духовныя и свѣтскія власти покровительствовали этому движенію, но когда дѣятели соціальнаго католицизма начали въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ изображать въ мрачныхъ краскахъ положеніе рабочихъ, то оффиціальные представители католицизма отнеслись къ этому движенію непріязненно и приняли разныя мѣры, чтобы движеніе заглохло. Духовенство, однако, сознавало, что для успѣха среди рабочихъ и для полученія ихъ голосовъ на выборахъ недостаточно говорить народу только о благѣ церкви и о вѣчномъ спасеніи, а нужно заинтересовывать его вопросами матеріальнаго благосостоянія, а такъ какъ рабочіе понимали, что здѣсь дѣло было въ простомъ желаніи духовенства прибрать ихъ къ рукамъ, то часть духовенства отдѣлилась отъ буржуазіи и заговорила передъ рабочими о соціальной справедливости, о минимумѣ заработной платы, о сокращеніи трудового дня, объ обязательномъ праздничномъ отдыхѣ и т. п. Это явленіе не было исключительно французскимъ, потому что повсюду католическая церковь въ большей или меньшей мѣрѣ стремилась не только противодѣйствовать соціализму, но и забирать въ свои руки соціальное движеніе [1]). Въ каждой странѣ соціальное движеніе

---

[1]) Аналогичное стремленіе обнаруживало и протестантское духовенство, создавая «христіанскій соціализмъ».

среди католиковъ возникало самостоятельно, вездѣ получая свой особый характеръ,—болѣе, напримѣръ, аристократическій въ Австріи и рѣшительно демократическій въ Швейцаріи. Разъ, однако, въ отдѣльныхъ странахъ возникали одинаковыя теченія, должна была явиться мысль и о приданіи имъ извѣстнаго единства. Во Фрейбургѣ (швейцарскомъ) образовалось цѣлое общество для изученія экономическихъ вопросовъ современности съ точки зрѣнія рекомендованной папою философіи Ѳомы Аквинскаго и стало издавать мемуары о возстановленіи, съ благословенія церкви, старыхъ промышленныхъ корпорацій, о фиксаціи заработной платы, о регламентаціи дѣтскаго и женскаго труда и т. п.

Левъ XIII около этого времени самъ уже давно склонялся къ мысли о необходимости вмѣшательства церкви въ рабочій вопросъ для блага самой же церкви. Наприм., онъ началъ принимать паломничества, состоявшія изъ рабочихъ: первый такой пріемъ былъ сдѣланъ въ 1887 г., когда въ Ватиканъ прибыла смѣшанная компанія изъ священниковъ, предпринимателей и рабочихъ, но въ 1889 г. уже было устроено чисто рабочее паломничество, въ которомъ участвовало около десяти тысячъ человѣкъ, просившихъ у папы не только благословенія, но и директивъ. Тѣ же мотивы, которые заставили Льва XIII измѣнить свое отношеніе къ республикѣ во Франціи, руководили имъ и при установленіи новаго отношенія къ соціальному вопросу,—не безъ опасенія, впрочемъ, какъ бы не потерять при этомъ расположенія консерваторовъ и имущихъ классовъ. Знаменитая энциклика 1891 г. «Rerum novarum» была составлена поэтому въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ тамъ, гдѣ рѣчь заходила о щекотливыхъ вопросахъ рабочаго движенія: Левъ XIII не отрицалъ ужасающаго конфликта, въ какомъ находятся хозяева и рабочіе, не отрицалъ и трудности рѣшенія вопросовъ, отсюда возникающихъ, но причину зла усматривалъ, главнымъ образомъ, въ ослабленіи дѣйствія религіозныхъ принциповъ и въ разрушеніи старой цеховой организаціи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ защищалъ существующую на основаніи естественнаго права частную собственность, которую соціалисты хотятъ передать общинѣ или государству, ибо личность предшествуетъ государству, и его задача защищать, а не уничтожать права личности. Чтобы уврачевать общество, нужно исполнять велѣнія церкви, а она, прежде всего, учитъ, что нужно терпѣливо мириться со своимъ положеніемъ. Неравенство соціаль-

ныхъ положеній законно, полезно, даже необходимо, но не слѣдуетъ думать, будто классы капиталистовъ и рабочихъ должны непремѣнно находиться между собою во враждебныхъ отношеніяхъ. Лучшею связью между ними можетъ служить христіанская религія, проповѣдующая начала милосердія, дружелюбія и братства. Но не одна церковь,—прибавлялъ папа,—обязана заботиться объ улучшеніи положенія рабочихъ: нужно, чтобы этимъ занялось и государство, которое должно вообще создавать и поддерживать общественный порядокъ, охранять религію, мораль, справедливость, собственность, промышленность, торговлю, оказывать всѣмъ классамъ общества одинаковое покровительство и обезпечивать законное достаточное благосостояніе рабочаго класса, являющагося истиннымъ создателемъ народнаго богатства. Вмѣшательству государства папа совѣтовалъ не столько подавлять, сколько предупреждать вредныя и опасныя выступленія рабочихъ въ родѣ буйныхъ стачекъ, отъ которыхъ страдаетъ все общество, но, съ другой стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ и оказывать покровительство рабочимъ въ ихъ моральныхъ правахъ, напр., на воскресный отдыхъ, направляющій мысли людей къ небесному, и въ ихъ стремленіи къ матеріальному благосостоянію, ради чего законъ обязанъ устанавливать продолжительность и гигіеническія условія труда, особенно по отношенію къ женскому полу и дѣтскому возрасту. Папа высказывался даже за опредѣленіе минимума зароботной платы, ибо выше свободы распоряжаться своимъ трудомъ для человѣка должна стоять необходимость поддерживать свое существованіе, и выше свободы заключать между собою договоры—естественная справедливость, требующая, чтобы заработокъ былъ достаточнымъ для пропитанія. Левъ XIII особенно подчеркивалъ законность всякихъ сообществъ, чтобы попутно протестовать противъ мѣръ, принимавшихся правительствами по отношенію къ религіознымъ братствамъ и монашескимъ орденамъ, и отъ имени церкви обѣщалъ разнообразнымъ сообществамъ рабочихъ и вообще мірянъ, ставящихъ себя подъ ея покровительство, всякое содѣйствіе, но подъ условіемъ полнаго ей повиновенія. Высшій клиръ далеко не одобрялъ языка, какимъ говорилъ въ своей энцикликѣ по рабочему вопросу Левъ XIII, да и свѣтскіе католики были очень недовольны тѣмъ, что папа поднималъ слишкомъ, по ихъ мнѣнію, острые вопросы о продолжительности рабочаго дня и о минимальномъ размѣрѣ рабочей платы, но, въ общемъ, энциклика значительно двинула

впередъ соціально-католическое направленіе въ разныхъ странахъ, объединивъ его на нѣсколькихъ основныхъ пунктахъ.

Во время своего епископскаго юбилея въ 1893 г. Левъ XIII получилъ поздравленія и почетные дары не только отъ католическихъ (кромѣ итальянскаго), но и отъ иновѣрныхъ правительствъ, и подъ вліяніемъ заявленій объ уваженіи со стороны людей, не принадлежащихъ къ католической церкви, у него явилась мысль начать кампанію въ смыслѣ возсоединенія христіанства подъ верховною властью папства. Въ 1894 г. съ воззваніемъ объ этомъ онъ обратился къ государямъ и народамъ «вселенной» въ энцикликѣ «Praeclara», гдѣ призывалъ къ возсоединенію съ Римомъ и восточную церковь, и протестантовъ, издавъ затѣмъ особую конституцію «Orientalium dignitas», гарантировавшую восточнымъ христіанамъ сохраненіе ихъ обрядовъ послѣ присоединенія къ римской церкви. Кромѣ того, въ 1895 г. Левъ XIII обращался съ особымъ воззваніемъ къ англійскому народу. Въ той части англиканскаго духовенства, которая слыветъ подъ названіемъ «высокой церкви», всегда были болѣе или менѣе сильны католическія тенденціи. Расчитывая на это, Левъ XIII и обратился съ своимъ воззваніемъ къ англійскому народу, и въ извѣстныхъ сферахъ оно имѣло успѣхъ. Весь вопросъ для склонной къ уніи части англиканскаго духовенства заключался лишь въ томъ, признаетъ ли папа дѣйствительность ихъ духовнаго сана или нѣтъ. Такъ какъ Левъ XIII отвѣтилъ на это отрицательно, то унія не могла состояться, но это нисколько не мѣшало индивидуальнымъ обращеніямъ въ католицизмъ, которыя стали дѣлаться все болѣе частыми въ Англіи. Въ началѣ XIX в. въ ней насчитывалось едва 160 т. католиковъ, но къ началу XX столѣтія количество ихъ достигло полутора милліона, не считая 350 т. католиковъ въ Шотландіи, странѣ тоже протестантской. Въ 1878 г. Левъ XIII даже возстановилъ въ Шотландіи католическую іерархію, а въ 1895 г. учредилъ апостольскій викаріатъ въ Уэльсѣ, превращенномъ въ 1898 г. въ особую эпархію. Громадныя завоеванія сдѣлалъ католицизмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ нихъ насчитывали въ первые годы XX в. уже отъ 13 до 15 милліоновъ католиковъ съ 13 архіепископами, 89 епископами, 11—12 тысячами священниковъ и церквей. Раньше не было тамъ и одного католика на 100 жителей, теперь ихъ было уже семь на сто, въ иныхъ мѣстахъ приходилось и больше; напр., въ Бостонѣ, старой столицѣ пури-

танизма, цѣлая половина населенія числилась въ католической церкви. Ежегодно въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается около 30 т. обращеній въ католическую вѣру. Въ Австраліи въ 1900 г. было тоже 21 католическая епархія.

XXXV. Судьбы демократическихъ стремленій въ послѣдней трети XIX в. [1]).

Условія, создавшіяся послѣ 1870—1871 г. для демократическаго движенія.—Борьба за республику во Франціи и конституція 1875 г. — «Нравственный порядокъ» Макъ-Магона.—Оппортунистическая политика Гамбетты.—Нападенія реакціонеровъ на республику въ концѣ XIX в. — Демократизація англійскихъ учрежденій.—Демократическое развитіе въ Швейцаріи.—Слабость успѣховъ демократіи въ Германіи и въ Австро-Венгріи. — Мирный характеръ большинства случаевъ демократическаго развитія въ концѣ XIX в.—Революціонныя исключенія.

Усиленіе милитаризма, бывшее слѣдствіемъ войны 1870—1871 гг., страхъ имущихъ классовъ передъ соціальнымъ движеніемъ, явившійся естественнымъ результатомъ парижской коммуны, обостреніе націонализма со всѣми его реакціонными инстинктами, возрожденіе католическаго фанатизма въ массахъ, не могли, конечно, представлять собою условій, благопріятныхъ для нормальнаго демократическаго развитія. Политическіе дѣятели и агитаторы въ духѣ имперіализма, націонализма, антисемитизма, клерикализма и т. п. старались, разумѣется, имѣть на своей сторонѣ народныя массы, но ихъ выступленія обыкновенно получали демагогическій характеръ натравливанія массъ на тѣхъ или другихъ внѣшнихъ враговъ, на инородцевъ, на евреевъ, на интеллигенцію и т. д., причемъ нерѣдко въ ходъ пускались лозунги настоящей демократіи и даже соціализма. Демократизація избирательныхъ правъ приводила самыхъ рьяныхъ консерваторовъ къ мысли о необходимости вербовать подъ свои знамена избирателей изъ народа. Въ Англіи послѣ парламентской реформы 1867 г. либералы создали внѣ парламента

---

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. VII, IX, XVI, XVII и XXI. — Нар.-прав. госуд., концы главъ XIX, XX и XXIV.

цѣлую партійную организацію съ цѣлью постоянно и планомѣрно вліять на общественное мнѣніе въ «низахъ» общества, руководить ими во время выборовъ и пр., и ихъ примѣру послѣдовали консерваторы. Эти внѣпарламентскія организаціи («коукёсы») виговъ и торіевъ совершенно измѣнили характеръ англійскихъ политическихъ партій, поставивъ членовъ палаты общинъ въ бо́льшую зависимость отъ избирателей, но въ особенности любопытно то, что въ старомъ аристократическомъ торизмѣ возникло новое, демократическое теченіе, «народный торизмъ», въ программѣ котораго рядомъ съ «защитою государства» и «охраною учрежденій» было поставлено «улучшеніе положенія народа», какъ приманка для избирателей изъ рабочихъ. Съ тою же цѣлью консерваторы стали устраивать для рабочихъ особые политическіе клубы. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ «молодые торіи», съ лордомъ Чёрчилемъ во главѣ, предприняли настоящую демагогическую агитацію подъ лозунгомъ: «отъ народа, для народа, посредствомъ народа», и радикалы въ ихъ рѣчахъ и статьяхъ выставлялись, какъ своекорыстные гешефтмахеры, подлинными же демократами и друзьями народа объявлялись только торіи.

Подобнаго рода явленія представляетъ собою и исторія другихъ странъ. Аграріи вели агитацію въ сельскихъ массахъ во имя общихъ интересовъ сельскаго хозяйства, попутно стремясь къ тому, чтобы деревенскіе избиратели поддерживали ихъ и во всемъ остальномъ. Націоналисты и антисемиты тоже развивали партійную агитацію въ народныхъ массахъ, всячески питая въ этой средѣ междуплеменную вражду и тѣмъ отодвигая въ сознаніи народа на задній планъ вопросы борьбы соціальныхъ классовъ. Въ свою очередь, клерикалы обоихъ исповѣданій—и католики, и евангелики—старались организовать рабочія массы подъ соціальнымъ знаменемъ, дабы создать демократическія арміи, послушныя велѣніямъ духовенства и вѣрныя традиціоннымъ началамъ политической жизни. Всѣ эти «молодые торіи», антисемиты, соціалъ-католики и т. п. знали хорошо, на какомъ языкѣ нужно говорить съ малообразованными, а во многихъ случаяхъ и прямо невѣжественными массами, призывая ихъ—яко-бы во имя ихъ же интересовъ—подъ знамена, на которыхъ были начертаны громкіе девизы «народности», «отечества», «религіи» и т. п.

Вся исторія третьей республики во Франціи представляетъ собою не что иное, какъ исторію борьбы демократіи за республику противъ реакціонныхъ силъ, не отказывавшихся при случаѣ

и отъ чисто демагогическихъ пріемовъ. Провозглашенная въ 1870 г., республика только въ 1875 г. получила конституцію, и лишь въ 1879 г. республиканцы, дѣйствительно, достигли власти. Какъ до этого, такъ и послѣ, республика въ Франціи переживала, вдобавокъ, очень острые кризисы.

Въ своемъ мѣстѣ у насъ уже шла рѣчь о событіяхъ, разыгравшихся во Франціи послѣ окончанія войны 1870—1871 г. Открывшееся въ Бордо въ началѣ 1871 г. и заключившее миръ съ Германіей національное собраніе по составу своему было консервативнымъ: на 720 депутатовъ приходилось около 400 монархистовъ, большею частью орлеанистовъ съ значительною примѣсью легитимистовъ. Монархическое большинство этого собранія «деревенщины» (assemblée des ruraux) постановило не считать республику окончательною формою правленія во Франціи, но созвать учредительное собраніе. Между тѣмъ, въ Парижѣ произошло возстаніе коммуны, послѣ подавленія котораго въ обществѣ началась сильнѣйшая реакція, которая была, конечно, на руку всѣмъ принципіальнымъ противникамъ республики. Въ концѣ августа 1871 г. національное собраніе объявило себя правомочнымъ выработать конституцію, временно давъ главѣ правительства, Тьеру, титулъ президента Французской республики. Опираясь на умѣренныхъ республиканцевъ и на болѣе либеральныхъ орлеанистовъ, Тьеръ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что «республика будетъ консервативною, или ея вовсе не будетъ», тогда какъ болѣе демократическіе республиканцы («крайняя лѣвая») съ Гамбеттою во главѣ желали настоящей, «республиканской республики». Коммиссія, которой была поручена выработка проекта конституціи, состояла изъ монархистовъ и не очень торопилась съ исполненіемъ даннаго ей порученія. Вообще, правые играли въ собраніи очень видную роль, находя и политику самого Тьера недостаточно консервативной. Въ 1873 г. послѣ одного голосованія, за которымъ могла бы послѣдовать развѣ только перемѣна министерства, президентъ республики предпочелъ самъ подать въ отставку, и въ преемники ему былъ избранъ военный усмиритель коммуны, маршалъ Макъ-Магонъ, отличавшійся рѣзко реакціоннымъ настроеніемъ. Если Тьеръ полагалъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ объединить интересы консервативной буржуазіи могла бы лишь умѣренная республика, то большинству національнаго собранія нуженъ былъ, наоборотъ, такой президентъ, который возстановилъ бы монархію. Макъ-Магонъ оказался, дѣйстви-

тельно, президентомъ въ духѣ крайней реакціи: будучи, съ одной стороны, покровителемъ клерикализма, съ другой, онъ въ политическомъ отношеніи болѣе всего склонялся на сторону бонапартистовъ. При немъ легитимисты, желавшіе видѣть на престолѣ графа Шамбора, внука Карла X, и орлеанисты, выставлявшіе претендентомъ на престолъ внука Людовика-Филиппа, графа Парижскаго, вошли между собою въ соглашеніе, въ силу котораго королемъ, подъ именемъ Генриха V, долженъ былъ сдѣлаться бездѣтный графъ Шамборъ, а его наслѣдникомъ графъ Парижскій. Потомъ всѣ три монархическія партіи собранія договорились между собою о провозглашеніи графа Шамбора королемъ съ принятіемъ конституціи въ родѣ хартіи 1814 г., которая была бы имъ представлена собранію. Эта комбинація разстроилась, однако, вслѣдствіе нежеланія самого графа Шамбора согласиться на трехцвѣтное знамя первой революціи и всѣхъ слѣдовавшихъ за нею политическихъ режимовъ, кромѣ реставраціи, принявшей старое бѣлое знамя прежней монархіи. Неудача, постигшая попытку реставраціи, заставила монархистовъ подумать, по крайней мѣрѣ, объ усиленіи власти президента продленіемъ его полномочій на семь лѣтъ («септеннатъ») и объ укрѣпленіи «нравственнаго порядка»,—подъ каковымъ разумѣлась борьба съ республиканцами и демократіей. Президентъ республики, видимо, отдавалъ предпочтеніе бонапартистамъ, и это, въ концѣ концовъ, заставило орлеанистовъ соединиться съ болѣе умѣренными республиканцами, что и привело къ принятію конституціи 1875 г. Интересно, что самый главный пунктъ этой конституціи прошелъ въ палатѣ большинствомъ лишь одного голоса.

Общій характеръ конституціи 1875 г. носитъ на себѣ слѣды ея происхожденія въ эпоху реакціи противъ коммуны и притомъ въ собраніи, въ которомъ господствовало монархическое большинство. Національное собраніе 1871—1875 г. не произвело реставраціи монархіи только потому, что сами монархисты дробились на три партіи, а когда между двумя изъ нихъ произошло сліяніе, и онѣ нашли поддержку въ третьей, то не послѣдовало согласія самого претендента на предложенныя ему условія. Послѣ этой неудачи монархистамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ идти на компромиссъ съ болѣе умѣренными республиканцами, а эти, въ свою очередь, не считая возможнымъ осуществить свою идею, тоже пошли на уступки. Отсюда—компромиссный характеръ конституціи 1875 г. Въ сущности, во Франціи установилось

тогда нѣчто въ родѣ парламентарной монархіи съ избираемымъ на семь лѣтъ президентомъ, вмѣсто короля, и съ двумя палатами, представляющими собою націю. Мало того: конституція 1875 г. даже не составляла единаго общаго акта, а сдѣлалась названіемъ для цѣлаго ряда законовъ, изданныхъ какъ раньше, такъ и, собственно, въ 1875 г., каковы два закона (1871 и 1873 г.) о правахъ президента, законъ 1873 г. о септеннатѣ, три отдѣльныхъ закона 1875 г. объ организаціи сената, объ организаціи общественныхъ властей и о взаимныхъ ихъ между собою отношеніяхъ съ особыми законами о выборахъ сенаторовъ и депутатовъ. Мѣстопребываніе исполнительной власти и обѣихъ палатъ назначалось въ Версали. Конституція 1875 г. съ нѣкоторыми измѣненіями, произведенными впослѣдствіи (наприм., относительно сената въ 1884 г.), дѣйствуетъ во Франціи и въ настоящее время.

Выборы 1876 г. дали преобладаніе въ сенатѣ монархистамъ, въ палатѣ депутатовъ—республиканцамъ, но 16 мая 1877 г. Макъ-Магонъ распустилъ на сей разъ уже оппозиціонную палату и образовалъ изъ бонапартистовъ и орлеанистовъ министерство, начавшее подъ знаменемъ «нравственнаго порядка» настоящую реакцію противъ республики при дѣятельномъ участіи духовенства. Республиканцы, съ своей стороны, употребили всѣ усилія, чтобы добиться переизбранія всѣхъ 363 республиканскихъ депутатовъ распущенной палаты. Особенно выдвинулся во время этой борьбы энергичный Гамбетта, заявившій въ одной изъ своихъ рѣчей, что маршалу придется или подчиниться, или уйти («se soumettre ou se démettre»), тогда какъ самъ Макъ-Магонъ, «исполняя свою миссію», обѣщалъ «идти до конца» и потому рѣшилъ оставаться на своемъ посту («j'y suis, j'y reste»). Крайніе реакціонеры даже совѣтовали президенту прибѣгнуть къ государственному перевороту на манеръ 2 декабря 1851 г., на что тотъ, однако, не рѣшился. Осенніе выборы 1877 г. повысили число республиканцевъ въ палатѣ до 394, но Макъ-Магонъ все-таки составилъ новое министерство изъ консерваторовъ. Тогда палата отказалась вступать съ этимъ кабинетомъ въ какія-либо сношенія и даже пригрозила не утвердить бюджетъ на 1878 г. Маршалъ послѣ всего этого былъ вынужденъ уступить: сначала онъ назначилъ было умѣренно-либеральное министерство, а затѣмъ, въ началѣ 1879 г. и самъ нашелъ нужнымъ подать въ отставку.

Гамбетта, вождь республиканской партіи въ эти годы, видя съ какою трудностью осуществляется республика, сталъ рекомендо-

вать своей партіи бо̀льшую умѣренность требованій, дабы отвлечь отъ монархистовъ наиболѣе вліятельную часть буржуазіи, опасавшуюся демократіи. Занявъ фактически положеніе «сокровеннаго владыки» Франціи, Гамбетта,—бывшій въ это время сначала президентомъ палаты, потомъ первымъ министромъ,—отказался отъ проведенія въ жизнь многихъ пунктовъ своей прежней демократической программы и даже заявилъ, что, собственно, соціальнаго вопроса, какъ единаго цѣлаго нѣтъ, а есть только разные соціальные вопросы. Его цѣлью было объединить на болѣе умѣренной программѣ наибольшее количество общественныхъ элементовъ для утвержденія республики, но болѣе послѣдовательные республиканцы назвали эту тактику приспособленія оппортунизмомъ. Какъ-никакъ, режимъ, установившійся въ это время во Франціи, больше соотвѣтствовалъ консервативной республикѣ Тьера, нежели прежней «республиканской республикѣ» самого же Гамбетты. Въ общемъ, республика получила во Франціи буржуазный характеръ. Запретивъ еще въ 1872 г. Интернаціоналъ, она не допускала никакого рабочаго движенія, и только въ 1884 г., да и то съ большимъ трудомъ, прошелъ законъ, разрѣшившій профессіональные союзы, рабочаго же законодательства Франціи пришлось ждать еще нѣсколько лѣтъ. Если чѣмъ прогрессивнымъ и проявила себя третья республика въ восьмидесятыхъ годахъ, то только борьбою съ клерикализмомъ, да организаціей народнаго образованія, о чемъ уже шла рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ отставки Макъ-Магона власть больше не выходила изъ рукъ республиканцевъ, дѣлившихся, впрочемъ, на разныя партіи, а въ 1892 г. и самъ папа Левъ XIII предписалъ консерваторамъ присоединиться къ республикѣ съ цѣлью, разумѣется, измѣненія ея законодательства. Президенты, смѣнявшіе одинъ другого, тоже были республиканцами разныхъ оттѣнковъ, какъ и отдѣльныя министерства, хотя по временамъ среди самихъ республиканцевъ проявлялись довольно-таки недемократическія тенденціи. Все это могло бы быть разсказано только въ спеціальной исторіи Франціи, здѣсь же остается лишь отмѣтить, что консерваторы и послѣ неудачи «нравственнаго порядка» не теряли надежды низвергнуть республику. Самымъ яркимъ примѣромъ можетъ служить буланжистское движеніе, когда у враговъ республики былъ и свой герой въ лицѣ популярнаго и въ арміи, и въ народѣ генерала, требовавшаго пересмотра конституціи. Во время панамскаго и дрейфусовскаго дѣлъ также велась въ народѣ очень

дѣятельная антиреспубликанская агитація, нерѣдко пользовавшаяся демагогическими средствами. Шагъ за шагомъ, однако, французская демократія крѣпла, и республика постепенно не только побѣждала своихъ враговъ, но и внутренне очищалась отъ несвойственныхъ ея основнымъ принципамъ примѣсей.

Старая аристократическая Англія въ послѣдней трети XIX в. превратилась въ представительную демократію. Въ то время, какъ во главѣ Пруссіи, а потомъ и всей Германіи стоялъ врагъ современной демократіи Бисмаркъ, между 1868 и 1894 г. четыре раза первымъ министромъ Англіи дѣлался Гладстонъ, начавшій свою политическую карьеру среди крайнихъ торіевъ еще въ тридцатыхъ годахъ, тотчасъ послѣ первой парламентской реформы, но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ перешедшій на сторону виговъ. Въ своей политической эволюціи Гладстонъ не остановился на обычномъ вигскомъ либерализмѣ, а пошелъ дальше, въ болѣе радикальномъ направленіи, чѣмъ оттолкнулъ отъ себя часть своей партіи, когда предложилъ даровать Ирландіи собственный парламентъ («гомруль»). Роль Гладстона въ новѣйшей исторіи Англіи—роль реформатора. Проектъ избирательной реформы 1867 г. принадлежалъ ему, какъ одному изъ членовъ министерства Росселя, хотя самое проведеніе реформы выпало на долю консервативнаго кабинета Дизраэли. (Послѣдній, какъ извѣстно, смѣнилъ Гладстона послѣ перваго его министерства и развилъ тогда крайне націоналистическую внѣшнюю политику, давшую ему титулъ лорда Биконсфильда). Гладстонъ провелъ отмѣну государственнаго значенія англиканской церкви въ католической Ирландіи, положилъ въ этой странѣ начало аграрной реформѣ, которая должна была улучшить и обезпечить положеніе фермеровъ, ввелъ въ Англіи (1872) тайную подачу голосовъ на парламентскихъ выборахъ, впервые установилъ въ странѣ государственную организацію начальной школы, осуществилъ легализацію трэдъ-юніоновъ, сократилъ расходы на армію и флотъ,—все это въ первое же свое министерство (1868—1874). Во второмъ гладстоновскомъ министерствѣ (1880—1885) было уже немало радикаловъ, а въ третьемъ (1886) они даже преобладали. Во время этого третьяго министерства Гладстонъ внесъ въ палату общинъ свой билль объ ирландскомъ гомрулѣ, не имѣвшій успѣха и даже внесшій расколъ въ либеральную партію. Проектъ ирландской автономіи сблизилъ съ Гладстономъ ирландскаго патріота Парнелля, который среди своихъ соотечественниковъ пользовался

положеніемъ «некоронованнаго короля». Въ четвертое министерство (1892—1894) Гладстону пришлось уже имѣть дѣло съ непримиримой парламентской обструкціей.

Въ эти годы гладстоновскихъ министерствъ въ Англіи произошла демократизація политическихъ ея учрежденій. Именно, во второе свое министерство Гладстонъ провелъ третью парламентскую реформу, или, какъ она на этотъ разъ была названа, «законъ о народномъ представительствѣ». Реформа была задумана въ смыслѣ распространенія избирательнаго права также на земледѣльческихъ рабочихъ, среди которыхъ въ семидесятыхъ годахъ началось союзное движеніе. И на этотъ разъ въ Англіи не было, однако, введено всеобщее избирательное право, такъ какъ голосъ былъ предоставленъ лишь домовладѣльцамъ и квартиронанимателямъ. За всѣмъ тѣмъ парламентская реформа 1884—85 г. еще болѣе, неужели реформа 1867 г., приблизила Англію къ порядку всеобщаго избирательнаго права, хотя вслѣдствіе связи права голоса въ Англіи съ жилищемъ, а не съ лицомъ, въ 1885 г. въ странѣ все-таки насчитывалось около 1.800.000 взрослыхъ мужчинъ, лишенныхъ избирательнаго права. Наконецъ, достойно еще вниманія то, что въ концѣ XIX в. въ Англіи произошла демократизація мѣстнаго самоуправленія.

Одною изъ характерныхъ чертъ англійской конституціи является самоуправленіе отдѣльныхъ областей (графствъ) и общинъ (приходовъ, бурговъ, городовъ), но оно имѣло въ прежнія времена аристократическій характеръ. Впервые въ 1835 г. въ жизнь городовъ было введено представительство всѣхъ мѣстныхъ жителей, имѣвшихъ осѣдлость въ городѣ и плативщихъ мѣстные налоги, избраніе же членовъ городского управленія стало теперь совершаться путемъ равнаго и прямого голосованія, но отъ самихъ кандидатовъ требовался опредѣленный цензъ. Сначала компетенція новаго городского самоуправленія была очерчена очень узко сферами муниципальнаго хозяйства и полиціи, но потомъ произошло значительное расширеніе этой компетенціи. Уже въ тридцатыхъ годахъ ставился-было вопросъ о реформѣ и земскаго управленія, но оно оставалось исключительно въ рукахъ среднихъ классовъ, и только послѣ третьей избирательной реформы была произведена демократизація этого управленія, состоявшая въ томъ, что дѣйствіе закона 1835 г. было распространено (при консервативномъ министерствѣ Солсбёри) въ 1888 г. и на графства: въ нихъ тоже были созданы выборные совѣты,

и избирательное право (равное, прямое и тайное) распространено на всѣхъ избирателей въ парламентъ. Старая должность мирового судьи сохранилась, но утратила свой аристократическій характеръ: въ мировые судьи стали назначаться даже люди изъ рабочаго класса. Эта важная реформа была дополнена въ 1894 г. подготовленнымъ еще прп Гладстонѣ преобразованіемъ сельскаго (приходскаго) управленія съ особыми совѣтами и представительными (въ небольшихъ же общинахъ даже непосредственными) собраніями. Этою реформою была завершена въ Англіи демократизація управленія. По поводу закона 1894 г. авторъ одного новѣйшаго труда объ англійскомъ мѣстномъ управленіи замѣчаетъ: «такимъ образомъ, предсказаніе Токвиля о непреодолимости демократической идеи исполнилось, по крайней мѣрѣ, для Англіи еще прежде, чѣмъ XIX столѣтіе пришло къ концу». Въ этомъ смыслѣ въ настоящее время старѣйшая въ Европѣ конституція болѣе, нежели большинство другихъ современныхъ конституцій, осуществляетъ самые основные принципы народно-правового государства. Въ Европѣ въ уровень съ Англіей можно поставить лишь Швейцарію, гдѣ также очень широко проведенъ принципъ народнаго самоуправленія, а внѣ Европы только молодыя общества, связанныя съ Англіей узами общаго происхожденія.

Отъ только-что сказаннаго весьма естественно перейти къ демократическому развитію Швейцаріи. Въ этой странѣ еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ радикальная партія требовала пересмотра конституціи въ смыслѣ введенія въ нее референдума и усиленія союзной власти на счетъ кантональныхъ. Франко-германская война, происходившая у швейцарской границы, и слухи о новыхъ воинственныхъ замыслахъ Бисмарка вызвали среди швейцарцевъ опасенія за свою независимость, для обезпеченія которой усиленіе союзной власти представлялось въ началѣ семидесятыхъ годовъ весьма своевременнымъ. Въ 1872 г. проектъ пересмотра былъ сначала отвергнутъ, но въ 1874 г. все-таки принятъ послѣ нѣкоторыхъ уступокъ консерваторамъ. Уже конституція 1848 г., сравнительно съ прежнимъ устройствомъ Швейцаріи, усиливала власть союзнаго правительства, а конституція 1874 г. сдѣлала еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи. Правда, въ организаціи федеральныхъ властей не было произведено никакихъ перемѣнъ, но зато была расширена ихъ компетенція. Кромѣ того, благодаря измѣненіямъ, которыя и впослѣдствіи дѣлались въ конституціи, союзная законодательная

власть съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разрасталась, такъ какъ этими измѣненіями постоянно вносились новые и новые предметы въ область федеральнаго законодательства. Для насъ здѣсь, впрочемъ, важно не это. Въ другомъ мѣстѣ уже говорилось о томъ, что въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. бо́льшая часть кантоновъ перешла къ системѣ «демократическаго законодательства» при непосредственномъ участіи народа. Въ 1870 г. не было этой системы лишь въ Женевѣ, Базелѣ-городѣ, Фрейбургѣ, Цугѣ и Тичино, но и они потомъ, за исключеніемъ одного Фрейбурга, перешли къ непосредственному народному голосованію (въ 1875 г. Базель-городъ, въ 1877 г. Цугъ, въ 1879 г. Женева и въ 1883 г. Тичино). Послѣ того, какъ народное право утверждать или отвергать законы было принято большею частью кантональныхъ конституцій, политическая послѣдовательность требовала, чтобы тотъ же принципъ былъ осуществленъ и въ союзной конституціи. Демократическая партія прямо указывала на неестественность и несправедливость лишенія гражданъ по отношенію къ союзу тѣхъ правъ, которыми они уже пользовались въ кантонахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигали на видъ и то, что съ превращеніемъ Швейцаріи изъ союза государствъ въ союзное государство произошло усиленіе центральной власти, которое должно было бы быть уравновѣшено соотвѣтственнымъ расширеніемъ народовластія. Наконецъ, соціалисты доказывали необходимость увеличенія народныхъ правъ ради обузданія капиталистическихъ предпріятій, бороться съ которыми совсѣмъ не подъ силу населенію отдѣльныхъ кантоновъ. На возраженіе сторонниковъ исключительно представительной системы, что народъ еще недостаточно созрѣлъ для такой реформы, ея защитники отвѣчали тѣмъ, что подобный аргументъ — самое лучшее средство для возможности не предпринимать нужныхъ реформъ. Сверхъ непосредственнаго участія въ законодательствѣ, демократы требовали еще избранія и исполнительной власти (союзнаго совѣта) не представительнымъ собраніемъ, а самимъ народомъ.

Первое удалось демократической партіи осуществить, второе—нѣтъ. Въ конституціи 1874 г. вслѣдъ за указаніемъ на то, что «для принятія союзныхъ законовъ, декретовъ и постановленій необходимо согласіе обоихъ совѣтовъ», было сказано слѣдующее: «Союзные законы должны передаваться народу, для принятія или отклоненія, если этого потребуютъ 30.000 имѣющихъ право голоса гражданъ или восемь кантоновъ. То же относится

и къ союзнымъ постановленіямъ, имѣющимъ общее значеніе и не имѣющимъ характера неотложности». Такимъ образомъ, швейцарская союзная конституція вводила въ странѣ законодательный референдумъ въ его необязательной, факультативной формѣ. Эта статья, однако, получила дальнѣйшее продолженіе въ принятомъ народомъ въ 1891 г. конституціонномъ законѣ, установившемъ народную иниціативу въ дѣлѣ пересмотра союзной конституціи. «Частичный пересмотръ,—гласила новая статья конституціи,—можетъ происходить путемъ народной иниціативы или же путемъ, установленнымъ для союзнаго законодательства». Въ первомъ случаѣ достаточно заявленія со стороны 50 т. полноправныхъ гражданъ, причемъ «требованіе иниціативы можетъ быть представлено или въ видѣ общаго указанія, или въ видѣ подробно разработаннаго проекта». Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы первое же примѣненіе этого новаго народнаго права было удачно выбрано, но вина въ этомъ падаетъ на реакціонную часть швейцарскаго общества. Именно, въ 1893 г. швейцарскіе антисемиты подняли вопросъ о включеніи въ конституцію статьи, запрещающей во всемъ союзѣ убой скота по способу, предписываемому еврейской религіей, т.-е. безъ предварительнаго оглушенія убиваемаго животнаго, и эта статья была принята 191.527 голосами и $11^1/_2$ кантонами противъ 127.101 голосовъ и $10^1/_2$ кантоновъ.

Со времени введенія въ Швейцаріи референдума это новое учрежденіе пустило прочные корни въ жизнь націи, и даже клерикалы стали имъ дорожить, какъ тормазомъ, задерживающимъ слишкомъ поспѣшное изданіе законовъ. Конституція 1874 г. сильно оживила вообще законодательную дѣятельность союза, между прочимъ, и въ области рабочаго вопроса. Въ 1877 г. 181 тысячами голосовъ противъ 171 т. былъ принятъ законъ, ограничивающій работу на фабрикахъ для взрослыхъ 11 часами; въ 1890 г. по народной иниціативѣ была принята 283 тысячами голосовъ противъ 92 т. и $20^1/_2$ кантонами противъ $1^1/_2$ конституціонная поправка объ обязательномъ страхованіи рабочихъ и т. п.

Въ Германской имперіи и въ Австро-Венгерской монархіи,—если не считать успѣховъ, какіе, особенно въ первой изъ нихъ, дѣлала соціалъ-демократія, о чемъ рѣчь будетъ еще впереди,—жизнь послѣ 1867 г. или совсѣмъ не подвергалась измѣненіямъ въ демократическомъ направленіи, или демократизировалась вообще лишь очень мало. Всеобщее избирательное право, введенное въ конституцію Сѣверо-Германскаго союза, распро-

странено было въ 1871 г. на южно-германскія государства и на Эльзасъ-Лотарингію, гдѣ, впрочемъ, имъ пользовались еще съ 1848 г. Въ Пруссіи, самомъ большомъ государствѣ Германіи, продолжала дѣйствовать трехклассная система, которую самъ Бисмаркъ находилъ довольно нелѣпой. Характеръ имперской конституціи 1871 г. и бисмарковскій режимъ не очень-то благопріятствовали какимъ-либо перемѣнамъ въ демократическомъ смыслѣ.

За то перемѣны были произведены въ австрійскомъ избирательномъ правѣ. Мы знаемъ, что конституція 1861 г. установила въ Австріи представительство не отъ населенія, а отъ областныхъ сеймовъ, депутаты въ каковые выбирались куріями крупныхъ землевладѣльцевъ, городовъ (съ торговыми палатами) и сельскихъ общинъ. Уклоненіе нѣкоторыхъ сеймовъ отъ участія въ рейхсратѣ чрезъ своихъ депутатовъ заставило правительство въ 1873 г. провести законъ о непосредственномъ представительствѣ въ рейхсратѣ всего населенія, попрежнему, однако, раздѣленнаго на куріи. Куріальная система напоминала прусскую классную: въ концѣ XIX в. въ первой куріи одинъ депутатъ приходился на 60 избирателей, въ третьей (торговой)—на 30, во второй и четвертой—тысячи на три и тысячъ на двѣнадцать. Около 1890 г. въ разныхъ мѣстностяхъ Австріи произошли значительныя демократическія движенія съ національстической окраскою, и правительство задумало направить все это движеніе «изъ національнаго русла въ другое, соціальное». Въ 1896 г. къ прежнимъ четыремъ куріямъ была прибавлена пятая—«общаго класса избирателей», въ которую вошли всѣ вообще австрійскіе подданные отъ 24 лѣтъ отъ роду, между прочимъ, и изъ первыхъ четырехъ курій. Какъ извѣстно, это была только прелюдія ко введенію въ Австріи всеобщаго избирательнаго права, совершившемуся уже въ началѣ XX в. Въ данномъ отношеніи Австрія опередила Венгрію, гдѣ осталась въ силѣ прежняя цензовая система [1]).

Въ большинствѣ случаевъ демократическое развитіе конца XIX в. протекало мирно, и даже соціалисты, въ лицѣ, главнымъ образомъ, германской соціалъ-демократіи, вступили на путь конституціонной борьбы въ парламентахъ. Конституціонный строй и въ

---

[1]) Избирательныя реформы были произведены и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ (наприм., въ Италіи, въ Бельгіи и пр.).

особенности всеобщее избирательное право стали давать въ руки недовольныхъ существующими порядками мирныя орудія борьбы—голосованія, партійныя организаціи. Были, разумѣется, и исключенія, и напр., въ южно-романскихъ странахъ республиканская агитація неразъ поднимала народныя возстанія.

Въ Испаніи сдѣлавшійся въ 1868 г. вакантнымъ тронъ былъ занятъ въ 1870 г. младшимъ сыномъ Виктора-Эммануила Амедеемъ, но противъ него стали поднимать возстанія, съ одной стороны, клерикалы, съ другой—республиканцы. Въ 1873 г. Амедей отрекся отъ престола, и въ Испаніи была провозглашена республика, которая въ 1875 г. смѣнилась, вслѣдствіе переворота, воцареніемъ сына низложенной въ 1868 г. королевы (Альфонса XII). Испанскіе республиканцы не хотѣли съ этимъ примириться и неразъ вступали въ вооруженную борьбу съ правительствомъ [1]). Въ Италіи республиканская партія тоже неоднократно въ разныхъ мѣстахъ начинала враждебныя дѣйствія противъ монархіи, что̀ вызывало со стороны правительства репрессивныя мѣры.

Въ Россіи семидесятые годы также были періодомъ революціонныхъ выступленій, въ которыхъ участвовала почти исключительно соціалистическая интеллигенція. Еще въ шестидесятыхъ годахъ противъ освободительныхъ реформъ первой половины десятилѣтія начался поворотъ назадъ, все больше обострявшійся. Революціонная борьба семидесятыхъ годовъ окончилась цареубійствомъ 1 марта 1881 г., которое только усилило репрессивныя мѣры со стороны правительства. Поворотъ назадъ принялъ въ Россіи восьмидесятыхъ годовъ прямо характеръ затяжной, безпросвѣтной реакціи, во время которой пострадали либеральныя реформы Александра II и, наоборотъ, особое развитіе получилъ націонализмъ со всѣми тѣми явленіями, какими это направленіе сопровождалось и на Западѣ. Реформы шестидесятыхъ годовъ были въ Россіи первымъ этапомъ на пути демократическаго развитія, но имъ не суждено было нормально развиваться, и многія явленія дореформенной старины какъ-бы воскресали для новой жизни среди общаго движенія впередъ.

---

[1]) Кромѣ того, возставали и легитимисты-карлисты.

XXXVI. Рабочее движеніе и соціальная политика послѣднихъ десятилѣтій XIX в. [1]).

Три формы рабочаго движенія въ XIX в.—Сравнительно малое значеніе производительныхъ ассоціацій.—Англійскій трэдъ-юніонизмъ.—Профессіональные ферейны въ Германіи.—Синдикальное движеніе во Франціи.—Образованіе рабочихъ политическихъ партій въ разныхъ странахъ и ихъ соціалистическій характеръ.—Общая перемѣна въ области экономическихъ воззрѣній.—Катедеръ-соціализмъ и соціальная политика.—Вліяніе рабочаго движенія на законодательство.—Рабочее законодательство конца XIX в.—Мысль о международномъ соглашеніи по охранѣ рабочихъ.

Главную опору демократическаго движенія въ концѣ XIX в. представлялъ собою рабочій классъ, какъ раньше эту роль играла преимущественно мелкая буржуазія.

Разсматривая вообще исторію рабочаго движенія въ XIX в., мы должны различать въ немъ троякаго рода организаціи, а именно: во-первыхъ, производительныя ассоціаціи, во-вторыхъ, профессіональные союзы и, въ-третьихъ, рабочія политическія партіи. Первая категорія, т.-е. производительныя ассоціаціи, это—постоянныя соединенія нѣкотораго количества рабочихъ, образующихъ хозяйственныя группы, которыя что-либо сообща производятъ, сообща же пользуясь средствами производства, или, по крайней мѣрѣ, артелями нанимаются исполнять какія-либо хозяйственныя работы. Ко второй категоріи, т.-е. къ разряду профессіональныхъ союзовъ относятся постоянныя же соединенія рабочихъ, главнымъ образомъ, одной и той же спеціальности, ставящія себѣ цѣлью защиту своихъ интересовъ, какъ людей, вынужденныхъ продавать свой трудъ, причемъ суть дѣла заключается въ томъ, чтобы путемъ коллективнаго давленія на предпринимателей добиваться болѣе для себя выгодныхъ условій найма. Подъ эту же категорію подводятся еще разные союзы съ цѣлями взаимопомощи или совмѣстнаго удовлетворенія экономическихъ и культурныхъ нуждъ, но это уже мало имѣетъ отношенія къ борьбѣ труда съ капиталомъ, составляющей существо рабочаго вопроса. Наконецъ, совершенно особую категорію организацій представляютъ собою рабочія партіи, которыя ставятъ

---

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. XV и XXIII.

себѣ политическія цѣли, а потому участвуютъ непосредственно не въ экономической борьбѣ, а въ борьбѣ политической, будетъ ли она вестись путемъ выборовъ въ парламенты и парламентскихъ голосованій, или способами революціоннаго характера.

Сравнивая относительное значеніе этихъ трехъ категорій рабочихъ организацій въ исторіи соціальнаго движенія въ концѣ XIX в., должно признать, что наименьшую роль въ этомъ движеніи играли производительныя ассоціаціи. Прошло то время, когда именно на нихъ возлагались особыя надежды и отъ ихъ развитія ожидалось осуществленіе соціалистическаго идеала. Въ опытахъ устройства трудовыхъ товариществъ съ цѣлью производства тѣхъ или другихъ продуктовъ не было недостатка, но бо́льшая часть такихъ ассоціацій погибала, а изъ тѣхъ, которыя продолжали существовать и даже начинали процвѣтать, вырабатывались самыя обыкновенныя капиталистическія предпріятія—съ наемными рабочими, въ противорѣчіе съ самою сущностью трудовой артели. Происходило не то, на что въ свое время расчитывалъ Луи Бланъ, твердо вѣрившій, что конкурренція «соціальныхъ мастерскихъ» съ теченіемъ времени убьетъ всѣ частныя предпріятія, которыя прямо окажутся не въ состояніи выдерживать соперничество съ ними: выходило такъ, что для успѣха въ конкурренціи съ капиталистическими предпріятіями рабочія производительныя товарищества сами должны были перенимать у нихъ все то, что обезпечиваетъ бо́льшую дешевизну производства и бо́льшій сбытъ на рынкѣ.

Если въ общемъ производительныя ассоціаціи не играли сколько-нибудь значительной роли въ рабочемъ движеніи, то, наоборотъ, о профессіональныхъ союзахъ слѣдуетъ говорить, какъ объ организаціяхъ, получившихъ весьма большое значеніе въ исторіи разсматриваемаго движенія.

Классическою страною профессіональныхъ союзовъ, или трэдъ-юніоновъ въ XIX в. была Англія, гдѣ они и стали ранѣе возникать, и получили большее распространеніе, и потому играли болѣе замѣтную роль, нежели въ другихъ странахъ Европы. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ установилась нѣкоторая связь между англійскими трэдъ-юніонами и Интернаціоналомъ, но она не могла быть особенно прочною по самому характеру тогдашняго трэдъ-юніонизма, болѣе оппортунистическаго и мирнаго, чѣмъ радикальное и боевое Международное Общество рабочихъ. Немало способствовало возвращенію англійскихъ

рабочихъ союзовъ къ мирному настроенію законодательство 1871—1875 гг. о трэдъ-юніонахъ, вполнѣ легализировавшее ихъ существованіе. Долго особенностью англійскаго трэдъ-юніонизма было то, что онъ вообще охватывалъ только своего рода рабочую аристократію, квалифицированныхъ, т.-е. обученныхъ, искусныхъ рабочихъ (skilled labourers), имѣющихъ опредѣленную спеціальность и постоянный заработокъ, тогда какъ чернорабочіе, живущіе болѣе или менѣе случайною работою (unskilled labourers), оставались обыкновенно неорганизованными. Въ привилегированной рабочей средѣ стало даже развиваться свое особое классовое самосознаніе и утвердилось ученіе либеральной буржуазіи о полной свободѣ рабочаго договора и невмѣшательствѣ государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Такой характеръ профессіональное движеніе получило въ Англіи въ началѣ второй половины XIX в., благодаря замѣчательному развитію, въ эти годы, ея промышленности и торговли, дававшему рабочимъ небывалые прежде заработки. Къ восьмидесятымъ годамъ положеніе измѣнилось въ виду развитія капиталистическаго производства въ другихъ странахъ и начала конкурренціи съ Англіей со стороны Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Раньше лишь немногія лица протестовали противъ исключительности и оппортунизма старыхъ трэдъ-юніоновъ, теперь протестанты сдѣлались иниціаторами и организаторами новаго союзнаго движенія, «нью-трэдъ-юніонизма», начавшаго съ 1889 г. вербовать сторонниковъ среди неквалифицированныхъ рабочихъ и на первыхъ же порахъ принявшаго болѣе боевой обликъ. Въ этомъ новѣйшемъ трэдъ-юніонизмѣ на первый планъ мало-по-малу выдвинулась идея государственной или муниципальной помощи, рядомъ съ чѣмъ создалась и почва, болѣе благопріятная для соціалистической пропаганды. Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ лозунговъ союзовъ чернорабочихъ сдѣлалось установленіе законодательнымъ порядкомъ восьмичасового рабочаго дня, какъ это было принято на конгрессѣ 1890 г. Нѣсколько позже къ этому требованію присоединилось другое—установленіе государственной пенсіи для всѣхъ рабочихъ, достигшихъ 60-лѣтняго возраста. Впрочемъ, и старые трэдъ-юніоны, за которыми все-таки осталась главная роль въ рабочемъ движеніи Англіи, съ теченіемъ времени къ концу столѣтія начали также подпадать подъ нѣкоторое вліяніе соціализма.

Англійскіе трэдъ-юніоны второй половины XIX в. обнаружили

сильную тенденцію къ развитію у себя операцій взаимнаго страхованія своихъ членовъ на случай всякихъ бѣдствій, потому, между прочимъ, что изъ страховыхъ взносовъ составлялись очень значительныя суммы, которыя, когда въ томъ являлась надобность, могли играть роль стачечнаго фонда, а также фонда для помощи безработнымъ, лишающихся заработка или поневолѣ, или въ силу тактическаго пріема—оставлять по одиночкѣ несговорчивыхъ хозяевъ. Эти же профессіональные союзы изобрѣли еще новую форму — коллективный договоръ, замѣняющій собою единичные договоры отдѣльныхъ рабочихъ съ предпринимателями. Наконецъ, они выработали, во избѣжаніе стачекъ, особаго устройства третейскіе суды изъ свѣдущихъ лицъ отъ обѣихъ сторонъ, задача которыхъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ авторитетномъ разъясненіи условій договоровъ и всякихъ вообще соглашеній между предпринимателями и рабочими.

Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ XIX в., когда только-что вполнѣ легализированные профессіональные союзы насчитывали въ Англіи милліонъ членовъ, на континентѣ эта форма рабочихъ организацій большею частью едва только зарождалась. Особенно это нужно отмѣтить по отношенію къ Германіи, далеко въ то время опережавшей Англію своею политическою, т.-е. партійною организаціей рабочихъ (какой въ Англіи, наоборотъ, тогда еще не было). Одна изъ причинъ этого, помимо болѣе поздняго расцвѣта въ Германіи индустріализма, заключалась въ томъ, что германское имперское законодательство далеко и въ настоящее время не даетъ рабочимъ союзамъ такой широкой свободы, какую они пріобрѣли въ Англіи, главная же причина коренилась въ характерѣ соціалистической идеологіи, объединившей германскихъ рабочихъ въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. Это была эпоха наибольшаго вліянія Лассаля, сторонника производительныхъ ассоціацій съ государственною помощью и рѣшительнаго противника политики самопомощи, особымъ проповѣдникомъ которой былъ Шульце-Деличъ, доказывавшій рабочимъ, что они, держа себя подальше отъ государственнаго вмѣшательства, должны сами помогать себѣ потребительными, ссудосберегательными и производительными товариществами. Лассаль опровергалъ основную мысль Шульце-Делича ссылкою на такъ называемый «желѣзный законъ» заработной платы, дѣлающій-де невозможнымъ какое бы то ни было повышеніе вознагражденія за трудъ при современной организаціи промышленности. Правда, съ теченіемъ времени лас-

сальянская политическая экономія уступила мѣсто марксистской, но и центральною идеей марксизма было завоеваніе пролетаріатомъ политической власти, и потому главнымъ его проявленіемъ въ практической жизни должно было быть образованіе политической партіи. Если марксизмъ и обращалъ вниманіе на профессіональное движеніе, когда оно стало возникать и въ Германіи, то лишь постольку, поскольку главари соціалъ-демократіи не могли не понимать, что оно создаетъ очень благопріятную среду для успѣха соціалистической пропаганды. Позднѣе, когда изданы были въ Германіи законы о всякаго рода страхованіи рабочихъ, то и это до извѣстной степени сдѣлалось препятствіемъ для образованія рабочихъ союзовъ въ цѣляхъ взаимопомощи, разъ государство брало на себя то, что въ Англіи исполнялось трэдъ-юніонами. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, дѣйстіе этихъ причинъ могло быть только временнымъ, отсрочивающимъ, и въ самомъ концѣ XIX в. профессіональное движеніе въ Германіи ознаменовалось необычайно быстрыми успѣхами. Еще послѣ 1890 г. общее число всѣхъ рабочихъ, объединенныхъ профессіональными союзами, едва равнялось 300 тысячъ, а теперь, къ концу перваго десятилѣтія XX в., оно подходитъ уже къ двумъ милліонамъ. Добрыя три четверти послѣдней цифры образуютъ достояніе соціалъ-демократіи, и лишь меньшинство рабочихъ союзовъ раздѣляетъ воззрѣнія католическихъ и протестантскихъ руководителей, которые также принялись очень ревностно за организацію профессіональныхъ союзовъ.

Къ концу XIX в. большое значеніе пріобрѣло профессіональное движеніе и во Франціи. Французскіе рабочіе союзы, или «синдикаты» заставили о себѣ много говорить только въ самое послѣднее время и особенно въ виду того, что здѣсь на нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, стали возлагаться упованія касательно перестройки современныхъ экономическихъ отношеній. Именно, во Франціи союзы одного ремесла или одной отрасли промышленности начали соединяться въ «федераціи», а рабочіе союзы одного и того же города, къ какой бы профессіи они ни принадлежали — объединяться «биржами труда», всѣ же федераціи и биржи труда вмѣстѣ съ ихъ первоначальными ячейками охватила собою «генеральная конфедерація труда», какъ «единая армія всего борющагося пролетаріата», и при этомъ синдикальное движеніе громко провозгласило несостоятельность капиталистической системы, необходимость коммунистическаго

общественнаго строя и почти неизбѣжность революціи. Такова сущность новѣйшаго синдикальнаго движенія во Франціи, которое въ сравненіи не только съ англійскимъ, но даже и съ германскимъ профессіональнымъ движеніемъ представляетъ собою явленіе болѣе позднее. Послѣ разгрома коммуны французскимъ рабочимъ приходилось начинать все почти совершенно съизнова, вдобавокъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Особенно въ семидесятыхъ годахъ правительство вело энергичную борьбу противъ образованія рабочихъ союзовъ. Съ 1876 г., когда было сдѣлано первое предложеніе объ узаконеніи этихъ союзовъ, до изданія закона 1884 г., разрѣшившаго синдикаты, въ дѣлѣ устройства этихъ организацій царилъ административный произволъ, крайне тормазившій профессіональное движеніе. Какъ-разъ съ середины восьмидесятыхъ годовъ и стало усиливаться образованіе синдикатовъ. Другія общественныя силы въ то же самое время начали стремиться къ привлеченію синдикатовъ на свою сторону, но синдикаты не пожелали быть простыми орудіями политическихъ партій. Съ другой стороны, и буржуазія, и католическое духовенство пытались организовать свои рабочіе синдикаты, которые въ отличіе отъ «красныхъ» впослѣдствіи получили названіе «желтыхъ». Въ 1884 г. министерство торговли насчитывало во Франціи только 68 синдикатовъ (ихъ было, конечно, больше, такъ какъ многіе существовали безъ оффиціальной легализаціи), а въ 1889 г. число ихъ возросло до 821, въ 1899 г.—до 2685, въ 1905 г.—до 4665, причемъ въ 1893 г. насчитывалось около 400 т. членовъ этихъ союзовъ, а въ 1905 г. безъ малаго 800 т. Въ серединѣ также восьмидесятыхъ годовъ возникло и то движеніе, которое привело къ образованію «биржъ труда». Въ началѣ XX в. въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи ихъ насчитывалось уже 135, и къ нимъ уже примыкало значительное количество союзовъ съ 350—370 тысячами членовъ, что составляло немного только меньше половины всѣхъ синдикованныхъ рабочихъ. Задачею названныхъ биржъ сдѣлалось посредничать между спросомъ и предложеніемъ труда и содѣйствовать рабочимъ въ пріисканіи болѣе выгодныхъ условій найма, а также оказывать имъ содѣйствіе и въ другихъ отношеніяхъ; напр., биржи труда стали выдавать пособія рабочимъ на необходимые переѣзды, устраивать общеобразовательныя лекціи, профессіональные курсы, библіотеки, промышленные музеи и т. п. (все это въ виду слабаго развитія взаимопомощи во французскихъ синдикатахъ). Въ

томъ же 1886 г., когда возникла парижская биржа труда, собрался въ Ліонѣ первый національный конгрессъ синдикатовъ, за которымъ послѣдовали новые конгрессы съ постепенно увеличивавшимся числомъ представленныхъ организацій. Конгрессъ, собравшійся въ 1888 г., рѣшилъ основать національную федерацію, но уже на слѣдующемъ произошло разногласіе между коллективистами и приверженцами генеральной стачки, идея которой восторжествовала на съѣздахъ 1888 и 1893 г. Послѣдній принялъ даже резолюцію о необходимости всеобщей стачки, какъ единственнаго орудія освобожденія рабочаго класса, предлагавшую всѣмъ синдикальнымъ учрежденіямъ «распространить эту идею въ трудящихся массахъ, изучить и подготовить условія для ея осуществленія и представить международному конгрессу 1893 г. полный проектъ такой стачки». Дальнѣйшаго развитія національная федерація синдикатовъ, однако, не получила, такъ какъ съ нею вступила въ соперничество — и скоро ее совершенно устранила—федерація биржъ, оказавшихся по своему чисто практическому характеру болѣе жизненными элементами для общей организаціи, нежели отдѣльные синдикаты. Національная организація биржъ труда возникла на конгрессѣ ихъ представителей въ Сентъ-Этьенѣ въ 1892 г. Въ нантскомъ конгрессѣ 1894 г. приняли участіе объ федераціи—и синдикатовъ, и биржъ, и здѣсь между ними произошла страстная борьба. Федерація синдикатовъ потерпѣла пораженіе и распалась, а въ слѣдующемъ году руководители биржъ труда создали на лиможскомъ конгрессѣ, вмѣсто нея, новую организацію, получившую названіе «Генеральной конфедераціи труда», въ составъ которой впослѣдствіи вошла и сама федерація биржъ (1902). Такимъ образомъ, на рубежѣ XIX и XX вв. создалась во Франціи организація, охватившая и объединившая все профессіональное движеніе въ странѣ за исключеніемъ «желтыхъ», католическихъ и т. п. союзовъ. Эта организація заняла совершенно независимое положеніе по отношенію къ соціалистическимъ политическимъ партіямъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣдрахъ синдикальнаго объединенія стала развиваться и вмѣстѣ съ этимъ получила въ первые годы XX в. широкое распространеніе доктрина такъ называемаго революціоннаго синдикализма.

Третьею категоріей рабочихъ организацій являются, какъ было сказано выше, рабочія политическія партіи, начавшія образовываться въ отдѣльныхъ странахъ и мало-по-малу входить

въ составъ народнаго представительства рядомъ съ другими, т.-е. «буржуазными» или «бюргерскими» партіями. Идея классового, пролетарскаго представительства стала дѣлаться популярною только съ шестидесятыхъ годовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы уже видѣли, какъ возникла рабочая партія въ Германіи, благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности Лассаля. Незадолго передъ тѣмъ, въ 1862 г., наиболѣе политически настроенные рабочіе обращались къ извѣстному, добивавшемуся объединенія Германіи Національному союзу съ просьбою принять и ихъ также въ свою патріотическую организацію, но получили отказъ: имъ было объявлено, что рабочіе и безъ того суть «прирожденные почетные члены союза», дѣйствительными же его членами быть не могутъ, а извѣстный Шульце-Деличъ, проповѣдовавшій въ то время идею исключительно профессіональной самопомощи, прибавлялъ къ этому, что рабочимъ выгоднѣе дѣлать сбереженія, нежели тратиться на уплату членскихъ взносовъ. Такое отношеніе наиболѣе прогрессивныхъ представителей буржуазіи къ рабочимъ и создало то настроеніе, которое привело къ образованію въ Германіи самостоятельной рабочей политической партіи (1863). Одновременно съ этимъ среди рабочаго населенія Парижа также возникла мысль о необходимости выставить своего особаго кандидата на выборахъ въ законодательный корпусъ (1864). Позднѣе и въ другихъ странахъ возникали свои особыя рабочія партіи. Изъ всѣхъ нихъ самою замѣчательною все время оставалась рабочая партія Германіи, усвоившая названіе соціалъ-демократіи: въ исторіи выборовъ въ германскій рейхстагъ послѣ основанія имперіи наблюдается почти непрерывный ростъ количества голосовъ, подававшихся за ея кандидатовъ, равно какъ числа депутатскихъ мѣстъ, занимавшихся ея представителями въ рейхстагѣ. Слѣдующая табличка лучше всего иллюстрируетъ точными цифровыми данными успѣхи, сдѣланные германскою рабочею партіею въ послѣднія три десятилѣтія XIX в.

Годы:	1871	1874	1877	1878	1881	1884	1887	1890	1895	1898
Число голосовъ на выборахъ въ тысячахъ:	113	351	493	437	311	549	763	1427	1786	2107
Процентное отношеніе къ общему числу:	2.9	6.7	9.1	7.5	6.1	9.7	10.1	19.7	23.2	27.1
Число депутатовъ.	2	10	13	9	13	24	11	35	44	56

Послѣ основанія имперіи до конца XIX в. парламентскіе выборы происходили десять разъ, и только два раза (въ 1878 и 1881 гг.) число голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ рабочей партіи, понижалось, но это, какъ мы еще увидимъ, были исключительные годы, въ общемъ же отъ 1871 по 1898 г. число соціалъ-демократическихъ голосовъ увеличилось болѣе, нежели въ 18 разъ, процентное отношеніе къ общему количеству поданныхъ голосовъ—въ 9 разъ, а число депутатовъ—въ 28 разъ. Въ данномъ отношеніи Германія опередила другія европейскія страны, но и въ нихъ, въ общемъ, совершалась та же эволюція. Само собою разумѣется, что спеціально рабочія политическія партіи не могли не быть соціалистическими, поскольку самъ соціализмъ XIX в., какъ общественное направленіе, являлся продуктомъ рабочаго движенія и поскольку сдѣлавшаяся къ концу вѣка наиболѣе популярною соціалистическая теорія особенно подчеркивала борьбу классовъ, происходящую въ капиталистическомъ обществѣ. Рѣчь о развитіи соціализма въ послѣднія десятилѣтія XIX в. у насъ еще впереди, и тогда мы вернемся опять къ рабочимъ политическимъ партіямъ, теперь же остановимся на вопросѣ о томъ, какое вліяніе всѣмъ, что совершалось въ рабочей средѣ, было оказано на законодательство, касающееся самого рабочаго класса.

Основною идеей политическаго движенія въ рабочемъ классѣ сдѣлалось достиженіе такого положенія въ государствѣ, при которомъ онъ могъ бы вліять на законодательство въ интересахъ труда, понималось ли это въ смыслѣ сотрудничества съ другими классами въ цѣляхъ соціальной реформы, или въ смыслѣ, наоборотъ, классовой борьбы съ диктатурой пролетаріата и соціальной революціей въ перспективѣ. Другими словами, конечная цѣль движенія не могла мыслиться иначе, какъ въ формѣ полнаго или частичнаго переустройства государствомъ соціальныхъ отношеній общества. Въ концѣ концовъ, это было обращеніемъ къ государственному вмѣшательству въ экономическую жизнь, которое съ «либеральной», или «манчестерской» точки зрѣнія, господствовавшей въ политической экономіи середины XIX в., было какъ бы ниспроверженіемъ самыхъ основаній названной науки. Принципъ «laissez faire, laissez passer» никогда не имѣлъ такой силы надъ умами, какъ въ шестидесятыхъ годахъ: его проповѣдовали въ своихъ книгахъ ученые экономисты; онъ преподавался съ университетскихъ каѳедръ въ числѣ наиболѣе

прочно установленныхъ научныхъ истинъ; его пропагандировали въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ публицисты; ему давалось видное мѣсто и въ программахъ либеральныхъ политическихъ партій; наконецъ, сами государственные люди готовы были сообразоваться съ практическими указаніями, вытекавшими изъ признанія за этимъ принципомъ полной теоретической правильности. Послѣднее проявилось съ особою яркостью въ отношеніи къ вопросу о свободной торговлѣ. Это новое начало восторжествовало въ Англіи къ исходу пятидесятыхъ годовъ, а затѣмъ его усвоилъ и Наполеонъ III; знаменитый Кавуръ былъ тоже убѣжденнымъ фрйтрэдеромъ, и на точкѣ зрѣнія свободной же торговли стоялъ первоначально самъ Бисмаркъ. Но медовый мѣсяцъ такой политики былъ непродолжителенъ: два послѣднія десятилѣтія XIX в. были уже эпохою неумолимаго протекціонизма, у котораго въ самой Англіи нашлись многочисленные и вліятельные сторонники. Сколько бы ни повліяли на поворотъ къ протекціонизму интересы имущихъ классовъ, т.-е. сельскихъ хозяевъ и фабрикантовъ, не безъ вліянія тутъ была и мысль объ интересахъ «національнаго труда», который считалось нужнымъ ограждать отъ иностранной конкурренціи. Аналогичная перемѣна произошла и по вопросу о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства во взаимныя отношенія капитала и труда. Манчестерское направленіе политической экономіи стояло за невмѣшательство, въ защиту котораго высказывались первоначально даже такіе демократы и радикалы, какъ Бентамъ. Хотя уже въ концѣ сороковыхъ годовъ Милль измѣнилъ въ этомъ вопросѣ прежней точкѣ зрѣнія, но настоящимъ образомъ въ пользу теоріи «вмѣшательства» ученые экономисты стали высказываться лишь въ семидесятыхъ годахъ. Въ 1876 г. нѣмецкій экономистъ Ад. Вагнеръ въ своихъ «Основахъ политической экономіи» различалъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ три несходныя системы: частно-хозяйственную, общественно-хозяйственную и благотворительную («каритативную»), а во второй изъ нихъ, сверхъ того, еще двѣ особыя категоріи хозяйствъ—добровольныя и принудительныя, относя къ послѣдней, главнымъ образомъ, хозяйство государственное, ставящее своею цѣлью служеніе общему интересу. Прежніе экономисты, по словамъ Вагнера, изучали только одну первую систему: вся классическая школа видѣла въ государствѣ лишь организацію для охраны личной и имущественной неприкосновенности населенія и ожидала, что экономическія функціи

государства съ теченіемъ времени будутъ только сокращаться, самъ же онъ поставилъ себѣ задачу доказать обратное, т.-е. что законъ эволюціи народнаго хозяйства заключается въ естественномъ и неизбѣжномъ развитіи системы общественно-принудительнаго хозяйства на счетъ системы хозяйствъ частныхъ.

Далѣе, въ Германіи семидесятыхъ годовъ возникло еще цѣлое направленіе, извѣстное подъ названіемъ «катедеръ-соціализма»: оно требовало, чтобы государство регулировало своимъ законодательствомъ разныя стороны экономической жизни и въ особенности условія быта и труда рабочаго класса, т.-е. государство должно было перестать играть роль простого зрителя свободной игры индивидуальныхъ интересовъ, вмѣшивающагося въ ихъ борьбу лишь тогда, когда совершается посягательство на индивидуальную свободу или происходитъ нарушеніе уголовныхъ законовъ и общественнаго мира. Самое названіе катедеръ-соціализма, т.-е. «соціализма каѳедры» было пущено въ ходъ однимъ сторонникомъ теоріи невмѣшательства, авторомъ книжки подъ такимъ заглавіемъ (1872), на которую немедленно же отвѣчалъ упомянутый Ад. Вагнеръ. Въ начавшейся затѣмъ полемикѣ приняли участіе и другіе ученые, большею частью занимавшіе университетскія каѳедры, по этому случаю политически сблизившіеся между собою и даже основавшіе особое научно-политическое общество подъ названіемъ «Союза для соціальной политики». Всѣхъ профессоровъ, примкнувшихъ къ этому обществу, сразу же оказалось двадцать пять, и къ нимъ примкнуло еще около ста тридцати человѣкъ разныхъ другихъ профессій, такъ что въ первомъ же съѣздѣ союза, состоявшемся въ Эйзенахѣ въ 1872 г., участвовало болѣе полутораста членовъ. Политическія воззрѣнія и симпатіи членовъ союза оказались весьма различными, начиная съ очень консервативныхъ и кончая довольно прогрессивными, но въ союзѣ не было ни одного соціалиста. Главною объединяющею его идеей былъ принципъ государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь націи. Во взглядѣ на государство катедеръ-соціалисты заняли позицію, среднюю между либералами и соціалистами, объявивъ основною ошибкою прежней политической экономіи то, что всѣ ея интересы были сосредоточены на ростѣ производства, и что, наоборотъ, вопросъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи ею оставлялся въ сторонѣ. Желая сохранить индустріальную свободу вмѣстѣ съ существующимъ экономическимъ строемъ, они настаивали лишь на необходи-

мости участія государства въ регулированіи такихъ отношеній, какъ условія фабричнаго труда, жилищныя нужды рабочихъ и т. п., а также и разнаго рода предпріятій банковыхъ, страховыхъ и т. д. Сами сторонники новаго направленія называли его «этическимъ», такъ какъ вносили въ экономическую теорію моральный элементъ, или «историко-этическимъ», поскольку все направленіе было продолженіемъ прежней исторической школы, осложненнымъ нравственными соображеніями. Въ Союзѣ для соціальной политики постепенно вырабатывались предположенія о необходимѣйшихъ преобразованіяхъ, и въ этомъ смыслѣ можно признать, что онъ не остался безъ извѣстной доли вліянія на соціальное законодательство Германской имперіи. Самое развитіе въ Германіи экономической науки въ послѣдней трети XIX в. совершалось подъ сильнымъ вліяніемъ идей катедеръ-соціалистовъ.

Особенно важную роль въ научномъ движеніи этой эпохи съигралъ Шмоллеръ, создавшій цѣлую научную школу. Изъ всѣхъ катедеръ-соціалистовъ онъ наименѣе могъ быть обвиняемъ въ сочувствіи соціализму: его политическое міросозерцаніе вполнѣ удовлетворялось традиціями прусской государственности, и въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ вполнѣ сходился Шенбергъ, подозрительно, напр., относившійся къ рабочимъ союзамъ. Болѣе свободное теченіе въ новомъ направленіи представляли собою Ад. Вагнеръ и Шэффле. Хотя первый изъ нихъ тоже былъ консерваторомъ, какъ членъ прусскаго ландтага, и одно время очень близко стоялъ къ Бисмарку, однако, его политико-экономическіе взгляды настолько приближались къ соціализму, что пребываніе его въ соціально-политическомъ союзѣ сдѣлалось невозможнымъ, а Шэффле даже написалъ книжку «Квинтъ-эссенція соціализма» (1875), оказавшую довольно большое содѣйствіе распространенію соціалистическихъ идей. Наиболѣе прогрессивнымъ среди соціалъ-политиковъ былъ Луйо Брентано, на которомъ вообще довольно сильно сказался свободный духъ Англіи, бывшей ему хорошо извѣстною. Знатокъ англійскаго трэдъ-юніонизма, онъ не полагался исключительно, въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ, на одну государственную помощь, а стоялъ и за широкое развитіе профессіональныхъ союзовъ.—За послѣдніе годы XIX в. новое направленіе стало пускать корни и во Франціи, бывшей какъ въ своей экономической литературѣ, такъ и въ академическомъ преподаваніи главнымъ оплотомъ манче-

стерства. Здѣсь въ 1886 г. возникъ органъ («Revue de l'èconomie politique»), въ которомъ стали писать экономисты болѣе молодой генераціи, проповѣдовавшіе необходимость законодательнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь («интервенціонизмъ») и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывавшіе, съ точки зрѣнія эволюціонизма, относительность законовъ политической экономіи. Одинъ изъ упрековъ, какіе цѣлались ими традиціонной экономической ортодоксіи французскихъ ученыхъ, заключался въ оптимистическомъ характерѣ послѣдней, въ вѣрѣ въ благодѣтельность естественнаго хода вещей безъ человѣческаго вмѣшательства. Лозунгу «laissez passer, laissez faire» они рѣшительно противопоставили свой «интервенціонизмъ» и притомъ въ двухъ его приложеніяхъ: къ улучшенію быта рабочихъ и къ защитѣ интересовъ производителей. Въ первомъ отношеніи экономисты этого направленія явились горячими защитниками соціальнаго законодательства, во второмъ—сторонниками протекціонизма. Надежда, которую они (а съ ними и нѣкоторые юристы) начали возлагать на государство въ дѣлѣ улучшенія соціально-экономическихъ отношеній, дала даже поводъ обвинять ихъ въ чрезмѣрномъ преклоненіи передъ государствомъ, въ «этатизмѣ», или направленіи, слишкомъ расширяющемъ функціи государства: отъ этатизма, говорили нѣкоторые критики всего направленія, недалеко и до соціализма.—Новыя политико-экономическія идеи отразились и на законодательствѣ эпохи, получившемъ названія «соціальнаго» (или «рабочаго») и «соціальной политики». Однако, если сравнить, напр., позднѣйшую соціальную политику въ Германіи съ первоначальными требованіями «катедеръ-соціалистовъ», то окажется, что она приняла гораздо болѣе рѣшительный характеръ, нежели это имѣлось въ виду въ Союзѣ для соціальной политики. Въ данномъ случаѣ, германское правительство, кромѣ общегосударственныхъ соображеній, дѣйствовало подъ несомнѣннымъ давленіемъ со стороны рабочаго движенія, которое, какъ-никакъ, не могло не останавливать на себѣ вниманія властей. Извѣстно, что начало фабричному законодательству было положено еще Англіей въ тридцатыхъ годахъ, и что въ данномъ случаѣ дѣло не обошлось безъ сильнаго давленія со стороны рабочаго движенія, происходившаго тогда въ странѣ. Въ новѣйшее время (именно, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ) ранѣе всего выступила на путь соціальной политики Германія, гдѣ опять-таки какъ-разъ успѣхи соціалъ-демократіи заставили правительство пред-

принять реформы въ пользу рабочаго класса. Съ другой стороны, и въ Англіи за полвѣка передъ тѣмъ, и въ Германіи въ концѣ XIX столѣтія государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь въ интересахъ охраны труда вызывало противъ себя оппозицію всѣхъ тѣхъ, кому оно было невыгоднымъ, такъ что дѣло обошлось безъ сильной борьбы.

Кое-какія мѣры для охраны труда (преимущественно дѣтскаго) прусское правительство принимало уже съ конца двадцатыхъ годовъ, но издававшіеся по этому предмету законы отличались крайнимъ несовершенствомъ, да и не было, кромѣ того, органовъ правильнаго надзора за ихъ исполненіемъ. Кое-что въ томъ же смыслѣ предпринималось еще въ сороковыхъ годахъ въ Баваріи и въ Баденѣ, въ началѣ шестидесятыхъ — въ Вюртембергѣ и въ Саксоніи. Когда былъ образованъ Сѣверо-Германскій союзъ, во всѣ вошедшія въ его составъ земли былъ введенъ общій законъ, бывшій въ основныхъ своихъ чертахъ воспроизведеніемъ порядковъ, существовавшихъ въ Пруссіи, съ кое-какими улучшеніями и дополненіями, а превращеніе Германіи въ имперію сопровождалось введеніемъ этого общаго закона и въ южно-германскихъ государствахъ (въ Эльзасъ-Лотарингіи только въ 1889 г.). Фабриканты были очень недовольны государственнымъ вмѣшательствомъ съ его «вредными, какъ они говорили, стѣсненіями промышленности», съ другой же стороны, слышались жалобы на недостаточность существующихъ законовъ, не касавшихся, напр., женскаго труда, не создававшихъ дѣйствительной фабричной инспекціи, не заключавшихъ въ себѣ абсолютнаго признанія воскреснаго отдыха, не обезпечивавшихъ рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ. Бисмаркъ и большинство рейхстага въ то время еще находили, что нужно предоставить свободу борьбѣ интересовъ предпринимателей и рабочихъ, не вторгаясь «въ хозяйское право» работодателя, хотя въ семидесятыхъ годахъ все-таки дѣлались частичныя улучшенія въ законодательствѣ, касавшемся ремесленныхъ заведеній и фабрикъ. Единственное, на что Бисмаркъ еще соглашался, это была государственная помощь рабочимъ въ случаяхъ болѣзни, несчастья, старости и инвалидности. Въ этомъ направленіи имъ было предпринято въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ цѣлое законодательство, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на осуществленіе «практическаго христіанства», потому что основною его идеей было оказаніе помощи «бѣднымъ и слабымъ», со ссылкою на то, что и прежніе законы о бѣдныхъ обезпечивали инвалидныхъ ра-

бочихъ отъ голодной смерти. Въ началѣ 1881 г. въ рейхстагъ былъ внесенъ законопроектъ о страхованіи рабочихъ, получающихъ менѣе 2 т. марокъ въ годъ, отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ при работѣ, въ видѣ уплаты издержекъ за лѣченіе и извѣстнаго вознагражденія за все время неспособности къ труду, въ случаѣ же смерти отъ какого-либою несчастья—въ видѣ покрытія расходовъ по погребенію и выдачи пенсій вдовѣ рабочаго и сиротамъ до 15-лѣтняго возраста; страховая премія при этомъ должна была вноситься при полученіи рабочимъ менѣе 750 марокъ на двѣ трети работодателемъ, а на одну треть государствомъ, при платѣ же свыше 750 марокъ наполовину работодателемъ, наполовину—самимъ рабочимъ. Необходимость такого закона мотивировалась тѣмъ, что государство, преслѣдуя соціалъ-демократическіе эксцессы, должно въ то же время и позаботиться о благосостояніи рабочихъ. Это предложеніе было встрѣчено недружелюбно представителями либеральныхъ воззрѣній, увидѣвшими въ немъ опасный «государственный соціализмъ», и коммиссія рейхстага, разсматривавшая проектъ, такъ сильно его измѣнила, что Бисмаркъ добился въ союзномъ совѣтѣ отклоненія законопроекта, принятаго рейхстагомъ съ измѣненіями. Любопытно, что главными защитниками соціальной политики явились консерваторы, которые, конечно, могли стоять за нее съ точки зрѣнія не «государственнаго соціализма», а «практическаго христіанства», тѣмъ болѣе, что, являясь представителями крупнаго землевладѣнія, они не были затронуты въ своихъ интересахъ проектомъ, касавшимся однихъ промышленныхъ рабочихъ.

Новый рейхстагъ не далъ Бисмарку желательнаго большинства, и тогда рѣшено было прибѣгнуть къ своего рода апелляціи къ народу. 17 ноября 1881 г. рейхстагъ былъ открытъ императорскимъ посланіемъ, въ которомъ указывалось на то, что «исцѣленія соціальныхъ бѣдствій нужно искать не исключительно на пути подавленія соціалъ-демократическихъ проявленій, но равнымъ образомъ и на пути положительнаго споспѣшествованія благу рабочихъ», вслѣдствіе чего императоръ и брался за то, чтобы создать «для отечества новое и прочное обезпеченіе внутренняго мира, а для нуждающихся въ помощи бо́льшую безопасность и прочность положенія». Указавъ на предлагавшійся уже законъ о страхованіи рабочихъ, посланіе возвѣщало дополненіе къ нему въ видѣ закона, касающагося людей, неспособныхъ къ труду по старости или инвалидности, «нуждающихся въ большей мѣрѣ въ

государственной заботливости, нежели та, какая имъ оказывалась доселѣ»: нахожденіе способовъ и средствъ для достиженія этой цѣли объявлялось «одною изъ высшихъ задачъ всякаго общежитія, покоящагося на нравственныхъ устояхъ христіанской народной жизни». Посланіе даже говорило о томъ, что государство раньше въ недостаточной мѣрѣ исполняло по отношенію къ нуждающимся въ помощи своимъ сочленамъ обязанность, вытекающую не только изъ требованій «человѣколюбія и христіанства», но и изъ «задачи государствоохранительной политики, которая имѣетъ цѣлью поселить и въ неимущихъ классахъ населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ многочисленныхъ и менѣе просвѣщенныхъ, то воззрѣніе, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе». Т.-е. рабочіе должны были, благодаря новымъ законамъ, убѣдиться, что «государство вовсе не является учрежденіемъ лишь для защиты лучше поставленныхъ классовъ общества, но учрежденіемъ, служащимъ также и ихъ, рабочихъ, нуждамъ и интересамъ». Наконецъ, въ посланіи указывалось, что отъ проведенія соціальнаго законодательства отнюдь не должно удерживать то соображеніе, что въ него вводится «соціалистическій элементъ»: въ сущности, здѣсь все дѣло «только о дальнѣйшемъ развитіи современной государственной идеи, выросшей изъ христіанскаго нравственнаго настроенія» и требующей, чтобы государство всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами общества споспѣшествовало всѣмъ своимъ сочленамъ и именно «слабымъ и нуждающимся по помощи». Постоянное подчеркиваніе въ этомъ возвѣщеніи соціальной реформы того, что она должна оказать воспитательное воздѣйствіе на политическое настроеніе рабочихъ, было расчитано на то, чтобы расположить въ пользу реформы буржуазные элементы общества. Тѣмъ не менѣе правительственные проекты о помощи рабочимъ проходили въ рейхстагѣ съ великимъ трудомъ, вслѣдствіе чего дѣло затянулось: первый законъ (о страхованіи на случай болѣзни) былъ принятъ только въ 1883 г., а проектъ о страхованіи отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ правительству пришлось даже не разъ перерабатывать. Особенно затянулся вопросъ о страхованіи на случай старости и инвалидности. Оппозиція закону о такомъ страхованіи шла со стороны консерваторовъ, находившихъ, что онъ отвлечетъ въ города рабочія руки отъ сельскаго хозяйства и что участіе въ страхованіи будетъ многимъ землевладѣльцамъ не по силамъ. Бисмаркъ лишь съ

трудомъ убѣдилъ большинство консерваторовъ, что съ ихъ стороны было бы не патріотично находиться въ оппозиціи вмѣстѣ съ «врагами имперіи». Законъ прошелъ только въ 1889 г., уже въ царствованіе Вильгельма II, который очень настаивалъ на завершеніи дѣла, задуманнаго его дѣдомъ. Кстати отмѣтимъ, что за все время проведенія соціальной реформы партія свободомыслящихъ не переставала твердить, что государству грозитъ опасность гибели въ соціализмѣ, тогда какъ соціалъ-демократы называли страхованіе рабочихъ «нищенской подачкой». Между тѣмъ, когда въ 1906 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ «посланія» 17 ноября 1881 г., то было подсчитано, что къ концу 1903 г. 60 милліоновъ человѣкъ получили страховыхъ денегъ 4 милліарда, изъ которыхъ 2,5 милліарда было уплачено ими самими, а 1,5 милліарда составляло прибавку изъ другихъ источниковъ.

Въ годы, когда проводилось законодательство о страхованіи рабочихъ, кое-что предпринималось и для улучшенія условій труда, или его охраны, но дѣйствительно серьезнаго все-таки ничего не было сдѣлано. Бисмаркъ, оставаясь при своемъ старомъ взглядѣ на неприкосновенность «хозяйскаго права», доказывалъ еще, что запрещеніе праздничной работы и ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда сильно понизятъ бюджетъ рабочей семьи, и выражалъ опасеніе, какъ бы слишкомъ большою охраною труда не былъ нанесенъ ущербъ національной промышленности въ ея конкурренціи съ иностранною. Новый императоръ, Вильгельмъ II, вступившій на престолъ въ 1888 г., пошелъ въ дѣлѣ соціальной политики дальше своего канцлера. Когда въ 1889 г. въ Рурской области забастовало 100 т. углекоповъ, требовавшихъ увеличенія заработной платы, установленія восьмичасового рабочаго дня и образованія особыхъ рабочихъ комитетовъ для улаженія недоразумѣній съ хозяевами, депутаты стачечниковъ добились аудіенціи у императора. Осудивъ самовольное нарушеніе договора съ хозяевами, застращиваніе рабочихъ, несоглашавшихся на стачку, и т. п., онъ сказалъ, что при повтореніи этого онъ имъ не будетъ въ состояніи оказать поддержку, какъ и въ томъ случаѣ, если они пойдутъ рука объ руку съ «врагами отечества», соціалъ-демократами, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ внимательно разсмотрѣть ихъ требованія. Затѣмъ въ рѣчи, сказанной депутатамъ отъ работодателей, Вильгельмъ II упрекнулъ ихъ, что они довели дѣло до такого столкновенія, и съ своей стороны объявилъ естественнымъ, что рабочіе тоже стремятся къ улуч-

шенію своего положенія, разъ знаютъ изъ газетъ, какіе барыши получаются предпринимательскими компаніями. Изъ этого случая Вильгельмъ II вынесъ убѣжденіе о необходимости противопоставить неудовольствію въ рабочемъ классѣ надлежащее соціально-политическое законодательство. Вскорѣ затѣмъ Бисмаркъ услышалъ отъ Вильгельма II о намѣреніи его начать новую эпоху соціально-политическаго законодательства и объявить объ этомъ передъ новыми выборами въ рейхстагъ въ императорскомъ посланіи, какъ это за восемь лѣтъ передъ тѣмъ было сдѣлано его дѣдомъ. Выборы правительствомъ были назначены на 20 февраля 1890 г., а 4-го были опубликованы два императорскихъ рескрипта, возвѣщавшихъ новую эпоху. Въ одномъ изъ нихъ Вильгельмъ II заявлялъ о своемъ намѣреніи заняться улучшеніемъ быта германскихъ рабочихъ, насколько это совмѣстимо съ сохраненіемъ способности отечественной промышленности къ конкурренціи на міровомъ рынкѣ и, слѣдовательно, съ обезпеченіемъ за самими рабочими средствъ къ существованію, ибо потеря сбыта германскихъ продуктовъ за границей лишила бы хлѣба и предпринимателей, и рабочихъ. Для избѣжанія такой опасности предлагалось созвать международную конференцію на предметъ «возможности удовлетворить потребности и желанія рабочихъ». Въ другомъ рескриптѣ, имѣвшемъ въ виду одну Пруссію, говорилось о недостаточности прежняго соціальнаго законодательства и о необходимости «подвергнуть изслѣдованію отношенія фабричныхъ рабочихъ для удовлетворенія раздающихся въ этой области жалобъ и пожеланій, насколько онѣ основательны». Исходнымъ пунктомъ такого изслѣдованія должно было служить признаніе за государственною властью задачи «упорядоченія времени, продолжительности и способа труда съ принятіемъ во вниманіе сохраненія здоровья, предписаній нравственности и хозяйственныхъ потребностей рабочихъ и ихъ притязанія на законное равноправіе». Дальше для обезпеченія мира между работодателями и рабочими намѣчалась организація представительства послѣднихъ при сношеніяхъ съ работодателями и съ агентами правительственной власти, вслѣдствіе чего «сдѣлалось бы возможнымъ для рабочихъ свободное и мирное выраженіе ихъ желаній и неудовольствій». Дѣло теперь уже должно было заключаться не въ христіанскомъ милосердіи по отношенію къ больнымъ, увѣчнымъ и хилымъ, а объ осуществленіи извѣстнаго права всѣхъ здоровыхъ и нормальныхъ работниковъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ

опубликованія рескриптовъ открылись засѣданія прусскаго государственнаго совѣта съ спеціально приглашенными Вильгельмомъ II крупными промышленниками, владѣльцами копей, «пушечнымъ королемъ» Круппомъ и т. п. Программа занятій заключалась въ словахъ самого императора о необходимости «защиты рабочихъ противъ произвольной и неограниченной эксплуатаціи рабочей силы, ограниченія размѣра дѣтскаго труда въ соотвѣтствіи съ требованіями человѣчности и естественныхъ законовъ развитія» и улучшенія въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ домашняго быта рабочихъ. Вильгельмъ II подчеркнулъ при этомъ, что задача вовсе не въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей: «это уже другая забота,—сказалъ онъ,—и съ нею въ случаѣ надобности справлюсь я одинъ, не нуждаясь ни въ совѣтахъ вашихъ, ни въ поддержкѣ». Для разработки отдѣльныхъ вопросовъ были образованы особыя коммиссіи съ приглашеніемъ въ нихъ нѣкотораго числа экспертовъ изъ ремесленниковъ и рабочихъ. Затѣмъ, во второй половинѣ марта засѣдала Международная конференція по охранѣ рабочихъ изъ представителей всѣхъ западно-европейскихъ государствъ [1]), и предметами совѣщаній были: регулированіе труда горнорабочихъ, воскресный отдыхъ, трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ, приведеніе въ исполненіе общихъ постановленій. Приняты были въ качествѣ рѣшеній или только пожеланій запрещеніе работы въ копяхъ для дѣтей моложе 14 лѣтъ и для женщинъ, возможно большее ограниченіе работы въ условіяхъ, вредныхъ для здоровья, необходимость соглашенія между всѣми государствами касательно воскреснаго отдыха, запрещеніе ночного и воскреснаго женскаго труда, ограниченіе труда женщинъ 11 часами съ перерывомъ въ $1^1/_2$ часа, допущеніе родильницъ къ работѣ лишь черезъ четыре недѣли послѣ родовъ, недопущеніе къ фабричной работѣ дѣтей моложе 12 лѣтъ, а къ ночной или воскресной работѣ моложе 14 лѣтъ, установленіе для нихъ шестичасовой нормы и десятичасовой до 16 лѣтъ. Конечно, все это имѣло лишь академическій характеръ, но, несомнѣнно, укрѣпляло Вильгельма II въ его реформатскихъ планахъ, къ которымъ впослѣдствіи онъ, впрочемъ, охладѣлъ, когда увидѣлъ, что свободное рабочее движеніе соціальною политикою не было все-таки побѣждено.

[1]) Россія и балканскія страны не были представлены, такъ какъ ихъ вывозъ лишенъ индустріальнаго характера.

Слѣдствіемъ императорскихъ рескриптовъ 1890 г. было пробужденіе и въ буржуазіи интереса къ рабочему вопросу, и изъ ея среды стали выходить одна за другою книжки и брошюры объ этомъ предметѣ, между прочимъ, и о соціалъ-демократіи, которую до того времени если не игнорировали, то серьезно не изучали. Отмѣна въ томъ же году одного репрессивнаго закона, (о которомъ рѣчь будетъ ниже), повлекшая за собою оживленіе соціалъ-демократической агитаціи, послужила тоже поводомъ для возникновенія цѣлой «бюргерской» соціалъ-политической литературы, разумѣется, полемическаго характера, причемъ выкопаны были забытыя публикаціи первыхъ временъ христіанско-соціалистическаго движенія. Вопросъ заинтересовалъ и многихъ такихъ консервативно настроенныхъ людей, какъ придворный проповѣдникъ Штёккеръ, экономистъ Ад. Вагнеръ и т. п. Они образовали кружокъ, въ который допустили и болѣе либеральныхъ людей, въ родѣ знаменитаго теолога Гарнака, и созвали евангелическо-соціальный съѣздъ для того, чтобы «безпредубѣжденно изслѣдовать соціальныя отношенія своего народа, примѣнить къ нимъ мѣрку нравственныхъ и религіозныхъ требованій Евангелія и самимъ болѣе плодотворнымъ и дѣйствительнымъ образомъ, нежели раньше, оказывать воздѣйствіе на современную экономическую жизнь». Значительное развитіе въ девятидесятыхъ годахъ также получили основанные еще раньше евангелическіе рабочіе ферейны, раздѣлившіеся на болѣе консервативные и болѣе прогрессивные. Вліяніе, шедшее сверху, направило въ соціально-политическую сторону и протестантскія церковныя управленія (въ особенности прусское), которыя начали поощрять подвѣдомственное имъ духовенство къ занятію соціальнымъ вопросомъ. Рейхстагъ, вышедшій изъ выборовъ 1890 г., занялся разсмотрѣніемъ законопроекта въ духѣ февральскихъ указовъ, но потребовался цѣлый годъ для выработки и принятія самаго закона. Тремя главными предметами соціальнаго законодательства были теперь работа въ праздничные дни и трудъ дѣтей и женщинъ. Правительство предложило совсѣмъ запретить работу въ праздничные дни на фабрикахъ и въ ремесленныхъ мастерскихъ и ограничить ее пятью часами для всѣхъ служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ торговыхъ заведеніяхъ; далѣе, трудъ дѣтей ниже тринадцатилѣтняго возраста совсѣмъ предложено было запретить, съ этого же возраста допускать только прошедшихъ черезъ школу и притомъ съ нормами до 6 и до 10 часовъ для под-

ростковъ моложе 14 и моложе 16 лѣтъ; работницы на фабрикахъ не должны были быть заняты по ночамъ и наканунѣ праздничныхъ дней позже $5^1/_2$ часовъ вечера, рабочіе же старше 16 лѣтъ—не болѣе 11 часовъ въ сутки съ часовымъ перерывомъ для обѣда. Кромѣ того, предложены были новыя постановленія, касавшіяся и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Но парламентская коммиссія сразу отклонила всѣ предположенія относительно нормальной продолжительности рабочаго дня за исключеніемъ одного — ограниченія ежедневной работы замужнихъ работницъ десятью часами. Къ другимъ предложеніямъ правительства она въ общемъ отнеслась сочувственно. Германскимъ законодательствомъ по охранѣ рабочихъ, начиная съ законовъ 6 и 7 мая 1891 г., были приняты правила о частичныхъ запрещеніяхъ или ограниченіяхъ воскресной и праздничной работы, разныя предосторожности относительно опасныхъ для жизни и вредныхъ для здоровья или нравственности условій работы, постанавленія касательно рабочихъ комитетовъ и т. п. Особенное развитіе получило законодательство о фабричной инспекціи въ смыслѣ увеличенія ея персонала (въ одной Пруссіи до 226, во всей Германіи свыше 300), расширенія ея компетенціи и облегченій въ исполненіи ея функцій (содѣйствіе мѣстной полиціи и т. п.). Еще раньше всего этого законодательства, въ іюнѣ 1890 г., были учреждены посредническіе промышленные суды для всѣхъ пререканій между работодателями и рабочими, причемъ члены такихъ судовъ стали выбираться пополамъ изъ обѣихъ сторонъ и дѣйствовать подъ предсѣдательствомъ лица, не принадлежащаго ни къ той, ни къ другой сторонѣ.

Это общее изложеніе исторіи германскаго рабочаго законодательства въ концѣ царствованія Вильгельма I и въ первые годы правленія его внука самымъ явнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что существованіе въ Германіи многочисленной и сплоченной рабочей партіи оказало большое вліяніе на самое возникновеніе соціальной политики. Кромѣ того, германское рабочее законодательство интересно еще и тѣмъ, что сдѣлалось образцомъ, которому стали слѣдовать въ другихъ странахъ. Въ Англіи, гдѣ рабочее законодательство уже существовало раньше, оно теперь дополнялось, улучшалось, объединялось (общій «актъ о фабрикахъ и мастерскихъ» 1878 г.). Далѣе, лишь немногія второстепенныя страны (между ними Данія и Швейцарія) приступили къ рабочему законодательству раньше Германіи, но въ большинствѣ странъ

это дѣлалось позже (въ Швеціи въ 1881 г., въ Россіи въ 1882 г., въ Италіи въ 1886 г., въ Голландіи и въ Бельгіи въ 1889 г., въ Португаліи въ 1891 г., въ Норвегіи въ 1892 г. и т. п.). Даже республиканская и демократическая Франція въ этомъ отношеніи значительно опоздала по сравненію съ Германіей. Дѣтскій трудъ въ этой странѣ долго еще регламентировался крайне, даже для своего времени, недостаточнымъ закономъ, изданнымъ въ 1841 г., а новый законъ, принятый въ 1874 г., вызвалъ справедливую критику своимъ несовершенствомъ и очень скоро (1881) доказалъ прямую необходимость пересмотра. По всѣмъ другимъ важнымъ вопросамъ въ семидесятыхъ и даже въ восьмидесятыхъ годахъ продолжали дѣйствовать устарѣлые законы. Напримѣръ, только закономъ 1884 г. были отмѣнены законъ 1791 г., запрещавшій профессіональные союзы, и статья 416 уголовнаго кодекса, налагавшая кары на рабочихъ, хозяевъ и предпринимателей, которые дѣлаютъ покушеніе на свободное пользованіе какимъ-либо промысломъ или трудомъ. Мало того, если даже сама вторая имперія въ концѣ своего существованія смотрѣла на образованіе рабочихъ союзовъ снисходительно, лишь бы они не вмѣшивались въ политику, то третья республика, въ 1872 г. строжайшимъ образомъ запретившая Интернаціоналъ, сначала съ большимъ подозрѣніемъ относилась и вообще ко всякаго рода рабочимъ синдикатамъ и коалиціямъ. Самый законъ 1884 г., наконецъ ихъ разрѣшившій, прошелъ всѣ инстанціи съ великимъ трудомъ: первое предложеніе въ палатѣ объ отмѣнѣ закона 1791 г. было сдѣлано еще въ 1876 г., потомъ въ 1880 г. былъ выработанъ новый проектъ, измѣненный въ палатѣ, отвергнутый въ сенатѣ, затѣмъ опять побывавшій въ палатѣ и принятый сенатомъ лишь послѣ переработки. Что касается до другихъ пунктовъ рабочаго законодательства, то Франціи пришлось ждать ихъ появленія до послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка и до первыхъ годовъ XX столѣтія, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Франція и въ этотъ новѣйшій періодъ только копировала соціальное законодательство своей зарейнской сосѣдки.

Два слова еще о попыткѣ международнаго соглашенія объ охранѣ рабочихъ, сдѣланной въ 1890 г. по почину Вильгельма II. Мысль объ этомъ еще въ 1880 г. занимала швейцарскій союзный совѣтъ, но тогда изъ этого ничего не вышло, а въ 1890 г., по крайней мѣрѣ, собиралась по данному вопросу оффиціальная международная конференція, которая высказала нѣкоторыя по-

желанія и, какъ думаютъ, не прошла совсѣмъ-таки безслѣдно для рабочаго законодательства отдѣльныхъ странъ. Наконецъ, и въ 1900 г. въ Парижѣ, во время всемірной выставки, собирался съѣздъ по вопросу о международной законодательной охранѣ рабочихъ и создалъ для его разработки особую ассоціацію съ постояннымъ комитетомъ.

XXXVII. Соціализмъ въ концѣ XIX в. [1]).

Соціализмъ послѣ распаденія Интернаціонала. — Образованіе національныхъ соціалистическихъ партій. — Германская соціалъ-демократія съ семидесятыхъ годовъ. — Марксистская идеологія и ревизіонизмъ. — Распространеніе марксизма внѣ Германіи. — Другія соціалистическія направленія. — Возобновленіе международнаго соціалистическаго общенія въ концѣ XIX в. — Соціализмъ и національныя раздѣленія въ Австріи. — Анархизмъ и его проявленія въ послѣднія десятилѣтія XIX в.

Обозрѣвая рабочее движеніе послѣдней трети XIX в., мы уже отмѣтили, что это была эпоха возникновенія и развитія въ отдѣльныхъ государствахъ особыхъ рабочихъ политическихъ партій, которыя въ то же время были партіями соціалистическими. Интернаціоналъ, подвергшійся запрещенію въ разныхъ странахъ, а затѣмъ и внутренне разложившійся къ серединѣ семидесятыхъ годовъ, пересталъ существовать, какъ единая организація, но онъ немало содѣйствовалъ пропагандѣ соціализма среди рабочихъ отдѣльныхъ странъ и тѣмъ самымъ подготовилъ почву для образованія въ нихъ національныхъ соціалистическихъ партій. На время международность соціалистическаго движенія почти даже совсѣмъ прекратилась, и лишь къ концу XIX в. соціалистическія организаціи, существовавшія въ отдѣльныхъ государствахъ, стали опять искать взаимнаго общенія, хотя уже и не въ прежней формѣ Интернаціонала. Послѣдній былъ объединеніемъ соціалистическихъ и рабочихъ элементовъ въ разныхъ государствахъ до возникновенія прочныхъ мѣстныхъ организацій съ характеромъ рабочихъ политическихъ партій соціалистическаго направленія, но черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ возникновенія Интернаціонала дѣло уже обстояло совершенно иначе, и въ

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. VIII, X, XVI—XVIII, XXI и XXIII.

общеніе теперь могли выступить между собою уже организованныя силы въ разныхъ націяхъ. Съ другой стороны, если только въ Интернаціоналѣ марксистскій соціализмъ впервые явился объединяющимъ знаменемъ рабочаго движенія, то все послѣдующее развитіе соціализма сводилось въ значительной мѣрѣ къ утвержденію и распространенію именно марксизма. Самою старою изъ рабочихъ соціалистическихъ партій была германская соціалъ-демократія, сдѣлавшаяся образцомъ, которому стали слѣдовать аналогичныя организаціи въ другихъ странахъ, что сдѣлало исторію ея за послѣднія тридцать лѣтъ XIX в. особенно интересною съ обще-исторической точки зрѣнія. Наконецъ, и то нужно, равнымъ образомъ, отмѣтить, что весьма сильное распространеніе соціализма среди рабочихъ вызвало со стороны консервативныхъ классовъ стремленіе организовать изъ рабочихъ же особыя «соціальныя» партіи, большею частью конфессіональнаго характера: возникло въ католицизмѣ свое соціальное направленіе, свое — въ протестантизмѣ. Февральскіе императорскіе рескрипты 1890 г., какъ мы видѣли, прямо даже оживили въ Германіи евангелическое «христіанско-соціальное» направленіе, какъ и папская энциклика 1891 г. по рабочему вопросу тоже немало содѣйствовала усиленію соціальнаго католицизма: и рескрипты, и энциклика являются, такимъ образомъ, весьма показательными признаками времени.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на исторіи германской соціалъ-демократіи. Извѣстно, что въ Германіи первая рабочая партія образована была въ 1863 г. стараніями Лассаля, но что нѣсколько позднѣе возникла другая рабочая и тоже соціалистическая партія, не во всемъ бывшая согласною съ первою. Названіе «соціалъ-демократической рабочей партіи» усвоила притомъ не лассальянская, а эта другая партія, которая въ 1869 г. называлась еще, какъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, и «эйзенахскою». Выборы въ первый рейхстагъ Германской имперіи собрали въ пользу обѣихъ партій болѣе ста тысячъ голосовъ, изъ которыхъ болѣе трехъ пятыхъ было за лассальянскихъ кандидатовъ, а выборы 1874 г.—уже три съ половиною сотни тысячъ, распредѣлившихся почти поровну между лассальянцами и эйзенахцами. Это время, т.-е. первая половина семидесятыхъ годовъ, было крайне неблагопріятно для германскихъ соціалистовъ: въ 1872 г. власти начали всячески преслѣдовать эйзенахцевъ, въ 1874 г.—и лассальянцевъ, но за то общая судьба способствовала немало

взаимному сближенію преслѣдуемыхъ партій. Въ 1875 г. онѣ пришли къ соглашенію на съѣздѣ въ Готѣ, для котораго особою коммиссіей была приготовлена новая программа, представлявшаяся на одобреніе Маркса, но не нашедшая у него сочувствія, какъ расчитанная на примиреніе съ лассальянцами и потому, на взглядъ Маркса, лишенная строгой принципіальности.

Готская программа «соціалистической рабочей партіи Германіи» заключала въ себѣ, прежде всего, теоретическія основанія для изложенныхъ въ ней практическихъ требованій. «Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ вообще полезная работа возможна, лишь благодаря обществу, то обществу же, т.-е. всѣмъ его членамъ, при всеобщей обязанности работать, принадлежитъ и весь продуктъ труда на равномъ правѣ, каждому соотвѣтственно съ его разумными потребностями. Въ теперешнемъ обществѣ средства или орудія труда составляютъ монополію класса капиталистовъ, и обусловливаемая этимъ зависимость рабочихъ есть причина всякихъ бѣдствій и рабства. Освобожденіе труда требуетъ превращенія средствъ труда въ общее достояніе общества и товарищественнаго регулированія всего труда въ его цѣломъ съ обращеніемъ въ общую пользу и справедливымъ распредѣленіемъ дохода отъ труда. Освобожденіе труда,—прибавляла, наконецъ, программа,—должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ другіе классы—только реакціонная масса». Въ общемъ, готская программа представляла собою соединеніе марксистскихъ и лассальянскихъ взглядовъ. Это былъ компроммиссъ, въ которомъ стояли рядомъ трудъ, какъ «источникъ всякаго богатства», и «желѣзный законъ заработной платы», освобожденіе труда, какъ дѣло рабочаго класса, соединяющагося для этого въ политическую партію, и «соціалистическія производительныя товарищества съ государственною помощью», «сознаніе международнаго характера рабочаго движенія» и «дѣйствіе въ національныхъ рамкахъ» и т. п. Кромѣ программы, партія выработала себѣ и организацію, усвоившую федералистическое, марксистское начало, которое было принято въ Интернаціоналѣ. Можно сказать, что въ партіи 1875 г. возродился Интернаціоналъ, взятый съ его формальной, организаціонной стороны, только вдвинутый въ національно-германскія рамки.

Вообще самою организованною и наиболѣе вѣрною духу Интернаціонала наслѣдницею его традицій сдѣлалась германская

соціалъ-демократія, первая по времени большая и сплоченная соціалистическая партія въ парламентѣ великой державы. На выборахъ 1878 г. она уже собрала безъ малаго полмилліона голосовъ, что очень озаботило правительство, которое вскорѣ и воспользовалось первымъ же представившимся поводомъ для начала самой рѣшительной и настойчивой борьбы противъ соціалъ-демократіи. Весною 1878 г. было совершено два покушенія на жизнь императора, отдѣленныя одно отъ другого всего какими-нибудь тремя недѣлями. 11 мая въ Вильгельма I стрѣлялъ на улицѣ молодой подмастерье Гёдель, начитавшійся, какъ говорили, соціалъ-демократическихъ газетъ и наслушавшійся соціалъ-демократическихъ рѣчей, но какія-либо болѣе прочныя его связи съ партіей не были доказаны. Бисмаркъ не замедлилъ воспользоваться этимъ, чтобы внести въ рейхстагъ проектъ исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи, но рейхстагъ не обнаружилъ склонности удовлетворить желаніямъ правительства: большинство депутатовъ полагало, что для борьбы съ революціонными выступленіями достаточно уже существующихъ законовъ и что дальнѣйшія мѣропріятія, если бы въ нихъ оказалась надобность, могли бы быть приняты въ осеннюю сессію. Засѣданія рейхстага были закрыты на другой же день, а черезъ недѣлю совершилось второе покушеніе на жизнь императора. 2 іюня во время его проѣзда раздались изъ окна одного дома два выстрѣла дробью, которыми на этотъ разъ онъ былъ раненъ. Покушавшимся на жизнь императора оказался д-ръ Нобилингъ, тоже увлекавшійся соціализмомъ, но соціалъ-демократическая пресса доказывала, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ партіей, какъ таковою. Пораненія, причиненныя Вильгельму I вторымъ покушеніемъ, были настолько серьезны, что онъ уже не могъ самъ заниматься дѣлами. Поэтому кронпринцъ взялъ на себя регентство, а правительство, полагая, что при данномъ составѣ рейхстага законъ противъ соціалистовъ не пройдетъ, распустило рейхстагъ и назначило новые выборы. Въ общемъ, избиратели 1878 г. сильно повернули вправо подъ вліяніемъ этихъ двухъ покушеній, и число голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократовъ сократилось: оно было на 55 тысячъ меньшимъ, нежели на выборахъ 1877 г. Конечно, на этомъ результатѣ сказалась и правительственная репрессія, обнаружившая съ оффиціозными органами печати готовность вездѣ усматривать преступныя выступленія, въ родѣ оскорбленія величества и т. п. Законъ противъ соціали-

стовъ, внесенный Бисмаркомъ въ рейхстагъ, прошелъ въ октябрѣ 1878 г., значительнымъ большинствомъ, хотя и не безъ сильной борьбы, потому что и въ самомъ большинствѣ господствовало нерасположеніе къ какимъ бы то ни было исключительнымъ мѣропріятіямъ. Противники закона стояли на той точкѣ зрѣнія, что исключительныя мѣры противъ одной партіи противорѣчатъ принципу равноправія, что своими слишкомъ широкими полномочіями правительство можетъ воспользоваться и противъ другихъ непріятныхъ ему партій, и что, наконецъ, такія мѣры будутъ только еще болѣе содѣйствовать распространенію революціоннаго духа. На законъ дано было согласіе лишь послѣ того, какъ проекту былъ приданъ характеръ политическаго эксперимента съ дѣйствіемъ, ограниченнымъ двумя съ половиною годами—до 31 марта 1881 г.

На самомъ дѣлѣ, однако, законъ противъ соціалистовъ вслѣдствіе повторявшихся потомъ его возобновленій дѣйствовалъ до начала 1890 г., болѣе одиннадцати лѣтъ. Онъ давалъ право правительству запрещать опасные союзы, собранія и изданія, объявлять, гдѣ оно найдетъ нужнымъ, малое осадное положеніе и изгонять изъ отдѣльныхъ мѣстностей политически неблагонадежныхъ людей. Власти очень широко пользовались своими чрезвычайными полномочіями: высылки насчитывались сотнями, запрещенія изданій—тысячами, да и въ тюрьмы было посажено около полуторы тысячи человѣкъ. Кромѣ репрессій, для борьбы съ соціалъ-демократіей правительство пустило въ ходъ, какъ подходящее средство, и свое соціальное законодательство. Въ 1881 г. выборы въ рейхстагъ дали новое пониженіе количества голосовъ за кандидатовъ соціалъ-демократіи, а когда въ 1884 и 1887 гг. эта цифра снова стала повышаться, то Бисмаркъ началъ высказываться въ смыслѣ необходимости превратить временный законъ въ постоянный. Результатомъ исключительныхъ мѣръ было почти полное разрушеніе всей прежней организаціи германской соціалъ-демократіи. Партія, какъ цѣлое, вынуждена была уйти въ подполье и организовать своихъ членовъ въ видѣ разныхъ безобидныхъ ферейновъ, напр., пѣвческихъ или гимнастическихъ. Съѣзды соціалъ-демократовъ устраивались теперь большею частью въ Швейцаріи, гдѣ издавался и оффиціальный органъ партіи. Возрастанія числа соціалъ-демократическихъ голосовъ все это, въ концѣ концовъ, однако, не остановило: въ 1878 г. ихъ было 437 тысячъ, а въ 1890 г.—почти полтора милліона.

Съ 1890 г. законъ противъ соціалистовъ болѣе не возобновлялся: правительство уже не вѣрило въ силу репрессіи и задумало возобновить соціальную политику. Главнымъ дѣломъ партіи послѣ прекращенія репрессій было создать новую организацію и выработать новую программу въ виду измѣнившагося политическаго положенія. Первое было сдѣлано на съѣздѣ 1890 г. въ Галле, куда присланы были привѣтствія отъ соціалистическихъ организацій цѣлаго ряда странъ, а въ 1891 г., на партійномъ съѣздѣ въ Эрфуртѣ, была составлена и партійная программа, получившая названіе «эрфуртской». Она исходила изъ того положенія, что «экономическое развитіе гражданскаго общества приводитъ естественно и необходимо къ гибели мелкаго производства, основою котораго является право частной собственности работника на средства производства», и что этимъ процессомъ совершается вытѣсненіе мелкаго производства колоссальнымъ и крупнымъ, притомъ машиннымъ съ «исполинскимъ ростомъ производительности человѣческаго труда», опять-таки монополизируемымъ капиталистами и крупными землевладѣльцами. «Для пролетаріата и для исчезающихъ среднихъ слоевъ—для мелкаго мѣщанства и крестьянства—это равносильно увеличенію необезпеченности существованія, бѣдствій, угнетенія, порабощенія, униженія, эксплуатаціи». Увеличеніе количества пролетаріевъ и безработныхъ, усиленіе противоположности между эксплуататорами и эксплуатируемыми и обостреніе классовой борьбы буржуазіи и пролетаріата служатъ лишь доказательствомъ того, «что производительныя силы теперешняго общества переросли самихъ себя и что частная собственность на средства производства сдѣлалась несовмѣстимою съ ихъ цѣлесообразнымъ использованіемъ и полнымъ ихъ развитіемъ». Отсюда дѣлался выводъ, что только превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства въ собственность общественную и превращеніе производства товаровъ въ соціалистическое могутъ привести къ превращенію «крупнаго производства и постоянно возростающей доходности общественой работы для эксплуатировавшихся доселѣ классовъ изъ источника бѣдствій и угнетенія въ источникъ наивысшаго благополучія и всесторонняго гармоническаго совершенствованія». Такому превращенію программа приписывала значеніе «освобожденія не только пролетаріата, но и всего человѣческаго рода», которое «можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса» въ виду того, что всѣ остальные классы, при всѣхъ

своихъ разногласіяхъ, одинаково держатся за современный строй. И для экономической борьбы, и для экономической организаціи рабочимъ нужны политическія права, ибо рабочіе не добьются перехода средствъ производства въ обладаніе общества безъ обладанія политическими правами. Этимъ опредѣлялась задача соціалъ-демократической партіи—вносить сознательность и единство въ борьбу, указывать ей ея естественно-необходимую цѣль. «Интересы рабочаго класса во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства одинаковы», и положеніе рабочихъ каждой страны съ развитіемъ міровыхъ экономическихъ отношеній все болѣе и болѣе зависитъ отъ положенія ихъ въ другихъ странахъ, откуда—общность задачи освобожденія рабочихъ во всѣхъ тосударствахъ. Исходя изъ этихъ принциповъ, программа перечисляла по пунктамъ требованія соціалъ-демократической партіи, повторяя соотвѣтственные параграфы готской программы съ нѣкоторыми новыми прибавленіями. Такъ, въ параграфѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ были прибавлены слова. «безъ различія пола» и выставлены требованія «пропорціональной системы выборовъ» и т. п. Изданіе новой программы внесло въ соціалъ-демократическую партію сильное оживленіе, но въ концѣ того же десятилѣтія въ партіи обнаружился нѣкоторый разладъ.

Въ первые годы германской соціалъ-демократіи очень многіе ея приверженцы ожидали скорой побѣды соціализма, т.-е. близкаго торжества соціальной революціи. Эта вѣра дѣлала партію непримиримой, не позволяла ей идти ни на какіе компромиссы, заставляла ее скептически относиться и къ соціальнымъ реформамъ и разрѣшала поддерживать ихъ развѣ только въ качествѣ агитаціоннаго средства. Законъ противъ соціалистовъ лишь поддерживалъ революціонное настроеніе партіи, но въ эти же самые годы превращеніе Германіи въ индустріальное государство, поднявшее заработки пролетаріата, повліяло на его настроеніе въ обратномъ смыслѣ. Въ самомъ концѣ XIX в. среди германскихъ марксистовъ по этому вопросу начался расколъ. Въ 1899 г. вышла книга соціалъ-демократа Эд. Бернштейна подъ заглавіемъ «Предпосылки соціализма и задачи соціалъ-демократіи», содержавшая въ себѣ критику марксизма и тѣмъ самымъ вызвавшая возраженія со стороны другихъ представителей партіи. Критика коснулась какъ теоретическихъ положеній, такъ и практической программы марксизма. Въ первыхъ усматривались «остатки уто-

пизма», которые объяснялись тѣмъ, что самъ Марксъ недостаточно разграничивалъ чистую и прикладную стороны своего ученія, въ которой сливались два разныя теченія, исходившія одно—изъ сектантско-утопическаго и мирно-эволюціоннаго стремленія къ эманципаціи рабочаго класса путемъ экономической организаціи, другое—изъ конспиративной, демагогической и террористической эманципаціи путемъ политической экспропріаціи. Бернштейнъ усумнился въ правильности взгляда, по которому пропасть между богатыми и бѣдными все болѣе и болѣе увеличивается, и сталъ доказывать, что, наоборотъ, экономическое неравенство постепенно, хотя и съ большою медленностью, сглаживается. Отсюда онъ дѣлалъ выводъ не въ пользу вѣры во внезапное крушеніе капиталистическаго строя, а въ пользу отдѣльныхъ соціальныхъ реформъ, въ особенности тѣхъ, которыя увеличиваютъ плату за трудъ, и указывалъ вообще на такую практическую дѣятельность, которая лишь болѣе или менѣе медленнымъ путемъ постепенныхъ реформъ превратитъ капиталистическій строй въ соціалистическій. Такъ какъ, наконецъ, эти реформы могутъ быть производимы представителями разныхъ классовъ общества, то, по мнѣнію Бернштейна, экономическое освобожденіе не должно считаться «дѣломъ только рабочаго класса»: съ его точки зрѣнія это дѣло лишь «преимущественно рабочаго класса». Старые вожди германской соціалъ-демократіи отнеслись къ «бернштейніанству»,— въ первыхъ годахъ XX в. начавшему называться еще «ревизіонизмомъ», — крайне отрицательно, но и на сторону критическаго направленія стали нѣкоторые видные дѣятели. Тѣмъ не менѣе партія сохранила свое единство, благодаря тому, что на ея съѣздѣ въ Ганноверѣ, въ 1899 г., была принята достаточно неопредѣленная резолюція, подъ которою могли подписаться и ортодоксы, и бернштейніанцы. Въ виду сильнаго распространенія, какое марксистскія идеи получили къ концу XIX в. въ другихъ странахъ, возникновеніе въ германской соціалъ-демократіи ревизіонистскаго направленія Бернштейна пріобрѣло значеніе и для иностранныхъ соціалистовъ. Напримѣръ, во Франціи споръ между непримиримымъ и умѣреннымъ теченіями изъ области чисто академическаго обсужденія вопроса перешелъ и на почву практической политики, когда вступленіе соціалиста Мильерана въ «буржуазное» министерство (Вальдека-Руссо) поставило на очередь вопросъ, можетъ ли соціалистъ участвовать въ буржуазномъ правительствѣ.

Распространеніе марксизма внѣ Германіи въ концѣ XIX в. представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе характерныхъ общихъ фактовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ соціалисты извѣстной страны принимали и идеологію, и программу, и тактику германской соціалъ-демократіи, хотя бы, впрочемъ, и съ кое-какими измѣненіями, въ иныхъ же случаяхъ марксизмъ дѣлался лишь однимъ изъ наиболѣе видныхъ соціалистическихъ теченій, если и другія продолжали существовать. Въ Италіи соціалъ-демократія появилась поздно, не ранѣе девяностыхъ годовъ, но зато развилась необычайно быстро. Незадолго передъ этимъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, возникла австрійская соціалъ-демократическая партія, черезъ десять лѣтъ послѣ того принявшая федеративный характеръ въ зависимости отъ существованія въ Австріи разныхъ національностей. Марксизмъ оказалъ большое вліяніе также на программу бельгійской рабочей партіи въ серединѣ послѣдняго десятилѣтія XIX в. И въ Англіи около 1880 г. образовалась особая соціально-демократическая федерація, усвоившая марксистское ученіе, не вытѣснившая, однако, другихъ теченій при всемъ своемъ вліяніи въ отдѣльныхъ проявленіяхъ рабочаго движенія. Во Франціи возникло нѣсколько соціалистическихъ направленій, и изъ нихъ только одно усвоило цѣликомъ марксистскіе принципы, именно направленіе, начало которому около 1880 г. было положено Гэдомъ и Лафаргомъ и за которымъ утвердилось названіе коллективизма, но уже съ самаго начала во французскомъ марксизмѣ произошелъ «поссибилистскій» расколъ, напоминающій собою позднѣйшій ревизіонизмъ въ Германіи, о которомъ только-что шла рѣчь [1]). Отмѣтимъ, наконецъ, сильное распространеніе марксизма и въ Россіи въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в., когда возникла и здѣсь партійная его организація, вступившая въ борьбу съ другимъ, соціально-революціоннымъ теченіемъ.

Конечно, въ разныхъ странахъ образовались разные оттѣнки соціалъ-демократіи, но взятая въ общемъ она, какъ и германская, къ началу новаго столѣтія обнаружила замѣтную тенденцію къ

[1]) Поссибилисты получили свое названіе потому, что рекомендовали добиваться только возможнаго (possible) въ данный моментъ, считая путь постепенныхъ реформъ болѣе вѣрнымъ и находя, что крайнія требованія только отпугиваютъ буржуазію отъ соціальныхъ измѣненій. Этимъ еще, однако, далеко не исчерпываются разногласія среди французскихъ соціалистовъ конца XIX в.

мирному реформизму. Съ другой стороны, марксизму далеко не вездѣ удалось вытѣснить другія соціалистическія направленія, а въ концѣ XIX в. народилось даже новое направленіе, революціонный синдикализмъ. Именно, во Франціи на синдикаты и ихъ федерацію стала возлагаться задача самаго разрушенія существующаго соціальнаго строя и одновременно подготовленія матеріальныхъ и моральныхъ элементовъ соціалистическаго общества. Сущность революціоннаго синдикализма заключается въ отказѣ отъ парламентской дѣятельности, какъ ни къ чему-де не ведущей, и въ сосредоточеніи всѣхъ упованій на одномъ синдикальномъ движеніи, которое должно воспитывать рабочій классъ и подготовлять его къ всеобщей забастовкѣ и къ захвату политической власти въ цѣляхъ общей экспропріаціи капитализма. Проповѣдь этого новаго ученія, въ теоретической части котораго сдѣлана была попытка сочетать марксизмъ съ прудонизмомъ, нашла сочувствіе не только во Франціи, но и кое-гдѣ за ея границами.

Распространеніе германскаго марксизма во многихъ странахъ и большое вниманіе, какое обратилъ на себя внѣ Франціи революціонный синдикализмъ, указываютъ на то, что соціалистическое движеніе мало-по-малу возвратилось къ международности, о чемъ свидѣтельствуетъ также возобновленіе въ концѣ XIX в. международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ. Послѣ распаденія Интернаціонала разныя попытки, дѣлавшіяся для возобновленія международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ, оканчивались безуспѣшно, и только 14 іюля 1889 г., въ сотую годовщину взятія Бастиліи, въ Парижѣ удалось собрать первый большой «международный соціалистическій рабочій конгрессъ», въ которомъ приняло участіе болѣе 450 делегатовъ изъ двадцати государствъ. Рѣшивъ и на будущее время созывать такіе съѣзды, парижскій конгрессъ постановилъ, чтобы 1 мая вездѣ устраивался рабочій праздникъ въ видѣ демонстраціи въ пользу восьмичасового рабочаго дня, и съ 1890 г. въ отдѣльныхъ странахъ стали происходить такія соціалистическія манифестаціи. Такъ какъ изъ-за нихъ кое-гдѣ возникали острыя столкновенія рабочихъ съ полиціей, второй международный конгрессъ соціалистическихъ рабочихъ организацій, происходившій въ Брюсселѣ, предложилъ внести въ эту агитацію за восьмичасовой рабочій день бо̀льшую осторожность и умѣренность. Третьему конгрессу, бывшему въ 1893 г. въ Цюрихѣ, пришлось опредѣлить свое отношеніе къ анархистамъ, которымъ отказано было въ мѣстѣ среди собрав-

шихся делегатовъ. Принятая здѣсь формула распространяла право участія въ международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ лишь на тѣ партіи и общества, которыя стоятъ за необходимость, съ одной стороны, организаціи рабочихъ, съ другой—чтобы рабочіе пользовались своими политическими правами для участія въ парламентской дѣятельности. Четвертый съѣздъ состоялся въ 1896 г. въ Лондонѣ, и на немъ опять произошло удаленіе соціалистами анархистовъ. Для пятаго конгресса мѣстомъ, какъ и для перваго, былъ выбранъ Парижъ, временемъ, какъ и въ 1889 г.,—годъ новой всемірной выставки, именно 1900, и на сей разъ анархисты уже не добивались того, чтобы ихъ приняли на съѣздъ. Въ работахъ конгресса 1900 г. участвовало около 700 делегатовъ, представлявшихъ собою безъ малаго тридцать странъ. Однимъ изъ постановленій парижскаго конгресса было учрежденіе постояннаго международнаго соціалистическаго комитета, мѣстомъ пребыванія котораго былъ выбранъ Брюссель, и на который были возложены посредничество въ сношеніяхъ между соціалистическими организаціями отдѣльныхъ странъ, собираніе для нихъ разныхъ свѣдѣній и справокъ, изданіе важнѣйшихъ матеріаловъ, устройство новыхъ съѣздовъ и т. п.

Говоря объ интернаціональномъ характерѣ соціализма, вездѣ поэтому объявлявшаго себя противъ узкаго націонализма, нельзя не отмѣтить, что борьба національностей въ Австріи поставила на разрѣшеніе тамошнихъ соціалистовъ вопросъ, который не могъ возникнуть въ странахъ съ болѣе однороднымъ въ національномъ отношеніи составомъ населенія—во Франціи, въ Италіи, въ Германіи. Новѣйшая организація соціализма въ Австріи въ 1888 г. была обязана своимъ происхожденіемъ вліянію, шедшему изъ Германіи, и новая политическая партія,—впервые попавшая въ рейхсратъ лишь въ 1897 г.,—съ самаго начала объявила себя интернаціональною, что, однако, не устранило вопроса о значеніи національныхъ различій въ соціализмѣ. Въ австрійской соціалъ-демократической партіи, строго державшейся марксизма съ его космополитическими стремленіями, оказались участвующими и нѣмцы, и чехи, и поляки, и съ самаго же своего возникновенія молодая партія столкнулась съ вопросомъ о національностяхъ. Въ Галиціи въ 1891 г., въ сотую годовщину конституціи 3 мая, возникъ вопросъ, праздновать ли польскимъ соціалистамъ 1 мая или 3 мая. Этотъ спеціально польскій вопросъ былъ затронутъ въ болѣе общей формѣ на партій-

номъ съѣздѣ 1892 г., гдѣ польскіе делегаты заявили, что въ виду исключительнаго положенія края, политическія границы котораго не соотвѣтствуютъ фактическимъ и языковымъ отношеніямъ, и въ виду интересовъ живущихъ за границами государства поляковъ, нуждающихся въ помощи своихъ братьевъ, они не могутъ безусловно связать себя съ австрійской организаціей. Въ 1893 г., на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ, въ первый разъ встрѣтились соціалистическіе делегаты изъ всѣхъ трехъ частей прежней Польши, и связью между всѣми направленіями польскаго соціализма сдѣлалась идея національной независимости. Сближеніе на этой почвѣ польскихъ соціалистовъ разныхъ направленій съ теченіемъ времени только усиливалось. На одномъ соціалъ-демократическомъ съѣздѣ 1899 г. польскіе делегаты заявили, что они стремятся къ освобожденію и объединенію своей націи, но что по условіямъ времени они участвуютъ въ австрійской соціалъ-демократической партіи лишь подъ условіемъ полнѣйшей національной автономіи.

У нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ Австріи обнаружились подобныя же стремленія. На одномъ соціалъ-демократическомъ конгрессѣ въ Германіи присутствовали австрійскіе депутаты, заявившіе, что предпочли бы быть въ этомъ собраніи не въ качествѣ гостей, а въ качествѣ членовъ. По отношенію къ своимъ славянскимъ сочленамъ нѣмецкіе соціалъ-демократы Австріи не всегда вели себя такъ, какъ того желали бы соціалисты изъ славянъ, и даже оффиціальный органъ партіи иногда упрекался въ томъ, что «время отъ времени имъ берется тонъ, достойный прежнихъ нѣмецкихъ централистовъ». Эти національныя раздѣленія не могли не обратить на себя вниманія австрійскихъ теоретиковъ соціализма. Въ возрожденіи угнетенныхъ народностей монархіи они увидѣли только одинъ изъ фазисовъ экономической борьбы, поскольку, напр., всѣ эти народности въ Австріи вообще находятся въ экономической зависимости отъ нѣмцевъ. Борющіяся между собою народности могли бы осуществить свои стремленія только при посредствѣ, государства, откуда ихъ борьба за власть, но единственная причина этой борьбы въ централистической конституціи. Такое положеніе дѣлъ крайне невыгодно для рабочихъ, которые не могутъ не участвовать въ борьбѣ, разъ всякій общественный вопросъ получаетъ національную окраску, а потому они и не въ состояніи отдать всѣ свои силы борьбѣ классовой. Такъ какъ эта послѣдняя международна,

то національная и классовая борьба находятся между собою въ противорѣчіи. Рѣшая вопросъ о томъ, какъ же въ такомъ случаѣ устроить Австрію, соціалисты-теоретики нашли невозможнымъ держаться территоріальнаго принципа, ибо, напр., чехи и нѣмцы часто живутъ рядомъ въ однихъ и тѣхъ же округахъ, общинахъ и даже домахъ. Территоріальный принципъ поэтому они предложили замѣнить національнымъ, дабы каждая народность на протяженіи всего государства составляла отдѣльную коллективную единицу, въ которой удовлетворялись бы всѣ духовныя потребности ея членовъ (посредствомъ школъ, библіотекъ, музеевъ, театровъ и т. п.).

Параллельно съ соціализмомъ, который къ началу новаго вѣка принималъ все болѣе и болѣе марксистскій характеръ, время отъ времени проявлялъ себя и анархизмъ, занявшій по отношенію къ соціализму, какъ мы это выше видѣли, непримиримо боевую позицію. Антагонизмъ, начавшійся между обоими направленіями еще въ послѣдніе годы Интернаціонала, особенно обострился къ исходу XIX в. Съ конца семидесятыхъ годовъ главнымъ теоретикомъ анархизма былъ русскій эмигрантъ, кн. Кропоткинъ, авторъ цѣлаго ряда сочиненій, въ которыхъ разрабатывалась въ подробностяхъ основная идея анархизма. По самой своей сущности послѣдователи этого ученія не могли составлять такихъ оргавизацій, какія образовывались соціалистами, хотя и анархисты по временамъ тоже устраивали свои съѣзды. Во многихъ случаяхъ анархистская пропаганда имѣла успѣхъ въ народѣ, но больше чисто временный, а если она и заставляла о себѣ когда-либо особенно говорить, то преимущественно вслѣдствіе индивидуальныхъ выступленій съ такъ называемою «пропагандою дѣйствіемъ». Отличительная черта этихъ выступленій въ томъ какъ-разъ и заключалась, что все это были проявленія личной инціативы, стоявшія внѣ всякой связи съ какими бы то ни было организаціями. Когда случалось, что сразу тамъ и здѣсь совершалось нѣсколько однородныхъ политическихъ покушеній,—какъ это было въ годъ двухъ покушеній на жизнь Вильгельма I и покушеній сверхъ того на жизнь королей испанскаго и итальянскаго не считая того, что происходило тогда и въ Россіи,—отсюда отнюдь не слѣдовало, чтобы существовала какая-либо общая организація, направлявшая анархистскія выступленія. Конечно, дѣйствовало лишь нѣкоторое общее настроеніе, овладѣвавшее частью радикальныхъ элементовъ, да и примѣръ, подававшійся одними,

находилъ подражанія среди другихъ. Бывали періоды, когда анархизмъ въ той и другой странѣ усиливался, и начиналась упомянутая «пропаганда дѣйствіемъ». Такимъ періодомъ для Франціи было начало девяностыхъ годовъ. Ранѣе другихъ на этомъ поприщѣ прославился нѣкто Равашоль, совершившій въ 1892 г. цѣлый рядъ динамитныхъ покушеній и заявившій на судѣ, что онъ «дѣйствовалъ во имя анархіи, будущей великой семьи человѣчества, которая всѣхъ насытитъ», и что цѣлью его было «терроризировать буржуазію», дабы она обратила наконецъ вниманіе на анархистовъ и поняла, что они — защитники угнетенныхъ. Въ 1893 г. нѣкто Леонъ Леотье покушался на жизнь сербскаго посланника въ Парижѣ, заявивъ потомъ, что, «убивая перваго попавшагося буржуа, не убиваешь невиннаго», и въ томъ же году еще анархистъ Вальянъ бросилъ бомбу въ залу засѣданій палаты во время преній. Въ 1894 г. двадцатилѣтній Эмиль Анри бросалъ бомбы въ полицейскій участокъ и въ кафе, результатомъ чего была смерть нѣсколькихъ человѣкъ. На судѣ онъ говорилъ, что Равашоль и Вальянъ показали примѣръ того, какъ нужно поступать съ буржуазіей. Анархисты, прибавилъ онъ, не засѣдаютъ, какъ соціалисты, въ парламентахъ, а идутъ на гильотину, и пусть не говорятъ о невинныхъ жертвахъ: «бомба была брошена туда, гдѣ были одни буржуа, почему и не могло быть невинныхъ жертвъ». И Вальянъ, и Анри были безработные, озлобленные долгимъ голоданіемъ. Такимъ же голоднымъ и озлобленнымъ анархистомъ былъ также убійца президента Французской республики Карно, итальянецъ, Казеріо, заколовшій его кинжаломъ въ 1894 г. Правительство, говорилъ онъ на судѣ, пускаетъ противъ анархистовъ въ ходъ ружья, кандалы, тюрьмы, а они отвѣчаютъ правительству динамитомъ, бомбами, кинжалами и дѣлаютъ все, что только могутъ, для истребленія своихъ враговъ. Анархистскія выступленія вызвали большое безпокойство и въ обществѣ, и въ палатахъ, и тотчасъ же послѣ покушенія Вальяна были изданы законы, направленные противъ анархистскихъ сообществъ и газетъ, а послѣ убіенія Карно—исключительный законъ, ставившій всѣхъ анархистовъ внѣ общаго права.

Настоящею классическою страною анархизма была, впрочемъ, не Франція, а Италія, гдѣ первыя сѣмена его были посѣяны еще Бакунинымъ. И въ самой Италіи, и внѣ ея, но по-итальянски было напечатано особенно много анархистскихъ изданій. Въ Италіи же собиралось нѣсколько съѣздовъ анархистовъ, быв-

шихъ какъ бы продолженіемъ конгрессовъ Интернаціонала. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. анархизмъ дѣлалъ въ Италіи все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи, особенно когда въ 1897 г. вернулся на родину изъ Лондона Малатеста, одинъ изъ наиболѣе видныхъ теоретиковъ анархизма и агитаторовъ, занявшійся переустройствомъ и оживленіемъ анархистскихъ группъ. Въ итальянскихъ анархистскихъ кружкахъ разрабатывалась теорія «пропаганды дѣйствіемъ», и нѣкоторыя особенно важныя политическія убійства совершены были итальянцами. Итальянскій анархистъ убилъ президента французской республики Карно, и итальянскій же анархистъ Луккени умертвилъ въ 1898 г. въ Женевѣ австрійскую императрицу Елизавету. Бреши, нанесшій въ 1900 г. смертельную рану итальянскому королю Гумберту I, былъ за короткое время третьимъ итальянцемъ, совершившимъ аналогичное преступленіе.

Не въ одной Франціи издавались въ концѣ XIX в. спеціальные законы противъ анархизма, принимавшіе большею частью форму законовъ, коими наказывалось храненіе съ преступными цѣлями и употребленіе взрывчатыхъ веществъ, къ каковымъ, впрочемъ, прибѣгали и другіе революціонеры (въ Англіи, наприм., ирландскіе феніи). Законы только-что указаннаго содержанія были изданы и въ Англіи (1883), и въ Германіи (1884), и въ Австріи (1885), и во Франціи (1893), и въ Швейцаріи, Испаніи, Италіи (1894), не считая спеціальныхъ законовъ противъ пропаганды анархизма. Когда въ 1901 г. отъ руки анархиста погибъ также президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]), то и тамъ былъ изданъ аналогичный законъ. Въ русскомъ революціонномъ терроръ было тоже немало общаго съ анархистскими выступленіями на Западѣ: это были тоже акты, совершавшіеся отдѣльными лицами или небольшими кружками. Что касается до массовыхъ увлеченій анархизмомъ, какъ это наблюдалось, наприм., въ Италіи семидесятыхъ годовъ или въ Австріи первой половины слѣдующаго десятилѣтія, то оно было вообще мимолетнымъ: въ анархизмѣ довольно быстро разочаровывались, и большею частью его смѣняла соціалъ-демократія.

---

[1]) Макъ-Кинлей, который лично ничѣмъ не вызвалъ противъ себя неудовольствія въ какой бы то ни было группѣ населенія; что касается убійцы, то онъ былъ польскаго происхожденія.

XXXVIII. Главныя умственныя теченія конца XIX в. [1]).

Зависимость послѣдняго періода въ интеллектуальной жизни Европы отъ предыдущаго. – Проявленія реакціи противъ умственнаго переворота середины XIX в. – Временный успѣхъ нѣкоторыхъ представителей метафизики и «эмпирическая метафизика» въ послѣдней трети XIX в.—Судьбы матеріализма за тотъ же періодъ. — Критицизмъ, позитивизмъ и эволюціонизмъ въ философіи конца XIX в. — Отношеніе философіи къ вопросамъ религіи и морали.—Переворотъ въ психологіи.– Развитіе соціологической литературы.—Увлеченіе экономическимъ матеріализмомъ въ концѣ вѣка.—Реалистическое направленіе въ литературѣ.

Познакомившись съ главными фактами изъ исторіи международныхъ отношеній, политическихъ, соціальныхъ и національныхъ движеній и экономическаго развитія въ послѣдней трети XIX в., мы бросимъ теперь общій взглядъ на наиболѣе важныя умственныя теченія за тотъ же періодъ времени. Взятое въ цѣломъ и разсматриваемое съ самой общей точки зрѣнія, XIX столѣтіе можетъ быть раздѣлено, приблизительно его серединою, на двѣ большихъ эпохи, въ первой изъ которыхъ господствовали умственныя теченія романтико-метафизическаго характера, во второй — характера позитивно-реалистическаго. Переломъ въ исторіи міросозерцаній XIX в. совершился въ теченіе среднихъ его десятилѣтій: въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ перемѣну возвѣщало лѣвое гегельянство, но особенно рельефно она обозначилось въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху особенно сильнаго вліянія естествознанія (съ временнымъ торжествомъ матеріализма), начала возвращенія къ Канту и распространенія основныхъ идей позитивизма. Стòитъ только сопоставить двѣ всеобъемлющія философскія системы первой и второй половинъ XIX в., систему Гегеля и систему Спенсера, чтобы на одномъ этомъ примѣрѣ схватить разницу въ общемъ умонастроеніи первой и второй половинъ XIX в. По опредѣленію Ог. Конта, въ метафизическомъ методѣ воображеніе господствуетъ надъ наблюденіемъ, въ позитивномъ, наоборотъ, наблюденіе — надъ воображеніемъ: эту формулу можно примѣнить къ общей характери-

[1]) И. З. Е., т. VI, гл. XXV.

стикѣ не только философскихъ системъ Гегеля и Спенсера, но обѣихъ половинъ XIX в. Интересно, что и тотъ и другой были эволюціонистами, но тутъ были совершенно различные эволюціонизмы: одинъ идеалистическій, другой реалистическій; одинъ дедуктивный, другой индуктивный; одинъ, искавшій матеріала въ традиціяхъ религіозной мысли, другой въ открытіяхъ, совершаемыхъ научнымъ изслѣдованіемъ. Сами гуманитарныя и соціальныя науки, въ которыхъ раньше, въ чисто интеллектуальной сферѣ, наиболѣе господствовали отправныя точки зрѣнія и привычки мысли романтизма и метафизики, стали перестраиваться на позитивно-реалистическій ладъ и тѣмъ самымъ сближаться и по основнымъ своимъ воззрѣніямъ, и по методамъ изслѣдованія съ трезвымъ и объективнымъ изученіемъ природы. Одно время многіе даже думали, что весь вопросъ научнаго прогресса — въ простомъ перенесеніи въ изслѣдованія и построенія гуманитарныхъ и соціальныхъ наукъ основныхъ принциповъ чистаго естествознанія. Три послѣднія десятилѣтія XIX в., насъ теперь преимущественно интересующія, были, въ общемъ, временемъ дальнѣйшаго развитія какъ-разъ тѣхъ самыхъ началъ, которыя наложили свою печать на весь умственный переломъ середины XIX в.

Это, конечно, не значитъ, чтобы совсѣмъ не было за послѣднія тридцать лѣтъ XIX в. такихъ умственныхъ проявленій, которыя по своему характеру должны были бы быть отнесены къ болѣе раннему періоду. Рядомъ съ критицизмомъ, позитивизмомъ и эволюціонизмомъ продолжали существовать и разныя отжившія направленія, вплоть до схоластической философіи средневѣкового католицизма. Въ послѣднемъ направленіи даже началось очень замѣтное оживленіе послѣ того, какъ папа Левъ XIII издалъ энциклику «Aeterni Patris», въ которой высказался о взаимныхъ отношеніяхъ вѣры и знанія и преподалъ совѣтъ слѣдовать ученію Ѳомы Аквинскаго. Со стороны католицизма, разумѣется, велась особенно упорная борьба противъ общаго духа новѣйшей философіи и науки. Съ наибольшею охотою культурные реакціонеры старались доказать, что позитивистическія стремленія разрушаютъ нравственность и что наука безсильна передъ рѣшеніемъ высшихъ проблемъ жизни. Нѣсколько талантливыхъ и очень популярныхъ французскихъ писателей прямо сдѣлали какъ бы своею спеціальностью нападать на современную науку и философію: таковы были романистъ Бурже, призывающій возвратиться въ лоно едино-спасающей церкви, или литературный кри-

тикъ Брюнетьеръ, произведшій въ серединѣ девяностыхъ годовъ большую сенсацію на весь міръ своими разсужденіями о «банкротствѣ науки» ради возвеличенія на ея счетъ все того же католицизма. Брошюра Брюнетьера «Наука и религія» прямо сдѣлалась предметомъ оживленной полемики, въ которой, наприм., на защиту науки выступилъ знаменитый химикъ Бертело. Разочарованіе въ наукѣ проповѣдовалось большею частью людьми, никогда раньше не увлекавшимися чѣмъ-либо похожимъ на позитивизмъ, и въ вину наукѣ ставилось ими при этомъ прежде всего неисполненіе ею обѣщаній, никогда, собственно говоря, ею никому не дававшихся. Науку унижали, чтобы тѣмъ самымъ прославить католицизмъ съ его непоколебимыми догматами, традиціоннымъ авторитетомъ надъ умами и консервативными тенденціями въ области политики.

Конечно, успѣхи позитивизма отнюдь не исключали также появленія и распространенія метафизическихъ ученій, но и тутъ, съ одной стороны, популярность, какою пользовались нѣкоторыя изъ нихъ, была очень кратковременною, а съ другой — и сама новѣйшая метафизика испытала на себѣ вліяніе позитивизма.

Въ началѣ разсматриваемаго періода очень много увлекались философскими теоріями Шопенгауера и Гартмана, которыя заключали въ себѣ не только своеобразныя опредѣленія міровой сущности, но и оцѣнку самого бытія, опредѣленіе его внутренней цѣнности. Шопенгауеръ издалъ главное свое сочиненіе «Міръ, какъ воля и представленіе» еще въ 1819 г., но въ свое время оно прошло совершенно незамѣченнымъ, и часть нераспроданныхъ экземпляровъ этой книги даже была продана на картонную фабрику. Болѣе поздніе труды Шопенгауера тоже не имѣли никакого успѣха. Только незадолго до смерти своей, въ 1860 г., онъ могъ говорить, что вечерняя заря его жизни станетъ утреннею зарею его славы. Сдѣланное въ началѣ семидесятыхъ годовъ изданіе его сочиненій разошлось необычайно быстро, и о его философіи образовалась цѣлая литература: его стали переводить и изучать, писать о немъ статьи и цѣлыя книги. Извѣстно, что Шопенгауеръ видѣлъ сущность бытія и основу всего существующаго въ метафизической «волѣ», «представленіе» же, т.-е. интеллектуальный элементъ онъ признавалъ только производнымъ и зависимымъ элементомъ «воли», и этотъ своеобразный волюнтаризмъ шопенгауеровой метафизики оказалъ косвенное вліяніе на позднѣйшее развитіе психологіи, которая раньше была почти

исключительно интеллектуалистическою. Другая особенность ученія Шопенгауера, это — его пессимизмъ, потому что философъ объявилъ самое существованіе зломъ, жизнь — сплошнымъ страданіемъ и тѣмъ самымъ какъ бы перенесъ въ европейскую философію міровоззрѣніе буддизма. Такой пессимистическій взглядъ на весь міръ и на человѣческую жизнь долженъ былъ бы привести къ признанію за самоубійствомъ значенія лучшаго средства избавиться отъ зла и страданія, но самъ же Шопенгауеръ находилъ такой выводъ ошибочнымъ, поскольку человѣкъ, убивая себя, истребляетъ не самую сушность зла, заключенную въ міровой «волѣ», а лишь одно изъ индивидуальныхъ ея проявленій.

Въ одно время съ философіей Шопенгауера большою популярностью пользовалось ученіе и другого философа-пессимиста, Эдуарда Гартмана. Его книга «Философія безсознательнаго» вышла въ свѣтъ за годъ до франко-германской войны (1869) и сразу обратила на себя вниманіе въ обществѣ, потребовавъ нѣсколько изданій и сдѣлавъ имя своего автора одною изъ литературныхъ знаменитостей семидесятыхъ годовъ. Въ своей метафизикѣ Гартманъ былъ продолжателемъ Шопенгауера, объединивъ понятія «воли» и «представленія» въ нѣкоторомъ общемъ началѣ, которое онъ назвалъ «Безсознательнымъ», въ пользу чего даже приводилъ аргументы эмпирическаго происхожденія — изъ области естествознанія. Изъ этого «Безсознательнаго», какъ основной сущности міра, Гартманъ вывелъ,—совершенно такъ же, какъ это дѣлали болѣе ранніе метафизики, — весь міровой процессъ: объяснилъ по-своему его начало, изобразилъ общее его направленіе и указалъ, какой будетъ его конецъ. По представленію Гартмана, одинъ изъ элементовъ «Безсознательнаго», воля, вполнѣ случайно и совершенно безъ всякаго смысла, захотѣла хотѣть, съ чего и началось бытіе, само по себѣ поэтому не имѣющее никакого разумнаго оправданіи и, собственно, не долженствующее быть, откуда-де и вытекаютъ бѣдствія и страданія всего существующаго. Въ силу такого взгляда на происхожденіе міра и такой оцѣнки жизни философъ ставилъ всему космическому и историческому процессу одну только цѣль, могущую считаться разумною, т.-е. небытіе. Другой элементъ «Безсознательнаго», представленіе, или идея постепенно, въ цѣляхъ упраздненія существованія, создаетъ условія, при которыхъ появляются существа, одаренныя сознаніемъ, могущимъ освободиться отъ господства слѣпой воли, и это освобожденіе совершается въ человѣчествѣ,

ибо въ немъ концентрируется міровое сознаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно прогрессирующее въ пониманіи какъ цѣли, такъ и средствъ. Сначала люди воображали, что блаженство для каждой личности возможно здѣсь на землѣ; но это была только первая ступень иллюзіи, за которою послѣдовала вторая ступень, состоявшая въ вѣрѣ въ личное же блаженство, хотя уже лишь за гробомъ; утративъ и эту вѣру, человѣчество отказалось отъ идеи личнаго блаженства, поставивъ цѣлью своихъ стремленій коллективное блаженство опять на землѣ, и это есть третья ступень иллюзіи: когда человѣчество постигнетъ иллюзорность и послѣдняго своего идеала, наиболѣе сознательная часть человѣчества, въ которой будетъ концентрировано наибольшее количество міровой воли, совершитъ коллективное самоубійство, вмѣстѣ съ чѣмъ прекратится и самое существованіе всего остального міра.

Время увлеченія философіей Гартмана было, собственно, весьма непродолжительнымъ, и вообще пессимизмъ столь же быстро вышелъ изъ моды, какъ и вошелъ въ моду,—поскольку позволительно говорить здѣсь о модѣ. Не касаясь вопроса о причинахъ увлеченія, въ семидесятыхъ годахъ, пессимизмомъ Шопенгауера и Гартмана, слѣдуетъ только отмѣтить, что къ восьмидесятымъ годамъ оно стало проходить и что въ слѣдующемъ десятилѣтіи самымъ моднымъ философомъ сдѣлался Ницше, проповѣдовавшій, наоборотъ, культъ полноты жизни и поэтому объявлявшій, что для него пессимизмъ имѣетъ значеніе не столько умственнаго заблужденія, сколько своего рода болѣзни.

Шопенгауеръ съ его посмертной славой и Гартманъ съ его эфемерной популярностью были на Западѣ послѣдними крупными метафизиками стараго типа, оказывавшими вліяніе на широкіе общественные круги. Только-что упомянутый Ницше, самый знаменитый «философъ настроенія» въ концѣ XIX в., не былъ уже метафизикомъ въ стилѣ Шопенгауера и Гартмана. Въ послѣднія три десятилѣтія XIX в. не было недостатка въ философахъ, которые не отказывались отъ рѣшенія метафизическихъ проблемъ, но, съ одной стороны, по мѣрѣ усиленія отрицательнаго или скептическаго отношенія къ метафизикѣ, само ея содержаніе стало расчленяться между отдѣльными философскими дисциплинами (логикой съ гносеологіей, психологіей и этикой), все болѣе и болѣе проникавшимися духомъ научнаго знанія, и между разными точными науками, поскольку послѣднія касаются основныхъ

вопросовъ бытія, а съ другой стороны, сами философы, не отказывавшіеся отъ рѣшенія метафизическихъ проблемъ, считали нужнымъ совершать такую работу въ наибольшемъ согласіи съ общимъ духомъ, съ частными выводами и съ научными пріемами положительнаго знанія. Образовалось даже цѣлое направленіе такъ называемой «эмпирической метафизики», поставившей себѣ задачею быть продолженіемъ науки за границами опытнаго знанія, но продолженіемъ съ характерными чертами, присущими послѣднему. Въ подобномъ направленіи можно усматривать возвращеніе къ традиціямъ спекулятивной философіи, когда въ ней царилъ идеализмъ, и пожалуй, реакцію противъ агностическаго равнодушія или позитивистическаго презрѣнія къ метафизическимъ проблемамъ, но главное въ немъ, это — то, что въ данномъ случаѣ не метафизика стремилась диктовать истину наукѣ, а наука призывалась на помощь метафизикѣ. Немалое значеніе въ этомъ внѣдреніи научнаго духа въ чистое умозрѣніе новѣйшаго времени принадлежитъ тому обстоятельству, что за рѣшеніе философскихъ проблемъ нерѣдко брались люди съ основательною естественно-историческою подготовкою, какъ это можно сказать, наприм., о вліятельномъ философѣ эпохи, Вильгельмѣ Вундтѣ, который самъ является однимъ изъ представителей «индуктивной метафизики». Вундтъ вообще вполнѣ усвоилъ точку зрѣнія Канта, т.-е. то, что нашему познанію недоступно что-либо, кромѣ нашихъ же собственныхъ субъективныхъ состояній. На высшей ступени познанія, по его словамъ, наше мышленіе уже переходитъ за границы всякаго опыта, создавая лишь идеи, обреченныя на то, чтобы всегда оставаться гипотезами, или же имѣющія характеръ ни для чего ненужныхъ фикцій, а разъ ничего нельзя знать, что не дано въ реальномъ опытѣ, философія должна быть только нѣкоторымъ комплексомъ научныхъ выводовъ, приведенныхъ между собою въ общую согласованность при возможномъ устраненіи изъ нихъ всякой противорѣчивости. Вундтъ говоритъ о метафизикѣ, лишь какъ о совокупности гипотезъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна спеціальная наука, и въ такомъ пониманіи метафизика, соединяющая воедино разные гипотетическіе элементы знанія, получаетъ у него значеніе не фундамента философіи, а ея увѣнчанія, въ качествѣ продолженія или восполненія опытнаго познанія.

Аналогичный взглядъ на метафизику высказалъ и французскій философъ Альфредъ Фуллье. Въ своемъ трудѣ «Будущее

метафизики, основанной на опытѣ» (1889), онъ особенно подчеркнулъ гипотетичность всякой метафизики, какъ порожденія потребности въ высшемъ обобщеніи. Въ метафизикѣ, по его мнѣнію, человѣкъ не можетъ идти дальше гипотетическихъ схемъ и не въ состояніи представить себѣ послѣдній синтезъ съ такою же положительностью, съ какою представляетъ себѣ связь между явленіями, дающуюся въ болѣе точномъ знаніи. Разныя метафизическія системы находятся между собою въ состояніи борьбы за существованіе, и въ ней преуспѣваютъ лишь такія, которыя могутъ разсматриваться, какъ наиболѣе приспособленныя къ общей научной атмосферѣ даннаго времени: по мѣрѣ того, какъ научное знаніе будетъ идти все дальше и дальше впередъ, все болѣе и болѣе будутъ съуживаться самыя возможности возникновенія новыхъ метафизическихъ системъ. Задачу философіи Фуллье понимаетъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ предѣлахъ, доступныхъ человѣческому опыту, находить возможно бо́льшую связь между познаваемыми явленіями, дополняя, однако, при этомъ данныя опыта логическими соображеніями.

Къ числу чисто метафизическихъ теорій, которыя когда-либо имѣли большой кредитъ, слѣдуетъ, разумѣется относить и матеріализмъ, бывшій столь распространеннымъ въ серединѣ XIX в. Въ концѣ истекшаго столѣтія представители естественныхъ наукъ, сколько-нибудь знакомые съ философіей, уже стояли на той точкѣ зрѣнія, что матеріализмъ представляетъ собою такое же метафизическое ученіе, какъ и спиритуализмъ. Но если матеріализмъ могъ считаться преодолѣннымъ въ философіи и наукѣ, то въ широкихъ кругахъ интеллигенціи онъ продолжалъ имѣть еще весьма многочисленныхъ сторонниковъ. Нужно къ этому прибавить, что въ послѣднія десятилѣтія матеріалистическое міросозерцаніе значительно распространялось среди рабочихъ, усвоившихъ соціалистическія стремленія, въ особенности между сторонниками соціалъ-демократіи, именно, въ формѣ экономическаго матеріализма, который, конечно, не то же самое, что матеріализмъ метафизическій, но все-таки довольно къ нему близокъ. На то, наприм., что матеріализмъ въ Германіи продолжалъ пользоваться сочувствіемъ извѣстной части читающей публики, указываютъ появленіе въ 1898 г., за годъ до смерти Бюхнера, девятнадцатаго изданія его «Силы и матеріи» и успѣхъ, какимъ пользовались и еще нѣкоторые писатели родственнаго Бюхнеру направленія. Впрочемъ, представители матеріалистическаго міровоз-

зрѣнія, начиная съ самого же Бюхнера, большею частью въ разсматриваемый періодъ покидали старую позицію и становились,—хотя и не очень выдерживая послѣдовательность,—на точку зрѣнія или монизма, объявляющаго духъ и матерію лишь разными проявленіями одной и той же міровой сущности, или гилозоизма, какъ опредѣляютъ эту новую позицію ея критики, т.-е. воззрѣнія, оживотворяющаго матерію. Эта новая позиція настолько видоизмѣнила прежній матеріализмъ, что наиболѣе популярнаго въ концѣ XIX в. ея представителя, нѣмецкаго натуралиста Эрнста Геккеля, отдѣльные писатели называли то матеріалистомъ, то гилозоистомъ, то монистомъ, то пантеистомъ, то панпсихистомъ, хотя иногда и оговаривались о невыдержанности его точки зрѣнія (въ смыслѣ наклона все-таки въ сторону матеріализма).

Одною изъ особенностей матеріализма второй половины XIX в. нужно признать его гуманитарно-идеалистическій характеръ въ культурномъ отношеніи и либерально-прогрессивный въ отношеніи политическомъ. Единственнымъ крупнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила былъ Давидъ Штраусъ, одинъ изъ видныхъ представителей стараго лѣваго гегельянства, который въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ германскаго культуркампфа, обнародовалъ книгу подъ заглавіемъ «Старая и новая вѣра». Ея появленіе вызвало большую сенсацію въ публикѣ: ее много читали и быстро раскупали одно ея изданіе за другимъ. Въ этой книгѣ Штраусъ отстаивалъ необходимость дворянства и майоратовъ, нападалъ на идею гражданскаго равноправія, на всеобщую подачу голосовъ, на соціализмъ,—заявляя, напр., что «исторія всегда останется аристократкой»,—доказывалъ, что единственно возможная форма правленія для цивилизованныхъ націй есть монархія, защищалъ смертную казнь, возражалъ сторонникамъ вѣчнаго мира и т. п. Съ проповѣдью консервативныхъ идей «Старая и новая вѣра» соединяла, однако, убѣжденную защиту полной духовной свободы личности, свободу совѣсти, свободу мысли, свободу слова, да и самъ авторъ съ большою смѣлостью высказывалъ свои радикальныя идеи въ областяхъ философіи и религіи: «старой вѣрой» для него было христіанство, «новой вѣрой»—рѣшительный матеріализмъ, хотя и Штраусъ тоже старался истолковать его въ смыслѣ монизма, примиряющаго въ себѣ противоположныя точки зрѣнія матеріализма и спиритуализма.

И для метафизики съ наклономъ къ спиритуализму и для мате-

ріализма со всѣми оговорками въ монистическомъ смыслѣ было одинаково неблагопріятно дальнѣйшее развитіе, въ послѣдней трети XIX в., критицизма и позитивизма. Происшедшій еще раньше «поворотъ къ Канту» создалъ въ современной философіи очень распространенное и вліятельное теченіе, извѣстное подъ названіемъ «неокантіанскаго», отнюдь не бывшее, впрочемъ, опредѣленной школой, сколько-нибудь цѣльнымъ ученіемъ. Отрицая, вмѣстѣ съ кантовскимъ критицизмомъ, возможность метафизики, стремясь къ соглашенію своихъ идей съ выводами положительной науки и находясь потому въ большей или меньшей близости къ позитивизму, неокантіанцы почти во всемъ остальномъ занимали довольно-таки несходныя позиціи. Самымъ существеннымъ въ неокантіанствѣ,—при всемъ разногласіи въ нѣкоторыхъ даже очень важныхъ пунктахъ,—слѣдуетъ считать признаніе его представителями недоступности для человѣческаго познанія «вещи самой въ себѣ» и, слѣдовательно, ограниченіе познанія одними только «явленіями». Но это же было и основнымъ тезисомъ позитивизма, въ болѣе широкомъ смыслѣ не одного лишь ученія Конта: въ этомъ смыслѣ неокантіанскій критицизмъ, философски болѣе глубокій, и позитивизмъ, съ гносеологической точки зрѣнія болѣе догматическій и потому болѣе поверхностный, представляли собою довольно родственныя направленія, между которыми были своего рода переходныя ступени. Въ послѣднія десятилѣтія XIX в. выдвинулся впередъ цѣлый рядъ философовъ, поставившихъ своею задачею борьбу съ метафизикой съ точки зрѣнія гносеологическаго критицизма. Риль въ своемъ «Философскомъ критицизмѣ и его значеніи для положительной науки» (1876) ставилъ задачу создать научную философію, въ смыслѣ цѣльнаго міросозерцанія, которое основывалось бы на данныхъ и выводахъ положительной науки. Практическая философія, по его убѣжденію, должна ограничиваться областью нашихъ идеаловъ безъ какихъ бы то ни было изслѣдованій о томъ, что́ есть, и, слѣдовательно, дѣйствовать не аргументами, но вызывая въ людяхъ вѣру въ нѣчто лучшее, долженствующее быть осуществленнымъ дѣятельностью человѣка. Лаасъ въ своемъ «Идеализмѣ и позитивизмѣ» (1879—1884) тоже единственнымъ основаніемъ познанія признавалъ, въ сущности, опытъ въ научномъ смыслѣ. Въ томъ же направленіи писалъ и Авенаріусъ, обозначившій свою философію, какъ «эмпиріокритицизмъ», и ставившій ея задачею создать общую теорію опыта безъ какихъ бы то ни было гносеологическихъ предпосылокъ. Въ

«Критикѣ чистаго опыта» (1888—1890) онъ проводилъ, именно, ту мысль, что мы постоянно приближаемся къ «чистому опыту» по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе освобождаемся отъ всѣхъ понятій, которыя не заключаются въ самихъ данныхъ опыта. Въ другомъ своемъ сочиненіи, «Человѣческое понятіе о мірѣ» (1891), Авенаріусъ указалъ, гдѣ, по его мнѣнію, находится источникъ осложненій чистаго опыта: это—анимизмъ и вообще пониманіе человѣкомъ внѣшнихъ явленій по аналогіи съ самимъ собою. Чистымъ опытомъ онъ вообще признавалъ поэтому воспроизведеніе даннаго въ опытѣ безъ какихъ бы то ни было субъективныхъ примѣсей, хотя и оговаривался при этомъ, что къ такому опыту можно только приближаться, вполнѣ же его никогда нельзя достигнуть.

Нѣсколько отличную позицію занялъ нѣмецкій философъ Дюрингъ, авторъ, среди другихъ книгъ, «Курса философіи, какъ строго научнаго міровоззрѣнія» (1875). Своей системѣ онъ далъ названіе «философіи дѣйствительности», исходя изъ того положенія, что, вопреки критицизму, вся дѣйствительность можетъ быть принята нашимъ разумомъ, т.-е., что истинное познаніе усвояетъ дѣйствительность совершенно такою, какою она есть, какъ она непосредственно представляется человѣческому опыту, и что вздорная мечта—предполагать за нею еще что-то другое. Исходнымъ пунктомъ Дюринга было «возвращеніе къ Канту», но съ теченіемъ времени его мышленіе принимало все болѣе позитивистическій характеръ, и мало-по-малу онъ, даже сталъ въ самое рѣзкое отношеніе къ основному тезису критицизма, по которому знаніе обусловлено не только природою вещей, но и нашею собственною природою: понимать дѣйствительность нужно, по Дюрингу, не привнося въ нее ничего, что́ не извлекалось бы изъ нея самой.

Очень близко было и къ неокантіанскому критицизму, и къ позитивизму также направленіе самаго вліятельнаго философа второй половины XIX в., Герберта Спенсера, въ «синтетической философіи» котораго нашелъ наиболѣе полное свое выраженіе реалистическій эволюціонизмъ, особенно характеризующій міросозерцаніе послѣднихъ десятилѣтій XIX в. послѣ того, какъ великое открытіе Дарвина послужило могущественнымъ толчкомъ къ перестройкѣ всѣхъ нашихъ знаній о мірѣ по принципу «естественнаго развитія». Планъ своей «Системы синтетической философіи» Спенсеръ составилъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, а началъ осуществлять въ 1860 г., закончивъ этотъ главный

трудъ своей жизни только почти черезъ сорокъ лѣтъ. Въ предисловіи къ послѣднему тому «Системы» онъ даже заявилъ, что «самъ изумляется смѣлости своего предпріятія», но еще болѣе приходится изумляться другимъ и грандіозности замысла, и его выполненію, въ особенности неуклонности въ его осуществленіи, силѣ мысли, въ немъ проявленной, и необычайной энциклопедичности научныхъ знаній автора, который охватывалъ въ своемъ трудѣ и философію, и біологію, и психологію, и соціологію, и этику. Въ своихъ «Основныхъ Началахъ», составляющихъ первый отдѣлъ всей «Системы», Спенсеръ провелъ рѣзкую грань между областью доступнаго нашему познанію и тѣмъ, что онъ обозначилъ, какъ «Непознаваемое»: наше знаніе—относительно, и едва мы пытаемся мыслить что-либо безъ отношенія къ чему-нибудь другому, мы тотчасъ же впадаемъ въ совершенно неразрѣшимыя противорѣчія. Это «Непознаваемое», по Спенсеру, можетъ быть только предметомъ религіозной вѣры, въ качествѣ безконечной, но непостижимой силы, составляющей основу всего мірового процесса со всѣми его матеріальными и духовными явленіями, въ которыхъ философъ усматривалъ лишь отображенія «Непознаваемаго», хотя и считалъ себя въ правѣ изъ изученія эволюціи какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ явленій дѣлать заключеніе о существованіи нѣкотораго параллелизма между этими явленіями и свойствами самого «Непознаваемаго». Данную сторону философіи Спенсера чаще обозначаютъ терминомъ «агностицизмъ», какъ направленіе, родственное неокантіанству и позитивизму, самое же характерное въ этой философіи, построенной на научномъ фундаментѣ изъ научнаго матеріала и при помощи научнаго метода, это—объединяющій ее принципъ развитія, эволюціи. Историческое значеніе Спенсера заключается, именно, въ томъ, что онъ первый понялъ все великое значеніе эволюціонной точки зрѣнія и примѣнялъ ее, какъ всеобщій методъ, и первый же увидѣлъ, что этотъ методъ создаетъ новое воззрѣніе на человѣческую природу, новую науку о духѣ, новую науку объ обществѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «Система синтетической философіи», какъ единое цѣлое, отличающееся высшею степенью внутренняго единства и цѣльности, превзошла «Курсъ положительной философіи» Конта, не представляющаго такого единства и такой цѣльности. Одинъ и тотъ же законъ развитія, какъ процесса интеграціи, сопровождаемой дифференціаціей, т.-е. сплоченія бывшаго разрозненнымъ въ одно цѣлое и возрастанія

различія между его частями примѣнялся Спенсеромъ къ неорганической и къ органической природѣ и къ тому, что онъ назвалъ «надъ-органическимъ развитіемъ», т.-е. къ культурно-соціальной жизни человѣка.

Позитивно-эволюціонная точка зрѣнія, сдѣлавшаяся наиболѣе распространенною и вліятельною въ новѣйшей философіи, не могла, понятное дѣло, не отразиться на отношеніи философіи къ религіи и къ нравственности.

Философія была всегда великимъ полемъ исканій между двумя другими такими же полями исканій — религіей и наукой. На противоположныхъ концахъ поля философскихъ исканій есть области, гдѣ мышленіе соприкасается и даже сливается или съ религіозною вѣрою, или съ научнымъ знаніемъ, т.-е. гдѣ или философія дѣлается религіозной, а религія философской, или, напротивъ, философія—научной и наука философскою. Въ новѣйшей философіи, несомнѣнно, преобладаетъ тяготѣніе не въ сторону религіи, а въ сторону науки, и потому свои проблемы философія понимаетъ, ставитъ и стремится разрѣшить, какъ задачи знанія, а не какъ постулаты вѣры. Этимъ опредѣляется и ея основное отношеніе къ религіи, которая въ ней разсматривается, лишь какъ одно изъ явленій психической жизни человѣка и культурной жизни человѣчества. Другими словами, философія исторіи при такомъ пониманіи необходимо должна была превратиться въ психологію и въ исторію религій, какъ одного изъ естественныхъ проявленій духовной жизни на ряду съ другими ея проявленіями въ поэзіи, въ искусствѣ, въ философіи, въ наукѣ и т. п. Въ частности, неокантіанскія вѣянія проникли даже въ протестантскую теологію. Умершій въ 1889 г. богословъ Ричль, исходя изъ убѣжденія о невозможности и несостоятельности всякой метафизики, высказывался противъ какого бы то ни было вліянія метафизики на богословіе, основа котораго заключается въ вѣрѣ, а потому прямо предлагалъ устранить изъ него всѣ постулаты, или догматы соотвѣтственной категоріи. Благодаря Ричлю въ протестантской теологіи возникло даже цѣлое «ричліанское» теченіе. Прославившійся своими церковно-историческими изслѣдованіями лютеранскій профессоръ-богословъ Гарнакъ, авторъ «Исторіи догматовъ» (1885) и «Сущности христіанства» (1900), многими причисляемый къ ричліанству, за отверженіе церковной догматики пріобрѣлъ въ консервативныхъ кругахъ репутацію разрушителя вѣры и христіанства, хотя на самомъ

дѣлѣ не только оставался вѣрующимъ въ истинность Евангелія, но и рѣшительно протестовалъ противъ мнѣнія, приравнивающаго изученіе христіанскаго богословія къ изученію другихъ религій.

Гораздо дальше ричліанства, само собою разумѣется, шли изслѣдователи исторіи возникновенія и развитія христіанства, подходившіе къ нему безъ теологическихъ предпосылокъ. Такое изученіе началось еще раньше, особенно въ такъ называемой «тюбингенской школѣ», изъ которой въ серединѣ тридцатыхъ годовъ вышла уже упоминавшаяся нами раньше «Жизнь Іисуса» Давида Штрауса (будущаго автора «Старой и новой вѣры»). На ту же тему, что и Штраусъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ написалъ также книгу французскій ученый Ренанъ, изложившій потомъ въ рядѣ томовъ и дальнѣйшую исторію христіанства до середины II в. Къ той же категоріи относится книга парижскаго профессора исторіи религій Ревилля, вышедшая въ свѣтъ въ 1897 г. подъ заглавіемъ «Іисусъ Назарянинъ». Книги Штрауса, Ренана и Ревилля были историческими трудами очень неравнаго научнаго и литературнаго достоинства, далеко не стоявшими, притомъ, особнякомъ въ современной исторіографіи. Наконецъ, весьма показательный характеръ имѣли нѣкоторые труды, заключавшіе въ себѣ теоретическія разсужденія о религіи, въ родѣ «L'irrèligion de l'avenir» Гюйо (1888). Для автора этой книги «религія будущаго» столь же невозможна, какъ алхимія будущаго или астрологія будущаго, и потому онъ считалъ позволительнымъ говорить лишь о «нерелигіозности» или «безрелигіозности» будущаго, прося, впрочемъ, отнюдь не понимать ее въ смыслѣ антирелигіозности, ибо и въ будущемъ сохранится изъ религіознаго чувства то, что въ немъ есть наиболѣе чистаго: съ одной стороны, удивленіе передъ Космосомъ и безконечностью его силъ, а съ другой, исканіе идеала, превышающаго наличную дѣйствительность. Гюйо находилъ, что отсутствіе позитивности и догматичности есть та форма, къ которой стремятся всѣ отдѣльныя религіи, ибо почти всѣ онѣ все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ противонаучныхъ утвержденій и отъ подчиненія индивидуальной совѣсти преданію: дальнѣйшіе шаги въ развитіи религіи всегда дѣлались въ направленіи большей умственной независимости, менѣе буквальнаго пониманія, менѣе узкаго догматизма и болѣе свободнаго умозрѣнія. Другими словами, Гюйо предсказывалъ въ будущемъ «религіозную аномію», «религіозный индивидуализмъ» и съ этой точки зрѣнія возражалъ авторамъ

«религій будущаго», которые пророчили унификацію религіи, т.-е. приведеніе всѣхъ вѣрованій къ единству, тогда какъ слѣдуетъ ожидать «будущей множественности вѣрованій»: общность и единство даже неосуществимы въ метафизикѣ и морали, потому что неразрѣшимость и непознаваемость основныхъ вопросовъ бытія и долженствованія, имѣющихъ столь важное значеніе въ религіи, всегда будетъ приводить къ разнообразію мнѣній.

Въ области этики научная философія, отрѣшившаяся отъ всякихъ соображеній о «потустороннемъ», т.-е. отъ теологическихъ и метафизическихъ предпосылокъ, должна была искать новыхъ принциповъ и новыхъ пріемовъ въ дѣлѣ изслѣдованія происхожденія и основаній нравственнаго чувства. Въ началѣ разсматриваемаго періода громадною популярностью пользовался утилитаризмъ, т.-е. теорія нравственности, обосновывающая ее на понятіи пользы, какъ эта мысль была развита въ книгѣ Милля «Utilitarianism», появившейся въ 1861 г. Мало-по-малу, однако, утилитаристическая точка зрѣнія Милля уступила мѣсто эволюціонистической Герберта Спенсера. Уже Контъ ввелъ въ обиходъ позитивистической этики понятіе «альтруизма» (любви къ другому), въ качествѣ фактора поведенія, противоположнаго эгоизму, и этимъ эволюціонизму была поставлена задача объяснить генезисъ альтруизма. Если утилитаристы полагали возможнымъ выводить альтруизмъ изъ эгоизма же, не выступая изъ предѣловъ индивидуальнаго сознанія, то Спенсеръ перевелъ данный вопросъ съ индивидуально-психологической почвы на почву развитія коллективной, т.-е. видовой и соціальной жизни, показавъ, что моральные стимулы, не могущіе, въ сущности, быть выведенными изъ эгоизма, или стремленія къ личному благополучію, наоборотъ, вполнѣ выводимы изъ условій и требованій жизни коллективной. Эта теорія должна была привести къ признанію за моральными инстинктами или принципами врожденности и интуитивнаго характера въ силу дѣйствія фактора біологической наслѣдственности, что, въ свою очередь, и придаетъ моральнымъ требованіямъ видимость апріорности, но по отношенію лишь къ индивидуальной, отнюдь не видовой и соціальной жизни. На эволюціонную же точку зрѣнія сталъ и Гюйо въ своемъ «Очеркѣ морали безъ долга и санкціи» (1890), въ которомъ, однако, выводилъ мораль не изъ дарвиновскаго естественнаго подбора и не изъ спенсеровскаго приспособленія къ жизненнымъ отношеніямъ,—вообще не изъ внѣшнихъ вліяній среды,—а изъ внутреннихъ стремленій человѣческой пси-

хики. Гюйо поставилъ своею задачею изслѣдовать, чѣмъ была бы и докуда могла бы идти мораль, въ которой не было бы ни малѣйшаго мѣста для предвзятаго мнѣнія. Если, по его мнѣнію, большинство философовъ, даже утилитаристы, эволюціонисты и позитивисты, не могли вполнѣ рѣшить такую задачу, то потому, что желали сдѣлать свою раціональную мораль болѣе или менѣе адэкватною морали обыкновенной: «когда наука ниспровергла догматы разныхъ религій, она вовсе не претендовала ни замѣнить ихъ всѣ, ни тотчасъ же доставить религіозному чувству опредѣленный предметъ, опредѣленную пищу, — положеніе науки по отношенію къ морали совершенно такое же, какъ и по отношенію къ религіи». Исходнымъ пунктомъ самого Гюйо было понятіе возможно болѣе интенсивной и экстенсивной жизни. Въ жизни царитъ борьба за существованіе, и мечтою моралистовъ являлось всегда какъ можно болѣе ее сократить, откуда и вытекалъ призывъ къ высшему закону, стоящему надъ самою жизнью, къ сверхъ-естественному. Французскій философъ рѣшительно отказывался отъ этого со всѣми другими представителями реалистической этики, дабы упорядочивать жизнь самою же жизнью, которую онъ понималъ въ наиболѣе широкомъ смыслѣ дѣятельности человѣческаго существа, взятаго въ обществѣ себѣ подобныхъ. Всестороннее развитіе жизни, общеніе съ другими и воспитаніе въ себѣ способности къ этому общенію,—вотъ, по Гюйо, въ чемъ вся этика, долгъ же есть не что иное, какъ выраженіе силы или избытка жизни, требующаго себѣ примѣненія въ самопожертвованіи и великодушіи безъ всякаго принужденія или внѣшней необходимости.—Изъ того же понятія полноты жизни, но чтобы придти совсѣмъ къ другому выводу, исходилъ и сдѣлавшійся моднымъ въ концѣ XIX в. нѣмецкій философъ Ницше. Его собственный идеалъ отличался большою неясностью, но основу его составлялъ крайній индивидуализмъ, напоминающій Макса Штирнера, индивидуализмъ совершенно анархистскій, причемъ анархизмъ Ницше отличался аристократичностью и пренебрежительнымъ отношеніемъ къ демократическому равенству съ его соціальными стремленіями. Подобно Гюйо, Ницше былъ проповѣдникомъ культа жизни, свободнаго проявленія ея инстинктовъ, ея расширенія и распространенія, развитія и мощи; только ницшеанскій «сверхчеловѣкъ» менѣе всего подходилъ подъ нравственный идеалъ Гюйо. Ради удовлетворенія требованіямъ инстинктовъ жизни Ницше прославлялъ то, что самъ же называлъ силою лжи, раз-

умѣя подъ этимъ стремленіе къ выдуманному нами самими, но зато гармонирующему съ запросами нашей души: нужно жить инстинктами, аффектами, внушеніями воли, игрой воображенія, а не разумомъ, ихъ ограничивающимъ и разрушающимъ, какъ это дѣлалось съ самаго же начала культуры, превратившей человѣка въ болѣзненное, само себя отвергающее существо. Въ этомъ призывѣ заключался такъ называемый «аморализмъ» Ницше. Какъ бы ни были несогласны между собою, въ самыхъ основныхъ пунктахъ своихъ теорій, новѣйшіе философы, разрѣшавшіе этическую проблему, они всегда болѣе или менѣе сходились въ своемъ пониманіи положительныхъ требованій этическаго идеала, каковы альтруизмъ и подчиненіе общественнымъ цѣлямъ, тогда какъ Ницше усумнился во внутренней цѣнности всѣхъ общепринятыхъ нравственныхъ понятій, объявивъ ихъ не только условными, но даже ложными и вредными. «Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей», критика всѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, о правдѣ и лжи была своеобразною точкою зрѣнія философа, особенно поразившею воображеніе современниковъ. Въ сущности, это было ниспроверженіемъ всей традиціонной морали: поскольку этика въ своихъ положительныхъ требованіяхъ совпадаетъ съ общимъ духомъ христіанства, Ницще называлъ ее «моралью рабовъ», самъ же онъ проповѣдовалъ «мораль господъ» съ ея «волею къ власти».

Совершенно особую позицію въ вопросахъ этики занялъ экономическій матеріализмъ, видящій во всякой «идеологіи», а слѣдовательно, и въ этикѣ простую «надстройку», и притомъ чисто классовую «надстройку» надъ экономическимъ «базисомъ» общества. Экономическіе матеріалисты вообще стремились «выводить сознаніе изъ бытія» и все объяснять классовыми интересами, откуда для послѣдовательныхъ сторонниковъ этого ученія вытекала логическая необходимость отрицать возможность какой бы то ни было общечеловѣческой этики. Впрочемъ, среди самихъ послѣдователей этого ученія за послѣднее время стало обнаруживаться стремленіе внести въ этику соціализма деонтологическую основу — въ противорѣчіи, конечно, съ самою сущностью экономическаго матеріализма, обосновывающаго соціализмъ не на принципахъ общечеловѣческой этики, а на классовомъ сознаніи пролетаріата [1]).

---

[1]) Соціалисты другихъ направленій ставили и рѣшали этическую проблему гораздо правильнѣе.

Изъ этики новѣйшая философія сдѣлала психологическую и соціологическую проблему, рѣшеніе которой должно происходить, какъ и всякой другой научной проблемы, безъ какихъ-либо метафизическихъ предпосылокъ. Лишь на такой почвѣ должна, съ позивитивной точки зрѣнія, вестись и критика такихъ исключительныхъ взглядовъ, какими являются анархическое ницшеанство и «классовая» теорія экономическаго матеріализма. Дальнѣйшее развитіе психологіи и соціологіи опредѣлятъ собою и будущее позитивистической этики.

Подъ вліяніемъ общаго поворота философіи отъ метафизики къ наукѣ совершилась въ послѣднія десятилѣтія XIX в. и полная перестройка психологіи, оставившей безплодные споры о сущности души, чтобы заняться исключительно изученіемъ душевныхъ явленій. Еще въ серединѣ XIX в. открытія въ области физіологіи нервныхъ процессовъ и органовъ чувствъ тѣсно связали психологію съ естествознаніемъ, и около 1860 г. было положено начало особой научной дисциплинѣ, получившей названіе «психофизики». Позднѣе Вундтъ ввелъ въ самоё психологію экспериментальный методъ, хотя, съ другой стороны, и протестовалъ—совершенно правильно — противъ превращенія психологіи въ спеціальную главу физіологіи. Вообще дѣятельность Вундта, какъ психолога, начавшаяся еще въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ («Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ», 1863), лучше всего можетъ охарактеризовать переворотъ, совершившійся въ психологіи за послѣднія десятилѣтія XIX в. Психологія Вундта есть наука о душевныхъ явленіяхъ, а не о сущности души. Онъ даже отвергъ, какъ излишнее для цѣлей изслѣдованія, понятіе о субстанціональности души, дабы сосредоточить все свое вниманіе на душевной дѣятельности, на психической активности: такая замѣна субстанціальнаго понятія актуальнымъ дала поводъ обвинять вундтовскую «психологію безъ души» въ матеріализмѣ, отъ котораго самъ философъ былъ очень далекъ. Не малый соблазнъ производило и то, что Вундтъ заговорилъ о «душѣ» также у животныхъ. Очень рано, наконецъ, онъ сталъ расширять область психологіи не только въ сторону зоологіи, но и въ сторону соціологіи—въ смыслѣ изученіи психической жизни не только индивидуумовъ, но и цѣлыхъ общежитій, мысль о чемъ еще раньше (въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ) была высказана иниціаторами «психологіи народовъ», Лацарусомъ и Штейнталемъ.

Что касается до соціологіи, то все ея развитіе, можно ска-

зать, произошло въ послѣдней трети XIX в., въ теченіе которыхъ метафизическіе исходные пункты и пріемы мысли все болѣе и болѣе исчезали изъ всѣхъ вообще соціальныхъ наукъ и въ особенности изъ общей теоріи права, раньше всегда бывшей наиболѣе «метафизическою» въ этой категоріи наукъ. Передъ 1870 г. соціологической литературы почти не существовало, но къ началу новаго столѣтія она достигла на разныхъ языкахъ громадныхъ размѣровъ; въ нѣкоторыхъ странахъ возникли спеціальные періодическіе органы для соціологіи въ видѣ журналовъ и ежегодниковъ, стали образовываться соціологическія общества и собираться международные съѣзды соціологовъ, и новая наука начала дѣлаться также предметомъ академическаго преподаванія. Въ самой соціологіи за это время успѣли обозначиться разныя направленія. Два изъ нихъ сходились въ томъ, что строили соціологію непосредственно на біологіи, съ тѣмъ различіемъ, что одно исходило изъ уподобленія общества индивидуальному организму («органицизмъ» Спенсера, Лиліенфельда, Шэффле и др.), другое—изъ отожествленія законовъ, управляющихъ жизнью общества, съ законами видовой жизни организмовъ («дарвинистическое» направленіе). Оба эти направленія стали, однако, вытѣсняться третьимъ, которое можно назвать психологическимъ. Что соціологія должна основываться непосредственно не на біологіи, а на психологіи, это еще много раньше высказывалось критиками «іерархіи наукъ» Конта, ставившаго соціологію непосредственно за біологіей, но старая, чисто индивидуальная психологія не могла служить базисомъ для соціологіи. Еще въ шестидесятыхъ годахъ въ нѣмецкой наукѣ была высказана мысль о необходимости коллективной психологіи, которая изучала бы человѣка, взятаго не особнякомъ, но сначала эта мысль получила (въ только-что упоминавшейся «психологіи народовъ») одностороннее направленіе, такъ какъ предметомъ изученія было сдѣлано въ ней не психическое взаимодѣйствіе, происходящее въ обществѣ, а только его результаты, да и то лишь въ области духовной культуры, съ исключеніемъ явленій въ сферахъ государственной, правовой и хозяйственной жизни народовъ. Болѣе новые соціологи поставили вопросъ о психизмѣ соціальной жизни, наоборотъ, по отношенію ко всей совокупности человѣческихъ взаимодѣйствій, совершающихся въ жизни общества. «Органицисты» и «дарвинисты» были слишкомъ склонны разсматривать историческій процессъ, какъ чисто органическую, «спон-

танейную», безличную эволюцію, подобную процессу развитія любого организма или біологическаго вида, и тѣмъ устраняли изъ соціологіи или затушевывали въ ней явленія дѣйственности, преднамѣренности и планомѣрности. Къ концу XIX в. въ соціологіи все рѣшительнѣе начала брать перевѣсъ психологическая точка зрѣнія, встрѣтившая, однако, въ послѣднее десятилѣтіе XIX в., сильную конкурренцію въ экономическомъ матеріализмѣ.

О происхожденіи этого послѣдняго направленія у насъ уже было сказано въ другомъ мѣстѣ. Какъ чисто соціологическое ученіе, призванное объяснить исторію человѣчества изъ одного принципа, эта теорія заставила о себѣ говорить довольно поздно, когда у нея явился цѣлый рядъ послѣдователей, занявшихся пропагандою ея и примѣненіемъ къ пониманію отдѣльныхъ періодовъ исторіи. Экономическій матеріализмъ сталъ распространяться и породилъ цѣлую литературу въ Германіи, въ Италіи, въ Россіи и др. странахъ только въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. Главными представителями этого соціологическаго ученія выступили теоретики и историки германской соціалъ-демократіи, какъ-то Каутскій, Мерингъ и др. Вообще въ это время экономическій матеріализмъ появился на исторической сценѣ, какъ оффиціальное исторіологическое ученіе соціалъ-демократіи. Въ сущности, имъ вовсе не обосновывались ни теорія цѣнности Маркса, ни практическія требованія партіи, и тѣмъ не менѣе вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ въ большинствѣ случаевъ подвергался обсужденію въ связи съ правотой или неправотой соціалъ-демократіи, ибо защитники экономическаго матеріализма прямо объявили его существенною принадлежностью «пролетарской идеологіи», какъ бы полагая, что это—высшее доказательство его истинности. Между тѣмъ, начавшаяся около 1890 г. разработка теоріи мало-по-малу привела самихъ же ея сторонниковъ къ такимъ взглядамъ, которыми подрывалась самая суть всего этого ученія. Съ другой стороны, далеко и не всѣ соціалисты принимали точку зрѣнія экономическаго матеріализма. Наконецъ, и Бернштейнъ, родоначальникъ «ревизіонистскаго» раскола въ германской соціалъ-демократіи, о которомъ уже шла рѣчь въ другомъ мѣстѣ, тоже подвергъ критикѣ основныя идеи экономическаго матеріализма. Къ какимъ выводамъ приводитъ послѣдовательное развитіе теоріи, мы можемъ видѣть изъ сдѣланнаго выше указанія на ея отношеніе къ этической проблемѣ: это внушило нѣкоторымъ ея сторонникамъ мысль о необходимости

возвращенія къ Канту, и къ сказанному нужно еще прибавить, что въ поискахъ за философскимъ обоснованіемъ своего ученія экономическіе матеріалисты пробовали возвращаться не только къ Канту, но и къ Гегелю, и къ метафизическому матеріализму, какъ пробовали также истолковывать въ свою пользу новѣйшія теченія мысли, въ родѣ «эмпиріокритицизма» Авенаріуса. Во всякомъ случаѣ, экономическій матеріализмъ былъ наиболѣе энергично и шумно проявлявшимъ себя въ исходѣ XIX в. направленіемъ соціологической мысли, хотя это характерное явленіе объясняется не столько теоретическими достоинствами самого ученія,—каковыхъ въ другихъ направленіяхъ гораздо больше,—а его связью съ практическимъ марксизмомъ, достигшимъ столь великихъ успѣховъ въ разныхъ странахъ въ концѣ XIX в.

Взятый исключительно, какъ соціологическая теорія, экономическій матеріализмъ, конечно, долженъ быть подведенъ подъ категорію ученій позитивистическихъ,—не даромъ же марксизмъ называетъ себя «научнымъ» соціализмомъ,—и, какъ направленіе, спеціально разрабатывающее одну изъ сторонъ общественной жизни, онъ войдетъ въ общій соціологическій синтезъ наравнѣ съ другими направленіями, изучающими остальныя ея стороны.

Закончимъ эту главу краткимъ указаніемъ на то, что въ свое время и изящная литература также испытала на себѣ большое вліяніе позитивизма: между нимъ и тѣмъ, что въ литературѣ получило названіе реализма, или натурализма, существуетъ такое же внутреннее сродство, какое когда-то было между идеалистической философіей и романтизмомъ. Родоначальникъ позитивизма, остававшійся при жизни малозамѣченнымъ, сталъ оказывать вліяніе много спустя послѣ своей смерти, но то же самое, т.-е. малая извѣстность при жизни и огромная популярность впослѣдствіи наблюдаются также въ отношеніи къ родоначальникамъ новаго литературнаго направленія Бейлю (Стендалю) и Бальзаку, писателямъ еще первой половины XIX в., вошедшимъ въ моду лишь во второй его половинѣ, одновременно съ болѣе молодыми Флоберомъ и Гонкурами, авторами романовъ, написанныхъ въ строго-реалистическомъ духѣ. Основною особенностью новой школы было вообще устраненіе изъ романа всякаго идеализма и субъективизма, т.-е. преклоненіе передъ фактическою дѣйствительностью съ ея детерминизмомъ, нерѣдко принимавшимъ у этихъ писателей фаталистическую окраску. Въ семидесятыхъ годахъ новое направленіе нашло своего теоретика и

въ своемъ родѣ законодателя въ лицѣ Эмиля Зола. Какъ теоретикъ, въ частности, романа, Зола требовалъ отъ художника подчиненія тѣмъ же правиламъ, какія существуютъ для науки: романистъ, по его мнѣнію, долженъ воспроизводить явленія жизни, строго придерживаясь дѣйствительности и воздерживаясь отъ всякаго эмоціональнаго субъективизма, по совѣту Спинозы «не радоваться и не плакать, а только понимать». Зола говорилъ не только о реализмѣ или натурализмѣ въ искусствѣ, но даже объ «экспериментальномъ романѣ», въ чемъ сказалось прямое увлеченіе экспериментальнымъ методомъ естествознанія. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ предпринялъ цѣлую серію романовъ, составляющую «естественную исторію» одного семейства (Ругонъ-Маккаровъ) съ примѣненіемъ къ нему вычитанныхъ изъ книгъ по физіологіи и патологіи свѣдѣній о наслѣдственной передачѣ физическихъ и психическихъ свойствъ, т.-е. романистъ ставилъ здѣсь себѣ если не научную, то наукообразную задачу разрѣшенія вопросовъ о средѣ, наслѣдственности и личномъ темпераментѣ. Въ этомъ дѣлѣ онъ считалъ себя настоящимъ изслѣдователемъ «человѣческихъ документовъ» и старался быть документальнымъ до полной протокольности въ описаніяхъ своихъ всего обихода человѣческой жизни включительно до всякой житейской грязи. Въ общемъ литературная теорія Зола («золаизмъ», какъ ее называли) имѣла, такимъ образомъ, позитивистическій характеръ.

Въ литературной критикѣ еще раньше, нежели Зола, аналогичные взгляды высказывалъ Ипполитъ Тэнъ. Это тоже былъ позитивистъ, раздѣлявшій реалистическіе принципы Конта и Милля. Въ нашемъ человѣческомъ мірѣ Тэнъ, по собственнымъ его словамъ, признавалъ лишь одно достойнымъ разумнаго существа—отдаваться съ энтузіазмомъ изслѣдованію истины. Для него какъ литературная, такъ и вообще художественная критика должна была быть прежде всего научною: дѣло не въ томъ, чтобы передавать свои субъективныя впечатлѣнія отъ произведеній поэзіи и искусства, а въ томъ, чтобы понимать психологію авторовъ и объяснять ихъ произведенія вліяніями «расы, среды и историческаго момента». Поэтому отъ критика Тэнъ требовалъ такого же хладнокровнаго отношенія къ своему предмету, какое, наприм., проявляетъ ученый ботаникъ къ гербарію, потому что исторія и критика въ дѣлѣ изученія литературы и искусства—только продолженіе работы естествоиспытателя надъ явле-

ніями природы. Извѣстно, впрочемъ, что Тэнъ, къ сожалѣнію, не выдержалъ объективнаго тона, когда послѣ войны и коммуны сдѣлался историкомъ французской революціи въ направленіи, снискавшемъ ему, считавшемуся раньше опаснымъ вольнодумцемъ въ вопросахъ религіи и философіи, расположеніе въ наиболѣе консервативныхъ кругахъ французскаго общества.

XXXIX. Главнѣйшія проявленія исторической жизни внѣ Стараго Свѣта въ XIX в.

Исторія Европы и другихъ частей свѣта въ XIX в. — Особая роль англо-саксонской расы въ исторіи.—Образованіе въ Америкѣ самостоятельныхъ государствъ.—Культурная отсталость романской Америки.—Колоніальная система Англіи.—Быстрое развитіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и ихъ демократическаго строя. — Сѣверо-американское междоусобіе и негритянскій вопросъ. — Сѣверо-американскій имперіализмъ. — Новыя формы политической жизни въ англійскихъ колоніяхъ Австраліи.

Все предыдущее изложеніе было посвящено почти исключительно европейской исторіи. Въ обзорахъ международныхъ отношеній и экономическаго развитія только къ концу намъ пришлось затронуть такъ называемую міровую политику и міровую торговлю, въ обзорахъ же исторіи разныхъ политическихъ, національныхъ, соціальныхъ и идейныхъ движеній и перемѣнъ мы совсѣмъ не выходили изъ предѣловъ нашей части свѣта. Какъ-никакъ, Европа издавна была главнымъ театромъ исторической жизни. Своею колонизаціею, торговлею и военною дѣятельностью европейскіе народы подчинили своей власти и вліянію другія части свѣта. Весь Новый Свѣтъ, подъ которымъ нужно разумѣть не только Америку, но и Австралію, населенъ преимущественно европейцами, и здѣсь колоніи европейскихъ націй или самостоятельныя государства являются лишь расширеніемъ Европы, ея продолженіемъ. Мы видѣли, далѣе, какъ къ концу XIX в. Африка оказалась почти цѣликомъ раздѣленною между европейскими государствами, именно, между Англіей, Германіей и Франціей. Наконецъ, и въ большей части Азіи непосредственно господствуютъ европейскія державы, преимущественно Англія и Россія, раздѣлившія еще между собою сферы вліянія въ Персіи, пре-

вратившія Афганистанъ въ «государство-буфферъ» и т. п. Въ самомъ концѣ XIX в. и старая Небесная имперія подверглась своего рода раздѣлу между главнѣйшими европейскими государствами, получившими въ ней концессіи и тоже разграничившими здѣсь сферы своего вліянія. Въ смыслѣ развитія матеріальной культуры тоже Европа,—а внѣ ея Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты со своимъ населеніемъ европейскаго происхожденія,—стояла впереди остальныхъ частей свѣта. Не-европейскіе народы, обнаруживающіе способность и склонность къ развитію, начинаютъ принимать европейскую культуру, поразительный примѣръ чего представляетъ собою Японія, въ какую-нибудь треть вѣка выросшая въ цивилизованную націю и даже въ крупную политическую силу.

Въ самой исторіи Европы истекшаго вѣка намъ пришлось говорить объ отдѣльныхъ странахъ далеко не равномѣрно. Въ исторіи международныхъ отношеній за XIX столѣтіе у насъ должны были стоять на первомъ планѣ такъ называемыя великія державы, составлявшія «пентархію», пока во второй половинѣ XIX в. къ нимъ не присоединилась шестая въ лицѣ объединенной Италіи. Это были Англія, Франція, Австрія (съ 1867 г. Австро-Венгрія), Пруссія (съ 1871 г. Германская имперія), Россія и съ 1861 г. Италія, по сравненію съ которыми другія государства были второстепенными, ихъ роли незначительными. Далѣе, въ такъ называемой внутренней исторіи намъ пришлось еще болѣе съузить кругъ націй, политическія событія и культурныя явленія въ которыхъ должны были особенно привлекать къ себѣ наше вниманіе. Наиболѣе важныя политическія, соціальныя и идейныя движенія, такъ сказать, сосредоточившія въ себѣ все культурное содержаніе XIX в., происходили, главнымъ образомъ, въ жизни англійской, французской и нѣмецкой націй, всегда шедшихъ впереди другихъ, оказывавшихъ наибольшее вліяніе на нихъ и вырабатывавшихъ новыя идеи и новыя формы жизни, которыя уже потомъ распространялись и въ другихъ странáхъ. Во главѣ цивилизаціи шла съ эпохи ренессанса Западная Европа, но Западная Европа, это—преимущественно англичане, французы, нѣмцы. Конечно, и ихъ роль была далеко не одинакова какъ въ разныхъ сферахъ жизни, такъ и въ разные періоды XIX в., и далеко не одинаковы были ихъ вклады въ общую сокровищницу цивилизаціи. Есть, однако, одна сторона, благодаря которой одна изъ названныхъ націй занимаетъ по сравненію съ другими

единственное въ своемъ родѣ мѣсто въ исторіи. Эта нація—англичане, ея особенность—та, что названная нація, или, какъ въ данномъ случаѣ принято выражаться, «англо-саксонская раса», въ лицѣ своихъ представителей въ Новомъ Свѣтѣ, широко развивала и тамъ передовыя начала европейской цивилизаціи.

Остановимся сначала вообще на исторіи Америки въ XIX в. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ этой части свѣта было только одно самостоятельное государство, въ то время очень еще небольшое, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, которые, притомъ, въ 1800 г. едва лишь насчитывали четверть вѣка существованія. Всѣ остальныя части материка и лежащіе около него острова, какіе только были заняты европейцами, представляли собою зависимыя отъ европейскихъ метрополій колоніи. Наоборотъ, въ концѣ столѣтія почти вся Америка состояла уже изъ самостоятельныхъ государствъ, а колоніи были теперь уже исключеніемъ, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ являются англійскія владѣнія къ с. отъ Соединенныхъ Штатовъ. Эта перемѣна произошла еще въ началѣ XIX в. и находилась въ связи съ тогдашними политическими событіями въ Европѣ, т.-е. съ наполеоновскими войнами. Въ 1808—1814 гг. испанскія колоніи въ Америкѣ не желали признавать ни Іосифа Бонапарта, посаженнаго Наполеономъ на испанскій престолъ, ни кортесовъ, составившихъ знаменитую конституцію 1812 г., когда же въ 1814 г. произошла въ метрополіи реставрація Бурбоновъ, то не захотѣли вернуться вообще въ подчиненное положеніе, нѣсколько лѣтъ пробывъ фактически независимыми, ибо, благодаря господству англійскаго флота на моряхъ, тогда почти совсѣмъ прекратились сношенія между Испаніей и ея американскими колоніями. Европейское вмѣшательство въ американскія дѣла, задуманное-было иниціаторомъ Священнаго союза, не состоялось, и въ началѣ двадцатыхъ годовъ первою Англія признала независимость американо-испанскихъ республикъ. Въ эту же эпоху изъ принадлежавшей португальцамъ Бразиліи также образовалось самостоятельная имперія, бывшая потомъ, почти до самаго конца XIX в., единственнымъ монархическимъ государствомъ во всей Америкѣ. Дѣло въ томъ, что когда въ 1807 г. Наполеонъ, объявивъ, что «Браганцкій домъ пересталъ царствовать въ Португаліи», началъ завоеваніе этой страны, ея король, Іоаннъ VI, съ своимъ семействомъ уѣхалъ въ Бразилію, гдѣ остался жить и послѣ того, какъ Португалія освободилась отъ французовъ при крушеніи наполеоновской

имперіи. Во время португальской революціи 1820 г. и Бразилія потребовала себѣ конституцію. Король обѣщалъ бразильцамъ дать ту же самую конституцію, какая будетъ выработана лиссабонскими кортесами, и уѣхалъ въ Европу, оставивъ правителемъ Бразиліи сына своего донъ-Педро. Подобно Мексикѣ, Колумбіи, Перу, Чили и пр., не захотѣвшимъ оставаться подъ властью Испаніи, и Бразилія также отложилась отъ своей метрополіи (1822). Въ 1889 г. въ этой странѣ произошелъ переворотъ, превратившій ее въ федеративную республику, такъ что къ концу XIX в. въ Америкѣ безусловно восторжествовалъ республиканскій принципъ, причемъ республики бо̀льшаго размѣра приняли федеративное устройство по образцу Соединенныхъ Штатовъ, хотя безъ ихъ демократизма. Бразилія, республиканская конституція которой была принята въ 1891 г., даже носитъ названіе Соединенныхъ Штатовъ Бразиліи. Федеративное устройство—и тоже по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—получила еще раньше (1824) и Мексика съ соотвѣтственнымъ названіемъ (los Estados Unidos Mexicanos), и только на время, въ шестидесятыхъ годахъ, она по милости Наполеона III превращалась въ эфемерную имперію австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Федеративное устройство приняла, равнымъ образомъ, и Аргентина.

Внутренняя исторія всѣхъ этихъ республикъ романской Америки не представляетъ большого интереса: это — исторія возстаній, междоусобій, государственныхъ переворотовъ, военныхъ диктатуръ и т. п. И въ культурномъ отношеніи романская Америка носитъ на себѣ признаки отсталости, характеризующей, впрочемъ, и жизнь старыхъ метрополій—Испаніи и Португаліи. Испанская нація не только растеряла свои колоніи, но и не съумѣла, въ лицѣ бывшихъ своихъ колонистовъ, наладить политическую и культурную жизнь во всѣхъ этихъ новыхъ республикахъ. Совсѣмъ иное зрѣлище представляютъ собою, наоборотъ, колоніи англо-саксонской расы.

Отпаденіе отъ Англіи, въ 1776 г., части ея владѣній въ Сѣверной Америкѣ, какъ извѣстно, послужило для метрополіи большимъ урокомъ, и въ XIX столѣтіи Англія не только не теряла колоній, но все больше и больше, наоборотъ, расширяла свою колоніальную имперію, привязывая къ себѣ свои заморскія владѣнія со сколько-нибудь значительнымъ населеніемъ европейскаго происхожденія распространеніемъ на нихъ широкой автономіи. Оберегая могу-

щественнымъ флотомъ свои колоніи, Англія въ нихъ самимъ почти не держитъ войска, кромѣ, конечно, наприм., Индіи съ многомилліоннымъ туземнымъ населеніемъ. Во внутреннее управленіе колоній она тоже вмѣшивается очень мало или и вовсе не вмѣшивается, въ однѣ назначая только губернаторовъ, дѣйствующихъ рядомъ съ выборными законодательными собраніями, другія отдавая въ распоряженіе настоящихъ мѣстныхъ парламентовъ съ отвѣтственными передъ ними министерствами, хотя и здѣсь имѣя также губернаторовъ съ правомъ «veto» чисто, однако, теоретическаго свойства. Такое вполнѣ автономное устройство получили обширное «владѣніе» (Dominion) къ сѣверу отъ Соединенныхъ Штатовъ (въ основу котораго легла Канада) и Ньюфаундлендъ, оба въ Америкѣ, далѣе Капландъ въ Южной Африкѣ, наконецъ Австралія. Широкая автономія этихъ колоній, фактически превратившихся въ своего рода республики, не мѣшала имъ всегда чувствовать себя членами одного великаго цѣлаго подъ общей гегемоніей Англіи и безъ той федераціи, какую изъ метрополіи и колоній хотѣли бы создать англійскіе имперіалисты конца XIX в., какъ о томъ уже была рѣчь выше. Въ 1887 и 1897 гг. по случаю золотого и брилліантоваго юбилеевъ королевы Викторіи происходили въ Лондонѣ съѣзды премьеръ-министровъ автономныхъ колоній Англіи, и на этихъ съѣздахъ поднимался вопросъ объ образованіи имперской федераціи и общаго таможеннаго союза, но эта идея не нашла сочувствія въ колоніяхъ, желавшихъ сохранить экономическую самостоятельность и потому удержать у себя покровительственныя пошлины, необходимыя для молодой промышленности колоній.

Французская колоніальная система была полною противоположностью англійской. Французы переселялись въ колоніи всегда въ очень ограниченномъ числѣ, и, кромѣ Канады, получившей французское населеніе въ старыя времена, но утраченной еще въ XVIII в., нигдѣ не основывали большихъ поселеній. Съ другой стороны, въ управленіи своими колоніями Франція всегда придерживалась чисто бюрократическихъ порядковъ. Широкая общественная свобода, господствующая въ англійскихъ законахъ и въ самыхъ нравахъ англичанъ, переселялась съ англійскими эмигрантами за моря, въ дѣвственныя страны Сѣверной Америки, Южной Африки, Австраліи, и здѣсь свободная жизнь порождала новыя, прогрессивныя формы общественнаго быта.

Изъ всѣхъ англо-саксонскихъ политическихъ организмовъ

внѣ Европы, конечно, наибольшее историческое значеніе имѣютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты [1]). Эта великая республика была первымъ государствомъ, въ которомъ нашли свое осуществленіе принципы демократической свободы. Еще до образованія самостоятельнаго государства, т.-е. находясь еще подъ властью Англіи, сѣверо-американскіе колонисты,—потомки, между прочимъ, борцовъ за религіозную и политическую свободу въ Англіи XVII в.,—устроили у себя порядки въ духѣ передовыхъ идей первой англійской революціи: въ XVIII столѣтіи многое изъ того, что въ жизни сѣверо-американскихъ колонистовъ имѣло уже очень прочныя основы, т.-е. и широкая религіозная свобода, и отдѣленіе церкви отъ государства, и демократическое народовластіе, и развитое общинное самоуправленіе, находилось даже въ полномъ противорѣчіи съ порядками метрополіи. Каждая изъ этихъ колоній обладала такой автономіей во внутреннихъ дѣлахъ, что составляла какъ бы маленькую республику, несмотря на существованіе въ ней губернатора, представлявшаго собою власть метрополіи. Разрывъ колоній съ послѣднею въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. былъ вызванъ, какъ извѣстно, желаніемъ колонистовъ не поступаться основнымъ принципомъ, въ силу котораго они отрицали за англійскимъ парламентомъ, гдѣ не было ихъ представителей, право устанавливать въ колоніяхъ какіе бы то ни было налоги. Во время своего конфликта съ Англіей колонисты составили нѣсколько декларацій своихъ правъ, по образцу которыхъ была составлена и знаменитая «Декларація правъ человѣка и гражданина» французской революціи, являющаяся въ идейномъ отношеніи отправнымъ пунктомъ всѣхъ политическихъ движеній въ Европѣ съ конца XVIII в.: таковы были декларації 1776 г. штатовъ Виргиніи, Пенсильваніи, Мэриленда, Делавера, Сѣверной Каролины и нѣкоторыя позднѣйшія, равно какъ и общая декларація независимости, принятая конгрессомъ въ томъ же 1776 г. Нѣкоторые штаты удовольствовались старыми королевскими грамотами, дававшими имъ привилегіи, другіе выработали себѣ новыя конституціи, завершеніемъ же этого государственнаго строительства была общая федеральная конституція, приведенная въ дѣйствіе въ годъ начала французской революціи. Извѣстно, какъ велико было впечатлѣніе, которое американская революція произвела на французовъ, видѣвшихъ въ ней

---

[1]) Уч. кн. §§ 215—218 и 337.—Нар.-прав. госуд., гл. VII.

примѣненіе на практикѣ принциповъ ихъ политической философіи XVIII в., т.-е. идей Монтескьё и Руссо, хотя на дѣлѣ американскіе порядки были много старше идеологіи, подготовившей французскую революцію. Новѣйшія изслѣдованія показали, что сама «Декларація правъ человѣка и гражданина» была воспроизведеніемъ не столько идей французской философіи XVIII в., сколько американскихъ «биллей о правахъ» въ родѣ виргинскаго и др., не безъ смягченія параграфа о религіозной свободѣ и не безъ опущенія такихъ свободъ, какъ право собраній или сообществъ.

Первоначальный союзъ состоялъ лишь изъ 13 штатовъ, занимавшихъ довольно узкую полосу на восточномъ берегу Сѣверной Америки между приблизительно 30° и 50° с. ш. Въ 1783 г. Англія вынуждена была уступить новому государству еще территорію такихъ же размѣровъ вплоть до Миссиссипи на з. Уже въ началѣ XIX в. территорія Штатовъ стала расширяться и къ з. отъ названной рѣки путемъ покупокъ у Франціи (Луизіаны и др. въ 1803 г.), у Испаніи (Флориды въ 1819 г.), у Мексики (въ серединѣ XIX в.) и др. способами, такъ что въ серединѣ столѣтія западною границею республики былъ уже Великій океанъ. Кромѣ того, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты купили у Россіи въ 1867 г. ея американскія владѣнія (п-овъ Аляску), а въ самомъ концѣ XIX в. пріобрѣли и нѣкоторыя испанскія колоніи (Филиппинскіе о-ва и др.). Къ XX в. въ союзѣ числилось уже, кромѣ «округа» Колумбіи, 44 штата и 6 «территорій» (какъ называются области съ населеніемъ менѣе 60 тысячъ душъ). Въ 1790 г. населеніе штатовъ опредѣлялось лишь четырьмя милліонами, въ 1800 г. — шестью милліонами, въ началѣ двадцатыхъ годовъ — десятью, въ началѣ шестидесятыхъ—слишкомъ тридцатью, въ 1890 г., черезъ сто лѣтъ послѣ первой переписи, — уже слишкомъ шестьюдесятью милліоновъ. Другими словами, за столѣтіе 1790—1890 гг. населеніе республики возросло въ 15 разъ. Въ числѣ $62^1/_2$ милліоновъ населенія Штатовъ въ 1890 г. насчитывалось болѣе 3 милліоновъ, переселившихся изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, до 2,8 милліоновъ лицъ, родившихся въ Германіи, по сотнямъ и десяткамъ тысячъ эмигрантовъ изъ другихъ странъ, не исключая, напр., и Китая. Эта иммиграція въ Штаты началась приблизительно лишь съ 1820 г. и достигла наибольшей интенсивности въ восьмидесятыхъ годахъ, когда въ Штаты переселилось за десять лѣтъ около пяти милліоновъ человѣкъ.

Въ началѣ XIX в. Соединенные Штаты были страною чисто

земледѣльческою съ относительно слабымъ развитіемъ городовъ, изъ которыхъ самымъ населеннымъ была Филадельфія съ 30 т. жителей, произведенія же обрабатывающей промышленности привозились въ Штаты большею частью изъ Англіи. Къ концу вѣка, наоборотъ, они сдѣлались одною изъ главныхъ индустріальныхъ странъ всего міра, и ихъ торгово-промышленное развитіе стало грозить очень опасною конкурренціей прежней владычицѣ иностранныхъ рынковъ, Англіи, даже всей Европѣ: быстрый экономическій ростъ Соединенныхъ Штатовъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ міровой экономической исторіи новѣйшаго времени. Нигдѣ концентрація производства и капиталовъ не достигла такой высокой степени,—стоитъ только вспомнить американскіе трёсты. Техническій прогрессъ Сѣверной Америки тоже является чѣмъ-то безпримѣрнымъ. Нечего говорить уже о сказочномъ ростѣ американскихъ городовъ, большею частью очень новыхъ и тѣмъ не менѣе насчитывающихъ сотни тысячъ, оставляя въ сторонѣ Нью-Іоркъ съ его 3,5 милліонами, Чикаго съ 1,7 м., Филадельфію съ 1,3 м. (въ 1900 г.) и т. п.

Соотвѣтственно съ этимъ росло и политическое значеніе республики. Сначала Штаты довольствовались ролью наиболѣе значительнаго государства въ Америкѣ. Когда Священный союзъ собирался вмѣшаться въ американскія дѣла, чтобы подавить возстанія въ испанскихъ колоніяхъ, бывшій тогда президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Монроэ провозгласилъ принципъ «Америка для американцевъ», исключавшій какое бы то ни было европейское посягательство на свободу американскихъ государствъ, объявившихъ себя независимыми. Въ шестидесятыхъ годахъ, во время междоусобной войны сѣвера и юга, правительство Штатовъ тоже употребило всѣ усилія, чтобы не допустить европейскаго вмѣшательства, а едва только кончилась война, какъ Штаты потребовали у Наполеона III удаленія его войска изъ Мексики, превращенной имъ въ вассальную имперію. Въ другомъ мѣстѣ уже говорилось о томъ, какъ въ концѣ вѣка Соединенные Штаты вышли изъ своей американской замкнутости на широкую дорогу міровой политики и имперіализма. Во время своего посѣщенія города Санъ-Франциско президентъ Рузевельтъ даже сказалъ, что Великій океанъ долженъ сдѣлаться простымъ американскимъ озеромъ.

Въ исторіи внутреннихъ перемѣнъ не только экономическаго, но и соціально-политическаго характера Сѣверо-Американскіе

Соединенные Штаты достойны занимать мѣсто наряду съ передовыми націями Европы, что сдѣлалось мотивомъ особаго интереса къ Штатамъ въ самой Европѣ. Здѣсь, правда, часто отмѣчали рядомъ съ необычайными успѣхами американцевъ во всякаго рода техникѣ и въ хозяйственной дѣятельности, нерѣдко опережавшихъ европейскія націи, слабое развитіе въ молодой республикѣ всякаго духовнаго творчества въ областяхъ философіи, чистой науки, литературы и искусства, но зато считали прямо нужнымъ учиться у американцевъ въ области политики. Первый примѣръ этого подали французы еще во время великой революціи. Въ тридцатыхъ годахъ, какъ было нами уже упомянуто въ одномъ мѣстѣ, ѣздилъ въ Америку Токвиль, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать, при какихъ условіяхъ возможно сочетаніе наиболѣе широкой политической свободы съ самымъ полнымъ демократическимъ равенствомъ. Во Франціи временъ революціи это сочетаніе не удалось, и демократія привела къ цезаризму, а между тѣмъ вся исторія движется въ сторону демократіи: примѣръ Соединенныхъ Штатовъ показывалъ, что при извѣстныхъ условіяхъ свобода и равенство не только совмѣстимы, но прямо другъ друга дополняютъ и служатъ другъ другу поддержкою и опорой. Въ великой заатлантической республикѣ давно осуществилось многое изъ того, что въ старыхъ европейскихъ націяхъ пока существуетъ, только какъ предметъ желаній передовой части общества, или стало осуществляться гораздо позже. Къ числу такихъ особенностей принадлежитъ, наприм., изначальное разграниченіе политики и религіи, т.-е. отдѣленіе церкви отъ государства, являющееся логическимъ постулатомъ принципа свободы совѣсти. Эта черта—наслѣдіе далекаго прошлаго Штатовъ, и, напр., французской демократіи удалось осуществить у себя такую форму лишь въ началѣ XX столѣтія. Особенно важно то, что въ Соединенныхъ Штатахъ былъ произведенъ первый опытъ большой демократической и федеративной республики, оказавшійся, въ общемъ, удачнымъ: федеральная конституція за исключеніемъ, конечно, англійской, самая старая въ мірѣ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ ея пригодности и прочности. Конечно, и въ Европѣ, и въ самой Америкѣ не закрываютъ глазъ на отрицательныя стороны американскаго политическаго быта, могущія служить предостереженіемъ для другихъ націй; одна изъ этихъ сторонъ—большая политическая сила, какою въ своихъ интересахъ пользуется плутократія, всѣ эти милліардеры, всѣ эти трёсты.

Изъ особенностей сѣверо-американскаго быта, но уже иной категоріи нельзя не отмѣтить слабаго развитія въ Штатахъ соціализма,—явленіе, которое объясняется хорошими условіями труда въ Америкѣ, хотя и здѣсь возникла соціалистическая группа, въ свое время примыкавшая къ Интернаціоналу, только не игравшая замѣтной роли въ политической жизни. Гораздо чаще проявлялъ себя въ Сѣверной Америкѣ анархизмъ, нерѣдко находившій здѣсь въ большомъ количествѣ временныхъ адептовъ среди безработныхъ, совершавшихъ безпорядки. Изъ сѣверо-американскихъ писателей, посвящавшихъ свои труды соціальному вопросу, нельзя не упомянуть, конечно, о Генри Джорджѣ, авторѣ книги «Прогрессъ и бѣдность» (1879), переведенной на многіе языки и доставившей своему автору всемірную извѣстность. Сущность его ученія заключалась въ томъ, что источникомъ соціальныхъ золъ и нищеты рабочихъ является не прибавочная цѣнность, остающаяся въ рукахъ предпринимателей, а земельная рента, откуда Генри Джорджъ выводилъ необходимость «націонализаціи земли», т.-е. присвоенія ея государствомъ при помощи такого поземельнаго налога, который поглощалъ бы всю ренту. Эта идея пріобрѣла многочисленныхъ сторонниковъ не только въ Сѣверной Аиерикѣ, но, наприм., и въ Англіи.

Послѣдовательное изложеніе исторіи Соединенныхъ Штатовъ не можетъ быть нашей задачей: какъ это дѣлалось и по отношенію къ другимъ странамъ, мы остановимся только на самомъ крупномъ событіи въ исторіи Штатовъ, каковымъ является междоусобная война шестидесятыхъ годовъ, тѣсно связанная съ негритянскимъ вопросомъ, котораго у себя не знала старая Европа.

Въ англійскихъ колоніяхъ, легшихъ въ основу Соединенныхъ Штатовъ, существовало рабство негровъ, удержавшееся и послѣ ихъ отложенія отъ метрополіи въ полномъ противорѣчіи съ конституціями отдѣльныхъ штатовъ и всего Союза, основанныхъ на принципахъ индивидуальной свободы и гражданскаго равноправія. Между сѣверными и южными штатами Союза съ самаго начала существовала разница, которая отразилась и на рабствѣ негровъ: на сѣверѣ рабовъ было гораздо меньше, чѣмъ на югѣ, и съ теченіемъ времени число ихъ на сѣверѣ все уменьшалось, такъ что рабство здѣсь постепенно исчезло, тогда какъ на югѣ, наоборотъ, оно все болѣе и болѣе развивалось. Существенная разница между сѣверными и южными штатами заключалась въ томъ, что въ первыхъ преобладало мелкое сельское хозяйство,

на югѣ болѣе крупное плантаціоннаго характера, главнымъ образомъ и нуждавшееся въ трудѣ невольниковъ-негровъ. Кромѣ этого, между Сѣверомъ, гдѣ еще въ концѣ XVIII в. впервые стало проявляться «аболиціонистское» теченіе, требовавшее отмѣны рабства, и Югомъ съ господствовавшими тамъ рабовладѣльческими стремленіями, образовалась разница и политическихъ направленій: въ сѣверныхъ штатахъ бо́льшую силу имѣло направленіе «федералистическое», заключавшееся въ стремленіи къ большему сплоченію союза, къ усиленію федеральной власти, въ южныхъ—противоположное направленіе, т.-е. отстаиваніе большей независимости каждаго штата. На почвѣ этого разногласія возникли въ Соединенныхъ Штатахъ двѣ большія партіи—республиканская и демократическая, первая съ характеромъ федералистическимъ и аболиціонистскимъ, вторая съ характеромъ сепаратистскимъ и рабовладѣльческимъ. Съ расширеніемъ территоріи союза число штатовъ, въ которыхъ не было рабства, значительно превысило число другихъ, у себя его допускавшихъ, и вопросъ о томъ, быть или не быть невольничеству во вновь образовывавшихся штатахъ, равно какъ о существованіи его и въ старыхъ штатахъ, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе острыхъ политическихъ вопросовъ всего союза. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ большое впечатлѣніе не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, произвелъ знаменитый романъ Бичеръ Стоу «Хижина дяди Тома», краснорѣчивый протестъ противъ ужасовъ рабства, тогда же переведенный на разные языки (въ ихъ числѣ и на русскій въ послѣдніе годы существованія у насъ крѣпостного права). Въ этомъ десятилѣтіи аболиціонистское теченіе въ Сѣверной Америкѣ вообще усилилось, особенно когда обнаружилось, что существованіе въ южныхъ штатахъ невольничества сильно тормазило ихъ экономическій ростъ по сравненію съ сѣверными штатами, болѣе населенными и болѣе богатыми.

Рабовладѣльческое настроеніе южанъ въ серединѣ XIX в. достигло своего апогея, и аболиціонизмъ въ южныхъ штатахъ сталъ преслѣдоваться вплоть до нарушенія свободы печати. Президентомъ союза въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ былъ «демократъ» (Пирсъ), при которомъ правительство республики готово было даже воевать съ Испаніей, если бы она вздумала освободить невольниковъ на сосѣднемъ островѣ Кубѣ. Въ 1860 г., одновременно съ началомъ политическаго оживленія въ Европѣ послѣ реакціи пятидесятыхъ годовъ, въ президенты Соединенныхъ Шта-

товъ былъ выбранъ аболиціонистъ Авраамъ Линкольнъ, на что одиннадцать южныхъ штатовъ (изъ тридцати трехъ, составлявшихъ тогда союзъ) отвѣтили отложеніемъ отъ остальныхъ и образованіемъ своей особой федераціи (какъ Зондербундъ 1847 г. въ Швейцаріи). Свой выходъ изъ общаго союза южане рѣшили поддерживать силою и первые начали военныя дѣйствія противъ сѣверянъ, причемъ Англія и Франція признали ихъ воюющею стороною, а первая изъ этихъ двухъ державъ оказывала имъ и тайную помощь присылкою оружія и другихъ военныхъ припасовъ. Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ,—которая велась и на сушѣ, и на морѣ [1]),—продолжалась около четырехъ лѣтъ (1861—1865) и окончилась пораженіемъ южанъ. Побѣдилъ болѣе экономически сильный, болѣе культурно развитой и болѣе политически свободный Сѣверъ, у котораго въ лицѣ Гранта,—впослѣдствіи выбиравшагося на постъ президента,—былъ и болѣе способный полководецъ. Успѣшному веденію дѣлъ южныхъ штатовъ не мало вредили также мѣстные невольники-негры, составлявшіе болѣе трети населенія (около 3,5 милліоновъ изъ 9), и объявленіе Линкольномъ эманципаціи негровъ при этомъ тоже сыграло свою роль. Выбранный въ 1864 г. на новое четырехлѣтіе Линкольнъ былъ вскорѣ послѣ этого убитъ однимъ фанатическимъ южаниномъ, и война окончилась уже при замѣстившемъ его вице-президентѣ Джонсонѣ. По прекращеніи междоусобія, страшно разорившаго южные штаты, послѣдніе были приняты обратно въ составъ союза лишь подъ условіемъ прекращенія рабства негровъ, и конгрессъ тогда же включилъ въ союзную конституцію статью, запрещающую лишать кого-либо правъ на основаніи цвѣта кожи или прежняго невольничества. Этимъ, однако, негритянскій вопросъ не былъ рѣшенъ. Если такъ называемая черная зона, въ которой сосредоточено негритянское населеніе Штатовъ, и не имѣетъ значенія черты еврейской осѣдлости въ Россіи, тѣмъ не менѣе черные продолжаютъ быть паріями общества, для которыхъ даже на трамваяхъ назначаются особые вагоны и дѣти которыхъ не могутъ учиться въ общихъ школахъ съ дѣтьми бѣлыхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ національнаго вопроса въ европейскомъ смыслѣ, но есть вопросъ расовой, и расовая исключительность проявляется въ формахъ еще болѣе грубыхъ,

---

[1]) Эта морская война оказала вліяніе на увеличеніе морскихъ вооруженій: въ ней впервые стали примѣняться броненосцы.

нежели европейскій національнизмъ. Главнымъ образомъ, конечно, негрофобствомъ заражены мѣстности, гдѣ особенно много негровъ.

Послѣ побѣды надъ южанами республиканская партія стояла у власти еще двадцать лѣтъ, и впервые въ президенты былъ выбранъ вождь демократической партіи (Кливлендъ) только въ 1885 г., когда, впрочемъ, лозунги обѣихъ партій уже были совершенно иными, нежели прежде, превратившись изъ политическихъ въ экономическіе въ связи съ индустріальнымъ развитіемъ страны. Именно, республиканцы сдѣлались протекціонистами (и сторонниками золотой валюты, т.-е. монетной единицы въ золотѣ), демократы — защитниками пониженія таможенныхъ пошлинъ (и «биметаллистами», сторонниками двойной, т.-е. золотой и серебряной валюты). Мы уже видѣли, что это была эпоха быстрой индустріализаціи Соединенныхъ Штатовъ и начала въ ней имперіализма. Къ концу XIX в. республиканская партія превратилась въ имперіалистскую въ европейскомъ стилѣ съ протекціонистскими, колоніальными и милитаристскими стремленіями. Она, на подобіе англійскихъ имперіалистовъ, стала добиваться прямо превращенія всей Америки въ одинъ таможенный союзъ, къ чему, однако, романскія республики,—подобно англійскимъ колоніямъ по отношенію къ своей метрополіи,—не обнаружили склонности, да и демократическая партія въ самихъ Штатахъ, какъ представительница аграрныхъ интересовъ, рѣзко высказывалась противъ уничтоженія въ Америкѣ таможенъ между отдѣльными государствами, потому что это было бы крайне невыгодно для сельскаго хозяйства самихъ Штатовъ. Все, о чемъ только-что сказано, находитъ свои аналогіи и параллельныя явленія въ самой Европѣ конца XIX в.: имѣемъ въ виду борьбу аграрныхъ и индустріальныхъ стремленій.

Наконецъ, изъ крупныхъ фактовъ въ исторіи внѣ-европейскихъ англо-саксонскихъ обществъ заслуживаетъ вниманія развитіе англійскихъ колоній въ пятой части свѣта, Австраліи, гдѣ Англіи принадлежатъ весь ея материкъ, южная часть Новой Гвинеи, Тасманія, Новая Зеландія и многочисленные мелкіе острова, составляющіе все остальное въ этой части свѣта. Колонизація австралійскаго материка началась только въ концѣ XVIII в., послѣ того, какъ Австралію посѣтилъ знаменитый англійскій мореплаватель Кукъ, первыми же поселенцами — недалеко отъ теперешняго Сиднея—были сосланные сюда въ 1788 г. изъ Англіи преступники въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. За ними вскорѣ по-

слѣдовали и свободные эмигранты, и мало-по-малу въ серединѣ XIX в. число англійскихъ колонистовъ достигло полумилліона, особенно же быстро оно стало возрастать только къ концу столѣтія, когда на материкѣ Австраліи и на островахъ Тасманіи и Новой Зеландіи уже насчитывалось до 4 милліоновъ жителей. Какъ на самомъ материкѣ, такъ и на островахъ образовалось нѣсколько отдѣльныхъ колоній, или самоуправляющихся областей, въ каждой изъ которыхъ былъ поставленъ особый губернаторъ и возникъ свой парламентъ. Экономическое и политическое развитіе австралійскихъ колоній пошло очень быстро впередъ во второй половинѣ XIX в. Постепенно всѣ эти колоніи организовались, какъ представительныя демократіи, въ основѣ которыхъ были положены принципы народнаго верховенства и гражданскаго равенства, и въ которыхъ были даже осуществлены совсѣмъ новыя, еще нигдѣ раньше не бывшія испытанными начала, въ родѣ, напр., распространенія избирательнаго права на женщинъ. Уже съ середины XIX в. стала обнаруживаться въ австралійскихъ колоніяхъ потребность и въ общихъ для всѣхъ учрежденіяхъ. Сначала мысль объ объединеніи колоній была высказана въ англійскомъ парламентѣ, но колонисты на первыхъ порахъ не хотѣли и слышать объ этомъ, пока среди нихъ самихъ не была сознана необходимость федераціи. Развитіе торговли, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и т. д. создали множество общихъ всѣмъ колоніямъ интересовъ и вызвали къ жизни, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в., цѣлое федеративное движеніе, тѣмъ болѣе, что въ виду развитія въ то время колоніальной политики европейскихъ державъ, въ Австраліи стали бояться захватовъ ими сосѣднихъ острововъ. Въ 1885 г. бо̀льшая часть колоній вошла между собою въ соглашеніе и учредила особый «федеральный совѣтъ Австраліи», сдѣлавшійся первымъ шагомъ къ сплоченію всѣхъ колоній (кромѣ Новой Зеландіи, слишкомъ отдаленной отъ материка) въ федерацію, получившую названіе Соединенныхъ Штатовъ Австраліи, или Австралійской республики (commonwealth). Англійскій парламентъ утвердилъ новый политическій строй Австраліи въ 1900 г., и съ 1 января 1901 г. федеративныя учрежденія новыхъ «Соединенныхъ Штатовъ» начали правильно функціонировать.

XL. Европеизація болѣе отсталыхъ странъ Стараго Свѣта въ XIX в.

Роль западно-европейской цивилизаціи во всемірной исторіи.—Пріобщеніе къ ней Россіи въ XVIII в.—Оцѣнка этого факта славянофилами и западниками.—Международная роль Россіи въ XIX в.—Перенесеніе Россіей европейской культуры въ Азію.—Торжество христіанской Европы надъ мусульманскимъ Востокомъ въ XIX в.—Освобожденіе Россіей христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. — Западныя вліянія во внутреннемъ развитіи Россіи въ XIX в.—Распространеніе европейской культуры въ молодыхъ государствахъ Балканскаго полуострова.—Начало рецепціи конституціоннаго строя старыми абсолютными монархіями.—Быстрая европеизація Японіи въ послѣдней трети XIX в.

Переходимъ отъ Новаго Свѣта опять къ Старому Свѣту, гдѣ, собственно, и началась исторія, получившая міровое значеніе. Ея древнѣйшею сценою была сплошная территорія въ Африкѣ и Азіи отъ Нила до Тигра и Евфрата, постепенно расширявшаяся къ востоку и особенно къ западу, такъ что въ столѣтія, непосредственно предшествовавшія нашей эрѣ, театромъ всемірной—по тому времени—исторіи были области, окружающія Средиземное море, къ которымъ мало-по-малу стали примыкать и другія страны, преимущественно въ Европѣ, лежавшія уже дальше къ сѣверу. Хотя политическимъ центромъ, объединившимъ земли вокругъ Средиземнаго моря въ единую монархію, былъ Римъ, находившійся въ западной части ея обширной территоріи, экономическое и культурное первенство въ Римской имперіи принадлежало все-таки болѣе старой по своей цивилизаціи восточной ея части съ господствовавшимъ въ ней, со временъ Александра Македонскаго, эллинизмомъ. И въ такъ называемые средніе вѣка Востокъ долго сохранялъ свое культурное первенство: въ то время, какъ Западъ подвергся настоящей варваризаціи, Византія продолжала оставаться хранительницей античной цивилизаціи, и было также время, когда выростая на эллинистической почвѣ арабская культура далеко оставляла за собою опустившійся и отсталый романо-германскій Западъ. Къ концу среднихъ вѣковъ картина измѣнилась: Востокъ подвергся варваризаціи подъ властью некультурныхъ турокъ, и, наоборотъ, Западъ сталъ впереди историческаго движенія не только въ Европѣ,

но и во всемъ мірѣ, — принимая въ расчетъ положеніе, какого европейскіе народы достигли въ другихъ частяхъ свѣта, изъ которыхъ двѣ даже открытіемъ своимъ были обязаны европейскимъ народамъ. Тѣмъ же самымъ, чѣмъ въ древности была эллинизація, въ смыслѣ распространенія на всю тогдашнюю «вселенную» высшей культуры, выработанной греками, въ новое время и на болѣе обширной аренѣ сдѣлалась европеизація. Новый Свѣтъ цѣликомъ является созданіемъ этого послѣдняго процесса, совершившаго и въ Старомъ Свѣтѣ въ новое время большія завоеванія. Въ XVIII столѣтіи въ число странъ европейской цивилизаціи вступила почти вся Восточная Европа въ лицѣ Россіи, ставшей потомъ распространительницей этой цивилизаціи въ обширныхъ областяхъ Азіи — въ Сибири, за Кавказомъ, въ Средней Азіи. При участіи же Россіи также совершилось въ XIX в. освобожденіе отъ варварскаго ига европейскихъ народностей Балканскаго полуострова, которыя тотчасъ же пошли въ культурную выучку Западу, какъ это было и съ самой Россіей въ предыдущемъ вѣкѣ. Западно-европейская цивилизація превратилась теперь въ общеевропейскую или даже, если принять въ расчетъ роль Соединенныхъ Штатовъ, европейско-американскую, которой начали подчиняться и другія болѣе отсталыя націи. Въ послѣднемъ отношеніи самымъ замѣчательнымъ историческимъ фактомъ является быстрая европеизація Японіи въ послѣдней трети XIX в.—Въ дальнѣйшемъ мы и бросимъ общій взглядъ на исторію этой европеизаціи въ прошломъ столѣтіи.

Превращеніе полуазіатскаго Московскаго государства («Московіи» иностранцевъ) въ европейскую Россійскую имперію началось два вѣка тому назадъ, и это было крупнымъ фактомъ въ исторіи какъ самой Россіи, такъ и всей Европы. (Аналогичное этому явленіе представляетъ собою и начавшееся полвѣка тому назадъ преобразованіе Японіи въ страну европейскаго культурнаго типа: это—историческія событія одного и того же порядка). Московское государство XVI и XVII вв.,—само, какъ это, собственно, всегда бываетъ, не безъ содѣйствія чужеземныхъ вліяній,—выработало себѣ извѣстную культуру, получившую рѣзко національстическій характеръ, и во имя этой культуры наиболѣе правовѣрные ея носители готовы были отвергать всякія иноземныя новшества, какъ грѣховныя и опасныя для традиціонной самобытности. Съ такимъ же упорнымъ консерватизмомъ по отношенію къ европейской цивилизаціи мы имѣемъ дѣло въ странахъ мусульманскаго Востока и въ Китаѣ съ ихъ вѣковымъ застоемъ, но,

собственно, это все явленія той же категоріи, подъ которую въ цивилизованныхъ націяхъ современной Европы слѣдуетъ подводить всякое націоналистическую исключительность: культурный консерватизмъ всегда принимаетъ націоналистическій характеръ, тогда какъ прогрессивныя стремленія, наоборотъ, обыкновенно отличаются характеромъ гуманитарнаго универсализма, будетъ ли послѣдній имѣть «космополитическій» оттѣнокъ, свойственный XVIII вѣку, или оттѣнокъ «интернаціонализма», какъ это наблюдается въ наше время.

Въ серединѣ XIX в., — о чемъ уже пришлось упомянуть при разсмотрѣніи національныхъ движеній эпохи,—пріобщеніе Россіи къ западно-европейской цивилизаціи нашло у насъ разную оцѣнку въ двухъ общественно-литературныхъ направленіяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ славянофильства и западничества. Для представителей перваго изъ нихъ петровская реформа была ошибочнымъ и бѣдственнымъ сходомъ русской исторіи съ ея истиннаго, самобытнаго пути, тогда какъ ихъ противники видѣли, наоборотъ, въ этой реформѣ вступленіе Россіи на надлежащій и спасительный путь. Разную оцѣнку у славянофиловъ и западниковъ получалъ и путь пріобщенія древней Руси къ историческому міру: въ томъ, что русскіе приняли христіанскую вѣру изъ Византіи, а не изъ Рима, какъ западные славяне, славянофилы усматривали особое преимущество, чѣмъ вносили въ свою философію русской исторіи конфессіональную окраску, среди же западниковъ нашлось мѣсто для выраженія сожалѣнія, что древняя Русь не приняла католицизма или, по крайней мѣрѣ, не вошла раньше въ близкое общеніе съ Западомъ. И «самобытники», и «европейцы»,—какъ можно назвать представителей враждовавшихъ между собою направленій,—искали философскаго обоснованія своихъ теорій, однако, въ обоихъ случаяхъ, на одномъ и томъ же Западѣ. Славянофильская теорія питалась идеями нѣмецкой романтической философіи и въ ея чистомъ видѣ, и въ преображенномъ, какой та приняла въ идеологіи славянскаго возрожденія первой половины XIX в.: умственные верхи русскаго общества къ серединѣ XIX в. настолько европеизировались, что тѣ изъ представителей нашей интеллигенціи, которые выступили во имя самобытности противъ европеизма, сами же брали свои аргументы изъ европейской идеологіи, въ данномъ случаѣ изъ нѣмецкой, ибо въ основѣ славянофильства оказалась такая же чисто націоналистическая идеологія, какую представляютъ собою нѣмецкія

философскія построенія и романтическія фантазіи эпохи реакціи противъ всего французскаго, какъ не свойственнаго духу и традиціямъ нѣмецкаго народа. Западно-европейскій національнизмъ второй половины XIX в., въ эпоху трезвой реальной политики освободился отъ своихъ прежнихъ философскихъ обоснованій и романтическихъ украшеній, но, въ сущности, то же самое произошло и съ русскимъ національнизмомъ конца XIX в., являющимся, во многомъ, тоже лишь своего рода подражаніемъ западнымъ образцамъ.

Исходъ великой сѣверной войны начала XVIII в. сдѣлалъ Россію членомъ европейской международной системы. Съ этого времени Россія начала принимать дѣятельное участіе въ дипломатической и военной исторіи Европы, вступать въ союзы съ европейскими государствами, вмѣшиваться въ европейскія дѣла, расширять свои границы въ западномъ направленіи и вообще пріобрѣтать значеніе очень важнаго фактора европейской международной политики. Присоединеніе Россіи, въ самомъ концѣ XVIII в., къ монархической коалиціи противъ французской революціи было первымъ выступленіемъ Россіи не во имя своихъ такъ или иначе понимаемыхъ интересовъ, а во имя извѣстнаго политическаго принципа, и это нашло потомъ свое продолженіе какъ въ политикѣ Священнаго союза, такъ и въ русскомъ вмѣшательствѣ въ западныя дѣла послѣ революціи 1848 г. Борьба съ Наполеономъ особенно втянула Россію въ событія, совершавшіяся въ международной исторіи Запада, и очень высоко поставила ея престижъ въ глазахъ всего міра. Соглашеніе Александра I съ Наполеономъ въ Тильзитѣ было въ нашей части свѣта раздѣломъ Востока и Запада между Россійскою и Французскою имперіями. Въ 1813 г. русскія войска помогали нѣмцамъ въ ихъ освободительной войнѣ противъ Наполеона, въ 1814 г. совершали торжественное вступленіе въ столицу Франціи. Изъ этой эпохи Россія, вышла увеличенною—всей Финляндіей, Бессарабіей, Царствомъ Польскимъ. То было время наибольшаго внѣшняго могущества Россіи вплоть до крымской войны и время вмѣстѣ съ тѣмъ общей реакціи, обострявшейся послѣ революцій 1820, 1830 и 1848 гг. Международная роль Россіи въ эту эпоху заключалась въ оказываніи помощи реакціоннымъ силамъ. Такую помощь получилъ испанскій абсолютизмъ: уже отложеніе отъ Испаніи американскихъ колоній ставило вопросъ о посылкѣ туда русскихъ войскъ, а когда въ Испаніи вспыхнула революція 1820 г., намѣреніе Александра I

помочь испанскому королю приняло очень рѣшительный характеръ: на веронскомъ конгрессѣ 1822 г. Франція подъ сильнымъ давленіемъ со стороны Россіи вынуждена была взяться за усмиреніе Испаніи. Послѣ взрыва, въ 1830 г., бельгійской революціи готовилась вооруженная помощь и нидерландскому королю, и только вспыхнувшее въ Польшѣ возстаніе помѣшало осуществленію этого плана. Наконецъ, вспомнимъ усмиреніе, въ 1849 г., русскими войсками Венгріи и русское вмѣшательство, тогда же, въ дѣла Германскаго союза для возстановленія въ немъ прежняго порядка вещей. Все это, конечно, не могло располагать общественное мнѣніе Запада въ пользу Россіи, въ которой видѣли, прежде всего, реакціонную силу, грозящую независимости Европы, и въ пятидесятыхъ годахъ, во время происходившей тогда восточной войны, общественное сочувствіе на Западѣ было не на сторонѣ Россіи. Съ этою войною, впрочемъ, окончилось доминирующее положеніе Россіи въ международныхъ отношеніяхъ: отъ нея оно перешло къ Франціи, отъ послѣдней—къ Германіи, и прежній внѣшній престижъ возвращался къ Россіи только на короткое время въ концѣ XIX в.

Послѣ 1815 г. Россія не дѣлала уже никакихъ пріобрѣтеній на Западѣ,—начало имъ было положено почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ ништадтскимъ миромъ, — а послѣ 1849 г. она перестала и вмѣшиваться въ дѣла Западной Европы. Вторая половина XIX в. была эпохой расширенія русскихъ владѣній на Востокѣ, гдѣ въ серединѣ столѣтія она утвердила свою власть на нижнемъ теченіи Амура и въ Закавказьѣ, а съ середины шестидесятыхъ годовъ до середины восьмидесятыхъ пріобрѣла громадную территорію въ Средней Азіи. Во всѣ эти азіатскія страны, покоренныя Россіей, русскіе явились, какъ народъ высшей культуры, подобно, наприм., англичанамъ въ Индіи или Египтѣ, французамъ въ Алжирѣ или Тунисѣ и т. п. Завоеванія всегда сопровождаются жестокостями и угнетеніемъ побѣжденныхъ, но завоеватели высшей культуры все-таки вносятъ новыя начала въ жизнь покоренныхъ народовъ: и въ Средней Азіи,—какъ въ Индіи съ Египтомъ или Алжирѣ съ Тунисомъ,—высшая европейская культура встрѣтилась лицомъ къ лицу съ низшею, съ культурою азіатскаго типа, и европейская цивилизація стала господствовать надъ культурою мусульманскаго происхожленія.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ явленій исторіи Стараго Свѣта со времени появленія и распространенія магометанства, т.-е. съ середины VII в. была борьба между христіанскимъ и мусульман-

скимъ мірами. Въ самомъ же началѣ своей исторіи послѣдній отторгъ отъ христіанскаго міра часть его территоріи въ Азіи, весь сѣверный берегъ Африки, а въ Европѣ часть южной Италіи и Испанію. Крестовые походы съ конца XI по конецъ XIII были только однимъ изъ эпизодовъ борьбы этихъ двухъ міровъ. Въ XIV и XV вв. подъ ударами мусульманъ-турокъ пали христіанскія государства Балканскаго полуострова съ Византійской имперіей во главѣ, а въ XVI турки овладѣли на нѣкоторое время и Венгріей. Только съ конца XVII в. турецкая сила пошла, какъ извѣстно, на ущербъ, а въ XIX в. уже очень большая часть мусульманскаго міра очутилась подъ властью европейскихъ націй.

Въ исторіи христіанско-мусульманскихъ отношеній XIX в. видное мѣсто принадлежало освобожденію отъ турецкой власти христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, въ чемъ очень большую роль играла Россія. Ни одно другое государство не наносило турецкому могуществу такихъ сильныхъ ударовъ, какъ Россія въ XVIII и XIX в., по временамъ даже устанавливавшая надъ Оттоманской имперіей нѣчто въ родѣ своего протектората. Никакія внѣшнія войны Россіи въ XIX в. не были такъ у насъ популярны, какъ войны съ Турціей, и какіе бы политическіе интересы при этомъ ни преслѣдовались, ихъ идейная сторона была освободительная, а не реакціонная. Сначала въ русскомъ покровительствѣ турецкимъ христіанамъ подчеркивался чисто религіозный мотивъ: эти христіане—православные, какъ и сами русскіе; но потомъ сталъ выдвигаться на первый планъ могивъ племенной, принадлежность значительной части турецкихъ христіанъ къ славянскому племени, въ составъ котораго входятъ и русскіе. Освобожденіе грековъ, сербовъ, болгаръ и румыновъ и образованіе ими самостоятельныхъ государствъ произошло при дѣятельномъ участіи Россіи. Славянское возрожденіе въ Австріи и въ Турціи и славянофильство въ Россіи создали взглядъ на Россію, какъ на естественную защитницу и покровительницу славянъ, и такую роль Россія, дѣйствительно, играла, хотя и тутъ далеко не всегда умѣла остерегаться отъ совсѣмъ иной роли, какъ это случилось въ восьмидесятыхъ годахъ въ Болгаріи, ставшей поэтому во враждебныя отношенія къ своей освободительницѣ за ея вмѣшательство во внутреннія болгарскія дѣла. — До своего освобожденія отъ турецкаго ига христіанскія народности Балканскаго полуострова какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи стояли на очень низкомъ уровнѣ, но едва

только произошло ихъ освобожденіе, началось вмѣстѣ съ этимъ и ихъ пріобщеніе къ европейской цивилизаціи (въ Болгаріи при значительномъ русскомъ посредничествѣ).

Выдающемуся международному положенію Россіи, какъ одной изъ великихъ державъ, далеко не соотвѣтствовало ея экономическое и культурное развитіе по сравненію съ болѣе богатыми и просвѣщенными странами Западной Европы: естественная и нормальная эволюція матеріальныхъ и духовныхъ силъ Россіи задерживалась русскимъ соціальнымъ и политическимъ строемъ. Крѣпостное право было у насъ отмѣнено лишь въ 1861 г., послѣ чего только и могло начаться болѣе быстрое развитіе экономическихъ силъ Россіи, а абсолютизмъ продолжалъ господствовать въ теченіе всего XIX в. до начала текущаго столѣтія, когда и у насъ начался переходъ къ конституціонному строю. Тѣмъ не менѣе и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ Россія, конечно, не могла не идти впередъ, особенно съ шестидесятыхъ годовъ, этой «эпохи великихъ реформъ», съ паденія крѣпостного права, начала общественной самодѣятельности и смягченія полицейскаго режима.

Крѣпостное право, являвшееся однимъ изъ устоевъ русской дореформенной государственности,—несправедливости и вреда котораго нельзя было касаться въ печати,—было главнымъ тормазомъ экономическаго развитія Россіи. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что отмѣна у насъ этого права была произведена—и въ принципіальной, и въ техническихъ ея сторонахъ—по европейскимъ образцамъ, да и самая мысль объ освобожденіи крестьянъ получила впервые болѣе широкое распространеніе въ эпоху того либеральнаго направленія, которое возникло въ русскомъ обществѣ первой четверти XIX в., притомъ также подъ вліяніемъ западныхъ политическихъ идей. Въ общемъ, русская крестьянская реформа есть лишь одинъ изъ эпизодовъ общеевропейской ликвидаціи въ XIX в. соціальнаго феодализма. Въ шестидесятыхъ годахъ, когда это произошло, въ политической экономіи на Западѣ господствовало манчестерско-либеральное направленіе, которое нашло представителей и въ Россіи, и сама экономическая политика правительства вдохновлялась примѣрами того, что въ этомъ отношеніи дѣлалось на Западѣ. Съ этого, именно, времени началось въ Россіи основаніе фабрикъ, акціонерныхъ компаній, банковъ, потомъ усиленное желѣзно-дорожное строительство, однимъ словомъ, развитіе капитализма. Иначе говоря, въ

Россіи повторилось то, что нѣсколько раньше происходило, наприм., въ Германіи. Часть русской интеллигенціи, находившаяся подъ вліяніемъ западнаго соціализма, несочувственно отнеслась къ начавшемуся образованію буржуазіи и пролетаризаціи народной массы, исходя изъ той мысли, что существованіе въ Россіи общиннаго землевладѣнія, артелей и кустарныхъ промысловъ могло бы лечь въ основу перехода Россіи къ болѣе справедливому соціально-экономическому устройству, минуя западно-буржуазную стадію капитализма. Эта вѣра въ самобытность экономической эволюціи Россіи лишь внѣшнимъ образомъ напоминаетъ славянофильское ученіе о превосходствѣ Россіи передъ «гнилымъ Западомъ»: основная идея этой вѣры коренилась въ стремленіяхъ западнаго соціализма въ примѣненіи его къ Россіи. Семидесятые годы были эпохою наибольшей распространенности убѣжденія въ томъ, что русская экономическая эволюція можетъ вовсе не быть повтореніемъ эволюціи западно-европейской. Дѣйствительность не оправдала этого предположенія, и въ девяностыхъ годахъ, когда и на Западѣ марксизмъ получилъ наибольшее распространеніе, у насъ тоже усиленно стали доказывать, что Россія въ своемъ экономическомъ развитіи не можетъ идти какимъ-либо инымъ путемъ, нежели тотъ, на который раньше Россіи вступилъ европейскій Западъ.

Культурное развитіе Россіи также совершалось подъ сильнымъ западнымъ вліяніемъ. Въ началѣ XIX в. на русское общество оказывали наибольшее вліяніе французы, что было только продолженіемъ отношеній, характеризующихъ XVIII вѣкъ: міросозерцаніе декабристовъ отражало на себѣ преимущественно французскія идеи, какъ позднѣе изъ Франціи же впервые проникли въ русское общество новыя соціальныя ученія, въ особенности, наприм., фурьеризмъ. Нѣмецкое вліяніе сказалось на русскомъ романтизмѣ, а въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ повсемѣстно въ то время модная философія Гегеля и въ Россіи имѣла адептовъ, какъ позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, у насъ сильно распространился и нѣмецкій матеріализмъ. Англійское вліяніе относится уже къ эпохѣ обновленія русской жизни, когда сразу стали появляться русскіе переводы Бокля, Дарвина, Льюиса, Милля, Спенсера и др. Съ облегченіемъ бывшаго прежде крайне тягостнымъ цензурнаго гнета и съ предоставленіемъ большей свободы университетскому преподаванію, западное вліяніе на умственную жизнь русскаго общества только усилилось,

чему немало способствовало и снятіе прежнихъ стѣсненій съ заграничныхъ путешествій. Усиленіе западныхъ культурныхъ вліяній не только не убило самостоятельности духовнаго творчества русскихъ писателей и ученыхъ, но, наоборотъ, содѣйствовало болѣе свободному и полному проявленію умственныхъ силъ націи. Времена подражательности и ученичества все болѣе стали отходить въ прошлое, и лучшимъ продуктомъ русскаго національнаго генія въ XIX в. была, внѣ всякаго сомнѣнія, наша литература. Она, слѣдуя въ своемъ развитіи Западу, пережила свои эпохи и ложно-классицизма, и сентиментализма, и романтизма, пока не стала на собственныя ноги и не выдвинула цѣлаго ряда великихъ писателей, которыхъ и Европа, познакомившись съ ними, оцѣнила и полюбила: русская литература XIX в., это — то, что можетъ служить предметомъ національной гордости, главнымъ титуломъ на право причислять себя къ «настоящимъ европейцамъ». Одна всемірная слава Льва Толстого представляетъ собою дань уваженія по отношенію къ русской литературѣ со стороны цивилизованныхъ націй и Стараго и Новаго Свѣта. Русское искусство и русская наука тоже стали создавать произведенія въ уровень съ западно-европейскими. Отмѣтимъ, наконецъ, что и все философское мышленіе въ Россіи развивалось подъ постояннымъ воздѣйствіемъ со стороны Западной Европы: въ разныя эпохи у насъ были въ ходу идеи и Шеллинга, и Гегеля, и Фейербаха, и Бюхнера, и Конта, и Спенсера вплоть до неокантіанства, эмпиріокритицизма и экономическаго матеріализма.

Наконецъ, и на политическихъ движеніяхъ, происходившихъ въ Россіи, также отражалось вліяніе Запада. Въ области государственнаго устройства и управленія европеизація Россіи началась еще въ XVIII в. по образцамъ вообще тогдашняго полицейскаго государства, но въ XVIII же вѣкѣ обнаружились и первыя стремленія къ политической реформѣ. Александръ I, оставившій въ Финляндіи шведскую конституцію и давшій конституцію Царству Польскому, предполагалъ даровать представителство и всей Россіи, въ то время какъ Сперанскій тоже составлялъ свои конституціонные планы. Либеральные принципы широко распространились тогда въ образованномъ обществѣ, особенно послѣ того, какъ русскіе офицеры познакомились во время заграничныхъ походовъ съ западною жизнью. Въ своемъ мѣстѣ, когда рѣчь шла объ европейскихъ событіяхъ двадцатыхъ годовъ, у насъ

было уже отмѣчено, что все движеніе декабристовъ происходило подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей и событій. Французская политическая литература (наприм., сочиненія Бенжамена Констана) была извѣстна и русскимъ либераламъ, а изъ примѣровъ завоеванія конституціи наиболѣе среди будущихъ декабристовъ была популярна испанская революція 1820 г. Заговоръ декабристовъ былъ первымъ настоящимъ политическимъ движеніемъ въ Россіи, имѣвшимъ европейскій обликъ, тогда какъ XVIII вѣкъ зналъ только дворцовые перевороты, какихъ немало насчитывала исторія, наприм., Константинополя и въ греческія, и въ турецкія времена.

Декабристы были побѣждены, и тридцатилѣтнее царствованіе Николая I было эпохой сплошной реакціи, кое-чему учившейся у реакціи западно-европейской (особенно въ ея прусской разновидности), причемъ главными лозунгами указанной эпохи были «самодержавіе, православіе и народность». Въ царствованіе Николая I Западная Европа пережила два революціонныхъ года: 1830 и 1848, изъ которыхъ первый ознаменовался для Россіи революціей въ Царствѣ Польскомъ, лишившемся за это своей конституціи. Полицейско-бюрократическій режимъ въ эпоху реакціи былъ, въ сущности, тоже европейскій, но европейскій въ духѣ XVIII в., какой былъ и въ Австріи, и въ Пруссіи первой половины XIX столѣтія. Сначала въ Россіи не было еще того конфессіонально-національстическаго направленія, которое возобладало, когда въ оффиціальную формулу были включены «православіе» и «народность», нашедшія потомъ примѣненіе и въ двукратномъ обращеніи уніатовъ въ православіе (въ тридцатыхъ и въ семидесятыхъ годахъ), и въ обрусеніи инородцевъ, въ числѣ которыхъ оказались даже малороссы. Въ это тяжелое время сами славянофилы были на подозрѣніи и въ немилости за свое отрицательное отношеніе къ «петербургскому періоду» русской исторіи, западники же вынуждены были хранить про себя свои либеральныя или соціалистическія мысли, за обнаруженіе которыхъ можно было сильно поплатиться, какъ это случилось въ исторіи «петрашевцевъ».

Война 1853—1856 гг. показала всю несостоятельность господствовавшей системы, но очень трудно сказать, какой оборотъ приняли бы дѣла въ Россіи, если бы и въ западно-европейской исторіи въ 1859 г. не произошло перелома, т.-е. если бы реакція пятидесятыхъ годовъ продолжала еще царить на Западѣ и въ

слѣдующемъ десятилѣтіи не началось и тамъ общаго внутренняго оживленія, которое, конечно, не могло пройти безслѣдно для Россіи. Реформы Александра II знаменовали собою разрывъ съ россійскою самобытностью, на самомъ дѣлѣ заключавшею въ себѣ немало реакціонныхъ заимствованій съ Запада, знаменовали прямой поворотъ къ прогрессивнымъ началамъ западно-европейской жизни, каковыми являлись освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной неволи, участіе общественныхъ элементовъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, гласный судъ съ защитниками и присяжными засѣдателями, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, автономія высшей школы и пр. и пр. Какъ только власть дала немножко легче вздохнуть русскому обществу, прежнее западничество сразу расцвѣло, оставивъ въ совершенной тѣни славянофиловъ, причемъ само оно немедленно же распалось на несходныя между собою направленія, отразившія на себѣ современныя имъ западныя направленія отъ аристократическаго или буржуазнаго либерализма до только-что начавшаго оживать соціализма. Общественное движеніе, въ европейскомъ значеніи слова, воскресло теперь послѣ цѣлыхъ десятилѣтій застоя, и, какъ въ 1815—1825 гг., отразило на себѣ идеи, настроенія и стремленія общественныхъ движеній, происходившихъ на Западѣ. Шестидесятые годы снова сблизили русскую жизнь съ европейскою, и всѣмъ усиліямъ реакціи подъ знаменемъ національной самобытности (съ восьмидесятыхъ годовъ) не удалось возвратить Россію къ дореформеннымъ временамъ, какъ обильно ни сыпались на страну такъ называемыя «реформы наоборотъ».

Въ шестидесятыхъ годахъ вся Западная Европа уже перешла къ конституціонному строю, внѣ котораго Россія продолжала существовать еще около полувѣка, наравнѣ съ Турціей и азіатскими государствами. Европеизація Россіи не могла не сопровождаться и въ этомъ періодѣ конституціонными стремленіями, возродившимися въ шестидесятыхъ годахъ, впервые послѣ декабрьскаго разгрома 1825 г. Особенностью политическаго движенія въ Россіи послѣднихъ десятилѣтій XIX в. было то, что оно приняло соціалистическій характеръ, но самъ соціализмъ почти до самаго конца вѣка оставался исключительно интеллигентскимъ, т.-е. не проникалъ въ народныя массы (хотя попытки его распространенія и дѣлались, сначала, главнымъ образомъ, въ крестьянской средѣ). Начало знакомства съ западно-европейскимъ соціализмомъ относится у насъ къ сороковымъ годамъ, когда въ западническихъ

интеллигентныхъ кружкахъ зачитывались сочиненіями Фурье, Луи Блана, Кабе и т. п. Изъ этихъ же кружковъ вышли и первые русскіе политическіе эмигранты на Западѣ—Герценъ и Бакунинъ, положившіе начало русской заграничной политической печати. Изъ тѣхъ же Фурье и Луи Блана съ придачею Оуэна почерпнулъ свои основныя идеи и Чернышевскій, пропагандировавшій ихъ, насколько это оказывалось возможнымъ при измѣнившихся къ лучшему цензурныхъ условіяхъ, на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Съ идеями Маркса и Лассаля въ Россіи стали знакомиться лишь позднѣе, уже на грани шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, но этотъ чисто пролетарскій соціализмъ на русской почвѣ получалъ «народническое» истолкованіе: то, что Марксъ или Лассаль говорили о рабочемъ классѣ, четвертомъ сословіи, пролетаріатѣ, примѣнялось у насъ къ крестьянству. Только въ восьмидесятыхъ годахъ, да и то сначала за границей возникъ русскій марксизмъ, который въ самой Россіи пріобрѣлъ распространеніе лишь въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в. Такимъ образомъ, марксистская волна, вездѣ поднявшаяся къ концу столѣтія, захватила и Россію, гдѣ въ 1898 г. также образовалась соціалъ-демократическая партія по образцу германской. Въ это время соціализмъ сталъ проникать, какъ и на Западѣ, въ рабочій классъ, въ которомъ въ послѣдніе полтора десятка лѣтъ началось и стачечное движеніе западно-европейскаго характера. Наконецъ, и вообще въ русскомъ революціонномъ движеніи, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, находили свое отраженіе многія идеи и пріемы борьбы, бывшіе тогда же или нѣсколько раньше въ ходу у западно-европейскихъ революціонеровъ,—проявлялись, наприм., основныя черты и анархизма («бунтари» въ духѣ Бакунина), и слабо видоизмѣненнаго бланкизма или якобинизма (ткачевцы) и т. п., вплоть до терроризма. Убіеніе террористами Александра II 1 марта 1881 г. было исходнымъ пунктомъ сильной политической и общественной реакціи, принявшей тогда рѣзко національстическій характеръ—противъ всѣхъ западно-европейскихъ вліяній, хотя, съ другой стороны, дѣло и тутъ не обходилось безъ слѣдованія западнымъ же примѣрамъ (наприм., въ антисемитизмѣ).

Въ исторію XIX в. Россія вступила, какъ-никакъ, въ качествѣ страны, уже давно начавшей испытывать на себѣ вліяніе западно-европейской цивилизаціи. Другое дѣло—христіанскія народности Балканскаго полуострова, которыя были задавлены совершенно азіатскимъ режимомъ Турціи и не могли подъ гнетомъ этого

режима развиваться ни культурно, ни экономически. Еще въ греческой націи, бывшей болѣе культурною, нежели валахи, молдаване, сербы и болгары, наблюдалось извѣстное образованіе, и въ ея средѣ ранѣе, чѣмъ у другихъ угнетенныхъ турками народовъ, началось освободительное движеніе,—въ возникновеніи котораго нѣкоторую роль съиграла надежда на помощь со стороны французской революціи. Греческое возстаніе противъ турецкаго ига произошло одновременно съ южно-романскими революціями, но, конечно, между нимъ и ими было мало общаго. Извѣстно, что общественное мнѣніе Европы взяло дѣло грековъ подъ свое покровительство, и что въ русскомъ заступничествѣ за него приняли оффиціальное участіе Англія и Франція. Въ освобожденной отъ турокъ Греціи, королемъ которой сдѣлался баварскій принцъ, началось соперничество русскихъ, французскихъ и англійскихъ дипломатовъ, и послѣ довольно долгой внутренней борьбы новое королевство получило конституцію по образцу тогдашнихъ французской и бельгійской. Это произошло въ 1844 г., хотя вопросъ о конституціонномъ строѣ поднимался еще въ двадцатыхъ годахъ (когда даже вырабатывалась республиканская конституція). Когда въ 1862 г. король Оттонъ былъ низложенъ народной революціей, и въ преемники ему въ слѣдующемъ году былъ выбранъ датскій принцъ Георгъ, конституція 1844 г. подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ, Греческое королевство еще въ первой половинѣ XIX в. сдѣлалось конституціоннымъ государствомъ. Одновременно съ политическимъ возрожденіемъ Греціи началось и культурное ея возрожденіе: въ Аѳинахъ былъ основанъ университетъ по образцу германскихъ, греческіе писатели начали писать въ духѣ современныхъ западныхъ писателей (наприм., Байрона) или переводить ихъ произведенія на греческій языкъ и т. п. Позднѣе въ Греціи возникъ и соціализмъ, на которомъ сказалось преимущественно французское вліяніе.

Европеизація Румыніи, образовавшейся въ 1859 г. изъ «дунайскихъ княжествъ» Молдавіи и Валахіи сдѣлалась особенно замѣтною съ середины XIX в. Въ обоихъ вассальныхъ княжествахъ Турецкой имперіи,—пользовавшихся автономіей, благодаря, главнымъ образомъ Россіи, — съ 1831 г. дѣйствовалъ, въ качествѣ основного закона, такъ называемый органическій статутъ, утвержденный русскимъ правительствомъ, но въ 1848 г. подъ вліяніемъ событій, происходившихъ въ Западной Европѣ, и въ Молдавіи съ Валахіей произошли революціонныя волненія, причемъ въ первой

господарю было предъявлено требованіе ввести новую конституцію, проектъ каковой былъ составленъ мѣстными либералами, а во второй новая конституція была даже провозглашена, и господарь былъ вынужденъ отречься отъ власти. Вступленіе въ Молдавію русской арміи, а затѣмъ и въ Валахію, въ которую, съ другой стороны, вступило и турецкое войско, положило конецъ этой революціи. Въ пятидесятыхъ годахъ оба княжества взяла подъ особое свое покровительство Франція, уже въ 1855 г. поставившая-было вопросъ о соединеніи ихъ въ одно государство. Послѣднее произошло только въ 1859 г. подъ властью національнаго князя (Александра Кузы), учредившаго въ Румыніи палату депутатовъ и сенатъ и произведшаго освобожденіе крестьянъ отъ барщины съ надѣленіемъ ихъ землею. Когда противъ него въ 1866 г. составился заговоръ, заставившій его отречься отъ власти, палаты избрали ему въ преемники нѣмецкаго принца Карла изъ фамиліи Гогенцоллернонъ. Вмѣстѣ съ этимъ была введена въ Румыніи новая конституція съ куріальной системой выборовъ. Послѣ восточной войны 1877—1878 гг., въ которой приняла участіе и Румынія, берлинскій конгрессъ объявилъ ея независимость, причемъ ей было поставлено условіе ввести въ конституцію 1866 г. статью объ установленіи въ странѣ политическаго равноправія для всѣхъ національностей и религій. Въ концѣ XIX в. Румынія,—съ 1881 г. королевство,—стала сильно подниматься какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Извѣстно, что въ этой странѣ письменность до XVI в. была только на славянскомъ языкѣ, и что лишь въ XVII в. румынскій языкъ былъ введенъ въ богослуженіе. Даже въ началѣ XIX в. языкомъ румынской знати былъ греческій, кромѣ котораго было распространено знаніе и французскаго, благодаря, между прочимъ, тому, что въ дунайскихъ княжествахъ поселилось не мало французскихъ эмигрантовъ. Національное возрожденіе австрійскихъ славянъ черезъ трансильванскихъ румыновъ возбудило аналогичное движеніе и въ обоихъ княжествахъ. Образованные румыны стали писать на родномъ языкѣ, переводить на него Гёте, Шиллера, Байрона, Виктора Гюго и вообще пересаживать западное знаніе на родную почву, чему весьма способствовалъ обычай ѣздить для высшаго образованія за границу, особенно въ другія романскія страны. Царствованіе въ странѣ германскаго принца, сближеніе ея въ восьмидесятыхъ годахъ съ тройственнымъ союзомъ, непосредственное сосѣдство съ Австріей—имѣли слѣдствіемъ усиленіе

въ Румыніи къ концу вѣка и нѣмецкаго вліянія. Наприм., румынскій соціализмъ находится подъ вліяніемъ соціализма австрійскаго.

Сербія также подверглась въ XIX в. европеизаціи. Какъ греки и румыны, сербы добились въ извѣстной части заселенной ими территоріи автономнаго существованія, благодаря Россіи, которая, въ силу сходству сербскаго и русскаго языковъ, могла оказывать на нихъ и культурное вліяніе, сосѣдство же съ Австріей создавало условія, благопріятныя и для австрійскаго, т.-е. нѣмецкаго вліянія. Политическая исторія Сербіи была довольно бурною, и уже въ серединѣ тридцатыхъ годовъ результатомъ одного возстанія была выработка органическаго устава, нѣсколько ограничившаго власть князя и создававшаго кое-какія гарантіи правъ личности. И въ качествѣ вассальнаго княжества и какъ самостоятельное княжество (съ 1878 г.), а затѣмъ королевство (съ 1882 г.), Сербія не разъ мѣняла свои конституціи. Первая изъ нихъ, приближенная къ европейскому типу, была введена въ странѣ въ 1869 г. Если мы примемъ въ расчетъ передѣлку въ 1864 г. греческой конституціи и въ 1866 г. румынской, то можемъ сказать, что и для Балканскаго полуострова шестидесятые годы имѣли такое же значеніе, какъ и для Западной Европы по отношенію къ конституціоннымъ перемѣнамъ. Въ 1889 г. эта сербская конституція, по которой треть «скупщины» (палаты депутатовъ) назначалась княземъ, была замѣнена другою, отмѣнявшею назначаемыхъ короною членовъ скупщины и вводившею отвѣтственность министровъ передъ скупщиной, но въ 1894 г. снова была возстановлена конституція 1869 г. Вообще въ балканскихъ государствахъ конституціонный строй прививался плохо и дѣйствовалъ слабо, но и вся европеизація ихъ происходила во многихъ отношеніяхъ крайне недостаточно, что, впрочемъ, вполнѣ понятно для странъ, еще такъ недавно испытывавшихъ на себѣ азіатскій режимъ турокъ. Больше, чѣмъ въ политической жизни, сдѣлали успѣховъ сербы въ своей національной культурѣ, все болѣе и болѣе принимающей европейскій характеръ. Какъ въ политической жизни страны велась борьба между руссофильской и австрофильской партіями, такъ и въ области духовной культуры Сербіи скрещивались русское и австрійское вліянія. Самый соціализмъ въ Сербіи складывался также подъ этимъ двойственнымъ вліяніемъ.

Послѣднею страною на Балканскомъ полуостровѣ, подверг-

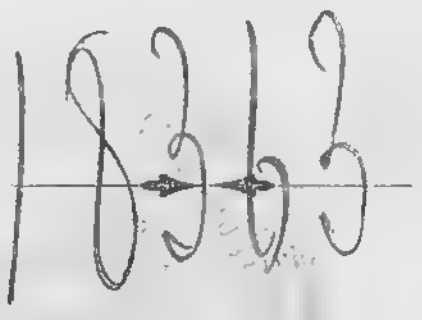
шеюся европеизаціи въ XIX в., была Болгарія, притомъ подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ. Возрожденіе болгарскаго національнаго самосознанія началось только въ эпоху адріанопольскаго мира. Лишь въ семидесятыхъ годахъ съ созданіемъ особаго экзархата возникла болгарская національная церковь. Наконецъ, только русско-турецкая война 1777—1878 гг. освободила большую часть болгарской территоріи отъ непосредственной власти турокъ, задерживавшей въ Болгаріи всякое развитіе. Съ шестидесятыхъ годовъ болгарская молодежь хлынула учиться въ западные и особенно въ русскіе университеты, находя въ послѣднихъ поддержку со стороны славянскихъ благотворительныхъ обществъ и въ то же время нерѣдко воспринимая здѣсь соціалистическія идеи. Созданная санъ-стефанскимъ миромъ Болгарія, урѣзанная на берлинскомъ конгрессѣ и снова увеличенная въ 1885 г. переворотомъ, присоединившимъ къ ней Восточную Румелію, въ самомъ же началѣ своего существованія, какъ автономнаго княжества въ вассальной зависимости отъ Турціи, получила конституцію, проектъ которой былъ составленъ русскимъ правительствомъ, но значительно измѣненъ первымъ болгарскимъ народнымъ собраніемъ 1879 г., въ смыслѣ бо́льшаго ограниченія княжеской власти. Освобожденная Россіей Болгарія также превратилась въ конституціонную монархію. Послѣ этого при старомъ режимѣ на Балканскомъ полуостровѣ оставались до начала XX в. только Турція и Черногорія.

Конституціонный строй въ XIX в. сдѣлался вообще однимъ изъ главныхъ признаковъ европеизма. Въ самомъ началѣ этой книги мы говорили, что введеніе конституціоннаго строя въ разныя страны является наиболѣе важною стороною ихъ внутренней политической исторіи, и европеизація балканскихъ націй сопровождалась, именно, введеніемъ въ нихъ конституціонныхъ учрежденій. Пусть это былъ часто лишь лжеконституціонализмъ, дѣло заключалось въ торжествѣ принципа. Къ началу XX в. торжество его проявилось въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ новымъ политическимъ строемъ въ лицѣ старыхъ большихъ монархій, крѣпко державшихся абсолютизма. Конституціи въ Россіи, въ Персіи, въ Турціи и обѣщаніе конституціи, въ недалекомъ будущемъ, въ Китаѣ составляютъ самые крупные историческіе факты начала XIX в. Введеніемъ конституціи завершилась двухвѣковая европеизація Россіи, для странъ же азіатскаго культурнаго типа, каковы Турція, Персія, Китай, это — является нача-

ломъ европеизаціи. Одно изъ государствъ Азіи даже еще раньше этого сдѣлало шагъ въ данномъ направленіи и въ короткое время до стигло блестящихъ результатовъ.

Видя превосходство надъ собою европейской цивилизаціи, отставшіе отъ нея въ своемъ развитіи народы Востока уже изъ-за одного самосохраненія все сильнѣе и сильнѣе стали чувствовать необходимость заимствованія у европейцевъ ихъ технических изобрѣтеній и прикладныхъ знаній, причемъ передовые люди этихъ народовъ начали приходить къ сознанію и вообще превосходства европейской цивилизаціи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно крупные успѣхи сдѣлала во второй половинѣ XIX в. Японія, гдѣ въ настоящее время происходитъ быстрое экономическое и культурное развитіе европейскаго типа. Еще въ серединѣ XVI в. въ эту страну проникли европейскіе миссіонеры изъ іезуитовъ, но въ XVII столѣтіи противъ христіанства въ ней было поднято гоненіе, и съ этого же времени японское правительство вплоть до середины XIX в. всячески препятствовало какому бы то ни было сближенію своихъ подданныхъ съ европейцами, пока, по примѣру Китая, и Японія не была вынуждена вступить въ дѣятельныя торговыя сношенія съ иностранцами (раньше всего, въ 1853 г. съ Сѣверо-Американскими Штатами). На первыхъ порахъ японцы относились къ европейцамъ крайне враждебно, и даже самъ политическій переворотъ, съ котораго начинается новѣйшая исторія Японіи, совершился отчасти подъ вліяніемъ вражды населенія къ иностранцамъ, которымъ правительство дѣлало уступки. Дѣло въ томъ, что въ Японіи еще съ XII в. власть императора (микадо) сдѣлалась чисто номинальною, всѣ же ея права перешли къ такъ называемому сіогуну, фактическому правителю, дѣлившемуся властью еще съ наслѣдственными феодальными князьями, даймiосами. Въ 1868 г. микадо Мутсу-Хито, опираясь на народное недовольство, возстановилъ императорскую власть и положилъ конецъ феодализму, но вмѣсто того, чтобы опять закрыть доступъ въ страну для европейцевъ, новое правительство немедленно приступило къ реформамъ во всѣхъ сферахъ жизни, пользуясь европейскими образцами. Въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій въ обновлявшейся Японіи дѣйствовалъ своего рода просвѣщенный абсолютизмъ, пока въ 1889 г. микадо не провозгласилъ составленную по прусскому образцу конституцію, въ слѣдующемъ же году вступившую въ дѣйствіе. Для болѣе успѣшнаго хода преобразованій японское правительство

охотно приглашало къ себѣ на службу изъ Европы и Америки спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія и техники, основывало школы по европейскому типу и поощряло заграничныя поѣздки съ образовательными цѣлями. Участіе японцевъ, на ряду съ европейцами, въ усмиреніи китайскихъ смутъ 1900—1901 гг. было какъ бы признаніемъ за молодой націей равенства со стороны старыхъ цивилизованныхъ народовъ, что̀ выразилось также въ отмѣнѣ ими по отношенію къ Японіи общаго правила, по которому на всемъ Востокѣ европейцы подчиняются суду своихъ консуловъ, а не туземнымъ судамъ. Характернымъ фактомъ въ новѣйшей исторіи Японіи является и то, что около 1900 г. въ этой странѣ появились первые соціалисты, — между прочимъ, протестовавшіе противъ войны съ Россіей, вспыхнувшей въ 1904 г. Вообще начало развитія въ Японіи капитализма можетъ разсматриваться, какъ условіе, которое и этой далекой странѣ дастъ испытать на себѣ вліяніе соціальнаго движенія, повсемѣстно происходящаго въ современной Европѣ.



ПРИЛОЖЕНІЕ.

Для тѣхъ читателей, которые желали бы прослѣдить исторію какой-либо отдѣльной страны по моей учебной книгѣ или по „Исторіи Западной Европы“, даются здѣсь необходимыя для этого указанія въ нижеслѣдующемъ перечнѣ.

Австрія. Уч. кн., §§ 258, 261, 269, 305, 309, 313, 326 и 333.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 2 и 16. — Т. V, гл. 8, 17, 18, 21—23 и 28. — Т. VI, ч. 1, гл. 1, 11 и 19.

Англія. Уч. кн. §§ 287—290, 315 и 336.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 20 и 21.—Т. V, гл. 4, 5, 10, 11 и 29.—Т. VI, ч. 1, гл. 1. 9 и 17.

Бельгія. Уч. кн., §§ 260, 261 и 291.

Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 3.—Т. VI, ч. 1, гл. 21.

Германія. Уч. кн., §§ 257, 258, 261, 266, 269, 275—280, 304, 311, 312, 325, 328—331 и 333.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 9, 11 и 16. — Т. V, гл. 3, 8, 15, 16, 21, 22 и 28.—Т. VI, ч. 1, гл. 1, 3, 7, 8 и 15.

Голландія. Уч. кн., §§ 260, 261 и 291.

Ист. Зап. Евр., т. V, гл. 3.—Т. VI, ч. 1, гл. 21.

Испанія. Уч. кн., §§ 264, 272 и 335.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 9 и 15.—Т. VI, ч. 1, гл. 1 и 21.

Италія. Уч. кн.. §§ 257, 269, 272, 291, 314, 324.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 15. — Т. V, гл. 3, 18, 23 и 27. — Т. VI, ч. 1, гл. 1, 10 и 18.

Португалія. Уч. кн., §§ 259 и 272.

Ист. Зап. Евр.. т. IV, гл. 3.—Т. VI, ч. 1, гл. 21.

Пруссія. Уч. кн., §§ 262, 263, 293, 294, 306, 310, 326—331 и 333.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 10 и 16.—Т. V, гл. 8, 18, 21, 22 и 28.—Т. VI, ч. 1, гл. 1, 3, 7, 8 и 15.

Франція. Уч. кн., §§ 252—255, 281—286, 294—303, 334 и 335.

Ист. Зап. Евр., т. IV, гл. 3, 5, 6, 7, 11, 17, 18, 19. — Т. V, гл. 2, 5, 6, 12, 13, 14, 19, 20, 24 и 26.—Т. VI, ч. 1, гл. 1, 3, 5, 6 и 16.

18363.

M 19